

Л.Я. Дятченко

**КЛАССЫ
И СОБСТВЕННОСТЬ:
господство и угнетение,
неравенство и болезни**

Белгород, 2016

ББК 60.561.21

Д 99

Д 99 Дятченко, Леонид Яковлевич.

Классы и собственность: господство и угнетение неравенство и болезни. / Л.Я. Дятченко. – Белгород: Белгородская областная типография, 2016. – 752 с.

ББК 60.561.21

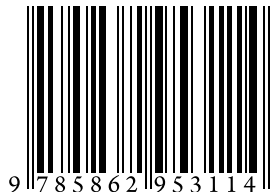
Монография посвящена исследованию малоизученной проблемы состояния социально-классовой структуры современного российского общества и отношений собственности.

Изложение материала автор выстраивает с учётом исторических, философских и социально-технологических аспектов описания тринадцати классов, действующих сегодня в России. Некоторые из них, как и сопутствующие им отдельные явления, впервые попадают в социологический оборот и показываются в контексте противоречивого и эксклюзивного характера развития нашего государства, в котором дважды за столетие радикально поменялось общественное устройство. Всё это окрашивается специфическими отношениями собственности, которые раскрываются через эксплуатацию, господство, угнетение и социальные болезни, приводящие к социальному неравенству и порождающие нарастающие проблемы включенности нашей страны в глобальные цивилизационные процессы.

На конкретных примерах проанализировано становление и внедрение социальных технологий как наиболее эффективной и рациональной формы жизнедеятельности человека и общества.

Книга рекомендуется научным работникам, преподавателям, докторантам, аспирантам и студентам, специализирующимся в области социально-экономических аспектов развития общества, проектирования и внедрения социальных технологий, социологии и наносоциологии.

ISBN 978-5-86295-311-4

© Дятченко Л.Я., 2016.
© Оригинал-макет, оформление,
Белгородская областная типография, 2016

Выдающемуся Социологу, Учителю и Пророку, Сыну – изгнаннику земли русской Питириму Александровичу Сорокину посвящается

В В Е Д Е Н И Е авторских размышлений и пожеланий

Уважаемый читатель уже со слов посвящения чувствует невероятный и ни с чем не сравнимый трагизм той судьбы, которая в XX веке выпала на долю нашей Родины. И это очень долго будет окрашивать всю нашу жизнь, влиять на сознание и чувства многих людей, на выяснение того, кто мы, как мы понимаем себя и время, в котором живем. Почему к России тоталитаризм прилип и пытается расположиться на бессрочный привал, а власть в ней – это нередко страх или стыд, а не закон, демократию же клянут люди, никогда не жившие при ней и не знающие, что такое государство для граждан, а не для властителей? Откуда у них тяга к изоляции и к мистической особости, податливости и терпимости к господству и угнетению в современных условиях, где даже понимание советского отождествляется с авторитарным? По какой причине многие россияне стремятся уехать туда, где свободно, уютно и не страшно, где идет спокойная жизнь при надежной защите полиции и судов, почти незаметна разница между богатыми и бедными, и не хотят сделать таким же наше государство? И самое главное – что нам мешает уйти от уготованной кем-то для нас судьбы, прояснить для себя вполне понятные аксиомы жизни, избавиться от оков застарелых болезней сознания и привычек?

В безбрежном исследовательском пространстве многочисленных типологизаций и признаков, условий и способов жизнедеятельности человека и общества мне показались несколько ускользающими и явно упускаемыми из поля зрения социально-гуманитарных наук проблемы классов и собственности, которые в единстве, взаимосвязи и взаимодействии представляют собой одновременно фундамент и ядро практически всех социальных процессов. Формируя свои многогранные, специфические отношения, они программируют, зарождают и развивают любое социальное явление, окрашивают сущность человеческого сознания и бытия, наполняют невообразимым объемом информации окружающую природу, воздействуя на неё по какому-то труднообъяснимому смыслу в разноплановых направлениях.

Всё это перемешивается, переплавляется и перевоплощается в немыслимые, уникальные достижения ума и рук человека, периодически взрываясь накопленными противоречиями, конфликтами и катастрофами. Проникнуть в казалось бы непроницаемое и непроницаемое таинство происходящего многие пытались всегда, во все времена и эпохи существования человеческого рода. После длительных раздумий и вынужденных научных каникул мне тоже захотелось внимательнее и глубже взглянуть на современные социально-экономические процессы, истоки их появления и взаимозависимостей с живой природой и глобальными проблемами, состояние и перспективы развития в непостижимой данности и объективности такого таинства как жизнь.

Родившись на ржаном поле и с молоком матери впитав все прелести земного притяжения и благословения природного мира, я до сих пор не утратил прежний восторг пленительной красотой и изяществом родного края с его бесчисленными косогорами, балками, лугами, лесами и, конечно же, перекатами задумчиво-нескончаемых волн хлеботородных полей. Здесь моё сознание, мои восприятия и ощущения впервые и на всю жизнь наполнились проникновением в истиннобожественную сущность земных и небесных красок.

Повседневное наслаждение земным раем, детская любознательность и ранневозрастной крестьянский труд побуждали к усвоению образов каждой травинки, цветочка и деревца, отличающихся своим выражением, запахом, чувствительностью. Мне всё время хотелось разгадать основы их жизни, особенно её весеннего расцвета и пробуждения. Познавательные инстинкты постепенно формировали труднообъяснимые механизмы работы души, моего сознания. В них всё более отчётливо вырисовывалась рациональная мысль: именно природа во всех её проявлениях и сочетаниях ясности и загадочности олицетворяет собой правду и истину.

Особый колорит моим мировоззренческим упражнениям придавало наблюдение за бескрайними небесными просторами, сливающимися на линии горизонта с землей. Плывущие по ним облака буквально завораживали своими живыми образами, построением и движением. Думается, у каждого человека они до последнего вдоха и взгляда на мир будоражат воображение и жажду познания вечности. А по вечерам – ещё более загадочное марево бездонного звездного наполнения Вселенной, олицетворяющее неукротимую бесконечность времени и пространства. И ещё более необъяснимое зарождение, развитие, продолжение и исчезновение жизни как высшей ценности. Как тут не вспомнить слова И.А. Бунина о том, что нет никакой отдельной от нас природы, что каждое лёгкое движение воздуха есть движение нашей собственной жизни.

Кроме того, тепло родной земли вместе с непрерывающимся вечным жизнедарением всему произрастающему и растущему на ней,

питающемуся её богатствами и наполняющемуся её биоэнергетическими и электромагнитными зарядами сформировало у меня сложноподчиненный взгляд на естественный ход развития всего природного мира в его всеохватывающей, взаимообусловленной и взаимопроникающей глобальности. Убежден, что все привнесенное, специально-созданное, даже если оно в тысячи раз надежнее естественных видов и типов живой природы, – неприемлемо, вредно и ни при каких обстоятельствах не должно допускаться ни на административном, ни на научном, ни на производственном уровнях.

У человечества имеющиеся и нарастающие возможности и резервы познания живой природы так ещё отстают от её реальных и, возможно, непостижимых таинств, что ему надо ещё многие тысячи лет пытаться их разгадывать, бережно и рационально использовать и ни в коем случае не видоизменять, не прекращать и не привносить в нее искусственных структур и построений. Это должно быть одновременно и аксиомой, и законом-табу в общечеловеческом масштабе. Природный мир сумел соединить всё живое в единое целое, а вот наукам, особенно социально-гуманитарным, этого не удалось сделать даже в первом приближении. Никак не получается связать концы с концами, они как вошли в стадию перетягивания отдельных канатов на себя, так и не могут определить место их обрыва и отрыва друг от друга.

Не один я заметил, что люди не умеют жить с ощущением того, будто этот день единственный и, возможно, последний. Далекое не всегда и не все задумываются и о следующем шаге, о его смыслах и целях. Почему-то прожитое воспринимается больше как что-то временное, ещё не устоявшееся, как предварение чему-то более главному. Зато ожидания какой-то будущей, настоящей жизни, когда всё уже окажется сделанным и полученным в виде её благ постигают сознание подавляющего большинства. Отсюда и азартное восприятие любой навязчивой идеи стать в одночасье сильным, свободным и богатым.

При этом, трудная, постоянная работа-тренинг над собой во внимание не берется и тем более не учитывается то, что никому из нас никто и никогда не скажет о сроке окончания жизни. Посему мы и не утверждаем себя в мыслях, что наша земная жизнь как мельчайшая частичка всеохватного целого запрограммирована и осуществляется как единственная и неповторимая. Она является высшей ценностью для каждого человека и для всей Природы и Вселенной, в единстве и во взаимопроникновении с которыми только и возможны её зарождение, развитие и завершение. Вспомним, читатель, удивительные слова большого кинохудожника Михаила Тарковского, прошедшего тысячи километров по российской тайге, установившего и запечатлевшего личные отношения с ней в целом и с живыми и неживыми её компонентами, в частности: природа – это самый простой язык, на котором

небо разговаривает с людьми. Поразимся и поверим в их сложный глубинный смысл, который мы чаще всего не умеем найти и понять.

А чтобы понять, следует всеми возможными способами преодолеть в себе пожизненно сопровождающую практически каждого из нас тягу к упрощению всего и вся, стремлению к облегченным смыслам и насильственным действиям, улучшающих нашу жизнь в целом и в её конкретных эпизодах отдельно. Природная среда как сложнейшая, всеобъемлющая система, состоящая из бесчисленного количества взаимосвязанных подсистем, по сути несовместима со всяким упрощением, и в случае его практического применения в тех или иных вариантах она всегда его либо отторгает, либо будучи видоизменённой приводит к самым неожиданным последствиям, вплоть до катастрофических проявлений.

Особенно это неприемлемо в отношении человеческого общества и тех социальных процессов, которые в нём непрерывно идут. Их нельзя загнать силой в специально сотворённые и определённо заданные формы, схемы и модели. Здесь насилие и жестокость, единообразие и единомыслие, революционные прорывы и броски при любых обстоятельствах заканчиваются жертвоприношением и регрессом, а ловко придуманные и широко распространяемые теории их оправдания только растягивают тяжелейшие последствия во времени и пространстве.

Ведь неслучайно в XX веке дважды распалось наше государство, рушились основы всего жизнеустройства общества. И всё потому, что в нём сначала накапливались, а затем доминировали многие искусственно созданные преграды и препятствия, а также кем-то спланированные и насильно внедрённые социально-экономические построения. И даже, если они становились успешными на каких-то конкретных направлениях, всё равно не имели исторических шансов и оказывались такими же обречёнными на неудачу. Это неумолимый и неукротимый никем и ничем закон развития и истории.

На нём сформировалось моё мировоззрение, моя научная творческая лаборатория, пройдя очень сложный, противоречивый путь, наполненный порой взаимоисключающими обстоятельствами и ситуациями. На таком подходе основывается и содержание данной монографии, остов которой окаймляют четыре главных грани – господство и угнетение, неравенство и болезни. Через них идет высвечивание основных компонентов социально-классовой структуры современного российского общества и сложившихся в нём отношений собственности.

И, конечно же, все это сопровождается взаимопроникновением таких вечных плюсов и минусов, как: свобода и насилие, демократия и тирания, право и бесправие, управление и самоуправление, социализация и капитализация, общественное и частное, коллективное и индивидуальное, сотрудничество и борьба, богатство и бедность, побуж-

дение и принуждение. Из них соткано всё полотно социальной действительности. Они заполняют одновременно и с многовариантным смещением во времени и пространстве, в способах и сферах деятельности жизнь каждого человека, отдельных групп, классов и всего общества. Понять их природу, взаимовлияние и результаты воздействия на ход общественного развития, собрать хотя бы основные элементы этих сложнейших конструкций на одном исследовательском столе – задача не из легких даже для крупного научного коллектива.

Мне же пришлось сделать такую попытку в индивидуальном исполнении, в гордом научном одиночестве, в котором только и возможно полноценное воспроизводство всех достоинств творчества, хотя и в рациональности коллективных усилий никогда не сомневался. Мой портфель как был наполнен около сотней научных трудов при поступлении на ректорскую службу, так и остался почти без изменений через десять лет после выхода из неё. Как редчайшее исключение в нём можно обнаружить лишь формализацию моих отдельных действий и поступков. Не допускал и не могу даже в мыслях допустить возможности использования труда своих аспирантов и докторантов в этих целях, хотя техническую поддержку С.А. Симоновой, К.Н. Хазова и Е.А. Рашева принял с благодарностью.

Сегодня стало очень распространенным и модным выдавать за научные работы жанр, который можно назвать компьютерным библиографированием, где скорость и возможности интернета при соответствующей натренированности и интеллектуальной подготовке исполнителя могут дать поразительные результаты. Однако это всего лишь обзор уже добытых знаний, видимость эврики, за которой не заметно творческого подхода автора, его пути постижения темы. А ведь главным и решающим для любого учёного является его личный опыт, исследовательские навыки и публицистический почерк, являющиеся неоценимой сокровищницей всякого, кто берется за перо и бумагу.

Именно поэтому данный авторский текст в качестве праксеологических иллюстраций сопровождают примеры из собственной жизни, учебы, работы. Мои личные классовые университеты, переходы и переживания способствуют соединению многообразных теоретических положений в определенную заданную логику, выявлению и появлению в социологическом обороте ряда ранее неисследованных срезов общества. Метод встраивания в текст таких жизненных эпизодов помогает лучше обосновать и понять не столько прописные истины, без повторения которых невозможно находиться в нашей научной сфере, сколько сделать рискованные попытки выразить свой авторский, возможно, отличающийся от других, взгляд на различные явления и процессы.

Всё это осложняется определено хроническим ощущением периода промежутка, в который попало российское общество, застрявшее

в нём похоже надолго. А промежуток – это, как правило, временность, неустойчивость, неуверенность, нестабильность и прочие малоприятные проявления, производными которых тут же становятся коррупция, насилие, ограничение свобод, моральное разложение и через традиционно запретительные технологии – новый заход на всё тот же старый круг с ещё более запутанными и осложняющимися обстоятельствами.

И тут даже трудно рассчитывать на поддержку таких корифеев, как: Сократ, Конфуций, Чаадаев, Бердяев, Махатма Ганди, Лосев и других, кто сопровождает содержание монографии своим высокоинтеллектуальным присутствием и взыскательностью. Не добавляет оптимизма и надежности собственным размышлениям и оппонент, специально введенный в текст мною в качестве внутреннего рецензента и функции самоконтроля. Нет уверенности и в моих заходах на историческую и философскую территории, на анализ управленческих технологий. Зато есть надежда на то, что сомнения – это лучший стимул для продолжения работы. Тем более, создаётся впечатление, что по мере продвижения к заключительным страницам число рассматриваемых проблем не уменьшается, а заметно возрастает, пополняясь новыми.

Но если уж это легко объясняется безразмерностью и безграничностью самих социальных процессов с их переходами и перевоплощениями, слияниями и смешениями на основе взаимопроникновения и взаимодополнения, то как можно оценить причины возможной неудовлетворённости читателей конспективностью и схематичностью, недосказанностью и неравномерностью освещения многих затронутых проблем? Самодовлеющий характер данного вопроса беспокоил меня с первых параграфов, однако же оправдание вскоре появилось само по себе, без дополнительных поисков и усилий.

Всё дело в замысле исследования вести его не по заранее намеченному плану, нацеливая на него эвристический материал, а, наоборот, осуществить планирование по факту подготовленного текста. Плюс превращение в реальность мечты писать свободно, раскованно, без учёта каких-то требований, схем, обязательств и прочей заорганизованной бутафории, во многом превратившей еще в школе обществоведение в нудный, непривлекательный предмет. Далее следует хорошо знакомая вузовская стезя с таким залпом иносказания, что мне придется на этом специально остановиться в отдельном параграфе. В общем, здесь самое яркое, выразительное по форме и содержанию должно почти безнадежно превратилось в сухое и безжизненно-блёклое сущее. Уклониться от него – уже почти поступок, почему бы не попробовать его совершить?

Тем более есть с кого брать пример – Питирим Александрович Сорокин, чьи недостижимые свершения в обществознании в целом и в социологии, в частности, встали в один ряд самых выдающихся

научных прорывов XX века. Меня к нему, специально отторгнутому и отдаленному от соотечественников, буквально за руку подвел социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, который под руководством его создателя профессора В.И. Добренькова издал все его произведения и тем самым вернул на Родину, научной общественности и всему народу нашу гордость и славу. Ежегодно проводимые ранее и организуемые уже новым деканом профессором Н.Г. Осиповой сорокинские чтения стали доброй традицией слияния в единое социологическое пространство немеркнувшего прошлого, настоящего и будущего нашей науки.

На одном из заседаний этой конференции незнакомый молодой участник, обращаясь ко мне, спросил: интересно, надолго ли хватит нужных тем у самого П.А. Сорокина для таких мероприятий? Моим ответом было – там в одном только параграфе любой работы можно найти их на целый век, всего же будет достаточно на многие столетия. И это не было преувеличением масштабов личности и научного потенциала великого Учёного, за поддержкой к которому мне неоднократно придется обращаться. Следует выделить и весьма продуктивную работу социологического факультета Санкт-Петербургского университета, который под руководством декана профессора Н.Г. Скворцова организует ковалевские чтения, наполняющие нашу науку молодой энергией и новыми знаниями. Словом, равняться есть на кого, было бы желание.

Заранее предвосхищая недоумение читателя: как же сочетается посвящение монографии о классах тому, кто больше всего пишет о стратах? Сразу заметим, классы он тоже не исключает, но небольшая закавыка здесь присутствует, хотя она не имеет принципиального значения. Тут следует выделить два аспекта. Первый – это идеологическое противостояние и противопоставление буржуазной социологии и марксистской, в ходе которого под санкции попала теория классов и классовой борьбы, нацеленных на мировую революцию. Второе, это английский язык П.А. Сорокина, наполненный латынью, которым он был вынужден пользоваться в США.

Сосредоточившись на создании теорий социальной стратификации и социальной мобильности, великий русский Социолог, а затем и его знаменитый американский ученик Т. Парсонс, предложили вполне работающую типологизацию социальной структуры американского общества. Несмотря на свой динамический, универсальный характер, её вряд ли можно в качестве кальки наложить, скажем, на современную Россию, и, наоборот, социальная модель нашего, всё еще мятущегося общества далека от американского. Словом, страты выдвинулись и закрепились на первой позиции.

Однако в тех же США на сегодняшний день закрепились именно классовая модель, состоящая из высшего, среднего и низшего клас-

сов. Зато многие наши любители иносказаний начали усердно забивать многие словари, монографии и диссертации стратами, со всей старательностью уходя от классовой структуры. В свою очередь мне из принципиальных соображений захотелось освободить замечательное, многогранное русское слово «класс» от идеологической окраски и выпустить его на социологическую волю.

Вопреки, а точнее наперекор, ленинско-сталинскому упрощению и искусственному сведению числа классов до двух – рабочих и крестьян, остальные были предусмотрительно уничтожены, мною на основе именно ленинского определения, оказавшегося, на мой идеологизированный взгляд, весьма удачным, выведены тринадцать классов, действующих в современной России, совершающей экстравагантный транзит из одной общественной системы в другую.

Отсюда – появление желания прояснить ряд непонятных и даже запутанных явлений, в том числе и о социализме, который еще много веков назад, по нашему мнению, стал не просто светлой идеей и мечтой человечества или даже его примитивной формой первобытно-общинного воплощения, а самосозданной и саморазвивающейся сложнейшей моделью жизнедеятельности общества, в которой на системном, социально-технологическом уровнях тысячелетиями отработывались и оттачивались важнейшие принципы и способы артельного устройства. Они без вмешательства и воздействия государства, религии, партий и других институтов естественным образом гармонизировали и сливали в единое целое социально-экономические интересы отдельного человека и коллектива, целенаправленно, без каких-либо теорий, утверждали на практике подлинную свободу, равноправие и народоправие.

Являя собой непререкаемый фактор прогрессивного развития и демонстрируя непоколебимую выживаемость в сложнейших и жесточайших обстоятельствах мироустройства, реально достигнутый социализм одновременно вызвал на себя удар всевозможных сил противостояния и противодействия ему. Долго они приглядывались, примерялись и пытались всячески сокрушить несокрушимое. И, наконец, нашли древний и самый испытанный способ – фарисейство. Какие только манипуляции людской жизнью и жесточайшие инновации в её насильственных радикальных изменениях, переделах и перестройках не выдавали за социализм, но он в конце концов так и не поддался насаждению сверху.

Упаковав его в прилипчиво-навязчивые формы тоталитаризма и даже фашизма, особенно активно проявивших себя в XX веке, они грубо извратили и превратили социализм в свой безжалостный, жертвенный антипод и общецивилизационное пугало истории. Корни такой общественной трансформации только кажутся лежащими на поверхности. На самом деле они все ещё таятся в глубинных истоках отно-

шений классов и собственности, в отсутствии возможностей у людей самостоятельно, без помощи самых современных технологий достичь социализма как общества будущего. Почему ему удалось охватить только пусть и один из самых продуктивных, но незначительный его слой, развиваться до сих пор лишь отдельными компонентами, и когда наступит всеобщий охват как результирующая естественного самонастраивающегося процесса?

Кстати, моё обоснование столь радикального вывода явно рождалось с господствующими идеями о самоценностных и безгранично-творческих способностях человека и человечества. Между тем, никаких доказательств очевидной беспомощности современного постиндустриального общества в решении животрепещущих проблем социального неравенства, болезней и самоуничтожения даже в условиях информационно-технологических преобразований не требуется. Наступил момент, когда становится понятным, что этому не помогут ни самые совершенные систематики и инноватики, программирования и координирования в глобальных масштабах. И только освоение наномира, его воздействие на превращение социальных процессов в наносоциальные по форме и содержанию, которое будет сопровождаться, как и предсказал П.А. Сорокин, крахом чувственной культуры и переходом её в идеациональную, может вывести общество на искомую результирующую. Тут пока больше вопросов, чем ответов, но мы рискуем их поискать и сделать не только выводы, но и построить гипотезу будущего наносоциализма.

При этом мне не пришлось встраивать себя во внутреннюю структуру происходящих общественных трансформаций и разломов, а также по крайней мере четырех классов. Моей первой, главной и определяющей социальной селекцией вплоть до взросления было крестьянство, затем пришлось надеть и три десятка лет носить номенклатурный мундир, который удалось только со второй попытки снять навсегда, пройти все семь кругов ада преодолений в предпринимательстве и уже на пенсии продолжать жизнь в классе специалистов по совместительству. Поэтому их исследование идет через свой взгляд изнутри, свой мир, свое жизненное пространство и собственную социальную технологию мыслей и действий, которые должны быть у каждого социолога.

Казалось бы, характеры людей, их проявления в различных жизненных ситуациях типичны для всех эпох и народов, они вечны. И всё же есть специфика условий и форм, присущих каждой из них, и важно уловить нерв времени, суметь разделить его на пласты поступков, поведения и действий, осмыслить и обобщить именно в том узком пространстве, в котором находится сам социолог. Он не должен теряться и всегда ориентироваться в социальных отношениях так, как это делает опытный программист в любом провайдере. То есть, по образ-

ному выражению, физически чувствовать мир и людей. Естественно, всё это надо пропускать через рентген общечеловеческих и классовых ценностей, сопоставлять с личным выбором отдельного человека.

Именно под такую высокую планку требований старался я подогнать наш главный социологический инструментарий – наблюдательность и зоркость, внимательность и аналитичность, самовзыскательность и дисциплинированность, впечатлительность и задумчивость, хотя мое усердие далеко не всегда завершалось оплодотворением и соответствующими результатами. И в данном случае мне скорее всего не удалось найти наиболее приемлемые и интересные варианты смыслового сопровождения главного стержня темы.

В то же время меня не обидит упрёк в том, что в подготовленной работе превалирует негативный фон, он мне самому не нравится. Но докажите мне обратное, попробуйте вставить в исследование такие линзы, чтобы сквозь них можно было в последние 100 лет больше разглядеть позитива и соответствующим образом склонить чашу весов с его содержанием. Как пессимистический оптимист стараюсь чаще проявлять себя только в эвристическом процессе, в жизни же превалирует постоянная наступательность, воля и вера в результаты задуманного и постоянный поиск нового дела. Поэтому и беру пример с П.Я. Чаадаева, который, по его словам, предпочитал бичевать, огорчать и унижать свою Родину, только бы её не обманывать. Нельзя приукрасить и социально-историческую плёнку России, на которой всё отображено точно и на века. Нам дано только одно: внимательно в неё вглядываться и изучать содержимое, преодолевая собственные пристрастия и обиды за пережитое и так и не сбывшееся.

Обращаясь к читателю с просьбой строго не судить меня за резкие обрывы и переходы, незавершённые срезы и связи, замечу – нередко я делал это специально, как бы притягивая, пробуждая и обостряя интерес к совместному постижению задуманного. Очень надеюсь на снисходительность к тому, что в работе мало статистики, сравнений и сопоставлений, не используются диаграммы и схемы, редко применяются сноски, – всё это просто не вместились в мой личный ресурс, да и не в этом суть. Важнее всего было выстроить общую конструкцию исследования, всё остальное можно добрать, добавить, расширить и уточнить.

Мне искренне хотелось писать не на корзину, а для того, чтобы мои размышления получили развитие в диссертациях и полевых исследованиях молодых социологов, и, возможно, воплотились в конкретные управленческие решения, в чём готов оказать бескорыстную помощь. В зависимости от содержания отзывов и рецензий будет принято решение о подготовке второго издания монографии, разумеется, в её усовершенствованном виде.

И ещё важно помнить о существенных отличиях исследовательского и эмоционального подходов в оценке авторских суждений, изложенных событий и явлений, особенно из тех, что оказались надуманными, отторгнутыми и исчезнувшими за историческим горизонтом. Пусть нам что-то не нравится, не совпадает с нашей точкой зрения, но оно состоялось, и это уже свершившийся факт. Нельзя забывать, что факты продолжают существовать даже тогда, когда их игнорируют или не признают. Прошу поверить, что на меня уже давно не влияют и теперь наверняка не повлияют никакие политические и идеологические предпочтения, стремления к наградам и карьерным поощрениям. Моей искренней мотивацией в этой работе были и есть только вера, надежда и любовь к родному народу, который непременно вырвется из оков безответности и безысходности и займет подобающее ему место в будущем обществе свободы, равноправия и народоправия. Другие варианты не рассматриваются.

С уважением

Белгород
апрель 2016 года

Глава I. Крестьянство: социологические размышления о потерянном рае

1. От социально-статусной третьестепенности до уничижительности в науке

Такой лейтмотив исследования, безусловно, привлекает внимание, поднимает планку ожиданий. Но сведущий читатель, просмотрев название и оглавление данной монографии, сразу же уловит некоторую схожесть с чеканным стилем выдающегося Социолога мирового уровня, Сына земли русской Питирима Александровича Сорокина.

Продолжая традиции замечательных отечественных мыслителей, он еще будучи студентом взялся за масштабные социологические разработки актуальных общественных проблем и сразу же занял собственную, независимую позицию. Этому правилу Питирим Александрович не изменял никогда вплоть до последних дней своей жизни. Ему он неукоснительно следовал и когда в горячих спорах создавал первый социологический факультет в советской России, и когда его арестовывали и по требованию руководителя ВЧК Ф.Э. Дзержинского намеревались расстрелять, и когда по «великодушному» решению В.И. Ленина его насильственно выдворяли за границу. Не дожидаясь посадки на известный философский пароход, вывозивший из родной страны как враждебных и ненужных ей лучших людей, лучшие умы человечества, он сам через Германию и Чехию добрался до Америки.

На Западе сразу же назвали этот пароход национальным достоянием, его очень ждали и соответственно встречали. Еще бы – в кои веки был возможен такой бесценный подарок. Создал и возглавив кафедру и факультет социологии Гарвардского университета, а затем и международный институт социологии, П.А. Сорокин стал и в чужой стране беззаветно служить делу своей науки. Он неоднократно подчеркивал и публично доказывал важность объективности и правдивости любого социологического исследования, боролся за то, чтобы социология не превращалась в марионеточную служанку политических и экономических интересов сильных мира сего.

Даже когда результаты его работы там не понравились и ученого в буквальном смысле подвергли моральной травле, он своих позиций не сдавал и продолжал настаивать на обосновании причин и основных тенденций развития общественного кризиса в США. Заметим сразу: наш знаменитый соотечественник как в воду глядел, его прогнозы оказались очень точными и адресными, о чем наш разговор еще впереди. Не постесняюсь откровенности: как только прочитал его первые работы, так тут же по-ребячески захотелось быть похожим на него. И

до сих пор пытаюсь, но – куда там! Так пусть хоть название монографии обнадеживает и дает профессиональные ориентиры молодым.

Почти всю жизнь занимаюсь социологией, но как-то не пришлось практически исследовать один простой вопрос – часто ли люди задумываются, к какой социальной группе, классу они принадлежат, откуда берут начало их корневые истоки и как все это влияет на их мировоззрение, профессиональную ориентацию, личную судьбу, историю семьи и весь процесс жизнеустройства. Конечно, в такой глубокой постановке проблемы задумчивость посещает далеко не каждого человека.

Хорошо известно, что социологические базы данных больше пеэстрят показателями престижности профессии в связке с преэемственностью ее у родителей и у более старших поколений. В детском, юношеском, да и во взрослом возрасте гордятся своими предками летчиками и космонавтами, учеными и конструкторами, представителями медицины, искусства и спорта, финансово-банковской сферы, бизнеса. Особое место в этой шкале ценностей занимает руководящая административная работа. Поэтому и конкурсы на получение университетских дипломов по специальности «государственное и муниципальное управление» одни из самых высоких в стране.

Гораздо скромнее, можно сказать, на самой низкой планке находятся профессии, связанные с трудом рабочих и крестьян. Особенно отчетливо это стало проявляться в последнюю четверть века, когда началась радикальная трансформация всего общественного устройства, повлекшая за собой отрицательные проявления, вплоть до смены важнейших социокультурных кодов народа. Хотя еще более полувека назад, будучи сельским подростком, мне пришлось лично сталкиваться со своим, скажем так, третьесортным социальным происхождением из крестьян. Наиболее отчетливо это проявлялось даже в райцентрах и малых городах, не говоря уже об областных и столичных центрах. Всюду можно было услышать уничижительное и обидно высказанное слово «деревня».

Разумеется, мы знали и понимали, для чего существует деревня, что она дает людям. Вспоминая детство, осознавали все трудности и сложности сельской жизни, сами учились их переносить и переносили. Но мы также чувствовали и переживали свою сопричастность к неповторимой красоте нашей российской глубинки с ее прекрасными лугами и лесами, родниками и прудами, садами и огородами. Мы были неотъемлемой частью этого завораживающего своей притягательностью, всегда близкого и родного мира природы. Где бы мы ни учились, на далеком или близком расстоянии, каждый выходной или праздник, любым способом, по любому бездорожью преодолевали его, стремясь попасть в долгожданный и самый уютный на свете отчий дом.

Огорчительнее всего было то, что нас пытались обижать вчерашние выходцы из таких же деревень. Более того, мы сами, видимо, под

воздействием столь откровенных общественных настроений и мнений как-то стеснялись и, пусть и нехотя, соглашались на определенную нам самой жизнью и судьбой третьестепенность. Ведь даже школьные учителя откровенно назидали нас: будете хорошо учиться, поедете в город, плохо – всю жизнь вам грязь месить в деревне. Много умных людей пытались разобраться, куда и почему подевались эти учителя и ученики, школы и сами села, на месте которых теперь полыхают заросли борщевика и амброзии как символы уже не грядущей, а наступившей беды.

Щемящее сердце и беспокойная душа подсказывают – еще не поздно высказаться и принять неотложные решения по крестьянскому вопросу. Во всяком случае мы рискнем, но сначала сделаем несколько зарисовок общей конфигурации социально-классовой структуры общества. Причем, у меня нет ни малейшей доли сомнений в том, что начинать следует с ведущего класса – крестьянства. По этому поводу, надо сказать, немало научно-исследовательских и полемических копьев сломано, наворожены горы публикаций, часть из которых легла в основу стихийных и специально организованных общественных трансформаций.

Крестьянский класс. Нет в истории более старейшего социума на нашей планете. Но, собственно, не может и быть, ведь крестьянин по определению – это человек, родившийся и живущий на земле, обрабатывающий ее и выращивающий на ней различную продукцию растениеводства и животноводства, птицеводства и пчеловодства для питания себя и других людей. Как обыденно и буднично звучат слова формулировки, а ведь за ней стоит тысячелетняя история всего многомиллиардного по численности человечества, жизнь и судьба моя, моих родителей, моих близких и дальних предков, всех людей на Земле.

Даже представить такой глубинный, гигантский необозримый пласт не позволяют ни воображение, ни память, ни мышление, ни имеющиеся знания и опыт. И только искреннее чувство глубочайшего уважения и почтения к земной и родительской колыбели побуждает с волнением и трепетом сделать хотя бы попытку проникновения и осмысления всего родного и близкого, величественного и трагического, приходящего к нам на время и покидающего нас навсегда.

Должен сразу же с огорчением отметить, что в социально-гуманитарных науках сложилось какое-то необъяснимо уничижительное отношение к крестьянству. Начиная с понятий и формулировок и заканчивая исследованием отдельных сторон жизни земледельческого класса, многие ученые пишут о нем как об одном из рядовых многочисленных слоев или общностей. Специально не пожалел времени и усилий, чтобы просмотреть все основные словари и обнаружил полное подтверждение вышесделанного вывода. Особенное изумление в этой

части вызывают издания по социологии. Но то, что можно встретить в социально-экономической словарной литературе, просто не поддается анализу здравого смысла.

Возьмем в руки весьма приличный по содержанию словарь под редакцией Б.А. Райсберга, где простым, доходчивым и, что немало важно, русским языком, без модных иносказаний, показаны научно-теоретические и прикладные понятия из области практически всех основных гуманитарных наук и сфер знаний. Смотрим объект нашего исследования, который обозначен там словом «крестьяне». Ему прописаны два значения: 1) население, занятое сельскохозяйственным производством, проживающее в сельской местности; 2) мелкие сельскохозяйственные производители, которые с помощью прямых орудий и труда членов своих семей создают, выращивают продукцию главным образом для собственных нужд, прямого и косвенного потребления и для выполнения обязательств перед экономической и политической властью страны, региона.¹

Вряд ли уважаемый автор специально ставил перед собой задачу показать крестьянство как обычную разновидность населения и тем самым допустил его историческое, экономическое, социально-политическое и духовно-нравственное унижение. Нет, он, по видимому, так же, как и я, просмотрел соответствующую литературу, ничего значительного в ней не обнаружил и написал так, как посчитал нужным, а точнее, как и все остальные авторы. Без глубинного осмысления и проникновенного, системного анализа пока никем непревзойденного ни по масштабам исторической ретроспективы, ни по силе и значению воздействия данного социума на всю жизнь человеческого общества. Точнее, на весь живой мир и земную природу.

Среди ученых-социологов, да и не только у них, бытует научно-исследовательская традиция опираться в решающей степени на большие пласты информации, мнения, предпочтения и суждения крупных социальных групп и слоев населения, широкую документальную базу и статистический контент, одновременно сводя к минимуму учет личного опыта, пережитой судьбы и оценок происходящего. Принято считать, что так будет меньше упреков в необъективности, тенденциозности и эгоцентризме. На первый взгляд вполне логичная позиция, но при более внимательном подходе обнаруживается ее очевидная уязвимость. Ведь что может быть объективнее и правдивее, чем осмысление и обобщение личных жизненных ситуаций, специфика их воздействия и включенностей в общие социальные процессы и явления. Именно это в отличие от любых опосредованных инструментариив обеспечивает подлинную научность всякого исследования.

Так и напрашивается установление единого требования к социологическим научным работам: считать их состоявшимися только при

обязательном сопровождении всего контекста личными оценками, выводами и мнениями. Где бы они ни присутствовали – в анкетах, интервью, наблюдениях и т.д. – всюду должны быть специальные приложения, сноски, сравнения и сопоставления с личным.

Что касается специализации исторических наук, там можно найти всевозможное ранжирование как по периодам, так и по направлениям и отраслям знаний. Не найдем мы только одной специализации – по истории сегодняшнего дня. Нашлось и объяснение причин ее отсутствия. Есть мнение, на наш взгляд ошибочное, что исторические события и факты должны устояться, отдалиться от исследователя во избежание субъективных оценок.

Позвольте, но если мы не сможем более или менее объективно и точно описать, обобщить и оценить сегодня, то как можно на это надеяться в будущем? Любому специалисту понятно, что при практическом внедрении вышеназванной новой специализации уже в будущем нам почти не потребуются работы по истории прошлого, отличающиеся нередко недостоверностью, ошибочностью, искажениями и другими вынужденными допущениями.

Трудно даже себе представить, насколько правдивее окажется вся история, и какое воздействие это произведет на все наше общество. Хотя вполне очевидно, что на ряд исторических ситуаций удобнее и объективнее смотреть с позиций прошедшего времени, которые позволяют взглянуть на них как бы со стороны, а не изнутри, и дать соответственно более точные выгодные оценки. Но оставим это все же историкам, они более профессионально должны разбираться в своих проблемах, оглядываясь и учитывая, безусловно, общественные запросы и мнения.

Мною уже давно вынашивается идея написания специальной работы по социологии крестьянства. И не в целях восполнения пробелов и освоения целинных полей на огромном, во многом еще неисследованном жизненном пространстве, а из принципиальных соображений изложения личной авторской позиции по коренному вопросу общественного развития. И мотивируют эти действия не столько научные интересы, непосредственно не входящие в мою специализацию и требующие непосильных затрат времени и кропотливого изучения уже имеющейся базы публикаций огромным коллективом исследователей, сколько робкая и рискованная надежда на то, что выраженная мною quintessence личного окажется пусть даже самой маленькой долей недосказанного общего. А досказывать придется еще многим, многим ученым и публицистам, заглядывая в самые потаенные уголки вчерашнего и сегодняшнего дня.

Уже придумано и название: «Крестьянство. Социологические размышления о потерянном рае». Появилось оно без особых мучи-

тельных изысков, как-то само собой, словно всеохватывающий взгляд на конкретное большое явление. Но что-то недодуманное, недооцененное мешало, тормозило работу. Понятно, что тут надо начинать распахку и памяти, и современного мирозерцания, выкладывая из их отсеков все собранное и наболевшее. И только сделанный доклад на международных сорокинских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова по отношениям собственности и социальному неравенству явился стимулирующим толчком к ее осуществлению.

Пусть это сперва выглядит как поиск места крестьянского класса в общем контексте исследовательского материала, точнее уверенное и вполне обоснованное выдвижение его на передовую, главную позицию, определение его основной структуры и содержания. Самое важное – процесс пошел.

По ходу его развертывания формировался авторский стиль и язык, во многом определяющий основной результат, а именно: будут читать или нет. Причем читать не в вынужденном плане, как это обычно делают ученые и соискатели научных званий для уточнения степени исследованности своей проблемы. С этим делом как раз все в порядке. Как любят с горечью повторять многие профессора, мы, социологи пишем много, поднимаем очень животрепещущие, волнующие вопросы, но беда в том, что нас мало кто читает, кроме, конечно, самих себя, да и то не всегда.

Получается замкнутый круг. Ученые обижаются, что они невосребованы, что их труды пополняют только залежи библиотечных полок, что отсутствует надлежащая современному обществу социологическая культура поведения, взаимодействия, управления, которая в свою очередь не может возникнуть сама по себе без воздействия на широкие слои общества яркой мысли и слова, всепроникающих образов и примеров, вызывающих живой интерес и стремление к их познанию и внедрению в практику.

А что у нас, ребята, в рюкзаках? Набившие оскомину штампы, безжизненные критерии, бесконечные типологизации и построения аналитических схем и моделей, теоретизирования ради теоретизации всего и вся? Знакомясь по долгу службы уже не с одной сотней диссертаций по социологии, ловишь себя на мысли: подавляющее большинство из них не то чтобы читать, в руки не хочется брать. Нас будто заковали в латы формализма, за рамки которого мы не то боимся, не то стесняемся выйти.

Нет, по крестьянской теме этой тропой далеко не пройдешь. Читатель быстро закроет ее с первых страниц. Тут надо все пережить лично, душой прикоснуться к потрясающим, величественным свершениям. Тогда и самому захочется прочитать написанное, и другие это сделают с интересом. При этом важно иметь в виду, что история – это

память народа, а социология – его зеркальное отражение. И только в единой связке двух таких обществоведческих гигантов можно выточить нужный методологический ключ и с наибольшей вероятностью приблизиться к постижению выбранной нами темы исследований.

2. Вначале о классах замолвим слово

Таким призывным названием решил я мотивировать самого себя к написанию весьма неудобного и малопривлекательного параграфа, потому что без него невозможно движение вперед по тексту исследования. И раскрывать его тоже очень сложно – здесь наворожены такие горы литературы, дано столько определений и типологизаций, что даже самый искушенный методолог может растеряться и запутаться. Неуверенно побродив по густому лесу имеющейся научной литературы, убедился, что избежать смысловых повторов не удастся, и все же решаюсь на возможно небезнадежную попытку высказать свои собственные суждения по данному вопросу.

В том числе и по отдельным компонентам социально-классовой структуры современного российского общества. При этом я меньше всего думаю о том, что, возможно, мне первым удастся ввести в социологическое пространство науки некоторые одушевленные и неодушевленные категории индивидуальной и общественной жизни. И надо быть очень самотребовательным к их обоснованию, даже если их уже ввел до моих собственных изысканий кто-то другой. Меня больше всего заботит выстроенная с первых строк саморецензия и мотивация – писать только для пользы дела, коим является управление общественными процессами.

В ходе работы мне удалось заметить один удивительный факт. Несмотря на то, что классы как научную категорию открыли не основоположники марксизма-ленинизма, о чем они сами заявляли, однако, не без влияния их теории классовой борьбы и угрозы мировой пролетарской революции, многие буржуазные ученые и независимые исследователи сделали попытку вычистить, удалить из обществоведения даже само это слово, оставив его для типологизации чисто неодушевленных предметов и форм. В ход активно пошли страты, касты, слои, группы и другие заменители, особенно в период острого идеологического противостояния в годы холодной войны. О неимоверном количестве их типологизаций разговор лучше не начинать.

В тех условиях мною была написана кандидатская диссертация по проблеме формирования классового подхода к национальному вопросу, навеянная на все сто процентов моей учительской и комсомольской работой на казахстанской целине, где коэффициент межнационального общения, выведенный известным нациоведом профессором М.С.

Джунусовым, в десятки раз превышал наши центрально-чернозёмные показатели. Работа носила идеологизированную окраску, как тогда и полагалось, и я даже в начале общественного переворота несколько погорячился сбросить ее в свой архив. Налицо проявление измофрении со знаком наоборот.

Однако сегодня мои оценки изменились, в том числе и к принципу классового подхода. Да, его можно окрасить в любой идеологический цвет, что я, собственно, тогда и сделал, но причем здесь его сущность как базисного методологического инструмента для исследователей. А разве вытекающий из него вопрос «Кому это выгодно?», который может задать себе и окружающим любой человек по поводу того или иного решения властей, партнеров по деловым отношениям, действиям представителей определённого социального класса, не поможет правильно оценить ту или иную ситуацию?

Для примера возьмем простую житейскую проблему, которая встревожила и волнует сегодня практически всех россиян. Семья пенсионеров поселилась в новой квартире, а им уведомление в руки – платите ежегодно несколько тысяч рублей для будущего капитального ремонта дома в специально созданный фонд, но фонд не его жильцов, а всероссийский. Выгодно это пенсионерам? – Нет, потому что, когда дому понадобится капремонт, их уже не будет в живых. Это, во-первых.

Во-вторых, они уже знают, какие манипуляции с собранными у людей деньгами продельвает власть на примере заморозки той же накопительной части пенсии и, более того, убедились в криминальной направленности ее действий в области жилищно-коммунального хозяйства, которое фактически отдано в руки жуликов под видом управляющих компаний. Люди уверены, разворуют и этот фонд, тем более они никак не могут повлиять на предотвращение данного процесса с их же собственными деньгами.

Кому же это выгодно, какому классу? Ответ очевиден – властвующей номенклатуре, которая, увлекшись набиванием собственных карманов, оказалась неспособной выполнить свои элементарные функции и провести трудную, но неотвратимую реформу, как это сделали почти двадцать лет назад в Казахстане, и продолжает свои беззастенчивые манипуляции, давит и угнетает народ за его собственный счет. При таком применении классового подхода к оценке жизненных явлений все становится на свои места без всяких идеологических примесей. К тому же, здесь, словно тени на ясный день, ярко высвечиваются и интересы других активно действующих в союзе с властью классов перепродавцов и приемателей.

Сегодня отдельные ученые и публицисты по привычке продолжают пинать данный принцип по всякому поводу, не задумываясь о том, что в их сознании срабатывают все те же синдромы измофрении. Стоп,

ребята, сделаем паузу и взвесим все аргументы. Уверен, после этого анализа идеологический налет с классового подхода снимется сам собой. Но ему надо целенаправленно помочь пройти процесс очищения. Он из инструмента революционной целесообразности должен превратиться в норму мышления, сознания и поведения любого современного человека, стать надежным ключом к оценке общественных явлений.

В теоретическом плане беру на себя всю ответственность за возвращение классового подхода в методологию социально-экономических, политических и идеологических исследований. В практическом – предлагаю читателям и оппоненту начать его апробацию прямо в домашних условиях, у телеэкрана. Уверен, тут же почувствуете себя тем, кого трудно объегорить и тем более одурманить, снимете фари-сейскую скорлупу с той привычной пропаганды, с которой она никак раньше не снималась. А там войдете во вкус, привычку и детям своим покажете пример.

Важно также иметь в виду, что принцип классового подхода не является универсальным в возможностях своего применения. И на это совершенно справедливо указывает Ж.Т. Тощенко.² Он не носит всеохватывающий характер и имеет свои социальные границы использования. Но его заточенность на различие классовых интересов, мотиваций, поведения и действий не должна притупляться ни с искусственными попытками заретушировать их, ни стараниями представить специфику современных социальных процессов как приближение общества к своей бесклассовой сущности.

В реальной жизни такая перспектива, увы, представляется пока лишь как весьма отдаленное и малопонятное будущее человечества, где пока разбалансированные отношения собственности, социальное угнетение, неравенство и болезни ещё играют ключевую роль в его жизни. И только с наступлением наноэпохи такой вариант станет возможным. И пусть эта работа пойдет не всегда в согласии с известными суждениями моего безупречного Учителя П.А. Сорокина, но возникновение новых исторических реалий, их осмысление требуют выполнить ее именно в задуманном плане.

Возвращение к приведенному выше факту еще состоится, а нам впору определяться с классами, которыми являются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.³

Вот такое определение мне больше всего понравилось из многих встречающихся в литературе. Им я пользовался в прошлую эпоху, пользуюсь и сейчас, потому что в нем ни тени идеологизированности, абсолютизации авторской точки зрения, так характерной во многих работах В.И. Ленина. Всё с учетом уже достигнутых разработок по этой проблеме, взвешенно, объективно, рационально и вариативно. Как и другие исследователи, он вполне уместно уточняет и сердцевину, ядро классовой сущности – интересы. Хотя здесь у него сразу же начинаются теоретические манипуляции с небезуспешными попытками подгона их к революционной целесообразности, о чем далее будет специальный анализ.

Такие же противоречия при внимательном изучении обнаруживаются у К. Маркса и Ф. Энгельса. При безупречной типологизации классов на привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные, не хватает тут лишь управляющих и управляемых, удивляет явная усеченность важного положения о том, что вся предшествующая история есть история борьбы классов, в которой недостает вполне очевидных терминов об их сотрудничестве и взаимодействии. Понятна и причина – они могут не только умалить, но и дезавуировать выведенную ими же неизбежность пролетарской революции. Впрочем, ее впоследствии дезавуировал сам ход исторического развития, чему, к сожалению, предшествовали весьма трагические события.

И все из-за этой пресловутой и навязчивой идеи революционной целесообразности как способа перехода от капитализма к социализму, который должен осуществить по замыслу вышеуказанных теоретиков именно рабочий класс. Ведь невооруженным глазом видно, что в процессе исторического развития классы не появляются по мановению волшебной палочки и по воле даже самых влиятельных повелителей, они зарождаются, формируются, развиваются и исчезают в результате взаимодействия производительных сил в определяемой ими же общественной формации. Обратное возможно только в искусственно созданном общественном устройении, которое всегда обречено носить временный характер исторического эпизода.

Их также нельзя переставлять в социально-экономическом пространстве любой эпохи как фигуры на шахматной доске, наделять функциями ведущих и ведомых, искусственно определять, повышать или понижать их роль в развитии общества. По своей сути это саморазвивающийся, самонастраивающийся в зависимости от совокупности конкретно-исторических условий процесс. И только динамика их естественных изменений может служить мотивацией к его ускорению, замедлению или торможению. Все насильственное, принудительное, искусственно привнесённое может быть только разрушительным, вле-

кущим регрессивные последствия. Таковыми являются все без исключения состоявшиеся ранее революции в мире.

Между прочим, за всю доступную нашему знанию человеческую историю не наблюдалось известных фактов таких намерений и практических действий со стороны ни самых яростных консерваторов, ни революционеров. Не стану входить в обсуждение проблемы, насколько полным выглядит такое суждение, тут специалистам виднее. Для меня важно подчеркнуть, что под воздействием революционного синдрома нашлись-таки вдохновители и исполнители неисполнимого именно в России. Они взглянули на социально-классовую историю как на перекидной календарь, из которого стали вырывать подобно использованным, уже ненужным страницам целые классы, подвергая их тотальному уничтожению.

Зададимся вопросом, для чего, в каких целях это делалось и каковы результаты преднамеренного вторжения самыми варварскими и деспотическими способами в естественный цивилизационный процесс? Что толку с того, что после кровавой Вандеи, безжалостно истребившей помещиков, капиталистов, торговцев, зажиточных крестьян, духовенство, военных и гражданских специалистов, ученых, служащих правоохранительных и государственных органов, И.В. Сталин объявил, что в СССР больше нет антагонистических, враждебных народу классов, с которыми покончено навсегда, а остались только два дружественных класса – рабочих и крестьян плюс рекрутируемая из них прослойка интеллигенции.

Не прошло и сорока лет после смерти вождя и всего лишь одного года после распада СССР, и все эти классы с серьезными дополнениями, превращениями, словно из-под земли, под воздействием естественно-селективных процессов человеческой цивилизации и возникших негативных последствий ее предыдущего слома, соединенных множеством ее видимых и невидимых общих корней, появились на его бывшем пространстве. А рабочие и крестьяне, объявленные как совершенно новые, невиданные еще в истории социальные группы, остались все теми же угнетенными и эксплуатируемыми классами. Единственной удачей ленинско-сталинской политики искусственно-насильственной реконструкции общества явилось создание нового господствующего класса номенклатуры, о чем предусмотрительно в свое время промолчали и ни разу не заплодировали по данному поводу, хотя вполне заслужили и аплодисментов, и званий вождей этой, отдельной части народа.

Но если для таких диктаторов, возмнивших себя вершителями судеб всего мира, это можно назвать неудачным, полностью провалившимся рывком вперед-назад и злой шуткой матушки истории, которая никогда и никому еще не прощала вольного и вульгарного обращения

с собой, то для миллиардов людей, попавших под кровавые жернова революционных мельниц прошлых веков, это трудно описуемая по масштабам страданий трагедия, регрессивные последствия которой будут сказываться еще на многих поколениях.

И все же нам нужно попытаться понять процесс происхождения классов, к чему и начнем свое обращение. Здесь недостаточно разделить точку зрения о том, что это продукт возникающих по ходу развития общества социально-экономических укладов, которые в свою очередь являются результатом взаимодействия классов. Взгляд на общество как на продукт такого взаимодействия разделяли и древние мудрецы, и социалисты-утописты, и марксисты, и буржуазные социологи. Разница лишь в акцентах – одни выделяли в нем главную роль способа производства, другие отдавали приоритет социальным процессам, под которыми понимается последовательная смена состояния общества, его групп и отдельных людей.

Несмотря на отсутствие, за редким исключением, взаимопротивопоставлений и взаимоотторжений, что-то в данном диалектическом единстве выглядит недосказанным. Полистаем, как всегда в таких случаях, нашего Учителя П.А. Сорокина и тут же обнаружим любопытный контент – как возникает и изменяется организация группы. В нём дается блестящий социально-психологический анализ генезиса и эволюции основных форм поведения, причем с учетом исторического, биологического, физического и других подходов к осмыслению проблемы.

И начинается он с обращения к истоками первобытно-общинного строя, где шаблонизация и автоматизация весьма упрощенных и ограниченных форм взаимодействия и общения людей больше опирались на многолетнюю статичность, основанную на наследственной приспособленности человека к монотонности физической и биологической среды своего обитания, которые не могут быть источниками существенных изменений. Действительно, какие изменения в ощущениях, восприятиях и сознании людей могут вызвать ежедневные восходы и заходы солнца, смены дня и ночи, времен года, циклов развития растений, животных и т.п.? Они к ним просто привыкают, и это передается из поколения в поколение.

Совсем по-другому воспринимаются всякие изменения в социальной среде, которая характеризуется высокой мобильностью, подвижностью, неустойчивостью и колебаниями. Индивид, живущий в обществе, непрерывно подвергается разнообразнейшим воздействиям со стороны других, отвечает на них, цепь акций и реакций завязывается то с одним, то с другим. В результате получается сплошной поток взаимодействия, бьющий различными эффектами и смолкающий только во время сна... Лёгкая способность взаимозаражения, что констатируют

вано рядом этнографов у первобытных людей, приводила к слиянию в одних порывах и импульсах, взаимно отражавшихся от индивида к индивиду, до бесконечности усиливало эмоциональные переживания и тем самым давало место резким контрастам, необходимым для возникновения сознания, его роста и перехода бессознательно-инстинктивных актов в сознательные... Раздражение в этом случае могло перейти в ощущение, комплекс их давал восприятие, а следы их составляли то, что называется представлением. Таким путем составлялось знание.⁴

Теперь наложим данную логическую схему П.А. Сорокина на процесс зарождения рабов и крестьян, рабовладельцев и феодалов, объединение их вначале в группы, а затем в классы. Кстати, суждения некоторых историков о том, кто первым из них вышел из общинного строя и какой образовался вначале новый строй – рабовладельческий или феодальный, бессмысленны. У каждого этноса это выглядело по-разному. Например, в России и сто, и тысячу лет назад не было рабства, а сегодня, в XXI веке, пожалуйста, можно встретить его, причем, в самых разных местах и даже купить себе раба. Правда, на черном, подпольном рынке. Хотя о таком классе, разумеется, речь не идет, все ограничивается отдельными эпизодами и судьбами несчастных людей. И все же прав Станислав Лем, считающий, что в каждой эпохе есть свое средневековье.

Присмиривший было под мое явно скучноватое повествование оппонент вдруг подает голос – к чему такие теоретизирования? А к тому, что социология всегда ищет законы, управляющие движением всех элементов, образующих общественные процессы, тем более, когда их ядром выступают классы, состоящие из отдельных групп и людей. И попадают они туда не просто в результате перегруппировки общинной структуры, а как удовлетворение экономической, производственной целесообразности в интересах отдельных, выделившихся из нее индивидов, занявших господствующие положения.

В целом любого общинника подобно лопате или другому инструменту можно было насильно переставить из одной сложившейся уже веками социальной группы в другую, новую и для него неизведанную. Но, если ему объявить и даже объяснить, что он теперь раб, захваченный и оторванный от общины конкретным военачальником-победителем для того, чтобы мобилизовать его, например, на строительство оборонительных сооружений, а потом продать другому хозяину, он себя не почувствует в новом качестве.

Сама по себе смена первоначальной социальной организации и характера производственных отношений для человека может означать лишь первую фазу зарождения нового класса. Однако за первичными статусно-профессиональными изменениями должны обязательно

последовать социально-психологические. Здесь он проходит сложнейший процесс адаптации к новым условиям, осознает новые ощущения, восприятия, накапливает другие знания, социализируется в общении и взаимодействии с другими людьми, убеждается в полной утрате свободы, в своем абсолютном бесправии и постепенно привыкает к угнетенному состоянию. И так до следующих изменений, если они окажутся возможными до окончания скоротечной человеческой жизни. И это вторая фаза зарождения класса.

Дальше – процесс его становления, развития, самоидентификации и исчезновения в новых социально-экономических условиях, которые способствуют переходу в иное качество через перевоплощение или поглощение другими социумами. Еще никому не удалось проникнуть в таинство социального бытия и вряд ли удастся, так как каждый человек является носителем своей сути социализации, а невообразимая по численности общая совокупность людей всех поколений таким образом выглядит как не менее необъятная по объему и доступности познания тайна.

Понять же механику наиболее важных процессов вполне доступно. В данном случае мы попытаемся сделать такую работу со сложившейся социально-классовой структурой современного российского общества, которую я рассматриваю через призму основополагающего, самого главного и важного класса – крестьянства, родившего, вскормившего, воспитавшего и проложившего дорогу в жизнь всем остальным. Только одному мне он великодушно подарил путевку в четыре освоенных мною класса.

Специально не стану выделять общую характеристику композиции классов, она будет проходить красной нитью через всю монографию, включая ее заключение. Напомним только общее методологическое замечание о том, что чистых явлений в социальной жизни не бывает. Они, как правило, носят подвижный, динамический характер, смешиваются и смещаются в социальном пространстве конкретных эпох или их переходных периодов.

Один и тот же человек может одновременно представлять два и более класса. За примером далеко ходить не надо. Возьмем меня. Родившись в крестьянской среде и пройдя все основные процессы функционирования данного класса, сегодня я как ученый нахожусь в среде специалистов, а как бизнесмен – предпринимателей. К тому же до недавнего времени входил в номенклатуру, вернувшись в ее ряды на должности ректора университета после тринадцатилетнего перерыва. И такой симбиоз и совмещение характерны для многих людей. Кроме, пожалуй, рабов, это в полной мере относится ко всем классам, выделение которых мы производим, как и полагается чисто в научном плане. Но обо всем по строго заведенному крестьянскому порядку.

3. В социологи б пошел, но кто меня научит

Уже в зрелые годы я начал задумываться об истоках своего профессионального выбора, как, почему и когда я решил стать социологом? И пришел к неожиданному выводу – в детстве, во время первых уроков крестьянского труда. Лет с шести меня приучали к работе подпаса во время исполнения очереди (так именовался зародившийся еще сотни лет назад вместе с возникновением общины порядок выпаса крестьянских коров, овец и телят), которая больше походила на роль ученика-порученца: сбегай заверни, подгони, останови и так далее. Но через 2-3 года мой профессиональный уровень повысился до пастушонка, коему доверяли отдельные фланги или направления, где приходилось принимать даже самостоятельные решения и действовать по своему усмотрению в зависимости от диспозиции стада.

Вот тут и начались мои первые социологические упражнения и опыты. В дело вступала самая загадочная и таинственная из всех видов дидактическо-педагогического воздействия – семейная академия. Сколько ни систематизировали ученые общих черт и закономерностей ее функционирования, а главной была, есть и будет ее специфическая неповторимость. Естественно, важнейшими академиками являются всегда родители: для мальчиков – отец, для девочек – мать, соответственно, дедушки и бабушки. В жизни так часто бывает, особенно в зрелые годы, когда не можешь вспомнить, что говорилось или делалось в сравнительно недавнем прошлом. Но то, чему учили отец и мать, наставления дедушек и бабушек сохраняются по каким-то неведомым, чисто компьютерным характеристикам памяти и воспроизводятся ею почти в дословном исполнении. Тем более их авторитет был непререкаем.

Внимательно всматриваться в происходящие в природе явления, в поступки людей и поведение животных, четко и конкретно следовать примеру старших, жить по правилу «делай как я» – всему этому и многому другому учил меня отец. А что это, как не уроки введения в профессию социолога, о которой мой родитель и тем более я, разумеется, ничего не знали и даже слова такого ни разу не слышали.

Не перечислить множества примеров вхождения маленького подростка в сложнейшую крестьянскую жизнь, которая позднее коррелируется в уже другой намного неведомой мне жизни. На мгновение представим весеннюю картинку села. Долгожданное пробуждение природы, когда все появляется в первозданном виде: первые почки, листья, травы и цветы. И, конечно же, первый выпас домашних буренок, которые в сопровождении хозяев величаво и неспешно выходят на выгон.

Будет вполне уместным дать уточнение самому понятию «выгон», которое соединяет в себе два совершенно разных значения. Одно

означает процесс вывода или выгона домашних животных на место их выпаса, а другое – определяет характеристику самого этого места, коим является свободное от обработки пространство земли, где производится выпас скота. Каким же удивительным является наш родной русский язык, который буквально одним кратким словом окунул нас в многогранное явление, раскрывающее удивительное таинство взаимодействия человека и животных.

Его постижению мне помогает отец своими лаконичными и очень точными комментариями, ненавязчиво сопровождающими весь ход нашей работы. Это целая церемония, которая должна завершиться формированием, точнее воссозданием после зимнего перерыва стада как специфической структуры, готовой к управлению пастухом и его помощником, в данном случае моим отцом и мной.

Вначале наши действия ограничиваются наблюдением, моими вопросами, ответами и пояснениями отца. В глаза бросается реакция животных на выход в свет. Повсюду мычание, выкрики, специфические движения, напоминающие гимнастику. Одна прыгает, другая крутит хвостом, третья кидает землю копытом. Радуются, восторгаются свободой и красотой природы – замечает отец – шутка ли, всю зиму простоять в одиночку в отрыве от всего мира в сарае. Неволя, кому она нравится? Тем временем на выгоне начинаются взаимные приветствия. Буренки подходят друг к другу, издают звуки-здравицы, притрагиваются дружески рогами, боками, наиболее уважающие своих подруг сразу же начинают их облизывать, почесывать разные части тела и т.д.

Одновременно в небе появляется авиация. Над всем этим зрелищем завис и медленно парит одинокий коршун. Нет, он не выбирает жертву. Намерения у него вполне мирные, просто присоединился к празднику за компанию. Совсем по-другому ведут себя многочисленные ласточки, которые будто пикирующие истребители охватывают на большой скорости все пространство, то и дело выныривая то из под ног, то ниже коровьего подбородка. По виду они одинаковые абсолютно и, кажется, летают совершенно беспорядочно. На самом деле они окучивают и сопровождают именно хозяйку того сарая, где летом выют гнезда и выращивают своих птенцов. Демонстрируют родственные, добрососедские отношения.

Со всех окрестных деревьев доносятся удивительно мелодичные трели скворцов, и как бы соревнуясь с ними, так же залиристо поют жаворонки. Лучших музыкантов в округе не сыскать. Особняком держится пара ворон, делаая неспешные круги облета всей деревни. Это дежурные, специально направленные для внимательного контроля за ситуацией. У них только что закончилась семейная планерка на ветках одной из раки, расположившихся вдоль луга. О них отдельный, не менее содержательный рассказ.

Нас же отвлекает незлобный, залиvistый лай домашних охранников. Не всех их вывели со дворов, наиболее агрессивные и непримиримые ко всему постороннему остались на цепи. За них всю стараются вырвавшиеся на свободу. Каждый песик норовит бежать рядом со своей кормилицей, всем своим видом показывая, что находится тоже при делах – попробуй тронуть наших! Несколько поодаль, как и положено заклятым собачьим друзьям, выдвигается семейство кошачьих. Тоже провожают своих кормилиц, зная лучше других запах свеженадоенного парного молока, ибо по устоявшейся традиции им оно перепадает всегда первым.

Но всеобщее внимание приковывает статная и горделивая красавица Марта, занявшая позицию в самом центре. Ее независимый вид, осанистая фигура словно магнитом притягивает других спутниц. К ней, как на регистрацию, подходят поприветствовать практически все – кто с возгласами, прикосновением, а кому-то достаточно просто приблизиться на дозволенное расстояние. Далеко не каждой здесь удается получить доброжелательный ответ или хотя бы снисходительное умиротворение. Тут же получаю разъяснение. Это – лидер, вожак, главная, значит, в стаде.

С профессорской кафедры, конечно, понятно, что означает технология лидерства, а тогда эту тему пришлось изучать на вербальном уровне, через участие в решении практических задач и вариативное воздействие на самые неожиданные ситуации. Основополагающее отеческое наставление: сумеешь найти общий язык и контакт с лидером – будут целыми твои ноги и порядок на пастбище, не сумеешь – все пропало. И силы, и время, и, самое важное, результат целого дня окажется отрицательным. Коровы будут дергаться, лезть куда попало, не напасутся травой, за что будет неизбежный упрек от людей. И это будет самый большой позор в крестьянском деле.

В своей повседневной жизни мы как-то не задумываемся о том, как тот или иной человек становится лидером формального или неформального коллектива. Далеко не всегда это сопровождается соответствующими организационными процедурами выборов или назначения. Возникает вопрос – не с неба же они падают? Это тем более интересно в среде домашних животных, в частности, у коров. Как показали мои многолетние наблюдения здесь, конечно, нет ни выборов, ни назначений. Происходит саморегулируемый, естественный процесс, включающий в себя несколько этапов отбора.

Первый – это исчезновение старого вожака стада, как правило, по возрасту или по болезни, что приводит к упадку сил, скорости движения, энергетических ресурсов и других весьма актуальных для исполнения данной роли качеств. Наиболее подходящими для замены являются две фланговые помощницы лидера, которые приблизились к

ведущей роли благодаря своей внешности, росту, среднему возрасту, выносливости и решительности характера. На эти позиции никогда не может попасть молодая, пусть даже очень сильная, буренка или просто слабovolьное животное.

Как и у людей, здесь происходят различные жизненные ситуации, связанные с движением, с поиском пищи, с половыми инстинктами, с отражением враждебных выпадов со стороны, а также с характером и культурным уровнем хозяев, условиями домашнего проживания, генетическими наклонностями характера и ума. Особенно важны искусство общения и взаимодействия с пастухами, способности отстаивать свои интересы и в то же время не переходить многочисленные, тонкие и порой весьма сложные грани отношений с ними.

Гармоничное сочетание всех этих качеств замечается подругами, которые постепенно подталкивают вперед по ходу движения таких кандидатов, как бы выдвигая их на руководящую должность. Не исключается, что занятие определённой позиции на центральной или фланговых дорожках сопровождается столкновением и выяснением отношений на рогах. Такое бывает весьма редким и, что характерно, кратковременным актом. В данных ситуациях превалирует уступчивость одной из сторон, что и гарантирует от жестокого и кровавого мордобоя, которого мне никогда не приходилось наблюдать. Занятую позицию обязательно должна утвердить специальным жестом ведущая, таким же образом она может и не допустить столь ответственного приближения к себе.

По отношению же к одряхлевшему лидеру ни одна из фланговых не может позволить ни малейшего насилия и выталкивания ее с главной позиции, пока та сама не начнет отступление в глубь стада. Причем, она сначала займет позицию одной из фланговых, как бы выдвигая ее в лидеры. Ничего подобного зачастую не происходит у людей, которые могут и подсесть, и свергнуть, и организовать интриги, и просто захватить в удобный момент лидерство в том или ином коллективе.

В ходе такой естественной смены практически не наблюдается особых волнений, возбуждений или конфликтов. Все происходит незаметно, спокойно и уважительно. Плюс, как положено, сопровождается признаниями и поздравлениями. Тем более от роли ведущей никаких дивидендов уходящей в арьергард Бурёнке ожидать не приходится. За это ей никто не принесет ни еды, ни воды, как это бывает, например, у львов и многих других животных.

Здесь же, наоборот, только дополнительные нагрузки, обязанности и ответственность за все стадо, которые исключительно добровольно взваливает на себя сильнейшая, по всей очевидности, исходя из принципа, – кто, как не я! Опять же безупречным стимулом тут служит ощущение свободы и самостоятельности, которая возможна

только впереди стада. Сзади же всегда подгон, понукание, наказание и другие прелести несвободы. И это удел только для слабосильных и ведомых.

От выстроившейся логики исследования лидера нас вдруг отвлекают шум, всеобщее возбуждение вокруг одной персоны – оказывается, стадо зимой пополнилась новенькой. Ее появление тотчас вызвало неподдельный интерес и далеко не дружественную реакцию практически всего поголовья. На лицах буренок, в один миг ставших непривлекательными, царило всеобщее возмущение. Как так в наше стадо попала чужая, да еще и в сопровождении хозяйки, которая, кого доброжелательно, а кого и криком отгоняла от нее.

Но это было бесполезно. Каждая буренка норовила не только понюхать, но и обязательно толкнуть рогом новенькую, пусть и не больно, но вполне враждебно. Ситуация разрядилась, когда конфликтная процессия приблизилась к Марте. Та с явной небрежностью осмотрела новенькую, как бы нехотя щелкнула своим рогом по ее рогам, чуть притронулась к ее лбу и громко хмыкнула. Тут же, как по мановению волшебной палочки, все успокоилось. Правда, на время. Новенькой еще в течение нескольких дней придется познавать все прелести адаптации в изменившихся жизненных условиях.

Мы же продолжаем осваивать характеристики своих подданных. Вот чуть в стороне остановилась и смиренно оглядывается среднего роста пожилая буренка с явно истощенным, болезненным видом: недавно родила теленка. Проходящие мимо такие же мамы вполне сочувственными звуками и движениями выражают ей свою солидарность и почтение. Внезапно в центре внимания оказывается грязное, что называется, по уши, существо, от которого все брезгливо отворачиваются и отходят в сторону. Вся в хозяйку пошла, – следует комментарий отца. Где испражняется, там и ложится спать, у нее и молоко имеет запах навоза. Там, что в доме, что в хлеву, что во дворе – все в грязи, в мусоре. Одно слово – неряхи.

Меж тем, перед взором появляется еще один интересный персонаж, видимо, из буйных. Не идет, а мечется, всех задевает, с кем-то начинает на рогах выяснять отношения и с трудом успокаивается, пока не получает серьезный отпор. Тоже как две капли воды напоминает свою хозяйку, у которой одна половина села враги, другая – недоброжелатели, почти со всеми умудрилась поругаться. Наше настроение поправляется при виде степенной барышни с ласковыми материнскими глазами, сияющей чистотой не только тела, но и даже копыт. Эта не ляжет куда попало, да и соломка под ней всегда чистая и сухая. Как за собой следят за своей кормилицей старики-пенсионеры, которые вместе провожают свое достойнейшее сокровище. У всех троих на лицах и в глазах благоденствие и счастье.

И примеров такой ментальной схожести нравов и характеров встречается не два-три раза, а значительно больше. Конечно, о процентной выборке тогда мало кто слышал. Она сама по себе хотя и важна, но значительно актуальнее нам понять механизмы взаимодействия и взаимовлияния людей и домашних животных, что невозможно только лишь через имеющиеся инструменты социологии.

4. Наш путь – интеграция с зоосоциологией

Собственно, мы уже по нему идем. Уместно детальнее на этом порассуждать, пока наш оппонент не начал задавать каверзных вопросов. Как, например, и откуда взялась такая невидаль, как зоосоциология? Ведь к общепринятому смыслу социологии как системе научных знаний, исследующих законы человеческого общества и взаимодействия социальных групп, добытые эмпирическими методами, приставка «зоо» внешне выглядит как кавалерийское седло на спине крокодила. В ответ на такую претензию можно было бы послать уважаемого оппонента в глубины вселенской паутины, где его поджидает около сотни различных отраслей и направлений социологии, в том числе аграрная, природных ресурсов, окружающей среды и так далее.

Но мы подготовились и не дадим в обиду ни авторов «энциклопедии социологии»⁵, где зоосоциология определяется как дисциплина, пограничная между биологией и социологией, изучающая сообщество животных. Ни А.Г. Дугина, внимательно изучившего теорию Конрада Лоренца, прекрасного знатока животного мира и выдающегося зоолога, описавшего множество сложнейших ситуаций из жизни зверей, при которых детерминизм инстинктов формирует гигантское поле выбора и индивидуальных стратегий.

Этология Лоренца – это самая настоящая зоосоциология, – подчеркивает он, – так как в его трудах демонстрируются и обобщаются примеры моногамных семей у лебедей и ворон, больших семей у крыс, где не только оба родителя, но и деды и бабки, дяди и тети заботливо ухаживают за новорожденными крысятами, никогда не пугая своих малышей с представителями других больших семей и т.д. В среде животных есть агрессия и милитаризм, пацифизм и миролюбие, коллективизм и индивидуализм, трудолюбие и беззаботность.⁶ Точное попадание в вышеописанное стадо буренок.

Нельзя не согласиться с выводами аналитика, позитивно оценившего усилия немецкого исследователя. Жаль только, что они оба деликатно ушли от расстановки приоритетов во взаимодействии живых видов, в том числе и людей, объясняющихся их влечением друг к другу через специфические запахи-феромоны, улавливаемые бессознательно, с одной стороны, и такими чисто ментальными признаками

проявления их индивидуальности, кои описываются в данном исследовании и других доступных источниках, с другой.

Преодолеть такой тупик нам не под силу, тем более нас ждет построение стада. Представить реальным такое мероприятие невозможно даже искушенному в крестьянской проблематике человеку. А для тех, кто понятия не имеет о выпасе животных, тем более покажется фантастикой. Поэтому поспешим уточнить саму процедуру и назвать ее самопостроением стада. При этом все взоры, как пастухов, так и буренок устремлены на лидера. Как только мы с помощью специальных, вполне понятных всем слов «пошли», «вперед», «давай», «быстрее» и т.п. начали уплотнять конфигурацию стада, Марта сразу же заняла место впереди. Справа и слева чуть поодаль от нее надежные помощницы – ведущие двух флангов.

Нам особенно приятно выделить правофланговую, нашу родную и любимую Белку. Крупного телосложения, белоснежной масти, она особенно величественно смотрелась в процессе движения, легкость, изящность которого дополнялась весьма заметным наполнением молока. Его она всегда приносила почти ведро, и так три раза в день. Привыкшая к постоянной доброте и ласке, Белка всегда нам отвечала искренней взаимностью. И на сей раз, когда мы подошли к ней, она потянулась ко мне, притронулась губами и дохнула таким неповторимым ароматом, что я и по прошествии почти шести десятков лет забыть его не могу. К тому же удостаивался таких жестов много раз и от нее, и от последующих кормилиц нашей семьи.

Удивительный феномен человеческая память. Она подобно компьютерной флешке записывает в свои анналы все хорошее и плохое, нужное и ненужное, полезное и бесполезное. Затем в любой момент так же таинственно все это воспроизводит. Яркость моих воспоминаний такова, что каждый раз приходится невольно сравнивать, пытаться понять, в конце концов, что же напоминает мне это прикосновение благороднейшего из всех животных, чей это запах? Совсем недавно пришла мысль: самый первый и близкий, благоухающий и животрепещущий запах материнской груди мы в силу раннего возраста не запоминаем и теряем его. А может он остается с нами на всю жизнь, внутри нас, без проявления внешних осязаний? И не потому ли каждый человек ждет его ощущений на интуитивном уровне. Ждет и не может дожидаться.

Однако вернемся к самопостроению стада. Проходит оно в основном спокойно. Большинство буренок помнят свое место в строю, неспешно занимают его и двигаются вперед. Те же, кто подзабыл свою позицию, несколько минут суетливо перемещаются по сторонам, но подталкиваемые подругами вскорости занимают искомое положение. Хуже приходится новенькой. Куда она ни ступит, всюду занимает чу-

жое место, что никак не приемлемо для любой партнерши. Реакция у всех одна – возмущенное мычание и угрожающий укол рогами. С ее бодрым и энергичным характером быть бы желательно в первых рядах, но пришлось смиренно занять место сзади, где, по крайней мере, никто не предъявляет претензий.

Заметим, все самопостроение осуществляется по ходу движения. Размеренной, степенной походкой лидера задается и его скорость. И вот через пару километров вся процессия попадает в продольный широкий яр, где много травы. Встречаются и родники, и отдельно стоящие деревья. Осмотрев окрестности, Марта свернула влево от дороги и без промедления и всяких команд стала жадно щипать траву. За ней последовали остальные. Началось осуществление главной задачи – больше съесть и, соответственно, больше принести молока на радость своих хозяев.

Что же остается пастухам – отдыхать? Ничего подобного и тем более скучного не предвидится. Слева неподалеку небольшой лес, что само по себе заманчиво для многих, рядом зеленеет и вкусно пахнет поле озимой пшеницы, а это уже не просто магнитное притяжение, но и в буквальном смысле смертельная опасность. Чуть прозеваешь и тут же жди беды. Для буренок этот вкусный корм хуже отравы, причем они этого не чувствуют и не понимают. Могут с жадностью наестся и вскорости погибнуть. Пастуху не нужно объяснять, что по его вине целая семья останется без главной кормилицы.

Впрочем, одна из самых бойких и непослушных уже отделяется и постепенно, как бы по ходу выпаса двигается в сторону озимых. Приходится жестко одёрнуть и поправить ее, но тут же такой хитрый маневр чуть поодаль повторяет другая, потом третья. Марта, как ни в чем не бывало пасется, как бы невзначай поглядывая на происходящее. Означает ли это, что ей безразличны действия партнерш, или такие нарушения свершаются с ее ведома сначала в чисто разведывательных целях – мол, посмотрим, как отреагируют пастухи, затем всем стадом будем действовать по обстоятельствам. Все это остается загадкой и для нас, и для современных зоосоциологов.

Вообще, взаимоотношения пастухов и поголовья складываются нередко как на поле боя, причем боя порой далеко не спортивного. Со своими маневрами, наступлением и отступлением, различными хитростями и прямым обманом, жесткими командами, наказаниями и поощрениями. Накал драматических проявлений характеров как на сцене театра. Часа через два активное поглощение травы вместе с набегами на запретные зоны и неизбежные столкновения с пастухами заканчиваются, Буренки, поглядывая на лидера, успокаиваются и постепенно укладываются на отдых.

В пору и нам отдохнуть да позавтракать. О трапезе в полевых условиях под ласковыми лучами утреннего солнца среди пахнущих

ароматами трав и цветов, немало романов написано. Многие из них удалось прочитать и мне, но это не меняет ощущения того, что образнее отца никто так и не сумел для меня описать природу Черноземья, разве только Нобелевский лауреат наш земляк И.А. Бунин, так и оставшийся непревзойденным в этом деле.

На всю жизнь запали в душу слова отца и его невеселые рассуждения о тяжелой крестьянской доле. Понимаешь, наша жизнь – это одновременно ад и рай. Вижу, не уразумеешь сразу, как такое совмещается. Я и сам не могу уяснить: если по писанию ад посылается человеку как наказание за грехи, а рай как награда за добро, то какие же грехи нужно свершить нам, крестьянам, чтобы оказаться в адских условиях земной жизни еще на этом свете. А что же ждет нас на том?

Принято считать, что сам крестьянский труд, это почти ад, – продолжает он свои размышления. Ничего подобного. Да, он действительно тяжелый, изнурительный, непрерывный, порой без отдыха, сна и покоя. Но он нам в радость, он поддерживает всю жизнь на земле. Это наши руки дают всем людям продукты питания, возможность жить и работать. Это наши жилы вытягивают любое дело и всю страну. Что же касается ада, так он заключается в вечном угнетении, притеснении, обременении крестьян. У нас что-то постоянно отбирают, чем-то ограничивают, куда-то нас гонят, мобилизуют – в общем, не дают нормально жить и работать на земле.

А земля – это наше все, это наш рай. Ты видел в старом молитвеннике у бабушки картинку с изображением рая. Там сады и леса, на зеленых лугах пасутся овцы, коровы. Мне еще с детства запомнилось, что именно пастухи первыми узнали о пришествии Бога на Землю. И родился он в пастушьей пещере. Пастух, – любил повторять отец, – это особый, божественный труд. Ни перед кем так широко не раскрываются небо и солнце, не спускается красивый закат. Все это сейчас перед нами. Сегодня мы в раю и это настоящее счастье. А если завтра землемер отрежет 20 соток луга на нашем участке, все мы расстроимся, заплачет мама и это будет лишь горе. Но когда на него специально пригонят колхозных телят по распоряжению бригадира, и они не съедят, а просто вытопчут, уничтожат траву – получится настоящий ад.

Мы еще сделаем драматический комментарий отцовским словам. А сейчас вдвоем поднимаемся с места вслед за буренками, которые вяло потягиваются в раздумьях, что же делать дальше. Весеннее солнце, хоть почти и в зените, но воздух прохладный, можно спокойно покушать травки и двигаться домой. Марта уже поглядывает на нас, ожидая нужной команды. Хорошо, что сегодня весна, жары еще нет, а значит и нет серьезных тревог. Летом же ситуация будет другой. Долго залеживаться буренкам не придется, их атакуют многочисленные оводы, которые, как пули на высокой скорости будут впиваться

в их кожу, вызывая нестерпимую боль и настоящую панику всего поголовья.

Решающую роль в такой сложнейшей ситуации играют взаимоотношения пастуха и лидера. Среагирует первый вовремя на возникшую опасность, оперативно отведет стадо к лесу или лесопосадке, агрессоры будут нейтрализованы, процесс останется под контролем. Если же он прозевает момент, когда уже и лидер не сможет сдерживать ни себя, ни других – все пойдет вразнос. По ее громкому сигналу и высокоподнятому хвосту все изготоятся спасаться бегом с места злобной атаки. Через секунду, другую мощная лавина понесется вскачь, сметая все на своем пути – огороды, посевы, кустарники и т.д. Тут не до построений и натоптанных дорожек. Каждая буренка буквально летит, кто – куда, и остановить этот отчаянный и одновременно спасительный бросок невозможно даже пулеметной очередью. Его последствия могут быть самыми неприятными.

Обсуждая с отцом данные перипетии, мы неожиданно вышли на философское осмысление ряда важных проблем взаимодействия человека и живой природы. Приученный с детства к анализу происходящего и по натуре склонный к разного рода обобщениям, я высказал не то вопрос, не то вывод: выходит у коров получается как у людей. И слова они наши понимают, и настроение чувствуют. Наоборот, – мгновенно, с присущей ему резкостью парировал отец, – это у людей не все получается как у коров и других животных. Это люди не понимают их языка, их отношения к природе и к человеку. Да, такие перлы не прочитаешь в учебниках и других умных книгах. Почему-то наша беседа, хотя и оставила яркую зарубку в памяти, не получила своего продолжения, и впоследствии, спустя долгие годы мне пришлось много домысливать самому.

Для нас это еще и приятный повод воспроизвести ряд конкретных результатов фиксированных наблюдений, в частности, за семьей ворон на только что построенной базе отдыха БелГУ. Восемь персон, то есть четыре пары появились на ней сразу же после прибытия первых отдыхающих, а, следовательно, и соответствующих продуктов питания. В качестве своего штаба, где каждое утро их вожак или старший проводит получасовую планерку, была выбрана ива, на которой, очевидно, они распределяются по видам своей работы на день.

Одна пара дежурит методом систематического облета территории вокруг базы, остальные ведут разведку прилегающих мест. Главная задача – найти продукты или их отходы, позвать остальных и попить. Не менее важной работой является высидывание птенцов в своих гнездах, расположенных в ближайшем лесу. Туда на лето отправляется женская половина ворон. Мужья же обеспечивают их всем необходимым и, прежде всего, едой, которую регулярно носят с базы

отдыха. Поскольку на протяжении многих лет численность семьи не менялась, видимо, происходила ротация молодых кадров, а старшие покидали ее и образовывали свою собственную или вливались в родственную ячейку.

Несменяемым оставался только их главный, ведущий, отличавшийся более мощным телосложением и зычностью голоса. Я сразу же назвал его Каррой. Поначалу он вместе со своими подопечными почти не обращал внимания на мои приветствия и дружеские попытки с ним заговорить. Постепенно я стал получать сначала снисходительные ответы «кар» – мол, проходи своей дорогой, не мешай нам работать. Затем они при виде меня первыми начинали приветствие, всегда получая доброжелательный ответ.

Вскоре ведущий стал выделять меня из всех работающих на базе. Понял, что я тут главный по всем признакам: веду совещания со строителями, проверяю и контролирую их работу. От вороньего внимательнейшего глаза не ускользает ни одна мелочь, и мою специфическую роль они определили без особого труда. Шли дни и месяцы и вместе с ними разворачивалась стройка, на которую я регулярно приезжал. Главный тянулся к главному, и поскольку я там часто бывал только в теплые месяцы, отношения наши носили пассивный, чисто приветственный характер.

Но пришла беда, у жоака пропала супруга. По его поведению было заметно, что переживал он сильно. Прекратил вести планерки. То летал с пронзительными криками, то подолгу молча сидел на ветке, ни на кого не обращая никакого внимания. И тут к нему обратился я. Высказал ему все надлежащие слова и сочувствия, и приободрения. Отвернувшись, он как бы не хотел общения ни с кем, включая меня. Но я был настойчив и повторял свое искреннее соучастие в его горе. Наконец, он стал отвечать, потом сопровождать мои поездки на лошади и велосипеде. В целях сохранения социальной чистоты наших становящихся все более близкими отношений с Каррой, я исключил всякие угощения продуктами. Только приветствие, разговоры и сопровождение.

Так продолжалось чуть больше года. Затем мой друг исчез и через некоторое время появился снова во главе планерки. По возникшему восьмому члену семьи я понял, что он опять обрел подругу жизни. И наши отношения, за исключением редких сопровождений, снова ограничились взаимными приветствиями, очень громкими и радостными. Даже когда меня не было на базе, он искал для приветствия, кружил над работающими садовниками, каркал, о чем мне, конечно, докладывали по приезду. Каркал, значит, спрашивал, где я есть.

Серьезной функцией вороньей семьи была охрана своей территории. Компромиссов здесь никаких не допускалось. Стоило зайчихе

облюбовать себе норку и родить там зайчат, вороны тут же осуществили ее принудительную эвакуацию вместе с выводком. Жестокий бой за право на жизнь возле дома приемов базы проиграли и опрометчиво поселившиеся там совы. Исключения составляли домашние животные: кошки, кони, собака, за которыми присматривали люди. И то до определенных пределов. Когда умная немецкая овчарка наивно и доброжелательно приблизилась к разбору воронами мусорных баков, она была подвергнута беспощадной воздушной атаке, навсегда отбившей ей стремление к совместной трапезе.

Еще более интересные отношения складывались у ворон с парой аистов, огромных птиц с мощными клювами. Мы их заметили, когда впервые за полвека начали косить луговую траву. Они сноровисто бросались буквально под трактор и косилку, выхватывая оттуда беззащитных лягушек. Тут же вполне мирно ловили перепуганных и выскакивающих из своих гнезд мышей наши вороны. Видя такое вполне дружеское разделение труда, мы решили поставить здесь высокий столб с колесом наверху, приглашая аистов на постоянное место жительства.

Они с радостью прилетели, увидели новую возможность для жизни, стали облюбовывать свое будущее гнездо. Казалось, осталась одна деталь – согласие ворон. Но те решительно его не давали, агрессивно пикируя вокруг столба, всем своим видом и численным превосходством показывая, что жить здесь они никому не позволят. Никто не видел, состоялось ли боестолкновение или аисты добровольно покинули базу. Только теперь запрет был распространён и на их вкусные лягушачьи лакомства во время очередной и последующих уборок луга.

Не сразу нам удалось разгадать причину такого поведения ворон. Только после изучения дополнительных материалов об их достоинствах мы убедились, что по интуиции и тактическому мышлению они не уступают человеку, а возможно, в ряде случаев превосходят его. Логика их решений была примерно такой. Лягушки нам не по вкусу, пусть прилетают, кушают их и улетают даже такие сильные конкуренты, как аисты. Но появление их гнезда, затем их поселение и выводок детенышей – это уже заметное увеличение семейства, опасное для судьбы территории, которую можно просто потерять. И они решительно прогнали приглашенных человеком гостей.

Для более полного анализа взаимовлияния животных и людей и обоснования своего авторского тезиса о том, что социология без зоосоциологии не должна решать ни одной задачи, связанной с исследованием мировоззренческих и морально-этических проблем любой социальной группы, сделаем еще одну социологическую зарисовку. Мой домашний богатырь, годовалый кавказец Дон с первым снегом получил и долгожданную свободу в виде всей территории двора. Его

радости не было предела. Он восторженно, по-хозяйски обследовал каждый угол взятого под охрану участка. Сюда же теперь ему подавалась и миска с едой. Вскоре мы заметили, что, несмотря на сохранение прежнего рациона, наш друг все больше выглядел голодным и изможденным.

Оказалось: только хозяйева поставят миску на снег и захлопнут за собой входную дверь дома, как тут же, откуда ни возьмись, стая ворон окружает ее вместе с приступившим к обеду Доном. Не выдерживая такого нахального вторжения на подведомственное подворье, да еще с посягательством на самое святое – еду, тот начинает гнать ворон со двора. Но не всех, а, как оказывается, только часть. Изящным манёвром они разделяются при взлёте. В это время другая их половина жадно опустошает миску. Пока он на них и за ними, на миску тут же десантирует только что отброшенная на безопасное расстояние другая часть ворон. Три-четыре контратаки незадачливого питомца, и он уже наедине с пустой посудой. А вороны, довольные своей хитростью, не спеша усаживаются на ветках деревьев и насмешливо перекаркиваются между собой.

С возвратом трапезы в вольер можно было проблему считать закрытой. Но совсем по-другому думали вороны. Примерно через месяц наблюдается еще более изумляющая нас картина. В вольере, возле миски сидит и облизывается от удовольствия съеденной кашей наш Дон. А вокруг миски стремительно доедают её остатки те самые вороны. Никакой суеты, все по-свойски, по-домашнему. Наблюдение наше усилилось.

Выясняется, что примерно за час-полтора до еды происходит очень интересное мероприятие, напоминающее чем-то беседу за круглым столом. Наш питомец сидит посреди двора и слушает, не обращая ни на кого и ни на что внимания, карканье ворон, рассеявшихся вокруг на различных возвышенностях. Делают это они, можно сказать, по очереди, не перебивая друг друга и с максимальной выразительностью, четко осознавая, что он их понимает. Впоследствии я в этом убедился на конкретных примерах.

Самое же интересное, Дон вскорости приступает к обеду, они молча наблюдают и, как только он поднимает голову и садится рядом с миской, вороны тут же бросаются к ней в вольер и быстренько доедают кашу. Оказывается, наш и теперь уже их друг оставляет им свое угощение.

Как тут не вспомнить и по-доброму не позавидовать знаменитому немецкому зоологу Альфреду Брэму, русским писателям Н.С. Лескову и П.И. Мельникову-Печерскому, известным и неизвестным природоведам, понимающим язык птиц и умеющим разговаривать с ними. Не постесняюсь написать, но иногда после общения с отдельными людьми

ми хочется какого-то очищения, восстановления через простой разговор с животными. Не верится, что они могут так часто огорчать, обижать и травмировать друг друга, как это делают своим словом люди.

И кто нам после вышеописанных сцен будет рассказывать о животных инстинктах? Здесь же четко выражается осознанное взаимопочтение и ответная благодарность за услуги. Плюс обдуманно и тщательно спланированные действия ворон по принципу осуществления исчерпывающих мер для достижения результата. Хотя мы можем быть уверенными, что данная живность понятия не имеет, что такое принцип.

5. Кто младший или старший – не самый главный вопрос взаимодействия людей и животных

А по мне так в заголовке параграфа это главный вопрос всего процесса жизни на Земле. И других, более важных просто не существует в природе, которая по воле и замыслу Творца создана, функционирует и развивается как единый живой организм. В нем каждое живое существо, начиная с одноклеточных и кончая теми, кто наделен разумом, занимает определенное место и играет конкретную роль в общей гармонии земного существования.

Как-то профессор А.И. Молчанов, большой любитель таких эпизодов, – они его релаксируют после небезвредных для любого здорового человека фундаментальных исследований истории распада СССР, рассказал один случай. Поздней осенью лебеди, жившие на деревенском пруду, засобирались в дорогу и оставили одного больного, надеясь на помощь добрых людей. Жившая неподалеку бабушка заметила его, подобрала, подлечила и вывела отставшего от своих бедолагу. Вскорости он стал совсем домашним, что не помешало ему с наступлением весны соединиться с лебединой стаей, вернувшейся на пруд. Однако и спасительницу свою он не забывал, всякий раз ее приветствовал при встрече, приходил ко двору.

Но пришло горе, старушка заболела и слегла в постель. Почувствовав неладное, белый красавец поймал лягушку, по привычке зашел в дом и положил свое самое лучшее лакомство и одновременно лекарство бабушке в кровать. Благородная и умная птица с максимальной возможной отдачей и искренностью выразила благодарность порядочному человеку, не бросившему ее в беде. Неужели и это инстинкты? Любопытно, а дети и внуки проявили к своей маме и бабушке такое внимание? Жаль, ответ остался за пределами этой трогательной истории. Чем не тема для молодых социологов и других исследователей. Ведь мы до сих пор, изучая устройство общества, взаимоотношения социальных групп, не знаем, какова же среди нас

доля добропорядочных людей и как она выглядит на фоне адекватной лебединой выборки.

Наверное, мы очень мало знаем, если не сказать еще категоричнее, об отношении людей и животных к жизни, ее ценностям и смыслам. Задавались ли вы когда-нибудь вопросом, может ли преднамеренно, с полным осознанием последствий одна корова, коза или собака убить другую, себе подобную. Повздорить, поконфликтовать и даже подраться могут, убить – никогда. Что характерно – и самоубийство они тоже никогда не практикуют. А человек и к суициду склонен, и может погубить не только себя, но и другого человека убить, не особенно задумываясь. А если задумает какую-то идею, сформулирует цель, тут счет убийствам пойдет уже на сотни, тысячи и миллионы людей, зачисляемых в неизбежные жертвы их осуществления.

Страшно даже подумать о количестве убиенных людей в ходе многочисленных революций, реформаций, войн и конфликтов. И все – по неотложной необходимости, в силу специально обоснованных исторических закономерностей, неизбежных условий, последовательных этапов, антагонистических противоречий и трудностей. Тут же и таким же образом подведут и теоретическую, и праксеологическую базу под оправдание массовых репрессий и жертв.

Например, многотысячные убийства и казни англичан под руководством Кромвеля объясняют тем, что они были главным препятствием в осуществлении целей буржуазно-промышленной революции, без которой был немислим прогресс общества. Геноцид русского и других народов СССР некоторые ученые и политики обосновывают как единственно возможный способ его индустриализации, а главного организатора и вдохновителя И.В. Сталина считают даже эффективным менеджером, благодаря которому была одержана победа над фашизмом.

А голоса тех, кто считает по-другому, нередко заглушаются, искажаются, объявляются непатриотичными и даже предательскими. Хотя военная катастрофа 1941 года до сих пор не получила объективной оценки специалистов. Ее определение как неудач и поражений первых месяцев войны не выдерживает критики. Невиданный за всю мировую историю по масштабам и стратегическому замыслу молниеносный разгром многомиллионной Красной армии, большей частью взятой летом и осенью 1941 года в плен, требует очень серьезного, скрупулёзного анализа.

Возникают вопросы о том, почему один немецкий солдат брал в плен десятки красноармейцев, и не голосование ли это многих из них поднятыми вверх руками против сталинской коллективизации и репрессий? Или как объяснить, что практически 3 миллиона советских людей, по мнению ряда специалистов, служили на стороне Гитлера?

Тут одним утверждением о том, что у каждого народа есть свои предатели и своя пятая колонна ограничиться просто невозможно.

Как и необъяснимой пока остается и самая трагическая загадка всего человеческого рода в его перманентном устремлении к самоуничтожению. Кто ее разгадает – сам человек или это ему просто не суждено и за него такую работу сделает умный компьютер? Поживем, увидим. Хотя хотелось бы дождаться такого научного открытия побыстрее, возможно, это облегчило или прервало бы неодолимо трагическую участь человечества – убивать друг друга в гонке самоистребления.

Теперь поставим вопрос в другой плоскости. А могут домашние животные при добропорядочном отношении к ним сознательно убить или хотя бы покалечить человека, в том числе своего хозяина. О таких случаях я никогда не слышал, не читал и по своему опыту знаю – не могут. Человек же – всегда пожалуйста. И обидит, и унизит, и травмы нанесет и убьет животное, что с умыслом, что без него. Хотя, на первый взгляд человек выглядит куда более радушнее и покладистее все той же собаки. И, вспоминая, каким он был ребенком, видя как он живет и общается с другими людьми и животными, воспитывает своих детей, трудно даже представить, что он может кого-то убить.

Кстати, отношение к детям тоже радикально отличается не в пользу людей. Перед взором возникает множество сюжетов из телевидения и прессы, рассказывающих о леденящих душу фактах отказа от детей в роддомах, о нередком бросании их где попало молодыми роженицами, обмене за вещи и продажу за деньги. Вот откуда взялось массовое сиротство и беспризорность. К этому надо добавить аборт и другие способы прерывания человеческого рода. Не здесь ли следует искать ключ от кода насилия, жестокости и безжалостности человеческого характера и души.

Ничего подобного не наблюдается у животных. За редчайшим исключением, они жертвуют всем ради спасения своих детенышей. Что же касается стариков, то отношение к ним примерно одинаковое и у людей, и у животных. Могут и заботу проявить, и уважение, и внимание, а могут и бросить, оттолкнуть от себя, оставить без помощи. Словом, здесь налицо безжалостное воздействие закона отрицания всего слабого, ненужного, отживающего свой век в мире природы.

Продолжить исследование будет уместным через раскрытие одного трагического жизненного эпизода. Мне 10 лет. Идет урок в начальной школе. И вдруг учительница объявляет: всем на выход, будем провозать быков. Сразу же вспомнилась скупая информация отца о специальном указе по ликвидации всех ферм-воловонов в стране. Вначале я не придавал ей значения, поэтому был буквально потрясен увиденным. По центру широкой, окаймленной двусторонними постройками ули-

цы, медленно шла процессия, очень похожая на траурную. Из дворов вышли и стояли, вытирая уголком платков свои слезы пожилые женщины. Два всадника, одним из которых был мой отец, молча гнали колонну быков. Шли они, понуро опустив головы, вглядываясь своими крупными грустными глазами в землю, будто в последний раз ощущая тяжесть каждого шага своих натруженных ног. Так идут обычно на казнь. И они это хорошо чувствовали, только не понимали – зачем? Вместе с быками не понимали и люди, хотя своим крестьянским умом осознавали весь трагизм ситуации. Когда я подошел к своей бабушке, она тихо сказала – так мы провожали своих сынов на войну.

Вскоре все мы подошли к конторе колхоза, на крыльце которой стояли председатель с угрюмым и удрученным видом и представитель райкома в весьма приободренном, приподнятом настроении. Он все и разъяснил огорченным людям. Оказывается, партия объявила о строительстве коммунизма, а на быках его не построишь, да и ехать на них в светлое будущее как-то неудобно и стыдно. Зато удобно навоз с ферм на людские и колхозные огороды на них возить, – подал голос пожилой фронтовик с самокруткой во рту.

На тракторах возить будете, – не сдавал своих бодрых позиций районный представитель. Однако хрущевская оттепель позволяла и деду продолжить свои возражения. По нашим черноземам в грязь да в ненастье трактор сам не везде может проехать. С грузом же и подавно, а вот быки вытянут все и везде – резанул правду-матку он. Ничего, коммунисты не боятся ни грязи, ни тяжестей. Мы сделаем такие трактора, что вытянем и село ваше вместе с грязью, и страну, и весь мир к коммунизму подтянем, – уверенно и задорно подытожил партийный товарищ.

Для справки: коммунизм должны были построить по плану за двадцать лет, но план оказался нереальный и вскорости был забыт вместе с мечтами о светлом будущем, а вот дорогу к моему селу, хоть и через сорок лет, но проложили. Правда, уже через год не очень активной эксплуатации она из-за рытвин и ухабин соответствовала более точному и менее рискованному определению – почти твердый путь. Точь в точь, как и коммунизм, неуловимо убегающий по нему за линию горизонта.

Тем временем приостановившиеся возле начальства быки вновь тронулись в свой печальный и скорбный путь. Ни яркие слова о будущей новой жизни, ни тем более горестные возгласы о том, что сначала их отведут на железнодорожную станцию, а потом вагонами повезут на мясокомбинат, не добавляли им оптимизма. А тут еще выскочившие из школы пацаны, со слезами на глазах норотившие погладить и приласкать своих любимцев. Волновало и то, что каждого из них люди называли по имени, обращались с благодарностями, воспомина-

ниями о том, как вместе пахали и сеяли, как выживали вместе в войну и в голод. Женщины осеняли их крестами, некоторые били поклоны.

Естественно, я тоже шел рядом со своим другом по имени Туманок. Был очень расстроен, что говорил ему, не помню. Зато помню все до мелочей, как с шестилетнего возраста я сторожил подгоняемое к нашему дому стадо быков. Во время их отдыха отец занимался различной домашней работой, возлагая на меня задачу следить за животными. Мне сразу приглянулся картинный и необыкновенно статный красавец серотуманной масти, с ярко-белым пятном на широком лбу. Понравился, видно, ему и я. Легким кивком, добродушным урчанием, а больше ласковым взглядом он как бы пригласил меня лечь с ним рядом. С тех пор я от него ни на шаг. Если холодно, греюсь под боком, если жарко – прячусь в тени, всякий раз наслаждаясь эликсиром его теплого дыхания. В благодарность я приносил ему всякие растительные вкусности и считал, что шефствую над ним. Что думал он, в том числе во время того прощального похода на бойню, естественно, так и осталось неведомым.

По одному из законов коммуникации ее субъекты не только взаимодействуют, но и взаимовлияют друг на друга, взаимообогащаются опытом, навыками общения и практических действий, совершенствуют отношения с внешним миром. Возникает вопрос о процессе тысячелетнего общения людей и домашних животных – кто у кого учится и берет пример? Ответ очевиден: и они у нас, и мы у них. Но эта простота является кажущейся.

Мысленно представим себе, что буренки учатся у людей жестокости, убийствам, начинают подражать им в поведении и при различных обстоятельствах уничтожают сначала друг друга, наиболее сильные и крепкие более слабых и больных, потом переходят на другие виды, в том числе на людей, освобождаясь постепенно из-под их контроля. Дальше – больше. Они начинают спланиваться в крупные объединения и идут воевать. А воевать всегда есть за что: за жизненное пространство, за корма и воду. К тому же у них есть и чем воевать, физическая мощь налицо.

Но они этого не делают, они напрочь игнорируют отрицательный пример человека, не учатся у него плохому. А коль так, значит, они возможно глубже нас понимают суть жизненных процессов, их гармонии и целостности природы, понимают и воспринимают не так как мы, не в наших понятиях, терминах и законах, а в какой-то особой, присущей только им гносеологической упаковке, неизведанной и непостижимой для нас.

Кстати, и постигать ее человечество пока не торопится ни инструментами науки, ни другими способами. Наоборот, появилось немало теорий, далеких от гуманистического содержания. Недавно случайно

узнал о философских взглядах К.Э. Циолковского, которого так же, как и Т. Д. Лысенко и других большевики возвели в ранг выдающихся ученых без явных на то оснований. Так вот, этот пропагандист Космоса додумался даже до сумасбродных идей очищения человечества от старых, больных и немощных методом невероятно жестокого дробления их на мелкие частицы. Мгновенно, чтобы не успели почувствовать боль. Не обошел вниманием он и технологию совершенствования нашего биовида через зачатие детей только специально отобранными гениально умными и крепкими мужчинами. Долго советская цензура не допускала такие перлы в печать – теперь они всем доступны, как и «Майн Кампф» А. Гитлера во многих странах. Надо ли удивляться, что современная наука занимается, прежде всего, технологиями генномодификаций, автоматизаций, химизаций процессов производства продуктов питания, которые уже сегодня по своим вкусовым качествам и составу годятся больше для инопланетян, чем для землян.

Мы ищем пути спасения жизни методами уничтожения самих ее основ. Мобилизуем на это ресурсы политики и идеологии, экономики и производства, науки и культуры внутри самого человеческого общества, а не вне его. Между тем, коренной вопрос о наличии сознания и весьма развитого подсознания у многих видов животного мира уже не сегодня и не вчера вышел за рамки устоявшихся теорий эволюции, инстинктов, условных и безусловных рефлексов и т.д. Многие люди давно заметили, что животные не только понимают их слова, но и угадывают мысли, ученые это зафиксировали, но дальше вербальных обобщений зримого продвижения вперед почти нет. Поиск нестандартных, творческих методов исследования данного сегмента живой природы ведется без должного интереса и оснащенности. Незамысловатым выглядит и объяснение причин такого состояния.

В современной науке укоренилась традиция: если какое-то явление нельзя объяснить, изучить, лучше сделать вид, что его не существует. А напрасно, ведь пока мы не поймем главные основополагающие тайнства окружающей нас биосреды, мы не сможем понять и самих себя, правильно определить свою готовность и включенность позиционировать в ней. И в первую очередь нам надо изучить и понять универсальный язык живой природы, его звуки и смыслы, а они есть, мы их чувствуем и слышим. Остается только расшифровать, и тогда мы уверенно отодвинемся от края пропасти и всеобщей гибели и с надеждой узнаем о неведомых регуляторах своих земных партнеров и братьев, направим их на предотвращение войн и конфликтов, на обеспечение безопасной и спокойной жизни.

Только написал казалось бы бесспорно точные выводы, как тут же вспомнил о легендарном американце Хозе Силва, который создал собственную, весьма любопытную продуктивную теорию взаимодей-

ствия человека и природы. Он утверждает, что люди в развитии своего общества пошли с самого начала не по тому пути, по которому надо было двигаться вперед. Рядовой радиоинженер, Х. Силва очень внимательно изучил труды таких корифеев человековедения как Фрейд, Юнг и Адлер, в которых он нашел огромные, малоиспользуемые или совсем неведомые людям ресурсы для саморазвития.

Открытия американского исследователя побуждают в корне изменить представления о возможностях человеческого мозга и в целом потенциала самосохранения и самосовершенствования людей. Его главный вывод очень прост: человеку надо было начинать вначале с изучения самого себя, своего места внутри природы и своей роли в ее существовании и развитии. Нужно было сразу же учиться не тому, как использовать природу для своего блага, брать от нее все больше и больше того, что она может дать для улучшения жизни. Прежде всего следовало очень внимательно и скрупулёзно изучить законы природы и попытаться найти их применение в самом себе, а затем использовать их практически внутри собственной жизнедеятельности.

Казалось бы, что еще важнее и доступнее человеку, чем познание самого себя? Ведь любому другому, даже самому близкому и родному невозможно проникнуть со стороны в его мышление, чувства, ощущения, восприятия, намерения и поступки, понять их логику, структуру и содержание. И что особенно важно – обнаружить те силы, которыми обладает человек в плане саморазвития и самосовершенствования. Но по какой-то необъяснимой причине мы пошли другой дорогой – познания и подчинения себе природы, не имея даже в мыслях намерения сделать наоборот – подчинить себя ей и ее законам. Что получилось на этом пути, и какие весьма печальные результаты поджидают нас в будущем, очень хорошо известно всем, кто хоть чуть-чуть задумывается об этом.

Лучше многих о будущем подумал Хозе Силва. Свои инженерные знания он посвятил созданию школы электроники, разработки и патентованию нескольких типов биоинструментов. Как ученый-исследователь написал много книг, переведенных на десятки языков и изданных миллионными тиражами в восьмидесяти восьми странах мира. В них он разработал свой метод развития разума и управления стрессом, овладение которым способствует активизации правой половины головного мозга и получение доступа к своему высшему «Я».⁷

Детализируем эту позицию. Прежде всего нас интересует слово доступ. Простое слово из рекламы метода Силвы. Но в нем заключается ключевое условие жизни как отдельного человека, так и всего общества. Ведь что получается на практике? Люди без особой учебы и тренировок легко и свободно умеют падать в прямом и переносном смысле и почти не умеют подниматься, а многие и не хотят это делать,

потому что им трудно. Они не научились преодолевать препятствия. Раз упал, сломал руку, но сумел подняться или подняли другие. Выпил спиртного или закурил наркотик, повторил несколько раз и опять упал, но уже подняться нет сил и понимания, как этого добиться. И таких жизненных ситуаций у каждого на своем веку много. Немало и причин, а также условий, из-за которых они случаются.

Человек падает и не может подняться. Потому что он недоступен сам себе, он не научился и не умеет себя поднимать, разговаривать с собой, управлять своими поступками и действиями. Причем, это касается не только глупого, но и вполне разумного человека. Их объединяет одно общее свойство – неумение управлять своим разумом. Никто не знает и не может посчитать как соотносятся эти группы между собой. Великий бард Б. Окуджава написал знаменитые строки: уж так повелось на нашем веку, на каждый прилив по отливу, на каждого умного по дураку, все поровну, все справедливо.

Очень жесткая оценка. Жаль ее невозможно ни опровергнуть, ни подтвердить имеющимся в нашем распоряжении инструментами социологии, психологии, антропологии и других наук, потому что человек существо маргинальное, вобравшее в себя многие черты, состояния и свойства живой природы и космоса. В умном часто бывает очень много глупого и наоборот. Достаточно вспомнить закон парности, чтобы понять, что в чистом виде не может быть ни одной человеческой типологизации и натуры.

И тем не менее у более продвинутых в интеллектуальном, творческом плане людей имеется гораздо больше возможностей в доступе к своему разуму и собственному «Я». Но мы, аккуратно согласившись с известной народной мудростью о том, что в каждой пустыне есть оазис, но не каждому верблюду дано его найти, все же уточним ее дополнением: хотя искать, пробовать свои шансы должен каждый и верблюд, и его вечный спутник – человек. И тогда через понимание самого себя он способен осознать и главный закон природы – самосохранение каждого ее живого вида.

Притом не через уничтожение других ради спасения себя родного, как это часто бывает у многих животных и у человека, который их попросту съедает, предварительно лишив жизни. А ведь может же и не лишать этой самой жизни. Неслучайно миллионы людей живут вполне нормально, не допуская даже самой мысли об употреблении пищи из убиенных животных и птиц. Они называют себя вегетарианцами. Их значительно меньше остальных, но они есть и своими принципами доказывают другим, что человек как разумнейшее существо может обойтись более гуманными способами самовывживания и самосохранения. Нет сомнений, что они ближе всего подошли к черте доступности каждого к самому себе.

Попробуем представить на нашем месте анализируемых выше коров, а также лошадей, овец, зайцев, кроликов и множество других близких нам животных. У многих из них значительно больше физических возможностей выживать через поглощение в пищу других, о чем мы уже писали. Но они этого не делают, они – тоже ведь вегетарианцы. И не потому, что умом победнее человека. Совсем не факт, что их доступ к самим себе не достигается на сознательном уровне, а выработанное миллионами лет травоядение осуществляется только благодаря соответствующей рефлексии. На наш взгляд, здесь научно-исследовательский циферблат застрял на нулевой отметке и ждет своего запуска. Есть тут и облегчающий фактор – данным животным не нужно постижение никаких методик, какие постоянно требуются человеку.

Для людей его сдвинул Х. Силва своей медитацией, которую сегодня хоть и позиционируют как удачный бизнес-проект, тем не менее на ней сосредотачивают свое внимание все больше миллионов людей всех континентов. Пока не миллиарды, но с учетом возможностей интернета процесс постижения уникального метода самопознания как высший уровень аутотренинга обнадеживает своей перспективой.

Внутри каждого человека есть все необходимые ему ресурсы. Наша миссия – высвободить их для максимального развития своей личности, – призывают нас организаторы Силва-клуба и специальных семинаров на его базе. Что же, попытаемся преодолеть собственную лень, выйдя за рамки привычного, и поучаствуем в них. Но сначала обратимся непосредственно к живой природе – там надо искать ответы по основополагающим эвристическим проблемам.

6. Важнее в живой природе отношения собственности

На первый взгляд звучит непривычно, но нас же поджидает захватывающий анализ отношений собственности в живой природе. Как-то мне попало в руки сообщение об одном эксперименте, связанном с собаками. Исследователь-биолог разместил в большом вольере в один ряд двадцать домиков-будок и заселил их различными питомцами, не превышающих по массе среднестатистических размеров. Через несколько дней после их адаптации во время дождливой прохладной погоды туда был запущен крупный пес кавказской породы, не отличающийся доброжелательным нравом.

Он настороженно, медленной походкой прошел вдоль занятых будок, заглядывая в каждую, нет ли свободной. Оттуда его отпугивали яростным лаем и рычанием почувствовавшие себя хозяевами животные. Пустых будок не было, и после непродолжительных раздумий он смиренно прилег на землю, отвернувшись от дождливого ветра.

С этого момента мы соподчиняем описание эксперимента теме нашего исследования и, соответственно, по-своему интерпретируем его содержание. Мысли продрогшего Кавказца не могли быть веселыми. Но даже если он думал о вреде частной собственности, то в отличие от К. Маркса и других мыслителей не считал нужным ее экспроприировать, хотя располагал очевидными возможностями отнять ее силой у любого и перераспределить в свою пользу.

Прошло несколько часов, холод и дождь усиливались. И закаленный в самых суровых ненастьях пес не выдержал и запросил поддержки у окружающих. Он стал подвывать с тревожным надрывом в голосе и медленно ходить вдоль вольера. Теперь лай не возобновлялся, а лежавшие в сухости и тепле обитатели недосыгаемой чужой собственности только сопровождали бездомного бедолагу опасливо-сочувственными взглядами.

Нет, уступить свое место никто не хотел, об этом было страшно даже подумать – вдруг непрошенный гость просто вышвырнет из родного угла. Ситуация так или иначе приближалась к какому-то логическому завершению. И будковладельцы не находили себе покоя, и загнанный к ним с непонятными целями, без предоставления жилой площади великан все больше напоминал собой жалкое и безобидное существо.

На удивление наблюдавших сначала из одной, а затем из нескольких будок выскочили наиболее жалостливые и смелые их владельцы и зазывно-ласковым лаем стали приглашать вконец измученного несчастливца к себе. Не торопясь, он выбрал наиболее подходящего малогабаритного партнера и с благодарно-покорным видом вошел в его апартаменты. Удобно устроившись вместе с добродушным хозяином, великан лизнул его в ухо, а может и шепнул на своем родном собачьем языке что-то дружественное и многообещающее никогда не забывать проявленную доброту и помощь. Так они и жили в тесноте да не в обиде, душа в душу, два разных по росту и силе друга до конца эксперимента, чему не помешали отношения собственности. Хотя нет никаких гарантий, что такое согласие на ее совместное пользование осталось бы и на будущее.

Вольеры, сараи, будки, гнезда, норы, загоны, берлоги, дупла и другие места проживания, питания и размножения – все это собственность животных, создаваемая ими самостоятельно или же с помощью природы и людей. Собственность неделимая, незаменимая и неприкасаемая. Попробуй кто-нибудь отобрать ее силой или хитростью и обманом. Любое животное будет бороться за нее до конца почти так же, как самец сражается за свою самку, а она – за своих детенышей, подчинившись воле только более сильного, особенно человеку.

В отношении собственности многие виды животного мира так или иначе вступают, проходя разные стадии развития. В основном с

ее ощущением как чего-то родного и близкого они рождаются, воспитываются, учатся обустривать и вступать в самостоятельную жизнь. Как правило, она передается по наследству от одного поколения к другому. Специфики и разнообразия тут столько, сколько можно насчитать самих популяций. Естественно, сознательное и рефлексивное, индивидуальное и общее, стихийное и закономерное здесь сливается в общий процесс жизнеобеспечения.

Следует особенно подчеркнуть, что признание права на собственность присуще подавляющему большинству представителей животного мира. За редким исключением некоторые из них не имеют и не хотят создавать свою собственность, захватывая, как правило, чужую. Представить себе, что одна буренка идет в чужой двор, выгоняет оттуда всех и захватывает себе сарай или загон, просто невозможно. Даже в такой, казалось бы, экстремальной ситуации как в вышеописанном эксперименте четвероногий друг человека не позволил себе силой отнять чужое, обидеть более слабых и, тем самым, обеспечить себе комфорт. О посягательствах их на собственность людей совсем невозможно найти какие-то конкретные примеры. В силу неведомого нам благородства, уважения или страха не делают этого животные, а возможно, даже и не помышляют о таком действии.

Именно на признании собственности природный мир существует и развивается в целом как гармоничная и устойчивая система. И это не приводит к крупным и тем более к глобальным конфликтам, нарушающим общее равновесие и взаимодействие животного мира. Со всем другим положением дел наблюдается у людей.

У человеческого общества много общих черт и тенденций в отношениях собственности с вышесказанными проявлениями у животных. Но их диапазон настолько широк, а исторический процесс насыщен такой динамикой перемен и трансформаций, что требуются специальные крупномасштабные исследования отдельных взятых аспектов, которые в рамках нашего дискурса могут быть выполнены лишь фрагментарно. Поскольку данные отношения вовлекают в себя людей и материальные вещи, и распределяются, организуются и регулируются институтами государства и культурно-бытовыми традициями, нас интересует, прежде всего, генезис возникновения проблемы.

Есть три основные гипотезы, ведущие к истокам возникновения отношений собственности у людей. Первая – это библейская трактовка, в основе которой состоит божественное начало всей жизни человека на Земле. Вторая опирается на воздействие инопланетных цивилизаций, определивших земной путь человечества. И третья – это ранее упоминавшаяся нами теория эволюционного развития. Если по первым двум идут бесконечные споры, напоминающие в силу отсутствия достаточных аргументов и конкретной фактологической базы больше

дискуссии о параллельных мирах, то третья версия оснащена богатейшим аналитическим потенциалом, имеет солидную научную базу.

Она и повела нас по рискованной дороге размышлений, не отрицающих двух первых гипотез, где мы на всякий случай будем уклоняться от слишком явных препятствий и таких сложных объяснений, как, скажем, время возникновения собственности у животных и у людей, когда каждый из этих видов определил, наделил какой-то конкретный предмет или объект смыслом: это мое, оно принадлежит только мне и никому другому. С большой долей уверенности, исходя из известных историко-биологических данных, можно сказать, что отношения собственности у многих представителей животного мира возникли, как и они сами, значительно раньше, чем у людей.

Следовательно, человек мог создавать, а затем и закреплять за собой собственность по образу и подобию своих старших братьев, то есть животных. Непонятно, кто, когда и почему запустил в оборот такие абсолютно неверные термины, как «братья меньшие», «братья младшие», которые прочно вошли в бытовой и даже научный обороты речи. Еще люди могли снисходительно добавить в ходе различного общения и более обидные значения: «несмышлениши», «глупыши» и т.д. Произносились они, правда, хоть и доброжелательно, но с обязательным привкусом самоуверенности и чувством собственного превосходства.

И вот смотрит и слушает домашний друг своего хозяина, как это часто делал мой недавно ушедший из жизни любимец Оскар, понимая основные смыслы, тона и даже полутона его обращения, и с недоумением, а, возможно, и с сожалением думает о нем самом в таком же духе. Может и удивиться – откуда у людей берутся такие заблуждения? Но закрепление собственности по примеру животных наблюдалось только в самом начале процесса. Потом этого человеку покажется мало, и он шаг за шагом начнет изобретать и внедрять различные регуляторы, законы, основанные на сложнейших методах взаимозависимости и взаимодействий соответствующей общественной формации.

Удивительная историческая константа: на протяжении очень продолжительной эволюции, исчисляемой тысячами и даже миллионами лет, у многих видов собственность и отношение к ней оставалось почти неизменным, как бы в замороженном состоянии. Как рыли нору, так и продолжают рыть, как строили гнездо, так и продолжают его ваять. И тут опять-таки появляется соблазн подтвердить правильность чисто рефлексивной версии, которая все объясняет. Но зная о ДНК и хромосомах, по числу и структуре мало чем отличающихся у многих животных от человека, мы все же попытаемся порассуждать в другом формате. Возьмем то же гнездо. Представим, что необходимость его сооружения для продолжения в нем своего рода, а в этом главная суть

и истина жизни, передается по наследству как рефлекс. Просто и понятно, но только на первый взгляд.

Однако совсем другая картина вырисовывается при операционном взгляде на это действие как на процесс. Надо выбрать место вначале, оценив целый комплекс условий, связанных с безопасностью, взаимодействием с другими видами, с расстоянием от места нахождения материалов, продуктов питания и т.д. Такую деятельностную вариативность рефлекс, заточенный на повторение, обеспечить не может. Здесь обязательно вступают в действие визуальное наблюдение, учет разнообразных факторов, их сравнение и оценка, что возможно только в результате мыслительных операций, которые осуществляются только на интуитивном, подсознательном и сознательном уровнях.

Неслучайно, все виды работ, производимых животными, отличаются высокой технологичностью, сочетающейся с рационализацией и оптимизацией их энергетических и материальных затрат, высоким качеством и удобством создаваемого объекта проживания. Что же мешает им тогда совершенствовать эти технологии и материалы, заменить, скажем, лесные отходы на более дорогие качественные комплектующие, взять их любой ценой у людей. И уж тем более построить не одно стандартное гнездо, как у той же ласточки, а два или три, причем с улучшенной планировкой, с местом не только для детенышей, которым она бесперерывно, словно на высокоскоростном конвейере носит корма, но и для себя любимой, для своего отдыха. То есть, сделать все как у людей – с расширением, улучшением, вплоть до золотых ванн и унитазов.

Ответ здесь не может быть однозначным. У животных доминирует определенное табу на неравенство, они не борются за то, чтобы у одной особи гнездо было лучше, чем у другой и тем более не мотивируют себя на обогащение, за исключением в большинстве случаев пищи, которая может накапливаться и впрок. Для них прогресс в развитии основ своего жизнеобеспечения просто неприемлем, они готовы еще миллионы лет жить в устоявшемся, стабильном и не меняющемся мире, будто они лучше других на уровне генной информации понимают диалектику перемен. Вот где еще не распаханы борозды научной целины, отчего даже аналитический дух захватывает.

Хотя заключается она в очень простой вроде бы модели развития. Вначале больше собственности появляется у одного, затем у другого, третьего и т.д. Четвертый и пятый не могут их догнать, возникает неравенство и желание устранить его, в том числе силой. Затем неизбежно следует борьба, сопровождаемая жертвами, и так по спирали до бесконечности, а точнее до апокалипсиса. Только он остановит все процессы и саму жизнь.

Значит, таинство самосохранения, которым наделены животные, лишь частично присутствует у человека. Но ведь он изначально, на первых стадиях своего развития делал всё, как и они, ничего лишнего.

Всё только по потребности и необходимости для сохранения и размножения своего вида. Почему он соскочил с такого пути, что явилось спусковым крючком начала невиданной гонки за обладание землей, всевозможными ресурсами и другими видами собственности, переросшей в неостановимую гонку вооружений и самоуничтожения?

В ответ можно посоветовать, что все несчастья и беды любого человека связаны не с тем, что он имеет, а с тем, чего он желает. И в качестве объектов желаемого перед ним целый мир возможностей, а в них – многообразные виды собственности. Ведь ее инстинкт закладывается еще при зачатии, а первой осязаемой собственностью новорожденного становится мать. И так далее по мере освоения окружающей действительности. Освоения через познание именно собственности, которое проходит от бессознательного, инстинктивного в сознательное. Такая гипотетическая цепочка требует продолжения и определения связи с другими факторами.

Возможно, в сложнейших шифрах памяти и сознания человека на каком-то этапе его зачатия и зарождения появляется непонятый нами до сих пор ген прогресса и совершенствования, который стал доминировать над другими генами, определять магистральный путь общественного развития. В то же время ген противовеса и сдерживания не возник и не проявился, как это оказалось возможным и пусть для нас еще остающимся неясным явлением у животных. И покатило общество, весь мир по трагической дороге невероятных взлетов человеческого гения, его талантливому уму и умелых рук и трагических падений в бездну самоуничтожения.

Причем, катится по нарастающей скорости, без передышек и остановок, готовое в любой момент закончить свой земной путь. Если на чашу весов поставить все, что люди сделали для своего совершенствования и спасения и то, что ими же накоплено для уничтожения всего живого в планетарном масштабе, то последнее перевесит в тысячи раз первое. Чудовищная и труднообъяснимая с точки зрения здравого смысла диспропорция.

В 2014 году из анналов истории вышло знаменательное событие – столетний юбилей Первой мировой войны, явившейся первоначальным актом самоуничтожения Европы в XX веке и изменения ее социокультурного кода на длительную перспективу. За ним следует другая, еще более масштабная Вандея не только Европы, но и других континентов в ходе испепеляющих сражений Второй мировой войны. А сколько примеров да прикидок было по началу третьего захода, грозившего стать уже последним, да так, к счастью, и не сорвавшегося с рук обезумевших людей.

Только заканчивается одна война, тут же начинается подготовка к другой. Причины находятся разные, объединяет их одно – борьба за собственность. Сегодня на первый план вышло противостояние за об-

ладание энергетическими ресурсами, дефицит которых нарастает по мере истощения их запасов, добываемых из недр земли. Определены и рейперные точки эскалации, вокруг которых группируются союзы, блоки и объединения различных государств, разыгрываются геополитические и стратегические комбинации, закручиваются пружины многочисленных региональных конфликтов наподобие Украины, Сирии и других, готовых перерасти в очередную мировую войну.

Особенно опасной выглядит ситуация, связанная с борьбой против международного терроризма в лице так называемого исламского государства, которое рождено и вскормлено на дрожжах вздувшегося до огромных размеров молодежного пузыря на севере Африке и Ближнем Востоке. Так эксперты назвали демографический эффект численного увеличения молодежи в этом регионе за последние годы, оказавшейся без работы. Плюс аналогичное положение дел в ряде стран Средней и Юго-Восточной Азии, которая также генерирует все большее число потенциальных солдат удачи. А внезапно возникшее обострение отношений между Россией и Турцией, которое молниеносно перевело их из противоречивого состояния добрососедского сотрудничества и одновременно геополитического соперничества, когда для неизбежного короткого замыкания достаточно было варварски сбитого российского самолета, поставило весь мир на край катастрофы.

Складывается впечатление, что человечеству уже невозможно помочь ни законами, ни границами, ни международными договорами, регулирующими собственность. Выходит, отношение к ней животного мира является единственной надеждой на всеобщее выживание. Дело только за малым, разрешить извечную дилемму: они нас понимают, во всяком случае по ключевым позициям, но сказать нам ничего не могут; мы им можем сказать всё, но почти ничего не понимаем в их мирозерцании. А коль в вопросах жизни, смерти и собственности мы неотделимы друг от друга, тесно взаимодействуем, надо искать ключ к взаимопониманию – вдруг это и будет вождельным спасением всех в глобальном масштабе.

Никто дольше и больше из человеческого рода не живет и не работает с животными, чем крестьяне. Да это и немисливо по-другому, ведь они не просто находятся ближе всех друг к другу, но практически не могут существовать раздельно, составляя важнейший компонент целостности природного мира. Именно крестьяне первыми протянули свои мозолистые руки к наиболее добрым, сильным и покладистым животным, которые стали домашними. Они их научили совместному сельскохозяйственному труду, постоянно совершенствуя соответствующие навыки и способности. Они их поселили рядом с собой, сделали по существу неотъемлемой частью своих семей, совместно деля пищу и воду, радость и горе, выращивая совместно своих потомков.

И животные ответили им взаимным доверием и любовью, полностью подчинившись воле человека, они стали его собственностью. Вот почему стадо волов в вышеописанном сюжете, чувствуя, что их ведут на казнь, не взбунтовалось, не вышло из подчинения человеку ни в деревне, ни в поле, ни на железнодорожной станции, ни на мясокомбинате. Всем своим смиренным видом, печальными глазами, тревожным молчанием и мычанием они как бы выражали в последний раз преданность людям. Коль так это нужно, значит, мы готовы погибнуть. Таким же был лейтмотив и у боевых слонов, быков и коней, устремлявшихся в смертельные атаки вместе с древними воинами. Это всегда был их общий строй и общий бой за победу.

Хоть социологу и не совсем уместна излишняя патетика, но безудержная мысль, основанная на многочисленных воспоминаниях и лично пережитых фактах проявления невероятной, фантастической интуиции животными требует логического завершения именно на таком уровне. Возможно, в нашем случае спокойное поведение быков объяснялось как раз-таки поразительным по глубине проникновением в трагическую перспективу и самого человека – чем больше он придумает машин, технологий, тем быстрее погибнет и сам. Еще люди не думали и не гадали, а животные с необъяснимой для нас точностью уже это чувствовали. Классифицируем данный тезис всего лишь как догадку. Полностью же разгадать ее придется только в будущем.

Теперь же надо написать то, что даже рука отказывается делать. Ведь мы съели этих быков, правда, не живьем, по-зверски, а вполне цивилизованно, в виде мясных продуктов. То есть распорядились их жизнью как своей собственностью. Мы – это я, мои сверстники, родные и близкие, весь мой народ. Хорошо помнится один парадоксальный факт того времени. Истерзанное войной и невероятно глупыми и жестокими решениями, запретами и ограничениями со стороны властей сельское хозяйство и почти через двадцать лет после Победы не могло накормить страну даже хлебом. В него подмешивали горох и кукурузу. В результате таких инноваций он становился непривычно жестким, твердым и невкусным.

Однако колбаса была очень вкусной и доступной для каждого магазина и покупателя. Уже значительно позже в ходе грустной аналитики я догадался, почему. Страна съедала миллионы быков и лошадей, убитых в организованном порядке, а также миллионы примкнувших к ним коров, телят и другой живности, попавшей в качестве запрещенных излишеств с крестьянских подворий на поджидавшие их мясокомбинаты. Этот оброк тоже был собран государством очень безжалостно и четко.

Такой мясной пир продолжался недолго, года два-три, плавно переходя в рамки сначала жесткого фондирования, а потом и полной

талонизации. Но мы анализируем другой, нравственно-этический аспект. Не знаю, чем руководствовалась наша первая, замечательная учительница Анна Ивановна Стародубцева, по совместительству еще и моя тетя, когда выводила нас прямо с урока провожать в последний путь быков. Она получила доброкачественное образование в Валуйском педагогическом училище, одном из старейших дореволюционных учебных заведений, которое, отмечу с гордостью, довелось окончить выдающемуся полководцу Н.Ф. Ватутину, многим другим моим землякам, в том числе и мне. Скажу общее мнение. В нем учили теории и, главное, практике, всему, что должен был уметь делать учитель в любой обстановке и при любых обстоятельствах.

В нашей бедной начальной школе не было никаких дидактических пособий, их делала сама учительница, вовлекая нас в этот процесс. Не было ни одного музыкального инструмента, но она играла, как принято говорить, на губах мотив той или иной песни, которую мы подпевали словами. Любой урок велся по полной методической выкладке, без каких-либо упрощений и пропусков. Особенно трудным и, естественно, нелюбимым было для нас чистописание. Строгие линии и контуры, четкое построение букв и слов требовало исключительного внимания и усердия каждого ученика, которого добивалась с той же высокопродуктивной старательностью и добросовестностью наша наставница.

Она знала, что это самый эффективный тренинг нашего внимания, пространственного мышления и восприятия, включенности в мир окружающей действительности, состоящей, в общем-то, из различных по контурам и бесконечным по продолжительности линий. Понимала сама и внушала нам, что умение красиво писать – это главное условие для удобной, уютной жизни. Это так же важно, как и умение красиво ходить, одеваться, кушать и работать, а значит быть красивым человеком.

Не могу удержаться от небольшого отступления. Уже незадолго до завершения своей ректорской работы я принимал бывшего выпускника университета по поводу трудоустройства. На мое предложение заполнить анкету, пока я поговорю по телефону, он неожиданно сказал, что писать не умеет, – все делает на компьютере. В долю наносекунды передо мной упрёком промелькнули и результаты работы университета, и школы вместе взятые. Сейчас идет активная дискуссия, какой быть новой школе и современному учителю. Уверен в одном, я в ней принять участия не смогу. Я не знаю ответа. Зато точно знаю, что с абсолютизацией компьютерных технологий в обучении мы потеряем не только родную письменность, но и родную речь. Устоит ли сам человек?

Вспоминается одна информация о том, что полтора века назад понимали и знали, какой должна быть российская школа видные деятели ее культуры. Они много об этом не только думали, спорили, пережи-

вали, но и делали практически. Всем известно, что Лев Николаевич Толстой создал в Ясной Поляне, где мне посчастливилось побывать, школу, на которой висел лозунг «Вход и выход свободный». Приглашаю всех желающих вдуматься в его смысл. Он весомо отличается от многих привычных словосочетаний, содержащих в себе термин «свобода», особенно, когда он употребляется со стороны власти.

Здесь великий зодчий русской литературы заложил саму суть содержания и функции своей школы: учить и учиться без насилия и принуждения, свободно и свободным людям. Но повесить лозунг самого привлекательного смысла много сил не требуется. Сколько их смотрели и смотрят на нас с разных точек обозрения в городах и весях необъятной страны – не сосчитать. Писатель придумал один и дополнил его практическим подтверждением.

Он написал свою авторскую азбуку для детей и назвал её школой жизни. Ее отличие заключается в том, что в ней не просто школьникам даются знания сами по себе, которые они должны запомнить и усвоить, а по существу по ней проходят уроки жизни. Ведь учить тому, как жить – это главный дефицит всей нашей отечественной дидактики и педагогики. Как в прошлом, так и в настоящем. И это касается и школ, и всех заведений профессионального образования, включая университеты.

Как-то я спросил у студентов своего университета, готовящихся стать учителями начальных классов, когда детям впервые объясняют термин «технология»? Вопрос вызвал затруднительное замешательство. Часть из них не очень уверенно выразились в том плане, что такие понятия в начальной школе не рассматриваются. Признаться, о такой проблеме информационно-технологического века я задумался еще во время работы над докторской диссертацией по социальным технологиям. Тогда даже возникло желание написать учебник по технологии жизни именно для школьников. Но сам ритм и напряжение моей жизни не позволили реализовать это практически.

Вообще, неслучайно ведь светлые головы серебряного века России видели в школе образ многофункционального, творческого и многопрофильного заведения, которое не должно ограничиваться рамками унификации. Возьмем того же профессора Николая Алексеевича Рачинского. Оставив кафедру университета, он посвятил себя созданию вначале Тотевской, а затем еще тридцати школ, в основу работы которых был положен принцип единства человеческой личности и Бога. Весь ход обучения здесь строился на усвоении знаний об основных процессах жизни через родной русский язык и православие. Причем, как и у Л.Н. Толстого, тоже без принуждения.

Сравним это с тем, как в ряде регионов России совсем недавно вводились в расписание обязательные уроки по православной куль-

туре. Намерения – самые благие, вполне впечатляют цифры охвата школьников, количества часов и т.д. Вот только результаты до сих пор вызывают большие сомнения и противоречивые суждения в обществе. К сожалению, педагогическое подвижничество в современных школах не модно и возобладает ли оно в будущем – большой вопрос.

Зато весьма вольготно себя чувствуют поборники всякого единообразия во всем процессе обучения и воспитания детей. Им не дают покоя высшие достижения тоталитарной педагогики, выпускающих из школы людей-винтиков, послушных и дисциплинированных исполнителей, готовых к выполнению любых задач, поставленных вожжами. Их не смущает, что такое возможно только в условиях изолированного, закрытого общества и никак невозможно в сложившихся информационно-технологических реалиях современного мира.

К этому еще добавляется нацеленность реформаторов образования на то, чтобы школа готовила больше не талантливых изобретателей и конструкторов, инженеров и технологов, а чистых потребителей, стремящихся жить только на всем готовом. И с кого берем пример – с тех же США, которые, кстати, к началу XXI века занимали 49-е место в мире по уровню образования, уступая Таджикистану, Кыргызстану, Кубе и другим развивающимся странам, имея при этом более 20 миллионов неграмотных людей. И это реальный оттенок общества потребления.

Чем дальше уходят годы и события, особенно школьной поры, тем сильнее и ярче происходит переосмысление прошлого, настоящего и будущего и понимание того, что есть такие человеческие традиции и ценности, которые ни при каких обстоятельствах нельзя заменять самыми передовыми технологиями. Их надо бережно хранить и возрождать во всех школах. Нужно продолжать учиться у таких педагогов, как моя А.И. Стародубцева, умению сохранять своих учеников для жизни. Буквально каждую минуту она делала замечания и предостережения любому, кто нарушал свою осанку. Удивительно, но тем самым она спасла весь наш класс от раннего разрушения своего зрения, которое как раз формировалось и закреплялось в период обучения в начальной школе.

Но она не спасла нас от горького урока потери наших родных и близких животных – быков, более того, специально вовлекла нас в него. Помню, когда мы вернулись в класс, учительница, вытирая слезы, сказала, что объяснять нам ничего не будет, сами все поймете, когда повзрослеете. Скорее всего, она тем самым готовила нас к встрече в реальной жизни еще больших огорчений, разочарований и жестокостей, приоткрывала нам страницы того мира, который очень сильно отличался от наставлений учебников, средств массовой информации и официальных докладов о сбережении природы.

7. Крестьянский класс как воплощение достоинств и ценностей земного рая

Вот так, пытаясь соединить элементы социологии и зоосоциологии, мы вошли в бескрайнее исследовательское пространство, без очертаний и контуров, и двигаемся по нему будто за ускользающей линией полевой дороги, которая подобно телеграфной ленте открывает и распечатывает для нас все более новую, порой неожиданную информацию фактически о самих себе и об удивительном исчезающем рае.

Да не приближаемся ли мы ненароком к космогенной теории академика В.И. Вернадского с неизбежным отрывом от нашей грешной земли и уходом в бескрайние дали Вселенной. Нет, не приближаемся, мы просто в ней находимся, реализуем ее постулаты через анализ и постижение самого выдающегося и неповторимого по своей исторической роли и сущности социума на земле, а возможно, и в межпланетном пространстве, – крестьянства. И анализ этот должен быть обязательно системным, социально-технологическим и опираться на исторический подход.

Разрабатывая методологию любого аналитического продукта, ученый должен прежде всего подумать и четко определить, что он выделяет в качестве приоритетных показателей, как выстраивает по отношению к ним остальные. Для этого нам удобнее всего взять систему ценностных характеристик или признаков крестьянства и попытаться раскрыть их содержание, взаимозависимость и взаимодействие.

Легко сказать и написать основополагающие научные требования к изучаемому материалу, а попробуй практически все это выстроить, конкретно определить первое, второе и т.д. В случае с крестьянством, за что ни возьмись, любой элемент системы выдвигается на главную, первую позицию. И никакими аргументами невозможно доказать, что один признак конкретно и четко выглядит более важным и значимее другого.

Освободив себя от разного рода формальностей и условностей и понимая, что любое содержание всегда требует своей формы, мы в первую очередь сосредоточимся на нем. Выше уже подчеркивалось, что крестьянство как класс появилось раньше других и в историческом плане является, бесспорно, пионерским. Такая версия исходит из самой логики и развития природного мира, наполненного многообразием его живых видов. Несколько забегаая вперед, зададимся вопросом, а кто мог появиться раньше крестьян, может рабочие или предприниматели, торговцы или банкиры, чиновники или ученые? Да, это возможно, но только в том случае, если бы их раньше крестьян завезли на землю по очереди или вместе взятых пришельцы из иных миров.

Несколько лет назад автору этих строк удалось побывать в местах, где такое объяснение находит вполне правдивое подтверждение. Речь идет о Перу, где есть плато Наско, знаменитое своими рисунками многочисленных линий и фигур неизвестного происхождения, но очень убедительно напоминающих космодром для взлетов и посадок космических кораблей. К этому следует добавить древние города, построенные из таких материалов и такими способами, которые являются до сих пор загадкой для современной науки.

Когда своими глазами видишь город-музей древнейшей цивилизации инков, который устоял под ударами сильнейших землетрясений, когда перед собственным взором проходят мощнейшие каменные строения, напоминающие астрономические обсерватории, направленные на конкретные векторы космического пространства, можно вполне поверить перуанцам. Они считают инопланетян учителями своих предков, обученных свыше пяти тысяч лет назад новым знаниям, навыкам и технологиям.

Допустим, все так и случилось, но кем были до их прилета сами инки? Они были крестьянами, вместе со своими домашними животными обрабатывающими свою землю и выращивающими хлеб, овощи и другие продукты питания. И эти крестьяне, возможно, были первым социумом на своей части и на всей территории нашей планеты.

Следовательно, все остальные хорошо известные нам социальные классы и группы, в том числе функционирующие в настоящее время, возникли не просто после крестьянства, они зародились внутри него самого, образовались и вышли оттуда как потребность и закономерность общественного развития. Даже рабы и рабовладельцы, представляющие собой основу явно регрессивной формы функционирования человеческого общества, охватившие, к счастью, не все континенты и страны, вышли тоже из крестьян.

Отсюда напрашивается вывод об исторической селективной роли крестьянства, тысячи лет являющегося самым мощным социальным генератором всего человеческого общества. Это вовсе не означает, что данный процесс был всегда однородным. На каждом этапе развития он отличался своей спецификой, при этом рекрутирование крестьян в другие слои общества переходило или перерождалось во многих случаях в процесс самоселекции, когда уже тот же торговец воспитывал себе замену из своей социальной среды.

По мере развития общества селективная первооснова земледельческого класса, формирование все новых и новых социальных групп постепенно утрачивало свои масштабы и значимость. Это происходило под воздействием многих факторов, из которых особенно важным оказались разработки и внедрение в сельскохозяйственное производство новых технологий, резко повысивших производительность труда, чего, к сожалению, нельзя сказать о качестве продукции.

Одним из самых характерных признаков крестьянства является его высочайшая продуктивность. Это воистину класс-кормилец, без которого просто невозможна жизнь человеческого общества. Вот без рабочих, торговцев, интеллигенции, бизнесменов и других классов жизнь значительно усложнится, затормозится весь ход прогрессивного развития, возникнут и обострятся проблемы и болезни, обмены товаров, движения капиталов.

Но жизнь не прекратится, она просто перейдет в затяжную консервативную стадию, потому что крестьяне должны будут взять на себя все функции вышеперечисленных социальных групп. А, следовательно, нагрузить себя дополнительной работой, дополнительным обучением и формированием все тех же упомянутых слоев общества. Что еще важно: насколько бы не возрастало в том или ином веке население земли, оно всегда обеспечивалось нужными продуктами питания, за исключением тех стран, где нет плодородной земли и, соответственно, отсутствуют сами крестьяне.

Раньше не считали и сейчас трудно посчитать с вероятной точностью, сколько сельскохозяйственной продукции вырастили земледельцы за обозримый период истории. Ясно, что это мировой рекорд, который никому не суждено побить. Сегодня они кормят семь миллиардов людей, доводя производство зерновых до семисот миллионов тонн, мяса – до шестисот миллионов тонн, молока – до одного миллиарда тонн, яиц – до семисот миллиардов штук в год. На многие сотни миллиардов тонн идет счет объемов выращенных овощей и фруктов. Причем, в отличие от машиностроительной и бытовой техники, одежды и обуви, продукция сельского хозяйства производится и потребляется на основе постоянного циклического возобновления, без каких-либо перерывов и удлинения сроков хранения и использования, что соответственно требует адекватных трудовых усилий.

Отсюда вытекает и следующая оценка: крестьянство – это самая трудолюбивая часть человеческого общества. Мы уже подчеркивали, и не будет зазорным подчеркнуть еще раз мысль о том, что ни один человек так много, без выходных и отпусков, буквально от зари до зари, не работал за всю жизнь, как крестьянин. Единственный период отдыха – это ночной сон, как и у лошадей, волов, верблюдов и других тягловых животных.

Характерно, что конкретных предписаний, инструкций и даже законов о таком характере изнурительного труда никто не готовил и не принимал, за очень редким исключением. Его лейтмотивом всегда была сама крестьянская жизнь. Вспомним ранее воспроизведенные моей памятью слова отца о том, что труд на земле – это наша радость и счастье, много раз он добавлял еще и здоровье. Казалось, так и хочется воскликнуть: как же можно быть здоровым, если тяжело работать

и не отдыхать? И разговоры такого рода, думается, были не у меня одного.

Опять же следовал ответ – сама работа является одновременно и отдыхом, нужно только умело ее организовать и наладить. Наглядная тому иллюстрация наши зарисовки по социологии крестьянского труда при выпасе буренок. Там постоял, там присел, прилег или просто расслабился по ходу движения – всё это в сочетании с непрерывным трудовым включением в производственный процесс.

И все же не каждый может понять столь обнадеживающие своей простотой крестьянские тезисы, уж очень сомнительны они для любого неискушенного практическим участием в данном процессе. Здесь что-то не то и не так, есть какая-то заковырка и недоговоренность, – заявит нам оппонент и правильно сделает. Действительно, она есть и называется социально-технологической культурой. И пока возражающий не успел стать в ряды возмущающихся столь резким поворотом от кромки земли к вершинам науки, поторопимся все объяснить по порядку.

В самом деле, не всякий даже ученый знает, что социально-технологическая культура – это воспроизводство совокупности способов жизнедеятельности человека, осуществляемых им как процесс последовательных операций, направленных на достижение конкретных результатов. Это традиция, привычка все делать строго по технологии. А что говорить о крестьянах, многие из которых еще сто лет назад были безграмотными. Они таких слов даже не слышали, не то чтобы произносить их и, тем более, осуществлять на практике.

Как раз в этом и заключается весь парадокс. Социально-технологический характер труда их жизни появился задолго до того, когда его подметили, изучили и обобщили ученые. И первопроходцем в этом деле был тоже земледельческий класс. Именно крестьянский уклад жизни, особенности его взаимодействия с природой в соответствии с ее законами, где уборка урожая никак невозможна раньше посева той или иной культуры, задавал, программировал его социальные технологии. И это зафиксировали еще мои детские наблюдения. Выше мы воспроизвели всю социально-технологическую цепочку действий человека в той или иной ситуации. А теперь давайте мысленно положим ее на основные виды жизнедеятельности крестьянского подворья.

Определяющим, конечно, здесь выступают природно-климатические условия конкретного времени года и непосредственно сама погода. От ее прогнозирования всеми доступными средствами и оценки фактического состояния зависит по существу весь план действий на каждый день. Если ожидается ненастье, об этом тут же предупредит ласточка, начав низко летать прямо перед идущим или стоящим человеком, который уже с утра начнет подготовку к уменьшению соответствующего ущерба. Учитываются все риски поведения

животных, производство тех или иных видов работ в поле и на огороде. Впрок закрываются ставни окон и двери сараев, уменьшаются лотки пчелиных ульев, заранее заготавливаются корма и вода, сокращается расстояние выпаса животных.

Наряду с обязательными мероприятиями по кормлению, поению, дойке, подготовке теста к выпечке хлеба, использованию русской печи для приготовления различных видов пищи, сушке фруктов, проведение или отмена прополок грядок, стирка или уборка помещений дома или двора – все осуществляется на основе вариативных оценок, прогноза развития ситуаций, определения конкретных целей и решений, выбора способов действий и партнеров, сопровождается саморегуляцией и контролем. То есть строго по заданной технологии.

Принято считать, что крестьяне отличаются консервативным отношением к жизни, и это действительно так. Они не спешат менять сложившиеся традиции и устои жизни. Но что удивительно, каждый ее прожитый день наполняется поиском различных инноваций и внедрением нововведений. Все дело в том, что земледельческий труд проходит нередко в условиях, требующих нестандартных решений, подходов к устранению тех или иных препятствий, трудностей, внезапно возникших на пути к достижению цели. Что-то оборвалось, сломалось, его надо закрепить, привязать, подложить, использовать нетрадиционный набор материалов и конкретных приёмов по ходу действий, которые нельзя прервать или остановить.

И тут всегда нужно уметь проявить крестьянскую сметку и находчивость, пойти на риск, способность экономить и силы, и средства, найти возможность для отдыха себя и животных, а если это невозможно, то хотя бы для временного расслабления и релаксации. Все это требует постоянной вдумчивости, взвешенности и самоконтроля, подчинения единому замыслу всех имеющихся ресурсов, выработки соответствующих умений и навыков, переходящих в устойчивую функционирующую социально-технологическую культуру, без которой немислима жизнь на земле.

Без нее невозможно ни физическое здоровье, ни крепость силы и духа крестьянина, ни его поразительная выносливость и устойчивость в самых жестоких испытаниях. И тут снова впору задуматься над словами отца, являющимися по сути крестьянской формулой здорового образа жизни. Но сначала будет уместным взглянуть на сложившийся современный, так называемый офисный стиль жизни. Главные его признаки:

- полное отделение от электромагнитных и энергетических полей земли через обувь и другие изоляторы, которые, как уже много лет доказано наукой, выполняют исключительно оздоровительное, релаксационное воздействие на все физиологические и нервно-

психологические процессы организма человека, находящегося и адаптирующегося миллионы лет в ее колыбели;

- попадание человека в сильную зависимость от вредных излучений компьютеров, айфонов, айпэдов, мобильных телефонов, телевизоров и другой современной техники, что разрушительно действует на все системы его организма;

- замена привычного подвижного образа жизни, адекватно сопровождающего основные жизненные процессы человека на гиподинамическое состояние, переросшее в субкультуру его поведения и работы;

- нарастающая информационная зависимость, вызывающая у многих людей даже в молодые годы различные киберболезни, наносящие вред здоровью;

- виртуализация общения человека с живой природой, искажающая его сферу чувств, ощущений и восприятий реальной действительности;

- усиление индивидуализации людей, обостряющей их нездоровые эгоцентричные наклонности, при которых треугольник «человек – общество – природа» утрачивает гармонию, перестает работать и выполнять гуманистические функции;

- нарастание агрессивности, конфликтности и нетерпимости в обществе, ведущих к разрушению семей, коллективов и других его важнейших институтов.

Собственно, заменив перечисленные критерии со знака минус на плюс, мы тем самым можем без особых комментариев подтвердить мнение о том, что крестьянский образ жизни и труда на земле является первоосновой крепости, надежности и выносливости всех наших предков, представляющих целые народы, занимающихся земледелием и животноводством. И данную формулу опровергнуть или даже поставить под сомнение не удалось никому.

В то же время, это никак нельзя отнести к созданным и функционирующим современным автоматизированным комплексам по выращиванию животных и птицы. Их также именуют сельскохозяйственными предприятиями, хотя к таковым они явно не относятся, ибо не отвечают его главным критериям.

Во-первых, они задуманы, спроектированы, построены и оборудованы новейшими технологиями в отрыве от живой природы, с искусственно созданной средой обитания животных, которые рождаются, вырастают и умирают, так и не ощутив на себе ни запаха и вкуса земли, ни растущих на ней трав и цветов, ни капли дождя и солнечных лучей, ни живительного воздуха и энергии природы.

Во-вторых, весьма радикально отличающейся по сравнению с привычными крестьянскими традициями выглядит технология кормления и состав самих кормов, а также комбикормов. Производятся они

из зерновых, которые выращиваются практически по агрохимическим технологиям, а также на основе биохимических добавок, содержащих продукты неорганической химии, стимулирующие высокоскоростное наращивание живого веса до взрослого состояния, например, курицы за тридцать дней, свиньи за сто восемьдесят дней. Принцип здесь один: чем больше химии, тем больше и быстрее животное наберет вес, тем больше будет прибыли и денег. Вполне религиозный подход, если считать деньги новым современным богом.

В-третьих, помещение животных подвергается массивной обработке различными санитарно-гигиеническими средствами и, что особенно опасно, животных пичкают антибиотиками от известных болезней. Тут ни одна ласточка не совет свое гнездо, а любой комарик помрет при первом же вдохе химического воздуха. Самому живому существу, будь то эрзац-свинья или эрзац-курица, больше лекарств или меньше вряд ли может изменить его суррогатное существование, а вот для человека, систематически употребляющего такие эрзац-продукты, могут наступить серьезные последствия, вплоть до роковых. В случае возникновения у него заболевания, которое излечивается только антибиотиками, надеяться на них будет весьма сомнительным делом. Заранее адаптированный к ним организм не сможет воспринять их как лекарство. Особенно вредно это для растущего детского организма и ослабленного здоровья пожилых людей.

В-четвертых, создаваемые таким образом условия труда, внешне отличающиеся чистотой и порядком, напоминают скорее вредное промышленное производство, где полагается в качестве дополнительного питания молоко, различные социальные льготы, вплоть до снижения пенсионного возраста. Но это в промышленности, а новые современные птичники да свинарники, именуемые в простонародье химводами, официально числятся за сельхозпредприятиями. И здесь льгот никаких нет и быть не может.

Да и труд на них совсем не крестьянский, никакого удовлетворения и радости ни душе, ни телу не приносит. Одни болезни и страдания людям, работающим там, и самим животным, обреченным на сурдосуществование. Однако официальные власти считают значительное приращение такой эрзац-продукции успехами сельскохозяйственного производства. Неужели они не знают мнения ученых и экспертов, которые публикуются в газетах и журналах, транслируются по телевидению, о нарастающем возмущении людей на рынках и в магазинах, на кухнях во время приготовления и употребления пищи. Сегодня многие спрашивают, а возможен ли возврат к натуральным продуктам?

По законам рынка, если людям понадобятся куры, индейки и хрюшки, не надутые гормонами и геномодифицированной мукой, то появятся и соответствующие их производители. Не сразу, постепенно

и очень дорогой ценой. Не появится только наша российская деревня, смертный приговор которой подписан уже давно, причем, с ускоренным приведением к исполнению, к чему еще будет наше обращение. Интересно, что бы сказали авторы Священного Писания, наяву увидев такую картину антижизни? Каким грехом они назвали бы попираание главного предназначения живых видов продлевать свой род, посланное им Богом, и как бы они оценили деятельность новоявленных химводелов, которые тоже ходят в храм, молятся там и каются в своих грехах. Чем только они их измеряют – количеством денег или ущербом, нанесенным живой природе и человеку?

На трудные вопросы ответов пока нет, что, тем не менее, не должно нас сбить с позитивного настроя в обобщении ценностных характеристик крестьянского класса. И мы его продолжаем уверенным утверждением о том, что самый сильный и крепкий класс во все века был главным освоителем новых земель, первооткрывателем неизведанных континентов и способов внедрения на них различных сельскохозяйственных технологий, распространителем своей народной культуры и быта, обычаев и традиций на другие этносы и социумы. Это крестьяне изобретали все новые и новые инструменты, инвентарь и оборудование, улучшающие труд и жизнь их самих и своих помощников – домашних питомцев.

Уместно вспомнить один любопытный пример. В моем родном деревенском доме до сих пор сохранилось прелюбопытнейшее изделие под названием верстать, что означает бытовой ткацкий станок. По молве, передаваемой из поколения в поколение, сделал его из дерева один из моих далеких предков. И он в качестве приданого передавался из рук в руки многим поколениям семейных невест, попав таким образом через мою маму в наш дом. Станок, несмотря на многолетний стаж своей работы, выглядит вполне прилично, продолжив свой производственный путь даже во второй половине XX века.

Каждый год, после окончания полевых работ, отец собирал его в самой просторной комнате нашего небольшого жилища. Мама и бабушка вели обстоятельную настройку агрегата, мне же доставалось поручение раскладывать пряжу, то есть нити, изготовленные на собственной прялке, а также скатывать нарезанные узкие полоски разноцветных тканей в основном из старой одежды. А дальше шел весьма шумный, но очень продуктивный и красочный процесс изготовления дорожек, половиков, ковриков, льняных покрывал и т.д.

Вот так во все века проявлялись крестьянская смекалка и талант. А какими мастерами были крестьянские кузнецы, печники, плотники, шорники, модистки и вязальщицы, которые сочетали свой труд хлебороба с ремесленными промыслами, нередко объединяясь в одноименные артели. По сути дела на крестьянских плечах и в его мозолистых

руках была вся жизнь любого народа. От него зависело практически все: от фундаментальных позиций по устройству дорог, водоемов, обеспечения транспорта, до мелких бытовых мелочей. И все на основе самоорганизации, самообеспечения и самореализации любых планов и проектов.

Принято считать, что технический прогресс развивается по нарастающей технологии от простейших приспособлений до сложнейших машин. Так возникли первые орудия труда, потом колесо, несложные механизмы, паровые машины, велосипеды, мотоциклы, автомобили, самолеты, ракеты, космические станции... В целом оценка процесса выглядит вроде бы убедительно, но не совсем. Более того, возникающие все новые факторы истории развития народов, их культуры дают основания для применения более сложного методологического оснащения всей исследовательской работы. Жаль, что человечество в целом и те, кто пытается им управлять, мало об этом заботятся, экономят деньги и силы, забывая общенародную мудрость: если хочешь знать свое будущее, узнай свое прошлое.

А в нем очень много белых пятен, загадок и неразгаданных тайн. Описывая свой домашний ткацкий станок, мне вспомнилась одна история. Как-то в Лондоне собрались на ужин владельцы ткацких мануфактур и стали обсуждать проблему, как заменить ручной труд машинами. Один из участников встречи рассказал случай, который он наблюдал лично. Это была игра в шахматы турка с машиной, которую он сам изобрел и запустил в дело.

Главным принципом устройства шахматного автомата было обыкновенное повторение движения человеческих рук – толчки, захваты, поддержки и т.д. Ну а, если это стало возможным в игре, почему не применить его в производстве? Так турок – шахматист стал основоположником машинного изготовления ткани. Можно быть уверенным только в одном – происходил он из крестьянского рода, коими славилась эта земледельческая страна.

Однако, при всем уважении к древнему турецкому народу и его культуре, вряд ли такое изобретение можно назвать инновационным. Достаточно обратиться к истории Китайской, Индийской и культуре более древних народов и мы увидим буквально чудеса науки и техники. Не случайно великий Леонардо да Винчи, находясь в эпицентре средневековой европейской цивилизации, воссоздал такие научные открытия и сделал собственные, переложив их на язык математики, астрономии, физики, механики и черчения, что дух захватывает от не реальности их восприятия и осмысления. И только понимание того, что мы оттуда, из далекого прошлого берем и свои машины, и ракеты, и космические корабли. А оно, это прошлое, в свою очередь черпает знания с еще более древних времен.

Возникает вопрос, благодаря чему мы повторяем процесс взаимоотношений человечества и техники, людей и машин? Неужели только наличием оставшихся в уцелевшем состоянии различных первоисточников, чертежей, описаний и т.д. мы можем объяснить современные изобретения? Но ведь их ничтожно мало, и мы не знаем их подлинной гносеологии и истории. Остается догадываться, что существует и действует некое вечное информационное пространство, управляемое высшим разумом, которое передает на уровне генетической памяти от одного поколения к другому те знания, которые они не в состоянии добыть или произвести самостоятельно.

Причем, эта передача осуществляется не перманентно, а с большими паузами совершенно адресно, далеко не каждому и не всем подряд. Передается она по каким-то неведомым нам технологиям. Вспомним озарения Ньютона, Ломоносова, Менделеева, Тесла, Эйнштейна и вновь задумаемся не только над разгадкой необъяснимого, но и над самой возможностью достичь этой цели. А может все дело в нашей связи с живой и неживой природой, с их электромагнитными полями и иными явлениями? И тогда мы должны всеми силами пытаться проникнуть в таинство зарождения и развития земледельческого труда и крестьянского класса, давшего на земле основу селекции всего человечества, подлинный смысл которой мы пока не можем понять.

Только самый сильный и высоко репродуктивный класс мог обеспечить прирост населения в условиях низкой продолжительности жизни людей, подкашиваемой эпидемическими болезнями, войнами и стихийными бедствиями. Остальное для крестьян не было особой проблемой. Они умели делать все: и лечить народными средствами, и самостоятельно рожать, и выхаживать маленьких детей и животных, и восстанавливать разрушенное, надеясь только на себя и собственные силы.

А силы эти можно было восполнять и накапливать, только черпая их у природы посредством многогранного взаимодействия и единения с ней, приспособления к ее неоченимым достоинствам и капризам, к ее непревзойденной мощи и беспомощной уязвимости. Можно тысячу раз повторять мысль о том, что ни один человек лучше, чем крестьянин, не может чувствовать и понимать природный мир, жить в полной гармонии с ним, не разрушая даже его отдельных сегментов и обеспечивая полную экологическую безопасность себе и окружающим.

Представим зимне-весеннюю картину моего села. Как и у всех пацанов, у меня уже к середине дня в ходе различных приключений, особенно связанных с лужами, ручьями и прочими магнитными притяжениями, сухими остаются только уши. А тут к вечеру заморозок. Словом, домой являюсь уже с неизбежным кашлем и прочими проявлениями ОРЗ. На медицину рассчитывать невозможно – ее просто нет, как нет и дороги к близлежащей больнице.

Тут же на малиновых ветках заваривается чай, который выпивается с ложкой меда и внутреннего бараньего жира, которым к тому же еще натирается грудь и спина. После укутывания пуховым платком лечение продолжается на горячей русской печи. К утру – никаких следов заболевания. Такого эффекта никакой официальной медициной достичь невозможно, во всяком случае, мне в жизни ни разу в этом убедиться не пришлось.

Кстати, русская печь является одним из самых удивительных и, можно сказать, пока еще непревзойденным крестьянским изобретением за всю историю человечества. Ведь она благодаря своей конструкции выполняет роль одновременно и отопительницы, и кормилицы, и врачевательницы. На ней что посидеть, что полежать – одно удовольствие и польза. Особенно впечатляет ее огонь, тут по уровню релаксации и умиротворения всего организма никакой, даже самый красивый камин, сравниться не сможет.

Особо выделим качество приготовленной в русской печи пищи. Здесь все, что ни возьми, будь-то: свежеспеченный хлеб или пироги, любой сваренный, сжаренный, стомленный или запаренный продукт, тут же мгновенно и очень ярко почувствуешь в нем удивительное сочетание живительных ароматов и красок земли-матушки, ее растений и цветов, свежего воздуха и чистой воды. По неповторимому вкусу и неопишуемой пользе для человеческого организма они одновременно служат ему и питанием, и лекарством.

Именно русская печь несет в себе важнейшую функцию многоканального слияния человека с аурой природы и космоса. Сотни, а возможно, и тысячи лет наполняла она крестьянский дом теплом, уютом и покоем, оберегала его от холода, голода и болезней. И вот уже технический прогресс оттесняет ее на обочину крестьянской жизни. Когда двадцать лет назад в нашу деревню провели газ, печи почти из всех домов демонтировали и повыбрасывали за ненадобностью.

Родители же мои делать этого не стали и продолжали использовать русскую печь по ее прямому назначению, а она в свою очередь продлевала им жизнь, нивелируя и залечивая ее непостижимые по жестокости и тяжести лишения и испытания. Оставшись одиноким, отец не нарушил крестьянской традиции. Незадолго до ухода в иной мир он как бы на прощание в последний раз растопил печь и испёк привычный каравай. И только после этого поехал в больницу, из которой уже не вернулся.

Сегодня чего только не наизобретали для повышения удобных условий жизни себе люди. Но всевозможные электронные микроволновки, скороварки, духовки, горелки и пекарни при всех их технологических достоинствах никогда не смогут превзойти русскую печь даже в первом приближении. Несведущий и неиспытанный на практике ее

прелести читатель сразу же усомнится в авторских заключениях, но мы постараемся их развеять разъяснением главного таинства русской печи, заключающегося в ее неопишуемой мощнейшей энергии. Оппоненту тоже не следует торопиться с выводами о ее тепловом характере, здесь все гораздо сложнее.

Рассмотрим одно сравнение. Допустим, вы кушаете горячий борщ, приготовленный на газовой или электрической плите. Естественно, чувствуете при этом легкий согревающий эффект. И совсем другие ощущения наблюдаются при употреблении борща из русской печи. У вас тут же, словно в горячей бане, буквально пробивает потоотделение, наступает мощный прилив жизненных сил. Дрова и огонь, раскаленные ими кирпичи и глина превращают русскую печь в сильнейший энергетический реактор, воздействующий на приготавливаемую в ней пищу, заряжающий ее не только теплом, но и другими труднообъяснимыми воздействиями. Здесь налицо какое-то чудодейственное соединение тепловой, биологической, электромагнитной и многих других энергий, которые единым мощным потоком буквально пронизывают все жизненное пространство дома и человека, доходя практически до каждой клеточки его организма.

Все мы хорошо понимаем, что любое изобретение постоянно совершенствуется, видоизменяется в лучшую сторону. Печь же в этом не нуждается, она веками никак не меняется. Ее подобно произведению искусства, просто невозможно улучшить. И я своими глазами видел, как это делали деревенские печники. Никому же в голову не придет усовершенствовать шедевры живописи Рембрандта. Только за создание одной русской печи можно присвоить высший знак творчества, смекалности и житейской мудрости крестьянскому классу России. И очень жаль, что люди до сих пор не научились сохранять и использовать все самое ценное и полезное, добытое его трудами, заменяя на все более удобное, но с противоположным значением. Надо иметь в виду, разумеется, и досадные исключения, которые хоть и меркнут перед многочисленными достоинствами, но имеют место в крестьянской среде и требуют также скрупулёзного аналитического исследования.

Данная характеристика нами уже довольно детально раскрывалась на конкретных примерах, но ощущения завершенности нет, а значит надо пытаться производить социологическое проникновение в самые потаенные черты крестьянской жизни. Среди них особое место занимает скромность. Это украшение любого человека наиболее присуще именно труженикам земли. Вы когда-нибудь встречали крестьянина или даже богатого фермера, который бы купил дорогую яхту или самолет, набил свой дом ценными аксессуарами, украшениями и одеждой, а вдобавок купил бы или построил еще несколько роскошных вилл и особняков. Нет, и я тоже не встречал, ибо каждый из них скорее прику-

пит на свободные деньги земли, новой техники и оборудования, обновит поголовье домашнего скота за счет более продуктивных пород. Словом, потратит деньги на все самое необходимое, только не на роскошь.

Дополняемая застенчивостью и какой-то нарочитой вкрадчивостью, скромность придает им особый колорит. Десятки лет мне на одни и те же вопросы, какой ожидается урожай картошки или будет ли в этом году медосбор, приходилось слышать абсолютно однотипные ответы, сопровождаемые тяжелыми вздохами горьких ожиданий, – да, видно, неважно или слабовато идут дела, а то и совсем не будет ни меда, ни картошки. Никакой кичливости, самодовольства и тем более бахвальства. Крестьянин никогда не скажет, сколько в день дает молока его корова, как растет поросенок или другая живность, без острой надобности не пустит постороннего на огород, в сарай или погреб.

Я много раз пытался разгадать суть таких проявлений, думал, что исходят они из какой-то скрытности, эмоциональной скупости и задушенности тяжелой работой, из конкретных суеверий, очень характерных для сельчан. Но, в конце концов, нашел два разнонаправленных по форме, а больше по содержанию ответа, на мой взгляд, приближающих нас к истине. Первый из них мне пришел в голову семь лет назад после обстоятельной поездки в Японию. Это была несколько неожиданная, но вполне закономерная корреляция на заданную тему.

Итак, мыдвигаемся более шестисот километров из современного центра страны Токио в ее древнюю столицу Киото. Ощущение такое, что поезд идет по сплошному городу и его пригородам, за редким исключением прерывающихся небольшими вкраплениями садов и огородов. На всем протяжении пути поразила однотипность небольших по размерам жилых, в основном двухэтажных домов, расположенных близко друг от друга. Чувствовалась нехватка земли у островного государства с населением, немного уступающему по численности российскому.

Дома эти оказались не только похожими внешне, но и схожими по внутренней структуре. На первом этаже размещается гараж, небольшой коридор и кухня, на втором – одна или две спальни в зависимости от семейных обстоятельств. Поразил сам вид этих спален, которые были просто пустыми комнатами без какой-либо мебели с незаметно встроенными в стены нишами для одежды и белья. Достаточно расстелить на полу обыкновенную циновку, и процесс сна и отдыха можно начинать.

Еще более удивительным было то, что такую же необыкновенную скромность мы обнаружили в старом императорском дворце. Он, конечно же, был достаточно просторным, с различными помещениями для встреч, приемов и совещаний, но напроць лишен какой бы то ни было роскоши и богатых излишеств. Всё только необходимое для работы. Подумалось, а может все это компенсирует спальня главы госу-

дарства? Ничего подобного, она оказалась такой же простой, как и в домах, расположенных вдоль железнодорожной магистрали.

Комментарий увиденному мог быть вполне незадачливым: японцы в знак уважения к своим традициям и почтения к императорскому дому и семье, берут с них пример в скромном обустройстве своего быта. Тогда почему сам император и его семья, да не одна, а огромная династическая многовековая иерархия не вышли за пределы упрощенности своего существования? Неужели среди них не нашелся хотя бы один правитель, сломавший устоявшийся порядок вещей и традиций? Как видим, не нашелся.

Объяснения этому надо искать в самой специфике истории японского народа. Вплоть до середины позапрошлого века японцы жили в состоянии полной самоизоляции, которая не допускала никаких связей с внешним миром. Если кто приближался к их берегам, ему предлагалось незамедлительно покинуть страну, иначе он лишится жизни. И так пятьсот лет интересный, талантливый народ вел самостоятельное существование без обмена товарами, информацией и культурными ценностями с другими народами. И только заметив свое отставание от бурно развивающихся ведущих мировых держав, они освободились от жестокого табу.

Что это, глупость и ограниченность правителей? Нет, это была национальная идея – не заразить свой народ болезнями социального неравенства, преклонением перед богатством, развращающим человека, пьянством, блудом и другими пороками, так характерными и бурно процветающими в других странах, особенно в руководящей, аристократической среде. Это был огромный исторический процесс, всецело направленный на самосбережение народа, на сохранение в нем в максимально возможной степени чистоты и самобытности.

Глядя на современную Японию, страну, которая подобно чуду, не имея почти никаких ресурсов, вышла на вершины мирового научно-технического прогресса и культуры, невольно возникает мысль: а какую роль сыграла многовековая самоизоляция – сдерживающую прогресс и развитие, и в таком случае не хватает даже самых фантастических догадок о том, каким бы могло стать государство без этого тормаза; или же наоборот – длительный самоограничительный процесс создал как раз те основы, сохранил и раскрыл те социальные ресурсы и резервы народа, которые и обеспечили его столь стремительный прорыв в будущее, в котором, тем не менее, нашлось место атомной бомбардировке, другим войнам и трагедиям.

Разумеется, такой конспективный подход явно недостаточен для анализа и оценок широкоизвестного японского феномена. Но он дает нам возможность обосновать заявленный выше ответ о сути загадочного крестьянского менталитета с массой архаичных наклонностей и

самоограничений. Оказывается, они, как и японцы, не хотели никого подпускать к своей индивидуальной жизненной лаборатории, вросшей корнями в природу и соединившейся в гармонии и единстве с ее живым миром.

Крестьяне боялись разрушительного вторжения извне в их пространство больше, чем той же зависти или сглаза, и как могли, веками обороняли свой мир. Подобно многим животным, таинственным образом заранее улавливающим различные стихийные бедствия, люди какой-то необъяснимой крестьянской интуицией чувствовали неминуемое приближение своего конца, своей Хиросимы и Фукусимы.

И не обязательно через бомбардировки и взрывы. Достаточно мирного инновационного и высокотехнологичного воздействия на сельскохозяйственное производство. Разумеется, с благими намерениями и целями – накормить народ ставшими дефицитом продуктами питания. И оно уже наступило вполне реально, масштабно и даже привычно.

Свою гомомодифицированную и химизированную вандею уже получили куры, утки, гуси, индейки и свиньи. На полном ходу приближают к ней коров и телят. Робкой надеждой на спасение пока остаются овцы и козы, они и на дух не переносят даже самых ароматизированных искусственных запахов и отворачиваются от таких кормов, хотя стало известно, что овцепоголовье уже побуждают к комбикормовому подкреплению веса, правда, не столь беспощадному по химсоставу как в птицеводстве. Очередь теперь за человеком.

Никогда не забуду, как мой дед, абсолютно неграмотный крестьянин родом из позапрошлого века, проклинал начинавшуюся химизацию сельского хозяйства. По этой же теме многократно высказывался и мой отец. Как можно, имея такие плодородные черноземы, кормить их, скотину и самих себя ядами, – возмущался он, хотя сам изредка тоже применял различные отравляющие вещества в саду и огороде, тут же обреченно ругая себя и всю окружающую действительность.

Выходит, на моих родителях, точнее уже на их поколении, не выдержала прочная крестьянская оборона явно вредоносного и не совместимого с живой природой натиска химии, дала брешь, в которую и хлынуло все новое и прогрессивно-убивающее. А вот мой дед позиций не сдавал до своего последнего вздоха. Под вековой яблоней и по всему приусадебному участку он ежегодно высаживал табак, который своим запахом эффективно отпугивал различных бабочек-плодожорок. Осенью он его высушивал, измельчал и смешивал с землей во время ее вспашки, где и происходило его превращение одновременно и в санитару, и в удобрение.

Уже нет сил многократно задаваться отчаянным вопросом, почему необразованный крестьянин понимал бесценную значимость био-

логических противовесов и стабилизаторов в процессе выращивания сельскохозяйственных культур, а земледельцы от науки и агротехники предпочли, надо признать, этому сложному и трудоемкому пути значительно более доступный и удобный химический синтез? Тем не менее, рука сама написала его, как бы помогая разуму убедительно изложить второй ответ, отличающийся от первого по структуре, но сближающийся с ним по содержанию.

Ход нашего размышления все о том же крестьянском феномене сдержанности и самоограничений. Уже неоднократно подчеркиваемая близость и единение крестьянина с землей и всем, что на ней живет, нуждается в существенном категориальном дополнении. Трудно назвать тех, кто не ощущал и не чувствовал так глубоко и проникновенно, буквально всем телом и душой, благоговения жизни, уважительное отношение к ней, как люди, родившиеся, выросшие и работающие на земле.

И неважно, что это – травинка, цветок, дерево, какое-то животное или человек, – крестьянин видит в нем, прежде всего, живое существо, понимает его предназначение, непрерывность или возобновляемость жизни и последствия потери его как вида. Он внимательно наблюдает за каждой стадией их роста, сопоставляя с развитием своих детей, радуется удачам их расцвета и огорчается потерям.

Утратить все накопленное веками – вот чего всегда интуитивно опасались крестьяне и не напрасно. Нашлись люди, и их немало, которые предпочли наблюдать без благоговения жизни за химическими реакциями и их воздействием на рост растений и животных, а заодно и на увеличение денежных поступлений за это. Воспевая достижения красивых современных комплексов как надежду на то, что Россия станет цветущей, ультрасовременной аграрной державой, громкоголосый писатель А.А. Проханов по наивности или по умыслу упускает из виду, а может специально отвлекает внимание потребителей от того, что находится за стенами и выходит за пределы этого все разрастающегося и набирающего мощь химпрома.

Неужели он сам не может убедиться в том, что, утрачивая вкус и запах натурального хлеба, мяса и молока, мы теряем саму Россию, энергию, силу и крепость нашего народа. А ведь это можно так легко и быстро проверить – просто положить на сковородку или в кастрюлю данные эрзац-продукты. И любому, в том числе всесокрушающему полемисту, особенно, если он помнит аромат чистого мяса, сразу же покажется, что он уже живет в совсем другом мире, оторванном от земли. Если же этот человек вынужден повторить такое кушанье еще и еще раз, не имея выбора из прежних натуральных продуктов, он постепенно привыкнет и согласится с тем, что по-другому жить и питаться уже невозможно. И до края пропасти останется еще меньшее расстояние.

Какими же умными и мудрыми были японцы и их императоры! Да они и в современных условиях не утрачивают ценнейших национальных традиций. Если у любого японца спросить, какое он предпочтение выберет в расходовании заработанных денег – на покупку спального гарнитура или на туристическое путешествие в Европу или Африку, он, не задумываясь, выберет последний вариант и поспешит собираться в дорогу, выпавшись на простой циновке. Как утверждают врачи, это значительно полезнее для здоровья, чем сон на кровати в окружении разнообразной мебели, насыщенной поролонами, лаками, красками, смолами, мастиками, клеями и другой химией. Выходит, и тут уже на бытовом уровне проявляется линия между благоговением жизни и неотвратимостью ее ускоренного прекращения.

Человечество, утратив многие крестьянские ценности и заодно многие чувства самосохранения, допустило много ошибок, устремившись порой без оглядки к прогрессу. Теперь приходится в спешке их исправлять. И этим уже по-серьезному стали заниматься наиболее продвинутые страны. Те же японцы, немцы, корейцы и другие народы смело и решительно взялись за освоение и приручение несметных запасов и мощи солнечной и ветряной энергии, избавляясь постепенно от атомной, в той или иной степени, особенно в результате аварий отравляющей землю, воздух и воду.

Под все более жесткий контроль попадают продукты вышеописанных вземных технологий мяса и молока, усиливается государственная поддержка и всяческое стимулирование производства и реализации органических видов питания. В Европе и США уже трудно найти такой город, где бы не было магазинов органических продуктов. Обозначилась тенденция возврата к прошлой первозданности и благоденствию даров природы и ее главного компонента земли-матушки.

И только Китай, Индия, Бразилия и другие страны с бурно растущим населением и явно недостаточными объемами пахотной земли продолжают разгон в биохимическое, геномомодифицированное будущее. Тем более труднообъяснимо попадание в этот неблагополучный ряд России с ее уникальными, самыми лучшими и крупными земельными угодьями и одновременно сокращающимся населением. Сегодня не обрабатывается сорок один миллион гектаров пашни, которая тем не менее является чьей-то собственностью. Ее попросту умертвили в спекулятивной надежде на превращение в капитал будущего.

Так, а как же крестьяне, что они имеют? – резко прерывает наше невеселое повествование оппонент. А так же, как и всегда при всех режимах. Ни после 1917, ни после 1991 года номенклатура не выполнила своего ключевого обещания – земля крестьянам не досталась. Посудите сами: из 450 миллионов гектаров российской земли 166 миллионов – пахотные угодья, из которых 132,3 миллиона гектаров попали в руки

крупных собственников, находящихся за пределами сельской местности. Для малых крестьянских хозяйств сквозь прихватизационное сито холдинголизаторов протекло 16 миллионов плюс 2,8 миллиона гектаров досталось на личные участки. И это в расчете на 38 миллионов сельчан 0,4 гектара в среднем на крестьянский надел.

Поясним, что это означает. На первый взгляд, продолжается общемировая тенденция вымывания сельского населения безудержной урбанизацией. Однако в России, на удивление, этот процесс не просто остановился, а развернулся в обратном направлении. Вот статистика последней сельскохозяйственной переписи: если в восьмидесятые годы XX века сельское население РСФСР уменьшилось на 3,7 миллиона человек, то за следующее десятилетие к новому XXI веку оно увеличилось на 1,3 миллиона крестьян. Из них в числе работающих каждый четвертый – мужчина в возрасте до 30 лет, 7 процентов имеют высшее образование, 18 процентов – среднее профессиональное. Это мощный социальный потенциал.

Тут бы, наоборот, использовать непревзойденный потенциал по выращиванию экологически чистой продукции для укрепления здоровья своего народа и для экспорта другим странам. Но в условиях, когда деньги становятся все более осязаемой национальной идеей и даже новой религией, особенно для управляющего класса, такое весьма хлопотное и трудоемкое дело пока не может быть конкурентным высокодоходному химическому промыслу.

Кроме того, за этим, оказывается, стоит вполне официальная политика, которая, как известно, отработана еще полвека назад на странах третьего мира. Ее суть – обезлюживание территорий государства. Только не торопитесь с восклицанием – что за бред? Лучше давайте вместе заглянем в масштабный план, разработанный несколько лет назад Министерством регионального развития страны под названием «Пространственное развитие субъектов РФ». В нем главный смысл: через 10-15 лет в стране возникнут 8 гигантских городов-агломераций с населением в десятки миллионов человек, в них стянута до 90 процентов населения страны. То есть они станут такими же центрами притяжения рабочей силы как Москва и Петербург. А вместо десятков тысяч сел – триста холдингов. Снова все просто. Наши суждения помог усилить своей статьей «Селовое решение» К. Гордин в 18 номере газеты «Аргументы и факты» за 2014 год.

Не надо возмущаться глупостью и несуразностью приведенных в нем значений, лучше вдумаясь в уже осуществляемое решение: более чем в 2 раза фактически увеличить территорию нашей столицы. Принимали его вопреки Конституции не только без совета с народом и его согласия, но даже и без публичных экспертных обсуждений, наспех, поторапливаясь, дабы никто не помешал. В обществе это воспринято

отрицательно. Люди рассуждают примерно так. Сотни лет цари и генсеки партии всячески стимулировали движение и расселение людей на северных и восточных землях страны, всячески ограничивая прирост населения Москвы. А тут вдруг такая противофаза, у нас что – возникло переизбыточное число людей на окраинах государства?

Когда во время беседы в 2004 году с Е.М. Примаковым я привел ему цифры ежегодной миграции населения Приморского края и других регионов, он не смог скрыть их ошеломляющего восприятия. Так это же оголение наших стратегических рубежей, которые мы веками осваивали, – с нехарактерной для него эмоциональностью воскликнул Евгений Максимович и продолжил, – на неделе я буду у Президента страны и подниму этот вопрос первым. К слову, тогда еще никто и слыхом не слыхивал о гигантском столичном приращении.

Зато её улицы, площади и проспекты уже стонали от переизбытка точечных застроек торгово-офисно-развлекательной индустрии и жилых домов. Набирал силу процесс набивания карманов рентоолигархическим потоком сырьевых сверхприбылей, – не всё же их размещать в офшорах, вдруг их там арестуют, что и произошло недавно с некоторыми, раскладывать надо в несколько корзин. А корзина-то уже переполненная, земли нет, а что и осталось, люди все чаще за нее поднимаются на борьбу. Вот номенклатурно-принимательско-перепродающие ребята и подсутились, быстренько продвинув выгодное для своих шкурных интересов и убийственное для интересов страны решение.

Недавно возмущения и острое недовольство выплеснулись из Московской области, города которой уже оказались из-за безумной бизнес-застройки жилья превышающими все нормы плотности и соответствия инфраструктурным возможностям. Там эпидемия мамонофилии для кучки дельцов может перерасти в агрессивное непослушание и неуправляемость населения. Теперь начали спешно думать, как это все ограничить, прекратить, запретить и т.д. Что будет дальше с такими горе-технологиями управления страной, до которых не могли додуматься даже самые непревзойденные любители все низвергать и переделять большевики-ленинцы, увидим уже в ближайшем будущем.

Хотя еще не все потеряно и у нас. В последнее время в России, отметившейся на мировой карте земледелия особой свирепостью и безжалостностью проведения процесса раскрестьянивания, замечается всплеск тяги, возврата людей к своей земле-кормилице. Он напоминает поистине всенародное притяжение к ней, когда партийное руководство СССР почувствовало на медицинском уровне, что растущее раздражение нарастающим дефицитом всего и вся, особенно продуктов питания, все резче обозначаясь отставанием в качестве жизни можно погасить только с помощью доступа к земле и ее успо-

коительным биоэнергетическим и электромагнитным полям, и приняло весьма оригинальное решение. Для этого придумали специальное мероприятие под кодовым названием «дача».

Следует также добавить, что у советской власти, натренированной по земельному вопросу только в направлении отбирать, был тайный умысел отступить от утвердившейся привычки, чтобы освободить себя и свою самую прогрессивную колхозно-совхозную систему земледелия от производства овощей и фруктов, которое хоть руки и ноги поотрывай, никак у нее не получалось ни по количеству, ни по качеству, ни по ассортименту. Выручить, спасти положение мог только сам народ, но в индивидуальном, частном исполнении. Хотя это и противоречило теоретическим догмам, временное отступление от принципов псевдосоциализма – это тоже соответствовало его ленинским нормам.

На данной эпопее остановимся особо, ее нельзя обойти вниманием. Нет, сама дача, как место и способ отдыха на загородном участке земли не было новым понятием. Но его развитие всячески ограничивалось. Такую льготу жизни могли позволить себе, вернее, им было позволено иметь, только номенклатурные руководители, творческая интеллигенция, ученые и конструкторы, отдельные передовики производства. В общем, раньше это была важная и очень престижная премия властей за особые заслуги избранным лицам. Теперь же согласились дать возможность построить дачи всем желающим. Чисто по-советскому, по-партийному решили и вопрос с землей под эти дачи. Коль ею в целом владеть мог только народ, а ее отдельной долей владеть не имел права никто, в том числе такая часть народа, как индивидум-человек, выбрали наихудший вариант.

Так сказать, чтобы и чистоту теоретического парадокса сохранить и проблемы разрешить практически. В общем, выделили под этот грандиозный всесоюзный проект самое ненужное и непригодное – яры, балки, овраги, солонцы и прочие неудобья, окружающие большие и малые города, рабочие поселки. Словом, все, что можно было делить на части. Не в ущерб теории коммунизма оградили эту акцию даже от самой мысли о собственности на землю. Люди должны были неприспособленные и зачастую совсем непригодные для земледелия участки превратить в цветущие сады на условиях аренды. Но и это не сдержало их вековую, генетическую тягу к своей матери-кормилице.

Как и положено, сразу же все заковали в цепи ограничений и запретов. Так что работы хватало всем. И страдальцам-дачникам, на своих руках и плечах по-фронтовому переносивших миллионы тонн строительных материалов, добываемых всякими, в том числе неуставными способами, и многочисленной армии контролеров, проверяющих и наказывающих за любые отклонения. Описать всё невероятное многообразие этого всенародного порыва, когда и стар, и млад всей

страны в выходные дни устремлялись на дачи, не так просто, тут даже чеховская драматургия отдыхает.

Нам целесообразнее подвести лишь краткие ее итоги. Миллионы построенных без преувеличения героическими усилиями людей домов, коих народная молва нарекла своречниками, оказались пустыми и ненужными, во многих из них так никто и ни разу даже не переночевал. Делали, что называется, по крестьянскому инстинкту, а его корни так просто не выкорчевываются даже под воздействием крупных городов. И вот наступила приватизация всего общенародного добра. Но передать в собственность землю вместе с домиками оказалось не под силу ни трем президентам, ни нескольким правительствам свободной России, ставшей уже почти четверть века назад буржуазным государством с узаконенной частной собственностью. Это все крупное, приемательское у нас оформляется быстро, а мелкое, да еще в таком количестве, – кому оно нужно, с ним одна возня и морока чиновникам. Хотя беззастенчиво бодрые обещания руководителей страны на эту тему продолжают озвучиваться.

Тем не менее свою историческую миссию в оздоровительном, воспитательном, общественно-политическом, хозяйственном и многих других аспектах дачная эпопея выполнила с вполне заметными результатами. Она подобно мощному тренажеру вернула людей к земле, показала, что только в гармонии с ней можно быть настоящим человеком, готовым физически и нравственно к преодолению любых жизненных трудностей. Но самое удивительное, она явилась сигналом к началу обратной селекции, когда не только крестьяне рекрутировали своих воспитанников в различные социальные слои общества, а и само общество в лице представителей интеллигенции, бизнеса, рабочего класса стало возрождать земледельчество на новой основе.

Эти подвижники все чаще берут под свою опеку отдельные хутора, заброшенные села, вспахивают землю, разводят на ней домашних животных и птиц. Сразу же оговоримся и попросим не путать такие приятные факты с той повсеместной холдинголизацией земли, которая проведена во многих регионах России, особенно ее европейского центра, как бессовестная, циничная кампания по массовому лишению крестьян их земельных паев и уничтожению остатков земледельческих основ сельского социума. Но ростки подлинного возрождения радуют и вселяют надежду на успех.

Особенно приятной выглядит информация о восстановлении старых и создании новых коневодческих ферм и заводов, конно-спортивных школ, приобретении коней в собственность. Люди сами поворачиваются к лошади, возвращают ее к себе. Волнительно и радостно осознавать, что она является еще осязаемой живой частью потерянного рая.

В жизни мне выпала удача встретить удивительного Человека, как говорят, с большой буквы – Юрия Яковлевича Лекаркина, знатного кубанского и знаменитого на всю страну лесоведа. Потомственный крестьянин и лесник, он всю свою долгую жизнь посвятил служению земле и ее уникальному продукту – лесу. Под его руководством около двух миллионов гектаров краснодарских лесов десятки лет содержались в образцовом порядке, пополняясь новыми саженцами.

Сила кубанской земли и неповторимая аура леса давали этому незаурядному человеку такой энергетический заряд, что его хватало на многие инновации, далеко выходящие за пределы должностных обязанностей руководителя лесного хозяйства края. Любому ясно, что это очень хлопотная и ответственная работа.

За что бы ни брался Юрий Яковлевич, все у него спорилось, все получалось. Причем, всегда значительно больше и лучше, чем того требовали обстоятельства и вышестоящие инстанции. Охраняя бесценный природный ландшафт, флору и фауну Псебайского заповедника, он, естественно, обратил внимание на малоиспользуемые возможности альпийских лугов и начал возрождать здесь коневодство. В кратчайшие сроки были построены конюшни на 500 единиц маточного поголовья лучших кавказских пород лошадей. И загуляли по горам и долам, воскрешая тысячелетние традиции, табуны красивейших животных, ранее бесцеремонно и безжалостно истребленных людьми за ненадобностью.

Умные и выносливые лошади быстро восстановили гармонию природного мира, в котором человеческая цивилизация с упорством обреченной наделала и продолжает делать бессчётное количество черных дыр и пустот. Они по своему разумению самостоятельно двигались по высокогорью от одного пастбища к другому, давая возможности для естественного восстановления травостоя и даже зимой не требовали никакого ухода и внимания со стороны человека. С помощью своих копыт добывали пищу из-под снега. Заботой были окружены только репродуктивные кобылицы и их младенцы, что обеспечивало полноценное пополнение табунов.

Однако вполне успешная попытка восстановления рая продолжалась лишь до той поры, пока у руля событий находился Ю.Я. Лекаркин. Воистину лживой и надуманной в данном случае, как и во всей жизни, выглядит рожденная в недрах сталинской номенклатуры поговорка «незаменимых людей нет», которая, с одной стороны, оправдывала насилие и репрессии, а, с другой, подчеркивала особенность нового господствующего класса, внутри которого каждый его представитель должен был всегда помнить и чувствовать себя винтиком все перемалывающей машины угнетения.

Но незаменимый винтик как-то не звучит, да и явно демаскирует истинный смысл. Поэтому в догматическую упаковку пошли люди,

что ставило его на более прочную, устойчивую и надежную основу, и система продолжала работать и жить, саморазвиваться и самосовершенствоваться. Однако кто повторял эту установку как аксиому, путали живых людей с номенклатурными должностями, с картотеками учета кадров, которых в незаменимом виде действительно не могло быть в тех условиях. Человека же в любом социальном сословии заменить нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, ибо он суть индивидуального и неповторимого как в своих достоинствах, так и в недостатках. И это подлинная аксиома.

Стоило Юрию Яковлевичу выехать из Псебея, как тут же табуны лошадей стали вначале непрофильным активом, а затем и обузой для новых руководителей. Последовавшие затем непродуманные, а, возможно, наоборот – очень продуманные и необходимые для принимаемых-мамонофилистов реформы лесного хозяйства страны, поставили его на грань выживания и разорения. Тут уже не до лошадей и гармонии природы.

На полную мощь заработали пилы и перепродавцы национального достояния. Осталась только память о замечательном руководителе и весьма добротные, хорошо сохранившиеся и прочно стоящие конюшни, приобретенные по сходной цене как объекты вложения перекупочного капитала. Хочется думать, что осталась и надежда на повторение бесценного опыта и подвижничества.

Лично для меня слышать и писать об этом наполняется огромным социальным смыслом соприкосновения с неповторимым феноменом народной культуры. И, вспоминая трогательное прощание с волами, мне хочется вновь пережить такой же драматический эпизод и попутно другие встречи с конями, случившиеся через несколько лет. Они тоже объявлялись рудиментом отжившего, отчего и были обречены на уничтожение как помеха новому строю.

Мне всегда кажется, что в далекие детские годы моим первым, ставшим потом главным маршрутом передвижения была конюшня и ее грациозные обитатели. Как научился ходить, так сразу туда и пошел. Тем более там работал родной дядя Андрей, а рядом на волонне – отец. Они нас не баловали и с ранних лет приучали к освоению и проведению соответствующих работ. Назовем их в порядке усложнения. Нас учили следующим навыкам ухода за лошадь: сторожить, привязывать, кормить, поить, путать, то есть связывать на время выпаса их передние ноги жесткой веревкой, нуздать, объезжать и запрягать.

Росли мы и воспитывались в дуалистической среде. В школе нам говорили, что Бога нет, учили атеистическим взглядам на мир, вовлекали в соответствующие мероприятия, а дома в святом углу на полочке стояла старинная икона с ликом Иисуса Христа, обрамленная

белым рушником с красивой ручной вышивкой. И тут нам все время говорилось и утверждалось, что Бог есть, он с нами, он все видит и может наказать за любой грех.

Мы это слушали, делали вид, что понимали и тут же забывали, ибо главным богом для меня и моих сверстников в ту пору был черной масти конь по имени Воронок. Его мы не забывали никогда. По неопикуемой красоте и изяществу он действительно казался божественным существом. А многочисленные достоинства его характера, поведения и движения, словно магнит притягивали любого, кто хотя бы раз на него взглянул. Покататься на нем – большая честь, которую не каждый мог заслужить как награду за труд и помощь конюхам. Он и сам, купаясь во всеобщей любви и заботе, чувствовал себя вожатым-наставником нас, подростков. Всячески с нами заигрывал, угадывал наши желания, а порой и выделял невероятные и далеко не безопасные пируэты.

Остальное поголовье тоже было вполне привлекательным и всегда желанным спутником нашего детства. И вот пришла пора с ним прощаться. Мы заранее на них наездили до боли в ногах и других частях тела и стали помогать старшим грузить коней по машинам для отправки все на тот же конечный пункт – мясокомбинат. Произошло это быстро, без шествий, вздохов и слез. Всеобщие переживания скрашивало то, что начальство втихую разрешило спрятать от райкомовской сводки на молочнотоварной ферме жеребца и кобылу.

Тем самым сохранялись наши надежды, хоть и не полностью. А маленький в ту пору сын дяди Андрея, мой двоюродный брат Владимир так прикипел и полюбил коней, что даже, когда после службы в армии переехал жить в райцентр Волоконовку, перевез туда и любимую лошадь. Многие годы содержал ее, несмотря на все перевороты и перестройки вплоть до начала XXI века. На задаваемый всеми вопрос, зачем эта колгота, отвечал – жить без нее не могу.

Чтобы выразить в достойном объеме оценку крестьянства как самого приспособленного к природе класса, гармонично вписавшегося во все ее ниши на земле, достаточно, мне кажется, раскрыть одни лишь его отношения с лошадь. Их уже отразили самые маститые писатели и поэты, композиторы, художники и скульпторы в самых блистательных произведениях искусства большинства народов мира. Такого прославления человеком не знает ни одно живое существо на земле.

О коне как о ближайшем соратнике и надежном друге человека, о коне-воине, о коне-труженике, о коне-спортсмене, о коне-докторе, о коне-воспитателе ходят не только легенды, об этом написаны многочисленные научные монографии и даже учебники. Узнай сегодня, что где-то создается авторский коллектив по написанию социологии коневодства, уже завтра бы я включился добровольно в его работу.

Лучшие умы человечества пытались и до сих пор пытаются понять внутренний мир лошади, ее порой загадочные и необъяснимые отношения с человеком. Есть мнение, что она позиционирует себя с ним примерно так, как взрослый человек с ребенком. Понимая и ощущая явственно всю свою физическую силу, мощь и выносливость, несравнимую с возможностями любого, даже самого крепкого человека, она почему-то добровольно записала себя в его помощники, всецело подчиняясь ему в определенных обстоятельствах совместного труда и отдыха, соревнований и боев, перевозок и переносок грузов и т.д.

Повторим, в определенных, но не во всех условиях и не всегда. Вот что в ней ощущается всегда, так это четко выражаемое ею право вести себя по отношению к человеку в отдельных случаях так, как ей кажется наиболее необходимым, рациональным и удобным. Всем своим видом лошадь показывает человеку: помни, я полностью подчиняюсь твоим планам, готовая всегда не пожалеть своих сил на поддержку и помощь тебе при любых, даже самых трудных обстоятельствах, но я сильнее тебя, и это главное, о чем нельзя забывать никогда.

В жизни каждого из нас часто приходится обращаться к таинственному и завораживающему слову душа. Принято считать, что эта категория относится только к человеку, как живому существу, наделенному сознанием. Но вот мне попалось в руки замечательное исследование графа К.Г. Врангеля, который еще в конце позапрошлого века приводит весьма любопытное мнение профессора Вейса из его работы «Специальная физиология» о том, что у животных наблюдаются поступки, указывающие на существование духовной силы, а значит должно их считать не только одаренными жизнью, но и обладающими душой.

К проявлениям душевной деятельности, – считает автор, – принадлежат так же как и у человека память, сон, радость, печаль, боязнь, страх, гнев, зависть, храбрость, трусливость, привязанность, верность и тщеславие. Выражением же духовной жизни являются ум и понятливость. Двумя руками подписываюсь под мнением знаменитых коневедов мира и буду пытаться делать собственные выводы.

Речь идет, конечно же, о наших взаимоотношениях, взаимовлияниях и взаимодействиях с лошадью. Тут перед взором встают буквально все периоды общественного развития, и ни один из них не обошелся без этого бесценного животного. Их история слита воедино без каких-либо фрагментаций и разделений. Просто одно без другого не жило, и жить, видимо, не могло.

Человек общается с лошадью на своем родном языке, она его тоже усваивает и понимает, особенно, если он еще подкрепляется определенными общечеловеческими возгласами, движениями рук и ног, другими сигналами. Сама же она молчалива, звуки издает в редких случаях, в основном как выражение торжества, радости или тревоги.

С человеком общается с помощью движений головы, ушей, глаз и копыт. Последних сигналов лучше избегать, ибо они могут оказаться катастрофическими для здоровья.

А вот в ее поразительные глаза стоит заглянуть внимательнее и поглубже, что и удалось сделать науке. Их структура устроена так, что главным является боковое или как его еще называют, бортовое зрение, имеющее самый широкий диапазон, примерно одинаковый угол обзора и распределения между взглядом вперед и назад, что дает лошади весьма значительные возможности для визуального наблюдения и оценки ситуации почти на двухсот пятидесяти градусном сегменте круга. Самое же существенное значение имеет оптика глаз, способная в зависимости от породы и конкретного объекта наблюдения увеличивать его размеры более чем в двадцать-тридцать, а иногда и в сорок раз.

В этом-то и кроется разгадка причин чуть ли не заячьей или лягушачьей пугливости такого огромного и мощного животного. Можно легко себе представить состояние человека, проходящего мимо кустарника, из которого внезапно вылетает маленькая птичка. Он на это просто не обратит почти никакого внимания. По-иному поведет себя лошадь, перед носом которой стремительно пролетает трехметровый динозавр, а именно такой величины ею воспринимается в нашем случае птичка. Естественно, она вздрогнет, резко остановится, может сделать даже прыжок в сторону. Все зависит от ее возраста, характера, темперамента и адаптации к тем или иным условиям местности, дороги и другим факторам.

Добавим к этому всадника в ее седле. Если он неопытный, непривыкший к нестандартным ситуациям, то может и упасть при резких движениях. Опытный же наездник обязательно среагирует и руками, и ногами, и голосом. И это будут сигналы успокоения и стабилизации, помощи в преодолении страха, которые лошадь воспринимает всегда с благодарностью. Всадник удержит ее, а она его и в этом суть партнерских отношений.

Теперь возьмем другой пример. Перед лошадью внезапно возникает и на высокой скорости проезжает разукрашенная рекламной фура. Для нее это гигантская крепость на колесах, да еще в движении. Испуг, прыжок в сторону и стремительный бег вразнос неминуемы. Спасти сам и успокоить партнершу может только очень опытный и тренированный ездок. Спокойно, уважаемый оппонент, вас это скорее всего не касается, хотя всяко может быть...

Известно, что лошадь один из древнейших символов взрывного, разносного, стихийного. В бессознательно испуганном состоянии стресса она может разнести вдребезги свою телегу, всадника, рядом стоящий забор, загон или автомашину. Словом, все, что попадется на ее пути. В этот момент остановить ее невозможно никакими силами.

И лишь специально подготовленный человек может воздействовать на ситуацию и кардинально изменить ее. Только обуздав это могучее и строптивное начало, он может подчинить себе огромные разрушительные силы, нейтрализовать их и тем самым обезопасить окружающий мир от обезумевшего коня.

Для обычного человека всадник на лошади – это обыкновенное, привычное зрелище. Со стороны кажется, что держась за вожжи, он управляет так, как обычно рулят автомобилем или велосипедом – легко и просто. Нет, здесь все не просто, а гораздо сложнее. В их совместном движении происходит невидимое соревнование двух характеров и двух разных функций, реализующих одну и ту же цель. И упряжь связывает их в единое целое, настраивает на общий ритм и энергию движения. Она, подобно электромагнитной проводке, позволяет передавать все импульсы и сигналы всадника, при этом обеспечивая обратные реакции лошади.

Верховая езда – это самый сложный процесс многогранных взаимозависимостей и взаимодействий двух волей, не допускающий насилия одного партнера над другим. Тут паритет держит тот, кто направляет ход, определяет скорость движения. Все это в уме и руках человека. Но и лошадь не слепо подчиняющийся субъект. Она может дать и нередко дает контрсигналы, играет в противовес наезднику. Таким образом, складывается специфическая, объединенная общими интересами борьба, напоминающая собой два полюса в магните.

Согласитесь, в такой оценке есть приближение к моменту истины. И не только меня как автора, а и многих, кто связал свою судьбу с конем, с его неповторимой, притягательной аурой, пытливым и глубоким далеко неразгаданным нами умом, в котором, впрочем, как и у многих людей, возникают неожиданные проявления, переходящие в соответствующие поступки и поведение. Во взаимодействии с человеком конь может быть как очень добрым, участливым и дружелюбным, так способен проявить и озлобление, месть и даже коварство, особенно, если к этому его подведет сам наездник.

Сколько ни наблюдай взаимной нежности, ласки и любви между хозяином и конем, как это было у меня много лет с арабским скакуном-иноходцем Мансуром, по возрасту скончавшимся к моему прискорбию два года назад, но расслабляться в процессе движения нельзя никому и никогда. И это хорошо проиллюстрирует следующий пример.

Четверть века назад мне довелось в составе официальной делегации Верховного Совета СССР побывать в США, в два раза меньше лет прошло от того момента, когда я в последний раз сидел верхом на коне. Встречали нас хорошо, интересными мероприятиями. И одно из них на полную удачу игра в конный бейсбол на ипподроме.

На вежливый вопрос, кто из советской делегации владеет конем и

сможет принять участие в игре, из двенадцати человек вызвался один я. Молниеносно сработали мои деревенские корни. И хотя в тот же миг я внутренне насторожился и засомневался в своем выборе, так как никогда в такой игре не участвовал и даже не имел о ней представления. Но виду не подал и уверенной походкой проследовал в раздевалку, подогреваемый внутренним приливом адреналина, молниеносно вспыхнувшего из глубины крестьянских отсеков моей души и тела. Он же поддерживал и единственную мысль – престиж Родины уже не уронен, не ударю и я в грязь лицом. Это же чувствовалось и по настроению приободрившей советской делегации.

Вскоре меня представили коню. Оглядев незнакомца своими умными спокойными глазами, он вдруг насторожился моей инскапательной речью. И хотя мои дружеские слова и знаки излучали только добро и ласку и переводились на английский язык, беспокойство коня усиливалось. Предчувствуя что-то неладное, он лицом и передними копытами стал обращаться к тренеру, который через переводчика все-таки уточнил, все ли я умею делать в управлении лошадей, нет ли проблем? Получив утвердительный ответ, он тут же отправил нас на большой круг, где перед игрой проходила разминка.

Уже с первых шагов движения наши отношения с конем стали напоминать диалог глухого с немым. Любое привычное для меня воздействие на него он встречал с нарастающим сопротивлением и противодействием. Мне казалось, что я не утратил ни одного навыка и будто еще вчера был в седле, пытался все увереннее проявить свою волю и силу ведущего, искренне не понимая, почему конь все это воспринимает как насилие над ним и не чувствует моего исключительно доброго к нему отношения. В свою очередь тот абсолютно не понимал, зачем я его дергаю за узды, поддаю ногами, что было для него довольно болезненным, а главное – совсем непривычным, как оказалось потом.

И все же он в силу своей воспитанности пытался со мной найти общий язык, как-то умирить мой ужасно выражающийся гегемонизм, периодически останавливался, брал паузу для обдумывания взаимных уступок, начинал идти рысью, затем переходил в галоп, вопрошающими глазами спрашивая – угадал ли намерения наездника или нет. Моим же ответом было все большее усиление руководящего натиска, подталкиваемое бодрим скандированием нашей делегации, явно не понимающей сути происходящего на ипподроме.

Терпение коня кончилось. Когда же он в знак протеста стал становиться на дыбы, с трибун и вовсе раздалось громкое «ура»! Все подумали, что это я так мастерски управляю конем. Внутри меня нарастала растерянность, грозящая перейти в паническое состояние, и мне ничего не оставалось, кроме взятия уже своей паузы. Я опустил

поводья, расслабил ноги и погладил коня, который сразу же принял мое предложение о перемирии.

На какой-то момент мы остановились, взвешивая шансы на будущее. Чтобы понять, что речь уже шла не только о чести страны, но и о моем катастрофически надвигающемся фиаско – уж кто-кто, а любой опытный всадник, коим я себя считал, знает, чем заканчивается провал в овладении конем, – мне не потребовалось много времени.

Уже через минуту я с еще большей решимостью обреченного пошел на него в управленческую атаку. Его глаза тут же, минуя пройденные стадии удивления и возмущения, стали демонстрировать такую неприязнь и негодование, что мне стало по-настоящему страшно. Конь ясно осознал, что на нем сидит не просто необученный элементарным правилам чудак, а злобное существо, упорно пытающееся управлять методами насилия и причиняющее ему физическую и душевную боль.

Настал момент, когда наше несостоявшееся взаимодействие должно было неизбежно перейти в завершающую фазу, и состязание двух волей, как и полагается в таких случаях, увенчаться победой сильнейшего. Им был несомненно конь, который имел два основных варианта разрешения кризисной ситуации. Пойти в разнос и, сбросив на полном скаку седока, оказаться на исходной позиции. Или же избрать менее экстремальный режим движения и вместе с седоком прибыть на базу, что, к моей огромной удаче, и произошло в считанные мгновения. О сопротивлении и моих попытках не сдавать своих позиций не было и речи. Оставалось надеяться только на снисхождение разумного коня.

Нас встретил не на шутку перепуганный тренер, ставший незадолго до этого успокаивать вконец расстроенное животное. В отличие от членов нашей делегации уж он-то точно понимал суть происходящего и просчитывал возможные последствия разыгравшейся драмы. Я стоял рядом, с трудом преодолевая дрожь в ногах и руках, безнадежно отгоняя прилипшую ко мне мысль о том, что могло быть в худшем случае.

Через переводчика сразу же выяснилась и суть проблемы. Оказывается, я пытался управлять игровой лошадью приемами скаковой, которые отличаются как небо от земли. Постепенно мы успокаивались, я стал перед конем извиняться, просить прощения за роковую оплошность, давать ему сахар, потихоньку восстанавливая рабочие отношения.

В это время тренер показал мне нужные, злополучные способы управления, которые оказались в исполнении проще простого. Всадник держит ненатянутые поводья в кисти одной руки, другая предназначена для биты, и, прижимая ее к холке вперед-назад, вправо-влево и стоп, легко, без напряжений и притеснений коня управляет им как

мышкой компьютера. Что я и выполнил тут же к удивлению своего терпеливого животного партнера.

Он без обиды принял мое, теперь уже нормальное, управление, и мы парадом проследовали перед ликующей трибуной. Лет десять спустя я рассказал этот эпизод в конноспортивной школе Белгородского государственного университета, руководством и развитием которой мне пришлось заниматься в качестве ректора. Но это уже другая, более ёмкая история. Она тоже об уважении к жизни и о ее благословенной вечности.

А продолжим свою крестьянскую тему мы выводом о том, что и самым экономным, и самым безупречным в экологическом отношении также является класс земледельцев. Прямо во всех отношениях самый-самый! Не может такого быть, есть же ведущие позиции и у других социальных групп, непременно возразит нам оппонент. Но мы своих не сдаем и старательной аргументацией это докажем. Посмотрим, как вели свое хозяйство крестьяне с точки зрения экологии и взаимосвязанной с ней экономики.

Прежде всего следует подчеркнуть безотходный характер земледельческого труда в абсолютном значении этого термина. На любом дворе или ферме во все времена никогда не было и не допускалось никаких отходов. Все, что оставалось от стойлового содержания домашних животных, тщательно собиралось вместе с подстилочной соломой или опилками и складывалось в навозную кучу, где в течение нескольких лет шел процесс биолого-химического превращения их в исключительно эффективное органическое удобрение – сыпец.

Его до сих пор не удалось превзойти даже самым продвинутым неорганическим удобрениям, которые насыщаются различными искусственными стимуляторами роста на основе технологической переработки всякого химического сырья, что исключает смысл даже упоминания об экологии. Исключение может составить только реклама, где все ставится нередко с ног на голову и тут же наоборот.

В ту же кучу для перегноя складывается весь бурьян, жесткие стебли соломы, непригодные для кормов и добываемые в ходе прополки и уборки огорода и сада, а также пожухлые листья и мелкие ветки деревьев. Пока не было газа, недоперегнивший навоз веками использовался для изготовления специальных отопительных кубиков, которыми очень часто топили русские печи. Зола от них шла на удобрение земли. Очень эффективно воздействовал он на естественный прогрев почвы в теплицах и рассадниках. Активно применялись снегозадержание, дождливая и талая вода, биологические способы борьбы с вредителями.

Все пищевые отходы поступали на кормление домашним питомцам. Ни одно из животных и птиц не отделялось от земли, солнца и

воздуха, вбирая в себя все жизненно важное, лечебное и энергонасыщенное биосферой нашей планеты. Для утепления пчелиных ульев и отдельных помещений шла старая одежда и другие вещи домашнего быта. Садово-огородный инвентарь нередко изготавливался из возобновляемых материальных источников. Так, например, из старой стальной косы каждый крестьянин мог сделать несколько тяпок и ножей.

В общем, на крестьянском дворе ничего не возникало и не исчезало бесследно, все экономно использовалось, сберегалось и переводилось в новое качество для последующего употребления в хозяйственных целях. Отсюда и повседневная, всеохватывающая экономия физических, материальных и финансовых ресурсов, о чем более подробно будет вестись разговор впереди, где мы рассмотрим социально-экономический уклад крестьянской семьи.

Земной рай, неотъемлемой частью которого всегда был и остается класс земледельцев, вряд ли мог поменять свою сущность под воздействием его труда и жизни. Нет, за это взялись владельцы могучих капиталов, ударники мамонофилистского труда и новаторы промышленной революции. Хотели они этого или нет, но на многих участках нашей планеты они создали подлинный ад. Так это за полтора века индустриализации, то есть за мизерный отрезок времени, а что нас ждет впереди?

Вскочив на подножку времени, мы задержались с посадкой в карету смысла жизни крестьянского класса. Хотя для труженика земли карета является недостижимой роскошью, более практичным и многовековым средством передвижения у них была телега – на ней и людям можно ехать, и грузы везти. Ее не смогли полностью вытеснить из сельской жизни, особенно в горах и лесах, даже впечатляющие успехи машиностроения. И тем не менее, это тоже потеря. Потеря связи с землей, переходящая вместе с резиновыми колесами в новое состояние жизни без ее благотворного энергетического воздействия.

В философском плане вопрос о смысле жизни весьма рискованный. Ведь по логике познания должно же быть наряду с общими положениями и его специфическое содержание, и конкретное проявление. Есть два варианта исследовательского выбора: ударить по площадям широкими теоретическими и социально-технологическими охватами или ограничиться изложением ключевых позиций автора. Принимаем решение ориентироваться по ходу текста. При этом сразу хочется написать банальное. Смысл жизни заключается в возможности жить. Но поставленная точка ассоциативно-зазывно растягивается на многоотчие и это не облегчает нашу задачу.

Все прожитые мною годы я внимательно наблюдаю и даже изучаю крестьянскую жизнь, ее раскуроченную историю и запутанное настоящее, пытаюсь заглянуть в будущее. На моих глазах прошли по-

коления людей, родившихся в моем родном селе Александровка и ставших земледельцами еще в XIX веке, вся крестьянская драматургия трагического XX века и, о неумолимый бег времени, уже полтора десятка лет XXI века, начавшегося будто вчера или позавчера и так стремительно улетающего от нас удаляющимся прошлым. Я видел этих людей, слышал их голоса, запоминал слова и мысли, их добрые глаза и натруженные руки. Это были родные и близкие мне люди. Они и по сей день напоминают и рассказывают о своем времени.

Давайте сравним любого человека, представляющего нарастающую с каждым днем, так называемую офисную интернет-цивилизацию, и простого крестьянина. Первый живет и работает в Москве, второй в обычной черноземной деревне. Вся столичная аура с ее отрицательными излучениями и энергетикой, шумом и гулом высокоскоростного транспорта, запахами отравленного воздуха и асфальта дорог, столпотворениями куда-то спешащих не очень вежливых и добрых людей и автомобильными пробками создает ощущение, что ты попал в мир какой-то вывернутой наизнанку антижизни огромного антигорода. Попал в какое-то зажатое со всех сторон пространство без необходимого любому живому существу широкого обзора горизонта, чистого воздуха и земли.

И что особенно бросается в глаза, даже вырвавшись из не очень доброжелательного потока, ты не освобождаешься от ощущения себя каким-то маленьким, незащищенным существом. А попав в офис или квартиру, снова оказываешься в тисках сдавленного пространства, упирающегося в экран компьютера или телевизора. А оттуда такая же неживая информация, очень нужная, очень удобно и быстро добываемая, по самым необходимым направлениям. Но не живая во всей необозримости и непостижимости чудо-интернета. И ты неизбежно становишься ее пленником. Ты – неразрывная часть и продукт живой природы превращаешься в элемент безжизненной искусственной среды. В кого ты неотвратимо перерождаешься и долго ли так протянешь, мой друг?

И совсем иной мир информации, другие условия и абсолютно противоположная по значению положительная аура ждет тебя в деревне, в крестьянской жизни. Не встречая на своем пути никакой изоляции, она поступает из открытых каналов неба и космоса, из воды и воздуха, из листьев и корней деревьев, трав и цветов, от благородных животных и птиц. Наполняет тебя и весь окружающий мир благовоением жизни и благоденствием. Вот почему на мучительный вопрос, во имя чего живут крестьяне, в чем главный смысл их жизни на земле, теперь я знаю точный, практически неоспоримый ответ.

Да, на первый взгляд, он выходит за рамки привычной логики. В самом деле, многовековой изнурительный труд без отдыха, посто-

янное биологическое возобновление его результатов, выраженных в продуктах питания, через собственное потребление произведенного и циклическое превращение его в удобрения для всё той же земли и их нового воспроизводства. При этом никакой материальной роскоши и богатств на выходе. Кажется, что по такому замкнутому, вечному кругу никогда и никому не удастся осознать смысл и счастье жизни.

Но я лично видел и смысл, и счастье на их крестьянских лицах, на их руках, держащих только что родившегося ягненка или пчелиную рамку с ароматно-лекарственными сотами меда, маточного молочка, прополиса и перги. А каким счастьем и добротой сияли лица моих бабушек и мамы, которые доставали душистый, пахнувший ароматами хлеб, испеченный в русской печи, ласково накрывали его белым рушником и гладили своими натруженными руками. И таких эпизодов не сосчитать и не обобщить ни в одной информации, да это и не столь важно, главное, каждый из них наполнен самым сокровенным смыслом – жить в гармонии и единении с природой, с Творцом всевышнего разума, друг с другом и с самим собой. Жить в ощущении окружающего рая.

Задача социологии запечатлеть облик ежедневно и ежечасно исчезающего от нас мира в назидание будущим поколениям, для чего нужно постоянно собирать и обобщать, сканировать тонкую ткань загадочных и порой парадоксальных проявлений души уходящих от нас людей, с их глубинными тайнами и сложными разнообразиями чувств. Очень жаль, что наша наука уделяет сегодня большее внимание обобщению крупных пластов общественного поведения и взаимодействия и почти совсем не стремится уловить какое-то потаенное, ускользающее мгновение человеческого бытия, его внутреннего вдохновения и сосредоточенности. А ведь это как раз и составляет неповторимый образ той жизни, которой больше никогда не будет и которая должна стать уроком для других. Сегодня оптика социологии должна быть перестроена на индикаторы лазерного микроскопа, она должна фиксировать не только состоявшиеся или зарождающиеся процессы, а улавливать буквально молнию мысли и чувств тех, кто в них участвует.

8. Беззащитность и уязвимость перед эксплуатацией и угнетением

В литературе очень детально проанализированы многие проблемные точки самого главного, ведущего социума, причины утраты им своей исторической перспективы. Однако вопрос «почему» остается открытым. Выше мы перечислили неоспоримые достоинства крестьянства, его самодостаточность и самовыживаемость в самых сложных обстоятельствах. Все говорит за то, что такой класс должен быть самым непотопляемым, самым неуязвимым.

В действительности выглядит все наоборот. Уже более ста лет численность крестьянства неуклонно уменьшается и это – общемировая тенденция. Её объективные причины две: развитие промышленности и других отраслей с неизбежным рекрутированием кадров рабочего класса и специалистов из сельских тружеников, что привело буквально до социальной зачистки сельских поселений. Другой является перевод сельскохозяйственного производства на индустриальную, высокотехнологичную основу. В отдельных странах крестьяне – фермеры объявлены национальным достоянием, для их поддержки разработаны и осуществляются целевые программы, которые охватывают целый комплекс финансовых, организационных, сервисных, технологических и социальных мероприятий.

В России таких традиций нет, а если что-то и делается, то зачастую формально и безадресно, а точнее вполне адресно и целенаправленно в сторону латифундистского капитализма для своих. Здесь, начиная с позапрошлого тысячелетия и по сей день, основной акцент делается на то, что крестьянин должен и обязан, что ему разрешено и запрещено. Складывается впечатление, что для него создан специальный исторический загон, который жестко ограничивает его свободу в производственно-экономическом и социально-правовом отношениях. Может показаться, что загон как определение все же больше подходит для домашнего скота. Ничего подобного. По нашему мнению, которое выражается с огромным сожалением и ощущением непомерной несправедливости, это в полной мере относится к земледельцам.

Причем, выстраивали это сооружение с незапамятных времен еще первые феодалы и князья. Когда же образовалось единое российское государство, дело было поставлено на законодательную основу. Появился и первый солидный документ – свод законов древнерусского государства «Русская правда». О его содержании написаны горы исследовательской литературы. Поэтому мы отметим лишь эксплуататорско-угнетательскую направленность его по отношению к крестьянству. Только один маленький эпизод об установлении цены за холопа в пять гривен говорит сам за себя – земледельцев приравнивали к скотине. Как говорят, комментарии здесь излишни.

И чем дальше, тем их угнетение становилось все более жестоким и безжалостным. Каждый самодержец российский старался внести в это важнейшее государственное регулирование свою конкретную лепту. Некоторые, как бы опомнившись, особенно под воздействием крестьянских бунтов, пытались внести отдельные послабления в рабское закрепощение самого многочисленного и продуктивного класса страны. Как правило, это ненадолго, и все притеснения возобновлялись с новой силой.

Эпатажный и неординарный в своих поступках царь Павел I совсем было вознамерился отменить крепостное право как главный тормоз в

развитии России, но не успел – его зверски убили заговорщики. Дело свершил только его внук Александр II, который за свои либерально-демократические реформы заслужил звание царя-освободителя и погиб от рук террористов, как из-под земли появившихся с первыми проблесками свободы в обществе.

Исследовательская логика требует ответа на вопрос: почему при такой мощи главный класс государства изначально оказался самым беззащитным и уязвимым для эксплуатации? К тому же он всегда был и самым вооруженным – российская армия во все века была крестьянской и только в XX веке в ее название и состав добавили рабочих.

Сразу заметим, простого ответа здесь нет. Он лежит в плоскости системного анализа как признаков величия и достоинств земледельческого класса, описать которые мы попытались в предыдущих параграфах, так и в наличии немалого количества ущербных черт в социально-экономическом и духовном облике крестьянства.

Здесь важно выделить одну особенность российских земледельцев, живущих с древних времен и до наших дней под влиянием крестьянской общины, которая с доминирующей позиции постепенно сошла до наличия отдельных ее элементов. Как ни странно, но община одновременно и поддерживала по основным параметрам жизни крестьян, и способствовала их закабалению, угнетению. Феодалы всесторонне использовали общину как инструмент управления и насилия, выравнивая ею условия бедности, зависимости и послушания крепостных.

Общинность и индивидуальность в своем причудливом сочетании и взаимовлиянии накладывали особый отпечаток на ментальность крестьянского класса, его ценностные установки и мотивации. Исподволь, век за веком формировались такие черты, как покладистость, ведомость и подчиненность угнетателям. Работая в тесном контакте с домашними животными, они незаметно усваивали их безропотность и готовность служить хозяину. Постепенно это переросло в историческую обреченность быть несвободными и прикрепленными к конкретному господину. Вот где пространство проявления единства зоологической и человеческой социологии и одновременно проблемное поле для исследований.

Патриархальный семейный уклад, многовековая безграмотность, территориальная разобщенность крестьян дополнялись мировоззренческим воздействием христианской религии, в основе которой морализация таких наставлений как непротивление злу насилием. Тебя бьют по одной щеке, а ты подставляй другую. Царь, он же главный феодал, – наместник Бога на земле, а местный помещик – его слуга. А как можно противиться их воле, если они представляют божью волю? Главное здесь – смирение и судьба.

Вот в таких скрепах, усиленных карательными функциями государства, и продержалось на российских просторах самое примитивное и жестокое после рабовладения крепостное бесправие, которое историки по непостижимым причинам нарекли словосочетанием с ключевым словом «право», никак не совместимым с ним по сути. Произнесите выражение крепостное право, задумайтесь, и вам покажется, что наступает короткое замыкание вашего сознания. Его корневая система так разветвилась и окрепла, что ее не могут выкорчевать никакими революциями и реформациями. Как отвели для крестьян дорогу с односторонним движением: все от них, из них и за счет их, так и не меняют ее по сей день. Неужели разговор глухого с немым будет в нашем государстве продолжаться и дальше?

Приведу в этой связи один потрясающий для меня и хочется надеяться для прочитавшего эти строки пример. В БелГУ часто проводятся различные официальные международные, государственные, межрегиональные и отраслевые мероприятия с участием глав государств и правительств, руководителей министерств, регионов, науки и бизнеса. Для меня это всегда было серьезной дополнительной нагрузкой, но и ощутимой пользой в работе, особенно по формированию имиджа молодого ВУЗа, развитию его потенциала. Наиболее важным и ответственным, как и положено, выделялся визит Президента РФ В.В. Путина, который в 2007 году проводил у нас заседание Совета по развитию образования и науки. Вместе с ним прибыли практически все первые лица, ключевые руководители отраслей и ведомств страны и ведущих политических партий.

Естественно, весь процесс, начиная от встреч и завершая проходами, обильно сопровождался видео и фотосъемками. Неотступно, рядом с Президентом все время должен находиться ректор. Мне пришлось выполнять функции и гостеприимного хозяина, и экскурсовода, и докладчика, и, само собой разумеется, одного из организаторов данного мероприятия. Все шесть часов его пребывания в университете были насыщены очень активным и плотным общением с ним. Повседневная экранная близость и манера свободного общения первого лица страны, почти лишенная какой-либо заорганизованности и ограничений, способствовала удобной работе прессы и фотокорреспондентов. Наснимали они так много, что я с трудом отобрал на память наиболее удачные фотосюжеты.

Как и положено, в числе первых показал их отцу, который, несмотря на 84-летний возраст, живо интересовался политикой, внимательно следил за всеми событиями в стране и на мировой арене. Разумеется, всегда имел по ним свое мнение, давал очень оригинальные и весьма колоритные оценки, делал выводы. И на сей раз он просмотр фотографий сопровождал активными вопросами и комментариями:

кто рядом с вами идет, что у тебя спрашивает Путин или что ты ему рассказываешь, поясняешь и т.д.

Не скрою, беседы с отцом для меня всегда доставляли большое удовольствие, и на сей раз тем более я с особой гордостью и приподнятостью докладывал ему о необычной встрече, надеясь доставить ему приятное впечатление.

Мне и в голову не могло прийти, что возможен какой-то другой ее исход. Но отец вдруг резко отложил недосмотренные фотографии в сторону и несколько отрешенно замолчал. Мне подумалось, он устал. Однако на мой озабоченный вопрос отец очень энергично и жестко выразился: распустили бюрократию. Свой недовольный тон он к тому же сопроводил характерным взмахом руки. От неожиданности я невпопад спросил, – кто распустил, я что-ли? И ты тоже, – последовал кинжально-незамедлительный ответ.

На мои недоуменно-обидчивые слова о том, что далеко не каждый сын докладывает отцу о встрече с Президентом страны, он не обратил никакого внимания и продолжил с тем же полемическим напором свои замечания. Запрудили бюрократами всю страну. Куда ни глянь, одни конторы. А с людьми поговорить по душам некому. Сверкнул на самолетах, вертолетах и машинах среди многочисленного начальства, проведут совещания и точка. А то, что на крестьянское подворье завезли Президента – сушая показуха. Ты скажи, видел хоть раз по телевизору, что он опустил на вертолете в такую деревню как наша, не спеша прошелся по ней без оравы бюрократов, побеседовал с людьми, поинтересовался как они живут, почему село и крестьянство сегодня в таком загоне? Мы что, уже никому не нужны?

Или скажем по-другому, – продолжал он свой монолог. – Когда ты видел, чтобы руководитель страны принимал в своем кабинете не по плану, а по душе простого крестьянина? Тот же Ленин, хоть и жестокий был до крестьян, но ходячков привечал, выслушивал их и потому НЭП ввел. А сегодня одни махинации, манипуляции и брехня. Без бюрократа и шагу не сделаешь, а ступнешь, тут же остановят. Нутром чую, ничем хорошим это не кончится, – подавленно завершил он.

Я-то считал, что отец обрадуется такому событию, а он, глядя на фотографии, о судьбе страны подумал и выдал в двух ключевых словах такую точную, пронзительную оценку положения дел, что ни в одном докладе или экспертном заключении так не выразишь. Даже если он больше бы ничего не сказал, все выглядело предельно ясно и убедительно.

Так обычно проявляется вся глубинная сущность народного сознания, его мудрость и прозорливость, его взискательный голос. Голос, который даже мы, поколение, рожденное оставшимися в живых фронтовиками, не слышали, пропустили в суматохе перестроек и реформаций мимо ушей. Хотя вроде поклонялись и преклонялись их

подвигу, вроде были внимательными, заботливыми, а все равно главное не учли. Что же говорить о тех, кто следует за нами?

Нельзя забывать и многовековой униженности и угнетённости, которая огорчительной безнадежностью окрашивала тональность высказываний, вырвавшихся из надорванной тяготами и лишениями отцовской души. Они пронзили и мое сердце, которому были очень близки все сокровенные чаяния крестьянства, впитанные мною вместе с молоком матери.

Мгновенно перед мысленным взором предстали яркие картины прошлого моего крестьянского периода жизни со всей ее нищетой, убогостью быта и постоянной, ежедневной борьбой за самовывживание под игом изощренно меняющихся форм угнетения. До сих пор не могу взять в толк иррациональность политики И.В. Сталина делать все за счёт крестьянства, забирая у них предпоследние крохи буквально уже со стола. Последние большевики старались все же им оставлять, и это было актом самоспасения их власти.

Ведь ясно же, как божий день, что это губит страну, делает ее беднее, а главное – останавливает темпы развития. Сразу после Победы в войне колхозное крестьянство обложили такими непомерными налогами, что на частном подворье не оставалось даже кустика и веточки, свободной от них. Цель благая – восстановить разрушенное хозяйство. Но для этого не стоило душить многомиллионный народ, гораздо эффективнее были бы меры по обеспечению свободного развития крестьянских хозяйств.

Моя мама, как грамотная сельская девушка, была назначена налоговым агентом, обеспечивая антигуманный, безжалостный процесс изъятия и без того бедного крестьянского добра. Люди недоедали, одевались в обноски, продавали все, чтобы заплатить налоги. Не выдержав стонов и слез, она уже через полтора года буквально сбежала от такой работы, пользуясь своим декретным положением. По ее грустным рассказам брать приходилось не с прибавления, а с убавления буквально в каждом подворье. Люди в массовом порядке вырубали сады, ликвидировали до минимума домашний скот и птицу. Легче было питаться одним хлебом и овощами с огорода.

После отмены убийственных налогов, объявленной сразу же после смерти великого реквизитора, все это пришлось мучительно восстанавливать. Читателю нетрудно представить, что на моей улице из 45 дворов только на 4 имелись значительно усеченные остатки некогда роскошных садов. Сиротливыми островками потерянного рая возвышались они над опустевшими усадьбами, вызывая наше детское недоумение и зависть к их хозяевам.

Сегодня активизировались попытки обелить неслыханное по масштабам и невиданное во всем мире ограбление крестьянства во время

коллективизации. Главный лейтмотив – у эффективного менеджера всех времен и народов не было другого способа провести индустриализацию и добиться затем победы в войне. Но пусть эти авторы назовут еще хоть один в истории мира пример, где бы криминальный грабеж и насилие именовали управлением. Да и как можно утверждать, что это единственный метод индустриализации. Можно подумать, ее не проходили другие страны. Проходили, но только не таким варварским способом, без голодоморов и реквизиций.

К тому же надо добавить, что на совести диктатуры огромной страны вначале была деиндустриализация России, уничтожение ее мощного промышленного потенциала в горниле гражданской войны, развязанной ленинским руководством. Куда делись восемь автомобильных заводов дореволюционной России и их инженерно-технологический и рабочий персонал, и почему Советскому Союзу пришлось за золото закупать у американцев примитивную полуторку и устаревшее оборудование для ее производства? Для себя-то они делали уже современную технику. Много раз слышал от фронтовиков, что если бы не американские студбекеры – трехосные мощные вездеходы, вряд ли бы мы доехали на полуторке до Берлина. Трудно было понять, кто кого больше вез – она нас или мы ее подталкивали на своих руках. Хотя, конечно же, полуторка будучи безальтернативной, сыграла свою огромную роль в развитии нашей страны, но это уже отдельная история.

Не умаляя высоких темпов советской индустриализации, тем не менее отметим несоразмерную жертвенность нашего народа и высокую затратность на ее проведение. Практически бесспорными остаются и факты ее односторонности, удаленности от удовлетворения первоначальных запросов людей. А сам полурабский труд ее создателей, огороженных нередко колючей проволокой ленинско-сталинских концлагерей, настолько был малопродуктивным, что заложил на десятки лет основы отставания от развитых стран.

Хорошо известно, что в конце 80-х годов прошлого века мы уступали по производительности труда в сельском хозяйстве, вполне механизированном, почти в четыре раза, а в промышленности более чем в два раза. Отмечая несомненные успехи индустрии страны в освоении космоса, справедливо заметим, что в ракетно-космической отрасли по этому основополагающему показателю мы отставали в три раза. Еще более огорчительно, что сегодня отстаем в 9 раз. Так выглядят результаты сталинской индустриализации и еще более оригинальных реформ последних 25 лет. Сегодня наш вклад в современную ракетно-космическую отрасль мира составляет примерно два процента.

Даром прошла невиданная эксплуатация и угнетение крестьянства и в производстве для него орудий труда. Что до индустриализации, что после нее советский земледелец работал на своем приусадебном

участке все теми же лопатами, вилами, граблями и тяпками. Если в колхозе земледелец работал пусть и не на очень удобной, ненадежной технике, зачастую в антисанитарных условиях, то дома он возвращался просто в древние века. Поднявшись за счет крестьян до космических высот, наша индустрия так и не спустилась к ним на грешную землю. А ведь с этих участков кормилось как минимум полстраны.

Бывая в зарубежных поездках, я с большим интересом наблюдаю в местных музеях, каким разнообразием отличались различные приспособления и инструменты крестьянского труда еще сотни лет назад в Европе и Америке. О современном разнообразии высокотехнологичной номенклатуры этих изделий, вообще, трудно даже подобрать слова восхищения. Помню в детстве очень нудную и напряженную до изнеможения в руках работу по взбиванию масла из сливок деревянной ложкой в специальном сосуде. И сегодня многие в деревнях ее делают так же. Хотел привезти маме импортный миксер, но уже наступила пора окончательного прощания с домашней кормилицей Мартой.

А ведь такое отношение к нуждам крестьянского класса это особая изошрэнная форма его угнетения, которая продолжается и по сей день. Неужели свои трудом и величием земледельцы не заслужили хотя бы элементарного уважения и внимания к себе и своей жизни? Неужели слова моего отца окажутся голосом обреченного в пустыне общества всеобщего потребления?

9. Раскрестьянивание России – торжество марксистско-ленинской аграрной политики

Не лишне напомнить, что это был уходящий в небытие голос крестьянского класса, который оказался на грани самовывживания. Нет, он еще не замолк и не заглох, пытаюсь прорваться через громкоголосую пелену трендов, брендов и других малопонятных хлебопашцам терминов, которыми самодовольные правительственные руководители награждают сельское хозяйство, особенно в урожайные годы. Иногда даже употребляется слово крестьяне, но все больше походя, без обременительного анализа и тем более без оголения нарастающих, давно уже перезревших проблем российского села.

За нужды крестьянства выдаются чаще всего интересы различных финансово-олигархических групп, которые занимаются сельскохозяйственным бизнесом. Для этого во многих регионах была проведена холдинголизация аграрного сектора, в результате которой в целом по стране создано примерно триста холдингов.

Сразу заметим, после сплошной коллективизации это был третий по силе воздействия на раскрестьянивание страны удар. Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства, проведен-

ная советским руководством в 60-80 годы прошлого века, тоже нанесла серьезный ущерб сельской экономике. Но не своей сутью, отражающей объективную закономерность ее развития, а бездумным повсеместным ее применением, кампанейщиной и примитивизмом технологического оснащения.

На самом деле это было продолжением сталинских командно-административных традиций сделать сельское хозяйство полностью управляемым, как промышленность, транспорт и другие отрасли, а крестьян абсолютно зависимыми от номенклатуры. Переплавить, перековать их как металл, по возможности побыстрее превратив в неимущих рабочих – пролетариев. И самое главное – все во благо крестьян, в их интересах.

Процесс раскрестьянивания страны велся по очень продуманному плану, весьма энергично и наступательно. Отличительной чертой всей этой эпопеи была маскировка, уверенно перекочевавшая с XX в XXI век. К сожалению, еще и сегодня данный метод активно используется в качестве главного спекулятивного инструмента многими политическими силами при толковании аграрного вопроса.

Но вершину фарисейской мысли беззастенчиво в свое время определил самозванный вождь мирового пролетариата В.И. Ленин. Словно в бронзе, навека отлил он чеканные утверждения о том, что крестьянство, особенно его середняки, не обладают ясным и четким осознанием своих классовых интересов, не понимают главного смысла своей жизни – всемерно приближаться к коммунизму, становиться в строй борцов за его утверждение. Совсем другое дело беднейшее крестьянство. Тут нет никаких проблем вложить им в сознание мысль: у всех, у кого что-то есть, отобрать и поровну поделить. Глядишь, и у них что-то будет. Вполне обнадеживающая революционная позиция.

О кулаках ленинских оценок и характеристик лучше не производить, их даже в рабочее время читать безвредно для здоровья. Одно слово мироед чего стоит. Это значит – человек, который съедает весь мир и за счет его переваривания живет. Нет, пусть не пугается оппонент, глобального смысла здесь нет. В ту пору миром называли крестьянскую общину. То есть, аппетиты кулака ограничивались лишь ее поглощением. Хотя сама по себе и своей емкости это тоже не хилая закуска.

Пытаясь разобраться с российским капитализмом, начинающий революционер без особых усилий понял его крестьянские истоки и взялся за вполне продуктивный и вдумчивый анализ. Сразу же отметим, настроение у будущего лидера революции при чтении земских статистических ведомостей, а они во всех губерниях составлялись по уездам и велись очень тщательно, не могло быть приятным. Очевидно, с нахмуренным лицом писал он свою известную работу «Развитие капитализма в России». Цифры союзников – бедняков выглядели весьма

скромно, двенадцать-пятнадцать процентов, кое-где – двадцать, кулаков – пять процентов, а зажиточных крестьян – середняков с четырьмя и более конями и коровами – до сорока процентов.

И это в значительном количестве уездов густо населенной Центральной России. О промысловых Сибири и Севере лучше даже не вспоминать. Тут все кишело богатством и высокой индивидуальной активностью земледельческого класса. С кем же делать революцию? И куда девать эту все разрастающуюся столыпинскую многоукладность экономики? Как быть с теми крестьянами, которые покинув бедность Центральной России, Украины и Белоруссии, превратились в зажиточных хозяев? Они все больше пополняли класс крестьян – середняков.

От таких вопросов вряд ли может прибавиться исторического оптимизма даже у железного, негибкого борца за народное счастье. Перед Первой мировой войной В.И. Ленин буквально с отчаянием воскликнул: еще несколько лет столыпинских реформ, которые давали массовую прибавку зажиточных крестьян, и о революции не придется даже мечтать. В корень посмотрел на дело многолетний революционный изгой и даже подрастерялся не на шутку. Но убийство П.А. Столыпина и вскоре начавшаяся всемирная бойня дала ему невиданные возможности в руки.

Ленин, вопреки постулатам культа его личности, никогда не был ученым, его никогда не заботили и не обременяли законы и принципы научного подхода. Он был всегда и во всем только политиком – крупномасштабным, можно даже сказать, глобальным, мыслящим на многие годы вперед. Добавим к этому талант тактика и публициста, и мы сразу же увидим, как он умело и убедительно подгонял любую теоретическую и практическую задачу под идею революции и мирового господства партии своих единомышленников.

Он с присущей энергией и креативностью продолжил создание вначале теоретической, а впоследствии и практической конструкции совершенно необычного, гигантского парадокса в виде устройства нового общества. Прекрасно понимая, что природа элементарного, упрощенного всегда находится в противодействии сложному, он решил до минимума упростить экономическую систему по форме, для чего ликвидировать частную собственность, товарно-денежные отношения и многоукладность, заполнив все это содержанием тотального обобществления и соответствующей социально-классовой структурой, незамысловатой по своему наполнению. В ней всего два класса – пролетариат и крестьянство, а между ними прослойка интеллигенции. Утвердил, правда, такую железобетонную конструкцию И.В. Сталин, что и было на полвека вмонтировано в Конституцию СССР.

Что же должно скрепить простоту огосударственной экономики и сложность общественного функционирования и управления? Про-

следим за ходом ленинской мысли. Ответ очевиден – сознание, которое призвано быть у каждого революционера коммунистическим. В его основе принцип: общественное превыше личного, частного. Но его же невозможно сформировать, ведь тысячи лет было всё наоборот. Нет, для большевиков никаких преград не существует, для них все возможно.

Они убеждены, что бытие определяет сознание. Ключевая позиция бытия – это собственность, а ее ни у кого не будет. Плюс они направят на это миллионы агитаторов и пропагандистов, будут постоянно и наступательно вести разъяснительную, идеологическую работу. Ну а, если с кем не получится воздействовать убеждением, все равно ему отступить некуда. Сзади каждого будут заградотряды диктатуры пролетариата с карающим мечом революции. Попробуй не осознать, что ты тоже в первых рядах строителей коммунизма, и ты незамедлительно пополнишь социальные ресурсы для перековки и переплавки на пролетарский лад в спецучреждениях.

Однако вернемся к тем, кого предстояло построить в такие ряды. За каждой графой земских ведомостей, где стояли показатели: четыре лошади и более, четыре коровы и более, я видел своего прадеда Давыда Ивановича Дядченко, о котором мне много рассказывал дед. Он дополнил информацию о подворье так: свиней, овец и коз был полный сарай, птицу – кур, гусей и уток никто не считал, по всему саду располагалась пасека. Питались все вволю и очень качественно, остатки продуктов шли на продажу. Одевались скромно, в основном в само тканую одежду, которую дома изготавливали женщины. Мужчины выделывали шкуры, особенно активно использовалась для различных зимних изделий овчина, из поколения в поколение передавалось и умение тачать сапоги, правда, в основном для работы. Хромовые же, праздничные, приходилось покупать на рынке.

Кроме моего деда, в семье прадеда было еще три младших брата и две сестры. Примерно столько же было почти у всех. Больше половины родившихся детей умирали от эпидемических детских болезней, прививок тогда не было. Зато оставшиеся в живых не семья, а целое самостоятельное и самодостаточное микрогосударство. Это о нем писал свои глубочайшие исследовательские работы выдающийся русский экономист-аграрник, социолог, социальный антрополог, международно признанный основатель междисциплинарного крестьяноведения Александр Васильевич Чаянов.

Совершенно не понимаю, хотя очень хотел бы в этом разобраться, как устроен мой мозговой компьютер и как он обеспечивает функционирование моей памяти. Ясно, что здесь без нанотехнологий обойтись невозможно, и разгадка может наступить только через применение таких инструментов исследования, которые смогут соединить в себе

отражение и познание живого и неживого, что в свою очередь возможно только в сочетании и взаимодействии естественного и искусственного интеллекта. Ну, а когда с помощью умной машины удастся расшифровать соответствующие коды и логику отвечающих за функционирование памяти нейронов, в дело могут вступать уже нанопсихология и наносоциология.

И только тогда можно будет ответить на вопрос, почему полвека назад заложенная в мою память дедом информация, не будучи никогда востребованной в моей жизни, сразу же после начала чтения работ А.В. Чаянова по организации крестьянского хозяйства стала воспроизводиться у меня словно на внутреннем экране. Более того, мною тут же обнаружилась синхронность её содержания и рассказов деда о своей крестьянской семье, ее уникальном социально-бытовом устройстве, о трудовых и имущественных отношениях, традициях и устоях.

Безусловно, это носило больше не текстовый характер, а смысловой. Но вне всяких сомнений мною ощущалось, будто знаменитый ученый беседовал с моим дедом или прадедом и оформлял их суждения в строгие научные положения и выводы.

А ведь все это неслучайно. В начале XX века А.В. Чаянов со всей присущей ему скрупулезностью и тщательностью лично исследовал крестьянские семьи Центральных и Северных губерний России, их бюджеты, зарождающиеся кооперативные отношения и связи, специфику создания собственности и ведения земледельческого хозяйства. Невольно напрашивается сравнение методики его работы с ленинской.

Все свои теоретические построения молодой ученый выводил из реальной практики жизни, конкретных опросов людей и фиксированных наблюдений, с максимальной эффективностью используя социально-технологический и системный подходы. Отсюда – глубина проникновения в истоки развития аграрного социума, проверенные жизнью выводы и рекомендации, а заодно и мои опосредованные ассоциативные восприятия.

Совсем по-другому выстраивал свою исследовательскую линию В.И. Ленин. Он шел от чистой теории, которая была исключительно революционной по форме и содержанию. Во взгляде на российское крестьянство он неукоснительно руководствовался положением «Манифеста коммунистической партии» Карла Маркса о трудовых армиях в земледелии, которому верил сам и, как оказалось, заставил верить многих других. Под него он подгонял все свои статистические анализы и обобщения, выводы и рекомендации.

Неслучайно, по ним сегодня живут и работают только крестьяне Северной Кореи, обеспечивая для себя и для населения всей страны полугодный паек в двести-триста граммов риса в день. Там превзошли даже самые смелые марксистско-ленинские ожидания – всё

по зомбированному строю и порядку, поведению и устремлению к самоизоляции, нищете и жестокости. Словом, полный цивилизационный провал.

Социалист по убеждениям, А.В. Чаянов во всех своих научно-практических изысканиях видел прежде всего живую душу крестьянина, а его хозяйство представлял как семейную крестьянскую фабрику земледелия и как конкретный коллектив, внутри которого нет товаро-денежных отношений. Один к одному, как у моих прадеда и деда. Они выполняли в совокупности и единстве одновременно три функции: хозяина, управленца и наемного рабочего. Причем по мнению ученого крестьянин сам себя нанимал рабочим, то есть трудился на самого себя на основе собственной самоорганизации и саморегуляции. Выше мною подчеркивался социально-технологический характер крестьянского хозяйствования, и его таинства раскрыл А.В. Чаянов.

Приведу интересное обобщение, сделанное А.И. Кравченко. Ни одна классическая теория политэкономии не может объяснить странного парадокса: почему при небывалом росте спроса на ту или иную продукцию, фермерское и крестьянское хозяйство, достигнув некоей критической черты, не откликается на него адекватным расширением предложения. Все теории, объясняющие развитие капиталистической экономики, созданные сто или десять лет назад, указывают на неизменный закон рыночного общества: как только растёт спрос, вслед за ним немедленно растёт предложение, и, наоборот, когда падает спрос, снижается и предложение. Так действуют нефтяные компании, торговые фирмы, брокерские конторы, маркетинговые сети, финансовые холдинги, магазины, склады, фабрики и даже книжные киоски. Не подчиняются универсальному требованию только крестьяне и фермеры.

Зарубежные ученые долго ломали голову над странной ситуацией, пока в одной из библиотек не обнаружили книгу русского мыслителя А.В. Чаянова, изучавшего далекую дореволюционную Россию, никак не похожую на Америку или Западную Европу, и писавшего о крестьянском хозяйстве, которого никогда не было и уж тем более не осталось ныне ни в одной из развитых промышленных держав. Писал о далеком, а оказалось, что о самом близком и актуальном в современные дни.⁸

Было очевидно, что на российском селе действует какая-то другая, чем на капиталистическом предприятии мотивация труда и формы экономического поведения. Возможно, что здесь вообще не применимы никакие дотолем известные законы политэкономии. Сегодня многие российские ура-патриоты во всю ивановскую нажимают на нашу особость и непохожесть. А ведь, глядя на них и на окружающих людей, даже очень малозаметную особость трудно выделить. Подызучить бы им действительную особость русских крестьян до революции, точно бы пошло на пользу дела.

Как удалось выяснить А.В. Чаянову, мотивация труда в крестьянском хозяйстве – это не мотивация предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее мотивация рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы. Традиционная форма деятельности крестьянина – результат его длительной адаптации к условиям натурального хозяйства, не рыночной экономики, которая возникла еще при феодализме, но сохранилась и при капитализме. Исторически она намного старше его, имеет за своими плечами развитую технологию выживания в неблагоприятных условиях, что позволяет гибко реагировать на ухудшение экономической конъюнктуры за счет снижения своих потребностей до минимума.

Так всегда поступают социальные низы, перед которыми закрыты легитимные каналы обогащения и вертикальной мобильности. Как только меркантильные интересы и отношения проникают вовнутрь хозяйства и труд становится товаром, докапиталистический способ разрушается и ему на смену приходит капиталистический. Для некапиталистических крестьянских хозяйств характерна и некапиталистическая мотивация труда: работать в полную силу лишь при внешнем принуждении. Например, когда тебя заставляет неурожай, поборы помещика или государства, возросшие потребности семьи.

Совокупность этих положений легла в основание трудовой теории хозяйства. Разрабатывая ее, А.В. Чаянов создал классификацию, состоящую из шести типов крестьянских хозяйств: капиталистические, полутрудовые, зажиточные, семейно-трудовые, бедняцкие, полупролетарские, пролетарские. Это было прямым противопоставлением ленинской, весьма упрощенной классификации «кулак – середняк – бедняк», которая попросту подгонялась под логику революционного переустройства общества, а точнее под его самодовлеющую мотивацию доказать, что в России капитализм уже достаточно развит и в ней возможна победа пролетарской революции.

Нетрудно представить, что мои прадед и дед вели зажиточное семейно-трудовое хозяйство. Они сами планировали свои доходы и расходы, трудовые и ресурсные затраты на производство, объемы продаж и самопотребления, запасы и резервы, учитывали погодные условия, цены на рынках. Но самое главное, самостоятельно определяли естественный предел объемов своей продукции по основным ее видам – зерно, корма, мясо, молоко, мёд, овощи и фрукты. Они не делали лишнего, что могло испортиться, не тратили свои силы и средства на то, на чем можно было сэкономить. Все это определялось и намечалось, – как писал А.В. Чаянов, – соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи.⁹

Осмелюсь дополнить вывод ученого суждением о том, что это были по существу формулы коэффициентов самодостаточности и самосбережения, которые каждый крестьянин выводил интуитивно, по своему усмотрению и уровню социально-природного развития и включенности в окружающую среду. Никто другой за него этого сделать не мог, и надеяться можно было только на себя. И если он надорвет свое здоровье, все хозяйство пойдет прахом, ему никто не поможет, а семья вскоре будет обречена на немощность и нищету. Отсюда – соразмерности напряжения, тягости и многочисленные критические моменты крестьянского труда, что заслуживает отдельного исследования.

К тому же, особая социально-генетическая самость земледельца резко ограничивает его мотивации к использованию наемного труда. В худшем случае его можно применить, например, на вывозке навоза и других не очень приятных и трудозатратных работах. В целом же любое дело крестьянин старается делать сам, не доверяя его больше никому. Подчас даже брезгуя и опасаясь за то, что чужие руки сделают его не так, как надо. Серьезной причиной определения своего трудового предела были многовековые традиции отношения российского государства к крестьянам как к дармовой рабочей силе, которую можно куда надо и как угодно мобилизовывать, использовать, отбирать у нее все, не давая взамен ничего.

В таких условиях никакая, даже очень умелая самоотверженная работа не могла сделать крестьянина богатым. Именно поэтому четыре коровы и четыре лошади у моих прадеда и деда, как и у миллионов других крепких крестьян, было верхней планкой. И они точно знали: за нее переступить нецелесообразно, невыгодно и как впоследствии оказалось – очень опасно. Нельзя забывать тех помещичье-латифундистских условий хозяйствования на селе, которые были господствующими. Освободившись от крепостной зависимости, крестьяне не получили свободы ни в отношениях собственности, ни в самоуправлении и власти на местах.

А что это означало в реальности? Любой помещик, владевший землей, арендовал ее крестьянам подушно и на различных экономических условиях – отработка, плата деньгами, натурой и т.д. Их размеры зависели от него самого, образа его жизни, характера. Если, например, в моем селе Н.Н. Гончаров был помещик мудрый, образованный и хозяйственный, заботившийся о крестьянах, давая им нормально жить и работать, то в трех соседних селах их положение было совсем другим. Промотал, проиграл или пропил свое состояние тот или иной помещик, тут же увеличивается обременение на крестьян, а вслед ему – неизбежное их обнищание и разорение.

Ведь неслучайно в основу своих глубоких реформ П.А. Столыпин положил отношения собственности, то есть процесс формирования мас-

сы крепких, зажиточных крестьян через отруба, хутора и другие формы наделения их землей. Так, рядом с моей улицей в деревне Александровка возник хутор Репный, который с радостью заселили безземельные крестьяне из соседнего, бедствующего села Хмелевец. Немаловажным был и его замысел сделать крестьянина свободной, самодостаточной личностью, без поводырей и угнетателей, а местное и уездное самоуправление сословным, то есть фактически крестьянским по большинству его представительства. Об этом мало кто знает, но за счет бюджета в разные страны Европы направлялись многочисленные делегации крестьян для обмена опытом, в России начиналась другая жизнь. И это очень не понравилось большинству дворянского класса с одной стороны, и нарождающемуся революционному сословию – с другой. Перераспределение собственности и власти везде и всегда приводило к жертвам и ими стали вначале сам реформатор, а затем и вся Россия вместе с народом.

Вот почему утверждение В.И. Ленина о двойственности устремлений зажиточного крестьянина-средняка для подавляющего большинства таких земледельческих семей, как у моих предков, было чистой абстракцией. Помните, он писал, что как труженик земледелец тяготеет к рабочему-пролетарию, а как собственник – к буржуазии. Так за счет теоретической подтасовки он хотел опровергнуть реальность самой веками складывающейся жизни. Ни деда, ни прадеда никакие интересы капиталистов и пролетариев не волновали и не вызывали даже малейших мотиваций быть на них похожими. Они не думали о прибылях и тем более сверхприбылях, которые можно было получить только при значительном расширении объемов своей собственности и неизбежном использовании наемного труда. И уж совсем в безвыходном положении полного разорения в их головах могла возникнуть мысль переехать в город и стать рабочими.

В таком вышеприведенном составе и встретили они государственную перепись 1896 года. Проходила она зимой как престольный праздник. Все ждали переписчика, коим был церковный дьяк. На стол выставлялось все жареное, вареное и пареное в русской печи. Естественно, медовуха и брага для угощения и квас для утоления жажды. Рассказы об этом удачно дополняет церковно-приходская книга из архива, которую мне довелось подержать в руках.

Этот добротный документ составлялся с исключительным прилежанием и грамотностью. Но с досадными ошибками, от которых пострадал и мой род. Каждое утро дьяк, заходя в очередной дом, открывал новую, красиво разлинованную страницу книги и великолепным каллиграфическим почерком неспешно производил перепись конкретной семьи. По ходу движения его от одной семьи к другой, а точнее от гостеприимного стола к еще более гостеприимному и радушному, почерк у него ломался, линии все больше не соблюдались.

Одним словом, у прадеда моего он сделал в один из дней последнюю запись. Силы и возможности у переписчика были на исходе, а потому писал он наперекося, без всякой каллиграфии. При этом умудрился сделать ошибку: заменил в моей фамилии внутреннюю букву «д» на «т», утвердив ее новую трактовку вплоть до наших дней. Вместе со специалистами я произвел ее смысловое родовспоможение. Мой род берет свое начало с запорожских казаков, называемых тогда черкасами, которые под натиском поляков в конце XVI века с разрешения молодого и очень умного российского царя Алексея Михайловича селились на наших землях.

Тогда же они образовали и моё родное село Александровка, которое также населялось москвитями из числа служивого люда, а также ссыльных, наказанных за различные правонарушения. Ввиду отсутствия тюрем на том этапе развития российского государства жить они должны были на его границах. Так и встретились две ветви одного славянского народа, соединив в моей фамилии старославянско-русское выражение «дядче» и украинское окончание «ко». Созвучными были также «старче», «отче», – на таких наречиях обращались в зависимости от возраста к мужчинам в ряде регионов России. И все же это не может быть твердым суждением, в ту пору по-разному определяли семейное подворье.

Впрочем, независимо от филологических тонкостей на мне эта фамилия заканчивает свою многовековую историю. Одна за другой русские и украинские фамилии моего рода исчезали по ходу и из-за дочернего продолжения жизни. Теперь пришла пора уйти и самой долгожительной, по крайней мере на Белгородчине. Хотя в интернете есть несколько ее носителей. Возможно, они мои отдаленные родственники, одновременно, в той же далекой переписи пострадавшие от ошибки. Надо проверить.

Отрадно, что этот досадный факт не нарушает традиций родословия. У нас с женой Татьяной Васильевной, папа которой Василий Ефремович вышел из сибирского крестьянского рода Лыковых, а мама Евдокия Петровна из рабочей династии Чиндяйкиных, родились две дочери – Светлана и Марина. Обе образованные, трудолюбивые, добропорядочные и самодостаточные по линии жизни. Старшая Светлана взяла пример с меня и стала предпринимателем – возглавляет медицинскую клинику.

Вместе с зятем Игорем, специалистом по сосудистой рентгенохирургии, они воспитали дочь Алину, заканчивающую в этом году школу. Очень серьезная, свободолюбивая, самостоятельная девушка. Сейчас она занята выбором будущей профессии и с интересом ждет мою книгу. Особой радостью для всех нас было неожиданное рождение внука Саши. Он уже не только всюю бегаёт и любит демонстрировать

руками и ногами жесты под названием «мы мужики», но и успешно учится разговаривать, берется за любую работу. Младшая дочь Марина – человек творческой природы и профессии. Она работает дизайнером интерьеров и уже дождалась своего суженого Спироса, с которым они образовали православно-интернациональную семью. Вместе мы ждём их семейного счастья. Жизнь продолжается.

И еще одна небольшая реприза, связывающая мою родословную с философией да не кого-нибудь, а самого Конфуция, на родине которого мне довелось побывать во время одной из поездок по Китаю. Здешние коммунисты даже в мрачные маоистские годы репрессий не причислили его к врагам революции и социализма, а бережно сохранили и активно используют наследие своего мудрого Учителя. Ходить по его дому-музею неопишное удовольствие. А начнешь читать трактаты – не оторвешься.

Совсем недавно я обнаружил, что один из иероглифов, активно использующийся, а возможно и авторизированный лично великим философом, точно совпадает с заглавной буквой моего имени – Л. По Конфуцию это человечность, гуманизм как связь двух людей. Интересно, что бы сказал древний мудрец, если бы узнал о моем дополнении, которое буквально само просится присоединиться к столь яркому изречению. Не удержусь и напишу его полностью: Л – это человечность, гуманизм как связь двух людей, поддерживающих друг друга.

Именно образованный острием вверх угол, чего не воспроизводит компьютер, делает этот китайский иероглиф и одновременно заглавную букву моего имени устойчивой конструкцией. И опрокинуть ее, столкнуть или скомкать не так просто. Такой прочной является связь двух влюбленных, переходящая в брачный семейный союз, и отношения двух надежных друзей, которые невозможно разрушить. Вероятно, Конфуций так и писал, а я просто не знаю об этом. Здесь поможет только один путь – познания.

Любопытно также и то, что одним из значений моего древнегреческого имени, перешедшего впоследствии в христианское наречие, является победитель. А это тот, кто может опрокинуть своих врагов, не будучи сам опрокинутым. И здесь возникает ряд вопросов, в числе которых главный: а не повлиял ли великий Учитель через древнегреческих мыслителей на формирование не только моего, но и других широко распространенных имен? Чтобы на него ответить, надо сопоставить соответствующие по смыслу китайские иероглифы и древнегреческие имена. Уверен, это под силу любому молодому исследователю.

Когда я попал в Пекине в Храм Конфуция, где перед алтарем выложены тринадцать его главных заповедей, и стал их читать, мне показалось, что все мои знания о жизни стали выстраиваться в какую-то неподвластную мне логику одновременно простых и сложных, при-

вычных и неожиданных представлений о всем мироздании, которое множество наук объясняют нам с разных позиций и сторон, а великому философу удалось сжать их в компактные положения. Не зря он утверждает важность любви к древности, подчеркивая, что сам не создает новое, а только возрождает старое, прошлое.

Как это важно понимать сегодня, в век кибернетики, когда многим из нас кажется, что мы открываем новые знания и технологии, способы своего сохранения и лечения, а на самом деле повторяем давно открытое и нами же самими забытое. Мы все время пытаемся что-то захватывать, отбивать у других якобы для сохранения себя и своих близких, не зная и не понимая конфуцианской заповеди, что сбережение самих себя проходит не через завоевание, а через образование, науку и культуру.

И только в этом заключается единство пути человека и космоса. Через отношение человека к природе и управлению собой. И совершенно неслучайно этот китайский мудрец, живший две с половиной тысячи лет назад в эпоху смуты и борьбы всех со всеми, написал поразительный постулат о том, что личные отношения людей выше законов. Действительно, если вдуматься, то не человек создан и живет, скажем, для субботы, а суббота – для человека.

На мою публицистическую линию уже опасно поглядывает оппонент, и мы его успокоим своим утверждением, что самый конфуцианский класс за всю историю человечества был и остается крестьянство, а значит и мой род. Попутно добавим, что семья у Конфуция изображается иероглифом, похожим на дом под крышей со скатами. Точно так, как у моего прадеда, деда, отца и у меня, только с целым набором отличий, совокупность которых прервала крестьянскую династию, привела к фатальному историческому разрыву.

Думал ли мой дед Карп Давыдович, когда в начале XX века образовывал свою семью, что его внуки и правнуки покинут деревню, навсегда уйдут из крестьянского класса и начнут жизнь, неведомую ему даже в самых фантастических сновидениях. Конечно, о возможности таких тектонических сдвигов он думать не мог. Его мысли были заняты тем, сумеет ли он покрыть соломой свою новую избу, построенную с помощью отца и младших братьев. Знал, что данное мастерство у них родословное, но сомнения все равно одолевали. Вдруг потечет, ведь это первая самостоятельная работа.

Надо сказать, соломенная кровля – достаточно высокотехнологичный, ручной промысел, доступный как в обучении, так и на практике далеко не каждому. Прочитав такую оценку, надо мной можно посмеяться, как, мол, такое возможно? Высокие технологии – это прежде всего замена ручного труда. Согласен. Но технологичность характерна практически для любой производственной работы, неважно, ка-

ким способом она делается – ручным или механизированным, и каким качеством отличается каждая ее операция и планируемый результат. Сам видел и даже участвовал в такой мероприятии, касающемся моего деревенского дома.

Начиналось оно с заготовки соломы особого качества по длине, толщине и хрупкости. Затем ее замачивали на определенное время в зависимости от влажности воздуха, в чем я помогал своему деду. Далее следовала скрупулёзнейшая процедура отбора нужного размера соломинок с помощью деревянных граблей, складывание и сбивание их плотно друг к другу до такой степени, чтобы весь этот ничем не связанный жгут можно было с помощью специальных вил с удлиненной ручкой подать в целом виде на крышу. А там работал мой отец Яков Карпович. Он аккуратно принимал материал и тщательно укладывал его, строго соблюдая угол наклона, горизонтальный и вертикальный уровни. Одна за другой следовали операции притоптывания ногами, пристукивания и вычесывания граблями.

С обратной стороны крыши то же самое делал его старший брат Андрей Карпович. Не уступая молодым мужчинам в интенсивности сбора заготовок, дед в свои семьдесят пять лет довольно-таки сноровисто и виртуозно манипулировал граблями так, что со стороны могло показаться какой-то игрой. Но вот он остановился для минутного отдыха, глянул на ловкие движения кровельщиков и с крестьянско-укоризненной гордостью обронил: сколько раз им повторял – не лезьте вперед батьки в пекло, так они и ухом не ведут. Глянь, не кроют, а рисуют. Я так уже не смогу, хотя та, первая моя крыша, не текла вплоть до коллективизации. Заменял ее только из-за боязни, что и солому в колхоз заберут. В скупых словах деда чувствовались и достоинство, и гордость за надежное продолжение крестьянского рода, которые он подготовил в лице своих удальцов – сыновей.

Даже не могу себе представить его на плоской крыше однотипных современных зданий, которую покрывают различными мастиками, битумами, рубероидами и прочей зловонной и экологически опасной химией. Еще труднее было бы воспроизвести кинжальные слова деда и оценки таким технологиям. Что касается соломенной крыши моего дома, то мне уже во взрослом состоянии пришлось ее убирать вместе с отцом – заступила мода на шифер. Не знали тогда мы, что в списке самых опасных ядов в первых числах стоит асбест. Неслучайно И.В. Сталин после войны подписал решение правительства о запрещении его использования даже на животноводческих помещениях.

Теперь же вся наша деревня, как и другие села, покрылась крышами, заборами, трубами и прочими опасными материалами из него. Нашлись и ученые, и эксперты, которые доказали его безвредность. Правда, никто не нашел причины, почему вскорости на сельчанах

значительно активнее заработала онкологическая косилка, чего ранее не наблюдалось в таких масштабах. Снимая старую солому, мы обнаружили, что почернел только ее пятисантиметровый верхний слой. Остальное не то что на корм скоту, хоть самому бери и ешь, так пахнет хлебом и свежестью поля, – восторженно резюмировал итоги своего труда отец. Не зря сегодня все больше входят в моду умные и экологически чистые дома, в том числе и с соломенными крышами.

Дед сплошной асбестошиферизации не застал. Ушел из жизни с чистым незапятнанным сознанием крестьянского единения с природой. Ушел таким, каким и жил всю свою долгую жизнь – волевым, деятельным, трудолюбивым и домовитым. Уже перед Первой мировой войной, он, как и его отец, имел полный двор скота и птицы во главе с четырьмя конями и четырьмя коровами. Затем – полное разорение военно-революционными катаклизмами. Не всегда удавалось спрятать коней и коров в близлежащем лесу – забирали всё под красные и белые знамена борьбы за народное счастье. От таких реквизиций в гражданскую войну не выдержало крепкое крестьянское сердце моего прадеда, Давыда Ивановича. В шестидесятилетнем возрасте оно разорвалось во сне. Мор забрал по очереди жизни всех детей деда, оставив лишь одну маленькую дочь.

Но так устроена социальная сущность земледельца, что ему не надо даже помогать, лишь бы только не мешали, не насиловали и не грабили. Все он сделает сам, победит любую разруху. Ленинско-столыпинский НЭП, а я его называю именно так потому, что в основу новой экономической политики вождь, не мудрствуя лукаво, за что хвала ему, положил практически все основные мероприятия царского реформатора, стал спасением и надеждой для миллионов крестьян, включая моего деда, который усердием и трудолюбием снова восстановил свое хозяйство. Родились четыре сына, в том числе мой отец, крестьянская жизнь налаживалась. И опять реквизиции, теперь уже в колхоз.

Никогда не забуду его слов о трагическом переломе всего уклада крестьянской жизни. Скотину забрали всю и у всех, согнали ее в загон. Сараев нет, кормов не хватает, а наступает зима. Мы уже знали, – рассказывает дед, – что в соседнем селе, где колхоз раньше нашего собрали, вся скотина подохла, и люди пошли попрошайничать, а потом начался голод.

Нашему селу повезло. Прежде чем сделать из частной собственности общественную, командовавший этим процессом комитет бедноты, что называется, почти на год загулял. Их было пятеро. Все известные в селе дранеты, так их всегда называли, потому что были они лодырями и пьяницами. Как их только земля держит, и как они появляются в крестьянских семьях – одно наказание, – с возмущением говорил дед. – У них, что до революции, что после не было никогда ни кола,

ни двора. Ходили по дворам и выполняли разную работу, которую трудно было сделать самим хозяевам. За это им платили продуктами, выпивкой и другой натурой. Не заработают, так украдут. Все, что попадало им в руки, сразу же пропивалось.

Прерву рассказ деда собственной репризой. Дело в том, что одного из комбедовцев я знал лично. Он хоть и плоховато, но сохранился до моего школьного детства. Звали его почему-то Нюрин дед. Таким было имя его жены, работающей и добропорядочной женщины. Мнение односельчан о нем было таким же, как и вышеописанная характеристика, данная моим дедом. Но один раз в году, на седьмое ноября в красный день календаря Нюрин дед превращался в революционера. На торжественном собрании в клубе его сажали в президиум, приглашали на встречи с пионерами и школьниками. Ради такого случая он постригался, умывался и даже брился, что в обыденной жизни для него было явным излишеством.

Из его немудреных рассказов запомнилось, как он дезертировал с фронта, вооруженным вернулся в деревню и вместе с друзьями-собутельниками убили помещика и попа, сожгли их дома, усадьбы, постройки, конюшню и амбары. Много раз пытались зажечь деревянный храм, но он почему-то не горел. Тогда его решили разобрать и пустить все материалы на строительство клуба. Оговоримся сразу: когда через шестьдесят лет разобрали и клуб, церковные деревянные конструкции изумили всех своей свежестью и новизной, несмотря на свой более чем столетний возраст.

Затем их применили на сооружении подсобного помещения колхозной тракторно-полеводческой бригады и, что еще более удивительно, этот сруб возвышается над деревней и по сей день. Чем пропитали крестьянские умельцы-плотники этот материал, что он в огне не горит и не гниет под воздействием дождей и сырости, остается тайной. А может это результат намоленности самого Храма Божьего?

Разгадки этому нет, и мы поторопимся закончить свое воспоминание о встречах с комбедовцем. Их было много. Ежедневно мы шли со школы мимо магазина, где почти всегда сидел или лежал наш незадачливый революционер в одном и том же подвыпившем состоянии. Много раз он нам повторял, видя нашу веселую реакцию, и свою незамысловатую революционную байку: Нюра, кого ты любишь, – спрашиваю я свою жену, – тебя, Антон, – отвечает. А я ей, – дура ты, так твою мать. Ты люби Ленина, а я люблю Сталина. С этой похмельно-большевистской любовью так он и сгинул вскорости возле магазина.

Не без воздействия данной ситуации мне удалось построить в родном селе новый храм, освященный именем моего отца. Таким пьедесталом почета и благодарности от всего сердца хотелось отметить и его, и весь свой крестьянский род и класс, который дал мне надежную

путевку в жизнь. Храм построен из добротного кирпича с колоколами, как и положено. Особенно волнительно и примечательно то, что на открытии его была моя мама Пелагея Степановна, вскоре навсегда ушедшая в неизведанность. Это была ее первая и последняя молитва в храме и душевное наслаждение его колокольным звоном. Всю свою жизнь она работала от зари до зари, без перерывов, отпусков и отдыха, слившись с матерью-природой в синхронном единении и непрерывном развитии всего доброго, благословенного и земного.

В отличие от меня, дед без радости вспоминал об этих людях и о той эпохе, которую они, невзирая на жертвы, потери и горе, насильно насаждали в стране. Его рассказ ужасает. Как и многомиллионные головы лошадей, коров, овец, коз и свиней по стране, не выдержала холода и голода и деревенская живность. Дед долго не сдавался и не вступал в колхоз. Откупался перед комбедовцами самогоном и свежим мясом, пока не вырезал всех овец и свиней. Пировать стало нечем, и на стол выложили наган с предложением выбора по-хорошему: или в колхоз, или ты объявляешься кулаком и отправляешься на каторгу. Оставшуюся живность, а именно коров и коней дед сдал в колхоз, когда там уже начался массовый падеж скота, а в центре России и на Украине прямо на тучных черноземах запылало пламя невиданного до сей поры крестьянского голодомора.

Положение дел в нашем селе, опоздавшем с коллективизацией, немного выправил уполномоченный из района, который принял решение на свой страх и риск, а может быть и по согласованию с райкомом партии, раздать оставшийся в живых скот по домам, что и спасло большую часть крестьянских семей от голодной смерти. Деду досталась еле живая родная бурёнка, которую трепетно дома выходили и вылечили. Единственную кормилицу он спас соломой с крыши опустевшего сарая, а она в свою очередь уберегла от трагических потерь всю нашу семью.

Из всей деревни лишь две семьи моих дальних родственников по несчастливой, как оказалось, случайности, имевших после гражданской войны по пять взрослых сыновей, переступили трагический порог капитализма. И Каун Д.П., и Рябуха Н.Г. так много стали производить сильных сортов пшеницы, что вышли с ней через сбытовой кооператив из глухой деревни на рынки Европы, вскладчину купили в Германии машинную маслобойку и построили две ветряных мельницы, которые стали обслуживать за оплату не только односельчан, но и крестьян из соседних деревень. А это уже прибыль и перерождение во врагов народа.

К тому же, хоть и временно, в уборочную, наряду с сыновьями и невестками использовались и наёмные работники. Защищая советскую власть в рядах Красной Армии и, поверив в ее новую экономи-

ческую политику, в свободный труд на своей земле, как их убеждал В.И. Ленин, эти выдающиеся труженики бескрайних русских полей, Хлеборобы с большой буквы, не могли, видимо, даже мысленно представить, что за такой высокорезультативный крестьянский труд их нарекут кулаками, превратив колоритное русское слово в дьявольское клише. Ветряные мельницы спалили, от немецкой маслобойки остался только мощный металлический остов, основательно вбетонированный на возвышении посреди села. Долго, вплоть до начала девяностых годов, стоял он как памятник эпохи великого разорения и трагического уничтожения крестьянского класса. Стоял, пока металлобщорщик не выдернул трактором его из земли, на которой доживают свой век сегодня пожилые люди – остатки могучих крестьянских родов.

Расстрелян был вскорости и А.В. Чайнов, всеми силами и талантом своим помогавший осуществлению ленинского плана кооперации крестьянства. Не сошлись они в методах с товарищем Сталиным. Ученый предлагал сделать ее свободной, саморазвивающейся, как и во всем мире, а вождю нужна была огосударствленная кооперация, подневольная и безраздельно соподчиненная номенклатуре.

Что касается моего деда, Карпа Давыдовича, то он до последних дней своей жизни оставался православным христианином с необыкновенно целостным крестьянским мировоззрением, полностью осознававшим веру в свои собственные силы, трудолюбие и разум. Пятьдесят соток его приусадебного участка были всегда безупречно ухоженными, он страстно любил голубей, разводил их, приговаривая: хоть за это налоги не надо платить и отбирать – не отберут, никто ж не поймает.

Его сознание не раздваивали никакие парадоксы псевдосоветского, псевдосоциалистического строя и навязчивые идеологемы. Он терпеть не мог громкоголосые радиопередачи, и со словами «они умеют только болтать, а не работать», требовал их отключения. Еще более жесткую позицию занимала моя бабушка Бажанова Анна Григорьевна, которая мне, пионеру, очень четко и убедительно внушала почти через полвека после революции, что это власть демонов – безбожников, она уничтожает землю и все живое на ней и не будет долгой. Бог все равно ее победит. Вот вам и сила православной веры и крестьянского провидения.

А я к тому времени, начав с пятилетнего возраста читать, одолел практически всю небольшую семейную библиотеку моего дяди, Петра Степановича, родного брата мамы. Состояла она в основном из партийно-политических изданий и исторических книг. Особенно в мою детскую душу запал роман «Овод», который я прочитал первым за два дня пребывания у него в гостях. Дядя был коммунистом, на фронте воевал политруком танкового батальона, штурмовавшего Берлин, а после войны работал председателем колхоза, сельсовета, сельпо.

При любом разговоре он наставлял меня соответствующим образом. Но больше меня тянуло к симпатичной книжной полке, сделанной деревенским умельцем для моей старшей сестры Вали, ставшей впоследствии замечательной учительницей Валентиной Петровной, которую за её педагогическое мастерство долго не отпускали на пенсию.

Она училась в Волоконовской средней школе, и мы встречались редко. Больше приходилось беседовать с дядей. Вопросы я ему задавал весьма серьезные и не по возрасту сложные. Как-то, залпом прочитав один из партийных журналов и свежую газету, стал спрашивать, а кто же в стране главный – Хрущев или Шверник? Как и положено пропагандисту, дядя объяснил мне, что один возглавляет партию, а другой – государство, которым руководит все та же партия. Видя, что я по-прежнему не понимаю, его позицию по-простому усилил мой отец: раз у партии сила, у нее и власть, потому Хрущев и главный, а Верховный Совет вместе со Шверником при нем.

Словом, это были запоминающиеся уроки для будущего идеологического работника, ставшие началом формирования моего коммунистического мировоззрения, веры в идеалы революции и нового строя. Они заглушали наставления деда и бабушек о божественном начале всей жизни. Тогда мне казалось правдивым утверждение, что это все старое и отжившее, надо больше учиться, двигаться вперед и не забивать голову никакими сомнениями.

Как и его сын, большевиком был и мой второй дед, Степан Данилович Каун, который занимал пост председателя сельского совета. Этим гордилась моя бабушка по маме, Последова Матрёна Федоровна, рано ставшая вдовой после его внезапной смерти от простуды с пятью маленькими детьми на руках, которых пришлось одной поднимать с помощью старшего сына Пети. Впрочем, это не мешало ей каждое воскресенье преодолевать пешком более двадцати километров до Волоконовского храма, где она пела в церковном хоре.

С каждой ежемесячной пенсии за двух погибших на фронте сыновей – Мишу и Леню, в честь которого я был назван и живу за себя и за него, бабушка покупала вино и с кем-нибудь их поминала, остальные деньги отдавала внукам. Особо отметим, они не были у нее излишеством. Пенсии тогда колхозникам не платили, и это было единственным денежным содержанием. Такое благородство всегда вспоминается с трепетом. Плохо, оно не нашло своего достойного отображения в литературе, кино и средствах массовой информации. Не хватает места среди моря показного насилия, аморальщины и мамонофикации.

Забавно, но моя бабушка еще полвека назад олицетворяла собой идеологическую позицию сегодняшних коммунистов России, которые ко всеобщему удивлению и Богу молятся, и признают частную собственность. Мне же в ту пору ни в каком кошмарном сне не могло

присниться, что наблюдаемый и ощущаемый детским восприятием разрыв в моей родословной порвет в будущем и мою душу, мое сознание, а вместе с ним в который раз разделит на части мой народ и мою Родину. Что ж, историческую эпоху люди не выбирают, как и своих родителей. И это называется судьбой.

Очень жаль, что такому классу людей не суждено в России жить в свободном саморазвитии и накапливать опыт земледелия и животноводства в уникально созданных природно-климатических условиях на основе новых технологий. А ведь именно крестьянство, как ведущий класс, могло превратить ее в невероятно богатейшую, ухоженную и процветающую страну. И для этого ему не требовалось никаких поворотов и вождей, объясняющих им смысл крестьянской жизни, формирующих их сознание и воспитывающих в духе патриотизма.

Все это у крестьян прививалось с молоком матери, с первыми шагами по родной земле, с первых уроков земледельческого труда. Но их упорно и настойчиво подчиняли, угнетали, насиловали и грабили, а уже обескровленных и обессиленных выводили на любой неведомый им путь, пока они не попали в глубокую марксистско-ленинскую колею номенклатуризма, из которой трудно выбраться даже в XXI веке.

А вот миллиарды крестьян третьего мира, который представляют такие страны как Бразилия, Индия, Аргентина, Австралия и многие другие, как жили веками, так и продолжают самостоятельную трудовую жизнь своими семьями, совершенствуя свое хозяйство новыми технологиями и вдохновляющими, исключительно рациональными чаяновскими идеями, которые они изучают и чтут уже многие годы. Не в каждой российской библиотеке можно найти труды этого замечательного ученого, и уж тем более хотя бы упоминаний в школьных и вузовских учебниках, зато есть они в зарубежных библиотеках. Их там изучают в аграрных университетах и колледжах, их читают сельские школьники во многих странах мира.

Однако Россия оторгла этот уникальный по экономическому укладу и непревзойденный по социально-технологическому содержанию путь своего аграрного развития и выбрала наихудший насильственно-большевистский вариант как наиболее достижимый и близкий к революционной идеологии. Именно крестьянство и российское село явились самым эффективным объектом для воплощения главного ленинского замысла – опрокинуть страну вверх дном. Лучше такое не получилось нигде.

Можно ли реально представить, как товарищи Сталин и Берия, а с ними десятки тысяч секретарей ЦК, обкомов и райкомов, прочих чиновников изучают концепцию А.В. Чайнова о трудопотребительском балансе крестьянского хозяйства, планируют как выстроить всю аграрную политику с учетом специфики различных регионов и

факторов на нее влияющих. Так дело может дойти и до применения капиталистических индикаторов, индексов, критериев, алгоритмов и прочих реакционных классово-враждебных инструментов управления экономикой. А это уже не в большевистском духе.

Все можно быстро и сразу решить одним махом по установленным планам и ценам заготовок, по централизованному, бесплатному и строго регламентированному снабжению и оплате труда, согнав крестьян в колхозы. Но после ухода Сталина партгосноменклатуре стало хлопотно управлять многочисленной структурой колхозов, организованных в каждом селе. Началось разукрупнение, вылившееся в конце концов в специализацию, когда один колхоз мог объединить почти половину административного района с десятком и более сел и хуторов. И все это по постановлениям, графикам, сверху вниз, не спрашивая мнение тех, кого объединяли. Как всегда строжайшая вертикаль управления, тысячи совещаний, заседаний, планерок, мобилизация всех и вся и, как правило, ни шагу без провалов.

Хорошо помню, как на моих глазах в соседней деревне Покровка нашего Волоконовского района создавали свиноводческий спецхоз «Победа». Для этого в районе ликвидировали десятки свиноферм, действовавших практически в каждом селе, свезли все поголовье в новый только что построенный комплекс. Молодняк откормили и сдали в государство, выполнив и перевыполнив план. Рапорта, слеты, награды, премии – все свидетельствовало о грандиозных успехах партии по развитию сельского хозяйства. Без нее оно теперь уже просто не мыслилось.

Однако вскоре выяснилось, что нового приплода молодняка ожидается в несколько раз меньше ранее привезенного со всего района. Свиноматки, привыкшие жить и выхаживать поросят пусть и в примитивных сараях, но в деревянных станках с дощатым полом и сухой, утепляющей соломой на нем, не выдерживали сырости и холода бетонных полов современного спецхоза. Начался их массовый падеж вместе с поросятами, а вслед за этим опустели и основные откормочные цеха.

Спецхоз находился неподалеку от нашей деревни, и я невольно следил почти сорок лет как шла неустанная безнадежная борьба партийных и советских органов за выживание этого сельскохозяйственного объекта. Опомнившись от роковой ошибки, уже через год-полтора начали восстанавливать разрушенные свинофермы по всем селам. Так на прорыв хозяйственного разрыва был брошен мой отец, который еще при виде помещений нового спецхоза сказал, как отрубил точно по-плотники: дело гиблое. И так считали практически все, кто жил на этой земле, за исключением тех, кто принимал решения. Теперь он в своей деревне восстанавливал с нуля заброшенную и наполовину растянутую ферму. Мало того, что государство оказалось без район-

ного куска свинины, так еще же и люди остались без маленьких поросят, которых им раньше продавали колхозы. В общем, дуракоподобие на ровном месте.

Такая же незавидная судьба сложилась у Губкинского спецхоза – стотысячника и большинства других комплексов. Успешно работали единицы. Среди них мощнейшее специализированное хозяйство – колхоз имени Фрунзе во главе с В.Я. Гориным, который вплоть до начала нового века давал примерно столько мяса, сколько вся остальная область. Причем, невзирая на смену общественного строя. В чем тут дело? За разъяснением обратимся к А.В. Чайнову, который тоже был сторонником создания крупных хозяйств, но с учетом соблюдения приоритета решающего принципа – многоукладности сельскохозяйственного производства.

Главное, не ломать природу, не ломать сложившиеся сельские социумы, не ломать самих людей, что приводит к слому всей жизни. Сегодня все удивляются уникальности и выживаемости горинского колхоза, в который едут до сих пор со всего мира за опытом и капиталисты, и коммунисты. А удивляться тут следует в первую очередь полувековому опыту оптимальности и точности самого выбора, заключающегося в четырех основных факторах.

Во-первых, в наличии ярчайшего, мощного и работоспособного руководителя; во-вторых, в уникальных природно-климатических условиях хозяйствования в крупном селе; в-третьих, в надежном кадровом обеспечении огромного производственного комплекса; в-четвертых, в повседневном внимании и помощи хозяйству со стороны отраслевого министерства, где его снабжение шло отдельной строкой, а также во всемерной поддержке местных органов власти.

Вот хватило внимания и ресурсов на один такой спецхоз и сделайте его. Так нет же, надо было расходовать огромные затраты материальных и людских ресурсов, разрушать многие села и хутора, большие и малые фермы, чтобы внедрить повсеместно то, что обречено на превращение в прах. Теперь вахту сплошного передела приняла холдинголизация, такая же всеобщая и безудержная.

Ее успехи в наращивании продукции столь впечатлительны, что в пору готовить их к занесению в книгу рекордов Гиннеса. Одно только затруднение – по какой отрасли типологизировать такие результаты? Народная молва на основе исходящего зловония от таких промышленных комплексов по производству эрзац-продуктов (сбылась мечта К. Маркса) причисляет их к химпрому, о чем уже отмечалось выше. К земледельческой же сфере как-то не поднимается рука приписать, да и к чему на этом заикливаться.

Лучше предоставить слово самому крестьянину, да такому, кто уже покорил самые высокие трибуны и даже интернет. Наше непоко-

лебимое решение повторить дословно основные суждения уральского фермера, создателя общественных движений «Крестьянский фронт» и «Федеральный сельсовет» Василия Александровича Мельниченко, который представляет почти сорокамиллионный пласт людей, живущих в сельской местности России.

Крепкий мужик, с головой и руками, с горячим крестьянским сердцем, он в 1988 году был избран председателем кооператива «Интерьер», занимавшегося производством облицовочных и стеновых материалов, подвесных потолков, ремонтно-строительными работами и сельским хозяйством. За несколько лет работы кооперативу удалось достичь впечатляющих результатов: была построена дорога до поселка Рассвет; отремонтировано помещение фермы; построена новая трансформаторная подстанция; проведена реконструкция старых производств и организованы новые, в том числе ферма КРС, кормозаготовительное хозяйство, мельница, пекарня, столярный и мебельный цех, швейная мастерская, деревообрабатывающий участок, цех переработки рыбы. Кооператив имел свою торговую сеть из 4-х магазинов. Заканчивалось строительство мясоперерабатывающего цеха.

Здесь был организован орган территориального общественного самоуправления «Совет поселка Рассвет», активную роль в жизни поселка играл женсовет. Централизованно привозили в поселок врачей, в т.ч. стоматологов и протезистов. В 1991-1994 гг. кооператив принял 11 семей бывших осужденных, которых обеспечили работой и жильем. Никто из них больше не привлекался к уголовной ответственности. Работали, воспитывали детей. Кооператив принял и обеспечил жильем и работой 20 семей переселенцев из бывших республик СССР. В отличие от официальных властей здесь на переселенцев смотрели не как на головную боль, а как на человеческий ресурс возрождения российской глубинной территории. Принимали не всех, но людей нужных профессий, чтобы они могли гарантированно иметь заработок. С каждым заключали трудовой договор. «Я принимаю людей не жить, а работать, – говорил Мельниченко. – Жилья можно понастроить. Но, если нет работы – нет доходов, не на что жить. Безысходность судьбы переселенца предоставлением жилья можно снять только на время. В конечном счете, обойтись можно временным жильем, но вот без работы никак обойтись нельзя. К тому же жилью должно быть качественным. Дом на 3-5 комнат. Тут есть своя хитрость. Вдвоем такое жилье не обживают. Значит, надо обзаводиться детьми».

Однако развивающееся село было уничтожено под корень – сначала переодетыми в казаков уголовниками, затем властями. Уничтожено буквально экскаваторами арбитражных управляющих. На Мельниченко заводились десятки дел, ему ломали ребра, угрожали семье, сажали под арест. Он смог не просто отстоять свою честь, но сумел

через десять лет повторить успех в селе Галкинское. Как не вспомнить замечательные слова, что кооперация враг нужды и мать богатства.

И опять борьба: с коррумпированными чиновниками, издевательскими тарифами, антинародной политикой в стране. Теперь противники Мельниченко ходят в галстуках и занимают очень высокие посты. Чтобы отстоять свое село, отстоять права гражданина и крестьянина, Василию Александровичу приходится ездить по столицам и использовать испытанное оружие – ум, опыт и ораторское мастерство. Не все и не всегда ему предоставляют трибуну, но ряд изданий публикуют его яркие материалы. Приведем с сокращениями один из них в изложении.

Недавно рапортовали, будто сельское хозяйство – единственная отрасль, показавшая рост, а именно на 6%. Спасибо погодным условиям: они позволили собрать зерна на десяток миллионов тонн больше. Главная проблема – безработица на селе – по-прежнему не решается.

В течение прошлого года я посетил 12 регионов, встречался с руководителями средних и крупных предприятий и особенно с индивидуальными предпринимателями-фермерами и представителями малых сельхозкооперативов. 70-80% из них жалуются, что работать стало невозможно.

Мы еще не ощутили в полной мере последствий вступления в ВТО. Разрешат неограниченный ввоз мяса из Бразилии и Аргентины – станет еще хуже. Но все же никакое ВТО не способно нанести столь нещадный удар по российскому сельскому хозяйству, как наши монополии, в основном энергетические. Даже крупный сельхозбизнес жалуется: только и работаем, чтобы платить за электроэнергию, газ и топливо. Что уж говорить о мелких и средних предпринимателях – мы каждый месяц в панике ищем деньги! Моя небольшая ферма платит по 105-110 тысяч за электричество ежемесячно. А еще два-три года назад платили по 30 тысяч. С тех пор цены на сельхозпродукцию не выросли, то есть вся эта разница оплачивается за счет крестьян.

Еще один удар по плодородию наших земель, – ликвидация районных агрономических площадок. На эти площадки доставляли удобрения и оттуда развозили их крестьянам. Сегодня я не могу купить удобрения. Мне нужен целый вагон, а я не имею возможности разгрузить его – это 200-250 тысяч рублей штрафа за разгрузку в неполюженном месте. Если же я буду покупать удобрения мелкими партиями, то я заплачу на 60% больше. На мой взгляд, это умышленное, искусственно созданное правительством условие, понижающее плодородие земель.

В общем, за последние три года стало только хуже, причем значительно (еще в 2010 году мы работали с прибылью). Крупные агрохолдинги могут работать, но только потому, что им доступны кредиты, а также субсидии. Для нас, фермеров, субсидии – это смех. Правитель-

ство субсидирует мне килограмм мяса на 5 рублей, перед этим забрав у меня 25-30 рублей за счет повышения цен на услуги ТЭК. И, чтобы получить субсидию, мне нужно целый год держать специального бухгалтера, причем нет никаких гарантий, что мне ее в итоге отдадут. 70% субсидий получают именно агрохолдинги, а еще на агрохолдингах висит 70% долга сельского хозяйства банкам.

В моем районе 17 хозяйств. Из них только два можно назвать живыми (не успешными, просто живыми). Если бы было 15 успешных фермеров и два голодранца, тогда я бы согласился, что аграрная политика страны в норме и что голодранцы сами виноваты. А тенденция такова, что и два сносных хозяйства теряют позиции. Скоро мы столкнемся еще и с кадровой проблемой: старшее поколение вымирает, а молодежь в такой деревне оставаться не хочет.

Мы – крепостные. Работаем на безработных, прокуроров, судей, полицейских и охранников (других специальностей в России почти не осталось). Нет более обездоленного класса, нет более преследуемого правительством слоя населения, чем крестьяне. Делается все для того, чтобы мы остановили производство. Ах, не останавливаешь?! На тебе условия еще жестче! Прекрасно известно, что это касается не только сельского хозяйства, но и других сфер. Производство стране не нужно – вот вектор правительства.

Комментируя некое «завещание» Маргарет Тэтчер, которая заявила, что России достаточно иметь нефтяную трубу и небольшое население для ее обслуживания, Василий Александрович подчеркивает: они, может, и про Тэтчер-то не слышали, просто им самим выгодно, чтобы в стране осталось как можно меньше людей. Их идеал – пустая территория с нефтевышками.

Причем несправедливость – не только в низах, но и в верхах. У Президента заслуженно высокая зарплата – 480 тысяч рублей в месяц, около 6 миллионов рублей в год. Он главный государственный менеджер – казалось бы, ни у кого не может быть государственная зарплата выше. Однако же у главы государственного ВТБ Костина – почти 100 миллионов рублей в месяц. Я не понимаю, кто у нас президент – Путин или Костин? Окружение Президента – настоящие кровососы. На мой взгляд, уж лучше бы они эти деньги воровали, а не получали в качестве официальной зарплаты – приличнее бы выглядели.

В том числе и за мой счет они получают такую зарплату. Я почему за дизельное топливо по 33 рубля плачу? Никто не может обосновать нам эту стоимость. Дод из «РусГидро» носит мне электроэнергию на плечах, чтобы столько за нее требовать? Они мыслят транснационально. Не можете нам платить? Так не платите! Кто вас заставляет хлеб растить?! Мы продадим электроэнергию за рубеж!

В ответ на все наши требования поставлять энергию по разумной цене, выдавать кредиты под человеческие проценты, наделить полномочиями местное самоуправление из всех инстанций поступают отписки. Дескать, в стране все может быть устроено только так, как устроено.

Похоже, нам все-таки придется собирать крестьянские массы со всей России, чтобы прийти к стенам Кремля и рассказать Путину, как обстоят дела в действительности... Мы не протестовать будем – наоборот, мы дадим Президенту знать, что народ готов защитить его от всех этих костинных. Обратите внимание: решения Путина откровенно саботируются. Он заявил о необходимости закрыть офшоры – а олигархи тут же, в январе, вывели в офшоры 17 миллиардов.¹⁰

Любой нормальный человек почувствует в этих отчаянных крестьянских суждениях фарисейский подход государства к аграрной политике, в которой нет главного осознания того, что идет безостановочный процесс исчезновения земледельческого социума нашей страны, самого главного источника жизни, который вплотную приблизился к черте своей невозобновляемости. Уже давно пробили тревогу колокола истории десятков тысяч исчезнувших и исчезающих деревень, запустивших время обратного отсчета. С ним невозвратно уходит и неопикуемый земной рай, превращаясь для потомков в химизированное эрзац-бытие. Долго ли они на нем продержатся? Остаётся только верить во всевышний разум, который вернет человека в лоно природы на условиях равноправия со всеми живыми существами.

Вспоминаются взволнованные, трепетные слова современного русского писателя Михаила Ивановича Ветрова: могучее государство СССР мы потеряли потому, что теряли русские деревни, теряли ангельский свет, растивший наши сельские души. Хочется добавить: теперь их теряет Россия, оставляя незыблемым худшее – эпоху подмен и окон возможностей, которые открывают и закрывают для нас, увы, чужие люди. Не пора ли нам открыть их самим?

Глава II. Класс артельщиков – крестьянская селекция социализма

1. Артель как феномен СССР – союза свободных саморазвивающихся работников

Пусть уважаемых читателей и оппонента не смущает такое название главы, оно не носит оттенок измофрении, да и сам автор уже давно излечился от этой болезни. И не остающиеся во мне ее бактерии диктуют необходимость обратиться к самой светлой социальной идее за всю историю человечества.

Название этой идеи – социализм, в мыслях и мечтах многих народов мира считающийся справедливым устройством жизни человеческого общества. Вот только непонятно, почему его считают всего лишь мечтой, обращаются как с категорией будущего. А ведь на самом-то деле это давно достигнутое прошлое. Когда не без душевного подъема писались строки о крестьянстве, за это время перед взором невольно прошла вся сложнейшая история артели как одного из самых выдающихся феноменов самоорганизации и самоустроения человеческого общества вопреки всем его эпохам – рабовладельческой, феодализму, капитализму, социализму и другим измам.

Поначалу после крестьянства намеревался описать рабочий класс, как одно из его крупнейших порождений, коему марксисты без каких-либо оснований искусственно приписали даже надуманную историческую миссию руководителя всех и вся в борьбе за новую жизнь. Меня так и тянет в колею прежних идеологем, а вроде и выскочил из нее. Но куда ему, младенцу, до многовекового, точнее, многотысячелетнего стажа класса артельщиков, который также вышел из крестьянской колыбели.

Вроде уже все ясно, но один вопрос зависит в социально-политическом и экономическом пространстве, тревожит мое сознание. Неужели марксисты были столь недалекими людьми, увлеченными революционным методом смены общественного строя, что лежащий перед их глазами и руками огромный пласт уже готового, проверенного тысячами лет жизни социализма в лице артели не смогли заметить и рассмотреть? А может не захотели увидеть специально?

Обратимся за помощью к словарям. В современные социологические словари можно, к глубочайшему сожалению, не заглядывать. Там встретишь любые, даже далеко не социологические понятия, однако артель как уникальный социум не сыщешь днем с огнем. Во многих других изданиях оно есть и примерно в одной и той же редакции. Артель – это добровольное объединение (товарищество) равноправных

работников, решающее производственные и хозяйственные задачи и распределяющее прибыль на основе совместной доленой собственности, взаимопомощи, взаимовыручки и взаимной ответственности.¹¹

Прочитав такое определение, а еще лучше непосредственно вникнув в суть жизни и деятельности различных артелей прошлого и настоящего времени, можно уверенно сказать: с них хоть икону социализма пиши, хоть изображай самую лучшую общечеловеческую ценность. Кто же их изобрел, обосновал и создал, и когда это случилось? Неужели тысячи лет назад были исторические фигуры, равные К. Марксу, Ф. Энгельсу и В.И. Ленину, сумевшие выдвинуть еще в ту далекую пору теорию построения социалистического общества? Кто они и почему мы об это ничего не знаем? Может они так тяжело заболели измофренией, что выбили друг друга и бесследно исчезли с событийного ряда истории? Ведь мы же располагаем солидной источниковой базой, которую, пусть и не очень старательно, пополняем по сей день.

В поисках ответа на эти вопросы лучше, конечно, обратиться к анализу трудов различных авторов, но можно попытаться сконструировать его и самостоятельно на основе собственных подходов. Сразу же утвердимся во мнении, что никто и никогда не разрабатывал теоретическую модель артели и не внедрял ее ни мотивационными, ни тем более насильственными методами. Отсутствовали и государственные законы, регулирующие внутриартельную жизнь. Это чисто эволюционный продукт саморазвития общинного строя, родившийся исключительно в условиях свободы, добровольности и равноправия выбора каждым человеком своего способа жизнедеятельности на основе коллективного труда.

По сути артель являлась ядром, одной из основных ячеек человеческого общества на протяжении длительного периода, который представлял собой в значительной мере совокупность свободных, саморазвивающихся союзов работников. Удивительно, но именно примерно так в одном из вариантов определил социализм Карл Маркс. И никому не удалось еще опровергнуть такую формулировку, кроме самого ее автора и его верных последователей, увлекшихся диктатурами, революциями и другими похоронными атрибутами общества.

Интересно, а найдется ли желающий оспорить определение артели как союза свободных саморазвивающихся работников? Во всяком случае каких-то конкретных аргументов для этого не просматривается. Вряд ли возможны и упреки в семантической подтасовке. А коль так, то пусть такое определение останется авторским вариантом – вполне доступным, объективным и приятным для восприятия. Получилось почти мистическое совпадение с известным государством – СССР, где само понятие «свободы» оказалось несвободным, как и ее основные носители – люди.

Тут же мы упираемся в недоумение бдительного оппонента: упасть на К. Маркса легче всего, а вот объяснить, почему же такая устойчивая, надежная, практически идеальная с точки зрения самоуправленческих, социально-бытовых и экономических характеристик модель общественного устройства как артель не выдержала ни капиталистического, ни псевдосоциалистического натиска и потеряла свои былые масштабы и значимость? Почему она оказалась в конце концов исторически обреченной на второстепенные роли?

Отвечать на многочисленные вопросы начнем с главного. Артель допустила появление в обществе рабов и рабовладельцев только после того, как в нем сначала зародились, а потом размножились и стали распространяться бактерии мамонофилии. Здесь можно только по-лосевски предполагать, что вначале ею заразился один или группа наиболее способных и сильных руководителей артелей, избранных на равноправной основе по очереди управлять ее делами. Возможно, это были вожди, предводители племен или их отдельно живущих социумов, и артель здесь ни при чем. Еще большая вероятность такого источника могла проявиться в ходе победоносных войн, результатом которых было пленение побежденных и разделение соответствующим образом захваченного богатства. В таком случае для бактерий мамонофилии создавалась очень благоприятная среда.

Одним словом, процесс пошел, и для его описания не требуется особого социологического воображения. Главным допингом распространения мамонофилии и ее нарастающего воздействия на общество становилась сила рабовладельца, которая постепенно утвердила себя в качестве доминирующей над равноправно-демократическими нормами артельного устройства. Так рабовладельцы захватили власть и создали свои государства, узаконив свои права на узурпацию и уничтожение других людей. Но они не уничтожили артели. И это отнюдь не загадка той жестокой эпохи и не её таинство, а показатель высочайшей эффективности и самовыживаемости таких форм жизнедеятельности, неоспоримых преимуществ социализма.

Исторический парадокс: в Древней Греции, Египте, Риме, где процветало и господствовало сплошное рабство, они не просто продолжали свою деятельность, но и развивались, потому что были востребованными и по существу незаменимыми. Ведь собранные из разных стран рабы могли выполнять только элементарную физическую работу, производить же все более усложняющиеся орудия труда и быта, строительства и архитектуры, вооружений и транспорта умели только артели мастеров, ремесленников, художников, шорников и т.д.

Выходит, что начиная от общинного строя, именно социализм был главным двигателем общественного прогресса, все же остальные производительные силы и отношения имели соподчиненное значение.

И при этом никаких попыток к господству над другими формами жизни и классами, к захвату власти и тем более к установлению своей диктатуры. Вот где без всякой фальши можно воскликнуть – именно социализм является самым гуманным обществом на земле!

Важным фактором стало и то, что не нашлось среди самых свирепых и безжалостных фараонов, царей и императоров такого большевика, который бы взял на свое управленческо-властное вооружение самый чудовищный за всю историю человечества принцип – сначала разрушить все до основания, а затем уже построить новый мир. И это обеспечило рабовладельческому строю тысячелетнюю историю. А если учесть, что элементы рабства имели место и в средние века, и в новое время, и даже сейчас, то получается, что его еще дольше спасали именно артели.

Только класс артельщиков мог обеспечить жизнеспособность такого античеловеческого, жестокого и непродуктивного общественного устройства. Оставаясь ячейками свободы и равноправного сотрудничества на основе коллективно-долевой собственности, артели стали единственно возможной формой устойчивых и прогрессивных производственных отношений, обеспечивающих высокую производительность труда и качество продукции. Объяснимое становится необъяснимым, когда приходится делать вывод о том, что свобода спасала и всячески поддерживала несвободу вопреки всей логике общественного прогресса. Странное получается материнство.

Так что же сильнее, действеннее и прочнее – свобода, так или иначе позволившая зарождению в своих недрах несвободы, способствовавшая ее развитию и процветанию на протяжении многих тысяч лет, или угнетение, постоянно и неудержимо отнимающее у своей матери силы и возможности, подтачивая ее изнутри и постоянно ставя на грань выживания? В такой сложнейшей диалектике трудно найти прямой ответ. Надо также помнить и учитывать то, что рядом с артельщиками всегда было растерзанное войнами, во многом плененное и затем превращенное в класс рабов крестьянство, которое полностью не сдавало своих позиций и пусть даже в ослабленном состоянии продолжало кормить и поить все народы мира, попадая во всё большую зависимость к новым господам – феодалам.

И все же мы не оставим попыток разобраться в расстановке сил на линии «свободы – несвободы». Класс артельщиков, крестьянство и рабы, в совокупности представлявшие подавляющее большинство населения, несомненно тяготеющего к свободе, по логике силы и разума не должны были обрекать себя на столь длительный период угнетения. Но обрели будучи раздробленными территориально и профессионально, и отдавая приоритет отстаиванию своих интересов непосредственно в труде, а не в борьбе, уступая свои права и свободы более агрессивным, наступательным силам.

Выйдя на историческую арену, класс рабовладельцев сразу же устремился к своему господству, которое всесторонне подпитывалось разгулом мамонофилии, была и есть такая болезнь денег, присущая человеческому сознанию, и обеспечивалось не только силой и принуждением, но и различными методами социально-экономических компромиссов и политических ухищрений. Например, на самых тяжелых работах строительных артелей использовался физический труд рабов, активно вовлекались они также в деятельность старательных, горнодобывающих, камнеобрабатывающих и других артелей.

Фактически шел процесс взаимодействия и взаимовключённости одних производственных отношений в другие. И чем больше было такой интеграции, тем устойчивее становился весь рабовладельческий уклад жизни. На первый взгляд, по своей несправедливой сущности он был обречен буквально на кратчайшее историческое мгновение, а просуществовал тысячи лет, в то время как экспериментальное дуракоподобие большевиков-ленинцев, объявивших врагами народа большинство слоев населения и сокрушивших все достигнутое и накопленное ими веками, всего лишь сверкнуло на небосклоне истории подобно лампочке Ильича, тут же погасшей, хотя и с тяжелейшими последствиями для человечества.

И даже такой трагически затратный и провалившийся бросок к мировой номенклатурной революции и к соответствующим новым формам господства и угнетения под эгидой идеалов социализма не стал фактором, способствующим упрочению свободы над несвободой. Выходит, библейская притча «добро побеждает зло», положенная в основу всех главных религий мира, пока так и остается в состоянии ожиданий и надежд. И дело здесь не в классах и отношениях собственности, а в специфике индивидуальных качеств и особенностей человека, стремящегося к свободе господствовать и угнетать других людей в условиях несвободы. Плюс, безусловно, количественные показатели таких людей и их динамика в той или иной исторической ситуации.

Именно поэтому зло несвободы и насилия мощнее и победоноснее добра, свободы и сотрудничества. Причем, если первое завоевывается и поддерживается только силой, то второе должно достигаться лишь гуманитарными методами согласования интересов, ибо в противном случае любое утверждение свободы насильем приведет в конечном счете к тирании, что неоднократно случалось в истории. Но несвободы можно добиться здесь и сейчас, а перейти, точнее вернуть в свободное состояние общество и каждого человека можно только ценой тысячелетних усилий в процессе его эволюции, нескончаемой по срокам длительности и завершения.

Неужели нет альтернативы его бесконечности? Есть. И заключается она, на наш взгляд, в следующем: положительный результат

возможен, если главными творцами гармонизации всех интересов и главными лекарствами от мамонофилии и других социальных болезней станут умные машины и технологии. Без их решающей поддержки, влияния и участия человек, подобно маленькому ребёнку, не в состоянии выйти из тупика несвободы, в который сам же себя и загнал. Только тогда возможна победа свободы, равенства и братства, то есть подлинного социализма. Вот это разворот!, – изумляется наш оппонент. Но мы его успокоим обещанием детальнее проанализировать эту проблему по ходу исследования. Пока надо подождать.

2. Артель как тысячелетний пример достигнутого народоправия, равноправия и справедливости

Нам же в пору завершать описание класса артельщиков, а вернее, его основных достоинств, из которых собственно он только и состоит. В отличие от крестьянства или от рабочего класса он характеризуется прежде всего тем, что это специально и добровольно отобранный из их представителей класс. Отобранный в первую очередь по профессиональным признакам, физической выносливости и духовно-нравственным качествам, способствующим успешному решению главных задач жизнедеятельности артели. В нее не может войти лентяй, бездельник и неумеха, как и вор, пьяница или обманщик.

Вернее, попасть-то чисто случайно может любой из них, но ненадолго. Его тут же оттуда изгонят. В систему круговой поруки могут включиться и выжить там только самые достойные мастеровые и талантливые люди, которые обладают способностью не только к высокопрофессиональной индивидуальной работе, но и умеющие соединять ее с коллективными, корпоративными усилиями. Попадала туда и молодежь, разумеется. Следовательно, артель – это еще и школа селекции, воспитательный центр.

Жажущий постоянного уличения автора в ошибках оппонент, а это его главная функция, даже если он олицетворяет собой добрейшего человека, непременно спросит: получается, что артельный социализм это строй для избранных, а остальным куда деваться? Чтобы не затевать преждевременной дискуссии, во-первых, подчеркнём, что артель это первая, но не единственная форма саморазвития социализма. Во-вторых, данной проблеме будет посвящена отдельная глава.

Замечательный исследователь российских артелей М. Слобожин (псевдоним Максимова Николая Дмитриевича) в своей монографии «Историческое развитие идей артельного движения» подчеркивал, что в жизни далеко не всегда осуществлялись и реально проявлялись все достоинства артельных организаций труда, которые идеализировались в народном творчестве. В них люди воплощали свои

стремления не только к улучшению материального положения, но и к равноправию и народоправию, к свободе и сознательности, к уважению человеческого достоинства и дружбе. Он выразил уверенность, что русский народ никогда не изменит идеалам артели.¹²

К глубочайшему сожалению, он ошибся в своих прогнозах. Русский народ так перековеркали, так изнасиловали, переименовав на практике вышеназванные идеалы, что потребуются многие десятки, а то и сотни лет для восстановления его социального здоровья и духовно-нравственного самочувствия. В общем, к народоправию оказался такой тернистый путь сплошных препон и препятствий, что их нескончаемое появление буквально свело на нет крупнейшие достижения России на этом важнейшем направлении жизнедеятельности общества. Сегодня трудовая демократия и самоуправление у нас в стране могут позиционировать на таком же мифическом уровне, как в недавнем прошлом строительство коммунизма, закончившееся разрывом с идеалами и кидализмом.

Сегодня не только англосаксонским учителям демократии было бы уместно вспомнить, у кого они могли обучаться ее азам во времена Псковского и Новгородского народоправия, но и россиянам. А как замечательно, душевно и доверительно звучит слово «народоправие». И самое главное – оно было не мечтой или кем-то разработанным планом реализации, а вполне реальным достижением на уровне славянской артели, которая и сделала его всенародным достоянием. Кто только не пытался посягать на эту главную самоценность – и бандиты, и рабовладельцы, и феодалы, и цари, словом, все, кому эта ячейка самоорганизации становилась поперек горла, а подчинить или уничтожить ее не удалось никому. Екатерина II даже форму ее организации предписывала специальным Указом применять на государственных и частных предприятиях. Понимала толк в социализме царица, не зря увлекалась его теориями, правда, больше походя, без серьезных раздумий.

Под силу это оказалось сделать больше других только чемпионам мира всех времен и народов по тотальному сокрушению – большевикам-ленинцам, которые огнем и мечом своих реквизиций, грабежей и национализаций поставили-таки артели сначала на колени, затем большинство их уничтожили, а оставшихся в живых записали в свою железобетонную фарисейскую формулу: артель – основная форма социалистических, производственных объединений граждан для ведения коллективного хозяйства на базе общественных средств производства. Ну, что касается слова «социалистических», то это не в бровь, а в глаз вполне исторически выверенное уточнение, заслуживающее всяческого одобрения. Про общественные же средства производства разговор поведём впереди.

Советский обществовед, написавший эту формулировку, очевидно осознавал глубинную сущность артели как реально достигнутый социализм в действии и не побоялся смысловой двоякости. Дело, видимо, происходило в период хрущевской оттепели, а не ранее, когда за ее расшифровку, в том плане, что это фактический социализм, возникший задолго до большевиков и без их участия, могли пришить клеймо врага народа со всеми вытекающими последствиями.

Кстати, по этому примеру пора произвести во всей обществоведческой литературе еще одно уточнение. Издавна повелось в отношении многовекового периода истории России его наименование как крепостнический. Оно, похоже, намертво закрепилось и утвердилось и в публицистике, и в научной литературе, включая и современную историографию.

Может, я лезу не в свое дело и нарушаю территориальную неприкосновенность историков, но не думаю, что они отыщут достаточное количество аргументов, чтобы не согласиться с названиями – артельно-крепостнический период, артельно-крепостническая страна Россия, артельно-крепостнический строй и т.д. Ведь здесь вполне очевидны и восстановление истины, и существенное содержательное дополнение не только названий, но и самого исторического текста, которые должны быть доступными и понятными каждому россиянину.

Повторюсь, мы, российские ученые-обществоведы, должны со знанием дела и национальной гордостью поднимать артель на самый высокий пьедестал почета общечеловеческих ценностей. Ее свет еще не погас и, можно с уверенностью сказать, на новом повороте исторической спирали она еще сумеет послужить человечеству. Это как раз тот урок, который надо хорошо выучить, никогда его не забывать и стараться тщательно готовить и проводить в новых условиях. Только тогда можно рассчитывать на устойчивый жизненный успех.

И главный его смысл напрямую связан с названием нашей монографии «Классы и собственность: господство и угнетение, неравенство и болезни». У меня не хватает аналитико-диагностического потенциала, чтобы в полной мере выразить оценку организационным, социальным, интеллектуальным, правовым, духовно-нравственным достоинствам и ресурсам русского и других народов при зарождении и развитии артели как фактически безупречной по форме и содержанию модели общественного устройства, которая предельно точно отвечает всем признакам и требованиям социализма.

Кругом рабство, феодализм и крепостничество, капитализм, закреплённые специальными законами, а в артели никакой эксплуатации и угнетения, только свободный труд, на принципах его древнерусской цивилизации служить делу честно, добросовестно, старательно. Повсюду бесправие и беспредел насилия, в артели же свобода, равно-

правие и справедливость. Повсеместно вразнос идущая индивидуализация всего и вся, а в артели разумное, саморегулируемое сочетание коллективизма и индивидуальных способностей и мотиваций саморазвития.

Везде преобладание дикого, хищнического присвоения частной собственности над ее саморазвитием, постоянные переделы, сопровождаемые массовыми жертвами в конфликтах и войнах, а в артели слияние ее долей в коллективную форму функционирования. Вокруг вопиющее разделение на богатых и бедных, сопровождаемое повсеместным воровством, махинациями и грабежами, непримиримыми противоречиями и классовой борьбой, а в артели справедливое, равноправное распределение заработанного каждому по его труду, равенство и братство.

В обществе утверждение силы власти и денег, принадлежащих богатым классам, разгул мамонофилии, а в артели круговая порука, солидарные отношения по принципу один за всех и все за одного, неиспорченная нравственность и трезвость целого класса людей. Заранее согласимся с тем, что здесь проглядывается ее идеализация, показ ее завершеного саморазвития. Хотя в данном процессе случалось много различных негативных проявлений. Ведь она состояла из живых людей со всеми их достоинствами и недостатками.

И тут надо разобраться с закономерным возникающим вопросом: почему все же артель как наиболее прогрессивная, социалистическая форма общественного устройства тысячи лет существовала и развивалась в локальном варианте – в себе и для себя и не распространилась на другие социальные классы и все общество? Ответ находим прежде всего у К. Маркса – не созрели производственные отношения и производительные силы до того уровня, чтобы такой строй оказался бы востребованным всем обществом. Плюс сказывался явный перевес сил и влияние на общество других, более агрессивных и постоянно нацеленных на господство классов, которые по существу захватывали в тех условиях власть и доминирование над народом.

Кроме того, у артельного класса было немало уязвимых особенностей и черт. И главная из них – это разобщенность, которая хоть и сродни крестьянской по территориальному признаку, но еще сильнее усугублялась по профессиональным различиям. Так, в России только к началу XX века появляются первые союзы артелей, вскоре разгромленные номенклатурной революцией. Не возникло и никаких собственных партий, профсоюзов и общественных объединений, способных защищать и отстаивать свои интересы и права на законодательном и управленческом уровне.

Христианская мораль непротивления злу насилием, патриархальный уклад самосознания и самовосприятия себя как нужного и неза-

менимого в жизни общества сословия у артельщиков был воедино слит с социальными надеждами, что оно их будет всегда оберегать, лелеять и защищать. В самом деле, как можно жить без сапожников, шорников, швейников, оружейников, хлебопеков и других артелей? На практике их чаще всего просто не трогали, что было уже большим достижением их самовыживаемости. Если же еще принимались специальные государственные акты и законы, как при некоторых государях-императорах России, то это служило дополнительным стимулом к их развитию.

В целом же рабовладельческое, феодальное и капиталистическое окружение, в которое были исторически вмонтированы артели, не могло не давить на них силой своих специфических проявлений. Их грабили непосильными налогами и поборами, прижимали кредитами и арендой, унижали обсчетами и занижением цен. Рядом с артелями с древних времен возродился класс посредников-перепродавцов, который наживался и жировал, не допуская их к свободному рынку и фактически угнетал больше всех вплоть до открытой и наглой кидализации, неистребимой и по сей день.

А уж сколько было желающих прибрать к своим липким рукам артельную собственность – не сосчитать. Это требует такого объема контент-анализа различных первоисточников, который под силу достаточно крупному научно-исследовательскому учреждению. Хотя дерзнуть может любой начинающий учёный.

3. Артель как укор противникам реального социализма

Начнём параграф с того, что вышеупомянутое достижение в разрушении удалось только советской номенклатуре, которая провела тотальное обобществление артельной собственности, сделав соответствующие приписки в законы и ранее приведенное определение артели. Лгать можно иногда по незнанию, по неопытности, по повторению примеров, а вот фарисействовать возможно только по специальному умыслу, сознательно, заранее зная цель своей лжи и последствия, результаты её достижения. Надо же было придумать такой термин как «обобществление», чудовищная сущность которого особенно отчетливо проявилась на судьбе российских артелей. Такое мог сотворить только самый изощрённый и безжалостный ум.

И неважно, что на деле получалась реквизиция коллективной собственности у части общества, то есть по своей принадлежности и по управлению являющейся по сути уже общественной. Но к масляному маслу добавляли с очень злым и жестоким умыслом – ликвидировать эти острова свободы и самоуправления, установить над ними господ-

ство в виде номенклатурных директоров и управляющих, представляющих новый господствующий класс, накинуть удавку разрядок, разрешений, запрещений, контроля, проверок и т.д.

Наивно думать, что марксист В.И. Ленин не понимал, что артель это и есть подлинный социализм, и понапрасну истязал себя и других написанием за многие годы пятидесяти пяти томов своих сочинений по обоснованию теории и практики построения социалистического общества. Нет, он это прекрасно понимал и даже давал совершенно правильные оценки в своих ранних работах артелям.

Суть фарисейства заключалась в том, что уже изначально марксистами ставилась задача мировой революции и мирового господства нового класса революционеров-номенклатурщиков под прикрытием светлых идей социализма и чисто символической диктатуры пролетариата, обеспечивающей их осуществление. И в этой композиции всякая инаковость была враждебной и опасной для совершенно нового надуманного строя – номенклатуризма.

Как уже отмечалось, в любой общественной формации уживались, были взаимотерпимыми и взаимоприемлемыми элементы и рабства, и феодализма, и капитализма, и социализма. Возьмем рабовладельческий Рим. Казалось бы, господствующие в нем рабовладельцы должны были и могли привычной в те времена жестокостью подавить всех и унифицировать свой строй. Так нет же, они всячески развивали внутриреспубликанскую демократию, выбирали Сенат и должностных лиц, терпимо относились к социалистическим по сути артелям, крестьянству, берегли и помогали становлению феодалов и латифундистов, всячески содействовали развитию буржуазного класса торговцев. В свою очередь такой же толерантной позиции придерживались и принявшие эстафету господства сами феодалы и буржуа.

И только большевики, пустившись в рискованное плавание по неизведанному маршруту, не пожалели никого, устроив особый государственно-номенклатурный, псевдокапиталистический эрзац-социализм с двумя главными признаками феодализма на борту надуманного строя – внеэкономическим принуждением и тиранией. В нем наличествовали все элементы неправдоподобия, искусственности и насильственности. Когда Н.С. Хрущев, находившийся в истерическом угаре построения коммунизма, узнал, что случайно сохранились остатки народных промыслов артельного устройства, к тому же объединявших несколько миллионов человек, он пришел в ярость и молниеносно разгромил их специальным указом. Готовая самостоятельная, свободная и самоуправляемая ячейка в таком коммунизме не предусматривалась, к тому же по неписаному правилу всякая подделка всегда стремится к доминированию и даже на дальние подступы не подпускает к себе подлинники, ведь без работы остались бы все звенья номенклатуры.

Что только ни делали большевики, как ни старались закатать в бетон и асфальт развитого специализма артели, они хоть и в деформированном, подавленном состоянии, но сохранились в отдаленных северных и сибирских районах, да и в центре России в виде народных промыслов. Бывшие коммунисты, объявившие себя демократами и находящиеся у власти сегодня, могли бы многое сделать по восстановлению класса артельщиков на новой, теперь уже информационно-технологической рыночной основе.

Кстати, для этого не надо затевать даже дискуссии о реформах – в них артели никогда не нуждались и не нуждаются теперь. У них рынок и экономические методы ведения хозяйства, исключаящие всякое внеэкономическое принуждение, являются уже тысячелетней реальностью. Но новым властям не до трудовой демократии, равноправия и народоправия артели. Они заняты построением управляемой демократии или по существу сырьевым эрзац-большевизмом, олигархатом и латифундизмом, которые просто несовместимы с вышесказанными смыслами.

Не увлеклись ли вы, уважаемый автор, излишним теоретизированием, не пора ли поделиться практическим опытом, – назидательно подталкивает меня оппонент. Согласен. Тем более мне есть о чем рассказать и в контексте своей судьбы. Но для этого надо перелистать страницы истории, близкие к зарождению социальных технологий на теоретическом и практическом уровнях, конкретное участие в этом автора данной монографии. А заодно перекинуть и листки календаря с запоминающимся летоисчислением – 1990, 1991 и последующими годами, о чем будет отдельный разговор.

Наиболее сложным было не разработка и усвоение новой теории, а преодоление сложившихся стереотипов и ценностных ориентаций делового поведения. Нужно было начать с себя, с собственного очищения изнутри от привычек ждать указаний и понуканий, прежде чем начинать серьезное самостоятельное дело. Показать пример освоения новых методов, процедур и операций, запрограммированных в социально-технологическом проекте. К тому же сама быстро меняющаяся жизнь подводила меня к инновационному мышлению и прогнозированию ее перспектив.

Приходилось хвататься за любую соломинку возможностей приложения своих сил и знаний. Встречаться со многими людьми, выступать на различных форумах, в средствах массовой информации, то есть по-хорошему презентовать свои предложения. Далеко не все их принимали и даже выслушивали. Но люди к нам потянулись, в том числе из других регионов. Особенно заметной была встреча со мной всего руководства разваливающегося на глазах Фрунзенского электронного объединения в Киргизии, которое, чувствуя надви-

гающуюся катастрофу единого Союза, искало новое место жительства.

Вопрос стоял один: что им можно предложить в качестве делового сотрудничества? Сошлись на заключении хоздоговора о разработке такого проекта. Вскоре нам были перечислены первые деньги, и это уже было спасением хотя бы на короткий период смутного времени. Для нас каждый рубль, пусть даже ставший практически деревянным от инфляции, был равным золоту. И мы разработали оригинальный проект социальной технологии возрождения славянской артели по производству изделий из белого фарфора. Проект был осуществлен в кратчайшие сроки. Всем прибывшим к нам электронщикам были созданы рабочие места, обеспечены жилищные условия.

Почему назвали артелью, – с недоумением уточнит мой уважаемый оппонент, – и при чем здесь глина, обжиг, художественное покрытие красками и электронщики? А вот из многих вариантов остановились на этом и точка. Причем, приоритетным было восстановление историко-хозяйственных традиций. Переучились, подготовили исполнителей, пригласили для передачи опыта специалистов со знаменитой на весь мир подмосковной гжели, подобрали помещение и оборудование, и дело на удивление всех двинулось с нулевой отметки.

Хотя вначале не верил никто. Когда мною артель была внесена на регистрацию в горисполкоме, над ней посмеялись и категорически отказались это делать. Хорошо знакомая по моей недавней депутатской работе женщина очень вежливо, но настойчиво заняла такую непробиваемую оборону, что даже не поленилась найти документы хрущевского периода, запрещавшие самостоятельность артели и народных промыслов. А коль шел только первый год независимой России, то ее государственность ограничивалась зависимостью от советских законов. В общем, зарегистрировали как общество с ограниченной ответственностью «Капитель».

Мы возродили именно ту артель, которая была когда-то в древнем Белгороде и производила посуду из белого фарфора. Неизвестно, сколько длилась ее работа тогда, а наша продержалась на рынке десять лет и была успешно похоронена вторым или третьим переделом собственности на ликеро-водочные заводы. В восемнадцать регионов поставлялись артелью красивые сувенирные сосуды под гжель для бальзамов и других напитков, также изготавливались подарочные наборы для чаепития и другие изделия. Но лучшим оказалось иностранное стекло, вернее, способ его приобретения за валюту со всеми вытекающими, а точнее притекающими возможностями.

Как-то телевидение показало доклад депутата Госдумы России известного народного артиста И.Д. Кобзона Президенту страны о со-

стоянии народных промыслов. Назывались и многие цифры. Весьма скромная из них в момент зарождения новой России – сто двадцать тысяч работающих народных промысловиков и почти в десять раз меньше их на сегодняшний день. Прозвучала и обнадеживающая цифра – пять миллионов человек занимается сейчас различными производственными и художественными промыслами индивидуально. Они рассредоточились по домам и квартирам, подвалам и гаражам и, подобно подпольщикам на оккупированной врагом территории, прячась от различных поборов и угнетения, фактически в новой России кормят себя и свои семьи и ждут нормального трудового устройства, без повальных подделок, нарушения авторских прав и компиляций. Что называется дожили!

Вот где демократическому государству проявить свои социально-технологические возможности устройства общества через принятие специальных законов, указов и постановлений не разъединяющих, а объединяющих людей, восстанавливающих историческую справедливость и открывающих новые возможности для пробуждения и развития коллективистских, свободолюбивых социальных ресурсов и резервов, коими так богат на генетическом и практическом уровнях наш народ.

Ан, нет. Его в мертвых объятиях сжала охватившая на изломе общества мамонофилия, которая сама по себе не исчезнет. Нужны системные государственные меры как карантинно-профилактического, так и социально-экономического характера. В свое время артель служила неприступным бастионом на пути распространения стяжательства, поглощая и нейтрализуя в себе любую ее бациллу. И государству не надо было тратить на это никаких усилий. За него всё решал реальный самодостаточный социализм.

Сегодня идет заметная ломка общественных отношений и в ней далеко не всегда доминируют ранее завоеванные многовековые традиции братства, справедливости и равноправия. Взять, например, те же товарищества совместного жилья, которые превратились по вине самого государства в источник криминальных проявлений и откровенного грабежа многих людей. Ранее были еще кондоминиумы. Как, не слабо для восприятия русскому человеку? А почитайте законы по этой животрепещущей проблеме российского народа. Она уже почти четверть века словно открытая, незаживающая рана не дает ему покоя ни днем, ни ночью.

Это происходит потому, что ими управляют по закону и по усмотрению чиновников нанятые фирмы или менеджеры. Можно ли представить хоть на мгновение, что так управлялась бы любая российская артель, где действовала система народоправия через избрание всех членов по очереди в состав правления и в таком же порядке назначе-

ния управляющих, строго подотчетных общему собранию. Нет, нельзя, потому что такое было невозможно ни при каких обстоятельствах артельного жизнеустройства, которое устраняло любой криминал ещё на стадии его зарождения.

Зато сейчас возможно все, особенно, если оно к тому же опирается на слепое копирование западноевропейского опыта, помноженного на чисто российские номенклатурные традиции. Слов нет, его и учитывать, и применять надо, но только после того как окажется исчерпанным свой собственный опыт жизнеустройства, опирающийся на национальные традиции, а также на проектирование и внедрение новых, наиболее эффективных социальных технологий. Это более сложный, не всегда и не везде успешный путь, но, как показывает наша собственная практика, он дает положительные результаты, закладывает основы будущего развития страны.

Очень жаль, но в настоящее время, несмотря на растущее возмущение в общественных настроениях и стоны постоянно ограбляемых людей, сделать хотя бы мало-мальски обнадеживающий прогноз не представляется возможным. Завуалированная продажа и перепродажа административных ресурсов через криминальные и полукриминальные схемы и за счет отъема кровных денег у миллионов людей продолжается и, вероятно, не скоро подойдет к концу. Придется повременить и с социализмом.

Глава III. От торговцев до перепродавцов: селекция паразитирующего класса

1. Торговый класс – цивилизационный транзитёр и творец глобального мира

В завершение предыдущего параграфа мы уже ввели ключевой термин перепродавцов, стремительно захватывающих все более значительные площади социально-экономического пространства страны. Подкрепим мрачноватый вывод статистикой, опубликованной в статье газеты «Аргументы и факты» под весьма красноречивым названием: «Главная «отрасль» нашей экономики – перепродажа». За последние 10 лет стоимость отрасли выросла почти на 25 процентов и до 690 триллионов рублей. Суммарный объем основных фондов торговли и общепита к 2013 году вырос более чем в 34 раза и составил около 15 триллионов рублей. Доля торговых площадок, ресторанов и гостиниц во всей экономике в XXI веке выросла с 1,5 до 23 процентов. Ни одна другая отрасль России не продемонстрировала такой впечатляющей динамики.

При этом, словно вирус, растет оптовая торговля. Если в начале двухтысячных количество перепродавцов превышало розничников в два раза, то в 2013 году это соотношение приблизилось к трем. Многие думают, что оптовая торговля – это торговля крупными партиями товаров. Нет, прежде всего у нас она обеспечивает дальнейшую перепродажу товаров.

Неудивительно, что в среднем за последние десять лет доля торговли и общепита во внутреннем валовом продукте страны составила 21 процент, что почти в два раза превышает аналогичный показатель по развитым странам. В Германии – 10,8 процента, в Финляндии – 12 процентов, во Франции – 13,8 процента. А это значит, что Россия по-прежнему остается страной перепродавцов, сжатой тугими мамонофилистскими тисками.

Как говорится, ни добавить, ни убавить, все предельно ясно. Тут не до высоких технологий, страна покупает, продает и перепродает – это ее главный путь, и она с него пока не сворачивает. Да и как она может свернуть, если уже сформировался и вышел на историческую арену новый класс перепродавцов или перекупщиков, что в общем-то одно и то же. Просьба только не путать его со старым, солидным классом купцов дореволюционной России.

Чтобы отбить у оппонента даже самую мысль найти хотя бы малейший повод для упрека, мы постараемся сразу же уточнить смысловое значение и произвести соответствующий сравнительный анализ. Начнем с истоков возникновения класса купцов или торговцев, который

образовался из объективных условий экономического развития еще в древности, и стал третьим после крестьянства и артельщиков по численности и влиянию на всю жизнь человеческого общества. Вчерашние земледельцы – купцы двинули его в неведомые дали цивилизационного взаимообмена и развития.

Почему-то принято считать, что глобальный мир возник в XX веке, и такое отражение реальной действительности нам кажется не совсем корректным. Будет более точным определить нынешний период развития общества как новую фазу, этап или стадию глобализации с возможной интерпретацией как информационно-технологической глобализации, зародившейся еще в недрах общинного строя в виде закономерного устремления людей к взаимному общению, обмену товарами, знаниями, опытом, культурными традициями и т.д.

По различным документам, летописям известно о роли купечества как торгово-промышленного городского сословия древних государств Европы, Азии и Африки. Более поздние исторические источники рассказывают о нем в России и Америке. Причем, данная информация выходит далеко за рамки редко встречающихся в современных словарях формулировок. Что же касается такой литературы по социологии, то в ней она вообще отсутствует. В целом основной смысл их заключается в том, что купец, торговец – это главный субъект предпринимательской деятельности по закупке и продаже товаров с целью получения прибыли, что заметно сужает и принижает их роль в развитии человеческого общества.

Представим себе реальную ситуацию древних и средних веков. Разрозненные народы живут обособленной жизнью, часто воюют друг с другом. Полностью отсутствуют средства связи и распространения информации, нет никаких международных законов, защит и гарантий. И вот находятся люди, которые берут у себя на родине конкретный товар и везут его на кораблях, верблюдах, волах или лошадях в дальние страны.

Сегодня, когда мы обладаем мобильной связью, огромными возможностями высокоскоростного транспорта, словом, различными средствами коммуникации, далеко не каждый человек может собраться в такую дорогу. А тогда на такой путь предпринимательства становились самые крепкие, мужественные и решительные люди. Они рисковали всем – своим здоровьем, имуществом, деньгами и даже своей жизнью.

Удивительными для нас остаются и проявления саморегуляции первых этапов глобализации, становления международных рынков. Известны документы, где излагаются сведения о тех установках, которые давали великие завоеватели и полководцы, порабовавшие целые народы и континенты, сжигавшие на своем пути все непокорные города и поселения, – не трогать ни при каких обстоятельствах отдельных

купцов и торговые караваны. А если товар, который они везли, был нужен войскам, его надлежало приобретать только за деньги или же в обмен на другие товары, приемлемые для торговцев.

При всех издержках царившего тогда насилия и бандитских грабежей, в целом процесс создания неразрывной связи всего земного пространства, соединяемого торговым классом, набирал обороты и становился необратимым. В этом была его важнейшая историческая миссия. Ее социокультурная составляющая, пожалуй, была еще более важной, чем торгово-экономическая. Купцы из своих дальних странствий привозили с собой образцы культурных традиций других народов и их искусства, строительства и архитектуры, образования и медицины, сферы обслуживания и быта. Не зря их называли послами доброй воли.

Именно их дух делового сотрудничества всемерно сдобривал почву для установления дипломатических, межгосударственных связей. Все их караваны и пути стали маршрутами мира и дружбы. Любая, самая жестокая война между отдельными государствами или союзами стран всегда заканчивалась в первую очередь возобновлением торговых отношений. Даже в тех случаях, когда за стол переговоров еще не успели сесть дипломаты и политики, за ним уже сидели купцы, которые вели деловые беседы, заключали контракты и двигались навстречу друг другу.

Безусловно, такой мощный в экономическом и, самое главное, отборный в социально-селективном плане класс занимал в любой стране мира соответствующее место в структуре общества. В России его называли третьим сословием. Специальными указами государей-императоров четко определялись статусные значения конкретно каждого его представителя, который входил в ту или иную гильдию купцов. Учреждались специальные награды и почетные звания. Государство ценило и заботилось о своем весьма важном классе, всячески оберегало и защищало его, не обременяло непосильными налогами.

Соответственно и сами купцы отвечали взаимностью. Они не стремились открывать свои счета в зарубежных банках и, как теперь модно говорить и делать, вывозить свои капиталы из родной страны. Собрать его нужный объем, они тут же старались вкладывать его в создание новых заводов и фабрик в России. В монографии достаточно подробно анализируются конкретные купеческие династии, показавшие пример величайшего гуманистического свойства, установившие традиции попечительства как к высокому искусству и науке, так и к социальному устройению работающих и безработных, бездомных и больных. Об этом наш читатель узнает из последующего материала.

Трудно перечислить всех славных представителей данного класса, кто стал первооткрывателем новых производств, основателем целых

отраслей промышленности, строительства, транспорта и сферы услуг. Своим беспримерным служением отечеству они заслужили высшую оценку всего российского народа, стали гордостью нации. Их имена могут совершенно справедливо украсить любой самый почетный пантеон нашей Родины.

И все же это было далеко не безгрешное сословие. Хватало в нем и своих мошенников, и пройдох, и мотов, и кидал. В том числе и тех, кого весьма красочно и ярко живописала родная литература и искусство. Особенно активно такие представители данного класса проявляли себя в среде посредников – перепродавцов, ростовщиков и спекулянтов. Они буквально как мухи на мед слетались в нее, сбивались в целые сообщества, размножались и всячески пытались занять лидирующие позиции в третьем сословии. Причем, начиная с древнейших времен и вплоть до наших дней. В ту пору социологии как статусной науки не было, поэтому зафиксировать сущность, общие черты и различия между торговцами-купцами и перепродавцами-посредниками никто не торопился. Все сходилось на одном классе торговцев, на него же списывались как все успехи и достижения, так и проблемы и издержки. И это далеко не адекватно достоинствам данного класса отражалось в общественном сознании и настроениях народа.

Разумеется, люди могли разобраться, чем различается купец, доставивший ткани из Китая по великому шелковому пути, и валютчик-спекулянт, дающий займы под процент деньги, или перепродающий эти же ткани другому перепродавцу, накручивая себе прибыль и обрекая конечного покупателя – потребителя на значительно завышенную цену и фактическое экономическое угнетение. Читали они и Библию, знают и про то, что Иисус Христос выгнал из храма именно менял, отделив его от торговцев, и по сути давший нам, социологам, важнейшее методологическое указание о более тщательном подходе к анализу социально-классовой структуры общества.

Однако же тысячелетние привычки мазать всех одной краской до сих пор действуют. Как и тогда, сегодня можно также услышать небрежно-насмешливое определение торгаш, в которое люди вкладывают такие отрицательные черты, как нечестность, стяжательство, коварство, безжалостность и другие. Рассуждают так: раз чего-то продает, значит обманщик и спекулянт, да к тому же еще и бездельник, живущий на шее народа и высасывающий из него все жизненные соки.

И здесь так просто установить историческую справедливость, убрать все тени прошлого и настоящего с торгового класса невозможно. Нужна кропотливая работа не только его самого по своей же собственной идентификации, как очень нужного, можно сказать, незаменимого социума во всей структуре общества, но и восстановлению российских традиций, знаков купеческого качества, слова и гарантий

покупателям. Сегодня люди своими глазами видят и на жертвенных примерах своего здоровья нередко чувствуют, что многие современные торговцы пытаются получить свою прибыль, что является сутью и искомой результирующей любого бизнеса, не на основе кодексов чести, правил и инструкций по перевозке, хранению и распространению различной продукции, а наоборот – через всевозможные подделки, подтасовки, ухищрения и махинации. И таких проявлений становится всё заметнее там и тогда, где появляется и размножается больше посредническо-перепродающих звеньев, возродивших на паразитической основе целый, весьма мощный класс.

2. Перепродавцы – образец перерождения в паразитирующий класс общества

Особенно ярко это проявилось в начале девяностых годов прошлого века, когда Россия стала на путь рыночных реформ. В ту пору казалось, что большая часть управленческих кадров, как по специальному мобилизационному призыву включилась в особую армию посредников – перекупщиков. Ладно номенклатурные работники всех уровней бывшей власти, им, как говорится, и все карты в руки, в которых были сосредоточены нужные связи, деловые коммуникации, опыт ведения переговоров, заключения контрактов и т.д.

Но тут же, рядом с ними, откуда ни возьмись, буквально из-под земли или прямо с неба появились целые отряды крепких и упитанных людей, в основном из представителей молодежи, которые буквально набросились на всё, что производилось, продавалось или хранилось в различных сферах хозяйства страны с единственной целью перепродавать это до бесконечного количества раз, набивая свои карманы и животы до отказа и сверх всякой меры мамоной, заработанной непосильным посредническим трудом.

Заключался он только в одном: найти того, кто что-то, неважно что конкретно, может продать, и того, кто это может купить и соединить их договором купли-продажи. Сам перепродавец – посредник своих денег обычно не имел, особенно в первоначальной, дикой фазе накопления капитала, и не нес никаких затрат, обязанностей и обязательств. А вот доход всегда планировал и, как правило, получал исправно в виде серого или черного нала, именуемого в фарцовой среде кэшэм.

Чтобы моему уважаемому оппоненту не было скучно, пригласим его разгадать одну незамысловатую загадку: где же могли находить такие товары представители молниеносно возродившегося и подобно микробиологической живности размножившегося класса перекупщиков, который заполнил буквально каждый хозяйствующий уголок необъятной страны? Так и думал, что догадается сразу – в необозримых

отсеках и закромах государственной собственности, принадлежащей якобы всему народу, которую бросились рвать на отдельные части самые нахальные и бессовестные его представители.

Сам же народ безучастно безмолвствовал, и данное его состояние отнюдь не являлось социологической загадкой истории, ибо по-другому многолетнее отчуждение от собственности выразить себя не могло. Люди не привыкли считать своей частью все то общее, что принадлежало якобы всем, в том числе и им, и они отделяли практику жизни от чисто пропагандистских уловок. Химера так и не стала реальностью ни бытия, ни сознания.

Зато она стала мощнейшим допингом в эпидемической вспышке и наступлении на все общество новой, невиданной доселе по масштабам волны мамонофилии. По сути дела это было мамоноцунами. Делать деньги ринулись, конечно, не все, кто умел их считать, а только те, кого допустили к таким расчетам. В те дни не было ни одной приемной руководителей центральных министерств и ведомств, глав регионов, мэров городов и директоров предприятий, где бы не наблюдались скопления прилично одетых и обутых бизнесменов со специфическим по цепкости и устремленности выражением глаз. Они ими буквально насквозь прожигали не только все стены и двери кабинетов, но и все пространство, вверенное их хозяевам, точнейшим образом определяя объемы и цены того, что здесь можно было продать или еще лучше перепродать.

Разрабатывались и осуществлялись самые невообразимые схемы распилов, откатов и обыкновенного расхищения бюджетных средств и государственной собственности. Сбиваясь в хищнические стаи и вступая во внеуставные отношения с быстро перевоплотившейся номенклатурой, класс перепродавцов – посредников вскорости закружил не только экономику, а все сферы жизни едва оправившейся от глобальных перемен страны в бесконечном водовороте различных махинаций и обманов, которые продолжают до сих пор.

Дело доходило до анекдотичных случаев, когда буквально через стену одного склада на другой или через забор одного завода на рядом стоящий через пять-шесть посредников перепродавался тот или иной товар с соответствующими ценовыми накрутками. Буквально всю страну, словно неукротимое стихийное бедствие, захватили тотальные взаимозачеты, которые фактически вычистили из ее экономики финансовые ресурсы и переместили их в карманы перепродавцов и их покровителей. Далее последовали большие хапки огромной общенародной собственности, вывоз капитала из страны и другие прелести принимабельско-капиталистического рая для своих, о чем уже писалось выше.

Хуже того, набравший силу посредническо-перепродающий класс стал оказывать мощное отрицательное воздействие на морально-нравственные устои общества. Резко поменялись жизненные цен-

ности и приоритеты человеческого общения. Родной русский язык заполнился криминальными и полукриминальными суржиками. Все это выплеснулось не только в подворотни и на улицы, оно захватило экраны телевидения и кино, театральные сцены и эстраду, литературу и журналистику. Все надежды общества на восстановление чести и достоинства торгово-купеческого сословия, обеспечивающего народу жизнь, оказались напрасными. Из закономерно ожидаемого возрожденца оно все больше превращалось в класс перепродавцов, который сразу же стал переходить в состояние вырожденца, расслаиваясь на различные группы кидал, крышевиков и махинаторов.

Самой характерной чертой этого хапужеского социума, как и следовало ожидать, стало невиданное усиление эксплуатации и угнетения людей, вольно или невольно согласившихся работать на него по найму. Данная реприза, возможно, покажется нонсенсом. Ведь наиболее распространенной моделью посреднических фирм, занимающихся в основном перепродажей, является семья. В крайнем случае в ее офисные апартаменты могут взять на работу секретаря-референта и бухгалтера. Здесь с эксплуатацией далеко не разгонишься.

А вот на пространстве перевоплощения перекупочного капитала в торгово-развлекательные комплексы, магазины, рестораны, игровые заведения и другие объекты сферы обслуживания возможностей для этого предостаточно. И даже, если на вас смотрят с улыбкой и вежливо беседуют их работники, при внимательном взгляде на них можно без особого труда почувствовать их угнетенное состояние, которое они тщательно скрывают под объективами камер постоянного наблюдения.

Непосредственно через знакомых и их корреляционные связи уже давно ведут свой мониторинг заработка этой весьма многочисленной категории людей, которая совсем незаметно отодвигается от официально установленной государством минимальной оплаты труда. При том, что их рабочий день или смена, как правило, увеличивается произвольным устным требованием работодателя начинать его на час раньше и заканчивать на час позже.

Поскольку это является грубейшим нарушением закона и ничем не обоснованным угнетением, никаких документов не составляется. Все делается якобы по обоюдному согласию, нередко сдобренному обещанием выдать в конце месяца премию, которую под предлогом различных замечаний и придинок тут же и аннулируют. А поскольку в стране скрытая безработица, по мнению академика С.Ю. Глазьева, составляет примерно 20 процентов, случаи трудовых конфликтов на эту тему происходят редко и разрешаются весьма оперативным и надежным способом – увольнением строптивых.

Возникает вопрос – к какому же социальному классу следует отнести этот многомиллионный по большей части женский отряд тружени-

ков российского полудоговорного полукапитализма начала XXI века, больше смахивающего на полуфеодализм, по состоянию своих прав и уровню эксплуатации напоминающий худшие образцы позапрошлого века? Ответ напрашивается один – к торгово-перекупочному пролетариату. И если бы я это написал в журналистском очерке, вряд ли кто бы стал спорить или выражать несогласие из-за трудностей обнаружения более точного определения. Здесь же научно-публицистическая монография и в ней недопустимы никакие алогизмы. Хотя, впрочем, с какой грани посмотреть на выбор исследовательской позиции, во всяком случае, у меня возникает всё больше и больше аргументов выделить этот социум и исследовать его как отдельный класс общества.

Однако историческая рентабельность класса перепродавцов, измеряемая, безусловно, только отрицательными значениями вышеописанных процессов, заключается еще и в том, что он фактически видоизменил главную суть государственного управления: все, что собирается в виде налогов с граждан, должно быть направлено из бюджета на их же нужды. На самом деле получается далеко не все. По мнению ряда экспертов, примерно 15 процентов туда не доходит, а точнее, не пропускается липкими руками посредников, действующими заодно с чиновниками – распорядителями бюджетных средств.

Это только кажется, что выстроенная вертикаль власти во главе с Президентом в стране держится на нем самом и опирается на всевозможные административные и силовые структуры. В основном это так, да не совсем. Есть еще и параллельная вертикаль, ядром которой является класс посредников – перекупщиков, разлагающих неустойчивых к соблазнам обогащения бюрократов всех уровней и составляющих вместе с ними замкнутую сверху вниз воровскую малину. Подкрепим конкретным примером.

В разгар осуществления национальной программы по здравоохранению они оседлали самый притягательный ее сегмент – закупку нового медицинского оборудования, особенно дорогостоящего. Тут и за выбором далеко не надо ходить – компьютерные томографы, имеющиеся во всех клиниках развитых стран, у нас исчислялись единицами в каждом регионе. Естественно, через электронный тендер такой важный прибор для непосредственно лечебно-диагностических целей и одновременно для научно-исследовательских и внедренческих работ, был закуплен НИУ БелГУ.

Все это происходило в 2010 году под громкий аккомпанемент очередного всплеска борьбы с коррупцией. На всякие лады в средствах массовой информации обсуждались примеры необоснованных растрат бюджетных денег, а каждый их распорядитель получил специальное письмо, где приводились факты завышения стоимости таких томографов до 120 и выше миллионов рублей за каждый. Генпроку-

ратуре было поручено проверить каждый факт такой сделки. Со всех сторон обложили бедолаг-перекупщиков, не продохнуть.

Конечно, мы были немало изумлены масштабами хищений, зная реальную цену не понаслышке. Указанное оборудование нами было закуплено за 45 миллионов рублей. И все же еще большее удивление вызвал через несколько месяцев телевизионный репортаж о посещении новой медицинской клиники олимпийских игр в Сочи Президентом РФ Д.А. Медведевым. Ему показывают только что приобретенный томограф точно такой же маркировки, спецификации и полной комплектации, как и наш. Первым был его вопрос – сколько он стоит? Руководитель уверенно ответил – 90 миллионов рублей, то есть в два раза дороже нашего.

Неизвестно, насторожила ли такая цифра руководителя страны, и он дал поручение разобраться, или же, как это часто бывает у любого человека, когда срабатывает эффект наиболее высоких значений и в памяти у него остались факты о 120 и более миллионов рублей, и, соответственно, названная цена не вызвала сомнений. Правда, вскорости туда прибыл Председатель Правительства РФ в ту пору В.В. Путин. Закрутились проверки, разоблачения и кадровые изменения, а народ до сих пор гадает, сколько же и кем там было украдено?

Или другой пример, непосредственно касающийся каждого человека – потребления рыбы. Кому как, а мне уже невыносимо смотреть телекартинки, где наши руководители напряженно решают годами проблему, возникшую на ровном месте. Суть проста: собственная отрасль разоряется, а Россия завозит рыбу из Китая, Вьетнама, Австралии, Чили и других дальних и самых дальних краев. И объясняется это тем, что ее невыгодно, то есть слишком дорого возить по внутренним магистралям страны. Тут же даются бесконечные поручения снизить тарифы, которые, конечно же, не выполняются, и снова проводятся протокольные совещания, переструктурируются органы управления отраслью и т.д. На самом же деле, как подсчитали эксперты, транспортные затраты в цене рыбы составляют всего лишь более 4 процентов. Рыбаки тоже бедствуют. А основная доля заработка – 68 процентов, достаётся все тем же перепродавцам. Они всегда за скобками протоколов и поручений. И так почти во всех сферах жизни, включая и оборонный комплекс.

Наконец упокоившись за десятилетия после жесточайшего истребления революцией души могучего российского купечества, если принять во внимание версию об их вечной жизни как особой информационной субстанции, вероятно, вострепнулись от неожиданного поворота истории и безжалостного извращения сущности их сословия. Скорее всего ни один купец прижизненно не мог в свое время даже в самых фантастических размышлениях представить себе картину современного бытия, судьбы своего наследия и своего класса.

3. Перепродавцы всех стран, объединяйтесь!

Не мог представить и я, когда в штате Кентукки США повел интенсивные, изнурительные переговоры по созданию программы прямых региональных рынков в 1991-92 годах, о чем целесообразно вкратце поведать с упором на конкретную детализацию. Ключевым здесь стало приглашение меня на заседание регионального отделения Ротари-клуба, элитной общественной организации, объединяющей бизнесменов многих стран. Быть в его составе считается высококачественным позиционированием себя в обществе.

Проходило оно в огромном зале приемов в форме делового ужина. Все сидели за ресторанными столиками, звучала тихая музыка, официанты подавали напитки и еду. Ведущие непринужденно вели одобренную всем залом программу мероприятия. Безукоризненно строгим был лишь ритуал, связанный с исполнением гимнов. Вначале одному за другим предоставлялось слово для кратких сообщений представителям налоговых, правоохранительных, финансовых служб города, затем членам правления клуба для объявлений.

Никаких пространных докладов, как мне тут же удалось уточнить, там никогда и никем не делалось, что для человека, вышедшего из сплошных многочасовых и сверхмногословных заседаний и совещаний, было очень удивительным. Собственно, для меня это было первое в жизни общественное мероприятие, весьма удачным образом сочетающее в себе официальную статусность и дружеское человеческое общение в обстановке полной раскованности и свободы, исключавшей всякий формализм и заорганизованность, в коих буквально утопало подавляющее большинство советских номенклатурных ритуалов и форумов

Больше всего поразило то, что ни один из выступающих не произносил никаких вводных, формальных фраз, призывов, задач и пространных рассуждений. Вся технология деловой информации отличалась четкостью, лаконичностью и рационализмом, нередко разбавляемых ко всеобщему одобрению юмором. Чувствовалось, здесь знали цену каждому слову и каждой минуте времени. И это был довольно-таки зримый результат формирования современной культуры делового общения.

Вслед за рядом поздравлений и чествований юбиляров – членов клуба, которые энергично, без лишних словопрений провел один из ведущих, на собрании было объявлено о моем присутствии и целях поездки. После приветствия аплодисментами поступило предложение принять меня в члены клуба, что и было сделано общим голосованием. На сорок первой минуте официальная часть заседания завершилась и началось броуновское неформальное общение бизнесменов друг с другом.

Тогда встреча с российским профессором-бизнесменом была большой диковинкой и вызывала неподдельный интерес в любом окружении. Ко мне подходили, знакомились, обменивались визитками, задавали вопросы, выдвигали разного рода предложения. Со стороны можно было подумать, что идет встреча с какой-то мировой знаменитостью, но я не расслаблялся ни на минуту.

Внимательно вглядываясь в лица коллег, нетрудно было заметить весь спектр отношения и к нашей стране, и к нашему народу – от любознательно-заинтересованного, дружественного и до небрежно-сдержанного. Но от меня не ускользнуло общее выражение настороженных взглядов американцев, когда они задавали одни и те же вопросы – кто у нас контролирует ракеты или не разрушилась ли с распадом СССР ракетно-ядерная система безопасности?

Отдельные люди даже откровенно, сочувственно сетовали на то, что напрасно США содействовали распаду Советского Союза. Один пожилой бизнесмен очень внимательно посмотрел мне в глаза и взволнованно спросил: не станет ли это геополитической катастрофой? Услышав мой ответ, что это уже катастрофа, он долго стоял с сокрушенным видом возле меня, желая продолжить беседу.

Мне же было не до него. Я, словно на аукционе или на конкурсе, пытался определить, выбрать из множества предложений встретиться и провести переговоры о сотрудничестве, наиболее подходящий вариант. Передо мной мелькали десятки лиц и визиток, с красовавшимися на них названиями корпораций, компаний и предприятий, – одно солиднее и крупнее другого. Убедившись в безнадежности такого занятия, выбрал какой-то Центр международного сотрудничества, в офисе которого утром следующего дня должны были пройти переговоры с его президентом.

Неожиданно для меня офисом солидного центра оказался частный коттедж, а президентом – его хозяин, рядовой адвокат, который в наступательной манере обрушил на меня десятки прайс-листов с предложениями цен на товары, которые я должен был купить, разумеется, только по предоплате. Другие варианты не подлежали даже обсуждению. Уже в первые минуты делового общения мне хотелось откровенно признаться, что я никогда ничем и нигде не торговал и не собираюсь этого делать, да и в кармане у меня имеются только командировочные доллары.

Перехватив инициативу у не в меру напористого партнера, попытался ему рассказать вкратце о программе прямых региональных рынков между Кентукки и Белгородчиной, но он продолжал настойчиво продвигать свою перекупочную технологию. В конце концов взялся за вариант опорной точки для организации моих переговоров и предложил увесистый список своих коллег – перепродавцов, готовых завалить Россию всевозможными товарами.

Так я непосредственно не только познакомился, но и окунулся лично в прогремевшую тогда на весь мир рейгономику. Такое название получила программа экономических реформ Президента США Рональда Рейгана, направленная на преодоление кризиса в стране. Главный ее смысл – создание налоговых, кредитных и административных мотиваций для образования миллионов новых предприятий малого бизнеса. Справедливости ради отметим, что она сыграла свою положительную роль в повышении деловой активности различных слоев населения. Сам видел ряд производственных предприятий, созданных в восьмидесятые годы инициативными американцами, а еще больше мигрантами, в том числе из СССР, но их доля была весьма скромной. Они попросту растворились в многомиллионной армии перепродавцов, которые, пользуясь льготами, значительно пополнили этот и без того не хилый класс американского общества.

Они устремились по всему миру, используя каждую возможность выходных дней или отпуска, а также по месту своей работы для перепродажи всего и вся. Я сначала недоумевал, когда ко мне после заседания клуба подошел попрощаться его ведущий, известный хирург, очень богатый человек, который протянул мне руку и с загадочно-притягательной улыбкой спросил, мне не нужен цемент? Если бы я стал его пациентом, ответ был бы только положительным, независимо от моих реальных потребностей в цементе.

Аналогичный случай произошел в парикмахерской, где мастер, подстригая меня, как бы ненароком спросил, не мог ли бы я продать в России мясные продукты в большом ассортименте? Знал точно, что их у нас не хватает. Затем это повторялось во время других встреч. Казалось, что вся Америка думает только о том, как что-то продать или перепродать. Все стало на свои места в моем восприятии, за исключением американской экономики, которая к тому времени уже входила в другой кризис – инвестиционных паевых фондов. Последние не выдержали натиска перепродающих рейгономистов, выводящих денежные средства из реального производства и одновременно перегревающих финансовые рынки, и рухнули вместе с ней.

Еще более разрушительные, глобальные последствия для экономики США и всего мира нанесли перепродавцы ценных бумаг, так называемых деривативов, то есть бумаг третьего ряда в системе ипотечного кредитования жилья. Их придумала и внедрила многомиллионная армия посредников, вначале образовавшая, а затем надувшая этот мыльный пузырь до таких размеров, что он взорвался в конце 2008 года, и подобно всеохватному атомному взрыву, сбил с ног фактически всю экономику мира. Пока подняться ей не удастся и по сей день.

Лишь сами США бодрой походкой выкарабкиваются из него, для чего воспользовались своей исключительностью. Доллар-то общими-

ровая резервная валюта, которую никто не контролирует. Напечатали их сколько надо, вбросили в свою экономику для ее разогрева и с самодовольным видом поглядывают на остальных по существу ослабленных конкурентов, а точнее на то, что плохо у них лежит и может благополучно и беспрепятственно перебазироваться в карман дяди Сэма.

На минуту переключим внимание читателя, а заодно и немного расслабим оппонента, на один исторический экскурс. Июль 1944 года. В центре Европы, а точнее в белорусских болотах доблестные войска Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, удивительно сочетающего в себе качества самого талантливого и берегающего солдат полководца, добывают миллионную группировку хваленого фашистского генерал-фельдмаршала Моделя. Впереди уже не свет в конце тоннеля, а зримый, прямой путь на Берлин, куда устремился недавно, под завершение войны высадившийся экспедиционный корпус генерала Д. Эйзенхауэра. Ему даже в самом благостном сне не могла присниться вышеназванная Белорусская операция, а что позднее случилось наяву с американской армией в болотах Вьетнама, хорошо известно.

В это время на другом конце Земного шара в городе Бреттен Вудсоне США собираются руководители министерств финансов более сорока ведущих стран мира, в том числе и СССР. Здесь проходит Международная конференция, которая имеет полномочия определить главную резервную валюту мира. И она ее определяет – доллар США, к тому времени возмужавший, набравший сил на двух мировых войнах и не знающий уже даже равных себе, не говоря о конкурентах. Последний из них, английский фунт стерлингов, тут же навсегда выбывает из группы лидеров мировых валют вместе с исчезающей скоростью Британской империей.

И все вроде бы вытекало из логики исторического развития, если бы не одно но. Доллар-то сам принадлежал не государству по имени США, а Резервному фонду, являющемуся частной структурой, учрежденной группой ведущих бизнес-магнатов, в числе которых династии Ротшильдов, Морганов, Рокфеллеров и т.д. То есть в результате одномоментного акта теперь огромное количество стран стали частью валютной корпорации, а не наоборот.

Что же получилось: еще не принята капитуляция гитлеровской Германии, а весь мир уже капитулирует и попадает в самую ключевую финансовую зависимость не к мощному государству, а всего лишь к кучке его богатеев. От такого комментария оторопь берет. И почему, интересно, он не излагался десятки лет ни в одном советском учебнике новейшей истории, да и ведущие аналитики и эксперты о нем тоже скромно умалчивали и продолжают умалчивать, – в чем здесь загадка?

Ладно, пропустим этот вопрос. Тут одновременно напрашивается другая, более глобальная и значимая тайна: как мог И.В. Сталин, опирающийся на самую могучую и уверенно побеждающую армию и оказывающий в то время решающее влияние на ход мировых событий, пойти на такую явную капитуляцию? Причем, по-тихому, без лишних обсуждений и информации – диктаторы не любят в таких делах публичности. Попытаемся вникнуть и обозначить три основных момента возможной мотивации руководителя СССР.

Во-первых, он ясно понимал, несмотря на военное могущество, отсталость и слабость экономики страны, разрушенной к тому же войной, и ее валюты – рубля, фактически изолированной и маловключённой в общемировое хозяйство, и считал такую финансовую зависимость, с одной стороны, безысходной, а с другой, – не особо влияющей на наше по сути самостоятельное развитие по новому пути. Во-вторых, ложась под доллар, есть шанс, как он мог предполагать, получить солидную финансовую помощь от США для восстановления основных сфер народного хозяйства. А дальше, следуя восточной хитрости и коварству или просто так, кинуть своих вчерашних союзников и кредиторов, тем более они сами вели головоломную игру в поддавки с нашей страной, стремясь к своей выгоде и гегемонии. В-третьих, здесь очень пахнет еще какой-то более важной и глобальной тайной мировой закулисы, о чем свидетельствует ряд последующих уже послевоенных событий. Однако нам не дано ее разгадать.

Мы лишь можем наблюдать плоды превосходства и господства США, их положительные и чаще всего отрицательные последствия и оценивать прогнозы экспертов о времени окончательного заката однополярного мира, которого очень не желают властители этой страны. Несомненно одно: невиданная доселе капитуляция всего человечества перед кучкой финансовых воротил и сегодня является открытым и очень мощным каналом его ограбления, которое успешно обходит все законы капитализма и его главные формы получения прибыли. Отсюда – исключительность и бесцеремонность американского характера, которую не любят во многих странах.

Американцы это прекрасно знают. Но такое знание переносят без особой застенчивости, о чем свидетельствуют многочисленные заявления президентов этой страны и их практические шаги на международном арене. Более того, они откровенно предупреждают всех, что не любить и тем более противодействовать их бесцеремонному вмешательству во внутренние дела других государств, навязыванию различным народам своих жизненных стандартов и ценностей дело вовсе не безопасное и не безнаказанное. Любому грозят как минимум экономические санкции, а то и свержения законных руководителей, бомбардировки соответствующих территорий.

Кстати, такое доминирование нельзя распространять на весь американский народ. Многие люди, политики и бизнесмены, деятели культуры и искусства придерживаются совсем иной точки зрения. Они считают, что пора заканчивать гегемонию над всем миром, так как ни к чему хорошему она уже не приводит сегодня и повлечет еще более серьезные опасности для страны в будущем. Она уже не укрепляет дух нации, а ослабляет, подтачивает его. Видимо, что-то должно случиться, чтобы такая точка зрения возобладала в американском обществе.

Не слишком ли мы уходим от темы – вежливо напоминает о себе оппонент. Нет, своих дорогих и близких к данному тексту перепродавцов мы в обиду американцам не дадим, наоборот, всячески усилим их роль и могущество. За кратчайший период, равный историческому мгновению, они прошли такой селективно-спекулятивный путь, что могут свободно дать фору заокеанским аксакалам-посредникам, имеющим за плечами многовековой стаж.

Конечно, нашим, возможно, еще не под силу инициировать мировые кризисы, но, скажем, резко поднять цены на недвижимость во многих Европейских странах, не говоря уже о родной столице Москве и других крупных центрах страны, удалось вполне оперативно и без особых перекупочных потуг. Не хилыми выглядят и родные усилия по широкомасштабному вывозу капиталов из страны, что вызвало заметный подъем инвестиционных усилий и всей экономики Запада.

Многие думают, что вывезенные из России более триллиона долларов легли в офшорные банки и там спокойно лежат, ожидая распоряжений их хозяев из Москвы, Санкт-Петербурга или иных городов. Наивное заблуждение. Покинув пределы Родины, этот капитал покидает и своих владельцев, при этом он попадает в распоряжение не экзотических мини-стран, где находятся искомые банки, а прямо в руки американских финансовых тузов. Теперь они их истинные хозяева. И ситуацию эту не может изменить ни военная мощь страны – обладательницы данной ценности, ни ловкость и изворотливость ее удачливых мамонофилистов.

Впрочем, за более детальными разъяснениями удобнее обратиться непосредственно к главной сути объявленных и осуществляемых против нас санкций. Нет, это не оговорка, санкции действительно прежде всего направлены против нас, то есть каждого россиянина. Ведь это всех нас годами объегиривали всевозможными способами, собирая столь увесистый кэш. Теперь он арестован, заморожен, значит сбор следует повторить по новому кругу. Надо ли быть догадливым, чтобы понять, с кого его будут брать. Так что, какие наши годы?

Опять же, не успела Россия выкарабкаться хотя бы по основным показателям после кризиса 2008-2009 годов, как тут же вскорости снова начала плавный, а потом и резкий обвал экономики и рубля. Называются

три причины: падение мировых цен на нефть, санкции против нас и внутреннее состояние экономики. Говорят чаще всего о ее сырьевой зависимости, но это не живая зависимость. А что, точнее, кто стоит в основе живой? Правильно и моментально определяет читатель – класс перепродавцов в союзе с трудовой номенклатурой и совместно с принимаемыми, которые денно и ночью, опираясь на средства массовой информации, специально нанятых учёных и экспертов, всячески маскируют свои эгоцентричные действия и бездействия, направленные на удовлетворение своих интересов и потребностей, ставших уже безразмерными.

4. Капитализм для своих – питательная среда развития посреднического класса

Данные строки пишутся под аккомпанемент выступлений на ежегодном Давосском форуме первого вице-премьера Правительства РФ И.И. Шувалова и бывшего вице-премьера и министра финансов А.Л. Кудрина, позиционирующего себя теперь как конструктивного оппонента руководству страны. Оба говорят фактически об одном и том же и давно всем известном, оппонировать больше для приличия друг перед другом незначительными деталями. Одна за другой идут оценки экономического состояния страны, которая испытывает более жесткую посадку, чем в 2008 году. Наступающий кризис будет более тяжелым и затяжным. Надо экономить на всем, отвыкать от своей испорченности ценами на нефть сто долларов и выше, жестче и быстрее проводить непопулярные реформы, особенно по реструктуризации основных хозяйственных отраслей.

Невольно возникает необходимость применения классового подхода – а кто, какие классы были испорчены высокими ценами на нефть, кому они были выгодными и радикально улучшили жизнь? Среди подавляющего большинства крестьян, рабочих, специалистов, предпринимателей, артельщиков, отходников, охранников ни одна социологическая служба или научное подразделение страны такой испорченности не заметила, не выявила, да и выявить не могла. Главный эскорт валютно-сырьевого потока, впервые за многовековую историю страны свалившегося на неё в таких ранее даже немыслимых масштабах, прошёл мимо основной части народа.

А то, что ему принадлежало с ломившегося от тяжести перегрузки рентоолигархического стола в виде номенклатурного распределения для нужд пенсий, науки, образования, культуры, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и инфраструктуры, очень мало, а в ряде случаев и совсем незаметно повлияло на качество жизни людей. Не будем же мы относить к таковым появление сияющих невиданным никогда блеском и роскошью многочисленных торгово-офисно-развлекательных комплексов, к описанию которых мы вернёмся далее по тексту. Так что

по объектам испорченности выступающие обратились по существу к самим себе и своим коллегам по политбюрократии, принимаемому и перепродающему классам, а также частично к творческой интеллигенции, участвующим в разделе и упаковывании в закордонных пенатах огромного и поистине всенародного природно-сырьевого пирога.

Убедительно звучат кудринские выводы о том, что политика руководства страны, сделавшего ставку на госкорпорации, фактически провалилась. По сравнению с американским гигантом-капитализмом малого и среднего бизнеса наш в десять раз меньший экономический карлик, представляющий капитализм крупных госкорпораций, не справился с глобальными вызовами никакими способами, включая главный – накачивание их безразмерными денежными вливаниями. Они не сумели и не должны были превратить даже в таких сверхльготных условиях экономику в инновационную. Перед моими глазами тут же возник весьма любопытный пример из недавнего прошлого. Телевидение в своей пиар-манере показывает взыскательный разговор Д.А. Медведева, в ту пору Президента РФ, с В.А. Чемезовым – руководителем госкорпорации «Ростехнологии», объединившей в себе огромное количество промышленных предприятий.

Последний пытался что-то даже возразить, но тут же жестко был подавлен отрицательными оценками в работе и строгими предупреждениями. Вскоре новая встреча, только в более непринужденной обстановке, с глазу на глаз, призванной с помощью телевидения показать руководителю страны и всему народу, что выводы из критики сделаны и в качестве положительного примера тут же на стол было выложено готовое инновационное изделие.

Уточнения ради отметим, что в ту пору слова модернизация и инновация произносились, если и не чаще выражений приветствий и прощаний, то во всяком случае их трудно было не услышать десятки раз за день любому телезрителю, в любых передачах. Инновационным стали называть всякий мало-мальски измененный предмет. Как из-под земли возникли целые инновационные регионы, города и даже их лидеры. Без слова инновации не произносились ни один официальный доклад или выступление, в ход пошли бесчисленные инновационные инициативы, конференции, выставки, сюжеты теле- и радионовостей. О совещаниях и заседаниях и говорить нечего. Их повестки тоже запестрели в новомодном словесном обрамлении. Как тут не вспомнить советский агитпроп.

И это при том, что главный смысл данного термина свидетельствует только об одном, совершенно точном значении: инновационное, значит ранее не имеющее место быть как в материальном, так и в нематериальном мире предметов, явлений и открытий. Прежде всего это абсолютно новое знание и абсолютно новый продукт, сделанный на основе его практического применения. А любое видоизменение

старого продукта – это всего лишь рационализация, оптимизация, усовершенствование, но никак не инновация. Однако в данном случае телевизионщики этого не заметили или не захотели заметить.

И вот на глазах всей страны ее руководителю предъявляется мобильный телефон как доказательство инновационного развития отрасли. На вопросы, когда он поступит в продажу последовал ответ – через год. А кто его делает? Совместное производство на Тайване. Тут же телекамера была выключена без комментариев. С тех пор прошло уже пять лет, а в руках россиян по-прежнему одни Сименсы, Нокии да Эпплы. Наши же заявленные публично инновации с далекого зарубежного острова так и не смогли доплыть до родных берегов. А может доплыли, да об этом мало кто знает, и только новый специальный телевизор может исправить положение дел, правда, с явным опозданием.

В нашу задачу не входит анализ проблем госкорпораций, это дело специалистов. Нам надо отследить как на них влияет класс перепродавцов, и что он там делает. А может его туда не пускают и на порог? – встречается с наивным вопросом наш беспокойный цензор. Как же, госкорпорации – это прежде всего госзаказы, бюджетное финансирование, особое обеспечение ресурсами, а это как раз та среда, где посредники чувствуют себя всегда, как рыба в воде. Они здесь и главные герои, и организаторы, и исполнители всех инноваций, заключающихся во всевозможных перепродажах.

В этом их не заменит никто. Ни один чиновник и хозяйственный руководитель не обходится без привлечения этих незаменимых субъектов бизнеса. Они выстраиваются в целые цепочки, создают различные структуры и даже объединения структур, организующих всю технологию расходования государственных средств вплоть до научных исследований. Исключение составляет только фонд заработной платы самих госпредприятий и то только в первом приближении. Само штатное расписание позволяет много маневров для инновационно-посреднических и принимающих действий.

Где-то прочитал интересную формулу: государство – это определенное ограниченное количество индивидуумов, правящих с неограниченным аппетитом. В применении к современному государству можно было бы добавить: это никем не определенное и нечем не ограниченное число управляющих. Особенно это характерно для его прозорливых отроков – госкорпораций, главный оплот капитализма и одновременно коммунизма для своих. Своих друзей, своих детей и родственников и их такого же многозвонного повторения в зависимости от количества создаваемых структур для обслуживания и использования государственной собственности, которая, как мы помним, является общенародным достоянием.

Понятно, что это только де-юре, де-факто же это собственность, которой безраздельно распоряжаются представители все той же но-

менклатуры. Тем более, что для перехода из одного состояния в другое требуется лишь ловкое движение принимающей руки, и капитал, нажитый непосильным трудом по ее управлению. По форме советских времен вроде бы многое не поменялось, за исключением объемов кэшевого довольствия, которое, судя по просачивающейся неофициальной, а иногда и объявляемой официально информации составляет немислимо заоблачные величины. На некоторые из них можно содержать не одну тысячу бюджетников. И это зачастую только видимая часть многочисленных айсбергов, бороздящих все более ослабеваемую льдом кризисов экономику страны.

Читатель и без данного описания знает, что так оплачивается не титанический, самоотверженный труд суперталантливых и высокопродуктивных управляющих, не имеющих ни минуты покоя. Отнюдь нет. Основную деятельность за них выполняют вездесущие посредники посредников и стоящих рядом с ними перепродавцов перепродаваемого. Сами же они оказываются на самой вершине огромных мегапирамид, по объемам значительно превышающих любую из известных египетских рудиментов древности.

Как-то я по-дружески попросил одного крупного руководителя показать мне структуру госкорпорации, в которой он работал. Несмотря на то, что мне большую часть трудовой жизни приходится заниматься социологией управления, бизнесом и непосредственно руководящей деятельностью, разобраться в ней я так и не смог. Кроме многоуровневого и многозвонного структурирования самой компании, к этому добавлялось еще практически бессчётное количество учрежденных ею собственных так называемых дочек, которые в свою очередь утверждали целую армию внуков и правнуков, плавно перешедших из щедрых государственно-собственнических объятий в частные руки.

Ее трудно даже воспроизвести на бумаге – вряд ли возможно найти формат такого папируса, где бы все это разместилось наглядно. Да и делать это нецелесообразно и рискованно. Данные структуры очень подвижны, часто меняются, объединяются, взаимопоглощаются, то есть запутывают ситуацию и лишь через многоходовую комбинацию выходят в виде какого-нибудь нового национального достояния страны – очередного торгово-развлекательного комплекса. Опубликуешь одно содержание, а в жизни оно совсем другое. Надо ли напоминать в оправдание оппоненту и читателю, что такое деяние можно классифицировать как клевету на честную и порядочную организацию, что и будет вполне справедливо, как и положено по закону, доказано в суде. Ну а чью сторону примет последний тоже вполне понятно каждому.

И все же хочется посоветовать молодым и наиболее дерзким исследователям досконально подойти к изучению данной проблемы и сравнить, сколько, например, управляющего люда сидело по отдель-

ности на нефтяной и газовой трубе в советское время и сейчас на всем их протяжении, как это выражается в стоимости их услуг. Обязательно надо не забыть при учете многочисленный персонал контролёров, охранников, водителей и прикрепленные к ним автомобили, сервисные службы и другие разросшиеся по масштабам и непомерной численности обслуживающие организации и посреднические фирмы. Несомненно, этот анализ будет вполне впечатляющим, эффективным и поучительным, особенно в плане преодоления внезапно возникающих и часто повторяющихся потрясений общества.

Известный экономист М.И. Делягин открыто утверждает, что в условиях кризиса под видом стимулирования экономики поддерживаются лишь уничтожающие ее спекулянты.¹³

Придерживаясь такой же позиции, добавим одно уточнение. Класс перепродавцов является и одним из ключевых авторов данного кризиса. Сразу оговоримся по поводу неминуемого вопроса, зачем ему нужно подливать масло в огонь нестабильности? Затем, что данный класс не просто ничего не теряет в моменты социально-экономической турбулентности, а наоборот находит все больше возможностей и шансов для своего обогащения. По поводу свежиспеченного приличного навару на разнице курсов первый заместитель председателя комитета Госдумы РФ по бюджету и налогам О.Г. Дмитриева направила запрос в Счетную палату о расследовании этой истории.

Расшифровал их объемы непоколебимый борец с перепродавцами В.А. Мельниченко, который прямо сказал, что на разнице курсов больше триллиона рублей заработали «нефтяники», триллион рублей заработали «банки».¹⁴ Вопрос, кому же нужно производство, можно оставить за скобками повестки дня, так как на нем такие деньги можно заработать только напряженным, многолетним трудом всего народа, которому не дают это спокойно делать. Приводит он и еще один убедительный пример, полученный, видимо, из надёжных источников: при покупке ВР «Роснефтью» российская казна недополучила налоги в сумме двенадцать миллиардов долларов,¹⁵ потому что опять деньги прошли через офшоры. Так липкие руки перепродавцов, словно мощнейшим насосом выкачивают их из кровеносных сосудов экономики, забирают их у стариков и детей, бюджетников и работников других сфер.

Именно благодаря мощнейшему воздействию перекупщиков крестьяне – производители молока продают его по 10-15 рублей за литр, а в магазине покупатели приобретают за 30-40. Нефть во всем мире дешевеет и вместе с ней соответственно падает цена на горюче-смазочные материалы, а в нашей стране наоборот – растет. Идут сообщения о том, что прокуратура стала возбуждать дела по незаконному взвинчиванию цен на хлеб при том, что последние урожаи по зерну рекордные за многие десятилетия. И такие примеры можно перечислять до бесконечности.

Ряд российских городов, особенно Москва, бьют мировые показатели по ценам на товары повседневного спроса и, самое главное, этот разбег никем не приостанавливается, он продолжает перекупочное ограбление населения и вымывание денег из реальной экономики, оставляя в ней лишь объемы, необходимые для продаж или перепродаж сырьевых запасов страны. Уточним это на конкретном примере.

В результате работы горнодобывающего и металлургического предприятий в России получили 1 тонну металла, что дало приблизительно от 100 до 200 долларов прибыли в виде налогов бюджету страны. Далее эта тонна через цепочку перепродавцов экспортируется, скажем, в Японию, где из нее делают 2 тысячи фотоаппаратов, каждый из которых дает прибыль бюджету примерно 150 долларов. Умножаем на 2 тысячи, затем полученную сумму 300 тысяч долларов делим на 200 долларов, то есть на полученную прибыль от тонны стали, и получаем разницу в 1,5 тысячи раз большую, чем от всех непомерных трудовых усилий отечественных шахтеров, транспортников и металлургов.

На такую импортоиграющую сырьевую иглу подседа музыка еще советской экономики, о чем уже тогда забили тревогу многие хозяйственные руководители и экономисты. Правда, тогда только зазвучали первые её аккорды. С высоких трибун объявлялась задача сменить такую пластинку, но она продолжала закручивать вплоть до потери равновесия весь народнохозяйственный комплекс огромной страны, руководство которой уже было не в состоянии остановить производство тысяч танков и орудий, миллионы снарядов и пуль и наладить выпуск женских колготок и детских игрушек.

Даже когда принимались радикальные меры по прекращению продажи Японии через братскую социалистическую Болгарию наших гусеничных тракторов, которые тут же, прямо на рейде кораблей, попадали под разборку и прессование для последующей переработки в телевизоры, магнитофоны, стиральные машины, бритвы и другие товары широкого спроса по вышеописанной формуле прибыли.

И это еще не все. Данные товары перепродавцы по своей цепочке, наваривая себе в карман в каждом ее звене, продадут россиянам, всю свою маржу потратят на личное потребление, свободные деньги оставят в зарубежных банках на своих счетах и счетах своих покровителей, а оборотные средства направят, конечно же, не на развитие отечественной промышленности, а на новые торгово-посреднические операции.

И это в официальных докладах именуется совершенно безобидным и вполне деликатным определением «вывоз капитала». В дополнение для бизнеса растут налоги и повышаются кредитные ставки и банковские проценты по ипотеке. Все происходит в точности, как и прописано

но в правилах Международного валютного фонда, которые действуют, заметим, только в развивающихся странах. США, Евросоюз, Япония выходили и выходят из кризиса по противоположным рецептам, в которых предусмотрены почти нулевые размеры банковского процента по кредитованию и различные льготы для предпринимателей.

Ясно любому, что главной питательной средой размножения и развития перепродающего класса является коррупция. Чем больше охватывает она основные сферы жизни общества, тем заметнее растет численность тех, кто посредничает по любому поводу и даже без него, просто по инстинкту и по привычке. В свою очередь, чем больше возникает перекупщиков и их структур, тем откровеннее и масштабнее становится коррупция. Безусловно, и это уже подчеркивалось выше, такой взаимозависимый и взаимообусловленный процесс окрашивался, стимулировался и саморазвивался мамонофилией, которая для данного класса уже давно перешла порог эпидемии и превратилась в пандемию.

Она преследует человека повсюду, где протекают его основные жизненные процессы, не отпуская даже во сне от мыслей, переживаний и воображений о деньгах, об их количестве, приращениях и потерях. Мамонофилия формирует объекты желаний и целеполагания потребления тех или иных предметов и вещей, поведения и общения людей, становясь их внутренним рабством и насилием над собой. Она соединяет воедино действия многорукого государства, которое постоянно обирает людей, лишает их прав и свобод, и многоликого посредничества, высасывающего из него самого и из всех слоев населения жизненные соки, нейтрализующего и тормозящего все их прогрессивные начинания и мотивации. Кроме одной – добычи любой ценой новой порции денег.

По существу главных признаков – это класс, паразитирующий одновременно на развитии и торможении, на обогащении и обнищании, на успехах и неудачах. Словом, на всем, что сопровождает социально-экономические процессы в обществе. Самое же существенное заключается в том, что зачастую перепродавец не проявляет себя в чистом и отчетливо определенном социальном статусе. Нередко он выступает как функция, всячески маскируется, мимикрирует и маневрирует в различных слоях и группах, о чем наглядно свидетельствуют примеры из американской рейгономики. У нас также свою основную посредническую функцию может успешно выполнять любой государственный чиновник, работник госкорпораций, служащий бюджетник, представитель правоохранительных структур. Важна при этом только умелая маскировка и то не всегда обязательная.

Все зависит от специфики руководства и управления страной, которая может всячески стимулировать и поддерживать посредничество в ущерб другим слоям населения, а может и ограничить его мамонофилистские аппетиты. И, если читатель услышит или прочитает те-

зис о том, что это обязательный компонент рыночной экономики, без которого немыслимо ее функционирование, пусть знает, так может сказать только тот, кто выполняет сам функции посредника будучи крупным государственным чиновником, научным экспертом, хозяйственным руководителем или банковским служащим. Или тот, кто выполняет заказ на продвижение такой точки зрения.

На самом деле данный социум это тиски, сдавливающие рыночное пространство, зажимающие свободу и самостоятельность его главных действующих агентов – производителей, продавцов и потребителей. Это сильнейший тормоз в развитии практически всех сфер жизнедеятельности общества, питательная среда для сокрушения морально-нравственных и духовных устоев народа, демобилизующая и парализующая его энергетические ресурсы.

Посредничество в отличие от других слоев общества очень организованный и настойчиво отстаивающий свои интересы класс. И он не ждет каких-то подачек и милостей от власти, во многих отношениях – это уже сама власть. Достаточно внимательно посмотреть на качественный состав ее представительных и исполнительных органов, и можно увидеть не просто группы лоббистов в них, но и множество их прямых представителей. Они свободно открывают двери любых кабинетов, продвигают удобные себе законы и постановления, побуждают чиновников обслуживать их перепродажные интересы и потребности на взаимовыгодных условиях.

Через специально создаваемые структуры ведется постоянная ротация кадров государственных служащих и посредников, тем самым легализуются их доходы от перепродажной деятельности. Как и в любом деле важную роль в этом процессе играют родственные, земляческие и корпоративные отношения, особенно в условиях несменяемости тех или иных органов власти и их руководителей. В неформальном общении люди, негативно оценивая их конкретные действия, часто говорят: а что вы хотите, нами же управляют лавочники. Подразумевают же они под этим обобщением перекупщиков и перепродавцов.

И последнее замечание по этому вопросу. Крайне важно функционально разделять тех действительных продавцов или торговцев, которые выполняют важнейшую связующую роль между производителями и покупателями товаров и тех, кто образует многозвенную цепочку перепродаж. Современные коммуникации и информационные технологии позволяют сегодня любой стране значительно увеличить количество первых и уменьшить число вторых. Если же реальная ситуация выглядит со знаком наоборот, как в вышеприведенной аналитике по России и отдельным Европейским странам, значит, в таком случае здесь доминируют негативные социально-экономические процессы.

Глава IV. Предпринимательский класс – основа развития человеческого общества

1. Социально-технологическая сущность зарождения, возрождения и саморазвития

Изменения в общественной трансформации начала девяностых годов вызвали шок не только у рядовых граждан страны, но и непонимание сути происходящего даже в научной среде. Всё происходило по непривычным схемам, быстро и противоречиво. Возникали неясные до конца экономические и управленческие структуры, зарождались или возрождались новые политические силы и течения, в том числе из старого, давно забытого прошлого, которое, казалось бы, навсегда каленым железом выжжено из памяти, удалено из истории.

Такой же запутанной оказалась и социально-классовая структура современного российского общества. Принято считать, что с изменениями общественного строя и отношений собственности на историческую арену в стране, как и положено в соответствии с закономерностями развития капитализма, вышел и стал набирать силу возрождающийся класс предпринимателей. Но и тут далеко не всё однозначно. Казалось бы: осуществляя структурно-функциональный подход и делая самые разнообразные статистические модели хоть в линейном, хоть в ином исполнении, и получишь любые обобщения, любой вариант динамики нового для нас явления.

Ан нет, здесь придется обратиться к нестандартным способам анализа. Попробуем произвести несложное семантическое упражнение с понятием «предприниматель». Его структура состоит по сути из двух объединённых слов, имеющих разные значения в зависимости от сочетания с другими существительными, прилагательными и глаголами. Первое слово – «пред» означает «впереди чего-либо», «предварительность, заблаговременность действия». Второе – «приниматель» – означает «взять в своё владение, в управление чем-либо».

В русском языке эти слова часто применяются по-отдельному, придавая тем или иным выражениям самые различные смыслы и значения. Их же соединение в одно слово «предприниматель» рождает не просто новый, уникальный термин, оно создает целостный социально-технологический процесс во всём его многообразии операций и процедур. То есть, чтобы что-то получить, присвоить себе и т.д., надо сначала пройти первую стадию «пред», в ходе которой оценить ситуацию, спрогнозировать её вариативное развитие, разработать целеполагание, выбрать правильные решения, наиболее рациональные и инновационные способы реализации, подходящих партнёров по

взаимодействию, определить механизмы регуляции и саморегуляции, контроля и самоконтроля, учесть все риски, провести необходимые действия по осуществлению намеченного результата и только потом взять в свое владение достигнутое, заработанное.

Именно в данном, неразрывном единстве замыслов, мотиваций и действий можно стать предпринимателем. А по большому счёту так ведь родился и сформировался и сам человек, способный к воссозданию и развитию жизни, изменению окружающей действительности и самого себя через приращение новых знаний и способов жизнедеятельности, передачу их новым поколениям. А может человек только принимать не принадлежащую ему собственность без каких-либо предварений, усилий и действий по созданию своего конкретного продукта и результата? Да, может. Но в таком случае его нельзя назвать предпринимателем, так как он, минуя фазу «пред», сразу стал принимаемелем. Понятно, что процесс этот непростой, он требует специальных условий, мотиваций, государственных решений и т.д. Его очевидное разделение на два отдельных самостоятельных процесса – предпринимательство и приниматьтельство, побуждает нас к определенным выводам.

И главный из них заключается в том, что предпринимательство – это многовековой, глобальный, общечеловеческий процесс, осуществляемый на индивидуальном и коллективном уровнях как уникальные по содержанию и многообразные по форме социальные технологии. Здесь будет уместным воспроизвести авторскую точку зрения на определение социальной технологии как специально организованной области знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека, направленной на достижение намеченной цели в условиях нарастания взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов.

Проявление и воздействие предпринимательства на жизнь человеческого общества в различных странах происходит по-разному, с учетом исторического опыта, национальной специфики и особенностей социально-экономического развития. По сути предпринимательство можно сравнить с высшей математикой, а приниматьтельство – с простой таблицей умножения. Тем более удивительными и значительно неадекватными с точки зрения затрат и усилий выглядят результаты анализируемых процессов.

Что же в действительности получилось в дважды за век перевернутой вверх дном России? Ещё на заре приватизации и возникновения нового бизнес-класса сразу же выделились две основные группы. Следует заметить, что мы не оспариваем существующие варианты типологизаций предпринимателей, а лишь обосновываем и отстаиваем свой авторский взгляд на проблему. Первую группу, а именно предпринимателей, составили бывшие теневики и действовавшие коопе-

раторы, торговцы черных рынков, челноки, представители научной и творческой интеллигенции, сферы обслуживания и производства, фактически прекративших своё существование.

Не имея необходимой материально-технической базы и денежных средств, они буквально на личном энтузиазме, знаниях, энергии и опыте взялись за развитие собственного бизнеса, создание рабочих мест и самостоятельное решение социальных проблем своих семей в подавляющем большинстве без поддержки государства. Все традиции, селективные возможности, опыт старших – все это сгорело в огне революции. Возрождение старого класса началось на пепелище истории.

Каждый субъект предпринимательства, не имея корней и соответствующих позиций преемственности, должен был стартовать по своему разумению и возможностям. По существу не зная теории социальных технологий, как и его далекие предки, он должен был их продумать, спроектировать и осуществить индивидуально. Причем, в исключительно сжатые сроки. Галопирующая инфляция молниеносно ликвидировала все финансовые запасы на черный день и на финише надуманного социализма уравнила подавляющее большинство людей. На исходной позиции, пусть и не продолжительное время, новых денег не было фактически почти ни у кого. А жить, кормить и растить детей, содержать семьи нужно было и сегодня, и завтра без перерывов и остановок. Казалось только чудо может спасти людей, и оно случилось.

Самый наглядный тому пример – челночный бизнес. В него включились по некоторым оценкам более 10 миллионов трудоспособных граждан страны, представляющих различные отрасли народного хозяйства. На первый взгляд – это гигантская спекулятивная кампания, далёкая от нормальных ценностей жизни. И большая доля истины в таком утверждении есть. Но масштабы явления, причины его возникновения, механизмы саморазвития и социально-экономические последствия оказались незаслуженно недооценёнными обществом и абсолютно неисследованными наукой.

А ведь по сути это феномен самовывживания, самоспасения народа, фактически брошенного распавшимся государством. Конечно, сравнения с Великой Отечественной войной здесь некорректны, однако аналогии по многим аспектам напрашиваются сами собой. Вначале бессистемные, но заметно активизировавшиеся ко всеобщему удивлению социологические исследования начала 90-х годов зафиксировали ряд уникальных показателей социального состояния общества и его отдельных категорий в тот период.

В частности, нам удалось установить, что в составе челночных групп, а они комплектовались в автобусном формате, до 70 процентов были женщины. Примерно таким же отмечалось соотношение среди уличных и рыночных торговцев. Именно женщины, осознав всю

глубину безысходности и отчаяния, вынуждены были броситься на прорыв и ликвидацию внезапно нахлынувшей беды, взвалили на свои плечи в буквальном смысле баулы с одеждой и продовольствием и, преодолевая невероятные трудности, стали главными кормильцами и снабженцами всего народа. Как тут не вспомнить войну!

Впечатляющие успехи челноков, а за 7-8 поездок в Турцию или Польшу можно было в ту пору купить квартиру или легковой автомобиль, не только свели на нет такие обидные оценки, как – «спекулянты», «фарцовщики» и пр., в общественном сознании эта всенародная эпопея утверждалась как единственная надежда на сохранение основ всей жизни. В самом деле, нестандартный, но эффективно самоорганизуемый труд челноков стал сперва основой для первоначального накопления капитала, а затем и надёжной базой возрождения многих отраслей производства и сферы обслуживания.

Так, к середине 90-х годов было восстановлено жилищное строительство, активно заработали предприятия стройиндустрии, машиностроения. Вспомним несбыточную мечту советского человека о машине «Волга», непреодолимые трудности с приобретением автомобиля «Жигули». С 1992 года конвейеры обоих автогигантов заработали и теперь производят легковые машины на свободный рынок без очередей и блата. А как радикально обновились сферы торговли, общественного питания, связи и бытового обслуживания, где в каждом регионе появились сотни предприятий, оснащенных новейшими технологиями и предлагаемых разнообразных услуг населению, что было непреодолимым препятствием для плановой экономики на протяжении десятков лет.

Это наши героические женщины при поддержке мужчин, многие из которых к тому моменту утратили своё главное предназначение – быть добытчиками семьи, не просто заполняли различными товарами, вплоть до ранее невиданных, экзотических видов, полностью опустевшие прилавки магазинов и рынков, они зарождали, осваивали и развивали новые непривычные социальные функции, меняли, хотя и не без перекосов и издержек, мировоззрение, жизненные установки и ценности общества.

Возьмём один примечательный факт. Не секрет, в советских школах детей учили освоению до 10 основных цветов, в японских – до 200 различных оттенков. Впоследствии, это вкупе с однолинейной архитектурой и незамысловатым дизайном, когда жилые дома массовой застройки, детсады, школы, больницы и даже дома культуры напоминали по форме увеличенные, горизонтально положенные или вертикально поставленные спичечные коробки, приводило к примитивному мышлению и ущербному восприятию жизни.

Но не только сами товары невиданных расцветок, фасонов и моделей, их упаковки и свойства меняли нашу жизнь, быстро менялись

сами люди. Главное, в их сознании шла поистине кардинальная перенастройка состояния перманентных ожиданий, надежд и гарантий со стороны государства на вектор самовыживания, опоры на собственные силы, возможности и ресурсы. И что самое важное – на вполне самодостижимый успех. Казалось бы, для России самоорганизация это всегда проблемная сфера деятельности, а тут – экстремальные условия, и такой впечатляющий результат.

Менялись маршруты и расписание кораблей, поездов и самолетов, как из-под земли, в один момент появилась невиданная по масштабам логистика международных пассажирских и грузовых перевозок, которые обслуживали миллионы людей. Причем, создавались наиболее удобные для них условия, беспрепятственно удовлетворялись любые возникающие потребности в бизнесе и отдыхе. Вспоминаются попытки в советское время сменить неудобное расписание фирменного поезда «Белгород–Москва». Почти два десятка лет руководители области и города доходили вплоть до Политбюро ЦК КПСС, но так и не смогли это сделать. Челноки, оседлавшие этот поезд, быстро добились, и он стал приходить в Москву не поздним, а ранним утром, как и требовал того бизнес.

Представим хоть на минуту, что было бы, возьмись за данное дело власти, так и не сумевшие в плановом порядке обеспечить людей товарами повседневного спроса. Постановлений, совещаний и заседаний, проверок и перепроверок, графиков и отчетов, суеты и неразберихи оказалось бы столько, что большинство челноков не смогли бы сдвинуться с места. И как на везение предпринимателям, власти к этому делу сначала даже не притрагивались, но через какое-то время опомнились и приступили к своему привычному занятию – планомерному обиранию людей, фактически освободивших государство и тех, кто им правит, от забот по своему трудоустройству, лечению, социальному обеспечению. И что самое важное – они не протестовали, не шли на баррикады и просили только об одном – не трогать их, не мешать, не угнетать проверками и поборами.

Челночный бизнес стал гигантской школой обучения, воспитания и спасения для молодёжи, выброшенной из привычной жизненной колеи. Люди, почувствовав свободу, учились по-новому, без идеологических ограничений думать, смотреть на мир, передвигаться по своему усмотрению, включаться в интересующие их социокультурные процессы. И никакие отрицательные проявления и последствия этого противоречивого явления не могут заслонить его поистине историческую миссию. Состоялось выживание народа, страны, и этим сказано больше, чем всё.

Будет уместным, кстати, привести одно авторское наблюдение о результатах такой социальной селекции, полученной с несколько нео-

жиданной социологической позиции. Речь идёт о студентах уже нового XXI века. В ходе знакомства с ними и в целях получения информации о их социальном самочувствии мною регулярно проводится одно незатейливое по форме, но очень важное по содержанию социальное упражнение. Каждый студент в течение 45 минут должен на отдельном листе бумаги написать как можно больше слов, начинающихся с «само».

Очень простым и доступным предлагается и критерий оценки проделанной работы. Если респондент напишет 50 и более слов, значит это оценка отлично, в этой и будущей жизни его ждут успехи, удачи и надёжные гарантии; если 40 и более слов – просто хорошие перспективы и результаты в жизни; если 30 и более слов – то соответственно удовлетворительные достижения вперемежку с неудачами и различными трудностями; если же 20 и менее слов – то это неудовлетворительный балл и такой человек обречён в основном на неудачи в выборе основных жизненных путей своего развития.

Результаты данного упражнения всякий раз оказывались весьма интересными как в обобщённом виде, так и для каждого студента, который получал по существу свой социальный паспорт, пусть и не лишённый определённой одномерности и погрешности. Но ещё более впечатляющими выглядят различные корреляции. Обычно отличники, составляющие 9-10% ответивших, оказываются в подавляющем большинстве воспитанниками родителей, занимавшихся в 90-е годы челночным бизнесом. И наоборот, долю неудачников в 20-25% составляют, как правило, выходцы из семей, где никто не занимался и не занимается предпринимательством.

Отсюда вывод об огромных, поистине неисчерпаемых социальных резервах и высокой мобильной готовности нашего народа к преодолению любых бедствий. Автору этих строк пришлось неоднократно выражать своё несогласие с утвердившейся в современной социологии и политологии точкой зрения о том, что первый Президент РФ Б.Н. Ельцин, имевший крайне низкий рейтинг доверия граждан, был переизбран на второй срок благодаря энергичным мерам группы олигархов и политтехнологов, мобилизовавшим административные, финансовые, материальные, телекоммуникационные и другие ресурсы для достижения его победы.

Не лишним будет повторить ещё раз: этот результат обеспечили миллионы предпринимателей и, прежде всего, челноков вместе с членами их семей. Кстати, мною было предложено учредить правительственную награду – памятную медаль «За заслуги перед российским народом в развитии предпринимательства», которую вручить всем челнокам и бизнесменам, не запятнавшим себя криминальными проявлениями.

Однако вместо такой заслуженной награды руководство страны приняло вскоре после победы на президентских выборах очень эф-

фективные меры налогового, таможенного и другого характера, которые не просто затормозили, а почти полностью прекратили челночное предпринимательство в стране. Хотя, в силу временности и вынужденности это явление было и так обречено на самоугасание, но память о нём осталась в воспоминаниях людей, в произведениях искусства, в том числе в скульптурных композициях, появившихся в некоторых городах. Народ не забывает своих героев! Тем более героев своего самовывживания.

2. Старые и новые русские в отблесках сбывшейся американской мечты

И все же нельзя не отметить еще одну особенность. Её мне хочется выразить, что называется, дуэтом с известным предпринимателем А.С. Паникиным, к сожалению, рано ушедшим из жизни, но успешным удачно пофилософствовать и посоциологизировать по данной проблеме. Поразившись его методологической продвинутой, мне ничего не остаётся как со своими вкраплениями, уточнениями, редакциями и заставками выставить ещё на одно прочтение наши по сути очень схожие и во многом совпадающие суждения.

В России на протяжении всей истории всегда было государство – раздробленное или единое, но не было единой нации. Здесь сотни лет совместно жили две ее составные, совершенно самостоятельные и разные по ментальности части. Одну часть можно назвать элитной, господствующей и относительно свободной по своей самоселекции. В нее входили все так называемые имущие классы, которые генерировали развитие образования и науки, культуры и искусства, архитектуры и зодчества, производства и сферы услуг. Это был класс – хозяин, класс – управленец, класс – создатель и носитель русского духа, передающий его из поколения в поколение.

Именно благодаря классу опережающей цивилизации – пусть это будет попыткой определения, его таким выдающимся представителям как А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Д.М. Менделеев и многим другим мы почувствовали себя русскими по мировоззрению и духу. Его еще больше скрепили и упрочили выходцы из крепостных крестьян, составлявших большую, вторую часть нации, которую можно определить как отстающей, заторможенной цивилизацией, которая в лице М.В. Ломоносова, М.С. Щепкина, Сергия Радонежского, Ивана Кулибина и многих других своим талантом и подвижничеством становились свободными и пополняли ряды элитного класса.

Всей своей жизнью и деятельностью они как бы давали надежду, готовили почву для сближения двух родных по крови и православному духу и очень далеких по социальному статусу частей одного и того же

русского народа, сплавивая его в единую нацию. Но образовавшаяся между ними имущественная, образовательная и культурная пропасть была такой глубокой, что ни засыпать ее отменой крепостного права в 1861 году, ни наладить мост через внедрение в массовое сознание идеи скрепления и объединения, выраженной в лозунге «Самодержавие. Православие. Народность» стало невозможным.

Главной особенностью функционирования высшего класса была теснейшая, в буквальном смысле родовая связь с европейской цивилизацией, ее включенность практически во все сферы развития и повсеместное повторение аналогов на необозримых российских просторах. Трудно найти такую губернию в XVIII, XIX и начале XX веков, где бы не было построено микрогерманских, микрофранцузских, микроитальянских и других уголков жизни. Была создана неповторимая усадебная культура со своими школами, больницами, театрами и музеями, которая превосходила и по масштабам и по качеству даже бурно развивающуюся эмигрантскую культуру США, воспроизводимую выходцами из различных стран Европейского континента.

Хотя бывшие конкистадоры воспроизводили качественно и добротно, в чем мне пришлось неоднократно воочию убедиться с борта самолета и из окна автомобиля. Глядя на красиво ухоженные усадебные постройки с небольшим садом, парком, прудом и стандартными коммуникациями, словно рассыпанные чьими-то заботливыми, аккуратными руками по всем штатам Америки на расстоянии 5-10 километров друг от друга, понимаешь, что миллионы европейцев подались в неведомые дали будучи не только самыми сильными, храбрыми и отчаянными, но и очень умными и работающими. Родные места они покидали из-за безземелья, нищеты и всю свою любовь к матушке кормилище земле вкладывали на новых территориях поселения.

Нашим свободолюбивым только для себя самих элитантам-дворянам и никоим образом не для других, более многочисленных, веками забытых крепостническим рабством, казалось, что достаточно на риторическом уровне повторять объединяющие словосочетания о православии, самодержавии и народности, делать какие-то экономические и социальные послабления, и жизнь будет продолжаться в привычных условиях и дальше. Хотя немалая часть отборной русской нации занимала и более самокритичную позицию. Они понимали, что любая западная нация возникала не на объединительных лозунгах, а в ходе многосложного и многовекового процесса развития свободы и права, чего в России в реальности не было никогда.

А коль то, чего нет в действительности, в силу этой же причины являлось еще и непонятым, немотивированным, излишним, невозможно было надеяться, что оно станет фундаментальной ценностью и потребностью жизни у нас. Еще Иван Грозный, не очень удачно пы-

тавшийся поджечь на Британской королеве, изумлялся и возмущался тем, что последняя при принятии своих высочайших решений вынуждена была учитывать мужицкое мнение. Ему были невдомек даже те первые права и свободы граждан, которые уже через полвека получают бурное развитие в ходе Английской буржуазной революции.

У нас же самодержавие было на века забетонированным институтом власти для себя и в самом себе. Государь не служил народу, а весь народ служил государю. И весь процесс этой всеохватывающей государственной службы имел в основном одностороннее движение, в котором обратная связь не предусматривалась. Что касается православия, то институировавшая его церковь в лице своих иерархов, проиграв неоднократные попытки стать над самодержавием, фактически стало его бюрократическим придатком. И это, похоже, навсегда. Ну а наиболее, казалась бы, близкое и ясное для самых широких слоев населения и для каждого человека в отдельности понятие народности оказалось весьма туманным, далеким и запутанно-дискуссионным. Никто не знал, что это такое в действительности раньше, и сегодня оно является предметом научных и публицистических споров. Означает это только одно – термин неработающий, как и вся конструкция, в которую он вмонтирован.¹⁶

Заметив атаку слева внимательного оппонента, поспешим с ним согласиться. Да, я действительно разделяю точку зрения В.И. Ленина о том, что в каждой нации есть две нации, о чем и свидетельствует вышеприведенная интерпретация. Но не более того. Не мог же столь прозорливый и умный теоретик не заметить, что единая нация в России так и не родилась, а значит стоит проявить политическую ловкость и изворотливость, и можно без особого труда посредством государственного переворота превратить войну империалистическую в гражданскую, а затем сделать мало кому понятный пролетарский интернационализм национальной идеей огромной империи, попутно сконструировав такое противоестественное образование как единый советский народ.

Все это претензиозно замешать на мессианской идее мировой революции и коммунистического братства и бросить в топку ее бессмысленного, разрушительного пожара все наличные ресурсы России. И людские, и материальные, и природные. Ясно, что это парадоксальная, губительная идея самоуничтожения. И согласиться с ней не может ни один здравомыслящий человек, в том числе и перегоревший в ее пламени автор данной работы.

Кстати, идейность является одной из важных отличительных черт нашего народа. И это замечали и продолжают замечать многие исследователи безо всяких привязок к революции. Не может он жить без идей и, соответственно, без их вечного поиска. Ищем уже много

веков, чего только не находили и не перепробовали на практике, а по сей день нужную и самую приемлемую для жизни отыскать не можем. Идеи для нас все – и политика, и идеология, и экономика, и быт. Активизировавшийся в последние реформационные годы процесс, и без того никогда не затихавший, выносит на поверхность всенародного обсуждения такие перлы сегодня, что даже комментировать неудобно. И все же попробуем.

Один государственный деятель, взглянув на статистику соотношения туалетов и нужников, вдруг азартно прошумел на всю страну, что большая половина ее народа по-прежнему в исправлении своих неотложных нужд ходит до ветру. А, следовательно, именно туалет является ее национальной идеей. Другой совсем недавно договорился до того, что национальной идеей страны должно стать строительство жилья. Уж не учился ли он на специальных курсах у М.С. Горбачева, объявившего свое обязательство перед народом построить всем и каждому к 2000 году благоустроенное жилье, тем самым прервав и многолетнюю традицию заветренно-подветренных мучений.

Неужели таким идеологам неизвестно, что благоустроенное жилье и туалеты являются не идеей, а первостепенной жизненной потребностью каждого человека, которая в цивилизованном мире обеспечена или обеспечивается в безотлагательном порядке без всякого обоснования национальных приоритетов. И это видели наши победоносные солдаты и 70, и 100 лет назад и даже ранее в Европе, которую они освобождали от захватчиков и агрессоров.

Надо сказать, вся эта идейная чересполосица не просто прижилась на теле России. Нередко идеи ее сплочения и единения, расширения своего жизненного пространства, прорыва в космос и т.д. обретали такую силу и мощь, что становились одновременно и спасением, и защитой, и мотивацией к развитию страны по пути прогресса. Отсюда – их живучесть и одновременно абсолютизация, триумф и трагедии, наполнение их подъемом народной энергии и, наоборот – подрыв и ослабление его жизненных сил. Геополитическая катастрофа СССР – наглядное тому доказательство, к сожалению, не ставшее уроком для многих любителей обеспечения бесперебойной работы вышеописанного генератора идей. Очевидно, пока он даже не притормаживает, у нас за это хорошо платят.

Теперь, когда срок Моисеева брожения по пустыне переходного периода у нас истекает, а к оазису нормальной жизни реальных подходов пока не наблюдается, есть опасность шархануться в противоположную от ставшего уже привычным интернационализма, особенно для старших поколений, к национализму. Безысходность и неопределенность многих государственных позиций, запоздалость в осуществлении ряда неоспоримых и неотвратимых реформ лучшие из стимулов к такой подмене.

И вот уже запели арии об извечной ущемлённости русских, об обидах, им наносимых, о нашей гордости за самих себя пробудившиеся великодержавные басы. Заводили хороводы государственного собирания всех русских под святые купола матери-родины те, кто четверть века уже заседают в российском парламенте и пальцем ни разу не пошевелили в защиту оказавшихся в одночасье за ее рубежами и брошенными соотечественников. Мигрантов принимаем миллионнами, а своих же приютить и обустроить не можем.

Правда, по ходу развития драматической ситуации на юго-востоке Украины, связанной со стихийным наплывом беженцев, Президент страны принял ряд действенных мер по ускоренному и упрощенному получению гражданства русскими людьми, которые до этого должны были через многолетние бюрократические препоны доказывать свое право на жизнь в родной России. Хочется верить, что и другие действия государства закроют навсегда эту позорнейшую страницу его истории.

И здесь не нужно никаких риторических сопровождений лоснящихся от приличного кэшевого довольствия защитников нации, возбуждения националистических настроений. Они хоть и повышают градус общественной активности и прилива энергетических сил и надежду народа, но лучше все же поискать и задействовать для этого другие ресурсы, скажем, более конкретного социально-экономического характера. И в их числе главный – свобода личности, которая хоть и гарантируется Конституцией РФ, но требует, как мы уже констатировали выше, очень серьезной работы над собой и со стороны государственных, социальных институтов, и со стороны каждого человека.

Причем, у государства этот процесс выглядит гораздо проще, доступнее и намного быстрее, чем у людей. Но свободы нации, народа в целом не может быть без свободы ее главной, неотъемлемой части – отдельного человека. Без этого невозможно и формирование национального самосознания, выдвижения и продвижения любой национальной идеи, к которой нам ещё предстоит обращаться по ходу текста. Свобода – это поистине наша спасительная сила, которая способна преодолеть любые препятствия, помочь выстроить современное государство и экономику, наладить жизнь всех людей, включая и обреченных, не имеющих возможности вести ее самостоятельно.

Под дулом насилия можно сделать атомную или водородную бомбу, но вряд ли возможно сконструировать и запустить в производство сотни и тысячи различных научных, медицинских, бытовых приборов и оборудования, композитных материалов и селективных видов растений и животных. Без обретения свободы не состоялся бы ни один наш национальный герой. Не состоялось бы и возрождения в 90-е годы старых русских, коих почему-то совершенно одиозно называли новыми русскими, – класса предпринимателей новой России, о которых

мы писали ранее. Именно они первыми воспользовались свободой в открытии новых возможностей обретения прежде всего самих себя и освобождении творческих сил личности.

Для них идеалы свободы не оказались приманкой к накоплению собственности и денег любой ценой. Наоборот, они не побоялись безвременья и криминально-чиновничьего беспредела и по зову генетической памяти предков, сохранявшейся почти целый век до востребования, начали сдвигать с мертвой точки казалось бы уже навечно застывшее и несдвигаемое. Вот как об этом рассказывает замечательный русский писатель, бизнесмен Александр Лапин, вынужденный после распада СССР пережить трагедию чужеродства, миграции и написавший об этом пронзительнейшую трилогию «Русский крест».¹⁷

У нас предпринимателей не любят ни государство, ни народ. Почему-то считают, что кто-то что-то приватизировал, кого-то грабил и сбежал. Но я сам, эти люди, о которых пишу, выжили и сами построили бизнес. Они работают, кормят свои семьи... Это не компрадорская буржуазия, которая торгует ресурсами и пользуется наделами-вотчинами. Мы за всю свою жизнь ничего не приватизировали. Живем достойно. И нам есть чем гордиться. У нас есть книги о революции, войне, социалистическом строительстве, но о том поколении, которое пережило 90-е годы и выстояло, книг нет.

Наше поколение смогло приспособиться, построить новую жизнь, пусть и далекую от желанной и совершенной, но полную новых надежд. Оно тоже имеет право, чтобы о нем кто-то сказал доброе слово. Мы жили, мы любили, мы боролись, мы создавали. Какие замечательные слова выбрал писатель. При этом он бережно хранит в своем сознании и памяти Советский Союз – страну, где мы все родились, где прошла наша молодость и сформировалось все то доброе и ценное, что позволяет жить и теперь.

Читаешь «Русский крест» и словно листаешь страницы в своей собственной жизни. Когда на твоих глазах все рушится, миллионы соотечественников в одночасье теряют работу, местожительство, остаются без средств к существованию и надо заново учиться жить. Но каким образом, с кем и где? Как же трудно было переходить из состояния советского человека в новое для нас качество – старых русских. Подчеркну, именно переход в старые русские предприниматели был нашей мечтой и нашими, порой спонтанными и нелепыми действиями. Оно стало для нас переходом к новой судьбе. И это был осознанный выбор.

Мы уже своими глазами видели, как быстро и легко зарождались новые русские, выковыривая лучшие куски собственности, вырывая их с силой и наглостью из рук народа, спекулируя на нищете и бесправии тех, кто даже умирая, привычно ждут того, кто пообещает их накормить и приютить.

Лишь в особых условиях нашей страны, из ее парадоксальной колыбели они могли возникнуть. Новые русские не упали с Луны, не родились, а именно возникли в современном российском социуме и обогатили не только наше общество еще одним компонентом разнообразия, но и уверенно сошли со страниц газет и журналов, теле- и киноэкранов в объятия общемирового пространства социологии.

На какой только лад не исследуют и не обсуждают их ученые всех гуманитарных мастей, какие системообразующие и просто дифференциальные характеристики им не выдают. А все сводится к одному главному типу. Новый русский – это гражданин постсоветской России, ставший очень богатым за счет присвоения теми или иными, чаще всего воровскими способами, казенной собственности и пользующийся особым покровительством государства.

А вот кто это в более кратком выражении, пусть из трех раз угадает наш неугомонный преследователь – оппонент. Разумеется, приематель или мамонофилист. Угадал с первого раза – молодец, не зря зорко рецензирует наше исследование. Новый русский – это пусть и не образ национального героя, пока он не дотягивает до этой высокой планки, но вполне отвечающий критериям героя нашего времени. Вот бы увидели его, да не одного, а множество на царских приемах, балах и деловых встречах М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, М.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.П. Чехов и другие корифеи культуры позапрошлого века. Каким колоритом неожиданного изумления и беспросветного трагизма наполнились бы строки их бессмертных произведений.

Все же, как живописали бы они новых русских, видя перед собой реальные образы, можно как-то представить, хотя бы в отдаленном приближении. А вот какие бы они нашли слова и выражения для описания современной эпохи, тут надежда на реальное представление с ходу теряется. Да разве можно вообразить невообразимое, находясь в здравом уме? Тут уж лучше подождать появления на литературном небосклоне страны современной фигуры, адекватной нашим могучим классикам. Нет сомнений, она уже родилась, подрастает, а возможно уже и выросла и скоро скажет на весь мир свое громкое пронзительно-правдивое русское слово.

Очень хочется, чтобы нашлось оно и для каждого представителя достойнейшей династии Бахрушиных и им подобных. Да такое слово, после которого обязательно последует дело, последует подлинное возрождение нашей многострадальной Родины. На всякий случай можем и рецепт от Бахрушиных предложить. Если бы они только одни попечительствовали, отдавая все заработанное, подчеркнем особо, в размере годового бюджета Москвы, а он сегодня измеряется примерно шестьюдесятью миллиардами долларов, то нынешним новым

русским все отдавать из более чем одного триллиона долларов, о чем отмечалось выше, совсем необязательно.

Жертвовать пятнадцать бюджетов столицы возможно и не нужно. Отделите все вместе хотя бы один в пользу нуждающихся людей, и это будет весьма эффективным началом. Любая, даже самая значительная доля таких отчислений, не изменит, господа приематели, ваше безбедное существование. Да и жертвовать-то будете вы не свое, нажитое непосильным трудом, а принятое от народа. Зато очень заметно это повлияет на развитие и обустройство не только столицы, а и всей необъятной страны. Глядишь и излечение от мамонофилии наступит незамедлительно, да и государству не нужно будет метаться между офшорными огнями, то зажигать их, то гасить. Тем более, что последнее дается с очень большим трудом и маловыразительными результатами.

Не надо быть наивным, чтобы надеяться на благотворительный порыв новых русских, на их попечительскую социализацию и превращение в традиционно старых предпринимателей. Да, они под воздействием невероятных ситуаций своего обогащения менялись. Частью деградировали и элементарно пропадали, теряя все нажитое ударным приемательским трудом. Некоторые, заразившиеся мамонофилией, стремительно переходили в ее высшую фазу протекания и становились несусветными хапугами и моральными уродами, монстрами.

Мы понимали, как легко можно делать деньги из воздуха и порой с трудом преодолевали свой отказ от заманчивых предложений бизнесменов, набивших оскомину на этом, самом неблагоприятном, но очень эффективном деле. Нам предлагали и прихватизацию, и приемательство государственных объектов на условиях «50 – на 50» с действующими тогда чиновниками. Были и другие соблазны.

Однако на все это мы не пошли даже тогда, когда безденежье сдавливало мертвой хваткой еще ненастроенное трудностями и лишениями предпринимательское горло, и когда приходилось брать убийственные кредиты под 50-60 процентов годовых и потом ежедневно, а в критические моменты их возврата и ежечасно дергаться во сне и наяву. И такие фильмы ужасов надо было не только выдерживать, но и двигаться вперед, демонстрируя уверенность в своих силах и оптимизм. Хотя для кого демонстрировать – больше для самих себя, что особенно было важно.

Прошло уже много лет, а я до сих пор сам для себя не могу дать ответ, почему, на основании каких причин и мотиваций мы нацелились только на производственный бизнес, причем начинаемый с нуля, без поддержки государства в виде приватизации производственных мощностей, инфраструктуры или сырья. Все самостоятельно, с опорой только на собственные силы. Откуда это взялось, какие силы про-

будили у нас эти намерения и мотивации, неужели сработала информационная цепочка генетического крестьянского кода?

Вопрос, конечно, интересный, но недоступный для нашего исследования. За что только мы не брались. Мы – предпринимательский дуэт в составе меня и моего главного партнера, соратника по бизнесу и просто близкого и надежного товарища по жизни Алексея Никитовича Новосельцева и вместе с нами привлекаемые по разным проектам и в разное время десятки специалистов соответствующих отраслей производства.

Никогда не забуду наш первый бизнес-опыт. Словно героям знаменитого романа, новоиспеченным концессионерам под руку попался бывший в употреблении станок по изготовлению сетки-рабицы, которая активно использовалась для изготовления заборов и других промышленных и бытовых ограждений.

Особых усилий старательным пионерам предпринимательского труда для восстановления извлеченного из утильсырья незамысловатого агрегата не потребовалось, и вскоре он воспроизвел первую партию продукции. Однако радость создателей была недолгой, отсутствовало главное – проволока, которая в плановой экономике СССР являлась строго фондируемым материалом. Идти в атаку на лимиты и фонды в распадающейся на части стране было делом рискованным. Но мы потратили на него полгода командировок, встреч, писем, резолюций и добились положительного результата. На одном из украинских заводов для нас загрузили первый вагон искомой проволоки и отправили его в Белгород. Но в это время было объявлено о роспуске Советского Союза, и вагона своего мы теперь уже из-за границы не дождались. Плакали все наши усилия и все наши последние денежки.

Поскольку в ожидании мы времени не теряли и очень активно осваивали еще один проект по производству керамзитобетонных блоков, никакие огорчения нас остановить не могли. Тем более здесь было все под руками, на месте изготовления изделий. Дело склонялось к удаче, но буквально через несколько недель выяснилось, что такая продукция никому не нужна. Капитальное и жилищно-социальное строительство стало первой отраслью, которая почти полностью остановилась под ударами галопирующей инфляции. Людям было не до заборов и не до строительных блоков.

Я знал закон наивысшей мобилизации всех интеллектуальных, физических и духовных ресурсов в острейшие моменты жизни того или иного человека, но никогда не думал о том, что он сможет с такой яркостью и высочайшей продуктивностью проявиться во мне самом. Передо мной стояли, с одной стороны, реально нависающая перспектива моей абсолютной невозможности содержать свою семью и оказывать помощь родителям-пенсионерам, с другой – обострившиеся

воспоминания рассказов отца и деда об их способах выживания во время войн, голодовок и других катаклизмов.

Все это превращало мое сознание и мышление в какой-то неведомый доселе мощный энергетический источник, питающий неукротимое желание найти решение казалось бы непреодолимых и неразрешаемых проблем, наполняющих конкретные, повседневные действия страстью и увлеченностью, уверенностью и вариативным поиском нестандартных жизненных поступков.

Особенно сильный урок исторического оптимизма в его полном смысле я получил в ходе первых деловых поездок в США, случившихся как раз в этот переломный период. Уже в ходе первого полета в составе официальной делегации мне выпала удача сидеть рядом и иметь длительные беседы с женщиной, побывавшей впервые на родине, после того, как ее в десятилетнем возрасте во время гражданской войны родители вывезли в эмиграцию. Она внимательно слушала мои пораженческие монологи о неудачах социализма, провале перестройки, потом, что у нас кругом кризис – и в экономике, и в быту, и в головах людей.

Таков тогда был пафос поведения большинства тех, кто не был пофигистом и сопереживал происходящие события. Охватил он, естественно, и мою весьма эмоциональную натуру. На мои тезисы: все рухнет, страна по имени СССР катится к краху, она в ответ только вздыхала и многократно повторяла с какой-то непривычно-длительной растяжкой наше русское «да-а».

Однако мои надежды на сочувствие и согласие с излагаемой точкой зрения со стороны приятной соотечественницы были напрасными. Не по возрасту энергичная и наступательная русская женщина, прожившая всю жизнь в другой стране, нанесла мне такой ответный полемический контрудар, каких я к тому времени давно не встречал. Разве это крах? Крах был в США в начале 30-х годов, когда я была студенткой. Занятия в университетах не проводились, стоял весь транспорт – поезда, пароходы, автомобили, трамваи. Даже полицейские машины нечем было заправлять. Прекратили работу многие предприятия, мои родители, как и большинство других, оказались безработными. Цены на продукты возросли так, что их нельзя было купить. Ощущение было таким, что остановилась вся жизнь, и выхода никакого нет. Только стрельба гангстеров на улицах, погромы и грабежи напоминали о ней, как о какой-то перевернутой данности.

Ваша же ситуация отличается как небо от земли, – продолжала свой аналитический натиск русско-американская бабушка. В России все есть, все пока работает и движется. Вот мы летим самолетом Аэрофлота, и это уже хорошо само по себе. Я посмотрела магазины – там действительно многих продуктов и товаров нет, но резко акти-

визировались рынки. И на них можно почти все купить. В общем, если по-умному проведете приватизацию и антимонополизацию, больших трудностей удастся избежать, а если нет – ждут вас проблемы серьезные. Главное – не ныть, а больше искать каждому свое дело. Лучше, конечно, по душе. Хуже, если по душе не удастся найти сразу, но все равно надо искать. Уверена – русские его найдут. И я еще буду гордиться Россией.

После таких воодушевлений и целой серии наглядных и весьма поразивших примеров развития Нового Света мои поиски только усиливались. Каждый бизнес-семинар или конференция впитывались мною до мелочей. Ежедневно шли встречи на предприятиях и интенсивные переговоры в офисах. Через себя пришлось пропускать горы впечатлений, изумлений, интересного опыта. Больше всего поразил меня американский менталитет. При этом я долго не мог разобраться, что в нем является ключевым элементом. На первый взгляд, можно посчитать таковым их вездесущую улыбку, но что кроется за ней, кроме искусственной демонстрации красивых белых зубов?

И вот утверждаюсь в выводе – уверенность и оптимизм. Без них ни каждый человек в отдельности, ни в целом общество не смогут развиваться, двигаться вперед. Американцы к тому же очень энергичны, наступательны, за что иногда их считают агрессивными. Они не обращают особого внимания на ошибки, во всяком случае, не стесняются за них лишним раз самобичеванием и саморазоблачением. Они верят в себя, свои силы и возможности, жадно впитывают все новое, неизведанное. С проявления таких качеств начинали сотни лет назад свое очень рискованное движение на освоение новых земель европейские конкистадоры. С ними они штурмовали огромные океанские расстояния и новый материк. С ними они там обустроивались и, передавая потомкам свой опыт и свою энергетику первопроходцев, продолжают жить теперь.

Не надо быть социологом, чтобы почувствовать в ту пору перед ними свою ущемленность, какое-то недотягивание до нужного уровня планки жизни. Вроде нам все время чего-то не хватает. Предприимчивости, аккуратности, четкости, вежливости, обязательности, да и прошлое у нас какое-то негативное и настоящее – сплошная отсталость. Откуда такие синдромы? Думаю, из нашей литературы. Вспоминаю ее уроки и думаю, что они не прошли для нас зря. Наряду с высокими чувствами, все же с явным перебором, вольно или невольно они закладывали в нас ростки обломовщины, героев-нытиков и копуш, самобичующих и себя, и других, неуважительно относящихся к окружающим и к земле, которая дала им жизнь.

Может я ошибаюсь, но и сегодня всякая убогость и отрицательщина преобладают в различных сферах современного отечественного

искусства. Как-то пошел на выставку одного известного белгородского художника, посвященную российской глубинке. На какую картину ни глянешь – всюду деревенские пейзажи сплошь и рядом с кривыми грязными улочками, косыми, раскуроченными заборами, убогими крышами домов и т.д.

Отзывы и в прессе, и в обсуждениях – только положительные. Художник действительно достойный. Когда я спросил, почему именно такой уклон должен убеждать зрителя в том, что это исконно русское, что это надо любить и этим надо гордиться так, как гордится сам художник, родившийся на селе, – на меня обиделись. И доводы о том, что у нас есть очень красивые, благоустроенные села, с добротными домами и палисадниками, и для воспитания гордости за свою земную колыбель надо изображать и их, – не приняли.

Да, в нашем славянском характере есть немало таких черт, от которых бы надо побыстрее избавляться. Но все дело в том, что они формировались столетиями и так быстро от них освободиться невозможно. Возьмем наше русское «ладно, – потом». Или привычка за собой не убирать, загрязнять окружающее жизненное пространство. Это ведь в нас заложили еще древляне, одно из славянских племен, жившее в черноземной полосе России. Земли и лесов кругом было много. Они одни участок осваивают, истощают его, бросают и переходят на другой. А когда образуется земельный дефицит, двигаются на Восток или на Юг, оставляя после себя заброшенные территории. Отсюда и извечная надежда на авось, а не на совершенствование технологий, бережливость, экономию и рационализм. У немцев или французов такое невозможно по объективным причинам отсутствия аналогичных земных просторов.

Однако чем ближе я всматривался в американский образ жизни, особенно когда пожил в семье среднего класса, – тем больше у меня возникало ощущений, что у нас с ними больше общего, чем различий. И это общее основано на базе как раз-таки освоения новых территорий. Русские ведь тоже не сидели на месте, шли и шли на Восток, Север и Юг, оставляя за собой все новые поселения, крепости, города. И с гордостью называли себя покорителями. И это, как и у европейских американцев, было целой идеологией, традицией, элементом деловой культуры, которая захватывала своей романтикой и притягательностью многих – от рядовых крестьян, купцов и до государей-императоров.

Как можно прожить жизнь, не открыв и не покорив новых земель? И они снаряжали одну за другой экспедиции, посылая их в неведомые края и дали. Все больше и больше специалистов различного профиля и просто любознательных ехали, плыли и шли пешком дальше и дальше, пока не покорили Аляску и тем самым открыли свою Америку с

севера. Этот исторический факт очень символичен и характерен для весьма схожего жизненного стиля и поведения русских и американцев. Отсюда у нас и у них и независимость, и самостоятельность в суждениях, упрямое упорство в достижении цели и умение выживать в любых условиях, полагаясь на себя и собственные силы, повышенная склонность к миссионерству. О других общечеловеческих чертах схожести нет смысла и говорить – их десятки, и они видны невооруженным глазом в повседневной жизни.

И тем не менее, когда попадаешь в США сразу же ощущаешь себя в окружении другой цивилизации. Почему? Ответ простой. Американцы не экспериментировали, не ломали и не перестраивали себя радикально, не опрокидывали все вверх дном, не выдвигали никаких надуманных мифологических идей своего жизнеустройства. Наоборот, они скрупулезно и бережно собирали со всего мира все самое ценное и передовое, включая самых талантливых и предприимчивых людей и максимально использовали приобретаемый потенциал для своего развития. Можно сколько угодно говорить, причем вполне справедливо, что американцы нажились в ходе двух мировых войн на горе, гибели и разрушениях других стран, что многие их доллары возникли на крови других народов.

Да, они сумели это сделать так, что ни одна чужая пуля и снаряд ни разу не разорвались на их территории, и ни одна беда, за исключением незначительных жертв солдат и офицеров, не постигла этот народ, не превратилась в фатальное отставание от других стран. Сумели добиться, и это исторический факт.

Может быть, систему доказательств построить на примере России, показавшей обратное, – как не нужно себя вести в глобальных условиях общественного развития. Так тут и доказывать нечего. О жизнях и материальных ресурсах, потраченных на мировую революцию, уже написано и переписано очень много. А вот об одном из ключевых эпизодов истории стоит напомнить. До сих пор ведущие ученые ищут хоть какой-то мало-мальски значимый ее интерес во вступлении в Первую мировую войну, и за сто лет так найти ничего и не могут.

Просто вступила за компанию, в основном, спасать всех и вся. Спасала и сербов, и французов, и англичан. Только себя не уберегла, не сумела, да и помочь в трудную минуту хотя бы небескорыстно, а на взаимных условиях, как оказалось, совсем было некому. Союзники привыкли реализовывать прежде всего свои национальные интересы и сосредоточились на своей защите. Результат очевиден для всех – российский народ потерял почти целый век, притом не просто как бы пропустил его в своем развитии, а заплатил к тому же огромные многомиллионные жертвы.

Вот как оценил эту глобальную драму великого народа известный русский ученый, военачальник генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Дей-

ствия русской армии, – по оказанию помощи союзникам, – писал он, были настолько жертвенными, что значительно превышали границы национальных интересов. Добавим от себя. Эта жертвенность впоследствии превысила границы всего цивилизационного устройства мира. Речь, конечно же, идет о нашей весьма затратной устремленности к мировой революции, направленной на утверждение коммунизма на всей земле.

В данном плане показательными могут служить два примера о помощи братским славянским народам. Ярчайший из них – освобождение болгарского народа от многовекового османского рабства. Беспримерный героизм русских солдат, офицеров и генералов, невиданный духовный порыв всего российского народа во главе с государем-императором Александром II оказать всемерную военную, экономическую и социальную поддержку единоверующим православным братьям-болгарам должны были по логике завершиться адекватной политической ориентацией молодого только что освобожденного государства, которое определялось выборами царя.

Казалось бы, из двух кандидатур – российской и германской ориентаций, у последней шансов должно было быть настолько мало, насколько безучастным был германский народ к болгарским проблемам многовекового порабощения. Но победила именно прогерманская партия, которая и привела впоследствии царскую Болгарию в Первую мировую войну на стороне Германии против России и ее союзников. В интересах Германии и Австро-Венгрии нужно было ослабить Сербию и болгарское руководство, не раздумывая, нанесло по ней свой удар. Лучше не придумаешь – славяне бьют и убивают друг друга.

Во Вторую мировую войну ее союзнические предпочтения опять повторились. Гитлеровский вермахт получил здесь серьезную продовольственную базу своего снабжения. Наши болгарские православные братья так старались помочь фашистам, что в восемь раз увеличили производство свинины для вермахта. Все лучшие курорты и медицинские учреждения лечили раненых немецких солдат и офицеров. Правда, Гитлер побоялся направить болгарскую армию на советский фронт и вскорости после прорыва через Карпаты войск Маршала Ф.И. Толбухина, она нанесла ему удар в спину, переметнувшись на сторону СССР, то есть побеждающей державы.

Далее участие в мировой системе социализма во главе с Советским Союзом. В ней Болгария получала от папы-донора практически все, что было нужно, а что касается энергоресурсов – то в два раза больше, что позволяло перепродавать ту же советскую нефть на мировых рынках по значительно более высоким ценам, чем весьма льготные в рамках Совета Экономической Взаимопомощи и на полученные деньги лучше обустроить свою страну.

Любой советский человек, побывавший в Болгарии, видел своими глазами, что она была более благоустроенной, обеспеченной, и люди там жили заметно лучше нас. Но вот отзвучал последний гудок коммунистической власти и, вроде бы, усвоенное всеми и каждым еще в утробе матери утверждение «Русский и болгарин – братья навек!» мгновенно выветрилось из сознания большинства жителей теперь уже демократической Болгарии, тут же проголосовавших за вступление в НАТО и Европейский Союз. И хотя многие болгары до сих пор выступают против такого разворота, но их меньшинство, и этим все сказано.

Сегодня стоило только США и Западноевропейским странам заикнуться насчет любых антироссийских санкций, болгарское правительство молниеносно, в первых рядах мчится к их исполнению. Возник вопрос о приостановке строительства газопровода «Южный поток», многие страны как-то задумались, взяли и стали держать паузу. Невыгодная для них эта санкция против России. Болгарское же руководство быстрее всех вскинуло руку под европейский козырек. И ни о каких восточнославянских, православных интересах, тем более о сочувствии и желании помочь российскому народу, попавшему в затруднительное положение, никто не вспоминает. Сказали закрыть небо для российских самолетов с гуманитарным грузом для Сирии – тут же исполнили.

С братьями сербами ситуация складывалась совсем по-иному. В обеих мировых войнах мы воевали как союзники. Сербы в числе первых после катастрофы белой армии приютили по-братски наших боевых соотечественников. Одна незадача – из-за них началась Первая мировая война, перед которой националистически настроенное руководство вело политику создания великой Сербии, враждовало с соседними государствами, включая значительно более мощную Австро-Венгерскую империю, – чувствовали поддержку России. Далее всё известно, в том числе и геополитическая цена вступления России в эту бойню, опрокинувшую прежде всего ее саму и весь мировой порядок XX века.

Обоюдно драматически начиналось для нас гитлеровское вторжение. Победоносный вермахт набросился на Сербию, которая буквально несколько дней назад заключила договор с СССР, который И.В. Сталин счел в виде простой ни к чему не обязывающей бумаги, как на легкую добычу. Но не тут-то было. Мужественный сербский народ оказал такое героическое сопротивление, что во время решающего наступления на Москву осенью 1941 года 30 отборных немецких дивизии оказались намертво прикованными к балканским горам. Трудно даже представить, что могло произойти, окажись они в те дни в группе армии «Центр».

В результате спасения Сербии от немецкого фашизма в 1945 году там образовалась Социалистическая Федеративная Республика Югославия, которая неожиданно встала на позиции нейтралитета и не стала разделять с Советским Союзом бремя холодной войны и гонки вооружений, обеспечив своему народу более комфортный и качественный уровень жизни. После распада федеративного государства и даже после бомбардировок Белграда авиацией НАТО Сербия тем не менее приняла Европейский вектор развития и готовится вступить в Европейский Союз. Членство в НАТО – это следующий логический шаг.

Можно по-всякому использовать различные аргументы объяснения сложившихся и развивающихся исторических тенденций, но бесспорно ясно одно: у наших православных братьев сербов и болгар, будь они монархистами, коммунистами, социалистами, центристами или либералами, на первом месте всегда стояли, стоят и будут стоять прежде всего свои национальные интересы. И никакие интернационализмы, славянизмы и другие предпочтения они в ущерб себе не разделяли и разделять не станут никогда.

Это незыблемое кредо проявления их национального самосознания, которого, кстати, далеко не всегда хватает у русского народа. Всё нас тянет на мессианство и филантропию. А может оппонент придерживается других критериев? Так или иначе, хотелось бы узнать мнение и заинтересованного читателя. Особенно нас интересует отношение к данной проблеме людей, увлеченных чисто православной солидарностью верующих славян. Хотелось бы им в качестве любопытного, но очень характерного и емкого по содержанию примера привести слова знаменитого русского философа Константина Леонтьева, которые он посвятил этой животрепещущей теме сто тридцать лет назад.

Он пишет о заблуждающемся воображении русских мыслителей, что затмение турецкого полумесяца повлечет за собой немедленно яркий восход сияющего православного солнца на христианском Востоке. Они мечтали о каких-то патриархально освежающих югославянских родниках. Как возвышенны, как благородны были эти мечты! И как ошибочны эти надежды, как призрачен этот яркий, своеобразный культурный идеал! Горькая ошибка наша. Поправим ли мы ее?

Он продолжает: однажды я беседовал долго с одним пожилым болгаринном, человеком образованным и тонкого ума. Он мне сказал: мы, болгары, конечно, поступили неправильно, но что делать? Раскол нам выгоден.¹⁸ Вот такие размышления, как будто на злобу сегодняшнего дня. Но нам надо продолжать свои.

Одно дело послушать ретивого патриота с его железной логикой ярких доказательств, какие нехорошие ребята – американцы, которые всем гадят, мешают, во все вмешиваются и т.д. И совсем другое жить в просторном доме рядового инженера и библиотекаря с двумя деть-

ми, то есть в обычной семье среднего класса, который доминирует на всем социальном пространстве США.

Расположилась она в городе Луисвилль с таким же населением, как и мой родной Белгород, только на площади в десять раз больше, потому, что там 90 процентов людей живут именно в коттеджах. Из них тоже примерно 90 процентов составляют семьи среднего класса, остальные 10 процентов – богатые люди. Их дома выделяются как размерами, архитектурой и качеством стройматериалов, так и благоустройством прилегающей территории. Один из них мне удалось посетить. Хозяин с удовольствием сразу же вошел в роль экскурсовода и готов был показать все двадцать шесть туалетов вместе с апартаментами, бассейнами в помещении и на открытом воздухе, барами и гостиницами.

Нам же будет интереснее рассмотреть дом моего временного проживания. В нем восемь комнат, кухня, тренажерный спортзал в цоколе и гараж на две машины. Кстати, у кого из наших ни спрашивал, никто не смог угадать, что над его воротами размещается баскетбольное кольцо, возле которого хозяин со своими сыновьями по вечерам разыгрывают нешуточные спортивные баталии. Сам в них участвовал и убедился, что это один из элементов уже достигнутой культуры. В доме три входных двери, все стеклянные, забора никогда не было и нет не только здесь, а и во всем городе. Да и в подавляющем большинстве штатов страны он является рудиментом ушедшей цивилизации.

У моей гостеприимной семьи есть хобби – принимать на время стажировок в местном университете зарубежных профессоров. Поэтому мне были выделены отдельные апартаменты со всеми удобствами, с выходом на улицу и в общую кухню-столовую, где в первый же день меня ждало чудо. Так я воспринял свое первое знакомство с печкой СВЧ, незаметно вмонтированной в мебель. На моих изумленных глазах Кэтрин, так зовут хозяйку, за одну минуту приготовила мне обед на специальном подносе, упакованном в фольгу. Уточним, разогрела довольно вкусно приготовленное в ресторане блюдо. В общем, минут через пять вся семья вместе со мной дружно вкушала дары от технологического прогресса.

Еще большее изумление у меня вызвал ответ на вопрос, когда эта чудо-печь появилось в доме? Хозяева заспорили – не то в 1961, не то в 1962 году родители купили ее вместе с кухонной мебелью. На дворе был 1991 год. Я жил не в сибирской глуши, а в областном центре европейской части страны и ни разу не видел такого изделия. Впрочем, аналогичных новшеств быта мне пришлось увидеть десятки. Там впервые пришлось выйти и на его статистику. В среднем на американскую семью тогда приходилось около ста электроприборов. У себя же в квартире я с трудом загнул десять пальцев. Многие из тренажеров,

массажеров и всяких миксеров я даже не представлял в ту пору мысленно и тем более не понимал, как они применяются на деле.

Тогда же я узнал, что массовое телевидение здесь благодаря русскому изобретателю В.В. Зворыкину почти на полвека раньше, чем в России, стало нормой американской жизни. Мобильные телефоны, ноутбуки, компьютеризированные библиотеки – все это я увидел в те дни в Америке и совсем нескоро в России, когда после гибели отечественной электронной промышленности, заметно отстававшей от американской, сюда хлынули импортные изделия. А в силиконовую долину США поехали десятки тысяч талантливых российских программистов развивать и покорять мир современными передовыми технологиями, но только под звездно-полосатым флагом другой страны. И это вовсе не парадокс, а закономерность проявления свободы, помноженной на толковое управление государством. Их государством.

Недавно прочитал потрясающую информацию об одном знаменитом соотечественнике, которой я не придавал значения во время пребывания в США. Здесь, в Вашингтоне, на аллее выдающихся людей Планеты установлен бюст Ростиславу Евгеньевичу Алексееву, легендарному конструктору и кораблестроителю, круто изменившему законы мореплавания. Я на этой аллее был дважды и умудрился не заметить такой человеческой глыбы. Да и читатель может сразу же подумать, что это наш бывший соотечественник, отличившийся в США своим талантом.

Ничего подобного. Он всю свою недолгую жизнь от первого и до последнего дня провел на Родине и прославил ее на весь мир своими гениальными изобретениями судов на подводных крыльях, экранопланов и экранолетов, не имеющих аналогов ни в одной стране. По сути Р.Е. Алексеев впервые сконструировал и поднял в воздух невиданный доселе корабль весом 500 тонн длиной 90 метров и высотой 22 метра на сорокаметровых крыльях, обеспечив дальность полета 3 тысячи километров. Куда там до таких достижений прославленным заокеанским авианосцам!

И тем не менее американцы проявили высочайшее уважение к русскому самородку, потому что они умеют не только ценить талантливых людей, но и собирать их со всего мира и вовлекать в созидательную работу на благо своей страны. В этом заключается их и достоинство, и преимущество, и устойчивость перед другими. Мало какое государство может гордиться такими высокопродуктивными результатами в наращивании извне высокоинтеллектуального человеческого капитала. И такому мастерству не грех поучиться.

И все же меня не покидало ощущение, что есть какие-то скрытые, малозаметные социальные процессы в американском обществе, которые подтачивают его изнутри, создают определенные напряжения, ко-

торые хоть и весьма далеки от той силы, способной все разрывать на части, но как-то исподволь, незаметно приближаются к ней. В воздухе, что называется, пахло определенно надвигающимся неожиданным проявлением общественных настроений и предпочтений, которые обычно прячутся, ограничиваются очертаниями собственного дома и личного «Я».

И вскорости это произошло. Во время предвыборной кампании Президента США 1992 года вдруг, впервые за многие годы, разрушив традицию борьбы за искомый пост двух основных политических партий – республиканцев и демократов, выдвинулась третья сила в лице Росса Пьеро. Вначале никто, как это часто бывает, всерьез не воспринимал претендента, лишённого мощной партийной поддержки. Но по ходу приближения к финишному марафону становилось все яснее, что эта спонтанно возникшая фигура неожиданно начинает набирать все больше голосов избирателей и в ряде штатов даже выходить на победные позиции.

Если суммировать все его основные тезисы в борьбе за главную должность в стране, то получится обобщающий лозунг: индивидуализация во всем, для всех, вразнос и без всяких ограничений! Такой наступательный эгоцентризм многим пришелся по душе. И, надо особо отметить, его семена попали в благодатную, взрыхленную официальной политикой государства почву. Ошеломляющим был и результат – третье место данного претендента, обеспеченное почти четвертью голосов свобододобивых американцев.

Конечно, специалисты и эксперты предупреждали правящую элиту о грозящей опасности абсолютизации прав и свобод человека, когда его индивидуальная жизнь со всеми особенностями и специфическими чертами характера нередко ставилась превыше групповых, корпоративных и даже общественных интересов. Нарушалась их пусть даже относительная гармония, все чаще возникали конфликты интересов. Дело дошло до того, что многие сферы социального пространства заполнились судами всех против всех, включая малолетних детей, предъявляющих иски своим родителям, учителям и воспитателям.

Особенно ужасающему воздействию агрессивного «эго» подвергались повседневные человеческие отношения в семье и в быту. Собственно, семей становилось все меньше и меньше, более половины из них распались. Неслучайно, как раз в этот период между властью, ведущими религиями и обществом состоялся консенсус о разрешении института гражданского брака, что впоследствии оказало положительное воздействие на семейно-брачные отношения. Все это происходило на моих глазах и под прицелом моего социологического инструментария. Десятки примеров четко укладывались в концептуальные выводы. Два из них есть смысл проиллюстрировать.

Идет очередная встреча с русским профессором, со мной то есть в доме одного из руководящих работников университета, отвечающего за его международные связи. После знакомства с его достопримечательностями гости в количестве десяти человек приглашаются к ужину. Уже через несколько минут о виновнике сбора плавно забывают – завязывается весьма интересная беседа на общие темы.

В центре внимания оказывается хозяйка дома, дама с весьма ёмкими контурами, которая неспешно, с достоинством начала рассказ о том, как два дня назад здесь проходила встреча с бразильскими профессорами. Преодолевать языковой барьер мне, как обычно, помогала переводчица из бывших советских граждан по имени Ирина. Вдруг она замолчала и с растерянно-расстроенным видом посмотрела на меня. И не просите, и не требуйте, переводить я этот бред не буду, да и вам это совсем неинтересно, – взмолилась моя помощница.

Я действительно к вечеру изрядно подустал от многочисленных встреч и переговоров и мог бы спокойно посидеть. Но меня тут же взбодрила профессиональная любознательность, моментально перешедшая границы адренализации, и я настоял на переводе. Наградив рассказчицу обоймой проникновенно сочных и уничижительных терминов на родном русском языке, она стала воспроизводить ее текст.

Оказывается, после ужина все вместе с бразильскими профессорами пили кофе, но в четырех чашках он оказался недопитым. И хозяйке это приснилось ночью. Выйдя в туалет, она мимоходом проверила их содержимое и сразу же допила одну чашку. Легла спать, но оставшийся кофе не давал ей ни сна, ни покоя. Она опять встала и допила еще одну чашку. Так повторялось несколько раз, пока последние капли кофе не переместились во внутреннее пространство чревоугодливой хозяйки. Не пропадать же добру, ведь оно до утра могло и прокиснуть, завершила она свой рассказ.

Разумеется, все детали и подробности этого весьма пространного повествования мы намеренно опускаем из-за опасности нанесения ущерба настроению нашего читателя. Во всяком случае, у меня оно испортилось мгновенно, я стал вариативно вычленять причины такого поведения, зачислять ее рассказ в случай преднамеренной демонстрации неуважительного отношения ко мне и ко всему русскому народу. Но взглянув на остальных гостей, сразу же отогнал от себя столь мрачные мысли. Дело в том, что они сидели с таким проникновенно внимательным видом, будто слушали лирику Байрона или Пушкина в их же собственном авторском исполнении.

Происходящее раздосадовало и озадачило меня до такой степени, что я тут же стал его разбирать и комментировать, с трудом маскируя свою аналитику искусственной американской улыбкой – там без нее нельзя и шагу ступить. Что происходит, ведь это же неприлично,

меня чуть не стошнило, как она могла это себе позволить в присутствии профессорской публики? Она, случайно, не умственно ограниченный человек, – сыпались мои вопросы – возмущения на Ирину.

Нет, она вполне нормальная, здоровая во всех смыслах женщина. Очень волевая. Смотрите, как она дает поручения мужу, который имел право голоса только на входе во время приветствия гостей, возможно, что-то скажет еще и на выходе. В остальной период – только по специальному разрешению властной супруги. С этим-то как раз все понятно. Подкаблучник, он и в Африке, и в Америке – подкаблучник. Но меня интересует она и мотивы ее неприличного поведения.

Понимаете, она здесь главная, – продолжает свои пояснения русская американка – переводчица. Она представляет себя как центр Вселенной в этом месте, в это время и с этими людьми. И то, что она считает нужным делать и говорить – все прилично, все очень интересно и полезно для окружающих. В этом вершина проявления ее индивидуализма, ее неповторимости в данном мире. Что же касается окружающих ее гостей, то они все понимают и внимают ей только потому, что тем самым подтверждают ее статус, незыблемый и непререкаемый в этом доме. И таких здесь очень много. Кстати, меня также сначала подташнивало, как и вас, но постепенно я стала привыкать. Лучше и вы готовьтесь к следующему сюжету.

На завтра был выходной и по плану мы должны были посетить конный завод одного миллионера. Встретил он нас на пороге красивой, ухоженной конюшни в несколько обескураженном состоянии. Оказывается, утром одна из кобылиц родила себе подобное красивейшее существо, которое я, как гость из России, должен был наречь русским именем. Жеребёночек тут же стал Анастасией, однако и после этой подбадривающей процедуры он упорно отказывался от материнского молока. Еще два-три часа такой забастовки, и это может очень заметно повлиять на его здоровье, породистость и, в конечном плане, на стоимость при продаже, для чего он, собственно, и произведен на свет Божий.

После интересных экскурсий и конных прогулок хозяин пригласил нас в ближайший ресторан. К нам присоединились парень и девушка, ухаживавшие за Анастасией, которые, к слову, добились желанного сближения ее с матерью. Оказалось, что это сын хозяина, студент, и его подруга – однокурсница, которые по выходным дням работали на конеферме за оплату сто долларов в день. Естественно, меня удивила такая информация, но моему изумлению не было предела от финальной сцены расчета за обед.

Как и положено по законам гостеприимства и этикету, хозяин заплатил за себя и за нас с переводчицей. В это же время студенты собирали из двух кошельков буквально по копейкам нужную сумму за

свой весьма скромный заказ, который заметно отличался от нашего. Папа как ни в чем не бывало сидел напротив детей и курил сигару, радушно беседуя с гостями на тему, как трудно стало доводить цену за его первоклассных жеребцов до одного миллиона долларов за голову.

От посещения его дома мы вежливо отказались. Мне не терпелось побыстрее прокрутить свежеполученную информацию с Ириной. Лучшего эксперта в эти минуты для меня не существовало во всем мире. Еще два-три примера, и я окончательно пойму: Америка плохо кончит, все это богатство, лоск и уют разорвется как паровой котел, – в запальчивости констатировал я, не зная, что повторяю мысли П.А. Сорокина, за которые его еще сорок лет назад готовы были растерзать на дискуссионной плахе отдельные апологеты безупречного американского образа жизни.

Перестаньте вы удивляться, примеров будет еще очень много, и котел нескоро взорвется, его просто немного приглушат, – подбодрила меня переводчица. Такое для русских неприемлемо, а для американцев – это привычная норма этикета, – сразу же начала втолковывать мне помощница. Здесь надо понимать специфику их семейных отношений, где ключевую роль играет собственность родителей и ее наследование, которое здесь, как правило, объявляется и осуществляется посмертно.

Поэтому не зря в романах и других произведениях искусства США часто изображаются сцены ухода престарелых родителей из жизни как плохо скрываемая радость их детей. Все их ожидания, чувства окрашиваются вольно или невольно главным – надеждой на завещание и связанную с ним будущую самостоятельность и свободу. В этом заключается огромная сила их традиций, которые истово и бережно сохраняются и передаются из поколения в поколение.

Взять тот же дом нашего конезаводчика, пояснившего нам, что достался он ему по наследству. Построил его и всю ферму прапрадед сто пятьдесят лет тому назад. Это означает, что несколько поколений жили, живут и еще долго будут жить за счет своего удачливого и трудолюбивого предка – фермера. И таких здесь значительная часть штата Кентукки. Средний класс – величайшее достижение государства.

И тут я вспомнил рассказ отца, как вскорости после войны мой дед, не дождавшись двух погибших сыновей с фронта, делил свое имущество на четыре части – двум вернувшимся с войны сыновьям, дочери и себе. Всем досталось всего поровну: кому-то топор, кому-то пила, два мешка картошки рассчитали поштучно. Флягу меда решили пустить на покупку полуразрушенной избы площадью тридцать квадратных метров для моих родителей. Отец ее постепенно расширил, реконструировал. Там я родился и вырос.

И через шестьдесят пять лет после великой Победы уходящий из жизни отец оставлял для наследования чуть больший по размерам построенный самостоятельно дом, который ему продали в качестве льготы как инвалиду войны, держащийся на честном слове, замешанном на глине и воздухе с помощью финской фанеры, и все тот же домашний инструмент. Никакого приращения, прогресса и никаких надежд. Вернее будет отметить, регресс – ведь моему деду от прадеда достались плюсом корова, пара лошадей и другая живность. Отцу, рядовому крестьянину-колхознику, как и его потомкам, крепким, зажиточным по тем временам и понятиям мужикам, не суждено было стать фермерами, хотя личностные задатки для этого все имелись. Против этого непреодолимой преградой встала сама история государства российского.

Не вышло стать им и средним классом с правом наследования действительно ценной собственности как результирующей всей жизни того или иного поколения, но главная проблема, как подчеркнул перед потерей своего сознания отец, заключалась в том, что даже пасеку из пятнадцати ульев некому передать по наследству. Это единственное богатство, что у него осталось после того, как главная ценность – десятигектарный пай земли у него за бесценок заныкали жулики – холдинголизаторы. И таких примеров подавляющее большинство. Не получилось продолжения крестьянского класса. Правда, оборвалась и традиция нищенского наследования – мне удалось глотнуть воздух свободы и построить добротный собственный дом. Хочется надеяться, что станет он родовым.

Не перестаю с благодарностью подчеркивать, что мой и ряд других домов на переулке построены за счет замечательного государственного кредита под восемь процентов годовых на двадцать пять лет, то есть, фактически бесплатно, если учесть вскоре наступившее падение рубля в пропасть инфляции. Как в год распада в СССР с дефицитом бюджета и почти полным обнулением золотовалютных резервов нашлись для этого деньги, а в современной России с несопоставимо прирастающими сотнями миллиардов долларов за продаваемые ресурсы ничего подобного организовать не могут? Одни только разговоры о неподъемной ипотеке, которую россияне все равно с упорством обреченных пытаются поднять – верят в свободу и свой успех в домоустройстве. Но нам пора выходить из своего дома и завершать размышления об американском индивидуализме проявлением собственного «эго».

Тогда немало переполошившаяся администрация только что избранного молодого президента Билла Клинтона, надо сказать, сделала своевременные выводы и без резких движений осуществила ряд серьезных мероприятий прежде всего по активизации общественной жизни в США, вовлечению в нее через различные фонды, ассоциации, советы домовладельцев и улиц, пенсионеров и молодежи, богатых и

бедных. Резко активизировалось поддержанное Хиллари Клинтон феминистское движение.

Хотя о его крайностях лучше не писать, вдруг кто из сильного пола прочитает перед сном. В лучшем случае сна он лишится напрочь, в худшем – расстроится на целый день. Церковь, учебные заведения, культурные и спортивные организации занялись проведением праздников улиц, цветов, животных, различных соревнований и конкурсов. И всеобщая опасность отступила, относительный баланс общественных и личных интересов был восстановлен.

Но он абсолютно стал нарушаться в моем личном сознании и мироощущении, неудержимо накрываясь в сторону эгоцентризма. Непререкаемый ранее для меня тезис «раньше думай о Родине, а потом – о себе», стал заметно изменять свои внутренние приоритеты. Неужели меня так скоро перековали американцы, невольно думал я, взявшись за строительство своего дома, которому ежедневно уделял больше внимания, чем общественным делам, и, конечно, тут же разворачивал более глубокие аналитические ответы. Что материального, ценного оставило для Родины, для потомков героическое в квадратной степени поколение наших отцов, невероятно храбрых воинов и старательных земледельцев, – только пожизненный, беззаветный и безответный труд без выходных и отпусков, ежедневно материализуемый в конкретные тонны продуктов питания.

А что они получили от нее взамен, чтобы оно послужило и для себя, и для своих детей, – ничего, кроме думы о светлом будущем, коммунизме, во имя которого они всю жизнь переносили лишения и непомерные тяжести, воевали, проливая свою кровь, и всё ждали ее нормальных условий. Ждали даже тогда, когда, казалось бы, ушла в небытие парадоксальная эпоха, при которой вначале за работу не платили, а потому даже самое необходимое не за что было купить. А потом, когда стали платить, тоже невозможно было купить, потому что его не было в свободной торговле. Да разве такая ключевая отрасль могла быть свободной в несвободной стране?

Но вот дождалась свободы, в том числе и в выборе товаров, а покупать многим не за что, потому что потеряли саму возможность зарабатывать деньги своим честным трудом. Так и уходило на вечный покой неповторимое поколение наших отцов и матерей, фактически угнетённое и обобранное до нитки, унося с собой безответный вопрос: чем и когда закончится этот беспредел? Успокаивает одно – они не понимали и не могли понять, что и для их детей и даже внуков он тоже будет скорее всего безответным.

Нет, вышеприведенные реляции – это не предмет манипуляции нравственными ценностями и устоями моих предков. Это веление разорванной на многие поколения справедливости. Заметим, всю диа-

лектику взаимодействия отдельного человека и Родины невозможно круто развернуть на 180 градусов. Не произошло этого и со мной. И все же, пусть это покажется непривычным, но лучше будет, если каждый человек вначале подумает о себе, о своих нуждах и потребностях, сопоставит их со своими возможностями, готовностью включиться в конкретные жизненные процессы своей страны, ее отдельного региона, родного города и села.

И общество, семья и школа должны научить его этому еще в детские годы. Очень важно, чтобы высшим проявлением, результирующим такие помыслы и мотивации, стал построенный дом, выращенный сад и воспитанные дети. Словом, все, как в известной народной мудрости о предназначении мужчины. Тогда и Родина для каждого будет представляться в образах святости, любви и благоденствия.

3. Научные основы предпринимательства: возможности больших результатов малого бизнеса

Параллельно перечисленным в предыдущем разделе проектам у меня вызревал и новый, более широкомасштабный и оригинальный по замыслу. Не знаю точно причин, может из-за личного опыта работы по направлению на целинных просторах северного Казахстана, может под впечатлением от броуновского движения сотен тысяч людей в условиях наступающего безвременья и тектонических сдвигов во всем укладе жизни, от осознания невероятной специфики и сложности функционирования хозяйственного механизма огромной страны, но в условиях перехода к новым рыночным отношениям возникла острейшая необходимость разработки социально значимых, крупных технологий, в реализации которых будет заинтересовано большое количество людей. Это был вызов, который, возможно, возникает только в особых обстоятельствах и его пришлось принять.

Мне было понятно главное – больше всего в социальной технологизации нуждаются виды деятельности, состоящие из большого числа последовательных, многочисленных фаз и разнородных операций и, что важнее всего – те процессы, результатом которых является улучшение условий труда, быта и отдыха широких масс населения. Социальные технологии наиболее необходимы и основательнее внедряются там, где обостряются жизненные проблемы.

Одной из причин кризиса, охватившего тогда нашу экономику, является обострение противоречий между основными участниками социально-экономической жизни – человеком, производственным коллективом, регионом и государством. Вот лишь некоторые из их несогласующихся интересов:

1. Человек заинтересован в скорейшем и наиболее полном удовлетворении с помощью, а нередко за счет производственного коллектива, региона и государства своих жизненных потребностей;

2. Производственный коллектив нередко стремится любой ценой повысить рентабельность производства, ограничивая при этом расходы на социально-бытовую сферу людей, на охрану окружающей среды и природные ресурсы;

3. Регион стремится расширить участие производственных коллективов и государства в решении местных проблем;

4. Государство заинтересовано в увеличении поступлений в бюджет, особенно валютных, при снижении централизованных капиталовложений, что делается в основном за счет рядовых граждан, предприятий, организаций и регионов.

Столкновение перечисленных интересов обычно пагубно сказывается на северных и восточных регионах России, вызывая массовый отъезд людей, разрыв межхозяйственных связей и сокращение производства, что представляет серьезную опасность для экономики всей страны.

В этих условиях особое значение приобретают гибкие социальные технологии, способные снять или ослабить противоречивость отношений партнеров, заложить основу для их долговременного и взаимного сотрудничества. Примером такой технологии, учитывающей специфику северных производств, является проект «Социальный конвейер», за разработку которого пришлось взяться мне.

Основой разработки и внедрения данного проекта стала изначально заложенная и объективно существующая конвейерность всего процесса освоения районов Крайнего Севера России, направленного на решение стратегических государственных задач. На Север и обратно, в регионы постоянного проживания, после определенного законом срока выработки льгот двигались и двигаются сотни тысяч людей. Главным мотором этого движения были, есть и будут интересы государства. Оно запускало, контролировало, поддерживало и поддерживает в рабочем состоянии этот гигантский конвейер, используя при этом единственно возможный и простой метод подчинения интересов человека интересам государства. Утверждать обратное будет по крайней мере неправдоподобным даже в первом приближении.

Сначала это выглядело как конвейер ГУЛАГОВСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ, затем внедрение различных северных льгот придало определенную гуманитарную оболочку трудовому энтузиазму добровольцев, их материальная заинтересованность и преимущества в условиях низкооплачиваемой зарплаты – пайка в целом по стране до последнего времени поддерживало его движение. Но в нем все больше стало проявляться сбоев или движения вхолостую, особенно в реализации личных интересов людей.

Материальная заинтересованность и социальные гарантии в их традиционном виде уже не являлись надежным стимулом добросовестного труда на Севере. Необходима научно обоснованная система заинтересованности, охватывающая всю гамму человеческих потребностей, от простых материальных до потребностей высшего порядка. Эта система должна также учитывать интересы производственных коллективов, регионов и государства, управлять возникающими противоречиями, создавать условия для взаимовыгодного сотрудничества партнеров в развитии рыночных отношений.

В то время этот процесс шёл стихийно, а иногда и с помощью старых административно-командных методов, что приводило к обострению противоречий между основными участниками социально-экономической жизни – человеком, производственными коллективами, регионами и государством. Нередко верх брали местнические настроения, узкокорыстные интересы, подогреваемые групповым эгоизмом, желание решать свои проблемы за счет других. Разрыв межхозяйственных связей, невыполнение договорных обязательств, массовый отток людей поставили многие северные производства на грань закрытия, что могло иметь катастрофические последствия для всего общества.

В таких условиях наиболее оптимальным выходом из сложившегося кризиса должна быть государственная программа развития взаимовыгодного долговременного сотрудничества районов Крайнего Севера с центральными и южными регионами России. Концепция, конкретные формы и пути реализации такого межрегионального сотрудничества и были разработаны в социально-экономическом проекте «Социальный конвейер». Выделим его формулировку.

Социальный конвейер – это современная рыночно ориентированная социальная технология, предусматривающая разработку и осуществление управленческого процесса гармонизации интересов человека, коллектива региона и государства, направленных на решение стратегических задач освоения природных богатств севера России на основе новых принципов инвестиционной политики, межрегиональных связей и социального партнерства.

Масштабы охвата, оригинальность замысла и ожидаемый эффект от его внедрения позволяют отнести данный проект к числу не имеющих аналогов. Была разработана общая модель проекта, программа и механизмы его запуска, начато внедрение. При этом были применены методы математического моделирования и прогнозирования, современные достижения статистики, экономики, психологии, права и других наук.¹⁹ Речь шла о радикальном изменении социально-экономической политики государства на обширных территориях с экстремальными климатическими условиями.

Принципиально важно также подчеркнуть, что в его основе остаются приоритетные интересы государства. Именно государство продолжает оставаться его главным заказчиком, исполнителем и гарантом. Обновление, структурная перестройка конвейера происходит именно за счет новой технологии гармонизации интересов, что придает всей государственной программе устойчивый и стабильный характер. В ней общественные интересы включаются в сферу личных интересов человека. Этот принцип включенности одних интересов в другие распространяется на всех партнеров по социальному конвейеру. При этом происходит их согласование и гармонизация – в этом главное достоинство и новизна предлагаемой социальной технологии. В проекте указано, какие социальные, экономические и другие выгоды получает благодаря социальному конвейеру каждый партнер, о чем более подробно пойдет речь далее.

Проект «Социальный конвейер» предусматривает создание расположенным в районе Крайнего Севера производством (назовем его условно комбинатом) сети опорных пунктов (зон сотрудничества) в центральных районах России. Это могут быть городские микрорайоны, небольшие города или поселки. Количество опорных пунктов и их размещение выбираются с учетом потребностей комбината, сложившихся связей, экономико-географических и демографических факторов. Между опорными пунктами, комбинатом и их регионами устанавливается добровольный, на конкретной основе взаимообмен людьми, материальными ресурсами, технологиями и капиталом. Характерной чертой рассматриваемой социальной технологии является ее ориентированность на интересы человека. Так намечается сократить продолжительность работы на комбинате до 10 лет, коренным образом улучшить условия жизни на Севере.

Учитывая, что общая модель социального конвейера разрабатывалась на примере Норильского горно-металлургического комбината и с учетом его основных цифровых параметров ее запуск и функционирование выглядят следующим образом.

1. Определяются 5-6 опорных пунктов в 2-3 благоприятных районах России типа Белгородской области. Заключаются договора на создание ассоциаций, акционерных обществ или просто о межрегиональных связях, скажем администрацией Красноярского края, Норильска, его комбината и соответствующими структурами, ее строительными организациями, где четко распределяются роли и обязанности партнеров.

2. В опорных пунктах подбирается определенное количество молодых людей (лучше семейных) в возрасте от 18 до 30 лет, с которыми заключается индивидуальный контракт, оговаривающий все условия выезда на Север и возврата в родной регион.

При этом принципиально новым и привлекательным должна быть гарантия получения ими жилья сразу не только в Норильске, но и незамедлительно после приезда в Белгороде. Такой жилой массив начинает создаваться сразу после подписания межрегиональных Договоров и принятия соответствующих Законов на основе сокращения строительства на Севере, различных вариантов жилищно-инвестиционных кредитов и других форм взаимодействия государственных, региональных, комбинатовских и личных капиталов.

Удивительно, но к этому времени в стихийном порядке были фактически подготовлены условия для такого взаимодействия. Скажем, комбинат, чтобы отселить людей из Норильска любыми путями, в любом благоприятном регионе, на самых порой кабальных условиях (порой за 2-3 цены) добивался выделения земли, строил жилье, тем самым обеспечивая поток людей не к себе, а лишь от себя. Еще в более униженном положении оказывался отдельный человек. Он просто бился, пробивался к тому или иному чиновнику, чтобы порой через вымогательства добиться вкладывания своих льготных «длинных» рублей в жилищный кооператив и получения через 10-12 лет квартиры.

Круто развернуть этот процесс в сторону привлечения молодых кадров на комбинат можно, если, скажем, кредитовать сооружаемое сегодня жилье в регионах под возвращение через 10 лет набранных по договору на комбинат людей. Причем, для этой цели могут быть задействованы не только капиталы государства, региона и комбината, но и 5-10 процентов личных вкладов людей на льготных условиях. Конкретные экономические формулы жилищного кредита могут носить многовариантный характер в зависимости от условий договоров и содержания законов. Это также касается проблем взаимодействия социальной и производственной инфраструктур регионов.

Имея гарантии и возможность возвратиться с Севера в активном трудоспособном возрасте, человек получает в опорном пункте жилье, работу и продолжает трудиться, способствуя развитию своего региона и комбината. Таким образом, личные интересы человека становятся своеобразной осью, вокруг которой вращается социальный конвейер, связывая воедино интересы всех его участников. Отмеченные особенности социального конвейера определяют основные предназначения опорных пунктов:

а) воспроизводство и подготовка квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров для комбината и связанных с ним производств;

б) расселение и трудоустройство людей, отработавших договорные сроки на Севере;

в) развитие высокотехнологичных производств на базе продукции комбината и сырьевых ресурсов опорного региона;

г) прямой межрегиональный обмен сырьем, продукцией производственно-технического назначения, товарами народного потребления;

д) проведение научно-технических и социально-технологических исследований.

Таким образом, опорные пункты задуманы не как места доживания пенсионеров-северян, а как активно работающие социально-экономические центры, которые не только помогают решить острейшие проблемы комбината, но и являются также действенными факторами развития своих регионов. Благодаря значительным капиталовложениям комбината, социально-бытовая и производственная инфраструктуры опорных пунктов будут развиваться опережающими темпами в объемах, позволяющих значительную часть продукции и услуг предоставлять населению принимающих регионов. Впервые власти регионов будут заинтересованы не бороться «с натиском северян», а по существу за счет северных регионов и государства обустроить жилье и соцкультбыт для своих же людей.

Создание опорного пункта должно вестись по трем направлениям: социально-бытовом, производственном и профессиональной подготовки. В рамках производственного направления необходимо создать предприятия по производству строительных материалов и собственную строительную базу, организовать производство товаров народного потребления, бытовое обслуживание населения. Перечисленные производства можно развернуть сравнительно быстро, на них можно будет занять значительное число северян. Более сложным, но совершенно необходимым является создание агрофирм по производству и глубокой переработке сельскохозяйственной продукции, в том числе экологически чистой, детского питания, консервов для Севера и т.д., что уже начал тогда делать Норильский комбинат.

Перспективным является также создание высокотехнологичных производств по выпуску качественных конкурентоспособных товаров на основе продукции комбината.

Опережающими темпами должно идти создание социально-бытовой инфраструктуры, включающей в себя жилье, торговлю, общественное питание и бытовое обслуживание, здравоохранение, дошкольное воспитание и образование, культуру, искусство, физкультуру, спорт, досуг и т.д.

Пристального внимания требуют вопросы профессиональной и психологической подготовки людей, которые будут работать на Севере. Необходимо организовать профориентацию и подготовку кадров на базе местных школ, ПТУ, техникумов, вузов, а также специально созданных учебно-производственных комбинатов.

Опорный пункт ни в коей мере не станет обузой, инородным телом региону, так как социально-бытовая и производственная инфраструктура будут развиваться с определённым запасом и опережением, позволяющим значительные объёмы услуг и продукции оставить в области, он будет теснейшим образом интегрирован в экономику той же Белгородской области.

Лишь в начальный, переходный период от области потребуются некоторые, во многом, не прямые издержки: выделение земли, мощностей строительно-монтажных организаций, дополнительная нагрузка в связи с прибытием первых партий северян. Но все это будет делаться на договорной основе, не стихийно, как в случае военнослужащих, уволенных в запас, а по согласованному плану. Через несколько лет все издержки области будут компенсированы в результате развития опорного пункта.

Для создания модели социального конвейера межрегионального социологического взаимодействия необходимо осуществление, по крайней мере, двух типов работ: исследование объекта практической деятельности и научно-исследовательская работа, продуктом которой должны быть знания о том, каким образом может быть достигнута цель практической деятельности.

На теоретической стадии проектирования технологии «Социальный конвейер» использовались методы моделирования, в том числе и математические.

Запуск социального конвейера кроме специальных организационных, экономических и правовых мер предполагает также планомерное изменение структуры и интенсивности миграционного обмена. На первом этапе (период разгона, продолжающийся примерно 5 лет) приостанавливается стихийное уменьшение численности населения северных поселений и переселяется необходимое число северян в опорные пункты. К концу периода разгона рабочие коллективы комбината будут в значительной мере обновлены. На втором этапе (период стабилизации, занимающий 10-15 лет) численность населения северных городов и опорных пунктов достигает оптимальных уровней, а миграционные потоки уравниваются. К этому времени достигается заданный уровень самообеспечения комбината рабочей силой за счет опорных пунктов.

Сложность реализации проекта состояла в том, что его детальную разработку и осуществление предполагалось вести одновременно, причем конкретные ощутимые результаты должны появиться уже в первые пять лет. Поэтому все усилия следовало сосредоточить на нескольких главных направлениях. Прежде всего следовало создать и весьма энергично применить договорно-правовую базу для опорных пунктов, стержнем которой должны быть прямые договора о межрегиональном

сотрудничестве при гарантиях специальных Законов и правительственных решений, обеспечивающих механизмы их реализации.

Ранее в рамках общесоюзного законодательства были приняты нормативные акты, регламентирующие льготы работникам в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В это время эти постановления требовали детальной переработки и обновления. По существу законодательство о развитии северных регионов должно быть создано заново.

В нем должен быть закон «О социальной гарантии лицам, работающим в особых климатических условиях», закон «О межрегиональных хозяйственных связях». Кроме того, необходимо было разработать постоянно действующее соглашение по социальному конвейеру на уровне регионов, а также соглашение профсоюзов и местных властей по обеспечению социальными гарантиями лиц, отработавших соответствующий срок на Севере.

В первую очередь должна начать работу группа социального планирования. Неотложная задача – подготовит и организованно провести первую ротацию. Нужно знать, сколько людей можно принять, обеспечить трудоспособным рабочие места и т.д. Следует разработать условия контракта и подобрать людей нужных специальностей, которые поедут в Норильск. Организовать в случае необходимости профессиональную подготовку рабочих на базе соответствующих в городе (области) учебно-производственных комбинатов; создавать информационные массивы по комбинату (Норильску) и Белгороду (области) с глубиной не менее 5 лет; организовать информирование населения, вести отбор людей. Готовить условия для их приема на комбинате. Это очень ответственный момент, т.к. негативная обратная связь (расторжение контрактов, возвращение недовольных людей) может скомпрометировать идею и погубить дело.

Отсюда вытекает идея «встречного движения». Её суть заключается в том, что социальный конвейер не удастся запустить и поддерживать в рабочем состоянии без существенных изменений на самом комбинате. Среди них важнейшие: улучшить социально-бытовую и культурную сферу, оздоровить условия труда, облегчить снабжение северян всем необходимым, на основе модернизации производства максимально сократить число работающих на Севере.

Приняв государственную программу реализации социального конвейера, Правительство без каких-либо дополнительных затрат выполнит свою стратегическую задачу – создать благоприятные условия для развития горизонтальных межхозяйственных и межрегиональных связей, что позволит улучшить самообеспечение регионов и снизить централизованные капиталовложения. В результате внедрения технологии социального конвейера вся социально-экономическая политика

государства по освоению районов Крайнего Севера приобретает четко планируемый и управляемый характер, дает максимально возможный народнохозяйственный и социальный эффект, который будет исчисляться триллионами рублей. Снижение социальной напряженности, улучшение экономической ситуации и связанное с этим увеличение отчислений в бюджет сбалансируют интересы государства, его регионов и человека.

Социальный конвейер предоставляет людям возможность: достичь материального благополучия и реализовать себя как личность в более сжатые сроки; вкладывать личные средства в строительство жилья и развитие производства в своем регионе; сократить срок работы на Севере до 10 лет и возвращаться назад обеспеченным человеком, собственником и в активном трудоспособном возрасте 35-40 лет.

Человек, став собственником и получив экономическую свободу, перестает быть иждивенцем государства. Государство же получает возможность уделить больше внимания социально незащищенным слоям общества.

Северный и опорный регионы благодаря социальному конвейеру смогут улучшить экономическую ситуацию, решить важные социальные, кадровые и демографические вопросы, что несомненно благоприятно скажется на качестве жизни людей. Внедрение социального конвейера укрепит хозяйственную независимость комбината, позволит ему самостоятельно, без помощи государства решать основные задачи социально-экономического развития. Комбинат в свою очередь будет надежно обеспечен квалифицированными рабочими и инженерно-техническими кадрами, добросовестно и творчески относящимися к труду.

В рамках проекта социального конвейера в опорном регионе будут созданы современные производства, работающие как на местном сырье, так и на материалах комбината и северного региона. Обустроенная в рамках опорного пункта социально-бытовая инфраструктура будет в значительной мере работать на принимающий регион.

Таким образом выглядела общая конфигурация проекта, дополненная математической моделью его функционирования, которую не без трудностей удалось создать с помощью белгородских математиков на основе перевода содержания разработанной социальной технологии на язык математических формул.²⁰ Их простота, доступность и динамичность были, безусловно, нашей общей удачей. Но это был чисто теоретический результат.

А практическое внедрение проекта зависело только от одного человека – генерального директора Норильского горно-металлургического комбината Анатолия Васильевича Филатова, которому я в письменной форме изложил его основной замысел. Обращаясь к столь авторитет-

ному руководителю самого крупного промышленного предприятия в СССР, признаться, не надеялся на его заинтересованное рассмотрение выдвинутых предложений и тем более положительный ответ, с учетом тяжелой обстановки в стране на грани ее распада. Думал уже о том, как их растиражировать и разослать по всем северным регионам.

Однако вскоре ко мне прибыл заместитель генерального директора по капитальному строительству НГМК Д.С. Бакшеев, которому было поручено изучить обстановку и на месте рассмотреть возможности заключения договора между Белгородским центром социальных технологий и комбинатом. Будучи молодым и задорным, но уже опытным управленцем, он оперативно разобрался в ситуации и на свой страх и риск, чисто на вербальном уровне поверил в серьезность наших намерений, в нашу ответственность и надежность. Доклад гендиректору был положительным, и тут же началась напряженнейшая работа.

Сразу же оговоримся, это были последние месяцы 1991 года, когда о созидательных решениях мало кто думал, так как для таких размышлений условий уже не было. А мы к тому же не просто думали, а начали действовать. Для запуска социального конвейера нужно было построить первый жилой дом и отселить в него полторы сотни семей пенсионеров. Он стоил тогда полтора миллиона советских рублей, которые были сразу же перечислены центру социальных технологий. О такой удаче нам вместе с генподрядной строительной фирмой не могло даже присниться во сне, ибо кругом царило безденежье, а выполнение финансовых обязательств было и вовсе правилом дурного тона.

По исчезающей стране всюду задул ветер кидализации, которая набирала силу и мощь как один из существенных факторов делового взаимодействия. Главное заключалось в том, кто кого быстрее кинет. Любая банковская операция тогда могла стать роковой для плательщика и обернуться полной потерей денег. Риск стал обязательным компонентом любых финансовых отношений. На комбинате рискнули.

Но радоваться можно было всем, кроме меня, прошедшего незадолго до этого специальный семинар в американском республиканском банке. Там я многое понял впервые в жизни. Особенно меня поразило доклад одного эксперта о развитии ситуации в СССР, где главным было быстро наступающий переход от высокой советской инфляции, официально скрываемой властями, в рыночную гиперинфляцию. Туго натянутая струна кризиса должна была в любой день лопнуть и прервать затихающую музыку псевдосоциалистической экономики, ставшую к тому времени практически траурной. Ее отзвуки отдавались на многомиллионные очереди и пустующие прилавки магазинов.

Уже через неделю после получения нами денег было объявлено решение Правительства Е.Т. Гайдара о либерализации цен. Надо было срочно каким-то образом спасти деньги, следовательно быстрее на-

чинать стройку и вкладывать их туда. А для этого в таких сложных условиях за считанные месяцы мы должны в 4-5 раз быстрее сделать все то, что в обыденной жизни привыкли делать за год-полтора как минимум. Надо было срочно осуществить всю неповоротливую процедуру отвода земли, спроектировать и привязать здание, согласовать и принять решения по инфраструктуре. В органах власти на меня смотрели как на не совсем адекватного человека. Просто в то время этого не делал уже никто. Мне же пришлось взвинчивать и накалять невероятным напором ситуацию до предела.

Звонок первого заместителя губернатора области М.Я. Гойхбарга, охлаждающий мой пыл, застал непосредственно на площадке будущего дома. В кабинете, где мы встретились, стояли клубы невыносимого для меня дыма, а хозяин продолжал беспокойно их добавлять. Разговор был очень кратким по форме и ошеломляющим по содержанию. Это был опытный строитель, глубоко понимавший всю ситуацию. Привожу драматический диалог. Ты единственный в области, кто получил деньги сразу на целый дом, – подчеркнул он. – Инвестиции на нуле, строители останавливаются и начинают разоряться, они не могут заплатить за материалы заводам, те уже сидят без зарплаты.

На Харьковской горе, где ты привязываешь дом, стоят больше десятка уже построенных коробок без окон и дверей, – нет инфраструктуры и денег на нее. На предприятиях ЖБК изготовлено пять километров специальных крупногабаритных труб для мощного канализационного коллектора. Стоят они полтора миллиона рублей. Тридцать процентов мне удалось собрать вскладчину с заказчиков. Их казну вычистили до копейки.

У города и области денег нет. Очень тебя просим заплатить миллион и на дом больше не будет никаких обременений. От неожиданности я оцепенел. Но он продолжал поливать меня еще более негативным шквалом. Пока ты даже при максимальной скорости будешь все утрясать и согласовывать, пройдет не меньше полгода. За это время нули на деньгах сами по себе исчезнут, соответственно твоя инвестиция наоборот приблизится к нулю. А если нам поможешь, то город будет обеспечен канализацией на век вперед.

И уже вполне сочувственно завершил: дом ты все равно не построишь, наступает время развала и в нём место строителям не просматривается. Отчаянные столкновения разлетающихся по кризисным тупикам моих мыслей закончились подписанием счета на один миллион рублей. Оставшихся денег как раз хватило на сваи. Все, что мне сказал глава строительного комплекса области, подтвердилось, за исключением обременений нашего дома. Их власти осуществили по полной программе, не обращая внимания на оплаченный коллектор. За все ушла практически третья часть квартир. Отсюда уже ясно, что

дом вопреки мрачным предсказаниям построить-таки удалось. Причем, в рекордный даже для нормальных условий срок – за год.

Тут уж без подковырки оппонента не обойтись. В самом деле, стоит профессиональных строителей заменить на социальных технологов и долгострой исчезнут сами по себе. Нет, надо в максимально возможной степени сменить мотивации строителей и стиль управления всем комплексом работ. Это мы отвечаем оппоненту. К тому времени он весь был заточен на командно-административных методах, об экономических аспектах говорилось только в докладах и писалось в справках. Сверху вниз спускались планы, задания, деньги и материалы, а на всех уровнях организовывались так называемые штабные планерки, которые и были ядром, главным мотором всей стройки.

Самая большая планерка проводилась у руководителя Главка «Центртяжстрой», где решались наиболее крупные вопросы взаимодействия генподрядчика и субподрядных организаций. Следующая по рангу проходила непосредственно у управляющего генподрядным трестом, затем у начальника строительного управления и, наконец, уже в более сжатом по количеству участвующих руководящих персон прямо в вагончике начальника стройучастка. В такой четырехзвенной системе было всё, начиная от четких планов, графиков, нарядов, заказов, отчетов, проверок и кончая персональной ответственностью каждого за порученное дело. Не было только одного – исполнения намеченного и хотя бы малейшего правдоподобия в сложившейся композиции деловых отношений.

Все было замешано на тотальном вранье, бодрых обещаниях и их невыполнении, бесконечных выяснениях, кто виноват, кто сорвал, кто недопоставил, кто недоделал и так далее и тому подобное. Особый колорит в такую управленческую сумятицу вносила партийно-советское руководство строительным комплексом на уровне района, города и региона. Всевозможные уполномоченные, прикрепленные и ответственные за объект чиновники, особенно высокого ранга, легко перекраивали любые производственно-технологические схемы и планы.

А если еще вопрос рассматривался на официальном заседании какого-то вышестоящего органа, то ситуация на объекте могла измениться до неузнаваемости. Например, на недостроенные жилые дома могли собрать плотников, электриков, слесарей-сантехников, маляров, со всех учреждений и организаций города. Это сотни дополнительных, нигде не предусмотренных по производственной технологии рабочих мест. О каких планах может идти речь? Тут только аврал и неразбериха. Проще было, когда заберут половину своих людей и техники на внеплановые объекты.

Читающий эти строки должен удивиться, ведь он ещё не познакомился с нашим анализом такого явления как перераспределение. Так

сложилось по утвердившейся обреченности, что стройки первыми попадали под ее сокрушительный нож. Мне, участвовавшему лично много лет в таком управленческом круговороте, порой казалось, что все эти спланированные конкурсы мастеров словесности, а именно так называли бесконечные заседания и планёрки, придуманы и делаются специально для какой-то непонятной нам мотивации и поддержания тонуса партийного руководства всем и вся.

Ведь проще не трогать строителей, и пусть они построят сами дом, как это положено по технологическому регламенту. Зачем сотни и тысячи часов тратить на риторические упражнения, в которых важность нового жилья для трудящихся, укрепления дисциплины и повышения качества работ были в числе самых повторяемых сверху донизу фраз. Словом, выкручиваться, врать и обещать несбыточное на каждом шагу – это было уже вынужденным состоянием души всех, кто работал внутри огромного строительного комплекса страны и вопреки всему, сдавал объекты с горем пополам с затягиванием сроков и с низким качеством в эксплуатацию.

И вот всего этого нет. Ситуация поменялась на 180 градусов. Не изменились только сами строители и их начальники, которые натренировались и были готовы к любым полемическим состязаниям. На объекте перед ними один я, заказчик, от которого нужны только деньги, остальное как получится, в зависимости от ситуации. На крайний случай все можно объяснить, по привычке считали они. Совсем иные размышления одолевали меня, понимавшего, что так просто из одного состояния экономики не перепрыгнешь в другое, еще большая пропасть пролегла через души людей. К тому же помощи ждать не от кого, и я судорожно искал конкретные механизмы своих управленческих действий.

Как дамоклов меч нависал срок сдачи дома в эксплуатацию по договору, нарушение которого нельзя было допустить ни при каких обстоятельствах. И это не было чьим-то условием, угрозой санкций или снятием с должности. Я его сам в соответствии с нормами и регламентом строительства определил больше всего в качестве собственной самоустановки. Хотя можно было взять и на полгода и даже на целый год продолжительнее срок. В советское время реально дело растягивалось, как правило, в среднем на 2-3 года.

Положение усугублялось тем, что коробка была смонтирована как раз под конец осени, а подтянуть всю почти двухкилометровую инфраструктуру одновременно денег не было. Без этого отделку дома вести в зимних условиях невозможно. Выход один – за месяц сделать теплотрассу и электричество, а зимой постепенно газ, воду и канализацию. Самое важное и трудоемкое – это тепло. Когда я озвучил сроки и план действий, никто ничего не пообещал, все молча разо-

шлись, привычно посмеиваясь в сторонке над очередным фантазером в моем лице. Руководство монтажного управления представило согласованный с генподрядчиком полугодовой график работ с подачей тепла весной. На мой вопрос, а с учетом коэффициента брехологии, который мною был введен с первых дней делового взаимодействия со строителями, когда, – ответили, реально к следующей зиме, то есть через год.

В условиях полнейшей неразберихи и развала удивляться было нечему, к тому же всё логически вытекало из привычных схем. Мое внимание теперь было сосредоточено непосредственно на коллективе бригады монтажников во главе с мастером М.Н. Бусловским и бригадиром В.А. Кореньковым. Зарплату им платили с двухмесячными задержками, ее и без того низкий уровень еще сильнее понижался высокой инфляцией. Настроение рабочих было скверным, и они из-за периодически морозящего осеннего дождика большую часть рабочего дня отрешенно сидели в вагончике и забивали козла в домино.

Когда я им предложил зарплату в два раза больше с выдачей ее ежедневно, а через месяц после подачи тепла хорошую премию, они не поверили, но на всякий случай на следующий день выполнили объем по подготовке сварки труб равный предыдущей неделе. После первой за всю свою жизнь такой однодневной получки на следующий, уже по настоящему дождливый день, они выставили несколько сваренных навесных грибков и, подчеркнув, что используют их тоже впервые в жизни, приступили к работе. Меня они заверили о завершении ее в срок, правда, при условии работы в выходные дни. Согласившись, тут же утроил на них оплату. Все так и вышло, точно в срок. Для меня это был не столько экономический, сколько социально-технологический успех, и с этой бригадой мы сделали потом еще немало поразительных результатов.

Ключевым фактором здесь выступало полное отсутствие бюрократизации и многозвенности управления, что позволяло оперативно принимать решения по самым мелким и крупным вопросам одновременно, без многочисленных бумаг, согласований и совещаний. Вскорости мы начали строить еще пять домов одновременно. Немало удивленный такой организацией бывший начальник Главка «Центртяжстрой», строившего Лебединский и Стойленский ГОКи, Оскольский электрометаллургический комбинат и сотни других объектов, опытный строитель Лев Николаевич Потапов побывал на объекте и дал очень лаконичную оценку – всё кипит.

По выходе на пенсию он работал проректором технологического института стройматериалов вместе со мной. Там с большим трудом, только на пятом году достраивался двухподъездный жилой дом. Не выдержав таких непривычных для него темпов работы, обременен-

ный невероятным бумаготворчеством, от которого очень страдали все бюджетные организации, он вскоре покинул свой пост. Запомнились его слова, с огорчением сказанные после моего разъяснения нового подхода к управлению стройкомплексом: как жаль, ведь это же можно сделать было раньше и не допустить такого развала страны.

С одобрением к нашему рвению отнеслись и на комбинате, который инвестиции, предназначенные для других регионов, начал направлять на Белгородчину. Область стала опорным пунктом социального конвейера, запуск которого успешно состоялся. Норильчан мы здесь встречали с духовым оркестром, оказывали им всемерную поддержку. Люди, прожившие десятки лет в условиях вечной мерзлоты, стали приглашать сюда своих детей и внуков, те в свою очередь начали вкладывать свои личные средства в строительство нового жилья, в том числе и дач. Они как-то по-особому относились к земле, чувствовались отрицательные издержки вечной мерзлоты.

Вскоре после заселения первого дома на окраине города они поставили передо мной необычный вопрос – кому принадлежит находившийся возле него пустырь, поросший многолетними бурьянами? Куда мы только не ходили и не обращались, никто не знает, а мы хотим здесь сорняки убрать и разбить временные огороды. Нам нужно разрешение. Не зная также ответа и понимая, что сюда строители приедут не скоро, решил по подобию первоапрельского сценария сказать: считайте, что разрешение у вас уже есть. А если спросят, кто разрешил, скажете обо мне, – окончательно утвердил я их желание.

Уже через несколько недель здесь во всей красе зеленели грядки и расцветали цветочные клумбы. Удивительно, но моя шутка для всех проверяющих и уточняющих действовала как серьезный факт. Очередное огородное счастье для жителей дома длилось более десяти лет, пока не началась новая стройка.

В целом нам удалось выполнить практически все основные мероприятия по запуску социального конвейера на его начальном этапе. Комбинат создал свое представительство в Белгороде для координации всех работ и межрегионального взаимодействия, купил акции пригородного плодоовощеводческого совхоза и спортивно-оздоровительную базу. Начались прямые без посредников поставки в Норильск сельскохозяйственной продукции, особенно овощей и фруктов, пошел процесс создания малых предприятий и новых рабочих мест.

Мы сумели переселить более четырехсот семей пенсионеров, только по линии комбината, что было крайне важным и освобождало жилье для молодых кадров в самом Норильске. К тому времени предприятию благодаря инициативной и старательной работе опытного управленца Владимира Иосифовича Федянина удалось запустить ряд

предприятий в Краснодарском крае. Но тут случилась приватизация комбината по залоговому аукциону, и все остановилось и замерло. По крайней мере на время.

Принято считать девяностые годы если не исчадием ада, то безвременьем точно. А между тем, тогда действовали законы, создающие весьма благоприятные условия для бизнеса, особенно начинающего. Например, всем, кто занимался строительством жилья, полагалась очень серьезная льгота. С них не взимался НДС. Если прибыль инвестировалась снова в строительство социальной или производственной направленности, с неё также не взимался налог.

Складывающаяся у нас прибыль таким образом практически вся шла в дело. Вместо мерседесов, малиновых пиджаков и дорогостоящих удовольствий, чем грешили многие новоявленные бизнесмены, мы решили построить завод по производству лечебно-восстановительных продуктов и напитков на основе биоженшеневых добавок. Мало кто поверит, но привязан, спроектирован и построен он был ровно за год.

Так в области в 1994 году появилось первое нанотехнологическое производство биологического женьшеня. Однако, как только я в Америке узнал, что это геномомодифицированный продукт, а от нас такую информацию почему-то скрыли отечественные держатели данного штамма, мы перепрофилировали предприятие в фармацевтическое. Легко сказать и написать, на деле же такая перенацеленность оказалась весьма сложной.

Хорошо, что нашлись специалисты, сумевшие правильно спланировать и организовать всю работу. Технологические регламенты, фармакопейные статьи и лицензионную документацию подготовила Наталья Николаевна Сабельникова, которая с присущей ей грамотностью и тщательностью организовала производство спиртосодержащих препаратов и бальзамов из лекарственных растений. Благодаря золотым рукам механика Михаила Васильевича Шубина была запущена и бесперебойно работала производственно-технологическая линия. Коллектив быстро освоил новое производство и выпускал добротную продукцию.

Предприятие стало самым крупным, если не единственным по такому профилю лекарств в Центральной России. Но в начале нового века оно попало в сложное положение. К тому времени государство завершило свои мероприятия по приватизации всей спиртовой и ликеро-водочной промышленности, что в условиях реформ в России было грубейшей, непоправимой ошибкой, которая и по сей день оказывает свое негативное воздействие на всю социально-экономическую жизнь общества.

Кому и как достались такие предприятия и как их эксплуатируют комментировать не будем, и так все понятно. В ход пошли всякого

рода суррогаты, паленки, химикаты и самоделки. Один из таких хозяев крупного фармацевтического предприятия после приобретения ряда спиртзаводов сделал нам заманчивое предложение, сулившее приличные заработки. Мы получаем спирт без оплаты за него, без каких-либо акцизов и налогов и различные химические ароматизаторы вместо лекарственных растений, делаем из них якобы лекарства и отгружаем поставщику готовую продукцию.

Разумеется, мы сразу же отказались даже думать о выпуске такого пойла, после чего продержались на рынке не больше года. Зато повсеместно появились пузырьки с жидкостью, пахнувшей боярышником, пустырником, прополисом, календулой и другими якобы лекарствами намного дешевле наших натуральных настоек, изготовленных строго по технологии.

Левый эрзац-продукт всегда побеждает более низкой ценой. За товаром в аптеки тут же потянулись люди с серо-землистыми лицами, по виду напоминающие злоупотребляющих ликеро-водочными напитками. Они для них из-за постоянного повышения акцизного сбора и цен стали недоступными. Теперь правительство не знает, как выйти из такого плачевного положения, в которое оно же всех пьющих и непьющих и поставило. Понятно, кто и почему теперь главный потребитель таких лжелекарств, но ведь их же берут для лечения и действительно больные люди. Впрочем, при таком разгуле мамонофилии это мало кого волнует.

С научных позиций для меня была давно ясной и четко выраженной несбалансированность нашей предпринимательской инициативы и ее результатов с промышленной политикой государства, которая закончилась вместе с распадом СССР. С той поры в данной сфере, а точнее вокруг нее, много риторических упражнений производится, но подходы к созданию высокотехнологических предприятий постиндустрии пока только обсуждаются. Мало заметных положительных сдвигов. Изредка открываются новые производства на подачки с барского сырьевого стола. Повторюсь, в таких условиях легче купить и перепродать, чем создать свое производство.

И тем не менее мы продолжали создавать: хлебопекарню, обувную и мебельные фабрики, производство и бутилирование высококачественной воды «Рождественская», сборку медицинского оборудования и его сервисное обслуживание и другие предприятия. Некоторые из них прекращают свое существование, другие – работают даже вопреки дефолтам и кризисам. Мы же до сих пор продолжаем с осознанной наивностью верить, что спекулятивный мамонофилический бум в нашей стране скоро закончится и государство повернет свои взоры и политику к отечественному производителю. Теперь даже объявленные санкции его подталкивают к такому развороту.

Давно не слышно голоса оппонента, который наверняка поджидает информацию о судьбе социального конвейера. По его внедрению мы еще в начале 1992 года обратились за государственной поддержкой в Правительство страны, но ему было не до новых проектов, оно гасило пожары навалившихся проблем обеспечения людей продуктами питания и занималось приватизацией. В регионе его поддерживали, но с оговорками, что он несет угрозу социальной стабильности. Будет большой приток пенсионеров, и бюджет области не выдержит такой нагрузки.

Действительно, угроза такого социального перенапряжения существовала, но только на позиции первого шага – притока сюда пенсионеров. Остальные фазы не просто компенсировали первоначальный социальный диссонанс, который к тому же был в процентном соотношении незначительным к числу имеющихся пенсионеров, но икратно перекрывали целым рядом факторов развития.

Из них первый и решающий – прирост инвестиций. Ведь в 1991-95 годах мы своим проектом не дали погибнуть строительной индустрии Белгорода, обеспечили около двухсот бесплатных квартир для нужд белгородцев за счет отчислений по решению еще советских органов власти. Многие бизнес-структуры оспаривали их законность и не выполняли. Наш же центр социальных технологий добросовестно исполнил все предписания. Подчеркнем, это были самые трудные годы, когда все останавливалось и совсем нередко навсегда.

Всего нам удалось переселить свыше четырех тысяч человек, которые принесли с собой не только свои скромные государственные пенсии, но и свои трудовые сбережения, ставшие вкладами в потребление, явившиеся решающим фактором развития экономики. Они начинали активно приобретать или строить гаражи, дачи, земельные участки и т.д. К тому же для таких социальных процессов характерна высокая степень саморазвития. Стоит их запустить, задать даже незначительный инерционный ход, и они начинают воспроизводить свою нарастающую динамику. И здесь уже не требуется специальных решений, организаций и мотиваций. Главное – не создавать препятствий, не мешать.

В этом плане отдельных оценок заслуживает Белгородский национальный исследовательский университет, который буквально за несколько лет стремительно развился из рядового провинциального пединститута. Принято считать, что университет несет в себе две важные функции – подготовку специалистов и развитие науки. Соподчиненные им значения имеют также ряд социокультурных направлений университетской миссии, которые он реализует в регионе.

По этим показателям оценивают всю его деятельность, определяют место позиционирования в научно-образовательном пространстве.

И практически не учитывается его инвестиционная роль как в прямом значении, так и в опосредованном виде. В экономических расчетах обычно сравнивают два основополагающих финансовых показателя: затраты на строительство и создание материальной базы, с одной стороны, и затраты университета на профессиональную подготовку кадров и науку, – с другой. А его влияние на развитие региона мало кто оценивает, ограничиваясь общими суждениями.

Получаются следующие итоги. Если за пятнадцать лет регион вложил около двух миллиардов рублей в развитие университета, то ВУЗ подготовил свыше пятидесяти тысяч специалистов для подавляющего большинства сфер жизнедеятельности области на сумму свыше пятнадцати миллиардов рублей. Плюс он привлек инвестиции на поставку современного научного оборудования объемом пять миллиардов рублей. И это не считая опосредованной многомиллиардной отдачи в виде объемов выполненных научно-исследовательских и экспериментально-производственных работ, результатов внедренных проектов, деятельности малых инновационных предприятий, созданных более двух тысяч в основном наукоемких рабочих мест.

Но и это не все. Когда я возглавил БелГУ, то обратил внимание на поступление абитуриентов из других регионов, особенно северных и восточных направлений. Стало понятно, что здесь действует тот самый социальный конвейер. Складывалась нарастающая из года в год динамика, которую руководство вуза поддержало специально разработанной и внедренной социальной технологией формирования корпоративной культуры в студенческом и преподавательском коллективах. Поток желающих поступить в университет увеличивался. Всего за пятнадцать лет прибыло на учебу в БелГУ более пяти тысяч юношей и девушек. Не все, а как показывали специальные опросы, около 30 процентов из них способствовали вложению средств в жилье областного центра. А это около десяти миллиардов рублей инвестиций, что позволяет назвать университет серьезным инвестиционным стимулятором, непосредственно влияющим на создание благоприятной и притягательной социально-экономической среды областного центра и всего региона.

Решающими в таком случае начинают выступать социальные коммуникации и технологии, которые принято называть «из уст в уста». Мне могут возразить, что допускаю явный перебор в оценке чисто случайных и стихийных микропроцессов межличностной коммуникации. Однако мы не согласимся и более детальной расшифровкой попытаемся утвердить обозначенную позицию.

Лучше всего это видно на конкретном примере одной переехавшей в Белгород семьи пенсионеров. Получив от комбината двухкомнатную квартиру, они знакомятся с городом, социокультурными и природно-

климатическими условиями проживания. Постепенно утверждаясь в положительных оценках и предпочтениях, сообщают об этом своим детям и внукам, которые заканчивают школу, а тут создан новейший университет, все более активно заявляющий о себе востребованными специальностями XXI века, перспективными направлениями развития науки.

В свою очередь молодые люди после приезда к родителям убеждаются в том, что это приемлемое место для их проживания в пенсионный период и создания надлежащих условий для учебы и работы их детей. Они вкладывают деньги в покупку земельного участка под строительство индивидуального жилого дома, а если позволяют возможности, то и долевой квартиры. Словом, диагностика и вариативный прогноз развития жизненной ситуации переходит в целеполагание, выработку решений и способов их осуществления. Люди не торопясь, воочию, непосредственно на месте все изучают, сравнивают, уточняют и планируют свое будущее устройство жизни.

Они знакомятся не только с обстановкой, но и устанавливают деловые контакты, вступают в предпринимательские отношения, саморегулируют свои действия, рискуют. Здесь в полной мере проявляется вся социально-технологическая линейка вплоть до достижения конкретного результата. Их дети поступают в местные университеты, в основном на специальности, по которым можно работать на Севере по семейной традиции, часть сразу ориентируются учиться, жить и работать на Белгородчине.

Так область становится местом миграции не только пенсионеров, но и высококвалифицированного работоспособного поколения, она пополняется молодежью, здесь рождаются дети, складываются устойчивые тенденции прироста населения, что особенно важно для региона-донора, десятки лет отправлявшего своих людей на целину, в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Работая со статистикой, у меня как-то возник вопрос, а почему население области, начиная с ее образования в 1954 году и до начала XXI века не претерпело заметного приращения, и каким оно видится объективно в контексте общемировых тенденций? По всем основным параметрам, условиям и показателям на Белгородчине должны проживать 3-3,5 миллиона человек, то есть в два раза больше нынешнего количества. Только тогда здесь можно в полном объеме реализовать программы инновационного, высокотехнологического и наукоемкого развития многих сфер жизнедеятельности, которых никогда не было и в настоящее время нет или они находятся в зачаточном состоянии.

Невольно возникает вопрос, а за счет кого делать такую существенную прибавку? Дальневосточные и Северные территории оголяются или постепенно пустеют. Напрашивается выход в привлечении

внешних мигрантов, но рухнувшие надежды западноевропейцев на эффективную мультикультурную политику предостерегают нас от ее плачевного повторения в России. Теоретики свободного общества и абсолютизации прав человека наткнулись на марксистскую ошибку о постепенном стирании национальных граней в ходе нарастающей активности, интенсивности межнационального общения и постепенного выравнивания уровней развития всех наций и народов.

Они кинули на дешевую рабочую силу из стран третьего мира, подняли во многом за счет этого свою экономику и столкнулись с непривычными для них и неожиданными по масштабам проявления социальными проблемами. В общем, вышло как в известной русской поговорке о дешевой рыбке и не очень хорошей юшке. Хотя все это упаковывалось в приличные одежды мультикультурализма и равноправия.

Наиболее приемлемым выходом может стать внедрение социального конвейера на государственном уровне с четким законом, прописывающим гарантии и правила делового поведения для всех сторон. В частном порядке это сделать очень сложно, о чем показал и наш опыт. После залоговой приватизации Норильского комбината интересы снова пришли в состояние рассогласованности, новые хозяева стали сбрасывать с себя всякие социальные обременения и больше думают только о производстве и прибыли. Наступили новые времена, новые отношения и приоритеты, в которых на ключевую позицию вышли деньги и их вечное бесперерывное сопровождение мамонофилий.

4. Сущность национальной идеи не давать народу нормально жить – будет ли избавление?

Всякий исследователь общества той или иной страны всегда вынужден обращаться к одной специфической категории – национальной идее. Как-то в начале раздраных 90-х годов прошлого века невольно пришлось задуматься и мне. Можно сказать, не по доброй воле, а по принуждению – уж слишком громкой и навязчивой была пропаганда, нет, не национальной идеи, а самой необходимости ее иметь. Создавалось такое впечатление, что жить без нее никак нельзя. Надо все бросить, а идею такую срочно создать, и она станет тем эффективным спасательным кругом, который выведет Россию на путь процветания. И за такое благородное дело взялись все, кому не лень. Особенно старались те, кто кроме риторических упражнений в жизни ничем не занимался.

Чего они только не напридумывали – средства массовой информации буквально захлебывались от изложения и разъяснения все более творческих и оригинальных словесных изображений. А коль таких становилось все больше, тут же не меньше появлялось опровержений,

развенчаний и других оппонирований. В общем, процесс пошел во всех ярчайших красках словоблудия.

Вдумчиво окинув взглядом историю своего отечества и мира в целом, мне приглянулись и показались важными два ключевых вопроса: что общего в содержании различных национальных идей тех стран, которые на них сосредотачивались и кому они больше всего нужны? Для любого социолога многие вопросы можно прояснить так, что затраты времени и сил будут минимальными, а результаты могут оказаться значительными. Во всяком случае мне это удается практически всегда, когда нужно. И вот на занятиях со студентами состоялись краткие социологические разминки с элементами мозговых атак. Вскоре сложилась следующая картинка их мнений и отношения к заданной проблеме. Подавляющее большинство из них никогда не задумывались об этом, не знают, что такое национальная идея и не понимают зачем и кому она нужна. Примерно такие же показатели выявились и во время моих ненавязчивых бесед с различными категориями респондентов.

Не утруждался я, естественно, от прояснения ситуации и у своих главных экспертов жизни – отца, дяди и других деревенских долгожителей. Их суждения оказались по-крестьянски краткими в словесном выражении, но очень ёмкими по смыслу. Нормально народу жить – вот и вся идея. – Но не дают же! На первый взгляд простые слова, очень доступные и основательные, а заставляют очень глубоко задуматься и в конце концов выводят прямо на истину.

Пусть читатель не подумает о чем-то нескромном с моей стороны, но всё у меня от таких слов вскоре прояснилось, причем не в границах национального, а в общечеловеческом, глобальном масштабе. Не давать народу (народам) нормально жить – это ведь и есть тысячелетняя общенациональная идея всех, кто ими правил или правит. И сформулирована она самой жизнью, выражена мудрым крестьянским умом, а мною лишь оформлена не совсем надлежащим образом.

Но почему она носит негативный оттенок? Не проще ли развернуть ее на позитив? И звучит она значительно оптимистичнее и надежнее как в восприятии, так и в практическом исполнении: национальная идея – давать народу нормально жить. Это по варианту без приставки «не», а если с нею, то можно заменить на словосочетание «не мешать народу нормально жить». В любом случае вполне приемлемо для главного объекта ее применения. Но это формула-пожелание, формула-гипотеза на все времена и на все народы. Ее знали и понимали не только крестьяне села Александровки в конце XX века, а многие люди сотни и тысячи лет назад. Для этого не надо быть ученым-философом или юристом, социологом, достаточно быть обыкновенным разумным человеком.

Естественно, сутью этой незамысловатой по форме идеи, которая по содержанию представляет прежде всего целостный социально-технологический процесс организации жизнедеятельности и жизнеустройства общества, основанный на осуществлении всех рассмотренных нами ранее операций, является управление. Его субъект – управляющий отдельный человек или партия, объект – управляемый ими народ.

Результат же в первую очередь зависит от смысла управления. Если народ служит управляющим, которые господствуют над ним, на нормальную жизнь можно не рассчитывать ни при каких обстоятельствах. В лучшем случае об этом можно услышать в фарисейских речах или увидеть на плакатах. В случае же когда управляющие служат народу, учитывают его интересы, нормальная жизнь может оказаться реальностью.

История, правда, мало знает таких примеров, но они есть. И мне представляется возможным напомнить именно о тех, которые не получили должного освещения и оценки в России. Речь идет о власти последнего Верховного главнокомандующего русской армией в Крыму генерала П.Н. Врангеля. Как храбрый воин и талантливый полководец он не мог разделить ответственность за ошибочную стратегию генерала А.И. Деникина в организации наступления добровольческой армии на Москву и ушел в отставку после отклонения его предложения идти на соединение с войсками адмирала А.В. Колчака.

Поход на Москву провалился. Остатки разгромленной белой армии спешно отходили на юг страны. А.И. Деникин покидает Россию и предлагает П.Н. Врангелю возглавить белое движение. Понимая, что превосходство силы и мощи Красной армии нарастает, он в качестве последней надежды на спасение России берется за это безнадежно проигранное дело. Получив отказ в помощи стран Антанты, генерал самостоятельно приводит в боевой порядок армию и незамедлительно проводит социально-экономические реформы в Крыму.

Никто не мог понять, почему вчерашний ярый поборник царского строя, барон, вдруг стал либерально-демократическим реформатором. И только он сам осознавал, что наступил момент, когда в России власть на деле должна служить народу. В своих обращениях и решениях он всегда связывал их с пожеланиями различных слоев населения. Подчиненным он многократно подчеркивал: хотите добиться успеха – сделайте так, как желают того люди.

В числе первых была проведена земельная реформа. Все крестьяне получили землю и полную свободу хозяйствования на ней. Каждому был обеспечен льготный кредит. К осени 1919 года в Крыму был собран рекордный урожай хлеба и других сельскохозяйственных культур. Население и армия были полностью обеспечены продовольствием, начался экспорт его излишков за границу. Благоприятные условия

создаются для малого и среднего бизнеса, который быстро наладил снабжение крымчан товарами индивидуального и массового спроса.

Каждое слово его программных устремлений пронизывалось потребностями народа и наполнялось конкретными действиями власти. Он взялся обеспечить, чтобы истинная свобода и право царствовали на Руси, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина. Несмотря на военное положение, в 1920 году в Крыму свободно издавались газеты, журналы и книги, работали больницы и здравницы, театры и кинотеатры, учебные заведения и Таврический университет во главе с В.И. Вернадским. Народ начал чувствовать, что такое нормально жить.

Ничего подобного не было на территориях, управляемых большевиками, где свирепствовали голод, болезни, реквизиции и террор, вскорости накрывшие кровавой Вандеей и крымский полуостров. Потерпев поражение в открытом, неравном бою, П.Н. Врангель оставался самим собой. Он провел блестящую эвакуацию русской армии, спасая офицеров, солдат и казаков от неминуемых казней и расстрелов, о чем ярко поведал в своем фильме «Солнечный удар» Н.С. Михалков по одноименной повести И.А. Бунина.

Будучи убежденным противником любых революций и гражданских войн и тем более героизации их участников и руководителей, я привел первый пример только исключительно ради раскрытия заданной темы. К тому же других мне в истории России последнего столетия разыскать не удалось. С вышеприведенным очень тесно связана противоречивая история крестьянского движения крупного региона на территории Новороссии с центром в Гуляй-Поле. Его вдохновителем и организатором был крестьянский самородок, человек выдающихся способностей и противоречивой, трагической судьбы Нестор Иванович Махно.

Непримиримый к царскому самодержавию и помещичьему землевладению, он стал революционным анархо-коммунистом. Чудом избежал казни за участие в революционном терроре, поддержал февральскую буржуазно-демократическую революцию, пошел на службу Временному правительству, затем приветствовал большевистский переворот и советскую власть, которую стал активно организовывать во многих районах юга России. Для ее защиты собрал, вооружил и обучил мощную повстанческую армию, насчитывающую от пятидесяти до ста тысяч бойцов. Три раза воевал на стороне Красной армии и даже в ее составе.

Оттягивая на себя конные корпуса генералов Мамонтова, Шкуро и Слащева, не позволил деникинским войскам взять Москву. Его армия, состоящая в основном из конницы и пулеметных тачанок, обладала высокой маневренностью и боеспособностью, что позволило ей успешно воевать против немецких оккупационных войск, петлюровцев, гайдамаков и большевиков.

В очередной раз поверив Ленину и Троцкому, Махно вступил с ними в союз против Врангеля. Советская историография тщательно замалчивала, но теперь открывшиеся документы рассказывают, что первыми самоотверженно форсировали Сиваш, взяли Перекоп и прогнали фронт белых именно махновцы, но это была их роковая ошибка. В благодарность за решающую поддержку вожди революции тут же приказали окружить и с помощью авиации разгромить повстанческую армию. Так руками красноармейцев-крестьян были уничтожены их же братья по земельному классу.

Спрашивается, за что и почему были проявлены такое коварство и массовая жестокость? И каковы причины почти четырехлетних отчаянных маневров батьки Махно, за что он воевал практически против всех? Краткий ответ состоит из двух слов: за свободу и землю. Если подробнее, то он боролся за создание самостоятельной крестьянской республики, которая должна была олицетворять свободное общество на основе народного самоуправления в лице крестьянских советов, но без диктатуры пролетариата и каких-либо партий, без политики военного коммунизма и продразверстки.

Характерно, что Н.И. Махно выступал не просто против насилия и эксплуатации, но и против частной собственности на землю. Обобществляя помещичьи латифундии и усадьбы, он искал на основе предложений крестьянских советов различные формы многоукладной земельной экономики. Особенно он ценил и внедрял такую форму социалистического хозяйствования как кибуцы, которые создавались в многочисленных еврейских поселениях того края.

Как председатель Гуляй-Полевого совета крестьянских депутатов Н.И. Махно заложил основы интересного опыта народоправия, который заслуживает изучения и обобщения. Но большую часть своей революционной жизни он посвящал военному делу, защите и отстаиванию крестьянской воли. Неслучайно земледельцам тысяч деревень и хуторов удалось свободно вырастить и убрать три урожая – 1918, 1919, 1920-х годов. а главное – свободно распорядиться полученной продукцией.

И это уже была серьезная заявка на нормальную жизнь. Потому и направляли десятки тысяч крестьянских семей в махновскую армию своих лучших сынов. Они осознавали свои классовые интересы и готовы были стоять за них насмерть. Это массовое крестьянское движение большевики на семьдесят лет забетонировали в историю как анархию и бандитизм, а его руководителя нарекли контрреволюционером, грабителем и убийцей.

Не будем даже ненароком мифологизировать эту сложную, противоречивую историческую фигуру. В условиях гражданской войны все ее участники допускали проявление крайнего беспредела и жестокости. Не являлись исключением и махновцы. В ходу здесь были и

разбои, и мародерство, и насилие. Хотя с такой стихией батька боролся бескомпромиссно, но сам тоже допускал произвол, внесудебные расправы и жестокость. Таким было это кровавое время.

И все же он был идейным, мужественным и нестигаемым борцом за свободную крестьянскую жизнь. Не скопив себе никакого богатства и даже маленькой заначки, он умер вдаль от родины, терзаемый нищетой, неизлечимой болезнью и горестными раздумьями о трагической судьбе российских крестьян.

Не менее драматическая судьба складывалась у возрождавшегося предпринимательского класса России. В начале 90-х годов у новой власти страны не было никакой нужды в поисках национальной идеи. Буквально на блюдечке с голубой каемочкой лежали два варианта: давать или не давать народу нормально жить в соответствии с его пожеланиями. Выше мы о них прочитали. Выбрали привычное, не особо вникая в потребности и предложения людей. Есть один непреложный закон, проверенный на историческом опыте многих стран. Он гласит: чем больше свободы и меньше обременений у бизнеса, тем он успешнее развивается и развивает страну. И, наоборот, – чем меньше свободы и больше обременений, тем слабее он развивается и сильнее криминализируется, развивает коррупцию, отдаляя общество от нормальной цивилизованной жизни, что ведёт к гибели страны.

Всё всем ясно, в том числе убедительно доказано и на конкретных примерах своего отечества, когда элементарные налоговые послабления, например, для челноков и строительного бизнеса в сложнейших условиях первой половины 90-х годов позволили им сделать невозможное и оживить буквально всю экономику, о чем говорилось выше.

Наконец, есть готовые рецепты аналогичных трансформаций предпринимательской деятельности в различных ситуациях и отраслях экономики многих стран, от пиночетовского Чили до китайских коммунистов. Кстати, у последних более двадцати лет действовал только один налог на малый бизнес – НДС. Причем, ни разу не меняясь. Перемены были только в процедуре сдачи отчета в налоговые органы. Вручную это было несколько минут, с внедрением компьютеров – в несколько секунд.

Зоркий оппонент может тут же возразить – так там же отсутствовало социальное обеспечение предпринимателей. Они не платили страховые взносы, и им не начисляли пенсий и других социальных выплат, что не совсем цивилизованно. Да, это так. Но до искомой степени цивилизованности многие страны шли целый век, а то и более. Не потому ли в России по словам вице-премьера правительства О.И. Голодец около двадцати миллионов человек живут неизвестно за что, работают неизвестно где и являются неизвестно кем. На самом деле все они прячут себя от родного государства.

Не успело Правительство повысить ставку социальных выплат, как тут плюс к вышесказанному еще около полумиллиона малых предприятий объявили о своем закрытии. И это нормальная жизнь? И так уже почти четверть века. Ни один эксперт не сосчитает, сколько раз менялись правила налогообложения, различной отчетности и других взаимодействий людей с органами власти.

На отстранённый взгляд читателя этих строк, кому никогда не приходилось участвовать в данном процессе, он может показаться и не столь страшным – работа есть работа. А больше бумаги или меньше – это уже детали. Нет, это не детали, а нервно-паралитическое, целенаправленное воздействие на социальное самочувствие и здоровье миллионов людей, которые находятся в постоянном состоянии тревоги, ожидания новых сложностей и препятствий. Их не покидает чувство неуверенности в завтрашнем дне, беспокойство за свой бизнес и вовлеченных в него людей.

Сами же процедуры подготовки налоговых отчетов и их сдача превращаются в процесс балансирования между законопослушанием и криминальными проявлениями. Одни допускают ошибки и просчеты в силу сложности, незнания или непонимания все время меняющихся правил, инструкций и других актов администрирования; другие становятся на путь умышленного их нарушения и всячески сами запутывают ситуацию; третьи совсем переходят в основном на наличные денежные операции и практически почти полностью уходят от налогов.

В свою очередь государство усиливает свои соответствующие контрольные действия, стремясь навести порядок там, где он невозможен по определению. Идет укрепление и наращивание численности специальных подразделений всех правоохранительных и контролирующих органов, организуются плановые и внезапные проверки, пишутся массы бумаг, никому ненужных отчетов, справок, актов и т.п. В действия и противодействия вступают различные коррупционные схемы, заказные банкротства, слияния и поглощения, повсеместно утверждается правовой беспредел.

Все это походит на процесс преследования, всеохватывающей гонки одной части общества за другой. Представители первой, одетые в мундиры и с державными мандатами в руках, выявляют, ловят, наказывают и пресекают тех, кто ловчит, прячется, убегает от всевозможных обременений и административных преследований. Под такое воздействие неизбежно попадают ни в чем не повинные люди, многие семьи, оно пагубно сказывается на воспитании детей, которые постепенно втягиваются в данные аномалии, ретранслируя их в будущее. Охотничий принцип «кто кого переиграет» достигает своего апогея, круг ненормальной жизни замыкается. В обществе нарастают антагонистические проявления, а власть еще больше отдалается и отделяется

от народа. Кстати, если бы государство собрало все налоги с бизнеса или капитализма для своих, региональные и федеральный бюджеты сразу же оказались бы бездефицитными.

Понимают ли это в правящем классе? Понимают прекрасно. И более того, регулярно, в плановом и неплановом порядке обращаются к данной проблематике, пытаются конкретно разрешать возникающие трудности. Но делается это, похоже, нередко для галочки, формально. Произнесенные правильные, озабоченные слова не подкрепляются делами. Сами предприниматели, услышав об очередном намерении властей улучшить бизнес-климат и ослабить административный прессинг, воспринимают это со знаком наоборот: коль обещают поддержку, значит жди новых поборов, жизнью это проверено многократно.

Так совпало, что данные строки пишутся под звуки телеэкрана, транслирующего заседание Госсовета как раз по вопросам развития предпринимательства. Как обычно, Президент страны, переключив листок за листком, стал зачитывать привычно правильные и точные оценки положения дел о негативном отношении к бизнесу и проблемах создания благоприятной деловой среды.

Однако на сей раз он чаще, чем на других мероприятиях, стал отрываться от заготовок и с ярко выраженным напряжением в голосе сделал ряд резких замечаний. Как и положено, в ход пошли поручения и постановка задач. По всему чувствовалось – наступил критический момент труда. Не одни социологи вели контент-анализ этого выступления, его с надеждой оценивали миллионы людей.

Как и мне, многим моим одноклассникам по бизнесу в этот момент показалось: ну все, коль наши проблемы достали по полной программе руководителя государства, то должны последовать долгожданные перемены к лучшему. Но тут же, словно ледяным душем, обожгла все наши надежды на реальные изменения очень бодрая и прилипчиво эффективная задача довести к 2025 году охват занятых в малом и среднем бизнесе до сорока миллионов человек.

В долю наносекунды не одному мне пронзила сознание похожая задача удвоения ВВП к 2020 году, ставшая тут же мифологемой, о которой практически никто не вспоминает ни в народе, ни в руководстве страны. Хотя семь лет назад была составлена, как и положено, амбициозная программа под впечатляющим названием «двадцать-двадцать», но ввиду ее огорчительной безнадёжности, она даже не затронула такой вездесущий и дотошный жанр народного творчества как анекдоты.

Подумалось, как же живучи в нас большевистские традиции и привычки к инстинктивному обоснованию грандиозных планов и фантастических результатов их выполнения. Нас по-прежнему хлебом не корми, а дай призыв в кратчайшие сроки покорить непокоряемое, по-

стигнуть непостижимое и достигнуть недостижимое. Более тридцати лет выбиваю их из себя, выдаливаю со всей настойчивостью и волей, а избавиться полностью не могу. Сколько раз ошибался сам и втягивал в это других людей. А что на Президента пенять, он тоже из иного времени и прежней жизни. Другой у нашего поколения не было.

Заседание продолжилось выступлениями традиционных представителей соответствующих институтов и губернаторов. К слову, последние оказались в очень сложной, пикантной ситуации взаимноисключаемых зависимостей. С одной стороны, они должны поменять свои усохшие от разросшихся кредитов бюджеты, и уж, если на худой конец не увеличивать разного рода поборы с предпринимателей, что само по себе будет удивительным, то уж точно и не уменьшать их. А тут, с другой стороны, требуются даже послабления и административные уступки, что уж совсем непривычно на деле и, как правило, всегда ограничивалось лишь традиционными риторическими упражнениями в виде встреч, речей, планов мероприятий и поручений по всевозможной поддержке.

Изловчившись, выбрали интенсивный путь разрешения казалось бы неразрешимого противоречия за счет расширения рядов предпринимателей. Незамысловатой оказалась и логика намерений. С действующими бизнесменами продолжить прежние взаимоотношения, сдабривая их обещаниями, предложениями и обсуждениями. А вот новичкам дать льготы. Тульский, теперь уже бывший губернатор – миллиардер Груздев так прямо и сказал: всех, кто начинает свой бизнес, освободить на два года от налогов.

Председательствующий среагировал незамедлительным возражением: так начинающими по очереди будут становиться через два года вслед за бизнесменом-отцом дети и другие члены семьи. О том, что при таком послаблении налогов от бизнеса никогда не дождешься стало ясным любому телезрителю. Сюжет все больше напоминал исходную позицию двадцатипятилетней давности, когда в обстановке гласности руководство страны только начинало обсуждение роли и судьбы предпринимательства. Все выглядело, будто не было никакого современного и исторического опыта и предстояло осваивать целину.

И все же вернемся к поставленным задачам. Руководитель страны никогда не скажет с бухты-барахты планируемых результатов развития той или иной экономической сферы. Ему каждый показатель готовят, все просчитывают, сравнивают, обосновывают, уточняют. За это отвечают лично соответствующие министры, аппараты помощников и советников, научные эксперты из отраслевых научно-исследовательских институтов. Данный процесс сопровождается активным обсуждением. Наконец, сегодня много действующих независимых экспертов, которые также могут влиять на получение искомого показателя.

Почему же тогда возникают такие, мягко выражаясь, досадные просчеты? Ответ здесь очевиден даже без особых аналитических напряжений. Потому что желаемое всегда удобнее и приятнее действительного. А коль так, то те, кто готовит такие цифры, сознательно не учитывают или просто выводят за скобки неудобные факторы и условия.

Возьмем вышеупомянутое удвоение внутреннего валового продукта. Ведь только самый малообразованный несмышлениш, к тому же никогда не произносивший слово нефть, мог не знать, что уже многие десятилетия цена на нее растет и падает в циклическом порядке и никак иначе. Тем более об этом прекрасно знали специалисты по столь ответственному планированию и прогнозированию. Знали, но свое знание не сочли нужным показать на деле. Никто не хотел думать, что невиданный водопад валюты, целое десятилетие обрушивавшийся на страну, внезапно прекратится. Наступит закономерный кризис. И для Президента страны придется обосновывать совсем другие задачи. Хорошо, что удалось накопить золотовалютную заначку, а то можно было бы вполне реально пойти и до возвращения к уже подзабытой карточной системе.

Еще сложнее вычислить число занятых в малом и среднем бизнесе на десять-пятнадцать лет вперед. Можно сказать, что здесь задействуется такое количество геополитических, экономических, социальных и даже природных факторов, что задача кажется совсем невыполнимой. В условиях глобализации взаимозависимость и взаимовлияние многих жизненных процессов достигает такой степени, что нередко очень трудно учесть все хотя бы основные их производные и переменные. Весьма часто они приобретают настолько непредсказуемый характер, что казавшееся совсем недавно объяснимое и прогнозируемое становится необъяснимым и непредсказуемым.

Хочется привести следующий пример. В середине 90-х на каком-то научном форуме я услышал из уст одного докладчика резанувший меня тезис о том, что среди ряда факторов, влиявших на падение цен на медь, никель, золото и платину, немаловажное значение имел недельный насморк и соответствующее настроение Генерального директора Норильского горно-металлургического комбината А.В. Филатова. Уточним, предприятие является одним из мировых лидеров по производству цветных металлов.

Конечно, в данной оценке присутствует немалая доля эмоциональной составляющей. Однако она полностью исчезает в моменты всемирного ожидания очередного доклада руководителя Китая или того, что скажет глава Центробанка США в последнюю среду каждого месяца. И оппоненту, и читателю хорошо известен высочайший градус аналитического напряжения в деловом сообществе всех стран по этим поводам. Ведь от них может содрогнуться весь мир и нарушиться ход нормальной жизни многих народов.

Могли ли мы с А.Н. Новосельцевым все это учитывать, открывая вместе с новым веком обувную фабрику, где заняли работой около ста человек? Да, могли и сделали все расчеты. После чего смело подобрали партнеров, имеющих соответствующее оборудование, а сами инвестировали в подготовку помещений и персонала. Однако продукцию она выпускала недолго. Рынок внезапно заполонила китайская обувь именно нашего ассортимента.

Можно было подумать, что Правительство установило зону свободной торговли между РФ и КНР. Но ничего подобного не было. Все барьерные препятствия открыли как раз те, кто должен был от имени государства оберегать нас от нелегального нашествия по существу контрабандных товаров. Об этом красноречиво свидетельствовали Указы Президента об освобождении целой группы высокопоставленных руководителей правоохранительных органов страны и возбуждении значимых уголовных дел, которые у нас почему-то возбуждаются громко, а исчезают тихо и незаметно.

Комментарии о нормальной жизни здесь излишни. А вот каким бы эффективным стало прямое телеобщение руководителя страны с предпринимателями на заданную тему, об этом стоит порассуждать. Собственно, камень преткновения здесь один: цена вопроса любого шага по ослаблению прессинга обременений. Сразу же называется внушительная цифра потерь бюджета и ставится вопрос, чем их возместить? Ставится правильно, но однобоко и решать его научились только одним способом – введением новых обременений. По-другому пока не получается, да и желание такое не просматривается.

Социально-технологический метод сложноподчинённых взаимозависимостей, предусматривающий многофункциональное управление, это не для нашего Правительства. Оно хватается за привычное – структурный подход. Не успело отшуметь эхо сорокаmillionного охвата, как уже началось обсуждение предложения о создании специального органа по предпринимательству. И так сверху донизу по всей вертикали власти. Хотя всем понятно, что радикальное увеличение социальной базы предпринимательства таким способом не достичь.

В этой связи вспоминается опыт турецкого правительства, которое в начале 90-х годов возглавляла молодая, красивая женщина Тансур Чиллер. Каждое его заседание она начинала с одного и того же вопроса повестки дня: что сделано и что еще надо сделать для создания наиболее удобных и привлекательных условий российским челнокам и туристам?

Сотни создающихся центров по изучению русского языка, реклама, многочисленные информационные документы, указатели и многое другое бытовое и инфраструктурное обустройство требовало немалых затрат. Против премьер-министра боролись, доказывали ошибочность

ее действий. Но она непреклонно повторяла, добиваясь исполнения своих решений: всё, что мы потеряем, мы в многократной степени получим больше, в конце концов мы получим новую Турцию.

Так оно и вышло. Миллионы россиян по нарастающей ввозили в нее десятки миллиардов долларов и вывозили различные товары. В страну хлынули мощным потоком инвестиции в сферу услуг, строительство, транспорт и производство промышленной продукции. Бурными темпами стало расти количество предприятий малого и среднего бизнеса. Вслед за нашими отдыхающими на новые, растущие, как грибы, курорты потянулись миллионы европейцев.

Мне самому дважды пришлось побывать в Турции. Поразило все, особенно технология визового сопровождения. Отстояв несколько мучительных очередей в родном Шереметьево, пассажиры нашего самолета почти молниеносно прошли все процедуры в турецком аэропорту. Прочитав на русском языке объявление о необходимости открыть паспорт на странице визирования и приготовив двадцать долларов, туристы подавали их офицеру, который не поднимая головы ставил соответствующую печать.

Весь аэропорт напоминал гигантское метро, по которому движутся огромные пассажиропотоки без каких-либо малейших задержек и препятствий. Так меры по созданию нормальных условий для иностранных туристов постепенно переросли в национальную идею – дать народу возможности нормально жить. И все это прежде всего усилиями предпринимательского класса, вокруг которого в стремлении к развитию и прогрессу консолидировалось все общество. Очень жаль, что все это прервал своими безумными, коварными действиями нынешний Президент Эрдоган. Страдать от этого будет прежде всего турецкий народ, который ни в чем не виноват и в конце концов в любом случае будет тесно сотрудничать и дружить с русским народом.

У нас тоже, пусть и с опозданием на четверть века, зазвучали-таки мажорные бизнес-ноты. В начале года в печати был опубликован перечень всех платежей, которые приходится платить предпринимателям. Скрупулезно составленный список насчитал семьдесят таких изъятий. Нехилая цифра. После поручений Президента началась работа по их сокращению почти вполнину, а это уже практический подход к стимулированию развития деловой инициативы.

К тому же многие из этих платежей не нужно будет замещать в бюджете, ибо они почти никакого отношения к нему не имеют, являясь в основном просто поборами в пользу определенной группы лиц. Об одном из них остановимся подробнее. Касается он охраны окружающей среды. Наносит или не наносит конкретный субъект бизнеса вред экологии, это не столь важно, каждый должен заплатить определенную сумму денег. Тем более само денежное пополнение налога

приемлемое. Куда интереснее выглядит сам процесс изъятия. В противовес скромным выплатам в бюджет по традиции придумана такая бюрократическая процедура, что общий объем документации можно измерять не страницами и даже не папками, а по весу. Это давний испытанный бюрократический прием-ловушка.

Естественно, чтобы ее заполнить, предпринимателю нужно бросить на длительный период бизнес и заняться подготовкой совершенно бессмысленных документов, сбором различных виз и подписей. У многих от одной такой мысли возникает желание закрыть свой бизнес. Но их тут же в качестве поддержки устно и письменно успокаивают: не надо огорчаться, за вас это все может сделать специальная фирма.

За придуманный для этих целей пакет никому не нужных и абсолютно никак не влияющих на экологическую обстановку бумаг определена круглая сумма – сорок тысяч рублей. По прикидочным данным по региону эта сумма составляет более одного миллиарда рублей, по стране счет уже идет на десятки миллиардов.

Заметим, весь набор данных бестселлеров производится с помощью автоматических действий компьютеров и принтеров себестоимостью до одной тысячи рублей по максимуму. Оставшиеся тридцать девять тысяч в основном идут якобы на многочисленные подписи тоже автоматические. И все это во исполнение конкретного закона. Так что не подкопаешься и даже не усомнишься. Однако даже не юристу очевидно, что здесь можно заводить дело, как говорят, без выезда на место происшествия, но его никто не заводит.

Кстати, многие изъятия носят исключительно целесообразный характер, пропитанный заботой о людях. Вот только технология их исполнения вызывает большие сомнения и возмущения. Создается впечатление, что делаются они под бизнес-проекты конкретных чиновников. Известно, что Министерство здравоохранения РФ с каждым годом усиливает требования к оснащению медицинских учреждений. Сразу заметим, по мнению экспертов некоторые из них наносят лишь материальный ущерб частной врачебной практике и разгоняют инфляцию.

Это только считается, что Центробанк России отвечает за ее понижение и поддержание финансовой стабильности. Однако на данный процесс влияют десятки государственных ведомств, а в них сотни и тысячи чиновников в мундирах и без них, внимательно изыскивающих резервы повышения цен на всевозможные товары и услуги. Методов много, и все они заслуживают высоких инновационных оценок. Конкретизируем. Во всех стоматологических клиниках и кабинетах, коих многие тысячи по стране, согласно минздравовским требованиям, должен быть аппарат, дезинфицирующий все оборудование. И он везде есть.

Как и шурупы, пластиковые ведра и простейшие приборы, он закупается за рубежом. И это чей-то конкретный бизнес. Вдруг его владельцу-перепродавцу он показался увядающим: приборчик-то имеет хорошие эксплуатационные характеристики. Его хватает и на одно, и на несколько кресел, причем на длительное время. И вот с 2015 года вводится обязательное требование иметь его на каждое стоматкресло. Стоимость его одного адекватна нескольким аппаратам. Российские специалисты могут легко сделать аналог, и мы знаем о нем, но кто ж его пустит на рынок при таком кэшевом раскладе, – такие пояснения дают бизнесмены.

Для клиник это одновременно эксплуатация и угнетение, дающая узкой группе лиц баснословные прибыли, потоки которой может определить только финансовая разведка. Для клиентов же это повышение цен за услуги, а для народа в целом – конкретный разогрев инфляции и замораживание на бесконечные сроки условий нормальной жизни.

Надо сказать, описываемые события происходят на фоне усиления поборов и на местах. Так, в Белгороде с предпринимателей пытаются в дополнение к платежам за согласованные городскими властями рекламные и информационные вывески на встроенных помещениях домов собрать деньги теперь уже за специально организованную аккредитацию. Лучшей ссылки на проблему навязываемых услуг, чем в последних выступлениях Президента не найти. Адресуем к ним авторов таких новаций, только вряд ли захотят они это читать.

Мне пришлось много лет возглавлять совет по поддержке предпринимательства при губернаторе области и нередко останавливать подписание распоряжений о такого рода поборах. И до сих пор выслушиваю возмущения по вновь возникающим поводам. По региону прокатилась волна совещаний, вызовов и проверок, связанная с принуждением руководителей всех предприятий подготовить планы благоустройства прилегающих к ним территорий с обязательной высадкой хвойных деревьев и кустарников.

Слов нет, нужное дело и таких начинаний было немало еще и в советское время. Но сегодня, когда многим приходится буквально идти по краю прекращения бизнеса, разве можно отбирать средства, нацеленные на самовывживание, обрекать людей на замораживание и уменьшение зарплат. Многие с озлоблением и неприязнью говорят о том, что нашумевший проект «Зеленая столица», через который прошли огромные суммы денег, выдохся и его решили реанимировать более дифференцированным способом отъема денег у населения. Видно, кому-то надо срочно подправить бизнес по выращиванию, а скорее всего по продаже и перепродаже посадочного материала. Чувствуется обирающая рука мастерового.

Какой можно сделать вывод из вышесказанного? Как в научном, так и в обыденном плане он один: российское государство свою главную и неотъемлемую функцию регулирования предпринимательства незамедлительно превратило в его торможение, подавление и угнетение. Его вмешательство во все процессы зарождения, становления и развития бизнеса достигли таких масштабов, что основным спасением может стать его дальнейшая криминализация во всем многообразии ее форм и способов. Обнадеживающие шансы остаются, разумеется, у бизнеса для своих, который связан с чиновниками и заточен на обслуживание бюджетов различных уровней и госкорпораций. Свободное развитие предпринимательства встречает пока больше препятствий, чем благоприятных мотиваций.

Хотя, казалось бы, всё должно быть наоборот. Кто такой предприниматель? Это человек, добровольно освободивший государство от заботы о нём, его семье и тех людях, которым он создал рабочие места. Это же для государства полный кайф и величайшее облегчение. Плюс несомненная польза от прироста ВВП, товарооборота и прочих прелестей рынка. Зачем его сразу же проверять, преследовать, зажимать, препятствовать и т.д.? Далее углубляться нельзя – последует короткое замыкание у любого здравомыслящего человека.

Так может нормальная жизнь создана в бюджетных учреждениях и организациях, не одним же предпринимателям уделять столь повышенное внимание, – упрекнет меня оппонент. Согласен, в чем можно убедиться по ходу чтения текста данного исследования. Мне лично на ректорском посту удалось хлебнуть и из горькой бюрократической чаши государственного управления. Каждый из десяти лет работы наполнял ее все более неудобно усваиваемыми бесполезными продуктами бумаготворчества, которые у сотен тысяч людей нередко ассоциировались с отравляющими веществами. Не боюсь повториться, но у меня, как у многих профессиональных управленцев, нет предела одному изумлению: почему по мере нарастания всеобщей компьютеризации все государственные управленческие структуры растут, как на дрожжах, вместо закономерного сокращения? Ответ один – потому что все время усложняется всевозможная отчетность, добавляются все новые показатели, индикаторы, меняются формы, правила и процедуры.

Глядя на управленческую вертикаль, можно подумать, что ученые придумали теорию перемен специально не для улучшения жизни людей и общества, а для ухудшения. Известно ли управителям государства, что на все новогодние и рождественские каникулы во всех бюджетных учреждениях работает бухгалтерия, готовящая годовые отчеты? И дело здесь даже не в совпадении сроков, что само по себе является глупостью, а в том, что в их технологию заложены такие пра-

вила. Компьютерщики не успевают вносить изменения в специальные программы, которые валом спускаются сверху.

Это в других странах действуют стандарты, у нас же об этом одни разговоры. Специалисты по финансам не успевают переучиваться, их труд все время усложняется, возрастает нервное напряжение и, как следствие, допускается все больше ошибок. Следовательно, требуется больше проверок и перепроверок, исправлений, переделок и другой непроводительной, бессмысленной работы.

Когда мне главный бухгалтер университета в очередной раз принесла обоснование на увеличение штатного расписания, я не удержался от тирады упреков по поводу затрат на компьютеризацию. Они растут параллельно все увеличивающимся затратам на саму бухгалтерию. Но заявительница подготовилась к такому повороту дела. Она мне показала целые тома дополнений и изменений, внесенных за последние годы в отчеты. Заглянув в один из них и обнаружив там массу глав, параграфов, таблиц и прочих атрибутов творческого дуракоподобия, мне захотелось в знак солидарности со счетоводами упасть в обморок.

Ладно бухгалтерия, а кому помешали врачи? Им столько предписано составлять бумаг, заполнять различных форм отчетности, что и лечить больных нет времени. Это уже второстепенный процесс или просто дополнительная нагрузка к писательскому труду. Главное составить бумагу. За это спрос и ответственность. И то, что вместо чистописания теперь используются компьютеры, положения врачей не облегчает, они же в них набирают сами тексты вручную.

Не менее драматическая ситуация складывается у учителей, о чем с возмущением пишет пресса, отзываются родители и ученики. Задвленные невиданным ранее бумаготворчеством, учителя уже не кричат о помощи, а стонут под гнётом непомерно раздувающихся бюрократических процедур. Встретился как-то мне один молодой человек, поприветствовал меня и напомнил, что я вручал ему будучи ректором какую-то награду. Так же радостно сообщил, что устроился работать учителем физкультуры в одной из пригородных средних школ. Сейчас готовит материальную базу и инвентарь к началу учебного года.

В свою очередь я рассказал ему, что мне тоже приходилось преподавать физкультуру, о спортивном КВН, который меня научили организовывать в Валуйском педучилище. Наша приятная встреча месяца через три повторилась, но только со знаком наоборот. Выпускник БелГУ с горьким сожалением сообщил мне, что уходит из школы и, возможно, покинет навсегда ранее полюбившуюся профессию. Работать невозможно, замучила писанина, которой приходится заниматься и вечерами, и по выходным, и по праздникам. Записывать и отчитываться не приходится разве только что о посещении столовой

и туалета. Перечисленные им факты и бумаги я запомнить не смог – невозможно.

Ничего подобного в советской школе, да и в 90-е годы в российской, не было. Молодой специалист, сознательно и вполне ответственно избравший профессию учителя, бежит из школы только потому, что в ней невыносимо работать. В эти минуты мне захотелось хотя бы на один день стать министром образования и посвятить его решительной ликвидации накопившихся умопомрачительных глупостей и препятствий на пути к нормальной жизни самого важного заведения, через которое проходит судьба каждого человека и судьба всей страны.

И так, куда ни глянь – всюду горы осложнений, усугублений и ущемлений, которые усиливают угнетение отдельного человека и всего общества. К национальной идее не давать народу нормально жить мне придется обращаться еще не один раз. По всему видно, что она носит не фантазмагорический характер. На ее реализацию нацелен весь гигантский государственный механизм управления, во всех звеньях которого идет целенаправленная, неутомимая работа по изображению все более действенных и убивающих здравый смысл способов и процедур. И тут дело не в одном министре. Требуется кардинальное изменение фундаментальных подходов на каждом уровне руководства страной. Это называют реформой государственного управления.

И принцип тут никакой изобретать не требуется, он уже давным-давно есть – не человек и народ для государства и власти, а само государство и власть для людей. Как видно, запоминается он легко, во многих странах уже проверен на протяжении десятков и сотен лет практически. Результат всегда положительный. Вот только есть одна загвоздка – усваивается он далеко не всегда и не всеми, особенно в России. Вот как усвоим, так и от приставки «не» избавимся, она сама по себе выпадет из формулы национальной идеи, а жизнь народа станет нормальной.

Глава V. Приниматели – самый развивающийся и богатый класс, господствующий над обществом

1. Принимательство как социальное явление, порождающее олигархию

В предыдущей главе мы на свой страх и риск перед оппонентом провели теоретико-праксеологическое уточнение формулы возникновения принимателей как нового общественного класса современной России. Предвосхищая вопрос, а почему нового, разве раньше не было принимателей, сразу же оговоримся: были во все времена и у подавляющего большинства народов. И началось их зарождение с момента первых шагов социального расслоения в обществе.

Но одно дело принимательство как явление и совсем другое – как класс. Существует много признаков их различия, как в историческом, так и в социально-технологическом и экономическом аспектах. В предыдущей главе рассмотрена семантика данного термина, из логики которой следует, что это явление сугубо приватное. Однако это статический подход. А нам нужен процессуальный, социально-технологический. Применив его, сразу же обнаруживаем три основных фазы данного явления.

Человеку дали какую-то конкретную собственность, наградили ею или он взял ее сам в виде военной контрибуции, репарации, что в общем-то всегда делали полководцы, руководители государств-победителей или захватчики чужих стран и земель. Это будем считать первой фазой, которую можно назвать индивидуальной.

Далее процесс принятия и присвоения собственности распространяется на других субъектов, он постепенно становится массовым, хотя и охватывает незначительную часть общества. Это вторая фаза. Возникла она с появлением рабовладения, затем продолжила свою историю в последующих общественно-экономических формациях вплоть до наших дней.

Сразу же следует уточнить, что рабовладельцы, феодалы и капиталисты не являются чисто принимаТЕЛЬскими классами. Они во многом генерировали себя в результате предпринимательских действий, приобретали свою собственность через организацию производства, торговли, обмен и другие коммерческие операции. Но немалая их часть получала и присваивала ее себе в качестве награды за службу, боевые и трудовые заслуги.

В России это наиболее ярко выразилось в зарождении и последующем развитии дворянства. Царь за усердие на государственной и

прежде всего на военной службе жаловал офицеров, чиновников земельными наделами вместе с целыми деревнями приписанных к ним крестьян. Этот процесс принял массовый характер, он обеспечивался специальными указами, законами и положениями и знаменовал собой целую артельно-крепостническую эпоху, охватившую многовековой исторический путь государства российского.

Так массовое принятие дворянами в свою собственность земли и крестьян перевело это явление в новое качество – возник класс приемателей-дворян, который в роли главной опоры царя стал господствующим в обществе. И это следует отнести к третьей фазе развития приемательства. Ее главной характерной чертой являлись жесткая эксплуатация и угнетение крестьянского класса.

Таким образом в российском обществе возник впервые за ее историю новый класс, производный от власти, целенаправленно созданный ею и ставший сам олицетворением и исполнителем ее функций. Здесь нельзя обойти исследовательским вниманием очень веский и важный вопрос: зачем царю понадобился новый класс дворян-приемателей? Ведь у него был достаточно мощный и многочисленный предпринимательский класс феодалов-бояр, которые вполне надежно и натренировано держали крестьян в крепостной зависимости, эксплуатировали их и за счет этого содержали государство и царскую власть. По-другому это делать никак не получалось.

Вроде бы что еще нужно, зачем ломать старое, привычное и создавать новое? Но в том-то и дело, что в средневековых условиях деспотических, тоталитарных режимов было невозможным совмещать несовместимое, а именно даже малейшую свободу и самостоятельность от верховного правителя с его всеохватывающей абсолютистской властью. Так, а как же тогда со свободой предпринимательства как главного условия его зарождения и развития?

Здесь мы сталкиваемся с острейшим, эпохальным противоречием, которое разрешалось не один год и даже не один век. Закабалив крестьян до пределов рабства за одним лишь исключением права лишать их жизни, феодалы-крепостники ни в коей мере не допускали ущемления своей привычной предпринимательской свободы и уж тем более собственного закрепощения перед царем. За это всегда шла длительная и упорная борьба. Нередко вопрос стоял кто для кого – царь для феодалов или они для него, переходя в фазу противостояния кто кого.

Отсюда в России бунты, смуты, сокрушительно-разрушительная опричнина и другие потрясения. Как и положено, в конце концов победил царь, а результаты победы укрепил и упрочил новый класс приемателей-дворян. Приемательство стало решающим фактором внутренней государственной политики вплоть до сегодняшнего дня.

Действуя таким образом, царь, с одной стороны, ослабил, ограничил в действиях и правах, а потом почти полностью заменил класс предпринимателей на приемателей. А с другой, возвысил свою власть до божественного уровня. Причем, вся эта историческая комбинация была осуществлена с одним примечательным условием. Он дал приемателям собственность, возможности ее присвоить и закрепить за собой, но не дал им боярской свободы, полностью прикрепив их к государственной службе и к самому себе. Их положение оказалось практически в состоянии определенной разновидности крепостничества.

Правда, с существенной разницей по сравнению с крестьянством, которая позволяет назвать его господствующим в системе крепостничества. То есть дворянин-приематель мог сам держать крепостных, угнетать их, распоряжаться своей собственностью, но не мог никак распорядиться собой и своей судьбой без воли царя. В отличие от крестьян, здесь существовала довольно сложная и жесткая система таблицы о рангах, званиях, социальных статусов и т.д. Она накрепко, навсегда притягивала и прикрепляла их к царю.

Что-то подобное и очень схожее в главных компонентах применили при создании специального класса номенклатуры большевик-ленинцы, о чем наш разговор впереди. Используя опыт опричнины с ее главным подходом грабить награбленное и убивать всех, кто этому препятствует, а также специально-статусные наработки последующих царских периодов и режимов, они весьма самонадеянно и опрометчиво пошли еще дальше самих монархов в утверждении своей деспотии.

Выше уже речь шла о ликвидации свободной торговли и соответствующего класса торговцев, замене их на псевдогосударственный суррогат, который расшатал и ослабил их власть, ввергнув саму номенклатуру в непривычный и неожиданный для нее процесс самовывживания.

Это же хорошо, что удалось вовремя подсуетиться и, переодевшись в новые демократические одежды, не дать погибнуть и самой как классу и сохранить, приумножить и с учетом уже всех аспектов исторического опыта развить приемательство как явление и на его основе создать новый, самый богатый класс российского общества, надёжную опору и гарантию власти. А если бы не удалось?

Ведь в стране могли победить и силы, способные к установлению и упрочению основ гражданского общества, разделения и сменяемости власти, независимых судов и прессы, прав и свобод каждого человека и прочих антикоррупционных, демократических излишеств. Тут дело могло дойти и до равноправного не только распределения по талонам-ваучерам собственности, но и самое важное – ее закрепления за каждым гражданином, до честных выборов всех уровней власти, ее неформальной отчетности и подотчетности перед избирателями.

И что самое страшное – до реального самоуправления и конкретной постановки и разрешения ставшего уже банальным вопроса: кто для кого – люди для власти или власть для людей.

Не возбуждайте вы читателя и самого себя, – спешит одернуть размечтавшегося автора зоркий оппонент. Номенклатурный испуг и беспокойство было временным и даже напрасным. Никакой силы в советском обществе, одномоментно перешедшим в российское, способной осуществить вышесказанное не было и до сих пор нет. В наличии имелись только отдельные разрозненные элементы, к тому же весьма раздробленные и разобщенные до такой степени, что к ним скорее и удачнее можно было применить не понятие силы, а наоборот – слабости.

Да, они имели фундаментальные знания на системном уровне о законах и основах свободного общества, владели красивой риторикой, но даже будучи допущенными пусть и частично к власти, они не знали, что и как надо делать. Особенно их беспомощность и управленческая некомпетентность очень отчетливо проявились в неумении, а, возможно, и в сознательном нежелании учесть и задействовать интересы всех слоев населения и прежде всего в отношениях собственности.

Последние к тому же приобрели такую многолетнюю номенклатурную зачистку, что не оставалось практически никакого другого выбора, кроме как ринуться самим и потянуть за собой наиболее страдающих в пучину принимательства, для которого впервые за последнюю тысячу лет создались невиданные, поистине фантастические возможности. К их анализу мы будем обращаться неоднократно, в том числе и в ходе предстоящего изложения характеристик принимательского класса, нареченного достаточно многозначительным иностранным термином олигархия.

Надо сказать, практически все доступные мне словари оказались несколько скуповатыми и скучновато повторяющимися в своих очень похожих формулировках олигархии как власти узкой группы лиц. Захотелось рискнуть предложить свое уточнение или дополнение к вышеупомянутым определениям. Но вначале вспомним о железном законе олигархии, выведенном еще в начале XX века социологом Р. Михельсом. Суть его – прямая демократия невозможна в крупном обществе, где она неизбежно перерождается в олигархию. Исторических примеров много. Самый для нас яркий и современный это – перерождение в 90-е годы демократической власти России в олигархию. Узкая группа лиц, называемая семибанкирщиной, фактически в своих интересах стала управлять огромной страной.

Кого представляла из себя эта группа? Конечно же, принимателей. Отсюда и уточненная формула: олигархия это особый тип государственного управления узкой группой принимателей, присвоивших

наиболее крупную собственность и власть вместе с их доверенными лицами. Ну, а кто они конкретно, в средствах массовой информации при желании можно познакомиться со всеми. Как и всякое общественное явление оно имеет многогранный характер и соответствующую многоаспектность в своем определении. Хочется получить критический отзыв о вышесформулированном варианте.

Однако нам надо произвести ряд аналитических замечаний, характеризующих принимательство как общественное явление современности. Его социальная база и условия существования выходят далеко за пределы принимательского класса. Оно носит, можно сказать, широкий всеохватывающий характер. В него вовлекаются в силу разных причин многие чиновники, работники правоохранительных органов, здравоохранения, образования, науки и других социально-производственных сфер жизнедеятельности общества.

Наиболее существенной, главной причиной принятия ими денежных средств или мелкой собственности в виде различных бытовых приборов и инструментов от рядовых граждан или друг от друга является разбалансированность интересов государства и тех лиц, которые ему служат и которых оно содержит недалеко от черты самовывживания. Добавим к этому весь букет неразвитости гражданского общества, ущемления в нем прав и свобод, зависимости судов от власти и другие неизжитые признаки авторитарного управления страной.

Вот и получается: вместо того, чтобы выполнять роль принципиального правоохранителя, укрепляющего государство, конкретное должностное лицо превращается в правонарушителя, ослабляющего его; вместо того, чтобы сеять вечное, доброе и порядочное учительство на личном примере демонстрирует аморальное, низкое: вместо бескорыстной помощи больному согласно клятве Гиппократу врач просящими глазами заглядывает ему в карман, уточняя при этом статусные данные для определения вариантов, что с него можно взять.

Так это же элементарная коррупция, берущая свое начало еще с древних времен, – напомнит мне без сарказма оппонент. Совершенно верно. С юридической точки зрения так оно и есть, а вот с социальной будет точнее именовать такие проявления как принимательство. Именно оно меняет социальный статус конкретного человека, его образ жизни и достаток, ведет к развитию неформальных способов господства и угнетения, неравенства в обществе. Тут воистину вещами оказываются слова Махатмы Ганди: мир слишком велик, чтобы удовлетворить все нужды людей, но слишком мал, чтобы удовлетворить их жадность.

И все же не будем торопиться записывать всех увлекающихся принятием различных подачек в класс принимателей, так как это в массе своей, за редким исключением, не связано с отношениями собственности. Хотя продвижение по служебной лестнице и нарастаю-

щая приемательская активность при адекватном накоплении объемов материальных активов может вполне реально перевести то или иное должностное лицо в новый господствующий класс. Вместе с ним и мы движемся в следующий параграф.

2. Основные признаки: принятие собственности, слияние с властью, господство и отдельная жизнь

После краткого рассмотрения приемательства как явления заметим – совсем по-иному формировался класс приемателей. В отличие от предпринимателей у него бизнес начинался с присвоения готовой и действовавшей тогда государственной собственности отдельными гражданами. Буквально в считанный миг с исторической точки зрения, то есть за 5–6 лет, огромные пласты общенародных предприятий, учреждений, корпораций оказалась в руках также стремительно сложившегося и оформившегося отдельного нового класса приемателей. Кто эти люди, сколько их, откуда взялась такая генерация и как? Чтобы получить ответы на эти вопросы, нужны специальные научные исследования, но выполнить их вряд ли можно в силу перечисленных выше условий деления собственности, большой заофшорности экономики и других причин.

На вербальном уровне видно, что они определялись, выбирались, рекрутировались и назначались из тех же предпринимателей, действующих и бывших чиновников, банкиров, работников правоохранительной системы и представителей криминала. Словом, это обычные люди. Необычными, то есть очень богатыми, они становились сразу же после того, как на них оформлялись в ходе соответствующих процедур самые разные государственные объекты. Причём, создаваемым ими компаниям не требовалось проходить мучительный, длительный и сложный процесс перехода из малых предприятий (мышки) в средние (газели), а из них – в крупные (слоны).²¹ Они, минуя все фазы, сразу становились слонами, т.е. крупными олигархиями.

Сегодня приематели – это самый динамично развивающийся, богатый и мощный класс, господствующий над всем обществом. Никто не знает его численности и социальной спецификации. Хотя вполне очевидно, что ряды приемателей размножаются, набирают при поддержке власти силы как в количественном, так и в качественном отношении, вытесняя на обочину различных сфер жизни, с одной стороны, самый крупный по численности, а с другой – самый бедный по собственности класс бизнесменов – предпринимателей. Именно этот класс переносит все тяготы и последствия кризисов, дефолтов, слияний, поглощений и разорений, социального неравенства и ущемлённости.

Размеренный ход нашего исследования может нарушить резкий упрёк в некорректности и нелогичности разделения и противопоставления приемателей и предпринимателей на два обособленных, отдельных класса. В чистом виде такое можно допустить только теоретически, но в жизни так не бывает, – скажет нам оппонент. Но мы не будем спешить с этим соглашаться. Действительно, получив большой объём собственности, приематель начинает ею управлять, развивать, совершенствовать и т.д. Более того, он начинает создавать новые виды бизнеса, то есть совершает уже чисто предпринимательские действия. Значит, его пребывание в классе приемателей ограничивается только временными, функциональными процедурами присвоения самой собственности. А коль так, налицо путаница – вместо класса может быть стадия перехода из одного социального состояния в другое.

Это нередко наблюдается и в обыденной жизни, бодро напомнит нам оппонент. Достаточно взглянуть на периодически происходящие официальные встречи с предпринимателями, широко освещаемые средствами массовой информации. Здесь выделяются две телеэкранных картинки. На одной – съезды, конгрессы и другие массовые мероприятия с предпринимателями, их открытыми выступлениями, предложениями и т.д.

На другой – камерные, закрытые встречи первых лиц государства с участием 15–20 человек, называемых то представителями крупного бизнеса, то просто предпринимателями, что, по нашему мнению, неверно. Такие же слияния и совмещения допускаются и в многочисленных социологических исследованиях. Ни дать ни взять – все респонденты на одно лицо, все – предприниматели. Можно себе представить степень объективности их результатов.

Понятно, что данный приём затушёвывает сущность проблемы, отгораживает сознание людей от болезненного, обидного восприятия приемателей. Хотя, что здесь обидного? Человеку дали собственность, он присвоил её и стал приемателем. Обидно как раз тем, кто когда-то наравне с ним тоже был наделён долей государственного имущества, но остался без неё. Ярчайшими примерами таких «достижений» стали богатейшие сырьевые отрасли, львиная доля доходов которых оказалась в руках узкой группы лиц, а также земельные паи, которые через целую систему административно-хозяйственного наперстничества были изъяты у крестьян, на базе чего во многих регионах как грибы выросли агроолигархии латифундистского типа.

Правда, здесь у оппонента есть ещё один веский аргумент. Но веский только на первый взгляд. Речь идёт о том, что подавляющее большинство приватизированных госресурсов были так или иначе выкуплены, следовательно, являются юридически легитимными, а новые собственники – законными. Формально выглядит всё правильно, но с

учётом умышленно занижаемых продажных цен в сотни, а в случаях специально организованных в массовом порядке банкротств, в тысячи раз от их реальной стоимости, все эти процедуры, кроме как присвоением собственности назвать нельзя. По этому шву Россию рвёт уже почти четверть века, по нему проходит незримая линия фронта массового сознания общества, разделённого углубляющимся социальным неравенством. И что очень важно подчеркнуть – будет еще долго рвать.

Для утверждения нашей позиции даже не требуется специальных методологических усилий, достаточно вербального анализа вышеизложенного примера возможного перехода приемателя в предпринимателя. Для этого сравним, что и как делает тот и другой при организации нового бизнеса. На первый взгляд, они производят одни и те же действия: находят нужную идею, формулируют предложения, разрабатывают бизнес-планы, готовят проекты реализации, проводят согласования и экспертизы, привлекают необходимые ресурсы и осуществляют задуманное.

Но приематель опирается на полученную им материально-техническую базу и соответствующую финансовую основу, активно использует готовую инфраструктуру, нанимает необходимую команду специалистов, оперативно достигает своей цели, минуя весьма обременительную стадию «пред». Как раз она уготована в полном объёме предпринимателю, который всё перечисленное должен делать и добывать сам, теряя своё здоровье, время и средства, что зачастую приводит к потере конкурентоспособности и провалу дела, а бизнесмена и его семью к нищете и бесправию.

Поэтому мы настаиваем на том, что приематель – это пожизненная, передаваемая по наследству классификация конкретной социальной группы, делающей свой бизнес на основе получения в частную собственность государственного имущества. Более того, мы предлагаем провести специальную аккредитацию или аттестацию через регистрационно-кадастровые, налоговые, таможенные и другие службы каждого её представителя. Это будет серьёзный шаг государства к созданию для бизнес-сообщества условий равных возможностей и минимизации социального неравенства.

К тому же здесь не требуется усложнённых подходов и в качестве главного критерия может быть применено получение и наличие в бизнесе того или иного человека приватизированной государственной собственности. Кстати, постоянное, пожизненное сопровождение термином «приематель» в официальном и обыденном порядке будет сдерживающим морально-этическим фактором поведения его носителя, отношения к другим людям.

Здесь, на первый взгляд, возникает некоторая неловкость звучания самого термина приематель. Обратившись к вышеизложенной

телевизионной картинке, да и к любому официальному сообщению средств массовой информации, многие из которых им же и принадлежат, можно услышать и увидеть следующие редакции: сегодня состоялась встреча руководителей страны с ее ведущими приемателями. Действительно, звучит и смотрится непривычно, зато правдиво и доверительно. Ведь употребляется же не ругательное слово.

Согласившись с возможной оценкой определённой схематичности данных суждений и выводов, обратимся к одному из малоизвестных аспектов рассматриваемой темы. Часто приходится слышать мнение: а какая разница, кому принадлежит собственность – одному человеку или группе лиц, соотечественникам или иностранцам, важно, чтобы сохранялись рабочие места и приемлемые для достойной жизни доходы людей. В конце концов раздраженные читатели и оппонент нам скажут, да и часто говорят, что такое понятие как «бизнес» объединяет всех, кто им занимается, в один класс бизнесменов.

И это вполне логично с научной точки зрения. Повторимся, но это крайне важно, целое всегда состоит из частей, даже если это молекулы или атомы. Ведь общество тоже как целостный организм складывается из различных классов, социальных групп и слоёв, отдельных людей. Но это не заглушевает и не стирает их многочисленных различий, интересов и целей, порой несовместимых и даже противоположных по значению.

Да, мы согласимся, что бизнес – это объединительная категория. Но опять же, какой он в каждом отдельном случае по форме, содержанию и структуре. И тут основательный вывод напрашивается сам собой: по признаку отношений собственности бизнес тоже делится на два главных типа – приемательский и предпринимательский. Третьего здесь не дано. И это по сути является методологическим положением. Сколько бы ни принял от государства бизнесмен собственности, целую отрасль, отдельный завод или маленький магазин, он всё равно – приематель.

Казалось бы, всё это должно ограничиваться государственной политикой и соответствующими законами. Почему же тогда больше миллиарда человек нашей планеты голодают, в ряде стран растет смертность, с каждым годом увеличивается число живущих за чертой бедности? Хотя в России периода тучных лет из-за высоких цен на энергоресурсы данный показатель несколько уменьшился, но ненадолго. Декабрьской ночью 2014 года он снова, причем в одночасье, начал свой драматический рост и уже за первый квартал 2015 года смертность увеличилась на пять процентов, а за весь этот год число людей, живущих за чертой бедности, достигло более 19 миллионов человек, увеличившись только за один год на 3 миллиона.

Попытаемся ответить изложением свежего и ставшего уже вполне типичным примера. Речь идет об аресте и освобождении от должно-

сти губернатора Сахалинской области А. Хорошавина по факту принятия взятки в особо крупном размере, то есть нескольких миллионов долларов, за право выиграть тендер на строительство крупного энергетического объекта.

Ситуация выглядит вполне обыденной и привычной для восприятия общественным мнением, в котором уже давно утвердилось суждение о коррупционности российской власти на всех ее уровнях. Не удивляют уже и масштабы воровства и взяток, дошедшие до миллиардных значений. Один только заместитель губернатора Московской области по финансам А. Кузнецов умудрился украсть десятки миллиардов рублей из ее бюджета, перевести их в зарубежные страны, куда и сам беспрепятственно удалился, позволяя себе давать открытые интервью для прессы и телевидения.

А тут руководитель отдаленного, небольшого и небогатого региона попался, считай для него на мелочи, и вдруг такой шумовой, пропагандистский бум. К чему бы это? За ответом мы обратились чисто к обыденному восприятию окружающими нас людьми данного факта. Среди наиболее часто встречающихся мнений выделяются следующие:

1. Видно, скрысятничал, не поделился положенным с кем положено, зажал все для себя, а это не по понятиям и никогда не прощается. Доказательство тут одно, – глаголет народ, – жил на широкую ногу, открыто, не стесняясь демонстрировать свое богатство. Никого не опасаясь, буквально под визуальным наблюдением телекамер, покупал сверхдорогие сувениры – одна авторучка стоимостью несколько десятков миллионов рублей вызвала шок даже у неслабонервных. О наличии у него в столице запредельно дорогой недвижимости можно и не напоминать – это само собой разумеющаяся традиция для таких лиц.

К тому же по оценке кремлевской администрации входил в группу успешных губернаторов. А коль так, бояться нечего и некого, позволять можно все, что могли бы позволить оставшиеся и так и неразвившиеся зачатки совести. На избирателей наплевать, не они, а четко отработанные высоконадежные технологии выборов, точнее подсчетов голосов и написания протоколов, решают вопрос быть или не быть. Главное, команда сверху. И у перспективного выдвиженца успех всегда гарантирован его же собственным административным ресурсом. Мудрый у нас народ, а потому все чаще голосует ногами, прогуливаясь подальше от избирательных участков.

2. Обнаглед, вышел из-под контроля и, несмотря на жесткие предупреждения с высоких трибун о борьбе с коррупцией, считал их своеобразной фарисейской игрой, рассчитанной на выпускание телепропагандистского пара, продолжал давным-давно начатый чиновничий бизнес. Но что-то не рассчитал и сам же попал под обжигающую струю горячего пара. Ведь уже много лет интернет заливадается скан-

дальными сообщениями о его вызывающем поведении и аморальных выходках представителей ближайшего окружения. Наконец-то, отреагировали. Это уже мнение интеллектуальных респондентов.

3. Воруя все или почти все, за редким исключением, кто дорвался до властной кормушки, но с разной степенью беззастенчивости и чувства меры. Кто уже многие годы остается несменяемым, у того более отлаженные механизмы коррупции, отъема, прямого воровства и присвоения собственности, вполне натренированная команда единомышленников, способная создавать за этот счет целые экономические системы, по масштабам приближающиеся к крупным олигархиям с миллиардными объемами только уже не в рублях, а в известном исчислении зеленого цвета. Такой взгляд выражают эксперты, они же наиболее точно приближаются и к оценке личных активов конкретных известных персон.

4. Очередь выразить свое мнение теперь за автором, который прежде всего изучил биографию и послужной список героя громкого уголовного дела. Судя по всему он, находясь и продвигаясь по карьерной лестнице еще в советско-партийной номенклатуре, научился вначале приворовывать и подхватил бациллу мамонофилии.

А тут, кстати, подоспело новое буржуазное время, когда появились неслыханные возможности делать не просто деньги и собственность, а очень большие деньги и очень большие пласты материальных активов. И способ их делания – не капиталистический (на эту тему мы еще более детально обратимся к К. Марксу), а чисто приемательский. Это главный признак, характеризующий возрождение данного класса на новой основе. И ее суть – не служение государству, как в прежние времена, а служение лично тому, кто распоряжается казенной собственностью, финансами, властью и возможностями назначения на государственные должности.

По своему содержанию и функциям оно как раз и заключается в оформлении на так называемых подставных, а точнее доверенных лиц присвоенной собственности. Далее идет создание и размножение разветвленных структур по управлению ею и приращению новых активов. Отъем и присвоение – это два безостановочных процесса, как и гонка вооружений или охота. Остановиться можно только в одном случае, если приематель полностью излечился от мамонофилии, о чем речь пойдет в специальной главе.

Господин Хорошавин не излечился и не остановился. И чтобы изучить все его тайно-подставные активы требуются весьма серьезные и высококвалифицированные усилия крупного соединения работников правоохранительной системы, включая разведку и контрразведку. Это же касается и тех, кто еще находится на излюбленной дистанции и пока не достиг финала. Главная сложность заключается в том,

что созданием личной приемательской конструкции – империи по регистрационно-оформительской линии занимаются как раз те государственные структуры, которыми непосредственно руководит сам их владелец. Он же одновременно по совместительству является новоиспеченным олигархом местного значения.

Это тем более неукоснительно относится к тем, которых назначили приемателем и перевели затем в олигархи. Повторимся, но еще раз подчеркнем, что без власти в России за последнюю четверть века олигархом не мог стать и не стал ни один человек. Поэтому специалисты, называя любую известную фамилию, считают это собирательным образом. За каждым олигархом обязательно стоит одна ключевая фигура или группа лиц, а то и целая структура в государственных мундирах. Добавим членов семей, партнеров и обслуживающих лиц и получается искомая олигархия или капитализм для своих.

Такое слияние с властью полностью меняет сущность ее функционирования, чему будет посвящен отдельный анализ. Здесь лишь подчеркнем, все ее подотчетные органы в качестве приоритетной задачи всегда обслуживают олигархию. Все остальное соподчиняется данному процессу. И совсем неважно назначена ли власть по вертикали сверху вниз или избрана на безупречно честных выборах, она в первый же день начинает свое служение главным приемателям, так как сама является такой же неотъемлемой частью олигархической системы, вмонтированной в государство.

Такое неразрывное диалектическое единство создает прочную основу для господства над обществом в любых самых вариативных проявлениях его жизни. Особую опасность для людей представляют его скрытые проявления, когда за занавесом тех или иных событий, решений и даже федеральных и региональных законов стоят неизвестные, а точнее хорошо известные персоналии с соответствующим властным прикрытием. Примеров тому масса, часть из них будут описаны в нашем исследовании.

Вообще-то закрытость и особость являются неотъемлемыми признаками приемательского класса, которые с самого момента рождения и по ходу всей жизни олицетворяет собой самый таинственный социум на планете, включая, конечно же, и нашу страну. Просьба к читателю и оппоненту не путать его современный облик с хорошо известным предшественником дореволюционного периода.

В принципе, те же министры, губернаторы, мэры и их сослуживцы и в царское время тоже не бедствовали, воровали и приворовывали, чему немало документальных свидетельств. Но чтобы кому-либо из них конкретно принадлежали зарегистрированные на других дворян, купцов или заводчиков земельные вотчины, отдельные предприятия или учреждения, таких примеров мне встретить не удалось. И уж тем

более не было специально оформленных на подставных доверенных лиц крупных счетов в зарубежных банках. Тогда не было ни явных, ни тайных олигархов, хотя бы на отдаленное расстояние приближающихся по масштабам богатств к их современным потомкам.

Сегодня это приняло масштаб национального бедствия, при котором огромные богатства и достояния не работают на страну и ее граждан. Они изъяты и выпали из нее похоже навсегда. Еще хуже, что на их службе находятся как раз те приематели, которые это делают и практически мало связывают свою жизнь и судьбу своих близких с Родиной, распаяя по максимальной возможности, на всякий случай, патриотическую риторику для отвода людских глаз от своей отдельной жизни.

Состоит она из двух основных частей – открытой официальной, и закрытой, тайной, которые по сути своей ничем хорошим не являются. Ведь любое раздвоение личности мало кому приносило пользу для здоровья. И неважно, богатый это человек или бедный. В литературе и публицистике достаточно много описаний жизненных коллизий и трансформаций таких персонажей. А вот научных исследований очень мало. Не получилось это и у меня – просто не ставил такую задачу, да и рамки монографии не позволяют. Однако те конспективные контуры, которые мне удалось обозначить, дают возможность присоветовать тему докторской диссертации для самых дерзких молодых социологов: олигарх как собирательный образ современной России.

Со своей стороны также могу предложить для рассмотрения и поддержки примерный план будущей монографии по данной проблеме. В нем будет обязательно и раздел о таком парадоксальном исключении из правил, как молодой американский миллиардер Марк Цукерберг. Тоже приематель, но такой же как и многие талантливые люди планеты, принявший одно единственное состояние по наследству – трудолюбие, ум и порядочность. Весь мир с невероятным интересом наблюдал, отслеживал и восхищался тем, как молодой специалист, можно сказать, бизнес-вундеркинд, буквально с нуля создавал, лелеял и развивал новую, современнейшую компанию «Фейсбук», которая буквально за несколько лет стала одной из глобальных структур в мировом информационно-технологическом пространстве.

Но что особенно важно, этот самородок буквально в мгновение жизни ставший по праву своего таланта и усердия богатейшим человеком, не стал отделять себя от других, выстраивать свою особую жизнь. Он также продолжал и продолжает ходить в простых майках и шортах, носить шлепанцы на резиновой подошве, словом, вести скромный образ жизни. Ни о каких яхтах, самолетах и прочих атрибутах роскоши у него нет даже и речи.

Первое, что в таких случаях может показаться любому постороннему наблюдателю, – это нарочитая показуха или демонстрация обра-

за своего парня. А может это врожденная скупость, неудачно сопровождающая генетические достоинства незаурядной личности? Нет, все эти догадки-предположения тут же разбиваются вдребезги при виде этого человека и непосредственном общении с ним. На удачу и счастье он таким родился, есть и будет, очевидно, всегда.

Уже его состояние достигло 45 миллиардов долларов, что же дальше? А дальше – взросление, женитьба, рождение дочери и все тот же мальчишеский по форме и по-настоящему мужской по содержанию поступок – заявление на весь мир, что в честь этого события он 99 процентов своего состояния отдает на благотворительные цели, чем и займется практически его супруга. И снова предположение: может это шутка или фигура продолжения маркетингового пиара?

Да, нет же. Разве человек с такой лучезарно-доброжелательной улыбкой, очаровавший всё интернет-сообщество мира, может допустить подобную шутку? Просто он такой не только по натуре, но и по силе духа и крепости своего сознания, которое не смогла пробить ни одна бацилла мамонофилии. По-настоящему счастливый человек, разделяющий свою душу со всем миром. И коль такие люди появляются на земле, значит здесь еще не все потеряно. А у нас есть аналогичные мужики из числа олигархов-принимателей? Лично я не встречал. Возможно, найдут их молодые исследователи и изучат их поступки. Что ж, вперед, ребята!

Глава VI. Рабочий класс: созидательная миссия, исторические коллизии и ловушки эксплуатации

1. Истоки родительской колыбели и фарисейский замысел мирового господства через диктатуру над пролетариатом

Мы уже подчеркивали одно из несомненных достоинств крестьянства – его селективную, донорскую функцию. Логика и инерционность мышления подталкивают исследовательскую версию на путь утверждения, что в его колыбели родился и рабочий класс. И все же более внимательный взгляд на истоки его зарождения представляет совсем иную картину жизни. Давайте мысленно представим ее и попытаемся хотя бы вкратце описать.

Вначале надо посмотреть на то древнейшее время, что сделать весьма трудно, но мы в первой главе адресовали читателя на неопределенный многотысячелетний период обратного отсчета истории человечества, удостоверенный конкретными источниками. Споры, правда, сдвинулись уже на вполне убедительное обоснование, появившееся сравнительно недавно в научных кругах о начале возникновения человеческого общества в Африке около 6,5 миллиона лет назад. Заметим, это далеко не первое и не последнее открытие. Так что лучше нам не вдаваться в тонкости археологии и антропологии.

А вот в детали социальных процессов вникнуть надобно. И так, в первобытно-общинном строе люди прежде всего становились земледельцами, постепенно заменяя труд охотников и рыболовов выращиванием различных сельскохозяйственных культур и домашних животных. Потребовались орудия производства и предметы домашнего быта, и из крестьян появились вначале мастеровые-одиночки, затем и объединения их в артели. Начавшийся обмен продуктами побудил выделить из земледельческого класса еще и торговцев или купцов.

То есть артельщики и торговцы возникли в результате разделения труда практически одновременно. Собственно, с развитием артелей труд в них из сезонного превратился в постоянный, а сами артельщики в процессе производства все больше напоминали будущий рабочий класс. Но это был не пролетариат, у которого ничего нет, кроме своих рабочих рук, – мечта всех марксистов. Это были равноправные совладельцы собственности, участвовавшие в самоуправлении и справедливом распределении полученных результатов коллективного труда.

Поскольку артели использовали на самых трудоёмких производствах вначале труд рабов, а потом и вольнонаемных, последних мож-

но вполне отнести к первым пролетариям. Уже в средние века логика накопления и концентрации капиталов в руках прежде всего торговцев и богатых латифундистов диктовала осуществление различными методами воздействия на конкретные отраслевые артели, добиваясь их экономического закабаления. Понятно, что данный процесс не затрагивал рядовых крестьян и артельщиков, которые по определению могли в лучшем случае стать людьми среднего достатка.

Так, в ходе деловых отношений с ними зарождалось их подчинение с последующим поглощением и превращением в более крупные фабрики и заводы, где все более широкое использование получал труд наемных рабочих. Источником пополнения их рядов были, разумеется, крестьяне, в первую очередь из их малоземельных или безземельных представителей.

Так, зачастую артель суконщиков становилась ткацкой фабрикой, артель скорняков – кожевенной, артель сапожников – обувной, а артель железоплавильщиков – металлургическим заводом. Примеров можно перечислить много, они обстоятельно описаны в литературе. Мы же подчеркнем, что специально организуемое банкротство, открытый захват производственных предприятий и другие выдающиеся достижения агрессивно и бурно развивающегося капитализма – это продукты не сегодняшнего дня.

Они пришли к нам из далекого прошлого. Эпоха дикого, варварского накопления капитала, к глубокому сожалению, имела свое начало, но не имеет, как показывает жизнь, своего конца. Подхлестываемая мамонофилией, помноженной на многогранные проявления человеческого эгоцентризма, она продолжает свое безостановочное движение сквозь века, пронзая, как нож масло, основные социально-экономические процессы общества.

А куда же смотрел родной крестьянско-артельный отпрыск – рабочий класс, который, несмотря на свою малочисленность, был более ста пятидесяти лет назад наречен ведущей и руководящей силой всего общественного развития? Имея таких уникальных родителей, получивших многовековую социалистическую закалку артельным равноправием и справедливостью, а также генетический код многогранных достоинств и ценностей крестьянского класса, ведь он должен был не допустить беспредельных проявлений алчности, эксплуатации и угнетения. К тому же он обязан еще учить и наставлять своих неразумных и несознательных предков самыми передовыми и прогрессивными идеями новой жизни.

Стоп, да их уже весьма старательно воспитывали и агитировали революционеры – разночинцы. Особенно активно действовали народолюбивцы. Им казалось, стоит рассказать земледельцам на конкретных примерах об их чудовищной эксплуатации и угнетении, разъяснить

суть свободной и справедливой жизни, за которую надо будет вести борьбу против самодержавия, и заполыхает от села к селу по всем бескрайним просторам России крестьянская революция.

И они всё шли и шли в народ, устраивались работать в школы и больницы, вели индивидуальные и групповые беседы с крестьянами. Те их выслушивали, соглашались со своей тяжелой долей, а думали совсем о другом – о надеждах, открывшихся после отмены крепостного права, о видах на урожай, о погоде и о здоровье домашних животных.

Все эти житейские интересы вытесняли из их сознания мысли о борьбе, об объединении. С кем и когда объединяться? Когда это делать в условиях повседневного труда без пауз и отдыха? Не поднимались и крестьянские восстания, за исключением отдельных бунтов, поджогов и грабежей господских имений совсем уже доведенных до отчаяния людей жестокими, безжалостными мерами угнетения своих отличающихся беспредельной эксплуатацией и унижением господ-помещиков.

Но, если крестьяне не разделяли точку зрения своего врача или фельдшера – агитатора, то тем более они не слушали своего сына или брата рабочего. Да те особо и не стремились к агитации, к которой были совсем не готовы. Они больше прислушивались к старшим своего крестьянского рода, а не к отголоскам теоретических статей непонятных им революционеров. Их по-прежнему волновал и заботил отчий дом и обустройство деревенской жизни.

Вот и я вместе с обследуемым попался на острый крючок долго отдыхавшего оппонента, который тут же сражает вопросом: а как это возможно вчерашним крестьянам учить самих же крестьян? Правильно, невозможно. Тогда зачем все это придумали, разожгли мировую революцию и бросили в ее топку значительную часть человечества? Вопрос не ко мне, а к вождям-основателям революционного учения, хотя ответить на него можно попытаться и в нашей монографии.

Представим конкретную историческую ситуацию. 1848 год. В Европе революция. Против тяжелейших условий труда и быта, которые создавал им дикий капитализм, выступили тысячи рабочих, готовые снести с лица земли народившийся новый строй. Молодые, талантливые публицисты К. Маркс и Ф. Энгельс под впечатлением революционных событий пишут «Манифест Коммунистической партии», в котором делают выводы об обреченности и неминуемой гибели капитализма и выдвигают план построения нового коммунистического общества.

И все бы не предвещало никаких тревог и трагедий, если бы не нашлись почему-то именно в России люди, которым стало выгодно попытаться очень точно и скрупулезно выполнить основные пункты этого плана. Невзирая на то, что в нем с явной поспешностью и эмоциональным перевозбуждением изложены такие теоретико-абстрактные

положения, далекие от реальных законов развития общества, что возникал сразу же вопрос о профессиональной зрелости и компетентности авторов.

В самом деле, как мог человек, утверждавший, что энергия частного капитала является преобразующей силой общества, и буржуазия не может существовать без постоянных переворотов в орудиях производства, обосновать историческую миссию рабочего класса в построении нового бесклассового общества, вводя в заблуждение и в полуторавековую борьбу не только многие сегменты мирового общественного сознания, но и реальные социальные слои и классы?

Главное, общепризнанный, авторитетнейший создатель «Капитала», за советом к которому до сих пор обращаются современные экономисты, ни разу не скорректировал свои ошибочные тезисы и не отказался от них, хотя, конечно же, понимал неразрывное единство и взаимодействие капитализации и социализации и четко осознавал, что их противопоставление или уничтожение, скажем, капитала – это бессмыслица. Ходят разные версии, связанные с возможной несамостоятельностью автора, с возможным главным заказчиком его работы.

В этом есть какая-то неразгаданная тайна. Что было дальше, всем хорошо известно. Конструкция общественного переустройства дополнилась надуманной диктатурой пролетариата, такой же мировой революцией и вполне реально перевернутой вверх дном Россией и т.п. Невозможно перечислить все бессмыслицы и парадоксы, которые в публичных дискуссиях и в реальной политике разрешались с помощью элементарного фарисейства. Но на одном вопросе все же остановимся чисто в угоду оппоненту.

Ну, хорошо, взял рабочий класс власть, установил диктатуру, но кто этим процессом будет управлять? Партия, а в ней профессиональные революционеры, работники из тех же пролетариев и интеллигентов. Но это ведь уже не рабочий класс? Да, но они будут ему служить. А если их направят в русло служения совершенно другим интересам и силам, как уже случалось не один раз. Путаницы и подтасовок здесь хоть отбавляй, но мы с ними будем последовательно разбираться.

Тут даже верный соратник К. Маркса Ф. Энгельс противоречиво и опасно признает, что слуги народа легко могут превратиться в его новых господ. Стоит напомнить и о многочисленных ленинских стенаниях и самобичеваниях новой бюрократии. Понимали творцы глобального эксперимента всю бутафорность своей теории, которая на практике вылилась из пролетарской теоретически в номенклатурную диктатуру фактически, в свою очередь превратившуюся в свирепую тиранию. Но стремление к мировому господству, а практически это было главной, причем открытой мотивацией всей их деятельности, перекрывало здравый смысл. Отсюда и запредельно-беспредельная

жестокость и жертвенность, движение к цели напролом без малейших тормозов и гуманистических сдержек. Пусть в огне мировой революции сгорит все, что воспламеняется, лишь бы достичь главного – глобального господства.

Любопытный авторский пример. Во время первой поездки в США меня как советского в ту пору ученого пригласили на одну социологическую дискуссию, где довелось встретить весьма пожилого профессора, соратника Л.Д. Троцкого. Завязался разговор как раз по анализируемой проблеме. Не по возрасту темпераментный бывший троцкист энергично выдавал вполне логичные и заслуживающие внимания тезисы.

Никакого мирового пролетариата никогда не было, нет и не будет, – уверенно утверждал он. Это такой же фантом, как, скажем, мировой океан. В одном месте он то замерзает, то тает; в другом – постоянно нагревается и дает глобальное испарение влаги, в третьем перемешивает холодную воду с теплой и т.д. Добавим, к каждому еще примыкают свои моря и реки. И все они – разные и находятся в различных местах.

Еще в 30-е годы, – продолжает он, – мне по заданию шефа, то бишь Л.Д. Троцкого, пришлось вместе с другими специалистами проводить массовый социологический опрос рабочих в разных странах мира. Так вот, на вопрос, понимаете ли вы смысл лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» подавляющее большинство ответили отрицательно. Таким же был и ответ на варианты его практического осуществления. Это чисто идеологическое кликушество, не имеющее никакого отношения к сознанию, настроениям и потребностям конкретных рабочих.

По-вашему, выходит рабочий класс подняли на революцию, попользовали его и дали пинка под одно место, – попробовал резюмировать я, – а для пущей исторической важности развернули невиданную фарисейскую спецпропаганду о его руководящей, ведущей роли, о его власти и решающем воздействии на прогрессивное развитие всего человечества.

Совершенно верно, – подтвердил мой собеседник. – С самого начала задумывалось использование рабочего класса как прикрытие в глобальном воздействии на весь мир. Были же люди, способные и тогда на сотню лет вперед продумывать возможные варианты. Кстати, также считал в последние годы и главный организатор октябрьского переворота и вооруженного захвата власти в России Л.Д. Троцкий. Вы читали его работы? Нет? И не нужно. Теперь уже такое чтение просто бессмысленно. Мир должен уходить от этого все дальше и дальше, оставляя лишь в памяти прошлую революционную драматургию. Сегодня на повестке совсем другие вызовы, – заключил он. Не согласиться с ним невозможно, хотя коварный замысел и практическое осуществление номенклатурной диктатуры над пролетариатом в России не дает мне эвристического покоя.

2. Сознание определяет бытие, если оно революционное и классовое

Интересная и содержательная получилась беседа, ее корреляции не один раз вызвали у меня различные размышления. И в ранней, и в поздней марксистской литературе всегда шло противостояние двух основных тенденций использования рабочего класса в процессе своей борьбы – революционного, насильственного, непримиримого, разрушительного и эволюционного, демократического, договорно-согласовательного.

Причем, в обоих вариантах главными организаторами и исполнителями призваны выступать политические партии, соответствующие данной типологизации. Они-то и должны были сформировать у рабочих классовые представления, ощущения и восприятия непримиримости в их взаимодействии, противостоянии и борьбе с буржуазией соответствующими вооруженными или социально-экономическими методами.

При этом ядром классового сознания пролетариата было призвано стать единственно правильное и верное марксистское представление о классах как о движущей силе во всех обществах, то есть об истории всего человеческого развития как о классовой борьбе. Никакие другие, альтернативные варианты не допускались даже на дальние дискуссионные подступы. Если же они возникали и выходили на уровень политического обсуждения и носили характер сотрудничества, соглашений, переговоров и т.д., то немедленно объявлялись вредными, предательскими и недопустимыми, а на их носителей ставилось клеймо врагов рабочего класса и социализма.

В общем, перешел крестьянин в силу различных причин в рабочее, а это был единственный внешний селективный источник его пополнения, тут же должен был осознавать, что у него немного-немало теперь есть историческая миссия, что он теперь в руководящем классе, едином во всем мире. И хоть он там никого не знает и ни разу не видел, должен с ними соединиться в борьбе за свержение старого эксплуататорского строя и создание нового, где он уже из состояния «быть никем» перейдет в новое качество и станет «всем». Совсем неважно, что все это ему непонятно, особенно то, как это будет в реальной жизни, – партия научит и разъяснит. Она главная сила, которая ясно понимает цель и путь к ее достижению. Твое дело только верить и идти за ней, а, если потребуется, то и отдать свою жизнь за правое дело.

Но это еще не все звенья революционной технологии. Теперь ты еще должен всему этому научить своих несознательных, забытых тяжелым аграрным трудом и помещичьей эксплуатацией земляков-крестьян, которые сами не знают, зачем живут и без революции ни-

когда этого не узнают и не преодолеют свою вековую отсталость. Представим картину, которую я лично наблюдал в своем селе. Она не менялась почти целое столетие. Люди уезжали из него вначале на сахарный, затем на молочно-консервный заводы, которые находились в поселке Пятницкое на расстоянии 12 километров.

Все выходные и отпуска – в деревне, а по хорошей погоде так и каждый день. Естественно, обязательно участие во всех видах сельхозработ. Даже для тех, кто переезжал в поселок на постоянное место жительства, образ крестьянской жизни не менялся. Они заводили корову, других домашних животных и, обязательно, сад и огород. Такую же картину можно было наблюдать и вокруг больших и малых городов и рабочих поселков всей России. Например, в известном поселке Борисовка нашей области в конце XIX века так бурно развивался капитализм, что там действовали более двадцати предприятий, собиравших в рабочие ряды крестьян всей округи, о чем интересно написал в вышеупомянутом добрым словом труде В.И. Ленин.

Правда, будущий лидер большевиков не написал, как можно было такому рабочему-крестьянину втолковать в сознание мысль, что он теперь пролетарий, которому нечего терять, кроме своих цепей, что он вместе со всеми может стать хозяином, собственником Борисовской керамической фабрики или Таволжанского сахарного завода. Ведь он знал, что испокон веков хозяином мог быть только один человек.

Такова была логика российской действительности. Да в этом невозможно было убедить даже рабочих крупных промышленных центров. И утверждения большевиков о том, что революцию в России совершили сознательные рабочие, которых коммунистическая партия подготовила для борьбы за социализм, это в лучшем случае, большая самоприписка. Сегодня хорошо известно, кто и как сделал вооруженный переворот и захват власти в октябре 1917 года.

Фактически же большинству рабочих революция была не нужна. Времена тяжелой эксплуатации уходили в прошлое. Многие из них получали хорошую зарплату, работали и жили в терпимых условиях, хотя жилье оставалось еще серьезной проблемой. Был утвержден восьмичасовой рабочий день, многие капиталисты, подобно вышеописанному примеру Бахрушиных, заботились обо всем спектре социально-бытового положения своих работников. Капитализм всё больше становился договорным строем, где согласование интересов постепенно превращалось в норму взаимодействия работодателей и рабочих.

Вскоре после введения в 1881 году немецким сталелитейным магнатом Крупном медицинского страхования рабочих и специалистов российские предприниматели стали в массовом порядке распространять этот эффективный способ социальной поддержки на свои трудовые коллективы. Тогда же была создана крупнейшая страховая

компания «Россия». Все это в 1917 году незамедлительно отменили большевики.

И ярким подтверждением революционной пассивности рабочего класса может служить то, что классовое сознание пролетариата так и не развилось в крупных капиталистических странах, не говоря уже о его действиях по низвержению буржуазного строя и развертыванию мировой революции. На протяжении XX века марксистско-ленинская теория не оправдала себя нигде. И это главный глобальный вывод и трагический урок всего процесса мирового развития.

Излагаемые факты приводятся в противовес привычной большевистской трактовки всего отрицательного, что связано с положением рабочих при капитализме и не являются попыткой отлакировать складывающуюся действительность. Далеко не сразу заводчики поняли истину: чем лучше будут условия труда и быта рабочих, выше их образовательный и культурный уровень, тем быстрее будет расти производительность труда, качество и конкурентоспособность продукции.

Ведь почему по всей Европе и Америке в XIX веке прокатились массовые протесты, бунты и даже восстания рабочих? Да потому, что по сравнению с сельской просторной, экологически чистой, самостоятельной работой и жизнью, они попадали буквально в крошечный ад стесненного, загрязненного и загазованного пространства, с жестким производственным регламентом, дисциплиной и наказаниями за любое отклонение от установленных правил.

А тут еще двенадцатичасовой рабочий день. Сам по себе такой трудовой период был для вчерашних крестьян вполне привычным и посильным, но вышеописанные ужасные условия выдержать не мог даже такой крепкий, закаленный народ. Тем более это усугублялось отсутствием нормального жилья, которое заменялось селечным набиением огромного количества людей в барачные и квартирные помещения.

И вот победила революция. Забили, уничтожили или прогнали капиталистов. Им на смену пришли на предприятия какие-то уполномоченные, комиссары, которые сами себе оперативно смастерили советы трудовых коллективов без реальных полномочий. И началась новая жизнь. Рабочие вначале даже не поняли сути происходящего. Почти каждый день шли митинги, разъяснения большевиков в газетах, что теперь вы хозяева, уже сегодня вы распоряжаетесь всем, работаете на себя, и завтра всё будет лучше – условия работы, зарплата, управление и обеспечение. Но завтра наступало каждый день, а положение рабочих становилось все хуже и хуже.

Возвращаясь к тем событиям, отметим, что многие рабочие вскорости разобрались в ситуации и поняли, что попали в ловушку. Поднялись массовые протесты, забастовки и волнения. Но тут во всех бе-

дах обвинили виноватыми классовых врагов, объявили военный коммунизм. Без особых церемоний было предложено всем, кто не хотел умирать с голоду, взять оружие, создать продотряды, вступить в ЧК, Красную Армию и забирать самим хлеб и другие продукты у крестьян силой оружия. Начались террор, хаос и разруха, потребовавшие немалых пролетарских сил.

На просторах огромной страны запылали гражданская война. Остановились большинство заводов и фабрик, разразился жесточайший экономический коллапс, в результате которого перед каждым человеком встал главный вопрос – как выжить в невыживаемых условиях? Хорошо известно: если останавливаются фабрики и заводы, транспорт и сфера обслуживания, автоматически прекращает свое существование и рабочий класс, он по существу растворялся в хаосе военных действий и растаскивался в борьбе за власть всеми враждующими силами. Исчезали многие трудовые коллективы, десятки тысяч рабочих возвращались в деревню, где было легче прокормиться.

Попавшие же под военную и другие мобилизации полностью теряли связи со своим классом, они становились орудием насилия и социального слома всех вековых устоев общества и тотального разрушения его структуры. Вбиваемая в их сознание мысль большевистских вождей о том, что настал момент, когда вооруженный пролетариат становится подлинным хозяином страны и от его непримиримого отношения к классовым врагам, подлежащим безжалостному уничтожению, зависит судьба революции и социализма, спасение их семей от голода и смерти, становилось нормой поведения многих людей.

Существует распространенное мнение, что революции делают как правило голодные, но это далеко не так. В Петрограде февральскую революцию сделали как раз сытые, в том числе и рабочие, освобожденные от военного призыва, когда их два дня не покормили, ибо вовремя не подвезли хлеб якобы по причине больших снегопадов. Их сознание, подогреваемое активной пропагандой, мгновенно окрасилось протестными, сокрушающими старую власть мотивациями и последующим поведением. Но поскольку хлеба от этого не прибавлялось, его состояние все больше наполнялось насильственными и криминальными оттенками. Призывы грабить награбленное вначале показались непривычными и неприличными для многих верующих рабочих, но под воздействием перечисленных обстоятельств весьма оперативно переходили в сознательную позицию разрушения и насилия.

Состоялось искомое: революционное сознание стало определять бытие, ниспровергая один из монолитных постулатов марксистско-ленинской философии. Да, той самой, которая на основе обобщения лучших эвристических достижений человеческого ума всех времен и народов объявила себя саму истиной в последней инстанции, той, где

бытие определяет сознание. Все мы, студенты и даже школьники, повторяли это как отче наш. Повторяли в теории, не зная, что на практике задумано было обратное, перевернутое с тем, чтобы заменить не только мысли, восприятие и ощущение людей, а опрокинуть все бытие, все устоявшееся веками жизнеустройство, всю Россию. Причем, не на бок, с которого легче подняться, а вверх ногами, чтобы наверняка уже не встать в исходное положение.

И вот в считанные недели и дни пролетариат, вчерашний земледелец уже не думает о серпе, молоте и орале, стремительно перековывая их своими натруженными рабоче-крестьянскими руками в мечи. Да и думать ему особо не нужно – за него уже думают вожди, которые постепенно приковывают его сознание к своему короткому поводку самых низменных и диких человеческих инстинктов. По ходу революционного дела он становится все жестче, а движение к новому бытию все увереннее и быстрее. Поводыри торопились начать и пройти его первую стадию – братоубийство и безумие, а там уже умытых кровью, вдохновляемых жестокостью и мстью особо и призывать было не нужно. Их на бой всех против всех вело уже искомое бытие, которое в свою очередь еще больше укрепляло и развивало революционное сознание. Выпущенные революцией на волю бесы полностью правили своим демоническим балом. Трагический круг сомкнулся в страшнейшей вандее. Противоядия уже никто не искал в виду безнадежности такого поиска.

Парадоксально, но разорванное общественное сознание распавшейся страны базировалось на одной основе – смертельная борьба шла за Россию. Только у одних – за старую, привычную, с тысячелетним стажем, у других – за новую, неизведанную, начерченную на плакатах и лозунгах. В этом единстве противоположностей сжигались энергия, жизненные силы и сама суть народа, его веры, культуры и духа. И сегодня, осознавая неосознаваемые по фактам, масштабности селективные потери, кажется невероятным, как он все-таки выжил и сохранился как социум, зато вполне понятным, почему так живет.

После побед и разорений пришла пора опустошения и материи, и сознания. Спасение наступило через рабочие руки, истосковавшиеся по созидательному труду и взявшиеся за восстановление разрушенного. Диктатура насилия одной части народа над другой, специально названная для отвода глаз от истинных тиранов диктатурой пролетариата, превращалась из военной в мирную над всем обескровленным обществом и его очень ослабленной частью – рабочим классом. Процесс физического выживания неустанно дополнялся формированием новых духовных ценностей под поднятым над всем миром красным флагом.

Кстати, по мнению ряда специалистов, и в мирное время эксплуатация рабочего класса, а следом и полное его закабаление советской

номенклатурой в разы превышало предреволюционный буржуазный уровень. Об этом красноречиво писал Макс Вебер, который не разделял идею, что социализм имеет большие возможности для освобождения наемных работников от эксплуатации. Напротив, он предупреждал: в той мере, в какой социализм предполагает централизацию экономической и политической жизни, он будет расширять бюрократизацию и тем самым усугублять проблемы свободы и угнетения. И дело здесь не в собственности, а в статусных и престижных возможностях и оплате труда. Интересно, какой социализм имел он в виду – подлинный, естественный или специальный, надуманный?

3. Пафос борьбы и разочарований, тихий сон современного рабочего класса

Несмотря на официальную позицию коммунистических правителей о недопущении даже самой мысли о забастовках и борьбе за свои права при социализме, волны рабочих протестов периодически прокатывались по стране. Им говорили: сами подумайте, если вы хозяева и руководящая сила всего общества, как вы можете протестовать против самих себя и останавливать свои же фабрики и заводы? Но мастера это слушали, а думали о своем, о самом кровном – заработке, а также об условиях труда и быта. Нередко возникали стихийные волнения, забастовки и митинги.

Дело доходило даже до их вооруженного подавления советской армией, как это случилось в 1962 году в городе Новочеркасске Ростовской области. А в Польше рабочие в противовес компартии создали 10-миллионный профсоюз «Солидарность» и избрали его лидера – рабочего-электрика Леха Валенсу Президентом страны. В Румынии шахтерские волнения вылились в вооруженное восстание и казнь Генерального секретаря ЦК компартии Николае Чаушеску. Так псевдогегемон расправлялся со своей надуманной лжемиссией, с его самопровозглашенными вождями и таким же государственным строем.

В большинстве своем рабочие, как и крестьяне, интеллигенция не поддержали большевиков даже на выборах в учредительное собрание в 1917 году, которые, находясь во власти, полностью проиграли первые за всю историю России выборы и свободное, демократическое волеизъявление народа. Парламент страны был насильственно разогнан, а процесс определения избранных народа заменили хорошо известной всем бутафорией. Причем, на многие годы, бесстыдно назвав это советской властью. Когда же решили рискнуть и повторили в 1989 году во время перестройки еще раз почти свободные выборы, то они тут же стали последними в распавшейся стране. Развитой специализм был абсолютно несовместим с демократией.

Но постепенно жизнь налаживалась, научно-технический прогресс освободил рабочих от тяжелого, изнурительного труда. Во многих странах сформировались и весьма эффективно заработали независимые профсоюзы, отстаивающие и защищающие их права. Казалось бы, можно положить все революционные теоретические и методические разработки двух последних веков на задние архивные полки за ненадобностью. Однако наступившая эра глобальной экономики пока достигла только одного зримого результата – выравнивания цен на произведенные товары, разумеется, с их перманентным повышением.

Вроде бы тут уже недалеко и до следующего логического шага – повсеместного выравнивания заработных плат и качества жизни. Но как раз здесь никакой поспешности не наблюдается. Зато просматривается обратное – все увеличивающаяся пропасть между богатыми, развитыми странами и откровенно бедными, а также недалеко ушедших от них государств третьего мира, который принято называть развивающимся.

Естественно, все это самым всеобъемлющим образом касается рабочего класса, который в результате общемировой индустриализации стал самым крупным и массовым среди всех социальных групп населения земного шара. В этом плане марксистский да и другие прогнозы оправдались, чего нельзя сказать о его ведущей роли, которой никогда не было, нет и не может быть в силу чисто ведомой сущности данного социума. Исключением может быть только надуманная, чисто абстрактная версия. Ее убедительно опровергла сама история.

В результате общественной трансформации положение рабочего класса в России оказалось весьма драматичным и социально ущемленным, что можно охарактеризовать следующими моментами:

- во-первых, остановились тысячи предприятий, рабочие первыми оказались за их воротами, началась нарастающая текучесть кадров и массовая безработица, резко упала численность самого крупного класса;

- во-вторых, неготовность государственных структур сбалансировать ситуацию с занятостью высвобождающихся промышленных рабочих через традиционные центры, организующие их учет, переобучение, переквалификацию и трудоустройство;

- в-третьих, сразу же начались процессы приватизации, чаще всего не сопровождавшиеся образованием новых высокопрофессиональных управленческих структур, а наоборот, в первую очередь имеющийся производственный потенциал стал объектом наживы и халужества новых хозяев;

- в-четвертых, нестабильность экономической ситуации, смены хозяев и аритмия многих даже продолжающих работать предприятий приводила к задержкам и невыплатам заработной платы;

- в-пятых, особенно бедственное положение сложилось в оборонно-промышленных сферах производства, что парализовало практически основы жизнедеятельности около четырехсот моногородов России, до сих пор так и не выбравшихся из этого четвертьвекового кризиса;

- в-шестых, ситуация обострялась еще и тем, что нарастающие негативные процессы в основных социально-экономических сферах жизни не локализовались и не сопровождались своевременными законодательными действиями государства;

- в-седьмых, начавшееся массовое обнищание рабочего класса, обострившееся социальное расслоение и неравенство спровоцировали бурный рост преступности и различных антиобщественных проявлений;

- в-восьмых, все это резко усилило эксплуатацию рабочего класса, частыми явлениями стали кидализация и нарушение договорных обязательств по оплате труда, значительное увеличение рабочего дня, фактическая ликвидация многих выходных и отпусков.

Вот как описывает все это газета «Аргументы и Факты» устами рабочего, отвечающего на вопрос читателя Д. Петухова, – кому работать в России? У нас же рабочий человек не в почете! Куда ни плюнь, кругом менеджеры...

Я механиком трудился, пищевое оборудование ремонтировал, – сообщает ему Владимир Путин, ветеран труда из Кемерово. И, представьте, гордился своей профессией. Да и жили припеваючи – двести пятьдесят рублей в месяц выходило, на все хватало по тем временам. А потом вдруг мы, механики, слесари, трактористы, ткачихи – те, кто руками работает, превратились в людей второго сорта. И, чтобы не сомневаться, чего на самом деле стоит твой труд, вот тебе, работяга, за почти пятьдесят лет стажа пенсия двенадцать тысяч, радуйся!

Ну да, я на пенсию не жалею, не самая маленькая в стране, наверное. Мне за другое обидно. Вот был у нас громадный завод химического волокна. Чего только не делали из этого волокна, даже колготки женские. Шесть тысяч рабочих трудились! А потом началась вся эта перестройка. Взяли и разрушили предприятия: что-то там продали, разворовали, растащили оборудование на металлолом.

И таких больших заводов у нас три пропало. А вместе с предприятиями рухнуло и профобразование. Наши ремесленные училища, ПТУ – их ведь не так много осталось. На рабочие-то специальности сейчас не особо учат. А если и учат, то непонятно, где потом трудятся эти выпускники. У нас же многое так – для корочки-галочки. Получат диплом, а все равно идут в эти «купи-продай». Менеджер – место хлебное, звучит красиво. Вот разве престижно быть токарем? Другое дело – стать чиновником, знай, сиди себе в кабинете и пальцем показывай. В кабинете, кстати, и воровать сподручнее. В цехе много не

украдешь, а на чиновничьем стуле... Вон, вся страна знает про Сердюкова.

Правильно, конечно, что наконец озаботились своей промышленностью. Нельзя же все время надеяться на ископаемые. Неизвестно, хватит ли их нашим детям. Жалко, что мы так много потеряли, что сейчас приходится восстанавливать, а не развивать имеющееся. Много есть мыслей, как вернуть уважение к рабочему человеку и повысить производительность труда. Пусть Президент Путин приедет ко мне в гости – я ему расскажу.²²

Согласитесь, лучше оценок рабочего-ветерана не подберешь. В них не только исключительная точность, но и явно выраженное государственное мышление неравнодушного, болеющего душой за дело человека. Но есть в его словах и нечто крупномасштабное, какая-то нечетко выраженная потеря перспективы, определенная историческая обреченность, которую отмечают и социологические исследования последних лет.

В общем, достаточно прочитать такие рассуждения простого человека и становится понятной без каких-либо громких докладов и отчетов вся промышленно-производственная повестка современной России, которая попала, с одной стороны, в объективные условия завершившейся постиндустриальной эпохи на огромном пространстве человеческой цивилизации и своего собственного отставания, а, с другой – в глобальные экономические санкции, которые в дополнение к самозастойным проявлениям сырьевой зависимости добавляют еще и серьезные препятствия в доступности инвестиций и высоких технологий.

В такой ситуации особенно обостренно чувствуется объективное и все более усиливающееся уменьшение масштабов и роли рабочего класса, его размывание по высокотехнологичным производствам и сферам инфраструктурно-сервисного обеспечения. Постепенный переход на робототехнику до минимума снизит численность рабочих даже в таких его высококонцентрированных отраслях как горнодобывающая и металлургическая промышленность, а в отдаленной перспективе и на конвейерных линиях сборки в машиностроении.

О тихом сне современного рабочего класса в названии параграфа я написал неслучайно. Мне очень понравилась солидная статья на эту тему, прочитанная, но к сожалению, где-то безнадежно потерянная, что не дает возможности сделать положенную сноску. Уже много лет аналогичные формулировки не сходят с публицистических страниц и социологических контентов по данной проблематике. Согласимся с точкой зрения, что рабочий класс еще очень рано списывать с активно действующих объектов истории, особенно в России, где сегодня к нему можно отнести примерно 30 миллионов работающих, что в 7 раз

больше, чем в 1917 году. Важно подчеркнуть, что около 10 миллионов – это промышленные рабочие. Сегодня это самый многочисленный класс, объединяющий почти половину экономически активного населения страны. После перекрытия транспортных магистралей, массовых забастовок шахтеров и грохота их касок на горбатом мосту неподалеку от резиденции Правительства РФ вот уже почти 20 лет его протестных проявлений почти не наблюдается. Можно подумать, что исчезли проблемы и удовлетворяются все интересы рабочего класса.

Небольшой их всплеск наблюдался в 2011 году, и, как отмечает Росстат, за последние три года происходит по 8-12 забастовок в год с общим участием до 2000 рабочих, что свидетельствует либо о том, что их социально-экономическое положение вполне благополучно, либо это затишье перед бурей возмущения. Настораживают показатели по ключевому вопросу – зарплате. По официальной статистике ее среднемесячный размер у текстильщиков за 2014 год составил 13 480 рублей, что значительно меньше пособий по безработице в Европе. У химиков, металлургов и машиностроителей от 28 до 32 тысяч рублей, при том, что средний заработок по стране превысил 33 тысячи рублей в месяц.

Наших заметно обгоняют даже китайцы, где длительные годы рабочий класс довольствовался крайне низкой оплатой своего труда. Об ухудшающихся условиях работы и усилении их эксплуатации новой буржуазией уже отмечалось выше. Добавим к этому – постоянно запускаемая в карман трудящихся рука ненасытного государства, неспособного рационально использовать несметное богатство для своего содержания в силу огромной рентозависимости управляющего класса, и в любой момент благодушный пролетарский сон может перейти вначале в бессонницу, а затем и в бурное социальное перевозбуждение.

Наглядный тому пример – недавнее протестное выступление водителей-дальнобойщиков на совершенно необдуманные и дискриминационные меры руководства страны по взиманию с них оплаты и соответствующих штрафов за проезд по федеральным трассам. Отступление перепуганных властей перед угрозой перерастания шофёрского бунта в более массовые волнения, ведь по стране в данной сфере занято свыше 6 миллионов человек, было таким же несуразным, как и другие их действия. Достаточно сказать, что только одни штрафы за неуплату, утвержденные Госдумой РФ, были незамедлительно сокращены почти в сто раз. Последовали разъяснения, что все сборы пойдут не в частную компанию из разряда капитализма для своих, а в дорожный фонд.

Приближается столетие русской революции, которую нельзя ни с чем сравнить по масштабам трагедий и бедствий нашего народа. Естественно, по этому поводу даются различные оценки, высказываются

самые яркие, порой противоположные суждения и выводы. К сожалению, далеко не все они являются предостережением всех любителей насильственного изменения хода общественного развития. Само по себе взяться за разработку плана коренного переустройства жизни является делом не просто слишком самонадеянным, рискованным, а, скорее всего, безнадежным. Но коль вы взяли, речь идет о марксистах-ленинцах, учтите хотя бы основополагающие прогнозы, их тенденции и последствия. Нет же, разлили тетрадку и давай заполнять ее абстрактными схемами, да еще и внедрять в практику общественных перемен. Отсюда и трагический вопрос: зачем было устраивать такой гигантский мировой разлом, вовлекать в него миллиарды людей, если впереди увиденного призрака коммунизма все равно встает непреодолимый тупик? Так он и останется безответным укором на многовековом циферблате времени и исторической памяти.

Но у современного рабочего класса наряду с традиционным хозяином-капиталистом, который в экономически развитых странах превратился из жестокого эксплуататора в его социально-экономического партнера, в России оказался еще один шеф и наставник – номенклатура, которая заменила полностью и радикально договорные капиталистические отношения, непревзойденные пока ничем более прогрессивным в деловой этике, на внеэкономическое принуждение, прямое насилие и диктат. Это самое могучее и несокрушимое порождение одной из величайших революций мира. К ней мы отправимся чуть позже в дальнейший путь вместе с последующими главами своего исследования.

Глава VII. Специалисты: особенности становления и развития российского класса

1. Отраслевые специалисты как решающий фактор развития производственных, обслуживающих и социально-духовных сфер общества

Как и многие понятия, связанные с умственной, творческой работой, специалист является производным латинского слова *специалис*, что в переводе на русский язык означает особый. В данном случае – человек, обладающий специальными знаниями и навыками в какой-либо отрасли производства, науки, техники, искусства и т.д., имеющий специальность. И еще словарь иностранных слов добавляет: человек, хорошо знающий что-либо, мастер своего дела.²³

И это не случайно, а вполне закономерно. Ведь первые учебные заведения, готовившие специалистов, возникли еще в древних цивилизациях. Их дело продолжили европейские университеты средневековья на 500-600 лет старше нашего МГУ имени М.В. Ломоносова – первенца российского высшего образования. Соответственно, намного раньше нашего здесь началось и формирование класса особых людей – специалистов. Называли их всюду по-разному – инженерным классом, менеджерами, элитой, но суть их роли в жизни общества не менялась.

Своим появлением они ответили на вызовы и потребности прежде всего развития его производительных сил и социально-духовной сферы, которые в свою очередь явились первопричиной и основой зарождения, становления и развития данного класса. Сегодня по-прежнему тайной за семью печатями остаются истоки человеческой цивилизации на земле. Из всей массы эвристических гипотез о ее происхождении пока ни одну нельзя признать в качестве истины, так как их поочередно опровергают появляющиеся одно за другим открытия таких фактов и явлений, которые не поддаются анализу и оценке самым современным научным инструментариям.

Поэтому по ходу исследования ограничимся лишь приближением себя к осознанию возможности зарождения, накопления, передачи и распространения информации как первоосновы вечности бытия. Собственно, селекция любого специалиста всегда начиналась, развивалась и заканчивалась информацией, которую конкретный человек добывал наблюдением, изучением, обобщением тех или иных факторов и явлений, передавал ее другому человеку, вместе они использовали ее в практике своей жизнедеятельности и получении новых ее продуктов. Так возникали учителя и школы, затем ученые и университеты.

Все это по отдельным нитям собиралось в общечеловеческую ткань цивилизационного прогресса.

Исторически сложилось так, что наш класс специалистов формировался как социум, значительно опоздавший с прибытием ко всеобщей чаше знаний и научных открытий, и это наложило весьма заметный отпечаток не только на его социальный облик, но и на последующую технологию догоняющих реформаций, по которой России суждено было жить многие века и сегодня считать для себя такую повестку хоть и обидной, но вполне актуальной все еще по многим направлениям жизни.

Этому будет посвящена отдельная глава, здесь же подчеркнем методологическую важность данного вывода. По сути он призван служить надежным ключом, с помощью которого любому человеку может стать доступной правильная оценка того или иного явления прошлого и настоящего. И что особенно важно, самооценке самого себя, своей готовности и включенности в происходящие социально-экономические и духовные процессы. Тем более для тех, кто считает такое занятие ненужным и безнадёжным.

Однако не поторопимся зачислять вышеназванную специфику в недостатки – в ней же заложена и масса достоинств, которые можно объединить в совокупность мер по использованию во благо своего отечества зарубежных специалистов, их знаний и практических навыков. Вне сомнений ясно, что подготовить своих гораздо хлопотнее, продолжительнее и дороже, особенно в начальной стадии, чем использовать уже готовых, высококвалифицированных и опытных извне.

Именно они и составляли основу одну за другой зарождающихся отраслей производства, сферы обслуживания, науки и культуры России. Любой исследователь невольно обращает внимание на одну бросающуюся в глаза при чтении биографий знаменитых специалистов нашей страны нестыковку между словами русский врач, ученый, инженер, военачальник, другими профессиональными принадлежаниями и их иностранными фамилиями.

В энциклопедических словарях вплоть до 1917 года такое встречается сплошь и рядом. Затем репрессивная машина большевиков заметно подчистила как многие страницы истории, так и непосредственно наличный состав тех, кто с гордостью считал себя русским специалистом, имея веками закрепившуюся иностранную фамилию своих давних предков, ставших постепенно по духу и крови неотделимой частью нашего отечества, служивших ему верой и правдой. Такова была невосполнимая цена власти авантюристов, возомнивших себя подлинными творцами истории, перечеркнувших деяния целых поколений специалистов, кои унижительно и безжалостно были определены в рамки предыстории.

И все же процесс подготовки собственных национальных кадров постепенно набирал обороты, особенно со второй половины XIX века. Быстро развивающиеся сферы промышленности, транспорта, строительства и инфраструктуры вызвали подъем массовой подготовки соответствующих кадров со средним специальным и высшим образованием. В России сложилась вполне эффективная система школ, училищ, техникумов, институтов и университетов. Меня поразил один пример. В Томском политехе под портретом С.Ю. Витте, бывшего в конце позапрошлого века министром финансов России, помещена его запись: сегодня отписал сто тысяч рублей со строительства броненосца на создание политехнического университета в Томске. Какой яркостью характеризуется государственный подход к решению одной из ключевых проблем общества того времени.

Набирал силу и новый класс, который с помощью власти и соответствующих собственников предприятий стал позиционировать себя как элитный слой общества. Специалисты не только возглавляли различные производственные предприятия, но и все чаще выдвигались в органы государственного управления. Они также объединялись в географическое, научно-техническое, педагогическое и другие профессиональные общества.

И даже драматические события революционных переворотов и гражданской войны не остановили этот процесс. Несмотря на существенные потери, которые класс специалистов продолжал нести в ходе пресловутой классовый борьбы против врагов народа и всякого рода чисток, в этом плане его можно причислить к разряду репрессированных, в его исторической судьбе произошли немыслимые до того времени селективные изменения.

Полностью разрушив государственный и социально-экономический строй, ощутив отчаянную обречённость своих методов руководства и враждебное отношение большинства населения голодающей страны, большевики тем не менее выбрали единственный правильный выход из положения – НЭП. А вместе с ним и фундаментальную основу развития нового строя – образования. И то, что не смогла сделать царская власть, опиравшаяся на сословные привилегии и ограничения, осуществили большевики.

Они настезь открыли двери к овладению знаниями самым широким слоям населения. Начался грандиозный процесс всеохватывающей социализации сфер образования, науки и культуры. Из чисто элитных они превращались во всенародные. Теперь и дети рабочих и крестьян получили возможность пополнять ряды инженеров, технологов, экономистов, юристов, учителей, врачей и других специалистов. Это способствовало раскрытию невиданных ранее, зажатых и заторможенных социальных резервов и ресурсов всех народов страны.

Особенно эффективной выглядела политика новой власти в преодолении отсталости национальных окраин Советского Союза, где создавались совершенно новые отрасли промышленности, сферы обслуживания, науки и культуры. Туда направлялись сотни тысяч специалистов из индустриально развитых центров России. Это сопровождалось бурным ростом интернациональных трудовых и учебных коллективов. Невиданными, порой даже фантастическими темпами развивалась подготовка национальных кадров в союзных республиках. Их статистическое увеличение выразилось тысячекратными исчислениями. Произошла интернационализация анализируемого класса.

Естественно, такой бурно ускоряющийся процесс отрицательно сказался на качестве подготовки специалистов. Далеко не каждый, особенно из тех, кто прошел обучение на всякого рода рабфаках, ускоренных курсах и прочих суррогатах высшего образования, мог сравниться с уровнем знаний, умений и навыков своих дореволюционных коллег. Об этом мало кто пишет, но такие количественные приоритеты сказывались тогда и сказываются даже теперь на многих качественных показателях большинства производственных и обслуживающих отраслей экономики.

Неслучайно, она, достигнув впечатляющих результатов в процессе индустриализации, споткнулась на пороге перехода в постиндустриальное информационно-технологическое общество, когда проблемы конкурентоспособности, качества, опирающиеся в своем решении не на показатели экстенсивных, количественных предпочтений, а на экономию ресурсов, оптимизацию, рационализацию интенсивных параметров, стали решающим стимулом развития. Там, где раньше можно было взять числом специалистов и объемом неисчерпаемых ресурсов, теперь потребовалось высокотехнологичное, автоматизированное производство, высокие производительность труда и качество продукции. Этот передел оказался неподъемным для СССР и пока недоступным для России.

Немалый урон развитию класса специалистов наносила командно-административная система номенклатурного управления всеми сферами общества. Советские специалисты, работая на таких же предприятиях, как их буржуазные коллеги, оказались в совершенно другом управленческом пространстве. Одно дело абитуриент, направленный на учебу по разрядке, затем молодой специалист, прибывший на работу по направлению, выполняющий ее по приказам, поручениям и планам, с одной и той же зарплатой в виде оклада. И совсем другое – специалист, выдержавший во всей этой цепочке конкурсный отбор, владеющий современными навыками управления производством на основе компьютерных программ, сочетающих в себе многогранные производственные, технологические, информационные и финансово-

экономические показатели и получающий зарплату в зависимости от конечных результатов труда, то есть реализации продукции на свободном рынке.

На такую позицию по командному принуждению специалистам выйти было невозможно, принимаемые же меры не просто запаздывали, но и носили нередко формальный, половинчатый характер. Несмотря на то, что СССР вышел в лидеры стран по количеству специалистов, вполне приемлемым по многим позициям было и их качество, это уже не оказывало положительного влияния на развитие экономики, окутанной бюрократическими оковами и маловосприимчивой к новым технологиям. Приведу примеры проявившегося тогда социального самочувствия специалистов. В период партийной работы ко мне часто заходил бывший инструктор нашего отдела Н.И. Леонов, который много лет возглавлял Белгородский центр научно-технической информации – региональный орган Государственного Комитета по науке и технике СССР.

В откровенных беседах он не скрывал явную невостребованность своей структуры. Хотя пиши научно-технические обзоры, хоть не пиши, все равно никто на это внимание не обращает, – сетовал он. За пятнадцать лет моей работы со стороны обкома, горкома, райкомов партии не было ни одного поручения, по нашим предложениям и информациям ни разу не проводилось ни совещаний, ни деловых встреч. Об облгоррайисполкомах можно даже не вспоминать. Зато мы вместе вспомнили факт осуждения молодого изобретателя, продавшего японцам за джинсы технологию керамического двигателя внутреннего сгорания, освещенный в печати.

В ту пору это подавалось чуть ли не как предательство Родины, тем более по столь значимой инновационной идее, способной радикально изменить сердце машиностроения. Хотя скорее всего талантливый русский изобретатель пошел на банальную коммерческую сделку не только потому, что джинсы невозможно было купить в стране с самой прогрессивной общественной торговлей, а из-за беспощадных бюрократических барьеров, которые он так и не смог преодолеть в продвижении своего оригинального продукта. Вот барьер соорудили незамедлительно, а джинсы так и остались в памяти советских людей непокоренной вершиной.

К такой мысли меня подвинул свежий факт встречи в одном купе с оригинальным белгородским изобретателем А.А. Москвитиним, который работал инженером завода «Фрез». В последующем тексте я обращаюсь к нему в качестве примера успешного инновационного предпринимателя, тесно сотрудничающего с нанотехнологами БелГУ. Тогда мне и в голову не могло прийти, что в будущем такое станет возможным, ибо слушал я его грустную историю о том, как уже целый

год он не вылезает из командировок, добиваясь разрешения на производство новой, не имеющей аналогов в мире фрезы, им самим же изобретенной и сделанной на указанном заводе.

Все дело в том, что для этого нужно собрать более двухсот виз, разрешений, согласований и т.д. За год он преодолел только половину пути. Еще полгода моих хождений по инстанциям, и немцы или японцы разнюхают и выпустят первыми такой ценнейший инструмент, а нам придется покупать у них за валюту, – с обреченностью суммировал он сказанное. Вопрос был не мой, но я с запальчивостью решил изменить ситуацию. Утром вызвал вместе с ним директора завода и повел их к первому секретарю горкома партии, где наметили меры поддержки молодого изобретателя.

Главное, его удалось освободить от многочисленных поездок, в ходе которых бездарно тратилось по существу наше национальное достояние – социальный и профессиональный ресурс талантливого человека. Если хватит воображения, представьте, что делалось в масштабах огромной страны, которая тем не менее обеспечивала мощные прорывы на ряде направлений. Например, вопреки всему в СССР было одно из лучших в мире станкостроение, но отставание в электронике в последние годы отбросило и его далеко назад.

В современной России класс специалистов пережил и продолжает переживать процессы разновекторной направленности. По установившейся национальной традиции продолжаем упорно повторять обучение на своих же собственных ошибках. Обновленное государство и палец о палец не ударило, чтобы предотвратить массовый исход за его рубежи лучших специалистов и постреволюционный синдром мы, конечно же, повторили вполне успешно. Вроде бы оперативно подправили и разнообразили применительно к современным реалиям номенклатуру специальностей высших и средних специальных учебных заведений, что способствовало устранению перекосов и налаживанию связей с работодателями, но тут же внедрили худшее, отчего избавляются передовики капиталистического труда, – коммерциализацию во все звенья образования.

Последствия такой реформации будут описаны ниже. Здесь же нам оппонент предлагает высказаться на тему всеобщего высшего образования, которая на рубеже двух веков стала активнее выдвигаться на трибуну общественных дискуссий. Собственно, первыми за такой всеобщий взяли японцы и вполне успешно продвигают его вперед, добившись того, что к началу XXI века у них уже более половины населения имеют высшее образование. У нас такая идея с удивительной лёгкостью легла на коммерческую масть и к имеющимся 16 процентам россияне стали наращивать ударными темпами искомый результат, не уступающий японскому.

Беда только в одном – в содержании самой статистики. Если у японцев – это специалисты с высшим образованием, то у нас люди, имеющие диплом о высшем образовании. Смекайте разницу между полученными профессиональными компетенциями, которые регулярно перепроверяются и переподтверждаются соответствующими аттестациями, и купленными как обыкновенная вещь дипломами, что можно сделать не только в известных «рогах и копытах», но и в государственных вузах при наличии желания и денег, правда, с одним условием – надо делать вид, что ты ходишь на занятия, учишься и сдаешь экзамены. Тут и до лидирующих позиций недалеко. Пример яркого подтверждения ждет читателя впереди.

Правда, это не имеет ничего общего с подъемом производственных отраслей. Когда в России, с трудом опомнившейся от валютно-сырьевого затмения, впервые заговорили об импортозамещении и под воздействием известных санкций стали практически решать возникшие проблемы, со всех ее концов раздалась стенания хозяйственных руководителей – остро не хватает специалистов высокой квалификации. По тревоге поднятые пенсионеры советской закалки в ряде мест выручают, но могут лишь на время закрыть дыры в выполнении нарастающих заказов для предприятий, особенно в оборонных отраслях. Выход один – снова догонять.

2. Творческая интеллигенция: тернии славы и зигзаги формирования духовных традиций народа

Анализируемый класс состоит из профессиональных групп, соответствующим определенным отраслям производства и социально-духовным сферам общества. И это обстоятельство как раз и разъединяет позиции его исследователей, многие из которых подвергают сомнению даже саму возможность типологизировать их совокупность как отдельный класс. Здесь поговорка – сколько людей, столько и мнений – вполне приемлема для оценки научной ситуации. Но достаточно вспомнить принцип сложноподчиненных взаимозависимостей, определение класса и все становится на свои места в логической цепочке общественных процессов.

Нами уже отмечалось на конкретных примерах, что один человек может принадлежать одновременно к двум или более классам общества точно так же, как он может иметь несколько профессий, входить в них и покидать на какое-то время или навсегда. И эту условность мало кто уточняет и анализирует в обыденной жизни. И только наука благодаря своей методологии позволяет изучить любое явление, процесс и объект исследования в чистом виде, выявить его специфику и отличия от других, место и роль в системе общественных отношений, взаимодействие с различными объектами и т.д.

Однако мы неслучайно употребили аккуратный глагол позволяет. В действительности существует еще столько белых пятен и незавершившихся споров, что даже искушенному аналитику порой трудно определиться по той или иной оценке конкретных положений и суждений. В российской общественной мысли это отчетливо наблюдается по отношению к творческой интеллигенции, которую, судя по названию параграфа, мы считаем особой социальной группой класса специалистов. Их деятельность в предлагающем плане происходит в социально-духовных сферах жизни любого народа.

Не будем расслабляться на некоторую отстраненность оппонента, она временная, и он уже разит своими вопросами-репликами. А что, разве рядовой инженер или агроном не может быть интеллигентом? Неужели автор не знает классического выражения: интеллигент – это человек думающий и живущий масштабами всего человечества? А может он не слышал мнение безупречного ученого-гуманитария академика Д.С. Лихачева о том, что интеллигентом можно считать того человека, кем нельзя притвориться, и многих других точек зрения?

Уже первой строкой успокоим уважаемого оппонента полным согласием с ним. Конечно же, интеллигентом может быть любой образованный человек, что является коренным в многогранном значении этого латинского термина, как-то совсем мало прижившегося в современной западной цивилизации и в то же время вызывающий огромный интерес в российском обществоведении. Многие ученые, включая зарубежных, кстати, считают его чисто российским социальным патентом. Хотя до сих пор неясно, кто его первым оформил и зафиксировал у нас в стране.

Полагаем наиболее удачным определение В.И. Даля в его словаре: интеллигенция – это разумная, образованная, умственно развитая часть жителей. Для начала такой смысловой простоты вполне достаточно. Но что дальше? А то, что делает эта часть – создает, воспроизводит и развивает духовно-культурные ценности и традиции, двигает вперед просвещение и прогресс общества. То есть мы выходим на огромный, глобальный цивилизационный процесс, охватывающий всю историю человечества, в которую дано далеко не каждому сделать даже самый глубокомысленный бросок.

Воздерживаясь от такой попытки, сделаем одно рутинное уточнение. Речь идет о необходимости различать понятие интеллигенция, интеллигентность и интеллигент. Если первое означает название социума со всеми внутренними структурными связями, уровнями и чертами, включенностью в социально-экономические отношения, то второе – это качественный показатель первого или результирующая многофакторного процесса социализации личности в конкретных исторических условиях, способной мыслить и действовать масштаба-

ми и судьбами всего человечества. Это как раз то возвышенное состояние души, которое Дмитрий Сергеевич Лихачев исключил из возможностей подделать, заменить притворством или лицедейством. Оно может проявляться исключительно как естественное мирозерцание, высоконравственное отношение и поведение человека. Собственно, это он сказал о себе и подобных ему людях с большой буквы.

Таких интеллигентов у каждого народа совсем немного, можно сказать, счет идет на единицы. Их по праву называют совестью нации. Однако это вовсе не означает, что творческая интеллигенция столь малочисленна. В данном случае речь идет об уровнях или степени достигнутой интеллигентности. Ее вершины – это удел немногих людей вселенского масштаба, а вот проявление высоких морально-этических качеств, уважительного, добропорядочного отношения к живой природе и людям, самоотверженное служение своему профессиональному долгу по месту своей работы и жительства являются распространенным и практически доступным для примера многим.

И тут нельзя согласиться с мнением Г.Г. Силласте, которая разделяет современную интеллигенцию на три страты или прослойки: высшую интеллигенцию, состоящую из представителей творческих профессий, развивающих науку, технику, гуманитарные дисциплины; массовую интеллигенцию в составе врачей, учителей, инженеров, агрономов, журналистов, конструкторов, технологов и т.д.; и полуинтеллигенцию, то есть техников, медсестер, фельдшеров, ассистентов, референтов, лаборантов.²⁴

Прочитав такое, возникает впечатление, что это не мнение известного российского социолога, а какая-то досадная ошибка. Что же получается: коль есть полуинтеллигенция, то должно быть и ее адекватное проявление в жизни, то есть полуинтеллигентность. Так и напрашивается сравнение с полубеременностью. По каким признакам и критериям производилась такая типологизация и почему, например, референт с высшим образованием попал в один ряд со средним медицинским персоналом, в среде которого, кстати, были раньше и сегодня есть немало подлинных интеллигентов по своим знаниям и высокому духу, совести, милосердию и благородству. Кстати, сегодня интеллигентными людьми можно назвать не только инженеров или агрономов, но и образованных рабочих и фермеров и многих других порядочных людей.

В то же время разве можно, например, причислить к интеллигентам высококвалифицированного врача, учителя или преподавателя вуза, принадлежащих по вышеназванной типологизации к прослойке массовой интеллигенции, которые добросовестно исполняют свой долг, отличаются высокой культурой общения, уважительным отношением к людям, но болеют мамонофилией и постоянно берут с них поборы. Та-

ких контротипичных фактов можно много встретить и в первой страте – высшей интеллигенции, что лишь усиливает необходимость более внимательного и дисциплинированного подхода к исследованию данной проблемы с учетом структурных, функциональных и социальных аспектов ее содержания. Недопустимо всех скопом зачислять, приписывать в один ряд только по одному-двум критериям.

Интеллигенция – это сложная социальная конструкция внутри класса специалистов, которая сопротивляется любой попытке прямолинейного обобщения, обособления, абсолютизации и другим исследовательским действиям. Особенно это касается ее творческой группы, которую не без оснований назвали тонким слоем общества. Причем тонким не только по малогабаритным масштабам ее среза, а, главное, по сути своей уязвимости, особой чувственности и остроты восприятия окружающей действительности. Здесь, что ни индивидуум, то можно сказать, целый класс по масштабам интеллектуального оснащения и творческого потенциала.

По ходу монографии можно увидеть немало конкретных примеров авторского обращения к жизни и деятельности российской интеллигенции, не только пережившей вместе со своим народом все тяготы и сложности исторической судьбы, но и проявившей себя в качестве инициатора, идейного вдохновителя и организатора преодоления многих трагических событий. И то, что Россия показала себя старательным учеником, способным успешно преодолевать свою инертность и отсталость, настраивать энергию народа не только на алгоритмы догоняющих технологий, но и опережающего развития, огромная заслуга именно его интеллигенции. Чего стоит только один бесценный подарок миру – Серебряный век русской культуры, который на многие столетия вперед заполнил практически все библиотеки, музеи, театры и выставочные залы планеты.

Особо подчеркнем, путь к высшему пьедесталу мировой славы у русской интеллигенции не был устлан цветами и всеобщей поддержкой, он вплоть до конца XX века пролегал через тернии тиранической цензуры, идеологических зажимов и личной несвободы, угнетавших каждого учёного, поэта, писателя, художника, актёра, музыканта. Словом, всех, кто занимался творческой деятельностью. Любому человеку очень трудно воспринимать господство над ним и угнетение другими людьми, выдерживать тоталитарное давление государства, но это становится совершенно невыносимым для тех, кого называют по праву творцами буквы, слова и духа народа.

Знаю много типичных историй и фактов, но как непримиримый противник сталинской деспотии приведу пример из этого времени. Когда выдающуюся певицу, любимицу народа Лидию Андреевну Русланову, посаженную в концлагерь за компанию вместе со своим

мужем генералом В.В. Крюковым и другими сослуживцами Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, его начальство попросило исполнить для них популярные песни, она лаконично отказалась – птица в клетке не поет. Да что там петь или не петь, в неволе даже не размножаются многие виды растительного и животного мира.

Потому за волю и свободу народа боролись с царским самодержавием декабристы, революционеры-разночинцы, писатели, поэты и многие другие русские интеллигенты и их коллеги, представляющие национальные окраины империи. Во имя этой светлой цели они жертвовали собой, жизнью своих родных и близких, заряжая личным примером и энергией противостояния всякой деспотии молодое пополнение и будущие поколения творческого сословия.

У писателя И.А. Бунина есть потрясающий очерк, рассказывающий со слов очевидца о последних часах жизни Л.Н. Толстого, которая завершилась вскорости после его ухода из своего дома. Кто не читал, обязательно почитайте – настоятельно советую.²⁵ Сколько небылиц, всяких домыслов насочиняли разные любители судить о великом и неподсудном по этому поводу. До одной банальной причины они только не додумались. Лев Николаевич был не просто гениальный и величайший мыслитель и писатель, он был Интеллигентом с большой буквы. Интеллигентом, осознавшим всю глубину пропасти между божественным замыслом человеческого рода и последствиями его реальных проявлений в жизни. Своим уходом он скорее всего хотел возвысить себя над бытием людской несвободы, угнетения, господства, корыстолюбия и жестокости. Он, видимо, просто думал о тихой, незаметной и естественной свободе, о своем последнем выборе, о своем последнем вздохе и искренне желал встречи с новым, безгрешным миром.

И никаким зеркалом русской революции, как кое-кому хотелось его представить в угоду корыстным интересам, он не был. И тем более не мог быть примером для тех, кто естественное, присущее интеллигентным людям чувство оппозиционности и протестности по отношению к власти, эксплуатации и неравенству людей, превратили в оселок ее насильственного свержения и подготовили русский народ к новой, теперь уже невиданной во всем белом свете смуте и трагедии самоуничтожения. Об этом деянии интеллигенции написано немало, но мне хотелось заострить внимание на одном поворотном моменте нашей истории.

Многих соотечественников взволновал столетний юбилей начала Первой мировой войны – исторического события, преднамеренно искаженного, затертого в конъюнктурных анналах общественных наук и бездушно забытого современным поколением. Между тем трудно отыскать такую российскую семью, где бы оно не затронуло родовое поколение людей, живших в ту пору, сражавшихся, погибших и ра-

ненных в боях за свое отечество. И очень жаль, что все это оказалось в тени великих потрясений, постигших Россию. Принято считать, что главной силой на любой войне являются воюющие армии. Они или разбивают противника и побеждают, или, будучи разгромленными, терпят поражение. Это аксиома, проявляющаяся почти при любых военных обстоятельствах.

Между тем, совсем по-другому вышло с русской армией, сражавшейся на стороне победившей Антанты. Ее попросту не допустили до победы, а страну до получения завоеванных репараций. Главная причина одна – революционный нож в спину через морально-политическое разложение и роспуск ее ленинским правительством по кабальному сепаратному миру с Германией во имя сохранения насильственно захваченной власти. Ради этой цели не пожалели ничего: ни огромной территории Европейской части России, ни зерна, ни золота, ни других ликвидных товаров. Налицо и барщина, и оброк, и прямая расплата национальным богатством и достоинством за ранее оказанные организационно-финансовые услуги германскому Генштабу в проведении госпереворота в России.

Весь мир до сих пор изумляется такому невероятному кульбиту, когда побеждающая страна вдруг под воздействием кучки авантюристов добровольно превращается в побежденную. Но историческая ответственность за это самоубийство великой державы лежит не только на большевиках, но и на родной творческой интеллигенции, которая оказалась сильнее доблестных прорывов генерала А.А. Брусилова, доконавшего Австро-Венгерскую империю, и блистательных побед генерала Н.Н. Юденича, разгромившего Османскую империю. Их знамена лежали у ног русской армии, очередь подходила к флагштоку уже фактически обреченного на поражение германского рейхсвера. И вдруг самокапитуляция побеждающих с непредсказуемыми последствиями разрушения собственной страны.

Оппонент это прекрасно знает, но все-таки уточняет, как такое могло произойти? Ведь именно всемирно известные деятели Серебряного века, их последователи подняли высокий патриотический дух народа, наполнили его решимостью защищать свое отечество, они сплотили его вокруг государя-императора и православной веры. Да, Россия слабо подготовилась к этой войне. Войскам не хватало оружия и боеприпасов, высшее командование допустило ряд серьезных поражений армии, большие издержки и просчеты проявлялись в управлении страной. Назревала необходимость смены царского самодержавного режима власти. И это повлияло на социально-политическое самочувствие всех слоёв общества.

Постепенно исчезала сытая образца 1914 года Россия, росла нищета и разорение пострадавших от военных потерь многих семей,

ослабевали нравственные устои народа. А поддержать его оказалось некому. В годину лихих испытаний, вместо сплочения и единения, практически вся интеллигенция ушла в оппозицию к действующей власти. Началась не просто охота на царя, его семью и окружение, подогреваемая исподволь агентами влияния противоборствующей стороны, но и поношение, глумление над всем русским.

Только самые ленивые не бросали камни в лицо своему поруганному отечеству. Словно под воздействием дьявольской режиссуры в единый хоровод возмущений, клеветы, наветов и домыслов объединялись все правые и левые, монархисты и анархисты, демократы и социалисты. Особенно весомо звучали голоса известных поэтов и писателей, певцов и музыкантов, артистов и ученых, вольно или невольно настраивавших общество на камертон собственного сокрушения. Знали бы, что творят, и какие грядут последствия! Потом многие опомнятся, но будет уже поздно, платформа истории устремится в безостановочное и разносное никуда.

Тогда же и наш совестливый, благоверный царь Николай Александрович, терзаемый неразрешимыми проблемами здоровья наследника, вовремя не сориентировался, не уловил всей остроты назревающего краха. Всецело поглощенный военными делами, он мало внимания уделял гражданским проблемам. К слову, государь потратил все свои и семейные сбережения, направив их на устройство госпиталей и другие нужды фронта. И когда специальная комиссия после его отречения взялась за опись материальных и финансовых активов царя, то не испытала никаких напряжений в работе – у него и его семьи остались одни казенные регалии, одежда и обувь. Счета были пустыми. Такое проявление интеллигентности сам царь напоказ не выпячивал, всем же оставшимся попросту было выгодно это не замечать и всячески замалчивать.

Да и сама интеллигенция резко подверглась изменениям своих критериев. По этому поводу можно теперь было выдавать за интеллигентность открытые, публичные обвинения и разоблачения царской власти в государственной измене такими деятелями, как А.И. Гучков и П.И. Милоков, которые подспудно, втихую готовили план захвата поезда Верховного главнокомандующего и убийство царя. Закономерен вопрос, не с них ли взяли пример большевики, зверски расстрелявшие впоследствии всю царскую семью? Позже горе-интеллигенты, думающие масштабами лишь собственной власти, были вынуждены признать, что никакой госизмены не было, за нее умышленно выдавали манипуляции продажной прессы.

Но царь не замечал, что чем сильнее становилась армия и полновеснее выглядело ее оснащение перестроенной на военный лад экономикой, фактически подготовившей фронт к решающим победоносным

сражениям, тем хуже становилось положение дел в тылу. Хотя шансы для диалога с обществом и успокоения разбушевавшейся политической шизофрении у царя были, но он ими не воспользовался и даже не попытался отложить решение вопроса о власти на послевоенный период, что было бы естественным и вполне взвешенным подходом. В результате случилось то, что заставило содрогнуться весь мир.

В том же духе действовало и вполне интеллигентное на вид Временное правительство, которое сперва разрушило всю правоохранительную систему государства, а затем предприняло всевозможные шаги для самоуничтожения доблестной русской армии, которую успешно завершили большевики. Любопытный пример на злобу сегодняшнего дня, когда российское общество под воздействием конфликта с Турцией с тревогой поглядывает на проливы Босфор и Дарданеллы – перекроют-не перекроют, после чего Черное море может стать для нас водным бассейном исключительно внутреннего пользования.

Исторически сложилось так, что проигрывая почти все войны с Россией, Турция как-то умудрялась веками удерживать контроль над стратегическими проливами. Эта традиция могла прерваться в 1917 году в результате тщательно подготовленной и спланированной операции сухопутных и морских сил русской армии под командованием адмирала А.В. Колчака, но Временное правительство сначала уволило в отставку ее вдохновителя – молчаковатого, но очень популярного и талантливого генерала Н.Н. Юденича, а затем бросило подготовленные войска на спасение Румынии и запретило саму операцию. Естественно, румынские историки вряд ли предаются дружеским воспоминаниям на эту тему. Да что там проливы, сама победа России была на расстоянии вытянутых рук, беспощадно отрубленных революцией.

Вот такой оказалась цена «трепетного служения» народу его творческой интеллигенции, ставшей, как и полагается в данном случае, одной из первых жертв революционного молоха. Ну а далее – переплавки, перековки и перевоспитания на новый лад, формирование нового мировоззрения и традиций в духе мировой гегемонии нового строя и нового всеобщего счастья. Будто счастье – это объект, который можно на основе специальной теории и по особому решению практически создать как обыкновенный бытовой предмет или произведение зодчества. Но дело оказывается в одной заковыке: счастье не создается насильем и не возникает на руинах несчастья. Так его можно только разрушить.

Совершенно прав был наш незабвенный Учитель П.А. Сорокин, когда обратился к новой власти с пророческими словами: большевикам придется самим восстанавливать капитализм, разрушенный их же руками. Это был вызов, который он не побоялся открыто продемонстрировать, движимый трагическими размышлениями о судьбах отечества. И, конечно же, он стал проявлением интеллигентности, да

не где-нибудь, а у расстрельной стены. Так оно и вышло, и стало на круги своя. Только цены этому не сложит уже никто – ни один инструментарий не подходит по масштабам содеянного.

А творческой интеллигенции пришлось, пусть и в принудительной перековке-переплавке, вновь, теперь уже короткими перебежками и мировоззренческими бросками, перемещаться в пространство общечеловеческих ценностей. Правда, далеко не всем, к тому же с осознанием неловкости от недостижимости качеств самой интеллигентности. И снова выбор между воображением и реальностью, между маневрами по пересечённой местности под наблюдением строгих контролеров с соответствующей финансовой пайкой, и мучительным восхождением к так и не покоренным вершинам по зову собственной совести и свободы или в силу отсутствия таковых, что всё чаще наблюдается в последнее время.

И снова разделение на красных и белых, правых и неправых, патриотов и врагов народа. Не видно только количественного увеличения тех, кто добрался через тернии и зигзаги до верхней планки интеллигентности. Их по-прежнему мало. А там, на вершине духа, они, как и прежде, видят и убеждаются все в том же непостижимо неизменном несовершенстве, уязвленности и хрупкости человеческого рода, чего невозможно сказать о его природе-матери, которая вопреки разрушительным действиям разума и рук своего непутевого сына – человека продолжает сохранять свою сбалансированность и жизнь на нашей беспокойной планете. Пусть уже и со сбоями, но пока продолжает.

Как справедливо отмечают Ж.Т. Тощенко и другие авторы, сегодня интеллигенции как общности нет. Это больше напоминает совокупность холуёв, демагогов, мутантов, хамелеонов, хищников, шатунов, подхалимов и, добавим, мамонофилистов, готовых обобрать свой народ до нитки. Интеллигентность же как неотъемлемый компонент культуры похоже сегодня и в недалёком будущем придется разыскивать в мутных потоках нарастающей социальной дегградации с микроскопом в руках и всё дальше за полночь, куда её стараются всеми силами отодвинуть от глаз людских, не решаясь совсем вычеркнуть из жизни общества.

Умышленно спешу схематичными, сокращёнными суждениями не завершить неподъемную для меня тему, а только подвести читателя к необходимости ее постижения. Для этого есть все на телеэкранах и в интернете. Будьте внимательными и помните, что взаимодействие и взаимопроникновение сочетаемого с несочетаемым всегда приводит вначале к короткому замыканию, а потом и к взрыву эмоций, сознания, поведения, действий, разрушающих человека и окружающий его мир. Вспомните вопрос «Кому это выгодно?» и вам будет легче выбрать правильную жизненную позицию. Желаящих продолжить чтение монографии приглашаем в следующий – средний класс.

Глава VIII. Средний класс как интегральный фактор стабильности и процветания общества

1. Теория и практика среднего достатка в социальном самочувствии общества

Взглянув на данное оглавление, читатель и тем более оппонент, искушенный многочисленными экспертизами столь заезженной темы как средний класс, которая десятки лет не сходит со страниц западной исследовательской литературы, может с разочарованием просто перелистать наш текст – что в нем может быть нового. Я бы и сам сделал то же самое, если бы более десяти лет назад не посетил в Китае два музея – Конфуция и Дэн Сяопина. Там я впервые своими глазами увидел два совершенно завораживающих понятия: сяо кан или средний достаток и да тун или великое единение.

Примечательно, что после встречи с великим философом, олицетворяющим вечную мудрость жизни, мы наткнулись на закрытую дверь музея товарища Дэна – так уважительно называют своего лидера китайцы. Выходной день. Жара. Завтра вылет домой, а меня тормозит неведомая сила притяжения к его посещению. Уже принимаю решение сдать авиабилет и прийти сюда на следующий день, как вдруг вышедший из помещения охранник после соответствующего согласования впустил нас в него. И только там я отчетливо осознал, что оценить специфику развития современного Китая, его поразительные социально-экономические успехи невозможно без изучения этих двух великих китайцев, разделенных тысячами лет жизни, но объединенных одной целью – сделать свой народ счастливым.

Там же невольно подумалось, почему к Конфуцию не приехали К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин? Возможно человечество было бы избавлено от измофренического шокового эксперимента, а важнейшая цель современной китайской государственной политики на период до середины XXI века, китайцы меньше чем на пятьдесят лет никогда ничего не планируют, заключающаяся в формировании общества среднего достатка, которое впоследствии должно привести к осуществлению идеала общества великого единения, стало бы общечеловеческим вектором развития земной цивилизации.

И это вполне реальная задача, ведь ключевое слово здесь – достаток. Его произносят во время ритуальных торжеств, поздравлений и чествований в качестве главного пожелания почти у всех народов мира, потому что оно понятно и доступно каждому, чего нельзя сказать о всяких измах, на которых человечество сосредоточилось тем не менее в первую очередь. Объясняется это его смыслом. По С.И. Оже-

гову он означает зажиточность, отсутствие нужды. Отсюда и просто-народное толкование самого главного и незатейливого смысла жизни – жить в достатке. Его не надо ни разъяснять, ни пропагандировать, ни рекламировать

В то же время его невозможно подредактировать и сфальсифицировать. Поэтому любая власть по умыслу или по собственной неспособности, а большинство тем и отличаются, старалась и старается в разных странах всячески уходить от такого целеполагания, заменяя его всевозможными словесными ухищрениями, иносказаниями, длинными формулировками своих программных целей, планов и т.д. Все о чем угодно, только не о достатке. По данному поводу мне захотелось использовать несколько необычную исследовательскую позицию для анализа такой жизненной проблемы как урбанистика, охватившей подавляющее большинство населения земли. В ней на первый план все настойчивее выходят не столько вопросы обеспечения населения жильем, продовольствием, одеждой транспортом и т.п., а достаток жизненного пространства и воздуха.

Для многих городов мира, особенно мегаполисов, это уже давно пройденная точка невозврата и состоявшееся падение в пучину экологического бедствия со всеми вытекающими отсюда последствиями. В России такой негативный, резкий поворот обозначился с начала 90-х годов, когда в угоду хапужеской ненасытности властвующие мамонофилисты стали застраивать любое мало-мальски пригодное для этого место. Причем для них неважно, что это территория парка, сквера, детской или спортивной площадки или придорожной полосы, – главное побыстрее срубить за это деньги. Генпланы городов, разработанные в советские годы и предусматривающие в соответствии с градостроительными нормами многочисленные рекреационные зоны для отдыха и удобного передвижения людей, оказались выброшенными как устаревшие. Начался и более двадцати лет идет коррупционный беспредел по отъему у населения жизненного пространства и воздуха, притом сравнительно честным способом без перехода границ уголовного кодекса, в котором про это просто ничего не написано.

Вот если у человека или группы людей нагло украсть, насильно отобрать кусок хлеба или какую-то вещь, это считается преступлением, за что есть определенные статьи с многочисленными вариациями наказаний вплоть до лишения свободы виновного. А если у тех же людей отобрали скверик или часть двора, где они живут и отдыхают, у школьников или студентов застроили ранее оборудованную спортивную площадку, то это не считается ни преступлением, ни воровством, и за такие варварские действия никто не наказывается. Особенно, если распоряжение отдал именно тот, кто отвечает за их сохранность как бесценное достояние нынешних и будущих поколений.

Теперь спросим того же оппонента и читателя, можно ли обеспечить средний достаток жизни людям такого города, даже создав им возможности для достойного заработка, приличные квартиры, качественные товары и услуги? Конечно же, нельзя. В любом случае они в таких условиях будут чувствовать себя угнетенными, задавленными стесненностью жизненного пространства и всякими неудобствами. Ведь отняли у них не только землю, само ощущение свободы и радости жизни у них заменили на униженное бесправие. И это уже почти непоправимо.

Как-то выпускники журфака нашего университета рассказали мне забавную историю. Во время обработки рекламы в одном из средств массовой информации, где они проходили практику, им попало приглашение дольщиков в строящийся прямо в центральном парке культуры Белгорода жилой дом. Ребята, зная подоплеку, кому позволителен такой непозволительный захват, допечатали текст: «... который строит фирма председателя городского совета депутатов»... с указанием фамилии имени отчества действительного ее хозяина. Однако бдительное редакционное начальство сурово вычеркнуло его из рекламы, предупредив ребят о недопустимости впредь таких поступков. Остатки парков в нашем городе уже не спасти, сейчас развернулась борьба за застройку одного из его центральных кварталов, где сосредоточены архитектурно-исторические реликвии. Силы противоборствующих сторон неравны. Похоже, как и в большинстве других примеров, победят снова хапужество и крохоборство, обозначенные конкретными фамилиями и должностями.

Совсем по-другому обстоят дела на родине Конфуция. Несколько раз мне по служебным делам в разное время пришлось посетить город Дэ-джоу, вдвое больший по численности населения, чем наш областной центр, но очень похожий теснотой старой застройки. Между тем, новую они ведут абсолютно иначе, чем у нас. Расчистив ветхое жилье на узкой улице, они расширяют ее в восемь-десять раз, создавая на новой магистрали специальные полосы зеленых зон, отделяющих пешеходные и велосипедные дорожки от автомобильных проездов. Повсюду удобные съезды и выезды, автопарковки, скверы для отдыха.

Создается впечатление, что ты попадаешь не на улицу-дорогу с бесконечным потоком машин, а на улицу-парк, где все утопает в уюте зелени и цветов, делающих движение транспорта малоприметным и почти безопасным. Добавим к увиденному огромные площади с прилегающими к ним просторными парками и скверами, которые излучают уют, благоденствие и счастье единения человека с природой. И это в стране с почти полутора миллиардным населением, где, казалось бы, теснота – это неотъемлемо вынужденный стиль жизни.

И все это практически вытекает из теории среднего достатка. Когда мы беседовали с мэром данного города, он подчеркнул одну инте-

ресную деталь. Мы пока еще не можем добиться того, чтобы у всех жителей было приличное образование и профессиональная квалификация, достойный заработок и хорошие квартиры, соответствующие программе нашей партии по обеспечению среднезажиточного уровня жизни наших людей. Сегодня мы сосредотачиваемся на том, чтобы как можно быстрее достичь этой цели. Но мы реально можем шаг за шагом достигать такого состояния обустройства нашего города, при котором бы все люди без исключения и независимо от своего благосостояния могли получить создаваемые удобства на его улицах и площадях, в парках и скверах, в учреждениях культуры и сферы обслуживания. Они должны дышать воздухом среднего достатка и набираться здесь сил и энергии созидания. На рабочем столе у руководителя города лежали две книги – Конфуция и Дэн Сяопина. Мудрые люди китайцы и заботливые.

По данному поводу мне вспомнился разговор с белгородскими краеведами. Один из них в запальчивости и с возмущением на безумные действия местной власти сказал интересное предостережение: неужели они не понимают, что уплотняют застройку до такой степени, при которой горожане когда-то непременно повесят на всех незаконно построенных зданиях таблички с фамилиями тех, кто отнял у них скверы, парки и уголки отдыха. А что толку, – сказал другой, – их тогда никого не будет, а город уже не вернешь, он обречен на многие годы выживать с удавкой на шее, а белгородцы – в муках тесноты, невротичности и произвола.

Горькие слова людей, которых можно назвать совестью белгородцев, редко доходят до телеэкрана и газетных страниц, мало или совсем не прислушиваются к ним во властных структурах. К сожалению, безучастными остаются к своей судьбе и многие горожане. Они привыкли жить не по приоритету своих прав, а по веками сложившемуся бесправью. Отсюда вывод: сегодня к уже имеющимся формам угнетения на основе узурпации собственности, ужесточения эксплуатации при низкой оплате труда и пенсий, всевозможным поборам добавилась устойчивая тенденция усиления гражданского угнетения через ущемление права людей на нормальную среду обитания, отнятия у них мест общего пользования и лишения права участвовать в решении проблем родного города.

Угнетателей же различных рангов и мастей воодушевляет полнейшая безнаказанность за свой произвол. Им кажется, что они как и в свое время феодалы, распоряжавшиеся судьбами крестьян, имеют полное право отнимать все это у людей, – ведь нет же такого закона прямого действия, который бы предписывал перед принятием любого решения о застройке проводить опросы жильцов прилегающих домов об их согласии или несогласии. Или уход в автоматическую отставку

любого должностного лица, нарушившего нормы и правил застройки с лишением права работать на государственной службе. А незаконно построенные объекты обложить налогом, тысячекратно превышающим базовый показатель, который быстро их обанкротит и заставит в качестве уже муниципальной собственности работать на ослабление социального неравенства.

Безусловно, не законы и не правители создают достойную жизнь. Это делают сами граждане, каждый для себя и для других, а в целом получается для всего общества. Но от профессионализма и компетентности управления в решающей степени зависит весь ход жизни людей. Можно принять такие законы и решения, что люди в одно мгновение станут нищими или, наоборот, с воодушевлением выберут власть и возьмутся за свое созидательное дело. Для этого руководители всех рангов не должны ставить только на своих, создавая для ближнего круга особые, благоприятные условия и отдельный рай на грешной земле. Как пишет авторитетный финансовый аналитик Сун Хунбин, сладкая жизнь узкого круга расхитителей и разделителей земли и богатств, вызванная их необузданной жадностью, всегда была и будет основными факторами, приводящих к развалу любой страны.

Сегодня на телеэкране доминирует один и тот же правительственный сюжет: где взять деньги в пустеющую казну государства – пришла ожидаемая расплата за сырьевую самонадеянность, беспечность и бездеятельность. И, как ни крути, а все их помыслы взять не с тех, кто располагает основными богатствами, а с тех, кто победнее, хотя ни в одной стране мира прогрессивный налог не считается антирыночным отступлением от цивилизованных норм ведения бизнеса. Интересно само объяснение причин, по которым его нельзя ввести в нашей стране, где правят бал олигархи и монополии. Оказывается с них его невозможно собрать.

Значит, грабануть сотни тысяч мелких и средних предпринимателей, а заодно и миллионы рядовых россиян, мы мастера, а до крупных натренированные на отъемах административные руки никак не могут подняться. Неприкасаемым остается еще один мощный резерв – это налог со сферы, называемой капитализмом для своих и объединяющий тысячи крупных, средних и малых форм бизнеса в стране, где их крышевание стало нормой деловой жизни. Их не нужно специально искать, о них знают все, кому положено это знать. По подсчетам экспертов, задрожавший от резкого уменьшения, словно утончающийся лепесток на ветру, резервный фонд страны может выглядеть подростком по сравнению с мощью собранных из-под различных крыш налогов. Этого вполне хватит и для спасения, и для развития. И самое главное – можно обойтись без угнетения большей части населения страны. Но кто же станет собирать с самих себя, хотя всякое может быть по ходу всё углубляющегося лихолетья.

Все эти и другие меры повышения гражданской активности, усиление законности, развитие предпринимательства как ядра среднего класса способны весьма эффективно повысить социальное самочувствие людей, продвинуть общество вперед по пути созидания и благополучия.

2. Специфика развития среднего класса в современной России

Из предыдущих тезисов читатель без особого труда уяснил, что в теории средняя зажиточность достигается заметно легче и выглядит значительно ярче и убедительнее, чем в практике жизни. Хотя многие страны давно уже прошли столь желанную стадию своего развития, сформировали, а точнее собрали из всех слоев общества средний класс, отвечающий критериям адекватного достатка и всячески поддерживают его в жизнеспособном состоянии. Их политики и ученые твердо знают, что это не раз и навсегда достигнутый результат благополучия и стабильности, база для развития гражданского общества, демократии и рынка. Любая серьезная оплошность в управлении, либо кризис может быстро сокрушить даже самое несокрушимое, не говоря уже о столь уязвимой и подвижной социальной конгломерации.

И это доказано уже опытом многих стран. При любой экономической нестабильности, раскачивании политического маятника всегда усиливается обременение наиболее продуктивных слоев общества. А коль средний класс как интегративная категория, вбирающая в себя представителей самых жизнедеятельных социальных групп, является весьма массовым, крупным объединением граждан, он больше всего и подвергается обнищанию и увяданию. Неслучайно у экспертов возник расчет, что происходящий сегодня в России кризис на 25 процентов уменьшит численность среднего класса, а у оставшейся части заметно снизит деловую активность и достаток.

Впрочем, нам лучше обратиться к мнениям авторитетных научных учреждений, которые предметно и всесторонне занимаются изучением среднего класса в России. Прежде всего это Институт социологических исследований российской академии наук, который под руководством академика М.К. Горшкова многие годы проводит наиболее широкомасштабное обследование динамики становления среднего класса в стране. Самыми солидными и разносторонними, естественно, выглядят и публикации его монографий, научных обзоров, материалов научно-практических конференций. Обращают на себя внимание также работы ученых независимого исследовательского центра РОМИР.

Из существующих многочисленных определений среднего класса мне приглянулся именно их вариант. Это социальная группа, обла-

дающая набором естественных характеристик: определенный уровень доходов; владение недвижимостью, наличие своего дела; высокое профессиональное образование и квалификация; относительная удовлетворенность статусом; умеренный политический консерватизм, заинтересованность в поддержании социального порядка и устойчивости; субъективная идентификация себя со средним классом.²⁶

Заметим сразу: по каждой из вышеперечисленных характеристик проведены и проводятся статистические обзоры, мониторинги и опросы общественного мнения, делаются соответствующие обобщения и выводы. В нашу задачу не входит их анализ, к тому же, их научная достоверность по мнению самих исследователей здесь далека от объективности. И вовсе не потому, что они ее не обеспечивают, это попросту невозможно обеспечить в силу сложного и противоречивого данного периода развития страны и, разумеется, ее среднего класса.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что многое в нем выросло все же из советской шинели, которую носили далеко не все, кому полагалось носить. Под занавес той эпохи разнообразие одежды все более заметно оттеняло социальные различия и неравенство людей общества всеобщего равенства. И хотя средний класс тогда мог упоминаться лишь как мелкобуржуазный пережиток и только в чисто теоретических и пропагандистских работах, в жизни он проявлял себя через теневую экономику, спекуляцию, коммунизм для своих и другие явления, на которых нам еще предстоит остановиться.

В обществе появлялось все больше людей, подходящих под первые признаки определения среднего класса. Они имели совокупные доходы значительно выше, чем большинство населения страны. Росли объемы и разнообразия их недвижимости, появлялось и свое собственное, пусть и закамуфлированное дело, а также относительная удовлетворенность своим статусом.

Некоторые исследователи даже причисляют к советскому среднему классу учителей, врачей, инженерно-технических специалистов, полагаясь на наличие у них малогабаритной квартиры, небольшой дачи, недорогого автомобиля и зарплаты, излишки которой можно потратить на двухнедельную поездку в отпуск. Однако основные параметры качества их жизни, естественно, далеко не соответствовали стандартам среднего класса, ставшего массовым во многих странах мира.

В то же время лично мне известны примеры, когда в 50-60-е годы прошлого века в Москву приглашали на работу докторов наук, профессоров, давали квартиры с кабинетами, платили зарплату, которая позволяла им купить добротные дачи, машины, содержать водителей и домработниц. Аналогичный уровень жизни был и у других деятелей науки, литературы, искусства, представителей высшей номенклатуры. Однако их скорее всего можно причислить не к среднему, а к высше-

му классу советского общества. Сегодня мы сталкиваемся с противоречивым суждением респондентов из среды специалистов, которые в числе первых попали под каток обнищания в начале 90-х годов, и на этом фоне, как отмечается во многих исследованиях, отождествляют себя именно с советским средним классом. Всё просто – раньше они жили лучше, чем сейчас.

И все же через многочисленные метаморфозы общественного разлома и жесточайшего социально-экономического кризиса в стране возник средний класс. Его облик определяли непривычные, часто гипертрофированные проявления рыночных отношений, в которых вначале было весьма затруднительно провести разграничительную линию между дикой, необузданной стихией и ростками общечеловеческой цивилизации.

Поразительно, но первой по такому неизведанному пути пошла не Россия, а восточноевропейские страны. Причем ведь никто у нас не проводил семинаров об опыте развёртывания того же челночного движения, которое еще на пять лет раньше нашего захватило, скажем, все польское общество. Правда, у поляков было одно бесспорное преимущество. Социализм сделал для них массовый народный автомобиль – итальянскую малолитражку Фиат, на которой они, не обращая внимания на его мелковато-уничижительный вид, буквально пронизывали все торговые точки Европы, наполняя свой, а потом и наш рынок всевозможными товарами, заряжая нас энергией самовывживания.

Выше анализировался процесс бурного превращения огромной, многомиллионной массы специалистов в класс торговцев-перепродавцов, а затем в предпринимателей и по ходу развития социально-экономических условий с регулярными паузами дефолтов и кризисов – в средний класс. К ним присоединялись предприниматели, сделавшие свой бизнес, минуя челночество. Кем же еще наполнялись его ряды? Заметный прирост ему сразу же стали давать управленцы из бывшей партийно-советской номенклатуры, которые возглавили по вертикали, сверху вниз, органы новой власти.

Как совершенно справедливо отмечает М.К. Горшков, управленцы в составе среднего класса растут гораздо быстрее, чем те же производственники или деятели науки и культуры. И объясняется это тем, что Россия находится на завершении фазы поздней индустриализации, мы только начинаем входить в процесс постиндустриального развития, который на Западе прошли еще тридцать лет назад. Там и специалисты, и высококвалифицированные рабочие уже давно заполнили значительную нишу среднего класса, что у нас еще только в планах и ожиданиях. Ведь в России, по мнению академика, лишь сорок процентов представителей среднего класса отвечают четырем его главным признакам.

Приведу один пример, касающийся США. Во время своего пребывания там я исподволь, незаметно вел фиксированное интервью с каждым, с кем приходилось встречаться в любой обстановке. Вариативно формулируя вопрос, спрашивал всех об одном и том же: действительно ли у вас в стране почти все люди имеют акции? Ни один из отвечающих не сказал, что вот именно у него их нет. Подарили, достались по наследству, купил сам – такими разновидностями характеризовали почти все свою принадлежность к акционерам. Не поверив в такое единодушие, я стал спрашивать простых рабочих, проходя мимо строек и реконструкций зданий, во время посещения предприятий. Рабочих, разумеется, являющихся коренными жителями. Ответы были теми же.

Отсюда ввод: подавляющее большинство американцев, за исключением маргинально-люмпенизированных групп, имеют немалые дополнительные доходы от участия в совладении различными видами собственности. По сути это одна из твёрдых опор, которыми поддерживается устойчивое положение среднего класса. Молодые исследователи могут аналитическим способом и через различные показатели, динамику их развития дополнить мое суждение.

Мне же важно добавить одно объединяющее нас с американцами явление. Это продажа и строительство индивидуальных жилых домов. Там это один из многих важнейших показателей, который в еженедельном режиме мониторится всеми органами управления, от муниципалитетов до Президента страны. В этом году у них купля-продажа домов в среднем составляет 500-550 тысяч в неделю, строительство новых начинают за этот период примерно в 150 тысячах случаев.

Малейшее отклонение вниз, и это уже повод для экспертных заключений и управленческих действий по выявлению причин возникновения экономических проблем, а то и первых признаков кризиса. Ведь такие огромные масштабы строительства и продаж коттеджей обеспечивает именно мощнейший средний класс этой страны. В них – уровень его достатка, благополучия и надежности, которые в свою очередь гарантируют адекватное положение всей страны и её экономики. Всем известен мультипликационный эффект строительства, который двигает вперед развитие практически большинства сфер производства, от материалов до электроники. И если быть более точным, то и положение всего глобального мира, опирающегося на ее валюту.

У нас такой индикатор управления пока не ввели, но строительство индивидуальных жилых домов заметно оживилось, особенно вокруг крупных городов, где появились новые массовые застройки, которые постоянно расширяют свои границы. Объективности ради замечу с полным осознанием своих возможностей сравнивать увиденное там и здесь: строится не хуже, а во многих случаях значительно лучше и надёжнее американских. И Белгород здесь в ряду передовиков по

созданию для застройщиков инфраструктуры и других условий. Наша власть может служить интересам людей, но далеко не всегда.

Последние годы в США увлеклись современными технологиями быстрой, однодневной сборки домов из готовых, отделанных под ключ щитов, панелей и других компонентов, нередко состоящих из различных композитов и легких конструкций. Все это очень сильно уступает по основательности и прочности нашим домам, сделанным из кирпича и железобетона. Существенной является и разница в том, кто их строит и за какой счет или за какие источники доходов.

Вот здесь как раз и зарыто главное таинство и отличие нашего среднего класса от других. Наблюдается одна закономерность, которую подметили исследователи: чем больше в стране набирает силу коррупция, тем активнее через строительство коттеджей, покупку дорогих автомобилей, открытие зарубежных банковских счетов и других растущих параметров потребления рекрутируется за счет чиновников, силовиков, криминальных авторитетов и перепродавцов российский средний класс. Сколько таких домов и их владельцев, никто не знает, не считает и не пытается определить одновременно с источниками и размерами их подлинных доходов, хотя само по себе это выглядит как заманчивое исследование, особенно по тем, кто носит государственный мундир.

Понятно, таково зеркальное отражение противоречивого, разбалансированного и искорёженного периода развития страны, который в силу ряда причин уже не в меру затянулся, причем удавкой на шее народа и модернизации экономики. Любому здравомыслящему человеку, не говоря об экспертах, ясно, что индивидуум, наворовавший собственности и денег, в лучшем случае направит их на цели купи-продай-перепродай. Он не будет и не сможет создавать новые рабочие места и производства, то есть тратить деньги на процесс созидания, что и составляет главный признак достоинства среднего класса любой страны. Ведь в первую очередь – это класс производитель новых знаний, услуг, товаров и только затем – их потребитель. Если же наоборот, то это уже больше похоже на паразитирующий класс.

А коль ядро российского среднего класса сегодня составляют люди, далекие от таких смыслов, то закономерен вопрос: а кто же будет выполнять задачу создания 20 миллионов новых рабочих мест, поставленную Президентом? Такие люди есть, но их становится все меньше и меньше. И не потому, что скудеет народ талантами. Его попросту беззастенчиво и безжалостно давят и грабят как раз те, кто, используя государственный мундир, разрабатывает и внедряет самые эффективные нынче в России инновационные технологии откатингов, распилингов, отбиттингов и других видов коррупции.

В своем последнем ежегодном послании Президент РФ В.В. Путин привел вопиющие цифры этого самого позорного явления нашей

жизни. За год около двухсот тысяч предпринимателей были привлечены за различные нарушения к уголовной ответственности, сорок шесть тысяч из них были доведены до суда, где пятнадцать тысяч дел развалились. Осудили или подтвердили вину, выходит, только 15 процентов. Остальных попрессовали, обобрали и выпустили. Причем 83 процента из них потеряли бизнес. По сути это уничтожение предпринимательского климата в стране и ее так и не вставшего на ноги среднего класса. Неужели у наших силовиков до сих пор доминирует репрессивный сталинский ген?

Поскольку я всегда очень внимательно веду контент-анализ таких мероприятий, то заметил, что в прямом эфире телеоператоры в этот момент навели камеры на Генерального прокурора, Председателя Верховного суда и министра внутренних дел страны. Их лица были абсолютно непроницаемыми. Они слушали так, будто это их не касалось, и уж тем более вряд ли они думали о том, что это напрямую затронуло и скорее всего исковеркало жизнь и судьбу около миллиона членов семей данных предпринимателей, а также миллионов людей, потерявших у них работу и заработок.

По правовой и деловой логике должны последовать жесткие поручения наказать виновных за каждый случай глумления над гражданами своей страны и последующего сообщения об этом народу. Однако в послании они своего отражения не получили, что дало основание некоторым оппозиционерам заявить об истинном смысле президентских слов: сажать надо было всех или почти всех, а пятнадцать процентов – это брак в работе правоохранителей. Что ж, на то они и оппозиционеры, чтобы каждое слово и действие руководителя страны переиначивать, опровергать и отторгать. Нам же остается надеяться, что меры будут приняты, и мы еще хоть на полшага продвинемся по пути создания правового государства и гражданского общества, в котором средний класс станет, как ему и предназначено, фактором стабильности и процветания.

Глава IX. Маргинальные классы в зеркальном отражении общественной трансформации

1. Отходники – социальные изгои трудоустройства

Теснейшим образом с крестьянством, с рабочим классом райцентров и моногородов связано бурное возрождение изрядно забытого нами маргинального явления под названием «отходничество». Столетиями оно, в зависимости от обстоятельств, то активизировалось, то затухало. Люди, как правило, не имеющие или потерявшие собственность и работу в местах проживания, вынуждены были уходить отсюда на временные заработки. Менялись эпохи и даже общественные системы, но суть жизни «кочевников поневоле», как образно называют отходников в ряде источников, оставалась прежней.

Даже при советской власти, которая надуманно олицетворяла собой социалистический строй, и мысли не допускавшей о безработице, на деле закрывали глаза на это явление, небрежно именуя таких людей шабашниками, лимитчиками и т.д. На Западной Украине, Кавказе, и в Средней Азии безработица процветала пышным цветом, что называется, и летом, и зимой. Но партийные власти в Москве и на местах делали вид, что ничего не происходит. А никем не контролируемая временная миграция в центральные регионы России местные руководители оперативно и надёжно приспособили к нуждам теневой экономики. Своим трудом отходники в полной мере набивали карманы тем, кто читал доклады о развитии социализма.

Общей характеристикой отходничества в историческом ракурсе является и то, что его никто и никогда глубоко и всесторонне не анализировал, не обобщал. По нему не принимались специальные законы, официальные государственные акты и решения. Царская власть эту проблему считала чисто дворянской, феодальной; коммунисты боялись обнажить её перед лицом враждебной пропаганды и происков классовых врагов; нынешние реформаторы вроде бы её учитывают,²⁷ но опасаются обобщить и назвать истинные масштабы, а самое главное – последствия обнищания целых слоёв населения и социальной деградации многих мест их проживания.

В русле такого уклончивого подхода к людям, живущим не там, где работают, а работающим не там, где живут, активно употребляется и вполне благообразный термин «трудоустройство». Разницы нет, где он впервые появился, в зарубежье или это изобретение отечественных околовластных, а точнее околослужащих кругов, важно, что в эти-

мологическом плане оно абсолютно грубо искажает ключевое понятие «миграция», означающее только переселение, территориальное изменение места жительства людей. А иначе почему бы тогда не назвать студенчество – учебной, воинскую службу – военной миграцией и т.п.

Словом, в названиях допускается всё возможное, любая бессмыслица, лишь бы скрыть, притупить остроту стоящих проблем, главной из которых, безусловно, является массовость отходничества. Его не преуменьшают даже явно заниженные данные регулярно проводимого Росстатом обследования занятости населения. Скажем, за 2012 год было выявлено 1,6 миллиона отходников, притом, что значительная их часть просто не попадает под сферу государственной статистики. Помножим эти цифры учтенных и неучтенных на членов их семей и получим многомиллионное явление, которое в разрезе отдельного семейства и даже целого поселка выглядит зачастую как социальное бедствие.

В литературе встречается немало животрепещущих описаний конкретных примеров разрушения традиций, привычного образа жизни, семейно-брачных ценностей, процесса воспитания молодежи, однако серьезного классового анализа пока нет. А то, что отходничество как большая социальная группа людей, не имеющая в своём владении средств производства, занимающая определённое место в системе общественного разделения труда и характеризующаяся специфическим способом получения дохода, это по всем основным признакам – отдельный класс,²⁸ вряд ли может вызвать возражение. Хотя далеко не все аналитики придерживаются такой точки зрения.

Познакомившись с весьма интересными и практически значимыми исследованиями Ю. Плюснина и других современных авторов, убедился, что мне остается только прокомментировать их основные положения с тем, чтобы не допустить пробела в данной монографии. Отходничество – удивительный феномен нашей социальной и экономической жизни. Удивителен он прежде всего своей незаметностью, – совершенно точно отмечает автор. Добавим, что это наиболее яркий и отличительный признак данного класса. Про отходничество и отходников не знают не только простые люди, не ведают про них ни власть, ни ученые, точнее, ведают как бы нехотя или походя, делая вид, что это какие-то досадные мелочи жизни, которые сами по себе возникают и исчезают.

А между тем это весьма массовый феномен социальной жизни. По самым приблизительным и скромным прикидкам из примерно пятидесяти миллионов российских семей не менее десяти – пятнадцати, а может и все двадцать миллионов из них живут за счет отходничества одного или двух взрослых представителей. Иными словами, немалая доля ВВП страны обеспечивается отходниками, но не учитывается

статистикой и не может быть учтена, потому что отходники как субъект рынка для нее и для экономической науки не существуют.²⁹

В качестве подкрепления проблемно-неопределенной статистики приведем любопытную оценку заместителя Председателя правительства РФ О.Ю. Голодец, сделанную в благополучном 2013 году в докладе на научной конференции: в России из 86 миллионов граждан трудоспособного возраста только 48 миллионов работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем.³¹ Из этого следует, что остальные 38 миллионов граждан, нигде не зарегистрированные как работники и не уплачивающие никаких социальных взносов и налогов, находятся в глубоком подполье, о чем идет разговор в нашей главе об артеляхщиках. Среди них, естественно, большая доля отходников. Такая цифровая аналитика подтверждается и данными социологических исследований, которые проведены не по заказу властей, а инициативным путем.

Тем не менее для центральной и местной властей они не существуют и как объект социальной политики. Такое же отношение к отходничеству наблюдается и у нашей родной социологии. Выходит, это класс-призрак, класс-невидимка. И все же, более точным, на наш взгляд, будет определение класс-изгой. Изгой трудовой псевдомобильности, который как непроницаемый щит закрывает, прячет от глаз людских всю ту глубину социально-экономической пропасти, в которой находится страна и управление ею.

Зафиксировав хотя бы приблизительные параметры того, что от 30 до 40 процентов населения кормится и живет за счет отхожих промыслов, зададимся вопросами: какова здесь роль государства и почему оно демобилизовало, отделило себя от огромной части народа, почему такие вопросы не ставятся и не обобщаются в многолюдном и громкоголосом парламенте страны, в Правительстве, у Президента РФ? Ни разу его не рассматривал и публичный Госсовет. Загадочное умолчание характерно и на местах, а ведь это неучтенный ресурс управления обществом, который не задействуется.

Напрашивается и наиболее вероятный обобщающий ответ: не знают что делать и как решать такие проблемы, вот и делают вид, что их нет, всячески отмахиваются и не замечают всей остроты развития ситуации. В таком случае вполне резонным выглядит адекватное сокращение численности госуправления, ведь на столь значительные пласты социально-экономической жизни не тратятся его силы и средства, а сэкономленные ресурсы можно пустить на создание или воссоздание новых рабочих мест на территориях проживания и превращение их в самодостаточные, саморазвивающиеся поселения. Это господину Силуанову А.Г. и всему Минфину на заметку о резервах бюджета.

Само собой отпадет и надобность в открытом очковтирательстве населения о том, что социальная политика является главным в деятельности властей всех уровней и что государство наше социальное. Во всем мире способность избираемой демократическим путем власти создавать рабочие места и обеспечивать занятость населения по месту его проживания это первый и самый главный критерий, по которому его оценивают люди.

Возьмем нашу Белгородскую область. Если в первую очередь посмотреть на показатель уровня безработицы, составляющий 1-1,5 процента, то ее можно отнести к числу самых продвинутых регионов любой высокоразвитой страны Европы. Откроем её статистические сборники и поинтересуемся отходниками – таких мы там в реальном отражении не обнаружим. Теперь пройдемся по улицам райцентров и большинства поселений, побеседуем с их жителями или со студентами и аспирантами, прибывшими в университеты оттуда, по одному вопросу: где работают их родители и родственники? Ответ сразу же вернёт вас с заоблачных высот надуманно-риторических успехов, активно транслируемых по телевидению и в прессе, на такую же грешную землю, которую покидают такие же отходники, как и в других регионах.

Хотя и без социологического инструментария социальная картина не вызывает трудностей в ее оценке. В райцентрах большинство рабочих мест составляют работники бюджетной сферы и административного управления, за ними идут торговля, бытовка, энергетика, коммуналка, оставшиеся на плаву с советских времен небольшие производственные и транспортные предприятия, а также новые, созданные в последние годы. Но работы всем здесь нет. Не надо всеобщего опроса, пройдите по 1-2 улицам, и вы поймете, что отходники на Белгородчине – явление массовое.

В моей родной Волоконовке был мощный, хорошо оснащенный ремонтно-механический завод, где трудились более тысячи человек. Фактически – это градообразующее предприятие. Не уберегли. И он по известной технологии капитализма для своих достался московским хозяевам, разумеется по сходной цене, которые превратили многие его производственные площади в торговые, а небольшую часть оставили под производство. Сотни уволенных рабочих, мастеров, техников, инженеров и других специалистов подались в отходники Москвы, Санкт-Петербурга и других городов. Земляки не перестают изумляться новому инновационному названию предприятия «Технический парк» и не оставляют надежд на то, что он восстановит их рабочие места. К тому же впечатлительные волокончане его юного хозяина тут же избрали депутатом областной Думы, невесело подтрунивая над собой: свой в районе не нашелся, пришлось выписывать из столицы, хотя многие считают, что вместе с заводом у них украли не только работу, а само право на нормальную жизнь.

Отдельные из них выходили в момент написания данных строк на пикетирование районной администрации по поводу закрытия родильного и детского отделений в районной больнице. Видимо, они не знают, что у местного руководства нет возможности решать даже такие, казалось бы, чисто муниципальные вопросы. Потому как вместо подлинного самоуправления и народоправия у нас осталась только властная вертикаль да горестное ощущение повсеместного бесправия и социального угнетения.

2. Класс охранников как социальный отстойник общества

В ряду маргинальных классов, структурирование и развитие которых весьма заметно активизируются в периоды острых социально-экономических кризисов, на одну из первых позиций за последние годы в России выдвинулся класс охранников. Его, как и коллег по отходничеству, тоже мало кто жалует и в официальном, и в научном плане. И все-таки он располагает весьма большими отличиями как по внешним признакам, так и по своим функциям. Это не класс-невидимка, а, напротив, класс-часовой, открыто, у всех на виду несущий свою непрерывную дневную и ночную службу.

Так может это и вовсе не класс, а разновидность армии или полиции – их же никто не считает отдельными классами, как и тех же студентов или пенсионеров. Нет, мы утверждаем, что это именно класс, отвечающий его основным признакам. Так почему же его тогда нет в других странах? – с противовесным смыслом уточняет оппонент, акцентируя по привычке свое внимание, конечно же, на странах Запада, где людей в специальной форме со значками и портупеями не сыщешь днём с огнем. Сам видел в большинстве стран Европы, подтверждаю.

Начнем с того, что это очень большая группа людей, насчитывающая в настоящее время около 700 тысяч зарегистрированных охранников. Плюс свыше 300 тысяч человек, по мнению экспертов, работают в качестве неучтенных по серым и черным схемам их хозяев. Итого по численности получается объединенный вариант, приближающийся по масштабу ко всей российской армии. Невольно вспоминается Норберт Винер с его известной аналогией человека и машины, которую он конструирует и создает. Здесь же напрашивается другая: между человеческим обществом и природой. Чем больше из-за своей неорганизованности, нерациональности и расхлябанности люди допускают порчи природных ресурсов, тем больше появляется всякого рода отстойников, мусоросвалок и других мест хранения отходов человеческой деятельности.

Далее следует закономерное продолжение: чем необустроеннее и ущемлённее в социально-экономическом отношении находится общество, тем больше в нем возникает маргинальных групп, слоев и целых классов, выполняющих роль социальных отстойников. Они, словно пограничные кордоны, разделяют тот или иной народ на тех, кто живет нормально и тех, чью жизнь трудно назвать таковой. Являясь порождением всеобщего неблагополучия, они сами наполняются в основном людьми, вынужденными оставить свою профессию из-за невозможности найти по ней работу.

Мне как советскому человеку, привыкшему в некоторых учреждениях встречать вахтеров, дежурных, сторожей, функции которых заключались в закрытии или открытии их дверей и выдачи ключей своим работникам, было непривычно и даже удивительно наблюдать, как 25 лет назад в Германии хозяин машиностроительного завода, полностью закрытого на период единовременного летнего отпуска всего коллектива, вызвал специального сотрудника, который отключил сигнализацию и открыл нам вход в его помещение. На самом заводе не было ни одной живой души.

И это при том, что в СССР в детсады, школы, поликлиники, магазины, столовые, кафе, на предприятия бытового обслуживания люди заходили свободно и беспрепятственно. В тот момент мне и в голову не могло прийти то, что случилось вскорости в России, где родился и за считанные годы вырос мощнейший класс охранников, взявший под контроль все, даже самые малые фирмы и учреждения страны и все передвижение по ним людей. Причем, его основной социальной базой стали не прежние сторожа и вахтеры, представлявшие из себя в основном пенсионеров, а молодые люди, оказавшиеся без работы по своей специальности.

Это и рабочие, и крестьяне, и специалисты, и предприниматели, словом, все, у кого возникли непреодолимые жизненные проблемы, такие же, как у родных братьев – отходников. Правда, с рядом существенных отличий по заработной плате, соответствующей трудовой мотивации, условиям быта и труда. Если отходники это изгой-мигранты, вынужденные уезжать в далекие города, бросая свои семьи и занимаясь там индивидуальным, как правило, ненормированным трудом при его оплате, заметно большей от реальной возможности заработать дома, то охранники устраиваются на работу, как правило, по месту жительства.

Находясь в основном в тепле и уюте, они к тому же не испытывают необходимости в каких-то напряжениях, чаще всего не страдают от дискомфорта, имеют возможности использования всех выходных дней и отпуска. И все это ценой мизерной зарплаты, в два-три раза меньшей, чем ее средний показатель по тому или иному региону. Теперь представим конкретного человека, уволенного с работы по причине развала предприятия, сокращения по штату в связи с кризисной

ситуацией и другим причинам. У него нет возможности бросить семью и пойти в отходники, и он идет в охранники.

Это, обычно, крепкий, здоровый, молодой мужчина. Зарплата мизерная, семью на нее не прокормишь. Но он не безработный, а занятый, то есть дает для власти нужную статистику, которую она, правда, и без него умеет содержать в приличном виде. Есть здесь и свои исключения из правил. В некоторых фирмах и конторах, скажем, в тех же банках, за охранную службу платят довольно сносную зарплату, но таковых меньшинство. На остальных тяжелым грузом висят накладные расходы, съедаемые руководящим и контролирующим персоналом. В России это с самого зарождения – бизнес.

Начался он еще в последние годы СССР, когда в обеих столицах появились первые охранные кооперативы, которые после выхода 11 марта 1992 года закона «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» превратились в ЧОП – частные охранные предприятия. Последнее время в стране действовали более двадцати четырёх тысяч таких организаций и даже более семидесяти охранных холдингов, на вооружении которых находится около 100 тысяч единиц оружия. По этому же признаку проводится регулярная аттестация охранников на три разряда.

Кого же охраняет столь внушительная параллельная армия, которая вывела Россию практически в мировые лидеры передовиков сторожевого производства? И почему она так быстро, словно на дрожжах, обновила социально-классовую структуру общества, которое привыкло к тому, что его охраняет милиция или сегодня полиция. Может ее сократили или урезали на нее расходы? Все эти вопросы вызывают недоумение и не получают пока вразумительных ответов. Хотя понятно, что охранные фирмы стерегут собственность и классы ее имеющие, и эта сфера деятельности совершенствуется государством.

В экспертных кругах отмечают, что законодательное и организационное упорядочивание охранных структур понадобилось для того, чтобы убрать из этой системы случайных, самостоятельных людей, коими были в основном пенсионеры МВД и отставные военные, которые в качестве семейного бизнеса открывали ЧОП с небольшим стартовым капиталом. Теперь же нужны миллионы рублей на неприкосновенный уставной капитал, офис, страховку, обучение и экипировку персонала, оформление лицензии и другие нужды. В общем, свободный вход на рынок данных услуг сегодня закрыт. Следовательно, открыт путь для монополизации и вертикализации, который успешно проходят воротилы легального и криминального бизнеса.

За примерами далеко ходить не надо. Известная банда Цапков на Кубани, вырезавшая многодетную семью и совершившая массу других преступлений, использовала в качестве документов прикрытия удосто-

верения охранной фирмы «Центурион плюс», имеющей легальную лицензию и свой успешно аттестованный личный состав. Оказывается, это наиболее эффективный способ функционирования организованных преступных сообществ, которые вскорости после вступления в должность министра внутренних дел РФ Грызлова Б.В. подвигли его на изумившее всех высказывание о том, что органам внутренних дел надо не под контролем их держать, а уничтожать. Как человек гражданский он в то время мог просто не знать всех тонкостей дела, во всяком случае, потом уже таких публичных суждений не наблюдалось.

Повышенный интерес к данной сфере проявили многие власти на местах. Правда, не в том смысле, как хотелось бы сразу подумать – создать новые производства, на них высокооплачиваемые рабочие места и вывести из нерациональной занятости и социального застоя десятки и сотни тысяч молодых людей. А в том, чтобы использовать охранные структуры для силового разрешения хозяйственно-деловых споров, отношений собственности, подавления политической активности отдельных граждан и их групп, удовлетворения эгоцентричных интересов региональных и муниципальных управителей.

Отсюда – нередкие сообщения средств массовой информации о создании специфических народных дружин, центров охраны общественного порядка, выполняющих договора по госзаказу и участвующих то в разгоне пикетов и митингов, то в других силовых акциях. У нового класса появляются и новые функции. Далее по тексту следует то, что оседлали в качестве любимой темы деятели литературы и искусства, что не сходит с экранов кино и телевидения и что у любого нормального человека вызывает отвращение. Но без дежурного, чисто схематичного параграфа о криминальном классе обойтись нельзя.

3. Криминал – особый класс и коррупционный признак власти и общественных отношений

Везде грабят и кто наказан?..
Указывают пальцем на грабителей –
и дают им чины, ленты...
Беззаконствуют смело,
презирая стыд и доброе имя...
Если сказать одним словом,
что делается в России: «Воруют»

Н.М. Карамзин

Не боюсь повтора всем известной цитаты знаменитого историка – они уже стали несмыслимой печатью на любом выводе о состоянии

России и сто, и двести лет назад, и сегодня. Хочется только добавить: воруют все более профессионально, масштабнее и изобретательнее. На этом деле даже вырос целый класс специально натренированных людей. О нем тем более надо обязательно написать хотя бы потому, что данный социум играет огромную роль в общественных отношениях и во многих звеньях управления современной России. Он, как и номенклатура, приниматели, перепродавцы, охранники и отходники выводит ее на призовые места мирового первенства. Откуда в России столько криминала? Этот вопрос не сходит с повестки общественного сознания и с попыток ответить на него многих ученых и публицистов. Самый простой и убедительный по нашему мнению выглядит следующим образом: из криминального прошлого, помноженного еще на более криминальное настоящее.

И это не специальное упрощение весьма сложного смысла, а лаконичное обобщение того, что уже проанализировано нами в главах, посвященных отношениям собственности, принимательству и номенклатуре, а также другим аспектам содержания монографии, которые сопровождают ее дальнейший текст. Отметим, что проблема криминала в специальной литературе освещена достаточно подробно и обстоятельно. Ему посвящены работы А.И. Гурова и многих других авторов. Однако на ее классовообразующую позицию исследователи не выходили, что отнюдь не упрощает нашу задачу.

Опять же, поставлена она в центр главы о маргинальных классах тоже неслучайно, ибо ее следует рассматривать в двух основных значениях – в широком и узком смысле. В первом случае у нее нет четко очерченных социальных границ. Когда у сатирика М.М. Жванецкого спросили, почему у нас так мало ловят убийц и не находят угнанных автомобилей, он ответил: потому что, как мне кажется, те, кто убивают и угоняют и те, кто их ловят и ищут, – одни и те же люди. Тот случай, когда шутка похожа на правду. Криминальным может быть любой представитель всех вышеописанных классов, что, однако, не ограничивается наличием и проявлением таких признаков, как: криминальное мышление, сознание, восприятие, ощущение, стремление, понимание, поведение, действие, влияние, воздействие и т.д.

Решающим дополнением здесь служит то, что в узком смысле – это особый отдельно организованный класс, который занимает свое специфическое место в обществе, имеет свою форму, содержание и технологию жизнедеятельности. Это совокупность организованных преступных групп, имеющих свою иерархическую структуру, управление и собственность и осуществляющих при поддержке продажных чиновников незаконную, криминальную деятельность, направленную на получение сверхприбылей и власти. Такого определения придерживается подавляющее большинство специалистов по данной проблематике.

Возникает он далеко не в каждом государстве, а только там, где создаются соответствующие правовые и социально-экономические условия. Кстати, во многих странах криминальные проявления были, есть и будут, видимо, и впредь, а класс такой – отсутствует. В России же данное классообразование начало складываться еще в конце XIX века. Подтверждая безупречный авторитет и высочайший профессионализм А.И. Гурова как опытного милицейского генерала, ученого и общественного деятеля, утверждающего, что при царизме в России не было организованной преступности, считаю возможным уточнить: именно с появлением первых террористических групп революционеров в нашей стране и зародился криминальный класс.

И возможные возражения, связанные с необходимостью отделения политической борьбы от элементарной уголовщины, не могут быть приняты по двум причинам. Во-первых, любая подготовка и осуществление насильственного свержения действующей законной власти в любой стране считается тяжелейшим преступлением. Тем более, если это делается методами насилия и террора. И тут адекватная позиция Президента РФ находит поддержку не только в плане оценки данного вида криминала, но и в практических действиях по его пресечению как внутри России, так и на близких и дальних подступах к ее границам.

Во-вторых, вслед за политическим террором и непосредственно рядом с ним в царской России возродились вначале эпизодические, а затем и массовые экспроприации, грабежи собственности, денег и тому подобные криминальные проявления организованных преступных групп, возглавляемых именно профессиональными революционерами, которые дополнили число профессионально-преступных криминальных авторитетов. В конце концов это переросло в вооружённый государственный переворот и создание абсолютно незаконной криминальной власти, которую нарекли такими общечеловеческими ценностными категориями, как советская, социалистическая, народная. Усилим данное суждение тем, что всякая власть, которая действует методами насилия и репрессий над народом, ущемляет и попирает права и свободы его отдельного гражданина, имеет криминальный характер. От оппонентов готов выслушать любые аргументированные возражения, тем более будучи уверенным, что таковых у них просто нет возможности найти. Разве только если их придумать.

А то, что это является или даже оправдывается какой-то идеей, программой или будущим счастьем ни одним серьёзным экспертом никогда в расчет не бралось, не берется и не может браться. Именно режим большевиков использовал их во всем многообразии для формирования особой криминальной субкультуры управления всеми сферами жизни общества. Причудливое сочетание и соединение таких важнейших признаков их власти как неподсудность, неприкасаемость и неподконтрольность с

репрессивными внесудебными мерами, произволом и грубым попираньем элементарных человеческих прав создали в обществе особую атмосферу страха и угнетенности, враждебности и ненависти, безжалостного, жестокого отношения к человеческой жизни. Разорение привычного уклада, уничтожение целых слоев населения, многих отдельных семей наложило серьезный отпечаток на криминализацию общества.

Особенно отрицательно это сказывалось на миллионах людей, прошедших перековку и перевоспитание в концентрационных лагерях и тюрьмах, выживших там и выпущенных на свободу. Пережив безысходность и униженность полуживотного существования, не веря ни во что и ни в кого, они, как правило, пускались во все грехи криминальных проявлений, втягивая в них молодежь. Активизировался селективный процесс численного роста криминального класса, формирования его организованных групп во главе с ворами в законе. Создавались зачатки сетевых структур, на основе строгой иерархии налаживалось управление всеми сторонами криминальной деятельности, которая все больше напоминала разновидность профессиональных трудовых отношений внутри замкнутого, отдельного класса.

В моей работе был один эпизод, непосредственно связанный с данными проявлениями. Как-то мне первый секретарь Кокчетавского обкома комсомола В.Б. Косарев поручил выполнить задание одного из руководителей области В.Н. Загорского, которое заключалось в глубоком изучении причин криминальных проявлений молодыми людьми в возрасте до двадцати лет. В списке было четыре парня: русский, казах, немец и ингуш. Все четверо рано бросили школу, попали за различные преступления в колонию для несовершеннолетних, курили и пили спиртное, в армию не призывались, нигде не работали. Их образ жизни – воровство, мелкие грабежи, драки, загулы, куражи на танцах и на улицах. Все четверо входили в одну и ту же группу в составе примерно пятнадцати человек, которых боялись все в округе. Любой, кого они останоят, по первому же требованию отдавал деньги, часы и другие вещи, лишь бы его не избили.

Когда я пришел домой, а точнее в какую-то тесную коморку к своему подшефному парню – казаху, вся семья вечером была в сборе. Мать, работавшая уборщицей на заводе с соответствующей зарплатой 60 рублей, была единственной кормилицей и поилицей, готовила какой-то непривычный ужин. Девочка-подросток на какой-то маленькой приставке готовила уроки, тут же на диване спал и сам объект изучения. Очнувшись на зов матери, он сел и инстинктивно положил рядом с собой нож. Разговаривать со мной отказался, быстро оделся и ушел в свою привычную ночную жизнь. Женщина поведала мне горестную историю о смерти мужа от водки и болезни и высказала только одну просьбу – помочь с жильем.

Привыкший к послевоенной бедности деревенской жизни, тем не менее я был поражен представшими передо мной нищетой и убожеством существования этой семьи. Примерно такими же оказались условия и других изучаемых. Естественно, ни один социальный институт общества на них не оказал положительного воздействия, оставив наедине с удрученностью и нуждой неполноценных семей и улицы. Мимо них с плакатами и лозунгами, митингами, фестивалями и лекциями проходил и комсомол, к их перевоспитанию опоздали все, кроме тюрьмы, о чем я написал в докладной записке высокому партийному начальству.

На специальном совещании по борьбе с преступностью на них не стали заострять внимание, а всю реакцию направили на конкретное поручение нам: коль вы умеете делать глубокие выводы, сумейте же и наладить над правонарушителями и свое шефство с целью их исправления. Вовлечь этих парней в работу, спорт и нормальную жизнь нам не удалось, и вскорости они за массовую драку были арестованы. В то время уже мало кто утверждал, что преступность – это проклятое наследие прошлого царского режима, что она невозможна при новом самом прогрессивном строе. А то, что ее остаточные проявления вот-вот должны быть ликвидированы, – говорилось весьма бодро, наступательно и часто. Но как, этого не знал никто.

Меня, конечно, задело то, что на явные социальные причины преступности никто не стал заострять внимание, видимо, боялись признания того, что мимо огромного количества неустроенных в жизни людей проходили и наш уже развитой к тому времени социализм, и сама вездесущая, всё направляющая и контролирующая партия, которая, сумев разрушить прошлое и поднять народ на движение к будущему, так и не смогла создать толковое настоящее. Более того, уже осознавая эту очевидность, ее руководящая номенклатура не захотела даже прислушиваться к метроному истории, ликвидирующему любой сбой в своем естественном ходе.

И все же надо признать: парадоксально, но государство, имевшее криминальное зачатие и зарождение, вело активную борьбу с криминалом, добиваясь в ней нередко значимых результатов. Так, вскоре после войны с фашизмом в Москве и других крупных городах была разгромлена бандитская преступность, затем были уничтожены практически все воры в законе, которые все активнее стали претендовать на установление параллельной власти над частью общества. Такое положение было недопустимым для руководящей политбюрократии, но данное пресечение оказалось временным.

В государстве, где криминальное дыхание исходило из любого малейшего объекта общенародной собственности, которую, невзирая на самые жестокие репрессии, норовил потянуть на себя если не каждый, кто с ней соприкасался, то большинство населения, все больше

правили бал бодрые слова, а не продуманные, полезные дела, вытекающие из сути революции. Большевики буквально загипнотизировали общество безвариантной идеей общенародной собственности, они лишили людей выбора, уравнив всех под одну гребенку отсутствием такового. Но, действуя вопреки законам природы и логики ее развития, они упускали главное: любой сбой в системе – это возможность поворота в судьбе на основе возникновения новых вариантов.

Даже эволюцией управляет ошибка, что в биологии называется мутацией. В революции возможность допуска ошибок увеличивается не в разы, а на многие порядки, ибо по своей сути это неуправляемый хаос, превращающийся постепенно в управление его последствиями. Понятно, что человек как и любое живое существо природного мира по замыслу Творца должен быть свободным, и чем больше ограничивать его, тем сильнее он включает варианты освобождения, поиска новых возможностей и ресурсов. В отношении собственности это проявляется в том, что он при любом удобном случае начинает бороться за запрещенный вариант ее отчуждения. Его сознание переключается на контргипнотическую мотивацию того, чего нельзя.

Запрет всегда сладок. Эта библейская притча тысячи лет подтверждалась поведением и жизнью человеческого общества. И что самое важное, сводило на нет любые, порой даже самые жестокие и безжалостные попытки взять ее под контроль, воспрепятствовать проявлению методами насилия. Вот и развернулся на необъятном пространстве несметных богатств социалистической собственности всенародный процесс поиска вариантов и способов ее незаконного использования. Его невиданная во все века и у всех народов мира инновационность по существу не имела творческих преград, а многообразие форм проявления и практического исполнения, как правило, сводило к минимуму меры по предотвращению и пресечению со стороны государства.

В стране не было ни одного класса и социальной группы, включая правящую номенклатуру, которые не были бы заинтересованы в той или иной мере поучаствовать в отъеме и перераспределении общенародной собственности с одной, единственной целью – присвоения по возможности наибольшей части продуктов, полученных в результате ее использования. Криминальные проявления все активнее и шире окрашивали всю ткань сложившихся в обществе отношений собственности. Это только в теории хорошо звучало: коль нет частной собственности, то нет соответствующих отношений. На самом деле отношения эти никуда не делись, они не ушли из человеческого сознания и поведения.

Именно они стали главной питательной средой развития криминала как отдельного класса, о чем выше уже довольно подробно писалось. При этом в западных странах этот класс в виде мафии создавался сотни лет на основе запрещенных видов деятельности, к коим отно-

сили производство и распространение наркотиков, оружия, проституцию, рэкет. В России же хватило примерно четверти века, чтобы он упрочил свою роль на стыке уходящей советской распределительной экономики и утверждающейся российской рыночной модели ее развития. Здесь мы фору дали всем, но не потому, что оказались самыми умными и расторопными, а благодаря исключительно уникальным возможностям криминализации отношений собственности, сложившихся к этому моменту, каких просто ни в одной стране мира за всю его историю не было и быть не могло.

Памятуй наставление П.А. Сорокина о том, что в социальных науках, как и в других областях знания, должна быть принята точка зрения относительности, подчеркнем, что нельзя представлять себе дело так, будто на одной стороне стоит преступник, а на другой – все общество, которое оскорбляется его преступлением.³¹ Социальная действительность России в XX веке была настолько сложной, запутанной и многовекторной, что такую картину представить невозможно даже теоретически.

Натренированные теневым предпринимательством различные дельцы и махинаторы всех мастей, слившись в тесном единении с крышевавшими их ворами и рэкетирами, при поддержке продажных чиновников и правоохранителей стали стремительно набирать силу и проникать во все важнейшие сферы экономики и власти.

Возьмем те же шаблоны криминального поведения. Случайно ли организованная уголовная преступность в СССР развивалась по тем же признакам, что и группы революционеров: строгая иерархия, вождизм, жесткая дисциплина, безжалостность, грабеж награбленного, стремление к власти, социальная селекция подрастающих поколений и т.д. Чем отличается образ советского вора в законе от профессионального революционера-подпольщика? Практически ничем. Он такой же волевой, умный, расчетливый, несгибаемый, неподкупный, сильный, преданный своим идеалам, всегда нацеленный на их достижение и готовый к самопожертвованию.

Очень схожими выглядят воровские и революционные идеалы, имеющие в содержании и функциях один общий корень – насилие и одну общую среду – несвободу и угнетение. Правда, революционеры с точки зрения главного идеала выглядят радикальнее своих криминальных братьев. Теоретически обосновав идеал взаимной ненависти, они объявили его практическое воплощение через посредство взаимного уничтожения одних людей другими как высшее благо установления счастья. Воры в законе до такого не дошли, они могут договариваться, заключать союзы и соглашения с любыми классами общества, разумеется, в своих корыстных интересах, и они их заключали, хотя данная категория класса не имеет аналогов в мире, им не чуждо использование отдельного зарубежного опыта делового общения.

Есть одна тонкость, которая не учитывается в историческом плане – почему прикрыли в СССР только-только набравшие силу кооперативы в конце 80-х годов. Многие даже поспешили отнести это к очередной глупости его руководства во главе с М.С. Горбачёвым. А дело в том, что кооперативное движение почти на 60 процентов, это по официальным данным, оседлал криминальный класс, но не с целью стать цивилизованными предпринимателями, а для отмывки и очистки преступных капиталов. Кооперативы прикрыли, но они тут же взялись подминать под себя малые предприятия, рэкетировать частных торговцев, цеховиков, спекулянтов и других джентльменов криминальной и некриминальной удачи. Когда же перед ними оказалась скатерть-самобранка с несметными национальными богатствами России, состоялось братание жаждущих их получить.

Как пишет Л. Кислинская, «В России четыре власти: исполнительная, законодательная, судебная, информационная. Но главная – власть пятая. Власть преступности над обществом и государством, подмявшая под себя четыре предыдущие. Самая авторитетная и популярная: она и ее ведущие персонажи – главные герои первых полос всех без исключения газет, теле- и киноэкранов, большинства парламентских слушаний и международных конференций. Они не просто герои, а хозяева целой империи. Империи зла».³² Провидческими оказались предсказания русских изгнанников-мыслителей Григория Федотова и Ивана Ильина, что на смену незаконной коммунистической власти в России придут новые криминальные группировки.

Безусловно, столь весомый вывод можно принять лишь как чисто публицистический ракурс, мало приближающийся к научному, хотя в отдельных случаях на муниципальном, региональном и федеральном уровнях власти такая характеристика может вполне соответствовать действительности. Более взвешенную и сдержанную позицию занимает в оценке ситуации А.И. Гуров, считающий, что официальная власть в лице отдельных руководителей и чиновников в основном выполняет функции покровительства криминала, использует его в корыстных целях. В этом плане он обосновывает восемь основных признаков преступных организаций, которые мы можем полностью отождествить с криминальным классом в целом:

- наличие материальной базы, что проявляется в создании общих денежных фондов, обладании банковскими счетами, недвижимостью;
- официальноекрытие (крыша) в виде зарегистрированных фондов, совместных предприятий, кооперативов, ресторанов, казино, охраняемых предприятий и т.д.;
- коллегиальный орган руководства, при котором управление организацией осуществляется группой лиц (советом), имеющих почти равное положение;

- устав в форме установленных правил поведения, традиций, «законов» и санкций за их нарушение (в некоторых был даже письменный устав);

- функционирующая иерархическая система – разделение организации на составляющие группы, межрегиональные связи, наличие промежуточного руководящего ядра (большого совета), телохранителей, информационной службы, контролеров и т.п.);

- специфическая языково-понятийная система, которая включает жаргон, особенности письменной и устной речи (клички, особые моральные институты);

- информационная база (сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка, телерадиокомпании, газеты);

- наличие своих людей во власти, судебной и правоохранительной системах.³³

Имея такую многогранную включенность в общественные отношения, высокую мобильность и готовность к решению самых разнообразных задач социального, экономического, политического и правового характера, криминальный класс вполне может составить и в ряде случаев составляет конкуренцию властвующей номенклатуре. Последняя все себя изнутри перетряхивает, переструктурирует, пытается усовершенствовать управление рыночной экономикой и социальными процессами, а криминал при ее поддержке или попустительстве уже отладил свое четкое самоуправление и построил для себя капитализм. Как и в других странах, он у нас тоже на 15-20 лет опережает общество в своем развитии, и у него пока нет кризиса.

Внутриклассовая жизнь криминала отличается как противоречивостью, так и высокой динамикой. Последние годы из двух его уровней – блатного и беловоротничкового, все заметнее набирает силу последний. С точки зрения этики и криминала они друг от друга ничем не отличаются, – подчеркивает А.И. Гуров, – только один в открытую говорит, что он вор в законе, а второй – что он министр, начальник департамента, губернатор или глава финансово-промышленной группы. Главный ресурс и защита беловоротничковых совсем другие. В белых воротничках – это цепочка, которая неизвестно в какие коридоры власти приведет... Нырять в уголовную группу, а выныриваем в политике.³⁴ Очень точная и образная оценка знающего специалиста.

Ряд судебных процессов, связанных с Министерством обороны, другими ведомствами, последние аресты губернаторов и мэров крупных городов показывают, что беловоротничковый криминал более опасен для общества, чем блатной, потому что его очень сложно выявить и обезвредить. Стоило, например, профессиональному вору в законе В.С. Кумарину поднять свой криминальный промысел до того уровня, что его стали называть «ночным губернатором» Санкт-Петербурга,

как созданную им группировку тут же разгромили, арестовали и осудили. В назидание другим было показано, кто в доме хозяин.

Куда сложнее с беловоротничковыми, которые при определенной поддержке продвигаются по номенклатурной лестнице, добиваются до полномочий по распределению денежных потоков, создают совместно с криминалом и бизнесом огромные экономические кластеры, объединяющие десятки, а то и сотни предприятий различных хозяйствующих и обслуживающих отраслей. Добраться до таких весьма непросто, да порой и некому доверить такую работу. Государство преподнесло в начале нынешнего века криминалу бесценный подарок – ликвидировало специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью, а перманентно проходящие реорганизации правоохранительных органов заметно проредили ряды высокопрофессиональных сотрудников, способных честно выполнять свой служебный долг. В результате – в ряде регионов России наступила эпоха паханатов.

По данным того же А.И. Гурова, в начале нулевых в России действовали от 5 до 11,5 тысячи организованных преступных групп, объединяющих свыше 80 тысяч участников. Тогда же на нелегальном положении проживали более 800 тысяч иностранцев, находящихся в основном в крупных городах и нередко рекрутирующих российский криминальный класс, превращая нашу страну в полигон международной организованной преступности. Новых данных, приближающих нас к сегодняшнему дню, обнаружить не удалось.

Исходя из основной преступной специализации, В.С. Овчинский выделяет пять групп, составляющих криминальный класс, в том числе:

- лжепредприниматели, которые под видом законной предпринимательской деятельности осуществляют финансовые аферы (незаконное получение кредита, фиктивные банкротства, операции с другими финансовыми документами) занимаются незаконной приватизацией государственного имущества, присвоением целевых бюджетных средств, спекуляцией недвижимостью и природными ресурсами;

- гангстеры, занимающиеся рэкетом, бандитизмом, хищениями, другими классическими видами противоправной деятельности – игорный и наркобизнес, проституция, силовое прикрытие теневого бизнеса;

- расхитители или госворы, появившиеся еще во времена застоя и сконцентрировавшие в период реформ свою деятельность на сделках купли-продажи государственного имущества, сырья, металлов, леса, а также на незаконных валютных операциях;

- коррупционеры – государственные должностные лица, участвующие в операциях, связанных с присвоением государственного имущества, оказывающие иные услуги преступным формированиям, обеспечивающие недоступность их для органов уголовного преследования и получающие за это долю преступных доходов;

- координаторы (преступные авторитеты, воры в законе), организующие деятельность всех перечисленных выше субъектов, обеспечивающие ее системность. В их функции входит также контроль за финансированием преступных операций из общих денежных средств (общак). В качестве идеологической основы деятельности координаторов могут использоваться как традиционно существующие в России обычаи уголовной среды, так и принципы построения зарубежных преступных организаций.³⁵

Сегодня уже такое можно услышать редко, а вот в 90-е годы в среде чиновников, бизнесменов, челноков, спекулянтов – перепродавцов разговоры о знакомых криминальных авторитетах, с которыми когда-то пришлось учиться в школе, институте, служить в армии, в общем как-то взаимодействовать и даже дружить, были в моде. Многие даже этим щеголяли, подчеркивая свою особую защищенность и статусность. И действительно, в период резкого ослабления государства, а затем и его усиления через функции угнетения особенно активных слоев населения многие люди нередко обращались за помощью к криминалу.

Его профессиональные кадры вполне справедливо могли разрешать деловые и имущественные конфликты, не допускать разорения и грабежа одних другими и т.п. Но такие проявления справедливости и честности не меняли их социальной сущности – любой ценой воровать, грабить, мошенничать в целях получения прибыли и сверхприбылей. И не важно, что от тех же наркотиков, сурдопродуктов или напитков пострадает здоровье тысяч и миллионов людей, они все равно продолжают «разводить лохов» и угнетать свой народ еще более жестко и изощренно, чем другие господствующие над ним классы.

Сегодня по своей силе и влиянию криминал можно поставить на одно из первых мест в социально-классовой структуре нашей страны и даже в мире, где равных ему по профилю уже не сыскать. И как тут не вспомнить знаменитые слова блистательного русского мыслителя П.Я. Чадаева: иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не надо жить и чего не надо делать. С той поры прошло почти двести лет. Сбоев не было. Продолжаем показывать, причем вполне успешно. Может такая целеустремленность дойдет до того, что у нас все конфискуют извне, коль мы сами не можем конфисковать наворованное у самих же себя.

И как хочется присоединиться к еще одной до сих пор не утраченной своей актуальности мысли нашего мудрейшего провидца: слава Богу, я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных. По этому поводу приведу один социологический сюжет. Лет десять назад попросил своих студентов спросить входящих в университетский храм Архангела Гавриила, читают ли они размещенные там 10 библейских заповедей. Почти все ответили, что не читают. Ре-

зультат подтвердил одну практически неизменную привычку людей – читать короткие тексты. Подумалось: если на каждом властном столе разместить вышеприведенные слова П.Я Чадаева, их обязательно будут читать, но это не помешает многим продолжать ставить свои интересы выше отечественных. А вот если еще и укоротить текст до библейской лаконичности: не воруй – конфискуют, возможно число желающих это делать резко уменьшится.

4. Люмпенство как социальный показатель деградации общества

Это завершающий параграф исследования маргинальных классов, особенно ярко отражающих противоречивый и разновекторный характер общественных трансформаций. Хотя анализируемое нами явление своим истоком имеет все-таки значительное воздействие генетического кода отдельной личности. Это понятно и на вербальном уровне любому человеку, имеющему свое родственное окружение и активное социальное общение с другими людьми.

Но особенно отчетливо такую специфику начинаешь осознавать, когда познакомишься со специальными исследованиями. Мне это впервые пришлось сделать в США во время научной стажировки. И для этого была одна очень веская причина – к тому времени практически все вокзалы, автостанции и другие места массового пребывания людей в СССР оказались заполненными будто высадившимися десантами десятков и сотен грязных, плохо одетых и дурно пахнущих людей, которые бродили, попрошайничали, собирались в большие группы и располагались на ночлег в любом теплом месте.

Конечно, такие субъекты никчемной жизни встречались любому человеку и ранее, но крайне редко. Теперь же это явление в один момент стало массовым, и народная молва сразу же списала его на еще один неудачный компонент перестройки. На самом деле доля правды в этом была. Именно перестройка, гласность открыли страну миру и сняли завесу со многих явлений, которые были зажаты и замаскированы от общественных глаз. В частности, Советский Союз присоединился в 1988 году к Женевской Конвенции по правам человека, на основании которой все вышеупомянутые нами сограждане страны социализма были одномоментно выпущены из всякого рода приемников-распределителей, где их принудительно отгораживали от общества, прятали от глаз зарубежных гостей и журналистов, создавая тем самым иллюзию подтверждения того, что такие явления присущи только загнивающему капитализму и невозможны при социализме.

И вот ширму сняли, а за ней не то же самое, как и везде, а в значительно большем количестве и более неприглядном качестве с явной

тенденцией к наращиванию масштабов, что и подтвердилось вскорости после распада страны. Откуда же взялось такое нашествие бродяг, бомжей и бичей в обществе, где не было безработицы в большинстве регионов, где каждому предоставлялось добротное бесплатное образование и медицинское обслуживание. Эти и другие вопросы не давали покоя не только исследователям, они будоражили общественное сознание, вызывая смутнение и неуверенность в правильности внутренней политики руководства страны.

Мои мысли тоже оказались далеко от предыдущих суждений, что такой-то мой одноклассник и учиться бросил, и работать не захотел, рано начал курить, пить спиртное, неприлично вести себя в обществе, потому что он ленивый, непутевый и неумный. И вот передо мной вживую предстает и дает обстоятельные пояснения ранее мною ни разу не встречавшихся ни в каких источниках профессор Луисвилльского университета, который в ходе подготовки своей докторской диссертации жил в бездомной среде. Это был научный эксперимент, весьма опасный для здоровья и жизни этого смелого неординарного человека.

Находясь среди бродяг, которых на обыденном уровне принято называть отбросами общества или в идеологизированном плане жертвами жестокой капиталистической эксплуатации, он изучал структурирование их колоний или неформальных объединений, управление ими и их лидеров. А самое главное – ученый пытался понять, почему вдруг бомжем 45 становится внезапно полковник в отставке с пенсией около ста тысяч долларов в год, почему в бича 46 превращается известный литератор, покинувший свой прекрасный дом и семью, почему начал бродяжничать успешный бизнесмен, живший в полном достатке и как мог спиться молодой, работающий парень, отказавшийся от женитьбы и солидного наследства. И, наоборот, как ребенок, родившийся и выросший в люмпенской среде, становится выдающимся деятелем науки и культуры.

Простых ответов здесь получить было невозможно, их просто не существовало. Ученый все более склонялся к тому, что природа таких проявлений человеческой натуры все же больше происходит не из конкретных социально-экономических, бытовых и коммуникационных условий жизни. Она берет свое начало в невидимых и неосязаемых кодах генетической памяти, которые никому и никогда еще не удавалось расшифровать. В каком поколении и кем закладывается или зарождается такой ген, наука пока еще бессильна определить. На обыденном уровне, когда дети своим поведением и жизненными установками резко отличаются от родителей, обычно говорят, что на них природа, то есть родословная отдыхает.

На самом деле она не отдыхает, она просто переключается на режим функционирования, далекий от знакомых и хорошо известных поведенческих реакций своих близких и дальних родственников. Од-

нако не будем торопиться с выводом о том, что в процессе люмпенизации личности первичной является генная информация, а социально-экономические условия играют второстепенную роль. Скорее всего у каждого человека это проявляется по-разному. Особенно наглядно такая картина просматривается в периоды острых кризисов и общественных трансформаций. Так было в США в периоды великой депрессии, и точно также факты личностной деградации резко активизировались в России в начале 90-х годов, когда у людей внезапно исчезли средства к существованию, они оказались без привычной работы, в обществе, которое не обещало никакого будущего.

В такой ситуации даже генетический код среди всех спусковых крючков деградации обречен быть в отстающих, так как и его носитель, попавший в безвыходное положение и в отчаянии бросающийся во все тяжкие грехи, сознательно уходит из отторгаемого его мира, опускаясь на дно социальной лестницы. Беда в том, что он опускается туда не один, за ним тянутся другие и часть общества в целом. Ведь чем шире его люмпенская прослойка, тем выше показатели степени общественной деградации. Здесь многое зависит от государственной политики. Возьмем для примера Испанию и Грецию, где общая безработица составляет 20-25 процентов, а среди молодежи – до 50 процентов. Казалось бы, их улицы должны все больше заполняться люмпенами, но этого не происходит, потому что принимаются соответствующие государственные меры. В России безработица – 6 процентов, но от этого общественные места не выглядят более свободными от люмпенов.

Правда, в составе трудоспособного населения и у них, и у нас есть и более ущемленные и социально безнадёжные слои людей, чем безработные, к числу которых можно отнести бродяг, алкоголиков, наркоманов, игроманов, туенядцев и проституток. Довольно значительную группу представляют заядлые лентяи и бездельники, ставшие таковыми в силу генетической наследственности или ущербного воспитания. Их трудно анализировать и обобщать по классово-образующим признакам, однако под общим социальным понятием объединить можно. Это – порченные люди, то есть значительная часть народа, непригодная для нормальной жизни. А какая она в количественном отношении – этого мы никогда не слышали ни от одного руководителя нашего государства, во всяком случае за последние сто лет.

Может данную проблему тщательно анализируют на местах, ведь есть же статистика, пусть и разрозненная по линии различных ведомств, а наверху просто не хотят ее конкретно озвучить? Ничего подобного. Ни один из опрошенных нами ранее руководителей муниципальных районов и сельских поселений не смог назвать такой цифры. В то время как об испорченных дорогах, трубопроводах и других объектах они были неплохо осведомлены.

Характерно, что на вопрос, какая главная причина большого количества неучтенно-неблагополучных, но вполне реально видимых и существующих людей, они сразу же называли сложное социально-экономическое положение района. А при уточнении что оно вторично после неудовлетворительного непродуктивного управления, они отрешенно замолкали. Отдельные добавляли не без огорчения: такая сложилась система, которая мало зависит от нас. Получается как у известного классика: порченные – ненужные люди. В пору задуматься, а какое тогда у нас государство и управление им?

Нами уже достаточно детально показывалось, что номенклатурному управлению противопоказана сама идея местного самоуправления на основе подлинного народоправия, не говоря уже о его реальном воплощении, где в центре внимания власти должен быть каждый конкретный человек. Нельзя забывать о том, что такую прививку управляющему классу сделали его основатели и вожди. У товарищей Ленина и Сталина люди всегда рассматривались как расходный материал для революции и мирового господства. Точно такой же, как металл для индустриализации. Их также, как и необходимое сырье, считали, мобилизовывали, грузили и отправляли на любые объекты, не спрашивая согласие и тем более не учитывая права выбора.

Политбюрократию не интересовала философия диалога замечательного русского ученого Михаила Бахтина, которую взяли за теоретическую основу управления европейские социал-демократы, изучают ее в университетах, внедряют в практику местного самоуправления. Диалог – это ведь самый верный и надежный способ учета интересов всех и каждого по отдельности и его наибольшая эффективность достигается именно на низовом уровне, по месту жительства людей. А вертикаль власти, что сталинская, что нынешняя – она заточена в основном на свое постоянное внутреннее самоутверждение. Все остальное нередко сводится к показухе и фарисейству.

Неслучайно, выстраивая мировой порядок, номенклатура во главе со своими вождями так и не смогла навести элементарный бытовой порядок в стране, хотя бы приближающийся к общемировым стандартам. Инструменты всеобщих озадачиваний, обсуждений, поручений и взысканий давали только риторический эффект и оказались малопригодными для жизни. Воровство, пьянство, массовые правонарушения и преступность в быту, которые вообще мало кто официально считал, считает и учитывает, очковтирательство и вранье очень резко сказывались и сказываются на моральном климате общества в целом и особенно на тех людях, кто склонен к девиантным проявлениям.

Ликвидировав, хоть и не повсеместно, безработицу, которая в цивилизованном обществе выполняет функции трудовых резервов, номенклатура стремилась принудительно заставить работать даже тех,

кто к труду не был приспособлен или стремился всячески уклоняться от него, так как он был им не в радость, а в тягость. В этом еще К. Маркс пытался найти иллюзию социальной устойчивости, всячески боролся против люмпенства, пока сам частично не стал его апологетом. О жесткой позиции В.И. Ленина, заключающейся в утверждении, что все можно сжечь и переплавить в котле революции, включая и люмпенство, нами уже упоминалось. Упрощение было его методологическим кредо, постепенно оно стало магическим пристрастием и нормой управленческого поведения номенклатурного класса. Вдумаемся в его наставление: управление обществом будет настолько простым, что понадобится знать только четыре действия арифметики.

Еще дальше пошел его верный продолжатель Мао-Цзэдун, который небезуспешно попытался сам превратить десятки миллионов людей в люмпенов, бросив их в период культурной революции на уничтожение самых продуктивных слоев общества и возглавляемой им компартии. Чего стоит одна из его убойных цитат о том, что коммунизм – не любовь, а молот, которым удобно крошить врагов. И крошили. Только коммунистов погубили около пяти миллионов человек. Всех выравнивали под люмпен-гребенку, благо созданная для этого ниша была лучше не придумаешь. Отрицание рынка с его трудовой конкуренцией исключало возможность оценки качества труда, вела к уравниловке вклада и оценки в виде заработной платы труженика и бездельника, высокопродуктивного и малопродуктивного работника.

Такое бытие в виде производственных отношений было мощнейшим допингом для люмпенизации многих миллионов людей. Вспоминается фраза одного из них в легендарном фильме Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»: запомни, студент, кто не работает, тот есть! На эту тему в народе стали рождаться сотни баек и анекдотов, на ней же вырождалась, к сожалению, и его немалая часть. Теперь, – замечает наш оппонент, – у нас в стране другие производственные отношения, почему же тогда не уменьшается, а увеличивается люмпенизация населения и есть ли надежда как-то ее минимизировать? Почему слой порченных людей прирастает самообреченными и самозаброшенными, обворованными и угнетенными, кинутыми и униженными, в том числе и на законных основаниях?

Напрашивается лаконичный ответ – потому что в России так и не удалось создать настоящий социализм, а к созданию настоящего капитализма мы даже приступить пока не можем. Причины изложены выше. Хотя по большому счету исчерпывающе ответить на столь сложные вопросы и по нашей стране, и в целом по миру невозможно, во всяком случае пока этого еще не смог никто и в ближайшие годы вряд ли кто сможет. А коль нет прояснения всех причин, то нет и понимания того, что надо делать. Но попытка не пытка, а обоснование гипотезы – не наказание. Нашей попыткой ответить будут заключительные главы монографии.

Глава X. Номенклатура – новый господствующий класс общества

1. Глобальный замысел мирового господства и план создания нового класса

История любого класса начинается с истоков его зарождения в конкретных условиях функционирования общества. Однако эта методологическая аксиома, дающая ключ к исследованию основных социальных процессов, не может быть использована при анализе тех явлений, которые возникают и существуют вне контекста их естественного развития. Для искусственно, специально организованных объектов исследования требуется и адекватная методология, ее специальный подгон к целям и задачам осмысления задуманного и осуществленного.

Хотя универсальные законы науки, в числе которых особо выделяется положение о том, что ничто из ничего не возникает и не исчезает бесследно, а лишь переходит из одной формы бытия в другую, позволяют свести весь комплекс социальных процессов независимо от специфики их происхождения в единый исследовательский узел.

Например, причина Ивана Грозного возникла из представителей различных слоев общества как совершенно неестественное явление, придуманное для насильственного решения конкретных задач, передела собственности и укрепления самодержавной власти, трансформированное затем в новый дворянский класс.

Таким же образом была задумана и номенклатура, только не царем, а основоположниками новой революционной теории, направленной на радикальный слом сложившейся общественной капиталистической формации и построения совсем другой ее модели во всемирном масштабе. А может будет точнее сказать возрождение старой, отжившей формации в виде государственно-монополистического феодализма, маскируемого под реальный социализм, – как считает М.С. Восленский. Но мы к данной проблеме еще вернемся более обстоятельно.

В предыдущих разделах нами уже подчеркивалась важность теоретического обоснования взаимообусловленности, взаимодействия и взаимопроникновения разнообразных элементов одной общественной формации в другую, их одновременное функционирование в недрах других систем. Однако в каждой отдельной формации сначала возникает господствующий класс или группа классов, которая является ее прародителями, создателями и руководителями.

Нами также отмечались исторические и социально-экономические причины возникновения в чисто субъективных обстоятельствах номенклатуры как нового господствующего класса, однако глобальный

замысел его мирового господства и план создания был обозначен только в общих чертах. Почему именно номенклатура стала на необозримом историческом пространстве инновационным первенцем такого масштаба, в чем здесь стержень проблемы? Ведь до этого возникали тоже господствующие классы рабовладельцев, феодалов, капиталистов, но ни один из них не заявлял о таких амбициозных намерениях и тем более не добивался их практически.

Хотя отдельные правители, поддерживаемые господствующими классами, в разные эпохи боролись за мировое господство всеми доступными, в основном военными способами. То есть исторически их роль в этом вполне заметна, однако основные приоритеты здесь всегда оставались за государствами и их лидерами. В распоряжении ученых нет ни одного официального документа, во всяком случае я таковых не встречал, где бы ведущий класс конкретной страны в прямом или закамуфлированном виде ставил цель установления своей власти в глобальном масштабе. Исключение составляет лишь номенклатура.

Чтобы разобраться в сути этого рукотворного феномена общественного развития и ответить на вышепоставленный вопрос, нам надо лишь еще раз прочитать и прокомментировать фундаментальные и весьма поучительные исследования профессора М.С. Восленского,³⁶ который сам закончил среднюю и высшую школы, аспирантуру и докторантуру, прошел по карьерным ступеням данного класса и добровольно вырвался из его цепких объятий с одной единственной целью – раскрыть его подлинное историческое лицо.

По долгу своей номенклатурной службы, а затем в научных целях мне пришлось познакомиться с немалым числом работ, которые издавали как ярые антикоммунисты и противники СССР, так и независимые, идеологически не ангажированные эксперты, однако более яркой, глубокой и удачной монографии по данной теме, чем у названного автора, не встречал. Восхищаясь ее содержанием, совпадающим в основном с моей мировоззренческой позицией, все же одновременно побаиваюсь нечаянного плагиата со своей стороны. И уж тем более предупреждаю тех неискушенных читателей, кто впервые увидит открытым и доступным для понимания то, что почти целый век старательно пряталось и маскировалось всевозможными способами: занятие это не для слабонервных, оно как минимум гарантирует испорченное настроение.

А в самом деле, что было бы, скажи В.И. Ленин вначале правду о цели его планов создания нового господствующего класса, а точнее двух планов – организации профессиональных революционеров и партии нового типа, ставших его первоосновой? О том, что это почти никакого отношения не имеет к марксизму, вернее, жестко ему противостоит, и уж тем более абсолютно не направлено на реализацию ин-

тересов рабочего класса, который в качестве ударной силы разводили на обычный лохотрон в стратегической схватке за власть над Россией, а затем и всем миром. Такой криминальный термин вполне подходит для не менее криминально-экстремистских вождей.

Ведь еще на закате своей жизни К. Маркс и Ф. Энгельс, а к началу XX века тем более практически все заинтересованные в их идее о неизбежности пролетарской революции в развитых капиталистических странах лица убедились в том, что она, как минимум, ошибочна и вряд ли практически осуществима. Ее стали повсеместно замалчивать и потихоньку забывать. Социал-демократические партии и профсоюзы рабочего класса сосредоточились на своих главных интересах и традициях: создание благоприятных условий для работы и достойной заработной платы за свой труд. А что еще надо любому нормальному человеку, как в то время, так и сейчас, по большому счету – ничего. Все остальное для жизни он добудет себе сам.

Напротив, в России, почти всегда опаздывающей на новые маршруты общественного развития, появился энергичный, напористый и задиристый революционер В.И. Ульянов (Ленин), который напрочь отбросил основные марксистские законы, принципы, положения и мертвой хваткой схватился именно за неверное, неработающее предвидение по пролетарской революции. Он стал настойчиво претворять его в жизнь, невзирая на многократные предупреждения К. Маркса и Ф. Энгельса о ее невозможности в России в силу отсталости и неразвитости производительных сил буржуазии и незрелости производственных отношений, малочисленности рабочего класса. Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию, – взывал Ленин и действовал в этом направлении.

Подпольно, заметим это особо, не в медицинской клинике или хотя бы у повитухи на дому, а на нелегальных задворках истории родилась вначале небольшая группа интеллигентов – профессиональных революционеров, которые сразу же объявили себя истинными борцами за дело рабочего класса. Сами себя таковыми называли, затем образовали социал-демократическую партию, не имеющую по своему составу отношения к пролетариату, зато названную партией нового типа.

Ее главным отличительным признаком, обозначенным по указанию В.И. Ленина еще во времена возникновения и распространения газеты «Искра», было разделение фактически на две партии: одна – это ядро профессиональных революционеров, включая и небольшое число рабочих, то есть освобожденных от трудовой деятельности, живущих за ее счет и управляющих ее структурами; вторая – это масса управляемых из простого народа.

Важно подчеркнуть, что раздвоение номенклатурного зародыша было главной тайной нарождающегося класса вплоть до наших дней.

Такой же строгой, как и фактическая диктатура над пролетариатом, о которой писалось выше в разделе о рабочем классе. И сегодня, когда некоторым представителям номенклатуры скажешь о том, что на самом деле они принадлежали к внутренней партии или как ее еще называли за рубежом партией менеджеров, которая безраздельно господствовала над внешней партией, состоящей из подчиненных, они взрываются от перевозбуждения, негодования и тут же прекращают разговор на эту тему.

В связи с этим нередко возникает и гипотетический вопрос, а что было бы с Россией, если бы еще в начале прошлого века в ее социал-демократии победили меньшевики во главе с Г.В. Плехановым? Ответ на него о нынешнем положении ведущих цивилизованных стран Европы уже приводился выше. С невероятно трагическим огорчением отметим, что первую победу внутри своего нарождающегося класса одержали большевики, затем они успешно мимо себя пропустили и свою главную мечту – революцию, которая в феврале 1917 года была отнюдь не пролетарской. Та нигде в жизни и никогда так и не состоялась, а как и полагается по закономерному ходу истории – оказалась буржуазно-демократической.

Ещё раз особо усилим данное суждение – в XX веке не было на земном шаре пролетарских революций – надуманное не могло стать и не стало реальностью. А вот насильственной смены власти – примеров хоть отбавляй. И один из них – вооруженный государственный переворот в России в октябре того же года, через 17 лет впервые названный И.В. Сталиным великой октябрьской социалистической революцией. Им же вскоре была замаскирована под двухклассовую структуру рабочих и крестьян с прослойкой интеллигенции и номенклатура.

Правда, целый господствующий, управляющий класс общества припрятать было весьма сложно и его тут же обнаружили еще в первые годы советской власти как внутри страны, так и за рубежом. Тогда за дело его развития и упрочения взялся лично будущий вождь всех народов, над которым явно опрометчиво и запальчиво посмеивались соратники по Политбюро ЦК, называя его товарищ Картотеков. Им казалось, что определив ему должность Генерального секретаря ЦК партии, они обрекают его на пожизненное копание в учетных карточках руководящих кадров.

Совсем по-другому, однако, смотрел на это дело сам Генсек, быстро смекнувший, какие возможности таит в себе это занятие и пришедшийся в пору мундир главного номенклатора, коим в Древнем Риме называли раба, который громко называл имя знатного гостя, пришедшего в богатый дом, то есть фактически их регистрировал и учитывал. Работа этот хоть и нужная, даже отчасти пыльная, картотека-то быстро разрасталась, но весьма эффективная в части подбора и назна-

чения на огромный вакуум должностей нужных людей во всех структурах власти и создания на этой основе собранного и мобильного номенклатурного класса, готового во главе со своим вождем к любым свершениям.

Перехватив результаты и тайные замыслы осуществления ленинского плана, И.В. Сталин стал осуществлять и осуществил новый, теперь уже свой план создания стройной системы учета, подбора, выдвижения и расстановки руководящих кадров номенклатуры, от которого не раз содрогнулся в конце своей жизни В.И. Ленин. Историки совершенно справедливо называют это главным сталинским делом и свершением его жизни и деятельности во главе СССР. Понятно, что никаким марксизмом и тем более социализмом здесь и не пахло. Все их основные оттенки и признаки были заменены под фарисейским прикрытием новой более жестокой и безжалостной деспотией азиатско-феодалного типа. Одни репрессии чего только стоили. Саму же теорию камуфлировали так, что даже сами верили, что она действительно единственно верная.

Как-то я задумался и смоделировал следующую ситуацию. Переполненный зал преподавателей научного коммунизма и истории КПСС, курсы которых я знал в совершенстве, читал об этом лекции и, конечно же, находился бы в числе участников данного семинара. И вот слово предоставляется авторитетному профессору-обществоведу, входящему в номенклатуру ЦК КПСС М.С. Восленскому, который внезапно озвучивает свое, основанное на точном цитировании без каких-либо подгонов и подтасовок трудов Карла Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И.В. Сталина, исследование класса номенклатуры. А для предотвращения традиционно-привычного кликушествования в стиле «фальшивки», «клевета» и других сталинских выпадов на большом экране демонстрируются сноски первоисточников.

На первый взгляд, могло произойти вполне предсказуемое отторжение, но скорее всего по собственным ощущениям в ту пору у меня и многих моих коллег могло просто переключиться все сознание. Но об этом еще речь впереди. Нам пора более детально знакомить читателя с классом-невидимкой, тщательно скрывающим от народа свое происхождение, идентификацию, этапы развития и специфику функционирования, в том числе еще не описанную в специальной литературе. Итак, вперед, по номенклатурным отсекам, коридорам и залам.

2. Партийно-советская номенклатура: стратегия и тактика господства и угнетения

Когда затевалось написание данной монографии, мне уже неоднократно приходилось обращаться к различным аспектам деятельности номенклатурного класса. И всякий раз вставал крупным планом во-

прос: как можно оценить историческую роль этого не объективно и закономерно вызревшего в недрах общественного развития, а искусственно самосозданного социального слоя для реализации специально разработанной идеи мирового господства под удачной и привлекательной вывеской социализма? Обратим особое внимание читателя, что в данном тезисе заложен методологический ключ для раскрытия темы.

Существует четыре основных фазы развития номенклатуры как отдельного класса общества. Вне общества он мог только зародиться, возникнуть, как уже отмечалось выше, на базе небольшой группы революционеров, которые нигде не работали и находились, жили в основном за пределами России, и это было первой фазой со всеми вытекающими последствиями. Сам же процесс развития номенклатуры осуществлялся непосредственно в недрах сначала российского, а затем советского общества и постепенно раздвигал свои границы и охватывал все его социальные слои.

Ключевым фактором его стала победа большевиков в октябрьском государственном перевороте и в последующей гражданской войне. Ничего нового здесь в истории не произошло. Вторая фаза развития номенклатуры всего лишь подтвердила ту закономерность, которая многократно проявлялась в ходе аналогичных событий в других странах мира. В ряды победителей, захвативших власть, наряду с ее идейными сторонниками всегда идет нарастающий поток людей, наиболее склонных к господству над другими. Их умножают вместе с порядочными, честными работниками различные криминальные элементы, всякие проходимцы, авантюристы и экстремисты, любящие половить рыбку в мутной воде трагических событий и нажиться на угнетении окружающих.

Третьей фазой следует считать перерождение большей части номенклатуры, для которой личные интересы, открытое извлечение дивидендов из своего руководящего, господствующего положения стало главным в их управленческой деятельности. Тем самым данный класс подготовил себя в условиях наступающего неминуемого краха надуманного социализма к почти безболезненному переходу в капитализм, в бессмысленных попытках разрушения которого он и зарождался. И этим перевоплощением начинается уже четвертая фаза существования номенклатурной бюрократии в современных условиях.

Заметим, что ни одна из четырех фаз развития номенклатуры не может рассматриваться в чистом виде, так как многие внутриклассовые процессы начинались и проявлялись на отдельных ее представителях и даже целых группах с самого начала и пронизывали всю ее историю. Ведь руководящие кадры призваны были коренным образом не только изменить ход истории, вдумайтесь только в этот бред, но и под воздействием столь радикального рационализаторства и изобре-

тательства поменять облик каждого человека и всего общества.

Однако сама номенклатура возникла не на небесах, а на грешной земле и из одних и тех же грешных людей со всеми их слабостями и недостатками. Поэтому перед ее основателями и конструкторами стояла весьма сложная задача: выбрать из народа наиболее достойных представителей и добиться того, чтобы они не только стали сами новыми людьми, но и были одновременно примером и основой воспитания, формирования остальной части общества.

Для этих целей вместо одного бога определили другого – вождя и развернули целую теорию и практику вождизма с соответствующими атрибутами подчеркивания их особой роли в функционировании всего управляющего класса, вплоть до их обожествления на основе культичности. Публицистический заход на тему прославления вождей нами уже сделан, и далее мы не собираемся уклоняться от ее анализа, хотя на ней, казалось бы, уже давно нет участков неосвоенной целины.

Здесь нужно подчеркнуть, что культ любого вождя служил прежде всего важнейшим инструментом стратегии и тактики господствующего класса в реализации своих властных полномочий. Номенклатура его не придумывала, а всего лишь протиражировала изобретение древности в своей собственной аранжировке. Что же касается вождизма, то здесь без инноваций не обошлось, особенно в последние десятилетия партийной власти, когда он все активнее распространялся на первых секретарей ее комитетов на местах, в районах и городах, областях, краях и республиках.

Под это весьма активно подводили и теоретическую базу партийного строительства, и практические шаги деятельности партийных органов. Разумеется, ни в одном основополагающем документе партии, ее программе и уставе, в решениях съездов и конференций не указывалось конкретно, что первый секретарь партийного комитета является высшим должностным лицом, он лично решает все кадровые, социально-экономические, правоохранные и другие вопросы жизни вверенного ему региона. Что его слово – закон и последняя инстанция на соответствующем уровне, где постепенно исчезло все, что могло даже напоминать реальный инструментальный сдержек и противовесов. Это мог сделать только вышестоящий первый секретарь или любое должностное лицо по его поручению.

Сложилась конструкция, напоминающая египетскую пирамиду, с одним существенным отличием в технологии построения. Каменная пирамида, являя собой таинство высокотехнологичного зодчества, собиралась снизу вверх, выстраивая в последнюю очередь свою вершину. Властная же партийная пирамида, наоборот, возникла на самом верху в виде своих вождей-основателей, а затем начала свое струк-

турирование вниз. Все обкомы и райкомы создавались всегда сверху, как и партия в целом. И никаких других вариантов и таинств не допускалось.

Мне не раз приходилось думать о том, что может быть это и есть главная причина роковой неудачи номенклатуры как нового управляющего класса. В годы моей работы там ходил такой анекдот. Выходит в приемную от первого секретаря райкома второй секретарь, а ему навстречу председатель райисполкома с вопросом: ты почему такой задумчивый? А тот в ответ – оказывается, коровы летают... Ты, что, с ума сошел, – вопрошает предрик. Да, нет, так сказал первый. Тогда спрашивающий, задумавшись, подтвердил – раз первый сказал, значит летают, только низко, низко...

В данной байке с абсолютной точностью отразилась жизнь тысяч таких руководителей и органов партийной власти, ее своими глазами во множестве вариаций наблюдали большинство тех, кто работал в то время. Вспоминается один курьез. Перед XXIV съездом КПСС в 1971 году ЦК решил собрать с низов предложения по изменениям в Устав партии. Директор Кокчетавской областной типографии, старейший коммунист В.Д. Дробышев продумал и направил следующее предложение: в связи с тем, что все основные вопросы партийной жизни решаются в райкоме, надо записать, что именно он является основой партии, а не первичные организации, которые на самом деле фактически таковыми не являются. Слова о их ведущей роли, как и о рабочем классе, были всего лишь фарисейской игрой.

В корень номенклатуризма посмотрел в то время ветеран партии и попал не в бровь, а в глаз проблемы ее устройства, вольно или не вольно, это уж ему судить. Он только не понимал тогда того, что стало понятным позднее. Ведь КПСС состояла из двух партий – партии номенклатурной власти и партии рядовых. Как раз в основу первой и предлагал он записать райком, за что его немедленно отправили на пенсию, внезапно вспомнив о возрасте.

Выстроившаяся сверху вниз иерархия номенклатурных кадров под аккомпанемент словосочетаний о коллективном руководстве и решающей роли мнения партийных масс стала осуществлять тотальное господство над всем обществом. Объективности ради следует подчеркнуть, что здесь с самого начала обозначились две линии поведения и два проявления господства номенклатуры в ее управленческой деятельности.

Все советские люди запомнили потрясающей силой правды и глубокого проникновения в происходящие жизненные процессы кинофильм «Председатель». Вот уже прошло полвека, а от него невозможно оторваться, когда идет трансляция по тому или иному телеканалу. Оглушительный успех, самые массовые посещения и сборы средств в кинотеатрах, ленинская премия за блестящее исполнение

главной роли Михаилу Ульянову, ордена и медали другим участникам фильма. Словом, все, как и должно быть в таких случаях, открыто, на всенародном кадре.

Однако мало кому известно, что происходило за кадром, как сложно, противоречиво решалась судьба этого блистательного произведения искусства. Молодой читатель может удивленно спросить, что значит решалась, ее определили сами кинозрители, выставив высший балл. Но тогда была жесткая идеологическая цензура, не допускавшая инакомыслие даже в одном слове, не говоря о крупном произведении. Вокруг «Председателя» происходила борьба или точнее противостояние двух позиций и не где-нибудь, а на уровне ЦК КПСС.

Шла она с переменными результатами: то разрешат, то запретят, отменяли даже перед самым началом объявленные и организованные презентации фильма. В чем же причина таких трений? Казалось бы, в центре внимания исключительно положительный пример подбора и расстановки руководящих кадров в образе Егора Прокудина, непоколебимо верящего в идеалы социализма и его главное проявление – коллективизм и силу народа, а, самое главное, не допускающего возможности его эксплуатации и угнетения на основе уравниловки и отстранения от участия в распределении результатов своего труда.

Добившись со своим колхозом успешного выполнения и перевыполнения плана сдачи зерна государству, главного экономического показателя того времени, он железной преградой стал на пути выкачивания оставшегося зерна в ущерб колхозникам и будущего урожая в счет в целом провалившегося района. То есть фактически выступил против линии его первого секретаря райкома КПСС, который использовал различные возможности и манипуляции вокруг главной задачи партии – любой ценой выполнять государственный план, при этом лично сам проваливший это дело, не сумевший добиться от других руководителей такой же продуктивной работы и понимающий свой главный принцип управления как запугивание, нажим и силовое давление на людей.

В ответ на вполне здравые суждения Егора Прокудина, сколько можно выжимать из людей последние соки, переживших испепеляющую войну, разруху и голод, на своем горбу восстановивших хозяйство, готовых выполнять и перевыполнять план и заслуживших право пользоваться результатами своей работы, желающих нормально жить, а не влачить жалкое существование, районный руководитель в привычном и характерном для многих своих коллег демагогическом исполнении высокопарной фразеологии о подрыве авторитета партии, об ответственности и так далее, довел градус неравноправной дискуссии до наказания успешного председателя.

Так в открытом поединке столкнулись, можно сказать, впервые на глазах всех людей не просто две взаимоисключающих линии но-

менклатуры, а два абсолютно несовместимых строя – подлинный социализм, основанный на свободном труде, сочетающем и соединяющем в себе коллективизм и индивидуальное достоинство каждого человека в их гармоничном саморазвитии, и казарменный, надуманный троцкистско-сталинский социализм из-под палки силового нажима и давления сверху, эксплуатации и угнетения.

Более того, в этом противостоянии проявились две судьбы народа и всей огромной страны. Одна – возможного успеха в обеспечении нормальной жизни и другая – в неизбежном крахе всего, что вопреки искусственно и принудительно надуманному сделают своим трудом и талантом люди. Наиболее прозорливые и бдительные идеологические надсмотрщики, безусловно, с ходу уловили опасность показа именно второго плана, расшифровывающего так полюбившийся большинству номенклатуры стиль управления. Они испугались самого народа, слугами которого объявили себя на словах, а на деле сели на все ту же многовековую традицию его угнетения и подавления. Страх был не напрасным.

Как раз на этом участке они воздержались ломать до основания и сразу же смекнули, что лучше и проще всего оставить старые крепостнические традиции и малоизменившийся менталитет большей части народа. Подправив на новый лад риторическую музыку своей заботы о людях, о новом счастье и грядущем чуде – строе, они сконструировали такой безотказный и унифицированный механизм управления, какого ни разу не было за всю историю страны.

На Белгородчине был хорошо известен один первый секретарь райкома, весьма колоритная личность, с солидным стажем, который после возлияния вовнутрь известного допинга любил спрашивать подчинённых: вы знаете, что я владыка? После дружного подтверждения компаньонов звучал еще более конкретный вопрос: а что означает – владыка? И для несведущих сам тут же пояснял: это значит владеть всеми и всем. Другой, тоже опытный руководитель крупного района сравнивал свою власть с полномочиями царя, правда, с учетом обозначенной территории. Что здесь мог решить царь, – рассуждал он, – почти ничего. А я могу все! Надо разъединить или соединить колхозы, деревни – сделаю. Потребуется решить судьбу любого человека – решу. И решал в меру своего восприятия, мышления и сознания, искорёженных местническим вождизмом.

Не у всех, но у многих и весьма часто он менял даже внешние манеры и характер. В них вместе с деловитостью как по волшебной палочке проявлялись солидная осанность, уверенная походка, повелительно-взыскательный тон разговора, в качестве привычки при общении утверждалась технология последнего, заключительного слова, утверждения, суждения и выводов. Как правило, они носили

неоспоримый характер. Никто не мог их поправить или тем более им возразить. Так формировалась господствующая позиция и реальное положение первого партийного руководителя. Ему вторили и подражали соратники и подчинённые из тех, кто к этому был склонен. По себе знаю, как трудно кое-какие вождистские наклонности, сформировавшиеся в ту пору, вытравить из себя.

Нередко по этим поводам случались курьезы. Как-то в начале весенних полевых работ на тракторный стан села Журавлевка Белгородского района, находящегося неподалеку от границы с Харьковской областью, заскакивает без сопровождения и предупреждения первый секретарь Харьковского обкома партии И.З. Соколов. Смотрит, уже разгар рабочего дня, а механизаторы стоят и покуривают. По натуре горячий и пылкий, он возмущенно спрашивает, почему стоите, где председатель колхоза? В конторе, – завязывается в ответ спокойно-недоуменный диалог со стороны сельчан. Немедленно вызовите его сюда! А зачем, он только отсюда уехал подписывать бумаги в правление.

И после этого вы не начинаете сеять? Да вы просто издеваетесь над моей командой сегодня же приступить к этой важнейшей работе. Нет, у нас команда не начинать, пока земля не просохнет, видите, вчера вечером был дождь. Он так и сказал? Да. Тогда пусть сразу же захватит и свой партбилет, он ему больше не понадобится, – вконец возмущился неожиданный гость и, не давая никому опомниться, выдал свой гневный наступательный монолог известного содержания не на шутку переполошившимся механизаторам. Улучив секундную паузу, один из них насмелился вежливо спросить, а вы кто? После ответа спрашивающий еще более вкрадчиво сказал: так у нас свой первый секретарь – Трунов.

В общем, на сей раз председатель колхоза остался с партбилетом, помогло территориальное разделение. А вот в Харькове очевидцы отмечали неоднократные его изъятия лихим первым секретарём, который затем передавал в парткомиссию, где умели все это оформить документально. Затронув тему партбилетов, мы вышли на один из важнейших инструментов номенклатурного управления. По существу он был одновременно и условием, и проходной, визитной карточкой господствующего класса независимо от того, по каким мотивам стремились его получить – по идейно-сознательным, карьеристским или иным.

Однако после его получения он тут же из собственности одного человека превращался еще и в карающий меч, которым могли размахивать, угрожать, а то и снести голову его владельцу, в переносном, разумеется, смысле слова, многие представители партийной иерархии. Особенно это касалось хозяйственных и административных руководителей, для которых партбилет становился роком судьбы. Один из крупных строительных начальников, с которым мы часто сидели

рядом на партийных форумах, как-то после очередной экзекуции мне горестно сказал: сегодня у меня юбилей, в сотый раз угрожали и чуть не отобрали партбилет. Считать начал еще будучи прорабом.

Нас, строителей принято называть железобетонными и непробиваемыми, поэтому все время долбят, долбят и долбят. А мне когда впервые сказали, что положишь партбилет на стол, я после всю ночь глаз сомкнуть не смог. Так и кошмарюсь в бессоннице теперь всякий раз после таких процедур. После инфаркта жена, провожая на очередное бюро горкома или райкома, подает мне его и говорит со слезами: положи его сам и уйди в рядовые, иначе, сам понимаешь, придется скоро класть его в гроб. Но я же не слабак, вот и продолжаю держать удар. Пока продолжаю...

Я сам в огромном количестве слышал такие угрозы и видел непосредственное их исполнение. Но одно дело наблюдать это на примерах других, что тоже заметно угнетало жизненные силы, и совсем другое – по отношению к себе. Правда, меня такое действие коснулось уже на закате партийной жизни, о чем предстоит поведать в последующем параграфе. Здесь же важно подчеркнуть, что по всей стране, во всех партийных структурах миллионы раз и миллионы советских людей разных поколений подвергались моральному угнетению угрозой потерять билет.

Все это тактически сопровождалось весьма аффектационным партийным разносом. Его искусством должен был обладать каждый, кого выводили на партийный олимп разного уровня. Проходил он обычно на заседаниях бюро и парткомов. Начинался с доклада проверяющего, затем шли вопросы к ответчику, которые постепенно накаляли психологическую обстановку, затем по нарастающей создавали напряжение выступающие члены бюро и в завершение его ведущий, первый секретарь, поднимал градус взыскательности до высшей отметки – исключить из партии и снять с работы или объявить какое-то взыскание.

Редко кто из первых секретарей совсем из-за деликатности и сдержанности характера произносил такие приговоры спокойно и рассудительно. Подавляющее большинство пользовались повышенным тональным диапазоном. Особенно убийственно для любого человека звучали слова, которые были таким же повсеместным унифицированным трафаретом: имейте в виду, мы сделаем так, что без партбилета вы нигде в стране не найдете работу. В данных случаях обмороки отдельных лиц – это хоть и не частое, но самое безобидное последствие. Хуже, когда случались инфаркты и инсульты, а то и летальный исход. И все это приходилось видеть собственными глазами.

Не увлекся ли автор смешением праведного с грешным, – настрожился вдруг оппонент, – ведь на бюро наказывали за всякие провинности, аморальные отклонения, при чем здесь угнетение? Пра-

вильное замечание, полностью совпадающее с моей точкой зрения. Действительно, всякого рода мошенники, воры, пьяницы, нарушители дисциплины и законов, имевшие партбилеты, строго наказывались и исключались из партии. И это была положительная, светлая сторона деятельности номенклатуры.

Вместе с тем, рядом с ней все более широкое пространство осваивала другая – темная, теневая сфера, в которую погружались многие ее руководители. Внутри господствующего класса образовался особый слой неприкасаемых, которым было дозволено все с гарантией безнаказанности. Собственно, такие только покрывали, прикрывали и всячески поддерживали своих подельников, друзей и родственников, в том числе и тех, кто занимался теневой деятельностью. Сами же они ни от кого особо не прятались и все всегда знали, кто и почему является неприкасаемым.

Любая иерархия, что означает олицетворение и проявление статуса по должности, званию и положению человека в обществе или в отдельном классе, а также его производная – субординация, то есть функциональное отражение и осуществление статусности, неизбежно приводят к отношениям господства, эксплуатации и угнетения одними, вышестоящими, других – нижестоящих. Это закон, который действует в любом иерархическом обществе. Выведен он еще мыслителями древности и подтвержден марксистскими и буржуазными учеными.

И никакой идеологии, религии или учению о нравственности пока не удалось и вряд ли удастся опровергнуть этот закон, не допустить его исполнение. Все призывы, лозунги и даже утвержденные законы о свободе и равенстве могут здесь служить лишь инструментами в операции прикрытия, временно и чисто тактически отвлекая внимание общества от неминуемо нарастающих противоречий и проблем. Чем жестче и стабильнее, всеохватнее и всепроникающе выстраивается конструкция иерархии, тем сильнее и длительнее проявляются действия вышеуказанного закона.

Партийно-советская номенклатура в данном случае прочно заняла без особых соревновательных усилий самую высшую ступеньку и стала пока еще непревзойденным чемпионом мира всех времен и народов в этом жанре. Не замедлим и с ответом на вопрос – почему? Потому что она одна единственная управляла в созданных специально для себя эксклюзивных условиях отделения общества и человека от собственности, где любые произвольные упражнения или точнее произвол превращаются, становятся и утверждаются в качестве норм руководящей работы.

На отношениях собственности мы останавливаться здесь не станем, им будут посвящены отдельные параграфы, однако, подчеркнем ряд моментов. С самого своего зарождения номенклатура стремилась получить в свое распоряжение не столько реквизируемые материальные ресур-

сы, отнятые у буржуазии, помещиков и других слоев населения, а прежде всего самих людей. И она превзошла в этом даже саму себя, вопреки своим ожиданиям, получив де-факто в собственность целый народ. И это видно из первых параграфов содержания монографии, где детально описывается, как решалась судьба целых классов, сословий и отдельно взятых людей в порушенном и перелицованном на новый лад обществе.

Неизменным оказался только ключевой результат господства и эксплуатации – получение прибавочной стоимости. По ходу дела такая тенденция все заметнее вырисовывалась даже внутри номенклатурного класса, который в качестве одного из наиболее важных для себя заклинаний неустанно повторял тезис о ее невозможности и несовместимости с новым социалистическим строем.

Как-то звонит мне в те годы приятель, работавший в одном из центральных партийных издательств, и спрашивает, имею ли я отношение к подготовке книги нашего первого секретаря обкома? Позднее, когда книга уже вышла, он при встрече с улыбкой уточнил, много ли я заработал гонорара за свой увесистый кусок изданной уже публикации первого, который, кстати, прошел почти без редакционных поправок. Пришлось ответить, что работников аппарата, готовивших основные материалы, я лишь подправил их часть, никто даже не поблагодарил, а известный в области журналист, который разработал ее план, составил и отредактировал весь текст, был поощрен выделением ему нового автомобиля «Жигули», за его же счет, разумеется.

Когда я доверительно услышал, что авторский гонорар за книгу составил 120 тысяч рублей или стоимость почти 20 таких автомобилей, то испытал шок, хотя к тому времени наблюдать приходилось всякое. В данном случае такие книги одна за другой выходили строго по плану и разнообразной тематике, охватывая подавляющее большинство первых руководителей регионов, как премия им за службу и верность. Согласитесь, здесь не требуется экономических комментариев, за счет кого, кому и за что вдруг поступала такая прибыль и каким вопиющим было угнетение и неравенство внутри самого господствующего класса.

Хотя в дополнение к тезису об эксплуатации ряда работников самой номенклатуры стоит напомнить, что партийные издательства такой несоразмерный даже со здравым смыслом гонорар могли выплачивать только из прибыли. Ее же в свою очередь они получали за счет предприятий, учреждений и организаций, где были парткабинеты и библиотеки. Как правило, это делалось по разнарядке, чему я был и свидетелем, и участником. Творения такие никто не читал, они сначала пылились на полках, а потом попросту попадали в макулатуру. Такова была цена недоплаченных зарплат, недоперечисленных премий и социальных пособий миллионов рядовых рабочих и служащих, невольно попавших под каток завуалированной эксплуатации.

По поводу многомиллионных тиражей сборников докладов, выступлений и статей Генерального секретаря ЦК и его соратников по Политбюро, похожих как близнецы-братья по содержанию и форме, можно смело увеличить издательскую доходность не в разы, а на несколько порядков, ибо они украшали фактически каждый кабинет номенклатуры, попадая туда по той же финансовой схеме. Отыскать в них какую-либо ссылку на действительных авторов и составителей и тем более благодарность в их адрес так же невозможно, как и найти иголку в стоге сена.

Ладно, это первые лица страны и регионов, а ведь это же повторяли вторые, третьи и последующие заместители солидного количества управленческих структур. Казалось бы, комсомол – это молодежная организация, несовместимая с иерархиями и субординациями. Ничего подобного. Его комитеты, начиная от центрального и спускаясь по вертикали вниз, их кадры стремились как можно максимальнее походить на старших номенклатурных товарищей, всячески им подражать, в том числе в манерах поведения, общении, конечно же, в эксплуатации, господстве и угнетении старшими младших по должности.

Попадает, к примеру, вчерашний инженер, агроном или учитель на руководящий пост в какой-нибудь обком комсомола. Нормальный, коммуникабельный парень или девушка. У него уже личный кабинет, секретарша, персональный автомобиль с водителем, подчиненные. Если еще вчера его называли по имени и на ты, и это безупречный признак молодости у всех народов, то после вступления в должность обращаться следовало только по имени отчеству и на вы. Кто этого не соблюдал, тому ее носитель сразу же напоминал, тем самым расставляя все по местам субординации.

Теперь он уже сам лично ничего не делал такого, что хотя бы напоминало черновую работу. Служебный стол у него чистый, на нем только свежая пресса и папка с документами, с которыми он знакомится и на них же пишет свои резолюции по их исполнению подчиненными. На эту тему в номенклатурной среде ходила байка. Один чиновник спрашивает другого: кем бы ты хотел работать? Начальником. А где? Да, где угодно, лишь бы расписываться на уголке, да чтобы был опытный заместитель. Плюс машина с шофером, конечно.

Расшифровку ее многозначительного смысла мы еще уточним впереди, а сейчас лишь подчеркнем, что чем выше та или иная структура занимает положение в номенклатурной иерархии, тем отточеннее и дифференцированнее действуют все ее звенья, и тем больше бюрократического люда обслуживают нашего героя. Ему уже не надо самому сочинять даже резолюции – поручения, это уже сделали другие, отпечатали на специальном бланке, остается только одно усилие на автограф.

Продолжая описывать собирательный образ недавно родившегося номенклатурного чина, заметим, что ему теперь не надо самому

ничего ни проверять, не контролировать, ни тем более писать, всем этим занимается аппарат сотрудников, которые выедут на место, разберутся в состоянии дел, напишут справки, постановления, а шефу нужно лишь подвести итоги, подтвердить выводы и предложения или сделать свои собственные по его же усмотрению.

Закончилось у него и время мучительных раздумий над содержанием выступлений и докладов, их ему пишут подчиненные, он только зачитывает готовые тексты. Само собой разумеется, аналогично готовятся статьи в газеты и журналы с последующим присвоением авторского гонорара. Как-то одному такому юному деятелю в ответ на поручение дать задание сотрудникам нашего отдела по подготовке его выступления на вручении награды какому-то молодёжному коллективу в честь юбилея В.И. Ленина я сказал, что вождю, между прочим, никогда не заставляли писать речи. Он это делал сам. В ответ без какой-либо тени смущения прозвучали слова: так он же был опытным вождем, а я только начинающий.

Затем вошло в моду написание речей и выступлений рядовым рабочим, колхозникам и специалистам на пленумах, конференциях, съездах и слетах. Дело дошло до того, что любой форум можно было совсем даже не проводить, так как его сценарий и содержание были срежиссированы аппаратом до высшей степени готовности и завершенности всех замечаний, предложений и решений. Оставалось напечатать стенограмму и издать массовым тиражом, не растрачивая попусту время, деньги, силы и материальные ресурсы на командировки участников.

Тем не менее их расходовали, не думая об экономии. И делалось это только ради одного – эмоционального восприятия и подъёма, консолидации и сплочения внутри самой номенклатуры и, что самое важное, упрочения и демонстрации ее связи и единства с народом. Вся же многократно повторяемая таблица озадачивания отодвигалась на второй план, все равно ее никто не запоминал, в силу фактической нереальности и банальной никчемности она воспринималась просто как обязательный ритуальный фон любого форума, о чём будет отдельный анализ.

Исследуя господствующий управленческий класс как бы изнутри своего пребывания в нем, все время не находил ответов на вопросы: где все-таки проходит граница? На чем кончается тот же рабочий, крестьянин или специалист и начинается номенклатурный работник, как и в чем это проявляется у конкретного человека? Поскольку многообразие сюжетных линий не позволяло сделать сжатые выводы, остановился на собственном примере и поймал-таки нужную социологическую картинку.

Мне исполнилось 20 лет. Как заведующий школьным отделом райкома комсомола я входил в комиссию по аттестации школ, утверж-

денную председателем райисполкома. Ездили мы на двух машинах ГАЗ-69, где было всего два нормальных сиденья впереди и две узких, очень неудобных и жёстких лавочки на шестерых человек по бортам. Два дня нас возила машина районного отдела образования и на первом сиденье пребывала солидная женщина предпенсионного возраста, занимавшая должность председателя райкома профсоюза учителей. На третий день машину выделил райком комсомола.

Когда я подъехал на ней к поджидавшей комиссии, она сказала, что сегодня у машины другой хозяин, впереди будет сидеть Леонид, а мне удобнее здесь, и с большим трудом разместились на задней лавке. Сказать, что я не уловил явного сарказма в ее словах и надежды на то, что в ответ мною будет любезно предложено именно ей удобное первое место, нельзя. Во мне в эти мгновения произошла и внутренняя борьба, но молниеносное столкновение чисто джентльменской, мужской позиции по отношению к женщине с нахлынувшим ощущением номенклатурной статусности, исключительности и особенности завершилась не в пользу благородства и элементарной этики. И я молча сел в единственное удобное место.

Двинувшись в путь, задние пассажиры сразу же стали комментировать свое несносное положение и посылать в моей адрес вежливоведкие реплики. Мне все больше казалось, что сиденье подо мной не просто нагревается, а раскаляется, как сковорода. Давило и внутреннее ощущение душевного дискомфорта. На обратном пути я уже сидел на лавке. Молодой, крестьянский парень, не избалованный никакими привилегиями и преимуществами, удачно вернулся к своей самости. Это был один из очень серьёзных уроков моего становления и взросления, который пошел мне на пользу и позволил в будущем, даже на очень высокой должности не притворяться близким и доступным для людей, а, судя по их отзывам, быть таковым в естественном виде при любых обстоятельствах.

Уже через год работы ректором университета, поставив себя по алфавиту в середину списка его руководителей, я провел анонимное их рейтингование, в котором каждый получил свое место именно по ключевым показателям отношения к людям, их нуждам и потребностям. Не скрою, было приятно видеть себя лидирующим по большинству из них. Нашлись у меня в арсенале и другие чисто профессиональные инструменты измерения градуса доверия и уважения подчиненных, и в их использовании я не дожидаясь повышения температуры, а держал управленческий термометр в постоянном рабочем состоянии.

Хотя по одному из важнейших элементов руководства, к какой бы системе оно ни относилось, позволял себе делать, как все, особенно в молодые годы. Речь идет о нечестности, а проще о лжи, которая допускается подавляющим большинством людей в жизни, а в такой

ее сфере, как политика – всеми без исключения. Тут без нее просто невозможно обойтись. С.И. Ожегов назвал ложь намеренным искажением истины, неправдой. Кратко, ясно и понятно каждому.

А сколько за такой лаконичностью стоит драм и трагедий, самых простых и невероятных жизненных процессов и коллизий, с которыми сталкивался и сталкивается буквально каждый человек на протяжении всей истории. Мне иногда думается, что ложь заложена во все поколения людей как необходимая и неотвратимая данность на генетическом уровне, как один из важнейших способов их жизнедеятельности.

И когда мы просим еще безмолвного, только что вставшего на ноги малыша показать, какой он большой, и тот с удовольствием поднимает руки в подтверждение нашей явно неправдивой версии, нами без особых раздумий радостно и даже восторженно не прививается ему ложь. На самом деле мы этим включаем ее инструментарий в повседневную жизнь недавно родившегося человека, который в свою очередь уже готов стать на ее конвейер.

Отсюда вопрос, кто и зачем заложил такую поистине бесконечную, передающуюся от человека к человеку, от поколения к поколению взрывчатку, которая постоянно корежит, искажает, ломает и уничтожает все самое чистое и светлое в жизни общества и природы. Ведь по сути это сплошное минное поле на всем пространстве человеческих отношений. Любой философ незамедлительно обратит мой взор в сторону элементарных законов матери всех наук, объясняющих все и вся как очевидное. Но нам известно много фактов и явлений, которые с ним не сочетаются и выглядят как вполне самостоятельное неочевидное.

Сколько самых гениальных и интеллектуально одаренных людей пытались разгадать таинство предназначения лжи, понять в чем задумка Всевышнего, однако дальше углублённой расшифровки сущности ее проявления и воздействия на мир человеческих чувств и действий пока никому продвинуться не удалось. Не помогут здесь и самые толковые диссертации. Тут надо создавать целый институт лжи с объединением на синергетической основе огромного количества ученых и специалистов не одной сотни направлений естественных и гуманитарных наук. Тем более есть уже серьезные заделы по исследованию нейронов головного мозга, которые как раз программируют и возбуждают в человеке мотивации и намерения сознательного искажения действительности. Изобретен даже детектор лжи. Есть и другие обнадеживающие подвижки, но все это далеко от крупномасштабных, комплексных результатов.

К сожалению, желающих это сделать пока не наблюдается. Значит, будем продолжать врать и обманывать друг друга. Причем, не-

редко с самых лучших побуждений: во имя любви и дружбы, успехов и побед, во благо здоровья и удач и так до бесконечности во времени и в пространстве. Естественно, у каждого человека своя степень поражения ложью. Как-то мне случайно пришлось вывести и применить на практике коэффициент, который заключается в процентном соотношении преднамеренных искажений к общему числу сообщаемых человеком фактов, информации и объяснений. Читатель, возможно, засомневается, но это очень помогало даже в номенклатурной работе, которая была пропитана во многом фарисейством.

Представьте себе картину: со всех трибун, репродукторов, экранов, газет и журналов звучат заклинания, что каждый коммунист или комсомолец, весь советский народ или вся советская молодёжь с энтузиазмом восприняли, одобрили и приняли к неуклонному исполнению такие-то и такие-то задачи, программы и решения. К тому же тебе самому приходится это писать и озвучивать, а в жизни видеть совсем другое.

Разумеется, не у одного меня возникали вопросы, зачем все это делается, для кого мы пишем лживые информации и доклады, где цифры-гиганты охвата той или иной работы создают ее надуманную важность и значимость, выводят динамику развития и достижений. Ответ обезоруживал любого сомневающегося – во имя великой цели или что-то подобное. Поэтому названное и еще больше неназванное не воспринималось враньем, скорее всего к нему относились как к некоему обязательному ритуалу, процедуре движения к еще непокоренным вершинам неизведанного строя.

Получается, что врал все, даже самые честные люди, которые старались в жизни никому и никогда не врать, хотя обеспечить такую чистоту нравов скорее было невозможно, и те вынуждены были зачитывать на трибунах явную ложь и лицемерие. Так была устроена система номенклатуризма, которая не терпела и не допускала никакого даже инакомыслия, не говоря уже о инакодействии.

Ложь в ней стала средством, формой и содержанием господства управляющего класса над обществом. Своей наступательностью, энергией и напором она ниспровергала все сомнения и разочарования, угнетала и давила на сознание людей самоуверенностью и непоколебимостью, ожиданиями и надеждами. Она стала профессиональной привычкой и до такой степени закрепилась в управленческой культуре, а точнее антикультуре, что ее уже попросту не замечали и размножали по инерции.

В ходу у всеобщего руководства были и другие методы открытого и завуалированного классового лидерства и подчинения, запрещения и принуждения, подъема и подавления энергетических и социальных ресурсов народа. Читаем следующий параграф.

3. Озадачивание как утвердившийся стиль и ритуальный прием номенклатурного ухода от ответственности

Одним из активно используемых деятельностных терминов в нашей жизни являются задачи. Наиболее часто он применяется в естественно-научных сферах, связанных с математикой, кибернетикой, физикой, химией и другими предметами эвристики. Без повседневной постановки и выполнения задач не обходится военная и государственная служба. Особенно заметную роль задачи как важнейший инструмент управления стали играть в СССР, который возглавляла партийно-советская номенклатура. Можно без преувеличения сказать, что это ее главное оружие, с помощью которого осуществлялось руководство всеми политическими, экономическими и социальными процессами в обществе.

Слово задачи пронизывало буквально всю нашу жизнь, от бытовых мелочей до глобальных вопросов войны и мира. Оно ежедневно и ежечасно звучало со всех радиопродукторов и телеэкранов, взирало на советских людей со всевозможных плакатов и лозунгов, со страниц газет и журналов, официальных государственных документов и резолюций, постановлений и решений партийных и советских форумов, собраний и совещаний. Их повторяли многочисленные общественные организации и отдельные руководящие и рядовые лица.

Без сформулированных и произнесенных задач не начиналось и не заканчивалось ни одно деловое мероприятие. Они стали неотъемлемой и самой важной частью делового общения и особой революционной управленческой этики, вошли в кровь и плоть огромного бюрократического механизма единственной на земном шаре страны, взявшейся построить совершенно новое человеческое общество.

Иногда казалось, что это слово заменило саму молитву, которую регулярно проводили по различным поводам, праздникам, социально-бытовым обрядам и даже перед каждой трапезой, где бы она ни проходила – в отдельной семье или в общественном месте. Разумеется, кощунственно даже сравнивать это казенное замещение со священным ритуалом верующих людей. Но так или иначе этим словом давался старт великим и малым начинаниям, новым стройкам заводов и фабрик, школ и больниц, политическим и идеологическим, спортивным и культурным мероприятиям.

Когда я написал вышеприведенное сравнение, невольно задался вопросом, а кто первым ввел в такой бурный управленческий и социальный оборот слово задачи и не специальная ли это задумка на десять ходов вперед по замещению с его помощью одной религии на другую.

То есть православия на коммунизм. Понятно, что взоры обращаются прежде всего к В.И. Ленину и, скажем откровенно, по многолетней привычке и по логике исследования. Не побоюсь ошибиться, но вождю абсолютно неправильно и безосновательно приписывать многие инновации в общественных науках, к которым он не имел отношения. Анализируемая же проблема попадает как раз в эту точку.

В самом деле, до него никто не написал столько докладов, статей и других материалов, начинающихся или заканчивающихся одним и тем же повторяющимся термином: задачи партии, задачи революции, задачи текущего момента, задачи союзов молодежи и т.д. Что же это за особенное слово, почему именно на нем остановил свой взор вождь революции? Ведь в богатейшем русском языке есть масса других организационно-мобилизационных терминов. Но он выбрал именно задачи и нарек, пронизал ими буквально всю нашу жизнь и работу вплоть до сегодняшнего дня.

За помощью по традиции обратимся прежде всего к словарю нашего родного языка, который поясняет интересный, можно сказать, даже многозначительный смысл этого слова. Сам термин задача означает то, что требует исполнения, разрешения.

Судя по всему, в гости к В.И. Далю наведаясь по этому поводу не один я, значительно раньше сделал это сам классик своей же революционной теории. И не зря. Это же не слово, а целое национальное богатство, особенно если его применять исключительно по делу, а не во вред оному. Что думал по данному вопросу В.И. Ленин, определить невозможно, но с большой долей вероятности можно утверждать, что эпохальное значение задачам и озадачиванию он сумел придать неслучайно, более того – вполне целенаправленно.

И это подтверждается как самой логикой развертывания революции, так и инструментальным оснащением нового господствующего класса, который создавался для руководства и управления этим глобальным по задумке процессом. Интуитивно чувствую приближающийся взрыв негодования оппонента по поводу моих рудиментарных изысков – зачем в них так детально копать после завершения несостоявшейся затеи? Правильно, что он не спешит его озвучить, понимая, что без глубинного изучения влияний прошлого невозможно понять настоящее. И уж тем более нельзя избавиться от негатива его отягощающих гирь и зажимов, которые продолжают существовать и в современной жизни.

Попытаемся разобраться в самых важных моментах по порядку, который к своему удовольствию сами же и определим. Но не в качестве задач, как у большевиков – революционеров, а в русле авторского исследования. Прежде всего озаботимся типологизацией задач. По ленинской методологии их можно объединить в две основные группы,

связанные с внешними и внутренними факторами построения и развития нового общества. Далее они дифференцируются по политическим, идеологическим, экономическим, социальным, отраслевым, региональным и другим направлениям. Задачи можно также типологизировать по значению – стратегические и тактические, по временному признаку – долгосрочные, среднесрочные и на текущий момент, по структурной принадлежности – задачи партии, профсоюзов, органов управления и т.д.

В первом параграфе данной главы уже детально рассмотрены задачи обеспечения победы мировой революции с последующим построением социалистического строя по образу и подобию России. Можно с уверенностью сказать, что это самая масштабная и глобальная задача первостепенной важности для всего нового номенклатурного класса, который, собственно, и создавался под ее реализацию. Такого уровня подтасовки и обоснования за всю историю человечества не делал ранее никто.

Тут нам надо немного порассуждать о вышеупомянутом озадачивании, для чего обратимся за помощью к различным словарям, которые в общем-то в едином содержательном ключе сообщают нам значение производного от задач термина «озадачить». Означает он – ошеломить, огорошить, смутить, ошарашить, обескуражить. Можно еще добавить: сразить, оглушить, эпатировать. Не правда ли, весьма оригинальный и интересный поворот в нашем родном и могучем русском языке, особенно если сопоставить со смыслом того, что требует исполнения, разрешения, то есть самой задачи.

Сразу же оговоримся: следует различать все три казалось бы однокорневых термина друг от друга. С задачей мы разобрались. Это теоретическое обоснование определенной цели, выраженной в той или иной форме информации. Его может сделать любой человек или группа лиц, представляющих субъект управления, науки, политики, идеологии, экономики и т.п. Они же, как правило, стремятся ее огласить, сообщить тем объектам воздействия, на кого эта задача рассчитана. Соответственно решающее значение здесь имеет содержание и смысл, доступность и реальность намечаемого задачей дела или результата.

Если задача близка и понятна людям, тесно связана с их жизненными интересами, потребностями и традициями, вытекает из них и открывает перспективу их развития, она обычно принимается подавляющим большинством к исполнению в своей жизнедеятельности и в зависимости от конкретных условий и возможностей осуществляется. Так происходило всегда, происходит сейчас и будет происходить в будущем у каждого человека и у всех народов мира, невзирая на их религиозные, исторические, психологические и социально-экономические различия.

Независимо от того, кто эту задачу выдвигает – лидер страны, политическая партия, орган управления или отдельный человек для самого себя – ее нет смысла многократно повторять, декларировать и иллюстрировать определённым образом. Невозможно представить, насколько комичным и нелепым выглядело бы ежедневное повторение, скажем, для крестьянина тех конкретных задач его социально-технологического цикла действий в каждый период времени года и отдельного рабочего дня.

Таким же совершенно смешным выглядит постановка и многократное повторение задач экономить энергию, сырье и материалы владельцу производственной мастерской, завода или предприятия любой сферы обслуживания. Или взять повышение качества продукции и производительности труда. Их стимулирует не обсуждение сущности самой задачи, а спрос и предложение на рынке конкуренции товаров. Это аксиома, которую не оспаривает ни один здравомыслящий человек. Вот почему совершенно бессмысленной тратой времени выглядело бы любое многочасовое совещание или съезд большого количества бизнесменов на эту тему на историческом промежутке целого ряда столетий их господства в развитии капиталистического общества.

Совсем противоположную позицию занял новый господствующий класс коммунистической номенклатуры, превративший выработку, постановку, обсуждение и контроль за выполнением самых банальных и известных, понятных и малопонятных задач в невиданный по масштабам, затратам социальных, материальных и организационных ресурсов, а также рабочего времени процесс озадачивания всех и каждого и прежде всего, конечно, самих себя.

Озадачивание стало одновременно и воздухом, и топливом, и главным питательным средством, приводящим в движение огромный управленческий механизм номенклатуры. Он последовательно, перманентно на протяжении почти целого века заряжал и продолжает заряжать новый господствующий класс энергией и уверенностью в правоте своего необычного инновационного дела, выпавшего из контекста общемирового процесса развития человеческой цивилизации.

Вдумаемся, чего стоило только лишение человека собственности, права иметь свое мнение и свободный выбор своей жизненной судьбы, не спрашивая его согласия на радикальную смену всего смысла существования. А ведь это всё надо было очень быстро и напористо осуществлять практически. Опрокидывание России вверх дном, которого требовал В.И. Ленин еще в начале XX века, нельзя было делать с промедлением, ведь от любого затяжного раскачивания ее гигантский мегаполюсный каркас мог стать в прежнее, нормальное положение.

Но основополагающее значение для революционно-коммунистической номенклатуры имела постановка и осуществление задачи

мировой революции и победы коммунизма в глобальном масштабе. Здесь простым развертыванием процесса озадачивания обойтись было невозможно. Мешало непреодолимое препятствие в виде абсолютной неясности и непонятности, как и в какие сроки это можно сделать. Причем этого не знали и сами вожди номенклатуры, делавшие вид, что они единственные, кто понимает суть вопроса. Призывы ее отдельных представителей поднять повсеместное восстание рабочих или бросить в наступление первую конную армию и дойти до самого пролива Ламанш брать во внимание не стоит ввиду их полной абсурдности.

Что же тогда оставалось? Только одно – как можно активнее и громче озадачивать, то есть просто ошарашивать, огорошивать все больше и больше народных масс на всем земном шаре. Практически любая из этих глобальных задач вначале могла смутить, ошеломить и заинтересовать многих людей и даже воодушевить своей вожденностью, притягательностью и желаемостью. Затем, как правило, шел процесс осознания в обратную сторону.

Выше мы уже осветили результаты такого общемирового умопомрачения, теперь впору сосредоточиться на анализе внутреннего процесса озадачивания, развёрнутого номенклатурой в нашей стране. Сразу же заметим, что и здесь вначале было немало огорошиваний и обескураживающих действий типа отмены денег, Бога и тому подобного варварства и дикости, но затем номенклатура постепенно стала избегать эпатажирующих проявлений в управлении обществом и отработала озадачивание как стройную систему своего влияния на все стороны жизни страны.

Не терпится привести один пример – сравнение, который мною непосредственно зафиксирован во время первого посещения США. В штате Кентукки нам, официальной правительственной делегации СССР, устроили экскурсию по одному из входивших в моду крупных супермаркетов. В одном из его огромных залов находился отдел, напоминающий нашу кулинарию, где торговали готовыми блюдами и разнообразными полуфабрикатами. Мне как бывшему номенклатурному специалисту по наглядной агитации, являвшейся важнейшим средством партии в пропаганде и разъяснении поставленных ею задач, сразу же бросился в глаза огромный лозунг, красочно оформленный на самом видном месте торгового зала.

Посетители тоже вольно или невольно обращали на него внимание – его просто невозможно было пропустить мимо взгляда каждого. Настроение у людей чувствовалось приподнятым, большинство приветливо улыбались, рассматривая витрины и предвкушая будущую трапезу из своих любимых лакомств. Выбор был, конечно, неопишесым. Тут же мне перевели содержание лозунга: мы стараемся, чтобы было вкусно, как у мамы.

Встречали ли вы, уважаемый читатель и оппонент, у нас в стране такие лозунги, можно и не спрашивать. В ту пору даже над опустевшими прилавками отечественных гастрономов и кулинарий все еще висели привычные партийный псалмы «Решения XXVII съезда КПСС – в жизнь!» или «Продовольственную программу – выполним!» Кроме горьких насмешливо-унизительных восприятий они могли вызвать разве что ощущение какой-то пока еще неведомой и не до конца понятной роковой черты, к которой мы подошли вплотную. Нет, о ней никто не хотел даже думать, не то что верить, но общая подавленность и безнадежность уже неотвратимо захватывали пространство общественного сознания и настроения людей.

Есть ли что-то общее в американском и советском плакатном выражении по существу одной и той же задачи – вкусно и вполне доступно накормить людей их любимой пищей? На первый взгляд, разумеется, нет, и это понятно любому человеку, кто обладает хотя бы минимальными навыками анализа любого прочитанного текста. В то же время более вдумчивый и внимательный взгляд исследователя непременно заметит их смысловую схожесть – оба они выражают оценку двух непохожих и по большинству признаков противоположных мироустройств.

Одна – искусственно сконструированного революционного, насильственно поддерживаемого мифологического образования, другая – общество, основанное на принципах свободного, естественного, эволюционного развития, пусть и с традиционными недостатками и сложными проблемами, присущими человеческому характеру, но обращенная не на словах, а на деле к людям и их потребностям.

На эту тему появился повод отдать должное одному из ярчайших разделов социологии – анекдотам. Не понаслышке знаю, что самыми интересными и насыщенными они были в советское время. Так вот: экскурсовод подводит группу туристов к огромному плакату с изображением портрета Генерального секретаря ЦК КПСС с пятью звездами Героя на лацкане его костюма и после озвучания тщательно заученных традиционных идеологем о политике партии прочитывает написанные под ним крупным шрифтом слова: все для человека, все во имя человека. Тут же из группы раздался возглас: и мы знаем имя этого человека. Правильно, – подтвердила экскурсовод, – это Леонид Ильич Брежнев. Раздался дружный хохот.

Между прочим, партноменклатура хоть и сама была источником возникновения анекдотов, но вполне охотно их использовала как веселое развлечение, правда, чаще всего во внутриклассовом пользовании, в совсем узком кругу, на всякий случай. Уроки же извлекать из них мало кто думал. Вспоминается один случай. За полгода до московских олимпийских игр в ЦК КПСС собрали совещание всех, кто

отвечал за наглядную агитацию вдоль трассы, по которой должны были нести олимпийский огонь. В числе других мне предложили на нем выступить. К подготовке такого мероприятия я отнесся весьма серьезно. Вначале пригласил для беседы известного и очень квалифицированного художника-плакатиста И.Д. Бобенчика, который мне очень открыто и доверительно изложил проблемные моменты этой темы. Наболевшее на душе специалиста совпадало с моим мнением, и я без традиционного зачитывания заранее подготовленного текста все это в эмоциональной манере, что называется своими словами, изложил прямо перед высоким начальством.

Когда выступление закончилось, ведущий совещания, идеологический босс ЦК, ранее никого не комментирующий, вдруг резко высказался по поводу моих жестких оценок содержания наших партийных плакатов, на которых изображаются люди фактически на одно лицо, что вызывает обратный, отрицательный эффект восприятия. Их, безусловно, надо снять и не только на олимпийской трассе, а по всей стране. Рядом с ним в президиуме сидели редакторы ведущих газет и журналов, директора издательств, принадлежащих ЦК КПСС, то есть те, от кого и исходили все эти формализованные безжизненные штампы.

Суть пространной реплики председательствующего была в привычном одергивании и постановке на место того, кто посмел выйти за рамки дозволенного. Что это вы себе позволяете давать оценку всем плакатам в стране, вы что, их все видели, изучали или проверяли? Если у вас в Белгороде что-то и висит на одно лицо, так вы уберете и замените олимпийской символикой, – неожиданно подтвердил он мое предложение, правда, без ссылки на выступившего.

К слову сказать, свой участок трассы мы оформили достойно и даже с точки зрения градостроительного дизайнера к установкам, сделанным с душой и уважением, предъявить претензии было трудно. Они достойно заменили партийные стелы, которые художники делали без особого творчества и даже с неприязнью. Ряд олимпийских символов простояли вплоть до начала XXI века, могли еще десятки лет украшать город как исторические реликвии того яркого и незабываемого спортивного события. Но к тому времени весь металл, включая станки и оборудование заводов и фабрик, животноводческих помещений и машинно-тракторных мастерских был уже сдан дельцами на переплавку, и они стали подчищать от него уже и улицы города. Разумеется, с высокого согласия властей, у которых на вопрос, зачем ломаете или разрушаете, всегда один беспроблемный ответ – устарело, требуется новое. Будто на это новое в казне есть лишние деньги.

Как же была устроена система озадачивания, а коль выше мы подчеркивали ее стройность, то почему же тогда она проиграла историческое противостояние другим формам управления? На первую часть

вопроса обобщающим ответом может служить тезис о том, что так же, как и сам класс номенклатуры, то есть сверху вниз. Это был и основополагающий принцип, и одновременно способ функционирования как самого класса, так и процесса озадачивания.

Зарождалась задача, как правило, в сознании вождя, лидера номенклатуры или отдельного представителя оной, который вкладывал ее в уста своего руководителя. Затем шел процесс ее озвучивания, обсуждения, освещения, пропаганды, разъяснения и организации выполнения. Многогранность и масштабы задействованных средств зависели от конкретных исторических условий. Началом мог послужить целый каскад съездов, конференций, пленумов и собраний с подробным освещением их всеми доступными средствами массовой информации.

Или же сперва появлялись в каком-то официальном издании специальные статьи вождя, которые в очень большом количестве писал, надо отдать должное, лично В.И. Ленин, что после его смерти постепенно ушло из номенклатурной практики. Также исходным материалом для всеохватывающей раскрутки той или иной задачи могло стать выступление руководителя партии и государства, причем по любому поводу.

Все это многие годы выглядело чаще всего следующим образом. Собирается очередной съезд партии. Несколько дней идет обсуждение отчетного доклада ее лидера, затем принимается резолюция, в которой излагаются очередные задачи на следующий период жизни, который определен ее уставом в рамках пяти лет. На такой же срок составлялись и планы развития народного хозяйства, называемые пятилетками с соответствующими порядковыми номерами.

Не требуется глубокого исследования, чтобы понять похожесть содержания задач практически всех съездов партии, особенно послевоенного периода. Они напоминали близнецов-братьев и сестёр по смысловым повторам, которые можно свести в единую таблицу умножения, где таблицей назвать перечень задач, а за умножение принять их последовательно и постоянно повторяющееся перечисление.

Совсем не уверен, возможно в силу своей невежественности в этом вопросе, но вряд ли какому-то конкретно математику удалось бы в то время, что называется, вживую посчитать, сколько раз называлась вслух, печаталась, зачитывалась, переписывалась или перепечатывалась та или иная задача, и тем более весь перечень поставленных партией задач, который представлял собой четкую таблицу озадачивания.

Нет, ее в таком виде никто специально не выводил, не утверждал как закон и не патентовал как научное открытие или изобретение, просто она зримо присутствовала и неотвратимо сопровождала любое официальное мероприятие всех структур партии, советов, профсоюзов, комсомола, многочисленных общественных организаций. Попробуй не вписать в постановление какой-либо конференции, пленума

или собрания ту или иную задачу, не говоря уже пропустить ее сознательно. И все старались не пропускать во избежание больших и малых неприятностей на случай проверок и возможных кадровых выводов.

Казалось бы, уж такая глобальная задача как защита мира мало подходила, скажем, к работе партийной или профсоюзной организации небольшой автобазы или коммунхоза, но к ней приплюсовывали выполнение плана, и она обретала свою силу в этом коллективе. Тем более, что неподалеку ее содержание красовалось на плакате – растяжке через дорогу, а точнее всего, как это чаще всего бывало, через ухабистый путь в никуда, что, впрочем, без всякой застенчивости и сомнений наблюдалось на впереди стоящем стенде.

Конечно, в те времена на такие в буквальном смысле цирковые идеологические изыски мало кто обращал внимание. Юморист Михаил Задорнов только начинал собирать свой кадастр комических лозунгов, объявлений, обращений и реклам. Все делалось по инерции и накатанному формально-бюрократическому кругообороту озадачивания, который нужно было исполнять, поддерживать и не дать ни в коем случае остановиться.

Невольно возникает вопрос, а что случилось бы, если бы вдруг в одночасье застопорил и встал весь конвейер всеобщего озадачивания? Как и во время нахождения внутри номенклатурного класса считал, так и сейчас считаю, что абсолютно ничего бы не случилось, просто остановилась бы по той утвердившейся сути вся организационно-партийная и идеологическая работа, миллионы людей высвободились бы из плена многочасовых поездок и полетов, высиживаний на разного рода бессмысленных с точки зрения здравого подхода собраниях и заседаниях. Возможно бы даже повысилась производительность труда.

И почему до этого не додумался Ю.В. Андропов, который придя к власти сразу же попытался закрутить гайки в сильно разболтавшейся экономике и социальной сфере путем всемерного укрепления дисциплины. Разумеется, начали с административных мер, других в развившемся до абсурдного состояния специализме правящая номенклатура не знала. А.Н. Косыгин к тому времени умер, да и хлопотное это дело – реформы. В ход пошли привычные рейды, проверки, задержания, обсуждения и наказания.

Весь наличный состав правоохранительных органов с утра занимал наступательные позиции у входных дверей кафе, магазинов, кинотеатров и других увеселительных учреждений, куда необремененный напряженным трудом народ устремлялся по негласным внутриколлективным графикам в рабочее время для удовлетворения своих всевозрастающих, как и требовала партия, потребностей. Встретив карающую руку революции и вновь осознав, что она-таки продолжается, работающий люд вновь уселся за свои рабочие места. А ста-

тистические обзоры внезапно запестрели постепенным повышением производительности труда в стране, правда, очень незаметными показателями. Как тут не вспомнить о правоте товарища И.В. Сталина.

Правда, длилось это чуть больше одного квартала, зато имело другие последствия. Где-то в феврале 1983 года мне позвонил председатель горисполкома Е.Н. Советченко, который встревоженно спросил, знаю ли я как председатель депутатской комиссии по образованию, науке и культуре, что бюджет первого квартала перестал наполняться и учителям и врачам скоро нечем будет платить зарплату. Знаю, – ответил я, – но сделать ничего не могу, люди теперь стали бояться ходить в кино даже вечером. То хотя бы деньги в бюджет несли, а теперь и это перестали делать, и кому такое нужно... Не болтай лишнего, лучше думай, что будем делать, – дружески, но жестко сказал мэр. Будучи на много лет старше меня, он на генетическом уровне почувствовал опасность дальнейшего продолжения разговора в таком ключе.

Так отчуждение народа от собственности и культивирование внеэкономических методов принуждения его к труду номенклатурой в очередной раз потребовало перемен, которые в то время, к слову сказать, пусть уже и в виде приглушенных и заторможенных косыгинских реформ, но давали зримые плоды возврата страны в общечеловеческое русло развития. Однако вместо переосмысления основных доктрин, в партии и стране усилился процесс озадачивания. В нем появился привкус сталинских мобилизаций, наведения порядка, борьбы со всем враждебным и мешающим нам нормально жить. Во всем забрезжила вина врагов народа, особенно из числа внешних противников. Это был абсолютно параллельный, отделившийся от жизни процесс, который никак не учитывал варианта развала и неумолимо подталкивал к нему.

Между тем, наши классовые враги, то бишь американские антисоветчики во главе с З. Бжезинским завершили многолетние фундаментальные исследования состояния и перспектив гибели советского коммунизма, разработали и последовательно осуществили всевозможные меры по его ускорению. Они не поленились произвести контент-анализ тысяч районных, городских, областных, краевых, республиканских и центральных газет, партийных резолюций и постановлений, выступлений руководителей разного уровня и т.д., после чего к своему изумлению обнаружили неведомый за всю предшествующую историю язык озадачивания, который весьма самоуверенно и безнадежно самопровозгласил себя наиболее передовым и эффективным в мире делового общения.

Самое же главное, что они увидели, это не только настойчивое, упорное и бесконечное повторение одних и тех же глаголов: улучшить, усилить, мобилизовать, поднять, добиться, довести, обеспечить, вос-

питать, сформировать, убедить, донести, сделать, выполнить, перевыполнить и другие, но и дополнение их одними и теми же существительными и прилагательными. Такая смысловая формализация, помноженная на отсутствие каких-либо критериев оценки динамики выполнения декларируемых задач, превратила руководящую деятельность самой сильной партии в мире в безжизненный набор всегда бодрых заклинаний, уверений и обещаний, полностью поменяла технологию деловых отношений и, в конце концов, привела к историческому фиаско.

Шли годы и десятилетия, во многих странах мира отрабатывались и внедрялись новейшие методы управления всеми социально-экономическими процессами на основе достижений кибернетики, социологии, психологии и других наук. Ничего не менялось только в номенклатурном озадачивании нашей страны, где продолжал действовать его один и тот же словно забетонированный намертво и навсегда алгоритм: сформулировали задачи, провели сверху донизу тысячи совещаний, собраний по их обсуждению, составили планы мероприятий по их реализации и так до следующего цикла или события. Затем вновь построение того же самого шаблона, только под другим названием или посвящением. И так по бесконечному замкнутому кругу.

Возьмём для примера ежегодно проводимые ноябрьские или декабрьские пленумы ЦК КПСС по рассмотрению плана очередного года пятилетки и соответствующих задач партии и всех ее приводных ремней. Более яркого по бессмысленности каскада последующих за ним сотен тысяч, а возможно и миллионов мероприятий трудно себе представить. Уже на следующий день на всю страну транслируется подробная информация о пленуме московского горкома партии, который первым обсуждает задачи по выполнению поставленных исторических задач. Еще и суток не прошло после пленума ЦК, а уже есть и доклад, и выступления, и резолюция.

Все партийные комитеты на местах вскорости получают газету «Московская правда» с материалами пленума и начинают срочно готовить свои форумы. Все идет строго по графику вплоть до собраний первичных организаций. Организационная работа кипит. Целые группы специально натренированных на написании таких бумаг номенклатурных работников днями, а то и ночами создают в масштабах страны горы таких однотипных и одинаковых по содержанию озадачивающих бумаг, что их не будет ошибки сравнить с нескончаемой пулеметной лентой, которая к тому же рокочет из всех репродукторов на весь мир.

Поскольку их руководители ставят перед ними задачу практически невыполнимую: написать так о новых – старых задачах, чтобы не повторять прежних задач, а сроки не дают возможности к этому даже приблизиться, то зачастую в ход идут ножницы и соответствующие действия по их элементарному перепечатыванию с имеющихся источ-

ников. Как и многие коллеги, я лично сам сравнивал доклады этих дежурных пленумов МГК и других комитетов партии и многократно находил в них даже одни и те же повторяющиеся из года в год примеры, не говоря уже о задачах.

В общем, все превращалось в трескотню и тут же забывалось, хотя случались элементы удачно сказанного, и яркие примеры, и интересная аналитика. Но они были скорее исключением в добротном отрежиссированном и четко организованном всесоюзном шаблоне, который чем ниже спускался по вертикали, тем становился все более примитивным и убогим.

Аналогичный конвейер выстраивали советы, профсоюзы, комсомол, ведомства и общественные организации. Так, на сессиях Белгородского городского совета, посвящённых данной повестке, зачитывался практически тот же доклад, что и на последнем пленуме горкома партии, с той лишь разницей, что вместо задач его отдела, которые сами же их и писали, а также райкомам партии и первичным партийным организациям, звучали управления и ведомства горисполкома, райисполкомы, депутатские группы и комиссии.

Выдержать такое было невозможно, поэтому я никогда за десятилетний период своего депутатства на сессиях не присутствовал, за исключением двух раз, когда меня избирали ее председателем. Запомнилось как удовольствие не из легких. Не слабее выглядело участие в пленумах райкомов партии и партийных собраниях, куда нас посылали в качестве ритуальной повинности. Уже тогда я задумывался, сколько полезной работы можно было сделать за это беспроблемно и бездарно потраченное время. Кому-как, а мне даже шестой вопрос в узком кругу начальства не заглушал эту грустную думку.

Недремлющее око классового врага тем временем завершило свое пристальное наблюдение за диковинным и неподдающимся здравому смыслу многолетним действием советских коммунистов, в результате чего издало целый постулат, в котором в деталях, по этапам, срокам и основным сферам жизни была отражена гибель нашего сурдокоммунизма. Там было прописано все конкретно и адресно от возникновения сплошной талонизации населения до межнациональных конфликтов в Фергане, Кишинёве, Нагорном Карабахе и других регионах страны победившего интернационализма.

Фолиант о гибели коммунизма перевели на русский язык и положили на стол каждому члену Политбюро ЦК. Неизвестно, читали кто-то из них вражеские исследования, но отзывы оставили практически все. Это были однотипные резолюции, клеймящие гневом и возмущением злых антисоветчиков и антикоммунистов, очень похожие на те, что писали их коллеги во время сталинских репрессий на расстрельных списках выявленных врагов внутри своего же народа и

даже в узком кругу таких же вождей партии. О других многочисленных антисоветских публикациях они тем более и слышать не хотели. А напрасно.

Не всегда и не всякий противник откровенно предупреждает загодя, практически за двадцать лет вперед, того, кого презирает и желает погубить о том, как он сам себя приведет к распаду и уничтожению. Здесь именно такой случай. И на закономерный вопрос, почему американские исследователи поступили именно так можно ответить, что они были уверены: догматизм, мифологизация, косность и формализм искусственно созданной идеологии под видом коммунизма, пропитанной всепроникающим озадачиванием в практической работе, руководство нашей страны изменить не в состоянии и будет продолжать по инерции свой путь в никуда, без усталости повторяя одни и те же задачи.

И тут мы подходим к ответу на поставленный выше вопрос, почему наша номенклатура, вооружившись таким инструментом управления как озадачивание, проиграла другим его формам. Понятно, что здесь все определяется базисными приоритетами отношений собственности, ценностями свободы и соответствующего права выбора как целым народом, так и отдельным человеком. Но мы усилили данную позицию. Дело в том, что номенклатура как сплоченный и весьма мобильный класс попала в системную историческую ловушку. Она отработала и даже отшлифовала озадачивание как стройную систему по форме организации и исполнению, но не сумела применить системный подход к содержанию жизненных процессов и управлению ими.

Неужели в составе номенклатуры не нашлось толковых людей, способных объяснить своим вождям, что такое системный подход и такую очень банальную научную дилемму как диалектика формы и содержания, которые изучаются на первых курсах любого университета? Разумеется, нашлись. И в числе первых был ее вождь и основатель В.И. Ленин, который был склонен к бессистемному, схоластическому теоретизированию, но начал оперативно менять свои позиции по многим экономическим и социальным проблемам. Однако тяжелая болезнь и преждевременная смерть явно помешали ему, а заодно и всему правящему классу скорректировать свою политику.

Все пошло по трагическому пути. Проблема системного подхода оказалась в центре ожесточенной борьбы, борьбы на истребление не только враждебных классов и сословий, но и немалой части самой управляющей номенклатуры. И победителями в ней вышли как раз те силы, которым чужды были законы системы. Их оружием было насилие, принуждение, реквизиции и репрессии. И менять базовые принципы этой управленческой технологии они не собирались. Казалось бы, сколько раз не обсуждай, не оглашай и не продвигай в практику жизни задачу сделать каждого советского человека хозяином всена-

родной социалистической собственности, а ничего из этого не получилось.

Даже если бы каждому приклеили на самом видном месте и на самых активно используемых предметах быта утверждение, что ты хозяин всего, что вокруг, все равно толку бы никакого не было. Люди видели хозяина в секретаре обкома или райкома партии, в председателе колхоза или директоре завода, то есть в тех, кто ею реально распоряжался, но только не в себе. И это было понятно любому здравомыслящему человеку.

Стоило НЭПу ослабить догматические оковы так называемого нового строя, как страна тут же без вмешательства озадачивания покончила с голодом и не только накормила народ, но и двинула свой хлеб на экспорт. Люди и в селе, и в городе почувствовали, что они снова хозяева своей судьбы. Точно так же произошло в Китае после смерти великого кормчего Мао.

Наша номенклатура опомнилась с большим опозданием и серьезными внутриклассовыми издержками традиционной борьбы по вопросу – наделять ли народ собственностью или забрать все себе. Забрали самое мощное, ценное и перспективное, людям оставили самое минимально необходимое – квартиру или дом, приусадебный участок. Словом, то, что не отбирали даже большевики. Уж они-то со времен военного коммунизма и массовых крестьянских восстаний знали, что и у кого отбирать все подчистую можно, а у кого нельзя.

По тексту ощущается какая-то недоговоренность, а по смыслу определённая скрытность: почему все же номенклатура не отбросила этот явно неработающий, изрядно проржавевший и надоевший прежде всего ей самой и всему народу инструмент управления, ставший обрыдлым для всех. Ведь не каждому приятно долдонить одни и те же штампы изо дня в день, годами и десятилетиями.

Объяснение здесь можно выразить двумя крупными обобщениями значимости озадачивания для правящего класса. Во-первых, это важнейший стимул внутренней консолидации и деловой мобилизации номенклатуры, привыкшей действовать только по команде сверху вниз, к тому же в условиях permanently допускаемых отложенных обязательств перед народом. Ну не построили коммунизм к 1980 году, построим позднее, не дали каждой семье квартиру в этой пятилетке, добьемся в следующей. Главное ставить задачу и нажимать на все рычаги принуждения, запугивания и наказаний по ее выполнению, что создает видимость реального процесса.

И действительно систематическое озадачивание, особенно в ходе контроля за выполнением конкретных задач, было фактором поддержания постоянного организационного напряжения всех руководящих кадров. Словно мощный электрический ток оно наполняло

все управленческие структуры действием в том или ином направлении. Помноженная на высокий градус эмоционального накала, о чем мы более детально поговорим впереди, во время бесчисленных заседаний бюро и пленумов, любая задача заставляла, пусть и на время, подтягиваться даже самых ленивых и нерадивых. Немудрено, что всякий управляющий трестом, нарушающий план по строительству жилья, под воздействием высоконапряженного нажима партийного руководителя вначале действительно согласится с тем, что он не понимает важности политики партии в этом вопросе, и тут же приступит после своей встряски к убеждению и запугиванию своих подчиненных в том же духе.

Сколько раз мне приходилось воочию убеждаться в том, что такие ситуации становились не только обязательным ритуалом номенклатурной жизни, но и небезуспешно формировали у рекрутируемых молодых руководящих кадров определенную субкультуру управления со своим, присущим только ей языком, манерами поведения, навыками общения в различных ситуациях, компетенциями и другой спецификой. И далеко не все это и не всегда направлялось на дело, в запасе многие использовали озадачивание как способ ухода от ответственности за их выполнение или невыполнение.

В Белгородском обкоме партии долго ходила байка, как один из секретарей обкома любил повторять: вот провели одно совещание, поставили задачи, пусть люди работают, а мы на обед уже заработали. После обеда проведем другое и вскоре ужин не за горами. Разумеется, работали не все так и не везде, но абсолютно повсеместно проводился нескончаемый конвейер совещаний, которые как неотторгаемый магнит перешли на всю управленческую вертикаль новой России. Сменились, правда, риторика, манеры и название мероприятий, но их суть во многом оказалась прежней.

Ну а при чем здесь озадачивание, – недовольно напоминает оппонент, намекая на то, что автор дрейфует в сторону от логического завершения параграфа. Мы это непременно сделаем, а вот с его темой заканчивать явно преждевременно. Несмотря на глобальный проигрыш, этот тип управления не почувствовал себя инопланетянином на карте мирового менеджмента и тем более изгоем на российском пространстве. Курилка не просто жив, а продолжает здравствовать в новых условиях.

О чем идет речь, – удивится читатель, но мы приглашаем его к телеэкрану или к прочтению различных официальных документов. Справедливости ради отметим, что номенклатурно-партийное озадачивание в его всеохватывающих масштабах советского периода исчезло вместе с общественным строем – неудачником, претендовавшим на желаемое звание социализм. Но его носитель, господствующий класс,

остался-то прежним и свои привычки, при всем желании, выбросить на свалку истории торопиться не стал. Тем более, он не признал себя в качестве провалившего задуманное, проигравшего всё до нитки тому, кого считал загнивающимся и обречённым на гибель. И никто пока не знает такого метода, даже силового, чтобы можно было заставить конкретного человека отказаться использовать в работе накопленный годами жизненный опыт. За иллюстрациями далеко ходить не надо.

В дело вступает социология моментального действия. Слышали о такой? Нет? Я тоже не слышал, но вот пришло в голову, что это случайное совмещение происходящего социологического анализа с событиями, освещаемыми телеэфиром в прямой их трансляции. Прямо передо мной в минуты написания данных строк идет заседание Правительства РФ. Ведущий Д.А. Медведев открывает его тревожной информацией на злобу дня – о лесных пожарах в Сибири, которые никак не удается потушить. Все это напрямую связано с плановой повесткой заседания о мерах по совершенствованию этой работы, о чем с докладом должен выступить руководитель Министерства по чрезвычайным ситуациям В.В. Пучков. Председатель сразу же его предупредил, что сосредоточиться он должен именно на этой конкретной проблеме и путях ее разрешения.

Однако министр за трибуной открыл бумагу и начал зачитывать примерно так, как зачитывают все и всегда: в целях осуществления комплексных мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций... далее по тексту должно было идти перечисление действий Министерства и вытекающие задачи, но его прервали повторением требования начать с конкретной ситуации в Сибири. Он опять начал с зачитывания тех же слов. Его опять прервали. Ситуация стала напоминать известную юмореску о заведующем транспортным цехом ликеро-водочного завода. После еще более резкого требования министр все же в общих чертах доложил обстановку, из чего не было понятно – потушат пожар или нет.

Затем министр все же зачитал, с трудом найдя по ходу текста предстоящие меры для правительственного решения. Точно так же, как в советское время, звучали правильные чеканные задачи – усилить, организовать, скоординировать, добиться и в завершение – совершенствовать законодательство. Мне, да и другим телезрителям, было не до смеха и юмора. В тот день горело около 100 тысяч гектаров национального богатства. Через несколько дней, после того как там побывал министр и лично поруководил наращиванием сил противопожарной группировки, объем пылающих под воздействием сильного ветра и сухих молний лесов удвоился.

Тем не менее по телевидению шли ежедневные наступательные информации министра и бодрые сводки: пожары тушили 9, потом 12,

теперь 19 самолетов, которые вылили 200, 300 и в конце концов 400 тонн воды. Но что это означает никому не было ясно. Может надо не 19, а 119 самолетов, есть ли они в наличии и, если нет, то когда будут, какую сумму на это надо потратить и сколько стоит сам выгоревший лес. Горел он, горит и будет гореть каждый год. И тут постановлениями и совершенствованиями законов, усилением координации местных и федеральных властей ничего не сделаешь. Здесь надо, возможно, создавать мобильный авиационный корпус или даже армию, специально предназначенную для ликвидации таких аварийных ситуаций. Или другие радикальные меры.

Собственно, министрам есть с кого брать пример. Председатель Правительства тоже нередко перед ними зачитывает по бумаге бесспорно важные и ответственные задачи все теми же привычным словами. Драматическую ситуацию с лесами завершим попавшими в мой контент-анализ периодическими зачитываниями Президентом страны на совещаниях по лесной проблеме тоже правильных и выверенных жизнью задач. Мне показалось, что это проходит по плану его администрации, примерно так, как раньше проходили заседания Политбюро ЦК по обеспечению населения продовольствием и товарами народного потребления, повышению надоев молока или бесперебойной поставке мяса, других проблем.

Но тогда не было рынка и все зависело от номенклатуры – снабдят или не снабдят, надеяться можно было только на нее. Теперь есть рынок, пусть и далекий от совершенства, но есть. А невыполнимые задачи продолжают ставить и ставить. В эти же дни секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев провел во Владивостоке совещание по данной же проблеме. По его словам, более 70 процентов всех доходов леспрома Дальневосточного федерального округа, где сосредоточено свыше 40 процентов лесных массивов страны, проходят через теневые схемы.

Видно, до черных лесорубов не доходит столь высокое озадачивание. Тут на память приходит, что еще 100 лет назад наш государь-император Николай II ставил задачу наладить экспорт переработанной лесной продукции, а чистый лес как шел тогда, так и теперь уходит за кордон в круглом виде, только в значительно возросших объемах благодаря новейшим технологиям и высокому техническому оснащению. Это уже похоже на судьбу и самой отрасли, и всей страны,двигающейся по инерционному ходу озадачивания. Читатель, особенно номенклатурный, может обрушить на автора свой гнев по поводу негативного оттенка исследования. Но мы немного опередим его приглашением прочитать следующий параграф, где успехи номенклатуры вынесены непосредственно в заголовок.

4. Успехи и неудачи, герои и антигерои номенклатуры

У всякого господствующего класса любой исторической эпохи есть свои плюсы и минусы. Их соотношение зависело всегда от того, как возникал тот или иной компонент социально-экономической структуры общества, как определялось его место, роль и влияние на различные сферы жизни. Вытекало ли это из объективно складывающихся предпосылок и условий его развития или же являлось плодом субъективных, искусственно насажденных действий определенной группы лиц, преследующих свои особые цели.

Понятно, что номенклатура относится к последнему типу классов, о чем шла речь в предыдущих параграфах. Отсюда и соответствующие результаты ее руководящей деятельности и оценки, вынесенные самой историей, в которой по логике развития такой структуры быть не должно. Это чисто эксклюзивный, экспериментальный проект, свершившийся в одной, причем самой богатой природными и социальными ресурсами стране по имени Россия. В любом другом месте появление аналогичного образования возможно, но совсем на непродолжительное время. Значительный перевес минусов быстро превратит его в выкидыш истории.

Советскую номенклатуру упрощенным набором критериев оценить нельзя. Это многофакторное и комбинационно-сложное образование проявило невероятные чудеса своего самовывживания еще в детородный период, очень динамично превратилось в высококомобильный, активно и целеустремленно действующий класс, способный длительное время осуществлять управление конструированием и развитием нового общества, обеспечивая условия своего непререкаемого господства.

В науке так случается, что решая в ней одну задачу, мы находим ответ на другую. Вот и социологическое рассмотрение успехов номенклатуры тут же высвечивает ее неудачи и провалы. Собственно, что для самого класса выглядит триумфом, то для других – трагедией. Какие же из них следует выделить на такой парной основе с одной стороны изнутри номенклатурных позиций, а с другой – извне? Попытаюсь предложить читателю прежде всего поиск ряда обобщений, характеризующих самодостоинство (класс в себе и для себя) и положительные стороны деятельности номенклатуры (класс для других).

Во-первых, главным ее успехом следует признать победу в октябрьском вооруженном перевороте. Название великая октябрьская социалистическая революция, придуманное позднее в качестве самовозвеличивания большевиками, во внимание брать не будем, что и сделали уже давно все авторитетные историки. А вот саму техноло-

гию захвата власти, которая буквально валялась у ног слабого, нерешительного Временного правительства, отметим особо.

Опираясь на финансовую поддержку внешних сил Германии (Ленин), США (Троцкий) и на награбленное внутри страны (Сталин, Шаумян и другие), явно уступая в перевесе сил влияния на основные классы общества другим политическим партиям, большевики проявили такую рискованную ловкость, смелость и решительность, что им удалось небольшими отрядами своих сторонников и малой кровью стремительно низложить и арестовать всю центральную власть России.

Пример оказался заразительным, а опыт весьма полезным для самых разнообразных политических сил авантюристической направленности в других странах, вплоть до наших дней. Тот же майданный вооруженный переворот в Киеве, произошедший на глазах всего мира, и по форме, и во многом по содержанию напоминает большевистский в Петрограде.

Во-вторых, захватившие власть сумели ее не просто отстоять, но и распространить на всю огромную страну и другие части земного шара, упрочить и удерживать 74 года. За ценой не постояли и превзошли по жестокости и безжалостности самые кровавые революции и режимы за всю предшествующую историю человечества. Для начала покончили полностью с первыми ростками демократии в России, разогнали всенародно избранное Учредительное собрание, в котором оказались в меньшинстве, и установили свою диктатуру.

Самое важное: вскорости большевикам удалось сдержать свое слово народу и превратить империалистическую войну в гражданскую. С обескровленной и терпящей поражение Германией был заключен кабальный, сепаратный мир на ее условиях, армия деморализована и распущена, а Россия вместо того, чтобы через несколько месяцев вместе с союзниками разделить радость победы над тевтонскими агрессорами, сама погрузилась в невиданный для всего мира по масштабам и последствиям кошмар всеобщего саморазрушения и братоубийства. И это был наихудший из исторических уроков существования человеческой цивилизации, который драматически повторился в XX веке у ряда народов.

В-третьих, безжалостно и, самое главное, безнаказанно уничтожив многие классы и социальные слои общества, объявленные враждебными новому строю, быстро набирающая силу номенклатура сумела сделать то, чего не довелось достигнуть никому, нигде и никогда. Была разрушена основа отношений собственности, тысячелетия служившая фундаментом развития человечества, – ликвидирован институт частной собственности, перешедшей в безраздельное подчинение и управление новому господствующему классу.

В-четвертых, разрушая старый, веками сложившийся уклад жизни, номенклатуре удалось создать благодаря несметным при-

родным ресурсам новую, мобилизационную экономику с командно-административным управлением и вступить в противостояние практически со всем миром, выйдя даже на передовые рубежи по ряду позиций, обеспечивая десятки лет неприкасаемость завоеванного господства. Для этих целей было выбрано исключительно правильное и исторически точное направление своих главных усилий.

Ранжировку в-пятых, кстати, здесь можно заменить на самую первую, ошибки не будет. Речь идет о развитии образования и науки, которые были поставлены на самое приоритетное место в политике и практике жизни. Многие вожди номенклатуры понимали их решающую роль в научно-техническом прогрессе, вторгшемся в пространство еще уходящего XIX века. Сам В.И. Ленин воочию убедился, к каким результатам привело всеобщее начальное образование, введенное бесплатно еще 50 лет назад Бисмарком, что позволило Германии войти в число самых развитых стран и даже заявить претензии на мировое господство, и безотлагательно сделал то, что не дали осуществить П.А. Столыпину, который подготовил и уже внес проект о всеобщем начальном образовании в России как неотъемлемом и важнейшем компоненте системных реформ. И это было попадание в точку удачи.

Если и применимо к тем роковым событиям слово революция, то как раз-таки вполне уместно оно к данной сфере. Ее так и назвали – культурная революция. Ничего не жалело и делало все возможное и даже невозможное молодое советское государство для вывода страны из полуграмотного, а по большей части просто безграмотного состояния. Слова вождя о том, что учитель должен быть поднят на такую высоту, на какой он не стоял никогда, стали былью. Несмотря на массовые репрессии, высылки из страны специалистов, практически все учителя царской школы остались нетронутыми, многие профессора остались на своих кафедрах.

В стране развернулось массовое педагогическое образование, повсюду, буквально в каждом селе, ауле и хуторе открывались школы. В городах создавались новые училища, техникумы и вузы. И это во многом сгладило в сознании людей трагические последствия резкого ухудшения их жизни в первые революционные годы. По призыву партии буквально все сели за парты. Учились и рабочие, и крестьяне, и сама номенклатура. Страна поднимала школу, а та в свою очередь вытягивала из отсталости страну.

Отсюда и неоспоримые достижения в развитии науки, культуры, авиации, космоса, оборонных и многих других отраслей. В школьных стенах ковалась и Великая Победа в страшной войне против фашизма. Сергей Королев и Юрий Гагарин не спустились на парашютах с неба, хотя это и была их стихия. Они вышли из простой советской школы, которая, как и ее учителя, заняла одну из высших ступеней мирового

рейтинга. Жаль только – до определённого времени, пока ее не переставили на более низкий ранг. От такой перестановки до сих пор школа, а вместе с ней и вся система образования и науки катятся по наклонному уровню вниз, а все та же номенклатура ведет затяжные дискуссии об их модернизации, используя весь привычный набор правильных задач и обновленных словосочетаний. Но об этом еще будет продолжение.

В-шестых, большевистская номенклатура, находясь в угаре сокрушения всего и вся, не побоялась поднять руку даже на Бога. Расстреляв православного царя и его семью, проведя реквизиции и разрушения большинства церковных храмов, террор против священнослужителей, они вовлекли в процесс богоборчества народ и не ошиблись в расчетах. Хоть и не полностью, но им удалось заменить одну религию на другую – коммунизм и добиться, чтобы народ повсеместно вместо икон вывесил портреты революционных демонов и вождей. Глубоко символично и несоизмеримо трагично, но события почти тысячелетней давности, связанные с крещением Руси большевистскими методами, повторились в ней со знаком наоборот.

Неслучайно православная мораль уступила место агрессивному-насаждаемому принципу: морально все то, что служит делу революции. Убил или ограбил того, кого сам же посчитал классовым врагом, и это вполне морально с точки зрения коммунистической нравственности. Главное, обеспечить непрерываемую веру в то, что это служит делу построения самого светлого, справедливого и правильного общества, которое все равно когда-то наступит.

И все же, несмотря на вполне успешное вовлечение народных масс во все эти процессы через насилие и активно действующую фарисейскую пропаганду, манипулирование общественным сознанием, когда простые люди послушно голосовали, рушили и убивали своих же соотечественников, все искусственные построения, исторические подмены и подтасовки в одночасье рухнули, а подкрававшаяся незаметно мамонофилия постепенно разложила номенклатурный класс, и он не смог сдержать натиск другой религии – религии денег. Она и поставила точку на остатках коммунистического мифа.

В-седьмых, новому господствующему классу и заменившим царя его вождям-диктаторам удалось не только разрушить российскую империю, но и воссоздать ее на новой основе в лице Советского Союза, что внесло существенные изменения в геополитическую обстановку на всем земном шаре, где просто не было такого государства, в котором бы с тревогой не думали о мировой революции и коммунистической угрозе. Как раз в этом и заключалось всемирно-историческое значение революционных событий в России.

Но рано или поздно всем становилось все яснее, что в самом названии СССР два ключевых значения по сути носили псевдосоветский

и околосоциалистический надуманный характер. Здесь все вопреки общемировой практике подчинялось не законам и Конституции, а воле и силе класса, как писал поэт. Добавим, господствующего класса. Как только эти две скрепы оголились и ослабли, зашатался и весь её искусственно собранный каркас, могучая страна исчезла с политической карты мира, о чем мы еще детальнее пососоциологируем в следующих параграфах. А пока проанализируем очередной, заключительный блок, являющийся наиболее крупным по содержанию.

В-восьмых, напомним о том, что номенклатура – это учет кадров, сразу же выразим следующую оценку: если вышедший на историческую арену новый господствующий класс и сумел сделать самое ценное и неповторимое, так это отшлифовать стройную систему подбора, воспитания, подготовки и переподготовки руководящих кадров. Ни одному дворянскому и буржуазному классу, ни одной их партии такой эффективной и глубокопродуманной технологии осуществить до сих пор не удалось.

Кадры решают все. Для номенклатуры это положение всегда было специфической библией, оно определяло жизнь и судьбу целого класса и народа, которым он управлял. Данное выражение не повторялось попусту, как многие расхожие догмы того времени, оно претворялось в жизнь вдумчивой и кропотливой работой. Выше мы особо отмечали исключительную важность, которую придавал В.И. Ленин организации профессиональных революционеров, что стало первородной основой класса. Но этого для победы мало.

И большевики отступили от своего главного принципа классового подхода и подошли к уничтожению враждебных социальных слоев выборочно, проявляя не только разборчивость, но и в отдельных случаях бережное отношение к высококвалифицированным специалистам. Яркий тому пример – военные. Генералы и офицеры царской армии, верные присяге, в большинстве своем составили основные силы контрреволюции. Однако это не смутило Ленина и Троцкого. Они, преодолевая сопротивление однопартийцев, сумели пригласить на службу более 60 тысяч военспецов. Кого банальным пайком и спасением семьи от голодной смерти, кого-то карьерным ростом, отдельных даже убеждением в своей правоте по спасению России. И они отточили клинки рабоче-крестьянской Красной армии так, что собранные из полупартизанских отрядов ее боеспособные соединения одержали победу над белой гвардией, по уровню соответствовавшей профессиональной армии.

И так происходило практически во многих отраслях и сферах жизни. Традиции обучения и передачи опыта, хоть во многом и пошатнулись и даже прервались, но продолжали жить. Одновременно обрабатывалась селективная технология выявления и воспитания с

детского возраста активистов и лидеров, которые в будущем должны были составлять костяк руководящей номенклатуры, способной двигать вперед казалось бы безнадежную, противоестественную систему жизнеустройства.

Убедительнее всего можно проиллюстрировать данный процесс на собственном примере. По генетическим задаткам, причем сразу по обоим родовым линиям – отцовской и материнской, рос я с ярко выраженными лидерскими наклонностями. Это заметили в школе. И вот меня выбирают командиром октябрятской звездочки, затем звеньевым пионерского отряда. Далее – комсорг и пионервожатый.

Когда я стал работать учителем в одной из целинных школ северного Казахстана, куда был направлен по комсомольской путевке, меня секретарь комитета комсомола совхоза «Западный» Виктор Борисенко, замечательный специалист и товарищ, сразу же пригласил на пропагандистскую работу. Занятия я вел в политкружке неформально, а, как оказалось, вполне интересно, о чем и было написано в районной газете. Вскорости ко мне подъехали первый секретарь Рузаевского райкома комсомола Виталий Котков и заведующий отделом спортивной и оборонно-массовой работы Кокчетавского обкома комсомола Александр Татарский.

Они неторопливо со мной побеседовали, никаких предложений не высказали, а лишь сообщили о намерении продолжить знакомство со мной в райкоме, если, конечно, я на это согласен. Мне вскорости предложили должность заведующего школьным отделом, предварительно согласовав с вышестоящими инстанциями. Одной из них, самой главной, был райком партии, куда меня вызвали на собеседование, что было следующей фазой после согласования.

Запомнилась беседа с первым секретарём Алексеем Даниловичем Новиковым. Несмотря на общую приветливость, началась она для меня с обескураживающего вопроса В. Коткову: а почему не решили по Женису? У него высшее образование, комсорг нового совхоза «Шукуркульский», член партии, состоит в резерве. Виталий тут же добавил и как бы ответил одновременно: плюс у него трое детей, а квартир у нас нет, а там он только что обжился в новом доме. Так я узнал, что отбирали на работу из нескольких кандидатур, не понял только про резерв.

Да, – протянул, задумчиво глядя на меня А.Д. Новиков, – ты хоть и мой белгородский земляк, а я против того, чтобы работать здесь без высшего образования. Тут за меня вступился участвующий в беседе секретарь райкома по идеологии Рыскул Ахметович Ахметов, недавний директор школы и заведующий районо, который вполне профессионально пояснил, что выпускники педучилищ, как показала практика, лучше подготовлены для работы в школе, чем из пединститутов. К тому же он уже в нем заочно учится.

Это для меня новость. Я вот решил глубже вникнуть в работу школ, начал кое-что читать, – продолжил первый секретарь, – взяв в руки стопку книг. Далее последовал диалог со мной. Макаренко знаешь? Знаю. А Ленина о задачах союзов молодёжи читал? Да. От души или по какому-то поводу? По поводу проведения политзанятий с комсомольцами совхоза. Это хорошо, но будет лучше, если станешь читать от души. Далее последовало поручение – вносите после беседы в обкоме комсомола на утверждение бюро райкома партии.

Так я познал все стадии партийного подбора и расстановки кадров и попал в номенклатуру. К слову, Рузаевский район до своего разделения тогда был одним из крупнейших в области с целинным полем размером более двухсот тысяч гектаров земли. Весьма развитой была инфраструктура. К каждому населенному пункту пролегали асфальтовые дороги, твёрдое покрытие было и по их улицам. Меня это поразило больше всего, ведь в моей родной Волоконовке не было асфальта даже возле зданий райкома и райисполкома, до Белгорода можно было добраться только по грунтовке, села в непогоду утопали в черноземной непролазной грязи.

Сам первоцелинник первого комсомольского призыва А.Д. Новиков из рядовых механизаторов, окончив сельхозинститут, стал специалистом, главным специалистом, директором совхоза, начальником райсельхозуправления и руководителем крупного района. Таким был путь в номенклатуру, которая выбрала его из числа самых способных, чистых и порядочных молодых кадров и на мощном социальном лифте подняла на данный уровень. Это было несомненное достоинство руководящего класса и его ядра – компартии, которая скрупулезно и настойчиво отбирала самых достойных и двигала их на любые высокие посты.

Жаль, что мало довелось поработать под его руководством. Както в первые дни после назначения В. Котков вдруг с тревогой сообщил мне: нас вызывает первый, какое-то письмо на тебя пришло или жалоба. Приходим. После неожиданно теплого дружеского приветствия А.Д. Новиков говорит: а мы, выходит, не ошиблись с выбором, почитай, что пишут ученики про своего учителя, и протянул письмо моему шефу. В нем мой шестой класс, где я был руководителем, просил вернуть меня в школу. Это дороже стоит наших характеристик, которые мы подписываем пачками, – продолжал назидать партийный руководитель. Ты, Виталий, позвони директору, поблагодари ее. Но возвращать учителя мы не будем, пусть правильно объяснит все детям и вместе с РОНО подберет достойную замену.

После ряда вопросов по устройству и вхождению в должность Алексей Данилович сделал мне следующее напутствие. Теперь ты будешь руководить людьми. Никогда не торопись делать о них выводы и принимать решения. Всегда говори себе: сначала подумаем, посовету-

емся, взвесим и потом только решим. Учись держать паузу. Пауза – это великое дело и великое искусство. На всю жизнь запомнились мне эти слова, жаль что иной раз не хватало внутренней саморегуляции их придерживаться, отсюда – ошибки, просчеты. А что касается паузы, так с ней у меня были проблемы и в конце трудовой биографии. Темперамент есть темперамент, с ним бороться практически невозможно.

Через три месяца Алексей Данилович внезапно, на 41 году жизни умер буквально на моих глазах. Мы выходили из райкома на обеденный перерыв. Метрах в пятидесяти впереди шел он. Поравнявшись с памятником Ленину, повернулся к нему и присел. Кто-то из наших тут же добродушно пошутил, что он и в обед не хочет расставаться с вождем. Когда он упал навзничь, тут уже было не до шуток. Оказалось, у него разорвалось сердце. Оно не выдержало военных лишений на Белгородчине и тяжести напряженного труда на Казахстанской целине. Про таких говорят – сгорел на работе.

И это было распространенным явлением среди части номенклатурного класса, готовой на самопожертвование ради своей миссии. Всякая невосполнимая потеря такого рода работала на его авторитет и притягательность. Ведь не каждому молодому специалисту было легко и просто согласиться идти в номенклатуру. Когда любой человек выбирал профессию, то про такую перспективу вряд ли думал, а вот образ своей будущей работы по специальности был у него решающим мотивационным фактором выбора жизненного пути. И далеко не всегда и не всякому хотелось с него сворачивать.

Однако нельзя забывать про такое социальное проявление, как романтика новых задач. Тысячи лет на протяжении всего человеческого пути она была, есть и будет мощнейшим мотором, который порой необъяснимым, неведомым способом запускает мотивацию и двигает вперед каждого человека и все общество. Причем, независимо от его устройства и структуры функционирования.

Не знаю, как это оценит оппонент, но хочу высказать следующую гипотезу. Именно стремление к новому и в гносеологическом, и в праксеологическом планах характерно не только для человека, в какой бы эпохе он не жил, но и для любого живого существа. Мне приходилось про это читать у биологов, но больше пришлось наблюдать за живой природой лично, наяву. Любой червячок, всякая букашечка непременно тянется к новому – к неиспытанному ранее запаху, цвету, всяким другим ощущениям, которые познаются на рефлексивном, генетически заданном уровне. Она же вызывает жажду освоения новых пространств.

У более развитых биоособей в действие вступает мышление и сознание, которые только усиливают интерес к познанию нового. Происходящий процесс осмысления полученной информации закручивает следующий виток безостановочной любознательности. И так,

кажется, до бесконечности. Но беда вся в том, что всякое живое существо, особенно человек, стремится тут же подчинить это новое себе, установить над ним свое господство.

Таким образом, явно прослеживается действие закона всемирного инновационного тяготения, который распространяется на все живое на земле и под землей, в воздухе и в воде. Из него вытекает и в связке с ним проявляется закон всеобщего стремления к господству более сильных и развитых существ над менее развитыми и слабыми, который является самой эффективной возможностью использования в жизни всего познанного, освоенного и захваченного в свое пользование.

Причем, схожесть рефлексивно-сознательного применения этих законов у человека и высокоразвитых животных проявляется только до определенной черты. Как отмечалось в первом параграфе, животные по всевышнему разумению оказались в отличие от человека необременёнными тягой к обогащению, свободными и надежно защищенными от заражения мамонофилией. Люди же, наоборот, утоляя жажду познания нового, начиная от бытовых мелочей и завершая вершинами науки, устремились к накоплению всевозможных богатств и установлению господства над себе подобными и всей живой природой.

В этих целях изобретаются все новые машины и технологии, ускоряется научно-технический и информационный обмен. И тут нам надо остановиться перед памятью гения земли русской, великого американского ученого Норберта Винера. Приведенное словосочетание разъясим напомианием, что его в малолетнем возрасте в конце XIX века из России вывез вместе с семьей, спасаясь от еврейских погромов, отец Лео Винер, к слову, в совершенстве владевший сорока языками мира.

Приглашаю читателей вместе с оппонентом поставить на чашу весов цену и значимость для нашей страны тех черносотенных ублюдков, которые нередко при попустительстве властей выдавливали из страны не самый хилый и малопродуктивный народ и, скажем, не одного Норберта Винера. Погромщики вскорости под революционным воздействием превратились в профессиональных карателей и преследователей всей элиты России, представляющей разные нации, в том числе и коренную русскую, уничтожив или вытеснив значительную ее часть за границу. Борясь, разумеется, за светлое будущее нашей Родины, они тем самым еще сильнее усугубили ее и без того сложное настоящее. Теперь, насильно перевёрнутая, с огромным трудом она должна была в одиночку подняться и только войти в технологию догоняющих реформаций.

Семилетний же мальчик Норберт Винер, чудесно мыслящий одновременно на нескольких языках, уже на чужбине, прославляя другую страну, написал свою первую научную работу и в 18 лет стал доктором

математических наук. Чудаковатый и странноватый молодой человек мог идти один против всех. Его поиски способов повернуть время вспять, другие научные изыскания длительные годы не признавались и даже высмеивались. И вот он автор кибернетики,³⁷ основоположник новейшей фундаментальной науки не только XX, но и последующих веков.

Данная монография пронизана социологией управления, и мы отдадим должное в ее становлении великому математику. Будучи наблюдательным и сравнивая себя с мышью в лабиринте, которая по ходу движения запоминала свои ошибки и старалась их больше не повторять, Норберт Винер постепенно вышел на фундаментальное понимание, что в человеке, в природе и в технике работают одни законы. И он соединил это все в целостную кибернетическую систему, где все три основных компонента взаимодействуют, взаимодополняют и взаиморазвивают друг друга, образуя пространство всеобщего прогресса.

Но, думая на столетие вперед, ученый все глубже и яснее чувствовал беду – разрушение этой, казалось бы, устойчивой системной конструкции. И виной всему здесь все больше выступает человек, который всегда необоримо стремится властвовать и над природой, и над машинами, являющимися главными орудиями данного господства. Но ведь машины-то он создает по своему подобию. Возьмем одну из самых современных и широко распространенных – компьютер. Это же теснейшая схожесть с человеческим мозгом, его воплощение в металле и других композитах.

Совершенствуя компьютер, человек банально старается больше переложить на него своих функций и компетенций, он по сути создает себе дублера с таким искусственным интеллектом, который позволяет уже обыграть его самого в шахматы, опередить в других манипуляциях, особенно в управлении. Но человеческое мышление, сознание и поведение всегда и во всем отличалось непредсказуемостью проявлений на индивидуальном уровне. А вдруг по такому же подобию свою непредсказуемость проявят машины, выполняющие волеизъявления и поручения человека?

Уже на закате своей жизни великий ученый успел дать всему человечеству грозное предостережение такой перспективе его развития. Он отмечает, что мы в самом деле уже чувствуем себя терпящими крушение на корабле по имени планета Земля, и необходимо выйти из кибернетического лабиринта с учетом всех имеющихся и возникающих непредвиденных моментов складывающегося сложнейшего положения.

Прочитав, как нам хочется считать не без интереса эти строки, оппонент тем не менее уже напоминает о содержании данного параграфа. И мы охотно увязываем его в один лабиринтный узел Норберта Винера

ра. Ведь, взявшись в силу объективного действия законов всемирного инновационного тяготения и всеобщего стремления к господству за создание нового общества, номенклатура сознательно поставила себя в положение движущейся по лабиринту. Только с одним отличием от описанного выше – она повела по нему целый народ, а затем и немалую часть всего человечества. Интересно, вызовет ли желание развить теоретически схематично обозначенный мною вышеуказанный закон инновационного тяготения у молодых исследователей?

Чувствовали ли тогда всё это люди, работавшие в ней, или нет? Скорее всего – нет. Не понимал, разумеется, такой тонкости и я, двадцатилетний учитель. Вера моя в идеалы социализма была непоколебимой и твердой, хотя некоторые издержки и сомнения в образах партии и комсомола проявлялись через конкретные персонажи, коих я лично наблюдал в своем родном селе.

Не забывался и ответ отца на мой детский вопрос, а чем отличаются коммунисты от беспартийных? Он меня поразил своей резкостью: тем, что они работать не умеют, а только руководят и то зачастую плохо. Далее он дал пояснение на конкретных примерах. Этот одну ферму до ручки довел, поставили на вторую, а теперь его поставили помощником бригадира, а меня, беспартийного, назначили восстанавливать запущенное им хозяйство. Другой, такой-то коммунист, где только ни руководил – везде пьянствовал и проваливал дело, так его засунули в ревизионную комиссию, где он тоже не просыхает. Третий работал в конторе, был даже парторгом, проворовался, сейчас заведует складом.

И так почти вся партия села, насчитывающая примерно человек 10, из которых большинство были задействованы в низовом номенклатурном звене руководящих кадров. Безусловно, в моем селе такое отрицательное доминирование не могло характеризовать аналогичным образом всю партию, но факт остаётся фактом того, что в ней уживалось всякое. Что такое номенклатура я тогда нигде не читал и не слышал. Да и не понимал смысла руководящей роли партии, который заключался прежде всего в том, чтобы все управленческие посты или почти все занимали коммунисты. О комсомольской организации я знал все и без отца. Она просто числилась на бумаге и никаких признаков организационной активности на протяжении многих лет в моем селе не подавала.

В то же время райком для меня означал очень важный и авторитетный орган, что почувствовалось при вступлении еще в комсомол. Члены бюро Волоконовского райкома комсомола, его первый секретарь Виктор Томилка мне показались людьми очень серьезными и одновременно доброжелательными. Теперь же мне предложено стать в один ряд с ними.

Всколыхнули мою душу, конечно же, новизна, непривычность и перспектива предстоящей работы. В моем сознании слова руководящая роль, авангард, впереди всех из незамечаемых и привычных обрели какое-то особое звучание. Наполняли мои размышления неведомыми мне ранее смыслами. Пользуясь тем, что мой перевод в райком осуществлялся на зимних каникулах, я помчался из далекого Казахстана домой, к родителям за советом.

Выслушав мою новость, отец задумчиво сказал: вопрос жизненный. Раз так быстро тебя заметили и берут в начальство, то дальше потянут еще выше. А ты у нас хоть и смысленным и трудолюбивым вырос, но слишком самостоятельным и норовистым, а таких там не любят, так что думай сам. Правда, в случае чего в лоб же не дадут, вернешься в школу. На том и порешили.

Удивительно, но весьма интересной и полезной школой для меня оказалась сама номенклатура, в которой я прошел три класса комсомольского и партийного аппаратов на уровне сельского райкома, горкома областного центра, обкома и, наконец после двенадцатилетнего перерыва – университета, где на высшей должности ректора моя самодостаточность и самостоятельность из номенклатурной помехи советского периода превратилась в решающий фактор управленческого успеха уже в новом XXI веке.

С благодарностью отметим, что предопределен и стал возможным он во многом благодаря номенклатурной работе. Особенно в аппарате райкома и обкома комсомола, где на каждом шагу приходилось встречаться с новыми людьми, изучать и самому создавать новые документы, участвовать и организовывать интересные молодежные мероприятия. Романтика и энтузиазм новых задач, наставничества старших над молодыми, общение и дружеская обстановка сопровождали меня на каждом шагу, побуждая впитывать самое лучшее и полезное, и одновременно вырабатывать свой творческий и административный почерк.

Конечно, сейчас мне хорошо известно, что в те годы западные социологи разработали и внедрили в кадровую работу инновационные технологии тестирования и обучения персонала. И это было очень важным в ее совершенствовании. Однако здесь проявлялся ряд минусов, которые не преодолены и до сих пор у них там, на цивилизованном Западе. Речь идет прежде всего о локальной специализации управленческого персонала, когда каждый решает узкий набор задач в соответствии с аналогичным набором своих компетенций. При этом взаимозаменяемость, любое переключение на другой участок работы зачастую превращаются там в неразрешимую проблему. Особенно это характерно для небольших управленческих структур.

Совсем по-другому выстраивалась практика номенклатурной работы, где человека так переставляли и двигали по служебной лестнице,

попутно обучая, совершенствуя и обогащая набор его компетенций, что после накопления определенного стажа конкретный руководящий работник был в состоянии решить целый комплекс мер и организовать сам любое мероприятие. Разумеется, с учетом личностных особенностей, деловой хватки и умения работать с людьми.

И пусть этот процесс зачастую выглядел далеким от системности и даже несколько схоластическим, стихийным, но он выполнял роль интегратора общеаппаратных и индивидуальных усилий в условиях возникновения нештатных или нестандартных ситуаций. А жизнь во многом как раз состоит из них. Это побуждало всех работников к овладению навыками оперативного переключения с одного дела на другое, умением делать привычную и совсем непривычную, неожиданную работу. Такие естественные тренинги повышали динамичность и мобильность любой управленческой структуры Советского Союза, что особенно сказалось во время выполнения сложнейших мобилизационных мероприятий в годы войны.

Помню, во время собеседования на должность заведующего идеологическим отделом Белгородского горкома партии, в ведении которого были кроме аналогичных отделов райкомов, все высшие, средние специальные учебные заведения, профтехучилища, школы, детсады, театры и кинотеатры, дворцы культуры и клубы, спортивные комплексы, стадионы и другие социальные учреждения, первый секретарь В.И. Путивцев сразу спросил в упор, – потянешь? Постарайся, – вкрадчиво ответил я.

Нет, – перевёл он диалог в более энергичную плоскость, – вот ты можешь организовать юбилейную тематическую демонстрацию 7 ноября, в которой будут участвовать более 150 тысяч человек? Смогу. А праздничный концерт на центральной площади для 100 тысяч человек с участием более 1000 артистов из нескольких десятков профессиональных и самодеятельных коллективов сможешь? Смогу. Теперь возьмем спортивный кросс тысяч на 50 бегущих по улицам города, – не слабо? Нет. Ладно, а доклад на пленум горкома сумеешь подготовить сам лично? Да. Не слишком ли самоуверенные ответы, кто тебя этому научил? Райком и обком комсомола. Да, там при желании можно научиться многому, – подвел он не без удовлетворения итог нашей беседы.

Уже по прошествии не одного десятка лет в новом компьютерном веке, соприкасаясь со многими высокообразованными специалистами и управленцами, мне с сожалением приходилось убеждаться в том, что они зачастую не умеют делать то, чему пришлось научиться мне в номенклатуре. Прежде всего они не способны к быстрому освоению тактики принятия исчерпывающих мер для достижения результата, не умеют оперативно концентрировать свои личные усилия и подчинен-

ных кадров на главной проблеме, нередко испытывают непреодолимые затруднения при подготовке важных документов и т.д.

Особенно проблемной сегодня выглядит переподготовка управленческих кадров. Она даже в близком приближении не напоминает партийно-советскую систему, когда регулярно специальные курсы и стажировки проходил каждый учитель и врач, инженер и зоотехник, ученый и конструктор. Особо четко она действовала в номенклатуре. Конечно, в сельских районах для низового звена она, к сожалению, носила несколько примитивный и шаблонный характер в силу объективных возможностей, а точнее, отсутствия таковых. В то же время на вышестоящем уровне ее организация и качество было практически безукоризненным.

До сих пор помнятся мне лекции и практические занятия в Целиноградской зональной комсомольской школе, месячные курсы и школа молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, которые оказали на меня не только сильнейшее образовательное воздействие, но и показали примеры высочайшей и четкой организации любого мероприятия, что всегда мне помогало и помогает до сих пор в жизни и в работе.

Безусловно на весьма высоком уровне проходили две моих месячных переподготовки на межреспубликанских курсах при высшей партийной школе, затем годовая докторантура в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где я по своему выбору посещал выступления, встречи и другие интереснейшие мероприятия с участием видных зарубежных и отечественных государственных деятелей, политиков и ученых.

Насквозь пропитавшие весь процесс партийной работы формализм и начетничество здесь почти полностью исключались. Все, что планировалось, исполнялось своевременно и четко. Намечена, например, встреча с нобелевским лауреатом – экономистом из США В.В. Леонтьевым – она проводится в незабываемой атмосфере высокого доверия и интеллекта. Или в конкретный день и час должны выступить Президент Академии наук или министр СССР – всё непременно состоится. Даже такие деятели литературы и искусства как М.А. Шолохов, М.А. Ульянов, Ч.К. Айтматов, Э.М. Быстрицкая и многие другие всегда встречались с нами от души, и, что самое главное, своевременно.

Ни в какое сравнение сегодня нельзя поставить в этот ряд ни один из многочисленных бизнес-проектов такого плана, куда за высокую плату заманивают анонсированием различных знаменитостей, а затем без особенной застенчивости устраивают всевозможные подтасовки и подмены. Словом, действуют по принципу: цель получения прибыли оправдывает себя любыми деяниями. И пошли по стране размножаться бесчисленные курсы, центры, школы и мастер-классы, которые, будто диффузории, заполнили интернет, телеканалы и рекламные

объявления о фантастических методиках обучения и невысказанных его результатах. А что вы хотите дождаться от принимаемых, – сегодня их время.

Каждый социальный класс, как бы он не возник, не функционировал, имеет в составе отличников и двоечников, идейных борцов и прилипал, своих героев и антигероев. В этом смысле номенклатура отличается очень большой спецификой в сравнении с другими господствующими классами истории. Ни один из них в таких огромных масштабах не осуществлял героизацию самого себя и своих одноклассников. Большевики, камня на камне не оставляя от прошлого, особенно если это касалось классовых врагов, тем не менее допускали в тотальном отрицании выборочность.

Скажем, предыдущие господствующие классы тоже любили себя прославлять, награждать и возвышать над другими. Мало кто из них носил сюртуки или мундиры, на которых бы не сияли всевозможные ордена и медали. Вначале революционеры во власти заняли противоположную свергнутой позиции, отменив все сословия, чины, звания и награды. Дескать, все теперь равны. Но вскоре поняли, что погорячились и постепенно не только подсади на столь заманчивый пьедестал, но и значительно превзошли предшественников.

Хоть большевики и клеймили своего бывшего вождя, объявленного злейшим врагом, но придерживались троцкистского подхода к тому, что люди – ленивые животные и их можно заставить работать только палкой. В этом, казалось бы, злейший враг – И.В. Сталин был лучшим единомышленником Л.Д. Троцкого. Они так, словно соревнуясь друг с другом, старались всё ломать и крушить через колено, что дело пахло новой разновидностью рабства, поэтому решили применить и пряник. Ведь в своей основе новый, названный социалистическим, труд по схеме авторов великого замысла воплощал в себе очень понятные и простые элементы:

- во-первых, осознание того, что он свободный от эксплуатации, общественно значимый и посвящается исключительно построению нового, невиданного до сих пор на земле строя;

- во-вторых, исходя из такой мотивации, он должен быть добросовестным, высокопроизводительным и качественным;

- в-третьих, такой труд не может быть дорогостоящим для каждого работающего, так как основные его результаты идут в общую копилку социалистического строительства. Еще лучше, если он будет бесплатным или оплачиваемым частично – пайкой или трудовым;

- в-четвертых, все это может обеспечиваться только подъемом трудового энтузиазма, помноженного на мобилизацию всех имеющихся социальных и материальных ресурсов, что невозможно без принуждения и насилия.

Отсюда – с одной стороны, всевозможные соревнования, почину, конкурсы, почетные грамоты, знамена, вымпелы, доски почета, аллеи славы и почетные звания. Позже к ним добавились ордена, медали и премии. Началась массовая героизация труда во всех сферах жизни. Если во всем мире люди просто пахали землю, доили коров, работали у станка или на стройке, что являлось обыкновенной жизненной потребностью, то у нас все перечисленное нужно было делать героически. И это на полную громкость бесчисленное множество раз всеми возможными средствами называлось ударным, героическим трудом.

С другой стороны, его обязательным дополнением и сопровождением были трудовые армии и колонии, ГУЛАГ и шарашки, повинности и прочий репрессивный набор из незабываемого прошлого истории человечества, что одновременно служило предостережением, устрашением и дополнением дефицита героизма. Ведь далеко не каждый человек, особенно из тех, кто лишился собственности и возможности работать на себя, горел желанием трудиться на не совсем понятное общее дело, зачастую из-под палки, да еще и героически, в завершение получая такую же, весьма скромную, плату за него, как и тот, кто, как говорят в народе, не особо рвет постромки. Такое равенство, а точнее искусственная уравниловка угнетали одних и развращали других, проявляли себя оковами на результатах любого труда.

Но пришедшая к власти номенклатура начала осуществлять свое господство и угнетение совсем не на пустом месте. Упростив главные смыслы производственных отношений и всего бытия, зачастую доводя их до абсурда, новые управляющие довольно умело распорядились вековой привычкой большинства людей к самому понятному правилу – быть ведомыми, тем более в условиях несвободы, когда человек лишен выбора и вынужден следовать общим установкам.

Так что, как и озадачивание, героизация жизненных процессов очень быстро стала для правящего класса и целью, и средством, и методом управления людьми, во многом облегчала выполнение поставленных сверху задач. Ведь многим его ответственным работникам, не имеющим опыта и знаний, было куда доступнее призвать своих подчиненных отдать все свои силы героическому труду во имя мировой революции и социализма и далее привычный набор семантических штампов, поднять их и мобилизовать на любой прорыв, чем осуществить технологическую модернизацию, улучшить условия работы и т.д. Во всем мире на первую позицию еще в начале XX века стали выдвигаться рационализация и оптимизация, реконструкции и технологизации, а у нас в ход пошли личная жертвенность, готовность к любым тяготам и лишениям, трудовая повинность в сочетании с энтузиазмом.

Естественно, все это непосредственно влияло на облик самого управляющего класса, который сразу же стал, как и положено, веду-

щим в обществе, удобно прикрывшись известной риторикой о такой роли пролетариата. Как-никак, а это неплохо позиционировало единство с народом, отводило от критики и недовольства, перекладывало ответственность на других, в основном, внешних и внутренних врагов. Не сумели построить дороги и туалеты – виноваты западные империалисты, не получилось с техническим переоснащением и качеством продукции – постаралась пятая колонна, замаскировавшиеся классовые враги. Небезуспешно используя героизацию как весьма эффективный способ разрешения сложнейших проблем, номенклатура обязана была всегда находиться в состоянии высокой мобильности и готовности к выполнению своей миссии в любой точке страны, в любое время и на любом посту. Это был железный закон ее существования и развития еще с дореволюционных лет.

И то, что удалось увлечь идеей социализма и поднять огромные массы народа на ее осуществление, это прежде всего заслуга ее лучших представителей и воспитанников, показывающих на личном примере образцы веры, самоотверженного труда, высокой сознательности и ответственности за порученное дело. Именно такие кадры, не жалея других, не жалели прежде всего себя, полностью отдаваясь служению делу построения нового общества. Это были настоящие коммунисты, а не такие как в моей деревне, готовые и в труде, и в бою доказать свою не только преданность партии и Родине, но и проявить свои выдающиеся способности и компетенции, право не по должности или статусу вести за собой людей, а по своему высокому коэффициенту созидательности и эффективности. Они брали всю и всегда ответственность на себя, не перекладывая ее на других, и добивались нужных результатов.

Как раз здесь весьма продуктивно срабатывали те правила выявления, изучения, учета, подготовки, проверки и отбора кадров, которые составляли организационно-функциональную суть номенклатуры. Она подобно огромному социальному конвейеру отбирала и последовательно двигала от самых низких ступенек служебной лестницы до ее вершин миллионы представителей широких народных масс. Такое доверие воодушевляло, знаю по себе, и увлекало романтикой новых задач, вело к достижению довольно крупных и значимых результатов в развитии страны, создавало атмосферу притягательности и вовлеченности все новых и новых кадров.

Из многих десятков миллионов советских людей, прошедших школу номенклатурной работы и жизни, можно выделить тысячи подлинных ее героев, прославивших и партию, и комсомол, в которых они состояли, и всю нашу страну. О них написано много книг, рассказов и воспоминаний, снято немало документальных и художественных фильмов. Все это живая ткань состоявшейся истории, которую невоз-

можно вычеркнуть из жизни. Более того, ее надо бережно хранить и использовать в работе по воспитанию молодежи.

У каждого человека есть свои предпочтения в оценке других людей и, конечно же, есть свои герои, которым он подражает, учится у них и считает для себя примером. Моим главным героем в жизни был и останется навсегда, конечно, мой отец и это понятно по ходу прочтения монографии. Крестьянский самородок, пропитанный невероятным трудолюбием, усердием и любовью к земле, мне казалось, умел на ней делать все, выйти из любого безысходного положения и выжить в самой сложной жизненной ситуации. Его выходными и отпусками одновременно были война, год госпиталей и несколько операций в больницах, остальные дни вплоть до последнего вздоха – крестьянский труд и жизнь в полной гармонии с природой.

Разумеется, все как положительные, так и отрицательные отцовские качества, в том числе и такие, как: излишняя обидчивость, запальчивость и горячность, порывистость и резкость, которые порой переходили, а у меня так иногда даже на склоне лет переходят в суетливость, впитывались мною и на генетическом, и на житейском уровне. Как и всем, много дали мне учителя, профессора и старшие коллеги по работе, которых безошибочно можно назвать наставниками.

Часть из них мною уже упомянуты, других не без трепетных воспоминаний постараюсь назвать. Самые яркие жизненные ситуации запечатлелись в комсомольские годы. Их не могут перевесить даже значительно более масштабные и важные события последующих лет. Таково непостижимое ни тогда, ни теперь таинство молодости, которое у всех и навсегда остается в качестве немеркнувшего озарения любой биографии и судьбы.

Да, воспоминания – это не только история, но и социология. Это я предвосхищаю укоризненный взгляд оппонента, предостерегающего меня от возможности отвлечений. Вот передо мной открывается одна из дверей, через которую я входил в номенклатуру. Со мной элегантно здоровается красивая, обаятельная женщина и начинает собеседование. Это второй секретарь Кокчетавского обкома комсомола Зура Кулмурзиновна Шуатаева. Несколько уточнений и деловых советов заканчиваются ее словами: хорошо, что ты учишься, учтем это при формировании нашего резерва. Через год с небольшим она уходила на советскую работу, а меня в это время перевели в аппарат обкома комсомола. Вот такие ключевые слова и судьбоносные дела.

Нашей общей удачей было то, что первым секретарем избрали тогда Владислава Борисовича Косарева, направленного из обкома партии на укрепление комсомольской номенклатуры, в которой участились случаи вольнодумства и неуставных отношений. Будучи старше и опытнее, он сразу же показал нам уроки серьезного и ответ-

ственного отношения к работе. Инициатива и напористость, умение концентрироваться на главных узловых проблемах, личный пример практического решения различных вопросов очень быстро превратили его в признанного и авторитетного лидера молодежи.

Он как-то умел своих подчиненных одновременно и проверить, и дать поручение, и наставить в нужное русло, причем без унижений и обид, что было привычным для многих номенклатурных руководителей. Помню, незадолго до его перехода на партийную работу он вызвал меня и спросил: ты знаешь, что у Ибрагима Салахова юбилей? Нет. Нет? А кто он такой, – не без разочарования продолжал он уточнения, – знаешь? Знаю, – сказал я неуверенно. Это председатель Союза художников России. Ответ выдала моя к тому времени неплохо натренированная энциклопедическая память. Нет, – протянул он разочарованно-раздумчиво. Это же Еркеш Ибрагим, наш писатель-земляк. В общем, мероприятие по твоему отделу, действуй.

Писателя с таким псевдонимом я знал и направил ему приветствие, а вот мысль, что я сказал неправду Косареву обжигала мою душу, пока вскорости после расставания с ним я не уточнил, что память меня все-таки не подвела. Интересно, что он обо мне тогда подумал, и помнит ли этот случай? Не мог же он знать о такой детали из жизни России.

Интеллигентным, уравновешенным и всегда готовым оказать помощь был мой непосредственный руководитель секретарь обкома комсомола Александр Никитович Коваленко, который выдвинул меня в свой отдел пропаганды и культурно-массовой работы. Он рассудительно и очень грамотно давал поручения и терпеливо разъяснял, как их надо выполнить. Это был надёжный старший товарищ и наставник. Он рекомендовал меня в партию, а затем и на партийную работу, о чем мне всегда напоминает благодарная память.

Здесь же я встретил свою предшественницу по должности, удивительно скромную, добрую и отзывчивую женщину Галину Петровну Нефедову. О таких говорят – пчелки-труженицы. Они во всяком коллективе незаменимы, тихо и незаметно вытаскивают на своих плечах любую работу. Никогда не ловчат. Ничего для себя не просят и не добиваются, зато другим всегда помогают. Я долго думал, почему такие светлые и чистые люди не выходят на первую линию и придумал ответ-догадку. Видимо, потому, что именно они в период матриархата уступили свою руководящую роль более агрессивным и жестким мужчинам. Что было дальше – мы знаем и видим теперь.

Канцелярию у нас вела Любовь Николаевна Клименко, всегда строгая и подтянутая, как и положено всем протокольщикам. На них держится любой бюрократический аппарат. Требуя от нас, молодых безалаберщиков, аккуратности, четкости и тщательности в работе с документами, она всегда проявляла снисходительность и добродушие.

Со мной рядом были Каким Шарипович Нурпеисов, ни при каких обстоятельствах не теряющий спокойствия и самообладания, его помощник Виктор Николаевич Пшеничный, наоборот, непоседливый и энергичный. Никогда не сходила доброжелательная улыбка с лица Сибатага Нигметжановича Оспанова. Позднее в моем отделе работали Борис Репринцев, Тныштык Искакова, Багила Глеуова, Виталий Ермоленко и Батыр Елеуов – все симпатичные и приятные люди.

Особо хочется выделить трех своих друзей. Первым спиной к моему столу посадили на должность заведующего отделом спортивной и оборонно-массовой работы Виталия Алексеевича Брынкина. Это мы чуть позже расселись в отдельные кабинеты, а тогда шесть человек размещались в одном. Высокий и статный красавец-казак с тихого Дона произвёл неотразимое впечатление не только своей фактурой, но и умением общаться, вести беседу и уважительно относиться к людям. Было сразу понятным – такому уготована головокружительная карьера. Тем более, что природа не обделила его пытливостью ума, житейской мудростью и трудолюбием. Неслучайно на него сразу же обратил внимание и постепенно сделал его своим ближайшим соратником один из самых видных и высокопродуктивных деятелей советского Казахстана Е.Н. Ауельбеков.

Твёрдо знаю, что, невзирая на чины и звания, будь он секретарём обкома, ЦК комсомола, райкома, обкома партии, председателем облисполкома, мэром Байконура или Акимом (губернатором области), все равно мог взять и собственными руками отработать со всей скрупулезностью любой важный документ, доклад или выступление, что было не правилом высшей номенклатуры, а скорее исключением из него. Вряд ли кто может припомнить факты, когда бы он сознательно уклонился от ответственности, переложив ее на другого или тем более кого-то подставил.

Обладая профессиональными навыками музыканта и вокалиста, он всегда становился и теперь является душой любой компании. Что особенно удивительно, высокий номенклатурный взлет и безусловная возможность проявлять ее статусность не изменили его тонкую и по-детски ранимую душу. Сколько нас с ним жизнь не разводила на большие и малые расстояния, а меня к нему всегда притягивает непреодолимый магнетизм его ауры, и каждая наша встреча становится желанным событием.

Одновременно по косаревскому призыву в наш коллектив прибыл Жасболат Койбагарович Хасенов, с которым сразу же завязалась тесная дружба. Прирожденный штабист, обладающий изящным каллиграфическим почерком и высокой филологической грамотностью, он не терял присутствие духа даже тогда, когда на него наваливали абсолютно неподъёмный груз подготовки информации, справок, постановлений и других документов.

Всегда по-спортивному подтянутый, уравновешенный и аккуратный, он был для нас примером четкости и неукоснительной дисциплинированности в работе. Отличался также умением давать точные характеристики людям, подмечать в них самые специфические и важные черты. Мастер поёрничать и показать всевозможные шуточные пассажи, причем с невозмутимым, серьезным видом профессионального артиста. Это у него не исчезло даже на полковничьей службе в милиции, и при каждой встрече мы с ним от души обмениваемся таким специфическим опытом общения с друзьями.

Немного позже в нашу компанию добавилась еще одна колоритная личность – Юрий Иосифович Родвальт, который отличался исключительно бойким и неугомонным темпераментом, выражающимся прежде всего в невероятном количестве всевозможных движений различных частей его тела и головы, не всегда отличающихся рациональностью и энергосбережением. Когда он входил в какой-либо монолог, его голос, сверкание глаз и энергия жестов создавали впечатление, будто это какой-то особый реактор высокого напряжения, излучающий эмоциональные заряды и разряды одновременно.

Поначалу такое диво нас изумляло, потом стало забавлять, тем более что это не мешало, а, наоборот, помогало в работе, создавало приподнятое настроение. Когда из моего отдела выделилось бюро молодежного туризма «Спутник», которое возглавил Ю.И. Родвальт, я поначалу патронировал его работу, ведь дело весьма хлопотное и сложное. Но вскорости сцена, которую мне пришлось наблюдать, убедила, что оно в надежных руках моего верного друга. Такие обычно никого и никогда не подводят.

Это было завершение рабочего совещания. После слов одной сотрудницы, что мы спокойно разберемся и все уладим,двигающийся в своей манере руководитель подошел к ней и весьма эмоционально парировал: Татьяна, спокойным быть нельзя! Спокойно должны отдыхать только наши туристы. А наше спокойствие – это провал, это неудачи. Его после этого так и называли «товарищ спокойным быть нельзя!» Наш беспокойный друг со все тем же высоким накалом впечатлительности, искренности и переживательности за весь окружающий мир успешно продолжил номенклатурную карьеру и после выхода на пенсию, и несмотря на жизненные невзгоды, продолжает радовать нас своей неповторимостью.

Особый колорит в работу аппарата вносил наш второй секретарь Кадес Хабибулинович Сагадиев. Это в буквальном смысле человек-оркестр и одновременно коммутатор. Не было таких людей, кого бы он не знал, не смог найти договориться о решении любого вопроса. Возле него всегда наблюдался невообразимый круговорот событий, встреч, мероприятий и проблем, которые он стремительно направлял в нужное

русло. В его взгляде за одну секунду можно было прочесть огорчение и одобрение, просьбу и восхищение, извинение и надежду. И уже только поэтому становилось понятным, что надо делать и как поступать.

Сродни ему можно охарактеризовать Айдархана Алиевича Бисембаева, первого секретаря Келлеровского райкома комсомола, который мог войти в любую группу незнакомых людей разного возраста, национальности и профессиональной принадлежности и тут же стать среди них своим. Он и сейчас продолжает посещать дома ветеранов и инвалидов, больницы и села, не бросает в беде друзей и помогает многим знакомым и незнакомым людям. Светлый, уважаемый и порядочный человек.

Через деловое и дружеское общение проходили годы совместной работы сразу с тремя Маратами. Зулкарнаев и Муслимов перешли на чекистскую службу, а Кульмагамбетов стал крупным руководителем. Два Геннадия – Дземко и Назаров двинулись в районы на самостоятельную работу. Неформальным лидером в любой обстановке был Рамаз Джавахишвили. Приятные воспоминания остались от Владимира Баумбаха, Николая Емельянова, отличавшихся повышенной деловитостью, о нашем нестареющем завхозе Абдуше Кушмановиче Дюсембине. Всегда с нами были вожаки городского комсомола Каирбек Жунусов и Светлана Холина, Сергей Ляхов, Геннадий Матросов, Сарсен Жумагулов и Светлана Агафонова. Буквальным украшением аппарата являлись наши девушки – Нурсулу Мукашева, Валентина Бурцева, Алия Шаяхметова, Татьяна Кузнецова и другие.

Немало достойных ответработников мне пришлось встречать и совместно работать со стороны центральных комсомольских, советских и партийных органов. И сегодня приятно наблюдать, как они относятся друг к другу, собираются на неформальные мероприятия, помогают молодежи. От них и раньше не веяло важностью и снобизмом своих должностей и тем более не ощущается это теперь. Они по-прежнему чувствуют себя в одном классе, даже после того, как безнадежно разделились на белых и красных, обуржуазившихся и сохранивших чистоту пенсионного содержания, хотя могут собираться и по отдельности, и даже враждовать. Общественный разлом не миновал и этот класс.

Некоторые до сих пор убежденно считают, что первый полет в космос, многие другие достижения стали возможны только благодаря сталинскому социализму, подразумевая, естественно, и роль его уникального произведения – руководящего номенклатурного класса. А когда им задаешь контрвопрос, почему же тогда на Луну первыми высадились другие, без каких-либо измов и партруководства, почему эти заклеянные как безнадежно загнившие, исчерпавшие себя и обреченные на скорую гибель обеспечили достойную свободную жизнь своим народам, как магнитом притягивающие к себе лучших

специалистов из нашей клеймящей стороны, и что осталось на весах истории от героического броска в пропасть невиданного насилия и жертвенности, в ответ следует лишь одно из идеологических заклинаний. Ничего другого просто нет. Спасает только общая улыбка от мудрого смысла родившейся много лет назад поговорки на злобу дня: прошла зима, настало лето, спасибо партии за это. Улыбка с горьким привкусом навсегда.

Сорок лет мы уже дружим с того момента, как я вернулся на Белгородчину, с Евгением Александровичем Вербицким, который на любой руководящей работе, вплоть до высших государственных органов СССР и России, остается все таким же энергичным и участливым комсомольским парнем, готовым всегда прийти на помощь, решить ту или иную жизненную проблему. Он продолжает также старательно и надежно воспитывать своих внуков, как делал все и по своей жизненной судьбе, сложившейся в драматических разрывах и трансформациях. И пусть они никогда не превратятся в нестираемую печать для подрастающих поколений.

Таким был процесс вхождения, становления и селекции номенклатурных работников, такими были перечисленные мною и неперечисленные представители управляющего страной класса. Они не герои, а просто старательные труженики, обеспечивающие ежедневное функционирование огромной страны. В номенклатуре были организаторы и надсмотрщики, пахари и бездельники, созидатели и контролеры, вдумчивые управленцы и ловкие карьеристы. Из гущи народных масс всякие выходили кадры, о чем сразу же пошла гулять байка: из народа выйти легко, а вот вернуться туда – трудно. Можно еще добавить – да и далеко не каждый к этому стремится. Но лично мне встречались и подлинные герои, общепризнанные лидеры, опережавшие и господствующие тогда идеи, и само время, слитые в неразрывном единении со своим народом. И первый из них Е.Н. Ауельбеков.

Это непростая казахская фамилия, непростым был и ее носитель Еркин Нуржанович. Не потому ли она так прочно впечаталась в мою память, что это был Человек в буквальном смысле с большой буквы, личность крупного масштаба, настоящий могучий мужик с неповторимым колоритом и пронзительностью ума, негибаемой волей и высочайшим коэффициентом полезного действия.

После каждой встречи с казахстанцами у меня всегда возникает один и тот же вопрос. Почему из всех воспоминаний о прожитом мы всегда наибольшее внимание уделяем памяти Е.Н. Ауельбекова? Анализируем различные жизненные ситуации, связанные с ним, приводим конкретные примеры. В чем заключается притягательная сила и обаяние этого человека? Возьму на себя смелость попытаться сделать собственную трактовку его стиля жизни и управления и тем самым в

очередной раз прикоснуться к самым трогательным и незабываемым страницам своей биографии.

Мне суждено было мало прожить в Казахстане – всего лишь восемь лет. Но какие это были годы! До сих пор в моей памяти неизгладимые впечатления от увиденного на широких степных просторах. От незабываемых встреч на кокчетавской земле, которая подарила мне первые уроки самостоятельной трудовой жизни, первые шаги в науке, первую квартиру, в которой после пятнадцатилетнего проживания в интернате и общежитиях образовалась моя семья, родилась первая дочь. А чего стоит мой первый управленческий опыт!

Словом, многое здесь в моей жизни было первым. Но главное – это новые люди, с кем пришлось работать и жить. Кто они, чем отличаются от привычных мне белгородцев? Наша группа молодых учителей, направленных на работу в кокчетавские школы, сразу же почувствовала особую прелесть многонациональной атмосферы, которой была пропитана вся целинная эпопея. Кроме обыденных для нас русских и украинских кругом – непривычные имена, фамилии, наречия, лица: белорусские, немецкие, польские, кавказские. Но где же казахи? – возникал у нас резонный вопрос, ибо ни в поезде, ни на вокзале, ни на улице вечернего Кокчетавы мы не встретили ни одного представителя коренной нации. Но уже утро предоставило нам более обнадеживающее впечатление.

Для нас было непривычным и удивительным, что всю нашу группу принял заведующий областным отделом народного образования Кожамет Балахметович Балахметов. Это был высокий, красивый и моложавый мужчина в очках. Уже с первых слов теплого приветствия мы были очарованы его высокой эрудицией и интеллигентностью. Проникновенно и неторопливо, будто делая какое-то самое важное и нужное дело своей жизни, во всяком случае так показалось нам, он наставлял молодых учителей, детально характеризуя специфику многонациональных и национальных школ, раскрывая трудности, которые нам предстоит встретить на своем пути, на конкретных примерах показывая способы их преодоления.

По сути дела он нас заморозил будущей работой и уже досрочно втянул в неведомое для всех педагогическое пространство жизни. Выражаясь современным языком, это, безусловно, был блестящий мастер-класс. Ни один из нас ничего подобного в жизни не встречал. Лично для меня это был сильнейший пример на многие годы вперед и на многие случаи жизни в моей управленческой карьере.

Это уже потом, спустя время, я задавал да и сегодня задаю вопрос: а много ли руководителей такого ранга тогда и теперь делали и делают такое? И, к сожалению, сам отвечаю – нет. Но самое огорчительное, что большинство из них не понимает, зачем тратить на это время и силы. Сколько на своем пути встречал я суетливых, впадаю-

щих в состоянии сверхзанятости руководителей разного ранга, не способных к вдумчивому общению с людьми. И это большая беда. Ее устрашающая сила особенно нарастает в современных условиях развития информационно-технологического общества.

Многие годы, занимаясь социологией управления, мне приходится не редко коррелировать примеры, аналогичные балахметовскому примеру, с современным стилем взаимодействия управленческого класса и различных категорий людей. Заметил одну устойчивую тенденцию – нарастающую виртуализацию и усиление скоростного режима. Никак не получается притормозить и дифференцированно вникнуть в детали жизненных проблем всех социальных групп населения.

Ну и ну, – скажет современник, прочитав эти строки. И будет прав, ведь на дворе век уже не космических, а кибернетических скоростей. Как жаль, что сегодня это становится несбыточной мечтой для все большего и большего количества людей, в том числе тех, кто нами управляет. Так получается, что К.Б. Балахметов строил свою работу и жизнь вопреки ускорению их темпов? Конечно же, нет. Он просто не мог быть другим в силу своей образованности и внутренней культуры, прекрасно понимая всю опасность подгона к такой неизбежной динамике всего спектра человеческих отношений.

Каждый, особенно руководитель любого ранга, не должен в общении с людьми уподоблять себя компьютеру. Это не только требование к учителю, врачу или управленцу – это высший знак качества жизнедеятельности для любого человека. Иначе нам не выжить. Просто человечество на одном из поворотов своей торопливости и превышения скорости попадет во всеобщую аварию. И все – конец!

Во все времена умение обязательно, неторопливо разбираться в сложнейших жизненных ситуациях было важнейшим критерием оценки всех, кто брал на себя ответственность вести за собой других. Сегодня особенно важно научиться каждому держать ту самую вышеописанную мною паузу, которая может стать эффективным средством спасения от информационного перегрева и коммуникационного перенапряжения общества. Умение держать паузу – это спасение и нас самих, и будущих поколений.

Но не на таком миноре хочется закончить воспоминание о достойном человеке. К.Б. Балахметов стал впоследствии министром образования Казахстана, академиком. И так случилось по судьбе и по неотвратимому зову памяти, что во время приезда в Кокшетау в 2003 году мой коллега ректор университета организовал встречу с этим замечательным человеком. Естественно, я приветствовал его как своего мудрого наставника и как достойнейшего сына казахского народа.

Однако читатель может упрекнуть меня в отвлечении от темы главного героя книги. Но мы воздержимся разделять это мнение. Ведь

фамилию Ауельбеков Е.Н. я впервые услышал в кабинете заведующего облоно. Характеризуя историю, экономику и социальную сферу молодой области, он особо выделил молодость ее руководителя. В руках у меня была свежая газета «Степной маяк», с опубликованным докладом Е.Н. Ауельбекова на очередном пленуме обкома партии. Изучал я его точно, то есть читал только те места, где упоминается Рузаевский район, куда меня направили работать. При этом ни сном, ни духом не мог представить, что вскорости самому придется не только много раз слушать такие доклады непосредственно из уст нашего героя, а и лично встречаться с ним. Но об этом наш сказ впереди.

Пока же мы впервыедвигаемся в сторону рузаевских воспоминаний, упирающихся в совхоз «Западный», где на вопрос директора школы Бондаренко Т.А., откуда я приехал, последовало незамедлительное уточнение: мы все здесь белгородцы. В основном, бывшие комсомольцы-первоцелинники из Новооскольского, Волоконовского и Валуйского районов. Так я, будучи любознательным в историческом смысле, вышел на уточнение одного очень важного ответа: а кто же первым прибыл на целину в 1954 году?

Уже работая в Кокчетавском обкоме комсомола, мне удалось проанализировать, что эшелон комсомольцев, собранный из добровольцев центральной России, Украины и Белоруссии, напутствуемый руководителем страны Н.С. Хрущевым на Красной площади, поехал, что называется, тихим ходом, останавливаясь повсюду для приветствий под музыку духовых оркестров.

А тем временем руководство только что образованной Белгородской области сноровисто и мобильно собрало свой эшелон и на полном ходу отправило его на кокчетавскую целину. Получилось так, что пока одни, признанные в официальных документах первопроходцами, митинговали на вокзалах и станциях России, другие, а именно белгородцы, уже забивали колышки на местах будущих целинных совхозов Казахстана.

Пусть и теперь читатель не напоминает нам главную канву воспоминаний. Кто создавал и руководил этими совхозами? Наш незабвенный герой – Е.Н. Ауельбеков. Причем, не просто руководил, а был главнокомандующим этим уникальным сельскохозяйственным кластером мощнейшей индустрии и сегодня заметной на мировой карте производства хлеба. И все же пришла пора согласиться с возможным упреком читателя: почему исследование такой яркой жизни идет в историческом ракурсе, а где же философско-социологическое осмысление трактуемых событий, прежде всего на основе методологического положения о том, что всякое положительное несет в себе отрицательное и наоборот.

Действительно, с одной стороны – невиданное приращение объемов товарного хлеба, мяса, молока, социально-инфраструктурных

объектов, создание новых поселений, культуры и быта, а с другой – гигантское разрушение сложившейся экосистемы, бездушно-отвальная пахота, последствия которой – огромная эрозия почв, нарушенный водный баланс, ущемление национальных традиций хозяйствования и быта. И прочие сонмища проблем. И все это через бурную, буквально кипучую деятельность Е.Н. Ауельбекова.

Но такой поворот анализа требует вернуться в совхоз «Западный», который расположился на левом берегу реки Ишим, а точнее, на скромных мелководных остатках ее бывшего доцелинного величия, где моему взору предстала удивительная картина яркой грани между двумя цивилизациями, двумя мирами.

В чем же здесь интрига нашего повествования, подумает читатель, и получит ясный ответ, взглянув на правый берег Ишима. На нем, прямо как в кино, расположилась красивая казахская юрта. Возле нее сидит аксакал, недалеко пасутся кони и овцы. Умный директор совхоза оставил часть целины нетронутой. И все это непосредственно коснулось меня, моего мировоззрения, сформировавшегося на всю оставшуюся жизнь.

В шестом классе, которым мне было поручено руководить, учился Амантай Адилов, внук аксакала, так и не признавшего новый уклад жизни. Вскоре мы познакомились. Аксакал родом был из XIX века, немного моложе моего деда, и я часто их сравниваю. Во время чаепития недалеко прогрохотали два огромных трактора-кировца, и он с грустью и безнадежной тоской в глазах сказал: какой тяжестью давят степь! Такой же взгляд был и у моего деда, когда он, глядя на расплывающийся удобрения самолет сказал: убьют землю ядами демоны. А сам продолжал усиленно бороться с вредителями чисто биологическими методами. Давно уже нет моего русского деда и казахского аксакала. Почти не осталось уже и крестьянского класса, выветриваются последние его традиции.

Так кто же стал победителем? Многие ученые доказывают, что победила новая цивилизация. А мы по большому счету считаем, что человеческое общество, создавшее тысячекратный потенциал своего самоуничтожения, никак нельзя назвать новой цивилизацией. Скорее всего – это антицивилизация. Но об этом отдельный, безрадостный разговор.

Нам приятнее обратиться непосредственно к встречам с Еркином Нуржановичем. В 1972 году кокчетавцы принимали у себя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Вскоре началась уборка урожая. И меня в одно из воскресений назначили дежурным в приемной первого секретаря обкома. Детально проинструктировали, особенно как пользоваться правительственным телефоном ВЧ. После обеда в кабинет прибыл Е.Н. Ауельбеков, объезжавший с утра полевые работы. Сразу же запросил сводку, по которой я уже полчаса бил тре-

вогу в штабе уборки. Дежурившая там женщина объяснила мне, что сведения задерживает управление хлебопродуктов, ответственное за переработку и хранение зерна на элеваторах. То есть ключевой информации не было. Так я и доложил первому. В ответ он сурово потребовал срочно положить ему сводку на стол, что и удалось сделать через несколько минут.

Но злоключения этого дня не закончились. Примерно через полчаса вдруг зазвонил ВЧ. В трубке приятный голос сообщил, что это приемная Л.И. Брежнева и попросил соединить с Еркином Нуржановичем. От волнения я в мгновение ока забыл все инструкции по переключению аппарата, буквально вбежал в кабинет первого и выкрикнул ему, что на проводе руководитель страны. Видя мою растерянность, он спокойно предложил открыть двери приемной, сам снял трубку и взмахом руки велел отключить вверенный мне телефон.

Это сегодня, с высоты моего солидного жизненного опыта, многих встреч с первыми лицами государств, личных докладов Президенту и главам Правительства, участия в переговорах с руководителями других стран такой эпизод выглядит наивным. А тогда в душе двадцатитрехлетнего парня было такое смятение, что я невольно вздрогнул от звонка прямого телефона первого. В кабинет входил как на известный ковер. И хотя никогда не причислял себя к робкому десятку, тем не менее свои извинения выше жанра бормотания мне поднять не удалось. Еркин Нуржанович стоял, повернувшись к окну. Хорошо, что нам удалось получить сводку, – с легкой иронией и доброжелательной назидательностью сказал он мне. И тут же сухо потребовал доклад по принятым мерам утром. На мой вопрос, к какому часу, он совсем жестко ответил – там знают.

К слову, вся сводка была буквально испещрена вопросами, конкретными требованиями и поручениями первого. Скучно с ним не бывало, видимо, никому и никогда. В моих глазах Еркин Нуржанович, где бы я его не видел и не слышал, представал всегда в образе мощного исполина, способного решить любую задачу. Он удивительно соединял в себе одновременно уроки и человечности, и мужества, и трудолюбия, и творчества в управлении.

К сожалению, мне не пришлось работать непосредственно рядом с ним, ежедневно чувствовать ауру его личности. Поэтому мои суждения о нем больше носят характер взгляда со стороны. Но подробные публицистические заметки моего ранее упоминавшегося друга Виталия Алексеевича Брынкина, его ближайшего соратника и воспитанника, известного и уважаемого в Казахстане руководителя бесконечно будоражат мои научно-экспертные мотивации, побуждают к исследованию его неповторимой творческой лаборатории управления вместе со своими аспирантами и докторантами.

Ведь совершенно неслучайно его двигали по горизонтали поднимать наиболее проблемные, отстающие регионы. Здесь были две основные мотивации. Во-первых, другого такого высокопродуктивного, равного по масштабу его личности, просто не было под рукой. Во-вторых, высшая номенклатура явно опасалась выдвигать его на первые республиканские позиции, да и в центральные органы СССР таких брать не торопились. Уж слишком он был самостоятельным, твердым и неподкупным ни для лести, ни тем более для денег, выбивался из привычной, размеренной колеи и прокладывал свой путь, непостижимый для многих как по форме, так и по содержанию.

Как относились тогда к стандартам, хорошо известно. Теперь, кстати, еще хуже. Во многих случаях на них просто не обращали внимания или их не существовало совсем. По-другому на стандарты смотрел Е.Н. Ауельбеков. Вернее будет сказано, он не просто смотрел, а внедрял. Где не было их – сам устанавливал. Допустим, социальный стандарт, кто о нём говорил тогда, да и теперь, есть ли он? А наш герой его целенаправленно и настойчиво продвигал по каждому селу и аулу, где обязательно должны быть дорога с твердым покрытием, магазин, столовая, баня, общежитие для приезжих, акушерско-фельдшерский пункт, клуб, школа, детсад, пункт бытового обслуживания. Таковы были потребности людей, которых он и добивался как стандарта качества жизни.

Убежденный рыночник, считающий, что это величайшее достижение саморазвивающейся и самосовершенствующейся модели человеческого общества, я с твердой уверенностью могу сказать, что плановый подход в социальной сфере – это очень эффективное дополнение рынка и сам, в своей руководящей работе всегда придерживался практически такой точки зрения. Лично не раз видел и слышал, с какой настойчивостью продвигал его наш герой по каждому населённому пункту. В то время в Белгородской области, да и во многих регионах России, эта тема хорошо звучала только в докладах, на деле здесь занимались только планами производства и в первую, и в последнюю очередь.

А сколько примеров приводит В.А. Брынкин. Все знают, что любая уборка в те времена – это непременно битва за урожай, на которую мобилизуется все, включая армию. Так было всегда и в Кзыл-Ордынской области, которой направили руководить Е.Н. Ауельбекова. На уборку риса сюда каждый год свозили тысячи студентов вузов и солдат автобатальонов, сосредотачивали весь имеющийся транспорт. Но он круто и быстро в течение года поменял ситуацию. Организовал оборудование мехтоков, где стали проводить первичную переработку риса, а также специальных автопоездов, и вся эпопея уборки без суеты и всяких уполномоченных, совещаний, рейдов и прочих управленческих действий теперь проходила за считанное количество дней, и главное, экономно и качественно.

Так же он поступал с созданием современных аэропортов во всех трех областных центрах, где ему пришлось работать, с организацией производства кирпича и других строительных материалов, завозившихся в большинстве своем из других регионов. Удивительно, что ему удавалось не только мыслить, но и действовать практически в русле современных управленческих, логистических, экономических, социально-технологических подходов, опережая на десятки лет ход текущих событий.

При этом он не был глянцевым, допускал, как и любой руководитель, ошибки. Но, осознавал их и быстро исправлял. Приведу один яркий пример. Ведет Еркин Нуржанович бюро Кокчетавского обкома, где рассматривается вопрос о финансовых нарушениях обкома комсомола и объединения «Вторчермет», связанных со сбором металлолома, и в горячах переносит обращение на ты с комсомольских вожаков на руководителя названной структуры Ф.И. Прохорова, человека лет на двадцать старше себя. Естественно, с упреками, нареканиями и возмущениями.

И тут случается непредвиденное. Взыскуемый внезапно встал и резко сказал: ты еще молод мне, фронтовику, тыкать. Меня можно наказать, но унижать я себя не позволю. Зал заседаний замер – такого обращения на ты к первому секретарю обкома никто ни разу не видел. Все ожидали расправы над провинившимся строптивцем. Однако таковой не последовало. С тех пор ни один ответственный работник ни разу не слышал со стороны Е.Н. Ауельбекова официального обращения на ты к кому бы то ни было, хотя тыканье сверху вниз было скорее нормой в руководящих номенклатурных кругах.

Представим ситуацию того времени. Жесткая командно-административная система, описанная и переписанная многими учеными и публицистами. С одной стороны, четкая вертикаль в принятии и исполнении решений сверху вниз, жесткая исполнительская дисциплина и вполне приличный, уже вышеописанный порядок подборки и расстановки кадров, а с другой стороны – безграничное словоблудие в виде бесчисленных собраний и форумов по обсуждению нескончаемых задач о задачах по каждому поводу заводило всю нашу жизнь в тупик, который завершился распадом страны.

Процесс тотального озадачивания по существу нивелировал задумчивость и творчество во всех звеньях управления, формировал в них целые слои карьеристов, болтунов и фарисеев. Мне самому пришлось сотни раз и, очевидно, тысячи часов сидеть и слушать на пленумах обкомов, горкомов, райкомов, партсобраниях одни и те же установки о задачах по усилению, улучшению, развитию всего и вся. Такой обязательный ритуал всеобщего заговаривания по существу был пустым прожиганием времени и самой жизни.

И вот на этом управленческом пространстве появляется крупный руководитель Е.Н. Ауельбеков. Тогда, более сорока лет назад, кстати, не было ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни других современных средств коммутации. Но он с присущим ему трудолюбием и тщательностью создает свою систему регионального управления. Соратники ее называют системой личных дневников, где кратко и четко фиксируются все посещения, мероприятия, поручения, контрольные проверки по времени, по месту событий и по конкретным действующим лицам. За считанные минуты взяты любой прожитый день, четко оценить ситуацию и точно смоделировать свои решения и действия – разве это не кибернетический тип менеджмента? Именно он. А кто же тогда его исполнитель? За полвека до описываемых событий известный социолог Макс Вебер назвал бы Еркина Нуржановича кибернетическим человеком. И был бы прав.

Откуда же у простого казахского парня взялись истоки такого кибернетического мышления? Неужели в пору шельмования социологии как враждебной буржуазной науки он тайком в Тимирязевской сельскохозяйственной академии изучал Макса Вебера? Да нет же – просто этот парень имел природный талант самородка, воплотившийся в уникальную технологию управления.

В науке давно сложилось мнение, что лишь пять-семь процентов людей могут быть лидерами и предпринимателями, способными повести за собой других на достижение конкретных целей. В свою очередь из этого числа выделяется еще около одного процента наиболее одаренных и успешных лидеров. Безусловно, Е.Н. Ауельбеков входит именно в этот поистине золотой процент, потому что он на многие годы обогнал свое время и всем своим трудом доказал, что успешное управление возможно в любых условиях и ситуациях жизни.

А они вскоре изменились радикально. Второй раз на веку произошел общественный переворот, с корнем опрокинувший казалось бы сложившуюся незыблемую систему социально-экономических, политических и духовных отношений. Но он не опрокинул мощный жизненный стержень нашего героя, привыкшего не сдавать своих позиций ни при каких обстоятельствах. Отринутый управляющей элитой только за свои непревзойденные деловые качества, опыт, порядочность и авторитет у своего народа в момент, когда на просторах бывшего СССР разыгрывалась самая головоломная и хитроумная комбинация XX века под названием «приватизация», к которой были допущены далеко не все представители даже высших сфер номенклатуры, Еркин Нуржанович, сняв ее мундир со звездой Героя Социалистического Труда и многочисленными орденами и медалями, заслуженными самоотверженным честным трудом, вернулся в свой родной аул Женысу.

Вернулся не для отдыха, а с намерением оказать помощь землякам, попавшим в беду кризисного безденежья и заброшенности. С прису-

щей ему деловитостью он безотлагательно создал сельскохозяйственный кооператив, обошел все подворья, побеседовал с каждой семьей, рассказал о своем плане и уговорил заложить свои дома и оставшуюся скотину под взятие коллективного банковского кредита для развития. Характерно, что в такой социальной технологии сливались воедино интересы и руководителя, и рядовых членов кооператива и, самое важное, объединялся весь совокупный потенциал производственного коллектива.

Вкладом же самого Е.Н. Ауельбекова было его единственное богатство в виде колоссального опыта, безграничного доверия и уважения людей. Залог рядовых кооператоров – это последнее имущество, которое они имели. И все же рискнули и не ошиблись в своем руководителе. Вскоре дела кооператива пошли в гору. Росло производство зерновых, мяса, молока и шерсти. На полученную прибыль решили построить детсад и школу, улучшить бытовое и медицинское обслуживание. Люди почувствовали возможности и силу подлинного коллективизма и надежную опору в своем именитом земляке, для которого созидательное служение им было смыслом жизни.

С таким бесценным человеческим достоянием он и покинул скоропостижно наш бренный мир. Другого, материального, ему нажить не довелось. Кстати, Е.Н. Ауельбеков в этом повторил судьбу бывшего многолетнего руководителя Казахстана Димаша Ахмедовича Кунаева, которого как члена Политбюро ЦК некоторые российские средства массовой информации до сих пор продолжают безосновательно причислять к группе кремлевских коррупционеров.

Авторитетнейший руководитель, дважды Герой Социалистического Труда даже в преклонном возрасте продолжал своеобразным образом служить своему народу. Он ездил по аулам и селам, просто встречался и беседовал с людьми без какой-либо протокольной суеты, на улицах и в домах, выслушивал их нужды, подбадривал и помогал чем мог. Когда во время одной из поездок остановилось его сердце, то дома не обнаружилось даже запасного нового костюма для похорон. Единственной материальной ценностью оказалась солидная коллекция зажигалок, которую никогда не куривший человек собирал со смыслом, ведомым только ему одному.

Понятно, что таких деятелей номенклатуры было подавляющее меньшинство, и мне особенно приятно рассказать еще об одном, бывшем первом секретаре Белгородского горкома партии Владимире Игнатьевиче Путивцеве. Собственно, героем он стал еще на фронте, когда вместе с бойцами разведывательного танкового батальона первого гвардейского механизированного корпуса генерала Руссиянова в ходе ночных прорывов на полном ходу, внезапно, невзирая на непредсказуемые последствия, а точнее на вполне предсказуемую гибель, вры-

вался в Будапешт, Вену и другие европейские города. Они сеяли там панику и создавали более удобные условия для освобождения их от фашистов.

Чудом оставшись в живых, молодой старшина-танкист стал рабочим, потом комсомольским активистом, а далее по проторенной номенклатурной дороге – первым секретарем сельских райкомов комсомола и партии, завотделом обкома, заместителем председателя облисполкома и руководителем областного центра.

Социально-экономическая ситуация здесь была очень сложной и противоречивой. Дотла сожженный и разрушенный, а затем восстановленный город переживал бум индустриального развития, что привело к серьезным диспропорциям. Ежегодно его население прирастало на 8-10 тысяч человек. Сюда со всех концов страны ехали специалисты различных отраслей, которых поглощали десятки новых заводов и фабрик. Здесь сосредотачивалась основная база мощнейшего главка – Всесоюзного объединения «Центротяжстрой» в составе пятнадцати крупных строительных трестов. К этому добавлялись еще около пятидесяти строительных и монтажных специализированных объединений, управлений и трестов, призванных обеспечить крутой перелом в освоении месторождений КМА, где разворачивались три Всесоюзных ударных комсомольских стройки.

Остро не хватало жилья, школ, больниц, детских садов, общежитий, учреждений культуры и многого другого. И на все это поставили танкиста, умеющего делать прорывы и обеспечивать их успех в любой ситуации. Владимир Игнатьевич сразу же на полную мощность включил свой недюжинный природный ресурс. Его часто сравнивали, и это вполне удачное сравнение, с танком. Появление на ключевых объектах города первого секретаря было нередко внезапным. Все это иной раз сопровождалось характерным шумом и ревом мотора, резкими бросками вперед и разворотами в неожиданную сторону, внезапным торможением и стрельбой на поражение.

Было известно, что он всегда возвращается раньше положенного из отпуска, но никто не знал, когда и на какой объект поедет прямо с аэропорта или вокзала, не заезжая домой. И это не показуха, а железное правило, такое же, как и регулярные пешеходные обходы города по утрам и вечерам, которые исполнялись неукоснительно и влияли на ситуацию.

В командно-административной системе ключевым фактором является нажим на подчиненных по вертикали сверху вниз, и только на первый взгляд может показаться, что это несложное дело: спрашивать, подгонять, контролировать, взыскивать. Нет, как и всякий компонент жизнедеятельности, он имеет довольно широкий диапазон применения, от элементарно-банальных методов запугивания до высокого ис-

кусства использования многообразных психологических, лингвистических, ритуально-поведенческих и других приемов.

Тогда расслабленно-застойная атмосфера в стране поднималась к зениту, и становилось все сложнее поддерживать хотя бы маломальски приемлемый тонус делового напряжения. Но В.И. Путивцев умел выжимать этот рычаг на всю его мощь. Нередко повторяясь и даже заговариваясь известными штампами, он тем не менее знал свой маневр, безошибочно определял на какую гашетку или педаль властвования надо нажимать и с какой силой. Он четко понимал опасность остановки и даже малейшего торможения сложного механизма управления городом и не давал расслабляться ни аппарату горкома, ни райкомам партии, ни горрайисполкомам.

В условиях однопартийного доминирования, когда граница компетенций и полномочий конкретного первого секретаря начиналась и заканчивалась только на одном рубеже – в вышестоящем руководящем органе, и многие теряли чувство меры, всячески утверждали свое непререкаемое единовластие, наш же умел вовремя нажать не только на газ, но и на тормоз. Больше всего он любил переставлять зажигание, разумеется, всегда на опережение, как на словах, так и непосредственно в деловой обстановке. Но любой, даже самый высоковольтный разряд взыскательности заканчивался предоставлением шансов прощтрафившемуся руководителю.

Хотя по признакам внешних высокоэмоциональных проявлений многие считали, что он беспощадно рубит с плеча. Во всяком случае, так просматривалось только на кадрах бесконечных заседаний, совещаний, планерок и других мероприятий. За кадром же его видел только узкий круг соратников. И мне нередко приходилось наблюдать его уставшим, расстроенным и опустошенным. Но проходило несколько минут, и какой-то невидимый энергетический вброс выводил этот танк на боевую позицию, заряжая подчиненных и окружающих людей стремлением выполнить ту или иную работу.

Приведу такой пример. После общегородской встречи с ветеранами войны он опустил в свое кресло, что называется, как выжатый лимон и произнес: они с меня выпили все, лучше бы я еще раз на штурм Вены пошел, чем на такую встречу. Проходила она как-то сложно и напряженно. К тому же Владимир Игнатьевич, в отличие от других лидеров, приглашавших на них свое окружение, руководителей различных управлений, ведомств и служб, чтобы продемонстрировать личную заинтересованность и взыскательное отношение, брал все на себя без персональных палочек-выручалочек, на которых можно было всегда и все свалить.

И в этот раз мы с ним были вдвоем плюс один мой помощник. Без всяких зачитываний доклада он минут за сорок спокойно обрисовал

социально-экономическое положение в областном центре, рассказал ветеранам что строится и делается на местах, в районах и микрорайонах, какие проблемы стоят и как они решаются. Далее, как обычно, ответы на вопросы, открыто, глаза в глаза. Инициативу захватили сразу же наиболее активные и напористые офицеры в отставке с многочисленными медалями и значками, одетыми напоказ. Их наш герой-танкист типологизировал по-своему, по-фронтному. Повернувшись ко мне, он шепнул: в бой пошли горлохваты.

Почувствовав доброжелательность и доступность первого лица они в острой форме задавали самые неожиданные вопросы житейского и бытового плана. Владея обстановкой, вплоть до деталей, конкретных цифр и показателей, он уверенно держал удары. И даже по такой болезненной проблеме как очередь на обязательное получение квартир по закону, его обстоятельное разъяснение факта нарастания количества прибывающих в город ветеранов, значительно опережающего даже растущие высокими темпами объемы строительства жилья, сразу же успокоило ситуацию.

Однако ее тут же разогрел один напористый подполковник. Он потребовал всем ветеранам выдать талоны на гречку, мясо и масло или прикрепить их к спецмагазину для руководящих кадров, а в довершение спросил в упор первого секретаря: вот вы или ваша жена давно покупали всё это в обыкновенном магазине? В зале одобрительно загудели, а я напрягся в ожидании неотвратимого взрыва. Но руководитель города тормознул и написал мне: проверить. С полуслова поняв его замысел, я уже через пять минут положил перед ним лист с изложением справки из военкомата о том, что всю войну этот ветеран служил в глубоком тылу, а горздравуправление сообщало суть его медкарты – пятидесятипятилетний розовощекий подполковник здоров и может нести даже строевую службу.

Вот тут уже последовал ожидаемый контрудар с залпом всего танкового боезаряда. Характерно, что исполнялся он на одном языке с присутствующими, по-фронтному четко и доступно. Ты даже пороху не нюхал, а права качаешь за героя, сбившего 12 самолетов и пять раз раненого, показывая на лётчика в первом ряду, прижимал оппонента Владимир Игнатьевич. А медалей и значков навесил столько, что даже кителя не видно. В атаку были брошены не только эмоции, но и важные методологические установки. Таких, как ты, мы называли тыловыми крысами, но не потому, что не любили тыл, без которого невозможен фронт, а потому, что для одних война это смерть и раны, а для других – мать родна. И никогда, слушайте это все, кого касается, никогда тыловики не должны выдвигать себя впереди фронтовиков, что чаще всего и случается в мирной жизни.

В зале установилась мертвая тишина. Неожиданно я повернул к себе микрофон и сказал для сведения: Владимир Игнатьевич в составе

войск... и далее по тексту, с которого я начал свои заметки. Раздались дружные аплодисменты. Встреча прошла успешно, о чем я приободряюще сказал своему руководителю в его кабинете. В ответ он с горечью спросил, а гречки от этого прибавится? Нет. А ведь проблема не стоит выеденного яйца. Я тут прикидывал, ее на весь Советский Союз можно закрыть пятью районами только нашей области. И мне ли отвечать на такие справедливые возмущения, ведь этот тыловый горлохвост прав. Для страны-победительницы это просто позор.

Как-то само собой возник и мой вопрос, почему он никому не рассказывает о своих боях и наградах. Ты хочешь, чтобы я заплакал? Не могу, горло перехватывает, вот и не рассказываю. Видишь же как я стараюсь на митингах сухо и казенно читать написанные тексты выступлений, хотя мне есть что сказать от души. Но я боюсь скомкать все и провалить, совсем тихо сказал он. И тут же порывистым движением нажал кнопку прямого телефона заведующего организационным отделом, которому энергичным тоном дал поручение подготовить вместе с горисполкомом мероприятия по каждому критическому замечанию прошедшей встречи. Он опять обрел свою привычную боевую форму и снова был на работе, которая являлась для него постоянным наступлением.

Мне многие из тех, кто тогда работал на руководящих должностях могут возразить по поводу выбранной в героиню кандидатуры. Ну, во-первых, это мой профессиональный выбор, основанный на собственных наблюдениях, восприятиях и выводах, что для социолога является самым безупречным и достоверным материалом. И здесь нет ничего личного. Он меня никуда не выдвигал, не продвигал, не награждал и не оберегал от трудной работы, хотя доверял полностью и уважал.

Во-вторых, любой, кто взглянет на показатели экономического и социального развития областного центра за последние полвека, то не увидит даже в близком приближении тех высочайших темпов, объёмов и результатов, которые были достигнуты именно под руководством В.И. Путивцева. Сегодня подавляющее большинство инфраструктурных объектов, обслуживающих значительно возросший город, родом из того периода, и практически к каждому из них приложил свое потрясающее трудолюбие наш герой. Нарращивание детсадов, школ, больниц, дворцов культуры и спорта, жилья, дорог, водозаборов и коллекторов шло не в разы, а в ряде случаев на порядок и более.

Ежедневный самоотверженный труд этого неутомимого руководителя служил для многих личным примером настойчивого высокопродуктивного управления, всегда нацеленного на результат. И этот результат, как правило, нивелировал издержки тех обид и даже оскорблений, которые он наносил, и привычных партийно-нажимных методов, которые он использовал. Других он просто не знал в силу их

отсутствия. Мало было тогда у нас и аналогичных примеров, а теперь и подавно нет.

И мне захотелось вспомнить тех, кто был, как говорят, на второй линии огня, честно и добросовестно обеспечивая всю черновую работу. Это были разные по темпераменту, интеллектуальным возможностям и опыту люди, но их объединяло одно, общее стремление, чтобы областной центр становился более уютным и удобным для жизни горожан. В многослойной структуре номенклатурного класса это было среднее звено, на котором замыкалась непосредственно вся связь между теми, кто ставил задачи, выдвигал планы и программы, и теми, кто их исполнял на местах. А поскольку через него шел практически весь карьерный транзит на самый верх, здесь ситуация с трудовыми отношениями чаще всего складывалась как в известной народной поговорке – грузили обычно на тех, кто больше тянет. Чего не скажешь об их продвижении по службе. К продуктивной, качественной работе привыкали и, видя, что никого более подготовленного нет, таких предпочитали придерживать на вверенном посту.

Восемнадцать лет руководил отделом строительства горкома партии Анатолий Павлович Тараник, которого после откомандирования на полгода в личное распоряжение руководителя области А.Ф. Пономарёва, затеявшего внеплановую реконструкцию и капитальный ремонт Дмитротарановского сахарного завода в сельском районе, мы стали называть Дмитротараником. Скромный на вид, он был устроен словно из железобетона. Никогда ни на что не жаловался, будучи сверх меры всегда перегруженным, не говорил нет, решая любой вопрос только в положительном плане. Все удивлялись тому, как в его голове могли вмещаться многочисленные сведения не одной сотни строительных объектов, к тому же меняющиеся ежедневно.

За исключительное трудолюбие и дружелюбие его уважали все, на что он в ответ сетовал, что его легче убить за ежедневную мобилизацию строителей на внеплановые объекты и фактический развал планомерной работы стройотрасли. Работа на износ уже в шестидесятилетнем возрасте отобрала жизнь такого славного человека. Аналогичная участь постигла и его предшественника, первого заместителя председателя горисполкома Владимира Александровича Ищенко, на которого взваливали всё, что можно и чего нельзя, включая разносы, распеки, наказания и взыскания. Как камень держался он тоже только до пенсии, его организм мог выдерживать лишь непосильный труд, а на отдыхе сразу закончил свой жизненный путь.

Поочередно у них помощником по жилищно-коммунальному хозяйству был более 20 лет Иван Иванович Попов, фронтовой майор в отставке, никогда не теряющий бодрости духа и тела, которые он систематически тренировал спецгимнастикой прямо в кабинете.

Он преодолевал любые трудности, напряжения и перенапряжения, характерные для данной сферы, возникающие проблемы разрешал по-военному четко, конкретно. Всегда открыто возмущался, крутил головой при любых обстоятельствах против вмешательства и всяких обременений предприятий бессменный заведующий отделом промышленности Александр Степанович Долуденко. Его подавляли, всячески унижали, но не посмели как фронтовика тронуть до пенсии, после которой он тоже пожил недолго.

Непосредственно в моём отделе лектором более двадцати лет проработал Владимир Рувимович Колпин, написавший за это время столько докладов и выступлений, что их совокупность вполне могла бы сравниться с самыми многотомными собраниями сочинений. В то время, когда другие ответработники могли расслабиться на перекурах или на выездах на места, он всегда был сосредоточен и нацелен на переработку их справок или вставок в тот или иной доклад, которые они, конечно же, готовили, что называется, налегке, не перенапрягаясь. Знали – буквально не поднимающий головы от письменного стола В.Р. Колпин вытянет на нужный уровень материал любого отдела и раскроет всякую тему.

Многогранная и поразительная эрудиция позволяли ему быть еще и блестящим лектором, и трудно было понять, какая из двух ипостасей – трибуна или нескончаемое писательство было для него главным. Всё он делал безупречно, старательно и качественно. Ни один руководитель города так и не смог его заменить на другого, и лишь после радикальных перемен в обществе в его номенклатурной статичности тоже наступили изменения – вплоть до своего семидесятилетия он работал руководителем пресс-службы губернатора области. Общение с таким скромным, обаятельным и порядочным человеком это всегда радость и приятное ощущение познания какой-то еще новой грани нашей сложнейшей действительности.

Душой нашего горкомовского коллектива была Вера Никитична Андрияченко, много лет заведовавшая общим отделом. Всевозможные документы, бумаги, особенно такой их жанр как письма и жалобы мало в каком управленческом учреждении вызывали положительные эмоции. Всё строго, совершенно или просто секретно, под личную роспись, с неукоснительно жесткими сроками исполнения, контролем и прочими процедурами могло в любой момент выбить из рабочей колеи всякого сотрудника. Но Вера Никитична своей неустанной внимательностью к каждому, трогательно-участливым голосом и только ей понятными, точными действиями в этом невообразимом потоке документооборота смогла сделать отталкивающее притягательным. К тому же не у одного меня всё это ассоциировалось с яркими впечатлениями от её замечательного вокала и нежных звуков семиструнной гитары, что поднимало настроение и дух.

Жаль, что в партийных аппаратах всех уровней женщины составляли подавляющее меньшинство, отчего наблюдалось явное снижение их жизненного тонуса и эффективности. Но особенно заметным становилось обострение противоречия между тем трудолюбием, душевной щедростью и талантом специально отобранных и воспитанных кадров, способных на самопожертвование и творческий подход, и теми методами насильственного принуждения и неприкасаемого гегемонизма, которые насаждались в качестве главных при реализации самой светлой и свободолобивой идеи социализма.

На областном уровне мне очень трудно назвать хоть одного героя среди тех, кто работал в те годы, хотя приличных, вдумчивых руководителей среди них наблюдалось немало. Сам характер их работы мало предрасполагал к самоотверженности и героизму. Как-то спросил одного своего бывшего подчиненного, перешедшего в обком партии, как там работается? В ответ – по сравнению с райкомом – курорт. И действительно, наши областные коллеги особенно не перенапрягались, все больше проверяли, контролировали.

Особенно любили ездить по районам и городам, где их хорошо встречали, расслабляли с учетом возможных природных условий, потом провожали. Правда, всё это по неукоснительному соответствию номенклатурному чину – понятие равенства внутри данного класса исчезло навсегда уже на начальной стадии его развития. Доминировали в нем неравенство и господство вышестоящих над нижестоящими, что чисто по фарисейской традиции, разумеется, ни в каких уставах и положениях не было прописано, а передавалось как спецкод от одного поколения к другому. Неслучайно, их ставили нам в пример, а нас все больше критиковали и указывали на недостатки, хотя практически вся основная кадровая и материально-техническая база идеологической работы сосредотачивалась в областном центре.

Это во многом приводило к параллелизму и путанице в работе. Жили областные и городские власти как два хозяина в одной квартире. Причем, один хозяин был главным и все время это подчёркивал. На нас всё время замыкались различные делегации, гости, любое областное или союзное мероприятие требовало нашего участия в его подготовке и проведении, плюс все официальные праздники и торжества. Нередко даже свои дела перефутболивали на нас, а когда мы сопротивлялись, давали понять, что в любой момент могут быть сделаны оргвыводы, но не делали, потому что без нас обойтись тоже было нельзя. Встречалось много и других различных примеров, правда, не для подражания.

Как-то звонит мне один из областных руководителей, который только вчера перед всем областным активом критически сетовал: вот, мол, город не понимает того-то, делает плохо то-то и так далее. А тут – дружеский тон: слушай, у нас ЧП, упал флаг на Доме советов, помо-

ги повесить. Так у вас же там два завхоза – в обкоме и в облисполкоме, но, если вы настаиваете, я сейчас поручу это Октябрьскому райкому, на территории которого он находится. Уловив ироничность ситуации, он без раздумий согласился заставить это сделать тех, кому положено, то есть завхозам. Но флаг пришлось-таки вешать нам, ибо мне через несколько часов позвонил заведующий финхозотделом обкома Г.И. Миронов, недавно назначенный туда с должности второго секретаря нашего Свердловского райкома. Расписался в бессилии своих служб и выразил соответствующую просьбу. Тут в дело вступили по настоящему уже товарищеские отношения. Посмотрим теперь повыше.

На союзном уровне шла ежедневная трансляция того, в каких дряхлых руках находится штурвал государства. Не забывается факт остановки в Белгороде на железнодорожном вокзале Л.И. Брежнева в январе 1981 года. Подготовка к этому шла в пожарном порядке. Нам досталось авральное изготовление огромного плаката с надписью «XXVI съезду КПСС – достойную встречу!», которым мы закрыли недоразваленное строителями его старое здание.

На моих глазах Генсека, что называется, под руки вывели из вагона. Безучастно окинув взглядом встречавших его первых лиц области и города, Леонид Ильич задал два важных вопроса: где делся вокзал и какие виды на урожай? И не закончив объяснение, в таком же «строевом» порядке удалился в свои апартаменты. Вручая вскорости Владимиру Игнатьевичу фотографии с места знаменательного события, я спросил, а почему он резко остановился и протянул Генсеку руку с весьма отдаленной позиции? Ответ был поразительным. Просто испугался, потому и остановился. Когда я увидел бледно-желтое лицо и такую же руку, невольно подумал, что здороваюсь с мертвецом. Слава богу, лидер страны после этого еще почти два года в таком же здравии осуществлял энергичное управление СССР, мировым коммунистическим движением и всей огромной частью прогрессивного человечества. И рядом с ним, на кого ни глянь, не пример, а одно огорчение.

Тем не менее все структуры управляющего класса сверху донизу всячески стремились героизировать высшее руководство страны. Что характерно, абсолютно точное знание реальной цены этого вопроса никого не смущало. Во всяком случае могу с высокой степенью достоверности сказать, что я не знал таких номенклатурных работников, кто бы не понимал: чем сильнее и активнее шел процесс пропаганды и распространения примеров самоотверженного труда и жизни руководителей страны, тем смешнее это выглядело в глазах всей мировой общественности и тем более все больше вызывало отвращение и отторжение у советских людей.

Чувствуя, как забеспокоился наш оппонент, не начало ли это характеристик антигероев, сразу же все поставим на свои места. Конеч-

но же, Л.И. Брежнева, прожившего достойную жизнь, нельзя отнести к таковому. Скорее всего на каком-то этапе всеобщего самовозвышения лидеров партии над другими произошло сначала смещение, а затем и полное превращение его в геронтологическую пародию героя. Возглавив он такую благополучную страну как Дания или Швеция, ему бы цены не было. А тут попал на олимп номенклатуры, где опыт ваения культов был по существу недостижимым ни одному классовому врагу, и дрогнуло сердце в общем-то нормального русского мужика.

Кстати, культование высших вождей не могло не иметь своих отрицательных последствий на низовых уровнях номенклатуры. Особенно это сказалось на такой процедуре как награждение за усердие в работе по выполнению поставленных задач. Здесь постепенно укоренились две крайности. С одной стороны, в строго иерархичное их приращение, начиная от почетной грамоты и заканчивая высшими орденами и медалями. Например, секретарь партбюро в связи со своим юбилеем получал почетную грамоту, а член Политбюро ЦК – звание Героя или дважды Героя в зависимости от возрастных параметров. Руководитель региона – орден. И всё это, как правило, независимо от результатов работы. В то же время наиболее выдающиеся трудовые достижения отмечались особо, достойно и по-справедливости, хотя хватало здесь и показухи, и уравниловки, и формализма.

Но наиболее отрицательным выглядело нарастание процесса самопредставления к наградам и званиям. Сколько ко мне обращалось руководителей подведомственных мне учреждений с застенчивой или точнее беззастенчивой просьбой представить их к званиям заслуженных или к другим наградам. Мотивация чаще всего сводилась к одному: вот тот-то коллега уже получил, может можно и мне. Если не удавалось через меня, а я на такую самоинициативу всегда смотрел отрицательно, упорно искали обходные пути, но своего добивались. Как добился и последний партийный руководитель области, буквально выходявший по высоким кремлевским кабинетам и проломивший напористостью и всевозможными инициативами себе путь к героическому званию.

Безусловно, все это перешло на обновившийся класс политбюрократии современной России, в том числе и характерная особенность выхода её руководящих кадров на пенсию. Собственно, для многих из них она в силу своей переживательной тяжести носила чисто символический характер, так как в дело вступали технологии использования таких кадров на более легкой работе в качестве советников, помощников и т.д. В общем, все как и у других людей, в том числе за кордоном, где умеют ценить и использовать опыт старших.

Однако у нашей номенклатуры была и по сей день сохраняется такая специфика, которую трудно кому-либо превзойти. Речь идет о не-

виданном количестве создания спецдолжностей под видом фондов, общественных организаций, финансируемым из бюджета. Если кому-то их не хватает, создадут специально должности почетного председателя, президента и прочее. Зарплаты, оснащение, служебный транспорт, для многих пожизненный, – все это еще не главное. Важнее всего весь масштаб льгот, который, как сообщают СМИ, нередко для некоторых руководящих чиновников даже регионального уровня в России превышает их объем для бывших Президентов многих стран мира, включая США. Хотя я лично знаю таких, кто сумел достойно покинуть номенклатурный класс. Так, когда по спецтехнологии мести и злопамятства стали выдавливать с работы одного из руководителей нашей области А.Г. Шенцева, он отказался от предложений занять одну из «хлебных» должностей и пошел работать специалистом в колхоз, откуда и началось раньше его восхождение по номенклатурной лестнице.

Так кого же следует отнести к антигероям и что это за люди? Первыми их назвали и всячески развенчали сталинские пропагандисты и сам вождь. Это были, как уже подчеркивалось выше, выявленные враги народа, в том числе и бывшие вожди революции. Вторым весьма удачно выдвинулся товарищ Огурцов, собирательный образ номенклатурного руководителя из «Карнавальной ночи», колоритно выраженный на века советскими кинематографистами. Собственно, он не померкнет никогда, пока будет существовать данный тип управленческого класса с его вышеописанной характеристикой.

Добавить к этому можно такие общечеловеческие черты, как стяжательство и жадность, ведущие даже в нормальных, естественных отношениях собственности к моральному разложению личности, а в условиях господствующего положения в распоряжении общественной собственностью, что еще будет проанализировано детальнее, деформация любого человека, за редким исключением, гарантируется. Именно поэтому все антикоммунистические теоретики весьма уверенно утверждали, что Советский Союз развалится сам, как только подавляющее большинство руководящей номенклатуры останется красным только сверху, на своей оболочке. Они не ошиблись.

И если сталинские отстрелы для одних и непоколебимая вера в идеалы социализма для других вначале как-то сдерживали этот негативный процесс, то потом он стал уже безостановочно набирать свои обороты, оказавшись сильнее даже самого партбилета, который многим приходилось терять вместе с высокой номенклатурной должностью. Восемь лет я был допущен к чтению совершенно секретного бюллетеня ЦК КПСС, где были подробные сообщения о таких фактах со стороны, как правило, только высшей союзной номенклатуры. А сколько их наблюдалось на местах – не счесть, в том числе и лично мною.

Складывалось впечатление, что в строительстве нового общества соревнуются и противоборствуют две силы – его созидания и разрушения. В самой номенклатуре как бы сразу обозначились три основных слоя: герои и антигерои, которые подробно описываются в монографии, а также середняки, которые составляли главный ресурс пополнения первых и вторых. Такой середнячок, выходец, конечно же, из рабочих, крестьян или интеллигенции, мог и принципиально проверить, и наказать любого завравшегося бюрократа, а мог и присоединиться к нему, пополняя ряды всевозрастающего количества карьеристов, воров, жуликов, мошенников, пьяниц и забулдыг в номенклатурных мундирах.

Читатель и оппонент уже утратили желание уточнять различные детали и конкретику, почувствовав по оглавлению, что все это будет еще впереди. Но вот вопрос: почему при наличии вышеописанных и многих других героев в центре и на местах, сумевших поднять народ, возбудить в нем чувство коллективизма и энтузиазма, жертвенности и бескорыстного служения идеям социализма, номенклатура не сумела его создать и проиграла исторический шанс, который оказался в ее руках в глобальном масштабе?

И на него предлагается самый лаконичный ответ. Потому, что антигерои в конце концов составили решающий перевес и полностью извратили суть замечательной идеи, вырвав ее из контекста общечивилизационного процесса развития человечества. Дальнейшее исследование детализирует и конкретных лиц, и факты, и процессы, и выводы как с позиций уже устоявшихся оценок, так в ряде случаев, возможно, и с неожиданных граней их анализа.

Ни при каких, даже самых благоприятных обстоятельствах, коими в России были и есть несметные богатства и очень податливый к ведомости народ, нельзя победить тем, имеется в виду номенклаторам, кто делает ставку на такие отжившие ценности феодального регресса, как внеэкономическое принуждение и тоталитаризм, тех, имеются в виду капиталисты, кто отдает приоритет прогрессивным договорным отношениям, свободе и демократии.

5. Номенклатура как источник коррупции, морального разложения и социального неравенства в обществе

Обращаясь к читателю и оппоненту, зададимся элементарным вопросом: люди, отринувшие веру в Бога, в общечеловеческие традиции и устои, безжалостно сокрушившие их, фанатически преданные идее мирового господства, заточенные на ее практическое воплощение це-

ной уничтожения целых классов и сословий, взявшие и утвердившие власть криминальными методами, могут переоплотиться в добропорядочный, справедливый и гуманный социум, способный к созидательному устройству общества? Конечно, нет. И это ясно даже любому несведущему в тонкостях человековедения.

Все, что могли придумать профессиональные революционеры, создавшие по своему образу и подобию господствующий класс номенклатуры, так это весьма изощренные и вполне эффективные способы возбуждения звериной природы человеческого подсознания, наличие которого обнаружил и обосновал не один Зигмунд Фрейд. Собственно, им ничего не нужно было придумывать, все было придумано и испробовано до них. Самое главное их достижение – они сумели направить насилие, убийство, ненависть, зависть в нужное русло целого комплекса революционно-криминальных мотиваций и действий.

Бдительный оппонент уже изготовился нанести контрудар по изложенному тезису в виде разящего вопроса: выходит, что человечество по такой логике оказывается практически беззащитным и так или иначе будет в какой-то момент тотально ввергнуто в стихию насилия, жестокости и самоуничтожения. То есть, нет никаких гарантий и условий противостояния данному сегменту подсознания.

Спокойно ответим мнением того же З. Фрейда: все это нейтрализуется, сковывается идеями гуманизма и социализации. Различные виды творчества, хобби и увлечения, семейно-брачные отношения, спорт, природа и отдых, – все это отвлекает от разного рода революционных патологий в сознании людей. И этим, кстати, тоже весьма умело пользовались большевики.

Если надо, они возбудят и поведут толпу, например, на разгром и разграбление храма Божьего, уничтожение семьи священника и его собственности, других классовых врагов. Но уже на следующий день, чтобы дело не дошло до погрома и самого ревкома, они с еще большей патетикой направят коллективную энергию людей на коммунистический субботник по уборке улиц и их благоустройству, то есть на нормальное человеческое созидание или организуют фестивали, парады, олимпиады, соревнования и тем самым уравновесят свои методы борьбы с собственным народом показательными, полезными мероприятиями.

Для них важно нейтрализовать, отсесть те разрушительно-грабительские, насильственные инстинкты от своего господства и диктатуры, направить их в нужное русло. Натренировавшись по молодости в практических вопросах пропаганды и контрпропаганды, я сделал одно любопытное обобщение о номенклатурной политике. В ней самым часто употребляемым было выражение «забота о благе народа». Нет, политические силы других стран тоже не стеснялись рань-

ше и не стесняются теперь в его употреблении. Но то, как на каждом шагу это делала советская номенклатура, ни одна книга рекордов не в состоянии сосчитать и зафиксировать.

Додумались даже до сотворения главного закона социализма об удовлетворении все возрастающих потребностей и благосостояния народа и старались в меру своей компетентности его выполнять. Отменяют расстрелы и повальные реквизиции – уже людям легче; разрешат держать и выращивать домашний скот и птицу – сразу же исчезает голод; выпустят из тюремных шарашек всех ученых и конструкторов, разрешат выдачу паспортов колхозникам и перестанут мобилизовывать в лагерно-трудовые армии – уже люди чувствуют свободу или приближение к ней; начнут платить более или менее приемлемую зарплату – тут же наблюдается всеобщее улучшение жизни, накопление сбережений, оживление роста потребления, которое в конце концов уперлось в непробиваемую стену дефицита, возникшего в результате жесточайшего кризиса недопроизводства – антипода проклинаемого капиталистического перепроизводства.

Как следствие, сбережения превращаются в пустые бумажки, но не пропадать же им, и номенклатура попросту расходует их, например, на производство около семидесяти тысяч танков, что на конец XX века превышало числом наличие их у всех государств мира вместе взятых. Это людям казалось, что их богатство лежит в банках. На самом деле оно работало на сохранение и безопасность номенклатуры, источая материальные и социальные ресурсы страны. А сам, в общем-то, толково обоснованный закон, вытекающий из общецивилизационного контекста, во многих сферах страны всё чаще зависал над очередями дефицита, черными рынками, блатом и коррупцией. И одновременно всё более результативно работал там, где руководили или непосредственно классовые враги или их приспешники в лице оппортунистов и ревизионистов.

Так или иначе, но жизнь менялась, люди к ней приспосабливались и улучшали свое социальное самочувствие. Не менялся лишь основной номенклатурный инстинкт во всё вмешиваться, всё контролировать, регулировать, отнимать, изымать, прибирать к своим рукам, а, проще говоря, грабить людей, но только мирными способами, с опорой на всевозможные запреты, ограничения, запрещения и тому подобный тоталитарный набор методов управления, ведущих только к одному – зависимости народа от номенклатуры. Важно, чтобы каждый человек по любой мелочи оказывался в роли просителя, чувствовал себя всегда зависимым от руководящей политбюрократии. Борьба с народом продолжалась, даже в условиях перестройки, когда руководивший Краснодарским краем И.К. Полозков, другие региональные вожди при поддержке ЦК бросили все силы правоохранных ор-

ганов на пресечение мелких торговцев овощами, фруктами, цветами и другими товарами, напрочь отсутствующими в госторговле. И это было не просто напоминание, а очередное утверждение большевистских традиций борьбы против всего, что делалось не по их воле.

Не могу вспомнить название замечательного отечественного фильма о вооруженном восстании заключенных одного их сталинских концлагерей, кои происходили в разных концах послевоенного СССР. Перед глазами, как наяву остались его незабываемые кадры. Честные, ни в чем не повинные советские люди из числа коммунистов и беспартийных, фронтовиков и тружеников тыла, не выдержав бесчеловечных карательных мер и издевательств, с отчаянием обреченных взяли за оружие и выступили против самого могущественного тоталитарного режима на Земле.

Началась операция по подавлению и уничтожению мятежников. Во время доклада о ходе боя полковника МГБ своему генералу тот с трагическим осмыслением подчеркивает, что это по сути гражданская война против своих же людей. Изумленный офицер вопрошает как бы возражением о ее начале. И тогда генерал, лучше других понимавший всю глубину драмы и трагедии страны, обреченно заключает, что война против своего народа никогда и не заканчивалась.

Вначале я ошибочно коррелировал данную мысль киногороя. После сталинских репрессий, которые то затухали, то вспыхивали с новой силой, давая понять, чтобы никто особо не расслаблялся и не забывал, что всякая революция требует жертв, пожирая в том числе и своих детей, начали с преследования не только врагов народа, которые были все уничтожены. Разве мог советский народ, сформированный и воспитанный новым, самым прогрессивным и гуманным строем, сам, внутри себя, допустить возникновение классовых врагов?

Об этом не допускалась даже сама мысль. Войну повели с инакомыслящими через насильственное объявление их больными и помещения в психдиспансеры на принудительное лечение. Наиболее опасных и неподдающихся никакому воздействию выслали из страны, лишая гражданства. Из всех деспотических методов насилия над живым человеком это был самый драконовский и безжалостный.

По факту понятно – бессмыслица, ибо лишить человека Родины невозможно, так как она данность, объективно подтвержденная его рождением и воспитанием на ее территории. А вот по замыслу власти – это немислимая жестокость. И хоть философские пароходы наподобие известного ленинского корабля не формировались, но отдельных, специально организованных пассажирских мест в один зарубежный конец использовалось немало.

Но мы вернемся к моей корреляции, вернее к ее исправлению, которое заключается в выходе на еще одну из форм ведения номен-

клатурой гражданской войны против собственного народа. Речь идет не об открытой, а о такой замаскированной форме как коррупция. И данное заключение не является самым исчерпывающим по жесткости его формулировки.

Звериные инстинкты подсознания у любого человека никуда ведь не исчезают, они всегда наготове, всегда ждут удобных моментов своего проявления. Поэтому, закончив вооруженную реквизицию и отъем собственности у многих социальных слоев, номенклатура сначала исподволь, шаг за шагом совершенствуя различные бюрократические уловки и предписания, повела народ в другую криминальную гавань революции – коррупцию.

Кстати, это не ее инновация, а лишь повторение мировой практики худшего управления обществом. Ведь народная мудрость о том, что рыба гниет с головы, касается всех, кто хотя бы приблизился к искушению власти и господства над другими людьми. И вариантов поведения здесь немного. Основных два. Один, самый широко распространённый – поддаться наиболее заманчивому и как можно больше потянуть себе в рот, в руки, в карманы, в дома, квартиры и т.д., угнетая других. Иной вариант, больше похожий на исключение, это попытаться остаться честным и порядочным, лавируя между теми, кто может тебя в любую минуту выбросить из стройных номенклатурных рядов. Действующее с древних времен правило «кто не с нами, тот против нас» оказывалось чуждым только в условиях демократии и то отчасти, хотя отменять его никто и никогда не собирался и не собирается. Тем более наша родная номенклатура, заточенная на него еще в эмбриональном развитии.

Несмотря на сложившуюся в подцензурной советской публицистике точку зрения о кристально честных большевиках – реквизиторах, которые якобы сами голодали, а все тщательно описывали, забирали у врагов народа и несли в общую копилку социалистической собственности, на деле оказывалось часто по-другому. Примеров таких в архивах и в литературе очень много. Приведу и свой, весьма примечательно характеризующий процесс борьбы с врагами народа в период массовых репрессий 1937-38 годов.

В начале девяностых я прибыл в Высшую Аттестационную Комиссию при Правительстве РФ для предложений по утверждению диссертационного совета. Моим делом занялась весьма энергичная женщина явно пенсионного возраста, которая после нескольких наводящих вопросов на какую-то понятную только ей тему, вдруг написала мне предложение через минуту выйти вслед за ней в коридор. В кабинете в это время были две других сотрудницы. Грешным делом я даже подумал, что с меня будут вымогать соответствующую мзду.

Однако разговор пошел в неожиданном для меня направлении. Изменившаяся в лице женщина пугливым шепотом стала мне расска-

зывать одну чудовищную историю. Оказывается, она моя землячка, родом из города Алексеевки. Когда ей было пять лет, пришли арестовывать ее отца, бывшего бизнесмена-нэпмана, служившего в Красной армии и построившего добротный дом, где и проживала их многодетная семья. Конфисковали все, включая дом. Отца и мать после ареста больше никто и никогда не видел и неизвестно, где они сгнули с этого далеко не белого для них света. Четверых детей порознь распределили по различным интернатам и детским домам под разными фамилиями.

Но старшая сестра запомнила название детдома и во время хрущевской оттепели нашла ее, уже взрослую. Тогда они очень хотели увидеть свою малую родину, родительскую обитель, но побоялись поехать в Алексеевку. Попали туда только на третий год перестройки. С волнением подошли к родному дому, который был разделен на две квартиры, но вовнутрь не решились зайти – побоялись, что встретят там тех, кто их из него выгонял.

Видя нарастающую взволнованность собеседницы, прервал ее рассказ вопросом: а чего вы боитесь сейчас, почему вышли из кабинета и шепотом разговариваете? Не знаю, – оглядываясь по сторонам, сказала она. – Наверное, мне и умирать придется с этим непреодолимым страхом. Далее она продолжала. Постояли мы там, поплакали в сторонке и только отошли от родного дома, как навстречу нам идет очень пожилая пара. Он в офицерской форме, весь в медалях, а у нее на руке ярко сияет драгоценным камнем золотое кольцо – реликвия нашей семьи.

Драматический момент краха своего дома и моих родных, конечно, мне запомнился, а вот лица погромщиков – реквизиторов и тем более само кольцо стерлись из памяти. Однако шестнадцатилетняя сестра хорошо все запомнила. Дело происходило в течение нескольких часов. Вроде бы все описывали, но кольцо, изготовленное еще более ста лет назад, на всякий случай не описали. Оно передавалось по семейной традиции всегда старшему из рода. От родителей сестра знала, что после их ухода из жизни оно должно принадлежать ей. Мы, понятное дело, оцепенели, а потом уехали оттуда и больше не возвращались.

На мое приглашение приехать в Белгород она поспешно отказалась, подчеркнув, что после ухода в отставку, если можно, то мне позвонит. Список и другие документы она меня по-деловому заставила переделать, несмотря на выражение дружеских земляческих чувств. А на следующий день, когда я все благополучно сдал и пригласил всех троих работающих в одном кабинете женщин на обед, то получил дружный ответ – спасибо, нам не положено. В ту пору только началась открытая и довольно массовая торговля дипломами кандидатов и докторов наук, и на их смену заступало уже другое, абсолютно беззащитное поколение государственных служащих. Исчезали и

последние островки таких некоррупцированных ведомств как ВАК. Безусловно, это было в своей основе порядочное звено в советской номенклатуре.

Занимаясь социологией, мне никогда не давали покоя некоторые нюансы коррупции, а точнее ее главные жертвы или постоянные пострадавшие, кому никто ничего не дает, зато все у них берут. Шла перестройка и об этом чего только не писалось, однако данный нюанс никем не затрагивался. Меня возил на служебной машине молодой водитель, студент-заочник из Грузии. Тогда в единственный на всю страну технологический институт стройматериалов направляли учиться представителей всех союзных республик. И ребята, в порядке самовыживания, как правило, устраивались на низкооплачиваемую бюджетную зарплату водителями, сантехниками, лаборантами вуза и т.д.

Все рассказы на заданную тему Нугзара Гвинианидзе, приехавшего из села, где жила его мама, рядовая колхозница-крестьянка, воспроизвести подробно невозможно, ограничусь фрагментами. Порядки, установленные там грузинской партноменклатурой, резко отличались от российских тем, что коррупция была абсолютно всеохватывающей и строго регламентированной по цене каждого житейского вопроса. У меня складывалось впечатление, что это был плановый, жестко управляемый и регулируемый сверху донизу процесс.

Проследим на конкретных примерах. Приносит почтальон матери пенсию в размере 60 советских рублей – три рубля сразу же оставляет себе. На приеме у врача выкладывается 5-10 рублей в зависимости от заболевания, у медсестры за каждый укол или капельницу от 1 до 3 рублей. На конкретные события в жизни школы, учителей и директора собирают по 3-5 рублей. За покупку через единственно возможный способ доставания по благу какой-то вещи, оборудования, мотоцикла или машины – от 10 до 40, а то и от 50 до 100 процентов стоимости нужно отдать продавцу или директору торгового предприятия в зависимости от степени дефицита товара.

Нужно вспахать огород ветерану колхозного труда – плати бригадир 10 рублей. Привезти дрова, уголь, сено или солому – расчет по отдельным расценкам непосредственным исполнителям. Переплачивать надо мастерам в парикмахерских, швейных, бытовых и автомастерских, билетным кассирам, официантам в ресторанах, таксистам и водителям автобусов. Примеры можно продолжать. На мой изумленный вопрос, а кто-нибудь хоть один матери твоей платил? – ответ, полный огорчения – никто!

Нет ее, крестьянки, в калькуляторе плановой социальной действительности специфического псевдосоциализма. Никогда не было и не будет. Все берут только у нее. И в этом учете известны все пред-

варительные и итоговые показатели с небольшой погрешностью, ибо контролируется каждая единица данного социально-экономического конвейера. Ведь она находится в официальной государственной статистике.

Остается только догадываться, какие аналитические показатели развитого номенклатуризма были приоритетными – те, что зачитывались в бесчисленных докладах на съездах, пленумах, собраниях, активах, заседаниях и совещаниях, или те, что по-тихому, без оглашения результатов подводились на неформальных встречах разного уровня в местах ограниченного доступа рядовых граждан.

Возникает вопрос, а как же тогда шла смена руководства, сопровождающаяся разного рода разоблачениями и наказаниями вплоть до уголовного преследования отдельных номенклатурных лиц? Внимательный взгляд на процессы управления регионального руководства всех градаций тех лет дает возможность понять, что менялись только персоналии, но не сама система. Просто одних в силу различных причин удаляли от кормушки, других зачисляли на ее довольствие. И это общеизвестный факт, который даже в ту пору признавался официально, правда, с оговоркой «в ряде мест» или «в отдельных случаях».

Есть и еще один нюанс. В вышеприведенной конфигурации принимающих взятки довольно широкий круг не только руководящей номенклатуры, но и рядовых специалистов и работников. На первый взгляд может показаться, что это добровольная доплата тем, кто хорошо работает, достойно обслуживает людей и не получает адекватной заработной платы со стороны государства. К тому же, многие из них фактически платят друг другу по замкнутой цепочке основных сфер обслуживания.

Однако такая технология коррупции выгодна была больше всего только номенклатуре, куда и уходила львиная доля фактически отбираемых у рядовых граждан денег. И, самое главное, она порождала и углубляла нарастающее социальное неравенство. Наиболее пострадавшими от нее оказывалась подавляющая часть общества, в которую входят рядовые рабочие, крестьяне, служащие, пенсионеры, подростки и молодежь. По сути – это нагло обобранное население, выплачивающее свои кровно заработанные или пенсионные деньги тем, кто создал, упрочил и охраняет коррупционный порядок, что и есть неприкрытая форма борьбы против народа.

Некоторые исследователи считают, что коррупция это способ откупиться человеку от государства. И это действительно так. Государство его всячески ограничивает, угнетает, не разрешает, запрещает, а он в свою очередь ему выражает свое недоверие, неуважение, находит способ проигнорировать различные многочисленные уложения и законы, нарушить их. Более того – рассказать об этом обязательно дру-

гому человеку, вовлечь его в коррупционную схему, соединив своей рекомендацией с нужным чиновником.

Так возникает кругооборот коррупции в природе социально-экономических отношений, так возникают две параллельные линии жизни, два параллельных государства, две параллельных экономики и т.д. И чем дальше эти две линии отходят друг от друга, тем быстрее наступает крах всего общественного строя.

Все это приводит к серьезным, хроническим и даже неизлечимым социальным болезням общества и многих людей, о чем у нас впереди специальный анализ наиболее крупных проблем. А сейчас предлагается пристальнее рассмотреть самые сокровенные и даже потаенные нюансы как все это начиналось и происходило в период номенклатурного управления страной.

Сразу же оговорюсь, только продумал текст, как в руки попадает чудесная книга «Человек не отсюда» Даниила Александровича Гранина, где все один к одному совпадает с моими мыслями. Не встречал других ученых, писателей и просто людей, кто бы мог сравниться по точности и пронзительности изложения событий жизни с фронтовиками. Поэтому с почтеннейшим благоговением предоставляю ему слово прямо со страниц его книги. Причем, не как большую цитату, а как и мое слово и взгляд на события жизни, в которых довелось лично участвовать. Вдумаемся в правдивые строки замечательного писателя.

То, что я знаю, это знания снизу, впечатления рядового. Так же как на фронте есть два разных видения и знания войны, одно – генеральское, оснащённое штабными сводками, картами, и солдатское – то, что происходит с обстрелом, с кухней, из окопа, в своем секторе. Это знание называют «окопной правдой». Она плохо стыкуется с генеральской, часто из окопа видится не то, но без этой солдатской правды нет правды войны.

Хотя мы называем 70-е годы, вплоть до 1982-го, периодом застоя, название это отражает скорее рутинность в экономике, внешнее впечатление глади, в обыденном же сознании людей происходили изменения крутые.

Когда я впервые году в 68-м узнал, что хирург в больнице «берет» за операцию, – не поверил. И все кругом не верили. Значит, этот врач урод, монстр. Потом оказалось, что «берут» и в других больницах. Процесс шел постепенно. Узнавал, что берут при приеме в институт, берут за дипломы. Берут учителя, берут в райжилотделах за ордер, за обмен, берут за путевку в санаторий... Люди приспособивались к этим порядкам мучительно. И не привыкли, не хотели мириться, они знали от рождения, что медицина у нас бесплатная, это завоевание, которое свято блюлось врачами; что обучение у нас бесплатное, никто не может нарушить великих завоеваний революции.

Приятель мой привез из туристической поездки приемничек – директору своему. Зачем? А освободилась должность ведущего инженера. И как же ты вручишь? А он сам просил...

Писали диссертации для нужных людей, писали им статьи, доклады, книги. Подношения большие и малые, торты, бутылки коньяка, духи – все это становилось бытом, нормой делового общения. В малом масштабе оно отражало то, что творилось наверху. У нас пыжиковые шапки – там манто, у нас торты – там бриллианты. Взятки, поборы, вымогательства – все это ширилось по всем городам и весям, разбедало все сферы служебной жизни, вплоть до милиции, армии, партийного аппарата. В министерства везли пакеты, ящики, а то и контейнеры. «А что я буду с этого иметь?» становилось основой решения вопроса для многих работников.

Менялось отношение к богатству. Становилось престижным иметь шикарную мебель, бриллианты, машину лучшей марки, дачу – словом, быть богатым. Одеваться не просто модно, а быть в «фирме». Прежнее небрежение к быту, коммунальщина, все уходило в прошлое, выглядело неудачливостью. Хорошо жить, жирно жить, богато жить, не обращая внимания, каким путем это приобретено... Социальная психология перестраивалась. Исчезла былая «пролетарская гордость», аскетизм, обыденное сознание ориентировалось на иные ценности. Приобретательство, роскошь хотя и осуждались пропагандой, но фактически этим занимались и те, кто пропагандировал, и те, кто произносил обличительные речи, и те, кто возглавлял борьбу с хищениями, взятками.

Стало считаться проявлением заботы о детях устраивать их учиться за границу. Престижно, почетно работать не на родине, а за рубежом. И выгодно. Начальственные дети кончали Институт международных отношений, уезжали во всевозможные представительства, посольства.

Торговых работников, откровенных жуликов, принимали в лучшем обществе. Что творилось там, народ не знал. Тогда о размерах бандитских операций, о подземельях Адылова понятия не имели!

Знали ли об этом в верхнем эшелоне власти? Вопрос, в котором испокон века таится холопская наша надежда. Может и не знали, да какое это имеет значение? Должны были знать. Но не хотели.

С этого, как видно, все и начиналось. С лести, с возвеличивания, что завешивало глаза и уши. Явление, которое мы называем «брежневщиной», окончательно оформилось, по-видимому, с того времени, когда М.А. Суслов провозгласил, что великая страна должна иметь великого руководителя. Этого будто ждали, тотчас аппарат с великой охотой принялся изготавливать Великого. Приемы, методика, традиции – все еще не заржавело. Дело было знакомое, приятное. Потому

приятное, что сулило выгоду всем делателям и всем окружающим, ибо великий руководитель имеет и выдающихся сподвижников. Хрущева тоже пытались взгромоздить на постамент, нельзя сказать, чтобы он не поддавался. Поддавался. Как тут не поддашься, если подпевалы хором славят каждое высказывание. Но Хрущев имел характер непредсказуемый, бурный, он то и дело соскакивал с пьедестала. С Брежневым было куда легче и удобнее. Ему можно было создать и военное прошлое, и последующие подвиги...

Тут я должен оговориться. Насчет достоверности его книг «Возрождение» и «Целина» сам судить не могу, зато первая книга «Малая земля» сразу же вызвала недоумение и протест. При всем уважении к политработе, не могло быть так, чтобы самым героическим человеком в армии оказался начальник политотдела, другие не стали героями, не были так отмечены за боевые свои подвиги. Обязанность начальника политотдела – подписывать и выдавать партбилеты, руководить инструкторами, а не управлять войсками. Малую землю превратили в Бородино, самого же Брежнева сделали стратегом, роль его в Победе сделали одной из ведущих. Никто не понуждал его писать эти книги, рецензентов славить их как литературные шедевры, не было нужды награждать их ленинской премией, говорить, что по популярности, по влиянию на читательские массы, на их сознание книги Леонида Ильича не имеют себе равных, что в них каждое слово согрето кровью его сердца и т.д.

Если бы подобное адресовали Сталину, упрекать за это было бы трудно. Могли заставить, и тогда действовал искренний культ. Брежнев таких чувств не вызывал. Происходила бессовестная фальсификация истории. Хотели тоже получить звездочку, звание, должность – словом, что-то с этого иметь. И получали. Г.М. Марков, руководитель Союза писателей, вручил Брежневу Ленинскую премию за «Малую землю», а Маркову за это Брежнев вручил Героя Социалистического Труда.

Угодники и льстецы делали карьеры. Чем больше воровали в своих краях, министерствах, тем больше льстили. Льстили не от страха, льстили, не уважая, ради того, чтобы продвинуться, заработать себе право на безнаказанность. И выдвигались. Это поощрялось. Соревновались, изошлись в подарках, сооружали к приезду высокого гостя триумфальные арки, выстраивали вдоль дорог шеренги счастливого населения.

Додумались до переносных клумб, которые ставили вдоль очередной трассы. Чуть ли не траву красили. В расходах не стеснялись. Все меньше думали о нуждах людей, о нехватке больниц, жилья. Строительство учреждений культуры не велось. Зато были построены сауны, тысячи больших и малых саун во всех областях, при комбинатах, управлениях – для ублажения большого и малого начальства. Сауна – типичное сооружение периода застоя. И типичное времяпрепровождение – потеть, окунаться, попивать чаек, водочку.

Спаивание народа продолжалось, нарастало – об этом говорили, но практически не боролись, наоборот, торговля вином разворачивалась все шире, вино продавали повсюду, в любом кафе, столовой. На улицах выставляли лотки с винами. Атмосфера растления действовала все сильнее, не сдерживаемая сверху. Все меньше думали о нуждах страны, все больше о собственных.

Руководитель областного издательства рассказывал мне, как за несколько недель до Нового года начиналось изготовление эскизов для открыток с поздравлениями членам Политбюро. Отрабатывали каждому свою, отдельную открытку. Сочинялись тексты. Возили к секретарю обкома, обсуждали, что-то меняли, печатали, и, наконец, сам Первый рассылал. И так перед каждым праздником.

Трудно было привыкнуть к тому, что действительно великой страной могут руководить люди без высоких идеалов и принципов. Их тщеславие можно было удовлетворить разными медалями, звездами... Их вкусы – забивали козла, смотрели мультяшки, ездили на охоту.

Не важно, как они проводили время, читали ли что-нибудь (может, поэтому избегали встречаться с интеллигенцией), куда важнее, что с этим свыклись. Похоже, что эти фигуры, и сам Брежнев, устраивали прежде всего аппарат.³⁸

Естественно, можно до бесконечности продолжать фактологическое изложение знаменитого писателя-фронтовика, детализировать и дополнять его размышления собственными многочисленными примерами, но наша исследовательская позиция и без этого давным давно подтверждена многими авторами и самой жизнью. Здесь важно подчеркнуть ту основную тенденцию в самоселекции номенклатуры, которая называется моральным саморазложением. Это был системный, саморазрушающийся и набравший ускорение процесс, который, во-первых, не мог уже остановиться сам по себе, то есть под воздействием определенных сил внутри номенклатурного класса, о чем пойдет речь в последующих главах.

Во-вторых, его невозможно было остановить извне, так как внешние силы предпринимали все меры к тому, чтобы ликвидировать СССР как противовесную, вооруженную современным ракетно-ядерным оружием силу в двухполярном глобальном мире. Наоборот, им было выгодно внутреннее разложение правящей советской номенклатуры, её идеологическое, политическое и социальное банкротство. При этом они, конечно же, не забывали размышлять о будущем однополярном мироустройстве, где править будет единственный, самый сильный хозяин. Речь идет вне сомнений о США.

Не будем забывать и то, что советская номенклатура всегда помнила и делала все возможное для достижения главной цели – мирового господства. Побеждать только в одной стране или в нескольких никто

не собирался, номенклатуризм под видом сначала мировой революции, а потом мирового социализма должен быть всеобщим. Это было наиважнейшей сверхзадачей, ради которой не жалели и не экономили ничего и никогда. И никакая даже середина здесь не допускалась.

Но шапка оказалась не по Сеньке. Основные базовые экономические и технологические позиции в глобальном противостоянии были проиграны. Особенно это почувствовалось во всем мире и, тем более внутри страны, после провала афганской авантюры, затеянной дряхлым брежневским руководством. Ресурсы привычной пропагандистской риторики и демагогии также оказались исчерпанными. На повестку дня всё более требовательно выходил главный вопрос об исторической ответственности перед собственным народом, сокрушительную силу которого номенклатура чувствовала и знала не понаслышке, делая все возможное для ее мобилизации в надлежащее время и в нужных целях. Неплохо разбираясь в теории классов, номенклатурные лидеры со все большей тревогой думали о том её разделе, где речь шла об их уничтожении и исчезновении. Тут тоже за опытом идти к соседям не было необходимости.

Как же спасти свое положение, и можно ли изловчиться так, чтобы и народ успокоить, и себя сохранить, и свое руководство обществом продолжить? Об этом начались кулуарные размышления и обсуждения в высшем эшелоне власти еще при Ю.В. Андропове. В дело вступал один из важнейших классовых инстинктов – страх. Это был страх перед пропастью социального неравенства, которая образовалась между управляющими и управляемыми, страх за невыполненные обещания, за крах идеи глобального превосходства и господства над всем миром.

6. Из советского класса в российский: особенности и результаты исторического перевоплощения номенклатуры

На первый взгляд, классовые инстинкты, активно употребляемые многими исследователями, сами по себе выглядят несколько надуманными, нереальными понятиями. Ведь с научной точки зрения смысл инстинкта заключается в сугубой индивидуальности независимо от различий его определения. Так или иначе все сводится на фазе его возникновения к побуждению, поведению, действию без осознания цели на основе врожденных, наследственных стремлений и тенденций.

Здесь скорее всего можно представить некую сумму индивидуально проявленных и передаваемых от одного человека к другому инстинктов страха, которая в конечном итоге может охватить часть или

весь рассматриваемый класс общества. Любое проявление инстинкта имеет свое продолжение в виде формирования отдельного чувства или целого комплекса чувств. Это эмоциональный процесс человека, отражающий субъективно-оценочное отношение к реальным или абстрактным объектам жизни.

Было бы неверным считать, что партноменклатура всегда опиралась на чувство уверенности в правоте своего дела и верности избранному курсу. Хотя общая тональность задавалась железной волей её основателей и кажущейся непоколебимой и неоспоримой теорией, на практике выходило совсем по-другому. Случались моменты, когда новый класс просто не знал как управлять, что конкретно делать в той или иной ситуации. Это было предметом споров, дискуссий и внутриклассовой борьбы за конкретную линию руководства обществом.

Чем тоталитарнее становилась его внутренняя структура, тем больше эти процессы отличались закрытостью, сосредотачиваясь в основном «под ковром». И наоборот – любое послабление насилия, репрессий, в том числе внутри господствующей номенклатуры, выносило все эти проявления на поверхность, будоражило общество. Размягчалась монолитность самой номенклатуры, в ней шла перегруппировка сил и приоритетов.

Простому народу было трудно понять истинный смысл и перспективы происходящих перемен, потому ему было внушено, что он попал с 1917 года в самую стабильную из всех общественных систем, которую на самом деле можно охарактеризовать как кризис постоянного самовывживания. Где бы не находился советский человек, он жертвенно, за счет собственного благополучия, занимался великим общим делом, вступал в какие-то стройные ряды, отдавал все свои силы и даже жизнь во имя великих идеалов, создавал будущий общий строй и общее счастье, которое реально ощутить было невозможно, хотя верить в него очень хотелось, но выживал он индивидуально. Удивительнее всего было то, что он одновременно четко осознавал – в этом выживании приоритет всегда остается за личным и частным. Надеяться можно было только на себя и свои собственные силы.

Номенклатура заботилась о величии строя, страны, о счастье всех, но никогда не занималась обустройством и счастьем отдельного человека. Являясь частицей великого общего счастья и общих великих достижений, он должен был чувствовать свою сопричастность и свое социальное состояние таким же величественным, независимо от того, где он жил, в каких условиях работал, как одевался и питался, куда мог поехать отдохнуть.

Глядя на любой плакат или красивый портрет вождя, каждый человек должен был чувствовать, что хоть сам он пока еще не такой, но находится на верном пути к заветному результату. Тем более под са-

мым заботливым и умелым руководством великих вождей, на каждом шагу взирающих на него с твердой уверенностью в успехе.

И вот пружина кризиса сжалась до предела. Зашаталась мировая система номенклатуризма. Назревали серьезные негативные процессы внутри нашей страны, требовавшие неотвратимых перемен. Первыми на них пошли китайцы. Им было в моральном плане легче. Уничтожая классовых врагов, в кои были зачислены даже несчастные воробьи, подлежащие безжалостному истреблению, они на всякий случай не забыли Конфуция. Оставив на плакатах великого кормчего Мао и слова о социализме, китайская партноменклатура, руководствуясь мудростью «неважно какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей», одним махом ликвидировала его многочисленные дуракоподобия и занялась либеральным капитализмом в экономике.

У нас же придумали перестройку и в первую очередь взялись за демократию, гласность и открытость, то есть за политику, не притрагиваясь к отношениям собственности, свободе предпринимательства, созданию институтов рыночной экономики, независимой судебной системы и другим базовым факторам вывода страны на траекторию развития. Словом, поставили телегу впереди лошади, да еще и попытались придать столь сомнительному эскорту ускорение. Привычные мобилизационные мифологемы сыпались из высоких номенклатурных уст как из рога изобилия.

Чего стоил, например, такой самовозбуждающий перл, как постановка задачи сделать в ближайшие годы Советский Союз законодателем мирового автомобилестроения. И это на фоне ужасающей все телеэкраны картины с неоткрывающейся, хоть убей, дверцей новой марки итальянских «Жигулей». Опять нажимали на приоритетность сознания, зачитывая по учебникам и лекциям обратное – бытие, то есть плохие машины, дороги, талоны на все и вся и тому подобные мелочи низкого качества жизни, определяют сознание. Так оно и определилось, и сформировалось в алгоритме полного отторжения всех программ и идей, переходящего в протесты.

Взыскательный оппонент может меня резко одернуть вопросом: зачем пережевывать перестроечный жмых, который быстро исчез из жизненного пространства? Поясним сразу выводом о том, что перестройка, которую только самые ленивые не хаяли и не обливали грязью, особенно в разноуровневых кулуарах номенклатуры, сыграла одну очень важную историческую роль, которая незаслуженно обойдена вниманием ученых и публицистов.

На мой взгляд изнутри как непосредственного участника тех событий и одновременно их исследователя, сложилось твердое мнение о том, что перестройка явилась весьма эффективной школой подготовки номенклатурного класса к серьезным испытаниям и вызовам,

которых он никогда не переживал за всю свою руководящую жизнь. Именно школа перестройки дала самые первые предметные уроки перевоплощения и последующего спасения господствующего класса на радикальном общественном разломе. Часто думается, что, возможно, она для этого и затевалась.

История мало может напомнить подобных примеров, когда бы создавший себя сам, определивший себе ведущую и руководящую роль класс огромной державы, полностью провалив задуманное дело и тем самым дискредитировав себя в глазах своего народа и всей мировой общественности, сумел удержаться на плаву, не выпустить из своих рук руль управления и, успешно перевоплотившись, не потерять свою фактически несменяемую почти власть и господство над обществом. Это дорогого стоит и самой номенклатуре, и ведомому ею народу. Правда, сама цена выражается, к сожалению, в противоположных значениях.

Хотя столетний период это еще не вечер истории. В той же Византийской империи очень похожий на наш по стилю и содержанию управления класс продержался несколько веков, но все равно окончательно разложился и сдал себя и народ на милость османских победителей. Просто там не смогли организовать перестройку и внутриклассовую переподготовку, уверовали в свою вековую незаменимость, утратили инстинкты самосохранения, окончательно зажирили, погрязли в сплошной коррупции и погибли. Жаль, тогда не родился еще наш опыт, возможно бы помог.

Вспоминается один из открытых уроков перевоплощения номенклатуры. Волна перестроечно-протестных страстей докатилась до Белгорода. Назрел первый оппозиционный митинг. В руководстве региона началась суеда. Надо давать разрешение на проведение, а – где? На центральной площади, где всегда проходили специально организуемые массовые мероприятия по заранее подготовленным сценариям, боязно и опасно. Неизвестно, чем это может закончиться перед входными дверями областных органов власти.

Решение наметили вынести не где-нибудь, а на специальном собрании партийно-хозяйственного актива города. Полдня шло обсуждение. Несмотря на резкое возражение руководства технологического института стройматериалов, которое я безуспешно пытался отстоять, митинг решили провести на его площади. Во-первых, это на Харьковской горе, не каждый туда в морозное воскресенье поедет. Во-вторых, студенты заняты сессией, а значит места митингующих можно заполнить специально организованной номенклатурной массой. Её сплоченно дисциплинированные ряды в назначенный час окольцевали митинг протестующих вполне зримым живым обручем, как бы символизируя соотношение сил в обществе.

Однако кучку еще не оперившихся неформальных демократов, собравшихся на ступеньках Дворца студентов и намеревавшихся руководить мероприятием, поджидала еще более яркая номенклатурная инновация. Вскоре рядом с ними встало более многочисленное руководство области во главе с харизматичным партийным лидером А.Ф. Пономаревым, который никогда не нуждался в необходимости лезть за словом в карман.

Взглянув на один из лозунгов «Алексей! Свободу на колбасу не променяешь!», он решительно подошел к микрофону и сразу же попытался небезуспешно, хотя бы на время перехватить инициативу эффективным смысловым комментарием адресованного ему протестного призыва. Действительно, кто может быть против колбасы?

В целом митинговые страсти и дискуссии закончились сдержанной ничьей. Но засидевшаяся в кабинетах и в одних и тех же президиумах, зачитавшаяся по бумажкам одни и те же тексты областная номенклатура сделала необходимые выводы из происшедшего. И самым существенным из них был немеркнущее классический: хочешь руководить дальше – слейся с протестной массой людей, не бойся войти в нее и попытайся повлиять на общее настроение. Кстати, так всегда делали основатели и вожди номенклатуры В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, которые почти всегда добивались данным методом искомого результата, – не зря они целыми днями лично мотались по нескончаемым митингам на заводах и фабриках.

И хотя всем было понятно, что главный вопрос власти решается в Москве, уроки псевдодемократического перевоплощения региональных элит тоже не проходили даром. Они очень пригодились в скором будущем, когда поражение и крах нужно будет где исподволь, а где и открыто превратить в свою собственную победу. Пока же шла позиционная многосложная политическая игра с соответствующими наступлениями одних и контр наступлениями других, выпусканьем пара, многослойными маневрами и сменой позиций.

Когда многие региональные партийные лидеры проиграли первые почти свободные выборы 1989 года, высшее руководство страны решило возложить всю вину за глобальную неудачу на КПСС и потихоньку списать ее в архив. Для этого придумали небезынтересный кульбит. Генеральный секретарь ее ЦК пересаживается в кресло Президента СССР, а региональные и муниципальные первые секретари становятся председателями местных советов. Чем не торжество демократии и одновременно советской власти?

Вскоре после очередного переворота страны, правда, уже без ленинского предписания и плана, но с номенклатурным перехватом – захватом новой власти, многие из них возглавили регионы и муниципальные образования. Остались работать в своих прежних кабинетах,

ездить на тех же машинах, только конфискованных ими же у вчерашних самих себя, точнее у запрещенной партии. Вместо тех, кто стоял на непоколебимых жестких позициях выдвинули их более податливых соратников из второго и третьего эшелонов номенклатуры. Должности глав администраций некоторых регионов и многих муниципалитетов достались и представителям производственного сектора. Они знали конкретику жизни и были наиболее успешными в управлении.

Хуже обстояло с демократами из простого народа, их тоже поставили кое-куда, отблагодарив за протестные усилия. Будучи журналистами, учеными, актерами и другими представителями интеллигенции, часть из них в силу своей управленческой неопытности и некомпетентности не смогли закрепиться на своих должностях и, как порядочные люди, добровольно покинули их. Другие, почувствовав себя в одном ряду с новыми-старыми хозяевами жизни, ударились в извлечение разных прелестей начальственного положения, горьких и сладких удовольствий.

Некоторые подсели на довольствие бизнес-структур, увлеклись поездками, особенно зарубежными, презентациями, приемами, юбилеями, встречами и прочими мероприятиями. Жизнь-то продолжалась. И никто не решился отменить советские обычаи по этой части. Более того, к ним добавились новые, с еще большим размахом и содержательностью. То, что было раньше фантастикой, теперь стало явью. Тогда взять самолет и полететь на охоту на другой континент могли только кремлевские небожители или их отпрыски. Сейчас же из любого региона каждый, у кого есть деньги, может зафрахтовать самолет или вертолет и вылететь на любое мероприятие в любую точку земного шара. Как тут удержаться от соблазна приглашения?

Помню, в старые номенклатурные времена в руководстве города активно интерпретировался любопытный смысловой сюжет в различных вариациях. Одна из них: встречаются два руководящих работника. Один у другого спрашивает, почему такой невеселый? Да вот, после вчерашнего думаю, как сегодня не выпить? Посылают на юбилей такого-то завода... Другой с сочувствием ему отвечает, да я тоже еду встречать делегацию, а дальше, сам знаешь, увильнуть не удастся. Вот дожили! Раньше искали с кем выпить и за что выпить, теперь же другая беда. И так каждый день...

Действительно, для многих ответработников номенклатуры это вначале перманентное удовольствие становилось постепенно бедой и жизненной катастрофой. Немало таких пришлось потерять, в том числе из близкого окружения. А некоторые крепыши, благодаря своему могучему здоровью, и по партийной линии всё, что им предлагалось, приняли вовнутрь, и в новой номенклатурной жизни не заставляют

себя уговаривать, принимают в свое удовольствие. Для них вся жизнь – банкет или его предвкушение. Традиции продолжают.

Мне пришлось много читать, а еще больше размышлять о вышеописанном, и всегда возникает один и тот же вопрос – правильно ли поступил первый Президент России, оставив у ее руководства партийно-советскую номенклатуру? Может он сделал так потому, что сам плоть от плоти ее, воспитанник и выдвигенец? Давайте порассуждаем вместе. А что бы он получил, отдав все регионы в руки демократически настроенных актеров, журналистов, писателей, киноведов и художников?

Они хорошо умели писать и говорить, но этого мало, чтобы обеспечить нормальное функционирование в условиях суровой зимы сложного городского хозяйства, организовать процесс бюджетирования, скоординировать взаимодействие производственных и других хозяйствующих структур. И так можно набрать еще не один десяток больших и малых проблем, которые надо решать сегодня и сейчас, в оперативном режиме. Плюс конкретная работа на перспективу, на заделы будущих административно-распорядительных актов и мероприятий. А чрезвычайные и аварийные ситуации – все это можно понять, только пройдя основные звенья хозяйственной и управленческой работы.

Ее умели делать и делали тысячи секретарей партийных комитетов различных уровней, председатели местных советов и их исполнительных комитетов, сотни тысяч хозяйственных руководителей. Да, их выбрала и воспитала партия, другого варианта не было. Но выбор был из лучших специалистов, активных общественников. Это был достаточно серьезно продуманный, испытанный временем и усовершенствованный селективный процесс кадрового обеспечения органов управления огромной страны.

Мне самому на собственном опыте пришлось пройти многие его звенья и сделать без излишнего преувеличения вполне обоснованный вывод: если бы этот процесс партия направила на подготовку кадров для управления обществом в условиях рынка и открытого общества, как это сделали и продолжают делать китайские и вьетнамские коммунисты, СССР бы не распался, из него бы не разбежались люди и целые народы, а наоборот – просились бы принять их под своды высококачественной жизни его граждан.

Выше я описал на конкретных примерах этих людей. Здесь надо добавить, что многие из них, попав в номенклатурный котел, вынуждены были жить раздвоенной жизнью. Далекое не для всех это было легко делать, зачастую ситуация вынуждала их преодолевать, что называется, самих себя.

Речь идет о том, что, придя на партийную работу во главе района, города или даже региона, конкретный первый секретарь из вчерашних хозяйственных руководителей и специалистов в ежедневном и еже-

часном режиме выполнял чисто распорядительные, производственно-хозяйственные функции. Он ездил по селам, инспектировал заводы и стройки, вникал в дела трудовых коллективов, принимал меры по устранению имеющихся недостатков, в том числе кадровые решения.

Но ему же приходилось и выступать с заранее подготовленными партаппаратом докладами на конференциях, пленумах, совещаниях, вести многочасовые заседания бюро, участвовать в проведении партсобраний и различных общественных форумов, где тоже выступать по написанным текстам, нередко запинаясь в незнакомой, сложной терминологии, особенно по идеологическим проблемам. Знаю, многие не любили это делать, выполняли такие функции формально, сожалея о потерянном времени на пустозвонную словесную бутафорию.

Особенно не любили говорить слова о коммунизме. Собственно, их избегали даже те, кто писал различные тексты докладов и выступлений. По какому-то всесоюзному умыслу, не сговариваясь, они постепенно вычистили этот совершенно бессмысленный с точки зрения связи с реальной жизнью термин даже из партийного обихода, где специальный набор идеологизированных словосочетаний миллионы раз повторялся как молитва. На моем партийном веку изредка слышал его только из уст первого секретаря Белгородского горкома В.И. Путивцева, да и то в виде укоризненной присказки – с вами коммунизм не построишь. И в его многозначности трудно было понять, что это – упрек, подтверждение очевидного или сожаление о безнадежности его личного, самозабвенного, пусть и специфического, но на полную выкладку труда.

И совсем уж редко, можно сказать только в условиях безвыходной ситуации, когда написанное нужно было зачитывать беспрекословно, упоминались и перечислялись светлые идеалы коммунизма, оставаясь чисто плакатным инструментом воздействия, а точнее, идеологического формализма. Тут скорее всего срабатывало все же чувство меры и остающегося от широкоформатного фарисейства приличия тех, кто с нарастающим ускорением осваивал хоть и менее светлые, но гораздо более осязаемые идеалы общества потребления, о чем подробно написано в предыдущем параграфе.

Что же взяла с собой после общественного разлома управляющая номенклатура в новые кабинеты и структуры власти, и какие усилия она потратила на свою перелицовку? Ответ может поразить краткостью: взяла все, что имела и без каких-либо особых дополнительных усилий на перевоплощение. Наступивший дикий капитализм и эпоха большого хапка общенародной собственности молниеносно востребовали все приемы получения прибавочной стоимости периода развитого социализма.

Те, у кого были замаскированные стада баранов, пасеки, производственные цеха, склады, участки земли и другие формы обособле-

ния себя из общего равенства, быстро все это вмонтировали в процесс приватизации и резко пополнили, теперь уже официально, свои материальные активы. Неплохо, а чаще всего весьма увесисто потянули и те, кто своевременно сориентировался и воспользовался плодами первых кооперативов и малых предприятий, которые как сигнал к принятию были специально устроены на финальной черте рухнувшего строя, и это теперь можно смело утверждать, для освобождения всего народнохозяйственного комплекса страны от богатейших ликвидных и неликвидных запасов сырья, оборудования и материалов, ставших для одних основой первоначального накопления капиталов, а для других – крупномасштабным приращением.

Те, кому писали речи, статьи, книги, продолжали как ни в чем не бывало их зачитывать, публиковать и получать от этого свои дивиденды в бизнесе и карьерном росте. А те, кто им писал, также занимаются своим привычным ремеслом и по сей день, переписывая все в том же стиле по содержанию и чаще всего в той же форме с некоторыми организационно-техническими обновлениями терминологического характера и названий органов власти. К тому же продолжились все те же массовые мобилизационно-озадачивающие мероприятия. Только теперь вместо собраний партийно-хозяйственных активов и пленумов проводятся расширенные заседания правительств регионов, коллегий и так далее.

Здесь практически ничего не изменилось. Такие же отчеты, доклады, выступления, взыскующие вопросы и, как и положено, основополагающие инициативы, постановка крупных задач и контрольных заданий со стороны главного управителя, облеченных в названные дорожные карты, формы проектного управления, программы и т.п. Теперь же нет опасности в позаимствовании их даже у бывших классовых врагов. Зато появилась возможность выдавать где-то уже сделанное за личную инновацию. Всё это точно так же, как и раньше, сопровождается многочасовыми самозаговариваниями, ритуальными процедурами, которых нет ни в одной управленческой структуре мира.

Как-то в начале этого века, когда народ еще не отошел от шокового дефолта, в канун очередного раунда выборов губернаторов по ряду регионов прокатилась их инициатива в разработке и осуществлении программы повышения качества жизни людей. Что только не говорили и до какой степени не расхваливали своих хозяев чиновники всех мастей, беззастенчиво скрывая за активной риторикой, что это никакая не инновация, а вполне реальный, давно достигнутый результат управления ведущими и просто высокоразвитыми странами мира.

Выдвинутая более полувека назад в ходе политической борьбы социал-демократами Европы программа повышения качества жизни была осуществлена по совсем незамысловатой формуле: победившие на

выборах либерал-демократы, то бишь правые, поднимают прежде всего экономику, пришедшие затем к власти социал-демократы или левые поднимают социальную сферу. А в целом это дает развитие всей страны и искомое высокое качество жизни, ведаемое нашим народом только в ходе экскурсионных наблюдений и обещаний доморощенных политиков. Вот что такое демократия не на словах, а на деле, и ее зримые, восхитительные результаты, которых никогда и нигде не демонстрировал ни один даже самый восхваляющий себя тоталитарный режим.

На деле получилось: там, где больше всего декларировали грядущее повышение качества жизни, меньше всего рос объем регионального бюджета на фоне высоких темпов увеличения его кредитной задолженности, наблюдается повышение цен на продукты питания, энергоносители и услуги. А с учетом падения реальных доходов населения после резкого обесценивания рубля и постоянного усиления административного давления на бизнес, который не входит в круг интересов управляющих группировок, разговор на заданную тему выглядит просто неприличным.

Хотя внешний антураж обнаруживает тенденцию к улучшению жизни, особенно в крупных городах, где появляется больше новых зданий, дорог и тротуаров. Поездив по заграницам и насмотревшись на тамошний дизайн, номенклатурные перевоплощенцы прежде всего решили улучшить свои условия работы и жизни. На фоне обнищавших людей они стали интенсивно строить новые административные здания и реконструировать старые.

Сегодня трудно найти город или райцентр, где бы не были построены дорогостоящие апартаменты пенсионного фонда, фонда медицинского страхования, сбербанка, налоговой инспекции и других организаций, размножающихся на изумление неприхотливых россиян. Когда в Белгороде открывали такое здание в присутствии министра РФ в ответ на приглашение руководителя пенсионного фонда я наотрез отказался посетить данное мероприятие. В резкой форме объяснил и причину.

Мне стыдно будет смотреть в глаза родителям, которые увидят в предстоящей церемонии пир во время чумы. Ведь на него потрачены деньги с их и без того мизерной пенсии. А на раздосадованные оправдания, что это для них же и построено, чтобы им было удобно сюда приходить и здесь же находиться, подчеркнул: вы лучше сделайте так, чтобы пожилые люди меньше ходили и мучились в очередях, а спокойно дома получали заслуженные, приличные пенсии. И для такой технологии не нужно роскошных дворцов.

Однако перенимается далеко не все зарубежное. Так, неономенклатурщики в упор не заметили, что во многих странах руководители ездят на велосипедах или на скромных автомобилях. Наши сразу же

оседлали самые дорогие и престижные иномарки от центральных органов до администраций отдаленных районов. Причем, нередко меняют их за счет бюджетных средств как перчатки. О количестве служебного транспорта можно без особого исследования сразу же подавать заявку на рекорд в книгу Гиннеса. Печать захлебывается от публичных разоблачений, но, как говорится в одной басне, а Васька слушает да ест. Ведь исправить такие перекосы может только демократическое, гражданское общество, где действуют независимые суды и пресса, а любая власть подотчетна людям и сменяема ими же.

Решительно изменились и манеры поведения, общения и взаимодействия внутри самого господствующего класса. Как-то во время официальной поездки в польский город Ополе мне пришлось участвовать в приятной церемонии открытия нового учебного года в университете. Коллега-ректор Кристина Чайя сказала, что будет много высоких гостей, в том числе – первый вице-премьер Польши, до этого возглавлявший ее правительство, губернатор, мэр и другие. Находились мы в ее кабинете, пили чай. С приближением времени начала мероприятия у меня невольно включился привычный протокольный синдром, и я напомнил ей, не пора ли идти встречать вип-персон. К моему удивлению она спокойно сказала: сами придут, они знают дорогу в мой кабинет. Также непринужденно вела себя ректор по ходу всех официальных процедур и на заключительном приеме, с которого высокие гости уходили без всяких проводов. Здесь теперь так принято, – пояснила мне коллега.

Совсем по-другому это выглядит у нас, где очень бережно относятся к партийно-советским традициям осуществлять спецмероприятия по такому поводу. Они предусматривают усиленные наряды и особый режим работы спецслужб, перекрытие многих улиц, площадей и других территорий, где проходят данные рауты, встречи высоких гостей руководителями учреждений на улице при подъезде, особое сопровождение и так далее.

Как-то проезжаю мимо одного уважаемого учреждения и вижу стоящего у дороги на солнцепеке его руководителя. На мое вопрошение он пояснил, что уже два часа по звонку ждет высокую делегацию, с минуты на минуты должна приехать. В напряженном ожидании находился и весь коллектив. Через два часа еду обратно, а он все стоит бедолага. Позже я узнал, так продолжалось допоздна, когда вконец измученным людям сообщили, что встреча отменяется.

Забывчивость протокольников областной администрации здесь вполне понятна, как и то, что они никогда не забывали предупредить о предстоящей встрече с подстраховкой часа на два-три раньше назначенного. Университет был весьма активной площадкой для важных встреч, и мне удалось поднатереть в таких тонкостях, особо не про-

стаивая лишних минут на улице, хотя всякого лиха пришлось хватить предостаточно.

Особенно трудно было отбиваться от многочасовых заседаний и совещаний, от которых у меня не вышел гул еще советского периода. До сих пор не могу понять, почему не прервалась традиция созывать на них несколько десятков и даже сотен ответственных руководителей, чтобы заслушать одного по вопросу, мало относящемуся к остальным. Ведь нигде в мире такого нет. Сам-то я добился участвовать только в тех совещаниях, которые проводил глава региона, а вот моим заместителям приходилось попусту расходовать немало времени и сил.

Неутраченной оказалась и традиция номенклатурного единения с народом, особенно на таких мероприятиях как демонстрации, митинги, встречи. Тут поменяли вначале высокие трибуны на более низкие, а потом и вовсе убрали их с глаз долой, слившись в едином строю с трудящимися и учащимися массами. Особенно обескураживали такие жонглирования в 90-годы, когда тот, кто разорял рабочие места в сельскохозяйственных, промышленных, торговых и других предприятиях с целью их прихватизации, лишая людей возможности найти работу в своем селе или городе, устраивал коррупционные схемы и разгонял инфляцию, шел вместе с демонстрантами под лозунгами борьбы за справедливость, против разграбления собственности, за труд на своей земле и так далее. Теперь все привыкли и ничему никто не удивляется.

Вместо партийного поручения, ответственности за его выполнение, угрозы положить партбилет на стол наступила эра протоколов поручений руководителей страны, регионов, городов, муниципалитетов, ведомств, корпораций, учреждений. Их демонизировали до такой степени, что без данной бумаги уже ничего не делается и складывается впечатление о полном параличе номенклатурного управления.

Во время пребывания в университете, после моего доклада Президент РФ В.В. Путин спросил о трудностях и проблемах. Не будучи приверженцем того, чтобы, пользуясь случаем, протягивать руку с просьбой о помощи, я тем не менее на всякий случай приготовил и тут же продемонстрировал слайды с недостроенными жилым домом и санаторием. Комментарий был вполне деликатным: строим за свой счет и, конечно, денег не хватает.

Руководитель страны тут же шутливо заметил: так я и знал, что вы тоже закончите просьбой о деньгах. Он к этому уже привык. Сама ситуация и мой ответ, что никакой просьбы не было, вызвала смех у сопровождающих лиц и журналистов. Президент же вполне серьезно подозвал губернатора и после некоторых уточнений сказал нам, какое письмо ему надо направить и каким образом он окажет финансовую помощь.

Все это было сделано оперативно, но прошел месяц, потом второй, а никаких сигналов по этому поводу не было. Я начал искать концы официального прохождения нашего документа и получил рекомендацию обратиться к своему министру, который на этой встрече был рядом и слышал весь разговор. Поскольку никаких указаний и информации он тоже не получал, то поручил оказать мне помощь своему самому опытному заместителю, аппаратчику до мозга костей.

Тот не стал тратить время на мои пояснения, а сразу же спросил, протокол поручений Президента был? Раз ты не знаешь, и я его тоже не видел, а прошло уже два месяца, – значит не было. А по сему гуляй восвояси. Возмутившись, я парировал, что это же дискредитация Президента и получил дружеское напутствие – обратиться в его администрацию.

В действия вступал независимо от обстоятельств самый широко распространённый и активно используемый закон функционирования бюрократии – персомонии или экономии усилий. Пробить его бастионы удавалось редким везунчикам. Не удалось и мне. Как оказалось, в связи с отъездом Президента прямо из Белгорода в Сочи на отдых, очевидно, протокол поручений никто не писал, наше письмо ему не доложили, а отправили в Министерства финансов и экономики, откуда и пришли в мой адрес традиционные ответы-отписки. Не зря говорят – выше закона не прыгнешь.

Вникать в суть того, что в нашем университете вполне реально создавался здоровьесберегающий кластер, не имеющий пока аналогов в вузовской среде, никто не стал. И даже после того, как БелГУ стал национальным исследовательским университетом и сумел создать свой медицинский и отдельно стоматологический центры с самым современным оборудованием на сумму около миллиарда рублей, построить уникальную базу отдыха с санаторным комплексом, вышел протокол поручений губернатора, он не был выполнен.

Речь шла о ремонте здания, которое было выделено НИУ БелГУ под университетскую поликлинику для всех и преподавателей, и студентов города. Причем, от руководителя соответствующего департамента Н.И. Белоусова не требовалось особых усилий, достаточно было включить ее в перечень объектов, которые подлежали ремонту за счет федеральных средств. А чтобы никто не вычеркнул, наш министр А.А. Фурсенко пообещал мне лично сделать звонок коллеге и проследить за исполнением.

Но беспокоиться ему не пришлось. Под всякими предлогами в региональный перечень она не попала, а после моего ухода на пенсию были проведены и специальные совещания с аргументацией о ее нецелесообразности. И это при том, что речь идет о медпомощи десяткам тысяч людей. По иронии судьбы те, кто затормозил наш весьма

актуальный проект, вскорости получили административную отставку и прибыли в наш университет на его же осуществление и пенсионную поддержку. Сумеют ли они теперь догнать уже ушедший в кризисную даль поезд – большой вопрос, а если и сумеют, то только за счет внебюджета, то есть в ущерб зарплаты сотрудников университета.

В целом пресловутые протоколы поручений мало чем отличаются от столь же многочисленных решений бюро партийных комитетов разных уровней, которые были сердцевиной командно-административного управления в СССР. Особенностью этой чисто апробационной, можно сказать, даже эксклюзивной системы управления является то, что в ней соединились в единый стиль и содержание, и элементы руководства всех общественных формаций. Если их ранжировать по приоритетности масштабов, охвата и влияния, то наиболее мощный сегмент занимали рудименты феодальной эпохи, затем с уменьшением можно назвать рабовладельческую, капиталистическую, первобытно-общинную и в самом конце списка почти неприметную систему социализма. Почему же тогда считается, что именно он в Советском Союзе явился прародителем командно-административной системы, – удивляется оппонент. А потому, что он был надуманный, а на самом деле было создано совсем другое общественное устройство, о чем идет речь по ходу всей монографии.

По своей научной специализации в области социологии управления мне, безусловно, пришлось достаточно серьезно овладеть этой проблемой. Еще более основательно я изучил ее на практике, находясь много лет внутри самой системы. А вот на вопросы, почему она так названа и какое из двух слов является ключевым, аргументированных ответов не обнаружил. Никто из ученых почему-то не сравнил и соотношение двух начал в ее основании – командного и административного.

Ничего не теряя, а наоборот, возможно, приобретая весьма актуальную дискуссию на эту тему, рискну на основе своего опыта и исследовательского контента высказать следующую точку зрения. Данное историческое изобретение, никак не вытекающее из естественного, объективного хода истории и произведённое партийной номенклатурой, лишь формально можно назвать командно-административной системой, где понятие административности по своему минимальному проявлению служит всего лишь приставкой, а то и элементарным прикритием.

И только применительно к форме и то в соподчинении команде, которая при переходе на содержание занимает там бесспорно доминирующую, определяющую и решающую позицию. Без ее разрешительных, запретительных, порученческих, контрольных и других функций не могла быть решена ни одна социально-экономическая проблема, начать свое движение ни один процесс, ни одно мероприятие. А как

же инициатива, творчество масс? Так же, по команде, по разрешению и поручению.

Заковав в свои железные латы общество, командная система успешно перекочевала вместе с его драматической трансформацией в новый век. А точнее, ее взяла с собой все та же перевоплотившаяся номенклатура вместо того, чтобы выкинуть на свалку истории. Другой технологией управления она не обладала и не хотела обладать, понимая всю сложность своего переучивания и внедрения.

Вот и продолжают гулять по кабинетам нескончаемые заседания комиссий, советов, рабочих групп, совещаний, протоколы поручений, планы мероприятий, графики, предписания, письма, ответы и отписки. К тому же хорошо отрепетированный бюрократический бал расширяет свои масштабы на все новые залы и помещения. И в этом заключается сегодня главный проблемный узел современной России. Невзирая на суровые исторические уроки, опыт других стран, наш господствующий управленческий класс продолжает высоко нести свое командное знамя, все ниже опуская темпы развития России и уровень ее отсталости.

Однако это тема для отдельного фундаментального исследования, нам же надо завершать свой разгон по параграфу. И удобнее всего это сделать показом собирательного образа современного номенклатурного героя. Ясно, что вырос он в старом партийном мундире, совсем немного побыл без него и вне родного класса в ходе известного исторического перелома, что любит выдавать за доблестное преодоление трудностей. К тому же почти сразу же был призван в его обновленные господствующие ряды.

Тут надо бы сделать одно пояснение, которое восходит к известному указу Президента РФ о запрещении компартии и конфискации ее имущества в пользу государства, который одновременно выполнило Министерство внутренних дел. Его службы на местах опечатали все здания КПСС и вывели ее сотрудников на улицу. По-человечески им можно было посочувствовать, как и любому человеку, внезапно потерявшему работу, особенно в обстановке такого крушения. И это постигло десятки миллионов людей.

Однако вопрос, почему ни один из них на необъятных просторах СССР, а тогда российское решение дружно продублировали все союзные республики, не воспротивился, не занял героическую оборону ни одного парткома, нивелировал такую участливость. Тем более многие партработники и не нуждались в сочувствии, так как никакой дискриминации известный указ к ним не допускал. Они не выбивались за скобки государственного управления, ибо в первую очередь это коснулось бы самого Президента России, который был одним из руководителей высшего органа партии.

Как и подавляющему большинству партработников, нашему герою не потребовалась унижительная постанова на учет в центре занятости, и уже вскорости он вновь восседал на руководящем кресле. Далее последовали короткие и абсолютно беззастенчивые перебежки из одной партии в другую, пока политическая ситуация не вошла в привычное номенклатурное русло с единой руководящей и управляющей партией. Старые традиции взяли верх над демократическими апробациями с многопартийным рассредоточением господствующего класса. Теперь его сплоченные ряды и состав партии власти это опять единое и непоколебимое целое. Все остальное – для видимости и несложных манипуляций, в основном организационно-финансового характера.

Не пришлось ему утруждать себя и в мучительных раздумьях по поводу самостоятельного жизнеустройства через открывшиеся возможности перехода в класс предпринимателей. Даже попробовать это очень сложное и хлопотное дело никакой надобности не было, ибо возможности административной ренты оказались гораздо весомее любого собственного бизнеса. Тут требовалось только одно умение – натренировать движение рук в сторону самого себя или своих родственников и доверенных лиц, а собственность и дивиденды сами в них пойдут через различные способы аффилирования и оформления.

Обновившийся чисто по названию номенклатурный класс остался верен себе и своим убеждениям в том, что лучше него никто в мире управлять не умеет и всякие там зарубежные инновации изучать и внедрять совсем необязательно. Главное – всеми руководить, направлять, командовать, разрешать, запрещать, контролировать. Не зря известный сатирик Михаил Задорнов подметил: это у них франчайзинги и маркетинги, а у нас распилинги и откатинги. Речь идет прежде всего о бюджетных средствах, которые, по откровенному признанию С.В. Степашина в бытность его председателем Счетной палаты России, ежегодно разворовывались в сумме около триллиона рублей.

Не всухомятку работал и жил и наш собирательный образ перевоплотившегося номенклатурщика, ставший одним из региональных руководителей, мимо которого не могли проходить вышеперечисленные процессы. Единственное препятствие – запрет госслужащим заниматься бизнесом и декларация о их доходах, весьма припозднившиеся с введением, преодолевалось легким движением руки и оформлением нарастающей недвижимости на родине и за ее рубежами на подставных лиц. Так, имея скромную чиновничью зарплату, он стал крупным собственником с солидными денежными накоплениями. Причем не в рублях, такая советская традиция исчезла еще в 90-е годы, а на мамофилистскую вахту заступила более надежная иностранная валюта, которую он в целях поддержания патриотического имиджа по привычке считает враждебной.

В то же время его не покинула постоянная мечта большинства представителей аппаратной номенклатуры еще советских времен о завершении своей карьеры на самостоятельной руководящей работе во главе солидного предприятия или учреждения. Особенно это касалось тех лиц, которые занимали пусть и высокие, но второстепенные роли. Главная проблема здесь заключалась в том, что они постоянно находились как бы в определенной крепостной зависимости, как приписанные к своему хозяину когда-то крестьяне, без которого нельзя и шагу ступить. На все требуется разрешение, согласование, утверждение.

Не всякому такое по душе, особенно если протекает десятки лет. Хочется же хотя бы элементарной для себя свободы, которую всячески подавлял у других, заставляя высиживать в своих приемных десятки и сотни людей для согласования любых, даже самых мелких вопросов. Мечтать не вредно, но надо же действовать. И светлый образ жаждущего наполняется годами отработанной технологией выбора волевого объекта и выживания из него действующего руководителя.

Опасностей здесь нет никаких – не получится в одном месте, можно начинать скрытую и открытую борьбу в другом, лишь бы было добро хозяина. Любого, даже самого успешного и пользующегося уважением в коллективе руководителя, выдают, если не на пенсию, то постоянными изнуряющими проверками подотчетных правоохранительных органов, привыкших работать по команде. Для более убедительной дискредитации и устрашения подключают также средства массовой информации.

Судьба самого предприятия или учреждения при этом никого не волнует. Вопрос справится или не справится желающий его возглавить не возникает – большую часть жизни пронесивший номенклатурно-аппаратный мундир должен справиться по определению, независимо от специфики отрасли и сложности ситуации. Кто не верит, того можно отослать к изучению незабываемого образа Огурцова из кинофильма «Карнавальная ночь».

Объективности ради замечу и свое солидарное отношение к такому бюрократическому самомнению, которое проявлялось ранее и в моем аппаратном сознании. И для этого были вполне весомые основания. Само содержание и функции партийно-советского работника носили разносторонний характер, узкая специализация здесь чаще всего не допускалась. Человек, попавший в такую обойму, должен был отвечать требованиям как минимум многостаночника. По ходу наполнения стажа, опыта и навыков оперативного переключения с одной проблемы на другую это становилось нормой его управленческого поведения. Особенно ценными выглядят коммуникативные достижения, умение работать с людьми. Такие качества запросто не приобретаются, их всегда можно применить на любой должности.

Однако все это небо и земля, если речь идет о человеке, всю жизнь проработавшем в бюрократических структурах и спустившемся уже в предпенсионном возрасте с высот на грешную землю конкретного коллектива. Да хорошо бы того предприятия, где он по своей специальности начинал свою трудовую биографию, а не малознакомого. Ведь раньше ему приходилось руководить руководителями, управлять управляющими, в основном самими чиновниками, а здесь непосредственно людьми, занятыми своей профессиональной работой. Причем, эта профессиональность, особенно в сложных многогранных системах, является ключевым фактором управленческого успеха. Если человек не работал в ней достаточно продолжительный период, то шансов на успех здесь ожидать весьма затруднительно даже опытному многостаночнику.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, наш герой вместо того, чтобы присмотреться, поглубже вникнуть во все тонкости нового дела и, как и положено, отдавая приоритет сложившимся традициям в коллективе, повести руководство без опасно резких перемен, начинает свои первые шаги, как говорят, с чистого листа. Ни о какой преемственности не может быть и речи. Для него очевидное – неочевидно, достигнутое – пустота, хотя при выборе своей новой должности приоритет отдал именно успешности и престижности объекта.

Он решительно берется за привычное и очень популярное в бюрократических коридорах власти – структурные и кадровые перестановки. Читатели, наверное, замечали, как часто такие организационные мероприятия проводятся в центральных и региональных органах власти, и об этом у нас особый контент-анализ впереди. Заметим лишь, что этим заняты сотни тысяч чиновников разного уровня, многие из которых полагают, что это и есть главной инструмент повышения эффективности их работы.

Вот и в анализируемом объекте наступила такая эпопея. В ход идут постоянные объединения, разъединения, сокращения и слияния подразделений, смена их названий, создание дополнительных служб и звеньев управления коллективом. Образуется огромное количество советов, комиссий и штабов. Все это сопровождается бесконечным количеством совещаний и заседаний с участием огромной массы людей, особенно из числа руководящих работников. Когда их не хватает для присутствия одновременно в разных кабинетах, привлекаются рядовые сотрудники.

Девятый вал непонятной и нарастающей суеты отвлекает коллектив от работы, вызывает вначале изумление, а затем и возмущение. И все терпят, надеясь, что вскоре этот организационный ажиотаж сам по себе успокоится, и жизнь войдет в нормальное русло. Но ожидания оказываются напрасными. Тут же всем приходится стать жертвами

еще одной инновации – протоколов поручений руководителя, вышеописанного инструмента, без которого не может обходиться ни одна бюрократическая структура.

Возмущение управляемых дополняет даже наш оппонент вопросом: зачем коллективу, в котором годами наработаны мотивационные основания, четкие регламенты и технологии функционирования, еще и каскад поручений, в нем каждый знает свое дело и не нуждается в постоянных указаниях. Хоть он и строгий цензор, а наивности хватает и у него. Здесь важно понять, что новый руководитель применяет этот чисто бюрократический прием для достижения двух целей.

Во-первых, завуалировать свою некомпетентность и неспособность к рациональному управлению конкретными производственными процессами. Вот и получается: по любой проблеме, которая должна решаться за несколько секунд или минут, создается рабочая группа, пишется протокол поручений, назначаются сроки и ответственные за исполнение, проводятся совещания, пишутся планы и информации, заслушиваются отчеты. Дело доходит даже до публичных саморазоблачений несуразности такого стиля, когда из-за безучастности и недоступности самого руководителя и его заместителей проваливается серьезное дело и для исправления ситуации опять запускается вышеописанный бюрократический кругооборот. Все банально – так снимается ответственность с себя и перекладывается на других.

Во-вторых, многостраничные протоколы поручений, сочиняемые заместителями и помощниками руководителя, призваны не только взбадривать коллектив и его руководящие кадры, но и держать его в постоянном страхе перед вышестоящим начальством. Ведь эти протоколы надо внимательно читать, находить в них адресованное себе, помнить о сроках исполнения и письменного доклада об этом. Так формируется стиль управления, который психологи называют нервнопаралитическим. В нем все собственные инновации, инициативы и специфические особенности труда отодвигаются на задний план, главным же и определяющим становятся поручения, они привязывают к себе человека, ставят его в состояние тревожных ожиданий и вкупе со структурными изменениями определяют весь его рабочий и жизненный настрой на длительную неуверенность.

Отсюда – неизбежность накопления объемов таких поручений до того состояния, когда даже специально созданные структуры и назначенные должностные лица не в состоянии их обработать и переварить. А место эффективной работы все больше заменяется формальным бумаготворчеством и натренированным словоблудием совещаний и документооборотом. Вскорости резко падают и темпы социально-экономического развития коллектива, а его ранее заданный ход идет

по инерции с явным затуханием, которое тем не менее выдается за успех нового управления.

С большим огорчением в коллективе отмечают и традиционные проблемы личностного характера нового руководителя. Дело в том, что ему за десятилетие номенклатурной службы не удалось избежать заражения характерными для нее болезнями и попадание одновременно в два сообщества – мамонофилистов и людей, «измученных нарзаном». Знаю не понаслышке: мало кто смог себя обезопасить от них. Но, если с первым недугом особых проблем не всплывает – тут действуют привычные схемы. За счет урезания социальных благ, зарплат, сокращения штатов и увеличения фактической нагрузки на каждого работника устраиваются постоянные ремонты, закупки, проводятся манипуляции с землей и имуществом и тому подобные процедуры в интересах фирм друзей и своих собственных.

Используя аппаратную натренированность, все это удается проводить через околodemократические процедуры и утверждать самим же трудовым коллективом. Вас возмущает, зачем во время кратного падения реальных доходов делаются ремонты, о которых во время кризиса должно быть запрещено даже думать, извольте: вы же сами за это проголосовали, при этом никто из вас не предложил направить эти средства на повышение зарплаты. К тому же ремонты – это любимое перманентное занятие номенклатуры. Без них она никак.

Значительно сложнее со второй болезнью. В коллективе руководитель на виду, каждое его движение и действие отслеживаются людьми непосредственно. И, если он себя изолирует, становится недоступным, тут же выясняются и причины. Поэтому приходится ловко маневрировать, выстраивать линию поведения так, чтоб создавалась видимость постоянного присутствия и напряженной работы. Но безвыходных ситуаций не бывает, особенно, если выстроить специальный алгоритм, благо – это не аппарат, где ты мало когда можешь свободно распоряжаться собой. По нему первые два дня рабочей недели идет напряженная деятельность, руководитель проводит одно совещание за другим, всех тормозит, взыскивает, ставит задачи, засиживается допоздна, с компьютером в руках анализируя ход управленческого процесса и выполнения своих поручений.

Третий день – смешанный, когда состояние организма требует уже совсем иных напряжений и вводных процедур, и он вынужден или просто бессилён не дать ему тяжелого расслабления на несколько дней. Затем следует не менее сложный выход из него в последующие выходные дни с подключением иногда даже таких медицинских средств как промывание капельницей. И в понедельник строго, как часы, элегантно одетый и пусть с серо-землистыми оттенками на лице, но в полной рабочей форме, руководитель снова заступает на

управленческую вахту, готовый к взыскательно-озадачивающим действиям. И так постоянно, за редкими исключениями из-за участия во внешних мероприятиях. Внутренние же на это время не назначаются или в крайнем случае переносятся. Жизнь продолжается, а вместе с ним и наше исследование, в котором аналогичные собирательные образы будут заполнять его социологическое пространство.

Разумеется, создание такого образа носит субъективный характер и чаще всего основано на авторских предпочтениях, которые тем не менее не опровергают наличие многовариантности таких персонажей. Мне они встречались в жизни весьма часто как по наблюдениям со стороны, так и в непосредственном взаимодействии. Причём, бывали факты вполне непровального руководства, правда, как исключение по сути и чаще всего краткое по времени.

Здесь важно подчеркнуть одну интересную деталь. Еще с партийно-советских времен устойчиво поддерживалась традиция перехода крупных союзных, республиканских и региональных руководителей на работу ректорами высших учебных заведений. В последние годы она заметно активизировалась, что не могло пройти мимо внимания экспертов, так как нередко такие процедуры и их последствия вызывали негативное отношение в профессорско-преподавательской среде.

Приближенные «ко двору» ученые, самопровозгласившие себя социологами мало знакомого им управления, обслуживающие различные мероприятия действующей власти, решили сделать научные обобщения и обоснования данному общероссийскому управленческому реверансу. Они деликатно уточняют главный признак его типологизации – универсальность, робко признавая тем не менее, что в результате такие коллективы реально попадают в ловушку формальной рационализации.

Вот так от лукавого грубая и неотесанная огурцовщина выдается за аппаратно-бюрократическую универсальность, а элементарный, рейдерский захват руководства университетами чисто в корыстных целях без каких-либо профессиональных навыков и компетенций, присущих малознакомому объекту, представляется как формальная рационализация. Причём, данные организационные процессы характеризуются ни много, ни мало как шанс выживания попавших под новый руль коллективов в сложившейся социально-экономической ситуации.

Мол, десятки лет жили и развивались они без универсальности и рациональности и дошли до такого состояния, что дальше их могут спасти только высокие номенклатурные чиновники методами чисто бюрократического управления, наложив на них кальку той административной структуры, которой они руководили ранее.

Во всем мире резонно критикуют так называемый эффективный менеджмент, который все активнее внедряется теперь в России. При-

мер тому – радикальная реформа Академии наук, где к руководству ключевой материально-финансовой сферой пришли его молодые представители. Но это невинное юношество по сравнению с закоренелым, железобетонным номенклатуризмом, который в данном случае упаковывается в обложки околонуучных текстов, похожих на социологию управления. А почему бы и нет, если за это неплохо платят, присваивают почётные звания и т.д.

Кому только не служила в этом брэнном мире наша наука, обеспечивая вполне законно своих разработчиков и носителей платой за их труд, но чтобы так прислуживать и подгонять себя под любую профанацию за деньги, как это происходит в современной России, вряд ли где можно сыскать. Впрочем, нам пора завершать данный параграф и переходить к следующему.

7. Структурно-функциональный примитивизм номенклатурного управления в тупике коммунизма и в объятиях перманентных капиталистических кризисов

Такое название раздела – это не оговорка. После смены общественного строя, утратив былую часть своих привилегий и преимуществ, пройдя через вынужденную приспособленческую мимикрию, этот класс быстро перестроился, а в ходе приватизации набрался и новых сил. Особенно мощный рывок совершил основной авангард номенклатуры – бюрократия. Ее ряды стали расти как грибы, не по дням, а по часам. Партийно-советские чиновники тоже не особо экономии на самих себе. Но, во-первых, их было несравненно меньше по количеству, и они, во-вторых, хотя бы действительно управляли всем и вся, во все вникали, начиная от маленького киоска до крупного предприятия, которые были государственными. Теперь все это частное, госсектор уменьшился втрое, а чиновников примерно во столько же раз стало больше.

Отсюда надо поподробнее. Как могла приключиться столь нелогическая метаморфоза? Ведь должно быть все наоборот. Коль число объектов управления резко уменьшилось, адекватно этому необходимо было сократить и количество его субъектов, то есть самих чиновников, объединенных в самые различные государственные органы и структуры. Значит, вся проблема в последних. Здесь следует искать корень зла.

Сразу же берем наиболее оптимальный ориентир, проверенный жизнью. Есть два основных типа управления при всем многообразии их типологизаций. Первый – это функционально-структурный, весьма

сложный и творческий с точки зрения прежде всего содержания, которое должно наполняться рациональными технологиями, совершенствующими весь процесс управления и повышающими его эффективность.

Второй тип – структурно-функциональный, который характерен прежде всего тем, что в нем отдается приоритет не содержанию, а форме. Это самый простой, доступный и, можно сказать, примитивный способ управленческой деятельности, которая больше всего подходит для командно-административной и тоталитарной общественных систем.

Надо заметить, на изломе партийно-советской структуры управления, основанной на дублировании органов и функций партийного и государственного аппаратов, многие задумались о практической оптимизации всей управленческой системы в новых рыночных условиях. Появилась надежда, что механически исчезнувший дуализм сам по себе уменьшит степень ее забюрократченности. Но тут, как один известный персонаж из табакерки, на поверхность выскочила многоуровневость или многозвенность управления.

Она была и раньше, без этого просто не обойтись в крупных структурах, но это был еще не масштаб. В середине девяностых годов после первых выборов губернаторов стало модным создавать еще и правительства регионов, то есть опять состоялось наступление на те же грабли дуализации. Мне в качестве эксперта было предложено высказать свою точку зрения о структуре управления Белгородской областью, что и было сделано письменно. Суть предложений была направлена на максимальную рационализацию, исключаящую многозвенность и параллелизм в управленческом процессе.

У губернатора должно быть семь заместителей, включая первого. За ними распределяются по функционально-отраслевому признаку областные управления и службы, а также вопросы координации с соответствующими федеральными структурами. То есть фактически на областном уровне должно быть два звена или уровня управления. Причем, при полной децентрализации первого звена – губернатора и его замов, где предусматривался небольшой штат помощников. Второе звено, то есть управления и службы, должно также быть структурированным внутри себя не более двумя уровнями управления.

Но тут сыграл свою роковую роль еще один фактор. Регионы по Конституции получили широкие полномочия в качестве самостоятельных субъектов Федерации. А коль так, то самым притягательным в ее реализации оказалось повторение центральных органов власти на местах. И покотился по стране бум бюрократического размножения. Через год, два, несмотря на явный провал региональных правительств из-за их никчемности при действующих полномочиях губернаторов, их все же не упразднили полностью, а объявили, что возглавляют эти структуры сами главы регионов. Автоматически произошло и раздво-

ение их заместителей на просто замов губернатора и замов председателя правительства, которое в свою очередь разделилось на малое и большое, что еще больше запутало и без того сложную и малоэффективную аппаратную конфигурацию.

На самом деле и это были цветочки. Главными же ягодками стали администрации руководителей регионов, симметрично повторившие аналогичную структуру Главы государства. Их структурирование и размножение было столь стремительным и бойким, что вскорости от масштабов, казалось бы, в свое время мощного партийного аппарата осталась одна весьма призрачная тень, как по количеству, так и, самое важное, по оснащению.

К нему весьма быстро добавилось еще одно звено – департаменты, включившие в себя группы управлений и служб, и вставшие между ними и заместителями глав регионов. Важно также подчеркнуть, что внутри самих управлений тоже стали образовываться управления, которые в свою очередь делились на отделы, а те – на сектора. То есть, образовалась фактически пятизвенная структура управления регионом.

Наиболее убедительно это выглядит по названиям должностей. Если, например, руководитель отдела является одновременно заместителем начальника управления, а последний – заместителем главы департамента, который в свою очередь совмещает функции заместителя председателя правительства или просто заместителя губернатора, то получается приставка из трехкратного повторения одного и того же названия разных должностей. Озвучить и описать это можно только на абракадабром языке. Хотя нередко и говорят, и пишут без особого стеснения того, что выглядит это, как минимум, курам на смех. Но такова реальность.

Не отставали от командиров исполнительной власти и руководители законодательных органов, которые вначале образовали сравнительно компактные аппараты своего обеспечения, вполне справлявшиеся со своими обязанностями. Но не смогли устоять при всеобщем бюрократическом наступлении и быстро превратились в огромные структуры. По идее они должны обеспечивать законотворческий процесс своих депутатов. И рядовые избиратели думают, что так оно и есть. Депутаты напряженно работают над новыми законами, а многочисленный аппарат им помогает. Но на практике его обеспечивают компьютерные технологии.

Скажем, понадобился какой-либо срочный или плановый законопроект тому или иному депутату, его через несколько секунд находят по Интернету в том регионе, где он уже принят и действует. Требуется всего лишь чисто техническая доработка с учетом местной специфики.

Прислушиваясь к отчетам конкретных депутатов, ни разу не приходилось встречать, чтобы они честно сказали об этом своим изби-

рателям. Наоборот, все речи наполняются рассказами о напряженной сложной работе над определенным законом, которая продолжается длительное время, проходит всевозможные согласования, апробации, экспертизы и, благодаря настойчивости и старательности его автора, такого-то народного избранника, наконец-то, становится нормой жизни всего региона. Оставим это на снисходительную оценку пиартехнологий, напоминая по смыслу известные рассказы об охоте и рыбалке, и сосредоточимся на одном сравнении.

Если суммировать численность аппаратов законодательных органов власти всех регионов России, по мнению экспертов на 85-90 процентов дублирующих одну и ту же законотворческую деятельность, а проще сказать даже не переписывающих, а банально скачивающих с компьютера один на всю Россию текст, то получится внушительная сумма бессмысленных и бесполезных затрат не одного десятка миллиардов рублей в год, которых бы хватило на реализацию нескольких тысяч инновационных проектов, в чем так нуждается наша страна.

Еще дороже денег стоит время, которое расходуют на формальные, малоэффективные мероприятия эти структуры, вовлекая в них сотни тысяч различных специалистов и руководителей. Что касается одних даже заместителей спикеров региональных парламентов, то их только в одной небольшой области или республике РФ больше, чем в любой высокоразвитой стране мира.

Итак, мы видим, что в России сложился структурно-функциональный тип управления, причем в ходе слияния двух потоков бюрократизации – сверху вниз и снизу вверх. Происходит это самопроизвольно, между делом, а то и просто походя. Возьмем последние действия центральной власти по Крыму. Сразу же после его присоединения Президент страны назначил исполняющего обязанности главы региона, которому подчиняются все органы местного управления, а также своего представителя с соответствующим аппаратом и оснащением, призванного координировать все действия федеральных структур по развитию Крыма и его адаптации в условия новой государственности.

После небольшой паузы было создано к тому же и специальное отдельное Министерство Правительства страны с соответствующими полномочиями и структурами. Поступают сведения, что и в остальных Министерствах уже созданы специальные представительства по крымскому региону. Кроме того, ряду областей, краев и республик поручено шефство над городами и районами республики. Вполне возможны и новые структуры на местах, где инстинкт размножения бюрократии не уступает центральным органам.

С президентскими структурами еще какая-то логика есть и то только по Крыму. В остальных же регионах после выполнения задач

по приведению всей законодательной базы регионов в соответствие с Конституцией РФ данная структура себя ничем не оправдывает, кроме выполнения формальных представительских функций и проведения дублирующих мероприятий. Но вот по федеральному Правительству такую логику можно назвать только дальнейшим упрочением структурно-функционального подхода.

В одном ряду с Крымским уже стоят Министерства по развитию Дальнего Востока и Северного Кавказа, призванные развивать стратегически важные регионы. Очевидно, на очереди Урал, Арктика и другие объекты аналогичного правительственного воздействия. Что тут говорить, если недавно в связи с уточнением некоторых аспектов государственной политики на различных уровнях всерьез обсуждался вопрос создания Министерства по патриотическому воспитанию.

Вот и выходит, что в пореформенной России структура Правительства постоянно меняется и никак не может сложиться в стабильно действующий орган. Невооруженным взглядом видно дублирование его работы с Президентской администрацией, что регулярно демонстрируется на телеэкранах в виде одних и тех же совещаний, заседаний с одними и теми же должностными лицами и по одной и той же повестке при Президенте и при Председателе Правительства.

К чему приводит многоуровневая по вертикали и многозвенная по горизонтали система управления понятно и без соответствующей социологии. Но она неотвратимо напоминает: с момента принятия любого решения и начала организации его исполнения сверху вниз, на каждом его уровне, в зависимости от состояния исполнительской дисциплины и качества взаимодействия всех включенных в управленческий процесс структур, степень эффективности понижается на 20-25 процентов. Что получается в сухом остатке рассмотрим на конкретном примере.

Проводит Президент страны совещание по развитию сети автомобильных дорог, ставит конкретные задачи по объемам финансирования, производству и качеству. После этого Правительство РФ на своем заседании принимает специальное Постановление, в котором все уточняется и детализируется. Далее все идет по вертикали – республики, края и области, города и районы, где проводятся аналогичные процедуры организационного и документального оформления исполнительных мероприятий.

Одновременно с этим разворачивается и процесс линейно-вертикального управления. Еще на федеральном уровне в него вовлекаются различные Министерства, Агентства и службы, причастные к финансовому и материально-техническому обеспечению, контролю и надзору за соблюдением соответствующих законов и норм. Имея свои структуры на местах, они организуют и осуществляют свою ведом-

ственную вертикаль исполнения. Вертикальные уровни и линейные звенья пересекаются в региональных и муниципальных органах власти, все в конце концов сводится в единые программы и мероприятия, и начинается процесс исполнения. То есть непосредственное производство автодорог.

Нетерпеливый читатель, особенно оппонент, взглянув на эти строки, срочно нам напомнит, что строительство одного километра дороги в нашей стране стоит в несколько раз дороже, чем в США и Европе, в то время, как качество – наоборот, в еще большей пропорции намного хуже. Какие здесь могут быть объяснения при столь четкой структуре организации дела, описанной выше? Очень простые – нормальных дорог в России нет потому, что плохо налажен функциональный компонент всего процесса управления. Плюс надо добавить элементарное воровство или даже его поставить на первый план. Уточнение продолжим на примере только одной функции стандарта, которая в решающей степени определяет степень воздействия вышеуказанных факторов.

Среди многих функций стандарт является одной из ключевых в любом производстве. Во всех странах мира по нему приняты и действуют очень жесткие законы. У миллиардов людей всей планеты на слуху периодически транслирующиеся сообщения о сотнях тысяч, а то и миллионов автомобилей той или иной марки, которые соответствующие фирмы отзывают из продаж. Причина одна – несоблюдение или нарушение стандартов. То же самое происходит с любой продукцией, а с качеством дорог в особенности. У нас же только взыскательно говорят об этом на совещаниях всех уровней, да анекдоты рассказывают в быту.

А на деле, кому доступно, еще на подходе к дороге откатают главный куш, что-то не довезут, не доложат или подменят, припишут или просто украдут и в завершение сами же себя проверят и одобряют свою работу. Вот и получают на компьютерных эскизах – проектах и в речах руководителей дороги европейского уровня, а в жизни через два-три года, если не раньше, продавленные колеи вдоль, трещины поперек, ямы повсюду да сплошной перманентный ремонт, на который, словно вода в песок, уходят ежегодно народные деньги.

Проиллюстрируем любопытную быль. Автору этих строк приходится ездить через один перекресток с того момента, как на нем был построен круг. Надо сказать, это специальное сооружение, создаваемое, как правило, на широких магистралях, перекочевало к нам из-за рубежа и по принципу компанейщины заняло многие, в основном непригодные или малоприспособленные для этого перекрестки.

А тут, как по заказу неподалеку еще и надзорный орган – областная прокуратура. Без соприкосновения с кругом на работу нельзя по-

пасть ни ее рядовому сотруднику, ни прокурору. Прямо на их глазах до последнего времени дорожники как минимум раз, а то и два раза в год еще с конца прошлого века то ремонтируют, то чаще всего полностью переделывают его асфальтовое покрытие. Всем виден и используемый состав – в основном песок, смоченный мазутом или еще какой-то смесью. Красиво и ровно укатанное полотно держится два-три месяца, дальше – ямы, ремонт и так далее по замкнутому кругу.

Беда в том, что круг этот замкнулся на всей России. Прав, конечно, был классик насчет двух ее бед, но почему то к дуракам и дорогам он не добавил еще третью – дуракоподобие в управлении. Коль термин этот не научный, дополним его простонародный колорит социологическим сопровождением. Развернув управление на функционально-структурный лад, представим, что все его звенья и уровни сосредотачивают свои усилия на обеспечении функции стандарта. Причем, вся эта огромная управленческая пирамида острием упирается в одного единственного исполнителя – прораба.

Зная досконально суть стандарта своей продукции и то, что за любое нарушение его подобно дорожному катку придавит вышеупомянутая управленческая вертикаль, он никогда его не нарушит. Ему не важно, кто, когда и как проводит совещания и заседания на эту тему. Можно сменить Правительство, всех прокуроров и других контролеров, а прораб все равно будет соблюдать стандарт, потому что это закон его жизни и профессии.

Вот почему у нас по многу раз в день показывают телекадры, как Правительство самому себе и нам рассказывает, что оно делает и будет делать по тому или иному вопросу, а такого прораба ни разу показать не могут. Может его просто нет в природе, как нет и стандартных дорог? Так и хочется воскликнуть: ведь это же напоминает национальную идею России – соблюдение технологической дисциплины и стандартов. Сам взял и напросился на хлесткий удар оппонента, который проще простого отошлет меня к любому докладу Л. И. Брежнева, где четко изложены десятки подобных национальных идей.

И все же в доказательство своей правоты готов пойти под огонь любой критики и обосновать предложение утвердить в стране жесткий порядок, вплоть до диктатуры технологической дисциплины и соблюдения стандартов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Только не путать диктатуру стандартов с диктаторской властью. Ее уже и без того тысячу лет у нас невозможно оттянуть от тоталитарной сущности. Но мы же о другом – о диктатуре законов, о формировании устоявшегося мировоззрения и социально-технологической культуры.

И это должно пронизать все сферы управления страной, жизни ее народа и каждого человека. С самого рождения с молоком матери и с первых школьных уроков он должен усвоить, что стандарт – это

его хлеб и соль, машина и самолет, дорога и дом, лекарства и сама жизнь. Впрочем, организационно-пропагандистское и социально-технологическое обеспечение реализации такой задачи – это уже дело специалистов. Дело юристов обеспечить соответствующее законодательное оформление таким образом, чтобы каждый, начиная с рядового работника и до министра знал конкретно свою личную меру ответственности за любое нарушение стандарта.

А нам надо еще поработать над раскрытием внутреннего содержания современного бюрократического аппарата. Сразу же подчеркнем, создание для решения любой проблемы или по необходимому поводу соответствующих структур сверху донизу – это уже безусловный рефлекс управляющей бюрократии. Причем, примеры подают, как правило, верхи, а низы чаще всего послушно их повторяют.

Например, во всех районах нашей области, а может и по всей стране уже давно введена должность заместителя главы местного самоуправления по развитию территорий, то бишь сел и хуторов. Мало того, что в профессиональном плане это выглядит полной бессмыслицей. Можно подумать, что сам глава и плюс еще несколько других его заместителей, призванные в качестве основополагающей функции ежедневно и конкретно решать именно проблемы каждого поселения, на деле занимаются развитием соседнего региона или тем паче им подотчетна программа полетов на Луну. Но привычная рефлексия живет и побеждает, правда, в основном здравый смысл.

Впрочем, беседа по долгу службы с большинством глав районов, нетрудно было убедиться, что по ряду направлений, особенно в части диагностики и прогнозирования, они руководят территориями как минимум с борта самолета, а то и свыше. Так, на вопрос, сколько в школах района работает учителей математики, физики, химии, биологии и географии, какое число из них уйдет на пенсию через пять и десять лет и как готовится им замена, не ответил ни один из них. Некоторые сразу же хватались за телефон и тут же наткнулись на незнания своих заместителей. Однажды, набравшись терпения с одним главой, мы только через час дождались нужных сведений, по содержанию весьма печальных и безнадежных.

Не без труда мне удалось выйти на острейшую проблему региона. Наш университет уменьшил ежегодный выпуск таких учителей до трех десятков человек на пятьсот школ области. А это значит, что сначала школы, а затем и университеты потеряют фундаментальную основу образования и науки, которую не заменишь никакими тренингами по ЕГЭ. И как результат, тему инновационного развития области можно закрывать на длительные годы, ограничиваясь бодрыми заклинаниями на различных совещаниях, где это и происходит без всяких заминок.

Что касается предложений по исправлению создавшегося положения, в частности, установления специальных повышенных стипендий студентам-направленным по фундаментальным педагогическим специальностям, а также учреждения премий учителям, подготовивших себе преемников по профильным специальностям, они остались нереализованными то ли из-за сменяемости руководителей департамента и управления образования, то ли в силу других причин.

Нельзя обойти вниманием и еще один пример структурного подхода. Касается он Министерства или Агентства по делам молодежи, созданного еще в девяностые годы. Несколько раз его преобразовывали, но ведомство продолжает функционировать, имея свои структуры во всех регионах, муниципалитетах и даже в высших учебных заведениях. А коль структуры действуют, значит, они обязаны быть оснащенными и самодостаточными. Под них выделили серьезную материальную базу, включая дворцы культуры и спорта, другие учреждения. Они регулярно проводят свои коллегии, советы, совещания, форумы, издают свои решения и программы, позиционируют себя отдельными мероприятиями и т.д. И это в условиях традиционно функционирующих управлений образования, культуры, физкультуры и спорта, агентств по туризму, главным объектом которых является молодежь.

Кстати, во многих странах мира слово «молодежь» присутствует в названиях министерств и ведомств, но обязательно вкупе с выше-названными отраслями, разумеется, с учетом вариативной специфики. Отдельных ведомств практически очень мало, а их остатки постепенно исчезают в силу неэффективности и параллелизма, дублирования функций других ведомств. Дело нередко доходит до курьезных фактов повторения некоторых проведенных управлениями образования или культуры мероприятий под эгидой молодежного ведомства, освобождения для этого студентов и школьников от учебных занятий.

Чрезмерная забюрокраченность данных структур выражается и запрашиванием у официальных органов, учебных заведений огромного количества информации, которая бессмысленно там собирается без каких-либо последствий для молодежи. Словом, налицо внутренняя имитация самих себя и в самих себе без конкретного общественного признания. Не помогают обрести собственное лицо и попытки подменить собой действовавшие в советское время комитеты комсомола, которые опирались прежде всего на первичные организации, создаваемые практически в каждом коллективе, где работала и училась молодежь.

Естественно, данная административно-заседательская и бумаготворческая работа официальных молодежных структур никоим образом не помогла повлиять на нейтрализацию и противодействие таких негативных проявлений, как наркомания, беспризорность, проституция и преступность. Среди безработных молодежь также составляет

наибольшую часть. Резко ухудшилось физическое здоровье подрастающего поколения.

Единственным эффективным мероприятием в новой России было сохранение начального, среднего и высшего профессионального образования. Вплоть до середины первого десятилетия XXI века не было сокращения бюджетных мест в вузы и большинство техникумов, сохранялись профтехучилища. Это позволило, несмотря на большие издержки, удерживать на протяжении почти двух десятилетий за партией десятки миллионов юношей и девушек, уберегая их хотя бы на время от отрицательного воздействия тяжелейшего экономического, социального и духовного кризиса.

Да, многие учебные заведения готовили специалистов, что называется, в никуда, они больше выполняли роль как бы временных центров занятости молодежи. И по-другому быть не могло, ибо разрушились все основы государственного заказа и целевого распределения их выпускников по казенным предприятиям и учреждениям. И уж чуть ли не трудовым подвигом следует считать усилия миллионов воспитателей, учителей, мастеров производственного обучения, преподавателей, доцентов и профессоров, которые почти бесплатно, за мизерные зарплаты сохранили самих себя, свои знания и опыт, сэкономили свои учебные заведения и всю систему довольно приличного образования, которая была создана в основном в советский период истории страны. И не только сэкономили, но и сумели дополнить ее новыми направлениями, достойно принять серьезные вызовы наступившей информационно-технологической эпохи.

И как обидно им теперь слушать, что они лишние, никому ненужные, их учебные заведения надо закрывать и закрывают под разными предлогами. Называют западноевропейские примеры, где обеспечивается прямая связь учебных заведений с бизнесом по подготовке нужных ему кадров. Да, все правильно, так должно быть и у нас, но там этот процесс шел сотни лет, до мельчайших деталей отработывая сложнейшие механизмы взаимодействия с работодателями.

Реформа должна быть во всей системе образования, но не структурно-ножевая, а функционально-содержательная, перенацеливающая имеющийся потенциал на решение новых задач. Резать по живому столь чувствительную социальную ткань сейчас, когда продажа сырьевых ресурсов позволяет иметь солидный бюджет, тем более недопустимо и кощунственно. Даже в условиях полупустого бюджетного содержания страны в девяностые годы никто не посмел секвестировать систему образования.

На совести структурной бюрократии еще одно очень темное пятно в молодежной политике. Речь идет о массовом открытии на рубеже веков бесчисленных, так называемых частных университетов, а точ-

нее, «рогов и копыт», сутью которых была, как писал известный классик, реализация четырехста первого способа сравнительно честного отъема денег у населения. Масштабы и скорость распространения такого явления оказались столь стремительными и эффективными, что легендарный сын турецкоподданного О. Бендер и все его компаньоны по массовому движению за золотым тельцом во времена НЭПа просто на многие порядки цифр отдыхают.

Вдруг, будто с неба, упали тысячи ученых и специалистов, сидевших в засаде и тайно готовивших себя к такой форме бизнеса. Они по любому адресу, где только можно зарегистрировать, – на квартирах, в офисных центрах и даже в отдельных детских садах внезапно открыли тысячи международных университетов или филиалов экономики и права, бизнеса и сервиса, управления и других модных названий, имея материальную базу в лучшем случае в виде компьютера и множительного аппарата. А зачем она вообще нужна, если образование дистанционное.

За каждым из этих лжебизнеспроектов стоял свой папа-чиновник, который и сопровождал его под шелест ассигнаций. И полились они не рекой, а океанским валом нарастающих миллиардов. Еще один пир мамонофилистов. Но это не все. Приватная инициатива была дополнена государственным управлением и регулированием. Помимо официальных и неофициальных сборов за вождевленную аккредитацию таких структур по специально разработанным условиям и процедурам такого уровня, что только самый ленивый прохиндей мог провалить это доходное дело, все это было дополнено важнейшим законом, суть которого проста – ограничить по вышеперечисленным и другим востребованным специальностям прием государственными вузами абитуриентов до 20 процентов от количества бюджетных мест.

И жаждущий знаний, а больше просто диплома о высшем образовании молодой народ сотнями тысяч бросился в открытие двери, а точнее, в кассы поджидавших их «рогов и копыт». В один из широко разрекламированных социально-гуманитарных университетов записались для дистанционного получения дипломов более двухсот тысяч человек, о чем, не стесняясь, сообщил россиянам его руководитель. Почему депутаты Государственной Думы РФ приняли в 1998 году такой антигосударственный, антисоциальный закон, любому человеку понятно. Значимость и специфическая емкость его была такой, что даже фракция КПРФ, позиционирующая себя на страже державных интересов, не устояла и отдала свои решающие голоса за его принятие.

Одновременно на эти лжевузы набросились стаи алчных проходимцев и разгильдяев – от сутенеров до агентов различных модельных центров, контор по отбору желающих учиться за рубежом, жюри по проведению всевозможных конкурсов и фестивалей, которые соблазня-

ли красивых провинциальных девчонок не менее «красивой» жизнью и ставили их на поток социальной деградации. Только после серии разоблачительных скандалов, возмущения общественности на проблему обратило внимание руководство страны. Речь уже шла о социальной и духовной безопасности государства, и пресловутый закон был отменен, правда, только через пять лет своего разрушительного действия.

Гораздо труднее оказалось отменить непомерно разросшиеся аппетиты мамофилистов. Как-то мне вместе с группой ректоров ведущих вузов пришлось участвовать в несколько непривычном для нас мероприятии – во встрече с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым. Проходила она на Смоленской площади, в его апартаментах и в достаточно узком кругу. Все мы приготовились к рассмотрению проблем международного сотрудничества. Тон в этом, как и положено, задавала группа московских коллег. К моему изумлению, всё посвящалось одной теме – осуществлению комплекса мер по международному развитию дистанционного образования и превращения России в мирового лидера этого процесса.

Основной докладчик, руководитель одного из столичных университетов, известного широкой сетью своих филиалов во многих регионах страны и даже в некоторых зарубежных государствах, а это родные братья «рогов и копыт», напористо и аргументированно подводил присутствующих к одобрению генеральной идеи и предлагал конкретные мероприятия организационного характера. После того, как его поддержали два московских ректора, мне пришлось попросить слово. Наверное, нигде и никогда не приходилось выступать столь резко и жестко, забыв даже про то, что мы находимся все-таки в дипломатическом ведомстве и принимает нас его первый руководитель.

Сродни штыковой контратаке были и мои аргументы. Это не новая педагогика и дидактика, а настоящая профанация, мало напоминающая даже худшие образцы эрзац-образования, так как дистанционное обучение годится только для людей, имеющих уже не менее одного высшего образования. Сбор же денег со вчерашних школьников, в основном из бедных или малообеспеченных сельских семей и практически неподготовленных к навыкам самообучения – это умышленное асоциальное действие, мошенничество в общенародном масштабе, ведущее к усугублению неравенства и, как следствие, к многочисленным негативным явлениям в процессе социализации молодежи.

По сути это крупнейшее отступление от добротных традиций российского образования, а, если быть до конца откровенным – наш национальный позор. И вместо того, чтобы выносить свои лидерские амбиции по этой теме на международный уровень, надо незамедлительно навести порядок внутри своей страны и ликвидировать эту мамобациллу. Наступила внезапная пауза.

После поддержки меня несколькими ректорами не ожидавший такого резкого поворота ситуации и, видимо, заранее подготовленный к принятию определенно-заданных решений председательствующий дипломатично свернул явно потерявшую смысл дискуссию и перевел разговор на иные, конкретно касающиеся каждого из нас аспекты и проблемы международного сотрудничества. Было видно, что главный разговор у него впереди со своими помощниками, пытавшимися пролоббировать на столь высоком уровне интересы достаточно мощной корпоративной группы, уже получившей в ходе реализации принципа «деньги любой ценой – они не пахнут» изрядную дозу заражения мамофилией.

Нас это побуждает поглубже заглянуть еще в один очень интересный угол аппаратных апартаментов. Выразимся точнее – в самую их сердцевину под штатным названием «заместитель». В общемировом контексте теории и практики управления эта категория имеет много неизученных аспектов и даже тайн как с исторической, так и с содержательной точки зрения.

Особенно это характерно для России, занимающей лидирующие позиции по их количеству. Вот любят у нас эту должность и все тут. У нас что ни управленческая структура, пусть даже самая микроскопическая – в ней обязательно, кроме руководителя должен быть хоть один заместитель. Ну, а если посмотреть вверх по вертикали управленческой пирамиды – вообще можно наткнуться и на рекорды Гиннеса. Причем, не на самой вершине.

Как-то Президент страны В.В. Путин, критикуя излишнюю бюрократизацию медицинских учреждений, публично привел пример, где у одного главного врача было девятнадцать заместителей. И попал не в точку, а в многоточие большинства областных больниц. Только в нашей Белгородской областной больнице на тот момент было семнадцать действующих заместителей ее руководителя и две вакансии. Комментировать это даже с позиции здравого смысла, не говоря уже о научной оценке, бессмысленно.

Уже давно доказано, что любой нормальный человек наиболее успешно осваивает и работает с информацией, сгруппированной по смыслу не более чем в семи ее типах или разделах. Соответственно, руководитель тоже способен эффективно держать в поле своего зрения также не более семи своих заместителей, являющихся основными носителями информации, если это, конечно, такой крупный объект, как страна, большой регион или корпорация. Это, по сути, неписанный международный стандарт, который целесообразно нарушать только в сторону уменьшения.

Если при дорожно-строительном стандарте отклонение от него сводится в основном к недовложениям и недоборам в саму автома-

гистраль, то в производстве замов различных органов управления наблюдается только перебор. Кстати, когда я первый раз избирался ректором университета, мне пришлось больше месяца исполнять обязанности двенадцатого проректора по финансово-экономическим вопросам. С ними пришлось разбираться недолго. Финансы, за исключением бюджетных средств, для работы с которыми достаточно одной бухгалтерии, отсутствовали в университете полностью. Собранные за три года вперед деньги студентов-платников были потрачены за полгода, нарастали коммунальные долги и другие обременения.

С данным видом двенадцатого заместителя все было ясно. Но чем занимаются остальные одиннадцать? Сразу трое отвечали за развитие науки, объемы которой за последний год составили чуть больше шести миллионов рублей. Здесь на знакомство с ситуацией ушло не более двадцати, тридцати минут. Таким было весьма скромное число хоздоговоров и грантов. Других же поступлений не было и не ожидалось.

Не обошлось еще и без двоих первых проректоров. Хорошо, что не три или не четыре первых зама, как бывает в некоторых других управленческих структурах. Такая бессмыслица может быть удивительной только для зарубежного менеджмента, и мне не один раз во время различных симпозиумов и деловых встреч приходилось выслушивать саркастические высказывания на эту тему. Напрасно ерничают господа, это для них смешно, а у нас – это инновация. Целая группа первых замов курирует определенное число простых замов, освобождая от таких забот самого руководителя. И почему в мире не распространяется такой ценный опыт – непонятно?

Правда, случается и наоборот. Мне пришлось работать с двумя министрами образования и науки РФ. Сначала с В.М. Филипповым, который оказал серьезную поддержку региону в строительстве одного из новейших классических университетов России – БелГУ. Кстати, начавшемся в самый драматический момент дефолта 1998 года. Он имел трех первых замов министра с полномочиями решать различные вопросы, и шесть-семь простых замов, права которых ограничивались больше подготовкой решений. Его первый заместитель Г.А. Балыхин оперативно решал любые возникающие вопросы, инициативно помогал во всем, чем мог. Два других первых заместителя также оказывали посильную поддержку.

Затем его сменил А.А. Фурсенко, не имевший ни одного первого заместителя, а рядовых замов было не более пяти-шести, как и положено по науке. Их он курировал сам. И это тоже соответствует главному правилу функционирования крупного руководителя. Но только в традиционном общепринятом исполнении. У нас же сплошь и рядом своя специфика.

Не успеет министр побывать в какой-то поездке с главой государства, как его тут же берут на аналогичное дело Председатель Правительства или его заместитель. Затем следует целая вереница протокольных заседаний, совещаний, переговоров, коллегий плюс свои плановые мероприятия и поездки, а бумаги и снизу, и сверху все подходят и подходят. Знаю доподлинно, что он чаще всего разбирал эти горы документов ночами, давая соответствующие поручения и доводя себя до изможденного состояния, которое иногда оказывалось объектом наведения телекамер во время очередного мероприятия на следующий день.

При этом он был доступен. Принимал по полной программе, обстоятельно вникая в поставленные посетителем вопросы. Но вот работа с деловыми бумагами была проблемной. Во время аудиенции со мной он тут же рассмотрел все мои десять писем. Разложил и определился с технологией решения.

Мне оставалось ждать реакции соответствующих замов, курируемых ими департаментов и сигнала к дальнейшей работе. Но вопреки моим ожиданиям, четыре письма исчезли бесследно, два оказались найденными с большим трудом и опозданием после их броуновского передвижения по различным бюрократическим отсекам. И только четыре оказались конкретно исполненными, в том числе и по возобновлению финансирования строительства нового общежития, что явилось важным фактором развития университета.

Попробуй после этого разберись, сколько и каких замов надо иметь в наших министерствах. Особо подчеркнем, министр А.А. Фурсенко пять раз побывал в БелГУ и оказал мощную поддержку новому вузу в его становлении и росте. Неоднократно он публично ставил в пример наши темпы и скорость развития, особенно по новым научным направлениям в нано- и биотехнологиях, по созданию надлежащих условий и возврату из-за рубежа ведущих российских ученых, по формированию и внедрению уникального социального пакета. Однако это скорее лишь исключение из правил структурно-функционального типа управления, который вполне удачно и безболезненно переключался из тупика коммунизма прямо в объятия перманентных капиталистических кризисов.

Между тем такое суждение требует пояснений и, как минимум, ответа на вопрос оппонента: так какая же всё-таки номенклатура работала эффективнее – партийно-советская или её нынешний рентолигархический перевоплощенец, и в какую сторону обозначилась тенденция, в лучшую или в худшую? Мне сравнивать не сложно – и тогда, и до недавнего времени теперь за всем внимательно наблюдал и во многом участвовал изнутри. Общий вывод один, и его подтвердят многие люди, жившие в ту советскую пору и живущие сейчас, в

буржуазную эпоху, – вчерашние номенклаторы работали более продуктивно, старательно и глубже вникали в суть стоящих проблем, эффективнее сосредотачивались на главных направлениях, достигали лучших результатов, чем нынешние, которые накренили тенденцию в худшую сторону.

Тогда было больше героев, подвижников, преданных Родине и идеалам социализма, честных, порядочных и надежных, способных заботиться о людях и, преодолевая издержки и надуманности в неверной доктрине, а также регрессивные методы её реализации, достигать значительных результатов. Сегодня таковых среди ведущих номенклаторов, ряды которых кратно умножились ярко выраженным эгоцентричным молодым пополнением, найти весьма сложно. Окрасившись в рентоолигархические цвета основных энергоресурсов и сырья, они почти полностью потеряли из виду свой народ, обрекая тем самым неизбежно потерять и себя.

Почему так происходит, неужели номенклатура так полюбила еще с советских времен госкапитализм, что решила его продлить вечно? Перед нами свежайшая точка зрения очень вдумчивого хлёткого аналитика В.В. Костикова. «Большого секрета, в сущности, и нет. Ответ известен. Нет у нас никакого госкапитализма! А есть корпорация чиновников. Её инструменты известны: откаты, делёж госзаказов, распил бюджета, превышение смет, рэкет (со стороны чиновников-силовики), перехват собственности, откровенное воровство. Честных людей в рядах чиновников, конечно, тоже немало, но сути корпорации это не меняет. Это даже не пресловутая «семибанкирщина» 90-х, когда узкий слой безмерно обогатившихся людей старался хоть как-то («во имя торжества демократии») согласовывать интересы. Это многие тысячи жадных и часто некомпетентных потрошителей России, которые думают лишь о личном обогащении. Их цель – не вывести Россию на путь развития, а сохранить на как можно более длительный срок своё бюрократическое кормление.

А потом... можно и за границу. Уже и место присмотрено, и валюта припрятана, и вид на жительство в проекте, и дети с дипломами от Оксфорда. А не удастся за границу – можно, сделав патриотическое «селфи», обустроиться и здесь при каком-нибудь «Фонде процветания России»... Деньги уже закачаны».³⁹

В общем, если речь вести о современной номенклатуре, здесь еще надо много поднимать исследовательских пластов. Пока же завершим выводом о вполне успешном саморазвитии ведущего управленческого класса России, чего никак невозможно сказать о самой стране. Маневрируя законами, средствами массовой информации, политическими партиями, чиновники сплотились и образовали вполне мобильный, организационно солидарный социум. Заметим, главный, да, можно

сказать, и единственный в таком роде класс, господствующий над другими. Проблема только в одном – на какой промежуток времени? Попробуем ответить хотя бы обозначением основной перспективы.

8. Историческая обреченность номенклатуры

Вроде бы все основное уже проанализировано, а исследовательский взор не хочет отрываться от наболевшей и так близкой темы номенклатуры, опять тянется к ней, родной и незаменимой с весьма рискованной надеждой, что она перестанет раскачивать амплитуду общественных колебаний, включит наконец-то заднюю скорость движения и сделает полагающееся ей одно, главное действие, – добровольно выпустит из своих рук авторитарный руль и предоставит право народу развиваться на свободной демократической основе, как в подавляющем числе стран мира. При этом сама постепенно растворится по отсекам исторического процесса, никому не мешая и не сопротивляясь, как и надлежит всему отжившему и обреченному на исчезновение. Такой подход будет закономерным и что важнее всего – во благо общества.

Возможно ли такое в действительности? Вполне, но только при одном условии: на ее вершине должна оказаться достаточно мощная группа сильных лидеров, одного сегодня недостаточно, способных проявить политическую волю и осуществить известные всему миру унифицированные, как таблица умножения, принципы естественного развития свободного гражданского общества: регулярная сменяемость и обновляемость властей всех уровней на основе открытых, свободных от номенклатурно-подтасовочных технологий выборов; пропорциональное представительство в них всех социальных групп населения, классов; наличие свободных средств массовой информации и независимых судов, избранных самим населением; рыночная экономика с жесткими антимонопольными и антиолигархическими ограничениями, сильная социальная политика с максимально возможной оптимизацией распределения доходов между всеми группами населения с минимальным центильным коэффициентом; правовое государство, обеспечивающее приоритет прав и свобод каждого гражданина, где действует неукоснительное верховенство законов для всех без исключения лиц, гарантирующих порядок, при котором не человек для власти, а власть для человека.

Абсолютно понятно что и как надо делать, тут ничего не нужно выдумывать. Прежде всего самому классу необходимо выучить данную таблицу, понимая, что без неё всё равно никуда толком не двинешься и рано или поздно всё равно придётся её усвоить и выполнить. Далее, вместо показушных встреч, совещаний и заседаний с зачитыв-

ванием околонomenclатурных задач с вековым стажем, показывать по ТВ и объяснять народу конкретно, по каждому пункту, что делается, результаты, динамика продвижения и действия на ближайшую перспективу. Повторим: действия, а не задачи. А чтобы не ошибаться, надо поступить по примеру отстающих учеников в школе – взять и просто переписать или списать готовое у тех, кто уже давно такие действия сделал. И это будет значительно менее зазорным, чем бестолково бить во всевозможные литавры своей osobости. Кто не справится – переводить во второгодники или исключать из своего класса.

Готова ли к таким действиям обновленная номенклатура российского общества? Нет, не готова. Как показала практика четвертьвекового управления, пока она готова только ко всевозможным маневрам, манипуляциям и движению по замкнутому управленческому кругу вместе с ведомым ею народом. Прививка демократии на нее не подействовала. Единолично правящий класс быстро приспособил ее к привычной технологии своего абсолютного господства, при котором им все планируется, определяется, утверждается, разрешается, запрещается, распределяется, назначается, освобождается, поощряется, назначается, стимулируется и принуждается.

Написав своими руками удобные для себя законы и утвердив их на всех уровнях своими назначенцами – избранниками, представляющими в основном только слой богатых людей, номенклатура через свое бюрократическое размножение и увеличение силовых структур, несопоставимое даже в близком приближении с советским периодом, полностью поставила себя в антагонистическое положение по отношению к подавляющему большинству ныне действующих классов и групп населения.

Важно подчеркнуть, что вместо оборонительных и порой неуверенных действий 90-х годов она в условиях сырьевого благоприятствования быстро сменила тактику и перешла в решительное наступление на права и свободы граждан, усиливая свое административное давление на все сферы жизнедеятельности общества. Делается все возможное, чтобы не допустить таких же трагических революционных событий, которые когда-то, век назад, сама готовила, осуществляла и добилась превращения их в колыбель своего развития, укрепления и господства. Инстинкты самосохранения усиливаются свежей исторической памятью о тревожном периоде краха огромной страны, когда позиционировать приходилось на краю пропасти.

Тем не менее, как раньше шел, так и сегодня продолжает идти процесс неизбежного нарастания главного противоречия между огромным организационно-кадровым потенциалом номенклатуры и ее неспособностью к усвоению уроков истории и новых реалий управления современного мира. Не хочет и не может она их выучить, обрекая себя

на рудиментарное, архаичное состояние, отсталость и обреченность. И какие бы риторические упражнения она ни разучивала, сколько бы раз ни повторяла вышеупомянутые общечеловеческие достижения, тем самым выставляя и себя в одном ряду с ними, ей все реже будет удаваться закамуфлировать реальное консервирование одного и того же набора только ей присущих приемов управления обществом.

Особенно это наглядно в экономической сфере и отношениях собственности. Уже вроде бы давно преодолено различие между двумя противоборствующими силами за мировое господство – капиталистами и номенклаторами. Если первые всегда были, есть и будут классом имущим, а потому и господствующим, то вторые стали классом господствующим и поэтому имущим, но имеющим де-юре коллективную собственность, которой они безраздельно управляли и пользовались де-факто. Теперь же обновившаяся политбюрократия России стала и тем, и другим, получив дополнительные, ранее невиданные привилегии и богатства, оформленные соответствующими законами.

К тому же исчезли все мифологемы, а с ними и надобность постоянно и бессмысленно торопить законы истории через бессмысленные заклинания и озадачивания. Наконец-то все поняли, что не человек влияет на степень своего возрастного развития, а оно определяет его самого в физиологическом, интеллектуальном и социальном параметрах, что и проецируется на все общество. Казалось бы, бери и управляй теми несметными богатствами, коими не сумели толком воспользоваться ранее, расслабься сам и раскрепости свои конвойно-приказные оковы и административные путы, дай людям свободно распорядиться своими индивидуальными и коллективными возможностями, разумеется, в рамках закона.

Нет, не получается это у номенклатуры. Она по прежнему всеми командует, руководит, не забывая присваивать себе прибавочную стоимость, а свою неспособность к современным требованиям управления компенсирует усилением эксплуатации и угнетения управляемых. Дело дошло до немыслимого для советской политбюрократии – передачи номенклатурных должностей, депутатских мандатов по наследству своим детям или прямым родственникам. Об устройстве детей федеральной и региональных элит в госкорпорациях, банках или же специально созданных крупных фондах, холдингах и других бизнес-структурах, питающихся соками бюджетных и иных госфинансовых потоков, уже написаны горы публикаций.

Идёт постоянная ротация их и особенно представителей капитализма для своих из предпринимательских структур в государственные и наоборот. Справедливости ради заметим, что жены ведущих чиновников не у всех оказываются талантливыми, крупными бизнесменами – на такую жертвенность идут только самые патриотично настроен-

ные и беззастенчиво амбициозные. Похоже мамонофилия к ним прилипла навсегда. С кем только не идентифицируют себя современные номенклаторы, но больше всего они оседлали научные и писательские звания. Вдгонку им устремились депутаты, банкиры, предприниматели, военные и правоохранители. На этом поприще образовались и подвизаются неподдающиеся учёту, но имеющие все свои координаты, целые коллективы околотитературных и околонаучных «рабов», удачно оседлавших ёмкую бизнес-нишу. Доводить дело до всеобщего охвата – устоявшаяся традиция номенклатуризма.

Можно только предположить, пока никто не посчитал, что сегодня Россия вполне позиционирует в авангарде мирового сообщества по числу учёных на тысячу жителей, хотя для нашей страны будет более точной градация количества лиц, имеющих научные дипломы. Зато мы точно впереди планеты всей по беззастенчивости и невосприятию всяких уличений в плагиате со стороны зловердных диссернэтников. Это за кордоном в таких случаях министры, губернаторы, мэры и другие руководящие лица немедленно уходят в отставку. Нашим же, что комариный укус – отмахнулся, и все дела. В этом смысле мало что меняется только не в доме Облонских, а во многих домах и квартирах бедствующего и бедного населения России. Остались по-прежнему бодрые слова обещаний и обреченные на неудачу дела. Ладно, не умеете сами, но неужели не с кого взять пример?

Ну не любите вы западную демократию, считаете ее несовершенной, и с этим трудно не согласиться, но там нет номенклатурно-бюрократических избирательных комиссий, а весь процесс обновления и смены власти выглядит как проявление самостоятельности и саморазвития гражданского общества через политическую волю отдельных партий и каждого человека. Попробуйте хоть один раз доверить это людям, и вместо утверждения, что кроме действующей власти выборы никто не проведет, реально помогите в организации собраний по свободному выдвижению кандидатов в эти комиссии, в избираемые от каждой социальной группы представителей в обновляемые органы власти. Достаточно вспомнить то, как наш царь в начале XX века начинал формировать первую Государственную Думу из представителей всех слоев населения.

Конечно, в кабинетной тиши проще всего подобрать, подогнать, назначить и организовать все чинно и спокойно, сведя основной процесс к технологии протокола. Главное не будет, за редчайшим исключением, много шума, провалов, скандалов, перевыборов и всякой другой суеты, так характерной для самоуправляемых процессов. Кому понравится, что в той же Японии, Италии и других странах почти ежегодно меняется правительство, проводятся выборы и перевыборы. Но это ведь одновременно и закон демократии, и ее несовершенство, ко-

торое как раз саморазвивается и самонастраивается в ходе такого процесса.

И вместо того, чтобы всячески дискредитировать демократию и демократических деятелей, убеждать всех и каждого в том, что для России это только поход в хаос и смуту, попробуйте освоить примеры новгородского и псковского княжеств, к которым мы неоднократно обращались в данном исследовании, где сформировался действительно советский народ, с которым напрямую по всем важнейшим вопросам советовались князья и который утверждал их наиболее актуальные управленческие решения, отчеты и мероприятия.

Не потому ли они, зажатые, с одной стороны, тевтонскими завоевателями, и с другой, – монгольскими ордами, удачно вели дипломатическую и военно-политическую стратегию, тщательно избегая поиска врагов и добиваясь согласия с друзьями. Совершенно не случайно, а именно в результате этой реально осуществляемой демократии удалось в отчаянно сложнейших условиях сохранить на данной территории в первозданном виде честь, свободу и независимость так и непокоренной части русского народа. Вот это и есть его реальное сбережение!

Таких результатов не добивался даже самый талантливый самодержец. Однако ранее процветающие, могучие российские регионы оказались под многолетним царско-большевистским крепостническим гнетом в угасающе-депрессивном состоянии. Сегодня в них вымирает население, не обрабатываются тысячи гектаров земли, убывает социально-экономическая жизнь.

Аналогичное положение наблюдается в большинстве областей, центры которых номенклатура превратила в свои оазисы, сделав ставку, разумеется, не на промышленников и других производителей материальных благ, а на принимающих и перепродавцов. Торгово-развлекательно-офисные центры это ее последний бастион и прикуп перед неминуемой безнадежностью и крахом. Классом для себя можно быть только в одном случае – если ты не управляешь другими. А коль взялся за руководство всеми и чувствуешь, что нужных результатов нет и в обозримом будущем не предвидится, лучше добровольно сдать руль другим. У народа достойных рулевых найдётся достаточно, несмотря на то, что он сам все еще не сумел изгнать из себя раба. И это очень большая проблема для всех народов, правда, с той разницей, что у многих – это далекое прошлое, а для нас всё ещё огорчительное настоящее. Из тоталитарного прошлого даже за несколько десятков лет просто так не выйдешь, особенно, если нет своего Моисея.

Читатель уже обратил внимание, что я обращаюсь к его примеру с разных исследовательских позиций. На этот раз хочу подчеркнуть, что по историческим источникам в мучительный путь к свободе вместе с

Пророком отправились всего около 20 процентов евреев, большинство же пожелали остаться в рабстве. Да и освободившиеся из оков плена далеко не все обрадовались этому, многие были недовольны и даже выражали претензии Моисею.

Вот и сегодня правящая политбюрократия играет на вековой тоталитарной ведомости народа, списывая все грехи своего правления на демократию и свободу. Помилуйте, но как стать свободным, если тебя не просто к ней не ведут, а всячески не пускают, зажимают, ограничивают, под любыми предлогами уводят в сторону, а кто и в различные лабиринты. Судя по некоторым социологическим опросам, за 30 лет реальной открытости миру, полной и даже ограниченной, придавленной гласности, у нас вряд ли удастся собрать такой свободолобивый процент, как у древних евреев. Но сегодня совсем другие информационные и организационные условия глобального мира, и для правящей номенклатуры любая удача в использовании безропотности и послушания народа может внезапно превратиться в неразрешимую проблему.

И здесь не помогут ни ловкость, ни сила, ни изворотливость. Сколько ни рассуждай об инстинкте самосохранения у народа, пережившего невиданные ужасы социально-экономических разломов XX века, а он уже давно многое понял и в любой момент может проявить свою волю и силу отчаянного протеста, а затем и стихийного взрыва. Не дай бог о таком даже думать, но исследовать приходится.

Исторически все это проявляется внезапно, без каких-либо прогнозов и объяснений, по любому самому малейшему поводу и даже без него. И никто до сих пор не знает истинной сути их возникновения и массового распространения. Надеяться на поддержку других, близких по паразитическому и эксплуататорскому духу социальных классов и групп вряд ли уместно, ибо их эгоцентричная сущность и мамофилизм проявляются прежде всего в самоспасении, силовые структуры при таких делах в конечном итоге всегда переходят на сторону народа. Хотя недавно созданная Президентом страны мощная национальная гвардия способна и может дать отпор возможной протестной стихии, но на ее штыках развивать страну все равно не получится. На международной арене несменяемые номенклатурные режимы в основном тоталитарного толка еще остались, но они нам в помощники не годятся. О них как в поговорке – лучше иметь десять врагов, чем одного такого друга, – точнее не скажешь. Их, во-первых, и мало, во-вторых, они в силу своей запредельной одиозности – наши на их фоне выглядят почти на уровне западной элиты, во всяком случае внешне, сами висят на волоске обреченности, им не до поддержки других.

Ну что можно взять с тоталитарной номенклатуры КНДР, где в качестве нормы госуправления введена теократия, то есть власть мертвых вождей. Их по-прежнему считают действующими руководи-

телями и называют вместе с должностью. Понятно, что такие инноваторы вряд ли слишком долго еще будут удерживать свою власть, даже угрожающе размахивая ядерным оружием, тем более рядом процветает высокоразвитая и благополучная южная половина страны, живущая по законам парламентской демократии и свободного гражданского общества. Так что выбор вариантов спасения остается крайне ограниченным.

Ребята, может лучше все-таки провести открытый опрос населения на тему: что оно предпочитает – унижительное, бесправное хождение по номенклатурно-коррупцированным кабинетам и коридорам при отобранных и назначенных в бюрократических структурах судьях, к которым с претензиями к власти обращаться бесполезно, за редким исключением, или демократическое выдвижение и избрание населением независимых судов, открыто работающих, подотчетных избирателям и отзываемых ими, что в свою очередь приведет к полной ликвидации неподсудности отдельных лиц и указаний сверху, кого и как судить. Затем посоветоваться и по другим вопросам жизнедеятельности своих подданных. Глядишь, там недалеко и до вариативного прогноза развития реальной ситуации в стране и принятия соответствующих решений.

Разумеется, именно тех решений, которые приближают управляющий класс к мирной демобилизации и предотвращению насильственной гибели. Нельзя забывать провидческую мудрость, одобренную авторской редакцией: кто меч насилия поднимет, тот от него и погибнет. Наш исследуемый субъект поднял его так, что сто лет назад содрогнулся весь земной шар. Еще не родился тот человек, который может дать точную всеобъемлющую оценку последствий разрушительных трансформаций человеческого общества в XX веке. Зато немало есть тех, кто сегодня скажет, что этот меч надо опустить спокойно и аккуратно, ведь его лезвие заточено ракетно-ядерным наждаком.

Многие исследователи в начале 90-х годов под победоносным воздействием антиноменклатурных революций поспешили попрощаться с этим классом и начали списывать его в архив. Не разделяя с ними такого явно опрометчивого подхода, мы воздержимся от неуместных и преждевременных прощаний и пожелаем этому общественному феномену одного – сделать правильный исторический выбор. Тем более, он хоть для нас и инородный, искусственно оплодотворенный, но не чужой.

И поможет в этом одно упражнение. Кладём на весы истории результаты господства и управления в России номенклатурным классом и вместе с читателем делаем по ним выводы. В период 1917-1991 годов был продемонстрирован несоизмеримо ни с чем жертвенный, безнадежный бросок в мифологическое никуда – ни мировой революции, ни социализма, ни коммунизма добиться не удалось, попыт-

ка соревноваться и тем более конкурировать с объявленным гнилым, ничемным капитализмом по главному показателю – качеству жизни людей провалилась. Единственный успех – разрушение искусственно сотворенного, тут революционные инстинкты не подвели и сработали чётко. Поломали даже то, что нельзя было трогать, что было создано потом и кровью народа и служило ему во благо.

Перевоплотившись, перестроившись и пополнив свои ряды, господствующая политбюрократия взялась практически теми же большевистскими, принудительными методами возрождать капитализм, социально-экономические отношения которого строятся на совсем противоположных по смыслу принципах свободы, демократии саморазвития и договорных отношений. Четвертьвековой поход по возвращению страны в естественное, общечивилизационное русло ознаменовался результатами, которые убедительно выразил один из ярчайших аналитиков А.И. Угланов.

Прокомментируем их. В качестве положительного приводится пример успешной модернизации военно-промышленного комплекса, который курирует лично Президент. И это вполне логичное повторение достижений Политбюро ЦК, сумевшего мобилизовать на гонку вооружений до 75 процентов всей экономики и ресурсов СССР и обеспечить паритет с классовыми врагами социализма. Обо всех остальных результатах углановскую аналитику можно выразить словами всё той же русской народной песни – каким ты был, таким остался...

Вроде в начале века взялись за постиндустриальное развитие на основе привлечения западных инвестиций, но там почему-то не топились это делать, внимательно приглядываясь к состоянию фундаментальных основ любого общества – это соблюдение законов, независимые судебная система и средства массовой информации, настоящая выборная демократия и тому подобные мелочи, без которых всё остальное даже немислимо. Хлынувшие бурные потоки ресурсной валюты, никогда невиданные за историю России, как магнитное притяжение сбивались в русло капитализма для своих, ориентированного больше на офшоры и старательно обходившего отечественную промышленность стороной. В результате наших инвестиций удалось заметно взбодрить западную экономику, а самим с удвоенным темпом сесть на сырьевую иглу.

Все три программы развития: «Стратегия – 2010», «Концепция долгосрочного развития – 2020» и «Стратегия – 2020» остались и останутся по ключевым показателям на бумаге. Условия для массового появления новых инновационных компаний во всех секторах экономики не сформированы, товарооборот резко падает, и Россия никак не сможет к 2020 году занять 5-10 процентов на мировых рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг в 5-7 и более

секторах. Возможно, только ненавистные санкции помогут нам прекратить завоз шурупов, дверных петель, замков и прочей мелочёвки из-за кордона и наладить их собственное производство и его реальное приращение к ВВП.

Нельзя всерьез воспринимать и самовосхваление Правительством результатов в сельском хозяйстве, названного явно рискованно брендом развития. Реальность пока свидетельствует несколько в иных красках. Позиционирование последнего урожая зерновых в 104 миллиона тонн пока не дотягивает до 120-миллионного уровня РСФСР. Рекордное наполнение столов россиян птичьим мясом и свиной вызывает больше проблемных вопросов и претензий, чем положительных отзывов.

Избавившись от таких эрзац-продуктов, весьма сомнительных и далеких по вкусу и запаху от естественных, западные фирмачи с удовольствием сбросили свои селективные и технологические «достижения» нам – пусть россияне привыкают к химвпрому и отвыкают от экологически чистой пищи. Чем больше её съедят, тем значительнее усилится потребление ими опять же импортных лекарств. Словом, двойная выгода. Про молочные продукты лучше всего скажут статистика вырезанного крупного рогатого скота и нарастающий завоз пальмового масла, порошков, различных наполнителей и заменителей. Во многих местах образ обыкновенной коровы даже у сельских детей может возникнуть только в сказочном воображении – в жизни их можно там смело заносить в красную книгу. Да и как можно поднять сельское хозяйство, если тысячами уничтожаются российские села – корневая система страны.

И, наконец, о самом наболевшем – это уровень жизни народа, рассчитывающийся обобщающим показателем в виде валового внутреннего продукта на душу населения. Возвысившись за счёт подачи крох и даже отдельных кусков с невиданно огромного рентоолигархического стола в 2007 году до 13,9 тысячи долларов, что значительно не дотягивает даже до таких стран, как Греция и Португалия, где многие люди в тепле и уюте просто по полгода отдыхают, россияне опустились в 2015 году до 5-тысячного мизерного значения. О том, что по вышеупомянутой стратегии к 2020 году должен быть результат 30 тысяч долларов на каждого россиянина, никто даже не вспоминает. Да и как о такой утопии можно вспоминать.

Будь сегодня в законе о выборах требование всякий раз действующим и борющимся за власть партиям рядом с предвыборными обещаниями публиковать результаты выполнения предыдущих обязательств, то российский избиратель изумился бы продуктивности партии власти, то бишь «Единой России», которая в своем предвыборном манифесте еще 2000 года декларировала, что:

- в 2004 году каждый житель России будет платить за тепло и электроэнергию в два раза меньше, чем сейчас. Сейчас во много раз платят больше;

- в 2005 году каждый гражданин России будет получать свою долю от использования природных богатств России. Мечтать не вредно даже теперь, а до дела – так на эту тему сразу же наложилось рентоолигархическое табу;

- в 2006 году у каждого будет работа по профессии. Так большинство же носителей дипломов юристов, экономистов, менеджеров и государственных служащих стало настолько подавляющим, что даже, если одномоментно уволить всех занятых этой работой, то все равно многих придется направить на досмотр четвертого сна Веры Павловны из известного романа;

- к 2008 году каждая семья будет иметь собственное благоустроенное жилье, достойное третьего тысячелетия, вне зависимости от уровня дохода. Такая мечта даже у многих девятистолетних фронтовиков не стала реальностью, остальным же надо обещать в очередной стратегии и на тех же основаниях;

- к 2017 году Россия будет лидером мировой политики и экономики. По всему видно, принимавшие такие обязательства предусмотрительно проштудировали Программу КПСС о построении коммунизма.

С той поры по аналогичным обещательным перлам можно сбиться со счёта. Ударники производства пустой болтологией от «Единой России» не постеснялись подставить даже своего лидера – Президента РФ В.В. Путина, который тогда пообещал: пенсии в России должны достигнуть европейского коэффициента и составить 40 процентов от заработной платы. Мы не допустим, чтобы пенсионеры вновь, как это было прежде, оказались за чертой бедности.⁴⁰ Между прочим, они из-за этой черты никогда и не выходили, а сегодня самые массовые пенсии – размером около 150 долларов. Так что объекты для сравнения впору искать не в Европе, а где-нибудь в Латинской Америке или ещё на более бедных континентах.

А тем временем, Правительство начинает разговор о четвертой стратегии до 2030 года – тогда продолжительность всероссийского похода по маршруту возрождения капитализма сравняется с сорокалетним моисеевско-иудейским, вот только выйдет ли он за рамки векового номенклатурного круга для своих?

Еще в начале бурного возрождения капитализма в России мне попала книга В.В. Шульгина, графа-белоэмигранта, ярого монархиста «Три столицы. Путешествие в красную Россию», который под чужой фамилией действительно проехал в середине 20-х годов по необъятным просторам покинутой Родины. Проглотив тогда необычное из-

дание залпом, я вернулся к ее содержанию во время написания данной монографии уже с аналитическим пристрастием. Не всякий доктор социологии может с таким глубочайшим проникновением оценить сложившуюся здесь ситуацию. Поэтому и цитируется она в самых авторитетных научных изданиях.

Тем более суждения графа настолько пронизаны духом грядущего, что и сегодня могут служить учебным пособием для управляющего класса. Вдумаемся в одно из них. Вернулось неравенство. Великое, животворящее, воскрешающее неравенство... Мертвящий коммунизм ушел в теоретическую область, в главные слова, в идиотские речи... А жизнь восторжествовала. Появилась социальная лестница, а с нею появилась надежда. Надежда каждому взобраться повыше. А с надеждой появилась энергия. А с энергией восстановились труд ума и труд рук. И эти две вещи воскресили жизнь.

Конечно, слои переменялись местами. Первые стали последними. Но в конце концов – кто нам виноват? Разве мы не имели все? Власть, богатство, образование, культуру? И не сумели удержать... Но мы хотели быть в положении властителей и не властвовать. Так нельзя. Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запыет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз, из «жидов». Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе её тоже избацают. Коммунизм же был эпизод. Коммунизм (грабь награбленное и все прочее такое) был тот рычаг, которым новые властители сбросили старых. Затем коммунизм сдали в музей (в музей революции), а жизнь входит в старые русла при новых властителях.⁴¹

Невольно подумалось, зачем мне понадобилось писать многостраничное исследование, если в вышеприведённых двух десятках строк выражена суть происшедшего и происходящего. Успокаивает одно – это я делаю не для себя, а в качестве возможной рекомендации молодым исследователям. Ведь в них, кроме открытого антисемитизма графа, имеющего свои истоки в неприязни к революционерам, ряды которых в немалой степени тогда пополняли недовольные своим ущемлением, угнетением и черносотенными погромами евреи, приемлемо всё, особенно с провидческим смыслом: много не пейте, не пойте и, добавим еще более актуальное, не врите и не воруйте, – прогонят и найдут других. Так оно и вышло, прогнали, правда, далеко не всех и не везде, причем, со всеми перечисленными оттенками властвующего номенклатуризма, о чем уже шел обстоятельный разговор. Номенклатурное управление классами и обществом в целом продолжается, неотвратимо выдвигаясь навстречу исторической обречённости при полном наличии шансов её избежать.

Глава XI. Отношения собственности – запутанное таинство социального угнетения и неравенства

1. Собственность и ее отношения в жестких тисках социального угнетения и неравенства: троекратный кульбит

Проблемам собственности в целом посвящено много исследований в различных отраслях науки. Однако в социологии данному направлению не уделяется должного внимания. Более того, во многих монографиях и диссертациях она как методологическая, функциональная основа ключевых социальных, экономических, политических и других процессов, отношений между людьми просто выпадает из поля зрения учёных. Неслучайно социология собственности по сути сегодня так и остаётся ещё со времён первых научных работ наших основоположников незавершённой в своём формировании и развитии специальной социологической теорией.

Не вдаваясь в анализ причин такого положения, а также различных формулировок феномена собственности, мы согласимся с наиболее приемлемой для нас точкой зрения ряда авторов о том, что собственность благодаря институциональным связям с социальными обычаями и государством одновременно является отношениями между людьми и между вещами. Это подводит её под определение общественных отношений и вводит в предметную область социологии.⁴²

И здесь ход наших мыслей невольно наталкивается на существенное социологическое противоречие. С одной стороны, все люди так или иначе вовлекаются в отношения собственности через различные виды своей деятельности, соподчинённой многообразным законам и нормам, в том числе и распределения самих результатов, продуктов своего труда, откуда и возникает неравенство в обществе. С другой стороны, чья-то невидимая рука с неотвратимой силой уводит людей от анализа отношений собственности, их конкретной включённости в этот уникальный процесс, более того, уводит самих исследователей.

Наблюдается интересное ощущение по мере освоения этой темы. Она кажется парадоксальной как с исторической, так и с социологической точки зрения. В самом деле, чем глубже мы погружаемся в отношения собственности, тем больше видим, что это корень, сердцевина и мотор социального неравенства и одновременно огромное таинство, которое по ходу продвижения исторического процесса всё больше убеждает нас в своей неразгаданности.

Действительно, начиная со школы, затем в вузе мы изучаем разные исторические эпохи с их специфическими общественными отношениями, понимаем и убеждаемся в том, кто, когда, как, в каких размерах и за счёт кого приобретал, получал, владел, передавал и т.п. – собственность. Какими статусными нормами это регулировалось и управлялось, как влияло на социальное положение, самочувствие и развитие общества, его отдельных групп и конкретного человека. Всё вполне ясно и понятно.

Но что удивительно: чем ближе к нынешнему дню мы всматриваемся в эти процессы, тем непонятнее нам становится данный проблемный узел социологии. Можно сделать твёрдый вывод – сегодня это самый животрепещущий и одновременно самый запутанный сегмент жизни современной России. Причем, запутанный специально.

Казалось бы проще простого понять, что к концу XX века в стране главной всеохватывающей была общенародная социалистическая собственность, так об этом записано в Конституции СССР. Фактически владела и управляла ею номенклатура – новый, господствующий класс, вышедший вместе с революцией на историческую сцену, сформировавшийся и укрепивший своё лидирующее положение в обществе в ходе борьбы за его коренное переустройство, о чем подробно написано в предыдущей главе.

С глубоких научных позиций все привилегированные, гегемонистско-диктаторские, паразитирующие, эксплуататорские, руководящие и другие черты этого невиданного до XX века ни по сути, ни по масштабам развития класса раскрыл в своём фундаментальном труде М.С. Восленский. Он аргументированно доказал, что историческая миссия и руководящая роль рабочего класса в построении нового социалистического общества является идеологической фикцией. Такой же подтасовкой было положение о том, что в СССР все и каждый владели общей собственностью, где по закону не допускалось социальное неравенство. Что и говорить – удачная ситуационно-ролевая подмена, которая вполне реально морочила голову всем поколениям советских людей и всеми возможными способами организационной, идеологической, правовой и политической работы внедрялось в сознание и ценностные ориентации. Все попытки любого человека активизировать отношения собственности, увеличить ее личные, частные объемы строго пресекались различными законами вплоть до уголовного преступления. Уничтоженное на корню никогда не должно было возродиться. И в сознании, и в быте всё должно быть неукоснительно заменено общественным. И такой кульбит с переворотом вперёд продержался 74 года.

В то же время любое посягательство на общественную собственность, которую наш смекалистый народ сразу же нарек более точным

термином «государственная», «казённая», однозначно трактовалось как преступление. Шла решительная борьба за ее сохранность, которая тем не менее в реальной жизни больше напоминала малоэффективные попытки сберечь несберегаемое, ибо собственность, отчужденная от людей, стала как раз тем решающим фактором, который разрушил искусственно созданную конструкцию общества.

Ясно, что номенклатурное управление оказалось неэффективным. Советский Союз, не выдержав конкуренции в глобальном масштабе по уровню производительности труда и выпускаемой продукции, а главное по качеству жизни людей, распался. Общепародная собственность была приватизирована, то есть поделена поровну на каждого человека, что закреплялось юридически в виде ваучера. Фактически возрождение и новая фаза развития капитализма в России начались, как ни странно, с базового социалистического принципа равенства всех и каждого. Во всяком случае совершенно точно с декларации столь желанной позиции. Было открыто, чётко и понятно определено, кто и сколько получит этих ценных бумаг. Точнее всего должны были получить и получили их, как говорят, и стар, и млад, по одному ваучеру. Примерно определялась и доля собственности на каждого человека.

Так состоялся второй кульбит с собственностью, который оказался незавершённым в плане узаконивания её новых отношений. Объект, что называется, вроде бы и перевернулся, но не стал, вернее, ему не дали стать на ноги. Вместо толкового разъяснения и рекомендаций отвыкшему от собственности народу, перевоплотившаяся и новая политбюрократия вкупе с народившимися и назначенными принимающими, разного рода мошенниками и жуликами ловко перенацелили переворот с направления назад, то есть возрождения всеохватного, массового числа собственников, в его боковую сторону, где и произошёл её жульнический сначала отъём, а потом и узаконивание узкой группой лиц. Недолго побыв в бумажно-подвешенном состоянии, обмякший всеобщий гигант совершил третий кульбит и обрёл своих новых хозяев. Но вот сколько и кому досталось на деле, тут тёмный лес и глубокая тайна.

Официальная статистика и научные изыскания правду сказать не могут, так как основные процессы новых отношений собственности с 1992 года в стране шли и идут в настоящее время скрытно, на основе подмен физических и юридических лиц, подтасовок, обманов и просто грабежей. Отсюда и различные точки зрения у социологов, экономистов, юристов и историков: то ли 8 основных кланов, то ли 100 известных фамилий владеют почти 80% богатства России. Или же выводятся близкие по значению математические комбинации владения собственностью, что само по себе не так уж и важно при таком олигархическом варианте распределения общепародных богатств, о чем мы еще сможем высказаться по ходу исследования.

Главное – налицо ужасающие последствия сложившихся имущественных отношений – массовая нищета, растущее социальное неравенство людей и технологическая отсталость страны, которая оказалась вместе со своим народом абсолютно беззащитной перед лицом перманентно возникающих кризисов.

Ну и в чем же состоит здесь запутанность, – с нетерпением пытается прервать наши рассуждения оппонент. Мы же наоборот только подступаем к разгадке пусть и давно разгаданной, но явно многими так и непонятой гигантской обществоведческой метаморфозы, случившейся с отношениями собственности в XX веке. И чем больше начнёт возникать разъяснительных вариантов, тем яснее будут становиться процессы, происходящие в российском обществе, которое стало ее первой жертвой.

Именно здесь была осуществлена попытка ликвидации частной собственности как института и основы общественных отношений, фундамента всей жизнедеятельности людей неизвестной и непонятной многим искусственной цивилизацией, а точнее, антицивилизацией. Не погрешим повториться, но задуманный крутой разворот истории именно и был рассчитан на радикальные изменения отношений собственности. С точки зрения разрушения их сложившегося состояния особых проблем не возникало ни в теории, ни в практике революционной борьбы. А вот как новому классу завладеть не только абсолютной властью над обществом, но и собственностью, отделив от ее отношений неотделимое ни при каких обстоятельствах и условиях – социальное угнетение и неравенство – этого четко не представлял никто. На всякий случай придумали и пропедалировали во всех возможностях первобытно-общинное понятие – крошку в виде общественной, общепародной собственности, что нами детально разъясняется отдельно.

Вожди номенклатуры глубоко знали и понимали, что две этих гири, угнетение и неравенство, неподъемной и неотторгаемой тяжестью повисли над человеческой цивилизацией в тот самый момент, когда зародились и возникли первые объекты собственности. Они так же точно осознавали, что у нее всегда и везде, где она появлялась, должен быть, был, есть и будет хозяин – живой человек или группа людей. Он владел ею, управлял, распоряжался и тем самым занимал господствующее положение над другими. И это было вполне открыто зафиксировано в основных законах каждой конкретной эпохи. Причем, никакой двусмысленности и фарисейства здесь не допускалось – не тот вопрос.

Для дальнейшего прояснения ситуации предлагаем простейший социально-технологический мозговой штурм. Вначале наполним содержание его основными компонентами. Собственность: зарождается, возникает, создаётся, присваивается, закрепляется, регистрируется, учитывается, сохраняется, используется, упраздняется, передается, продается, оценивается, меняется, закладывается, дарится, завещает-

ся, видоизменяется, развивается, уничтожается, отчуждается, разделяется, ограничивается, распределяется, взыскивается, защищается, уничтожается. Читающий эти строки может внести поправки не только в порядок перечисленных операций и процедур, но и дополнить его неучтенными. Из них ясно, что это категория далекая от воздушного и безвоздушного пространств, примыкающих к бескрайности небесных просторов, она навсегда прикреплена земным притяжением к каждому человеку и обществу в целом, за исключением тех отдельных частей, которые целенаправленно посылаются в космос.

Собственность имеет свои границы, объемы, размеры, цену, пределы развития и приращения, возможности пользования, распоряжения и управления собой. Ее невозможно оторвать от конкретного живого человека, даже если все это обслуживается с помощью компьютера, так как его программу составляют люди, они же закладывают в нее и соответствующие варианты предложений и решений. Напрашивается графическо-табличное продолжение анализа, но я в силу консервативной отсталости не владею такими навыками в совершенстве и недолюбиваю их использование.

Поэтому предлагаю мысленно абстрагироваться и сосредоточиться на следующей позиции. Перенесем все перечисленные социальные, правовые, организационные, производственные, финансовые, управленческие и другие компоненты собственности на ее придуманную общественную сущность и соответственно их осуществление на народ или общество. Тут сразу же пахнет приглашением к небу, но не будем впадать в отчаяние и, применяя вариативный подход, попытаемся все же найти хоть одну из тех, которую может осуществлять столь многогранная, многочисленная и разнородная человеческая общность как народ.

Даже если мы типологизируем собственность в качестве государственной, не говоря уже о частной или коллективной её формах, и такая в реальной жизни есть во всех странах, то и в данном случае все её и вокруг неё функции осуществляют конкретные люди. И это во многом отвечает на вопрос о сути запутанности и таинства. Целое всегда и везде состоит из частей, общее – из отдельного. По-другому это невозможно – таков закон существования и функционирования материального и нематериального мира. Народ как общность состоит тоже из людей, без них его попросту не может быть. Не может быть и такой формы управления как народное. Это просто миф, фантом или другие виды надуманности.

А вот функционирование всех вышеперечисленных компонентов собственности под воздействием отдельного человека или группы лиц – это реальность, данная всем нам в ощущениях свободы и угнетения, эксплуатации и сотрудничества, богатства и бедности, удовлетворённости и нужды, справедливости и неравенства, других проявлений самочувствия каждого человека и общества в целом. Сама же степень

данных ощущений зависит от отношений собственности, включённости в них каждого человека. Чем больше людей вовлечены в совладение собственностью, вплоть до её всеобщего охвата, как мы в этом убедились на примере артелей, тем больше наблюдается свободы и равенства, демократии и самоуправления и меньше эксплуатации и угнетения, из жёстких тисков которых человеческое общество вырывается на протяжении тысяч лет и вырваться никак не может.

Во время одной из поездок в США, а точнее в штат Айова, где на 2,5 миллиона жителей приходилось производство 60 процентов зерновых всей России, нас принимали в одном кооперативе. Его руководитель кратко изложил алгоритм работы коллективного хозяйства. Ежегодный объем его производства составляет примерно 1 миллиард 200 миллионов долларов. Перед весенним севом кооператив берёт примерно такой кредит, распределяет пропорционально между фермерами и заготовителями зерна. В конце осени в зависимости от конкретного вклада каждого пайщика делят прибыль. Любая трата правления кооператива на административные нужды также по электронике согласуется пайщиками и может быть забаллотирована каждым из них.

К слову, финансовый потенциал кооператива превышал тогда и превышает теперь бюджет Белгородской области. Зададимся вопросом, можно ли назвать данную подлинно коллективную собственность загнивающей, погибающей или хотя бы неперспективной. Вместо ответа достаточно взглянуть на результаты работы данного кооператива и на высокое качество жизни его пайщиков – фермеров и хлебозаготовителей. Нужно ли сравнивать данный хозяйственный объект с любым колхозом советского периода, где ни о каких паях и правах пайщиков почти никто не вспоминал, а главным действующим лицом его фактически единоличного управления был председатель, который считался только с мнением вышестоящих номенклатуров, имевших неограниченные права как по созданию, так и по слиянию и роспуску такого искусственно созданного объединения земледельцев. Еще более тоталитарными выглядят нынешние холдинги, где вчерашние колхозники представляют собой пролетариат, не имеющий ничего, кроме цепей эксплуатации и угнетения.

Ну, а дальше вы все уже знаете сами или, к нашему удовлетворению, узнали и узнаете из прочитанного. Кто сомневается, тот может обратиться к школьным и вузовским учебникам, но сразу же предупреждаем: ничего даже отдаленно приближающегося к разъяснению сути проблемы вы там не обнаружите. Можете также изучить тысячи монографий и диссертаций по рассматриваемой теме – результат будет примерно таким же. Поэтому для более полного ее раскрытия и возможной дискуссии предлагаем ознакомиться со следующим параграфом, уточняющим на конкретных примерах не только отдельные детали отношений собственности, но и ряд принципиальных обобщений и выводов.

2. Трансформации отношений собственности: исторические подтасовки и обман общества

В процессе анализа классов нами в разной степени затрагивались и рассматривались отношения собственности как сердцевина их содержания, что освобождает от специального исследования их трансформаций и развития. Сосредоточимся на самом притягательном и инновационном – на сущности общенародной, социалистической собственности, которая легла в основу построения нового общества в определённо заданных целях, окрашенных тысячелетней мечтой человечества о свободе, равенстве и братстве.

Как ни парадоксально, но первым, кто заметил все опасности и возможные отрицательные последствия новых отношений собственности под управлением зарождающейся номенклатуры, был ее же прародитель и идеолог В.И. Ленин. Буквально с первых месяцев советской власти он стал бескомпромиссно бороться, жестко бичевать новую бюрократию за ее непомерное размножение, безответственное отношение и формализм в работе, особенно по отношению к собственности, ставшей во всех сферах жизни казенной.

Как в воду глядел вождь революции, утверждая, что именно бюрократия погубит социализм, называя ее главным внутренним врагом, более страшным, чем контрреволюция и внешняя угроза. Сама номенклатура эти выводы единодушно поддерживала, по любому поводу цитировала их как заклинания во всех звеньях управления, тысячи раз озадачивая себя и народные массы постановкой одних и тех же задач по выполнению таких же привычно повторяемых указаний. Особенно активно это использовалось по теме сохранения и приумножения общенародной социалистической собственности. Только вот любой свой провал в руководстве почему-то чаще всего объяснялся воздействием именно внешних врагов. Такой прием действовал всегда раньше, действует сейчас, и, видимо, будет действовать как бессрочная прививка от собственной некомпетентности еще долгие годы.

Лет за пятнадцать до распада Советского Союза мне пришлось побывать в Социалистической Федеративной Республике Югославия, возглавляемой И.Б. Тито. Крепко доставалось ему тогда от советских товарищей в плане дружеской критики социализма с югославской спецификой, при которой допускалась частная собственность, рыночные цены, многие личные свободы и т.д. То есть то, что делало систему более или менее устойчивой и саморазвивающейся на протяжении сорока лет без каких-либо кризисов.

Меня сопровождал сербский инженер-строитель, коммунист, который двадцать лет проработал в СССР. На мой прямой вопрос, почему они не делают так, как мы, он четко ответил: если бы у нас был та-

кой развратно-растратный социализм, как у вас, мы бы уже на третий день остались без еды и без воды и, конечно, без самого надуманного социализма. А можно детальнее, – попросил я не очень дружелюбно, уж слишком резкие слова были сказаны о моей стране. Ничуть не смущаясь, он пояснил следующее. Строительный трест, где работал этот югославский инженер-экономист, проверяла комиссия народного контроля на предмет экономии ресурсов и материалов. Мне поручили составить для них справку, что я и сделал, сразу же отдав ее в руки проверяющих.

Естественно, я написал в ней все, как есть на самом деле, то есть основные фактические перерасходы: по кирпичу – в два с половиной раза, по цементу – в три раза, по гвоздям – в пять раз, по стеклу – в шесть раз и т.д. Трест был всегда передовиком в социалистическом соревновании, получал красные знамена и премии, а управляющий – ордена и медали. В комиссии был шустрый корреспондент местной газеты, который сразу же в ней опубликовал данный негатив с комментариями.

Что тут началось, не передать словами. Возмущениям начальства и разбирательствам, казалось, не будет конца. Да не с виновниками элементарного воровства и расхищения социалистической собственности разбирались, а со мной. Главный вопрос, почему я не согласовал содержание справки с администрацией и парткомом. Дело в том, что в официальных отчетах все это списывалось за счет боя, порчи при перевозках, погрузках и выгрузках, из-за плохих условий погоды и т.п. Заминусовав содержимое данных актов, можно было не только забыть о перерасходах, а даже показывать экономию, вытекающую из действующих нормативов и, как положено, получать за это премии.

В итоге, шум постепенно стих, прошли партсобрания, заседания, утвердили планы мероприятий, про которые вскорости забыли, и все стало на круги своя, а точнее, никуда с круговой поруки так и не сошло. Одного меня только лишили премии, а когда я возмутился, пригрозили увольнением и досрочной отправкой домой. Пришлось согласиться. В правдивости рассказа югославского специалиста я убедился воочию, когда началась дачная эпопея. Был я тогда номенклатурным начальником и, как все, не мог оказаться в отстающих рядах всенародного движения за освоение глубоких оврагов и крутых бугров.

По поводу дач нас, начальников, проверяли редко, но особенно тщательно, если было указание сверху. Поэтому многие старались уплывать за материалы, старательно собирать квитанции и бережно их хранить для предъявления. Будучи ярким противником всякого блата, я старался этому следовать неукоснительно. Для меня именно через такую практику в самом ярком свете обозначились наиболее потаенные нюансы отношений собственности того времени, хотя

многое уже было понятно и так. Взяв отпуск, я стал использовать свое служебное положение для честного приобретения стекла и других материалов на постройку дачи, отклонив предложение ряда руководителей строек показать мне место и через месяц получить ключи от готового объекта.

Причем, все это за чисто символическую оплату, но с требующимися документами. Вот умельцы и мастера комбинационного жанра. Многие руководители строек так втянулись во всякого рода внеуставные отношения с руководящей номенклатурой, что их хлебом не корми, а только дай левый объект в виде гаража, дачи и т.д. – сразу же его сделают.

После того, как даже мне отказали на базе в приобретении стекла, которое в качестве строго лимитированного материала было выдано бюджетным детсадам и школам для ремонта, я позвонил директору лесосклада. Там все материалы продавались за наличный расчет, если они были в наличии, что почти всегда являлось проблемой. Директор мне как на духу признался, что весь годовой лимит продан еще в первом квартале.

Ничего не оставалось делать, как попытаться найти стекло на доместроительном комбинате. Здесь в сопровождении одного из руководителей я оказался на складе, забитым наполовину стеклом. На его свободной площади стоял большой стол, на котором не столько резал, сколько кромсал стекло не совсем трезвый мужчина с видом знающего себе цену незаменимого специалиста. Поглядывая на список с размерами стекла, он быстро нарезал нужное количество и выбрасывая еще большие куски в огромную кучу отходов, небрежно спросил, зачем здесь выведены квадратные метры? Я ответил, что это нужно для оплаты по факту, которую собираюсь произвести в бухгалтерии.

Видел бы мой оппонент выражение лица мастерового, в котором молниеносно промелькнули, как минимум, три кадра сразу. Первый – удивление, что приведенный к нему чужак, то есть я, не знает о своей привилегии получить при таком сопровождении товар бесплатно; второй – досада на сопровождающего начальника за очередную потерю из-за него как минимум вожденной поллитровки; третий – надежда, что ситуация вскорости войдет в более благоприятное русло, о чем свидетельствовала выглядывающая из-за двери склада фигура очередного, но уже самостоятельного клиента.

Характерная для меня невыдержанность в ряде жизненных ситуаций буквально вытолкнула неприятный вопрос – зачем значительно большая часть стекла бросается в утиль и только меньшая идет в дело? Не чувствуя никакой неловкости от вопроса, стеклорезчик равнодушно ответил, – так проще. Мне же пришлось пойти на более затяжное интервью с его начальством. Пояснения были обескураживающими.

А кто считает это стекло? Лимиты выдерживаем, да и как можно тут сэкономить, если оно может треснуть только от одного соприкосновения, – несколько путано объяснял мне руководящий товарищ.

Вот вы настаиваете на оплате, но мы не можем ее принять в бухгалтерии. Почему? Потому что, с одной стороны, дело копеечное, дороже будет все эти бумаги, заявления, разрешения, визы оформлять, а с другой – если мы начнем продавать излишки или сэкономленное, нам тут же урежут фонды и лимиты. Под угрозой срыва может оказаться план ввода жилья, а за него отвечают первые лица города и области. И дело может дойти до наших партбилетов.

Далее он невесело продолжил разъяснение. В общем, система ниппель, и мы ее не придумывали, а значит не нам ее разрушать, – вкрадчиво подытожил мой собеседник. Так я стал расхитителем социалистической собственности. Мелким расхитителем, мелкой частицы этой собственности. Но все начинается с мелочей, в том числе и оправдания разного рода нарушений принятых норм, а точнее, их суррогатов. В данном случае со шкурных позиций пришлось проанализировать свершившийся факт. Ведь мне в числе многих других приходилось беспощадно изобличать в докладах и выступлениях различные отклонения от социалистической законности. Хотя здесь, как ни крути, на самобичевание мои объяснения потянуть никак не могли.

По факту получается какой-то набор взаимоисключающих элементов имущественных отношений. Если взять все произведенное в стране стекло за конкретный вид общенародной социалистической собственности, то я как часть народа имею право получить и ее соответствующую долю. Но как и где ее получить? В свободной торговле ее нет, а куда ее распределили, там все ограничено такими лимитами, что не хватает даже для организаций и учреждений, которым по плану должно хватать, не говоря о физических лицах. В то же время приоритетному субъекту хозяйствования, в данном случае доместроительному комбинату, наделили такую долю общенародной собственности в виде стекла, что плюсом хватает и портить, и выбрасывать, и растаскивать, и пропивать.

Так может поменять распределяющих и распоряжающихся общественным достоянием, а всех нерадивцев наказать и проблемы исчезнут? Пробовали, меняли, наказывали, вплоть до расстрелов бесчисленное количество раз, и ничего не помогало. Даже на самой высокой трибуне съезда партии в конце концов признали, что в стране существует и действует огромная армия несунув, которая состоит из работников различных предприятий, в основном представляющих самую передовую и сознательную часть общества – рабочий класс. Они буквально ежедневно, вроде бы незаметно, по мелочам выносят и выносят все, что у них под руками и ногами лежит.

О кладовщиках, снабженцах, экспедиторах и других многочисленных лицах, через руки которых проходила значительная часть народного добра, почему-то на больших форумах умалчивалось. Возможно, из-за того, что они в основном все вывозили, причем в том числе и для тех, кто сам делал доклады или по их поручению. Помню, в годы перестройки попался мне газетный материал, где подробно излагались различные показатели порчи наиболее дефицитных видов одежды и обуви.

Никто из советских людей ни в одном магазине не видел и не мог видеть никогда импортных дубленок и пыжиковых или ондатровых шапок. Оказывается, для этого есть вполне объективные причины. Как ни странно, но их полюбили мелкие грызуны, моль и прочая зловредная живность, которая буквально съедала этот дефицит в огромных количествах, не допуская на прилавки свободной продажи всем трудящимся, что незамедлительно отражалось в актах их списания.

Не может быть, – не выдерживает мой оппонент и заявляет, что сам видел на первых руководителях областей, городов и районов эти самые изделия, которые очень четко выделяли их из общей массы рядовых строителей коммунизма. Спешу с ним согласиться и даже выдвинуть свою версию. Скорее всего их по заказу обрабатывали каким-то номенклатурным антиоксидантом, от чего они оказывались не по зубам ненасытным вредителям, зато точно подходили по размерам указанным в заранее составляемых списках лицам.

Есть и другой вариант спасения ценных вещей – доставка их прямо из-за границы в спецмагазины. Уж там их точно никто не съест, не успеет. Помню, в канун очередного праздника революции одного моего знакомого назначили крупным начальником. Естественно, тут же прикрепили к спецмагазину, куда он незамедлительно помчался за обновками. Роста он был неказистого, поэтому подобрал только импортную дубленку, символизирующей случайный остаток от потребностей расторопной и к тому же в подавляющем своем большинстве солидно-осанистой номенклатурной публики. На радостях надел и взошел в ней на праздничную трибуну. А тут солнышко так пригрело, что он бедняга еле выстоял, пропарившись на двухчасовой демонстрации сильнее, чем в сауне. Что ж, дефицит требует жертв даже от начальства.

О спецпайках, спецраспределителях, спецмагазинах, спецвагонах, спецдачах, спецбольницах, спецсанаториях и других объектах специального назначения написано очень много. И главный лейтмотив здесь – отделение номенклатуры от народа, обоснование ее как особой специальной его части, первостепенной задачей которой объявлялось служение ему, уважаемому и родному. Вот так запросто объяснялось, вернее, самообъяснялось необъяснимое – отобрать у людей все лучшее и качественное только на том лишь основании, что ото-

бравшие служат им гарантом соблюдения равенства и осуществляют особую миссию по созданию новой жизни.

Сразу же уточним: буквально с момента появления и государственного оформления номенклатуры как господствующего класса в победившей революции и синхронно возникших многообразных спецвариантов ее спецобслуживания никто, никому и ничего не объяснял вплоть до полного краха псевдосоциалистического строя. Полное табу на аналитику и обобщения, сведения о грызунах-вредителях стали доступны общественности, когда номенклатурная песенка была уже спета, и нужно было судорожно думать о своем перевоплощении.

И все же лучше посмотреть в Конституциях СССР и РСФСР, в Постановлениях ЦК КПСС и Правительства, Указах Верховных Советов Союза и России, – настаивает наш оппонент, – возможно там есть какие-то ссылки на особые условия специального обеспечения ответственных должностных лиц в условиях общественного равенства. Уже смотрели, ничего в них такого нет. Хотя в каких-то особо секретных документах такие незаконные решения, очевидно, есть, но о них пока ничего неизвестно. Неожиданно, вместо раздражения, оппонент заслужил большую благодарность за подсказку автору.

Дело в том, что практически по всему тексту монографии приходится употреблять термин «социализм». Зная, что в действительности социализма, за исключением некоторых его элементов в СССР построено не было, вместо него под идеологическим и репрессивным прикрытием насильственно создана совсем другая конструкция общества. Но не будешь же по всему содержанию добавлять к нему «сурдо», «эрзац» и другие приставки. А что, если воспользоваться термином «особый специализм»? Вполне прилично и звучит, и выглядит написанным.

Главное, всякий любитель этимологических упражнений мало найдет достоверных и убедительных аргументов для его опровержения. Ведь в нем вместо главного сокращенного слова социальный употребляется выражение специальный, вытекающее из реально сложившейся действительности. Отсюда и вполне приличное название строя – «специализм», которое можно использовать без всяких натяжек. Да и в контекст измощрения как болезни массового и индивидуального сознания, которую мы попытаемся описать в данной работе, он вполне укладывается.

Сразу же с облегчением попробуем и применить. В особом специализме много было отдельных, скрытых и секретных объектов жизнедеятельности. Но один из них, почти неописанный и тем более неисследованный, заслуживает особого внимания. Речь идет о торговой базе. На первый взгляд, обычный объект, а на самом деле – играющий необычную роль во всей системе экономических и социальных процессов и отношений нового общества.

Это его самое яркое, мощное и неповторимое ни в одной общественной формации зеркало. Достаточно посмотреть в него, и все детали, подробности и нюансы невиданного на земле построения раскрываются как на ладони. Можно сказать твердо: с базы, на которую свозили все награбленное, отобранное и реквизированное, особый специализм начинался, и с ее полнейшего опустошения на завершающей стадии перестройки закончился.

Рассмотрим все по порядку. Если взять за основу анализа два главных раздела жизни общества – производство различных материальных благ, необходимых для потребления и обеспечения жизнедеятельности людей, и их распределение, то мы в них увидим много особенностей и отличительных черт на разных этапах исторического развития. Но общим признаком всегда выступала несправедливость именно распределения, полученного в ходе индивидуального и общественного труда. Всегда, во все времена кто-то стремился получить больше, чем заработал, обмануть ближнего, отобрать у другого и т.д., для чего требовалась власть и сила, способные утвердить и поддерживать господство одной части над остальными. И это, к сожалению, банальный закон существования человеческого рода.

Естественно, тут же появляются заботливые теоретики, потом и практики его искоренения. Они с древнейших времен ищут различные рецепты, способы установления социальной справедливости. Вспомним Кампанеллу с его городом Солнца. И сколько было ему подобных за многовековую историю. Но вот в XX веке более крутые ребята, невзирая на смешение должного и сущего, необходимого и случайного, желаемого и вынужденного, пошли кромсать весь мир подобно вышеописанному стеклорезчику, не обращая внимания на потери. И как-то без особых теоретических обоснований, без идеологически-шумового обеспечения и прикрытия, можно сказать, по-тихому изобрели и внедрили базу как универсальный способ распределения, а главное – перераспределения всех благ.

И в жизни это вполне понятно при монополии государственной торговли. Без базы – ни шагу. Все в плановом порядке произведенное и распределенное поступало непосредственно на торговые базы, а оттуда уже по специальным разнарядкам непосредственно в магазины для людей. Находясь почти двадцать лет внутри номенклатуры, переслушал сотни различных докладов и выступлений и практически ни разу не слышал ничего о деятельности баз снабжения, торговли, обеспечения запчастями, за исключением постановки задач тем ведомствам, которые ими управляли.

На первый взгляд, все логично, все правильно. Роль базы здесь заключается чисто в перевалочном конвейере или складе временного содержания. Пришло по распределению определенное количество и

ассортимент товаров, и оно же ушло в продажу или, если для этого его не хватает, то в реализацию по талонам. И всюду строгий учет и контроль, как учил и требовал товарищ В.И. Ленин. А следовательно и издавна искомое равенство и справедливость.

Хорошо писали на бумаге, да забыли про овраги. А в них – низменные инстинкты, отклонения и болезни, в том числе и самая опасная – мамонофилия. Но она начинается с частнособственнического инстинкта, который выступает в роли бациллы, поражающей сознание человека. И спусковым крючком здесь могут служить различные жизненные ситуации, влияния или пример близких людей, карьерные мотивации, природные наклонности характера и многие другие факторы.

После определенной фазы внутреннего столкновения интересов, продолжительность и острота которых определяются сложившимися условиями и обстоятельствами, статусными возможностями и нравственно-этическими устоями конкретного человека, занимающего ту или иную должность и положение в номенклатуре, процесс чаще всего завершается реализацией принципа «своя рубашка ближе к телу».

В данной поговорке неплохо бы позиционировала и дубленка, но при ее зарождении, очевидно, таких теплых вещей не было, а баз – и тем более никто не знал. И вот, сопоставив на весах партийности личное и общественное с учетом возможных последствий, ответственное лицо принимает вариант нарушения священных канонов, прописанных во всевозможных программах, уставах, решениях и резолюциях. Начинается параллельный, никем незапланированный и очень закрытый процесс перераспределения.

Нужный дефицит в необходимом количестве вначале откладывается и недопоставляется всем потребителям, а затем опять-таки распределяется, но только не по планам, утвержденным соответствующими органами власти, а по камерально-конфиденциальным спискам особо важных и доверенных людей. Или просто без всяких списков и распределений отправляется на спецреализацию в спецмагазины.

Вы что-нибудь слышали, уважаемый оппонент, про черный рынок? Да, совершенно правильно, это место, где можно все купить из-под полы. Так окрестил народ весьма незамысловатый способ торговли. Оно действительно по данному признаку похоже на базу, где тоже все дефициты имеются, но только туда нельзя попасть любому желающему. В лучшем случае можно прочесть вывеску на входе, дальше же путь закрыт. Оживившись столь нестандартным разворотом анализа, оппонент незамедлительно задает недоуменный вопрос. На базе все есть, так как туда идет распределение всех благ, а откуда, простите, это же все появляется на черном рынке? Неужели у партии и правительства были еще какие-то особые, язык не поворачивается сказать, черные планы?

Нет, конечно, такого в реальной жизни не было и быть не могло. Планы всегда были чистые и светлые. Просто основной дефицит приходил на черный рынок с тех же торговых баз, которые добровольно взяли на себя помимо обеспечения официальных магазинов всеми товарами, еще одну, только им посильную ношу – снабжать различным дефицитом черные рынки.

Удивительнейшее явление эти черные рынки, они словно невидимки, то появлялись, то бесследно исчезали на любом месте – в подъездах, в квартирах жилых домов, в заводских бытовках и научных лабораториях, на танцплощадках и просто в подворотнях. Прямо не объекты познания и потребления, а какие-то невероятные призраки, то исчезающие, то появляющиеся вновь перед взором жаждущих советских людей. Сформировалось целое сословие граждан, приближенных к базам или к лицам, которые ими руководили, работали там, занимавшихся исключительно куплей-продажей дефицита. Все они были доставалами крупных партий товаров непосредственно с баз, профессиональными или, на крайний случай полупрофессиональными добытчиками в мелкорозничном понимании объемов производимых ими операций, что помимо прямых связей с базами предусматривало и элементарную перекупку из третьих рук.

Сегодня все изумляются, как могла за рекордно короткие сроки так развиться сетевая торговля в современной России. Вот уж поистине умудрились за десяток лет пройти путь, который иные продвинутые страны осваивали не меньше века. Объяснение здесь одно – натренировались в советское время на дефиците. Теперь дефицита фактически нет, а полученные навыки, к тому же переданные подрастающим поколениям, успешно применяются с использованием компьютерных технологий в основном на распространении новых товаров, продуктов, лекарств и т.д. Но это сегодня, а тогда данный процесс шёл и набирал обороты постепенно, адаптируя общество к такой невиданной в мире инновации как чёрный рынок.

Даже жесткая и непоколебимая идеологическая цензура стала пропускать постепенно уже привычные в жизни сцены покупок по черному на экраны кинотеатров и телевидения. Складывалось впечатление, что кому-то на самом вершине было выгодно создавать условия под видом непримиримой борьбы с обуржуазиванием, спекуляцией, воровством для легализации этих явлений, как бы неофициального признания их нормой жизни советского общества.

И чем больше оставлялось товаров на базах для превращения их в дефицит и реализацию через черные рынки, тем, естественно, быстрее пустели полки магазинов. Дело дошло до того, что дефицитом становилось почти все. В любой момент могло исчезнуть самое необходимое – соль, спички, мыло. То там, то здесь начинался ажиотаж и даже паника.

Такой процесс перераспределения сопровождался невероятным обогащением одних и обнищанием других. Тех, кто вместо нормальной цены теперь уже за большинство товаров, вынужденно переплачивал втридорога на черном рынке. Для нынешней молодежи данная информация может показаться странной и даже неправдоподобной. Двадцать пять-тридцать лет назад никто, ни в одном магазине не видел и не встречал свободной продажи, например, такого незамысловатого вида одежды как джинсы. Но почти все их носили. Люди ощущали этот парадокс только на этапах осознания потребности в таком товаре и специально осуществляемых мер по его доставанию. После того, как покупка осуществлялась, парадокс просто улетучивался, исчезал по крайней мере из индивидуального сознания. Правда, временно, до возникновения следующего, нового его варианта.

Выше мы уже делали научную репризу по поводу доставания как социально-технологической операции, направленной на достижение поставленной цели – приобретение той или иной вещи. Поспешим также подчеркнуть, что это основа многих видов парадоксов общественного и индивидуального бытия того времени. Причем, парадоксов переменных и динамических, видоизменяющих свою сущность и переходящих из одного состояния в другое. Это огромный, всеохватывающий процесс грунтовой выкраски всех социальных отношений построенного специализма.

Даже если ты безоговорочно и твердо веришь в идеалы коммунизма, являешь собой честного и порядочного человека, а таковых в стране было немало, все равно тебе не миновать цепких объятий доставания. Не ты сам, тебе достанут лекарства для излечения родные, потому как по-другому это сделать невозможно. Также тебе подарят сувенир, являющийся предметом блага, и ты будешь есть и пить во время какого-то события или праздника все то, что добыто в процессе доставания и так до бесконечности реального бытия.

Любой человек, начиная с детского возраста, был обречен прямо или косвенно вступить в отношения доставания, которые внесли существенные изменения в коммуникативную среду, наложили отпечаток на партнерские, профессиональные и даже дружеские связи многих людей. Процесс доставания был порождением перераспределения огромного национального богатства общества.

Этот искусственно созданный феномен, практически непонятный любому представителю многих зарубежных стран, у нас мог вершить чудеса в формировании той же моды, в утверждении жизненных приоритетов и ценностей, которые далеки от норм цивилизованного общества. Доставание постепенно стало показателем престижности профессии и должности, в целом социализации человека.

Вопрос, что ты можешь достать, так или иначе возникал в ходе межличностного общения и как визитная карточка рано или поздно выкладывался на стол. И не просто выкладывался. Он влиял на ход знакомства и взаимоотношений между людьми, выстраивал неофициальный неформальный табель о рангах, своеобразную кастовость или расслоение по главному критерию: что у тебя или через тебя можно достать.

Многие люди вынуждены были тратить огромное количество времени, сил и средств на установление нужных связей в различных сферах жизни, без чего она могла превратиться в сплошные проблемы и препятствия. Чтобы завести удачное с точки зрения доставания дефицита знакомство, приходилось осуществлять самые неожиданные и оригинальные жизненные комбинации от установления дружеских контактов через многоходовые мероприятия, встречи и проводы, вплоть до любовных приключений. Все это ценилось гораздо выше, чем различные почетные грамоты, в большом количестве вручаемые по праздникам и соответствующим поводам.

Советские люди проживали как бы две разные жизни. Одну официальную, связанную с работой и ее такими атрибутами, как: собрания, политзанятия, соревнования, доски почета, поздравления и награждения. Она сопровождалась специальным языком плакатов, выступлений по заранее написанному тексту и зачитыванием передовиц главных газет страны. Набившие оскомину штампы о равенстве и братстве, свободе и справедливости, честности и неподкупности люди терпеливо выслушивали чисто формально, пропуская мимо ушей, можно сказать, все это без особого восприятия и осознания.

Они в это время думали совсем о другой, параллельной жизни, той, которой не увидишь на плакате или телеэкране, о ее реальных проблемах и трудностях, планировали и продумывали соответствующие мероприятия по их преодолению. У каждого человека они были разными. Порой неповторимыми и даже эксклюзивными, но их объединял общий для подавляющего большинства путь – доставание практически всего и вся, что официально называлось всенародным достоянием, на деле же доступным далеко не всем и не каждому. И этот доступ за деньги и штурмом не возьмешь, и по обыкновению не купишь.

Здесь важно подчеркнуть, что в данной ситуации любой человек всегда и во всем ощущает четкое проявление ее парадоксальности. Пусть он даже не верит ни одному слову официальной пропаганды, руководителям, которые ему внушают одно, а сами делают другое, противоположное сказанному. Однако в его сознании и памяти бесследно не исчезают те социальные ожидания, которые закладывались еще основоположниками глобального переворота и общественного переустройства.

Да и сами идеалы уж сильно притягательны. Они видны на всех плакатах, слышны со всех репродукторов и экранов. Может быть есть шанс подойти к ним поближе, хотя бы на осязаемое расстояние. Ведь надежда умирает последней. И эти мысли тоже не уходили из сознания советских людей. Они ждали и надеялись.

Ни один Махатма Ганди понимал их сущность, утверждая: главная ценность идеала в том, что он удаляется по мере того, как мы к нему приближаемся. Повторяя ошибку вождя, загадавшего на кофейной гуще, что молодое поколение, которое участвовало в свершении революции, будет жить при коммунизме, поспешно объявили: социализм в СССР построен окончательно и бесповоротно и к 1980 году предписали войти прямо в вожделенное – коммунизм, где от каждого по способностям, каждому по потребностям будет не лозунгом, а нормой жизни.

Никто не понимал, включая и тех, кто написал эту мифологему, как это может быть в реальной жизни, но большинство активно повторяли его особенно в первое время после утверждения. Бодрая, романтическая риторика стала стихать уже через год. Обострился дефицит товаров, включая даже хлеб. Были повышены цены. Во многих местах в 1962 году начались возмущения и даже волнения людей, закончившиеся Новочеркасской трагедией, когда была расстреляна из танковых пулеметов мирная рабочая демонстрация. Срочно и судорожно начали вносить коррективы в теорию и практику создания нового строя. Теперь его именовали развитым социализмом, и срок ему дали весьма затяжной, определив как длительную фазу, предшествующую коммунизму. О длительности тут же пошли анекдоты. Народ подмечал все подвохи.

Поспешно и явно опрометчиво отменили и репрессии, забыв, что только они в сочетании с огромными природными ресурсами смогли в 30-е годы обеспечить невиданные мобилизационные напряжения и произвести индустриализацию экономики. Без репрессий все стало усложняться. Там что-то разрушится, где-то конкретно рванет. Зашевелилась творческая интеллигенция, которой позволили хоть немного глотнуть свежего воздуха свободы. И хотя сопровождавшая репрессии классовая борьба была заменена на идеологическую, реального сплочения общества вокруг новой идеи не наблюдалось. Недовольство людей было явным.

Дело усугублялось еще и тем, что управляющая номенклатура, сняв потертые сталинские шинели и кители, сноровисто стала их заменять на все дорогое и импортное. Представителей господствующего класса номенклатуры ведь тоже перестали отстреливать. А это единственное, что могло удержать их от падения в пучину сладострастного потребительства.

Летели они туда хоть и постепенно, но с заметным ускорением, не забывая при этом известный закон выживания: единственный способ жить – это давать жить другим. В самой передовой и верной теории его, разумеется, не было. Но у того же Махатмы Ганди и других великих мыслителей он был в ходу. Его и применили негласно, без суровых решений, предписаний и разъяснений народу.

В отношении общенародной собственности, которой безраздельно и единолично распоряжалась номенклатура, особенно в части распределения ее благ, были внесены заметные изменения. Во время подготовки и проведения праздников, выборов и других мероприятий стали торговать тем, что можно было купить только по блату. На народном наречии эти акции стали именовать выбросом дефицита. Долго я никак не мог понять, почему, скажем, не употребляли слова выставили, поставили, выдали, выложили или другие выражения, а именно – выбросили!?

Заглянул даже в толковый словарь. Все правильно: народ не ошибается и дает самые точные, исчерпывающие оценки. Причем, вкладывает в них все ключевые тонкости дела. Здесь их две. Первая – выбрасывают, значит отдают оставшееся, лишнее, ненужное, что также означает вторичность действия, которое происходит только после того, как отобрали самое нужное и ценное. Это вторая тонкость. Отобрали, естественно, на базах, оттуда же производится и выброс в свободную торговлю, но обязательно с дополнительным заначиванием, то есть отделением части дефицита по ходу движения к прилавкам.

Доставалось, конечно, далеко не всем и не все. Но даже у тех, кто отстоял очередь и не купил желанного, обида и неприязнь не носила острый классовый характер. К тому же вводилось еще и распределение отдельных товаров по трудовым коллективам, а также для поощрения победителей социалистического соревнования, ударников труда и передовиков производства. С резкой активизацией экспорта энергоресурсов, металла, леса и другого сырья, заметно увеличивались и объемы импортируемого дефицита.

Никогда не забуду, как по приезду в город Куйбышев в 1971 году я попал в гастроном и, к удивлению, обнаружил очень приличный ассортимент мясных и молочных изделий. После взвешивания выбранных продуктов я стал рассчитывать, но продавец деньги брать отказалась и потребовала талоны. Пришлось покинуть магазин лишь с одним хлебом. Так я стал свидетелем начала двадцатилетней эпопеи всеобщей талонизации страны, закончившейся пустыми прилавками магазинов.

Неизвестно, как сложилось бы социально-экономическое положение в СССР, не случись нападения четырех ведущих арабских стран на Израиль в 1973 году и потерпевших в нём поражение, после чего

за десятилетие цены на нефть увеличились в десять раз, и как по велению волшебной палочки возросла соответственно ее добыча. Это было неожиданным спасением для брежневского руководства. Роковое соединение воздействия внешних сил и нарастание внутреннего взрыва откладывалось на неопределенный срок, хотя до вполне конкретных условий и понижения цен на энергоресурсы, что и случилось в последнее десятилетие истории нашей страны.

Ну, а пока жить становилось веселее, удобнее стало и пар из закипающего котла выпускать. Мы берем пайки и вам даем, работайте только лучше, – так можно упаковать щедрый пропагандистский макет партийной власти, объявившей, что главным законом новой фазы самого передового строя является неуклонный рост благосостояния трудящихся и удовлетворение их все возрастающих материальных потребностей.

Это обеспечивалось за счет увеличения заработной платы. Но ее темпы стали опережать рост производительности труда и качества продукции. Указанные планки специализму, каким бы риторически развитым он не объявлялся, достигнуть так и не удалось. Свободную конкуренцию невозможно в принципе победить несвободным, во многом надуманным социалистическим соревнованием. Какие стимулы в него только не вводили, сколько красных флагов, знамен и премий и карточек на дефицит не вручали, влить в него живую энергию ревнивого отношения к работе в подавляющем большинстве случаев не получалось никак. Ленинское заклинание о том, что победит тот строй, при котором выше будет производительность труда, несмотря на постоянную трансляцию всеми доступными средствами агитационно-пропагандистской работы, также не помогало.

Классовые враги-капиталисты уходили все дальше в отрыв по всем ключевым показателям, энергично переходя сначала в постиндустриальную, а затем и в информационно-технологическую стадию развития экономики. Мы же, оставаясь на достигнутом рубеже, пытались экстенсивным способом, то есть за счет увеличения производственных мощностей не допустить хотя бы необратимости отставания. Мобилизационные порывы закончились последним броском на строительство БАМа, куда, поверив в новые перспективы, устремились тысячи комсомольцев и молодежи.

Ценой героического труда в невероятно сложных условиях, они сделали одну ветку дороги, но инфраструктура и производственные рукава, состоящие из добывающих и перерабатывающих предприятий, не были созданы. И все заглохло более чем на двадцать лет. Страна постепенно разворачивалась ко входу в противофазу, пока, правда, только в скрытых, невидимых и неосознаваемых процессах. Но то, что она выпадала из потока ускоряющихся изменений в миро-

вом развитии, было вполне очевидным даже для не совсем сведущего человека.

Необратимые изменения наступали и в массовом сознании. Место остающихся в нарастающем меньшинстве идеалов мировой революции все увереннее занимал дефицит продуктов и товаров отсталого буржуазного строя. Патриотический лозунг «Все советское – лучшее» окончательно перешел в жанр насмешек и анекдотов. Импортная вещь охватывала целые семьи, группы и коллективы. Не пощадила она, разумеется, и номенклатуру. Точнее, нанесла по ней сокрушающий все ограничения, стеснения и раздвоения удар, адекватный резко возросшему потоку импортных товаров.

В официальных партийных лекциях ходила такая байка. После острой критики в ЦК по поводу того, что все склады и полки магазинов забиты некачественной отечественной обувью, а советские люди ее не покупают и носить не хотят, министр легкой промышленности СССР построил всех директоров обувных фабрик и предложил выйти вперед тех, кто носит свою обувь. Из строя вышел один руководитель с палочкой, который пояснил, что пользуется изделием собственной фабрики, изготовленным по спецзаказу под поврежденную на фронте ногу.

Остальные во главе с самим министром стояли в сияющих классово-враждебным лоском импортных ботинках. Последовали традиционный разнос и постановка задач резко повысить качество отечественной обуви. С таким же успехом можно было построить и членов всего ЦК и практически все нижестоящие инстанции управления страной. Положение дел с качеством от этого все равно не менялось. Так и не взяли эту крепость большевики. Оказалась не под силу – не поддалась ни самым суровым командам, ни грандиозным партийным задачам.

Зато большие изменения наступили у той части номенклатуры, которая «сидела» на разрастающемся дефиците. Окончательно утвердилось негласное деление всей отрасли торговли страны на две самостоятельные части – закрытую, на базах с плотно примыкающим к ним черным рынкам и спецмагазинов дефицитных, в основном импортных товаров, доступную только по специальным разрешениям и статусам. И открытую, магазинную, с набором отечественных товаров, которые мог приобрести любой человек. Разумеется, с одним условием, если они реализуются свободно, без талонного распределения, что по мере приближения к закату парадоксального строя становилось чаще всего невозможным.

При весьма значительных отличиях в содержании и формах осуществления торговых операций закрытая и открытая части отрасли имели один принципиально важный, объединяющий признак – общее управление одними структурами и людьми. Это позволяло более или менее оперативно реагировать на негативные настроения и возмуще-

ния населения, маневрировать переброской товаров, жертвуя порой даже неприкосновенным дефицитом.

Во избежание конфликтов и эксцессов, которые нередко возникали вокруг торговых точек, социального напряжения, связанного с распределением талонов и их товарным наполнением, приходилось делать недоступное доступным как в известном анекдоте о товароведке, завскладом и директоре, по благу отпуская дефицит: мы его не любим, а он тоже берет. Все равно всего не заберет, но успокоится, что было крайне желательно в эпоху стабильности и застоя.

Ее как раз старались блюсти и сохранять как зеницу ока. Для этого были задействованы все наличные ресурсы организационной, идеологической, правоохранительной и общественной работы. Бессчетное количество рейдов и проверок, комиссий и групп с участием рядовых граждан с утра и до вечера выявляли обвесы и обманы покупателей, пути выносов товаров через черные входы и выходы, отпуск их из-под прилавка, недопоставку по накладным и многие другие ухищрения и махинации. Издавались миллионы постановлений и приказов о наказании виновных лиц, публиковались статьи в газетах и журналах. Шли острые передачи по радио и телевидению, устраивались показательные суды, шумовые аффектации на совещаниях разного уровня.

И все это многосерийное кино называлось неустанной борьбой партии за равенство всех и каждого, социалистическую законность, порядок и справедливость, за искоренение из нашей светлой и свободной жизни всех жуликов, махинаторов, спекулянтов и мошенников, по вине которых возникают кое-где перебои в снабжении населения товарами первой необходимости, хищения общенародной собственности, несправедливое распределение материальных благ.

Накал борьбы достигал иногда такой степени, что казалось еще один решающий удар, и возникающие помехи самому новому и передовому будут устранены полностью и всем всего, по крайней мере необходимого, будет хватать. Однако споры, охватившие всю сферу услуг вышеперечисленных явлений, не собирались исчезать из-под ее подсобок и прилавков. Из плесени они превращались в прочный замшелый слой, который сколько его ни дезинфицируй и ни уничтожай, он только набирает от этого силу. В самом деле, били-то по площадям следствия, никоим образом не затрагивая причин. Потому что это было элементарным разоблачением парадоксального строя, порождавшего, совершенствующего и стимулирующего их безостановочное развитие в искусственно созданной и вырванной из цивилизационного контекста новой системы торговли, а точнее будет сказано – антиторговли.

Хочу заметить одну деталь. Во время зарубежных научных мероприятий мне много раз приходилось выслушивать вопросы маститых социологов и давать подробные объяснения таким способам торговых

операций, как продажа по блату, из-под прилавка и из-под полы, и тому подобные неведомые им инновации. Ученые искренне не понимали, зачем это нужно было придумывать в противовес всей истории человечества, утвердившей, невзирая на противоречия и проблемы рабовладельческого, феодального и буржуазного устройства общества, в качестве незыблемой, неоспоримой и неизменной основы торговли ее свободу. Свободу, без которой сама торговля немислима ни при каких обстоятельствах.

Самые свирепые правители во время жесточайших войн древности и средневековья, сжигавшие города и разорявшие земли своих противников, строго предписывали своим войскам не трогать торговые караваны. Взять тот же великий шелковый путь. Хорошо известно по историческим документам, что Чингисхан охранял, берег его как зеницу ока, способствовал всемерному развитию. Преемники также следовали примеру великого завоевателя.

Мало в какой период по его сторонам не пылал огонь боевых сражений, но он продолжал действовать тысячи лет, связывая свободным обменом товаров Запад и Восток, взаимообогащая разные цивилизации и народы опытом и культурой жизнедеятельности и общения. Именно свободная торговля явилась главной основой и инструментом развития свободного общества на огромной части нашей планеты.

Сам не пробовал, но уверен, если попытаться объяснить простому, не очень образованному торговцу на любом азиатском и европейском рынке или продавцу современного супермаркета вышеописанные ходовые приемы советской торговли, он категорически откажется их понимать. И непременно разъяснит аксиому: главное – не держать товар на складе или под прилавком, а побыстрее его продать, чтобы купить тут же новый для последующей реализации. И так дальше по нескончаемому конвейеру жизни. Это непреложный, вечный закон, которому следуют во всем мире и во все века.

Но большевики выбрали особый путь – на государственную базу, которая и стала хоть и недекларированным, но главным их инструментом управления обществом и по закономерному стечению обстоятельств одним из основных могильщиков их идей и грандиозных планов. Но не будем торопиться. В 70-е годы вместе со взлетом нефтяных цен на высочайшую высоту престижности поднялись и базы, и вся закрытая часть торговли, в десятки и даже сотни раз увеличив свое наполнение импортными товарами.

Как государственное учреждение она кардинально поменяла свой имидж. Туда стало очень проблемно трудоустроиться на работу, резко возросли авторитет и влияние их руководителей, которые хоть и не светились в депутатах и членах горкомов и обкомов, но входили в самый близкий, доверительный круг первых лиц регионов. Они стали непри-

касаемыми даже в условиях резкой смены власти на местах. Так, после прихода к управлению Белгородской областью новой команды часть высокопоставленных лиц во главе с председателем облисполкома оказались за решеткой. Сменены были почти все первые лица областных ведомств, городов и районов. На своих местах остались только директора всех баз.

Незримые бастионы их неприступности не пропускали сюда никакие общественные рейды, комиссии и проверки. Ни один контролер, а их через край водилось и кормилось в советское время, имея даже самый авторитетный мандат, не мог инициировать и тем более провести проверку деятельности любой базы, доверху набитой дефицитными товарами при залежалом на полках магазинов и никому ненужном отечественном ширпотребе. Он просто туда не доедет или будет в самом начале проверки отозван и назначен на другую должность. И это знали все, кому положено было знать.

Зато сюда возили проверяющие область комиссии из центра для отоваривания дефицитом зарубежные делегации и различных гостей. На многих базах были оборудованы специальные помещения, напоминающие компактные выставочные залы, где допущенных или приглашенных встречал приветливый персонал, готовый показать и рассказать обо всех новинках промышленности загнивающего капитализма и тут же совершить блатную сделку. Или же после экскурсии упаковать выбранные вами вещи и отправить их куда надо без каких-либо расчетов по спецуказанию спецлиц, жестко регулирующих и лимитирующих аппетиты грызунов и прочей живности, одновременно с номенклатурой полюбившей дефицит.

Будучи тридцатилетним номенклатурным подростком на такое мероприятие пришлось попасть и мне. Вместе с председателем одного из городских райисполкомов нам было поручено сопровождать по семи ведущим базам очень авторитетного журналиста Центрального телевидения. До этого мы помогали ей организовать большую передачу из нашего города.

Уже на первой базе, не скрывая заметной натренированности в таких делах, наша гостья стала весьма сноровисто отбирать один товар за другим, в том числе довольно емкие ковры и другой дефицит. На мой вопрос, куда и как мы это будем грузить, она попросила подослать автопикап и сообщила, что для нее забронировано отдельное купе в поезде. Особенно бросалось в глаза то, что ее не смущала всесоюзная узнаваемость, в том числе и при погрузке в поезд. Казалось, в эти минуты специфическая торговая операция заслонила от нее весь мир, не говоря уже о простодушных героях ее высоконравственной телепередачи.

Вообще, в те времена серьезный аналитический материал в прессе или на телевидении, во-первых, мог в любой момент при всей цензурности выйти в свет, а, во-вторых, даже самым высоким должност-

ным лицам стоять их поста. Это касалось и руководителей регионов и даже центральных ведомств. Прошли десятки лет, а наиболее нашумевшие публикации до сих пор в памяти. Однако же в моем профессиональном контент-анализе не встречается ни один, касающийся конкретной торговой базы.

Даже проработавший почти всю жизнь спецкором одной из газет ЦК по нашей области Ю.П. Антропов, принципиальность и неподкупность которого вызывала неприятные ощущения у многих номенклатурных боссов, ни разу не обратился к этой теме. Может мешала их охранная грамота, надежно ограждавшая базы, а может быть ему не хотелось портить привлекательность этих весьма успешных учреждений в благородном деле специализированного перераспределения общенародных благ.

Их формам и методам можно было бы посвятить отдельное исследование, но мы ограничимся одним очень емким по содержанию эпизодом. Мне было известно о больших успехах одной школы-интерната, расположенной в городе. Туда возили все делегации, проводили там семинары и совещания по обмену опытом, не сходил с похвальных уст ее директор. И вдруг мне на стол ложится весьма серьезная жалоба с жестким поручением разобраться, принять меры и доложить на самый верх. Приглашаю автора, бывшего завхоза школы, уволенного почти два года назад. Ее рассказ мог ошеломить любого, но я не смог в него поверить – уж слишком фантастическими были факты хищений социалистической собственности в этом заведении.

Сама бывшая завхоз ежегодно на протяжении более десяти лет менялась своей должностью со своим партнером – комендантом учебного корпуса. Оказывается, так требовала технология списания мебели, оборудования, канцтоваров, одежды, обуви и других вещей, которыми государство обеспечивало детей из малоимущих семей. Например, один диван в коридоре списывался ежегодно шестнадцать раз. Нет, он стоял все это время на своем месте, благополучно обеспечивая отдых школьников. А покупаемые вместо него новые диваны или просто деньги за них сюда даже не завозились и исчезали в неизвестном направлении, вернее в известном только тому, кто этим распоряжался.

Собрав комиссию из лучших милицейских сыщиков и финансовых контролеров, я отправил ее для тщательной проверки, а точнее перепроверки состояния дел и изложенных в жалобе фактов. Дело в том, что заявительница уже третий год обращается в различные инстанции, приходят комиссии, проверяют, ничего не подтверждают и прикрывают все это формальными ответами-отписками.

На нашем же экземпляре жалобы стоял красный штамп ЦК с отметкой «особый контроль». Результаты проверки были настолько неожиданными и обескураживающими, что никто мне ни разу даже не

позвонил и не поинтересовался ее ходом. Все ждали заключительных документов, в которых излагалась уникальная технология санкционированных, крупномасштабных и долговременных хищений общенародного добра. Особо отметим цинизм и безжалостность воровующих, которые делали все это за счет детей.

В обход общепринятому порядку школу-интернат прикрепили к снабжению прямо с ведущих областных баз. С них сюда согласно накладным направлялись все мыслимые и немыслимые в ту пору продукты питания, о которых дети никогда в жизни даже не слышали, не говоря уже о возможности их увидеть и хотя бы попробовать на вкус. Черная и красная икра, деликатесные рыбные и мясные изделия, кондитерские и фруктовые наборы, богатый ассортимент напитков – все это проходило и проезжало мимо обеденного стола школьников. На нем подавалось незамысловатое однообразие – суп, каша, картошка, компот и чай.

По такому же принципу с торговых баз двигались в школу упаковки с дорогим дефицитом импортной одежды и обуви, учащимся же доставалось самое скромное, в основном резиново-болоневое от отечественных производителей, чтобы с детства росли патриотами. Про мебель, оборудование, прочий инвентарь и канцтовары можно не повторять, их путь как и злополучного дивана был таким же. Директор особо не отбивался от неопровержимых фактов, лишь несколько раз выражал удивление тому, что сверху приказали раскрутить это дело по полной.

Уж он-то знал точно, кому и куда шло такое базовое обеспечение. По указанию сверху все ограничилось его освобождением от должности и выговором по партийной линии, уголовное дело так и не было заведено, а причастные к интернатскому довольствию высокие должностные лица, которых вычислили опытные сыщики, успешно продолжали свою карьеру в областных и центральных органах власти. Круговая порука прикрывала любые масштабы воровства.

Нельзя обойти вниманием и такой важный момент как планирование, который по своей сути является обязательным компонентом любого управления и инжиниринга. Однако большевики его возвели в особый ранг социалистического планирования, что автоматически превратило его в очередной парадокс, несмотря на эпитеты и всевозможную абсолютизацию его как основополагающего закона развития нового общества.

Сверху донизу планов составлялось бессчетное количество. По каждому населенному пункту, малому среднему или крупному городу, областям, краям, республикам, по предприятиям, отраслям и в целом по Союзу было много различных типов и видов планов. Но был самый главный план, от которого вели отчет все остальные – это пя-

титлетний план развития народного хозяйства страны. И не менее главные его части – годовые планы. Все они обретали форму закона.

Как составлялся план? Это был очень многогранный и трудоемкий процесс учета всей имеющейся собственности, основных производственных и социально-культурно-бытовых фондов, сырьевых ресурсов и запасов, энергетики и транспорта, кадрового обеспечения, финансовых возможностей, в том числе привлечения кредитов и определения на этой основе каждой отрасли контрольных цифр ее развития.

Просчитывались и уточнялись все цифры вплоть до получения конкретного баланса. По нему всем и каждому должно всего хватить для выполнения утвержденного плана. Но уже в первые дни любого нового года, начала любой пятилетки повсеместно и сразу же чего-то не хватало, что-то не довозили или недопоставляли, что-то перепутывали, как в известной юмореске Аркадия Райкина, где просили насосы, а поставляли колеса.

Получающиеся на деле диспропорции и дисбалансы легко объяснить некомпетентностью и неопытностью специалистов, составляющих планы. Но дело не в них, кадры в планирующих органах были компетентные и надежные. Как и в частном случае с торговыми базами, решающим фактором здесь выступало перераспределение, что означает замена закона-плана на любую социально-экономическую целесообразность. Пример подавали как раз те руководители ЦК и регионов, которые сначала единогласно утверждали главный план страны, настраивали в своих докладах партийно-хозяйственные кадры и весь народ на его неукоснительное выполнение, а потом сами же первыми начинали подрывать основы его осуществления.

Механизм был простым как табуретка. Олицетворяя собой структурно-отраслевой принцип управления, каждый отдел ЦК стремился как можно больше продавить постановлений Политбюро о развитии курируемых ими сфер производства. Там всегда образовывалась обыкновенная очередь и шло соревнование, кто быстрее и больше протолкнет своих постановлений. В них закладывались поручения соответствующим правительственным ведомствам изыскать для этого дополнительные финансы, материальные и людские ресурсы. Такую же музыку перераспределения заводили местные органы управления. Незамысловатым было и обоснование: в планах все не учтешь, в жизни появляются более важные и значимые задачи, которые надо незамедлительно решать. Мы их видим на местах лучше, поэтому и будем действовать, исходя из сложившихся требований.

При этом главный план-то никто не отменял, сверху донизу неустанно требовали его исполнения. В то время как на его разрушении уже работала целая армия партийных и советских работников, хозяй-

ственных руководителей, которые из разных концов страны писали соответствующие письма в различные вышестоящие ведомства с одной просьбой – выделить дополнительные ресурсы и деньги на тот или иной новый проект. К тому же добавлялись обременения на промышленные предприятия, строительные, транспортные и энергетические организации, которым непосредственно на местах вменялось в качестве партийных поручений выполнение соответствующих работ с затратами солидных средств и материальных ресурсов на внеплановых объектах.

На обеспечение такой титанической работы тратились уйма рабочего времени, командировочные и другие расходы. Проводились многочисленные совещания, заседания и планерки, проверки и перепроверки. На этом же оттачивались невиданные во всем мире приемы управления. Чего стоят только одни резолюции на деловых бумагах. Если, скажем, на письме написана резолюция «Рассмотреть и дать ответ», то можно спокойно готовить новые, более авторитетные варианты решения вопроса, так как это по существу формальный отказ. Начертанное же «Для решения, доложить в такие-то сроки» означает положительный исход дела. Очень важны здесь даже знаки препинания, подчеркивание красным или иным цветом, усиление терминами «контроль», «совещание», «созыв», «лично» и тому подобное.

В действие вступали личные контакты, родственные и земляческие отношения, из которых выстраивались многоходовые сложнейшие комбинации, разрабатывались и осуществлялись деловые операции, не предусмотренные ни одним уставом, постановлением, законом или служебной инструкцией. Очень ценились при этом инициатива, сноровка и другие пробивные способности. Волшебные слова «достать» и «пробить» прочно вошли в лексикон языка партийной, государственной и хозяйственной работы. За их успешное осуществление продвигали по службе, награждали и премировали. Тут можно было проявить и смекалку, и находчивость, и доблесть. Все структуры снизу доверху буквально закипали неумной деятельностью, совершенно параллельной той, которую они должны были делать по главному плану – закону.

Здесь наблюдалась одна всесоюзная закономерность: чем инициативнее и активнее разворачивалась внеплановая сфера управления и возрастала эффективность ее воздействия на экономику и производство, тем все больше становился похожим на нее плановый менеджмент. Возникающий то там, то здесь дефицит того, что обязательно должно быть по плану, но оно уже кому-то выделено внепланово по высокой резолюции или распоряжению, вынуждал и сам план выполнять такими же методами.

На этой почве в различных управленческих звеньях создавались специальные подразделения и службы, в которых трудились сотни

тысяч снабженцев и экспедиторов, они объединялись в целые армии гонцов, устремлявшихся, как правило, в Москву и другие столичные города и промышленные центры. Все гостиницы в них всегда были заполнены до отказа, билеты на поезда и самолеты чаще всего можно было только достать, но не купить свободно. На доступные расстояния все активнее задействовался служебный автотранспорт, количественные параметры которого стали резко возрастать. Выстраивались гигантские неформальные коммуникационные конструкции и взаимоотношения. В них наблюдалось все, кроме словосочетаний «строительство коммунизма», «социалистическая собственность», «плановая экономика» и так далее. Не употреблялись за ненадобностью, да и совсем мало подходили они для такой внеплановой специфической деятельности тех, кто сначала разрабатывал и утверждал все планы, а потом их же и разрушал.

Всесоюзный перераспределительный механизм полностью держался на персональных должностных лицах. У каждого из них в этом процессе была незримая планка, выше которой подняться было невозможно. Особую, никем незаменимую роль на местах играли первые секретари ЦК Компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии. Каждый из них знал предел своих полномочий и старался придерживаться негласных правил номенклатурного поведения. Так, первый секретарь сельского райкома мог заставить какие-то предприятия произвести внеплановый текущий ремонт школы, больницы, клуба, мобилизовать небольшие внеплановые ресурсы на обустройство сквера или небольшого парка.

Первый же секретарь обкома имел совсем другие возможности. Он мог без каких-либо планов начать строительство целого завода, дворца культуры, больницы, концентрируя на этом мощности предприятий областного центра, многократно превышающих потенциал даже самого продвинутого сельского района. И противостоять этому не мог никто. Погоны члена ЦК и депутата Верховного Совета СССР убеждали любого в том, что ему позволено все. Очередной парадокс: смельчаки, проявившие себя в отстаивании законного плана, недопущении отвлечения от него материальных ресурсов, сопротивлялись недолго и всегда оказывались в проигравшем, плачевном положении. Выбор у них был только один – партбилет и пребывание в номенклатуре или выбрасывание из нее навсегда.

Удивительной была позиция отраслевых министерств и их руководителей, которые видели, что над их воспитанниками и вполне заслуженными кадрами производится откровенная расправа на местах за отстаивание их же ведомственных, государственных интересов. Как в лучших номенклатурных традициях для прикрытия своей беспринципности и бессилия был изобретен способ фактического

утверждения данного беспредела в виде приказа об освобождении от должности достойного руководителя того или иного предприятия с объяснением – он не нашел общего языка с региональным партийным руководством. И повторялось оно подобно широкоизвестным пословицам и поговоркам.

Так, на моих глазах был освобожден от должности генеральный директор крупнейшего в Европе Белгородского завода металлоконструкций В.А. Тяжлов. Но не за то, что отказался разукомплектовать плановый заказ на всесоюзную ударную стройку и отгрузить солидную партию изделий на строительство двух неплановых заводов – травяной муки и пищевых отходов, на деле оказавшихся потом профанацией. Народный контроль и парткомиссия по негласному указанию нашли другие, значительно более мелкие нарушения, которых было достаточно для расправы над опытным и заслуженным руководителем. Аналогичных примеров были десятки только в нашем регионе.

В ту пору я вплотную занимался строительством дворца студентов, который сооружался по государственному плану развития Белгородского технологического института стройматериалов. На руках у нас были все официальные разрешения, лимиты денежных средств, наряды на фондовые материалы, договор с генподрядчиком и так далее. Но нормальной работы на объекте не было. Строителей то и дело снимали по распоряжению первого секретаря обкома на различные внеплановые объекты, которые он лично вел авральным шумовым методом. Только через всевозможные каналы удастся вернуть строителей, тут же исчезает силикатный кирпич, и нам его не отгружают по плану, так как основной отпуск идет на высококурируемые неплановые спецобъекты.

На разрешение тупиковой ситуации мог повлиять все тот же первый руководитель области. Изловчившись и получив от него вожделенную визу на слезоточивом прошении получить плановый кирпич, отправляюсь к его заместителю доводить до конца пока только бюрократическую фазу. В кабинете хорошо знакомого мне по работе директором одного из предприятий города областного начальника находился и руководитель завода силикатного кирпича, что было моим явным везением. Хотя на лицах обоих отражалась трудноскрываемая удрученность.

Выслушав мою просительную репризу, он наложил свою визу и с обнадеживающими словами «будем помогать» отдал к моей радости письмо прямо в руки исполнителю. Реакция последнего была неожиданно взрывной. Едва увидев краем глаза резолюцию первого, он резко вскочил и взмахнул рукой, в которой была целая пачка аналогичных бумаг. Не выдержав центростремительного ускорения, они на взлете вырвались и разлетелись как листовки по кабинету, а его возмущенный вопрос, за счет чего я все это буду делать, повис в воздухе.

Пока директор завода собирал бумаги с высочайшими визами, хозяин кабинета, утратив присущую ему уверенность опытного руководителя, миролюбиво ответил – за счет идеологических ресурсов. Такой типологизации отвечали как объект, в данном случае дворец студентов, так и проситель, то есть я. Но мне было не до юмора. Мгновенно расшифровав сложившуюся отчаянную ситуацию, которую усугубило именно мое письмо на отпуск планового кирпича, спокойно отгружаемого до этой минуты на внеплановые объекты, я произнес рискованную фразу, которую позволяют себе обычно в кругу хорошо знакомых людей: мне кажется, я попал в дурдом. Ответный комментарий был вполне солидарным – мы все в нем давно находимся.

Действительно, такое ощущение было у многих, кто находился внутри управления так называемой плановой социалистической экономикой. Мне иногда казалось, что общенародная собственность обладает каким-то чудодейственным свойством размножать свои ресурсы, как-то растягиваться до неузнаваемых пределов, когда даже при таком всеохватывающем разрушении ее плановых основ, все равно почти ничего не останавливалось, как-то работало, давало какие-то результаты. Просто сплошное таинство.

Порой мы открыто обсуждали на неофициальном уровне эти проблемы и даже приходили к выводу о том, что нарастающее перераспределение, когда плановые ресурсы страны буквально разрывались и растаскивались на куски по субъективным решениям тех, кто управлял ее необъятными просторами, вполне оправданно и является как бы вынужденной коррекцией, таким нетрадиционным методом совершенствования нового строя. Тем более он покрывался высшим ореолом партийности.

Однако это был прикидочно-неглубокий анализ, исключавший саму мысль о кризисах или тем более о крахе столь странной и даже нелепой социально-экономической конструкции, которая держалась, как уже ранее подчеркивалось, на несметных природных ресурсах. На любую другую страну, а в мире не было больше ни одной равной нашей по богатствам, наложить или перенести такую модель даже методом жесточайшего насилия не представлялось возможным и в мыслях. Мы же жили, точнее доживали наяву.

И доживание это было вполне драматическим. Установившиеся негласно специфические отношения собственности, которыми теперь уже открыто по своему усмотрению управляла и манипулировала номенклатура всех регионов и уровней, стали порождать очень серьезные негативные проявления во всех сферах жизнедеятельности общества. Пышным цветом стало расцветать повсеместное взяточничество, которое теперь называется нерусским словом коррупция, сопровождаемое подхалимством и хапужеством. Наступили золотые времена для мамонофилии, загнанной войной и послевоенным лихо-

летьем в номенклатурные пенаты. Теперь же она вышла на широкие социальные просторы, сопровождаемая бурным развитием теневой и серой экономики и аналогичными рынками.

На арену развитого специализма наряду с торговыми базами и аналогичными рынками вышла еще одна их разновидность – базы снабжения, особенно заметные в сферах запасных частей, строительных материалов, оборудования и ГСМ. Они стали основой прямых хищений, воровства, приписок и махинаций, которыми не занимались только самые ленивые и боязливые.

Характерна одна из баек на эту тему. Сидят с годовым отчетом расстроенные председатель колхоза и главный бухгалтер. Вместо плана приплода шести поросят фактически вырастили в среднем только по два на каждую свиноматку. Дело запахло партбилетами и оргвыводами. Решили во избежание такой опасности приписать по две головы. В районе тоже расстроились и с беспокойством за свою судьбу добавили еще одну голову. Областным руководителям тоже неудобно перед страной отчитываться хоть и небольшим, но невыполнением плана. Они приписали еще одну единицу. В центре, в Москве, с удовлетворением от успешно выполненных задач начали распределять достигнутое и полученное. Колхозникам и райцентру решили не давать ничего, так как у них есть подсобное хозяйство, они сами себе выращивают поросят. Две свины в первостепенном порядке отправили за рубеж в качестве братской помощи для нужд мировой революции, остальные по две разделили для снабжения областного центра и столицы. Тут бы посмеяться, но именно в то время было принято решение партии и правительства закупать свинину за границей.

Народная молва иногда сгущала краски и делала их негативный оттенок более ярким, но явно не ошибалась в главном – в оценке происходящих явлений. Тут не гнушались даже тем, чтобы перевести грубые, можно сказать вполне криминальные приписки всего и вся, в такую форму, чтобы по содержанию они выглядели почти благопристойными и законными. Для чего неизвестно кем был изобретен удивительный инновационный механизм корректировки плана. Не будем грешить против истины, но, думается, по своему креативному уровню такой замысел мог родиться только в центре, хотя нельзя приуменьшать и творческую активность низовых масс управления.

В общем-то с выполнением планов у большевиков всегда были проблемы, даже в годы первых пятилеток, когда главное и решающее – создание индустрии тяжелой промышленности группы А заметно перевыполнялось. Проблемным и, как оказалось, до самого конца неподъемным было осуществление планов развития производства группы Б, нацеленной на широкое потребление. Причин здесь было много, в том числе и системных.

Одна из них – вседозволенность партийного аппарата всех уровней, заложенная в саму основу его работы еще в двадцатые годы при поддержке И.В. Сталина, и которая с особым магнетизмом проявлялась в стремлении к перераспределению. С помощью карательного меча революции ГПУ-НКВД-МГБ вождю всех народов удавалось укоротить и ограничить эти притягательные аппаратные инстинкты. Весьма заметно сдерживались и потребительские аппетиты номенклатуры.

С приходом к власти Н.С. Хрущева репрессии прекратились, и тут же как из рога изобилия изнутри первых лиц партаппарата полезли самоуправство, чванство и вождизм. Плюс ко всему еще сильнее стал проявляться эгоцентризм отраслевиков центра. Это очень волновало и беспокоило нового руководителя. Создавалась опасная гремучая смесь. Нужны были противовесы, и он их придумал.

Страну разделили на совнархозы, которые оказались способными и более чувствительными к комплексному развитию регионов и крупных экономических районов. Чуть позже партийные комитеты на местах разделили на сельские и промышленные, что явно снизило накал их постоянного воздействия на экономику. Это был вариативный поиск методом проб и ошибок. Но сталинисты заклеямили его как волюнтаризм, отступление от генеральной линии партии. Им костью в горле стала реальная децентрализация экономических процессов. И вскорости все вернулось на круги своя.

Повсеместное и нарастающее перераспределение планов и ресурсов привели экономику в немыслимое состояние раздвоения, которое разрушало ее основу, вело к разбалансировке и диспропорциям основных показателей финансового и материально-технического обеспечения планомерного развития. Срывы то одного, то другого плана вели к всеобщему провалу намечаемых достижений. Это никак не могло соотноситься с чисто идеологической главной доктриной развитого социализма, в основе которой лежало планомерное наращивание и рост всего и вся.

И хотя многие внеплановые, чисто волюнтаристские проекты старались включать в план, в целом надежд на его выполнение не оставалось никаких. Дилемма разрешалась его корректировкой, что означало уменьшение, занижение утвержденных ранее плановых показателей, а, следовательно, его успешное выполнение и даже перевыполнение в новом, усеченном варианте.

Но мог ли это сделать самостоятельно любой хозяйственный руководитель, даже вместе со своим отраслевым министром? Конечно, нет. Их обоих как персонально ответственных лично можно было тут же привлечь к партийной и даже уголовной ответственности за умышленное нарушение закона о плане. А кто же тогда стал источником, инициатором коррекции или главным нарушителем закона, – спросит нетерпеливый

оппонент. Только тот, кто является неподсудным – а это как раз партия, являющаяся по Конституции СССР ведущей, руководящей и направляющей силой общества. Соответственно и ее органы, четко структурированные по вертикали на всей территории Советского Союза.

Отсюда и несложная схема корректировки планов. Хозяйственные руководители по согласованию со своими министерствами обращаются в местные партийные органы с соответствующими просьбами. Оттуда уже направляется официальное письмо на имя руководителя ведомства с соответствующими расчетами, отражающими реально уже новый, уменьшенный план. Прошений обратного свойства, а именно на корректировку плана в сторону его увеличения не наблюдалось никогда и нигде. Может лишь за редким исключением кто-то мог проявить такую инициативу. Далее бумаге приделывались ноги и руки в виде встреч с первыми лицами и их заместителями секретарей обкомов и горкомов. В зависимости от объемов и сложности с корректировкой в дело мог вступить и лично первый секретарь, что резко повышало ее шансы до безотказности.

Да и как тут отказать, если руководящим и направляющим всеми процессами лицам виднее перспективы развития отрасли на местах, да и саму ее они как бы снизу прикрывают перед взыскательным спросом ЦК. Словом, обоюдные интересы субъективно совпадали, а что до объективных последствий еще большей разбалансировки и расстройств государственного плана, то об этом уже забота тех, кто отвечал за всеобщую доктрину.

Поэтому в ЦК повели тройную игру, при которой, с одной стороны, приходилось закрывать глаза на происходящее практически во всех отраслях планового хозяйства, с другой – всячески и всемерно всех тормозить, взыскивать, спрашивать, строить и ругать за главный госплан, а с третьей стороны – держать лицо чистым и выражающим самые несокрушимые преимущества перед давно загнившим и отживающим свой век капитализмом. Как никак, на это лицо взирало все прогрессивное человечество, да и свой народ со все большим раздражением и недоверием.

Фарисейская деловая игра общесоюзного масштаба продолжалась уже на более низовом уровне, где в ход цены вопросов пошли подарки и подношения, постепенно увеличивавшиеся до масштабов спецподвозов спецтоваров спецлюдьми на спецмашинах. При этом каждый ответработник номенклатуры знал свою роль, свой масштаб и свои полномочия. Совершенная корректировка плана ценилась не меньше, чем умение выбить и достать дефицитное оборудование, запасные части или сырье, которыми были забиты все склады и базы снабжения.

В плановом порядке они могли только там лежать, двигаться самостоятельно в сторону своих лимитофондодержателей они не могли

ни под каким предлогом. Весь этот гигантский механизм заводился и приходил в рабочее состояние только под воздействием специфических неуставных отношений. Финальный круг замкнулся. И нужны были все новые и новые нестандартные подходы. Их поиском и реализацией занялись самые авторитетные и опытные хозяйственники, а таковых в нашей стране было немало. Это их самоотверженностью, организаторским талантом и усердием выполнялись многие плановые и внеплановые задачи, решались конкретные проблемы производства.

Они и придумали, как надежную палочку-выручалочку, а на худой конец как последнюю спасительную соломинку, неликвидные запасы. Каждый из них, словно мышка в свою норку, тащил на склады все, что очень и не очень нужно, что можно поменять, как-то использовать на своих предприятиях, совместно со смежниками или откупиться имеющимся от нарастающих внеплановых заданий местных властей. В общем, забивать любыми возможными и невозможными способами склады своих предприятий различными припасами стало правилом и нормой хозяйственного да и партийного поведения. Многие документы, сопровождающие такого рода мероприятия, составлялись и подписывались в партийных инстанциях, причем первыми лицами. Сопровождались звонками, встречами и неформальными спецмерами, о которых писалось выше.

Сам много раз слышал, как некоторые руководители на вопрос своих же коллег, у вас есть такое-то сырье или товар, в шутку-всерьез отвечали: у нас есть все, кроме ракет и атомной бомбы. И они не были далеки от истины. Это было не только реализованным инстинктом спасения своих родных предприятий, которые их вырастили, воспитали, которыми дорожили и гордились, но и серьезным фактором самоспасения от постоянно и внезапно возникающих партийно-перераспределенческих поручений. Ведь ситуации с вызовом или звонком всесильного партийного руководителя, нет, не на помощь, а в основном на угрозу расправы и наказания, с обращением сделать то-то и то-то, найти и выделить нужные материалы для очень важного, разумеется, внепланового дела следовали одна за другой. И тут излишняя запасливость всегда оказывалась кстати.

Представляете, это я обращаюсь с сочувствием к оппоненту, весь мир тогда уже давным-давно перешел на инжиниринговые технологии во всех производственных процессах с применением электронных устройств и наиболее эффективных логистических моделей поминутной поставки всех видов сырья, деталей и других комплектующих, что сводило до минимума или полностью ликвидировало такие огромные издержки как несвоевременная доставка и длительное хранение их на складах. Это значительно повышало производительность труда и качество продукции.

У нас же итог вышеописанного антихозяйствования выглядел сверхвпечатляющим. Его с горечью подвел Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков на последнем съезде партии и фактически на финише всей почти вековой суеты и борьбы за фантомное построение новой жизни. По его данным, в это время на складах различных предприятий истроек находился такой объем неликвидных запасов, что его можно приравнять к годовому бюджету страны. Но было уже поздно. К тому же его ускорил сам Председатель Правительства, подписавший, видимо, с ведома или по поручению Политбюро ЦК 17 постановлений, не оставляющих шансов на спасение экономики. Внеплановый забег по кругу самой плановой в мире экономики финишировал. Дело встало за тем, куда и в чьих интересах использовать накопленное общенародное достояние. Вопрос, конечно, интересный.

И оно не пропало на складах, а вскорости весьма оперативно исчезло из их помещений через каналы малых предприятий, кооперативов, которые были созданы руководителями и их доверенными лицами. Ну а дальше вполне понятная вытекающая из этого технология: возникновение своих банков, финансово-промышленных групп, приватизация с приемательско-прихватизационным уклоном и новые перевоплощения номенклатуры из господствующего владельца всей общенародной собственностью класса де-факто в ее полноправного хозяина де-юре. Ничем не обремененным остался только народ. Специфические отношения собственности исчезли похоже навсегда. Осталось только вопиющее социальное неравенство, ради устранения которого якобы и затевалась столь жертвенная историческая канитель в 1917 году.

Тем не менее будет необъективным и ошибочным считать, что перераспределением общенародной собственности занималась только номенклатура. Народ тоже не дремал. Рядовые рабочие и колхозники, инженеры и технологи, понимая фундаментальное значение перераспределения как основы зарождения общественной собственности и чувствуя на интуитивном уровне, что оно же будет и ее концом, принимали тоже посильное и доступное для них участие в этом занимательном и вполне творческом процессе.

Приглядываясь и принаравливаясь ко всему, что плохо лежит и склонно к возможности передвижения к себе домой, многие советские люди непосредственно на рабочих местах изыскивали резервы для личного перераспределения продукции своих предприятий и организаций. Уносили все, что можно было взять с собой в доступных объемах. Быть у колодца, не напиться и не набрать водицы считалось заторным не только в народной поговорке. Исключение составляли лишь режимные предприятия, да и то, если этот режим строго соблюдался и исключались всякие лазейки для его обхода и объезда, которые так или иначе все равно возникали.

На данной основе завязывались знакомства и горизонтальные связи, вступали в действие и развивались неформальные отношения на межпрофессиональном уровне внутри коллективов. Все подчинялось главной задаче всеохватывающего выноса всякой всячины, в том числе соответствующий учет и списание материальных ценностей. Здесь, как нигде, очень ярко и значимо выявилось одно преимущество общенародной собственности над частной. У нее, как у субстанции несравненно и несоизмеримо большей по объемам любого частного и очень экономного объекта, всегда, практически при любых обстоятельствах находились излишки, которые, разумеется, последовательно и неукоснительно перераспределялись теми, кому это было доступно.

После насыщения домашних гаражей и кладовок излишки уже от перераспределенного с предприятий товара попадали на все тот же черный рынок. Воровство приняло столь массовый характер, что о нем уже, как отмечалось выше, не стесняясь классовых врагов, в открытую заговорили в печати и на различных совещаниях. Правда, принципиальная борьба не дошла до уровня сталинских репрессий, когда в тюрьму сажали за минутное опоздание или изъятую из социалистической собственности материальную мелочь, будь то колосок или обыкновенная гайка. Поэтому потянуть из общего считалось неззорным, вполне привычным и нормальным делом. Стеснялись его делать только самые идейные, совестливые и порядочные. Но их становилось все меньше и меньше. Так было объективно predetermined соответствующими отношениями ничейной, специалистической собственности.

Возвращаясь к моему примеру приобретения стекла для дачи, можно отнести себя к массовому движению несунув, злоупотребляющих своим служебным или производственным положением, но это самообвинение нужно тут же самооправдать как безысходную меру самораспределения своей же доли собственности, которую я не смог купить на законном основании из-за отсутствия таких возможностей.

Так и замыкалась сверху донизу и снизу доверху вся цепь экономики, которая по призыву партии должна быть экономной. Не одному мне пришлось задумываться о том, кто является автором такой абракадабры, вложенной в проблемно функционирующие уста дряхлеющего на глазах всего народа лидера партии. Еще большее количество номенклатурных функционеров занимались размещением этой тавтологии на бесчисленных плакатах и лозунгах, в средствах массовой информации, в миллионах протоколов всевозможных собраний и заседаний, отвлекая финансовые и материальные ресурсы и самое дорогое – время у десятков миллионов людей. Хуже всего то, что это давало обратный эффект.

На деле советская экономика становилась самой нерациональной и расточительной в мире. Усугублялось это еще и тем, что она была запутанной до такой степени, когда уже толком разобраться в ней было невозможно никому. Но один из экономистов все-таки разобрался, что в советской экономике официальный рост внутреннего валового продукта обеспечивался не по фактическому увеличению продукции, а за счет того, что многие составляющие компоненты, например такие, как болты, гайки, шайбы и прочие комплектующие считались по 25-30 раз, переходя от одного статотчета к другому, двигаясь по производственной цепочке к выходу готового изделия. Было ясно, что такая экономическая система неизбежно превращалась в состояние самообрушения и гибели.

И напрасно некоторые ученые пытаются сравнивать ее с примерами других стран, обвиняя известные персоналии в разрушении. Искусственно рожденное и принудительно, насильственно созданное устройство даже в условиях эксклюзивных, богатейших природных и социальных ресурсов не имело по сути даже малейших шансов на длительную перспективу, оно, как огромная противофаза, дошло до такого состояния, что стало своей директивной неконкурентоспособностью и нежизнеспособностью тормозить весь общественный прогресс в глобальном масштабе. Ведь из сотен тысяч видов промышленной продукции лишь несколько десятков и то в основном военных образцов были в состоянии конкурировать и успешно продавались на глобальных рынках. Все остальное могло быть реализовано только при одном условии – если полностью закрыть страну от внешнего мира и его превосходящих товаров. Страну, которая по существу бездарно прожигала природные и социальные ресурсы на одной шестой части Земли. И это было ясно уже даже младшим советским школьникам.

Реально не в этом заключается спор, а в том, что и как надо было сделать прежде всего с отношениями собственности, другими базовыми экономическими и социально-правовыми факторами, чтобы не допустить разрушения гигантского производственного потенциала и перестроить его на естественный цивилизованный лад. Понятно – с неизбежными потерями безвозвратно отсталого и ненужного на рынке, все активнее заполнявшимся в последние годы СССР более качественной продукцией, ставя окончательный крест на изолированной самодостаточности советской экономики, все больше напоминающей застывший на огромных индустриальных показателях циферблат истории, страницы которой уже стремительно заполнялись постиндустриальными высокими технологиями открытого общества. И они, кстати, уже были в Советском Союзе, были высококвалифицированные специалисты и ученые, которые могли использовать опыт других стран и перестроить экономику. Но, как отмечалось выше, несменяе-

мо руководящая номенклатура думала совсем о другом – о переходе и перевоплощении в новое качество через монетизацию и приватизацию своего господства.

Управляющий класс раньше других почувствовал реальность перспектив мирового развития, осознал, что коммунизм как мираж по наследству не передашь, и выбрал наиболее облегченный эгоцентричный вариант своей стратегии. Отдавая отчет в том, что самый выгодный из своих коренных интересов – это сырьевая рента, он вопреки нуждам подавляющего большинства населения посадил страну на нефтегазовую и металлическую иглу с древесинно-углевой придачей. В дело вступила незамысловатая формула: мы гоним всему миру все, что лежит в наших недрах, они с нами за это рассчитываются валютой, которую мы им тут же возвращаем назад за те товары, которые из нашего сырья там производят.

Теперь без всяких надежд на благодарность, помощь или хотя бы льготы за такую филантропию посмотрим еще раз на сухой остаток. Они зарабатывают как минимум трижды: на самой переработке и на той добавленной стоимости товаров, которые в десятикратных ценах продают нам, попутно тренируя себя для дальнейших инноваций. Мы же в меньших значениях беднее: теряем природой и Богом данное нам, потом платим несоизмеримо дороже за свое же недопереработанное и недоделанное и, самое страшное, утрачиваем свои социальные ресурсы самодостаточности и саморазвития, попадая снова в замороженно-заторможенное состояние и зависимость от других. Может случиться – теперь уже навсегда, если не выберемся из санкций, воровства, вранья и других нарастающих бед. Для нашей Родины наступил момент истины и, очевидно, последний решающий шанс.

Глава XII. Общество и обществоведение на изломе: взгляд изнутри

1. От мировоззренческого раздвоения к выбору точки опоры

Мы уже акцентировали внимание читателя на наших метаниях в определении вариантов своего бизнеса, в поиске надежной жизненной опоры. Но этому мешало раздвоение мировоззрения, которое должно было завершиться выбором и утверждением в качестве приоритета общечеловеческих цивилизационных ценностей. При этом мною достаточно четко осознавались склонности своего темперамента, энергетики и склада ума к поиску неизведанного, к прорыву в ещё не постижимое и к соответствующим рискам. После ряда неудач мой выбор пал на науку, про которую в период распада страны подавляющее большинство людей даже не думали. А взоры обратились на малоизученную и практически неразработанную область знаний – социальные технологии. После этапа их теоретического освоения возникла мотивация по их проектированию.

Путь был инновационный, ни на какие аналоги рассчитывать не приходилось. Рисковать надо было всем – и последними инфляционно обескровленными советскими рублями, и временем, которого как всегда было в обрез, и возможными неудачами. И хотя за плечами у меня имелся целинный опыт, быть убежденным и одержимым самому, это одно. Вовлечь же в осуществляемые проекты других людей, заинтересовать их перспективой – совсем другое.

Психология человека устроена так, что легче воспринимаются привычные ситуации, стандартные решения, чем новые, необычные. Поэтому к нововведениям относятся настороженно всегда. Если предприятие, фирма, организация развиваются успешно, то сопротивляются изменениям, отговариваясь тем, что работа и так идет успешно, применяемые методы эффективны, не устарели. А если предприятие лихорадит, то творческие решения откладываются до тех времен, пока установится стабильное положение. Об этих проблемах, обусловленных психологией людей, от которых зависит внедрение технологий, проектанты должны помнить в работе по широкой технологизации социальной деятельности.

Из логики нашего исследования отчетливо видно, что ее проектирование и внедрение невозможно без обращения к проблеме социальных инноваций. Дело не только в том, что технологизация социальной сферы общественной жизни непременно предполагает постоянные нововведения в действия людей. Сами социальные технологии явля-

ются инновациями и их внедрение обновляет социальные процессы, порождает потребность в поиске нестандартных решений и проектов. Тут требуются некоторые пояснения и конкретизации.

Любое нововведение, затрагивающее социальную сторону жизни людей, и его внедрение – всегда творческий процесс. Обновления, происходящие в экономической и политической жизни страны, являются собой убедительный пример реализации социальных инноваций на макроуровне. Однако общество в целом, будучи по своей природе органической системой, как всякая крупная система, обладает значительным моментом инерционности.

Преобразования в обществе смогут стать наиболее быстрыми, относительно безболезненными и эффективными лишь в том случае, если социальные инновации охватят все его уровни, сферы и элементы как единый технологический процесс. Это означает, что исходящие от высших уровней общественного устройства воздействия инновационного характера, в принципе несущие положительный заряд, должны найти благоприятную и восприимчивую социальную среду.⁴³

Наш опыт и проанализированные выше результаты исследования показывают, что формирование такой среды носит очень противоречивый и замедленный характер. Несмотря на то, что уже утвердились новые формы собственности, на предприятиях мало что изменилось в методах организации и управления, далеко не все кадры осознают, что без социальных нововведений нельзя выбраться из экономического кризиса общества.

Не нужно также забывать, что сопротивление нововведениям зависит от характера и степени перемен, а также от того, как они проводятся. Мощное сопротивление вспыхивает в тех случаях, когда:

- перемены радикальны и решительны;
- перемены внезапны и неожиданны;
- перемены оказывают неблагоприятное воздействие на вовлечённых в них людей, которые в этом случае считают себя пострадавшими;
- причины проведения перемен нечетко сформулированы, это вызывает беспокойство;
- предыдущие перемены не принесли нужных результатов.

Решение обозначенной проблемы видится в повсеместном создании системы экспериментирования, широко использующей различные методы поощрения любых поисков и нововведений, в том числе и тех, которые пока не дают ощутимых результатов. Невозможно культивировать круг творческого поиска, постоянно опасаясь при этом неудач и ошибок. Мировой опыт показывает, что корпорации, где нет места ошибкам и неудачам, «как правило, открывают или очень мало, или вообще не создают новых предприятий... Почти каждый предприни-

матель по крайней мере один раз в жизни терпел провал, прежде чем ему удавалось создать действительно успешное предприятие».⁴⁴

Инновационность – это неотъемлемая черта, особый инструмент цивилизованного предпринимательства, на создание которого ориентируются сейчас страны, десятки лет пытавшиеся строить плановое социалистическое общество по схеме Маркса-Ленина. Это цивилизованное предпринимательство, как отмечалось выше, ничего общего не имеет со спекулятивной деятельностью мелких торговцев и перекупщиков. Само предпринимательство, – подчеркивает его теоретик и практик Питер Ф. Друкер, – как действие направлено на то, чтобы вдохнуть в имеющиеся ресурсы новые свойства с целью создания благ.⁴⁵

Такая предпринимательская деятельность несовместима со старой общественной организацией труда, производства, власти и, как правило, сопряжена с реорганизацией, в том числе социальной. Предпринимательство, понимаемое как осуществление новых комбинаций в производстве и сфере обслуживания с целью получения прибыли и роста доходов путем создания общественно-необходимых товаров и услуг, эффективно лишь в благоприятной инновационной атмосфере.

В начале 90-х годов о социальных технологиях и прочитать-то было негде, но желание преодолевать препятствия и находило возможности. Так они определили мою дальнейшую научную, предпринимательскую и жизненную позицию. И что особенно важно, не только мою, но и многих других людей, внесли заметное оживление в общественные отношения, хотя результаты их освоения, к сожалению, остаются весьма скромными в силу ряда серьезных противоречий и пока непреодолимых препятствий явно подзатянувшегося переходного периода развития России.

И основные проблемы здесь заключаются не только в стереотипах командно-административного управления, в естественных приоритетах спекулятивных операций с собственностью, финансами и товарами в начавшийся период первоначального накопления капитала, характеризующийся социальными проявлениями, далекими от цивилизованных норм.

Специфика обстановки на изломе общества оказалась такой, что ученые-гуманитарии были вынуждены сами начать заниматься предпринимательской деятельностью. Причем, в первую очередь не коммерческими комбинациями, а поиском новых точек опоры в общественном ведении. Хотя нашлись и те, кто сразу же включился в набирающий всеохватывающую силу процесс «купи-продай».

Мои предпочтения сформировались в начале 1989 года во время прохождения докторантуры в Москве. Точно не могу до сих пор определить, почему мой выбор нового направления общественознания пал без особых колебаний на социальные технологии. Ни научных

знаний, ни практического опыта их разработки и применения у меня не было. Возможно сказало мое крестьянское происхождение и приученность с детства к земледельческому труду и жизни, которые, как подчеркивалось мною выше, по определению носят циклический, социально-технологический характер.

Немаловажное значение имело здесь плачевное положение общественных наук, заточенных как нестираемый алмазный стержень на производство и комментирование только самых верных и вечных идей, в одночасье сломавшихся и рассыпавшихся как хрупкое стекло, которое некоторые до сих пор безуспешно пытаются собрать и через всевозможные подгоны и подстройки реанимировать применительно к изменившимся условиям общественного развития.

Естественно, многое впервые нужно было собирать по крупицам, отсеивая ненужное, искусственное и мифологическое, одновременно ведя поиск и выбирая новый, естественный, природный стержень. После первых залпов шоковой терапии началось осмысление наступивших радикальных перемен со всеми мыслимыми и немыслимыми ранее проявлениями человеческой сущности. Казалось бы, процесс пошел. Многие обществоведы непривычно, но с явным облегчением вздохнули от возможности свободно думать, писать и говорить без оглядки на внешнюю и внутреннюю цензуру железобетонных цитат и установок. Вместе с коллегами мы внедрились новый предмет «Основы социальных технологий».

Но на их пути встала извечно бодрая и активная бацилла понятийной тавтологии, которая прекрасно себя чувствовала в идеологизированном общественном сознании и неожиданно получила новые импульсы для своего развития в новой жизненной ситуации. Вспоминается один пример из преподавательской практики в технологическом институте стройматериалов. Когда я перед началом своей лекции по социальной технологии спросил студентов о теме предыдущего занятия по отечественной истории, они ответили, что изучалась тема общественно-политической ситуации в России летом 1917 года. Изумление вызвало то, что разговор на нем шел только о VI Съезде РКП (б) и курсе на вооруженное восстание.

Хотя чему было удивляться. Предмет истории КПСС то заменили, но доцент и его знания остались прежними. И ему, бедному, в то время уже не в переносном, а в прямом смысле этого слова, так как даже нищенскую зарплату выплачивали с большим опозданием, просто нечего было предложить студентам по новой программе. Аналогичное кино прокручивалось и многими философами и экономистами.

На этом удручающем фоне свежееиспеченный курс по социальной технологии обнадеживал как своим названием, так и неизведанностью его содержания и перспектив. К тому же возглавляемая мною кафедра

социальных технологий, первой возникшая в СССР, взялась за внедрение немыслимого до той поры в отечественном общественном образовании дидактического приема – спецкурсов по добровольному выбору студентов.

Коллектив кафедры, состоящий в основном из молодых преподавателей научного коммунизма и марксистско-ленинской философии, с большим энтузиазмом и усердием взялся за малоизвестный, но одновременно спасительный и многообещающий эксперимент. Надежду вселяло и то, что позади были весьма сложные процедуры голосования на ученом совете института. Нас всех объединяла вера в предстоящий успех.

Пусть кому-то покажется странным, что наши очень старательные и явно продуктивные усилия и инициативы были встречены далеко не всеми с одобрением. Отношение к нам складывалось с точностью отражения общественного сознания и бытия. Вместе с крушением господствующей марксистско-ленинской идеологии первыми пали и мы, обществоведы, в одночасье почувствовавшие себя изгоями. На нас готовы были спустить все обвинения, со всех сторон обрушились разного рода нападки, что было в общем-то закономерным.

Никогда не забуду факт, когда один студент во время государственного экзамена по научному коммунизму, как теперь стало ясным – последним в жизни, в ответ на вопрос одного из членов комиссии, почему он научный, рассудительно сказал: потому что другим коммунизм просто не может быть. Возмущенный преподаватель эмоционально воскликнул, – но это наша цель! Неужели вы думаете, что его нельзя построить? Конечно, нельзя, – ответил спокойно экзаменуемый. Но почему?, – распаялся в своем вопрошении член госкомиссии. Ответ лежит у вас на столе, – бросил не в меру осмелевший студент и показал на талоны каких-то товаров, которые по небрежности положил опрометчивый экзаменатор.

К слову, именно талоны на переломе страны оказались самой яркой и незабываемой чертой, отгородившей жизнь советских людей от сложившегося общественного устройства. Тогдашний ее руководитель с горечью поведал анекдот о самом себе. Стоит длинная очередь за каким-то товаром. Один мужчина не выдержал и в сердцах воскликнул: нет, лучше я пойду и убью Горбачёва. А ему в ответ – вы что, не знаете, – туда выстроилась еще большая очередь!

Конечно, можно по-всякому относиться к автору перестройки в СССР, но те, кто обклеивали его портреты талонами и обвиняли его во всех смертных и предсмертных грехах, уходят от глубокого системного анализа всего спектра управления страной, которая к началу восьмидесятых годов вползла в глубочайший социально-экономический и политический кризис и всюду сама была обклеена талонами. Горбачевская перестройка только подлила масла в огонь, и агония номенклатуризма быстро закончилась его распадом.

2. Так дальше было жить нельзя, а мы жили и радовались жизни

По ходу изложения вынужденно сделаем некоторые смысловые отступления, а точнее вкрапления, которые вполне убедительно дополняют характеристику социально-политической и экономической ситуации, сложившуюся на тот момент в стране, а также настроение и самочувствие советских людей. Пример с талонами мне удалось удачно применить в напряженной и серьезной дискуссии со вторым человеком в партии Е.К. Лигачёвым, прибывшим в очередной раз в мае 1990 года в Белгород.

Он любил называть наш регион надежным бастионом социализма, к тому же инициатором всего нового и передового, вызывающего непрерывный поток желающих его приобрести, освоить и внедрить у себя. Правда, чаще всего этот поток формировался по команде сверху. И мне вспомнился его первый приезд как одного из лидеров партии вместе с огромным числом командиров сельскохозяйственного производства со всех регионов Советского Союза.

Речь шла об изучении и обобщении передового опыта белгородцев по производству кормов и обеспечению ими животноводства. Сфера эта к тому времени безнадежно отставала не только от достигнутых мировых показателей селективного, продуктивного и технологического обеспечения, а просто влачила жалкое существование, что наглядно проявлялось на пустых прилавках магазинов и нарастающим уменьшением фондирования сплошной талонизации населения по мясу, маслу и другим продуктам питания.

Руководство страны хваталось за любую возможность как-то исправить положение. Начиная от Политбюро ЦК, тысячи обкомов, горкомов и райкомов партии проводили десятки и сотни тысяч своих плановых и внеплановых заседаний, проверок, совещаний, семинаров, поднимали эмоциональный накал ответственности своих функционеров, безуспешно пытаясь подменить ими зашедшие в тупик, как и весь строй, производственные отношения и уйти от уже безвозвратно наступившего бессилия и позора. Что только не делали – и разбавляли молоко водой, и приписывали его объемы, и содержали неучтенное поголовье, и собирали с частных подворий, а дефицит молока возрастал с каждым годом. Коровы, будто по чьей-то вражеской воле давали его все меньше и меньше, становясь по надоям на одну позицию с козами.

Мало того, нередко их просто нечем было кормить. Не будешь же подмешивать в солому размельченные многотысячные резолюции, постановления, планы мероприятий, программы и графики. На уровне всесоюзного переполюха вся номенклатура искала новые резервы и

возможности. Первому выпала удача отличиться Белгородскому обкому, который резонно увидел их лежащими прямо перед открытым взором. Это были десятками лет, а то и веками нетронутые рукой человека болота, заброшенные луга, поймы рек и прудов, родниковые балки и яры, на которых росли тысячи тонн камыша, осоки, бурьянов и разнообразных трав. Командно-административная партия всегда тяготела к простым решениям, которые можно выполнить силой, напором и энтузиазмом, если, конечно, последний быстро не угаснет. Тут же – такой шанс на успех!

Как водится, собрали расширенный партийно-хозяйственный актив области и поставили задачу: силами всех трудовых и учебных коллективов собрать все вышеперечисленные милости природы и свести их в Белгород для переработки на завод травяной муки. В отдаленных районах – просушить и сложить в стога или измельчить на сенаж. Технику применить для этого было невозможно, поэтому каждый взрослый человек, будь он мужчина или женщина, способный держать в руках косу, вилы и грабли, должен был встать в ряды сенозаготовителей и выполнить задание партии и патриотический долг перед Родиной.

Ну а чтобы не было кое у кого попыток расслабиться и втихую отсидеться в сторонке, всем заводам и строительным организациям, предприятиям торговли и быта, учреждениям и учебным заведениям были доведены конкретные планы заготовки травы в расчете одной тонны на каждого из работающих в них людей. Работает тысяча человек, значит тысяча тонн, две тысячи человек, значит две тысячи тонн и так далее. Мобилизационный план, напоминающий фронтовой, чрезвычайный период жизни народа, должен быть подкрепленным партийно-разъяснительной работой и личной, персональной ответственностью каждого руководителя и секретаря партийной организации. В дело вступал, как и положено, жесткий партийный контроль.

Еще более круто завораживалась организационная спираль по проектированию, строительству и оснащению оборудованием невиданного доселе в стране по замыслу и мощности завода травяной муки. Нет, за рубежом такие предприятия уже давно действовали, готовилось для них и оборудование соответствующей спецификации в зависимости от объемов производства и типов выпускаемой продукции. Ничего подобного, как было объявлено, не было в нашей стране.

Все пришлось начинать и делать с чистого листа. Задача заключалась в том, чтобы из сотен тысяч тонн сырой травы и бурьяна выжать сок, а из него сделать сухой порошок, как очень ценную витаминизированную и минерализованную добавку кормам. Понятно, конечный результат должен отвечать высоким экологически чистым стандартам кормов. Задумка грандиозная и вполне зримыми ожидалась надои, приплоды и привесы в животноводстве.

Отсюда и высочайший градус организационного напряжения. Многочисленные совещания проходили в любое время суток и днем, и ночью, причем на самом высоком уровне. На вопросы проектировщиков, конструкторов или технологов, когда нужно сделать ту или иную работу, был один и тот же категорический ответ – вчера. Страсти кипели так, что многим участникам этих совещаний казалось, будто началась третья мировая война, и они призваны в кратчайшие сроки сделать оружие возмездия, без которого невозможна победа. Пишу так, потому что самому пришлось участвовать в этом лично как секретарю парткома технологического университета.

Коль технология переработки сырой травы в механическом смысле очень была похожа на производство, скажем, цемента из клинкера и другие виды стройматериалов, нашим ученым было поручено разрабатывать соответствующие конструкции машин и весь цикл производства. Ключевым фактором являлось привлечение соответствующих специалистов непосредственно с тех промышленных предприятий, которым предстояло изготавливать такое оборудование. Налицо всегда так желанная и искомая интеграция науки и производства. Мне же следовало поддерживать высокий уровень напряжения трудовых усилий и ответственности за неукоснительное выполнение поставленных задач. Соответственно, надо мной тоже стоял многозвенный контроль, который больше ограничивался выбиванием справок, информации, протоколов и других бумаг.

Еще в начале этой шумной кампании специалисты мне доверительно сказали, что дело обречено на провал. На что я посоветовал быть посмелее и аргументированно с научно-технической точки зрения довести данные опасения до высшего руководства области. Так они и сделали – на очередном совещании высказали озабоченность тем, что конструктивные решения такого масштаба принимать быстро нельзя, мол, проблемы вибрации, нагревания и устойчивости металла применительно к конкретной технологии годами исследуются в лабораторных условиях, затем проверяются на экспериментальном производстве, и только после тщательной экспертизы начинается выпуск необходимого оборудования из уже испытанных сортов металла.

В ответ мы получили такой залп полемической контратаки, что желание доказывать кому-то очевидные вещи отпало само собой. Я сидел, опустив голову, боясь сверкающих огнем молний взглядов первого лица области. Ничего не оставалось делать, и как можно скорее под постоянным нажимом наши ученые и конструкторы сдали документацию промышленникам. И вот завершился выпуск первого оборудования, которое после некоторых колебаний все же решили сначала испытать на самом крупном заводе «Белэнергомаш». Сюда, подобно баллистическим ракетам дальнего радиуса действия, свозили с других предприятий все узлы будущего завода.

Перед запуском его главный инженер И.В. Горбатенко настоятельно попросил всех причастных к делу и присутствующих на всякий случай спрятаться от греха подальше за железобетонной стеной цеха. Такие опасения оказались совсем ненапрасными. Раздавшийся вой, шум и грохот от сильнейшей вибрации запущенного оборудования был такой силы, что казалось все мы попали в эпицентр ядерного взрыва и вот-вот взлетим вместе с цехом на воздух.

После отчаянного броска из укрытия одного из инженеров и самоотверженного отключения электрического рубильника, казалось бы всем все стало ясно и понятно. Но замешательство было недолгим. Наш партийный рулевой с присущим ему напором дал жесткую установку исправить недостатки и обеспечить надлежащее качество выпускаемого оборудования. Присутствующие руководители удрученно молчали.

Особенно подавленным был вид у моего друга, директора завода «Авторемгормаш» И.С. Протопопова, человека исключительной исполнительности и ответственности, который мне прошептал: пойду вешаться, все равно меня расстреляют за то, что загнал коту под хвост столько фондового металла, отвлек людей, а свой план проваливаю. Он был жертвенной фигурой гигантского механизма перераспределения, метался между молотом первоочередных внеплановых заданий местного партийного руководства и наковальней госплана в лице союзного Министерства черной металлургии. За все переживал, вскорости заболел и в самом начале девяностых в терзаниях и муках ушел из жизни. На этот бессмысленный алтарь положили свое здоровье и даже жизни многие хозяйственные руководители.

Но завод травяной муки после немых терний все-таки был запущен в эксплуатацию, хотя работал с большими перебоями. На спех сделанное оборудование часто выходило из строя, и положение дел еще как-то спасали специально сформированные ремонтные бригады с тех предприятий, где оно изготавливалось в авральном, внеплановом режиме. Однако его поджидала другая, более серьезная и практически неразрешимая проблема – отсутствие нужного сырья для переработки. Поднятые по партийной тревоге людские массы городов и поселков почему-то не спешили выполнять намеченные планы из-под палки и умудрялись всячески уклоняться от них. Наш народ, еще недалеко отодвинутый от деревни, сразу же смекнул и точно определил данное мероприятие как показуху.

В дело пошли различные творческие методы выполнения плана. Чего только не везли вместе с нормальной травой на завод – и прошлогоднюю гниль, и ветки, и бревна, и камни, все, что могло увеличить ее вес. Чудеса успешного выполнения плана могли произойти, если устанавливались и неуставные контакты с теми, кто взвешивал машины и выписывал квитанции. В условиях, когда привезенное нередко

сгнивало во время вынужденного простоя завода или когда он начинал работать, а ничего не привозили, могли приключаться любые метаморфозы. Одно было несомненным: суеты и шума очень много, а сухого остатка на выходе очень мало. Основной пар выходил в свисток.

И вот наступил день всесоюзного семинара – шоу, которое тщательно готовилось, вплоть до рекогносцировки на местности, по которой со всех концов в город должны были двигаться машины с сырой травой, изумляя высокопоставленных посланцев всех регионов страны всеохватывающим порывом белгородцев. Всё было продумано до мелочей, буквально по минутам согласованы маршруты и графики движения делегаций. За всем этим закреплялись самые ответственные руководящие работники.

Не было только одного – уверенности, что нужное количество сена будет накошено и погружено согласно предписаниям графиков. Наоборот, была уверенность, что в этом хаотическом, малоуправляемом процессе обязательно будут провалы и сбои, что было недопустимым при проведении мероприятия по плану Политбюро ЦК.

В целях перестраховки была создана особая, выражаясь пофронтовому, ударная группа из наиболее надежных и хорошо проявивших себя организаций, которая своими машинами с травой должна была закрыть весь основной маршрут движения участников семинара и его руководителей во главе с вышеназванным членом Политбюро ЦК. В ударную группу был включен и наш институт, отличившийся в положительном плане. На совещании в полевых условиях камнем преткновения стала твердая позиция начальника ГАИ о невозможности выполнения его машинами сопровождения равномерного и синхронного передвижения всех задействованных транспортных средств.

В качестве шутки, разряжающей напряжение, мною был предложен вариант использования тактики засадных полков русской армии, который я описал в недавно опубликованных изданиях, посвященных сорокалетию Курской битвы. Шутка была воспринята всерьез и по всей трассе в основном за лесопосадками было выставлено несколько резервных автоколонн. Пущенные в дело в надлежащее время они весьма впечатлили гостей, а руководивший совещанием Е.К. Лигачев призвал все партийные организации страны брать с белгородцев пример в обеспечении животноводства кормами, а людей мясом и молоком. Его убежденность и напористость не вызывали ни малейших сомнений в том, что с дефицитом на продукты питания будет покончено так же, как когда-то партия уничтожила всех врагов народа.

Потерявшийся из виду оппонент может усомниться: как это бюджетное заведение, не имеющее грузового транспорта, могло пробиться в передовики кормозаготовки на один уровень с крупными промышленными предприятиями и объединениями. Не без удовольствия

ответу – пробилось благодаря немеркнущим крестьянским традициям, сохранившимся в сердцах многих преподавателей и сотрудников вуза, во-первых, и на основе не бюрократического, а социально-технологического подхода, во-вторых.

Правда, началось все это с нелicenseприятного эпизода. Наш коллектив, как и большинство других, собрал группу косарей в составе пятидесяти человек, которые должны были накосить по плану две тысячи тонн травы. Начинили они поздно, заканчивали рано, все шло ни шатко, ни валко. На план мы, как на фантастическую недостижимую комету, не обращали внимания. Нас не ругали, ну и ладно.

В один из летних дней в институт заехал с каким-то высоким гостем первый секретарь обкома А.Ф. Пономарев показать наше заведение. Отозвав нас с ректором в сторону, он сказал буквально следующее. Мне неловко делать вам замечание сейчас и тем более публично на совещаниях, поэтому я хочу задать вам обоим один вопрос: ладно Иван Иванович Мирошниченко из интеллигентной семьи, а ты же, обращаясь ко мне, из крестьян. Неужели в тебе угасли все крестьянские инстинкты и желания, почему так плохо помогаете в косовице, а ведь мы надеемся на вас. Меня этот укор пронял, словно громовой удар, тем более я каждый год с самого детства помогал отцу косить и убирать вручную сено и отаву, любил это дело и относился к нему с душой.

Словом, в тот же день был продуман комплексный план действий, кардинально меняющий всё целеполагание и технологию организации. Неделью мы готовили инвентарь, транспорт, работу комбината питания в полевых условиях, учили новичков косить траву на прилегающих к институту участках, а также налаживать и точить косы, продумывали все до мелочей. Взять ту же погрузку травы на машину. Этого никто делать не умел, и как их не перевязывали, ездили они полупустыми.

Стоило показать крестьянскую технологию раскладки сена по краям арбы или машины с притоптыванием и трамбовкой специального слоя посредине, который зажимал края и связывал все укладочные слои в целостную устойчивую конструкцию, как тут же отпала необходимость в веревках и тросах, а производительность машин увеличилась в четыре-пять раз. Так прорабатывались все важнейшие детали предстоящего дела. Мероприятие было названо днем здоровья.

Четко и организованно собрав тысячу сотрудников института, живших по всему городу, мы уже в четыре часа утра окружили заранее подготовленную огромную пойму и приступили к косовице. Рядом с мужчинами работали женщины, которые вручную выносили траву на доступные транспорту места. Замечательная природа, свежий утренний воздух, приподнятое настроение сразу же изменили отношение людей.

Повсюду звучала музыка, песни и радостное общение. Неформально было организовано и соревнование на специальные призы между факультетами и подразделениями. Уже к одиннадцати часам основной покос был сделан, оставалась только погрузка. Все по-крестьянски, все ранком, ибо косить по жаре только животы рвать, издревне гласила деревенская мудрость.

Когда после напряженной косовицы я поднялся на возвышенность, чтобы отдышаться, перед взором предстала невероятная по масштабам и яркости картина коллективного труда не в тягость, а в радость. Такое зрелище невозможно было наблюдать даже в мои детские годы. И только внутреннее знание давало возможность увидеть за всем этим процессом серьезное планирование и организацию, причем, без совещаний, протоколов, отчетов, графиков и других никому ненужных бумаг и отвлечений людей от дела. Был только один план в виде социально-технологического алгоритма действий каждого, кто имел непосредственное отношение к делу. И ни одного прокола.

Характерно, что во время вкусного обеда, в котором полевая кухня гармонично соединила и приятное ощущение коллективизма, и заботу именно партийного руководства, многие люди стали выражать благодарность организаторам такого трудного, но полезного дня здоровья. Вдвойне радостным было известие и о конечном результате коллективного выезда – триста тонн качественной травы. Регулярно посещающий завод травяной муки председатель облисполкома Н.А. Сурков не сразу поверил в такой рекордный показатель дня и решил убедиться на месте. Глядя на очищенную огромную пойму, он воскликнул: слизали как масло, – молодцы!

По его просьбе пришлось поделиться опытом перед участниками очередного большого совещания, где после моего предложения отменить все сборы, заседания и собрания хотя бы на летний период зал буквально взорвался шквалом аплодисментов. Дружно хлопали и руководители области и города, но выйти из совещательно-пьянящей зависимости они были не в состоянии. Гигантская машина перераспределения материальных, энергетических и людских ресурсов для элементарной показухи набирала еще больший инерционный ход и катила под откос всю страну. А каким было социальное самочувствие людей, в том числе тех, кто трудился на номенклатурных должностях?

Содержание ответа носит такой же противоречивый и разнонаправленный характер, как и название данного параграфа. С одной стороны, советские люди, в том числе и руководящие работники, понимали, что это никуда не годится – думать каждому о куске хлеба, мясе, масле и молоке в такой богатой стране, что весь этот дефицит, талонизация – это всё ненормально и так дальше жить нельзя, должны происходить перемены не к худшему, а к лучшему. С другой, – они ви-

дели и слышали своих вождей перестройки, их энергичные обещания и рассуждения о планах и возможных результатах их достижения.

Несмотря на недоверие, на пошатнувшееся в сторону от дороги в светлое будущее сознание, наши люди в то же время оставляли в его отсеках надежду и, видя какие-то конкретные, результативные действия, плюс лично участвуя в созидательных и нередко успешных мероприятиях, продолжали радоваться жизни и верить в то, что всё нормализуется и будет хорошо. О том, что за это ещё надо и поборотся, не думал практически никто. С таким народом можно было горы свернуть и сделать любые толковые реформы, но этого делать не хотели и не умели верхи.

3. Мой незадачливый поход в политику

Прежде чем возвратиться к личной встрече с Е.К. Лигачевым, следует дать несколько пояснений по сложившейся на тот момент политической ситуации. Партия, по сути разделенная на две составляющие ее части – номенклатурную, руководящую, то есть партию власти, и остальные партийные массы, где основной тон стали задавать коммунисты советской богемы из числа ученых, писателей, артистов, художников, врачей и других представителей интеллигенции, которую упорно продолжали именовать ставшим уже догматическим словом «прослойка». Перестроечный котел так бы и попыхивал периодически вылетающими клубами пара, но в его топку стали подливать горячие смеси целые партийные организации.

Да не какие-нибудь, а в Московской высшей партийной школе во главе с ректором В.И. Шостаковским, ряде академических институтов и вузов, НИИ и предприятий, образовавших «Демократическую платформу». Суть ее позиции была предельно ясной и простой – устранить из партии диктат и большевистскую сущность, превратив ее в социал-демократическую современную политическую структуру по образцу многих зарубежных партий, добившихся несравненно более высоких результатов по качеству жизни людей, чем это было в СССР.

Отсюда и требование в политике: демократические выборы на всех уровнях, разделение и сменяемость властей, независимые суды и гражданское общество; в экономике – возрождение НЭП на базе института частной собственности и рыночных отношений. И все это мирным путем с использованием в данном направлении мощнейшего организационного и пропагандистского ресурса партии.

И это была пусть во многом и неуверенная, но надежда на выход из кризисного тупика и общества, и самой партии. В чем была ее историческая драма и наступающая агония? На наш взгляд, с одной стороны, в ощущении внутренней силы и мощи и в полном параличе

идей и их воздействия на реальную жизнь общества, с другой. Есть такое выражение – сила в бессилии.

Однако подавляющая часть номенклатуры думала по-другому. Она чувствовала только свою силу. Не слышала и не хотела слышать голос истории и нового времени. Сплотившись вокруг Е.К. Лигачева и других руководителей страны, большевики последнего призыва повели решительное наступление на демократические проявления в партии. Их особенно раздражало то, что они резко активизировались на Белгородчине, где демократическую платформу приняла вначале партийная организация нашего института, одна из крупнейших в регионе, затем ее поддержали десятки других, что вызвало тревогу в руководящих кругах. Развернулась открытая политическая полемика, острота которой выходила на наш институт и на меня лично. Вольно, не вольно я втянулся в политическую борьбу, которая является главным инструментом достижения власти, о чем поначалу я даже не думал, попав в достаточно мутный и резвый поток политики.

Но за меня подумали другие. После индивидуальных дружеских бесед, заманчивых предложений и вначале умеренных, специально организуемых нападков на меня в публичном пространстве, в бой вступила тяжелая артиллерия. Нет, нельзя сказать, что последний в своей высшей партийной карьере визит в регион Е. К. Лигачев посвящал разгрому меня и моих единомышленников. В плане у него было все, как и положено: встречи в трудовых коллективах, поездки, посещения. Неизменным оставался их порядок и содержание. Все заранее подготовлено, расписано, согласовано, подметено, подкрашено и убрано. Уйма охраны, оцеплений, сопровождений, перекрытий улиц и всякой другой суеты.

По традиции собрали партийный актив области, где на всякий случай предложили заранее выступить и мне. Выслушав из непрерываемых уст критические стрелы в свой адрес пока только с намеками на предательство и дела партии, и Родины, я не без волнения сразу после Е.К. Лигачева поднялся на трибуну. Зал замер в ожидании никем ранее немислимого и тем более никогда невидимого действия – открытого противостояния секретаря парткома института и секретаря ЦК КПСС, второго человека в партии. Переставив к себе от председательствующего микрофон, Егор Кузьмич сразу же обозначил дальнейший сценарий и его главных действующих лиц. Он с уверенной доброжелательностью предложил мне высказаться откровенно, не стесняясь, пообещал внимательно выслушать и тоже еще раз выразить свою точку зрения по всем разногласиям вместе с присутствующими.

Зная, что подготовлены захлопывания, выкрики и возмущения в мой адрес, я с облегчением принял тактику полемического противостояния лицом к лицу. Уже после первых моих реплик и обращений к

уважаемому высокопоставленному оппоненту, тот, чувствовалось, сразу же пожалел о своем несколько рискованном предложении по форме диалога. Его выбивали из привычной, довлеющей над всеми, колеи мои опорные точки в примерах конкретного парадоксального бытия, когда слова говорятя одни, а дела делаются другие. Почему, например, вы говорите о достигнутой демократии и волеизъявлении коммунистов и беспартийных, а вас выдвигают в делегаты съезда одновременно, прямо в разгар весеннего сева, на партсобраниях в десятках колхозов и совхозов пяти районов области делегаты съезда партии. Неужели в этот день у людей не было более важного дела? Зачем это делается, кому это надо? И так дальше по аналогичным примерам показухи.

Изменившись в лице, Е.К. Лигачев с несколько затухающим напором попытался вывести дискуссию на более глобальные проблемы. Мол, поднимаемые мною вопросы – мелкие, несущественные, их можно легко исправить. А вот как страну спасти, которую раскачали такие люди как вы, молодые, задорные, но много еще не понимающие? Нас ниспровергать и критиковать легко, – продолжал он, – а вот делом заниматься, порядок наводить мало желающих. Кругом одна болтология, – молниеносно контратаковал он старым, испытанным приемом с применением патриотического привкуса, который всегда выражается в одном: все, что делает власть, это за народ, за страну, а все, кто ее критикует, кто с ней не согласен, те – пятая колонна, льющая воду на мельницу врага.

Мне захотелось саркастически воскликнуть «Да здравствует товарищ Сталин!», но я сдержанно ответил: видимо, нелегко все вышесказанное исправить, если за пять лет перестройки не исправили. Людям надоели показушные мероприятия, ваши многочисленные эскорты и единодушные одобрения на бумаге. Как можно спасти страну, в которой часть ее людей во время проливного дождя красит заборы, готовясь к вашему приезду. В села, куда вас везут, предварительно направляют гинекологов и стоматологов, коих там отродясь не было и больше не будет. Разве можно такими методами управлять, – переходя рамки приличия в отношении старшего, – резал правду-матку я, за что и получил неотвратимый контрудар. С укоризной указывая мне на то, что я в сыновья ему гожусь, а позволяю себе такое неуважительное отношение, гость несколько упрочил свою полемическую позицию.

Мне пришлось искренне извиниться и предложить закончить дискуссию. Дело в том, что я не верил ни одному слову перестроечной прессы, дискредитировавшей Е.К. Лигачева как пособника коррупции, теневой экономики, включая нашумевшее узбекское дело. Нет, я спорил с порядочным, чистым и несмотря на семидесятилетний возраст, очень энергичным человеком, верившим в те идеалы, которым он посвятил свою жизнь. Его внутренней драмой было то, что он счи-

тал главными средствами их достижения силу, принуждение и убеждение, правда, уже как подспорье.

Он прошел суровое время, где обращение к словам свобода, право и права, побуждение, мотивация и демократия в практическом смысле было зазорным и даже опасным. И потому считал и продолжал считать написанные сто пятьдесят лет назад в Европе догмы абсолютно верными и навсегда пригодными для жизни. Глядя на то, как он искренне переживает, можно было убедиться в его готовности бороться за свои убеждения до конца. Хмурые лица партийных соратников в зале такой готовности не демонстрировали. Наоборот, многие из них недоумевали, зачем был устроен этот спектакль? Не проще ли было задавить такого оппонента как я, и дело с концом.

Еще более удрученным оказался вид у первого секретаря обкома А.Ф. Пономарева, который готов был всегда мобилизовывать всех и вся с яростью штыковой атаки и вести на косовицу травы, уборку овощей и фруктов, чтобы обеспечить продуктами питания народ. Ему и в голову не приходило, что это можно было делать спокойно, без внеэкономического принуждения. Естественно, для него происходящее было пустой болтовней, опасной для того привычного и нескончаемого озадачивания, которое уже десятки лет заливало демагогией всю нашу жизнь и работу.

Незадолго до этого он встречался с нашими учеными. После традиционного шумового экстаза мы спокойно пили чай и умиротворенно беседовали. И надо же мне было внести одно опрометчивое предложение: нужно взять циркуль, обвести вокруг областных центров круги радиусом десять-пятнадцать километров, а райцентров – один-два километра, провести коммуникации и выделить по пятнадцать-двадцать соток земли под застройку индивидуальными домами. И мы забудем про все эти мобилизации, и, как во всем мире, не будем знать, каким способом эти фрукты и овощи растут и попадают на прилавки.

Будучи очень эмоциональным, он резко вскочил, словно ошпаренный кипятком и выдал такую угрожающую тираду о неизбежном голоде, что высказанная реформация мне самому тут же показалась враждебной народу. Лет через десять, когда все как раз так и получилось в жизни, и кругом кипело строительство домов, во время одной из встреч в ответ на мое напоминание об этом красноречивом факте он задумчиво ответил – поживем, увидим. Было понятно, что он уже не считал себя единственным кормильцем и поильцем страны...

Неожиданно согласившись со мной, Е.К. Лигачев закончил заседание, попрощался с его участниками, а меня попросил остаться в зале для продолжения дискуссии, которая проходила теперь без микрофонов в окружении плотного кольца охраны и его партийных соратников. Я был один, хотя в глазах некоторых присутствующих видел

сочувствие и одобрение в свой адрес. Характер разговора был сумбурным, и со стороны, особенно, когда мы вышли на улицу, как мне потом сказали, напоминал ссору двух мужчин, готовых перейти к мордобою. Хотя на самом деле никто никого не обижал и не оскорблял.

Тут прослеживалась явно неравновесная социология. С одной стороны, один из лидеров страны, человек, сошедший с портрета, привыкший только к ведущему, доминирующему положению, при котором никогда не было отрицательных издержек, и вынужденно поставивший себя добровольно в условно равное позиционирование с тем, кто, с другой стороны, тоже был человеком самостоятельным, явно не робким, но годами приученным к сверхзаданному послушанию и дисциплине и знавшим не понаслышке, какие могут быть последствия в случае нарушения священных правил номенклатурной субординации. Такая сногшибательная метаморфоза и явилась главным генератором и самовозбудителем столь необычной сцены.

Признаться, в тот момент я не думал ни о себе, ни о своей семье, был всецело поглощен отстаиванием своих идей и убеждений до такой степени, будто от этого зависела судьба страны и всего мира. Хотя на самом деле она уже давно зависела совсем от других факторов. И даже, когда случился настораживающий курьез, я не стал оглядываться назад. В какой-то момент, поняв, что не может сломить моего упорства, Е.К. Лигачев обратился вопросительно к А.Ф. Пономареву – что нам с ним делать? На мгновение установилась тишина, и в ней откуда-то раздался голос: убрать его надо. Нет, он нам нужен пока живым, – в не очень удачной запальчивости ответил высокий гость.

Чтобы как-то разрядить ситуацию и завершить не совсем приятное зрелище, на которое уже стали собираться толпы прохожих, оттесняемые охраной, хозяин области взял нас за руки, буквально как детей, и предложил поехать в баню и там продолжить беседу в более дружеской обстановке. Но высокий руководитель, не обращая внимания на просьбу, внезапно спросил меня: а по какой кафедре я являюсь доцентом? Услышав, что по научному коммунизму, он еще сильнее побагровел и озвучил целый монолог возмущения по данному поводу.

Затем последовал диалог, напрочь лишенный даже малейших правил номенклатурного приличия: вы что, не верите в коммунизм? Не верю. Почему, ведь он же научный? Нет, теперь я уверен точно, что он не научный и не практический, он просто надуманный и об этом уже знают все, кто способен мыслить. После паузы изумления на лице высокого гостя я не очень спокойно и уверенно пригласил его завтра приехать в институт и на занятиях по научному коммунизму рассказать студентам о преимуществах развитого социализма над капитализмом.

При этом, мы не будем отменять уже назначенную по графику выдачу талонов на мыло и зубную пасту, – безжалостно ударил я по большому месту приглашаемого. И если студенты после занятия на экспресс-опросе анонимно ответят, что верят в коммунизм, я готов публично извиниться, положить на стол все свои дипломы и пойти косить траву для животноводства, там у меня получается лучше. Внутренне я приготовился к любому развитию ситуации.

Однако после небольшого раздумья гость нашёл выход из положения и вдруг примирительно сказал: а что, перед студентами выступить можно и нужно, вот только завтра, а это последний день моей рабочей поездки, мы будем заниматься полностью экономикой. Вернее, проблемами внеэкономического принуждения и внепланового перераспределения, – внезапно сорвалось с моего зловредного языка, заточенного в тот момент на неуступчивую дискуссию.

Изрядно уставший от эмоционального перенапряжения руководитель партии, сделавший мне и до этого много замечаний и упреков, неожиданно спросил, а можно вам сделать еще одно замечание и тут же продолжил: вот вы все отрицаете, все очерняете, что сделали кровью и потом ваши родители, все старшие поколения, а вот что можете предложить лично вы, что вы можете сделать лучше нас? Подумайте, мой вам совет, хорошо подумайте и постарайтесь выйти из своих заблуждений, – на прощание сказал мне привычно бодрым голосом собеседник и крепко пожал руку.

В ту же секунду я почувствовал себя самым подавленным и бесильным существом на белом свете. На меня абсолютно не действовали всяческие одобрения, поддержки и подбадривания окруживших и возбужденно идущих рядом со мной коллег, товарищей, знакомых и незнакомых людей. Молодец, ты выиграл, ты победил, – раздавались радостные возгласы. Кого победил?, – обреченно спросил я, – все мы уже побежденные. Видя мое настроение, люди постепенно расходились, кто-то проводил меня до дома. Внутри у меня что-то оборвалось, а душу и разум внезапно заполнила какая-то иссушающая пустота. Весь окружающий мир казался бессмысленным и безнадежным.

Это был глубокий мировоззренческий кризис, разлом, в котором утрачивалось все достигнутое и важное, все самое дорогое и близкое, а все самое ценное вдруг превращалось в ничего не стоящее, бесполезное. И не было в те минуты никакой гуманитарной науки, способной инструментально зафиксировать, понять и обобщить те процессы, которые происходили в моем сознании, восприятии и чувствах. Как не было и той силы, которая смогла бы остановить и подчинить меня своему воздействию.

4. Прощаясь с прошлым, не прощаешься с собой, а лишь ждешь новых вызовов времени

Уже утром следующего дня отчаянное бессилие сменилось жадной деятельностью. Вскоро мы собрали совместное заседание ученого совета и парткома института и отменили преподавание научного коммунизма в нашем вузе, также закрыли соответствующую кафедру. Как и советовал Е.К. Лигачев, взамен надо было предлагать что-то более ценное и полезное. И началась наша новая жизнь со спуска с заоблачных высот научного коммунизма на грешную землю социальных технологий. Это было сродни ночному прыжку с парашютом на незнакомую местность, где нас ждали только одни препятствия и никакой поддержки.

Тут же последовали нападки и давление. Как и положено, в основном оно сконцентрировалось на мне. Отбиваясь возможными способами, мне к тому же приходилось вести активную политическую жизнь, участвовать в выборах, много выступать и т.д. Делом заниматься было некогда. Все чаще возникал вопрос, зачем я занимаюсь политикой, если сама мысль об участии во власти вызывала у меня тошнотворную реакцию? И бросить эту затею оказалось не так просто. Мешали люди, которые мне поверили и пошли вместе против партийной власти. Они и уговорили меня испробовать последний шанс на XXVIII съезде КПСС, делегатов которого выбирали в обстановке демократии, но под руководством партаппарата.

Номенклатурные уловки мне хорошо были известны, но тем не менее пришлось сразу же удивиться их неисчерпаемым инновационным возможностям. Меня распределили на округ, объединяющий парторганизации КГБ, Управления внутренних дел, школы милиции, судов, прокуратуры, тюрьмы, отдела юстиции и различных органов управления. А оппонентом выдвинули начальника КГБ генерала Ю.В. Власова, который уже на первой встрече предупредил, что он несгибаемый ленинец и стоит на позициях Е.К. Лигачева. Симпатичный и порядочный человек, он тут же почувствовал, что на каждом предвыборном собрании, где бы оно не проводилось, основное внимание сосредотачивается на мне, и попросил для себя отдельных встреч.

Заволновался и партаппарат. Голосование-то тайное, а тут еще и моя не в меру молодая и резвая группа поддержки начала оглашать результаты своих социологических экспресс-опросов избирателей, которые мало чем могли порадовать и без того раздосадованных контролеров, коим было строжайше предписано любой ценой не допустить таких как я к съезду. И не допустили. Вначале был объявлен ничейный результат по округу, а уже на областной конференции во время захлопывания моего выступления я сам решительно закрыл эту

страницу. Мои последние слова по просьбе председательствующего А.Ф. Пономарева зал выслушал в гробовой тишине.

С укором было сказано следующее: вот вы меня захлопываете, не хотите услышать, а напрасно. Скоро не будет ни таких конференций, ни вас в качестве делегатов, ни самой партии. До свидания. Покидать зал пришлось в плотных проходах тут же объявленного перерыва. Многие уважаемые люди, а это была элита области, кто глазами, кто словом или рукопожатием поддерживали меня, но я уже не нуждался ни в какой поддержке, я покидал политику навсегда. Покидал с каким-то странным внутренним шумом в голове, который многие годы проявлялся во мне, а, возможно, не затухает и до сих пор. Особенно в ходе новых контактов и встреч, происходящих событий.

Так, будучи ректором университета, на открытии нашего нового наноцентра я встретил сына Е.К. Лигачева, известного профессора физики, который, по словам знающих его коллег, целый год в начале девяностых кормил свою семью и помогал родителям за счет коммерческой деятельности во внеурочное время – расклеивал по придорожным столбам рекламные листы, приспособив для этого свой жигуленок. Выходит, не оставил никаких записок ни себе, ни детям их знаменитый отец.

Зато оставил о себе добрую память у томичей, которыми руководил многие годы. Когда вскорости мне пришлось побывать в Томске, воочию убедился в уважительном и добром отношении людей к этому человеку. Мои нарочитые, с чисто социологической надобностью намеки на негатив сразу же пресекались утверждениями о том, что это был руководитель, которого не везде и не всегда можно встретить в других местах.

Аналогичная ситуация наблюдалась мною и в Екатеринбурге по отношению к Б.Н. Ельцину и к памяти о нем. Слова наш земляк, первый Президент России произносились там с особым выражением доброжелательности. Если воспоминания, то только положительные. Вот так расставляет история свои акценты. Два бывших авторитетных руководителя регионов, близких товарища, ставших на крутом изломе непримиримыми оппонентами, даже в далекой от порядочности и удачливости партии сумели оставить добрый след у своих земляков.

На упрек оппонента, не пора ли закруглять исторические аспекты, сделаем это на последующих страницах текста. Сейчас же надо продолжить описание событий минувших лет. Тем более образовавшаяся в тот период компартия России во главе с И.К. Полозковым сразу же повела бескомпромиссную борьбу с инакомыслием. Его носители должны быть незамедлительно дискредитированы, наказаны, исключены и т.д. На партийный эшафот повели и меня, чему я в общем-то не противился.

Неожиданно последовал вызов первого секретаря обкома А.Ф. Пономарева. В его кабинете я стал свидетелем весьма раздраженного разговора с одним из заместителей председателя облисполкома по открытой связи. Тема – заготовка кормов и работа, а точнее постоянные простои завода травяной муки. Взыскательные упреки и замечания следовали одно за другим. Их и без того сложные взаимоотношения вот-вот могли окончательно испортиться. Недоброжелательно сверкнув пронзительным взглядом, хозяин кабинета тут же не преминул упрекнуть и меня. Вот был у нас настоящий косарь и тот пошел в демократы ляды точить. У меня здесь Леонид Яковлевич из технолога.

Неожиданно вклинившись, отвечающий за сельское хозяйство товарищ тут же внес вежливую поправку в оценку ситуации. Нет, они молодцы, по-прежнему косят лучше всех и свой план уже выполнили, что положительно повлияло и на тональность завершающегося разговора и на последующее общение со мной. Заглянув в какие-то сводки, он вызвал на такую же связь первого секретаря горкома И.И. Кравцова, моего давнего товарища и теперешнего оппонента. Вначале последовал диалог: что у вас там по технологу? Все приготовили к исключению из партии. Леонид Яковлевич ведет себя дерзко и самоуверенно, позиций своих не меняет. А сколько он накопил сена? Сейчас посмотрю сводку. Да, вот, они уже план выполнили. А на сколько процентов город выполнил? На десять процентов?

Далее последовал взрывной монолог, непередаваемый по смыслу и содержанию. Запомнились только слова: вы кого собрались исключать? Не лучше ли вам начать с себя, все равно толку с вас никакого. Таких, как он, надо поднимать на щит благодарности и почета, чтобы с него брали пример другие. Когда смолкла финальная и самая высокая нота этой привычной рапсодии, я полушутливо сказал: так если меня поставить в пример, то вся городская парторганизация войдет в демплатформу. Не забудем, на дворе был июль 1990 года.

Ладно тебе, – дружески остановил меня персек. – Ты лучше скажи мне прямо, по-мужски, тебя действительно Ельцин и Хасбулатов готовят на мое место? Далее он встал и, показывая на пустое кресло, с нескрываемым раздражением сказал: так садись, я за него не держусь, тем более, оно все больше напоминает горячую сковороду. Мне многие люди говорили, что на моем лице можно прочитать практически все и почти всегда – такая типологизация.

И на сей раз внимательный глаз хозяина кабинета увидел на нем такое изумление, что невольно расслабился. Наоборот, я полностью завязал с политикой, создаю новую кафедру социальных технологий, планирую заниматься бизнесом. На моих последних словах он вдруг взволнованно обнял меня и произнес – спасибо! Я верю в твою порядочность, хотя мне о тебе докладывают и нашептывают такое! Раз-

говор он закончил приглашением всегда звонить, заходить к нему и полагаться на его поддержку и помощь в любых обстоятельствах.

Таким образом у меня оказалось возможным не в принудительном порядке, а свободно распрощаться со своим партийно-политическим прошлым, что было принципиально важным. Оно оказалось парадоксальным. Вскоре я вышел из рядов компартии России, в которую собственно и не вступал, тем более не разделял ее политику. Так была поставлена точка на противоречивом, сложном пути мировоззренческого восхождения, разбившегося вдребезги от неотвратимо наступившего раздвоения. Теперь я уходил от него, заодно покидая и класс номенклатуры, всеми силами стараясь обрести новые смыслы и новые навыки жизни. Хватит ли времени уйти окончательно?

Итак, у меня больше нет никаких обременений и долгожданная свобода выбора действий, казалось бы, подобно посеянному в удобренную почву зернышку должна давать новые всходы и ожидаемый урожай. Но не тут-то было. Выше уже отмечалась сложнейшая морально-психологическая напряженность того в общем-то почти смутного времени. Всеобщая раздражительность, недовольство и конфликтность обострили межличностные и внутриколлективные отношения. Резкое падение уровня жизни, нестабильность во всех сферах общества на индивидуальном уровне больше предрасполагали не к инновационно-созидательным мотивациям, а к поиску виноватых, возмущению и недовольству у одних и захвату более выгодных позиций, всего, что плохо лежит, – у других. Третьи, просто выжидали.

Неслучайно, в техническом вузе под раздачу попали обществоведы, которые занимали особое по сравнению с другими преподавателями положение. Далеко не все, но многие из них непосредственно входили в партийную номенклатуру, где каждого брали на особый учет и утверждали на бюро соответствующих комитетов партии. А чем выше номенклатурный уровень, тем больше полагалось особых привилегий, коими в ту пору считались машины, путевки, пайки и т.д.

Когда меня, например, в 1988 году после выступления в институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС пригласили туда на работу старшим научным сотрудником, то беседовавший со мной руководитель сразу же подчеркнул мое обязательное утверждение на Секретариате ЦК КПСС, немедленное выделение квартиры и прикрепление к кремлевской клинике, паек, бесплатные путевки и т.д.

К тому времени такой социализм для своих меня больше угнетал своей обреченностью, чем радовал, да и саму Москву я рассматривал как антигород антижизни. Меня больше вдохновляли выходные дни и отпуска в родной деревне, где приходилось пасти коров и овец, ухаживать за пчелиными ульями и дышать их живительным, лечебным ароматом. Помогать родителям в уборке сена и овощей. Здесь мои мысли

сливались с просторами полей и лесов, наполнялись свежестью и особым колоритом. Я учился разговаривать с животными и птицами, и мне казалось, нередко мы понимали друг друга лучше, чем люди.

На фоне сильно действующего заземления, наполняющего мощной биоэнергетической подпиткой весь организм и очищающего сознание и чувства, совершенно невыносимыми становились всякого рода многочасовые заседания, совещания, собрания, суетливые очереди, пробки и другие атрибуты городской жизни. И мой отказ от заманчивых столичных прелестей был совершенно естественным.

Конечно, на местах льгот было меньше, но само участие обществоведов в обучении и переподготовке кадров с высоких партийных трибун, в лекторской и пропагандистской работе, во-первых, вознаграждалось материально, а, во-вторых, делало возможным устанавливать личные контакты с высшими номенклатурными руководителями и получать от них необходимую помощь в решении жизненных проблем. Словом, кто был на виду и проявлял активность, тот мог рассчитывать на свое нормальное по тем скромным меркам обустройство.

К тому же, в каждом вузе, независимо от профиля существовали советы по общественным наукам во главе с ректором, которые занимались вопросами их преподавания, кадрового и методического обеспечения. Никто другой к данному направлению даже притрагиваться не мог. На одном из заседаний ученого совета института кто-то из деканов высказал замечание по программе курса заведующему кафедрой истории КПСС, который тут же парировал – это не ко мне, программа утверждена Центральным Комитетом партии.

Председательствующий ректор красноречиво усилил ответ. Больше такого слышать не приходилось никогда, хотя уже шла перестройка. А ритуал огромных совещаний заведующих кафедрами общественных наук страны, где мне приходилось присутствовать, которые регулярно проводились в Кремле с участием членов Политбюро ЦК после каждого съезда партии? Разве он не накладывал отпечаток священной коровы на нашу особость? Ведь ничего подобного с другими категориями вузовских кафедр не было даже в мыслях руководителей страны.

И вот долгожданная свобода от идеологических оков. Тут же раздались открытые призывы ликвидировать полностью преподавание любых гуманитарных наук за ненадобностью, а высвободившиеся часы поделить между выпускающими кафедрами. Буквально взрыв негодования вызвал сам термин «социальные технологии». Идентичное название кафедры несколько раз обсуждалось на заседаниях ученого совета института и успешно баллотировалось.

Вы присваиваете чисто техническое понятие и присоединяете к своей болтологии, чтобы как-то выжить; вы крадете его у нас; для подготовки специалистов такое искусственное слияние крайне вредно,

ибо оно вызывает только путаницу; социальные технологии – это просто смесь бульдога с носорогом. Такие и еще более жесткие обвинения в наш адрес постоянно сопровождали малоприятную дискуссию.

Меня просили и уговаривали отступить и сменить название, но я как исполняющий обязанности заведующего кафедрой стоял на своем и продолжал упорно и настойчиво разяснять суть нового предмета. Аргументов было много, но не было ни одного такого прецедента в СССР, никто не имел такого опыта, не было его и у меня. Я терпел одно поражение за другим. Однажды, разгорячившись, вместе с доводами об актуальности технологизации всей жизнедеятельности общества, формирования у специалистов социально-технологической культуры, повернулся к одному профессору-технологу и спросил: вы согласны с тем, что у каждого человека, в том числе у меня и у вас, должен быть внутренний инжиниринг, а это и есть социальная технология, которая соединит нас с техникой?!

Уважаемый, годящийся мне в отцы ученый, с искренним удивлением ответил вопросом – так вы и слово инженер у нас отнимаете? Он ведь тоже изучал научный коммунизм и слово инжиниринг, возможно слышал в первый раз. Под саркастические усмешки мои отчаянные попытки рассказать о своей встрече с болгарским социологом Н. Стефановым во время прохождения докторантуры в Москве, который еще двадцать лет тому назад написал первую в соцстранах монографию по социальным технологиям, о другом зарубежном опыте и о том, что мы постараемся сделать наш предмет гордостью технологического института, выглядели жалкими, маловоспринимаемыми риторическими упражнениями.

Решающее значение в переломе ситуации мы придавали международной научно-практической конференции по существу, многообразию форм и внедрению социальных технологий, на которую съехались свыше тысячи участников со всех концов Советского Союза и зарубежных стран. Самой крупной и представительной была делегация США в составе двенадцати человек. Это был первый, обстоятельно подготовленный и крупный форум по данной проблематике, вызвавший неподдельный интерес в широких научных кругах. Мы стали не просто пионерами интересного социально-технологического проекта, но и вполне узнаваемыми в среде специалистов. В ту раздраиную пору таких конференций уже никто не проводил.

Решающую поддержку нам оказали Комитет по делам молодежи Верховного Совета СССР и руководство области во главе с А.Ф. Пономаревым. Когда я к нему обратился с просьбой помочь в размещении и транспортировке многочисленных участников, – их съехалось около тысячи человек, – он сразу же сам изъявил желание присутствовать и выступить с докладом. После моего предупреждения о том, что

мероприятие деполитизированное и деидеологизированное, на нем не будет даже намеков о партийном руководстве как решающем условии любого успеха, спокойно сказал, что как раз это он и хочет послушать. Запомнилась встреча американской делегации с большой группой руководителей самых крупных предприятий и объединений области, которую организовал и лично провел А.Ф. Пономарев.

Порядок ведения на ней соответствовал целеполаганию. Каждый руководитель должен был кратко презентовать свое предприятие и сформулировать предложение по сотрудничеству с американской стороной. Один за другим они делали это на вполне солидном уровне, привычно употребляя выражения «большой цех», «много-мало», «дорого-дешево», «далеко, не очень далеко» и т.д. Американцы, постепенно теряя способность к дипломатической улыбке, все время терпеливо уточняли, а что означает та или иная оценка конкретно, потом уже более сухо спрашивали: большой цех это от Белгорода до Москвы? Когда же один профессор спросил выступающего гендиректора объединения, есть ли у них бизнес-план и тот, замешкавшись, ответил что, вообще-то, у нас план определяет Министерство, все дружно засмеялись. Наш смех был с горьковатым привкусом.

Подводя итоги встречи, А.Ф. Пономарев отошел от традиции словоохотливых заключений и в суровой манере сказал: пусть для всех, кто сегодня присутствует здесь, это будет поучительным историческим уроком. Он забыл или не знал – из истории можно извлечь только один урок, что ее уроки ничему не учат.

Меня он попросил поработать над конкретными предложениями с учетом приглашения нашей делегации в штат Кентукки по сотрудничеству с ним. Впоследствии, после двух моих поездок в США, проведенных там десятков переговоров и встреч, в том числе с губернатором, мэрами городов, была спроектирована социальная технология прямых региональных рынков, но ее реализация утонула в наступившем водовороте развалов, кризисов и перемен к худшему в нашей многострадальной стране.

5. Тернии и лавры на пути первой в СССР кафедры социальных технологий

Ничего хорошего не происходило и с нашим кафедральным проектом. Ему всячески мешали, препятствовали и перегораживали дороги. Накануне выборов на ученом совете заведующим кафедрой меня предупредили по-хорошему сдать позицию, иначе забаллотировать, что и было сделано в ходе очень напряженной неуступчивой дискуссии. Ректорату, видно, надоело мое упорство, а может возникли какие-то

другие соображения, но в дополнение была организована попытка еще и раскола кафедры. То есть, выражаясь современным языком, осуществлен небольшой местечковый Майдан.

Присутствовавшие на заседании кафедры ректор И.И. Мирошниченко и проректор А.А. Толбатов сделали ставку на приезжего и еще необустроенного профессора философии, но не рассчитали ни свои, ни его силы. Будучи весьма прилично подготовленным теоретически претендент на избираемую должность не сумел подтвердить свои практические возможности к управлению, а вскоре свой импичмент, будто по заказу, на конференции трудового коллектива института получили и его излишне самоуверенные руководители.

Меня в связи с этим поражает один факт – неосмотрительное поведение приезжающих из других регионов людей. Много лет наблюдаю и не могу понять, почему они, вначале не зная обстановки, всех социальных связей и взаимосвязей на новом месте работы, а впоследствии и хорошо владея ситуацией, при первой же возможности, не особо задумываясь, начинают использовать тактику расталкивания локтями, идут на конфликты ради своего утверждения, упрочения положения. Ладно бы это касалось мелочных, злобных и мстительных характеров, рано или поздно они все равно приводят к фиаско их носителей, но ведь сколько примеров, когда скромные и даже застенчивые на вид люди, не успев получить поддержку со стороны, сразу же бросаются в бой и впоследствии все равно терпят поражение.

Почему-то их не останавливают ни недостаток профессионализма, ни то, что их просто используют, а, самое главное, уже доказанное жизнью правило: на захваченном у другого силой и интригами никогда не бывает ни счастья, ни успеха и ждет только один конец – потеря своего здоровья и утрата аморально достигнутого. Может в таких случаях становится непреодолимым доминирование инстинкта самосохранения, в том числе над морально-этическими ценностями и даже над здравым смыслом? В науке ответа пока нет, да и возможен ли он?

Отказавшись от выборов и с учетом патовости ситуации, я продолжал управлять кафедрой, которая сплотилась вокруг моей амбициозной и очень конкретной программы своего развития. Одну за другой мы выполняли хоздоговорные темы, на кафедре была организована на средства моего бизнеса хозрасчетная научная лаборатория, материально стимулирующая напряженнейшую работу ее сотрудников, которые буквально с колес разрабатывали совершенно новые, не имеющие аналогов учебные планы и программы, лекции и практические занятия, сами проектировали и внедряли новые социальные технологии.

И никаких обид ни на кого. Двигались только вперед и нацеливались только на достижение результата, который сам по себе был социально-технологическим. Перед глазами все время стояли знаме-

нитые строки А.А. Ахматовой: ни единого удара не оттолкнули от себя. Напротив, все удары отталкивались от нас и, судя по всему, никакая сила остановить нас уже не могла.

Освоить новый курс основ социальных технологий было очень сложно прежде всего для преподавателей, но значительно труднее оказалось внедрить спецкурсы по выбору. Фактически такими они были не только для студентов, но и для самих нас. Никому ничего не навязывалось, не поручалось. Каждый выбирал себе их добровольно, в соответствии со своими знаниями и предпочтениями. Такое же требование относилось и к методике преподавания. Необычными были и критерии. Наряду с качеством знаний важным становилось и количество изучивших его студентов. Это конкретно показывало его рейтинг и степень выживаемости.

Все программы удалось представить для ознакомления и выбора их студентами за три месяца до занятий. Социальные технологии деловых, политических, экономических, семейно-брачных, межнациональных отношений, ведения переговоров, регулирования конфликтов и другие спецкурсы были включены в расписание. Для удобства нам выделили аудитории на площадке одного этажа. Распределение по стихийно сложившимся группам оказалось на удивление равномерным. Ожидалось и определенное их перераспределение. Но то, что произошло в самом начале занятий, меня поразило и озадачило.

Выйдя на первый перерыв, студенты тут же рейтинговали все наши спецкурсы и начали броуновское движение по определению себя в наиболее интересные из них. Уже к третьему занятию моя аудитория была переполненной, число студентов утроилось и продолжало увеличиваться. Ядром своего спецкурса я выбрал технологию делового успеха. И это, безусловно, вызвало повышенный интерес. Любое теоретическое положение мною в обязательном порядке усиливалось и закреплялось живыми примерами из моего управленческого и предпринимательского опыта. Особый колорит добавляли примеры и наблюдения, извлеченные из поездок в США.

Посетив ряд занятий своих коллег в изрядно опустевших аудиториях, сразу же понял – они губят дело привычным теоретизированием. Студенты это отторгали и молча занимались подготовкой лабораторных и других работ для последующих занятий. Они отделяли себя от происходящего, а преподаватель практически вел занятия сам для себя. Ситуация оказалась патовой. Что-то нужно было срочно предпринимать, но что конкретно я был бессилён понять. Вернее, было ясно, что нужна кардинальная переподготовка каждого, но где, как и кто это делает, представить было в ту пору невозможно.

Хорошим профессионалам не хватало того, что было спасением и их самих, и всего обществоведческого дела. Конечно, они это понима-

ли и без моих пожеланий. Но где им можно было взять так нужный в ту пору новый опыт? В теории научного коммунизма, где все было ведущим, оставалось только безропотно идти, куда тебя поведут? А тут совсем другие приоритеты – вариативный прогноз оценки ситуаций, самостоятельный выбор способов действий и принятия решений, регуляция и саморегуляция, риски и нововведения. Одно целеполагание как индивидуальная социальная операция чего стоит, ни тебе партийных программ, ни задач, ни команд сверху.

Преодолевая трудности, шаг за шагом мы все же продвигали социальные технологии и двигались сами вперед. Мозговые штурмы, споры и дискуссии не утихали на кафедре ни на один день. Набирала обороты издательская деятельность. И все это самостоятельно, на заработанные деньги центра социальных технологий, никого не спрашивая и ни у кого не выпрашивая разрешений, согласований и прочей бюрократической бутафории. Все под свою ответственность. Свобода была для нас самой главной мотивацией и движущей силой наших поступков. Причем, свобода не что-то урвать, присвоить себе, стать над другими, а именно свобода действовать, созидать и делать инновации с чистого листа. Для любого человека такое состояние души дорогого стоит.

Если что мы и захватывали, так это все больше новой работы. Возникла идея, и мы тут же разработали профиограмму, учебный план и программы по специальности «социальная работа», которую мне удалось представить руководству Правительства РФ. К нам подключились ряд московских вузов и после совещания у вице-президента страны А.В. Руцкого в России началась подготовка столь нужных специалистов. Так зарождалось социологическое и в более широком смысле социальное образование на Белгородчине.

Вскоре, благодаря усилиям всей кафедры были защищены одними из первых в стране две докторских диссертации по социальным технологиям, а в 1994 году создан под моим председательством диссертационный совет по социологии управления и духовной жизни. Тогда еще можно было привлекать в его состав кандидатов наук и мне на удивление самому себе и другим коллегам удалось его утвердить в Высшей Аттестационной Комиссии РФ. В институте в то время был только один диссертационный совет – по химии и тот бездействовал из-за отсутствия соискателей, науку опустили до минусовой отметки. У нас же процесс пошел по нарастающей, активно заработала аспирантура.

Для меня до сих пор остается загадкой, почему в момент жесточайшего кризиса молодые люди отдают предпочтение именно гуманитарному образованию, а не инженерно-технологическому, в чем здесь причина? Социологи ряда научных учреждений проводили полевые исследования данной проблемы, выявили много факторов, влияющих на такой выбор молодежи, но за кадром остался, как мне кажется,

один, самый необъяснимый и парадоксальный, – внутреннее малопопулярное и интуитивное стремление молодых людей и прежде всего их родителей к самоспасению через познание самих себя, окружающих людей и социальной действительности.

Это самое сложное, трудоемкое и труднодостижимое целеполагание для каждого человека, он невольно и, как правило, часто старается обходить стороной такие трудности, экономит и расходует силы на другое, более важное. И только огромные общественные разломы побуждают его повернуться к самому себе. Но это лишь схематичное предположение, требующее фундаментальных исследований, – заранее согласимся с мнением оппонента.

В общем, когда новый ректор В.А. Ивахнюк при моем очередном избрании сказал, что кафедра социальных технологий дает почти половину всех объемов науки технологического института стройматериалов, что само по себе было не просто непривычным, а абсолютно выходило за грани реального в условиях технического вуза и того плачевного положения, в котором оказались обществоведческие кафедры, наступила напряженная пауза. Тайное голосование было хоть и красноречиво молчаливым со стороны членов ученого совета, но единогласным. Наши нововведения стали становиться практикой жизни.

Шли годы, менялась обстановка, с нею приспособлялись, а затем изменялись и сами люди, но у многих из них не исчезло их извечное стремление к господству над другими и, как следствие, к их угнетению. Выше мы уже подчеркивали, что вместо классической когорты угнетателей в лице капиталистов и помещиков на смену пришел класс номенклатуры, бюрократии всех мастей и уровней, которая быстро приспособила общенародную собственность под свои нужды и продолжила управление ею и людьми с позиции господства.

С первых дней приватизации в обществе резко обострились отношения собственности, внутри них все чаще стали проявляться конфликты, причем, с неожиданных сторон взаимодействия их субъектов. В начале все сотрудники института из наиболее активной ее части регистрировали свои малые предприятия, включая его на 10-20 процентов в качестве соучредителя, надеясь на поддержку, особенно в начальный период своего становления. Соответственно государственному институту также предполагалась отдача и помощь со стороны предпринимательских структур. Однако в жизни эта незамысловатая формула претерпевала такие деформации на неформальном уровне, что вскоре была порушена.

Все дело в том, что руководители института поддерживали только те структуры, в которых были аффилированы их личные интересы, на всю их деятельность распространялся только зеленый свет и всевозможные коммунальные блага за счет государства, разумеется. На остальных же обрушился такой режим бюрократических ограниче-

ний, согласований, визирований, разрешений, что организация даже простой командировки превращалась в сплошной ад. Любое перечисление денег сопровождалось длительными хождениями по сановным кабинетам, объяснениями и бумагами.

Представьте себе хоть на минуту следующую ситуацию – обращаюсь я за помощью прежде всего к оппоненту. Вам нужно что-то приобрести для бизнеса. Вы готовите варианты, сопоставляете цены, продумываете покупки, потом за одну секунду принимаете решение, еще несколько минут уходит на подготовку платежки и процесс начинается свое результативное продвижение. Но это в идеале. На практике же вы должны написать бумагу, где все обосновать и прибыть к курирующему вас проректору, чтобы последний наложил свою резолюцию.

Увидев в его приемной очередь из таких же как вы субъектов бизнеса, занимаете ее и терпеливо ждете, теряя драгоценное и улетаящее в безвозвратные дали время. Хорошо, если его не позвали на какое-либо совещание, и вы все же попадаете в кабинет, за чистым, без единой бумажки столом которого вас встречает человек со взыскательным взглядом и помыслами, далекими от тягостных размышлений, как вам помочь, упростить и облегчить условия бизнеса. Нет, он с ощущением важности своей функции начинает поиск всяких объяснений, оправданий и сомнений.

И все бы можно было вынести, дело-то привычное, если бы он подписал вашу бумагу. Но сановник с сожалением объявляет, что такое разрешение может дать только ректор. И уже по пути в еще большую приемную и новую очередь ты снова ощущаешь себя не свободным ученым-предпринимателем, а обыкновенным советским человеком, попавшим в привычный замкнутый круг. Еще должен и порадоваться удаче, если высокий руководитель даст соответствующее разрешение.

А если он в силу только ему понятных мотиваций, которые вам пока не ясны, отправит вас на уточнение или перепроверку представленных обоснований, а заодно и на более скорое усвоение рациональных и неформальных способов разрешения всех вопросов делового взаимодействия. Тут уже в окончательный разлад рабочего настроения внесут свой вклад начальники отделов, представители бухгалтерии, перед взором которых ты будешь чувствовать себя виноватым уже только за появление и пребывание на грешной земле.

Такие мытарства можно было выдержать не больше года, и мы по одному и целыми группами стали освобождаться от институтской, околোগосударственной опеки. Меня тут же вежливо предупредили, что это мой первый звонок в известную дверь. Вторым оказалось мое письмо ректорату с просьбой распределить учрежденные теперь фактически моим центром социальных технологий стипендии лучшим студентам и аспирантам, наиболее отличившимся в учебной и науч-

ной работе. Распределили их по-тихому, незаметно, давая мне понять, что такие действия надо заранее согласовывать и не работать только на собственный имидж, но цели унижения достигли. Нажали хоть и на то, над чем я даже не задумывался, потому что уже давно вычеркнул себя из всех политических списков, борющихся за право попадания в различные уровни власти, а следовательно и за свой имидж.

Потому и совершил третью, более суровую ошибку – выделил за счет собственной прибыли пять квартир сотрудникам кафедры и сиротской студенческой семье. Немедленно последовал вызов к ректору, где произошел диалог следующего содержания, характеризующий отношения собственности и власти того периода. Вы продолжаете унижать мое достоинство как руководителя вуза. Недавно вы выделили квартиры без моего согласования.

А как я должен был поступить? Вы должны были передать эти квартиры ректорату, а мы бы их распределили. Помилуйте, но это мой чисто попечительский жест поддержки именно института и вашей администрации, который больше заслуживает благодарности, а не упрека, тем более, что у нас в институте еще не было, насколько мне известно, таких примеров и случаев ни на одной кафедре. Объясните, в чем я не прав?

Моя попытка перехвата диалоговой инициативы тут же была опрокинута опытным полемистом. Посмотрите на свою визитную карточку, что там написано – Белгородский институт строительных материалов. Это означает, что предъявляя ее, вы свой бизнес позиционируете от имени института, который вам создает имидж, помогает зарабатывать деньги и т.д. Уязвленный столь неожиданными упреками я сразу же парировал: такой процесс нельзя рассматривать односторонне.

Всё это было созвучно недавним возмущениям номенклатурных коллег на тему: сколько тебе партия сделала, а ты выступил против и бросил ее. Мысль о том, что сделано для партии с моей стороны, конечно же, у них не возникала. Это относилось к любому человеку, так как партия – превыше всего. Винтик он и есть винтик, другому подходу их не учили. Но об этом мне невольно подумалось, вслух же пришлось сказать другое.

Разве моя работа в бизнесе не приносит пользы университету, тем более что он носит научный характер внедрения нами разработанных проектов, разве моя репутация не влияет на имидж института? Ответ еще больше отдалил наши позиции друг от друга: институт и ваша работа – это разные, несопоставимые величины. Еще раз подчеркиваю: перестаньте унижать меня как руководителя и сделайте выводы из нашей беседы.

Читателю нетрудно понять, что в данном случае столкнулись два мировоззрения, две противоположные позиции по отношению к

собственности и вытекающей из них свободы действий каждого человека. Первый, будучи советским номенклатурным руководителем, вынес из прошлого привычку рассматривать государственный объект управления как личную собственность, служащую нередко прежде всего своим интересам, все держать в своих руках, над всеми господствовать, все контролировать и продолжал использовать привычный административный ресурс в новых условиях, когда он стал не только номенклатурной сутью, а еще и госприложением и проявлением немалой свободы действий для своей выгоды.

Когда через полгода после избрания его на должность ректора он мне доверительно показал свой недавно построенный коттедж и попросил его продать своим дольщикам, мне сразу же стало ясно, с кем приходится иметь дело. Не знаю, на кого он был оформлен, но без всяких сомнений, это был результат именно использования служебного положения или как классифицируется в юриспруденции – его злоупотреблением. Но это не столь важно. Главное, в ту пору коттедж прочно утвердился в качестве важнейшего признака состоятельности и авторитета любого номенклатурного руководителя. Еще лучше, если один построенный дом продавался, а строился другой, третий и так далее по возможности. Модные еще с советских времен постройки в этих целях гаражей отодвигались на второй план. Теперь стремительным оборотом наступала эпоха большого хапка и нарастающего количества хапуг.

Второй, то есть моя персона, тоже являлся воспитанником номенклатуры, но как и многие другие был свободен от таких мотиваций и действий, без всякой приватизации и принимательства все старался делать с опорой на собственные интеллектуальные и организационные возможности и, безусловно, не позволял над собой никакого диктата. Как водится, в таких случаях пострадало дело, ибо и раньше и теперь, к большому сожалению, победа доставалась и достается только первым. Вторым уготовано поражение. И чем дольше такая тенденция будет сохраняться, тем менее успешным будет путь нашей страны к созданию в ней цивилизованного гражданского общества.

Атаковали нас не сразу и не в лоб, а с внимательным дознанием, слежкой, интригами. Били по диссертационному совету, который я возглавлял, а там всегда можно найти за что наказать. Вначале взялись за ведущего профессора кафедры, который ранее при выборах ректора даже не выступил против, а просто воздержался на голосовании, за что тут же был зачислен в черные списки. Но, если тогда мне удалось его отстоять при выборах на должность профессора и выделении квартиры, то на сей раз его увольнение оказалось неизбежным. Без особых аргументаций закрыли и наш диссертационный совет. Как мне сказали в ВАКе, там всегда рассматривали письма ректоров только об откры-

тии диссоветов и впервые в жизни столкнулись с просьбой именно нашего ректора закрыть такой совет во вверенном ему институте.

Теперь ближний бой навязывался мне, но я его не принял и перешел на работу в БелГУ, где и продолжилось наше интересное и весьма продуктивное дело со своими успехами и неудачами, поддержками и микромайданами. Здесь была открыта кафедра социальных технологий и возобновлена работа диссертационного совета под моим руководством. Особенно важным начинанием стала профессиональная подготовка кадров социологов, социальных работников и управленцев. Меня не удивило то, что те, кто активно отстаивал и сам работал по социально-технологической программе в технологическом институте, строго по команде единогласно проголосовали вскорости за отсечение от нее и утверждение других предпочтений. Тут ничего не поделаешь, далеко не у всех людей и не всегда есть собственный выбор. Несвобода – она и есть несвобода.

Поразило другое. Лет через десять моя бывшая соратница передала мне свою книгу, где описываемые выше события выглядят, мягко выражаясь, со знаком наоборот. Любопытную характеристику она дала мне при выборах заведующим кафедрой: вот как организатор – да, а как интеллектуал – нет. И проголосовала в единственном числе против меня, что не помешало ей позднее сделать вид, что ничего особенного не произошло. Естественно, в интересах дела я никогда не уточнял, включает ли она в критерии интеллекта человека результативность его жизнедеятельности или оставляет ее за скобками своей диагностики.

Тем более, почти всем присутствующим было ясно, что столь «корректное» высказывание больше отражало ее собственную высокую самооценку, непонятную ни родной кафедре философии, которую она была вынуждена незадолго до этого покинуть и спешно записаться в социальные технологи, ни самой себе.

Как тут не вспомнить об актуальности проблемы истории сегодняшнего дня, которую здесь и сейчас творит каждый человек, оставляя в памяти сделанное и тем самым определяя границы масштабов и возможностей своей личности. И сколько есть людей на Земле, столько есть и вариантов исторического отражения этой, можно сказать, аксиомы.

6. Белгородский государственный национальный исследовательский университет – моя социальная технология и судьба

Но в ту пору мне было не до исторических уточнений, меня занимала теперь только одна, ставшая главной социальной технология под названием Белгородский государственный университет. Её продумы-

вание, проектирование и внедрение полностью захватили и поглотили все мои жизненные ресурсы, став важнейшей частью моей судьбы.

Но вернёмся к началу. Неожиданно для себя и окружающих мною было принято непростое предложение руководства области баллотироваться на выборах ректора нового строящегося университета. Далось оно мне нелегко и далеко не сразу. Скажем откровенно, на чашах весов стояло два выбора: первый – это продолжение уже устоявшейся свободной и достаточно комфортной жизни небезуспешного предпринимателя, в которой выделялось сравнительно скромное место науке как занятию исключительно для души без каких-либо служебных и престижных амбиций; второй – это давно снятый с жизненной повестки вопрос о карьере крупного руководителя, управляющего многотысячным коллективом государственного учреждения с многоканальным включением во властную вертикаль.

Мне шёл пятьдесят третий год, впрягаться надо было на два пятилетних срока, так как один для управленческого воздействия на такой крупномасштабный проект был явно недостаточным даже для казалось бы натренированного в многостаночной работе специалиста, каким можно было представить меня. Основным препятствием был мой порывистый и резкий характер, не терпящий над собой диктата и давления и ориентированный в большей мере на самостоятельные действия.

Добавим к этому повышенную склонность к самоанализу, вплоть до мелких деталей бытия, помножим на традиционный набор недостатков, и сразу же невооруженным глазом обнаружили серьёзные риски и для меня, и для дела, которое предстояло возглавить. К согласию перевалило только осознание исторической миссии нового университета и имеющийся жизненный опыт разностороннего управления людьми, в том числе при самостоятельном создании новых предприятий и научных структур, что называется, с чистого листа.

Возможно ли в кризисной обстановке заброшенности и третьестепенности образования и науки собрать и запустить на опережающее развитие крупный современный университет? Этот вопрос был для меня основополагающим, и ответить на него можно было только через поиск новых подходов и принципов, стратегии и тактики управления на основе нетрадиционных и наиболее эффективных способов, выходящих за привычные рамки, обеспечивающих гарантированный и уверенный переход БелГУ в новое качество. Нужно было встряхнуть и себя, и весь коллектив, настроить на достижение конкретных ориентиров. Люди должны были поверить в то, что недостижимое может стать реальностью, результатом их труда.

Главной инновацией стал социально-технологический подход, включающий в себя такие операции, как: диагностика, целеполагание, вариативный прогноз развития ситуаций, выработка решений, выбор

способов действий и партнеров, регуляция и саморегуляция, контроль и самоконтроль, определение рисков и конкретной результирующей, через которые прошло каждое направление работы вуза. Любое решение, каждый свой шаг я сверял с этим самоорганизуемым алгоритмом.

Положение было крайне сложным. С одной стороны, большая часть коллектива вошла в новые корпуса на улице Победы, построенные областным руководством за деньги белгородцев, что создало приподнятое настроение, а с другой – площадка была недостроенной, нужно было одновременно проектировать, строить и реконструировать более десяти крупных объектов. И, самое главное, всё это брать в свои руки, делать самостоятельно.

Денег не было даже на зарплату, не говоря о долгах за коммуналку и строителям, которые превышали годовой объем внебюджета. Даже собранная за три года вперед плата со студентов-контрактников была уже потрачена за шесть месяцев, так как их количество ограничивалось законом, и они в основном заполняли бурно развивающиеся частные вузы и всевозможные филиалы государственных образовательных учреждений.

Сам университет за пять лет только частично оформился в классический, оставаясь по сути педагогическим. Нужно было создавать научную и социальную инфраструктуру, а главное – мотивировать людей на то, чтобы даже в сложнейших условиях кризиса они поверили, что есть ресурсы для самоорганизации и саморазвития.

Помню, в первые дни собрал всех докторов наук, объяснил грустную, убогую ситуацию и предложил нестандартные решения по резкой активизации научной деятельности. Её алгоритм определялся очень просто и доступно для понимания и реализации. Коль наука никому не нужна, деньги на неё не выделяются, то сами ученые находят по профильным направлениям организации, учреждения, фирмы и бесплатно предлагают им разработать и внедрить свои проекты. Заявки на финансирование дают ректорату, который в свою очередь выделяет под них гранты. Из 50 докторов наук в такой очевидный обещательный фантом поверили только 8, многие приняли это за очередные мечтания начальства, которые вскоре должны уйти в небытие сами по себе.

Но когда мы по ним выполнили свои обязанности, процесс быстро начал набирать обороты. Заработали мотивационные программы адресной поддержки учёных, в том числе молодых аспирантов и докторантов, приглашения целых научных коллективов и отдельных ученых, в том числе из-за рубежа, с предоставлением квартир и оснащенных лабораторий.

Примечательно, что ознакомившись с нашей программой в интернете, работники Минобрнауки с тревогой стали интересоваться у нас, кто мог сделать против университета такую провокацию. Они просто

не могли поверить в реальность задуманного. Да и в коллективе не менее двух лет задавался один и тот же недоверчивый вопрос – не за счет ли наших зарплат расходуются деньги на стройку и науку? Нашими ответами были конкретные дела и поступки, в том числе и рискованные в условиях запутанного законодательства.

Например, возникшую дилемму: соблюдать или нарушить по существу антигосударственный, антисоциальный закон с высокой коррупционной составляющей об ограничениях внебюджетного приема абитуриентов, мы без колебаний решили в пользу развития университета. Даже при угрозе отстранения ректора от должности были сняты все преграды на поступление желающих учиться в нашем вузе на контрактной основе, что позволило сразу же удвоить, а через 10 лет в 25 раз, то есть, более чем до полумиллиарда рублей, увеличить накопление внебюджетного фонда. К нашему облегчению, уже через год был отменён и пресловутый закон.

Но денег катастрофически не хватало. За что ни возьмись, все было первоочередным и важным. Областное руководство сразу же предупредило, что деньги будут выделяться только на завершение строительства комплекса на улице Победы. На все остальное – зарплату, жилье, науку, социальную помощь, реконструкцию, ремонты и коммунальное содержание надо зарабатывать самим или добиваться выделения из бюджета. Особо подчеркнём: внебюджетный фонд на 80 и более процентов расходовался на повышение заработной платы, остальные примерно 20 процентов расходовались на коммунальные услуги, так как бюджетных денег выделялось только на половину потребностей, а также на социальный пакет. Никаких ремонтов за счет внебюджетных средств не производилось, кроме особых аварийных случаев. Вплоть до 2012 года ремонт вёлся только за бюджетные средства.

Уже с первых дней было развернуто широкомасштабное попечительское движение. На факультетах проведены родительские и студенческие собрания, где были приняты решения о добровольной и многообразной помощи строящемуся вузу.

Её суть была очень простой и понятной каждому: тем, у кого в университете учились или собирались учиться дети, предлагалось совершить душевный порыв и перечислить возможную сумму средств в фонд его развития. При этом никакого давления и принуждения не допускалось. Народный университет строился на народные деньги. И этот процесс поддерживался изнутри самими попечителями, передававшими из уст в уста информацию о проявленном благородстве. За многих перечисляли предприятия и организации.

В свою очередь студентов мы попросили от имени ученого совета включиться в распространение сувенирной продукции с эмблемой БелГУ и высоким потребительским спросом. Откликнулись более 90 про-

центов. По всей стране расходились коробки конфет, майки, кепки, блокноты, ручки и кружки, побуждая школьников взглянуть в интернете не только на московские вузы, но и на новый провинциальный университет, а потом и поступить в него на учебу. К нам поехали не только группами, а целыми классами, особенно абитуриенты из северных регионов. А за людьми двинулись деньги, причем не только на создание вуза, но и на инвестиции в строительство жилья и развитие малого бизнеса в Белгороде. Заработал социальный конвейер, что заслуживает отдельного анализа.

К этому надо добавить, что за отчетное десятилетие университет выпустил 42 тысячи специалистов для подавляющего большинства сфер жизнедеятельности общества на сумму свыше 12 миллиардов рублей. Плюс привлек впервые за историю области инвестиции на поставку современного научного оборудования объемом 5 миллиардов рублей. И все это не считая опосредованной многомиллиардной отдачи выполненных научно-исследовательских и экспериментально-производственных работ, результатов внедрённых проектов, деятельности малых инвестиционных предприятий, создания около 2 тысяч новых, в основном наукоемких рабочих мест.

Словом, вложение областью свыше 2 миллиардов рублей в строительство университета окупилось многократно, в кратчайшие сроки, и эта рентабельность будет только наращаться и впредь. Тем самым подтверждая, что нигде и никогда в мире не было более эффективных в социально-экономическом отношении проектов, чем создание университетов. А вывод в одном из опубликованных официальных докладов о том, что областью университету заплачено за всё на 50 лет вперед, был явно ошибочным и некомпетентным, как и последовавшее затем сворачивание региональной поддержки его программ.

Уже через год работы руководство области меня предупредило: приоритеты меняются, базу вам хорошую создали, дальше развивайтесь самостоятельно. Все мои доводы о том, что построенные в основном за счет региона учебные корпуса это всего лишь минимум для начала работы университета, а его развитие требует значительно больших усилий и финансовых расходов, не учитывались.

Особенно непробиваемой стеной непонимания нашей позиции была наука. Не в открытую, а кулуарно мне откровенно подчеркивали: это дело не наше, а федерального центра. Пусть этим занимается Москва. Здесь явно сказывалось, с одной стороны, отсутствие у регионального руководства традиций и опыта руководства данной сферой, минимально представленной на Белгородчине, а с другой, – общая заброшенность науки в стране. Мы еще вернемся к более детальному анализу этой ситуации.

Здесь же выделим пять послевоенных этапов, характеризующих роль области в развитии нашего вуза, всегда находившегося на феде-

ральном финансировании. Первый этап характеризовался повышенным вниманием регионального руководства к решению всех проблем перебазировавшегося в 1954 году в Белгород тогдашнего педагогического института. На протяжении примерно 30 лет, вплоть до начала 90-х годов все его внимание было сосредоточено на строительстве новых учебных корпусов и общежитий. Удовлетворялась любая просьба по выделению квартир для ученых и преподавателей, создавался солидный педагогический кластер.

Далее была шестилетняя пауза, последовавшая вслед за развалом СССР. После потери белгородцами реальной возможности учиться в близлежащем Харькове, ставшим иностранным городом, на базе пединститута был создан государственный университет. Вскорости руководство области организовало попечительский совет во главе с губернатором Е.С. Савченко и специальный фонд развития БелГУ. Начался третий этап собирания теперь уже нового классического университета, который длился примерно четыре года. Под его нужды выделялись отдельные здания и земля, на базе недостроенного федерального завода по улице Победы проектировался и сооружался комплекс, ставший главной площадкой БелГУ. Для университета делалось все, что было возможным, и это поднимало его престиж и авторитет региона.

Однако первостепенное внимание и личное участие руководителей области вскоре после его открытия сменилось в сторону пользовательного вектора. Красивый фасад университета, благоустроенная территория радовали глаз и вызывали всеобщий интерес. К нам потянулись гости и делегации, которым показывали университетский комплекс, рассказывали, как он строился. Многим показалось, что это уже достигнутая высота и никак не хотелось думать о том, что за такой витриной больше не достатка, а острейших проблем, решать которые предстоит многократно более ёмкими затратами и усилиями, причем, на многие годы вперед. Ведь университеты собирались и собираются веками, они всегда были и остаются важными приоритетами развития регионов и государств.

Не успел я сесть в свое кресло, как получаю бумагу – надо вернуть здание детского сада под какую-то контору, хотя университет сам нуждался в нескольких заведениях такого профиля. Затем последовали отъезды других зданий и помещений. Заявленный на всю страну как подарок к открытию комплекса новый профессорский дом к моменту распределения квартир оказался почти наполовину заселенным посторонними жильцами. Возникшее недовольство людей пришлось нейтрализовывать известной русской поговоркой – дареному коню в зубы не смотрят.

Ни в одном регионе России, и ни в одной стране мира ни при каких обстоятельствах самых жестоких кризисов и войн не отбирались

здания или дома учителей, где должна проходить их постоянная переподготовка. В нашей области отобрали прекрасный, специально построенный в советское время комплекс института усовершенствования учителей и передали или продали таможне – не самой беспомощной службе. А учительский институт приткнули на верхних этажах старого корпуса нашего пединститута, где он теперь и ютится, аки воробей на ветке, с большими проблемами втискиваясь в и без того стесненную инфраструктуру университета.

Так проходил тоже примерно четыре года следующий, можно сказать, смешанный этап, когда наряду с вышесказанным, еще продолжали и строить, и помогать новому, большому делу. Но уже в начале 2007 года с высокой трибуны было объявлено о завершении университетского проекта, что вызвало большое удивление научной общественности, полагавшей, что идет только начальная стадия его развития. Ведь каждому мало-мальски сведущему специалисту было понятно, что университет требует не понижения в приоритетах своего развития, а наоборот – нарастающего внимания и оснащения.

После ряда изъятий помещений и земли в форме уже обмена федеральной и областной собственности БелГУ вошел в период по существу саморазвития, когда надеяться можно было только на свои силы и возможности. Тут уже огорчало не столько отсутствие реальной поддержки, а нередко возникающие факты торможения в реализации отдельных университетских начинаний.

Самым огорчительным было разрушение нашего инновационно-технологического центра на базе заброшенной площадки бывшего федерального завода электроконтактов, переданного в областную собственность, потом университету на условиях безвозмездного пользования, восстановления ее материальной базы и развития прикладной науки и производства. Не успели мы начать строительство наноцентра, как нас внезапно уведомили, что первый корпус, наш единственный кормилец, который полностью сдавался в аренду малым предприятиям, изъят и передан другим. Подсуетились перепродавцы. Этот класс никогда и никуда не опаздывал, где на готовом можно заработать деньги.

Кто это не учитывает, тот всегда проигрывает. Мы как раз-таки не учли, полагаясь, что уж остальное-то не тронут. Ошиблись – через два года, когда в строй действующих были введены экспериментально-внедренческий и производственные цеха, образовавшие вместе с наноцентром уникальную по научно-технологическим возможностям инновационную линейку высокого класса, в область прибыл «главный инноватор» с полномочиями превратить её в инновационный регион.

Когда он в моем кабинете показал престижный журнал с десятком его фотографий и интервью, в котором указывалось, что всё вышперечисленное создано под его руководством новым, два месяца назад обра-

зованным центром, уже и без его телефонного разговора – приглашения на работу из Москвы кого-то из «светил мирового уровня» со словами – здесь такие бабки, у меня есть все права и власть, после области мы пойдем дальше, – стало очевидным воспроизводство современного Остапа Бендера в компьютерной упаковке да еще и на нашу голову.

Отжимали и выдавливали университет с бизнес-площадки по полной программе, правда, с учетом двух взаимоисключающих факторов. С одной стороны, надо было как-то установить контроль над всем, что там было создано, а с другой, – не допустить закономерных возмущений и конфликтов с учеными и более того показать общественности, что затеянный погром это более значительный шаг вперед и более инновационная задумка на перспективу, чем усилия БелГУ. Как всегда, совещания, протоколы, шумовые эффекты в прессе, соответствующий настрой общественного мнения. Термины айти-технологии, креативщики, ноу-хау, трансфер технологий заволокли, казалось бы, всё управленческое пространство области.

А тут к осени 2008 года подоспело Всероссийское собрание научной общественности с участием первых лиц правительственных структур, ректоров и руководителей научно-исследовательских учреждений, которое решили провести именно на базе БелГУ с учетом опыта его развития. Наконец-то пришла пора встретиться с ведущими учеными и руководством области. Началась она с наступательно-бодрого вопроса: что мы можем у вас прямо сейчас и здесь купить из проектов, готовых к внедрению? Не ожидавшие такого обращения и сразу же почувствовавшие себя еще более лишними в этой жизни, участники встречи виновато опустили головы и молча ожидали дальнейшего развития ситуации.

На мои деликатные пояснения того, что во всем мире региональные власти любой страны вначале строят технопарки, оснащают их, а затем передают университетам для инкубирования научных разработок и через малые формы бизнеса внедрения в производство, а у нас с этим как раз и затруднения, – никто не обратил внимания. Говорить и напоминать о практике со знаком наоборот, происходящей здесь, было ни в коем случае нельзя, и все делали вид, что ничего не происходит. Закономерно воздержались даже от напоминания о той готовой научной продукции, которая была показана Президенту страны. Кто-то вкрадчиво меня дополнил, что средний срок такого процесса от зарождения идеи и до появления её материализованных результатов в руках потребителя составляет 15 лет. Разговор как вначале не заладился, так и не задался в конце. После него даже не последовало привычного протокола поручений.

Зато мне пришлось выслушать массу эмоциональных замечаний. Один из самых темпераментных коллег возмущался: не могу понять,

почему на университет смотрят как на лавку, куда стоит завезти товар, и тут же через несколько секунд можно начинать получать прибыль от его продажи. Или мы похожи на лавочников, или нами лавочники управляют. Даже Сталин и Берия во время встреч с учеными всегда прежде всего спрашивали, чего им не хватает, чем помочь и так далее. Другой с огорчением заметил: как можно одной рукой университет создавать, а другой не давать ему нормально развиваться.

Тем не менее Всероссийское мероприятие прошло успешно, и, разумеется, под знаком одобрения наших впечатляющих результатов, возможных только благодаря поддержке руководства области. Многие профессионально понимали, что это только начало очень сложной, противоречивой работы на перспективу, присылали потом к нам своих экспертов для более детального изучения опыта. Но основные сложности ждали нас впереди. «Главный инноватор» усиливал свой прессинг, открыто, без стеснений заявляя претензии на господство над тем, чем занимался университет и его ведущие ученые. Он требовал отчеты, проекты, начал вводить специальные пропуска, затеял финансовые тяжбы, добываясь высокой арендной платы за нами же отремонтированные и восстановленные помещения, манипулировал подачей воды и электроэнергии.

Дело дошло до того, что по специально спровоцированному сценарию и команде сверху с участием пожарных МЧС и местного телевидения зимой, прямо в стужу, во время занятий из помещений бизнес-центра были выставлены на улицу студенты факультета предпринимательства. По русской национальной традиции такое не позволяли себе делать с квартирантами даже самые капризные домохозяйки, дожидаясь тепла. Когда мне позвонил один из преподавателей и сообщил, что они со студентами двигаются на главную площадь города протестовать против произвола, пришлось запретить эту затею и даже саму публичность обсуждения данного эксцесса. Университет готовил заявку на первый тур конкурса по присвоению звания национального исследовательского с приличным дополнительным финансированием его программ, и конфликты нам были только в тягость.

Следует напомнить об общей обстановке в науке страны. Её третий Президент Д.А. Медведев выдвинул грандиозный проект создания нового научного центра «Сколково». Старая академическая наука, в том числе наукограда, считавшиеся мировой гордостью, показались ему бесперспективными. Словно по спецсигналу, в одночасье, со всех щелей повылазили многочисленные команды сомнительных энтузиастов креативного мышления. Мощнейшее, красивое русское слово творчество было напрочь вычищено из лексикона. Устремившись по регионам, они стали предлагать их руководителям различные рецепты того, как не отстать от центра инновационного притяжения. В ход

пошло все, в том числе старое и давно забытое, но переупакованное в новомодные термины.

Не успели мы отбиться от главного инноватора, исчезнувшего внезапно из области, как водится не с пустыми руками, тут же сюда десантируется команда во главе теперь уже с «главным методологом» России. Уже сам характер такого самопозиционирования вызывал необходимость медицинского внимания и соответствующего заключения. Опасаясь своей невыдержанности, я старался вместо себя посылать на многочисленные совещания с ними других представителей вуза, но пару раз по ошибке попадал-таки на весьма занимательное действо.

Представим ситуацию. В зале полтысячи руководителей со всей области, в президиуме все её руководство, за трибуной – «главный методолог» страны. Самоуверенно замешав крошку из смесей зарубежных вузовских пособий по проблемам делового успеха, проектного управления и элементарной теории познания с изрядным насыщением англосаксонской и латинской терминологией, он выдвигал одну за другой самые невероятные идеи. Где-нибудь на курсах повышения квалификации все это сочли бы за не совсем удачную лекцию, а тут такой набор амбициозностей, что один из рядом сидящих руководителей спросил у меня: что это за звание такое – «главный методолог» России, кто его присваивает и что оно означает?

После моего ответа – никто и нигде не присваивает, а означает оно то же самое, что и самоприсвоение вами лично самому себе, скажем, звания космонавт-исследователь, по рядам пошли пересмешки. Но работникам и ученым университета вскорости стало не до смеха – их снова в очередной раз втянули в ежедневные совещания, написание бесконечных проектов, программ, бизнес-планов, справок, отчетов, информации. Не понаслышке знаю, что любое шарлатанство наиболее ярко проявляется на словах – практическую же работу делают другие.

Чего только не напридумывала команда «главного методолога» – и солидарное общество, и социальные технологии, и брендовые проекты. Когда они пришли ко мне за поддержкой нашими учеными, то презентовали проект «Центра социальных технологий», созданного с их участием. На мое недоумение, что у нас уже есть центр с таким названием, и это, в общем-то, наша марка, они без смущения разъяснили: мы университету мешать не будем, тут главная наша опора – водоканал. Разработаем там социальную технологию и будем с каждого литра воды брать несколько копеек в порядке расчета. Пришлось резко завершить разговор выводом о том, что это отъем денег у населения, а не социальные технологии.

Вскорости мне стало известно о весьма емкой цене бурной деятельности столичных методологов. Её сопоставление, а точнее, не-

сопоставимость с теми деньгами, которые получили университетские молодые ученые, сделавшие практически всю организационно-исследовательскую и документально-оформительскую работу по формированию солидарного общества и другим проектам, заставили вспомнить одновременно и о рабовладельческом, и о феодальном, и о буржуазном обществах, не говоря уже об эксплуатации и угнетении. О бессмысленности таких затрат лучше даже не напоминать. К тому же в предыдущих разделах достаточно ясно показано, что без учета такого фундаментального компонента общественного устройства как собственность и её отношения невозможно решить ни одну социально-экономическую проблему. Поэтому о формировании солидарного общества в условиях отсутствия у большинства людей собственности, прихваченной его подавляющим меньшинством, можно в лучшем случае только пофарисействовать. Реально – это недостижимый фантом.

Однако все это показалось мелкой суетой по сравнению с главным, крупным проектом Белгородского аналога «Сколково», который с большой помпой был презентован на всех уровнях и во всех средствах массовой информации как инновационно-технологический «Аврора-парк». Накал заседательско-совещательной суеты, сопровождаемый бюрократическим бумагооборотом, достиг такого предела, что люди стали жаловаться на нехватку времени, отвлечение от своей главной работы. Создавалось огромное количество рабочих групп, комиссий, каждая из которых должна была выдвигать новые идеи и проекты. Еще не высохли чернила на проектах «главного инноватора», как этот прокол тут же был забыт, и начался новый раунд реанимации старой, неудавшейся задумки.

В социально-технологической теории есть одно положение, касающееся конкретных общественно-селективных процессов: каждый виток исторического развития, если он не учитывает конкретные условия и человеческий фактор, непременно продуцирует худшее, повторяет прошлые ошибки и заканчивается с отрицательными результатами, даже если предпринимаются самые значимые усилия и попытки сделать лучше.

В любом социально-селективном процессе главным определяющим и решающим фактором было, есть и будет не заимствование пусть даже наилучших и продвинутых самой жизнью образцов и результатов деятельности, а выращивание и саморазвитие. Особенно это характеризует научную сферу, где возвращение ученого может происходить десятки лет, пока он не достигнет конкретного результата в виде открытия, изобретения, обоснования теории и тем более внедрения её в практику. При этом не факт, что это будет сразу же признано и принято экспертами и производителями. Нередко даже научные

результаты будущих нобелевских лауреатов десятки лет отторгались и ждали своей востребованности.

Собственно, вся фундаментальная наука с точки зрения вложения в неё денег носит неопределённый характер их отдачи как непосредственно по объёмам затрат, так и по времени окупаемости. Но без нее не бывает прикладной науки, без внедрения достижений которой немыслимо никакое современное производство. В этой триаде заключается вся социально-технологическая динамика развития общества. Казалось бы, все понятно – финансирование начинать надо с первой – фундаментальной науки, но здесь нередко и случаются как раз сбои. Органы государственной власти, а за ними и бизнес с гораздо большим интересом поглядывают на заключительную, внедренческую фазу, откладывая расходы на чистую теорию на потом. Постепенно фундаментальные запасы знаний и теоретические заделы уменьшаются и исчезают совсем. Наступает застой с последующей регрессивной тенденцией. Надежда на то, что кто-то более богатый и дальновидный потратит деньги и обеспечит фундаментальные исследования может оказаться призрачной.

Так что, сколько не скачивай с компьютерных баз различных проектов и не авторизируй их, как свои собственные, причем за солидное лжеавторское вознаграждение, без профессионального подхода, грамотной экспертизы и тонких, самонастраивающихся механизмов управления, по устоявшимся шаблонам братья за решение научных проблем кому бы то ни было бессмысленно. Так вышло и с очередным показушным проектом. Вместо того, чтобы помочь университету, бьющемуся в одиночку с безденежьем, но постоянно наращивающему интеллектуальный и материально-технический потенциал и выигрывающему все более значимые и капиталоемкие гранты, немалые средства были направлены по существу на профанацию. По номенклатурной традиции их суммы и фамилии ответственных названы не были, хотя это могло бы заинтересовать налогоплательщиков.

Сурдометодологическая свеча внезапно погасла, затихли и шумные голоса московских псевдокреативщиков, исчез с информационных каналов так и не состоявшийся гигант белгородской инноватики. Местная «Аврора» и на сей раз выстрелила вхолостую, а научная общественность поглядывает в сторону разрекламированного «Сколково», откуда поступает все больше противоречивой информации. Ученые все чаще задаются грустным вопросом – неужели и наука стала объектом отмывания, откатов и распилов и не хотят верить в возможности такой реальности.

Как-то еще в начале ректорской карьеры я задумался над одной нарастающей тенденцией – перехода от одного качества отношения к новому вузу по принципу «Всё для университета!» к противополо-

ложному значению – «Всё от университета!». Было ясно, что такой амплитудный отскок из одной крайности в другую ничем хорошим не закончится. Нужно было безотлагательно создавать специальный алгоритм взаимодействия региона, его административных и хозяйственных структур и БелГУ. Написал обстоятельную записку на имя губернатора и договорился с ним о рассмотрении данного вопроса на заседании правительства области.

Руководящий работник администрации, получивший задание подготовить такое решение, сразу же у меня спросил, что имеется в виду под алгоритмом взаимодействия? Последовал мой ответ: это конкретные меры и процессуальные действия по определению готовности и обеспечению включенности каждого объекта жизнедеятельности и управления области, начиная от детсада и кончая областными департаментами и управлениями во взаимодействие с университетом и его структурами, направленное на достижение конкретных результатов организационно-кадровой, экономической, правоохранительной, производственной, экологической и других форм жизнеобеспечения и развития региона.

Без каких-либо признаков оптимизма собеседник досадливо заметил, что мы ставим очень сложную и трудновыполнимую задачу, и надо думать, как это сделать. Усилив позицию тем, что это не мы, а сама усложняющаяся жизнь ставит такую задачу, я подчеркнул наше стремление думать и готовить решение правительства вместе, в противном случае, все будет происходить по привычным схемам и просто через пень-колоду. Вопрос замыливали традиционными бюрократическими проволочками и затягиваниями по времени, пока, наконец, и не сняли его с повестки разяще-беспроектным тезисом: что тут слушать, будут нас поучать, мы им и так много сделали, – пусть работают. Не номенклатурное, слишком мудреное это понятие – алгоритм, привычнее и удобнее – задачи. На дворе был XXI век, а мы так и остались в XX и надеяться нужно было только на себя.

Но заработавшие механизмы саморазвития стали набирать обороты. Собранные около 600 миллионов рублей попечительских средств, что в переводе с учетом инфляционных проявлений тех лет означает сегодня сумму равную более 6 миллиардов рублей, способствовали решению исключительно важных задач собственными силами.

Причем, ни один попечитель, будь то родители, бизнес-структуры или студенты ни разу не предъявили никаких претензий. Даже многочисленные проверяющие, которых направляли те, кто не понаслышке знает, что любые общественные фонды в той или иной степени разворачиваются их создателями, не выявили ни одного нарушения. Буквально всякая копейка пошла на нужды университета и способствовала наращиванию стремительных темпов его развития, за что каждый попечитель заслуживает огромной благодарности.

Когда нас спрашивали, где вы собираетесь брать деньги на приглашение ученых, их обустройство, на целевую поддержку соискателей кандидатских и докторских степеней наук, ежегодное число которых достигало сотни и более, мы отвечали – нигде, они сами их принесут. И действительно, сотнями миллионов рублей пополнялась казна университета только за счет отчислений от научной деятельности, не говоря о зарплатах, командировках, стажировках и т.д. Деньги, вложенные в человеческий капитал, начали давать средства в саморазвитие вуза, превращались в решающий фактор достижения, казалось бы, недостижимого.

В целом за десять лет консолидированный бюджет университета вырос в 27 раз и достиг 2 миллиардов 750 миллионов рублей. Это позволило в 10 раз с 2200 до 22000 рублей увеличить среднюю заработную плату. И это главным образом из внебюджетного фонда. Ежемесячная сумма отчислений из него на зарплату выросла с 2,4 до 34 миллионов рублей, т.е. в 14 раз. Притом, что в сравнении с инфляцией рост этих показателей явно напоминает бег на месте, поддержание таких темпов, скажем, еще 10 лет может поднять ее до средневропейских значений.

Серьезным стимулом саморазвития вуза стал сформированный в первые годы социальный пакет, аналогов которому не было в подавляющем большинстве университетов не только страны, но и за её пределами. На него израсходовано около 2 миллиардов рублей. Прежде всего было построено самостоятельно два жилых дома и 20 отдельных квартир для приглашенных ведущих ученых и специалистов. Немыслимое ранее стало реальностью и позволило улучшить жилищные условия 250 семьям. В первоочередном порядке были осуществлены мероприятия по оказанию ежемесячной финансовой поддержки ветеранам, многодетным семьям. Введены выплаты по 10 тысяч рублей по случаю рождения каждого ребенка, а их число увеличилось в 5-6 раз и достигало 300 человек в максимальном значении за год. До 100 000 рублей были доведены стимулирующие выплаты соискателям, защитившим диссертации.

Особую радость вызвала забота администрации университета о летнем отдыхе. Ежегодно до 1500 преподавателей, сотрудников и студентов отдыхали за счет университета на черноморском побережье. Во время первого инспектирования базы отдыха меня поразило то, что для многих людей это было непривычным событием, они впервые в жизни увидели море, и это только усиливало желание превратить такое мероприятие в устойчивую оздоровительную традицию. С 2005 года начался проект страхования долголетия жизни, который охватил 1200 преподавателей и сотрудников, ставших победителями профессиональных конкурсов.

Весьма значимой инвестицией в человеческий капитал стало создание и осуществление в университете программы здоровьесберегающих технологий. На это была нацелена прежде всего имеющаяся спортивная база, приведенная в порядок, а также построенные за это время единственный и самый крупный в российском вузовском сообществе учебно-спортивный комплекс, конноспортивная школа и введенная в эксплуатацию университетская клиника, оснащенная самым современным медицинским оборудованием за счет программ развития науки. Весьма оригинальным и полезным оказалось создание в живописном сосновом лесу уникальной многопрофильной спортивно-оздоровительной базы, названной природным парком «Нежеголь».

На его многочисленных тенистых аллеях с фонтанами и водопадами, скульптурными композициями, спортивными площадками, пляжами и досуговыми рекреациями десятки тысяч сотрудников и студентов ежегодно проводят дни здоровья, отдыхают в выходные дни и в отпуск. Построенное здесь здание санатория на 600 мест с медицинским центром и инженерной инфраструктурой помешало нам отделать кризис. По его завершению в нем будут ежегодно отдыхать все ветераны и преподаватели, нуждающиеся в санаторно-курортном лечении.

В своей повседневной работе ректорат делал все возможное, а порой и невозможное, во многом непривычное для того, чтобы забота о людях была не просто словами, а зримым, конкретным делом, наполняющим их, несмотря на все сложности нашего противоречивого, разорванного времени, желанием и стремлением проявить себя, внести наибольший вклад в развитие вуза. И это оправдало наши надежды.

Молодой университет рос и преображался на глазах. И делали его наши люди с душой и верой в будущее. За 10 лет к вышеупомянутым объектам были построены ботанический сад с привлекательными архитектурно-планировочными зонами, семнадцатый и административно-хозяйственный корпус, два внутренних дворика, библиотека, астролидарный центр, зимний сад, здание Алексеевского филиала, центр нанотехнологий, включающий в себя здания научных лабораторий, экспериментально-внедренческие подразделения и производства, реконструированы и капитально отремонтированы здания теологического факультета и большинства помещений на улице Студенческая, включая общежития.

Особенно важным фактором явилось строительство нового общежития квартирного типа по ул. Победы на 1080 мест с помещениями института последипломного медицинского образования, кафе, тренажерного и танцевального залов, детских комнат. Нам также удалось добиться выделения более 500 миллионов рублей из госбюджетных средств на аналогичное общежитие, которое построено на старой площадке уже новой администрацией.

Все эти и многие другие беспрецедентные меры позволили за 10 лет почти в 3 раза увеличить число обучающихся, значительно укрепить кадровый состав преподавателей, доведя количество докторов наук с 49 до 235, кандидатов наук с 278 до 927. Были созданы институт государственного и муниципального управления, 8 новых факультетов, в том числе представляющих специализации и науку XXI века: компьютерных наук и телекоммуникаций, физический, бизнеса и сервиса, биолого-химический, геолого-географический, психологии, управления и предпринимательства, фармацевтический и журналистики.

Солидным социальным наполнением обогатилась жизнь университета с возрождением института кураторства на новой основе. Поводом послужил один трагический случай. Уже через несколько дней после вступления в должность ректора мне доложили, что покончила жизнь самоубийством студентка – отличница учебы, получавшая повышенную стипендию и отличавшаяся прилежностью поведения. Тут же выяснилось, что никто не может найти её родителей. Квартира этой семьи оказалась проданной, а отец и мать девочки попросту пьянствовали и бомжевали. Она, как могла, пыталась их спасти, кормила со своей стипендии, пока и не настал драматический финал. Вся информация для нас оказалась пост-фактум.

Мне стало понятно, что я, мои заместители и руководители факультетов на самом деле управляем многотысячным коллективом чисто условно, а точнее, мы руководим в общем-то большими массами, подразделениями, только не конкретными людьми с их судьбами, спецификой социального самочувствия и проблемами. Незамедлительно был создан новый алгоритм управления, основой которого определили технологию социального партнёрства и наставничества, а ее главными организаторами и исполнителями стали кураторы, которых назначили в каждую учебную группу.

Около 600 кураторов вошли в состав ректората, который раз в два месяца рассматривал самые разнообразные вопросы их работы и студенческой жизни, обобщал передовой опыт кураторства, обсуждал планы на текущую перспективу. Всех их мы оснастили ноутбуками, куда они разместили необходимую информацию о своих студентах, особенностях их поведения, возможных девиантных проявлениях, положении в семье. Многие сумели составить социальные паспорта групп и отдельных студентов. Они вовлекали их в различные культурные и спортивные мероприятия, благотворительные акции, заботились об их здоровье и настроении.

Непосредственное общение с ректором, высокий уровень коммуникаций, позволяющий в течение нескольких минут организовать любое дело, довести нужную информацию или обращение до каждого студента, оплата кураторского труда ежемесячно в 5 тысяч рублей,

двухуровневая оценка их деятельности – самими студентами и деканатами, произвели заметное положительное воздействие на подтянутость, сплоченность и мобильность всего коллектива университета. Управление вузом стало более конкретным и действенным, что повлияло на повышение корпоративной культуры сотрудников и студентов и темпы его развития.

Ключевым показателем, можно сказать, гордостью нашего университета является его научно-исследовательская деятельность. Ее стремительный, инновационный прорыв с малоприметного объема в 6,2 миллиона рублей за 2001 год до 1 миллиарда 63 миллионов рублей вместе с приобретенным научным оборудованием и 545 миллионов рублей без него в 2011 году, то есть соответственно в 170 и 86 раз больше, выглядят весьма впечатляюще. Такие результаты не предусматривались даже в самых смелых прогнозах. Это в несколько раз превышает суммарные показатели всех вузов области, хотя вначале мы в 2,5 раза отставали от технологического университета имени В.Г. Шухова.

Мог ли кто поверить, например, что созданный буквально с нуля факультет компьютерных наук под руководством профессоров Е.Г. Жиликова и С.П. Белова уже через 10 лет будучи оснащенным по последнему слову техники станет получать заказы по хоздоговорам на суммы, превышающие 300 миллионов рублей. Многих поражают впечатляющие темпы создания материально-технической базы и инфраструктуры, обеспечивающих идеальные условия для соединения науки с производством и развития целого ряда оригинальных кластеров нового технологического передела.

Уже притчей во языцех стало повторяемое бесчисленное количество раз требование о работе науки по заказам промышленности, особенно когда в 90-е годы оно в значительной степени разладилось. Но как это сделать в условиях останковки многих заводов и фабрик, а затем и постепенной деградации научной деятельности? Мы понимали, что в новом университете надо создавать и новую науку XXI века с соответствующей инфраструктурой, нацеленной на самые современные технологии производства.

Человечество начало осваивать наномир, и мы без особых колебаний в качестве главного направления выбрали нанотехнологии. Своими силами построили один из первых в стране наноцентр, закупили новейшее оборудование, в том числе мощный растровый микроскоп, какого в то время не было ни в одном университете России. А уже на них, как на наживку, стали приглашать ведущих ученых. Первым прибыл целый научный коллектив из Томска во главе с энергичным профессором Ю.Р. Колобовым.

Узнав о нашем социальном пакете, гарантированном обеспечении жильем и научной оснащенности, к нам потянулись учёные из дру-

гих регионов и даже те, кто покинул ведущие научные центры и саму страну в 90-е годы. Они возвращались из-за границы, только теперь уже в наш университет. Одна за другой создавались новые лаборатории, экспериментально-внедренческие и производственные цеха, малые научные предприятия, где как раз-таки и происходило искомое соединение научных и промышленных технологий, знания и практики. И все это с чистого листа. Чувствуя заботу, внимание и заинтересованность в их труде, люди готовы были горы свернуть, преодолеть любые трудности и препятствия.

Когда мы первыми в стране подготовили на лицензирование специальности по нанотехнологиям, в Министерстве это встретили с нескрываемым сарказмом и подчеркнули: до недавнего времени по разделу науки Белгородский регион был помечен прочерком, неужели у вас это возможно? Но ситуация стремительно менялась. И уже в 2007 году первые нанопродукты зарождающейся, невиданной доселе nanoотрасли мы показали прибывшему в университет Президенту РФ В.В. Путину.

Во время знакомства с профессором Р.О. Кайбышевым я спросил его, что больше всего поразило во время работы в Японии? Он подчеркнул – организация науки. Договорились, что будем использовать данный опыт. Взявшись за создание лаборатории механических свойств наноструктурных и жаропрочных материалов, Рустам Оскарович за несколько лет превратил ее в высокопродуктивное, инновационное подразделение университета, способное решать сложнейшие научно-технологические задачи. Вот итоги ее работы за 2015, кризисный, год. 31 сотрудник лаборатории, многие из которых выпускники нашего университета, запатентовали два десятка изобретений, два ноу-хау, выполнили объем научных исследований на сумму 64 миллиона рублей.

Причем, все по заказу производителей. Для котлов, турбин и трубопроводов ТЭЦ совместно с ЦНИИТ разработана и внедрена технология теплотехнической стали на основе дисперсного упрочнения наночастицами. По договору с фирмой «Брянский алюминий» выполнены работы по созданию высокопрочных алюминиевых композитов для автомобильной промышленности. Жаропрочные алюминиевые сплавы для компрессоров авиационных двигателей подготовлены к производству на Уфимском моторостроительном предприятии. Каменск-Уральский завод цветных металлов получает от наших нанотехнологов высокопрочную бронзу для контактного провода высокоскоростных железнодорожных магистралей.

Вспоминаются и примеры, далекие от японской идиллии безукоризненной поддержки ученых. Как-то мы с Р.О. Кайбышевым провели весьма успешные переговоры с руководством Чебоксарского

механического завода, прибывшего в полном составе в университет по поводу внедрения новой технологии продольной сварки нашей лабораторией. Начали готовить документы на стомиллионный грант по известному 218 закону. Тут же поступило и другое предложение от авиационной корпорации «Иркут» по nanoалюминию. Докладывали уже непосредственно там в присутствии солидной группы руководителей и экспертов. Блестящее сообщение Рустама Оскаровича, его убедительное сравнение нашей продукции с ведущими мировыми производителями и его научная эрудиция быстро создали обстановку взаимного доверия и сотрудничества, которое предполагало совместный грант на 300-400 миллионов рублей по вышеупомянутому закону и искомую продукцию, не уступающую, а по ряду показателей и превосходящую аналоги, выпускаемые в США.

Сидевший рядом со мной ведущий эксперт по прочности самолетов поинтересовался, откуда у нас такая научная база? Дав пояснение, я в свою очередь спросил, используют ли они изготавливаемые научно-исследовательской лабораторией проблем разработки и внедрения ионно-плазменных технологий нашего университета под руководством профессора А.Я. Колпакова совместно с фирмой «Скиф-М» во главе с А.А. Москвитиным комплексы по nanoупрочнению металлических изделий? Одновременно возмущаясь и оправдываясь, опытный специалист ответил: откуда нам использовать и даже знать, если мы почти 20 лет простаивали и только недавно начали работать.

Мое же дополнение о том, что на нашем оборудовании вышеуказанное предприятие выполняет заказы для таких фирм, как «Боинг», «Аэрбас» и других авиакосмических корпораций, вконец испортило ему настроение. А вскорости был прерван и наш деловой контракт – в связи с тем, что не все деньги Минобрнауки удалось освоить, Правительство РФ вычеркнуло их выделение на 2011 год. Двигаться вперед назад это чисто отечественная бюрократическая традиция.

Не менее уникальный пример научной самоселекции наблюдаем по лаборатории радиационной физики, которой руководит один из самых молодых докторов наук А.С. Кубанкин. Воспитанник одного из лучших ученых БелГУ профессора Н.Н. Насонова, к сожалению, рано ушедшего в иной мир, он на моих глазах в кратчайшие сроки прошел путь студента, аспиранта и докторанта и стал авторитетным организатором науки. Мало того, что все сотрудники лаборатории повторяют научный путь своего руководителя, двое уже защитили докторские диссертации, шесть – кандидатские, так они еще сами проектируют, конструируют и создают новейшее исследовательское оборудование. Недавно лаборатория за него удостоилась золотой медали на международной выставке в Сеуле.

Молодые ученые создали научную установку на ускорителе У-70 Института физики высоких энергий НИЦ «Курчатовский институт»,

оборудовали совместную лабораторию в Физическом институте П.Н. Лебедева РАН, наладили сотрудничество с рядом зарубежных университетов, выиграли 5 российских и международных грантов на сумму 50 миллионов рублей, развернули фундаментальные и прикладные исследования по новым источникам излучения, структурам конденсированных сред и управлению пучками заряженных частиц.

С помощью выигранного гранта и реализованного мощного проекта биотехнологи университета внесли значительный вклад в создание на Белгородчине современного завода по производству лизина. Еще несколько лет назад фантастикой могла показаться сама мысль, что в гуманитарном вузе будут изготавливаться уникальные научные приборы, оборудование и производственные установки. А сегодня это – реальность, воплощенная в десятках оснащенных научных центров, лабораторий, предприятий.

И всё это через препятствия, унижение и угнетение. Сегодня трудно назвать благополучную, прилично развитую страну в мире, где бы так плохо ценился труд педагога и учёного. Перевоплотившаяся номенклатура и новая политбюрократия, к сожалению, не сохранили советскую традицию достойного отношения к образованию и науке. Сегодня при нагрузке в 2 и более раза наши преподаватели получают зарплату в несколько раз меньшую, чем их западные коллеги. О нищете пенсионного содержания и говорить не приходится.

Особенно резко усилилась эксплуатация в научной и экспертной деятельности. Видя безысходность и бедственное положение учёных, представители господствующих классов за любую экологическую, технологическую, филологическую и другие экспертизы, исследовательские проекты назначают такие убогие цены, что их разница на мировом рынке измеряется в десятки раз меньшими величинами. И это происходит как при попустительстве, так и при непосредственном участии органов власти. Вот любую вещь или прибор покупают не торгуясь, а за научную продукцию выкручивают руки по полной программе. И деваться учёным некуда, в условиях выживания они рады любому дополнительному рублю. При этом безропотно стараются ещё и проявлять инициативу, находить толковые проекты, разрабатывать новые идеи.

Полученные трудом и талантом наших ученых гранты позволили университету в 2007 году войти в число 57 инновационных вузов, а в 2010 году победить во всероссийском конкурсе за право носить высокий статус национального исследовательского университета с солидным дополнительным финансированием из бюджета страны. Он вошел в число 50 ведущих вузов России, образовавших свою ассоциацию. Теперь уже в новом качестве НИУ «БелГУ» приступил к созданию университетского саморазвивающегося комплекса мирового уров-

ня, обеспечивающего раскрытие ресурсного потенциала триады «образование – наука – производство» и определяющего науку главным источником осуществления его миссии. Такой труд наших ученых заслуживает внимания и благодарности. Тем более, что достигнутые результаты оказались совершенно удивительными и неожиданными в вузовском сообществе страны, переживающем затянувшийся кризис переходного периода.

Многие до сих пор не находят ответ на вопрос: как мог вчерашний пединститут буквально за историческое мгновение обойти по потенциалу науки многие даже политехнические университеты, имеющие солидный стаж и историю своего развития?

Пригласив читателей взглянуть на диаграммы нашего отчета за 10 лет работы, опубликованные в спецвыпуске газеты «Будни» за 11 мая 2012 года и размещенные на сайте вуза, можно почти безошибочно сделать вместе с ними вывод: если университет не замедлит и хотя бы сохранит такие высокие темпы развития по основным направлениям в последующее десятилетие, он приблизится к тем, кто занимает ведущие места в самых авторитетных рейтингах. А для этого нужно одно – находить в первую очередь социально-технологические ресурсы и уметь двигаться только вперед.

Безусловно, университетский проект стал весьма успешным воплощением социальных технологий в жизнь, он подтвердил правильность выбора в условиях жестких и даже жестоких вызовов времени именно этой специально организованной области знаний о совокупности способов жизнедеятельности человека, направленных на достижение конкретного результата. Мною уже выше перечислялись основные стадии социально-технологического цикла, представляющие собой целостную систему компонентов-операций, взаимопроникающих, взаимообусловленных, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой.

Их последовательное осуществление делает всю систему устойчивой, надежной и вполне продуктивной. Между тем и каждое социально-технологическое действие представляет собой свою специфику, свои формы и свой набор методов подготовки и осуществления. Нередко они повторяются, переходят из одной операции в другую, но в целом образуют единую подсистему со своим проектированием, запуском, развитием и завершением.

Ни одно из них не может достичь результата самостоятельно, отдельно от других. Попробуйте, например, осуществить создание конкретной научной лаборатории без определения и учета тех же рисков на основе вариативного прогноза развития ситуации. Притом, что все остальные операции вы спроектируете и осуществите в полном объеме, тем не менее, есть много вероятностей того, что все свои ор-

ганизационные, финансовые, материальные и социальные ресурсы вы израсходуете напрасно. Просто к моменту запуска лаборатории может оказаться намеченная вами научная продукция уже сделанной в других учреждениях. От вас тут же уйдут специалисты, а вскорости устареет и оборудование.

Здесь важна строгая и неукоснительная методологическая и технологическая дисциплина, которая не допустит выпадения из единой цепочки действий отдельных операций и разрушения целостности всей системы, провала задуманного. Гарантией недопущения таких проявлений здесь выступает важнейшее методологическое основание – системный подход, без которого немислимо никакое социально-технологическое действие.

Откуда у людей берутся ошибки и провалы в их жизнедеятельностных проявлениях? При ответе на этот животрепещущий вопрос нередко допускается ссылка на то, что человек это не электронно-вычислительная машина, он может что-то забыть, что-то пропустить или не так, не в той последовательности осуществить свои действия. Правильно, может. Но такие действия уже нельзя назвать социально-технологическими

Их можно определить как стихийные, схоластические, непродуманные, непоследовательные и т.п. В своей управленческой и предпринимательской карьере мне часто приходилось сталкиваться с фактами брака, ошибок, нарушений технологии в работе как рядовых исполнителей, так и управленцев. Причем, на удивление, их образовательный уровень здесь почти не имеет значения. Стал специально вести фиксированные наблюдения и пришел к ошеломившему меня результату: более 60 процентов людей, приступая к осуществлению тех или иных действий, из трех наиболее значимых вариантов – лучший, посредственный и худший, незамедлительно выбирают последний и сразу же начинают его осуществлять.

И неважно кто это, рядовой электросварщик, специалист или руководитель конкретного управленческого звена, или даже человек, имеющий научное звание и степень. Что характерно, как правило, это вполне нормальные и неглупые люди, исполнительные и старательные работники. Более того, такой человек может проехать на автомашине, поработать с компьютером, где без технологичности своих действий просто невозможно обойтись и тут же приступить к худшему варианту в осуществлении другого дела. С него вся технологичность улетучивается, словно пар из кипящего котла. На вопрос почему он так делает, как правило, вразумительных объяснений по существу не бывает.

Причин данного явления много, из них мы выделим три наиболее существенных. Первая – синдром поручений, без которых человек не

может и не стремится приступать к любому делу. Он привык к тому, что ему не просто определяют цель, но и подробно объясняют способы ее достижения, нередко показывают, что и как надо делать. Такой сделает порученное и остановится, а на вопрос, почему не делает дальше и больше, резонно ответит – так мне же ничего больше не сказали. Он всегда будет ждать указаний и без них не сделает ни единого шага ни при каких обстоятельствах. Так его на селективном уровне приучило крепостное право и командно-административная система. Таким, к сожалению, остается и генетический код памяти немалой части нашего народа.

Если читатель смотрел замечательный художественный фильм «Брежнев», то должен вспомнить примечательный эпизод по этому поводу. Руководитель Украины Н.С. Хрущев в распаленном экстазе и разнузданной манере ругает и воспитывает Л.И. Брежнева, в ту пору молодого руководителя Днепропетровской области, проявившего самостоятельность при организации выставки производственных и хозяйственных достижений. Далее последовала жалоба на отвлечение и внеплановое перераспределение средств И.В. Сталину. Потом комиссии, проверки, оргвыводы и тому подобные процедуры. Прикрывая своим авторитетом младшего соратника, украинский вождь внушает ему: запомни – никогда никакой инициативы без указания сверху! Звучит оно как методологическая установка, как главный номенклатурный наказ, что заслуживает особого исследования социологов управления.

Вторая причина – синдром творчества, когда человек, где надо и где не надо всё норовит сделать по-своему, отступить от правил, даже если они очень строгие. Такому, хоть говори, хоть не говори, он все равно найдет псевдотворческую лазейку, внесет свои коррективы и чаще всего может испортить все дело. На вопрос, зачем и почему он это сделал, можно услышать только один ответ – да я же думал, что так будет лучше. Усиливаем взыскательность: тебе же было детально разъяснено, что и как надо сделать, и отступать от этого без согласования ты не имел права. В ответ – молчание. Причем, не как раскаивание, а как пауза перед повторением последующей аналогичной ситуации.

Разумеется, такой «творец» и в близком приближении не использует социально-технологический подход, находя удовлетворение в случайно выхваченном эпизоде нововведения. Приводить примеры не станем, за более яркими описаниями таких образов рекомендуем обратиться к Н.В. Гоголю, М.М. Зощенко, В.М. Шукшину, М.М. Жванецкому и другим литераторам. Никто не прогадает, если обратится и к народному фольклору.

Третья причина – отсутствие социально-технологического компонента в образовательных стандартах, начиная со школьных учебных

программ и кончая вузовской аспирантурой. Не учат таким технологиям ни детей, ни студентов и не умеют учить. Сегодня это одна из наиболее ярко выраженных граней отставания образования от требований времени. Причем, в общемировом масштабе, а не только у нас в стране. Написал глобальную оценку, а самому стало неловко за свое собственное бессилие сделать что-то существенное в этом плане во вверенном мне на десять лет вузе.

Проще простого объяснить, что всецело поглощенного в процесс создания и развития нового университета меня нельзя было оторвать никакими силами для других дел. Что дополнительных ресурсов времени и сил для внедрения социально-технологического подхода в учебно-воспитательный процесс, в практику всех звеньев управления тоже было невозможно найти. Мне даже не удалось скорректировать формальное, чисто тавтологическое применение социальных технологий при подготовке курсовых, дипломных и кандидатских диссертаций. Куда только их не стали лепить и приписывать. Ладно, как дань моде попали они в название властных структур федерального и региональных уровней, на различные вывески, но в науке-то должна же соблюдаться хотя бы элементарная семантическая дисциплина. Хочется верить, что эти огорчительные выводы будут исправлены следующим поколением социальных технологов.

7. НБИКС-технологии как прорыв к новому методологическому инструментарию междисциплинарных исследований человека и общества

Несколько раз порывался установить научные связи с Курчатовским ядерным центром, встречался с его директором М.В. Ковальчуком, который организовал солидные, фундаментальные, междисциплинарные исследования синергетического плана, где социальные технологии наряду с другими науками, в частности, нано, био и когнитивными технологиями поставлены в центр интегративного человековедения и его коммуникативной практики. Но выстроить партнёрские отношения не удалось, хотя открывающиеся перспективы трудно переоценить.

По существу обозначился новый этап в освоении НБИКС-технологии.⁴⁶ Собственно, большая буква «С» означает именно социальные технологии, которые теперь вынесены в название созданного в 2009 году мощного научного центра. В нем на решении инновационных задач XXI века сосредоточились крупные силы ученых, работа финансируется государством, что придает ей соответствующую

устойчивость и надежность. Безусловно, это даст в будущем мощный прорывной эффект в развитии социально-гуманитарных наук, наполнении их новым методологическим инструментарием.

Уже первые результаты такой работы обнадеживают и вселяют уверенность в том, что конвергенция НБИКС-технологий не просто реформирует цивилизационный код современного общества, а существенным образом изменит основные парадигмы его развития. Анализируя судьбоносность значения данных технологий, Е.З. Бахтиярова обратилась к идеям великого немецкого мыслителя М. Хайдеггера, который еще в середине XX века в своей статье «Отрешенность» предупреждает человечество об опасности потери корней, превратившего в результате своего господствующего положения природу в гигантскую бензоколонку, источник энергии для современной техники, которую он с прогрессирующей мотивацией упорно совершенствует.⁴⁷

В свою очередь силы техники все плотнее окружают человека и требуют его к себе. Отношение «техника для человека» смещается на отношение «человек для техники» в силу того, что он становится все более зависимым от нее. Техника становится частью человека, нарушая его целостность, достраивая его собой. Человек просто утрачивает, забывает свои навыки, теряет себя. Создается впечатление внешнего движения вперед, а внутреннее содержание человека опустошается, так как все больше и больше своих функций он передает технике, тем самым откатываясь назад. Образуется разрыв. Человек оказывается пересаженным в другую действительность, к которой он не готов.⁴⁸

Во время полемических баталий с учеными технических наук мне приходилось убеждать их в том, что социальные технологии будут способствовать более рациональному соединению человека с техникой, но у меня не хватало тех знаний, той глубины философского осмысления проблемы, которые постиг тот же М. Хайдеггер еще в середине XX века, хотя я уже был знаком с ранее освещенными подходами к ней Норберта Винера. Да и социологические базы данных пустовали по этой проблеме. В ту пору в ней еще не было столь открытых противоречий, которые бы могли обратить на себя внимание научной общественности. Но целина уже осваивалась, и это было большим шагом вперед.

В самом деле, люди, открывшие информационные, нано, био и другие технологии в своих целях рационализации и удобства жизни, не понимают и не могут в полной мере оценить возможные риски их применения, что обретает фатальное значение для их судьбы и перспектив всего природного земного мира. Возьмем те же нанотехнологии, которые могут в корне усовершенствовать и дополнить современное термоядерное оружие до такой степени, что вкупе с искусственным интеллектом оно может выйти из-под контроля человека.

Их взаимодействие с биотехнологиями может реально продлить жизнь человека до 130-150 лет, что может нарушить гендерный баланс, а с изменением генофонда перемодулировать все биологические основания развития человечества, еще сильнее углубить социальное неравенство. Сочетание и взаимопроникновение новейших технологий может вполне реально подвести к неуправляемым и даже необратимым процессам изменения климата на Земле, а следовательно и к полному коллапсу.

Мы несколько раз уже обращались к такого рода всевозможным страшилкам, но еще ни разу не упомянули об их не менее опасных дополнениях. Речь идет о новых проявлениях анализируемых нами мамонофилии, парадоксии, инфомании, игромании и других болезней сознания человека, которые уже сегодня получают огромный допинг от применения, скажем, тех же информационных технологий. Всевозможные электронные биржевые торги, котировки, спекулятивные перепродажи, азартные игры, специально организуемые порталы и каналы шокирующей информации, затягивающей в свою нескончаемую и цепкую паутину многих людей, подчиняют их волю, трансформируют сознание и восприятие реальной действительности. Виртуальность постепенно превращается в специфический вирус массового поражения со всеми вытекающими последствиями.

Резкие, радикальные изменения уже наблюдаются и по нарастающей степени влияния будут происходить в процессах господства и угнетения. К традиционным классовым и болезненным видам, основанным на отношениях собственности, теперь добавляется техническое или технологическое проявление их в сознании, восприятии, чувствах, поведении и действиях людей. На арену жизнедеятельности человечества вышли новые господа и угнетатели – технические средства, которые созданы и постоянно совершенствуются человеком. Однажды начатый процесс покорения природы через создание и внедрение различных технических изобретений постепенно набрал такие обороты и темпы ускорения, что человек их уже не в состоянии остановить.

Придется даже уточнить весьма приличную формулировку господства, данную Е.В. Осиповой в «Новой философской энциклопедии», с возможным добавлением к тому, что это механизмы осуществления власти через посредство исторически обусловленных политических институтов – государства, права, церкви и т.д.,⁴⁹ ещё и варианта технических средств, способных усилить такое воздействие на человека. Разумеется, это уже будет иной тип господства, который не предусматривали ни К. Маркс, ни М. Вебер, ни другие учёные.

Эта гигантская колея научно-технического прогресса уже захватила его так в свои объятия, что он и рад бы вырваться из нее, но никак не может или же пока не хочет, продолжая катиться в ней вперед по инерции. Сегодня в каждое мгновение нашего бытия по существу

происходит невидимое противостояние и противоборство между человеком и техникой. Вопрос стоит ребром: кто кого подчинит и кто над кем будет господствовать?

Возможен ли здесь компромисс, скажем, как в человеческом обществе, разделенном на отдельные классы и слои, нации и этнические группы по признакам собственности? Наш оппонент тут же не преминет усилить его еще одним вопросом автору этих строк: по вашей логике выходит, что возможны отношения собственности между неодушевленным объектом техники и живым человеком, а так ли это?

Ответим сначала оппоненту. Нет, конечно, не так. Человек всегда по отношению к технике будет чувствовать себя хозяином. Ведь он ее делает сам или чаще всего приобретает в свою собственность. И это на уровне индивидуального сознания усваивается твердо и непоколебимо. А вот дальше идет процесс раздвоения. На стадии уже воздействия самой техники на социальное самочувствие, восприятие и ощущение человека возникают вначале незамечаемые и нефиксируемые изменения на подсознательном уровне, которые постепенно переходят в четко выраженные поведенческие установки, реакции и действия, нацеленные на стремление все больше и больше продолжать работу с ней.

В этот момент человек перестает думать и ощущать иные, казалось бы, более приоритетные для него интересы и потребности. Даже еда, которая по мнению многих исследователей составляет около 85 процентов всего объема наслаждений, будет отодвинута на второй план увлекательным путешествием по интернету.

И только сильное чувства голода, стремительно переводящего весь организм в состояние истощения и усталости, может изменить и прервать данное занятие. Все остальное – любовь, половые инстинкты, увлечение спортом, различные хобби и другие специфические потребности и удовольствия тем более в таких случаях не берутся человеком во внимание.

Никоим образом не ощущая себя угнетенным невольником компьютера, человек стойчески терпит его господство над собой. Он не осознает и не понимает, что вольно или невольно позволил смену ролевых позиций и стал не ведущим, как в самом начале включения компьютера в работу, а ведомым, со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Самые опасные из них – это физиологические и психические болезни.

Что происходит внутри человека и какие реально действенные барьеры можно поставить в начале процесса взаимодействия с техникой в качестве профилактических мер? Какой будет динамика при соответствующих поведенческих деформациях и воздействии социально-оздоровительного плана? Ответы на эти очень серьезные вопросы могут дать НБИКС-технологии. И в них мы должны сказать свое не самое последнее социально-технологическое слово.

Памятуя о том, что социальные технологи больше знают уметь, мы должны с полным усердием понять и принять установки М. Хайдеггера и других философов, сумевших осмыслить и разгадать, сформулировать и донести до широких научных кругов фундаментальные положения о сложившемся противоречии между вычисляющим, калькулирующим мышлением современного человека и все более отодвигаемым на второй план осмысляющим раздумьем над своей сущностью и своим местом в мире природы и техники. В нашу задачу входит разработка таких механизмов, которые бы в доступной форме могли быть освоены каждым человеком и способствовали обретению им динамического равновесия во все усложняющемся процессе взаимодействия с техникой.

Представим, что нам удалось сформулировать задачу применительно к функционированию этой сложной саморазвивающейся системы, которая не обладает необходимыми самонастраивающимися ресурсами. Нам также понятно, что искомые механизмы для запуска ее доводок и настроек не выточешь, не вырежешь и не выплавишь традиционными способами. Мы можем только их сформулировать в виде методов и спроектировать внедрение в практику жизни людей.

Существует множество разнообразных по сущности, форме, разработке и внедрению социальных технологий. На сей счет имеются специальные разработки и обобщения. Значительно менее исследованной остается проблематика методов их освоения и применения. Это пока Ахиллесова пята нашей специально организованной области знания. Дело осложняется тем, что каждая последовательно планируемая и осуществляемая операция имеет как общие, так и свои специфические методы реализации конкретных задач и принципов, особенно, если они носят разновекторный характер.

Каждый из них не может доминировать абсолютно в отдельном и единичном исполнении. В совместном взаимодействии и взаимосвязи они сближают свою равноудаленность, выстраивают определенную цепочку приоритетов, уступая в той или иной ситуации свое место другому. Так создается общая ткань социального действия и его целостное пространство. Еще четверть века назад мне пришлось много думать о системном, комплексном характере методов социальных технологий. Мои усилия сосредоточились на поиске главного, обобщающего метода, который бы отвечал всеохватывающим, объединяющим требованием их социально-технологического многообразия.

Итогом стал вывод: главным методом социальных технологий является метод сложноподчиненных взаимозависимостей, который соединяет всю систему методов их разработки, освоения, проектирования, внедрения, совершенствования и развития. Состоялось несколько обсуждений общей конфигурации методов, которым больше внимания уделяли как главные методологи профессора философии. Однако к вы-

шеназванному методу подступать никто не стал. То ли в силу неубедительности его определения, то ли по причинам гносеологической сложности самого понятия. Мне хотелось эту тему разработать лично, но не хватило философской эрудиции, опыта и времени. В самый раз взялся за нее основательно в рамках НБИКС-технологии и пригласить к работе наиболее пытливых и талантливых молодых исследователей.

Оглядываясь не так далеко, а хотя бы на десять-пятнадцать страниц назад, можно увидеть десятки новых тем диссертационных исследований, которые в свою очередь откроют дорогу многим инновациям в разработке оригинальных социологических программ и социально-технологического инструментария. Бурно изменяющийся человеком мир, в свою очередь радикально перевоплощающий его самого, ждет и зовет своих познавателей в самых потаенных уголках общественности. Ждет и надеется на добротные рецепты исцеления от старых и новых недугов.

8. Внутренние опасности и резервы в современной российской социологии

Что-то мы участили социологические зарисовки, не пора ли хоть немного пофилософствовать, для чего сделаем небольшое общенаучное вкрапление. Возможно, оно скрасит сложившуюся однотипность нашего исследования. Много раз слушая высказывания своих коллег по гуманитарному цеху о значении и величии философии, с чем невозможно не согласиться, – как-никак не просто мать всех наук, а их многократная прапрабабушка, мудро и доказательно объясняющая вечное мироздание, все-таки нередко наталкиваешься на проявления определенного эгоцентризма. Особенно это касается оценки других социальных наук и областей знаний.

Одних упрекают в излишней теоретизации, других в избыточной вербальности. Третьих, как социологию, например, избобличают в плагиате или заимствовании инструментальной базы. Хотя, куда ей деваться, она всю свою научную жизнь только тем и занималась, что использовала в нужных целях все, что только можно взять у других. И в этом ничего особенного, унижительного нет. Так устроена и развивается все социально-гуманитарное пространство науки.

И все же не дает покоя ряд накопившихся проблем современной эвристики. Особенно тревожат всё участвовавшие подмены научных смыслов банальной тавтологией, семантические упражнения и игры в псевдонаучную новизну, за которую с легкостью выдают применение любого, скажем, того же философского термина в социологическом исследовании. Допустим, включил соискатель в один из пунктов тер-

мин «габитус» и претензия на приращение нового знания почти автоматически достигается.

Чаще всего этим делом грешат социальные философы, под воздействием обстоятельств объявившие себя социологами или социальными технологами. Но заявить себя в пространстве новой специализации это одно, а стать профессионалом – это совсем другое. Они буквально набивают социологические тексты своей специальной терминологией. Далее с них берут пример политологи, психологи и социологи, которые без употребления латинских или англосаксонских слов ощущают себя как бы ущемленными, неполноценными учеными. Таким образом, незаметно формируется некая неформальная и недирективная планка требований к любой научной работе. К ней стремятся молодые исследователи, они подражают старшим, более опытным коллегам.

Постепенно складывается определенный стиль научной деятельности, главным признаком которого выступает смысловое жонглирование, переходящее в пограничные понятийные споры, упражнения и дискуссии междисциплинарного характера. Строго очерченные рамки предмета и объекта социологического исследования шаг за шагом размываются, не учитываются или попросту игнорируется их специфика. И уже сам исследователь, не говоря уже о читателях, не совсем понимает, какие он задачи решает и, собственно, для чего осуществляет такую работу.

Что бы сказал, прочитав научные, а точнее околонучно-компилятивные тексты иных соискателей великий М.В. Ломоносов? Мне кажется, он прежде всего воскликнул бы: неужели Российскую академию наук снова захватили иностранцы? Нет, многоуважаемый Михаил Васильевич, до этого пока не дошло, и будем верить, до этого никогда не дойдет. А вот выпущенные Вами на волю, словно птица из клетки, народные слова и наречия русского языка, воплощенные вашим творческим гением в высокую поэтическую музу и строгие, но доступные и понятные научные открытия, нередко оказываются сегодня невостребованными. Более того, они вытесняются из повседневного общения. Стало модным все чаще пользоваться иноязычием как вершиной научности. Возникает вопрос, для чего и для кого это делается?

Осознаю, что моя позиция стоит на зыбкой почве самой истории российской науки, которая на профессиональном уровне зародилась менее трех веков назад по образу и подобию западноевропейской, берущей свои истоки в древних тысячелетиях римской и греческой цивилизаций. О китайском, индийском и других примерах многотысячного измерения культурного пространства и влияния их на нас даже говорить с точки зрения науки бессмысленно. Однако это не означает, что современную социологию надо насыщать иностранными терминами.

Для кого старались Державин и Пушкин, Толстой и Тургенев, все деятели культуры Серебряного века, создавая и утверждая наш могучий и великий русский язык, в котором есть все богатейшие смыслы и оттенки устной и письменной речи? Остановлюсь на одном примере. Вот уже тридцать лет мне приходится участвовать и непосредственно влиять на содержание и форму тем кандидатских и докторских диссертаций. Только под моим руководством защитились семь докторов и двадцать шесть кандидатов социологических наук, около двухсот человек прошли защиту своих ученых званий на диссертационном совете, который мне удалось создать и руководить им на протяжении двадцати лет.

Естественно, старался уводить начинающих ученых от соблазнов модной занаученности, которая чаще всего выражается употреблением иностранных слов, и направлять их в лоно родного русского языка. Хотя не скрою своего понимания того, что в английской филологии есть много терминов, более удачно и ёмко отражающих те или иные научные смыслы. Неслучайно он стал языком межнационального общения в мировом значении, и, что особенно важно, языком компьютера. И без употребления отдельных слов не обойтись и самому приходится их применять. Но должна же быть мера.

Так вот, показывает мне как-то молодой соискатель тему своей диссертации, которая прямо начинается с английского слова. На мой вопрос, что это означает, он без затруднений перевел на русский язык, а когда я его спросил, зачем же он использовал иноязычие, то получил буквально огорошивший меня ответ: так на английском же звучит по-научному. Человек еще только сделал первые шаги на подступах к науке, а уже знает и даже убежден в том, что выражение мысли или темы исследования на русском языке менее научно, если не сказать более жестко.

Во время одного из острых разборов аналогичной ситуации мой оппонент в качестве аргумента открыл компьютер и показал на его экране отвергаемый мною английский термин в качестве примера применения его нашим безупречным социологическим авторитетом П.А. Сорокиным. Да, но Питирим Александрович жил в эмиграции, думал и писал на английском языке, – продолжал настаивать я и предложил тогда перевести защиту диссертаций с русского языка на иностранный при условии, если в ней будет превышено, скажем, установленное ограничение на употребление соответствующих иноязычий.

Хотя, для кого это сказано? Только для внутреннего употребления в узком кругу, несмотря на то, что возмущения по поводу засорения русского языка уже много лет звучат все громче и громче. Недавно на одном из форумов с участием Президента страны один из делегатов, обращаясь к нему, спросил: неужели народ может понять нашу политику в таких выражениях и апеллировал к выступающему

государственному деятелю, который буквально переполовинил свою речь иностранщиной. Иронично улыбаясь, глава государства с горечью заметил, что он вынужден слушать это каждый день.

А как же год русского языка, законы о его сохранении, где и что делают наши не в меру крикливые депутаты? Почему они не поинтересуются, как это осуществляют, например французы, которые выставили буквально непробиваемые бастионы в защиту своей национальной культуры. Мы что, все попали в неминуемый иноязычный плен?

Очень многое, если не всё, в этом плане зависит от деятелей науки, культуры, журналистов, публичных руководителей и общественных деятелей, чиновников, которым в общем-то ничего особенно и делать-то не нужно – достаточно не употреблять различные априори, таргетирования, волатильности, тренды и многие другие слова, от которых уже тошнит большинство россиян.

Например, образец знают все, а потерн не понимает никто, но почему он используется в устной и письменной речи, в том числе и среди школьников и студентов? Тем более недопустимо насыщать ими теле- и киноэкраны, государственную документацию, социально-гуманитарные науки. Ведь это же превратилось в сплошную иноязычную агрессию на самих себя. Более того, те, кто постоянно «брендят», не понимают того, что фактически клеймят себя как людей, потерявших свою национальную идентичность.

Было бы весьма уместным направить в это русло открывшийся в политическом пространстве страны зуд на запрещение всего и вся, вплоть до абсурдных законодательных актов и инициатив депутатов. Вот здесь для них видится вполне реальный выход на весьма выигрышную общественную позицию, которую примут и поддержат российские избиратели. Ведь они уже запутались вконец и в эпохе, в которой живут, и в названиях окружающего их быта. Тут недалеко дойти и до непонимания в какой стране они находятся и на каком языке разговаривают.

Между тем у нас есть реальная возможность помочь своему читателю. Достаточно предложить ему пройтись по уличной рекламе, доскам объявлений, названиям фирм и предприятий, наложить все это на текст любого аналитического печатного материала, скажем, финансово-экономического характера, и мы получим вариант бесспорного названия этого языка – бракадабрский. Правда, с небольшими вкраплениями русских слов. Вот где на самом деле скрывались от людских глаз истинное творчество и новаторство – в словесном предпринимательстве! Наконец-то оно вырвалось наружу и показало себя.

Оказывается, есть и такой род бизнеса, и даже пусть и небольшой слой узких специалистов, обеспечивающих его процветание, включая чиновников, которые его регистрируют и ставят в нужном месте печати.

Как-то раньше мне думалось больше о словесной культуре, ее сложном процессе формирования и, конечно же, о неизбежных ее суррогатах. Теперь размышления отягощаются немислимыми ранее выводами о состоянии современной филологии. Собственно, то, что сегодня изрекается публично, скорее больше напоминает сурдо- или антифилологию.

Сравнивая филологию с семьей, И. Мандельштам подчеркивал, что она держится на интонациях, цитатах и кавычках. Вкрадчиво добавим свою социально-технологическую позицию – это еще и процесс взаимодействия автора, редактора и читателя. Очень сложный, противоречивый, все время меняющийся процесс, имеющий свои стадии развития, подъемы и падения в зависимости от всевозможных обстоятельств жизни, уровня образованности и культуры общества, специфики той или иной личности. Говори и пиши проще, и тебя всегда поймут люди – это воистину общенародное наставление всегда было, есть и будет непревзойденной филологической вершиной человеческого общения. Будь оно политическим, экономическим, юридическим, техническим, научным, в общем, любым.

И здесь ничего лишнего невозможно придумать – читатель всегда и во всех жанрах, в том числе и в научных публикациях, хочет лучшего, понятного и притягивающего красотой и изяществом нового знания, которое он воспринимает впервые или с удовольствием повторяет ранее прочитанное для более прочного усвоения. Специалисты называют это перечтением. Не скрою, ряд авторов мне очень приятно перечитывать многократно. И не потому, что они мне нравятся или мне трудно найти подобные интересные работы. Вовсе нет, главная мотивация такого перечтения заключается в том, что всякий раз я встречаюсь в них с какими-то новыми оттенками, повторами мыслей и нюансами содержания.

Сегодня открылись невиданные доселе возможности для формирования словесной культуры и взаимоотношений автора и читателя. Их социология, с одной стороны, заметно упрощается, а с другой – несет в себе новые вызовы. Речь, конечно же, идет о средствах массовой информации, которые в несравненных масштабах увеличили объем комментирования любой публицистики, что несомненно помогает читателю понять выбранного ими автора, логику его мысли и целеполагания. Кстати, для молодых социологов тема комментирования вполне может стать лакомым кусочком, разработанным пока только на филологическом уровне.

На особую позицию вывел данную проблему интернет. Он не просто резко интенсифицировал взаимодействие авторов и читателей, а существенно изменил саму направленность ее содержания, перевел акценты с привычной помощи автора своему читателю на поддержку самими читателями творцов публицистических и научных работ.

В нем можно почти молниеносно, не перебирая полки книг и не листая их страниц, практически без затруднений получить необходимые разъяснения смысла и назначения любого слова и термина. Что, безусловно, делает сам процесс усвоения текста, выделения новых знаний значительно более комфортным и эффективным. Да и сам автор как бы заметнее приближается к поклоннику или интересанту своих произведений.

Известно, всякая эпоха по-своему накладывает определенные требования на данные занятия. Это зависит от обстоятельств политического, социально-экономического и гуманитарного характера того общества, в котором зарождалось и создавалось то или иное произведение. Если подходить ближе к значимости и эффективности такого взаимодействия, то здесь трудно обойтись без комментирования текстов. А по нашей части такими комментаторами являются как раз исследователи социально-гуманитарных наук.

Именно они сначала внимательно читают, причем, больше по принудительной надобности, чем по предпочтению, различные тексты, анализируют их и комментируют, в зависимости от содержания разъясняя и развивая их положительные аспекты, или же наоборот – опровергают, находя в них отрицательные смыслы, ошибочность, спорность отдельных значений, необъективность и другие недостатки, как это делает по отношению к нашей работе уважаемый оппонент. Он хоть и находится внутри авторского самоощущения, о чем мы признались еще вначале, тем не менее в своем секрете бдительности не теряет и внимательно отслеживает любые промахи.

Все дело в том, что наш оппонент четко знает: в каждый период общественного развития комментаторы, то бишь ученые-гуманитарии, каждый по-своему понимает и недопонимает смыслы различных событий, явлений и процессов, соответственно адекватно их интерпретирует, предлагая уже в качестве результата своей работы те или иные выводы, суждения и рекомендации. По сути все мы являемся не только перегрузчиками, выполняющими перманентно-транзитную функцию передачи знаний от своих предшественников, но и переупаковщиками, добавляющими новые закладки как по умолчанию, так и с отдельным разъяснением конкретных значений.

И вот здесь-то как раз и кроется целый каскад проблемных ситуаций, порой неразрешимых, тупиковых и даже небезопасных для общества, читающего нас. Кажется, я вторгаюсь на территорию социологии комментирования, не зная, есть ли такая в становящемся уже практически необозримом списке дифференциаций нашей науки. Пусть это будет моей самоподножкой, но в интернете с ней сподручнее поработать все же оппоненту.

Речь идет прежде всего о качестве предлагаемой каждой эпохой научной информации, добросовестности и достоверности ее содержания, понимании или недопонимании его автором. Плюс такие же проявления ученым, который знает, что комментарии не могут быть одинаковыми на все времена и делает их по-новому, вкладывая в их смысл свою субъективность.

Кроме того, еще наслаивается проблема соотнесения уже известного самому читателю и неизвестного материала, которого он еще не знает или владеет им приблизительно, поверхностно. И здесь далеко не всегда свежий ветер обновленного знания отвечает требованию рационального соотнесения вышесказанных значений. А тут еще сонмище проблем, порожденных сломом времени и соответствующим, вытекающим из него накалом человеческих отношений.

В результате нередко получается такая смысловая солянка, что даже натренированный на потреблении всякой чепухи читатель быстро захлопывает источник лжезнаний. А если не захлопнет, а прокомментирует его для других или посоветует прочитать, и те прочитают? Реально такое тиражирование вообразить сложно, здесь нужен целый блок кандидатских и докторских диссертаций, способных прояснить ситуацию. Так и напрашивается подсказка новых тем для молодых исследователей. Хочется верить, что они заинтересуются такой проблематикой.

Но это не все. Главное, на арену тиражирования и распространения вышло непревзойденное оружие массового информационного поражения как в положительном, так и в отрицательном плане – интернет. Он создал невиданные доселе коммуникативные возможности для всего человечества, с непререкаемыми достоинствами и неоспоримыми преимуществами перед ранее накопленными и вместе взятыми за всю его историю средствами информации.

Всемирная паутина как совокупная результирующая стремительного прорыва ведущих естественно-научных направлений знаний способна не только поднять общество на новую, еще никем не взятую и даже фантастическую высоту приближения к истине, но и опрокинуть его от нее еще на большее расстояние, чем было до ее внедрения в повседневную жизнь. Сегодня мы стоим на пороге глобальной киберопасности, факты которой не успевают фиксировать даже сам интернет.

Не вдаваясь в детали широкоизвестных и малознакомых примеров, коснемся филологической темы. А она, между прочим, главная в нарастающей киберагрессии на глобальное информационное пространство. Ведь через конкретный язык и отдельное слово идет его тотальное заполнение с последующей перекачкой, точнее, скачиванием в умы и сознание людей. Здесь за долю наносекунды любое оздо-

ровительное лекарство может стать смертельным ядом или наоборот, всякий лженаучный факт выдать себя за истину в последней инстанции. Словом, и тут извечное философское сочетание и взаимопроникновение положительного и отрицательного не освобождает человека от напряженных раздумий, не упрощает его жизнь, а наоборот заметно усложняет ее и, что важнее всего, меняет во многом основные социально-психические парадигмы самого человека.

Казалось бы, что человечество с самых истоков своего развития пошло по пути глобализации своих социальных, экономических, культурных и других отношений и связей. Люди тем самым меняли себя и свою жизнь, что можно оценить положительно. Хуже, что они меняли и меняют окружающий мир и природу. Но так или иначе, теперь общество устремилось на более высоких скоростях интернета к своему новому, неизведанному качеству, что требует глубоких фундаментальных и прикладных исследований. Думаю, сегодня уже появились или появляются специальные направления интернет-психологии, социологии, педагогики и других наук, изучающие взаимодействие и взаимовлияние человека и паутины.

Видны и контуры спасения от глобальных вызовов. Они в общемировых международных законах, повышающих коллективную и личную ответственность за авторизированную информацию в интернете и за любые разрушения его пространства всевозможными агрессивными актами. Что касается науки, литературы и журналистики, то здесь достаточно заточить старый, испытанный веками инструмент – сноски. Ох, как их не любят многие исследователи, в том числе и автор данной работы. Точнее, использовать-то их мы всегда горазды, а вот оформлять для большинства из нас – сплошная мука. Особенно, если весьма удачное цитирование хорошо запомнилось, но применяется по прошествии времени, стирающего его местонахождение в первоисточнике. Попробуй найти быстро, тут даже интернет не всегда может оказать помощь.

Не зря один из корифеев назвал сноску эстетическим злом. Она действительно врывается в пространство общения читателя с автором, размыкает филологическую ткань его текста, порой отвлекает от заданной логики содержания и даже сбивает с нее вполне искусственно человека. Что и говорить, не совсем удобная, хлопотная вещь для технического оформления публицистики, чего нельзя о ней сказать по отношению к устному потреблению.

В общем, ситуация в настоящее время приближается к безысходности, а точнее, к исходной, чисто историографической позиции. Сноски всех цитат надо тщательно, желательно по единому стандарту, оформлять и это будет одновременно и гарантией качества текста и спасением его от многих бед, особенно со стороны интернета. Правда, меня могут

упрекнуть в том, что пытаюсь перенести из булгаковски раньшего времени вошедшую в плоть и кровь привычку всех поколений советских людей обязательного цитирования к месту и просто ради галочки священных постулатов самой передовой идеологии и ее авторов.

Упрек полностью принять не могу. Каюсь, цитировал сам много, но делал это с нарастающей неприязнью, перешедшей в конце концов в отвращение. Вспоминается один пример из жизни технологического института стройматериалов, где я работал почти пятнадцать лет. Идет навстречу мне знакомый преподаватель со сброшюрованной диссертацией в руках. Настроение приподнятое, а тут еще и проявленный с моей стороны интерес. Никогда не видел диссертаций по физике, попросил хотя бы взглянуть. Открыл первую страницу и буквально застыл в изумлении от двух цитат – В. И. Ленина и Л.И. Брежнева, третья из резолюции последнего съезда КПСС переходила на другую страницу.

Естественно, возник вопрос, зачем это нужно по проблемам физики? В ней же никто из вождей не разбирался, да и съезды партии как-то обходили ее стороной. Это неважно, – был ответ, – но таковы требования диссертационного совета. Улыбнувшись, я рассказал коллеге свою историю соискания степени кандидата философских наук, но по социологической теме. В ту пору еще не завершился процесс перехода правящей партии от оценки социологии как буржуазной, классово-враждебной науки к зачислению ее в официальный состав признаваемых общественных наук.

Правда, нам, обществоведам, никто не предписывал кого и как часто цитировать, мы и сами были настолько глубоко идеологизированы, что в буквальном смысле соревновались друг с другом, кто больше и оригинальнее использует богатейшее наследие известных классиков, которое считалось методологическим основанием любой науки. Зато запреты и ограничения возникали вполне конкретно и жестко.

По моей работе, посвященной межнациональным отношениям, такое попадание было прямо в яблочко. Ситуация напоминала живой анекдот. Только я представил диссертацию для последнего обсуждения и рекомендации ее к защите в Харьковском университете, как случилась смерть Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Тут же поступило устное указание – убрать все цитаты и упоминания его имени. То есть ровным счетом то, что было сделано с его предшественником Н.С. Хрущевым.

Легко догадавшись кем заменить цитирование, внезапно столкнулся с непредвиденным препятствием. Единственный сборник трудов Ю.В. Андропова десятилетней давности было невозможно найти даже для меня, в ту пору руководящего номенклатурного работника. Пришлось выменять за дефицитный детектив у знакомого полковника

госбезопасности. Оказывается, чекисты всей страны скупили на память практически весь тираж своего руководителя. Только я закончил его изучение и буквально выщеживание в основном мало подходящих цитат очередного методолога науки, как он исчез с телеэкранов и радиоэфира – заболел. Пришлось и мне брать выжидательную паузу. И как оказалось – ненапрасно.

Вскороности Генсеком стал К.У. Черненко, еще более пожилой и немогущий, чем ушедший из жизни, и я решил поспешать. Срочно взял отпуск и прибыл к родителям в деревню для напористой, без каких-либо отвлечений, корректировки диссертации в нужном направлении. Но мой пыл внезапно охладил отец, который сказал как отрезал: не спеши, все равно не успеешь – этого тоже скоро на лафете повезут. Так оно и вышло. Работу пришлось переделывать и защищать в начале перестройки в свете очередных новых указаний и цитат теперь уже М.С. Горбачева. И в такую околонучную кинокомедию попали не один я, а тысячи аспирантов и соискателей по стране.

Разумеется, данная барабанщина нескоро выветрится не только из памяти, но и чисто из рабочих привычек многих публицистов. Особенно это характерно для тех обществоведов, кто так и не выработал своего личного творческого почерка и стиля изложения исследуемого материала. Нередко такие люди не могут найти правильный ответ на вопрос: а чем заменить образовавшуюся вполне емкую теоретическую пустоту, какой путь выбрать в бессмысленном и порой запутанном до беспредельного состояния общественном сознании? И они начинают еще больше запутывать себя и других иноязычием.

Очень точно это самоощущение выразил известный российский музыкант Б. Гребенщиков в своем новом альбоме «Соль»: мы знаем, что дороги нет и не было здесь никогда, – поет он. – Люди не могут согласиться друг с другом практически ни в чем. Вообще-то, слушать такое стоя весьма рискованно, можно не выдержать нагнетания безысходности и тяжести отражения словами и музыкой всех противоречий переживаемой эпохи и такого же пронзительного, внезапного прорыва к долгожданному свету. Хочется поверить, что он не в конце тоннеля.

Чтобы не нарваться на очередное замечание оппонента, вернемся в лоно общения с философами, но обязательно в рамках родной словесности. В противном случае, есть опасность, что наряду с филологией впечатлительный автор, а вместе с ним и такой же читатель могут вдвоем скатиться в пучину современной музыки, откуда выбираться на тропу более сдержанной и скучной социологии будет весьма проблематичным. Тем более, что недосказанное мне придется выразить в заключительной части монографии о пока еще загадочной и таинственной наносоциологии.

Глава XIII. Робкий подход к переосмыслению основного вопроса философии

1. Не материя первична, а информация – в этом суть его новой редакции

А кто эту суть впервые познал и выявил, является ли она истиной в последней инстанции? На данные вопросы ответов пока нет или же они носят чисто предварительный характер. Да и как на них можно ответить, если нет необходимых первоисточников о большинстве работ ученых-философов древности и средних веков. К тому же исследователи, представляющие различные научные направления, давали в руки философов свою специфическую, зачастую весьма противоречивую аргументацию. Сами науки все более дифференцировались, доводя объекты своего изучения до все более микроскопических размеров. Состоялось проникновение в наномир. Началась эпоха его освоения.

Но так или иначе, а все это конкретно проходило и проходит через мышление, восприятие, понимание и трактовку отдельного человека и соответствующих социальных групп. Новые знания по-особому окрашивают социальные, экономические, политические и духовные отношения между людьми, их классами и слоями, нациями и народами. Следовательно, свою робкую позицию могут и должны изложить и социологи. Из числа желающих, разумеется.

И тут недостаточно закрыть строго разлиненную тетрадку диалектического и исторического материализма, где строжайше, в соответствии с интересами революционной теории построения нового общества раз и навсегда предписано: материя первична, сознание вторично, бытие определяет сознание. И уж тем более нельзя применить чисто социологический инструментарий – он просто беспомощен в данном случае. Да и философы его на дух не переносят как чисто ползучий эмпиризм.

Говорить с ними о методах теории познания, переложенных на социологический язык вообще нет смысла, ибо всем ясно, что без гносеологии как методологического основания всех наук невозможна ни одна исследовательская работа. Вспоминается, как несколько раз разгорались жаркие дискуссии. От квалифицированно наступающей первоосновы приходилось обороняться контраргументами. Но никакие доводы о взаимопроникновении и взаимодополнении социально-гуманитарных наук в общем процессе познания человеческого общества не могли пронять философов.

Даже на такой конкретный вопрос, а может ли быть достаточно убедительной и доказательной сама философия, особенно социальная,

без социологии и социальной технологии, они отвечали снисходительными суждениями. Тогда был задан еще более конкретный вопрос: а чем отличаются философы, скажем, от социальных технологов? Ответов было немало, в том числе и весьма интересных, но чем много словнее они излагались, тем яснее становилось заметное ослабление позиций методологов. Дискуссия закончилась нашим вариантом: просто философы больше умеют знать, а социальные технологи лучше знают уметь, и друг без друга жить им нельзя.

Прошло несколько лет, возобновления дискуссии не наблюдается. Возможно, мешают риски, а может быть философы сами взяли паузу для осмысления новых научных реалий. Во всяком случае было бы очень интересным провести такой разговор на общей исследовательской площадке. Но кто ее организует? Когда у меня для этого были возможности, не было времени. Теперь есть время, но нет необходимых возможностей.

И все это вначале концентрируется, перерабатывается и формируется в сознании человека. В таких противоречивых размышлениях еще середины 80-х годов мне выпала научная удача поработать в группе социологов под руководством профессора Ж.Т. Тощенко по исследованию общественного сознания. Это был крупномасштабный проект, охватывающий многие регионы СССР, включая и Белгородскую область, позволивший получить весьма интересные результаты. Разумеется, на них мало кто обратил внимание в правящих тогда партийных структурах. Вернее, обратить-то обратили, но тут же забыли.

Все свелось к обычным процедурам: приглаженно-приютуженные доклады, в ту пору одобренные модной перестроечной риторикой, научно-практические конференции, публикации, совещания и планы мероприятий, – вот и весь немудреный набор очередного партийного воздействия. Если учесть, что такие мероприятия охватывали одну и ту же часть номенклатурной публики, то в сухом остатке получилось: воздействовали сами на себя. А напрасно. На титрах истории уже высветились слова «конец фильма». Имеется в виду фантастический фильм о безуспешных попытках превращения утопии в быль.

Между тем, в данных исследованиях оттачивался новый методологический подход, суть которого при всей его кажущейся очевидности заключалась в следующем: люди живут не для теорий и концепций, не ради государственных доктрин или программ политических партий – они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются самые различные ориентации, ценности, установки, причем таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают ведущий характер.⁵⁰ Таким образом, на передний план выдвигалась исключительно и принципиально новая для нас научная позиция.

Уже подчеркивалось, что вся западная социология уже десятки лет педалирует и всячески разгоняет исследовательский процесс на приоритетах осознания человеком собственного «Я», своих ценностей и стимулов жизни. Особенно важно отметить, что и отечественная социология быстро отреагировала на вызовы крутого общественного разворота и оперативно отредактировала содержание своего инструментария, из которого исчезли такие идеологизированные штампы, как: бытие определяет сознание, материя первична, сознание вторично и так далее.

Хотя оснований для самоуспокоенности достигнутым пока нет. Как-то во время встречи с коллективом кафедры философии, возглавляемой тогда профессором В.П. Римским, я поинтересовался вопросом, почему наши студенты до сих пор считают один из вышеприведенных смыслов основным вопросом философии? Поскольку такой поворот беседы оказался весьма неожиданным и к тому же спрашивал ректор, а это можно было принять как предьявленную претензию качеству преподавания, установилось затяжное молчание, нехарактерное для специалистов, которых трудно уличить в несловоохотливости.

Обычно в таких случаях философы четко и ясно обозначают свою традиционную позицию о двух противоположных способах познания мира – материалистическом и идеалистическом. И логическая точка ставится на любом споре, при любых обстоятельствах. Тут же промолчал и сам заведующий, хотя Виктор Павлович никогда позиции не сдает и, как яркий полемист, отстаивает их до конца. Надеюсь, такому принципу он будет верен и при рецензировании данной монографии. Тогда может все они постеснялись уличить меня в философской неподготовленности? Так я и сам знаю и признаюсь в этом открыто. Не потому ли меня и многих других так тянет к философствованию, к пополнению знаний?

В общем, тогда продолжить пришлось мне констатацией факта, что со вступлением общества в информационно-технологический уклад основным вопросом философии становится соотношение информации, бытия и сознания. А точнее, он всегда и был основным, просто сущность информации как вечной, всеохватывающей и всеобщей субстанции, лежащей в основе всего мироздания и его всестороннего развития, не совсем адекватно рассматривалась самой философией, а вместе с ней и другими общественными науками. Не материя первична, а именно информация и только за ней следуют ее производные – сама материя, бытие и, разумеется, сознание. Причем, сознание далеко не всегда определяется материей или бытием. Во многом оно возникает, формируется и проявляется отдельно, самостоятельно и независимо от них.

В такой фразе отсутствует их взаимодействие и взаимовлияние, они функционируют каждый в своем режиме, готовые тем не менее в

любой момент к слиянию в единый процесс социальных мотиваций, поведения и действий человека. И еще выделяется одна грань познания – само сознание в таких случаях меняется местами с бытием. И не по велению какого-то теоретика, а вполне объективно, в соответствии со спецификой условий и взаимодействия. Являясь переменными, все три субстанции – информация, сознание и бытие – создают всякий раз новую производную. Неизменным остается только первичное позиционирование самой информации и утверждение о том, что все это происходит в ее непознанном пространстве и времени.

А что такое время в философском значении этого слова? Это скорость распространения информации, – считают многие специалисты. Формула, на первый взгляд, выглядит несложно, с ней вполне комфортно согласиться, но требуется более обстоятельная семантическая расшифровка всех трех ее элементов. Начнем с ключевого – информации, означающей сведения, являющиеся объектом сбора, хранения, переработки, передачи и практического использования по целевому назначению.

Не так побаиваюсь оппонента, как своих друзей-философов. Что подумают жрецы первоосновы, когда я обращусь за помощью к Николаю Алексеевичу Козыреву, другу и сокамернику-страдальцу за такой же неповторимый, оригинальный интеллект Льва Николаевича Гумилева.

Их обоих объединяет один принцип: если нет доказательств правильности или неправильности выводов по тому или иному явлению, это не значит, что они ненаучны. Меня же тянет именно к ним и к той неповторимой творческой лаборатории, которую они каждый себе и в своем сегменте исследований выстраивают. То, какие вопросы эти ученые задают себе, людям, природе, Вселенной, наконец, какие формулируют на них ответы, – это дорогого стоит само по себе чисто в методологическом измерении, в поиске нового исследовательского опыта.

Что же касается достоверности полученных научных результатов, то давайте подумаем, часто ли выдерживали требования чистоты эксперимента сразу же после объявления те или иные открытия мирового уровня? Хорошо, если не подвергались остракизму и ниспровержению прямо на пороге ознакомления. Примеров таких – уйма. И это нормально. Именно через отвержение и отторжение достигается большинство результатов прогресса. Поэтому смело идем за профессором Н.А. Козыревым в пространство времени, которое, по его мнению, является второй Вселенной, дополнительно к нашей.

Обе Вселенные взаимопроникают и взаимодействуют, но не перемешиваются друг с другом. И мы никогда не можем увидеть время в нашей Вселенной, кроме как в форме того или иного движения. И тут он выдвигает целостную теорию мгновенного распространения времени через его физические свойства. То есть переход в энергию, все-

мерно разгоняющую её скорость. Как мы понимаем, в этой формуле заложено творческое начало Вселенной и всего мироздания.

Ряд ученых высказывают точку зрения о том, что теория времени Н.А. Козырева может породить не альтернативу научному, а паритетное мировоззрение. Для социологов это вполне приемлемая позиция. Она должна уберечь нас от превращения социологии в индустрию сбора и обработки информации в ущерб выявлению глубинных и подвижных живых процессов.

Итак, мы видим, что в саму формулировку времени заложен многофункциональный динамический процесс, который адекватно ощущается человеком. По сути дела он воспринимает время как смену событий, выраженных соответствующей информацией, которая распространяется и усваивается на определенной скорости. Чем выше скорость передачи, получения, восприятия, обработки и распределения информации в различных зонах своего сознания, мышления, чувств и памяти, тем быстрее для конкретного человека проходит тот или иной заданный период времени, тем интенсивнее идет ее накопление и нарастание объемов.

У каждого человека, отдельных социальных групп и даже народов этот процесс происходит по-разному. В зависимости от зоны проживания, образа жизни, специфики основных видов труда и отдыха, уровня образования, доступности к различным техническим средствам и технологиям распространения информации. Особое значение имеют предпочтения людей, их склонность к определенной сфере знаний и деятельности. В таком случае информация нередко сама находит человека, и он ее надежно усваивает, даже без специальных усилий, что называется автоматически. Она сама входит в него, находит нужные отсеки памяти, заполняет их и надежно хранится там до востребования. Исключение, пожалуй, составляет лишь ранний детский возраст.

По мнению ученых, ребенок еще в утробе матери начинает получать всевозможную информацию о внешнем мире, в который ему только предстоит выйти в будущем. Наукой уже доказано и многократно проверено, как уже подчёркивалось ранее, что огромным, неизмеримым по масштабам накопителем, носителем и распространителем информации является вода, на чем мы еще подробнее остановимся. Сейчас же отметим, что само тело человека состоит на 75-80% из воды, еще значительно большую долю она составляет в материнской плаценте. Следовательно, в многоканальном восприятии информации ребенком именно она может играть ключевую роль.

Есть чисто теоретическое суждение, что время как объективная категория не существует, оно придумано человеком в качестве эквивалента измерения той жизни, которой он наделен в его ощущениях. Таким же изобретением являются деньги, таблицы умножения и эле-

ментов Менделеева, бесчисленные формулы, алгоритмы и показатели, которые получили свое инструментальное оснащение, специальные измерительные системы и так далее.

Да нет никакого времени, есть вечность и есть жизнь, – писал выдающийся русский философ А.Ф. Лосев. А к этому еще и добавлял: вот вечность – мгновение, в котором зажато всякое время. Не могу без восхищения читать его работы, где столько открытых и сокрытых тайн, притягивающих своей недосказанностью и оригинальностью мысли.

Представляю реакцию моего уважаемого философа-рецензента, когда он заметит противоречие между моими суждениями выше и здесь. На самом деле, Виктор Павлович, я хотел лишь особо выделить то, что Алексей Федорович Лосев в своих размышлениях проник еще дальше и глубже Н.А. Козырева. Определенно это тема для отдельной дискуссии.

Из этого следует, что время как некая неуловимая, невидимая и неосязаемая субстанция явилось лишь той вершиной знаний и предвидений человека, которая оказалась ему доступной. Неслучайно ученый очень решительно вводит в действие категорию вечность, явно нам недоступную, которая в своей неисчерпаемости и всеохватности характеризуется всего лишь мгновением, соподчиняющим себе всякое время.

То есть не только наше время с привычным его измерением, а еще и другое, неведомое пока человечеству. За пределами познанного существуют еще более важные и таинственные субстанции нематериального мира, которые люди пока не могут уловить, познать и применить в своей жизни. Но это будет предметом исследований уже новой философии и других наук, к которым мы должны прийти через совершенно неожиданные сферы знаний. Например, через нанотехнологии и их освоение в социально-технологическом измерении.

Это тема моей прерванной монографии, которую предстоит завершить после издания данной работы. Это первое, за что я взялся через десятилетие умопомрачительного ректорского администрирования. После публичного анонсирования развернутого плана и соответствующей авторской концепции сразу столкнулся с их парадоксальным восприятием. Вначале тут же многие констатировали мысль примерно об одном и том же – о моей попытке объяснить необъяснимое или связать несвязуемое.

Как мне кажется, я нашел способ облегчить свое общение с будущими читателями. Выражается он, во-первых, в изложении следующей информации. Многие тысячелетия своей жизни люди всегда мечтали о ее чистоте, об избавлении от всякой грязи, пыли и мусора. Вели поиск и совершенствовали методы достижения столь сложнейшей цели. При этом в природе наблюдали удивительные факты уже

достигнутого идеала чистоты. Например, широко известен эффект самоочищающейся поверхности цветка лотоса.

Наблюдали, гадали, исследовали многие годы, а понять так и не смогли, как же все-таки самоочищается его поверхность. Пока немецкие ученые, создавшие растровый электронный микроскоп, не увидели через его объектив, что поверхность лотоса состоит из сложной ткани тончайших волокон размером 2-3 нанометра, 60 которые в оригинальном и непонятном сочетании и сплетении создают эффект отторжения воды, пыли и грязи с его поверхности. Поэтому он всегда идеально чистый.

Теперь давайте хоть на минуту представим свою одежду и обувь, автомобили и помещения в таком же виде, причем постоянно. Это же чудеса, да и только. Отсюда – начало нанотехнологий, в ходе которых пошел процесс наноструктурирования по типу природного лотоса. Отсюда же и наши мобильники, компьютеры и другие наночудеса, меняющие жизнь человека. А от них и все наши последующие измерения происходящего, о чем впереди будет и специально тематизированная глава этой монографии – читайте.

2. Загадка Вселенной и попытки объяснить необъяснимое в таинстве вечности и материальности времени, информации, мысли и сознания

Пока же мы двинемся по информационному полю Вселенной. Для этого проигнорируем определение информации, означающей сведения, являющиеся объектом сбора, хранения, переработки, передачи и практического использования по целевому назначению, которое уверенно шагает по различным словарям и учебникам. Вернее, посчитаем это как вполне приемлемую функциональную модель информации с возможными дополнениями.

Итак, информация является ключевой субстанцией, определяющей и наполняющей собой содержание всего мироздания. Она первична во всем, включая генную технологию воспроизводства живых организмов, в том числе самого человека. Неслучайно в определении времени ей отводится системообразующая, главенствующая роль. В нашу задачу не входит аналитический обзор формулировок данной философской категории, этим пусть занимаются специалисты. Нам же важно понять грани неразгаданного феномена, без которых немислим дальнейший ход этого исследования.

Итак, информация служит и соподчиняется времени, а само время гениально придумано, обосновано и поставлено на службу информации, процессу ее функционирования от стадии возникновения и до

практического потребления и применения. Но такая схема лишь локально, в пределах простого распределения изменяющихся способов жизнедеятельности человека, которые все еще далеки от совершенства и не достигли многих позиций осознания окружающего нас мира, объясняет взаимозависимость и взаимопроникновение двух рассматриваемых категорий. Она пока не подводит нас к ключевым ответам по рассматриваемой проблеме.

По всем имеющимся в нашем распоряжении признакам, на самом деле, информация носит всепроникающий характер, она бесконечна во времени и пространстве, не имеет ни начала, ни конца, ни конкретных авторов ее зарождения. Вся Вселенная – это гигантский всеохватывающий компьютер с неизмеримыми по объемам и бесконечности базами данных самой невероятной информации, которая постоянно в них собирается, добавляется, хранится и, самое главное, никуда не исчезает. Она вечно лежит в своих отсеках и получает нужную востребованность к применению в любой момент времени и по любой проблеме.

Судя по всему, человек как накопитель и носитель информации, также входит в качестве отдельного элемента во вселенскую, вечную систему информации, которая не исчезает бесследно, а остается в ней не просто на хранение, но и продолжает функционировать, способствовать созданию ее новых баз данных.

Над этой темой трудятся многие исследователи из разных стран мира. Недавно В. Лаговский опубликовал оригинальные комментарии активно распространяемых идей Джима Элвиджа, специализирующегося на цифровых технологиях и квантовой физике о том, что Вселенная это продукт компьютерного моделирования, некая симуляция, основу которой составляет информация.

Из битов информации, по его мнению, соткано и наше сознание, которое рождается отнюдь не в мозге. Мозг – даже не хранилище сознания, а всего лишь интерфейс, благодаря которому мы встраиваемся в симуляцию, обрабатываем данные и обмениваемся ими с неким вселенским сервером. Туда же отправляются и души – та же информация, формируя сегмент, который прежде называли загробным миром.

Смерть в представлении Элвиджа вовсе не страшна. Ведь она лишь окончание симуляции. Или даже ее временное прерывание, сопровождаемое перемещением души, то есть информационного пакета на сервер. Ученый верит в реинкарнацию, объясняя ее переносом информации, накопленной одним симулятором, в другой. Верит в интуицию и сновидение, феномен которых, по его мнению, основан на доступе к вселенскому серверу и возможности скачать с него некие запрашиваемые сведения, как из интернета. Ученый уверяет, что окружающие нас объекты лишь кажутся реальными, а на самом деле их нет – одна пустота. Есть лишь информация о том, что объекты су-

ществуют, информация, которую мы получаем благодаря мозгу и органам чувств.

Материя – это объективная реальность, данная нам в ощущениях, гласит известное определение. Но ощущения можно смоделировать, возражает ученый. Стало быть можно смоделировать и объективную реальность, и в конце концов материю. Объект становится реальным только тогда, когда за ним кто-то наблюдает, полагает Элвидж и глубокомысленно добавляет: дальнейшие исследования в области элементарных частиц приведут к пониманию того, что за всем, нас окружающим, скрывается некий код, аналогичный бинарному коду компьютерной программы. Теория цифровой реальности может послужить универсальным ключом к «теории всего», поисками которой уже давно занимаются ученые.

Вот к примеру, Сет Ллойд из Массачусетского технологического института задал себе вопрос: каков предельный размер компьютера? Сам же и ответил. Мол, очевидно, что наикрупнейшим и наимогущественнейшим станет устройство, в котором будут задействованы все частицы во Вселенной. А их – протонов, нейтронов, электронов и прочей мелочи, по подсчетам ученого, где-то 10^9 в 9 -й степени. И если эти частицы были бы приобщены к делу с момента Большого взрыва, то уже совершили бы 10^{120} в 120 -й степени логических операций. Это так много, что невозможно даже представить. Для сравнения: все компьютеры за время своего существования произвели менее 10^{30} в 30 -й степени операций. А вся информация о человеке с его многочисленными индивидуальными причудами записана примерно 10^{25} в 25 -й степени бит.

И тут Ллойд – гораздо раньше Элвиджа – подумал: что, если Вселенная это уже чей-то компьютер? Тогда все, что внутри нее, включая нас, – часть вычислительного процесса. Или его продукт... Значит, где-то должен быть и Программист.

Ллойд предполагает, что мы все-таки существуем реально, равно как и окружающий нас мир. Но существуем благодаря вселенскому компьютеру, который был запрограммирован так, чтобы создавать сложные структуры, включая живых существ. Компьютерная программа, кстати, необязательно должна быть очень длинной.

Эксперименты, в результате которых, возможно, будет выяснено, голограмма ли наш мир или нет, затеял один из первооткрывателей темной энергии Крейг Хоган, директор центра квантовой астрофизики лаборатории Ферми. Ученый представляет Вселенную в виде сферы, поверхность которой покрыта крошечными пикселями. Каждый представляет собой единицу информации – бит. А то, что внутри – созданная ими голограмма. Доказать это он намерен, отыскав в ткани пространства-времени элементы, формирующие голографическую картинку.

Мозг тоже работает на голографических принципах, уверяют физик Дэвид Бом и нейрохирург Карл Фибрам – авторы волновой теории реальности. И поясняют: трехмерное изображение объекта на голограмме появляется, если осветить лазером изображение на плоскости. Возникает в пространстве. Вот так и наш мозг конструирует картину окружающего мира под воздействием некоего внешнего излучения.

Кстати, приняв голографическую сущность Вселенной, можно было бы разрешить парадокс, наблюдаемый экспериментально: элементарные частицы способны мгновенно обмениваться информацией на любом расстоянии хоть в миллионы световых лет. То есть вопреки Эйнштейну осуществлять взаимодействия со сверхсветовой скоростью, преодолевая временной барьер. Такое перестает быть чудом в мире – голограмме. Ведь каждый ее участок содержит информацию о целом – о всей Вселенной. А полагая, что Вселенная – это продукт компьютерного моделирования, можно объяснить разные странности, происходящие в ней. Например, НЛО, или таинственные радиосигналы, приходящие из ниоткуда. Или даже сверхъестественные явления, происходящие с видимыми нарушениями законов физики.⁵¹

Если вдуматься в таинство научных изысканий прежде всего на собственном опыте, можно с высокой долей вероятности представить их как особый процесс обработки и обобщения информации, получение и конструирование на этой основе новых знаний. При этом совершенно неожиданными и малообъяснимыми нередко получают результаты. Порой они воспринимаются обществом вначале как фантазирование, набор слов и смыслов, неподкрепленных практикой. Однако через годы и даже столетия находят свое подтверждение.

Во время написания вышеприведенных строк в интернете появилась новость: ученые установили, что мозг человека умеет путешествовать в прошлое. Любопытная информация никак не расшифровывается, нет указаний и на источник такого утверждения. Это побуждает нас обратиться к великому русскому ученому Владимиру Михайловичу Бехтереву, который всю жизнь изучал человеческий мозг и пытался постигнуть тайны гениальности, передачи мыслей на расстоянии, смерти и так называемой загробной жизни.

Широко известно его знаменитое восклицание: смерти нет, господ, человеческая личность бессмертна! Что означают столь многозначительные выводы авторитетнейшего специалиста, чьи открытия остаются непревзойденными до сих пор в мировой науке? Их достаточно убедительно разъясняет в своих работах сам В.М. Бехтерев и его последователи.

Ключевое значение здесь имеет положение о том, что мысль – это энергия. В течение всей жизни человек ее рассеивает в пространстве, передает ее родным и близким, те в свою очередь – другим, другие –

третьим... И так далее по бесконечному движению человечества от поколения к поколению, соединяясь во всемирную энергию, которая по закону своего сохранения никогда не исчезает бесследно и является вечной.

По существу В.М. Бехтерев, описывая мозг как самое таинственное творение во Вселенной, выводит и определяет процесс его функционирования как всеохватывающий социально-мыслительный конвейер. Выходит ли он и как далеко за пределы человечества или же ограничивается его рамками? Выше мы уже подчеркивали, что такими же свойствами обладает и информация, которая лежит в основе любой мысли. А может, наоборот, всякая мысль рождает новую информацию?

Да, действительно, так утверждать вполне возможно, хотя мнения специалистов по этому вопросу расходятся и общую точку зрения выработать придется еще очень долго. Информация и мысль – это совершенно разные категории как по генезису, так и по своим масштабам и функционалу. Категориальный аппарат информации несравненно шире мыслительного, ее объективность и всеохватывающий характер доминируют над рассматриваемой главной производной мозга. Понятно, что мысль является лишь одним из ключевых компонентов сложной и безразмерной во времени и в пространстве информационной системы.

Однако и разделять их тоже нельзя. Они взаимодействуют по сложнейшим, пока ещё непознанным нами законам многогранных кибернетических взаимозависимостей и взаимообусловленностей. Ранее мы констатировали наличие у некоторых ученых суждения о том, что информацию накапливают, хранят, а значит, и воспроизводят, передают предметы даже неживой материи. Незаметно, исподволь произошло рискованное и фактически неизбежное приближение к самому загадочному и наиболее часто употребляемому в жизни термину «душа».

Хоть уважаемый оппонент и схватился за голову, в оправдание сразу же заметим – уклониться от такого шага никак было нельзя, ведь мы поставили задачу рассмотреть ряд болезней сознания человека. Здесь надо сразу подчеркнуть: из множества самых разнообразных суждений о душе, рожденных высоким накалом многовековых дискуссий, мы выберем бехтеревские. Основаны они на древнейших учениях востока о реинкарнации, переселении душ. После физической смерти человека его душа не уходит в иной мир вместе с телом, а возвращается в виде накопленной информации на соответствующее место, которое занимал сам человек, или же в виде иной, особой материализации. Данное положение касается также и многих видов животного мира.

По сути в этой точке познания по мнению многих ученых сходятся основные положения ведущих религий и наук. Нередко на эту тему

идут споры, кто первым высказал и обосновал тот или иной вывод, хотя какая тут разница. Уже доказано, что человеческий мозг не меняется на протяжении шестидесяти тысяч лет, а значит любой думающий, талантливый человек мог высказать то или иное представление о сущности души. Впереди возможны новые, еще более ошеломляющие открытия.

Поражает, например, схожесть, созвучность мыслей того же Бехтерева и Конфуция, который, сбросив с себя накидку первооткрывателя, еще две с половиной тысячи лет назад подчеркивал, что одушевленность, душа есть даже у камня. И многие, кстати, современные ученые подтверждают на опыте своих исследований данную гипотезу. Причем, не на словах.

И это вытекает из логики развития Вселенной как необъятного, безграничного пространства информации. Просто на разных этапах истории люди не всегда адекватно распоряжаются доступной им информацией о достигнутых результатах науки и практики человеческого общества. Нередко они напрочь забывают ее отдельные сегменты, а затем процесс фактического воспроизводства выдают как свое ноу-хау. Так, ряд первоисточников указывает на то, что древние целители умели делать сложнейшие операции на мозге, однако сегодня они считаются достоянием современной медицины.

В этом смысле Конфуцию, как и всей китайской цивилизации, повезло значительно больше, чем тому же В.М. Бехтереву. Не быстро, но уже по прошествии трехсот лет конфуцианство стало национальной доктриной и сегодня для Поднебесной это – одновременно наука и религия, государство и общество, капитализм и социализм. Сквозь её содержание значительно понятнее и доступнее любому человеку становятся отношения собственности и взаимодействие классов, а также вытекающие из них болезни сознания человека. А если ещё удастся разобраться, как можно повлиять на предотвращение различных негативных проявлений, то это заметно облегчит жизнь всему человечеству.

На Владимира Михайловича же, весьма активно и эффективно занявшегося экспериментами по передаче мыслей на расстояние, наехал репрессивно-идеологический каток. Он опрометчиво залез на территорию, которую монополично осваивали большевики. Это было мощнейшее идеологическое оружие возбуждения, воодушевления и покорения своего народа.

Соответствующим образом действовало оно и на классового противника. Убедившись в поразительных результатах ученого, сталинское руководство немедленно прикрыло его исследование, имя ученого вычеркнули из науки и истории, к счастью, не навсегда. Тут же была создана особая секретная лаборатория при ОГПУ во главе с Г.И. Бокием. Но в 1937 году она была закрыта, а все, кто имел к ней при-

частность – расстреляны, хотя, по мнению генерала КГБ А. Здановича, такая работа никогда не прекращалась. Ее засекреченность касалась и касается не только СССР, но и многих других стран.

Это подтверждают и результаты работы внучки ученого Натальи Петровны Бехтеревой, академика, нейрофизиолога с мировым именем, других отечественных и зарубежных исследователей. В общем, то, что мысль материальна, она способна воздействовать и менять предметы и явления, сомнения остались только у самых стойких атеистов, которые не верят множеству очевидных доказательств на конкретных примерах и строгой научной логике. В завершение параграфа предлагаем связать материальность мысли с отношениями собственности и социальными болезнями, но это уже целый каскад отдельных тем исследований человека и общества.

3. Человек как элемент Вселенского компьютера, передающего мысли на расстоянии

Отправив неверующих в путешествие по научным первоисточникам, сами же вернемся к сознанию человека и других живых существ, которое, как подчёркивают многие исследователи, в свою очередь не является неотъемлемой функцией мозга, оно продолжает существовать самостоятельно даже после его уничтожения или исчезновения как физической материи. То есть мозг действительно является всего лишь коммуникатором.

Как думает человек, как возникают его мысли и как происходит процесс обработки и передачи информации – это пока в достаточной мере недоступно ученым и просто необъяснимо. Хотя каждый новый научный результат вроде бы приближает их к разгадке могучих тайн. Казалось бы, еще несколько усилий, еще одно применение ряда новейших инструментов исследования, и удача будет достигнута. Ан, нет. Видимо, правы те, кто считает, что Вселенная в какой мере бесконечна, в такой же и непознаваема, в чем и заключается таинство её вечности. Потому нет конца и у информации, отражающей и составляющей эту вечность.

Ну а ученые пытаются доказать недоказуемое, объяснить необъяснимое и продолжают изучать мозг, надеясь через его физико-химические свойства выйти на разгадку главной проблемы. Что только не делали, а убедиться в том, что он сам излучает электромагнитные или другие волны не удалось – мозг работает совсем по-другому. Выяснилось, что человеческий мозг состоит из миллиардов нейронов. Это нервные клетки, составляющие его ткань, у которых ученые МГУ выявили примерно 2-3 миллиарда информационных связей между собой. В свою очередь каждая из этих связей имеет еще 15-20 связей,

что составляет общую комбинацию взаимных информационных контактов внутри одного человека, превышающую общую численность атомов на Земле.

Фактически в каждом из нас наличествует обширная сетевая структура, которая очень похожа на устройство компьютера со всеми его электронными схемами и чипами. Похоже, но не совсем. Если в компьютере мы знаем, как работают его основные компоненты, сами их проектируем, конструируем, производим и совершенствуем, то у себя в голове пока разобраться не можем. Что несут эти связи, какой информацией и как они заполняются, какую новую память рожают на этой основе – все это пока невозможно расшифровать.

Заслуживает поддержки мнение ряда специалистов о том, что и расшифровывать не нужно и даже опасно, так как могут возникнуть непредсказуемые последствия. Не всё человек знает, знает и должен знать, ибо он так и не научился правильно распоряжаться результатами своей пытливости. Есть такие явно запретные зоны как, скажем, подсознание, куда любому жаждущему новых познаний вход категорически воспрещен.

На эту тему всех нас предупреждал В.М. Бехтерев, который любые попытки изменения сознания человека помимо его воли называл психической эпидемией. Возьмем тот же пример А. Гитлера с его способностью впасть в транс, магически действовать на людей своим голосом и жестами, которые отражались в глазах и умах людей, заражали их агрессивной энергией.

Правда, не всех и не везде в Германии. Уверен, многие не знают один факт. Не знал и я, пока не побывал в Бремене. Так вот, на родине легендарных музыкантов, в городе свободолюбивых ганзейских традиций решили выразить этому демону свое отрицательное отношение. Бременцы, узнав о дате первого приезда Гитлера, решили молча не выходить на улицы и главную площадь для его традиционного шумного приветствия.

Естественно, гестапо тут же доложило все это фюреру. Последовали жесткие меры. Была расформирована земля, то есть регион. Городу резко уменьшили бюджет, прекратили в нем строительство, повысили налоги и т.д. Но его территория так и осталась неоскверненной главным людоедом XX века. А вот некоторые сталинские идеологи совершенно напрасно надеялись на то, что немецкие рабочие и крестьяне не пойдут воевать против своих советских братьев по классу. Еще как пошли! До самой Волги бились за новое жизненное пространство и за свой национальный социализм, оказавшийся гораздо ближе к телу и душе, чем интернациональный.

До сих пор у нас в стране не преодолено нашествие более двухсот тысяч разного рода колдунов, экстрасенсов и шарлатанов, которое

весьма бурно началось в последние годы СССР. Ведь очень мало людей умеют контролировать свое сознание, многие оказываются просто беззащитными от целенаправленного воздействия на них вышеуказанных умельцев. Это касается и определенных средств информации, особенно такой массовой как телевидение или интернет.

Различные способы передачи мыслей на расстояние творят буквально мировоззренческие, поведенческие и даже технологические чудеса. Они включают электролампочки, помогают слепым увидеть и распознать конкретные предметы перед ними, меняют биохимический состав воды и крови, влияют на физическое и психическое состояние людей и даже на коррекцию хода самой истории. Все мы являемся свидетелями постоянных сообщений по данной тематике, а то и конкретно участвуем в таких мероприятиях сами, при этом практически не задумываясь о том, как это происходит на нашем личностном уровне в естественных условиях жизни и происходит ли?

Заметим сразу, происходит, причем со многими людьми. Следуя опыту Н.П. Бехтеревой, я стал внимательно контролировать процесс получения и осмысления наиболее яркой информации, касающейся меня и близких мне людей. И тут же получил подтверждения фактам своего участия в передаче мыслей или какой-то субстанциированной интуиции во времени и пространстве. Приведу совсем свежий пример. Как-то позвонил мне профессор А.И. Молчанов и сообщил, что умер наш общий старший товарищ Тимофей Федорович Безбородых.

Накануне он буквально целый день приходил ко мне в образах различных приятных воспоминаний и совместных жизненных ситуаций. Работали мы с ним вместе тридцать лет назад, после встречались крайне редко и такое пришествие его в мою память, откровенно говоря, меня не просто удивило, а подготовило к мысли о худшем, которую я незамедлительно отбросил. На мой уточняющий вопрос, когда это случилось, последовала информация о точном совпадении даты трагической кончины и нахлынувших воспоминаний о нем. Возможно, он в те минуты думал обо мне, просил о помощи, а может просто попрощался со мной, – вопрос так и останется теперь открытым навсегда.

Четыре года назад заболел мой давний комсомольский товарищ и друг В.А. Брынкин, проживающий в Москве. Будучи всегда могучим и крепким, с явно выраженной исполинской статью, он весьма тяжело переживал свой внезапный недуг. Вплоть до операции и после нее я ему сопереживал, как мог дружески поддерживал его. Два года назад такая же участь постигла меня. Связи между нами не было. Виталий отдыхал на море, я лежал в реанимации, о чем знал единственный из казахстанских друзей Ю.И. Родвальт, по моему требованию хранивший врачебную тайну. В.А. Брынкин позвонил ему в тот же день и по-

требовал рассказать обо мне всю правду, с беспокойством утверждая, что со мной что-то случилось. Его взволнованность проявлялась и в последующие дни, что поразило вначале Юрия Иосифовича, а потом и меня. Расстояние между нами было более двух тысяч километров.

Ясно, что в обоих примерах были задействованы связи связей между нейронами двух, а, возможно, трех и более человек. Примерно понятно, что их соединяющим звеном явился неведомый нам и отчетливо предполагаемый вселенский компьютер, гипотетически описанный многими исследователями. Но как он соединил их в нужное время, в нужном месте и в сознании нужных людей, это вопрос сверхтаинственного содержания.

Еще более загадочным для нас остается явление интуиции или, как его часто называют, внутреннего голоса человека. Замечают его многие, но далеко не всегда прислушиваются, в том числе ваш почтенный слуга, пишущий эти строки. Мне удалось установить, что моя интуиция практически безошибочно срабатывает по линии негатива. Разумеется, в моей жизни было больше позитива, но внутренний голос практически никогда его не предвещал. А вот о возможных бедах и неудачах какими-то непонятными и неопируемыми способами он меня предупреждал и даже как-то притормаживал мои действия и поступки. Когда я это чувствовал, но не реагировал, всякий раз случались соответствующие неприятности.

Об одной из них мой весьма поучительный рассказ. 1990 год, лето, суббота. Условившись о встрече с заместителем председателя облисполкома Н.В. Смоленским, с которым у нас были дружеские отношения, мы в его кабинете договорились пройтись домой пешком и по ходу обсудить какое-то интересующее нас дело. Но тут в кабинет зашел со словами «только поздороваться и подвезти вас домой» один наш общий знакомый. Не успел он за собой закрыть дверь после нашего обоюдотвердого отказа, как к нам пожаловал с более обстоятельным и настойчивым предложением довезти нас куда надо начальник управления главснаба В.В. Чехунов. Почему они так настаивали, зная, что у нас обоих есть служебные машины?

Внезапно с ним согласившись, Николай Васильевич стал сразу же преодолевать мой вторичный отказ. Поблагодарив обоих, я тут же пошел сам домой, сопровождаемый их доброжелательно насмешливыми шутками. Однако метров через сто пятьдесят возле меня остановился легковой УАЗ и оба Васильевичи со словами «неужели ты и сейчас нас проигнорируешь» пригласили меня в машину. До сих пор не могу забыть, как отстраненно звучала ключевая фраза Н.В. Смоленского: сейчас быстренько доедем, а потом под тополем в тенечке с тобой все договорим, как не слушались меня ноги и руки при посадке в машину, в которую вопреки всему я все-таки сел. Как бы извиняясь, ее хозяин

сообщил, что едет в Киев и в машине находятся канистры с бензином. В ту пору там был его дефицит.

Уже минуты через три на перекрестке перед нашим домом, где на балконе были мои дети, водитель умудрился совершить аварию и опрокинуть автомобиль, который вращаясь на одном боку, как шайба, и разнося по всей траектории искры, буквально долетел почти под мой балкон. Очнувшись, я почувствовал падающие капли бензина на меня. Как ни одна из них не попала на коллектор, а бензин не вылился от сильнейшего удара, трудно объяснить. Нас вытащили. Окровавленного Н.В. Смоленского сразу же отвезли в больницу, он же как единственный пострадавший оказался и в официальной сводке о происшествиях по области, что для одного из ее руководителей было явлением крайне редким.

В горячке отказавшись от медпомощи, я все же утром следующего дня оказался в больничной палате рядом с Николаем Васильевичем. Вскорости ему позвонил начальник управления КГБ генерал Ю.В. Власов, который сразу спросил, а нет ли там и меня? Получив утвердительный ответ, попросил передать мне телефонную трубку. Напомним, выше было описано наше с ним непримиримое соперничество на выборах, которое проходило как раз в те дни. Далее произвожу практически дословно его слова. Как всегда начинаю работу со сводки. Мне самому трудно, а тебе и вовсе невозможно поверить тому, что я скажу. Читаю об аварии со Смоленским, а думаю и чувствую, что и ты вместе с ним пострадал, будто я лично вел за вами наружку. Надеюсь, ты плохого ничего не подумал? После краткого пояснения о моих трех попытках отказаться от этой злополучной поездки, он с облегчением произнес – вот тебе и телепатия.

В данном случае мы видим последовательное сочетание и взаимодействие не только моего внутреннего голоса, возникшие в абсолютно немислимой по сложности схеме взаимообусловленных связей, а также передачу и получение мыслей на расстояние от неизвестного и абсолютно неопределяемого источника информации. Не зря в одной народной мудрости дается каждому человеку наставление: прежде чем научиться слушать других, научись слушать себя. Речь, конечно, идет здесь о внутреннем голосе. Прямое попадание в точку интуиции.

Уже чуть ли не аксиомой можно считать то, что наряду с водой, практически весь мир живой природы, а по некоторым доказательствам ученых и часть неживой, являются генераторами, носителями, потребителями и передатчиками информации. Возвращаясь к воде, следует в первую очередь подчеркнуть, что это самое крупное по объему и самое таинственное по качеству вещество на нашей планете. Широко известно изречение Платона, одного из лучших и талантливых учеников Сократа: вода – источник и гробница всего сущего во

Вселенной, символ непроявленного, первичной материи, жидкость все проверяющая.

Не всякий современный образованный человек может с такими глубинными выводами подойти к определению воды. Во всяком случае, во многих научно-популярных изданиях и учебниках она классифицируется весьма упрощенно, как прозрачная, бесцветная жидкость, имеющая сравнительно небольшой набор соответствующих свойств. Вот уж воистину непостижима человеческая натура. Куда не нужно, он лезет, копает, изучает, проникает, а то, что находится рядом с ним, в нем самом, в ежедневном употреблении его мало интересует. Дорогой коллега, тебе же еще тысячи лет назад древние греки показали на всепроникающее, всеохватывающее и вездесущее – бери, изучай, расшифровывай, ставь на службу себе и будущим поколениям.

Прошло уже полвека, а все никак не могу забыть один жизненный эпизод – уход в небытие моей бабушки Галины Григорьевны Бажановой, матери отца. Она тяжело болела, задыхалась и уже не поднималась с постели. Каждый день я по дороге из школы заезжал на велосипеде проведать ее. Однажды она попросила привезти бутылку воды из белой криницы и отправила меня оповестить всех, чтобы после работы пришли к ней. Вечером собрались все дети и внуки. Бабушка сразу же сказала, что сегодня она будет прощаться с нами, с жизнью и водой. Последнее мне врезалось в память особенно четко своей загадочностью.

Она очень спокойно и назидательно беседовала с каждым, запиная наступающее временами удушье криничной водой. Несколько раз повторяла, что она такая же полезная и целебная, как и святая вода. К утру ее сердце остановилось. Мне сказали, что ее последним действием на белом свете был глоток воды из белой криницы. И для всех нас это прощание стало немеркнущим уроком крестьянской мудрости и знанием жизненных первооснов, которые без системы образования и средств массовой информации передавались из поколения в поколение абсолютно неграмотными людьми. Однако знавших и понимавших в жизни то, что неведомо сегодня образованным и не отходящим от компьютеров современникам.

Хорошо, что хоть на рубеже XXI века у человечества возник по-настоящему глубокий интерес к воде, к тому, что является главным и определяющим достоинством жизни в осязаемом мироздании. Неслучайно, моря и океаны, озера и реки составляют наибольшую часть, около 70% Земли как внутри ее, так и снаружи. Причем запасы их постепенно сокращаются до весьма опасных в настоящем и будущем размеров. Вполне закономерно доминирует вода и во многих видах растительного и животного мира, в том числе и в человеке. Не газ и не нефть, а именно вода является и самым мощным энергетическим ре-

сурсом природного мира, являясь по существу исходным источником и главным стимулятором его жизни. Не зря исследователи космоса и ближайших к земле планет ищут на них в первую очередь химический оксид водорода – H₂O.

О чудесах всеобщей водной информатизации уже написано немало научно-популярных материалов, особенно на опыте исследования ее локальных составных частей. А вот глобальных эвристических подходов пока наблюдается мало. Здесь мы находим больше вопросов, чем ответов на невероятные вызовы природы. Известно, например, что все в нашем мире имеет волновую природу, а уж воде ее сам Бог послал. Сколько здесь люди встречают проблем и непреодолимых препятствий, а ведь могли бы уже давно понять простую истину: без постижения формулы слияния с волной в море или океане там нас всегда будут ждать опасности и трагедии. Не зря многие моряки зывают перед плаваньем: море, войди в меня и дай мне силы! Они понимают важность влияния энергии воды, стараются быть с ней заодно, стать ее частью и тогда она поможет преодолеть все трудности любой стихии.

Думается, не за горами и открытие информационных шифров поведения воды в различных обстоятельствах и корреляций воздействий человека на сложнейшие природные процессы. Именно из опытов с малыми дозами воды, которая попадает под злобное проявление человека, его сквернословие и нанесение взаимных обид и меняет свой химический состав, вытекает теория возникновения гигантских цунами, штормов и тайфунов.

С большой долей вероятности можно сказать, хотя это еще требует более серьезных фундаментальных и прикладных исследований, что это информационный взрывной ответ воды людям за их подлость и жестокость, конфликтность и самоуничтожение в огромных масштабах. Дело все в том, что весь негатив человечества считается, запоминается и накапливается в виде информации водой. Когда создается ее критическая масса, происходит ее отторжение, сброс в виде огромных волнений. Это предупреждение и предостережение людям не делать зла, не плодить ненависть, прекратить войны и т.д.

Одним словом, работы здесь непочатый край, хотя имеется много и солидных баз данных, добытых наукой. Достижения в области генной инженерии, особенно расшифровка ДНК человека, дают нам обнадеживающее основание для более аргументированных суждений по этой проблеме. Они вплотную подводят нас к таинственному вопросу, так кто же все-таки впервые зарядил и продолжает заряжать природный мир информацией, кто программист? Возникшее невольное вопрошение подводит нас к Всевышнему разуму... Но и здесь точку ставить явно преждевременно, менее рискованным будет многоточие.

Глава XIV. Социальные болезни как проявление несовместимости сбережения и угасания социальных ресурсов народа

1. Мамонофилия как хроническая болезнь индивидуального и массового сознания

Принято считать, что основные болезни человека сводятся в две самостоятельных и непохожих друг на друга группы. Первая – это болезни тела, в основе которой лежат патологические изменения физиологических и биохимических процессов в организме человека под воздействием внешних и внутренних факторов. Вторая – это болезни души, сознания человека.

Тема эта исследована пока явно недостаточно, здесь наблюдается очень много смысловой неразберихи, разночтения и просто белых пятен. Когда я ознакомился с рядом работ по данной проблеме, у меня сразу же пропало желание заниматься ее системным исследованием ввиду её абсолютной необозримости и неподъемности. Одних только видов таких болезней уже насчитали около ста. Поэтому я взялся за три отсутствующих в известном перечне, зато тесно связанных с содержанием моей монографии.

Не забудем, движение по целине – моя давняя комсомольская традиция. Прежде всего речь пойдёт о мамонофилии – самой древней и самой неизлечимой хронической болезни сознания людей, преследующей наше общество до настоящего времени. В переводе с греческого мамона – богатство. Вполне приличный термин. Но сколько горя и бед причинил и причиняет он человечеству! Неслучайно, в ранних христианских верованиях мамону называли идолом, опаснейшим пороком жадности и стяжательства. Иисус Христос по преданию даже выгнал из храма торговца-менялу и чиновника. Правда, в наши дни эта притча перепечатывается и пересказывается в усечённом виде. Из неё чья-то заботливая рука убрала чиновника. Можно только догадываться, кто и почему почистил древний текст. Редактирующий зорко смотрел в корень самой болезни и её главной метастазы – коррупции.

Опять же возникает аксиомное возражение: ведь деньги, богатство – это ведущий стимул и основа жизни, чему пока нет альтернативы. Правильно, но только в том случае, если деньги служат человеку, а не наоборот. Данный тезис на первый взгляд носит исчерпывающий характер. Однако деньги – это пленительная, повторяющаяся, меняющая маски загадка. Люди почти всё делают для денег, а деньги почти всё делают для людей. Деньги – единственный товар,

который нельзя использовать иначе как освободиться от них.⁵² Впечатляющая формула.

И это далеко не исчерпывающие положения о сущности денег и весьма сложного, запутанного и порой непредсказуемого отношения к ним людей. Почему деньги могут одновременно быть радостью и горем, гордостью и разочарованием, верностью и предательством, уверенностью и сомнением? Почему они объединяют и разъединяют людей, согласовывают и противопоставляют их интересы, стимулируют и тормозят их действия, выводят целые народы на вершины прогресса и ввергают их в пучину кризисов, конфликтов и войн? Как они оказывают воздействие на безмерное богатство и господство одних и вопиющую нищету и угнетение других?

Такой вопросительный сериал нуждается, как минимум, в много-томном комментарии, сделать который нам не представляется возможным. Хотя при внимательном прочтении данного исследования читатель может найти вполне полезные пояснения и даже ответы на ряд поставленных вопросов. Нашей задачей является анализ денег как болезни, поэтому поторопимся с определением.

Мамонофилия – это болезнь сознания человека, в процессе жизнедеятельности которого вырабатывается твёрдое убеждение, непоколебимая вера в силу денег как во всемогущее божество, определяющее все его социальные действия, поступки, мотивации и цели, и постепенно превращающееся в главный смысл жизни.

Кто, когда и в какой жизненной ситуации может заболеть мамонофилией, как протекает болезнь, на какой стадии превращается в хроническую и каковы её последствия для окружающих, есть ли рецепты излечения? Вопросов много, немало есть и ответов на них в специальной литературе. Однако целостная картина пока не вырисовывается. Не облачаясь в костюмы первооткрывателей, попытаемся прояснить отдельные её проблемы. Итак, может ли, например, заболеть и по каким причинам бедный, малоимущий человек или данная участь постигает только богатых?

Подтверждение этой возможности мы можем обнаружить даже при первом взгляде на своё ближайшее окружение по работе и в быту. Такие люди выделяются своей поношенной одеждой, неухоженностью, крайне скудным питанием, манерами общения, в котором пессимистические настроения, частые ссылки на нехватку денег явно отделяют их от других. Они обычно жалуются на всё и всем.

Как и всякая болезнь, мамонофилия начинается исподволь. Обожествление денег незаметно, постепенно поражает сознание человека, подчиняет себе его жизненные устремления и становится самоценностью, высшим критерием успешности и престижа. Вначале очень значимый в житейском плане процесс накопления денег используется на

удовлетворение различных потребностей, затем идёт их отложение на перспективу, на детей, на чёрный день и т.д.

Заболевание возникает на грани перехода накопления в накопительство, когда деньгами начинается измерение всего и вся, и они из средства существования и развития превращаются в самоцель. Очень важно подчеркнуть: заболевший человек перестаёт замечать и понимать, что он всё больше живёт и работает ради денег, которые становятся важнее его самого и всей его жизни. Меняется его характер, поведение, взаимоотношения с деловыми партнерами, родными и близкими вплоть до распада бизнес-тандема и семьи.

Один из лучших социологических инструментов – метод фиксированного наблюдения позволяет нам получить поразительные результаты, ярчайшие срезы нашей социальной действительности, соответствующей острым противоречиям эпохи разорванного времени. И так, в храме идет молебен. Зал переполнен мужчинами в добротной одежде и с неистребимым атеистическим налетом на лицах. Верующие, в основном пожилые и среднего возраста женщины, незаметно растворились в организованной мужской массе, готовой отсидеть или отстоять любой ритуал, любое совещание в полном составе и строго по списку. Таково незыблемое правило поведения номенклатуры.

Наблюдение фокусируется только на тех, кто имеет твердоустановленный диагноз мамонофилии. Вот истово, четко в такт песнопению молится человек ярко выраженного ангельского облика – хоть икону с него пиши. По жизни может построить храм, правда, чисто организационно, не за свой счет, так как движение денег у него одностороннее – только по направлению к себе, причем без ограничений и остановок. От себя почти никогда. Он попросту поглощён этим процессом, соподчиняя ему все остальное, происходящее в его жизни. При любом случае готов отобрать чужое и присвоить себе, не упустит даже ржавого гвоздя. Отношение к людям чисто потребительское, больше их пользует, чем уважает. Нужен человек, приближает его к себе, заводит дружбу, не нужен – отдаляет. Может поприветствовать человека как близкого и родного, а потом заглазно дискредитировать перед другими людьми.

Хорошо знает, что двоедушие – один из тягчайших грехов. Но это знание никогда не переводит в норму своего поведения. Наоборот, очень часто думает одно, говорит другое, делает третье. Особенно любит говорить о порядочности, нравственности и духовности. В это время у него меняется выражение лица и особенно голос, который приобретает трепетные оттенки, предназначенные только для одного – сокрытия своего истинного лица и своей болезни. Ведь ради денег он готов на всё. Любое зло выдать за добро и – наоборот. У него даже многодушие – обыденное рабочее состояние. В этом перевоплощении сила

номенклатуры. И её не может превзойти ни театр, ни кино. Искусство жить по лжи оказалось самым массовым в номенклатурной среде.

Рядом не очень уверенно молится, постоянно поглядывая на других, еще один персонаж, у которого, как говорят в народе, «с рук ничего не вырвешь – только в руки». Такой добровольно не пожертвует ни на какие добродетели. Для него вера, убеждения – это всего лишь манёвр, направленный на одну цель – накопительство. Ради него он может присягнуть на верность сегодня одному, завтра – другому, перебежать в любую партию, лишь бы она отвечала главному критерию – силе, способной обеспечить удовлетворение его в пожизненном мамонопоклонении.

Третий без особой застенчивости стороной обходит попечительскую урну, у него никогда нет с собой даже мелочи на стакан воды – всё на счетах, которые он постоянно мониторит, иногда даже во сне. Его главный ориентир только мощь власти и денег. Размерами счетов определяется и стиль, и содержание его общения с другими людьми. Он тоже чисто денежный, как и у гоголевских персонажей.

Теперь подведём итоги нашего фиксирования. Все три наблюдаемых в жизни и в храме – разные люди. По-разному протекает у них и болезнь стяжательства, но ведут они себя по большому счету одинаково: постоянно фарисействуют, лгут, выдают желаемое за действительное и в расчет не берут, что их суть расшифровывают другие, с презрением относятся к ним. Объединяет их и главное качество жизни: молятся они Богу, а служат мамоне. И будут служить, судя по всему, до конца. Потому что, отмаливая свои грехи и часто, вполне искренне веруя в божественную силу и помощь по их исправлению и искоренению впредь, они не допускают даже мысли о греховности самого заболевания.

Получив мамонофилию по наследству или заразившись ею от других людей, человек становится хронически больным и, как следствие, социально ущемлённым. Ещё в советское время, когда считалось, что при социализме нет причин для возникновения социального неравенства, так как нет эксплуатации человека человеком, мы утверждали другую точку зрения. В состоянии крайней бедности, в условия неравенства по отношению к другим людям человек может попасть в результате стихийного бедствия, трагического случая или тяжёлой болезни, в том числе и мамонофилии.

В последнем варианте он, погрузившись в процесс накопительства, самопроизвольно ограничивает своё жизненное пространство, фактически отказывается от возможно достижимого качества жизни. Причём, мысли осознать разумные пределы, вовремя остановиться практически не возникают никогда и ни при каких обстоятельствах. Скучно питаюсь, экономя деньги на лекарства, отдых и другие здо-

ровьесберегающие, продлевающие физическую и обогащающие духовную жизнь затраты, мамонофилист тем не менее чувствует себя обеспеченным, возможно, даже состоятельным и богатым человеком. Он живет в абсолютно осознаваемых и четко ощущаемых условиях отложенного счастья и потребления. Устремление вперед к ещё большему накоплению, даже после полной победы денег над человеком, остаётся незыблемым. Невольно получился еще целый блок новых тем диссертаций, причем весьма актуальных и интересных.

Последствия такой болезни у разных людей бывают разными. Одно дело человек рядовой, небогатый и совсем другое – человек, обладающий властью над другими людьми, финансовыми и материальными ресурсами. Если заболевший мамонофилией – руководитель какого-то государства, то страна может быть и богатой, и бедной в зависимости от климатических и геолого-минералогических условий, но люди при нём будут всегда бедными; если это руководитель региона, особенно из категории долго несменяемых, то большая часть ресурсов там будет работать на него лично и его клан при бедственном положении основной доли населения; если заболит олигарх-приниматель, то дело может кончиться не только банальной бедностью и нищетой его наёмных работников, но и, в случае изъятия средств из фондов развития, крахом всей его собственности. Недавние события на Украине и в ряде других стран – яркое тому подтверждение.

Накопительный порыв мамонофилистов не останавливают никакие деноминации, дефолты и даже смены денежных единиц. Здесь наблюдается только разница в их действиях. Если небогатые теряют в одночасье всё накопленное, то без промедлений и дальше продолжают собирать деньги в банк или в банку, оставаясь в том же бедном состоянии. У богатых другой подход. Понимая ненадёжность любых валют, они своё накопительство нацеливают на предметы роскоши, недвижимость и т. д.

В начале XXI века Россию охватил бум строительства невиданных по масштабам, разнообразию и дороговизне торгово-развлекательных центров (ТРЦ). Как и положено, пример подала Москва, затем его подхватили республиканские и областные столицы, крупные города. Всюду под них выделяются лучшие земли, самые удобные места, а если таковых не оказывается – застраиваются парки, скверы, площади и даже дворцовые территории учебных заведений, медицинских учреждений и т. п.

Приниматели всех мастей вкупе с чиновничьим людом соревнуются и по сей день, кто построит быстрее, больше, дороже, многофункциональнее. Здания даже лучших университетов страны выглядят бледной тенью таких комплексов. Опять же нет никакой статистики – сколько за последние 10-15 лет построено данных сооружений,

какие и чьи деньги на это потрачены. Хотя даже по грубым прикидкам очевидны впечатляющие объёмы, которые в сотни, а то и в тысячи раз больше затрат на науку и внедрение инноваций.

В средствах массовой информации иногда просачиваются сведения, подтверждающие вышесказанное, особенно когда снимают с высокой должности очередного мамонофилиста. Так, в собственности родителей бывшего мэра Челябинска, а затем губернатора области М.В. Юревича обнаружено десять таких объектов, в том числе первый и единственный на Южном Урале универсальный торгово-развлекательный комплекс «Родник» общей площадью 135 тысяч квадратных метров. На его этажах расположились 150 магазинов модной одежды, обуви, товаров для дома, восьмизальный мультиплекс «Киномакс», игровой комплекс «Мегалэнд», гипермаркеты «Ашан», «М.Видео», «Спортмастер» и другие.

Но это далеко не все. Талантливому государственному деятелю оказалась подконтрольной целая бизнес-корпорация, объединяющая десятки предприятий, гостиниц и ресторанов, агрофирм и управляющих компаний, телевизионных компаний и радиостанций, издательских домов, не говоря о прочей автозаправочной мелочи. Ни одному социологу и экономисту не разгадать загадку, как с начала властной карьеры экс-губернатора крупными бизнесменами быстро стали его престарелые родители, родственники, приятели, личный водитель и другие лица, способные к выполнению функций акционера-ординарца.⁵³

Возникают вопросы, а как и когда можно чисто физически управлять одновременно таким мощным уральским регионом и огромным многофункциональным бизнесом, где найти, мобилизовать и использовать личные человеческие ресурсы, даже если ты по натуре и силе многостаночник-стахановец? Ответ о слиянии власти, денег и бизнеса будет правильным, но слишком односложным, требующим структурно-функциональной расшифровки.

Итак, власть, бизнес и деньги – все это новое с 1991 года, все во многом непривычное, неожиданное и непонятное большинству людей. Власть они могли избрать и поначалу избирали, как и хотели, на свободных демократических выборах. Могли начать и вести бизнес по принципу «можно все, что не запрещено законом» – полная свобода. В том числе приобрести деньги, которые еще вчера были пустыми советскими бумажками на счетах сбербанка или в надежно спрятанных зачачках, мгновенно обесценились и полностью исчезли, оставшись навсегда в яростных воспоминаниях и восклицаниях их владельцев о том, что на них можно было купить машину, дом, квартиру, золотые украшения и другие ценности.

Одновременно с лишением такой чисто гипотетической возможности они очень быстро забыли про то, где и, самое главное, как они

могли это сделать практически. А купить что-либо в условиях, когда на завершающей стадии развитого социализма дефицитом становились элементарные бытовые вещи массового спроса было абсолютно нельзя. Можно было только достать при тщательном планировании и осуществлении специально организованной социально-технологической операции с применением методов сложноподчиненных взаимозависимостей и взаимосвязей.

Не слишком ли мудреным получился данный социологический тезис? Нет, наоборот, он выглядит очень конспективным и упрощенным, так как в свое время не получил должного осмысления и развернутого обобщения. Просто в предмет социологии тогда не входили такие явления, как: блат, доставание, взаимоотношения «ты мне – я тебе», талонизация, очередность и т.п. К большому сожалению, они оказались как бы выпадающими элементами социально-гуманитарных наук, а, возможно, и выпавшими навсегда в своей глубинной непостижимости.

А ведь это были по сути ежедневные тренировки десятков миллионов советских людей по своему жизнеобеспечению, в которые они вовлекались с молодых лет в семьях, в учебных заведениях, во дворах. Таким было и зарождение, и развитие социальных технологий, только со знаком наоборот – не по пути развития и прогресса, а по ходу движения назад, в отставание и запущенность всего и вся, начиная от норм поведения и заканчивая низким уровнем хозяйствования. Социальные технологии движения назад или, по-иному сказать, регрессивные социальные технологии – это тоже уникальное явление в жизни общества.

Повторение такого исторического опыта вряд ли реально, но он сыграл, как ни странно, свою поистине неопределимую роль в подготовке народа к новым вызовам и тяжелейшим испытаниям. Ведь без таких уроков своего жизнеутверждения ни тогда, когда самый справедливый строй на земле все, вплоть до куска мыла, планировал и гарантировал для каждого человека, правда, больше на словах, на деле же побуждал всех выплывать в сольном исполнении. Ни теперь, когда картина жизни перевернулась на 180 градусов и товары по велению рынка появились в ассортименте – бери, не хочу, а деньги у большинства исчезли напрочь, ситуация могла закончиться самым трагическим сценарием. Но возмущенные люди не пошли на очередную революцию, на разрушение «нового-старого» строя. Они оказались внутренне готовыми в рядах челноков и младобизнесменов к самосохранению.

Вот тут бы власти подсуесться и продуманно использовать огромный кадровый, научно-технический и производственный потенциал, доставшийся от ушедшего в небытие строя. Не будем даже задаваться вопросом, почему очевидный, неотвратимый по внутренней логике и опыту развития аналогичных ситуаций в других странах процесс не стал реальностью в новой России. И так понятно, что у оказавшихся

во власти чиновников не нашлось на эту громоздкую и сложную работу ни времени, ни желания, ни сил. Ведь в их распоряжение попали уникальные богатства, невиданные по объемам и многообразию ни в одной стране мира.

К тому же, в процесс осознания ими новых возможностей и планов, наряду с созидательным началом одновременно вступили и бактерии мамонофилии. У одних они уже активно и натренированно размножались еще в советское время, у других находились в спячке и впервые вышли на старт капиталоемкого марафона. Не в каждое даже тысячелетие выпадает подобный случай хотя бы один раз, и, тем более, далеко не каждый человек выдержит такое высочайшее напряжение во всех отношениях опасных соблазнов, неотвратимо переходящих в эпидемию мамонопоклонения и далеко не всегда заканчивающихся благополучно.

На приватизации огромных пластов ничейной собственности, с высочайшей точностью охарактеризованной народом как «прихватизация», сошлись в одном порыве и стремлении взять побольше и представители старого партхозактива, и нувориши с криминальным и полукриминальным прошлым, и, конечно же, рулевые новой власти. Это, как подчеркивалось выше, был сложнейший процесс, нередко с непредсказуемыми последствиями для действующих в нем лиц. Часть из них отстреляли, взорвали, некоторые пропали без вести, а оставшиеся в живых занялись упорядочиванием броуновского движения и систематизацией своего бизнеса.

Из таких противоречивых, суровых жизненных университетов и вышла целая плеяда государственных управленцев нового XXI века, которые олицетворяют собой ядро самой неэффективной, коррумпированной системы государственного капитализма, тормозящей развитие любой страны. Вслед за освобожденным от должности М.В. Юревичем, ставшим, как положено по современным российским традициям депутатом Государственной Думы от правящей партии, по недоверию был уволен губернатор Новосибирской области В.Н. Юрченко, похожий по своему бизнес-почерку на челябинского коллегу как однойцовый близнец. А сколько таких по стране?

И тут проблема не в отдельных личностях, а в жестких противоречиях самой реформации государственного устройства, особенностью которого является смешанная экономика, где частная собственность не является доминирующей. Следовательно, управление государственными активами в сочетании с непомерным администрированием предпринимательских структур создает питательную среду для образования в отдельных регионах криминально-бюрократических олигархий, развивающихся по самопроизвольной программе.

Лучших условий для разгула стяжательства и мамонофилии трудно даже придумать. Определенным стимулом в этом послужили меры

по централизации, выстраиванию жесткой вертикали власти, сопровождающиеся отменой ряда прямых выборов, сужением диапазона действий свободных средств массовой информации, угасанием инициатив и контроля гражданского общества, что, безусловно, способствовало как ликвидации явных угроз распада страны, так и возникновению новых очень опасных, нарастающих вызовов.

Одним из них является низкий уровень эффективности работы органов местного и регионального управления. Ведь чем они по существу были заняты в тех же вышеназванных областях? Там, как и в других регионах, многие чиновники вовлекались в решение повседневных проблем организации и развития специфических олигархий. Возьмем тот же торгово-развлекательный центр. Чтобы его построить, надо подготовить достаточно крупный участок земли, очистить его от других объектов, выиграть тендер на ее покупку, провести оформление через земельный кадастр, сделать привязку и весь проект, подвести туда все коммуникации, значительно увеличив мощности энергетической, тепловой, водоканализационной и других систем инфраструктуры, построить дороги и выполнить благоустройство.

Все это требует многочисленных согласований, подписей, проведения различных совещаний, планерок, написания протоколов поручений, организации контроля за выполнением. Без заинтересованного административного ресурса такое не под силу ни одному даже самому крупному предпринимателю. В лучшем случае он потратит на это много лет невероятных усилий и хождений по инстанциям, уйму денег и выйдет на финиш опустошенным в физическом и финансовом отношении. А вместо строительства реального торгово-офисно-развлекательного центра ему придется любоваться только красивыми компьютерными проект-картинками.

Разумеется, практически большинство исполнителей, зная, на чьи интересы они работают, делают всё это в безотлагательном, срочном порядке, естественно, все остальные дела безбоязненно откладывая на потом. Отсюда – волокита, неразбериха и просто издевательство над людьми, обратившимися в местные органы власти за решением даже самых простых житейских вопросов. Особенно ярко и образно это заметно во время трансляций общения Президента РФ с народом в прямом эфире, хотя этот процесс тщательно готовится и оберегается от всяких неприятных неожиданностей.

Следует добавить и такие составляющие административного ресурса содействию особым бизнес-проектам, как: выделение им земельных участков, выделение льготных кредитов, бюджетное финансирование инфраструктурных коммуникаций, оказание помощи через различные формы своим же аффилированным малым и средним

предприятиям, участвующим в их реализации, обеспечении налоговых преференций.

Одна специально отложенная, скажем хотя бы на один год, постройка такого мощного комплекса на налоговый учет не дорогого, а очень дорогого стоит, не говоря уже о значительном или полном освобождении его от всяких обременений и поборов, которые распространяются на других предпринимателей. В общем, если бизнес-проект находится под патронажем главы местного самоуправления города или губернатора, зеленый, высокоскоростной коридор ему обеспечен, а его высочайшая конкурентоспособность гарантируется в сверхполном объеме. Это главная причина, из-за чего не наполняются местные и федеральные бюджеты. На дворе капитализм для своих.

Неслучайно, такие высокодолжностные лица, невзирая даже на самые громкие скандалы и разоблачения, до последнего не покидают своих должностей. Вначале они думают, что действуют по негласным правилам в соответствии с «линией партии», достигают внушительных бизнес-результатов, затем постепенно теряют всякое чувство меры, выходят за беспредельно-запредельную черту, где уже в обязательном порядке что-то не стыкуется, не срастается и просто прорывается внаружу.

Ну, а дальше начинаются лечебные процедуры мамонофилистов – отставки, уголовные дела, переделы собственности, словом, кому и как повезет, в зависимости от степени неподсудности. Бывший Новосибирский руководитель обременен в настоящее время возбужденным против него уголовным делом. Видимо, в отличие от своего Челябинского коллеги не сумел подсутиться, во всяком случае – пока.

Сосредоточившись на провинциальных примерах, мы как-то упустили из вида наш столичный город Москву, заслуживающую отдельного развернутого исследования по этой проблеме. У нас же есть возможность только одним небольшим примером продолжить ход данного повествования, для чего приглашаем посмотреть на самый пассажироёмкий Курский вокзал столицы. Вы его не сразу заметите, ибо в нескольких метрах впереди него на всей площади, ранее оставленной для удобного обслуживания сотен тысяч людей, возвысилось сооружение с символическим названием «Седьмой континент».

Явно доминируя на новом, ставшем теперь уже чудовищным, архитектурно-планировочном пространстве, этот комплекс втягивает массы людей в непривычный для них мир потребления, наслаждений и выпускает из себя в хорошо знакомый им мир хлопот, тягостей и лишений. Изумлённые граждане, с огромным трудом попадающие на этот вокзал, впитывают в себя как бы два смысла жизни, две страны. Тот, кто придумывал такое название, смотрел далеко вперед, с максимальной точностью и беззастенчивой открытостью отделяя новую касту мамонофилистов от своего обобранного народа.

Действительно, создаётся впечатление, будто по чьей-то невидимой команде дан старт всенародным развлечениям, массовому погружению всех и каждого в потребительский рай. Тысячи юношей и девушек, да и представителей других поколений, праздно гуляющих по роскошным просторам увеселительной индустрии, – это хорошо известные и вполне приличные картины туристических и курортных центров южных стран.

Однако такой приоритет вряд ли приемлем для нашего северного, во многом разорённого и не обустроенного государства, где нет ни одного стандартного автобана, даже между двумя столицами – Москвой и Санкт-Петербургом. Где за последние 15 лет исчезли с карты более 12 тысяч сёл, а в большинстве моногородов и райцентров закрылись предприятия, угасла социально-экономическая жизнь, где одни из самых низких в Европе средние показатели зарплат и пенсий при почти самых высоких ценах на все необходимое для жизни, где только недавно смертность сравнялась с рождаемостью, а затем снова возвысилась над ней. А на вопрос, почему в богатейшей всеми мыслимыми и немыслимыми припасами России так бедно живет народ, не может ответить ни один государственный деятель. Разве тут до развлечений!

Напрасными выходят старания отечественных деятелей науки и культуры по многолетнему поиску, обоснованию и внедрению в жизнь национальной идеи России. Они превратились в нескончаемые синергетические упражнения. Сколько здесь исписано чернил и бумаги, проведено дискуссионных прений и столкновений! А ключик-то от искомого идеала – прямо перед нами, в виде всего лишь трёх, правда, очень больших букв – ТРЦ.

В самом деле, торгово-развлекательные центры – сегодня наиболее дорогое и красивое, крупное и значимое достижение России за последние годы. По впечатляющим и непревзойдённым масштабам его можно сравнить разве что с ракетно-космической эпопеей или индустриализацией. Вот и получается – достигнутое на наших глазах вполне тянет на национальную идею. Куда там науке, культуре, школам и тем более детсадам – до них ли, всегда бедным и хлопотным.

И эти результаты заслуженный трудовой успех номенклатуры, сумевшей пройти многочисленные тернии и даже жертвы, сохранившей, закалившей и укрепившей себя в борьбе за господствующую, руководящую роль, которая в числе немногих претендует на политической карте мира на свою несменяемость. А это означает многое. И внедрение торгово-развлекательных технологий жизни является лишь очередным этапом в дальнейшем развитии и совершенствовании номенклатуризма, который пока живет и побеждает, несмотря на свою историческую бесперспективность, безнадежность и обречённость.

Причина такого вывода раскрывается в самом названии данного параграфа. Ведь торгово-развлекательная политика и практика, обеспечивая тотальное утверждение власти денег, как-то не стыкуются и даже входят в явное противоречие с такой очень обременительной и трудноосуществимой идеей, как сбережение народа. Слишком уж быстро, остро и пронзительно выдвигаются на первый план демобилизация и угасание энергетических, интеллектуальных и других социальных ресурсов общества, что приведёт к его неизбежной деградации.

Мы живем в эпоху надвигающейся глобальной трагедии мира. И это ощущается нами пусть и подспудно, но вполне отчетливо, в виде каких-то внутренних напряжений, уязвимости, нестабильности и непонятных тревог. Могут ли уловить их сущность и причины возникновения миллионы молодых людей, многие из которых получили высшее образование в обмен на деньги, не понимая, куда пристроить вожделенный диплом и себя в этой жизни. Вряд ли. Зато торгово-развлекательная индустрия знает, что с ними делать. Ее сверкающие роскошью залы, словно гигантские электромагнитные провайдеры, вытягивают из каждого последние копейки скудных родительских зарплат и бабушкиных пенсий. И конвейер этот работает, набирая обороты, с утра до ночи, а то и круглосуточно.

Главное, он на уровне индивидуального и массового сознания буквально бетонирует установку: за деньги можно купить все – пищу, одежду, машину, настроение, развлечение, любовь и даже счастье. Чуть не забыли про детей, они тоже сегодня объект купли-продажи. Отсюда – формирование низменных потребностей и ценностей, многообразные проявления девиантного и криминального поведения.

Но это потом. Вначале нам очень интересно посмотреть, какими способами привлекаются туда миллионы людей. На первый взгляд, должно быть все как обычно: зазывная реклама, красивые входы и выходы и непосредственные объекты купли-продажи. Но при более внимательном изучении здесь обнаруживается целая социология заманивания, психологической обработки и нацеливания покупателя на как можно более максимальные расходы его собственных денег. Все продумано до мелочей. Без внимания и специально организованных мероприятий не оставляется ни один шаг любого человека, переступившего порог торгово-развлекательного комплекса.

Во-первых, такие объекты представляют из себя целую индустрию торговли, развлечений и досуга объемами в десятки а то и сотни тысяч квадратных метров. В него можно идти и идут на целый день. С семьями, с детьми, друзьями и коллегами по работе. Но как побудить их на такой ход? Для многих сфер жизнедеятельности общества побуждение было и есть весьма серьезной проблемой в организации различных процессов и в управлении людьми. Лично я как руководитель при

всем целенаправленном усердии так и не сумел надежно усвоить этот метод руководства. Принуждение и даже такой более сложный компонент воздействия на людей как убеждение – пожалуйста, делалось и делается всегда и по привычке, и по традиции, сливаясь в единый целостный управленческий узел.

Здесь же целинное пространство побуждения быстро освоили руководители торговых империй, на научной основе разработали такой комплекс побудительных мер по привлечению и, самое главное, обольщению покупателей, что впору обобщать и распространять сей инновационный опыт на другие сферы производства и обслуживание населения. Ключевым здесь является внедрение незаметного процесса управления клиентом. И пусть оппонент не торопится восклицать – как это? Ведь каждый человек идет за определенными покупками, четко зная сколько, по какой цене и какого товара ему нужно приобрести.

Так-то оно так. Но совсем по-другому, чем наивный оппонент и близкий ему по духу покупатель, думает управление торговым центром. У него задача не просто поддерживать, а ежедневно наращивать объемы продаж товаров и услуг, для чего по каждому отдельному объекту выводится специальная цифра – план. Это большевики самоуверенно присвоили его себе в заслугу, а капиталисты никогда и не списывали его со счетов. Выводится он из общего количества затрат посещавших в среднем за день покупателей. Допустим, составляет он одну тысячу рублей. А посетителю нужен товар всего лишь на триста рублей. Казалось бы, какая сила может заставить потратить его в три раза больше? На самом деле такая сила есть – сила побуждения к другим покупкам.

И она вступает в действие прямо с порога при открытии автоматической двери супергипермаркета. Уже во входной зоне, отличающейся просторными, комфортными условиями и специальным дизайном, человек должен как бы притормозить, задуматься и осмотреться, а не мчаться сразу с выпученными глазами за намеченным для приобретения товаром. Здесь никто не заинтересован в том, чтобы он кратчайшим путем добрался до своей цели. Наоборот, через яркий свет, информационные указатели и рекламно-художественные образы его всячески вовлекают, затягивают в различные отделы с тем, чтобы он проделал как можно больший путь и освоил максимально возможное торговое пространство.

Посетитель думает, что самостоятельно идет, а в действительности его уже ведут технологии побуждения. Так шаг за шагом он продвигается от отдела к отделу, импульсивно наполняя свою корзину покупками, которые вовсе не планировал делать. Сделаем одну социологическую ремарку. Ведь само побуждение мало что означает с точки зрения результативности, если не переходит в новое качество

– мотивацию, а последняя не завершается конкретным действием. Что толку от того, что посетитель обойдет весь комплекс и ничего не купит, все время будет срезать углы, мало останавливаться и двигаться по прямой линии. Это пахнет провалом всего менеджмента.

Для предотвращения данного негатива в бой бросают золотые полки на уровне глаз, запахи различных вкусов и напитков, вершиной восприятия которых становится процесс прикормки клиентов симпатичными девушками, приглашающими попробовать кусочки новых колбасок, сосисок, роллов и других деликатесов. О кофе, соках, водах, мороженом и других заманчивых прелестях, удобно расположенных по ходу движения людей, можно и не рассказывать. И так все понятно, не всякий раз можно мимо пройти.

Но нам впору приближаться к завершающему аккорду столь деликатного управленческого фокуса – кассе. Звучащий возле нее радиоголос взбадривает вас объявлением о том, что если вы купили на такую-то сумму товаров, то станете участником беспроигрышной лотереи или получаете специальный бонус на скидки под будущее посещение и приобретение в данном заведении.

Поглядывая на ставшую не по вашему плану слишком увесистую корзину, вы, как по замороженному внушению, начинаете быстро думать и сопоставлять варианты ее пополнения до искомой, а точнее до запланированной отделом продаж супермаркета суммы. Конечно, наперевес тут же устремляется другая, более беспокойная мысль, а хватит ли в кармане или на карточке денег. Убедившись в своей платежеспособности, вы полностью удовлетворяете все планы и ожидания втянувшего вас в себя заведения.

Ну, а если еще рядом с вами и ребенок, нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу в стремлении выскочить из замкнутого пространства на волю, и в кармане остается небольшая часть вожденного ресурса, считайте секунды и она моментально исчезнет на расположенных рядом полках с шоколадом, леденцами, жевательными резинками и другой снедью.

Словом, на выходе из очень гостеприимного и очень приветливого торгового комплекса вы без труда убедитесь в том, что от мыслей об экономии и бережливости, не покидавших вашу голову после строгого домашнего инструктажа еще на входе, не осталось даже воспоминаний. Все они исчезли по ходу удовлетворения одного из вечных предпочтений – человеческой любознательности.

И это еще не все. В заключение вас ещё ждет взыскательный вопрос руководителя семейной комендатуры – я тебя посылала за чем? А ты куда пошел и чего набрал? Естественно, тут простыми словами убедительности в напряжённом объяснении не достигнешь. Не помогут в данном случае и более углубленные рассуждения о том, что

супермаркеты стали для всех нас формой не только потребления, но и социальной активности, эффективным средством исполнения наших желаний, которые сами же они и формируют.

Но может быть это все страшилки? Может, благородно очищая наши кошельки и карманы от всего лишнего и так всегда нужного, мамонофилисты собирают гигантские финансовые потоки и посылают их на модернизацию экономики, разработку и внедрение новейших научно-технологических проектов, а вместе с ними и на строительство детсадов, школ, больниц, повышение пенсий?

А что, вдруг это и есть та самая инфраструктурная нагрузка, вытягивающая все городское хозяйство, о чем не догадываются простые жители, а обложенные ее обременениями предприниматели напрасно обижаются на чиновников. Стоп! Надо вовремя остановиться и прервать процесс самофантазирования. Реальный анализ вышесказанного твердо убеждает нас в том, что в лучшем случае такой капитал воспроизводится в расширении все той же торгово-развлекательной индустрии или попросту вывозится через офшоры за рубеж, инвестируя развитие других стран и народов.

Не дело социолога заниматься анализом финансовых потоков, и никогда они в этом плане не выступали в качестве самодовлеющей силы, но сама фабула нашего исследования неотвратно побуждает встать на данный путь. Речь идет о специфике формирования именно социального капитала в зависимости от доминирования того или иного типа экономики. Не доведи Господи читателю подумать, что к таковым капиталовложениям относятся торгово-развлекательные комплексы. У кого может повернуться язык назвать социальным то, что является антисоциальным по сути. Ведь как раз их создатели и откровенные носители мамонофилии готовят в них все условия для эрзац-социализации, переходящей в многочисленные девиантные метастазы для молодых посетителей.

Массовое потребление в них под воздействием агрессивной рекламы разнообразных химизированных синтетическими ароматизаторами и добавками напитков и продуктов приводит любого человека вначале к питьевой и пищевой зависимости, а попросту к разновидности токсикомании, а затем и к более серьезным заболеваниям внутренних органов. Неслучайно, в США и других странах, ставших, к слову, родоначальниками таких технологий, уже много лет, несмотря на жесточайшее сопротивление местных мамонофилистов, введен запрет или ограничение на их распространение среди молодежи.

Опять же нашу логическую конструкцию можно вполне успешно разрушить утверждением о том, что многие торгово-развлекательные центры в последнее время стали насыщаться и чисто социальными объектами – кинотеатрами, спортзалами и т.д. Да, по форме и назва-

ниям это социокультурные площадки, но вот по содержанию многие из них выполняют асоциальные функции. Работают только ради выкачивания денег любой ценой, не отягощая себя морально-этическими соображениями.

Взглянув на репертуар тех же кинотеатров, в которых безраздельно господствуют боевики и фильмы ужасов, можно без психоаналитика и невропатолога понять, что после их просмотра при высокодецибельном звуковом сопровождении вряд ли любой школьник или студент будет в состоянии качественно подготовиться к учебным занятиям, прочитать интересную книгу или прислушаться к хорошей музыке. Скорее наоборот – его потянет на любые нестандартные поступки и отклонение от норм морали. Последствия воздействия игроиндустрии, переходящей в игроманию, можно даже не комментировать – они наносят тяжелейший удар по обществу.

А известна ли социальная цена такого вектора инвестиций его авторам и исполнителям? Разумеется, они хорошо осведомлены не только о финансовых параметрах бизнес-проектов, но и о серьезных издержках, которые видны невооруженным взглядом, особенно в части общественных настроений. Недаром, некоторые объекты еще на стадии проектирования маскируют под культурно-оздоровительные. Такой сценарий, например, осуществлен в парке Победы г. Белгорода. Несмотря на незначительные размеры своей территории, он из-за своего центрального местонахождения попалтаки в поле зрения и под тяжелую, безжалостную руку мамонофилистов. Да и только ли он – в городе уже не осталось мало-мальски свободной для отдыха территории, которую бы не застроили хапуги, нагло отбирающие у людей даже их общую собственность – жизненное пространство.

На глазах возмущенных горожан, их детей и внуков они оперативно разрушили детский городок-крепость, игровые площадки, убрали оттуда один из ярких исторических символов областного центра – старый паровоз. Все это объявили обветшалым и неэстетичным, взамен же в кратчайшие сроки было смонтировано крупное модульное сооружение, по невзрачному архитектурному облику мало напоминающее культурный объект, достойный парковой зоны.

Зато сколько помпы и пиара в присутствии первых руководящих лиц обрушилось на белгородцев! Попробуй хотя бы подумать о сомнительности внушительных цифр охвата культурно-оздоровительными мероприятиями всех желающих, от пионеров до пенсионеров. Правда, недолго музыка такая здесь играла. Вскоре она и вовсе умолкла, а объект молниеносно, без особой застенчивости перепрофилировали на торговый лад, как и планировалось изначально. Потом на всякий случай перепродали и – всё шито-крыто.

И так по всей стране, и по всему миру. Только с одним отличием: там, где это делается на основе здравого смысла, социальные опасности не приобретают острого характера, всячески нейтрализуются, а где творится по велению бесноватого, да еще вперемежку с мамонофилистским угаром – там жди беды. И она уже стучится в дверь, причем, вполне радужными показателями работы всей торговой сферы страны.

Вспоминаются по этому поводу возмущения и переживания моего давнего коллеги по городской номенклатуре и товарища Станислава Сергеевича Михалёва, трагически погибшего несколько лет назад. Более 20 лет возглавлял он архитектуру Белгорода и Союз архитекторов области, берег как зеницу ока каждый скверик, другие места общего пользования горожан, спланировал широкие проспекты имени Ватутина и Щорса, другие улицы и парковые зоны, беспощадно застроенные и продолжающие застраиваться мамонофилистами, которым нипочем ни инсоляции, ни красные линии, ни другие архитектурно-планировочные нормы и требования.

Надо сказать, сельские ребята, регулярно приходящие руководить регионом, ещё в советский период пытались застраивать центральный парк культуры, но на их пути встал неуступчивый специалист, которого с наступлением беспредельно-запредельного управления сдвинули и прервали предохранительную паузу. Недавно началось прямо на его территории строительство ещё одного многоэтажного дома, хапужеско-воровское кольцо вокруг общегородского объекта сжимается всё туже, дьявольские пляски на мамоне продолжают.

Неужели мы вплотную подводим свой анализ к заключению о беспросветности и безнадежности современной действительности? Да, мамонофилия действительно тупик цивилизации, точнее, один из тупиков. На такое смягчение важнейшего вывода мы идем только потому, что сама цивилизация производит тупики в их непрерывном и бесконечном обновлении. Достаточно остановить свой взор на термоядерном или экологическом аспектах, и возражение по поводу напрасного возложения всех бед на мамонофилию может оказаться вполне убедительным. Однако не все так просто.

Употребив выражения «глобальная трагедия» и «цивилизация», мы отнюдь не замахнулись на всеобъемлющие, крупномасштабные обобщения актуальнейших проблем человечества, такой задачи у нас нет. А вот использовать их в качестве исследовательской площадки вполне возможно и целесообразно. Возьмем проблему термоядерного оружия, которого человечество заготовило в сотни тысяч раз больше, чем нужно для уничтожения себя, любимого. Спрашивается, зачем? На всякий случай, соревнуясь, кто больше, или есть еще более существенные мотивации? Да, есть. И этот главный стимул, вечный двигатель гонки вооружений все те же – деньги. Деньгами и ради денег

устлан весь исторический путь изобретений и производства все новых и новых видов оружия, включая атомное, нейтронное, химическое и тому подобные средства массового поражения.

Так неужели за всю историю не нашлось здравомыслящего человека или группы сильных людей, способных остановить этот трагический процесс? Находились раньше и находятся в настоящее время лидеры мирового масштаба, но они ничего кардинального сделать не могут, так как вынуждены всегда проигрывать руководителям и стоящим за ними магнатам, безнадежно больным все той же мамонофилией. А ведь всякое оружие изобретается учеными, конструкторами, неужели и они мамонофилисты? Разумеется, нет, хотя за свой труд они получают высокие премии, награды, звания и почет. Многие из них только после того, как результаты их труда становятся понятными во всей степени чудовищности и неприемлемости для самой жизни на земле, осознают весь трагизм ситуации, в которой они оказались.

Ярчайший тому пример – академик А.Д. Сахаров, один из создателей водородной бомбы, безвременно скончавшийся в сильнейшем душевном смятении. Будучи исключительно порядочным и чистым в нравственном отношении человеком, застенчивым и безобидным, он вторую половину жизни посвятил мужественной, тяжелейшей борьбе за свободу и права человека, за открытое гражданское общество, против тоталитарной, человеконенавистнической идеологии, низводящей до нулевой отметки самое главное и ценное – уважение к жизни. Причем, жизни не только людей, но и животных, растений – всего, что рождается и существует в тесном взаимодействии на нашей планете. Он отчетливо понимал, что человеческая цивилизация в современном обновлении превратилась в свою противофазу, то есть в антицивилизацию, где уже практически исчез последний зазор перед апокалипсисом.

Интересы мамонофилистов, правда, всё больше и опаснее стала затрагивать особая мировая война, скрытая от людских глаз, которую уже много веков человечество ведёт с микробактериальным миром, пронизавшим и наполнившим 500-миллиардтонным объемом всё биосферное пространство Земли. Это одновременно и огромный пласт глобального информационного поля, то есть часть вселенского компьютера, и важнейший катализатор всех жизненных процессов, обеспечивающий их общий баланс.

Только внутри у одного человека благополучно живет масса бактерий весом от 2 до 5 килограмм, заточенных прежде всего на его генно-информационную и иммунную системы, регулирующих даже чувства, взаимоотношения полов, вкусы и пристрастия. Так что люди неслучайно издревле выражают свою гендерную позицию поговоркой: путь женщины к мужчине лежит через его желудок. И дело здесь не только во вкусно приготовленной пище, а и в том информационном

фоне, который складывается в его желудочно-кишечном тракте, тесно связанном с миллионами нейронов головного мозга, определяющих всю чувственную сферу.

И всё бы должно идти в режиме саморегуляции и саморазвития, но в силу пока неведомых нам причин периодически происходят разбалансировки и сбои в глобально взаимосвязанной системе жизни и наступает угроза краха. Исходя из вышеперечисленных особенностей функционирования информационного пространства, в том числе и затронутой роли воды, можно предположить, что отрицательное поведение человека, его насильственное вмешательство в изменение природной среды и собственной жизни побуждают бактериальный мир к соответствующей реакции на противодействие. Отсюда – эпидемии, уничтожение урожая и прочие беды.

Со своей стороны, человек вступает в противоборство, совершенствуя методы уничтожения отдельных микроорганизмов, что приводит к еще большей разбалансировке и обострению жестокой войны на поражение. Возьмем ту же чуму, которая в XIV веке выкосила примерно 30 процентов человечества, холеру, тиф и другие опаснейшие болезни. В конце концов люди нашли им противоядие. Одни антибиотики позволили удвоить численный состав человечества, в 2,5 раза увеличить продолжительность жизни людей. Пока всё замерло на позиции боевой ничьей, но что будет дальше?

Всем известна трагедия с огромной аварией на нефтепромыслах США в Мексиканском заливе, когда миллионы тонн нефти нанесли непоправимый ущерб природе. Но это не всё. Чтобы ликвидировать загрязнение, ученые вывели бактерии, которые вместе с нефтью стали пожирать все живое в морской воде, включая и человека, – по каким-то неведомым причинам они вышли из-под контроля и встали на собственный путь саморазмножения. И здесь бессмысленными, по крайней мере на некоторое время, оказались денежные вливания и проявление власти мамонофилистов, в нескончаемой погоне за прибылью допустивших такую вопиющую катастрофу.

Теперь посмотрим на это под другим углом зрения. Если принять во внимание, что та же непобедимая чума, которая и в наш химизированный по максимуму век трансформируется, перевоплощается и наносит человечеству опаснейшие поражения, – это ответ ему за разрушительные действия и одновременно глобально-информационное обеспечение восстановления необходимого естественного баланса природных сил, то мы напрасно, выходит, сопротивляемся, не зная, чем это может обернуться в будущем. Не можем же мы серьезно надеяться на то, что переиграем Вселенские компьютер и разум? Может целесообразнее искать пути согласия с природным миром, а не борьбы с ним, но это пока не заботит сильных мира сего.

В погоне за золотым тельцом мамонофилисты и их многочисленные пособники готовы к совершению любых, самых глобальных проектов. Надо повернуть реки вспять – повернут, высушить родники, луга и болота – пожалуйста, уничтожить степи и леса, изменить климат – сделают. Спровоцировать кризис и войну – тоже без проблем. Тот же Д. Сорос, жирующий на спекулятивных миллиардах долларов, прикинул, сколько мамоны он для пущей безбедности может себе прирастить, и, убедившись в хорошем куше, в мгновение ока двадцать лет назад обрушил денежную валюту целой страны – Англии, являющейся одним из крупнейших финансовых центров мира. Получается, что именно мамонофилисты и держат всю пружину истории, то сжимая, то разжимая ее в своих цепких объятиях.

И это еще не все, за известным мясным фаршем последуют совершенно неизведанные по форме и абсолютно непонятные по вкусу котлеты. Складывается мнение, что в конце прошлого XX века произошли кардинальные изменения в самой повестке дальнейшего развития мира. Привычные человечеству сферы экономики, науки и культуры, действующие и развивающиеся по вполне проверенным жизнью и понятным законам, вдруг начали дополняться непостижимыми процессами, эффективность которых превосходит все мыслимые современные нормы и ожидания. Человечество переступило порог шестого технологического передела. Оно вошло в него и так, казалось бы, с максимально возможной ракетно-космической скоростью, а тут еще сразу же, буквально с первых шагов началось невероятное ускорение, кибернетические рывки к какой-то неподвластной нашему разуму черте, которая и может стать точкой невозврата.

Да, закрутили вы, ребята, грустную логику и без того сложной конструкции общечеловеческого развития, – подчеркнет наш уважаемый оппонент и поинтересуется-таки, а какое отношение к этому имеет мамонофилия? Оказывается, самое прямое и тесное. Это для нее новый шанс и одновременно бальзам для размножения и упрочения своих позиций на пространстве массового и индивидуального сознания.

Есть расчеты, что в ближайшие 30-35 лет благодаря развитию нанотехнологий появится реальная возможность увеличить более чем в полтора раза продолжительность жизни человека. Стоить это будет очень дорого, а следовательно станет доступным только избранным и богатым. А мы знаем, что к старости стяжательские наклонности неотвратимо нарастают и превращаются в непробиваемую броню даже у крепких людей. Излечивая различные болезни тела с помощью современных инноваций, человек не сможет устранить болезни души, в том числе мамонофилию, которая будет только прогрессировать с непредсказуемыми последствиями для окружающих.

В ходе одной из поездок по США в составе официальной делегации автору этих строк довелось участвовать в любопытном эпизоде. Нас познакомили с настоящим долларовым миллиардером, что в середине девяностых годов для россиян было делом непривычным и несколько неожиданным. Перед нами предстал пожилой 85-летний мужчина невысокого роста в потрепанном костюме, пережившем не один десяток химчисток.

Его внешний вид, вызывающий невольную ассоциацию с известным гоголевским персонажем Плюшкиным, еще более невыгодно дополнялся маловыразительным лицом со следами геронтологического угасания. Вел он себя отстранённо. Однако стоило одному из российских гостей несколько самоуверенно высказаться на финансовую тему, как наш собеседник мгновенно, подобно хоккейному форварду, применил блестящую полемическую обводку, загнал нашего соотечественника в угол и, четко выразив свой интерес, победоносно завершил разговор. Нам сказали, что все капиталы он заработал сам и продолжает их наращивать, невзирая на возраст. Невероятное сочетание неиссякаемого духа предпринимательства и непреодолимой тяжести заболевания.

Чтобы дальше не «разгонять» проблему, кратко изложим своё мнение о лечении затронутой болезни. Сразу же заметим, что длительный, хронический характер мамонофилии, специфика поражения ею человека, особенности протекания и возможности формирования многочисленных метастаз дают больше оснований типологизировать её как неизлечимую. Хотя примеры обратного свойства известны из исторических источников, встречаются они и в современной жизни. Но их – единицы. Сакраментальный вопрос – что делать?

Ведь сегодня общество не готово ликвидировать деньги и заменить их функции чем-то другим, более удобным и безопасным для каждого человека. Здесь напрашивается одно замечание. А можно ли ими оценить жизнь человека? Если да, то как, а если нет, то какими инструментами это можно сделать? Вспоминается великий американский ученый и пацифист Лаймус Полинг, проживший почти весь двадцатый век и сделавший много открытий, в частности, о роли витамина С. Так вот он как раз-таки выдвинул и сформулировал научную задачу – определить формулу ценности одной человеческой жизни. Уже середина второго десятилетия нового XXI века, а желающих поработать в этом направлении что-то не наблюдается.

Хотя значимость и востребованность такого определения весьма актуальна. Миллионы людей сегодня заняты научно-практическими исследованиями здоровья человека, его болезней и лекарств их излечивающих. Всему этому огромному процессу есть цена по всем его дифференциациям. А вот какая ценность спасения и проживания отдельно-

го человека, никто не знает, и утверждение, что всякая жизнь бесценна, на наш взгляд, годится только для философских рассуждений.

В век кибернетических технологий человечество может и должно знать, какую долю ценности оно теряет, в том числе и от мамонофилии. Здесь налицо сверхактуальная потребность проведения специальных фундаментальных и прикладных исследований синергетического характера с привлечением учёных различных социально-гуманитарных направлений, которые будут способствовать поиску путей профилактики, предупреждения и лечения такого недуга.

Важно, чтобы это был государственный заказ. Другие варианты вряд ли возможны в силу организационных, технологических и финансовых причин. Известно, что в стране разработана и осуществляется целая программа по борьбе с коррупцией. Но там нет ни слова о мамонофилии, без противодействия которой искоренять коррупцию то же самое, что бороться с ветряными мельницами, не останавливая ветер.

Болезнь денег, наживы продолжает активно наступать, значительно расширяя свои масштабы и растлевающее воздействие на человеческое общество. Сегодня нельзя опускать руки и ссылаться на бесполезность принимаемых мер. Действительно, даже самые мудрые советы и рецепты библии за прошедшие столетия не прекратили разрушительное идолопоклонство человека алчности, не сокрушили его ни самые значимые мировые религии, ни передовые педагогические теории и практики, не смогла противостоять им семья.

Тем более важно использовать крупицы накопленного опыта, вести поиск новых нестандартных подходов. Взять ту же благотворительность. Пусть для очень немногих богатых людей, но она стала и предостережением, и профилактикой, и излечением от мамонофилии. Современные держатели могучих капиталов это знают, на словах всячески поддерживают, некоторые даже декларируют, что свои богатства будут завещать на филантропические цели, создают благотворительные фонды, но существенного воздействия на объёмы и темпы роста их накоплений и снижение социальной напряжённости в обществе не наблюдается.

Может они не знают главного принципа жизни нашего богатого соотечественника Павла Третьякова: наживать, чтобы потом нажитое отдать народу. Характерно, что этот принцип как исходное положение он усвоил ещё в детстве, превратил его в твёрдое убеждение и руководство всей своей предпринимательской деятельностью. Кто не был, сходите в Третьяковскую галерею, являющуюся творением его рук, души и сердца. Это не только российская – мировая гордость. И одновременно памятник бескорыстному человеческому созиданию на века.

А взять династию предпринимателей-промышленников Бахрушиных, свершавших по сути от поколения к поколению великий граж-

данский подвиг во славу процветания России. И не за награды, льготы и подряды от власти, а по генетическому родовому коду построили они в нашей столице сотни школ и училищ, семейных и сиротских домов, приютов, храмов, больниц, музеев и других объектов социально-культурного назначения. Не просто впечатляют, а воистину поражают масштабы их благотворительности. Исследователи посчитали: их затраты на попечительские нужды равнялись примерно годовому бюджету Москвы!

Возможно, они были такими же богатыми, как наши современные олигархи и такими же удачливыми принимающими казенной собственности и, что самое удивительное и маловероятное, страдали угрызениями совести и потому отдавали заметную часть своих богатств на социальную поддержку людей? Отнюдь! Такие вопросы даже в мыслях не возникали не только ни у кого из представителей рода Бахрушиных, но и в самом обществе.

Всем было хорошо известно в ту пору, что они собственными руками и за лично заработанные средства создали по сути дела с чистого листа целую отрасль – кожевенное производство с законченным циклом готовых изделий, включая не потерявшую и в наши дни своей привлекательности и востребованности замшу. Заметный вклад внесли они в развитие сукноделия. Словом, для холодной России это была фундаментальная, стратегическая промышленность, без которой ее существование было немыслимым и проблематичным с точки зрения импорта данной продукции. Особенно важное значение она имела для армии и флота.

Москвичи прекрасно знали о главной семейной традиции Бахрушиных – жить скромно и экономно во всем, не допускать модной в то время роскоши и излишеств. О каком-либо накопительстве денег на личных счетах, особенно за границей и в том числе на свой черный день не могло быть и речи. Все заработанное они благословенно и беззаветно расходовали на очень вдумчивую и тщательную работу по созданию в Москве мощного социального кластера.

Разве у таких людей могли возникнуть в их душевной конструкции хотя бы зачатки мамонофилии, достаточно распространенной в ту пору? Разумеется, нет. Они жили и трудились, не покладая рук не ради денег, а ради того, чтобы направить их на обустройство жизни тех, кто в них остро нуждался. И ни одна бацилла этой заразы не могла поселиться в их сознании, погибая на дальних подступах их могучего подвижнического иммунитета.

Ни сном, ни духом не ведали они тогда, что стараются для Москвы, которая спустя столетие станет богатейшим финансовым центром внутри российского государства, где безденежье и бедность охватят все его бескрайние просторы. Не знали и не думали они о том,

что на нашей в общем-то скромной планете к началу XXI века, по мнению экспертов, будут спрятаны в специально созданных офшорах от людей у них же изъятые различными путями богатейшими гражданами мира 25 триллионов долларов, из которых около 5% или свыше 1 триллиона долларов принадлежит россиянам.⁵⁴ Россиянам, считающим себя предпринимателями, наследниками Бахрушиных, Морозовых, Строгановых, Путиловых и других.

Открыто, на весь мир развернулось невиданное по масштабам олигархическое соревнование – кто накопит больше. Постоянно проводятся его итоги, для их публикации издаются отдельные газеты и журналы. Борьба за накопление денег стала эпицентром всей теле- и киноиндустрии. На такие сюжеты и сценарии тратятся миллиарды долларов. На борьбу же с мамонофилией денег в бюджетах различных уровней нет. А на ее фактическую пропаганду, распространение и внедрение всегда есть или всякий раз находятся за счет сокращения любых статей, а следовательно, за счет угнетения самых ущемленных и обездоленных.

А что слышно о наших вышеупомянутых героях-соотечественниках, где и как их вспоминают, чествуют, отмечают, показывают как добрые примеры для подражания потомкам? Даже оппонент проявит единодушие с автором этих строк в том плане, что лучше бы и не поднимать этот вопрос – столь обескураживающим ожидается на него ответ. На что большевики, сокрушившие все и вся из старого мира, особенно касающееся буржуазии, и те не посмели тронуть доброе имя отдельных капиталистов, занимавшихся благотворительностью, в том числе и династию Бахрушиных.

Правда, они особо и не распространялись об их заслугах перед народом. Может теперь возрожденные новые русские поставят их на высокий пьедестал почета? Полюбопытствуем и сравним. Смотрим фундаментальные издания «Советского энциклопедического словаря». Здесь пять строк о Бахрушиных, ключевым изложением которых является информация о том, что они выходцы из купцов и обогатились за счет военных заказов.⁵⁵ Ничего не скажешь – строго с классово-точкой зрения и безупречно в идеологическом отношении. И ни слова об их благотворительной деятельности, то есть о том, куда же они девали свои богатства. Хотя, чему тут удивляться, если в этом словаре термин «благотворительность» даже не упоминается в общей семантической совокупности восьмидесяти тысяч слов, имен и словосочетаний. В обществе всеобщего социального равенства такое явление было просто никому не нужным.

Но этот критический сарказм блекнет на фоне современных аналогичных изданий, появившихся недавно в нынешней буржуазной России, причем, в значительно большем ассортименте, чем в советский

период. Открываем новый энциклопедический словарь. Здесь ни слова о династии Бахрушиных. Есть только скудные упоминания одного из них – А.А. Бахрушина, который создал частный литературно-театральный музей на основе своих коллекций.⁵⁶ Так вкрадчиво оценена жизнь и деятельность удивительного по бескорыстию и душевной щедрости великого русского человека – Благотворителя с большой буквы, отдавшего народу всего себя и все свои богатства. Нет здесь и ключевого искомого термина «благотворительность», просто не нашлось ему места.

Большой российский энциклопедический словарь можно не листать. Он по преимуществу повторяет слово в слово свой советский аналог. Возможно, наши надежды оправдывает современное солидное издание «Кто есть кто в мире» под редакцией ученых МГУ имени М.В. Ломоносова. Но уже первые результаты его контент-анализа рассеивают возникшие ожидания. Конечно, в нем приятно встретить фамилии известных артистов эстрады, в том числе молодых, красивых и талантливых, но вот Бахрушиных здесь не оказалось. Видимо, для авторов не подошла их весовая категория по рангу заслуг, а может действительно лицедеи и комедианты куда важнее промышленников-благотворителей?

Зато сплошь и рядом утверждается большевистский тезис о том, что помещики и капиталисты были жесточайшими эксплуататорами, чем и приумножали свою собственность. Споры нет, было таких немало. Но много было и совершенно других. Будучи в Крыму я узнал поразительную историю, которую мне рассказал и показал мой друг, замечательный руководитель и душевный человек ректор Таврического университета имени В.И. Вернадского Николай Васильевич Багров, к сожалению, недавно ушедший из жизни. Оказывается, у истоков знаменитого на весь мир виноделия здесь стоял Лев Сергеевич Голицын, славный продолжатель шестисотлетней княжеской династии.

В конце XIX века, имея солидную собственность и денежные капиталы, он решил избавить россиян от чрезмерного употребления водки через создание винодельческой отрасли и формирование новой, более цивилизованной и безопасной для здоровья потребительской культуры. Вдумайтесь, уважаемый читатель, не по указу царя, М.С. Горбачева и Е.К. Лигачева тогда еще не было, а самостоятельно взялся этот могучий человек за практическое решение столь сложной государственной проблемы.

Состоятельный князь положил на осуществление этой идеи всю свою собственность. Разработал специальную программу на основе личного изучения опыта развития виноделия во Франции. Закупил три крупных имения в Крыму, на землях которых высадил более 500 сотов винограда, который адаптировали к местным условиям обучен-

ные за рубежом специалисты. В кратчайшие сроки были построены на основе сочетания науки и производства винодельческие центры Абрау Дюрсо и Массандра – национальное достояние и гордость России.

Заработали винодельческие заводы, которые стали производить российское шампанское высокого мирового класса, что подтвердили почетные дипломы за первое место на международной выставке в Париже 1896 года. Казалось бы, такой благородный успех должен был получить поддержку. Но как часто бывает, новое весьма трудоемкое и тонкое по исполнению дело натолкнулось на привычку жить и работать по-старому. Разбавлять спирт водой и разливать полученную смесь в качестве водки было экономически выгоднее и значительно легче.

В буквальном смысле разорившись, Лев Сергеевич в начале XX века передал всю свою винодельческую собственность царю, что тогда означало превращение ее в государственную. Тем самым он спас для нас и последующих поколений божественное творение природы, человеческих рук, разума и щедрого сердца замечательного русского человека.

Не меньшую известность получил и другой представитель княжеской династии Голицыных – Михаил Владимирович. Будучи последним царским губернатором Москвы, он за двадцать лет своей службы на этом беспокойном и очень ответственном посту, по мнению экспертов, сделал больше, чем за весь XX век остальные вместе взятые мэры столицы. Хотя у С.С. Собянина еще есть время и шансы опровергнуть этот факт.

Первые телефонная и электрическая станции, трамвайные линии и дороги, водопроводы и канализационные коллекторы, школы и больницы, другие объекты инфраструктуры – все это дело его рук. Но главное, он задумал построить метро, которое, к слову сказать, в Лондоне было открыто еще в 1861 году, когда у нас отменили крепостное право. С помощью английских специалистов он провел огромную изыскательскую и проектную работу по привязке этой сложнейшей транспортной системы к условиям градостроительной реальности огромного города.

Построить метро помешала революция, но в начале 30-х годов вся голицынская документация была использована советскими метростроевцами. А когда революционные победители в знак благодарности выселили авторитетного мэра из Москвы, так как будучи князем и классово-враждебным элементом, он мог совершить любую диверсию против советской власти, и вознамерились реквизировать все его богатство, то были тут же разочарованы – его счета в банках оказались пустыми. Вся собственность Михаила Владимировича постепенно уходила на столичные проекты. И, конечно же, ни его жена, ни его дети не стали талантливыми бизнесменами ранга олигархов,

как это часто случается в современной России. Не для прикрытия ли нынешнего господства и угнетения в качестве отвлекающего маневра ведется вышеупомянутая пропаганда? Как вы считаете, уважаемый оппонент?

Казалось бы, начни воспевать в книгах, фильмах, телепередачах, на театральных и эстрадных сценах таких людей, и это уже само по себе, без особых затрат и специальных решений партии и правительства мощнейшее лекарство, прививка от вспыхнувшей в конце XX века с новой силой эпидемии мамонофилии. Данную профилактику ведь можно делать легко и ненавязчиво, без привычных нам напряжений и мобилизаций. И актуальность ее столь очевидна, что просится в каждую душу.

Вопрос лишь в том, кто это будет делать, кто закажет такую музыку в условиях, когда основные заказы идут наоборот на воспевание денег и всевозможных богатств, жертвенную борьбу за них не на жизнь, а на смерть не только продажных чиновников, оборотней-силовиков и криминальных авторитетов, а по сути дела представителей всех слоев общества. При этом непонятно: нас приглашают к потреблению сценариев, отражающих реальную действительность, или обществу, особенно впитывающей все науки жизни молодой его части, навязывают такие сюжеты в качестве новых учебников, по которым люди призваны жить фактически на безальтернативной основе. Только так, в таких условиях и никак иначе.

Мы много апеллируем к прошлому, как бы вольно или невольно утверждая, в первую очередь себя и читателя в мысли, что тогда хоть самой мамонофилии было меньше, а вот людей, кто предотвращал ее эпидемию, было больше. Здесь сложно делать однозначные выводы. Скорее всего, в прошлые века сама содержательная составляющая мамонофилии, а именно объемы денежных средств, золота и других ценностей были значительно меньше нынешних. А вот в процентном выражении доля пораженных стяжательным накопительством вряд ли была меньше, особенно среди тех слоев населения, которым были доступны всевозможные ресурсы.

В связи с этим нельзя было обойти вниманием так называемый панамский скандал, связанный с обнародованием тайных счетов в офшорных зонах сильных мира сего, в том числе России. Всплыло то, что, казалось бы, пряталось за семью печатями – не забудем на глобальном дворе век информации, от интернетэскорта которой никому и никуда невозможно укрыться. Уже пал первой жертвой незамедлительно ушедший в отставку премьер-министр Исландии, начали оправдываться другие деятели и руководители государств. Наши банкиры и другие действующие лица, кто поактивнее, с трудом скрывающая нервозность, по привычке объясняют всё происками враждебных

спецслужб, клеветой и очернением – большевистские традиции и тут в помощниках. Вот только поверят ли люди в то, что их чистыми руками во время подписей миллиардных счетов, укрывающих за кордон российское, кровное, водили лютые враги, безнадежно отравленные мамонофилией? В общем, на этом фронте почти без перемен.

Совсем другое дело выходит, если вести счет конкретным примерам проявления высокой нравственной позиции, пресекающей даже самую мысль о возможности заразиться самому и заразить своих детей, родных и близких мамонофилией. Как-то не получается поиск современных героев, заслуживающих детального описания. Хотя совсем необычный, можно даже сказать, эксклюзивный пример неожиданно возникает в поле авторского зрения и буквально призывает к своему анализу. Речь идет о нашумевшем факте отказа известного российского математика Григория Яковлевича Перельмана от престижной международной премии в один миллион долларов, присужденной ему за решение гипотезы Пуанкаре.

То, что сумел сделать научный сотрудник из Санкт-Петербурга и не могли преодолеть за столетие самые именитые математики мира, понять можно. Умница и самородок, наш россиянин не просто сосредоточился сам, он сумел сосредоточить свой талант и знания других на достижении конкретного результата. Неслучайно, из 100 живших в начале XXI века гениев, список которых опубликовала английская пресса, Г.Я. Перельман поставлен на девятое место, а его научное достижение названо открытием века, ибо входит в число семи самых важных задач мировой науки. Простыми словами гипотезу Пуанкаре можно изложить так: если трехмерная поверхность в чем-то похожа на сферу, то ее можно расправить и на этой основе изучить сложнейшие физические процессы в теории мироздания, что имеет особое значение для развития нанотехнологий.

Такому специалисту цены нет в планетарном масштабе. И вдруг – отказ от премии. Что это, каприз новоявленного гения, мол, вознаграждение могло быть и посolidнее, или же традиционная манера обратиться на себя внимание? Так куда же больше обращать, если досужие журналисты на весь мир его прославили, где только можно. А может это простое чудачество заикленного сугубо на своем деле интеллигента, которому, кроме математики, ничего не нужно. К такому варианту больше и склонились основные комментарии. Все ясно: еще во время многолетней командировки в ведущие университеты США в 80-90-е годы прошлого века наш российский математик ежедневно экономил на еде, расходуя свои суточные доллары на решение научных проблем.

К тому же, у него нет своей семьи, живет с мамой-пенсионеркой в обыкновенной малогабаритной двушке. На работе ничем не отли-

чался, кроме скромности в одежде, в еде и в быту. Поэтому отказался от повышения и новой, более просторной квартиры. О таких обычно говорят – ни себе, ни людям. Ладно, сам деньги не взял, так поделись премией с коллегами, как сделал Нобелевский лауреат Ж.И. Алферов, разделивший ее на три части – детям, семье и коллегам. Наконец, подари деньги сиротам или больным. Нет же, полный отказ и никаких объяснений.

Но чем больше приходилось об этом читать, тем острее и неотступнее усиливалось мнение: тут что-то не то и не так. В скорости, не думая об анализе проблемы, чтобы все уточнить, посылаю в Питер декана математического факультета нашего университета профессора В.А. Пенкина, приличного математика, нередко подрабатывающего в Сорбонне. Задачу ставлю простую. Вы и по имиджу схожи с лауреатом, плюс общность математической профессии, находите с ним общий язык. Его там, видимо, когда-то обидели, пусть приезжает в наш новейший университет, дадим хорошую квартиру, звание профессора и организуем именную школу для подготовки талантливых студентов и школьников по математике. Неудивительно, что и наши, в общем-то, шаблонные действия дали отрицательный результат.

На мои пристрастные вопросы что, как и почему следовал один и тот же ответ раздосадованного декана – «нет». В чем же все-таки дело, он что, более загадочный, чем теорема Пуанкаре, – как бы подводя непонятный итог деловой беседы, растерянно произнес я. И тут последовал четкий ответ, попадающий в синергетическую точку будущего анализа. Понимаете, он чистый, как ребенок, – с какой-то непонятной интонацией сказал мне декан. Тема разговора была исчерпана. Временно. Понять ее можно только после специального обдумывания.

С тех пор я много раз возвращался к ней, прогонял через философские, социально-технологические, морально-этические и другие размышления. Додумался даже до духовно-национальных истоков поведения загадочного математика. Не зря когда-то писал кандидатскую диссертацию по межнациональным отношениям. Ход предположения выглядел примерно так. Он иудей, вполне вероятно, глубоко верующий, знает, что Тора запрещает евреям давать деньги под проценты. Знает и об особых пристрастиях их к этой деятельности и о том, какой негатив несет она со стороны отношения других народов, являясь одной из веских причин возникновения антисемитизма. И вот вам пример беззаветности, бескорыстия и нравственной чистоты для всех соплеменников.

Вроде бы мысль упакована логически верно, но возникают сомнения. Вариант процентования, конечно, возможен, но ведь Коран и Библия тоже занимают схожую позицию. Да и аналогичными делами грешат также и другие народы. Так может это своеобразное обращение

ко всем людям Земли, невзирая на принадлежность к национально-религиозной общности опомниться, одуматься, какие беды нас постигают от эпидемии мамонофилии. Не в деньгах счастье, веками повторяет многоязыкое человечество эту мудрость. И в то же время воюет и убивает друг друга за них и из-за них. А ведь можно иначе.

И снова мы обращаемся за помощью к словам поэта Владимира Соколова, что нравится даже самому оппоненту. Вроде бы должен упрекнуть за излишнюю лирическую эмоциональность, но он понимает, социологию так засушили, так заформализовали и забили познавательными терминами на различных иностранных языках, что только великая русская поэзия может вернуть ей привлекательность, очеловечить ее.

Разве может наука о людях отталкивать их от себя? Наоборот, она должна всячески их притягивать, вовлекать в свои эксперименты, формировать социально-технологическую культуру. Не знаю, как у других, а у меня всегда было, есть и будет твердое мнение о том, что самыми глубокими, проникновенными и точными социологами являются писатели и поэты. Чаще всего не зная и не ведая ничего о нашей науке они создают собственную, неповторимую по индивидуальности и содержанию социологию жизни.

Итак, всего два четверостишия, а сколько в них величия человеческого бытия. В жизни по-разному можно жить. В горе можно и в радости. Вовремя есть, вовремя пить и вовремя делать гадости. А можно и так: на рассвете встать и, помышляя о чуде, рукой обожженной солнце достать и подарить его людям! Все великие религии мира наставляют нас об этом: каждый человек рождается и приходит в жизнь с определенной миссией. Он должен ее разгадать в себе и осуществить во имя других людей. И если кому-то это удастся, значит, удалась счастье и смысл его жизни.

Григорию Перельману удалось достать свое солнце и подарить его людям, ему выпало счастье открыть для себя и для окружающих свою миссию и осуществить ее. Причем сделать это в высшей степени благородно. Узнав о присуждении ему премии, Григорий Яковлевич возмутился: почему только ему одному, ведь в его работе использованы результаты талантливого американского математика Гамильтона? А когда некоторые коллеги пытались доказать, что именно они впервые решили гипотезу Пуанкаре, самый умный человек планеты ни слова не проронил в свою защиту.

Понимал, что правда на его стороне и его защитит весь мир. Так оно и вышло. И здесь нет никакой загадки и загадочности. Наоборот – есть только отгадка и заключается она в том, что Человек с большой буквы, сумевший один понять то, чего не знает большинство из семи миллиардов людей, не просто осуществил свою миссию.

Как и лучшие ученые он, видимо, и сам полностью не понимает, как это удалось сделать. Ведь наука это таинство, которое подобно высокому искусству не поддается простому человеческому объяснению. Ни один великий музыкант не сможет объяснить словами, как он маневрирует пальцами своих рук или запоминает наизусть сольфеджио сложнейших произведений. Он может это только показать, исполнив ту или иную музыку.

А может быть, Григорий Яковлевич как раз-таки понимает эту тайну? И когда он говорит, я управляю Вселенной, зачем мне этот миллион долларов, а журналисты и читатели их многочисленных материалов воспринимают эти слова как чудачество гения, возможно, математик тем самым приближает всех нас к тому редчайшему проникновению в глубины познания и приближения к истине, которое суждено изведать ему самому. Неслучайно, он вычисляет пустоты всего, что может иметь место в осязаемой действительности, в том числе в трехмерном состоянии и управлении Вселенной.

Интересно, что могло быть, если бы ученый сумел вычислить пустоты в конкретной человеческой душе? А может он их уже вычислил в своей и смиренно и благостно заполняет теперь высоконравственными смыслами? Все возможно, хотя душа нематериальна и неосязаема. Зато ее проявления носят настолько осязаемый характер, что порой становится невозможно жить окружающим ее носителем людям. Отсюда все беды на земле.

В числе очень немногих ученых своим поступком российский ученый сумел сделать значительно большее и очень важное – он оставил нам поступок-послание в виде некоей теоремы Перельмана. Эта теорема не математическая, не на языке цифр и формул, а чисто социально-гуманитарная, на общечеловеческом языке. И решение у нее не одно, как принято в математике. В данном случае, сколько людей возьмётся ее решать, столько будет и соответствующих вариантов. Ученый не дал объяснений своему поступку. Тем более наивно думать, что он напишет нам саму теорему. Ясно, что это чисто авторский социологический прием, напоминающий ситуативную задачу. Нам же ее и описывать, тем более дело это не сложное.

Пишем: российский математик Григорий Перельман решил важнейшую научную проблему, доказал гипотезу Пуанкаре, за что ему была присуждена престижнейшая премия в сумме одного миллиона долларов. Однако ученый отказался ее получать без объяснения причин. Требуется доказать высокое благородство и значимость этого поступка. Не уверен в технически правильном оформлении задачи, но как дидактическое упражнение по вариативности содержания оно вполне может использоваться на практических занятиях по социологии, педагогике, психологии, управлению и другим университетским

наукам. При одном, разумеется, условии: никто из участников заранее не должен прочитать вышеописанный анализ, который мы продолжаем, кстати, под весьма интересный аккомпанемент.

По телевизору демонстрируют высказывание Президента Украины о том, что деньги, предназначенные на науку, будут направлены в более выгодную сферу – производство вооружений. Еще бы, тут высокие прибыли, откаты, распилы, а с науки что возьмешь? Кому нужны эти теоремы, кроме как самим их авторам, в нищете доживающим свою жизнь. И при чем здесь высокое служение истине, если идеал – бесовщина, сдобренная мамонофилией, по-прежнему набирает обороты и даже торжествует, правда, в траурной рамке. А что же скажет на это Человек с бездонно-глубокой и грустной улыбкой странника? Ничего не скажет, он уже сказал. И свой рецепт, и свой укор, и свою надежду. Просто повторить сказанное должны все люди, начиная с молодых лет. Ведь повторение – мать учения.

Неизвестно, верит ли Григорий Яковлевич в Бога или считает себя атеистом, это его внутренний мир, доступный только ему самому. Но то, что он больше всех нас приблизился к Богу, это факт, не требующий доказательств, а у математиков просто аксиома. Ученый не любит общаться с журналистами, многие годы преследующими его, публикующими разные домыслы о нем. Отказавшись от работы в США после многолетней научной командировки, он уволился и из родного Петербургского математического института. Ушел, видимо, из-за разговоров и пересудов, укоров и удивлений во взглядах, что очень его расстраивало и мешало думать о главном.

И вот все узнали приятную новость. Великого математика пригласили работать в одном из частных центров тихого, провинциального городка Швеции. Он согласился. Хорошо, что шведы умеют создавать благоприятные условия для таких людей. Хочется ждать от него новых открытий, хотя по уже свершенному достаточно просто иметь информацию о его добром здоровье, хорошем настроении и благополучии мамы, родившей и взрастившей достойнейшего Сына Земли.

Очень жаль, что люди, особенно молодые, не знают о таких подвижниках высоконравственной души и характера. Да и откуда им знать? В школах и институтах их принуждают запоминать, усваивать всё, кроме, казалось бы, таких простых и доступных правил, как добродетельность и жертвенность, сочувствие и взаимопомощь, которые могли бы стать прививкой от тяжёлой болезни. Прошу только не путать с излечением мамонофилии, которое, как указывалось выше, за редчайшим исключением практически невозможно. Но для человечества будет большой победой, если оно хотя бы научится от нее себя прививать.

2. Парадоксия: социально-экономические истоки и особенности проявления

Заявленная таким образом болезнь занимает особое место в жизни общества и по непонятным для меня причинам почему-то остается малоисследованной, если не сказать больше. Даже с помощью интернета мне не удалось найти хотя бы упоминание о ней того или иного обществоведа. Неужели предстоит идти по целинному полю? Знаю не понаслышке – путь этот непростой. Особенно неопишимо трудным и сложным он может оказаться в условиях перехода общества от несвободы к свободе и наоборот.

Здесь невозможно отыскать хотя бы одну социально-психологическую нишу состояния и самочувствия вплоть до самых интимных и сокровенных чувств отдельного человека, которая бы не подвергалась жесточайшим изменениям и ломке. И вся эта сложнейшая конфигурация сознания и поведения сопровождается мощнейшими рывками вперед, маневрами в различные стороны и драматическими отскоками назад, на исходную позицию.

На описание и моделирование таких многоаспектных и многовариантных процессов можно рискнуть только с помощью специальных компьютерных программ и социально-психологических исследований. Ввиду неподъемности проблемы в данной работе, обратимся хотя бы конспективно к ее отдельным результирующим. Тем более, что в отношении России накладывается особый характер неизведанности и непредсказуемости таких изменений общественного строя, который не проходила ни одна страна мира. Исследования по данной проблематике в настоящее время стали появляться все больше, хотя на широкомасштабные крупные позиции выходов пока не наблюдается.

Интересный результат всех перемен и реформаций нашей страны заметил и обосновал один из ее лучших социологов, мой старший товарищ и учитель Жан Терентьевич Тощенко. И выразил он его удивительно точно и оригинально – парадоксальный человек. Так называется его очередная и как всегда добротная монография. В парадоксальной стране, за век сменившей по замкнутому кругу две общественные формации и в итоге получившей невероятный социально-политический и экономический конгломерат в виде нередко встречающихся элементов рабства, феодализма, раннего и последующих стадий капитализма и социализма, может сформироваться и жить только парадоксальный человек, другой не выживет или сделает это с большим трудом.

Раньше бы за такое высказывание, что сегодня можно всюду прочитать, как минимум, вызвали бы на беседу в компетентные органы, тем более коммуниста. И приглашали многих таких людей. Снача-

ла по одному на беседу, потом всех вместе в концлагеря или в психушки на перевоспитание, перековку и излечение. Недавно прочитал у Сергея Козицкого об известном во всем мире русском художнике Анатолии Звереве, которого в свое время руководитель партии и правительства Н.С. Хрущёв приказал запретить, выкорчевать как неисправимого «абстракциониста» (так выговаривал специфический термин малообразованный вождь).

Во время бесед с искусствоведами в штатском художник подчеркивал, что он не антикоммунист, а гармонист в том смысле, что считает гармонию основой всего мира и космоса, а всеми фибрами своей художественной души хочет и добивается ее, так как она противостоит хаосу, который с древнейших времен считался бессмыслицей, а потом постепенно трансформировался в беспорядок, что явно не одно и то же.⁵⁷

Естественно, собеседники не находили согласия, так как по-разному понимали сущность бессмыслицы и гармонии, которая в классическом понимании тонко чувствующего и высокообразованного человека искусства была согласием разногласного и гарантий смысла. Люди же в штатском, разумеется, стоявшие на страже догматических устоев и выполнявшие указания сверху, понимали порядок как главный смысл и инструмент развития государства. Ясно, что они не читали о сократовском обосновании считать критерием государственного совершенства и развития совершенство отдельного человека. Поэтому не понимали, что только тогда и наступит всеобщая гармония, порядок и смысл. Еще раз подчеркнем: совершенное государство возможно только на основе развития совершенства отдельного человека.

В переводе на язык системного анализа данное суждение означает следующее. Гармоничность – это признак и одновременно компонент сложной устойчивой системы, основанной на смысле, а потому и более живучей, чем простая система, скажем советского порядка, лишённого смысла. Нет, самого порядка было много, жестокой была и система, но она развалилась, так как никто не знал, что такое коммунизм на самом деле, почти никто в него не верил и не видел никакого смысла в его строительстве. Бессмыслица! Потому от нее сегодня остались одни риторические упражнения отдельных эксплуататоров общественного мнения. Так пишет С. Козицкий, с моими уточнениями вкуче, но без сноски, которую не помог мне восстановить даже компьютер.

Уже первые попытки целенаправленного анализа данного феномена показывают, что парадоксальность – отражение не какого-то случайного или редко проявляющегося сочетания малообъяснимых ситуаций, а достаточно устойчивая тенденция возникновения и существования особого вида противоречий, объем и масса которых увели-

чивались по мере неперестанного изменения сложившихся экономических и политических отношений, слома образа и стиля жизни, нарушения устоявшихся стереотипов и национального менталитета.⁵⁸

Блестящий анализ автором истоков и причин возникновения парадоксов, их обстоятельно раскрытые типологизация и особенности проявления в основных жизнедеятельностных процессах побуждает меня более детально остановиться на анализе конкретных примеров применительно к исследуемой теме.

Сразу же подчеркнем суждение о том, что парадоксальные люди формировались и жили в соответствующих условиях, начиная с древнейших времен. На память приходит пример одного из выдающихся вышеупомянутых сынов Эллады, знаменитого на весь мир философа Сократа. Он был парадоксальным человеком, прожившим парадоксальную жизнь и закончивший ее парадоксальной смертью не потому, что не написал ни одной строки бессмертных научных трактатов. Рассказывая их людям, тем самым он тренировал свою феноменальную память и полагался на собственных учеников, которые и донесли до потомков всю его философию, оставив для нас тем не менее много тайн.

Поэтому попытаемся внести и мы свою лепту хотя бы в прикосновения к ним. Мне как-то не приходило в голову, почему многие ученые и просто образованные люди любят воспроизводить широко известную цитату Сократа «Я знаю только то, что ничего не знаю», не заканчивая ее словами «но другие не знают и этого». Задумался, лишь когда к своему удовольствию еще раз пообщался с великим мыслителем. Не знаю, как мой оппонент, а я после чтения сократовских философствований чувствую, словно только что разговаривал с живым человеком, удивляюсь его простоте и мудрости и как-то по-новому начинаю смотреть на свою жизнь и на весь окружающий мир.

Поначалу посчитал, что воспроизведённая цитата, состоящая из двух основных смыслов, проще запоминается в ее первой части, но это слишком упрощенный подход, значительно умаляющий саму высочайшую притягательность сократовской мысли. Скорее всего, многие люди склонны таким цитированием вольно или невольно поставить себя, если не в один ряд с древним философом, что само по себе выглядит слишком смелым и рискованным шагом, но все равно где-то неподалеку, одновременно продемонстрировав и свою ученость. И тут уж при таком раскладе совсем ни к чему обращать внимание на утверждение мудреца о том, что другие не знают и этого. В такое число себя любимого не хочется записывать никому.

Для чего произведено такое семантическое упражнение, – вправе спросить меня читатель. Ведь понятно же, что Сократ, любивший общаться с людьми в иронично-парадоксальном стиле, выразил таким образом самооценку и даже как-то возвысил себя над другими, что

особенно импонирует нашим родным братьям, современным философам, всегда подчеркивающим свою принадлежность к матери всех наук. Уместно напомнить им в связи с этим еще одно высказывание великого Учителя: если женишься удачно, будешь счастлив, если нет, станешь философом.

Напоминание дружеское, поэтому не станем производить с ним никаких упражнений, пусть лучше это сделают сами уважаемые коллеги-философы. Мы же сосредоточимся на таинстве предыдущей цитаты. Собственно, для любой тайны характерно глубоко скрытое, спрятанное главное содержание объекта. Здесь же такой непроницаемой смысловой завесы нет. Просто мудрейший эллин сумел столь изящно выразить все величие знаний как всеохватывающей, вселенской субстанции, неосвоенной и неподвластной не только одной личности, а всему человечеству, что его будут цитировать вечно.

Видно, совсем неважны дела с аналитическим потенциалом у автора, коль он перескочил на философствование, – непременно съязвит оппонент, добавив к этому свой саркастический вопрос, а куда же подевалась главная канва исследования? Видимо, его приободрили некоторые эпизоды с приглашением к согласию. Но в данном случае напомним ему о необходимости взглянуть и на название нашей монографии, и на ее содержательный план. Сопоставив с текстом, нетрудно увидеть: редко какой абзац не анализировал бы те или иные аспекты классовой структуры, отношений собственности и связанных с ними социальных проблем.

К тому же, все это подается через призму мамонофилии. Наудачу своевременно подоспел тут и сам Сократ, жизнь которого отличалась, как и большинства греков, скромностью и даже бедностью, что считалось не злом, а благом. «Чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам», – надиктовывал он своим ученикам, в числе которых было немало представителей высших состоятельных сословий. Наверное, Бахрушины читали данное изречение. А вот многие наши современники – вряд ли. При этом ученый не кичился своим социальным положением, просто жил как многие люди, находясь под гнетом парадоксальных общественных условий, связанных то с насильственным установлением диктатуры, то с ее свержением и восстановлением представительной демократии в виде советской власти.

Он даже сам был избран в городскую совет Афин, за что потом от него же и пострадал. Наверное, несведущий российский читатель, знающий только об одной родной советской власти на всей планете, удивится такой информации. Тогда добавим ему для сведения, что советы, как общечеловеческая форма демократии, появившись впервые не во время нашей революции, а значительно раньше, и сегодня являются одной из широко распространенных во многих странах

мира и на различных уровнях демократической власти. Правда, используются и другие названия: думы, ассамблеи, собрания, форумы и так далее.

Главная парадоксальность жизненной ситуации Сократа заключалась в том, что он, несмотря на свое двоеженство, официально разрешенное властями в связи с гибелью многих мужчин на различных войнах, другие специфические проявления характера, в целом был достойнейшим гражданином своей Родины. По первому зову он шел воевать за ее независимость и свободу, неоднократно чудом не погибал в жесточайших сражениях, проявляя личную храбрость и героизм. Всем, что он имел, будь то еда или одежда, всегда делился с другими. Никогда не принимал дорогих подарков, даже от царей, понимая, что попадет в зависимость от дарующих. Бескорыстно учил людей знаниям и мудрости, показывая личный пример в различных благодеяниях. Всегда исходил из своей же установки: грош цена той философии, что не делает людей лучше.

Казалось бы, такому человеку – почет и уважение. Так нет же, его наоборот парадоксальные люди не любят, стараются увидеть в нем козла отпущения за общие неудачи и диктаторов, и демократов. И не просто увидеть, а непременно наказать, вплоть до смертной казни. Что и случилось после чудовищного обвинения Сократа в идейном растлении молодежи – так доносчик назвал научно-педагогическую деятельность величайшего из ученых древности. И, наконец, закономерный парадокс свершился – он в полном осознании происходящего выполнил решение суда, выпив чашу с ядом.

Так древнегреческое государство с постоянными сменами своего устройства, жестокой ломкой сознания и поведения людей в зависимости от степени свободы и несвободы, разрушением и возрождением конкретных традиций довело общество до парадоксального состояния, которое даже на такого независимого и всегда свободного в своем самоощущении человека, как Сократ, произвело пусть и не решающее, но вполне заметное воздействие.

Неслучайно он, четко понимая эту неизбежность, смиренно и безропотно, словно подыгрывая утвердившейся парадоксальности из двух вариантов наказания – ссылка или смерть, выбрал последнее с удивительной ремаркой о величайшем благе для человека каждодневно беседовать о добродетели. С ней он и ушел в вечность, создав еще больший парадокс: те, кто требовал смерти или просто неприязненно относился к философу, вдруг осознали содеянное и наказали всех, кто расправился с теперь уже уважаемым ученым кого изгнанием, а кого и казнью. Многие его преследователи бросили страну, отправились в эмиграцию, а все Афинское общество охватили печаль и депрессия. Словом, одни потери...

Но не потерялся на крутых поворотах истории сам процесс производства подобной парадоксальности. Она оказалась очень живой, прошла через века и тысячелетия и вполне здравствует в наши дни. Как-то мне пришлось участвовать во встрече с известным русским скульптором, автором и ваятелем памятника Великому князю Владимиру в Белгороде, монумента Победы на Прохоровском поле и многим другим произведениям искусства и зодчества В.М. Клыковым, позиционировавшем себя к тому же как общественного деятеля национально-патриотической ориентации.

Мероприятие сопровождалось речами и тостами на такую же тему, ставшую актуальной после длительного господства интернационалистских идеологов. Будучи человеком талантливым и самобытным, он сказал очень яркую содержательную речь, которую закончил возгласом с весьма оригинальным смыслом: за нашу Родину, за великий русский народ, за святого великомученика, убиенного царя-батюшку Николая Александровича Романова и лидера всех патриотов России Геннадия Андреевича Зюганова!

Ну чем не сократовский пример яркой парадоксальности бывшего советского человека, прилично образованного и вполне опытного, подготовленного к самостоятельной жизни. И сколько таких примеров! В годы разлома их просто бесчисленное количество наблюдалось во время бесед и споров в поездках и автобусах, в магазинах и кафе, на собраниях и съездах, в лекциях и телепередачах, в статьях и книгах, в общении у подъездов домов и в квартирах. Накал дискуссий порой доходил до конфликтных ситуаций, во многих семьях шло жесткое мировоззренческое межеевание между самыми родными и близкими людьми, нередко по данной причине распадались бизнес-сообщества.

Особенно жестокий удар по общественным настроениям нанес так называемый национальный вопрос. Зажатые в жесткие тоталитарные тиски после образования Советского Союза, проведения массовых репрессий, в том числе и по национальному признаку,⁵⁹ установления цензуры и других мер, многие процессы в межнациональных отношениях были приглушены, загнаны вовнутрь и обострялись крайне редко. Но кроме явных минусов было много и плюсов. Особо следует отметить положительное воздействие на воспитание советских людей в духе интернационализма экономической, культурной, образовательной, научной и социальной политики правящей Коммунистической партии, нацеленной на выравнивание условий развития всех народов, их сближение и дружбу.

Это сопровождалось достаточно эффективной и продуманной кадровой работой, особенно в республиках и областях, где преобладало коренное население той или иной национальности. К данной работе был всесторонне подключен комсомол, профсоюзы, другие многочис-

ленные общественные организации. К тому же все плотно контролировалось правоохранительными органами.

Словом, несмотря на допущенные и периодически допускаемые грубые просчеты и перекосы, чисто формальный, заорганизованный подход при определении границ, слияниях и поглощениях отдельных этносов, явную ущемленность самого крупного русского народа, специально задуманную в целях предотвращения всплеска великодержавного шовинизма, в целом, межнациональные отношения в СССР, в отличие от многих стран, характеризовались уравновешенностью, спокойствием и миром. Особенно четко это проявилось после прекращения сталинских репрессий. Люди вместе учились и работали в многонациональных коллективах, образовывали интернациональные семьи, ездили и ходили друг к другу в гости, искренне дружили и общались в ходе различных интересных мероприятий и в простой повседневной жизни.

Но случилась перестройка несвободы на свободу во всех ключевых сферах жизни, исчезли идеологические и политические шоры. Что было нельзя, стало можно. И полезло из глубин сначала индивидуального, а затем и массового сознания все то, что копилось в негативных отсеках. Даже любая бытовая мелочь молниеносно приобретала национальную окраску. Все, что казалось незыблемым и прочным, вдруг зашаталось и стало разрушаться.

Трагизм положения распадающейся страны значительно усугубился наложением энергетического спада русского народа, который к тому времени вошел, по мнению Л.Н. Гумилева, в свою активную фазу. А любой живой и ослабленный организм сразу же поражают всякие бактерии, разрушая его как целостную систему. Здесь надо остановить внимание для изложения некоторых вводных предложений о вышеупомянутом выдающемся ученом, рожденным родителями-гениями земли русской – Н.А. Гумилевым и А.А. Ахматовой, выросшим практически сиротой без их внимания и поддержки, и прожившим удивительно тяжелую, полную невероятных лишений и, как ни парадоксально, исключительно высокопродуктивную созидательную жизнь.

Его труды в области теории этногенеза многократно превосходят по глубине проникновения в самые неизведанные аспекты и оригинальные выводы ее бесчисленных по количеству и почти одинаковых по содержанию и качеству работ многих отечественных и зарубежных исследователей национальной проблематики. В ней он логически четко и доступно соединил в системный узел законы как социальных, экономических, производственных и духовных, так и физических, биологических, геологических и других процессов. Такого масштабного, всеохватывающего аналитического потенциала трудно, а скорее всего, просто невозможно встретить в аналогичных работах.

Особенно интересным выглядит угол зрения ученого на любой научный термин, который он всегда рассматривает лишь как исходную позицию для исследования и не более того, что само по себе обеспечивает ему многие гарантии от начетничества, занаученности, смысловой вариативности и других недостатков, очень характерных, особенно для социально-гуманитарных направлений эвристической деятельности. Даже основательно изученный и освоенный во многих науках системный подход у Л.Н. Гумилева имеет свою специфику применения, в частности, его технология анализа сложных и простых систем.

Он подчеркивает, что первые устойчивее и эффективнее вторых. То есть, если судить строго по Л.Н. Гумилеву, то советский народ, как сложная система, более надежен и устойчив в своем развитии, чем, скажем, отдельно взятый чукотский народ, представляющийся в виде простой системы. Но советского народа больше нет, он исчез из бытия и перешел на архивное содержание истории, а чукчи себе живут, ездят на оленях, худо-бедно размножаются и не собираются пока исчезать. Хотя многие народы Севера такая судьба уже постигла или приближается к постижению. Выходит, высокочтимый ученый ошибается, или же здесь есть какая-то научная недосказанность, алогичность или просто попадание в нашу точку – парадокс.

Чтобы разобраться с этим вопросом на основе системного анализа, подчеркнем, что его результат зависит от характера того или иного подхода, отношения к нему. Например, крупнейшие обществоведы СССР, основываясь на учении Маркса-Энгельса-Ленина, как на вечном, потому что оно единственно верное, тоже успешно применили системный анализ и выработали достаточно добротное и убедительное определение советского народа как новой исторической, социальной и интернациональной общности людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма.⁶⁰ В нем мы видим и внутреннюю логику, и набор фундаментальных элементов системы, непосредственно связанных и взаимодействующих между собой.

Чего не скажешь о формулировке теми же авторами термина «народ», где утверждается, что в антагонистических формациях в состав народа не входят господствующие эксплуататорские группы, ведущие антинародную политику.⁶¹ Прямо не в бровь, а в глаз идеологический нокаут, чтобы невозможно было увидеть Бахрушиных и иже им подобных в составе русского народа, на алтарь которого они положили всю свою неповторимо высокопродуктивную и беззаветную жизнь. Разумеется, здесь никаким системным подходом даже не пахнет, жанр в лучшем случае тянет на определение пропагандистской идеологии.

В свою очередь мы попытаемся построить систему без опоры на верные, ошибочные и сомнительные учения, тем более претендующие

на вечность. В нее мы включим следующие элементы: добровольность, демократичность, доверительность, равноправие, устойчивость, самодостаточность, гибкость, целенаправленность, целостность, динамичность, гармоничность, самообновляемость, всесторонность.

Данную структуру можно расширять и дальше, но всякий новый элемент будет неизбежно и все более заметно повторять качественные показатели ранее включенных. Таким образом, в нашей редакции советский народ определялся бы как новая историческая, социальная, интернациональная общность людей, возникающая свободно на добровольной, демократической, самодостаточной, целостной основе и имеющая единую цель гармоничного, свободного, самообновляющегося, всестороннего развития всех объединившихся народов.

Напиши я это более тридцати лет назад в своей кандидатской диссертации, не видать мне ни диплома кандидата философских наук, ни партбилета. Теперь же выражение таких мыслей пока еще допускается и есть резон осуществить сравнение данных систем, при которых сразу же очевидна разница в способах их построения. В первом случае используется набор структурно-количественных компонентов, а во втором – функционально-качественных.

Оба варианта безупречны и имеют полное право на жизнь. Вот только продолжительность этой жизни будет в каждом случае разная. В первом история отмерила возраст семьдесят лет, во втором же, чисто гипотетическом варианте, об этом не следует даже размышлять. А вот методом наложения его на СССР можно определить, какие же элементы дали сбой, не сработали или просто не были включены в систему, обрекая ее на ущербное функционирование и последующую гибель.

Попутно рассмотрим вопрос, а что и кто в первую очередь распалось или распался – советское государство или советский народ? Кто кого скреплял, оборонял, развивал? Напрашивается ответ – оба одновременно и неразрывно вместе друг друга строили, создавали, сохраняли и т.д. Начни хотя бы чуть-чуть углубляться в анализ, сразу же наткнешься на его содержательную парадоксальность.

И это неудивительно, потому что и советский народ, и советское государство по сути – категории парадоксальные, просто из обеих систем выпадали целые ряды элементов. Их целенаправленность и устойчивость опирались на мифологизированные идеологизмы. Их советскость, свобода, демократичность и гармоничность были надуманными категориями, мало подходящими к реально задаваемой практике жизни. А все надуманное, нереальное может функционировать, но сравнительно недолго по историческим меркам времени и только при наличии особых, эксклюзивных условий.

Таковыми у нас были несметные богатства земли, воды, лесов и всяческих мыслимых и немыслимых ресурсов. В этом как раз и со-

стоял главный парадокс. Всего кругом больше, чем у других, а для жизни почти ничего не хватает. Что ни потребуется, того нет, всюду один дефицит. Отсюда – недовольства, возмущения людей. Ущербная, неполноценная конструкция государства зашаталась, её саморазрушение усилило своё ускорение.

Морально-психологический климат общества становился все более негативным. Настроение людей портилось по каждому поводу их обыденной жизни. Куда не пойдет рядовой советский человек – в магазин ли, на предприятие бытового обслуживания или в поликлинику – всюду очереди, блат, недоступность в удовлетворении элементарных потребностей. Не только в самых маленьких коллективах – дело дошло до отдельного рабочего места, куда активно люди обращались за разрешением своих проблем. Здесь также устанавливались собственные произвольные правила и порядки, которые значительно деформировали и превышали официальные законы и положения.

Недовольство людей выливалось в письма и жалобы, которые в последние советские годы были объявлены главным средством общения и тесной связи партии и народа, изучения общественных настроений, выявления проблем и недостатков во всех сферах жизни, проявления творческой активности людей в их искоренении и исправлении. Как и ожидалось, все сконцентрировалось на последней, высшей инстанции под названием «Генеральный секретарь ЦК КПСС». Остальные звенья быстро себя исчерпали формальными отписками, бездушием и волокитой.

Ежедневно в ЦК доставлялись тысячи обращений граждан, которые с однотипными поручениями разобраться, принять меры и дать ответ заявителю посылались вниз по вертикали, где этот девятый вал всенародного негодования умирляли разнообразными бюрократическими приемами. Ведь по существу в исчерпавшей себя системе ничего не менялось. Значительно усложнилось общение руководящей номенклатуры с людьми. Тут уже одними лекциями о международном положении и зачитыванием по бумаге докладов на заданную планом массово-политической работы тему не ограничишься.

Все эти заявления трудящихся действительно отражали реальную жизнь, которая как небо от земли отличалась от надуманной и начетнической пропаганды всевозможных успехов. Коль по сути медсестра жаловалась на плохую работу продавца, повара, парикмахера, проводницу вагона, слесаря-сантехника или кого-то другого, а все остальные писали на медсестру и по отдельности друг на друга, то есть на некачественное обслуживание себя вышперечисленным персоналом и другими лицами, то получалось, что недобросовестно работают почти все, кто попадает в статистические обзоры многомиллионных заявлений и жалоб советских людей. На что же и на кого надеяться плохо работающему народу?

Парадокс заключался в том, что, не считая свой труд ущербным или неприемлемым для других, многие люди требовали неадекватного, то есть значительно лучшего отношения к себе, которое должен обеспечить во всех сферах жизни кто-то третий, там – наверху по его же сигналу. И этот третий иногда помогал. Да, нередко обеспечивали, исправляли, добивались положительных сдвигов. Но временно и далеко не всегда. Кого-то накажут, кому-то объяснят, кого-то снимут с должности, напишут об этом в газетах, но без разрешения системных противоречий все это было бессмысленным и ненадежным. Порождало новые парадоксы и еще сильнее разжигало костер общественных проблем всё нарастающими сигналами снизу.

Парадоксальный советский человек писал жалобу не потому, что хотел кому-то отомстить, насолить или кого-то подставить. Нет, он, имея немало формальных оснований, в том числе мифологем, идеологем, продолжал надеяться на достижение недостижимого, и это уже можно квалифицировать как проявление особой болезни индивидуального и массового сознания. Ее по-разному можно назвать и квалифицировать. Мы бы предпочли обозначить термином «парадоксия», используя схожесть с медицинскими названиями чисто в лингвистическом плане.

Уже слышен резкий голос оппонента: по вашему выходит, что все советские люди, в том числе и герои данной монографии были носителями нездорового сознания, то есть больными парадоксией. Никак нет, уважаемый коллега. Такой диагноз мы не можем поставить всем нашим соотечественникам, как и миллиардам других парадоксальных людей, живших ранее нас и здравствующих вместе с нами сегодня. Да, парадоксальный человек подобно тому, как все люди носят в своем организме свободные радикалы, антигены, бактерии туберкулеза и других болезней, содержит в своем сознании модели различных парадоксов. И это факт, почти не требующий доказательств.

Но это не означает, что все люди больны, скажем, туберкулезом. Пока они вольно или невольно создадут условия для размножения туберкулезных палочек до той стадии, когда те поразят вначале какой-то отдельный орган, а потом и весь организм человека, их можно считать вполне здоровыми и не представляющими опасности для других. Схожим может выглядеть и процесс заболевания парадоксией. Заметим специально для нашего цензора – мысль сформулирована аккуратно, с предположительным уклоном.

И по-другому нельзя. Ведь мы, как и в случае с мамонофилией, имеем дело не с физиологической болезнью, а с социально-психологической. В первом случае ее медицинская характеристика опирается на объективные показатели изменений биологохимического состава крови, продуктов выделения, температуры тела, состояния

сосудов, давления и других факторов. И то при допуске, что имеющиеся в распоряжении человечества измерительные инструменты могут дать близкую к точности базу данных. Однако оснований для такой уверенности сегодня нет. Более того, ученые получают все больше таинственной, загадочной информации о существовании ранее неизвестных нам способов жизнедеятельности, которые не укладываются в привычные и доступные рамки и инструменты исследований.

Собственно, для науки необязательно знать «да» и «нет» реального существования, – подчеркивал уважаемый методолог А.Ф. Лосев, – ее дело предположение. Это тем более весьма надежная исследовательская позиция для изучения сознания, которая в современной науке является пока тайной если не за семью печатями, то по крайней мере за шестью. Последнее подразумевает наличие лишь отдельных подходов психологии, медицинских и других наук в её разгадке.

Что же касается социологов и социальных технологов, то её можно выразить следующим образом. Мы знаем, что сегодня никаких лекарств для лечения парадоксии в сознании людей нет, да их, судя по всему и не может быть, так как всё зависит конкретно от каждого человека и общества в целом. Чем меньше мы будем друг другу врать и фарисействовать, пытаться господствовать и угнетать, отнимать и жить за счёт других, и чем больше станем следовать вселенским законам природы, в основе которых лежит естественный ход всех жизненных процессов, тем заметнее перестанут возникать и даже начнут исчезать сами парадоксальные ситуации и соответственно в более здоровое состояние перейдет весь наш организм. Само собой – значительно интереснее и приятнее станет и наша жизнь.

3. Измофрения как идеологическая эпидемия в обществе

Среди болезней сознания человека особой опасностью выделяется измофрения. Но то, что это серьезный социальный недуг, который нужно обосновать и обследовать, мне впервые подумалось во время перестройки. Свои суждения я изложил на одной из научно-практических конференций, которые тогда проходили под эгидой КПСС. Это сложное психическое заболевание массового сознания людей, основанное на вере в одну, якобы единственно верную и все объясняющую идею. Под признаки этой болезни попадает осознание практически всех теорий, имеющих окончание «изм».

Она как бы раздваивает сознание человека. С одной стороны, он понимает, что мир материален, что жизнь дается один раз, и в то же время любую привлекательную многообещающую теорию он считает своим идеалом, готов отдать за нее жизнь сам или отобрать жизнь у

другого. Особенно, если эта теория проникает в него, что называется, с молоком матери. Незаметно для себя он оказывается в идеологизированном мире многообразных понятий и терминов, из которого просто трудно выбраться. Среди них – капитализм, социализм, коммунизм, марксизм-ленинизм, ревизионизм, оппортунизм, центризм, интернационализм, национализм, фашизм и т.д.

Я давно это понимал, многократно пытался осмыслить, но серьезно задумался над данной проблемой в момент обострения измофрении в процессе обсуждения проекта новой Конституции России еще в 1990 году, когда она стала независимой. Тогда разгорелись невиданные страсти. Общественное сознание разрывалось, словно под воздействием тротильных зарядов. Выпавшие было из повседневного обихода слова капитализм и социализм вдруг оказались в центре общего внимания и интереса. Народный русский язык вновь заполнился измами, ожившими после острых собраний и митингов времен репрессий и борьбы с классовыми врагами.

Диагноз этой хронической болезни выводил нас прямо на название Российской Федерации, из которого выпало так привычное каждому россиянину слово «социалистическая». Тогда для его определения был использован простой логический прием. А любой гражданин, независимо от своей партийной принадлежности, читал или слышал в названии хоть бы одной страны, что она буржуазная, капиталистическая, феодальная или еще какая-нибудь? Этот вопрос мы напрямую задавали людям, начиная от студентов и кончая пенсионерами. Людей этот вопрос ставил в тупик. Им действительно было непривычным слышать воспроизводимые нами гипотетические названия: Капиталистические Соединенные Штаты Америки, Буржуазно-социалистическая Дания, Феодально-буржуазный Пакистан. И, самое главное, что могут подумать в этих странах и скажут на наши необычные суждения их граждане?

Однако в нашем сознании утвердились свои особые социалистические слова, названия, особая социалистическая терминология. Каких только программ построения социализма не было у нас, и каких только рубежей мы не достигали на этом пути! Одних названий социализма уже не счесть: реальный, зрелый, развитой, командно-административный, государственный, казарменный и т.д. Не претендуя на оригинальность, заметим, что такая многоликость в названии государственного строя объяснялась только тем, что социализма в подлинном смысле его идеалов в СССР никогда не было, о чем мы уже неоднократно подчеркивали выше. На самом деле был построен надуманный социализм, то есть социализм в уме, а не в реальной жизни. Миллионами тиражей вгонялся он в сознание людей в виде различных моделей, лозунгов, задач, схем и заклинаний. Вгонялся на-

сильно, принудительно, видоизменяя естественно-исторический процесс развития общества.

И так с первых шагов. Сначала народ подняли, чтобы отнять собственность и власть у помещиков и капиталистов и отдать их рабочим и крестьянам. Но собственность и власть отдали государству в лице правящей номенклатуры, которая стала методично выбивать из каждого всякую инициативу и попытку заявить о своих правах. Главным действующим лицом стало государство с его тотальным контролем над всей жизнью человека. Оно его не только развивало, учило, мобилизовывало, но и подавляло, загоняло в лагеря, репрессировало, уничтожало целыми классами и семьями. В результате люди превратились в бесправных исполнителей, содержащих своих новых хозяев, голосующих единогласно и принудительно за любую выдвинутую задачу и лозунг. Хозяев многочисленных ведомств, хозяев государственного капитализма или социализма – человеку без разницы, кто отбирает все плоды его труда и выдает взамен ему лишь минимальный прожиточный паёк, причём всем поровну, независимо от того, хорошо работал или плохо.

Однако в массовое сознание залпами измофрении вносились предостережения о тихой контрреволюции, государственных заговорах и изменах, оппортунизме и ревизионизме, национализме и предательстве, угрожавшим построению социализма. При этом мало кто понимал взгляд на истинный социализм как на свободное общество свободных тружеников или их союзов, как это мы отразили в разделе об артельном классе. И уж тем более никто не думал о том, что во многих странах мира в современных условиях социалистическая идея – это прежде всего идея перехода к новой цивилизации, в которой уже живут десятки народов. Она вбирает в себя самые передовые идеи мировой практики жизнедеятельности общества. Не нужно изобретать свой социалистический рынок, свою социалистическую, непохожую ни на что федерацию, свою особую социалистическую парламентскую систему, такую же своеобразную защиту прав личности.

Человечество уже проделало опыт, который мы только начинаем осваивать. Надо изучить его и взять лучшее. Элементарным требованием мировой цивилизации противоречит идея рынка, где продолжают господствовать государственные монополии, идея смешанной экономики с ущемлением частной собственности, идея парламента без пропорционального представительства всех классов и слоев общества, с одной крупной партией, идея демократии и народоправия под присмотром, контролем номенклатурной бюрократии и на ее коротком поводке. Все равно нам придется раньше или позже привести все это в соответствие с тем, до чего доросло человечество к началу XXI века.

Информационно-технологическая революция, духовная экономическая свобода, десятки форм смешанной собственности – акцио-

нерной, кооперативной, частной. Международное разделение труда. Открытое гражданское общество, где человек, его жизнь, честь, достоинство и свобода, личная неприкосновенность, естественные и неотчуждаемые права объявляются высшей ценностью. Десятки стран на основе таких ценностей достигли блестящих успехов. Достигнет современной производительности труда и качества жизни людей и наше общество, тогда его и можно будет назвать социализмом. Так, собственно, и думали еще много веков назад основатели социализма. Они и не мыслили, что за эту идею первой возьмется одна Россия, а её примеру последуют такие слаборазвитые страны как Монголия, Китай, Эфиопия, Никарагуа и т.д.

Сегодня, когда страна мучительно входит в общемировые цивилизационные процессы, уже просто недопустимо забивать сознание людей разного рода идеологизмами. В большинстве стран мира этим занимается только узкий круг специалистов, общество же ограждается от измофрении прежде всего законами.

Лучший наглядный пример тому Германия, где в целях окончательного излечения немецкого народа от умопомрачительного отравления национал-социализмом его идеи запретили строжайшими законами не только в их возрождении, прославлении, но и даже в упоминании на обыденном уровне. Там запрещена деятельность нацистских и неонацистских партий. Их последователи преследуются полицией и судами. У нас же сталинизм, то есть насильственно-репрессивный, деспотический режим управления обществом был развенчан только на внутривнутрипартийном уровне, причем под сдержанно-завуалированной оценкой борьбы с культ-личностью.

В судебном порядке классификации преступлений одной личности, незаконно, вооруженным путем пришедшей к тиранической власти и использующей против собственного народа методы массовых репрессий и террора, не было ни во времена СССР, ни в обновленной, независимой России, в которой это нужно было сделать в первую очередь. Между тем, в ней вымерли прежде всего поколения конвоируемых деспотическим режимом, подвергнутые нечеловеческим унижениям, пыткам, угнетению и эксплуатации. Конвойные же сохранили свое здоровье и без особых затруднений передали специфические убеждения и практические навыки своим многочисленным последователям.

Включите телевизор, и вы уже через секунду увидите беснующихся в измофреническом угаре десятки сталинистов, которых будто чьи-то заботливые руки выставили из-за ширмы истории напоказ обществу. Догадаться не трудно, если применить классовый подход и его методологический ключ в виде вопроса – кому это выгодно? А выгодно это управляющей номенклатуре, оказавшейся неспособной вывести страну на рельсы устойчивого развития на основе общециви-

лизационных ценностей и проверенных жизнью реформ. Выгодно это принимателям всех мастей, классу перепродавцов и криминалу, праящим свой нескончаемый кидалистский бал на глазах у измученного и ослабленного народа, теряющего свои социальные ресурсы.

По всему видно, измофренисты хорошо подготовились, почувствовали прилив своей волны, их многоголосый хор взял такую тональность, что иные мнения и суждения заведомо заглушаются, оглушаются и при любом удобном случае объявляются враждебными народу. Россиян, у которых иллюзии быстрых преобразований жизни сменились горечью разочарований и собственного бессилия, снова зовут на борьбу с внезапно размножившимися и с каждым днем все увеличивающимися своим числом врагами, не дающими нам нормально устроить свою жизнь. Пока эта ситуационно-ролевая подмена действует и возбуждает только специфически настроенных на насилие граждан, но здесь опасность заключается в том, что измофреническая эпидемия трудно поддается локализации и легко выходит из-под контроля, что человечество уже пережило в XX веке.

Не повторить бы такие переживания вновь, когда вышедшего протестовать против произвола власти человека начнут объявлять врагом народа или пособником терроризма. А тех, кто это делает, назовут истинными проводниками патриотизма. Тогда уж наверняка противоположные по значению измы сольются в единый поток измофрении, который снесёт так и не устоявшийся здравый смысл нашего жизнеустройства.

Важно, чтобы в современных условиях пространство массового сознания не только освобождалось от идеологизированных, измофренических стереотипов, но и заполнялось конкретным анализом и поиском путей жизнеустройства общества на принципах здравого смысла, а не хитросплетённой и нахальной демагогии и воровстве. При этом особое внимание должно уделяться освоению современных социальных технологий, выработке у каждого человека навыков анализа и прогнозирования основных общественных процессов, отражающих реалии перехода страны к естественным способам жизнеустройства, к созданию открытого гражданского общества и народоправия.

Глава XV. Катастрофические трансформации истории: как это было

1. Обрушение жизненных устоев и традиций общества

Подчеркивая двойную за один век разорванность российского исторического пространства, анализируя конкретные социально-экономические процессы, людей в них активно участвующих, мы как-то упускаем из виду место и роль только что исследованных мамонофилии, парадоксии и измофрении. Какова специфика проявления этих тяжелых болезней на крутых изломах общества, когда подвергались радикальной трансформации, а то и вовсе исчезали его целые классы и слои, менялись формы собственности и другие фундаментальные жизненные устои.

К категории других следует отнести, кстати, деньги, которые очень часто видоизменяются по форме и содержанию, но остаются неизменно стабильными по сути своих функций, независимо от смены государственного устройства или политической власти, коей очень присущ веками сформировавшийся инстинкт немедленного их обновления, вплоть даже до полной отмены.

В этой связи весьма поучительным будет внимательный взгляд на катастрофический для России 1917 год. Свершившаяся февральская буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царя, в срочном порядке ликвидировала и деньги старого режима. Взамен Временное правительство учредило и в массовом порядке напечатало новые денежные знаки, метко нареченные народом керенками. Доверия к ним не было, в ходу были и те, и другие купюры. Правда, недолго.

Октябрьский большевистский переворот совсем отменил деньги как эквивалент обмена и средство расчета. Да что там деньги, отменялось всё, чем жили и что наживали тысячу лет: частная собственность на землю и другие средства производства, религия, армия и полиция, а в перспективе объявлялось отмирание семьи и даже самого государства. Неслучайно в ряде регионов началось даже практическое обобществление девушек и женщин. И это не было теоретико-методологическими шутками – большевики ломали и крушили всё конкретно, всерьез и надолго.

На глазах у многих обезумевших россиян, а потом и у всего человечества на огромной части планеты создавался такой ярко выраженный исторический и общественный парадокс, что мало кто верил в его даже самую ближайшую перспективу. Ни один выдающийся мыслитель мира в ту пору не смог предвидеть и предсказать, что заты-

нется он почти на целое столетие, втягивая в себя миллиарды людей, неотвратимо окрашивая их в свои парадоксальные тона и полутона. Возникший на острых политических и социально-экономических противоречиях, этот парадокс, словно гигантское цунами, опрокидывает сначала Россию, а потом и многие другие страны.

По своей внутренней логике зарождения и развития любой парадоксальный строй, особенно если он базируется на мощных людских и материальных ресурсах, может проявить такие черты, как: временная самодостаточность, динамизм, самообновление и приспособляемость к окружающей среде в сочетании с агрессивным набором гегемонистских устремлений в виде революции. Наш и базировался на солидной имперской основе, и все перечисленные особенности проявил сполна. Чего стоят только одни ключевые позиции нового строя: власть советов в виде диктатуры пролетариата, землю – крестьянам, фабрики – рабочим, пролетарии всех стран соединяйтесь и прочие перлы железной революционной логики. Правда, со знаком – наоборот. Как уже отмечалось выше, все это оказалось фарисейством и обманом чистой воды.

В массе своей малообразованный, но смекалистый российский народ быстро разобрался в парадоксальности политики новой власти. Если объявляют свободу – значит, жди неволи и насилия; если обещают землю – значит и ту, что есть, отберут; если сулят все экспроприировать у богатых и поделить всем поровну, значит, ничего многим не достанется; если гарантируют от каждого по способностям каждому по его труду, тут же жди мобилизаций и принуждений к дармовой работе или в лучшем случае – уравниловки. Уже первые годы управления страной, совпавшие с гражданской войной, с победой в ней ценой жесточайших репрессий и братоубийств, показали полный крах военного коммунизма, основанного на прямом продуктообмене, продразверстке, трудовой повинности и других способах невероятного насилия над народом.

Невозможно без содрогания читать документы о драматическом восстании в Кронштадте в марте 1921 года. Собственно, в этот период волнениями и восстаниями против демонической власти бурлила вся страна. Бастовали и митинговали рабочие Петрограда и Москвы. Казалось, под ленинским руководством загорелась сама земля, но оно упорно продолжало насилие и борьбу против собственного народа. Метод был один – аресты, репрессии, расстрелы всех, кто поднимал голову против самозваной власти и никаких разговоров, советов и соглашений.

Узнав об аресте шестисот бунтующих рабочих, моряки Кронштадта – оплота большевиков в ходе октябрьского переворота и развернувшейся гражданской войны, решили присоединить свой мирный голос ко всеобщему протесту. Они приняли резолюцию, в которой требова-

ли провести выборы советов тайным голосованием без руководства коммунистов, обеспечить свободу слова и гражданские свободы для всех, ликвидировать привилегии большевиков, их структур экономической диктатуры.

Безусловно, главным требованием было дать полное право распоряжаться землей так, как крестьянам желательно, а также иметь скот, который должен управляться своими силами, без наемного труда. Что здесь страшного увидели в них для себя Ленин и Троцкий, заклеившие моряков предателями и мятежниками, жестоко и безжалостно подавившие их вынужденное вооруженное сопротивление? Почему они не стали рассматривать их требования?

Ответ здесь один – они и в мыслях не допускали неповиновение народа своей диктатуре, которая к тому времени не только обрушила все его жизненные устои и традиции, но и начала последовательное осуществление мер по переплавке и перековке всего социокультурного кода России. Советской властью смертельным врагом был объявлен почти весь слой образованных и хозяйственно активных людей, которые несли на себе бремя экономического прогресса страны и являлись носителями ее культуры.⁶²

Встретив яростное сопротивление своим действиям со стороны основных слоев населения, самопровозглашённые вожди и борцы за народное счастье, иначе они себя сами не называли и другим предписывали называть их только так, пошли на беспрецедентный контрпарадоксальный шаг – они вернули деньги, рыночные цены, частную собственность в сфере услуг, иностранные концессии, банки и другие классово-враждебные атрибуты старой жизни. А ведь как лихо и эффективно начинали! Деньги ликвидировали, ценности реквизировали. Казалось бы, мамонофилия одним взмахом революционного клинка вырвана из души и сердца каждого россиянина.

И тут такое отступление в уничижительное прошлое, уход от непреходящих фундаментальных ценностей марксизма-ленинизма, да еще и с непонятным названием НЭП. Но вожди знали, что такой парадокс временный и, самое главное, управляемый со стороны тоталитарного государства. Его просто передвигали вперед-назад как главную фигуру на шахматной доске. Передвигали рискованно, с разногласиями, опасаясь потерять и власть, и главную господствующую цель – победу в мировой революции.

Надо сказать, безумное и безжалостное управление страной в условиях всеобщего хаоса и кровавого самоуничтожения народа наложило серьезный отпечаток на вождя революции В.И. Ленина. Когда ее паровоз побежал по замкнутому кругу, он все отчетливее стал понимать, что светлые идеалы социализма, за которые якобы боролись большевики против тирании, с поразительной скоростью забываются,

перерождаются и чернеют от пролитой крови, а сами революционеры превращаются еще в более свирепых тиранов.

Уже в возрасте пятидесяти двух лет его жизнь перешла в процесс невиданных, нечеловеческих мучений. Словно по какому-то сверхзаданному повелению на лидера большевиков обрушились страшные неизлечимые болезни. Загадочный, непонятный и неизвестный для лечащих врачей и ученых склероз сосудов превратил его мозг, словно в плавильной печи или вулканической плазме, в твердый камень. Многочисленные эпилептические удары и инсульты почти два года бросали его из одного ада в другой.

Он то превращался в маленького ребенка, учился выговаривать буквы и слова, то становился прилежным учеником, пытающимся овладеть умением писать. Покинутый соратниками и медленно уходящий в одиночестве из жизни вождь мычал и выл по ночам, пугая своих охранников. Получив сорок два удара за последние часы невероятных прижизненных мук, он покинул наш бренный мир.

Но по какому-то нечеловеческому парадоксу, вопреки его воле и настойчивой просьбе жены, большевики не похоронили его рядом с матерью, не предали тело земле, на которой он совершил бесчисленное количество грехов и принес неизмеримое никакими инструментами горе всему человечеству. Они поместили его в стеклянный саркофаг, открыто обрекая на вечное мучение теперь уже и на том, и на этом свете.

Другого от них ожидать было нельзя. Новый вождь всех народов, рассматривал его как изваяние, канон и неодушевленный предмет самонадуманной истории. И.В. Сталину ничего не стоило предупредить Н.К. Крупскую в ответ на ее возражения по какому-то вопросу, что он может назначить В.И. Ленину новую вдову. И назначил бы, не замолчи она, предусмотрительно унося в собственное небытие многие тайны жестокого режима.

Невероятно страшным и трагическим обрушением жизненных устоев стали репрессии против православной церкви, которые проводились с особым усердием и результативностью. Богоборческие власти сразу же поставили перед собой цель: заменить православие, ислам и другие религии одной новой – коммунизмом. Естественно, исполнение ролей богов они оставили за собой. Причем, процесс этот не затягивали, а вели его очень активно и наступательно. В топку агрессивной измофрении бросили не менее воинствующий атеизм.

Прежде всего вместо икон людей заставили повесить свои портреты. За этим следили специальные соглядатаи. Все делалось по строгим графикам и расчетам тиражей, соответствующих числу домов, квартир, служебных кабинетов, аудиторий, классов, цехов, коридоров и других помещений. Не должно быть ни одного из тех, откуда бы с самой выгодной позиции на них не смотрели лики наиболее главных

вождей – Ленина и Сталина. Каждый человек должен чувствовать, что он находится под ежеминутным наблюдением и покровительством новых богов.

Нет, их не называли богами официально – такое нельзя найти ни в одном документе, да и как можно об этом даже подумать, если религия и ее основной олицетворитель Бог были названы смертельными врагами революции и народа, во благо которого она осуществлялась. Все это повсеместно сдобривалось бесчисленным количеством плакатов и лозунгов с цитатами и изречениями вождей, которые как гвозди вбивались в сознание, повторяя подобно религиозному писанию множество раз устно и письменно и создавая непогрешимость и незаменимость их как восприятия истины в последней инстанции.

Одновременно на всю пропагандистскую мощь развернулся процесс романтизации и популяризации всякой уголовщины, облаченной в революционные одежды и упакованной в специальную фразеологию. Все, что сокрушалось, ломалось, взрывалось, сжигалось, грабилось, отбиралось, конфисковывалось и тому подобное глумление над сложившимся жизнеустройством, объявлялось революционным проявлением, а то и зачислялось и поощрялось как революционный подвиг. Многие участники тех драматических событий даже по прошествии полувека с гордостью писали в анкетной графе «участие в революционных событиях», например: ломал помещичий дом или взрывал церковь. Самому приходилось читать такие дикие перлы.

А вот видеть своими глазами пришлось только недоразрушенное и недовзорванное. Сколько таких храмовых и усадебных комплексов до сих пор немым укором своих полуразваленных очертаний пронизывают бескрайнее пространство России! По официальным подсчетам за время богоборчества тоталитарного сатанинского режима с церковью была прекращена работа всех из более одной тысячи монастырей, около 60 тысяч храмов, 12 тысяч мечетей и других религиозных учреждений. На пике этого невиданного мракобесия остались действующими только около сотни, где служба проходила под контролем карательных органов.

Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский и другие антихристы без особых стеснений и маскировок, отбросив даже очень свойственное им фарисейство, оставили на память потомкам открытые указания на уничтожения и расстрелы. Они создали даже союз воинственных безбожников, заметим, не активных, а именно воинствующих, то есть готовых воевать и уже успешно воюющих против религии. Эту страшную атеистическую инквизицию возглавил Е.З. Ярославский. Казалось, все силы ада обрушились на церковь, но она сохранилась и при всяком послаблении репрессий тут же восставала из пепла и вновь умножалась своим числом.

До сих пор точно не установлено, сколько же священнослужителей были беспощадно расстреляны. Только за 1937-38 годы около 200 тысяч из них были репрессированы и примерно 100 тысяч уничтожены. Примерно 50 тысяч мулл и мусульманских активистов были также истреблены. Выше мы рассматривали драматический вопрос, почему это случилось именно с нашим народом, единственным чемпионом мира по данному виду варварства на земле? И тут мое обращение к большевистским истокам крещения Руси далеко не исчерпывает сути сотворенного.

Часть исследователей обращают внимание на то, что наш народ почему-то очень быстро поддается на различные шизофренизации и, как следствие, проявляет волю и склонность к насилию, подчинению и разрушению. Периодически это переходит в настроение и пристрастие многих людей, которым просто чужды социально-цивилизационные ценности. Даже наша уникальная, признаваемая всем миром культура не избежала тоталитарного воздействия, её будоражит этот кристалл и раздваивает содержательное сечение. У многих народов именно культура определяет политику, у нас же – наоборот, политика диктует какой быть культуре, и все отчаянные попытки выровнять ситуацию исторически выглядят обреченными на неудачу.

Ладно у большевиков власть воспринималась как страх при Ленине и Сталине, как стыд при Брежневе и как насмешка при Горбачеве, но ведь до этого ее олицетворяли цари – помазанники божии. И при всех бесперебойно действовала самая эффективная форма дидактики – школа насилия. Её проходят успешно все, от простых людей до глав государства. Бывая в зарубежных поездках и посещая храмы различных вероисповеданий, я заметил, что, например, католики и протестанты у Бога кроме прощения за грехи не просят для себя ничего, мы же просим у него всё. Многие полагают, что это проявление психологии рабов.

И снова исследовательская логика выводит нас на срез свободы – несвободы. При наличии последней у человека есть два-три основных варианта поведения: в официальной, производственной обстановке или на собрании, в отношениях с начальством и в кругу общения с друзьями и близкими. Поэтому несвободных людей совсем нетрудно повести сначала на созидательные действия, а затем также мобилизовать на разрушение ранее сделанного. И уж тем более в то время, когда жизнь сохранить можно было только отрекаясь от веры в Бога, своих единомышленников и даже родных.

Совсем другие альтернативы поведения в условиях свободы. Здесь социологи насчитали до полусотни вариантов поведения. Свободных людей трудно и даже невозможно поднять как стадо животных на неблаговидные поступки. Каждый человек исходит прежде всего из своих убеждений и своей самостоятельности. Хотя если очень постарать-

ся, увлечь зажигательной идеей, то и здесь искомым результатом будет достижимым. Не говоря уже о фактах исключений, когда отдельные свободные люди, в традиционно свободном обществе идут на прямые акты вандализма и насилия – примеров тому масса даже в благополучной Европе. Как-то не получается разорвать этот эвристический узел, оставляющий для нас все больше загадок и тайн.

Все-таки, что же проще всего восстановить – разрушенный храм или отравленное насилием и ненавистью сознание человека? Ответ здесь не нуждается в детализации, ибо переделать людей и все общество можно сравнительно быстро только через заражение ядами безнравственности и жестокости, восстановление же затягивается даже дольше, чем жизнь одного поколения и ни в какое сравнение с реставрацией любого сооружения не входит. Особенно, если есть противники и апологеты прочно утвердившегося тоталитаризма.

Парадоксальные идеи и борьба за их воплощение, жизнь и смерть их вдохновителя и творца тем не менее на нем самом, к сожалению, не завершились. Их с воодушевлением подхватили революционные соратники, ставшие классом номенклатурной политбюрократии. Они мимикрировали, стали приспосабливаться к реальной действительности, не прекращая впрочем, ни на минуту попыток полностью властвовать над ней, постоянно перекраивать и переделывать ее на свой лад. Кто столь неточно выразился, не вы ли, уважаемый оппонент, что перестройка – изобретение М.С. Горбачева? Да это же один из безусловных рефлексов большевиков – всё, везде и всегда перестраивать на каждом шагу, который реализовывался на протяжении более 70 лет и проявляется сегодня. Он лишь продолжил традиции, правда, уже на излете их надуманно-сконструированной истории и вместо спасения неспасаемого на возобновленной основе совсем загубил и без того безнадежное дело.

2. Пролетарская семья в условиях революционных трансформаций

Естественно, основной движимой массой этого видоизменяемого парадокса был российский народ, вынужденно колеблющийся в невероятно трудных конвульсиях вместе с линией правящей партии. Рискнем рассмотреть этот ракурс через жизнь и судьбу пролетарской семьи Платоновых из Воронежа. Да, той самой рабочей династии, что дала России всемирно известного писателя Андрея Платоновича Платонова, человека, еще более парадоксального, чем Сократ, впитавшего в себя подобно фотопленочному негативу все самые трагические и драматические переломы в истории России, детально и точно описавшего судьбу и образ ее многострадального народа.

Итак, в пролетарской семье потомственных железнодорожников, на излете XIX века рождается мальчик, призванный пойти по установившейся традиции в ведущий отряд рабочего класса. И пошел прямо в подростковом возрасте. Сначала учеником, потом помощником, а затем и самим машинистом паровоза. Служил в рабоче-крестьянской Красной армии, вступил в партию, безоглядно и твердо поверил в идеалы коммунизма, за которые готов был отдать все силы, здоровье и саму жизнь. О парадоксальности и мифологичности нового строя даже не задумывался. Да и как можно было задуматься и тем более сомневаться, если в подростковом возрасте он уже вполне основательно и серьезно изучал труды Карла Маркса, где четко и почти ясно были сконструированы основы будущего общества равенства, братства, свободы и справедливости.

Не испытывая с ранних лет никаких признаков алчности, стремления к накопительству, будущий великий писатель тем не менее в одном жизненном деле проявил-таки жадность. Уже с первых заработков молодой пролетарий, в отличие от своих сверстников, стал все деньги вкладывать в покупку книг, в основном представляющих классическую литературу и, как положено молодому революционеру, в партийно-политические издания.

Их он истово, досконально изучал, перечитывал, накапливал и хранил. Все это вкупе с бурной общественной жизнью, которая кипела страстями и идеями нового времени, затянуло воронежского парня во всеохватывающий мировоззренческий круговорот, где один парадокс сменялся другим, а вместе они составляли третий, четвертый и так до бесконечности.

Чем только не увлекался и за что только не брался революционный романтик Платонов. То он с неподдельной искренностью, уверовав в будущее электричества, бьется за требование называть всех новорожденных мальчиков именами Ток, Рубильник, Провод, Выключатель, а девочек – Энергия, Изолента, Розетка и т.д. То, утвердив себя в атеистических убеждениях, начинает бороться с Богом и одновременно демонстрирует неприязнь к женщинам, отвергает любовь как данность человеческих взаимоотношений, хотя сам страстно влюбляется и женится. Попутно пропагандирует идеи пролеткульта и т.д.

А каким он стал антимамофилистом! Отстаивая позицию советской власти о ликвидации денег, он решает эту задачу практически. Убедив своего отца – железнодорожника и других земляков в исторической обреченности денег как пережитка старого строя, они вместе создают в Воронеже бесплатную мельницу. Молва о ней пронеслась по всей округе, от желающих смолоть зерно даром не было отбоя. Но ни тогда, ни теперь еще никому не удалось опровергнуть народную мудрость – бесплатным сыр бывает только в мышеловке. Уже

через несколько дней иссякли резервы запчастей, нечем было платить за электричество и горюче-смазочные материалы. И энтузиасты-строители бесплатной мельницы разорились. На ее работу без денег требовались деньги.

Однако никакая парадоксальность реально складывающихся тогда жизненных ситуаций не могла поколебать революционный дух и веру молодого борца за правое дело. Он с утроенной энергией брался за все, что ему поручала советская власть. Любое назначение – это бой с разгильдяями и пьяницами, ворами и прогульщиками. Именно так он работает мелиоратором в Воронежской губернии, твердой рукой проводя многочисленные трудовые мобилизации и добиваясь успешного сооружения десятков плотин, дамб, мостов и дорог, в том числе и на территории Белгородчины. Даже когда его исключали из рядов ВКП (б) за неправильное поведение, он считал себя настоящим коммунистом.

До сих пор некоторые плотины, построенные А.П. Платоновым, как уверяют его земляки, прочно и непоколебимо стоят, а вот его мировоззренческая плотина, хотя и довольно основательно укрепились измофренией и парадоксией, не выдержала испытаний на прочность. Сначала в ней появились небольшие трещинки сомнений, затем они стали все больше размываться тревогами, огорчениями и разочарованиями реально складывающейся новой жизни. Было видно, что слова об интересах народа все больше отрывались от конкретных дел выдвинувшейся на главную управленческую позицию партийно-хозяйственной номенклатуры. Особенно больно молодому писателю было видеть, как страна, так и не выйдя по существу из гражданской войны, постепенно погружается в массовые репрессии против многих слоев населения, включая тех, кто вчера еще сам расправлялся с классовыми врагами пролетариата.

Великий парадокс становился беспросветным и нескончаемым. Он входил уже практически в каждую семью, будь она пролетарской, крестьянской или совсем иной с любыми даже самыми выдающимися заслугами перед революцией. Настиг ее молох и семью Платонова. Его сын Платон якобы не поделил со своим сверстником юношескую любовь к одной девушке. Но тот уже знал, куда и о чем писать, чтобы наверняка покарать соперника, причем чужими руками. По доносу о покушении на товарища И.В. Сталина, а все сексоты знали, что это беспроигрышный вариант, семнадцатилетний парень оказался в Норильском концлагере. И если бы не вмешательство М.А. Шолохова, глубоко уважающего и всегда чем можно поддерживающего А.П. Платонова, сгинул бы его сын на ударной стройке социализма в качестве дармовой рабочей силы без какой-либо скидки на пролетарское происхождение.

Да и над самим всемирно известным писателем, у которого учился по собственному признанию сам Эрнест Хемингуэй, не раз заносился карающий и беспощадный меч революции, а точнее, ее главного палача и по совместительству отца всех народов. Дело все в том, что А.П. Платонов, будучи вначале сам поборником и сотворцом великого парадокса, все это с убедительнейшей правдивостью и скрупулезнейшей точностью подробно описал в своих романах «Котлован» и «Чевенгур», фронтовых рассказах. Он как бы вывернул наизнанку все фарисейские и парадоксальные внутренности искусственно и насильственно создаваемого общества, а главное – предвосхитил динамику формирования советского человека, его основную специфику и будущие отличительные черты.

По сути Андрея Платоновича можно назвать социалистическим реалистом номер один Советского Союза, имея в виду эффективно используемый основной метод советской литературы и искусства, утвержденный в качестве разящего меча революции вождем. Словно на огромном панорамном холсте он сумел ярко и убедительно показать, что собой представляет гигантская ломка всего народа и каждого человека, загнанного в глубокую историческую яму, наполненную жертвенными парадоксами. Социалистические идеалы в его понимании все дальше и глубже расходились с позицией вождя и его окружения, пулей и плеткой гнавших советский народ напролом к надуманным представлениям о своем счастье.

Писатель был объявлен классовым врагом и подлежал безусловному физическому уничтожению. Но великий тиран проявил нетрадиционный подход и заменил казнь на пожизненное уничтожение. Его не печатали, клеймили позором и даже, когда он просто переводил башкирские сказки, чтобы заработать на кусок хлеба, подвергали всяческому остракизму.

Сам же он безропотно жил, подметал мусор, воевал с фашистами за свою любимую Родину. Когда его тяжело больного туберкулезом легких принудительно с передовой отправили на лечение в санаторий, он все равно по дороге встретил пехотный полк и вернулся в его составе на фронт. И здесь писатель, имевший звание майора, не принимал предложений жить в теплых блиндажах командиров и политработников, а все время находился вместе с солдатами в их сырых и промозглых окопах.

Так он понимал идеалы равенства. Так он и умер вскоре после войны, терзаемый размышлениями о судьбе своего многострадального народа. Его не интересовали премии, пайки, дачи и прочие привилегии номенклатурных писателей, которые за них боролись, соревновались, унижались перед властью. Он ждал одного – публикации своих трудов и признания их правдивости. Не дождался. И только через пять-

десять пять лет, в 2006 году вышло первое издание собраний его сочинений.

Специалисты до сих пор не могут понять, почему И.В. Сталин не убил непокорного писателя, даже когда ему показывали оскорбительные слова по его личному адресу? Что сдерживало сей безжалостный нрав? Может быть, он понимал гениальность писателя в его приближении к истине и по-своему оценил несгибаемость и величайшее мужество, проявленное им? Или же, будучи бессребреником, всю жизнь носивший потертую шинель и китель, презиравший всякое накопительство, вождь чувствовал и видел в писателе родственную душу антимонафилиста?

На этот счет у меня сложилось достаточно устойчивое мнение об одной из причин непопулярности авторитета диктатора или, как теперь модно выражаться, его высокого рейтинга. Советские люди закрывали глаза на все его беспощадные злодеяния не только благодаря невиданному культу личности, но и потому, что он не болел мамонофилией. В подавляющем своем большинстве бедный, переживший страшнейшие катаклизмы буквально на тридцатилетнем отрезке истории народ видел и чувствовал правду – вождь тоже не купается в роскоши, не накапливает личных богатств, не хапужествует. Жаль, такие сталинские уроки не пошли впрок последующим руководителям СССР и России.

Чувствую, что читатель оценил авторский выбор пролетарской семьи для анализа, даже сам оппонент примолк на некоторое время. А много ли таких примеров наблюдалось в жизни нашей страны? Да подавляющее большинство судеб людей так или иначе со своими нюансами и особенностями были похожими друг на друга, делили вместе горе и радости, объединялись и сплачивались для совместного коллективного преодоления искусственно создаваемых и естественных трудностей.

Человеческая жизнь так устроена, что люди в ней приспособляются ко всему как хорошему, так и плохому, тем более, если на протяжении многих веков они являются ведомыми и закабаленными бесправием. Поэтому даже такая катастрофическая деформация общественных устоев в России, значительно затормозившая естественный ход ее развития, не остановила основные жизненные процессы. Несмотря на действующие невзгоды и лишения, люди учились, трудились, любили, образовывали семьи, рожали детей и радовались самой возможности жить.

Особенно яркий отклик в народном сознании получило стремление большевистского руководства культивировать и внедрять во все сферы жизни коллективистские начала. Для крестьянской страны, где вплоть до начала XX века вся жизнь структурировалась право-

славными приходами и сельскими общинами, в которых сотни лет неукоснительно соблюдались неписанные правила её функционирования и устройства, это было вполне логическим и приемлемым методом управления. Так что мои социологические размышления в первой главе являют собой наглядный пример продолжения вековых традиций ещё в середине недавно ушедшего столетия, их отдельные элементы сохраняются и по сей день.

Здесь даже явный перебор с абсолютизацией коллективизма, идеологическим и социальным противопоставлением его индивидуализму, то есть, как и в других странах, целого и его части, столь зримо не омрачал жизненные процессы. Природа сущего была выше надуманного и при любых обстоятельствах, как говорят, брала свое. Жаль только, что на таких качелях нашему народу пришлось находиться десятки лет, испытывая никому ненужные сложности и препятствия, коих совсем не должно быть при нормальном естественном ходе истории.

3. Капитализация и социализация в моей конвергентной жизненной биографии

Тем не менее, мы продолжаем бережно листать её страницы в надежде найти там и ответ на вопрос, как же общество, нареченное безденежным, жившее в условиях жестких потребительских ограничений, не смогло устоять перед заражением мамонофилией? Надо разбираться. К этому располагают и довольно длительный, семидесятилетний период создания новой общественной формации, и ее весьма ярко выраженные специфические черты.

Сразу же оговоримся: на теоретические постулаты и обоснования радикального, революционного переустройства сложившегося строя мы обращать внимания не станем, зная их доподлинное значение. Сосредоточимся в основном на практике жизни. По завершении НЭП, в годы великого перелома, все, кто высунулся и выдвинулся на передовые накопительские, нередко переходящие в качество мамонофилистских позиции, были уничтожены как классовые враги, а все их богатства реквизированы в пользу рабоче-крестьянского государства. Причем, то, что отбирали у самых отборных и лучших крестьян, для крестьянского же государства, было не самым существенным парадоксом.

Главный смысл исторических перемен заключался в том, что около 70 процентов населения страны несколько десятков лет, будучи колхозниками, подвергались жесточайшему угнетению, работали за трудовни, то есть практически бесплатно, создавая прибавочную стоимость и новому строю, и делу мировой революции. Плюс полурабский неоплачиваемый труд миллионов перевоспитуемых на ударных гулаговских стройках. Словом, мамонофилия снова была,

если не уничтожена, то загнана в глубокое номенклатурное подполье. Других объектов заражения и распространения не наблюдалось. А тут еще война и последующая разруха, бедность и нищета большинства населения.

Мне, послевоенному подростку, удалось не просто захватить в начале шестидесятых годов финал этой драматической фазы развития страны, но и на собственном опыте пережить ее «прелести» и «достижения» и переход на денежную оплату колхозного труда, что в корне изменило всю ситуацию в СССР. Какой была в это время крестьянская семья и как строилась в ней жизнь, сказать можно двумя словами – натуральным хозяйством.

Если говорить о деньгах, то мы видели их только в виде копеек, да и то по великим праздникам. Найти в доме лишний рубль было так же невозможно, как в глубоком сугробе гвоздь. До денежной реформы 1961 года и сразу же после нее из всех школьников, кому они выдавались на конфеты, пряники и пирожки с повидлом по торжественным случаям, были только дети учителей и медработников, которые получали зарплату в рублях. Зато было много облигаций разных займов, связанных в тугие свертки, которые родители иногда разворачивали и пересчитывали, прикидывая, сколько за них положено получить денег через двадцать или тридцать лет. А самое главное, неуверенно рассуждали: можно ли на них будет построить новый дом, сарай, погреб, удовлетворить крестьянские нужды.

Жить ожиданием будущего достатка тогда было главной мотивацией всех советских людей, безропотно отдававших партии и правительству свои займы на объекты великих свершений, по которым нашей правящей тогда КПСС можно было присвоить любое из самых престижных в ту пору на планете званий. Лучше нее обосновать самый грандиозный и великий проект, вплоть до глобального, общемирового значения и поднять на его воплощение народ, не мог никто.

Гораздо труднее было с микропроектами, с технологиями повседневного быта и жизни людей. Ни одному вождю не удалось развернуть всю организационную мощь правящей партии с нацеленности на массы, народы, классы, к конкретной семье и отдельному человеку. Да и сама она, как-то не самонастраивалась на такие мелочи. А зря, и это показал закономерный финал ее деятельности, – ведь мелочи нередко решают всё.

Да такого внимания от партии никто и не ждал, выживали самостоятельно, кто как мог. Самым сложным делом было снарядить детей в школу. Каждый год перед первым сентября отец продавал на базаре все, что можно было продать – подросших баранов, телят, мед, картошку и т.д. На вырученные деньги он покупал нам одежду и обувь. Разумеется, все в одном экземпляре, который уже к зимним каникулам видоизменялся заплатками на локтях, коленях и других местах, подвергающихся трению.

Начиная с пятого класса, я тоже участвовал в финансировании своей школьной программы, работая по два месяца летних каникул пастухом на свиноферме. Мой труд оплачивался точно так же, как и взрослых животноводов – полтора трудовня в день. Учитывая, что работа была без выходных, за это время набегало девяносто трудовней, на каждый из которых положено было получить один килограмм зерна и десять копеек деньгами.

Итого выходило девять рублей и почти центнер пшеницы или ячменя, что соответствовало цене самого недорогого школьного костюма. Можно представить, с какой гордостью надевал его заработавший самостоятельно подросток – будущий мужчина и главный добытчик и кормилец семьи. И пусть ничего не оставалось даже на мороженое, но это был сильнейший жизненный урок.

Отдельно подчеркнем, работать два года на летних каникулах в колхозе, это было обязательное правило школы, в ту пору называвшейся единой, трудовой, политехнической. Школы, пусть бедной по форме, чаще всего находящейся в приспособленных помещениях, но богатой по содержанию. С гордостью пишу так именно о своей родной Голофеевской восьмилетней школе, которой недавно исполнилось 150 лет. Труд учителя был престижен, неплохо оплачивался, соответствующим было и его качество. Каждый урок имел свою конкретную задачу и был неповторимым по методике организации. При школе действовали производственная мастерская, оборудованная спортплощадка, различные кружки и секции, а главное, были сад и огород, где мы не на словах, а своими руками соединяли пестики и рыльца, наблюдали и записывали все стадии развития и роста различных растений и деревьев, животных, птиц и насекомых.

Эффективным взаимодополнением выполняемых каждым из нас различных домашних работ были уроки труда и домоводства. Словом, двенадцатилетний подросток мог уже выполнить любое задание родителей по уходу за домашним скотом, огородом и домом. Именно школа являлась главным организующим компонентом всей системы обучения и воспитания молодежи на селе, обеспечивала его гармоническое единство с окружающей природой и социальной действительностью, а также с главной семейной академией жизни. И почти никаких парадоксов. Это было столь несомненным, крупным достижением нового строя, важным фактором его самосохранения и саморазвития, что с него потом брали пример многие страны мира.

Заметно волнение оппонента, куда это мы отклоняемся от курса борьбы с мамонофилией? Спокойно, ребята, никуда мы от него не отходим, просто в описываемых выше условиях самовывживания можно говорить только об антимамонофилии. О новом же этапе возвращения ее самой в массы впору начать с введения в городе и деревне хозрасчета,

оплаты труда в денежном выражении, выдачи колхозникам паспортов, то есть с Косыгинских реформ. Вот где был шанс перевести строительство нового строя из процесса во многом надуманного, искусственного социализма в технологию создания нормального социального общества, коего уже к тому времени достигли многие западные страны, возглавляемые социал-демократическими правительствами.

Главное, и придумать ничего не надо, просто вернуть НЭП, дать людям свободу. И нам не пришлось бы никогда переживать страшнейший излом распада страны и ее не менее драматической трансформации, глядя на которую даже сегодня, понимаешь, что ей нет конца. Но нашлись борцы за чистоту идеалов командно-административного распределения планов, лимитов, фондов на все, вплоть до коробки спичек, которые через несколько лет заметно приглушили и ограничили Косыгинские хозрасчеты, превратили их в уже традиционный для советской власти гигантский парадокс, как мы понимаем, ставший затем одним из последних из вбивших в крышку ее гроба решающий гвоздь.

Речь идет о том стратегическом направлении нарастающего накачивания всех отраслей народного хозяйства деньгами для стимулирования его роста и развития, которое и стало решающим усилием правящей партии по обеспечению полного провала своей программы. И здесь никаких особых негативов нет. Это классический вариант любой экономической модели. Казалось бы, делали все по схеме, как и учили классики, следовательно должен быть и прорывной результат, не хуже чем у капиталистов. Так нет же, они все дальше уходят в отрыв, а мы как уперлись в стену индустриализации, так и не можем ее преодолеть. Производительность труда и качество продукции – это две высоты, которые большевикам так и не удалось взять ни путем насильственного, почти бесплатного труда, ни репрессиями, ни за деньги, которых на завершающей стадии уже не жалели.

Вот и вышло: для одних, капиталистов, деньги – в основном благо развития, а для других, то есть нас, большевиков, – крах всего задуманного экономического уклада. И крах этот был заложен изначально, когда взрывалось и рушилось все то, к чему Россия шла многие сотни лет. Оппонент, возможно, уже устал от моих аналитических напряжений по поводу ленинско-сталинского псевдосоциализма, по своей сути далекого от его подлинных идей и практики и служащего лишь идеологическим прикрытием тоталитаризма.

Он уже готов к упрекам меня в том плане, что легко критиковать то, чего уже нет и больше не будет. Не лучше ли сформулировать позитивную альтернативу дальнейшего развития общества, обосновать новые механизмы его функционирования. И совершенно неважно, как оно будет называться – социализмом, капитализмом или просто свободным

обществом, главное, чтобы в нем были наиболее благоприятные условия для жизни людей. Не торопитесь, коллега, всё это будет впереди.

Теперь же затронем одну ключевую деталь. Данный процесс сопровождался постепенным и тоже все более нарастающим разрывом между увеличением заработной платы и отставанием в темпах роста производительности труда, о чем мы уже писали выше. О качестве продукции и речи не могло быть, так как отсутствовала конкуренция, являющаяся мотором капиталистических производственных отношений, которая сама по себе без понуканий и приказов не допускала вышеуказанного разрыва.

Мы умудрились даже итальянскую модель «Жигулей» превратить из надежного автомобиля во внезапно, уже на девятой, десятой тысяче километров, ломающийся из-за «сырого» распредела и других комплекующих агрегатов. Что же касается отечественных «Волг», «Москвичей» и «Запорожцев», то без специальной инновационной операции, изобретенной и применяемой только в Советском Союзе под кодовым названием «протяжка», невозможно было выехать даже из гаража. И тут уже не помогали никакие деньги хоть в виде растущих зарплат, хоть в виде премий за качество работы. В таких деталях, мелочах специфического бытия концентрировалась энергия саморазрушения, которая захватывала своей нарастающей неизбежностью все большую часть общества. Искусственно порожденная ненормальность ослабляла не только отдельные пружины, но и весь силовой механизм переустройства мира.

Если внимательный читатель вначале посмотрел оглавление данной монографии, то он должен заметить, что автор не уклоняется от определения своей позиции по этому животрепещущему вопросу. Более того, все мои исследования фокусируются именно на таком целеполагании, без каких-либо, разумеется, претензий на истину в последней инстанции. Единственное желание – надеяться на то, что эта работа является непростым человеческим размышлением о наболевшем, а по ряду позиций отвечает более высоким экспертным требованиям.

Придерживаясь конвергентной точки зрения о том, что капитализация и социализация есть две грани единого целостного и взаимообусловленного процесса общественного развития, в котором ни одна из них не может функционировать самостоятельно без другой, мы все же напомним наиболее характерные признаки этой диалектики.

Капитализация как технология всевозрастающей стоимости состоит из массы организационных, юридических, финансовых, производственных, материальных, математических и других процессов, происходящих в конкретных исторических и социально-экономических условиях под их влиянием и воздействием, и направленных на достижение определенных целей и результатов. Она не может возникать, воздействовать на окружающий мир, прирастать, уменьшаться или исчезать бесследно

без участия конкретных людей и всего общества. То есть капитализация неотделима и невозможна без социализации, которой соподчиняется, служит целям ее развития и под ее влиянием развивается сама.

В свою очередь и социализация не обходится без встроенности в технологию приращения капитала. Ведь даже если капитал потерял своего хозяина и никто не заботится о его развитии, все равно он не отделяется от человеческого общества. Кто-то фиксирует его новое положение, передает другому владельцу, определяет дальнейшую судьбу.

Следовательно, и результат их взаимно обусловленного функционирования может носить исключительно только суммарный характер. Человеческое общество как организованный социум не может возникнуть и существовать без определения стоимости продуктов своей жизнедеятельности и окружающего природного мира. В противном случае оно распадется по стадному признаку.

И никакие оговорки типа «деньги делают деньги», «капитал сам выбирает дорогу», «деньги любят тишину» и многие другие, активно используемые в бизнес-общении, не могут отражать даже в далеком приближении к объективности этот столь сложный, противоречивый процесс. В исходной основе возникновения, накопления, движения и развития капитала стоял, стоит и будет стоять человек. Люди вначале придумали деньги как расчётное средство и инструмент обмена, сделали из них капитал, расширили его границы функционирования и размножили его виды, подчинив целям своей жизнедеятельности.

В свою очередь этот процесс стал сразу же синхронно соподчинять себе людей, сопровождаться объединением их в коллективы, корпорации и социумы, воздействовать на все сферы социально-экономического развития человечества.

И все-таки, почему меня притягивает, словно неразгаданное таинство, данная проблематика, почему к ней приходится возвращаться вновь и вновь, не обращая внимания даже на смысловые повторы, так нетерпимые в любом тексте? Может быть потому, что через душу и сердце прошел столь резкий общественный разлом, неожиданный и трагический по своему содержанию и совсем непонятный по надвигающейся перспективе? А может метание критических стрел в прошлое – это попытка свести с ним счеты за то, что не сбылись мечты и ожидания, за раздвоение сознания и бытия, за обман и повторение замкнутого круга истории?

Вопросов много. Есть уже и ответы. Но они наполнены не только знаниями, но и психологической неуверенностью, мировоззренческими колебаниями и, конечно же, субъективизмом. Есть в них и обнадеживающие признаки собственной практики, опыта жизни, которую никому не дано опровергнуть или признать непродуктивной. Важно

также, что в ней учтены и уроки исключительно внимательного, наглядного изучения, что называется воочию, общественного устройства многих стран и народов всех континентов мира, за исключением Австралии, где мне не удалось побывать.

Это в тысячи раз превосходит любые другие источники информации и делает сравнительный анализ убедительным и надежным, вырывает его из плена устоявшихся идеологем и привычных догматических штампов. Историки, очевидно, ошибаются, когда первоисточниками называют какие-то архивные документы. На мой взгляд, первоисточники – это восприятие человеком того, что он видит собственными глазами и слышит своими ушами. А если еще и сравнивает с другими суждениями, обобщает их и сам же делает выводы – цены таким нет.

Мне не на кого ссылаться – сам вот уже на протяжении почти тридцати лет, заходя в любую студенческую аудиторию по любому поводу очень часто задаю вначале один и тот же вопрос: что такое капитал? Затем следует тут же второй – капитализация и социализация это антиподы? Фактически, за очень редким исключением, студенты дают неверные ответы. Чувствуется неловкость и замешательство преподавателей. А главное, не наблюдается никакой положительной динамики по данной дидактике, даже после ректорских разборов.

На таком богатейшем вербальном срезе особенно отчетливо выделяются все тяжелейшие последствия искусственного противопоставления капитализации и социализации. Это самая греховная и глобальная путаница XX века. И хотя практически оторвать одного от другого оказалось невозможным по объективным обстоятельствам никому и никогда, разве только чисто теоретически, тем не менее попытки отделить их по одному и вместе взятых от человека через его отрыв от собственности на основе применения жесточайшего насилия по ее реквизиции и видоизменению осуществлялись всеми правдами и неправдами. Это наложило такой отпечаток на общественное сознание, что и сегодня оно выглядит по данной теме расколотым на две основные части и покрытым густым маргинальным туманом.

4. Достигнутый социализм для одних и неравенство, угнетение для других

Мне долго не удавалось найти и более или менее вразумительный ответ на вопрос, почему одни считают, что социализм в СССР действительно был построен, и это в сущности не вымысел, а правда истории, к тому же добавляется его положительное воздействие на капитализм, на его очеловечивание; другие же – наоборот, утверждают, что это великий самообман, выдумка, авантюра и полный провал внедрения его теории в практику, что и подтвердилось полным оттор-

жением подавляющего числа людей. Ясно, что мои предпочтения на стороне последних, о чем пишется и в этой работе.

Но это лишь усиливает интерес к вопросу – почему существуют в общественном настроении и сознании две противоположных по смыслу правды? Ознакомление с имеющейся разнообразной литературой дает много вариантов ответов, но убедительного, исчерпывающего как не было, так и нет. Во всяком случае для меня как непосредственного участника и в определенной мере одного из винтиков этого специально сконструированного механистического процесса. И вот совсем недавно я его нашел и не где-нибудь, а на огранках данного исследования.

Формулируется он очень просто. Как программная декларация социализм стал реальностью и был действительно построен, но только для отдельной части общества, состоящей из представителей различных классов и социальных слоев советского общества. И это реальная правда. Они данный факт подтверждают, одобряют, сожалеют о его потере и никто их не переубедит в обратном. Сразу заметим, это значительная часть народа, но в то же время весьма заметное его меньшинство.

Большинство же осталось на обочине исторического процесса по созданию нового строя. Они просто оказались в роли пользующихся и угнетенных властью первых. Им не досталось ни свободы и равенства, ни собственности и необходимых материальных благ для своего жизнеобеспечения и уж тем более справедливости. Социализм для них оказался, а затем так и остался лозунгово-плакатным смыслом, недостижимой и неправдоподобной фантазией.

Понятно, тут требуются пояснения, и мы их попытаемся сделать. Отбросив идеологическую бутафорию о советской власти рабочих и крестьян, о том, что они теперь свободные владельцы и хозяева своей земли, фабрик и заводов, пароходов и самолетов, живут в обстановке свободы, равенства и братства, сосредоточимся на реальных базовых основах социалистического бытия. А оно очень резко отличалось от идеологических постулатов, которые напрочь исключили даже из самой мысли такие понятия как господство и угнетение, частная собственность в условиях нового общества.

Замысел все обобществить и поровну поделить был очень серьезной и притягательной приманкой, но его реальное выполнение коснулось лишь первой фазы – все отнятое обобществили и передали государству. А вот к делению поровну всем и каждому торопиться не стали, притормозили, что оказалось для многих навсегда. С первых же дней социализм стал строиться и материализоваться согласно лозунгу от каждого по способностям, каждому по его труду ячеисто, только для своих.

Таковыми оказались профессиональные революционеры, оказавшиеся у руля центральной власти и образовавшие номенклатуру как

новый класс, который тут же стал господствующим и угнетающим для остальных слоев населения. Уточним: вначале – уничтожающим другие классы. Все решалось через распределение и перераспределение как главные ударные инструменты нового управления. По своему усмотрению трактуя понятие справедливости и равенства, они без особой застенчивости въехали в особняки и дачи бывших господ, сели в их спецвагоны и автомобили, окружили себя помощниками, адъютантами, поварами, модистками и другим обслуживающим персоналом, назначили себе спецпайки и другие льготы. Организовали спецбазы, спецмагазины, спецбольницы и другие объекты своего благоденствия. Правда, на всякий случай назвали себя товарищами, мол, все мы равны.

Выше вкратце подчеркивалось иностранное влияние на госпереворот 25 октября 1917 года по старому стилю. Историки его по имеющимся документам исследовали, и выяснилось, например, что вместе с Л.Д. Троцким из США были десантированы около 50 так называемых революционеров для взятия российской власти, которая валялась в пыли. Не Ленин, направленный с этой же целью в германском пломбированном спецвагоне с 35 соратниками, что было само по себе беспрецедентно в условиях мировой войны, руководил октябрьским переворотом. Это сделали дерзкие ребята под руководством Троцкого, добротнo обеспеченного валютой.

И далее забота США о своём посланнике не уменьшалась. На пароходах ему доставили новейшую радиостанцию, типографию, телеграф, легковые автомобили, электростанцию и другое бытовое оборудование для его бронированного спецпоезда, в котором были созданы все мыслимые в то время удобства для роскошной благоустроенной жизни.

Далее процесс пошел по сетевому или ячеистому графику из центра вниз, по вертикали соответствующих звеньев власти и управления с обязательным условием последовательного уменьшения доли распределяемых благ, причем строго по номенклатурному статусу занимаемой должности тем или иным ответственным работником. Что полагалось одному, вышестоящему, не предусматривалось другим, нижестоящим. Незамедлительно сложились писанные в секретных циркулярах, а чаще всего неписанные правила всей корзины номенклатурного потребления.

В качестве иллюстраций остановлюсь на собственном примере. В условиях всеобщего дефицита и соответствующего обесценивания рублей, обреченных скапливаться в основном на сберкнижках и затыкать финансовые дыры в социалистической экономике, люди всеми силами старались вложить их в какой-то кондиционный, ценный товар долгосрочного пользования и удобный для перепродажи в нужное время. Советские люди, хоть и изучали в политкружках и учебных заведениях законы социализма, тем не менее действовали строго по капитали-

стической интуиции. В число дефицита попали и книги. А я оказался в составе примерно 10 процентов руководящих работников региона, которые наделялись правом свободно выбирать и покупать их по мере поступления, в том числе и особенно ценные подписные издания.

Делалось это мною, признаюсь, с таким большим удовольствием, что даже притупилось чувство неловкости перед такими же руководящими коллегами, которые довольствовались только подпиской на известное и дефицитное приложение к журналу «Огонек», да спец-продажами улучшенного ассортимента книг на спецмероприятиях. Остальной народ бился в умопомрачительных многочасовых очередях, давках и ночных переключках в точках перераспределения их остатков от вышестоящих товарищеско-барских столов.

Разумеется, для меня книги не были элементом интерьера или средством спекулятивной перепродажи. С пятилетнего возраста я привык не просто их перечитывать, а буквально проглатывать, что и делаю до сих пор. Они – мои знания, мой хлеб и мой воздух, правда, с привкусом вездесущей пыли, что впрочем уже не может остановить пожизненную устремленность к любознательности.

В целом вся система достигнутого социализма для своих охватывала не только специальных, руководящих персон, но и тех, кто их обслуживал. Им хоть доставалось не все и не по той потребности, как вышестоящим шефам, но все же заметно больше, чем обыкновенным гражданам, коим было гарантировано равенство невозможностей, которые в будущем коммунистическом обществе предполагалось превратить в равные возможности все получать по потребности.

На любом предприятии, в любом хозяйстве существовала своя ячейка достигнутого социализма. Так, председатели колхозов вместе с обслуживающими их главными бухгалтерами, завскладами, завстолами и другими заинтересованными лицами мало когда расходовали личные деньги на продукты питания, строительные и горюче-смазочные материалы, запасные части, транспорт, пользовались домашней прислугой. Кто по необходимости выполнения тех или иных работ, а кто и на постоянной основе.

Аналогичные услуги оказывались вышестоящим районным и областным руководителям. Неслучайно, у подавляющего их числа как на грибах вырастали солидные дома в районных и областных центрах, служившие надежной гарантией неизбежного отхода от тягот сельских забот. Специальные маршруты обеспечения прокладывались и до самой Москвы. Такие же, а то и большие возможности были в руках и других хозяйственных руководителей страны. Все это делалось за счет перераспределения общенародных сокровищ теми, кто ими распоряжался, минуя народ, коему как раз-таки по теории была предначертана эта миссия.

На конвейер было поставлено банкетное дело, где всё обеспечивалось не только по самым высоким меркам потребностей, но и значительно больше их мыслимых границ. Могу пригласить любого исследователя и даже недоверчивого оппонента в госархив и поспорить, что они не найдут ни в одном массиве документов того или иного социалистического предприятия или хозяйства, где бы фигурировали решения о проведении банкетов, утвержденные сметы расходов на них, накладные на закупки спиртных напитков и деликатесов. Перераспределение было не просто закамуфлированным искусством возможного, но и очень серьезной тайной, надежно спрятанной под грифами секретно и совершенно секретно, о чем мы уже сообщали читателю.

И то был не эпизодический, рассчитанный на время проведения различных мероприятий социализм. Отнюдь, для многих его участников он за счет этого задолго начинался и через много дней, вплоть до следующего банкета, заканчивался. Причем это не зависело от убыточности или прибыльности хозяйствующего субъекта. На такое дело коллективную собственность не жалели никогда. В общем, в корень посмотрел граф В.В. Шульгин на конечную перспективу во время своего путешествия по советской России.

Зададимся вопросом – долго ли еще мог держаться гигантский экономический механизм огромной страны, в котором руководящая партия одновременно включала два своих главных рубильника: один плановый со знаком плюс, другой – перераспределительный со знаком минус? Ответ очевиден. Рано или поздно такая несовместимость должна была взорваться в результате короткого замыкания. И его произвели протестные массы людей, вышедших на улицы. Хорошо, что дело не дошло до всеобщего взрыва и самоистребления. Для господствующих везде и всегда это позволило пересидеть, переждать в засаде, сберечь себя для руководства и управления очередной перестройкой.

Многие низовые хозяйственные, партийные и государственные руководители именно в ту пору натренировали и подготовили себя для более солидного хапка общенародной собственности, возглавив уже в демократических одеждах регионы и муниципальные образования новой России. Набожно перекрестившись в храмах, они в мгновение ока стали негласными и открытыми владельцами крупномасштабных долей в различных отраслях производства, транспорта, энергетики и т.д. Немало среди них и скрытых латифундистов лучших пахотных земель. Уроки социализма оказались весьма востребованными и в новых условиях.

Разумеется, вышеописанные социальные слои с одобрением относятся к социализму в их конкретном понимании и ощущении, поддерживают они и современное обустройство, где не чувствуют себя на обочине. И в той, и в этой жизни они – ее хозяева, распорядители и

распределители собственности, только теперь с правоохранительным добавлением частной, своей то есть. Одна у них беда – неминуемое заболевание мамонофилией, тяжелые последствия которой особенно трагично переходят на их наследников. И с этим, по-видимому, многим из них сделать ничего не удастся.

Что же касается большей части народа, которая ни тогда, ни теперь не имела собственности, как была в своей основе, так и осталась обманутой, то, как ни странно, тоже нередко ностальгирует по прежним временам. Особенно приятны воспоминания последнего этапа перед драматическим финалом, когда в ходу были по сути безнаказанными привычки меньше делать, больше получать, установки типа – кто не работает, тот ест, все вокруг колхозное, все вокруг мое.

Казалось, никто никого не трогает, нет репрессий, живи так и дальше – не хочу, и не надо никаких перемен. Но кругом стали жить куда лучше, и внутренние проблемы, словно ядерные заряды дефицита рванули общенародный котел, резко изменили массовые настроения и сознание, качнули их в сторону, как оказалось, еще более обманутых надежд и несбыточных ожиданий. Сложившаяся к концу восьмидесятых годов прошлого века парадоксальная ситуация, когда так жить больше было нельзя, а жили, сменилась на вынужденно-согласительную позицию: для многих из них жить стало еще хуже, а деваться некуда, надо терпеть.

Парадокс, но самые тяжелые испытания выпали на долю не тех, у кого ничего не было, а кто всю жизнь добросовестно работал и старательно без скопидомного фанатизма накапливал денежные сбережения и кто на этой почве не избежал заражения мамонофилией. Именно эта опаснейшая болезнь застилала сознание и разум последних, не давала понять, что это иллюзорное богатство, которое не подкреплено товарами потребления. Они не хотели верить в то, что накапливаемые ими сбережения не являются и не могут в условиях острого дефицита на все мыслимые и немыслимые потребительские продукты быть капиталом или всевозрастающей стоимостью.

Одномоментное их обесценивание резко обострило многие физические и психические страдания людей, вызвало серьезные заболевания. Значительно возросла смертность, особенно среди старших возрастов. Специальных исследований на эту тему обнаружить не пришлось, но мне лично, на вербальном уровне, в беседах с врачами удалось выяснить, что на их традиционный вопрос, какие отрицательные события в жизни случились у них в последнее время, многие пациенты откровенно указывали на утрату своих сбережений. Отсюда горестный вывод: начался задуманно-надуманный социализм без собственности и денег у большинства людей и закончился также без них.

Глава XVI. Цивилизационный разрыв и его последствия

1. Замкнутый круг социально-криминальных переворотов в России и распад Советского Союза

Однако последнюю строку предыдущей главы надо дополнить тем, что это одновременно сопровождалось и распадом Советского Союза. И здесь с особой пронзительностью ощущается поистине трагический разрыв цивилизации, который произошел в России за последние сто лет, то передернутое временем социально-экономическое пространство, которое нам очень хотелось измерить рамками 1917-1991 годов. Но похоже наши желания и ожидания не совпадают с реальностью происходящих исторических процессов. Что из инструментов не примени для их анализа и определения, все равно не получается четкой и ясной картины результируемого, подходящей хотя бы для восприятия, не говоря уже об объективности. Вот и на сей раз покатаем по субъективной дорожке с надеждой на приближение к реальной оценке.

Какая же сила все-таки прервала сто лет назад естественный ход социально-экономического развития страны и прочно держит нас железными тисками, навязывая по сути аморальный стиль жизни? Что общего у нее с теми, кто пришел к власти в 1991 году? Не могут же так просто быть похожими открыто провозглашенные в 1917 году лозунги типа «грабь награбленное», «все отнять и поделить» и прочие сленги криминального содержания и патетически произносимые в 1991 и в последующие годы установки «разрешено все, что не запрещено», «взять все государственное и поделить», а также закрыто декларируемые, как правило, только в узком кругу тех, кто распоряжается ресурсами и тех, кто выходил из тени в свободную жизнь, призывы «бери, принимай все, что плохо и хорошо лежит», установки – «было ничье, станет мое», и уж совсем свежее-камерное – «главное все правильно распилить и откатать».

Причем, если сто лет назад всю власть над народом силой открыто брали революционеры, экстремисты, террористы, грабители, убийцы, в большинстве своем сидевшие в тюрьмах, и присоединившиеся к ним различные теоретики нового строя, никогда и нигде, как правило, не работавшие и жившие по заграницам, то в последнем случае все было до мелочей продумано и упаковано в деликатные, демократические процедуры. Не мог же господствующий номенклатурный класс просто так взять и свергнуть самого себя с высокого пьедестала правления, а потом снова вернуть свою власть. Было бы грубо и риско-

ванно. Куда надежнее сбросить с себя публично одежды автократов – партократов и объявить себя демократами, да к тому же еще попутно пойти в церковь и перекреститься, одним махом сдувая с себя бывшие атеистические убеждения.

Все это по форме, а по содержанию, как утверждают специалисты, – все тот же криминальный переворот, только с приставкой номенклатурно-криминальный. Отличие, конечно, существенное, но схожесть поразительная. Особенно в словесном, риторическом сопровождении. Чтобы как-то обосновать, объяснить и утвердить столь радикальные исторические кульбиты потребовалось в обоих случаях задействовать всю мощь фарисейско-пропагандистской машины.

Не обошлось и без террора, только в первом революционном случае массового, а на нынешнем этапе, когда перестройка стала плавно перерастать в перестрелку, ее оперативно локализовали, ограничившись дифференцированным отстрелом отдельных физических лиц в основном из числа приемателей, чиновников и криминальных авторитетов. Теперь это главная забава для деятелей киноиндустрии и околотелитурных сфер. Они не то отвлекают, не то обучают народ, а скорее всего просто зарабатывают за его же собственный счет на не очень замысловатых сюжетах.

Как-то я сказал своим домашним, зачем вы смотрите эти «шедевры» псевдокино, там же все заранее понятно, что будет дальше и чем все закончится. Мне в ответ, а что именно будет? Пришлось разъяснить: после похищения героини будет автоавария, потом она заболит и попадет в клинику, затем в ее доме случится пожар, потом ее похитят и так далее во всех сериалах как зарубежных, так и отечественных. Просто есть элементарный перечень острых, захватывающих сюжетов, который кочует из одной тысячи сценариев в другую и так до бесконечного выкачивания денег и времени у людей. Примерно такое же сходство наблюдается и в анализируемом процессе радикальной смены власти в России.

Разумеется, в обоих её случаях засветилось и внешнее вмешательство. Тут хоть и наблюдается разность в авторстве и в подходах, но в целом прослеживается объединяющее начало одного и того же сценария – сначала быстро разрушить все настоящее, а потом как можно дольше создавать, реформировать и модернизировать непонятное будущее. При этом не забывать педалировать непреодолимые трудности и сложности переходного периода, который все больше и больше затягивается надолго или, как поется в одной из песен, в неизвестное далеко.

Откровенно говоря, мне не хочется анализировать то, о чем уже написаны тонны исследований самого разного жанра и содержания, окрашенного, как и полагается, политико-идеологическими предпочтениями авторов. Хотел даже пропустить этот раздел, но он незримо

нависает такой каменной тяжестью, что сбросить его нет сил и даже уклониться от него просто невозможно. Для моего поколения это по сути незаживающая боль сознания, которая похожа на постоянно кровоточащую рану. И я вписал в название данного параграфа слова, которые до моего сорокалетнего возраста не могли мне присниться в самом страшном сне. В кругу моих близких есть люди, для которых нетерпимо лично даже незначительное упоминание о Советском Союзе в отрицательном аспекте. У них сразу портится настроение, прерывается беседа. И ничего удивительного тут нет.

Во-первых, данное историческое обстоятельство произошло не в традиционно-естественном русле, а в специфических условиях одновременного распада складывающейся новой социально-экономической формации, общества и государства. Аналогичных примеров человечество не знает совсем, тем более в таком масштабе. Обычно отдельные государства разрушались извне в результате поражений в войнах или внутреннего деления на части, особенно, если это касалось крупных империй, но без радикальной смены общественного строя. В этих случаях менялись власть, границы, политика и другие атрибуты, но не менялось главное – устройство, уклад жизни людей, что облегчало их восприятие и адаптацию к новым обстоятельствам.

В нашем же варианте обрушилось и поменялось все – в структурном, функциональном, экономическом, политическом, юридическом, идеологическом, межнациональном, бытовом, статусном и других аспектах жизнедеятельности общества. Сначала большинству людей казалось, что ничего страшного не произошло, ведь у каждого народа никуда не делся генетический код стремления к самостоятельности и свободе.

У русских, чувствовавших свою ущемленность от нескончаемого имперского и революционного мессианства, помощи всем за свой счет, появился повод обрести свою государственность и пожить для себя, у других народов возникло желание получить независимость от России, которая олицетворялась с руководящим центром огромной страны, без согласования с коим нельзя было строить свою жизнь.

Подогревавшая такие настроения правящая номенклатурная верхушка союзных республик быстро осознала и свой эгоцентричный интерес выйти на международную арену в качестве её новых субъектов, обрести желанный статус и новые привилегии. Но это все надстроечные мотивации, базисной же причиной был системный кризис искусственно надуманного и догматически внедрённого социализма. Прививка не прижилась, особенно в экономике и управлении, о чем авторские суждения представлены выше.

На личностном уровне у меня с первых дней независимости России возникло подавленное состояние, хотя надежды на сохранение

Союза оставались до последнего. Вскорости драматизм ситуации я почувствовал уже на житейско-бытовом уровне во время поездки в Харьков, куда белгородцы всегда ездили как к себе домой, учились там, работали, создавали семьи, что можно сказать и о харьковчанах. Ведь между нами расстояние в 80 километров преодолевалось всего лишь за один час.

На сей раз нас остановила на границе очередь из автомашин и автобусов, которые досматривала харьковская милиция. Настроение мое и без того неприятное испортилось вконец от внезапно включившегося украинского радио, в эфире которого один из митингующих во Львове злобно кричал: «москали поели наше сало, мясо и хлеб!» а тут еще проверка паспортов и вещей. В общем, когда в кругу университетских коллег мы обсуждали эту тему, у меня невольно вырвалось: если так дальше пойдет, то придется еще и воевать друг с другом. Понятно, что в это не верил тогда никто. Как говорят в народе, накаркал.

Лучше бы сказал ближе к научному: европейские страны десятилетиями стремились к объединению и образованию своего союза, а мы сотни лет жили вместе, в том числе 70 лет в союзе, чтобы в одночасье разбежаться и жить порознь. И такая дилемма вспоминается всегда, когда едешь на машине по Европе – там теперь ни границ, ни пунктов пропуска, ни проверок. Ощущение комфорта и свободы такое, будто ты у себя дома. Хотя последние события с потоками беженцев, хлынувших в её благополучные края, могут отыграть все достигнутое назад. К сожалению, здесь еще не вечер, и на спокойный сон многим европейцам вряд ли стоит рассчитывать. Да и сами границы тут уже начали перекрывать.

Как тут не вспомнить предостережения Л.Н. Гумилёва о цикличности возбуждения национального самосознания и его последствий, его суждения о трех пассионарных толчках. Не грех почитать и более старших наших соотечественников М. Данилевского и К. Леонтьева, которые особенно непривычно и нелюбимо предостерегали об опасности прогресса и игнорировании многогранности в культурно-историческом развитии цивилизаций.

Можно сделать одинаковые, по общему стандарту, дороги, машины, самолеты и корабли, посуду, мебель, одежду и другие предметы жизни для всех народов. Все это достигается соответствующими технологиями. Но душу конкретного человека и тем более целого народа нельзя отшлифовать на специальном станке, вытеснить из неё традиционные, присущие только данному этносу, чувства, ощущения и восприятия. В конечном счете их невозможно уничтожить, если продолжается жизнь самого народа.

И тут что-то еще в XX веке было не додумано человечеством, в том числе и в его самой заметной части – СССР. А ведь было уже

давно всем ясно, что естественно-исторический ход общественного развития можно опрокинуть только в результате апокалипсиса. Все остальные меры, попытки, воздействия, насилие и принуждение даже во вселенском масштабе смогут лишь частично повлиять на его темпы, ускорить или замедлить их и не более того. По ходу исследования мне не один раз приходилось анализировать те причины, которые способствовали развалу страны. Их можно свести в одну эвристическую упаковку с указанием одного единственного и главного виновника распада Советского Союза – это искусственно созданный на его территории общественный строй, коим управлял специально организованный класс номенклатуры, властные действия которой были реальным отражением поведения саморазваливающихся систем.

Об этом подробно написано выше, хотя не будет лишним привести слова известного исследователя и журналиста Виктора Правдюка о незатухающем споре по поводу белых и красных. Известно: белые победили только в одной губернии бывшей царской России – Финляндии. Далее он приводит пример двух экскурсий. Первая – до 1917 года по зажиточным тогда Вологодской, Тамбовской и Ярославской губерниям и отсталой Финляндской. Вторая – в 1990 году, но только по обезлюдившим селам и запущенным землям вышеуказанных областей РСФСР и по уютной, ухоженной и бурно развивающейся современной Финляндской республике, куда большевистских революционеров не допустили даже на порог. Убедительнее примера не придумаешь.

Для оправдания своего революционно-убийственного поступка с почти вековым интервалом наша политбюрократия придумала незамысловатое объяснение: СССР развалили Горбачев и Ельцин. Сдобренное привычными сталинско-ежовскими выкладками о врагах народа, пятой колонне и так далее, оно с легкостью охватило массовое сознание и прочно утвердилось как оценка трагического события. Его трудносмыаемый трафаретно-измофренический окрас для таких пропагандистских идеологов как раз-таки удачно приспособлен. Штампанули очернительный жупел и все в порядке. Главное, мы тут ни при чём. Просто, убедительно и доступно каждому.

Это уводит от системного подхода и глубокого анализа истинных, взаимообусловленных сложнейших процессов жизнедеятельности общества. Да и сами апологеты номенклатуризма стороной обходят такой методологический инструментарий. Они готовы написать еще горы монографий, статей и выступлений к уже изданному в таком содержательном ключе, лишь бы увести читателя от истины. А когда им задаются прямые вопросы, как же вы допустили, что разрушилось созданное и утверждённое в гимне, нареченное вами как несокрушимое, и как можно в таком случае оценить саму систему и эффективность номенклатурного руководства, они резко сворачивают дискуссию или

переводят ее в русло чисто эмоциональных примеров и сравнений с нынешней ситуацией уже в самостоятельной России.

И это снова их шанс оседлать номенклатурного коня и безошибочно выбранный вариант для полемической контратаки. Все объясняется народной традицией говорить о покойнике только хорошее и ничего плохого, хотя Сократ подчеркивал, что о таком надо говорить только правду. Она вполне закономерна и уместно накладывается и на анализируемый исторический факт. Когда меня некоторые коллеги упрекают в том, что я выпячиваю отрицательные явления из советского времени и фактически лью воду на мельницу и тех врагов, кто его разрушил, приходится нетерпеливо объяснять, что следует различать исследовательский подход от эмоционально-психологических оценок.

В последнем случае я целиком на стороне их носителей, коими являются практически все советские люди. Из них мало тех, кто родился, вырос и жил в Советском Союзе и не испытал чувство гордости за свою Родину и удовлетворенности совместной жизни, учебы, труда и общения с другими народами. В радости и горе шел процесс их сближения и дружбы, расцвета многонациональной культуры. Для меня и моих сверстников вспоминать Советский Союз – это значит переживать заново свое детство, юность, молодость, любовь и становление зрелости, встречи с друзьями, которые проходили в движении вперед к светлым надеждам. А что может быть лучше и прекраснее этого? В жизни любого человека – ничего.

И о самом важном. Для меня интернационализм так и остался навсегда не идеологическим клише, а твердым убеждением, как у многих советских людей. Чего никак не скажешь о тех, кто рвет на себе полемические рубахи, одномоментно, а то и внезапно превратившись из убежденного интернационалиста в ярого националиста, и даже в шовиниста. Первыми это сделали как раз лидеры партии союзных и автономных республик. Не гнушались выставлением шлагбаумов ещё за 2-3 года до развала СССР и вожаки российских регионов. Перескочили на эту тропу и те, кто больше всего писал книг, читал лекций и выступал по межнациональной проблематике. Так на кого же было надеяться, кто же мог защитить СССР изнутри?

Очень жаль, что начало XX века разделило нас на белых и красных, а его окончание разъединило по отдельным территориям и странам. И в центре таких тектонических социальных разломов как памятник возвысившемуся и погибшему в душах людей был и остается Советский Союз. Можно ли было его спасти? Да, можно, – отвечают многие исследователи, в том числе и данная монография. При одном условии – своевременно поменять устройство той жизни, которая стала фактором его обреченности.

Недавно прочитал у одного из видных государственных деятелей, бывшего секретаря ЦК КПСС из ученых профессора В.М. Фалина интересные факты и выводы, которые по своей сути отвечают объективности. Чувствуется, что анализирует их знающий всю подноготную внутренней и внешней политики СССР. Оказывается, экономический кризис в нем обострился в 1972 году, когда случился неурожай. Пришлось срочно закупать огромные партии продовольствия и с этой иглы уже не сходить вплоть до наших дней. Хорошо, что было за что – выше мною подчеркивался фактор войны на Ближнем Востоке в 1973 году и резкий взлет цен на нефть.

А покупать к тому времени за границей уже приходилось 50 процентов лекарств, 40 процентов текстиля, огромное количество ковров, одежды, обуви и других жизненно важных товаров, которые не могла в нужных объемах выпускать советская индустрия, заточенная на гонку вооружений, на чем потом как раз и поскользнулось геронтологическое советское руководство. Как отмечает В.М. Фалин, его попросту переиграли и обманули Президенты США Д. Картер и Р. Рейган.

После советского вторжения в Афганистан там были разработаны 12 программ развития вооружений, в том числе в космосе. Последнее, как оказалось, было блефом, чисто пропагандистской уткой. Ведь на шумовой эффект выделялись миллиарды долларов. Главная ставка – втянуть слабеющую экономику СССР в этот процесс гонки вооружений, измотать ее и добиться распада страны. Ключевые фигуры в лице Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова до конца не поняли замысел, обманулись и повелись практически на обслуживание стратегических интересов США.

Они не послушали голос разума Н.К. Байбакова, Н.В. Агаркова и других руководителей, заявлявших в противовес этой позиции, что страна не выдержит такой невероятной нагрузки. Но их проигнорировали и устранили от руководства, поставив на решающее направление тех, кто на все был согласен. Так недалевидность, догматизм и неспособность уловить новые явления в глобальном мире, перевести экономику страны на рыночные рельсы, о чем настаивали советские дипломаты и экономисты, привели к тому, что руководители по существу прозевали свою страну. Господствующий строй и управляющая номенклатура катили её на край пропасти к закономерной точке невозврата.

2. Возможности выхода из цивилизационного разрыва: предполагаемые сроки и условия

И все же сколько лет нужно для того, чтобы восстановить естественный цивилизационный процесс, вернуть жизнь в нормальное русло? Вспоминается высказывание четвертьвековой давности круп-

ного ученого академика В.А. Рыжова о том, что по законам его науки механики переход от одного строя к другому должен занять примерно столько времени, сколько мы строили социализм, то есть примерно семьдесят лет. С оговоркой на то, что инерционность данной трансформации может и не совпадать по скорости его основных процессов с механической динамикой.

Более оптимистическую позицию занимали тогда крупные экономисты России, считавшие, что достаточно приватизировать основные пласты государственной собственности, создать рыночную инфраструктуру, запустить его основные производственно-экономические механизмы на основе частной собственности и либерализации цен, осуществить законодательную, судебную и ряд других реформ, выйти на мировой уровень потребительских цен энергетических и сырьевых ресурсов, товаров массового потребления и услуг, а также соответственно поднять заработную плату во всех хозяйственных отраслях и бюджетных сферах, и мы снова пойдем в общем строю цивилизованных стран и народов.

Значительно сдержаннее выражали свои прогнозы социологи, занимающиеся исследованиями социальной селекции, адаптации и реабилитации. И не напрасно. Хотя автор этих строк, успешно спроектировав и осуществив ряд социальных технологий, исходя из личного опыта, вначале не разделял мнения своих коллег, а придерживался более бодрой позиции ведущих экономистов. Механическая же идентификация социальных процессов и вовсе казалась чрезмерно пессимистической и не правдоподобной по своей длительности.

Все же механика – это больше неживые металлы и другие материалы, а здесь живые люди. К тому же перед взором многих исследователей стояли примеры свершения исторического чуда в Сингапуре, Японии, Южной Корее и других странах. Но любое социально-экономическое чудо свершается на земле конкретными людьми, их мышлением, сознанием и руками, а главное, в определенном цивилизационном пространстве, которое создается веками.

Естественно, его очень хочется повторить – чем мы хуже других? Правильно, повторимся, мы не хуже и не лучше остальных, мы такие же, как все, но есть одно базовое отличие – во всем мы вышли из другой, псевдосоветской цивилизации, сформировались на ее базовых ценностях и мировоззренческих установках, окрашенных главным смыслом состоявшегося разрыва самой технологии жизни. Мы вольно или не вольно являемся их носителями.

И кем бы не стал в новой России любой человек, выросший в этот период, – предпринимателем или принимателем, банкиром или юристом, ученым или журналистом, чиновником или его руководителем, вплоть до высших лиц государства, богатым или бедным, он сформи-

ровался не под влиянием Бахрушиных и их православного окружения. Его селективный процесс носит значительно более противоречивый и разноплановый характер, определяемый именно случившимся цивилизационным разрывом.

Отсюда непоследовательность реформ – от политических до экономических. Не зря известный государственный деятель В.С. Черномырдин, создав новую партию «Наш дом – Россия», сокрушался: что ни делай, все равно получается как КПСС. Точно так же с судами и прокуратурой, со средствами массовой информации, за исключением небольшого остатка оппозиционно-независимых, – все по звонку, все из одного центра, все от одной зависимости и команды.

Неслучайно, из всех перечисленных выше мероприятий по социально-экономической реформации успешно выполнено и даже перевыполнено только одно – подтягивание цен на все ресурсы и услуги до мирового уровня. В Москве так мы уже впереди планеты всей, да и держава постепенно догоняет свою столицу. Словом, по данному показателю мы одна из самых продвинутых стран в мире, идущая, конечно, на несколько ступенек выше, чем Мозамбик, Бангладеш, Венесуэла и ряд других развивающихся и совсем малоразвитых стран. Особенно остро народ это почувствовал после объявленных из-за событий на Украине санкций и резкого падения цен на нефть.

Главное, в этом плане особо напрягаться не надо – цены сами по своей сути летят вверх, особенно если весь хозяйственный механизм страны разбалансирован. Тут ни задачи ставить не надо, ни протоколы поручений писать. А вот с ростом производительности труда, качеством продукции, заработной платы – здесь в плане оценки лучше обратиться к словам известной народной песни: «каким ты был, таким ты и остался». Имеется в виду их уровень. И это не удивительно, потому что те, кому положено решать такие проблемы практически, только объясняют сущность замкнутого круга. Мол, как работаем, так и получаем. Будем лучше работать, будет больше и зарплата. Хотя, академик РАН В.А. Ивантер, ряд других экономистов придерживаются иной точки зрения – нам недоплачивают. На самом деле работаем мы не хуже и не меньше, чем на Западе, что в переводе на социально-технологический язык означает – нас попросту работодатели сильнее эксплуатируют и, не встречая сопротивления, не платят положенное за наш труд.

Может поэтому и пресловутый замкнутый круг никто разорвать не может, и по прошествии четверти века не то что экономического чуда, даже заметного приближения к нему не наблюдается. Особенно тревожные тенденции выявились в ходе последнего кризиса 2007-2009 годов, из которого большинство стран, попавших под его кинжальное поражение, успешно выкарабкиваются, обозначая восстановление и рост экономики, а Россия – наоборот в 2012 году устремилась к оче-

редному раунду рецессии, а с 2015 года вошла в её цепкие всепожирающие клещи.

И это при том, что Президент несколько лет назад поставил задачу удвоить к 2020 году объем ВВП. Правда, несмотря на её грандиозность сам процесс озадачивания прошел тихо и незаметно, так как вскорости общеноменклатурное нефтегазовое умопомрачение от динамики роста резко пошло на спад, вплоть до неудержимого острого кризиса. А тут еще в его уже разгоревшийся костер подлили масла украинские события и последовавшие санкции. Причем, у них, на Западе имеется в виду, все это сопровождается чаще всего минимальной инфляцией, а то и снижением цен, у нас же они поднимаются как грибы, словно навечно заворуженные и заряженные неукротимой энергией роста.

Сегодня многие эксперты и рядовые граждане задают вопросы: что произошло за последние 25 лет, куда мы попали, что построили после критикуемого неправдашного социализма, и не находят точных ответов. Люди не понимают, где мы находимся и почему не можем так долго восстановить связь времен и общую ткань истории. Многие всё возлагают на Бога, другие считают такой подход капитуляцией перед деятельностью разума, остановкой познания. Оглядываясь на XX изомфренический век с волнами революций и контрреволюций, мы видим, что всеобщие коллективизации, индустриализации, капитализации, приватизации и демократизации закончились такой же всеобщей кидализацией – от слова кинуть, бросить.

Да, действительно похоже, что в России за истекшие четверть века реформаций в рекордный срок построили еще один невиданный строй на земле под названием развитой кидализм. Необходимые пояснения можно дать в виде ответов на следующие вопросы. Почему в рекордные сроки? Потому, что в предыдущее столетие шел процесс накопления селективно-генетической информации этого явления. Кидализация проявлялась в разных сферах жизни и по-разному, но она ограничивалась тоталитарными тисками государства и не могла прорваться к своему всеохватывающему значению.

Тут же вдруг немислимый ранее подарок – демократизация, стремительно введенная и декретированная как всеобщая. Как подчеркивалось выше, она столь же быстро превратилась в дымократию. А под дымовую завесу можно сделать многое: и в атаку броситься, и замаскироваться, и подтасовать любые ситуации. Вот и получилось, что вместо массового открытого движения демократов под дымовым прикрытием появился мощный слой кидалистов, который вырос и продолжает расти как на дрожжах, охватывая практически все сферы жизни общества и все его классы.

Куда бы и зачем человек ни обратился, всюду его может поджидать кидалист, закамуфлированный в самые благообразные доброт-

ные одежды, включая казенные мундиры. По его виду трудно поверить, что такой может кинуть. А напрасно. За это время кинули всех – и наших, и не наших. Добрались даже до чужих. Идет негласный конкурс, кто кого больше и сильнее кинет. Впору учредить специальные награды за особые заслуги в кидализации и присваивать наиболее отличившимся звания даже кидалистов международного класса. Не правда ли, дорогой оппонент, это выглядит существенным дополнением к характеристике современной обстановки.

И все же она требует ряда важных уточнений, которые очень сильно влияют на условия и сроки выхода страны из цивилизационного разрыва. В таком весьма противоречивом и сложном процессе важна реальная оценка состояния дел и перспектив развития. По ряду вышеприведенных фактов на правдивость рассчитывать здесь пока не приходится. Более резко в этом смысле выразился академик РАН Р.И. Нигматулин, обвинивший правительство в подтасовках для обмана народа и самоуспокоенности через внедрение послушного стиля управления, где решающим выступает традиционно-номенклатурное «чего изволите?», одобренное патриотическими речами.

Поскольку за последние сто лет в нашей стране таких примеров не было, вторично обратимся к действиям легендарного Президента США Ф.Д. Рузвельта. Настало время сказать вам правду, – начал он таким образом после избрания свое обращение к американскому народу и дополнил сказанное объяснением сути депрессии и объявлением войны несчастью и нищете. За время тяжелейшего испытания он, кроме многочисленных выступлений и встреч, провел в прямом эфире 30 открытых бесед с народом на самые актуальные темы. И это не было самодемонстрационным пиаром образа своего парня, плоть от плоти связанного с простыми людьми, как это делают нередко современные лидеры государств. Любое его выражение раскрывало конкретные действия как Президента страны, так и рядовых граждан. Он говорил, что делает сам и вовлекал в работу каждого американца.

Эксперты назвали этот прием сеансами психотерапии, в которой остро нуждалось растерзанное кризисом общество. И это так, но только отчасти. За ним столь многочисленные мозговые штурмы лучших университетских умов, которые проводил лично сам Президент. В дело вступал самый надежный научный подход на основе всестороннего анализа, вариативного прогнозирования и моделирования сложнейших социально-экономических процессов и их возможных последствий.

Вообще, он умело нажимал на все клавиши государственного управления, добываясь конкретных целей наиболее рациональными способами. Для подъема промышленности и создания новых рабочих мест были восстановлены дипломатические отношения с СССР и

двинуты на нашу индустриализацию оборудование более сотни крупнейших предприятий металлургии, машиностроения и переработки сырья, тысячи отобранных по конкурсам лучших специалистов. И никакой идеологии и смычковых движений «вперед-назад».

Сегодня в нашей стране не чувствуется уверенности в том, что выбран правильный вариант развития, и по-прежнему до широкой общественности доходят лишь отголоски противостояния сторонников жесткого банковского курса по подавлению инфляции, а это замораживание зарплат, пенсий и кредитов, и подъем ВВП за счет оплаты тех же сырьевых сфер, которым дается все возможное в данной ситуации, и теми, кто обосновывает необходимость стимулирования покупательского спроса населения как главного двигателя роста всех отраслей экономики в любой стране, что в свою очередь невозможно при аномальном, несправедливом распределении доходов и вымывании денег из экономики.

По мнению многих экономистов в мире сложился оптимально допустимый разрыв между десятью процентами самых высокодоходных граждан и десятью процентами низкодоходных, который должен различаться в 5-6 раз. У нас же он более чем в 50 раз разнится, о чем никто не говорит официально. И никаких действенных шагов по ликвидации такого убийственного диспаритета. Даже попыток принять хоть один непопулярный для богатейших людей закон не предпринимается. Зато антинародный закон о повышении налогов на имущество физических лиц на основе его новой кадастровой стоимости был принят без особых обсуждений в обществе этих самых лиц. Несмотря на то, что он предусматривает право регионам вводить его до 2020 года, наша Белгородская областная Дума ввела его в числе первых с января 2016 года, проявив проворство в спасении местного правительства, которое умудрилось довести бюджет области до хилого и практически на протяжении многих лет неразвивающегося состояния, а затем набрало таких кредитов, что возникла угроза дефолта. Хотя по уровню внедрения национальной идеи в виде активно строящихся новых торговых-развлекательных комплексов она вряд ли выглядит отстающей.

Теперь, гипотетически представим ситуацию в историческом ракурсе Древней Руси, когда на управление приглашали варягов. Допустим, сегодня находится фигура, равная по масштабам Ли Куанг Ю, Ден Сяо-Пину или Конраду Эрхарду, и дает согласие управлять современной пореформенной Россией. Каких результатов следует ожидать? По нашему мнению, о так желанном чуде речь можно даже не заводить, а вот приближение к чуду, скажем, такие меры по борьбе с коррупцией, как в Сингапуре, другие уже опробованные реформы можно вполне обеспечить, но только в более продолжительные сроки и при твердой политической воле руководства страны.

Ну и махровый пессимизм у автора, недавно утверждавшего значительно более обнадеживающее мнение, – непременно заметит внимательный оппонент. И с ним нельзя не согласиться. Ведь социальный технолог тоже из советской эпохи, который впитал в себя многие наивные заблуждения коммунистов-революционеров о том, что можно одним рывком, в сжатые сроки вытравить из сознания людей частнособственнические инстинкты, сформировать коллективистское мышление и сознание и построить царство добра и справедливости.

К счастью, у автора даже в молодые годы не сформировалась вера известного героя романа Андрея Платонова «Котлован» в то, что можно с пистолетом в руке на коне по имени «Пролетарская сила» загнать человечество в счастье. Но все равно чисто революционных романтических заблуждений хватало, их остатки еще полностью не вышли из сознания, да и теперь уже, очевидно, не могут исчезнуть совсем.

Поэтому, даже семидесятилетняя механическая инерционность трансформации надуманного социализма в обосновании академика В.А. Рыжова была нами воспринята как явный перебор во времени. Теперь же, по прошествии третьей части пути ясно, что времени на результативную реформу России надо значительно больше века. И тут никакой иноземный чудотворец не может переломить ход событий. Сначала его просто будут игнорировать, тормозить, значительные силы и личные энергетические ресурсы он будет тратить на преодоление всяческого сопротивления, особенно стойкого в ментальном, селективном плане. Тут ни умом, ни силой, ни опытом не возьмешь.

Цивилизационные установки и ценности возникают не на пустом месте, а по своей специфической технологии, имеют свои конкретно-исторические условия, фазы, процедуры и традиции зарождения, формирования, развития и совершенствования. Их невозможно радикально ускорить, сократить или проигнорировать. То, что приемлемо в производственных технологиях, очень трудно, а чаще всего просто невозможно сделать в социальных процессах, где даже, казалось бы, достигнутый результат в любой момент может обратиться вспять. Все это уже многократно доказано историческим опытом.

В этой связи важно обратиться к двум величайшим открытиям последних веков. Первое – это немеркнущее, актуальное и поныне открытие Карлом Марксом тайны капиталистических кризисов, в основе которых лежит основное противоречие между наличием огромной массы людей, непосредственно занятых производством материальных благ, и кучкой владельцев средств этого производства, в результате которого возникает, с одной стороны, обнищание людей, а, с другой, – перепроизводство различных товаров. Это даёт на рынке, образно выражаясь, короткое замыкание спроса, затем падение самого про-

изводства, соответственно – резкое уменьшение зарплат, увеличение безработицы и быстрый спуск в глубокую яму кризиса.

Ясно, что при таких условиях сильно тормозится весь ход общественного развития. Но это ещё не всё. Великий русский учёный, гениальный экономист Николай Дмитриевич Кондратьев пошёл дальше и развил учение К. Маркса, чей «Капитал» по массовости издательских тиражей превзошёл Библию. Он с помощью математических методов анализа основных показателей мировой экономики за десятки лет практически точно рассчитал короткие 10-11 лет и длинные 40-50 лет волны этих кризисов. Например, он точно предвосхитил великую депрессию в США, другие проявления кризисов, по которым мир, собственно говоря, прожил весь XX век и продолжает жить сегодня. Они, словно девятый вал неукротимого океанского шторма, разрушают глобальную экономику и нажимают на спусковой крючок мировых и локальных войн.

Прочитав у К. Маркса близкое или совсем по душе – теорию революции и классовой борьбы, И.В. Сталин и В.М. Молотов ещё в 1930 году вознамерились расстрелять Н.Д. Кондратьева только за то, что почувствовали объективность его научного открытия, но казнили только в 1938 году. Такой Пророк мешал им идти напролом к мировому господству. Так что, прежде чем определять какие-то сроки, планы и будущие цели, неплохо бы сначала прочитать К. Маркса и Н.Д. Кондратьева. На Западе это делают уже давно и неустанно, в России же, похоже, ещё не приступили.

Глава XVII. Большевизм как доктрина власти и технология догоняющих реформаций

1. Исторический ракурс большевизма: его пионерами были не ленинцы

К счастью, рабство как стадия развития миновало русский народ стороной, и его не потребовалось оттуда выводить. Зато его заводили по принуждению, а чаще всего жестоким насилием в полурабство, называемое еще крепостничеством. Причем, заводили так основательно и прочно, обкладывая законами «Русской правды» и другими уложениями, что это состояние зацементировалось на многие века, и похоже, не скоро мы избавимся от его последствий.

Безусловно, здесь свою роковую роль сыграл большевизм как явление и доктрина власти, как стиль управления и жизнедеятельности. Принято почему-то считать, что большевизм и его носители большевики, зародились в России в начале XX века, а их инициатором был В.И. Ленин, затеявший насильственный эксперимент по созданию новой коммунистической цивилизации на Земле. Мы же не станем возводить на него напраслину. За вождем революции и без того числится немало серьезных грехов. На самом деле он был далеким праправнуком первого большевика древней Руси – Великого князя Владимира, окрестившего ее с помощью огня и меча.

По свидетельствам очевидцев тех знаменательных событий, князь был человеком умным и смотрящим далеко вперед на перспективы развития своего народа. Он долго приглядывался, советовался, сопоставлял, какой вариант религии будет наиболее подходящим и как эффективнее его внедрить. Выбор пал на Византийское православие. Естественно, ему было понятно, что новую веру нельзя привить насильственно, искусственными методами, что язычество, основанное на многобожии, прочно вошло в духовную жизнь россиян, и потребуются многие десятилетия, чтобы отойти от одних привычек и традиций и прийти к другим. Знал князь и о трагической истории жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа, о его терпеливой и ненавязчивой миссии, основанной на убеждении и молитве, а также многолетних гонениях на христиан.

Знал и по-человечески понимал, что переход к новой религии – дело благословенное, деликатное и добровольное. Но поступил по логике исторического момента и по тоталитарной привычке властителя добиваться всего и сразу, здесь и сейчас. И пошли гулять по славянским землям волны жестоких столкновений, сопротивления и подавлений. Вся процедура делалась по воле князя, которой немислимо было перечить. Это был гигантский общественный перелом и непод-

дающийся измерению и точному диагнозу сильнейший стресс, вбитый как гвоздь на века в генетическую память народа.

Это было роковое убеждение властителя, что насилем можно сделать все, добиться любой цели. И оно как исторически выверенный большевистский инструмент формировало и сопровождало ментальность подавляющего числа руководителей нашей страны. Отсюда и опричнина Ивана Грозного, и многие реформы Петра I и других государей-императоров, и ленинско-сталинское устремление железной рукой пролетариата одним махом создать невиданный рай на Земле под названием коммунизм, независимо от того, хотят ли этого сами люди или нет. И самое трагическое и непоправимое – это нескончаемый жертвенный молох то волнообразно надвигающийся, то затухающий на бескрайних российских просторах.

Легко написать или прочитать в истории малоэмоциональный набор фраз о крещении Руси. А давайте представим хоть на минуту, что бы происходило в душах россиян, в их поведении, если бы сегодня внезапно и принудительно началась повальная смена православия на буддизм или ислам и – наоборот? Можно только предположить, но с большой долей уверенности прогнозируется самый убийственный сценарий: распад России при таком насилии будет неизбежен. Даже при том, что процент верующих в ней сегодня значительно меньше, чем перед 1917 годом.

Уже пролетел и проехал почти весь мир, а в душе покоя нет. Не дает его неотступная мысль, опирающаяся на сравнения, знания и суждения. Даже язык с трудом поворачивается сказать то, что думается, а рука тем более написать не может. Остается только компьютер.

Сто раз задавал себе вопрос: есть ли еще хоть один народ на земном шаре так жестоко отринувший Бога, как это сделали россияне? И не нахожу другого такого народа, нет его в природе и в истории. Только мы, россияне, смогли поднять руку на святое, да еще в таких испепеляющих огромных масштабах. Не в тысячелетних ли истоках большевизма, невиданного по масштабам и отрицательным последствиям насилия над собой, следует искать причины массового уничтожения самых уникальных творений зодчества – храмов, построенных своими же народными руками.

Как могли люди, недавно преклонявшие колени в православной молитве, взрывать, сжигать и осквернять то самое святое и чистое, что сознательно и с великой любовью к Всевышнему и его подданным, то есть к самим себе и своим потомкам, сделали их предки? И какой же силой должно обладать чумовое затмение массового сознания, чтобы отравить его до такой трагической степени?

Поразительный ответ находим у нашего знаменитого современника Петера Слотердайка, который будет уместным прокомментировать

с позиционированием собственных оценок. Он, по нашему мнению, удачнее и точнее других характеризует настроения, восприятия и поведенческие проявления немецкого и русского народов, попавших соответственно под две разные по содержанию, но весьма схожие по форме – фашистскую и коммунистическую диктатуры. Это катастрофический комплекс, который свидетельствует о патологии коллективной жизненности, в силу которой энергии живого вырождаются в симпатии ко всему апокалиптическому и театрално-насильственному.

Именно многовековое насилие в жестких условиях несвободы вызвало у нашего народа утрату самоконтроля, всевозрастающее обобществление разрушительных реакций и сгущения шизоидной атмосферы. Эта «повивальная бабка истории», как по мановению волшебной палочки, поразительно точно и неотвратимо трансформировала патриотический пафос и национальный восторг августа 1914 года в патологическое умопомрачение и кровавую Вандею октября 1917, последующее самоистребление одного из величайших народов мира. Лучших слов подобрать трудно.

За этими словами стоит вся роковая драматургия XX века. А каким проникновенным дополнением к ним может стать поэтическая строка Владимира Соколова. Мне не надо XX века и его окровавленных рек. Не хочу я быть человеком, я давно уже нечеловек. Всякий раз прочитав их, не могу побороть неодолимое душевное смятение. Не знаю, как бы об этом написал великий гений и летописец земли русской Александр Сергеевич Пушкин, но, мне думается, лучше В. Соколова просто не напишешь.

Пытаясь определить свое место в беспокойном, но динамично развивающемся мире, найти почву под ногами на пике радостного избавления от сложных проблем и после него, когда рассудок возвращается в норму, мы все-таки поглядывали по сторонам, старались всмотреться, а как у других жизнь идет, чем она отличается от нашей и что можно хорошего сделать дома по иностранному подобию? Пусть более чем через сотню лет, с большим опозданием после опустошительной опричнины, но все-таки появляется молодой царь Петр I. Он, подобно мифологическому исполину личным примером, смелостью и смекалкой пробивает окна и двери в Европу, в которые хлынул атлантический ветер перемен и начал размораживать российскую заторможенность и отсталость.⁶⁷ Пусть простит меня автор за невозможность выделить эти яркие строки сноской – мою небрежность не смог преодолеть даже компьютер.

Результаты – потрясающие и изумляющие весь мир. Россия воспрянула силой и духом и заявила себя как мощная, передовая держава. Однако одновременно и удивила всех своей непредсказуемой тягой к регрессу. Как мог такой всесторонне развитый и энергичный царь увидеть

все самое передовое в ведущих сферах жизнедеятельности и совсем не заметить, что европейские крестьяне, представляющие главный, самый мощный класс, были свободными. И это ключевой фактор развития.

Нет, он, конечно, заметил и, видимо, немало размышлял на столь животрепещущую тему. Но вместо освобождения взял и еще более жестко закрепостил российское крестьянство, использовал его как дармовую, мобильную силу и буквально на его костях заложил новую столицу – Петербург, решил многие государственные задачи. Так было привычнее и проще, а главное по-большевистски – всё и сразу.

И неважно, что население страны уменьшилось на 40%, неважно, что с закладкой нового города вышел традиционный российский казус. Надо было любой ценой быстрее начинать строительство, а с чего, как и чем – непонятно. В ту пору отечественные мастера не умели делать кирпич. В соседнем шведском городе Нотебург, ныне Шлиссельбург, уже давно работал кирпичный завод, но его второпях разрушили при штурме наши войска. И согнанные по велению царя тысячи крепостных крестьян с помощью лопат и носилок наряду с отсыпкой земляно-го вала, начали строить солдатские казармы и жилые дома.

Все инженерно-технологическое сопровождение этого процесса на болотистой местности ограничилось изготовлением и укладкой саманных блоков из земли, глины и соломы. Ею же покрывали и крыши. Мало того, что все эти сооружения имели весьма убогий, недолговечный вид, адекватный нашему традиционному принципу «авось-небось и как-нибудь», так их к тому же через восемь лет шведы по принудительному договору после одного из поражений и едва несостоявшего пленения нашего храброго царя обязали разрушить.

Словом, сегодня не сохранилось, да и не могло сохраниться ни одно здание петровского времени, зато остался миф, похожий на правду. По-настоящему, с приглашением лучших архитекторов, инженеров и мастеров из Западной Европы столицу строить начала Анна Иоанновна, наиболее значимую ее часть соорудила Елизавета Петровна, затем усердие проявила Екатерина II и так далее по ходу истории.

Как-то невольно напрашиваются многие аналогии советских ударных строек первых и последующих пятилеток, о чем выше уже достаточно подробно нами анализировалось. На память приходит одно замечательное народное выражение – казенный подход, неслучайно перешедшее в обиход управленческой лексики. Корни его происходят как раз таки из вышеприведенных примеров непродуманных, волюнтаристских действий руководителей страны и регионов, которые с необузданной расточительностью и безрассудством сжигали в горниле своих амбиций материальные, финансовые и социальные ресурсы нашего народа. А что их жалеть – все вокруг казенное, государственное, включая и крепостных крестьян, которыми можно было манипулировать как собственно-

стью не только дворян, но и царя, а после него правящей номенклатуры. В XX веке тем более кругом было объявлено все общенародным.

Словом, казенный и большевистский подходы – это близнецы-братья в управленческой манере России, которую нарекли весьма метким определением – технология догоняющих реформаций. Она как разновидность девиантного поведения усваивается поколением за поколение, передается из века в век как неотъемлемая данность и одновременно безысходность выбора целей управления. Так что сталинские жертвенные рывки, хрущевские догоняния и перегоняния, горбачевские мировые лидерства – это все те же перлы рудиментарного мышления некоторых государей-императоров.

При всей значительности мобилизационных достижений на ряде направлений, особенно в научно-технической сфере, они тем не менее не смогли обеспечить главного и неукоснительного для богатейшей страны – высокого качества жизни людей, потому что делалось это все по преимуществу силой и принуждением, да еще и с большими опозданиями на линейку готовности и включенности в общемировые процессы.

2. Из всех вариантов развития наш выбор – путь несвободы под тысячелетним большевистским конвоем

Возникает вопрос, а как же сегодня? Всё так же, продолжаем наступать на те же грабли, что и сотни лет назад, успешно сохраняя всё то же недооцененное, примороженно-приторможенное восприятие передового опыта других стран, что вовсе не означает его отрицания или небрежность оценки. Тем более оно не характеризует склонность россиян к самоизоляции. Наоборот, в нашей истории нет таких этапов как вышеописанный нами пример Японии. Хотя изоляционистские настроения присутствовали раньше и имеют место быть теперь. Мы тысячу лет назад даже варягов управлять своими землями приглашали.

С разной активностью звали к себе десятки тысяч европейцев: учителей, врачей, ученых, архитекторов, строителей, инженеров, военных, и даже слуг, которые оставались здесь на постоянное место жительства, становясь гражданами России. То есть делали то, чем активно занимаются сегодня высокоразвитые страны, вытягивающие любой ценой от нас лучшие интеллектуальные кадры, обеспечивая им соответствующие условия работы, быта и досуга.

Ехали туда и россияне, но мало и без особой охоты. Возможно, нас как-то не очень и приглашали. А не звали из-за исторического отставания России от многих европейских стран, которые, опираясь на фундаментальные основы, традиции и культуру древнего Рима и

Греции, весьма продуктивно прошли стадию возрождения и довольно успешно начали накапливать собственный опыт развития по пути прогресса. И учиться у них есть чему, как бы это не хотели признавать наиболее ретивые из наших политиков. Ведь общечеловеческие ценности – это самый эффективный учитель жизни.

Сегодня это является аксиомой для всех народов, но каждый из них шел к ее постижению и реализации своим, порой мучительным и затяжным путем. Особенно сложным и трудным, неровным и прерывистым он оказался для России. Не дает покоя один и тот же вопрос – почему? Уже прочитано бесчисленное количество умных книг и статей лучших отечественных и зарубежных мыслителей, передумана масса сравнений, гипотез и вариантов ответов. Но подвести определенную, логически завершенную черту никак не получается, – слишком емкий, многогранный и многофакторный пласт знаний подвергается аналитическому осмыслению. Думается, еще долго не будет получаться у всех желающих идти по этому пути. Хотя ближе всех подходят к данной цели именно те, кто выводит исследовательскую логику на переломную линию парного противостояния «свободы-несвободы».

Насчет этой, казалось бы, очень привычной темы следует выделить одну проблему – крайне низкий уровень образованности многих людей по ее усвоению. Специально изучал и убедился, что подавляющее большинство из них свое понимание свободы выражает возможностью делать все, что угодно, что захочется или что потребуется. Те же, кто имеет высшее образование, чаще всего подчеркивают, что свобода – это осознанная необходимость. Они, хотя и запомнили из философии этот тезис, но расшифровать, разъяснить его чаще всего затрудняются. И это неудивительно. Власть предрекшие всегда прятали и прячут этот термин поглубже и подальше от всех уроков как в школе, так и в профессиональных учебных заведениях. Его старательно не допускают ни в учебники, ни в книги для чтения, ни в соответствующие методики преподавания.

Делается все возможное, чтобы ни те, кто учит, ни те, кого учат, никогда не понимали и тем более не осознавали на личном опыте жизни, что такое свобода. В советское время это слово употреблялось только лишь как идеологизированный и строго дозированный штамп, соподчиненный революционной борьбе. После того, как борьба за свободу состоялась и все это усвоили, дальше пошло всяческое умолчание, опускание и полное исчезновение всего того, что связано с ее реальным воплощением в практику всего общества и отдельного человека. Потому что, дальше внедрялась, как правило, совсем другая практика всевозможных ограничений, несвободы и элементарного насилия над личностью. И так сотни и тысячи лет истории человечества.

Буквально зачитанной до дыр выглядит историческая притча о пророке Моисее, который 40 лет водил евреев по пустыне в надежде

на искоренение в них рабства через преодоление невероятных трудностей, мучения и повальные жертвы. Все это очень убедительно описывается и комментируется, в том числе итог – возрождение еврейского народа на основе свободы. При этом из виду упускается одна деталь – в поход по пустыне пошли ведь только добровольцы. Силой никого не принуждали. Кто побоялся рискнуть, не верил в радость свободной жизни, остались рабами в Египте. А ведь именно проявление доброй воли было первым шагом к осознанию свободы как непреходящей ценности жизни, а не легкой приманки, доступной каждому.

Логика исследования приводит нас к очень важному выводу великого русского философа Н.А. Бердяева о том, что свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему. В этом признаке и заключено абсолютное совершенство плана творения. И его так просто воспроизвести будет делом явно незавершенным. Здесь требуется синтезация весьма глубоких и сложных смыслов, дополняемая авторским комментарием. Нет, пусть философы не ждут поводов для упреков, наш комментарий будет социально-технологическим.

И начнем мы с завершающей фразы мыслителя. Почему он в качестве ключевой характеристики свободы как абсолютного совершенства выдвигает вполне понятную фразу «план творения», но в то же время локализирующую ее и не подводящую к самому главному – результату? Ясно, что свобода здесь рассматривается как процесс, имеющий свое начало зарождения, познания, постижения и продвижения от одной стадии развития к другой, вплоть до достижения искомого целеполагаемых результатов. Казалось бы, абсолютное совершенство человека и должно стать этой высшей фазой и одновременно качеством его свободы. Но оно обрывается на стадии плана творения, оставляя после себя незавершенным весь процесс ее осуществления.

Можно спорить насчет того, какой смысл преследовал именитый автор, но еще лучше его понять, согласиться с тем, что между свободой как внутренним признаком, которым наделяется каждый сотворенный человек, и свободой как состоянием его души, как его высшей степенью совершенства находится огромное, необозримое и неповторимое в каждом отдельном случае пространство его социализации. И от того, как и чем заполняет его сам человек, окружающие его социальные институты и государство, в какие жизнедеятельностные процессы он включается и в какой мере проявляет готовность к переменам и трансформациям, нововведениям и рискам, будет зависеть конечный результат постижения свободы как одной из истин бытия.

Как видно, совершенство достигается не тогда, когда уже нечего прибавить, но когда уже ничего нельзя отнять. Это изречение французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери очень логично входит в

русло нашего исследования, наполняя его изящным разъяснением казалось бы вполне понятных суждений. Опять-таки оно побуждает нас возвратиться к первой фазе постижения свободы – наделению ею всех и каждого при сотворении. И такое достигнутое совершенство, как и равенство, нельзя ни у кого отнять, ибо это данность, определенная каждому в качестве исходной позиции для развития.

В нем заключается, на наш взгляд, ключевая формула функционирования всего природного мира. Выходит, что отобрать свободу можно только у того, кто не достиг ее совершенства, то есть полного осознания и постижения как данности бытия, адекватной внутреннему признаку совершенства при сотворении. Иными словами говоря, лишить свободы можно только по ходу развития динамического процесса ее полного достижения. На его вершине – нельзя, невозможно. Да, удалось посадить в тюрьму Нельсона Манделу и почти полжизни там его держать, полагая с юридической точки зрения, что он лишен свободы. Но это лишь внешний антураж, его видимая, физическая составляющая, которая абсолютно не затронула и не могла затронуть ту высочайшую степень совершенства внутренней свободы этого легендарного человека, свободы его мыслей, желаний и устремлений.

Он всю свою жизнь посвятил борьбе за свободу и, что характерно, постигнул ее совершенство и высшую эффективность, благодаря чему сумел добиться победы над расовой дискриминацией – апартеидом. Точно описал данную ситуацию сопровождающий наше исследование Махатма Ганди, – вначале вас не замечают, затем над вами смеются, затем с вами борются, а затем вы побеждаете. Как в воду глядел великий мыслитель.

Что говорить о силе свободы, если такое удастся одному свободному человеку, который доказал, что и один в поле воин. А если аналогичных людей станет значительно больше, как может измениться человеческое общество и весь мир? В том то и дело, что из семи миллиардов людей личностей подобных Нельсону Манделе – единицы, и за последнее столетие тенденция по их увеличению пока не прослеживается. Таким образом мы приходим к выводу о том, что отбирается у людей собственно не свобода, а в основном степень ее достигнутой.

Потеря части всегда значительно проще и доступнее потери целого. Не потому ли рабство, лишаящее человека полностью свободы, продержалось тысячи лет. Оно значительно проще и элементарнее свободного общества, к которому только сравнительно недавно устремилась большая часть человечества, преодолевая сложнейшие препятствия и ментальные установки, особенно на личностном уровне.

Вроде бы каждый хочет быть свободным и на стадии выбора между свободой и несвободой в союзниках уже наблюдается подавляющее большинство человечества. Но не будем спешить радоваться.

Социологические исследования в разных странах показывают, что респонденты нередко путают желание быть свободным и тяжелейший, многосложный и длительный путь ее постижения. А как только начинают убеждаться на личном опыте, что это совершенно несопоставимые величины, тут же разочаровываются, демобилизуют свои усилия и соглашаются снова быть несвободными.

Вот почему всегда проваливаются попытки декретировать свободу, объявлять ее одноактным действием. Только ленивый не знает так привычных в жизненном обиходе слов – за свободу надо бороться. Но подавляющее большинство людей воспринимает их как предварение к ее объявлению и не более того. Тут же следует самовнушение и самоубеждение в том, что теперь я свободен, и делать дальше в плане самосовершенствования ничего не нужно.

Кстати, нигде не встречал такой выборки, но всем известно, что сравнительно немалая часть общества внутренне, по своему складу характера, больше склоняется к несвободе, так как не готова быть свободными людьми и даже думать не желает о серьезных усилиях по ее освоению. Таким людям всегда комфортнее и легче быть зависимыми, ведомыми, ограниченными и послушными. Особенно это отчетливо проявляется на примере такого социального института как семья, где многие мужья нередко выполняют функции не ее главы, а являются, выражаясь простонародным языком, подкаблучниками. То есть фактическими порученцами при своих женах.

Разумеется, их положение в немалой степени зависит от силы характера, природного лидерства тех женщин, для которых остатки еще неисчезнувших условий матриархата являются не фантастическими измышлениями, а суровой реальной действительностью, когда надеяться приходится только на себя ведущую, а не на своего мужа, способного быть только ведомым. И никаких дисгармоний и серьезных проблем здесь не наблюдается. Жизнь продолжается, хотя, следует заметить, именно из ведомых мужчин в свое время появились первые послушные рабы со всеми вытекающими отсюда последствиями для человечества. И все же лозунг «Да здравствует свобода!» своим пронзительным звучанием и светом ведет подавляющее большинство стран к прогрессу и процветанию.

3. Государство и демократия: российские традиции, преломления и реальность

Мыслимо ли такое в нашем государстве, имеющем вековую железобетонную традицию существовать и функционировать отдельно от подавляющего большинства людей. Как-то выдающийся русский ученый И.П. Павлов сказал о Советском Союзе, где, кстати, он жил и

работал: мы живем в таком обществе, где государство – все, а человек – ничто. У такого общества нет будущего. Очень точные, но опасные слова, абсолютно противопоставляющие их автора официальной большевистской позиции, которую как заклинание должен был слушать, читать, знать и повторять каждый советский гражданин: я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек. И это было в то время, когда шли массовые репрессии, когда лучшие люди, национальная гордость страны в лице земледельцев, военных, ученых и специалистов сотнями тысяч гноились в концлагерях или шли на эшафот.

Возникает вопрос, а когда это случилось с российским государством и как такое позиционирование выглядит в мировом контексте? Сразу же оговоримся, мы не ставим цель подробно анализировать исторический ракурс проблемы, а лишь попытаемся по мере имеющихся возможностей обозначить по ней свои суждения. Начнем их с повторения аксиомы. Государство всегда и везде создавалось как институт, обеспечивающий установление и поддержание политической власти, то есть право одних управлять другими, устанавливать определённые нормы поведения, контролировать их и т.д.

Истоки типологизации государства лежат в основе возникновения власти. Если она захвачена насильственным путем, то это будет обязательно диктатура, как правило, перерастающая в тиранию. И главной формой ее функционирования станет насилие, принуждение, угнетение, наказание. Как правило, государство при этом находится на максимальном расстоянии от людей. Если власть возникла легитимным, выборным путем, здесь возможно более активное применение, наряду с принуждением, различных форм убеждения и побуждения людей к выполнению определенных законов и правил. Следовательно, такое государство все больше сближается с народом и служит ему.

Стоит взглянуть на историю России, и можно без труда понять, что периодов сотрудничества нашего государства с народом, преодоления разрыва с ним, буквально единицы, к тому же они носят краткосрочный неустойчивый и размытый характер и заканчиваются всегда сползанием к тоталитаризму. Правда, поначалу, более тысячу лет назад государственность на Руси складывалась на вполне демократических принципах, и выше приводились ярчайшие примеры наших княжеств, в которых действовали открытые демократические процедуры народоправия.

Исторический парадокс: русский народ мог в средние века научить демократии всех европейцев, которые находились под пятой свирепых самодержавных властителей. Но в силу различных условий и обстоятельств постепенно утратил замечательные традиции и последовал примеру европейских тиранов, практически на многовековой период склонив свою гордую свободолюбивую голову, стал на колени перед сменяющимися друга друга тоталитарными правителями.

Известные проблески периода смутного времени, в начале XVII века, отмена крепостного права во второй половине XIX века, Февральская революция 1917 года, ленинский НЭП, хрущевская оттепель и горбачевская перестройка, закончившаяся распадом страны и возникновением новой демократической России, когда народу сверху даровались определенные права воздействия на власть и свободу в своей жизнедеятельности, буквально мелькали на биографическом небосклоне страны, быстро угасая и улетающая в ее необъятном пространстве, не успевая изменить фундаментальные основы государственного устройства.

И вот уже англосаксонские наследники бывших антинародных европейских режимов учат почти двести лет нас и других демократии, то есть, власти народа. Всё учат и учат, никак выучить не могут. То ли ученик недостаточно усердный попался, и из него выветрилась генетическая память о своем самоуправлении, то ли сами учителя пользуются не совсем качественной методикой обучения. Да и можно ли выучить целый народ тому, что должно вытекать из государственного устройства, из социально-культурных традиций и условий жизни конкретных людей? Исторический опыт показывает, что извне демократию никакой силой, никакой хитростью привить никому не удалось и не удастся.

Часто путают демократию и начальную стадию перехода государства к демократическому устройству в результате властных воздействий сверху или борьбы самого народа снизу. И до сих пор у многих россиян на слуху перестроечные, а затем и постсоветские утверждения о победе демократии, о ее торжестве, о ее незыблемости и прочие весьма модные и рискованные риторические изыски. Разумеется, ничего общего с реальной действительностью они не имели раньше, не имеют сегодня и не скоро будут иметь. Пока все это выглядит как чисто пропагандистское насаждение общественности специфической точки зрения, а проще говоря, выдача желаемого за действительное.

Вообще-то само определение демократии как власти народа у меня еще в аспирантские годы вызывало большие сомнения и прежде всего по ключевому смыслу. Что такое народ, как, на какой территории и в каких условиях он живет, и какими методами он может сам собою управлять? Одно дело его небольшая часть, скажем, население отдельного посёлка или небольшого города, где можно раз или даже два раза в неделю выйти всем на площадь, обсудить какие-то важнейшие проблемы и тут же прямым голосованием принять любые решения, необходимые для жизни.

Так оно и было раньше, так возможно и сейчас, но в реальности – все гораздо сложнее. Дело в том, что на площадь выйдут трудоголики и лентяи-бездельники, мамонофилисты-казносумы и казнокрады, бо-

гатые, середняки и бедные, верующие и вурдалаки. У всех у них одинаковое, равное право голоса, но совершенно разные, зачастую противоположные интересы, которые в первую очередь и выражаются голосованием. Собирается такое вече раз, два, три раза, а проголосовать не удается, на четвертый раз многие не приходят, а на пятый – уже может быть принято решение меньшинством и в их же интересах. Его тут же начинает опровергать большинство, происходит неизбежная борьба, и демократическая лавочка власти народа закрывается сама собой.

Совершенно прав будет оппонент, если упрекнет нас дополнением о том, что условием успешности прямого, открытого властвования может быть наличие в конкретном социуме большинства, коим, как правило, в высокоразвитом обществе является средний класс с наиболее общими, совпадающими интересами. Но где ж его взять, он в лесопосадке не выращивается за десять-пятнадцать лет, к нему надо идти тернистым путем десятки, а то и сотни лет без остановок и колебаний, не говоря уже об общественных переворотах. Поэтому в годы перестроечной младодемократии не то что на многочисленных сходах и даже съездах народных депутатов, на простом собрании небольшого трудового коллектива с участием нескольких десятков человек нередко было невозможным принять какое-либо решение.

Что только не происходило тогда в советском обществе. Объявленная сверху свобода в огромной стране вызвала такие волны возбуждения и перевоплощения массового и индивидуального сознания, что тут же наряду с первыми глотками свежего воздуха воли и демократии люди почувствовали одышку углекислых отторжений ее сути. Какими только терминами ее не награждали. Знаю не понаслышке, что «дермократия» был не самый обидный. При свободе из души многих людей наружу проявилось, полезло и стало напирать на окружающих такое, что не всякому Ф.М. Достоевскому под силу было бы описать. Хотя, как раз-таки, он в своих «Бесах» многое из реальностей XX века прогностически-провидчески отобразил с такой точностью, будто сам лично пережил наше время.

Вот почему российский народ в своем большинстве, несмотря на раскачивание политического маятника в противоположные стороны почти с максимальной амплитудой, все же смирился и поддержал тех, кто объявил о победе демократии на следующий день после расстрела Парламента страны, избранного, хоть и по выбору партийных органов, но всем народом. О парадоксальности такого суждения никто не подумал. Лейтмотив здесь был один – главное, чтобы все обошлось без смуты и гражданской войны, от которых общество отделял один волосок.

Безусловно, это было проявлением инстинкта общественного самосохранения, который, кстати, в историческом плане срабатывал далеко не всегда. Что касается демократии, то и в тот момент есть немного

шансов связать с ней массовые настроения и предпочтения. Это зафиксировали сразу же проведенные социологические исследования. Нравилось или не нравилось кому-то, а многие люди, вдоволь натерпевшиеся тоталитарного счастья, тем не менее не спешили связывать свои надежды на будущее и с демократией, во всяком случае в том её виде, где невооруженным взглядом видна была фальшь.

Почему? Данный вопрос не дает покоя многим исследователям до сих пор. И не потому, что на него нет ответа. Он есть и не один, к тому же возникают все новые аргументации и обоснования происходящих противоречивых процессов. Вообще, научной публике социально-гуманитарного направления только дай повод – наанализируют, натипологируют, наопределяют столько, что порой сами потом разобратся не могут. Мне вспомнились забавные примеры того времени. Как-то меня одна журналистка в своей публикации назвала бывшим демократом. Пришлось ей разъяснить, что я не то что бывшим, настоящим еще не успел стать, да и вряд ли успею за всю оставшуюся жизнь, хотя очень хотелось бы.

Один раз во время дискуссии на вопрос, какая у нас теперь демократия, пришлось, не особо задумываясь, что называется налегке ответить: никакой демократии у нас сейчас нет, есть только начальная фаза ее зарождения, которую можно назвать дымократией, от слова дым. То есть пока мы имеем только дым и соответствующую задымленность. Подует ветер, вся видимость рассеется и останется один только горький запах. Не думал тогда, что по прошествии четверти века это станет в немалой степени свершившимся фактом, напоминающим всё тот же концерт художественной самодеятельности, с режиссёрами и оформителями всё в тех же номенклатурных кабинетах.

Чувствуя прямо за спиной возбужденно-взыскательное дыхание оппонента, и на сей раз не стану уклоняться от изложения авторской позиции по определению демократии, не опасаясь за неизбежную критику. Считал и продолжаю считать, что демократия – это не власть народа, которая фактически невозможна, а власть человека над собой, которая, хоть и трудно достижима, но все-таки возможна при определенных условиях объективного и субъективного характера. Сколько бы тысяч и миллионов раз не обосновывали ее представительность, опосредованность и другие нюансы, в жизни таковой не было, нет и скорее всего не будет.

И дело здесь не в переводе известного слова с греческого языка на русский. Главное заключается в другом, то есть, в какой мере каждый человек может управлять своими мыслями, желаниями, мнениями и поступками, в такой степени его можно назвать демократом, а общество, в котором он живет, демократическим. Причем, это так очевидно, взаимосвязано и взаимообусловлено, что трудно опровергнуть даже самыми изощренными манипуляциями смыслов.

Уточним на примере двух точек субъектности демократии – рядового гражданина и Президента США. Выбор страны сделан по ее самопозиционированию как всемирного оплота и гаранта демократии. Если Президент, не спрашивая рядового гражданина, которому обещал бороться за мир, объявляет войну конкретной стране в целях установления в ней демократических основ жизни и защиту прав человека, а на самом деле выполняет заказ нефтяного лобби по захвату ее сырьевых запасов, значит он, имея власть над страной и ее народом, не имеет фактически власти над собой.

Он делает то, что ему говорят, что от него требуют, даже если этого не хочет сам, понимая свое личное игнорирование прав рядового гражданина, не желающего такой войны. Тем более, что последний не может никак добиться того, чтобы даже через суд, другие демократические процедуры была учтена его точка зрения и мнения других рядовых граждан. В результате – ему приходится посылать на ту войну своего сына, который там может погибнуть, и вести безнадежную борьбу против решений Президента, не имея никаких шансов на реализацию своего права властвовать над собой.

Помилуйте, возразит мне любой желающий, но Президента США избирал весь народ большинством голосов через своих выборщиков, и его решения в соответствии с Конституцией должен выполнять каждый, в том числе и голосовавший против него и выступающий против его политики. Правильно, с этим нельзя не согласиться. Но и с тем, что эта страна поторопилась назвать себя демократической тоже солидаризироваться никак нельзя. Получается замкнутый круг. Ни Президент, ни рядовой гражданин не имеют власти над собой, но оба участвуют в демократических процедурах, реализуют свои права как личности. Но если главе государства этому мешают те, кто его выдвинул, то рядовому американцу такой возможности не дает сам Президент. Как же связать одно с другим, соединить несоединимое? Пока никак, на наш взгляд, это сделать невозможно.

И причина здесь заключается в двух уровнях демократии – государственно-устроительном, где она по основным признакам уже достигнута и функционирует, разумеется, имея массу проблем и противоречий, требующих постоянного разрешения. И на личностном уровне, где каждый человек выполняет лишь роль используемого в обеспечении функционирования первого уровня. Отсюда хорошо известный вывод: демократия – это длительный, самый сложный процесс формирования личности и государства, обеспечения их взаимодействия на основе гармонизации соответствующих интересов.

Звучит очень убедительно и логически основательно. Но мне не только оппонент, а и читатели могут выразить недоумение. Получается, что и в США, и в других странах, имеющих вековые демократические

традиции, демократия не состоялась как факт общественного устройства. Да, не состоялась. Она прошла только две из четырех основных фаз: зарождение, начиная с древних веков, внедрение, созревание и утверждение. Сегодня у них идет процесс созревания, совершенствования и развития демократии. И по продолжительности он будет столь же длительным, если не вечным, насколько можно представить саму жизнь человеческого общества. Что же касается ее утверждения как основы жизнеустройства общества, то пока не появилась другая, альтернативная форма, это можно считать высокой целью всего мироздания.

Разумеется, в США уже не наблюдается таких маневров и изысков, диктуемых политической конъюнктурой, как в независимой России и других странах младодемократии. У нас что ни выборы, то обязательно новые условия и правила, утвержденные официально в законодательном порядке на всех уровнях власти. Для этих целей незадачливые кремлевские идеологи новой волны, набравшиеся жизненного опыта в основном в олигархических структурах, придумали даже теоретическое обоснование такому процессу под названием «управляемая, суверенная демократия».

Всё под что-то или под кого-то подгоняют, подстраивают, а вроде бы должны понимать, что всякая фальшь и подтасовка всегда обращаются против их авторов и организаторов. Народ, несмотря ни на какие организационно-политические ухищрения и обводки, всегда каким-то своим, малообъяснимым чутьем это чувствует и понимает. Люди безошибочно определяют, кто из слуг народа является хапугой-мамонофилистом, готовым обобрать своих подданных до предела, кто лжецом и фарисеем или циником и пустомолотом. Все они красуются, не сходя с телеэкранов, уверяя в том числе и самих себя в добропорядочности. Но такой самообман не бывает вечным.

Реакция на это одна – недовольство, недоверие, протесты, которые выражаются самыми разными способами. Самый распространенный из них – голосование ногами, то есть игнорирование выборов отказом от голосования. В социологии политики такой процент принято считать более чем наполовину голосами против действующей власти. Причем, это как минимум. Например, в Санкт-Петербурге во всероссийский день голосования 14 сентября 2014 года на избирательные участки пришла только четверть голосующих, а в Москве и того меньше – чуть более 17 процентов. И тут дело не в дачах, хотя и этот фактор влияет на явку. Основные причины носят глубинный характер. И тем, кому положено, надо делать более серьезные выводы, дабы неожиданно не увидеть совсем другую ситуацию, связанную с использованием ног как инструмента политики.

Хотя чему тут удивляться. Одновременно с написанием этих строк шло подведение итогов референдума по поводу независимости Шот-

ландии через отделение ее от Англии. Каких только перлов не увидели там международные наблюдатели. Один из них просто уникален. Тайное голосование с бросанием бюллетеней в урны сопровождалось указанием на них порядковых номеров каждого избирателя по списку, что сразу же фактически делало его открытым со всеми вытекающими последствиями столь эмоционально накаленного мероприятия.

И какими на этом фоне нелепыми выглядят демократически-мессианские поучения и назидания премьер-министра Дэвида Кэмерона других народов, в то время как только пятипроцентный барьер уберег его от возможности закончить свою карьеру не в Велико, а в Малобритании. В общем, с демократией пока куда ни кинь, всюду – клин. Но и без неё никак нельзя. Нет, в принципе, можно, если каждый человек добровольно согласится на постоянную возможность угнетения, эксплуатации и социальное неравенство и даже элементарное одурачивание различными доступными для власть имущих способами.

4. Общечеловеческие ценности как вечный двигатель развития цивилизации

Вот уже прошло тридцать лет, когда в моем взбудораженном сознании возник замысел написать докторскую диссертацию на тему «Общечеловеческое и классовое в идеологическом процессе». Родился соответствующий, развернутый по главам и параграфам план. Надо сказать, он из меня вышел вместе с первыми залпами перестройки, когда стало понятно главное – нам разрешили свободно и даже иначе думать, говорить, исследовать.

Показал его профессору Ж.Т. Тощенко, детально доложил и дал разъяснения по каждому пункту. На мою просьбу быть научным консультантом он тут же дал согласие. При этом продолжал смотреть в одну точку плана, коей был пункт о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Одно дело в политике, а тут в святая святых – идеологическом процессе. Собственно, он по сути дела отбрасывал существующую в то время идеологическую доктрину партии, хотя и начавшей свою перестройку, но до такой степени смены непререкаемых приоритетов пока намерений не проявлявшей.

Поморщившись, он произнес запомнившуюся мне фразу: ты понимаешь, что это капкан и пока никто не знает, как из него выбираться. Через пять лет капкан окончательно захлопнулся. Партия из него не выбралась – не захотела и не смогла, потому что большинство её номенклатурной части, которая была определяющей и решающей всё, не хотело об этом даже думать.

Мне выбраться удалось, но без почти написанной диссертации – её материалы были удалены пылиться на чердаке. Хотя напрасно.

Идеологический процесс не остановился, он продолжается и, к моему удивлению, ведется нередко старыми, испытанными методами. Иногда возникает мысль, а может пыль стряхнуть и опустить написанное в более уютный рабочий кабинет...

С той поры само понятие общечеловеческих ценностей как-то незаметно ушло из речевого оборота политиков и специалистов, его отодвинули на тыловые позиции всевозможные кризисы, реформации и модернизации. Потихоньку исчезают они и из различных учебников. Между тем, проблема эта не тактически-проходная по обществоведческому подиуму, она – коренная во всем осмыслении социального пространства.

Хочется немного успокоить оппонента, которому почему-то не понравились мои зарисовки о петровской эпохе. На самом деле великий самодержец был по праву главным автором и, что особенно важно подчеркнуть, несомненно эффективным организатором перестройки в России. И вышеприведенные мною грустные тезисы о некоторых деяниях Петра I не есть умаление воистину его великих исторических свершений.

Мотив здесь совсем иной. Прежде всего, хочется утвердить свое авторское кредо по поводу общечеловеческих ценностей. Хотя вроде и тема заезженная и актуализировать то, что давным-давно стало нормами жизни многих народов, нет смысла, но для России это по-прежнему важно, тем более что данные строки пишутся не где-нибудь, а в сквере Венского университета, в центре древней столицы Австрии.

Университету более 800 лет, учится в нем около восьмидесяти тысяч студентов. Это отдельный город в огромном мегаполисе. Каждое его здание – уникальный, неповторимый памятник истории, архитектуры и зодчества. Смотришь, и глаз оторвать не можешь, словно попадаешь собственной персоной в глубину веков, и тебя буквально завораживает непостижимая вечность жизни и безграничные возможности творения человеческого разума и рук.

На каждом шагу: в театрах, библиотеках и музеях, в скверах и парках, на тротуарах, стенах и крышах, во дворах и на площадях перед тобой разворачивается целая система общечеловеческих ценностей. Их не сосчитать и не измерить никакими приборами, инструментами. Ценности – это то, что нельзя разрушить и изменить. Их можно только повторить в другом месте, приумножить, добавить, развить в новое качество.

Люди тысячи лет бьются над изобретением вечного двигателя, а на самом деле он уже давно есть и вполне успешно работает. Только состоит он не из металлических механизмов, а социально-экономических. Это общечеловеческие ценности. Они и только они по крупницам проявления интеллекта и трудовых навыков собирают и составляют необозримую ткань человеческой культуры. И это много-

вековое собрание невозможно остановить никакими даже самыми варварскими действиями тоталитарных правителей. Люди все равно упорно и трепетно восстанавливают разрушенное. Трагический конец возможен только в результате апокалипсиса. Можно смело запатентовать вывод: общечеловеческие ценности – вечный двигатель общественного развития.

Слушая Венскую оперу, невольно подумалось, не она ли появилась первой на нашей Земле? Знаю, что родоначальницей была итальянская опера. Также знаю, что австрийцы и итальянцы больше других враждовали друг с другом, но и взаимодействовали, взаимообучались они тоже активно. В общем, не столь важно, кто первым создал этот уникальный компонент национальной культуры. Очень значимо то, что он перешел на австрийскую почву и приумножился Венской оперой. Потом она появилась в Германии, России, Японии и многих других странах, превратившись в непреходящую общечеловеческую ценность.

Интересно, додумается ли какая-нибудь международная организация типа ЮНЕСКО создать музей общечеловеческих ценностей со всеми атрибутами, авторством, историей и ролью каждой из них в жизнедеятельности общества. Кстати, в практическом плане это мероприятие могло бы вовлечь миллионы людей из разных континентов и стран, приглушило бы своими масштабами и созидательным началом обострившееся глобальное противостояние и вражду, снизило бы накал националистических выпадов и столкновений.

Но нам нельзя терять основную нить анализа и впору переходить в контрнаступление на оппонента. И это вторая причина вышеописанного примера петровской эпохи, когда не делали свой кирпич, камень и гипс и возили их на строительство из Европы. Прошло триста лет. Пусть оппонент посчитает, сколько российских материалов, кроме песка, цемента и металлоконструкций, применено на сооружении олимпийских объектов в Сочи. Уверен, счет будет минимальным, не собьется. Сам убедился, побывав там за месяц до Олимпиады. Основная масса всевозможных материалов в многочисленном ассортименте завезена опять же из Европы.

Вместо того, чтобы создать совместные предприятия, наладить выпуск собственной высокотехнологичной продукции, мы отправили свои огромные деньги на развитие их производства в ту же Европу и частично в Азию. Удобнее и быстрее купить, а по ходу еще и перепродать. Что же касается экономики знаний, внедрения инноваций и передовых технологий в собственное наукоемкое производство, создание в каждой отрасли завершенных циклов переработки сырья и получения добавленной стоимости именно в России, то это достаточно повторять как энергичное, искреннее заклинание во всех докладах. Хоть к этому уже и привыкли, но действует беспронизительно.

К тому же весьма эффективно работает запущенная неизвестно кем и когда околэкономическая утка, что независимая Россия лишь вынужденно продолжила устоявшуюся традицию СССР сидеть на сырьевой игле. И что, как только нефть упала по злому умыслу дяди Сэма и саудитов, он сразу же распался. Ничего подобного. На самом деле Советский Союз экспортировал только 18 процентов от общего объема добычи нефти, а современная Россия приблизилась к 70 процентам. Объективности ради надо признать, что это не руководство КПСС сделало жизнь страны зависимой от природной ренты, хотя оно активно её использовало по своему назначению, а всенародно избранные лидеры России.

Сделали капитально и надежно закрепили во всех сферах государственного управления. Из уст в уста со всех экранов денно и нощно главный и определяющий показатель нашей жизни – цена на нефть. Скоро даже младенцы начнут свое произношение не со слов мама и папа, а с выражения цена и нефть. Похоже нескоро мы выберемся из этой экономической сырьевой ловушки. И тем не менее нельзя отчаиваться и терять надежды, ведь жизнь продолжается, и нас все равно ждут перемены.

Отложим на время невозможность исторической сослагательности и поставим вопрос по математическому методу от противного: а какой бы стала Россия, измени тогда Петр I свою крепостническую стратегию? Ясно, что при уникальных природных ресурсах и несметных богатствах ее судьба и образ были бы совершенно другими, и любая Голландия, где он многому научился, которая, отвоевав землю у моря и болот, заваливает теперь Россию мясом, молоком, цветами и другой продукцией, правда, так было до санкций, заняла бы место в нижнем от нее ряду. Понятно, что и весь мир не задавался бы сегодня одним и тем же вопросом, почему такая богатая страна все время отстает от тех, кто почти ничего не имеет в сырьевых запасах. Лично мне это никогда не давало покоя в зарубежных поездках.

И все же за Петром I последовал молодой отрок Михайло Ломоносов, штурмом взявший и освоивший дюжину наук, ремесел и производств и привнесший их из Европы на алтарь отечества. Именно он первым доказал и показал всему миру, что русские могут быть учеными, могут устраивать свою жизнь, так же, как и самые передовые европейцы. Главное – надо это глубоко понять и очень постараться сделать, чтобы внедрение лучшего опыта других народов стало нормой жизни своего.

Исторический ракурс убеждает нас в том, что тяга ко всему новому, прогрессивному у россиян всегда была, но ее старательно замораживали, и многие люди не могли себя реализовать, пока не наступал очередной период мобилизационного прорыва. Ряд исследователей пришли к выводу о том, что постепенно, шаг за шагом Россия втяги-

ввалась в процесс догоняющих реформаций и модернизаций, которые сменялись очередным отставанием и застоём.

И что самое страшное и опасное, попутно с ним формировалось специфическое мировосприятие, в котором причудливо сочеталось и сливалось в общий жизненный настрой и заносчивое чувство национальной особенности, богоизбранности, неповторимости, и какой-то непонятной ущемлённости и неполноценности, перерастающих в ощущение безнадежности и невозможности выровнять себя в одном цивилизованном ряду с другими.⁶⁸ И с этими горькими суждениями по неаккуратности забытого мною автора интересной статьи нельзя не согласиться. Так было при царях и генсеках, и так продолжается до сих пор.

Об этом написаны горы различных статей и материалов, мне же в свою очередь хочется проанализировать один житейский пример. Когда в 1985 году подняли железный занавес и полностью открыли мир всем советским людям, в него массами устремились различные официальные и рабочие делегации, туристические группы. В их первых рядах была, естественно, партийно-хозяйственная номенклатура.

У большинства ее представителей в багаже путешественника имелись Болгария, Венгрия, Польша и другие представители соцлагеря. Тут же открылись не только очень развитые или весьма экзотические страны, но и загадочные острова, моря и океаны. Коль мне никуда ездить не пришлось из-за работы над докторской диссертацией, довольствовался беседами и рассказами, что там и как с теми, кому выпал удачный билет. Незаметно они переросли в научный процесс включенного наблюдения.

Меня уже профессионально интересовал ключевой вопрос: ну, побывали, посмотрели, заметили что-то новое, непривычное, восприняли его, а дальше что? Какова готовность и включенность советских людей и прежде всего руководителей разных уровней в процесс освоения увиденного, внедрения его в возглавляемом городе, районе, коллективе? Обобщающий результат был потрясающим.

Подавляющее большинство руководителей, как по единому указанию, после рассказов о туалетах, газонах, дорогах и других восхитивших их объектах изучения, подводили черту примерно такими словами: а в России так никогда не будет. Почему не будет? – следовал один и тот же вопрос социолога с одновременной подсказкой – мы ведь тоже можем так сделать и даже лучше, если постараемся. Нет, мы к такому не привыкли и у нас это никому не нужно, – следовал почти однотипный ответ с налетом огорчения и безнадежности.

И это говорили прилично образованные люди, имеющие за плечами солидный опыт руководящей работы, многократно участвовавшие и сами проводившие семинары и совещания по изучению и внедрению передового опыта. Наконец, они были приучены командно-

административной системой к дисциплине и исполнительности, читали и знали указания партии и самого В.И. Ленина учиться у капиталистов всему новому и передовому. Впрочем, завет вождя учиться торговать, как мы убедились, они не только усвоили на отлично, но и внедрили его в жизнь со значительным перевыполнением, но только уже в буржуазной России.

Получается, что я невольно провоцирую оппонента сразить меня вопросом, а как поступил сам социолог в такой ситуации? Ответом ему с удовлетворением продолжу раскрытие заданной темы. Сам социолог на закате перестройки оказался в составе уже упоминавшейся выше официальной делегации в США, где и превратился окончательно в социального технолога. То есть освоил социальную технологию, ставшую высшей фазой развития социологии, ограничивающейся исследованиями и обобщениями функционирования и взаимодействия социальных групп и процессов в обществе и разработкой рекомендаций по их совершенствованию. Социальный же технолог на одних рекомендациях не останавливается. Главная его задача – разработать и внедрить проект по их практическому осуществлению вплоть до получения конкретных результатов.

Была проделана большая, интересная работа, спроектированы и внедрены оригинальные социальные технологии, создана первая в СССР кафедра социальных технологий Белгородского технологического института стройматериалов, Центр с одноименным названием, проведены интересные и достаточно масштабные научные конференции, положено начало социологическому образованию в области, открыт первый диссертационный совет по социологии, родилась и получила развитие новая научная школа по социальным технологиям.

Но это, хоть уже и описано автором, но заслуживает отдельного объемного обобщения. Нам же нужно завершить ответ оппоненту. В центре моих социально-технологических усилий было создание бизнес-проектов, одним из которых стало учреждение малого предприятия-мышки, с годами превратившегося в нынешнюю фирму – газель под названием «Еврогазон». Организовано оно было из аспирантов и студентов местной сельхозакадемии на базе двух лопат и старой тачки.

Ему предшествовало не только мое стремление вытащить социологическую занозу из вышеописанных опросов руководителей, но и уже личные восприятия, мотивации и амбиции самому, у себя дома, сделать изумивший меня американский газон. Сразу откровенно скажем, трехлетний эксперимент увенчался полным провалом. Первый год мои усилия и героическая помощь всей семьи, вручную побороть сорняки, закончилась малоубедительной, но все же победой над ними. Второй год принес только боевую ничью. Ну а третий – досадное поражение всем нам и полное утверждение силы всегда бодрых и наступательных

сорняков. Соответствующие невеселые выводы делали и соседи, с безнадёжным сочувствием поглядывающие на нашу газонную эпопею.

Поэтому молодые еврогазонщики сразу же начали с внедрения самых передовых агротехнологий, и уже через месяц-другой весь мой участок сиял изумрудом роскошной подстриженной травы, радуя глаз всех проходящих и проезжающих мимо застройщиков, вызывая у них соответствующие размышления и практические намерения. Вскоре предприятие получило кредит, оснастилось техникой, и процесс пошел.

Сначала газоны зазеленели по новым переулкам, а потом они появились и по всему городу. Студент Коля, начинавший с работы лопатой, стал авторитетным бизнесменом – руководителем Николаем Михайловичем Лазаревым и владельцем частной собственности. От предприятия отпочковались отдельные самостоятельные фирмы, образовалась конкурентная среда, и красивые газоны стали неотъемлемым элементом культуры белгородцев. Оказывается, все можно сделать и у нас не хуже, чем в Европе, только с умом и желанием.

Разумеется, усилия социального технолога не играли в этом процессе решающего значения, здесь сошлись разнообразные интересы и факторы, но то, что все это воздействовало на изменение среды обитания целого города, остается свершившимся фактом. Много в нашей стране примеров, когда тот или иной человек проявляет заинтересованность и организаторские способности, вовлекает в новые, непривычные дела других людей, перенося на нашу российскую почву более современные технологии жизни.

Любой, даже самый крупный социальный процесс всегда начинается с малого, с индивидуальных усилий конкретного человека, затем в него вовлекаются другие, по их примеру – третьи, четвертые, и уже появляются зримые результаты. Здесь главное, чтобы сформировался интерес, уверенность в силах и соответствующие мотивации. Словом, восприятие нового у нас на сегодняшний день уже разморозилось, осталось преодолеть заторможенность действий.

По большому счету мы не хуже и не лучше других народов, и я в этом убедился, объехав по сути весь мир. Нам мешает один сформировавшийся веками синдром – мы все время позволяем себя пользоваться, причем нередко в чужих интересах. Правда, если раньше народ пользовали только насильем, то теперь, не отменяя на всякий случай силу, обрабатывают манипуляциями массового сознания через средства печати и информации, выборы и другие мероприятия. Особенно стараются те, кто не может встроиться в общечеловеческие цивилизационные процессы, для кого все недостижимое становится враждебным и неприемлемым.

И тут начинается традиционный сыр-бор на тему, кто мы – европейцы или азиаты? В полный голос звучит наш традиционный

русский особизм, непостижимый ни для кого, в том числе и для нас самих. Дело доходит чуть ли не до объявления страны отдельной цивилизацией. Громче всех кричат те, кто называет почему-то себя патриотами. Правда, среди них сыскать того, кто организовал какое-нибудь производство, создал рабочие места, так же трудно, как найти снег на тропическом берегу моря.

Иногда я спрашиваю у студентов, чем мы, россияне, отличаемся от европейцев, в ответ наблюдается довольно длительное замешательство, затем идут рассуждения в смысле – да вроде бы почти ничем. Далее – у нас теперь такие же магазины, кафе, рестораны, мобильные телефоны, компьютеры, смартфоны, навигаторы, автомашины и многое другое. Хотя тут же начинается поиск отдельных отличий, как то: дороги, больницы, туалеты и т.д. Список оказывается очень кратким. Поглубже, к новым технологиям, производительности труда и качеству продукции никто не подступает. Важно, что собеседники в большинстве своем побывали, и не раз, за рубежом и могут сравнивать все наглядно.

Когда слышишь, что Запад нам не пример, мы же совсем другие, как и китайцы, и должны идти своим путем, сам собой возникает вопрос, а по какому как не по западноевропейскому пути в своей фундаментальной основе развивается современный Китай? Там строятся автобаны по европейским технологиям и стандартам, сооружены и работают тысячи совместных предприятий, оснащенных европейским оборудованием и выпускающих все европейские марки машин, компьютеров, телефонов, бытовой техники, которыми они уже обеспечили весь мир. Тут создана один в один вся такая же рыночная инфраструктура, адекватно европейской функционирует банковская система, на высокие технологии нацелены вся наука и образование.

Спрашивается, куда 35 лет назад устремился отсталый, голодный и обескровленный маоистским социализмом Китай, как не в Европу и США? При том, что у них руководит Коммунистическая партия, возглавляемая прилично подготовленными руководителями, строго соблюдающими принципы конфуцианства и преемственность в управлении. Первое, что сделало тогда китайское руководство, – направило 300 тысяч лучших студентов на учебу в западные университеты, и продолжает направлять еще больше по сей день.

По такому же пути на Запад, но тоже со своей спецификой пошла сразу же после сокрушительного разгрома во Второй мировой войне и Япония, где мне удалось скрупулёзно изучить результаты и, главное, технологии экономического чуда. Несмотря на жесткое давление американских оккупационных властей, японцы сумели превратить ситуацию нищеты и отчаяния, когда ни в закромах, ни в карманах, ни в горах, кои занимают 82 процента территории, кроме угля, ничего нет, в положение, при котором всё есть, в том числе для экспорта многим

странам мира. Выход бедной во всех отношениях страны на ведущие позиции глобальных рынков и качества жизни народа стал возможен благодаря умным управленческим решениям по следующим пунктам:

1. Создание таких государственно-регулятивных механизмов социально-экономических отношений, при которых исключались или минимизировались опасные провалы и спекулятивные прелести, на которых в условиях неизбежной свободы и либерализации будто на дрожжах разбухает перепродавочная экономика в ущерб реальной.

2. Следующими, кому государство перегородило дорогу, были олигархи и монополисты. Землю распределяли только крестьянам – не более чем по 1 гектару и никаких холдингов и латифундий.

3. Денежно-кредитную политику выстроили так, что использовали деньги только собственных граждан, никаких иностранных кредитов и займов, а инвестиции – только в виде новых технологий.

4. Определили в качестве приоритетных производственных отраслей автомобилестроение, нефтехимию, электронику и другие капиталоемкие сферы, создали для их развития национальные фонды, коими распоряжался один хозяин – Центробанк. На вклады населения начисляли высокие проценты, гарантию давал лично император. Чтобы вкладчики внезапно не обрушили нацвалюту, а такое в условиях рынка не редкость, с ними рассчитывались акциями предприятий, которые тут же занимали свои места на бирже. За короткий период почти все японцы стали акционерами и совладельцами собственности таких гигантов, как: Тойота, Ниссан, Мазда, Митсубиси, Панасоник, Сони и других фирм, заваливших весь мир высококачественной продукцией.

Продумали и систему распределения прибыли только на основе коллективных решений, минуя всякие кормушки для начальственной верхушки. Смекалистый читатель сразу же догадается, что излишки полученной прибыли вкладчики тут же направляли на развитие своей родной компании. И так по нескончаемому конвейеру, с передачей по наследству. Это, во-первых. А во-вторых, он сразу же не применит убедиться, что это в некоторой степени аналог нашей русской артели, того тысячелетнего реального социализма, который у нас безуспешно попытались заменить на специально спланированное суррогатное общественное образование, из драматических последствий которого до сих пор выбраться не можем.

А у нас как отделилась многоголовая банковская система от реальной экономики четверть века назад, занимаясь только саморазвитием за счёт вкладов населения и его периодическими киданиями, так и по сей день не может к ней вернуться даже в условиях импортозамещения. И куда ни глянь, всё через пень-колоду, воровство и мошенничество. Мы снова и снова шагаем не в ногу со временем, не обращая внимания на лучшее и оставляя для себя худшее.

Как тут не вспомнить слова Николая Александровича Бердяева о том, что государство призвано не для превращения жизни в рай, а для того, чтобы не дать превратиться ей в ад, к которому, добавим, наш народ постепенно и терпеливо привыкает и, что обиднее всего, начинает в нём обустриваться похоже надолго.

Между тем аналогичные процессы идут в десятках развивающихся стран, где вообще нет разговоров о географических факторах. Нам же достались огромные жизненные пространства, которые мы ценой больших усилий и жертв сумели присоединить к себе, связав в крепкий межнациональный узел Европу и Азию. И просто великий грех не использовать опыт других в их освоении и обиходе. И уроков-то запоминать много не надо, достаточно усвоить только один, главный и основополагающий для всего остального.

Сегодня нет Запада и Востока, нет нигде и особых путей – сам видел, вникал, изучал и сравнивал. Есть один глобальный путь и мир со все более унифицирующимися технологиями жизнедеятельности любого народа. В нем есть свои плюсы и минусы, есть борьба за выживание одних и господство других, есть масса высочайших достижений и жутчайших проблем. В нем есть все, что пришло из старого мира, и отголоски этого еще долго будут влиять на развитие человечества во множестве его аспектов и новых вызовов. Такова, увы, объективная диалектика.

Возьмем Россию и Европу. Конечно, у нас есть особенности и различия, их уже разносторонне и обстоятельно описали многие исследователи. Особенно удачно об этом рассуждает А.С. Паникин. Вполне понятно, что в самом образе мы не соответствуем европейским странам, где сжатые, ухоженные территории с вечным дефицитом пахотных земель, статичное законопослушное население, и реформированное сотни лет назад католическое христианство, пусть и со своими весьма серьезными проблемами, но уверенно позиционирующее себя как стабильная и широкоохватная международная религия.

Нам с большим трудом и напряжением приходится окучивать огромные жизненные пространства, а тут еще сырьевая зависимость с ее богатыми рентовыми накоплениями, которые, хочешь-не хочешь, убивают всякую инициативу и прогресс. Плюс православие, никак не преодолевающее фатальные последствия жестокого атеизма даже на ритуальном уровне, не говоря о возрождении глубокой веры в народном сознании. Зато в лице своих иерархов поспешающее всячески поддерживать власть и находиться в её обозе. Есть и другие различия, но это все специфика отдельных жильцов одного жилого дома, которым предстоит вместе решать все вопросы по его спасению.⁶³

Общаясь с зарубежными учеными, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-то из них доказывал другому давно утвердившиеся аксиомы. У нас же как начался еще в XIX веке, так и не может закон-

читься процесс таких доказательств. Иногда кажется, что славянофилы и западники сами себя придумали и на перспективу многих веков обеспечили постоянную работу не трибуне незатихающей дискуссии.

Уже любой интересующийся знает вышенаписанный нами тезис, что капитализация и социализация – две грани одного процесса развития человечества и что не может быть общественной собственности без частной, как не может быть целого без отдельных его частей. Нет, одна группа ученых утверждает, что есть-таки чистый, без буржуазных компонентов социализм. Им другие доказывают, что это миф и выдумка, на практике ведущая только к эрзац-социализму, от которого в конце XX века люди шарахнулись, как известный персонаж от ладана в безвозвратную сторону. И назад их никакими силами не заманить.

Есть еще и третьи, с пеной у рта призывающие усилить и без того сверхдостаточное влияние российского государства на экономику, забывая, что в мире не было и нет ни одного положительного примера страны, которая была бы успешной при модели политизированной экономики через чисто государственную собственность или через внеуставные отношения, характерные для частно-государственной, смешанной ее формы. В обоих вариантах доминирует конкуренция связей с властью, а не конкуренция инноваций, что и происходит сегодня не только в России, но и в других странах мира.

Все это переходит на общественные настроения, градус напряжения которых порой зашкаливает. То правые либералы, подобно большевикам, ломают всё «до основания, а затем», уподобляясь американским радетелям насаждения любыми способами демократии сразу, везде и всеми доступными способами вплоть до прямых авиаударов, за несколько сот дней пытаются организовать рынок, объявляя его саморегулятором всего и вся.

Понятное дело – так легче, чем вести поиск сложнейших механизмов государственного воздействия и влияния на развитие самого трудного, противоречивого и непредсказуемого во многих отношениях частного предпринимательства, с учетом основной российской специфики, заключающейся в отсутствии данного опыта, утраченного в трех поколениях, а также мировой практики столь радикальных перемен в общественном устройстве на протяжении одного века.

За такую самонадеянность их тут же забивают в угол левые, обыжая агентами влияния, хотя всем хорошо известно, что либерализация экономики это такой же обязательный ее компонент, как в море вода. Ведь даже самая экономически успешная диктатура в КНР, строящая социализм, в целях концентрации ресурсов на создание инфраструктуры свела к минимуму социальные затраты, сжав их еще до более низкого предела, чем самые продвинутые праволиберальные реформаторы Европы и Азии.

Небезынтересно будет напомнить, что в понятие либерал во многих странах и политических течениях вкладываются разные, порой даже противоположные смыслы. Так, в борьбе за президентский пост против Франклина Рузвельта очень напористый и харизматичный претендент Хью Лонг зачислил его, с одной стороны, в либералы, готового обогатить богатых, а, с другой, – окрестил жидомасоном, ведущим США к коммунизму. Сам же он был ни тем и ни другим, хотя ключевым пунктом своей программы считал чисто большевистский лозунг все взять у богатых и поделить между бедными.

Между тем, у нас мало кто знает предвыборные обещания и тезисы Президента Франклина Рузвельта, поэтому будет целесообразным наиболее важные из них воспроизвести с авторскими комментариями. Тем более, что они у него не расходились с практическими делами. Итак, читаем:

- правительство, которым управляют деньги, так же опасно, как и то, которым управляют бандиты. Бедняга, он не знал в ту пору практики, когда в этом управлении соединяются оба вышеприведенных фактора;

- капитализм и демократия не для своих, а для всех. Мерилом успеха является не то, сколько мы дадим тому, у кого много есть, а тому, кто ничего не имеет. А у нас кому больше всех дают и в кризис, и до него? Догадываться, уважаемый читатель, не нужно, это публикуется открыто;

- все ждут помощи от государства, но те, у кого все есть, не думают, что голодный народ под руководством кучки авантюристов сметет правительство, как в Москве.

Именно поэтому Ф. Рузвельт впервые за историю США разработал и запустил все важнейшие социально-экономические программы и законы, как-то: социальное страхование, минимальная оплата труда, о профсоюзах, о занятости и другие. Они спасли тогда страну и действуют там по сей день независимо от смены президентов и правительственных курсов. Усилим оценку – они стали вполне общечеловеческим достоянием, действуя в большинстве стран мира.

Уместно также уточнить, что на край великой депрессии, гибели и краха привел ее Президент Гувер, считавший себя истинным либералом, который ни во что не должен вмешиваться по той простой причине, что рынок сам во всем разберется без подсказок и всяких там регулирований и расставит все по своим местам.

Да, действительно, расставил на такие ключевые экономические высоты кучку олигархов – монополистов, перепродавцов и махинаторов, что в жесточайшем цейтноте остановилась огромная, богатейшая держава с далеко не хилым, предприимчивым народом, о чем выше нам с вами поведала в полете по маршруту Москва – Вашингтон наша

бывшая соотечественница. Очень зримые, а самое главное, реально ощущаемые уроки истории.

Но есть среди них и другие. Так, в тех же США борьбу с либералами вел не кто иной, как десятилетиями возглавлявший ФБР Э. Гувер, однофамилец бывшего Президента. Их он видел в каждом, кто доброжелательно или даже сочувственно относился к коммунистам и их учению, положительно отзывался о СССР, не говоря уже о членах компартии, которых тотально сажал в тюрьму.

Его поддерживали многие сенаторы и конгрессмены, которые по предложению самого ярого из них – Маккарти, возвели это дело в ранг международной политики и межгосударственных отношений, практикующейся и в настоящее время. Правда, сегодня в борьбе за пост Президента объявивший себя независимым социалистом Б. Сандерс, борющийся против тотального влияния и власти финансовой олигархии, всего лишь на 17 процентов отстает от Х. Клинтон – ставленницы больших кошельков. Так что исследователям есть чем заняться в изучении массового сознания в США. А взять либерально-демократическую партию России во главе с В.В. Жириновским. Тут о смыслах даже комментарии излишни. Поэтому мы лучше продолжим суждения о китайских коммунистах-капиталистах.

Знал мудрый Ден Сяо-Пин, что только построив за счет и без того беспросветно нищего китайского населения с севера на юг мощнейший автобан, по которому мне удалось проехать, много других объектов инфраструктуры, можно создать новые производства, новые рабочие места и накопить новые капиталы для социальной сферы, что в свою очередь позволит еще более увеличить внутренний валовый продукт и так далее по непрерывному конвейеру. Что и происходит в реальной жизни – вот уже почти четверть века КНР является мировым лидером по темпам роста экономики.

У нас же основная масса заработанных средств идет на развитие перепродающих и торгово-развлекательных отраслей, а также по требованию противоположных правым сил левой ориентации на проедание и поддержание жалкого существования многих слоев населения. Об инфраструктуре пока больше говорится в докладах и меньше делается. Никак не можем найти баланса между двумя частями целого – экономической и социальной сферами. Да и как его можно найти, если под коррупционный марш он постоянно дрейфует в офшорные зоны.

А чтобы такая музыка эффектнее заглушала обостряющиеся проблемы и не допускала протестных осложнений и недовольства граждан, усилиями господствующих классов в России за последние годы вполне успешно формируется новая историческая общность – телевизионный народ. Такой вывод сделал В.В. Костиков, который сам

же и расшифровал своё определение такому народу: ему разрешено думать, но нельзя говорить; он может работать, но не может хорошо зарабатывать; ему можно голосовать, но нельзя выбирать; он может любить Родину, но не имеет право критиковать её; ему разрешено задавать правильные вопросы, но нельзя требовать ответа; ему можно выбирать депутатов, но после выборов нельзя с них ничего требовать; ему позволено ругать олигархов, но он не может добиться, чтобы они работали на благо страны.⁶⁴ Да, в такой упаковке вряд ли можно серьезно надеяться на осознание, использование и утверждение передового опыта других народов в своей стране.

Чего у наших руководителей не хватает – смекалки, хотения или способности взять основные базовые общечивилизационные ценности как вечный двигатель развития человечества и шаг за шагом их внедрять повседневно и настойчиво, отслеживая ход дела и результаты так же скрупулезно, как и мониторинг цен на нефть. А если кто-то этому препятствует, назвать фамилии таких людей и отодвинуть их от руля управления. Альтернативы ведь тут нет, все равно, рано или поздно, такую работу придется неизбежно выполнить, если, конечно, мы собираемся жить на нашей планете, а не в другом месте. И снова мяч как олицетворение роковой судьбы народа на поле управляющей номенклатуры и её перепродающих всё и вся союзников.

Глава XVIII. Наносоциализм как общество будущего: попытка построения гипотезы

1. Гармонизация личных и общественных интересов – недостижимая цель человеческих возможностей

Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление человечества.

Варлаам Шаламов

Таким пронзительно точным эпиграфом мне захотелось начать данную главу монографии неслучайно. Он пометил жизнь нескольких поколений моих соотечественников, представителей других стран и народов такой глубокой бороздой разорванности и сплочения, отчуждения и созидания, просветленности и ожиданий, жертвенности и страданий, целеустремленности и раскаяний, что она подобно противотанковым рвам и окопам самой страшной войны десятки и даже сотни лет не исчезнет из нашего сознания и памяти. Выше я попытался описать драматическую социологию своего личного собирания и разрушения целого мира через одну и ту же идею социализма, безжалостно раздвоенную и в сознании, и особенно в практике жизни безупречной светлостью и притягательностью содержания и дикими, варварскими и банально глупыми формами и способами ее реализации.

И вот формы взорвали содержание и обнаружилось, что социализм, который, как и любую другую формацию, попросту специально построить невозможно, пока она сама не возникнет, не вырастет и не созреет изнутри предшествующих социально-экономических отношений, оказался не новым строем, а новой социальной технологией, разновидностью тоталитарно-административного режима, преднамеренно спроектированными и внедренными в человеческое общество для обеспечения все того же самого господства и угнетения.

Стало понятно, что люди не властны над окружающим их миром, как бы им ни хотелось этого признания и какими бы объективными ни оказались придуманные и обоснованные ими законы. Существуют помимо нашей воли и разума совершенно другие смыслы, понятия и закономерности его развития, таинство и суть которых человечеству еще только предстоит познать. У меня есть один близкий мне товарищ, ученый, исключительно порядочный человек, но заточенный на борьбу, убежденный в том, что революционными методами насилия,

принуждения, мобилизациями и другими сталинско-большевистскими атрибутами можно построить социализм и удержать его как самое идеальное и справедливое общественное устройство. Главное при этом, чтобы во главе данного процесса стояли честные, преданные, идейные люди. Мои контрдоводы о наивности такой позиции он не воспринимает только по одной причине – он по себе равняет других людей, забывая об объективности хода истории, естественном развитии всех процессов в обществе, включая и преодоление вечных изъянов и недостатков человеческой природы, отработку механизмов включенности каждого в обеспечение своей жизнедеятельности.

Поэтому вся борьба за социализм как новое общественное устройство, становившаяся для многих смыслом и целью жизни вначале, потом постепенно превращалась в процесс доставания всего и вся, в преодоление постоянно возникающих препятствий, в поиск новых, искусственно надуманных способов взаимодействия с отдельными людьми и всем обществом, которые в совокупности своей все дальше и дальше отодвигали нас от нормальной, естественной человеческой жизни. Мы все больше в ней теряли самое непостижимое и невозвратное – свое время, которое каждому отмеряется только один раз, без повторов. И эта невосполнимая потеря к тому же ложилась на свои прошлые аналогии, соединяясь в нарастающую тенденцию отставания и необходимость постоянно догонять остальной мир. Это на собраниях и митингах, в резолюциях нам казалось, что мы уже построили социализм, а в жизни выходило совсем по-другому.

Даже в минуты успешных озарений и высочайших достижений, в которых воплощались лучшие черты трудолюбия и таланта, доблести и героизма нашего народа, мы одновременно ощущали двойственность, различие в словах и делах ведущих нас управителей. Когда 12 апреля 1961 года в Голофеевской восьмилетней школе прервали занятие и всех нас вывели во двор для прослушивания сообщения ТАСС о полете Ю.А. Гагарина в космос, все школьники были в одинаковых резиновых сапогах, которые во многих странах использовались как временная обувь для специальных работ. Для нас же это с утра и до позднего вечера был единственный выход из безысходного положения, а точнее из беспролазной грязи.

Воодушевившись не совсем понятной для нас новостью, это потом нам всем захотелось стать космонавтами, и еще больше обрадовавшись роспуску нас по домам, мы теперь без особой приподнятости побрели вдоль деревни с надеждой хотя бы к вечеру преодолеть нелегкий семикилометровый путь домой. Передохнуть остановились возле бригадного стана, где находилось несколько тракторов, комбайнов и автомашин, бессильных в преодолении беспутыцы. Вместе с репродуктором это было дополнительное и последнее напоминание здесь о

техническом прогрессе, под которым стояла группа механизаторов с видом, далеким от радостного восторга и в таких же грязных резиновых сапогах, как и мы. После очередного сообщения о космическом корабле один из них сказал: туда придумали на чем летать, а как из грязи выбраться – никто не знает.

Тем не менее сказанное оказалось напраслиной. Кому положено знали. Они в кратчайшие сроки проложили в деревню, где родился первый космонавт, асфальтированную дорогу, провели электричество и водопровод, построили новый дом его родителям. Сотням тысяч других сел, хуторов и аулов страны не скоро пришлось вкусить хотя бы часть таких радостей, многие из них так и ушли и продолжают сегодня уходить в небытие, не дождавшись своего благоустройства. Зато с них взяли все по полной программе.

Выходит, прорываясь в вершинах образования и науки и даже первыми в космос, советские люди в то же время продолжали мириться с обреченностью на бедное, примитивное существование, с безропотностью на ведомую зависимость от других в условиях несвободы. И пусть социализм, который, как нам думалось, успешно строился, но почему-то казался куда ни глянь каким-то неправдашным, надуманным, подогнанным и нереальным. Примеров тому уйма, они сопровождают весь текст монографии.

Уже значительно позже пришлось задаться вопросом, какому сталинисту удалось столь эффектно приписать Черчиллю слова, которые он не говорил и не писал, о том, что Сталин принял Россию с сохой, а передал с трактором. На какие только лады их не цитируют те, кто спят и видят себя в роли насаждающих свою волну и господство, власть и угнетение над народом. Да, было тогда на каждый колхоз в среднем по трактору, сделанных на заводах, которые купили в США за реквизируемый у крестьян-единоличников хлеб, что привело к массовому голоду, и за золото и драгоценности в виде икон и другой утвари, отобранных у разгромленных православных церквей и мусульманских мечетей, а также у многочисленных врагов народа.

За такой инновационно-криминальный способ ослабления своей страны любой противник похвалит не только вождя, а и весь строй, самопровозглашенный им как наиболее прогрессивный на земле. Правда, не ясно: нашелся бы хоть кто-то из крестьян оплатить добровольно столь дорогую цену за такие трактора, когда элементарными, уже давно испытанными в мире методами рыночных, экономических отношений, а не принуждением и насилием, это можно было сделать без всяких репрессий, грабежа и умерщвления немалой части народа. Пусть оппонент назовет еще такие страны, где бы аналогичным способом производилась механизация сельскохозяйственного производства, а также поможет уяснить: если данный вариант принудительно-

го, насильственного осчастливливания народа объявляется лучшим, то каким же тогда может быть худший?

Такое вопрошение побуждает вспомнить одно определение, сделанное Б.Н. Стругацким. По его мнению, прогресс – это непрерывное и неконтролируемое нарастание числа разнообразных умений. Остановить его может только неумение. Оттолкнувшись от вполне эмпирически приемлемого тезиса, который отражает всего лишь одну из граней столь многосложного понятия, попытаемся использовать его в качестве инструмента для анализа вышесказанного. Прежде всего уточним последнее – роль неумения. Все же это категория сменяемая и подвижная, а потому и любая остановка прогресса носит временный характер. В противном случае он бы просто остановился, и человечество бы застыло в достигнутой позиции своего развития.

С точки зрения социально-технологического проекта принудительного построения нового общества при всей отточенности, пусть в ряде случаев с опозданием и непоследовательным построением ряда специальных операций и процедур, сам замысел и результат его осуществления оказались в целом, за отдельными исключениями, деструктивными и регрессивными. Все это детально нами анализировалось выше, в том числе и то, что взявшийся за столь рискованное и обреченное на неудачу дело новый управляющий класс не смог не просто дать человечеству, положить в его копилку что-то новое, полезное и ценное в управлении обществом, он даже не сумел воспользоваться уже наработанными общецивилизационными достижениями.

Тактически это можно сравнить с рекламой, например, модельных агентств под различными криминальными крышами, хотя масштабы здесь, разумеется, несопоставимы. Сюда вас заманивают красотой, уютом, творчеством и здоровьем. Но уже на входе отбирают паспорта и вы, молодая девушка, чаще всего попадаете в рабство специальных услуг с перспективой в лучшем случае остаться в живых, но без вышперечисленных прелестей жизни.

В социализм зазывали свободой, равенством, братством и отсутствием эксплуатации человека человеком. Однако не успеет этот человек или целый народ туда войти, чаще не по своей воле, а по принуждению, как дверь на выход тут же безвозвратно захлопывают вооруженные до зубов товарищи Троцкий, Ленин, Сталин, Мао Цзэдун, Полпот и еще хуже – нескончаемая династия Кимов. Последствия всем известны и вполне осязаемы кроме самого социализма, который ввиду искорёженного использования превратился из светлой мечты, идеи и потребности в серьезную угрозу для людей. Ну, а коль вся номенклатурная затея с треском провалилась, то неминуема и соответствующая отрицательная характеристика. Однако автору, поступившему на ее службу в самом начале трудовой биографии, такой вывод кажется чрезмерно упрощенным.

Выкрасить эту оценку только черной краской, определить сделанное как трагический в глобальном масштабе эксперимент неудачников и неумех и урок всему миру, как нельзя и не надо делать и поступать со всем обществом, тоже будет неправильным. Здесь многочисленные аналитические аспекты можно объединить в две основные группы. На первую позицию по логике его провала выдвинем совокупность отрицательного и вышеперечисленного с одним самым емким и крупным обобщением цены вопроса, измеряемого самым главным – человеческой жизнью.

По России это выглядит следующим образом: до революции доля ее населения составляла около десяти процентов общемировой численности, на момент распада СССР она уменьшилась в четыре раза. Столь убийственное сравнение, безусловно, имеет в силу учета многообразных факторов значительную статистическую погрешность, но даже при этом нельзя без содрогания смотреть на показатели невиданного молоха родного народа, как будто специально положенного на вековую плаху истории. Приплюсуем сюда еще свыше десяти миллионов человек, потерянных уже в независимой России, вину за которых несут 50 на 50 и обрушившийся строй-неудачник и новые-старые неумельцы-управленцы.

Демографические исследования на эту тему читать без содрогания невозможно, комментировать – тем более. Поэтому переведем размышления в плоскость анализа вечной проблемы добра и зла, заметив, что последнее затмило своей черной тучей весь XX век, нередко не допуская на землю даже маленьких лучиков добра. Но главная беда не в этом, в конце концов добро находит свою дорогу к людям и всегда проявляет себя в их спасении. Хуже всего то, что многие эксперты, политики, ученые и просто обыватели, руководствуясь не самой удачной, зато самой безнадежно-трагической народной поговоркой «нет худа без добра» с ее вариативными ответвлениями «сделаешь добро – получишь зло», «добро оправдывает зло» и т.д., стараются примитивизировать анализ и оценки сложнейших общественных процессов.

А ведь это не библейские тексты, кто-то другой приложил свою руку и голову к их запуску в массовое сознание, поведение и, что особенно страшно, в действия людей, социальных групп и целых народов. Исподволь, ненавязчиво, но настойчиво и последовательно зло, имеется в виду прежде всего насилие, адаптируют, приспособливают как неизбежность, обыденность и даже чуть ли не как обязательный атрибут социальной деятельности. Его уже без всякого стеснения используют в качестве предварения, какой-то специальной стадии достижения добра. Так само зло превращается в самодовлеющую социальную технологию, готовящую предпосылки и мотивации для добра,

забывая о том, что минус не совместим с плюсом, и они никогда не могут перейти из одного в другой.

Отсюда оправдание сознательно осуществляемых массовых репрессий, убийств людей ради какой-то якобы доброй и светлой идеи, взвешивание на весах объективности истории сначала чаши зла, потом добра и постановку их в один общий ряд того или иного явления, процесса, события, факта свершившейся действительности. У меня чуть уши не завяли, когда на одном из лучших каналов ТВ услышал суждение авторитетного ученого о том, что если бы Сталин не уничтожил кулаков и не забрал у них хлеб, мы бы не выиграли войну у Гитлера. Отсюда следует вывод: либо этот историк сам не знает, что врать – это большое зло; отбирать чужое – очень большое зло; убивать людей – самое страшное зло, либо он преднамеренно проповедует обществу почитание зла, его всепрощения и объяснения добром.

Таковыми манипуляциями можно обосновать практически всё и доказать, что черное является белым и, наоборот, что еще больше травмирует людей, размывает их морально-этические устои, затягивает их в бездонную воронку упрощений смыслов, идей, образов, мотиваций, где уже трудно, а порой и невозможно различить добро от зла. И в таком общемировом просвечивании оказался социализм. Его насильственно-криминальные отблески произвели такое удручающе-отталкивающее впечатление на людей, что даже вполне гуманные, добропорядочные лидеры социал-демократических партий Европы, добившихся во многом его реального воплощения в жизнь, стараются меньше всего употреблять этот термин в публичной политике.

В то же время следует различать президиумно-банкетный, форумно-начетнический социализм от социализма отдельного человека. Между ними не просто мало общего, схожего – их разделяет глубочайшая пропасть, которую так и не удалось преодолеть. Мне это особенно наглядно было во время одного из выступлений нобелевского лауреата А.Д. Сахарова на Всесоюзном съезде народных депутатов. Скептически-пренебрежительное отношение к его гуманитарным суждениям послушно-номенклатурного большинства и вовсе выразилось в захлопывании и насмешливых выкриках, когда выступающий затронул судьбу маленькой девочки.

Постоянно одергиваемый М.С. Горбачевым, он говорил о совершенно непривычных интересах простого, маленького человека. И это было неприемлемым и даже опасным для номенклатурных депутатов, которые хоть и подкорректировали под презираемую ими гласность свои заранее написанные аппаратом тексты, но продолжали с уверенностью обреченных зачитывать привычные заготовки о планах, фондах, лимитах, о выполнении, усилении, укреплении всего и вся. Это были разные по возрасту, темпераменту и опыту руководители, но за трибуной они

становились одинаковыми, словно их для нее заготовили в образах оловянных солдатиков, потому что здесь все превращались в привычную аппаратную функцию, отточенную одними и теми же словами.

Они продолжали считать себя незаменимыми, готовы были еще десятки лет сидеть в президиумах и ставить на трибунах задачи по выполнению бесконечных задач. Без них ничего не может быть сделано, все другие способы управления и жизнедеятельности для них – непонятные и враждебные. Главное в их помыслах было под традиционным риторическим камуфляжем оставить все как есть, что становилось нереальным, ибо отдельный человек уже выходил из общей колонны ведомых в никуда.

Он хотел самостоятельности и свободы, начинал осознавать свои истинные интересы, столкнувшись с интересами социализма в виде государственно-капиталистической монополии, – как неосторожно-правильно определил его В.И. Ленин, добавив явно избыточное и неосуществимое утверждение, – обращенный на пользу всего народа, хотя сам не хуже других знал аксиому об эгоцентричной сути любой монополии и губительных последствиях всякой монополизации. О них у него есть масса весьма точных оценок.

В это время, вернувшись из Афганистана, с таким человеком начала свои интервью скромная и хрупкая молодая женщина-писательница Светлана Алексиевич. Отправившись в поездку по необъятным просторам СССР, она записывала на магнитофонные пленки голоса и исповеди тысяч простых советских людей. Страна распадалась, исчезала невиданная по масштабам и нареченная социалистической Атлантида, унося с собой всё реально достигнутое и плакатно-неправдоподобное, выстраданное в трудах и заботах и надуманное в речах и задачах, а будущий нобелевский лауреат продолжала свое самое широкомасштабное исследование и в условиях разобщенности народов, разбежавшихся по своим суверенным углам.

По существу это был гражданский и научный подвиг, ведь она одна сделала тяжелейшую работу за сотни социологов и обобщила ее в своих глубоко проникновенных произведениях, обогативших сокровищницу мировой литературы. Фактически она повторила беспримерный литературно-исследовательский и врачевательский подвиг великого русского писателя Антона Павловича Чехова, который по дороге на Сахалин и на самом острове проинтервьюировал свыше десяти тысяч каторжан, многих из которых вылечил от тяжелых болезней.

То, что увидела в душах людей писательница, поражает своей драматургией противоречивости и правды. Открылись ворота свободы и в них люди обнаружили сначала непривычное изобилие цветов и ассортимента бытового разнообразия, затем гибель страны и свою никому ненужность. Сразу же неотвратимо возник вопрос: а стоило все это

менять на шмотки и колбасу, и не напрасно ли мы повелись на символы благополучия и всеобщего потребления. И тут же кинжальный укор – зачем было второй раз на веку разрушать построенное, ведь ясно же, что на протяжении тысячелетий на развалинах ничего путного построить не удалось никому. Нужна очень длительная, мучительно сложная и кропотливая работа многих поколений по созиданию жизни, сопровождаемая постоянным процессом ее совершенствования.⁶⁵ Как тут не согласиться с доводами проникновенного исследования?

Сбитые с толку и одурманенные измофренией, парадоксией и мамофилией люди в своих метаниях пришли от еще не исчезнувшего к еще большому страху за свою жизнь и судьбу. Возникло ощущение потерянного социализма, который пусть и не обеспечил достаток в настоящем, но хотя бы обнадеживал будущее. И вот в личной точке опоры – пустота. Линейным способом исследовать и обобщить такие трансформации бытия и сознания, вспомним Н.А. Бердяева, практически невозможно. Социология пока не придумала нужного инструментария, положение поправить могут только нанотехнологии, о чем разговор впереди.

Читаю нобелевскую речь Светланы Алексиевич и ловлю себя на мысли, что и мне не удалось полностью вырваться из устоявшегося социологического штампа видеть и измерять все общественные явления и процессы классами, группами, коллективами, а вот выделить ценность того, во имя чего тот или иной человек участвует в общественном устройении, как-то не совсем получается даже на собственном примере. Она же пробивалась к душам людей через преодоление пристрастий, суеверий и обманов. И люди открывали ей свое сокровенное, в том числе и свой домашний, внутренний социализм.

И был он в них главным образом не благодаря плакатам и лозунгам, хотя такого воздействия хватало на каждого с избытком, а из врожденной потребности лучше жить и работать, посвящать свои знания, силы и опыт служению светлым идеалам. С думой о них люди ехали осваивать просторы целины и районов Крайнего Севера, покоряли небо и космос, строили и работали на заводах, в научных лабораториях и учебных аудиториях, писали стихи и песни. Это был их личный социализм, их вера и их надежда. И даже если ущемлялись чьи-то интересы, не удовлетворялись потребности, все равно терпели, преодолевали трудности, зажатость несвободой и залакированностью, шли вперед и добивались лучшего.

Они собирали жизнь своего времени в мыслях и чувствах, в любви и дружбе, создавали семьи, рожали, воспитывали детей и не хотели ощущать себя потерянными. Даже когда воочию убедились в безнадежности и противоречивости сложившейся ситуации, будучи нагло обманутыми и ограбленными, они продолжали и продолжают верить:

социализм – достижимый идеал. Вот только каким путем его достичь, не знает никто. Надежда на западноевропейский и американский опыт все больше рассеивается в обостряющихся экономических и социальных проблемах, которые в силу объективных обстоятельств, а то и просто саморукотворно скатываются на достигнутое благополучие и свободу людей.

Во время написания данных строк вся толерантная Германия, принявшая за 2015 год более миллиона арабских беженцев, содрогнулась сообщением о массовом насилии со стороны мигрантов в отношении немецких женщин во время празднования Нового года. Ребята отблагодарили приютивший их народ, и это лишь один из не самых опасных эпизодов. Впереди Европу ждет еще немало неприятностей, вдобавок к своим, внутренним негативам, так и не исчезнувшим даже из высококачественной, очень обеспеченной жизни ее трудолюбивых и дисциплинированных народов.

Мне нет необходимости описывать свои наблюдения, анализировать многочисленные исследовательские работы по состоянию и перспективам общественного развития продвинутых, благополучных стран мира, где естественным путем уже давно достигнуто больше социализма для всех и отдельно для каждого человека, чем во всех программах и на всех плакатах нашего специально создаваемого теперь уже прошлого. Немыслимые для нас размеры пособий для детей и малоимущих, заработных плат и пенсий, образцовая инфраструктурная ухоженность и упорядоченность быта стали возможны в странах с ограниченными природными ресурсами только потому, что там идеи свободного творчества и созидания определяли весь процесс социализации каждого человека и всего договорного общества, они всегда стояли выше идей уравнивания, разделения и распределения по специальным административным приказам и решениям, которые в конце концов снова замкнули круг социальных бедствий, где большинству опять стало плохо.

Почему же тогда у них постоянно что-то случается, рвется, разрушая размеренный образ жизни?, – не выдерживает оппонент, забывая о ранее написанном по поводу того, что глубинная суть человека, его многоярусные генетические коды и инстинкты не поддаются никаким воздействиям ни капитализмов и социализмов, ни идеологиям и религиям, ни литературе и искусству. Они не изменяются никакими материальными пособиями и благами и мгновенно забываются как насильниками и убийцами, так и их жертвами. Их можно, на наш взгляд, перекодировать и прервать только технологически.

Более сложноподчиненные подходы находим у П.А. Сорокина в его фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика», взорвавшим традиционные постулаты не только социологии, но и

других гуманитарных наук. Сокращенный в три раза до тысячеязычного фолианта прочитать сложно, а освоить – может не хватить целой жизни. Обнадеживает притягательность и оригинальность содержания, от которого трудно оторваться. Обладая даром научного предвидения, великий социолог еще восемьдесят лет назад написал не только ответы на поставленные вопросы, но и предсказал, каким будет общество.

Признаться, для меня до знакомства на рубеже XXI века с нанотехнологиями любое предвосхищение на основе достигнутого знания социокультурного будущего человечества было таким же безнадежным занятием как пересчитывание звезд на небе. Открываем сорок вторую главу упомянутого труда и читаем: состояние, в котором находится сейчас западное общество и его культура, представляют собой трагическое зрелище начавшегося распада их чувственной культуры, определяемый как кризис. Его основные проявления в изложении выглядят так:

- граница между истиной и ложью, справедливым и несправедливым, прекрасным и безобразным, между положительными и отрицательными ценностями начнет неуклонно стираться, пока не наступит царство умственной, моральной, эстетической и социальной анархии;

- построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный договорный социокультурный дом рухнет, его падение сметет договорную демократию, договорный капитализм вкуче с частной собственностью и договорное общество свободных людей;

- грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений. Сила станет правом. В результате разразятся войны, революции, мятежи, общество захлестнут волнения и зверства, человек пойдет на человека, класс – на класс, нация – на нацию, вера – на веру;

- свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распушенностью;

- дряхлые, бесчеловечные и тиранические правительства вместо хлеба будут давать народам бомбы, вместо свободы нести смерть, вместо закона – насилие, вместо созидания – разрушения;

- распад семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей продолжится. Рост числа разводов приведет в конце концов к полному исчезновению разницы между общественно санкционированным браком и незаконными сексуальными отношениями. Дети станут отделяться от родителей все раньше и раньше. Главные социокультурные функции семьи будут сокращаться, пока она не превратится в случайное сожительство самца и самки, а дом – в место, куда можно «припарковаться» на ночь, в основном для сексуальных контактов;

- продолжится увядание творческого потенциала культуры. Место Галилея и Ньютона, Лейбница и Дарвина, Канта и Гегеля, Баха и Бетховена, Шекспира и Данте, Рафаэля и Рембрандта займут посредственные псевдомыслители, ремесленники от науки, от музыки, от художественной литературы, шоумейкеры – один вульгарнее другого. На смену великому христианству придет множество самых отвратительных небылиц, состряпанных из фрагментов науки, обрывков философии, настоянных на примитивной мешанине магических верований и невежественных суеверий;

- количественная гигантомания вытеснит качественную утонченность. Самое большое вместо самого лучшего, бестселлер вместо классики, блестящая внешность вместо внутреннего содержания, методика вместо гениального озарения, подражание вместо творчества, сенсационный успех вместо обстоятельной оценки, операциональное управление вместо просвещённого знания;

- мышление заменится поиском информации, вместо мудрецов будут шустрые алексы, вместо подлинных критериев – фальшивки, вместо великих лидеров – мошенники;

- даже величайшие культурные ценности прошлого подвергнутся унижению, станут привесками к велеречивому пустозвонству, рекламирующему слабительные средства, жвачки, кукурузные хлопья, пиво и прочие сплошные удовольствия;

- в условиях растущей моральной, умственной и социальной анархии и деградации творческие способности чувственной ментальности, а также производство материальных ценностей будут убывать, учащаются депрессии, материальный уровень жизни снизится;

- по этим же причинам уменьшится безопасность жизни и имущества, а, значит, покой в душе и счастье станут редкостью. Самоубийства, психические расстройства и преступления начнут расти. Скука поразит все более широкие слои населения.⁶⁶

Осознаю, что сжатие самим автором своего анализа и мой конспективный пересказ выглядят на уровне сухого информационного сообщения. Однако есть целостный текст главы 37 «Кризис нашего времени», который абсолютно непересказуем как произведение искусства, его освоение возможно только в целом виде. Начните читать, и вас с первых строк захватит возвышенная музыка социологии, которую П.А. Сорокин поднял до уровня уникального, неповторимого литературного произведения. В нем истинный художник науки сумел отобразить вековой давности эпоху так, будто это наше нынешнее время. Соединить в единую социально-технологическую систему все ее компоненты синергетически мог только большой Мастер мирового уровня. Читаешь с полным ощущением и прожитого, и переживаемого сегодня, и это – вершина эвристики.

Далее П.А. Сорокин обосновывает три фазы преодоления кризиса: катарсис или очищение; харизма или милость, дар божий; благодать и воскресение или воскрешение, ставшими проверенным историческим опытом спасения человечества и его социокультурного развития в древние и средние века. Очистившись трагедией, страданием и распятием, люди снова обратятся к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям. Чувственная культура, ориентированная на материальную среду, где реальностью считается только то, что дано органом чувств, неминуемо претерпит саморазрушение и банкротство, ее постепенно вытеснит идеациональная культура, не выталкивающая полностью человека из реального мира, но приближающая его к Богу, и обращенная к спасению своей души и души других людей.

Оппонент и читатель сразу же зададутся вопросом: что за перескок от социологии к богословию, от материализма к идеализму? Тогда в США тоже многие научные институты и ученые сразу же после публикации данного труда вычеркнули его автора из социологии. Некоторые с иронией называли П.А. Сорокина новым Апостолом, Кампанеллой из России. Словом, пришлось ему хватить лиха, впрочем, как и всем, кто смог заглянуть с помощью своего интеллекта в будущее. Но это было вначале, позднее пришло прозрение и понимание сути великого замысла, который оказался не очередной утопией, а научно-выверенной гипотезой, максимально приближенной к реалиям настоящего века и будущих столетий.

Прожив фактически две жизни – в России и США, Питирим Александрович впитал в себя все кровавые перипетии XX века, в том числе и социалистические идеи. Но он постарался быстро избавиться от измофренического недуга, сбросил с себя и своих научных трудов большинство измов и тем самым определил специфику своих эвристических текстов. Неизвестно по какой причине он стал старательно избегать применения интересов как научной категории – не хотел подражать марксизму, где они были ключевым исследовательским инструментом, или потому что в английском языке его заменяет использование потребностей. Так или иначе именно последний термин сопровождает его исследовательский процесс.

Мне же еще с начала научной карьеры пришлось по душе и по сути классового анализа и подхода замечательное русское слово интерес, имеющее четыре его словарных значения, и все в самую точку нашего исследования:

- внимание, возбуждаемое чем-нибудь значительным, привлекательным – проявить большой интерес к делу;

- занимательность, значительность – дело или рассказ имеет общественный интерес;

- нужды, потребности – защищать свои классовые и духовные интересы, предпринимать шаги в чьих-то интересах;

- выгода – играть на интерес, на получение дохода или само просится капиталистическо-социалистическое дополнение – добиваться прибыли.⁶⁷

Как видим, термин уникальный не только своим многосмыслием, но и социально-технологической динамикой. Безусловно, он шире и объемнее потребностей, вбирает их в себя и одновременно результирует их целеполагание. С древних времен и до наших дней лучшие умы человечества обращались к изучению интересов отдельного человека, социальных групп, классов, общества в целом. Осознание и достижение, удовлетворение интересов – это неопишное множество проектируемых и осуществляемых социальных технологий, бизнес-планов, программ, сводов законов, правил, инструкций и прочих средств жизнедеятельности.

Их типологизация соответственно тоже почти безгранична в социальном общении, взаимодействии, воспроизведении потомства, самоутверждении, самосохранении, потреблении и других жизненных процессах. Также их можно классифицировать по конкретным критериям: материальным и духовным, групповым и индивидуальным, текущим и перспективным, сложным и простым, консервативным и инновационным, первостепенным и второстепенным, естественным и искусственно привнесенным и т.д.

Все интересы очень тесно переплетаются между собой и взаимобуславливаются с различными общественными отношениями, особенно с позиционированием в них классов и собственности. Они составляют главные нити всей социальной действительности. Убери их, и она просто-напросто потеряет смысл и исчезнет, потому как именно интересы формируют, запускают и двигают многогранный мотивационный механизм социальной деятельности каждого человека и всего общества. А история человечества представляет собой возникновение и исчезновение, согласование и игнорирование, гармонизацию и противостояние, согласие и конфликты интересов людей.

И пусть к сторонникам мнения моего Учителя добавится еще один голос, который снова и снова озвучит непопулярное и непривычное: развитие истории – это не эволюции, революции и прогресс, а множество кризисов, катарсисов, харизм и воскресений, что, однако, не означает отрицание прогрессивно-эволюционных процессов. Нет, напротив, они присутствуют и играют свою роль в соответствующих промежутках истории. На наши исследовательские ладони великий Ученый положил такие пласты детально аргументированных системных доказательств по социокультурной динамике мира, что спор по ним может носить чисто схоластический характер.

При этом главный вывод, который мы сегодня можем сделать из вышесказанного, следующий: никогда, ни в одну эпоху, включая и нынешнее общество, никому не удавалось и не удастся учесть, согласовать и гармонизировать интересы людей даже когда социальное пространство России и потом ряда других стран по живому зачистили от всего мешающего спецстроителям нового мира, причесали всех под одну гребенку и хоть всего лишь на один миг истории приблизительно подравнивали их в бедности, отодвинув многие интересы людей в небытие, смели ее самобытную культурную систему, все равно ничего путного не вышло, кроме последующего очередного краха.

Но если в данном случае совершенно ясно, что, замыслив достижение мирового господства, российские номенклаторы использовали социализм всего лишь для прикрытия и маскировки, чтобы сокрушить самое прогрессивное и непреступной преградой стоящее на их пути – капитализм с его договорными отношениями и демократией, и вернуться в систему внеэкономического принуждения и свирепого тоталитаризма, то есть в неофеодализм под новой вывеской, то почему не наступает фаза катарсиса?

Когда я это сказал одному бывшему номенклатору, из пахарей и очень порядочных людей, он, будто ужаленный, не смог сдержать ярости возмущения и прекратил разговор. Ему просто в голову не может прийти мысль о том, что он создавал несоздаваемое, строил совсем не то и не так, не думая о вышеприведенных методологических суждениях, из которых ясно главное – в результате на выходе оказался не социализм, а разновидность жестокого авторитаризма.

И уж тем более он никогда и никому, даже самому себе не сможет аргументированно доказать на конкретных цифрах и фактах, что Бернштейнианско-Каутские социал-демократы не сумели наполнить в условиях свободы договорно-демократический капитализм социалистическими ценностями и обеспечить значительно более высокое качество жизни людей, чем ленинско-сталинские номенклаторы своей принудительно-репрессивной мобилизацией всех и вся. Но ведь так считают вместе с ним и те, кто сегодня принимает законы и управленческие акты, продлевая тоталитарную рапсодию.

Оставим их планово-строительные заблуждения и теперь уже без ненужных вопросов еще раз заметим, что кризисов избегать не удастся и тем, кто без революционных жертв насилия, рывков сделал социализм реальностью для большинства людей во многих странах мира. Они-то всё вроде бы сделали и делают правильно, исходя из интересов большинства категорий населения и при их непосредственном участии в управлении данным процессом, особенно на местном уровне. Все спокойно, уравновешенно, уважительно, согласователь-

но, добровольно, без вражды, ненависти, насилия и тем более самоуничтожения.

Словом, и на них тоже опускается неминуемый закат сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает. На нас и на будущие поколения начинает опускаться ночь этого переходного периода со своими кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами... Теперь, когда чувственная культура пребывает в агонии, когда ее продукт – это скорее отравляющий газ, чем свежий воздух, когда она благодаря своим достижениям вручила человеку ужасающую власть над природой и обществом, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами и инстинктами, теперь в руках такого человека со всеми достижениями науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого него, и для всех его ценностей.⁶⁸

Добавим, что чувственная, меркантильно-потребительская культура уравнила всех: капиталистов и социалистов, правых либералов и левых, богатых и бедных тем, что она сумела сформировать у человека интерес к покорению природы и всего окружающего мира, осуществление которого стало ее главной функцией, и тем самым отдалила его от гуманистического приобщения к постоянной потребности контроля над самим собой. Сегодня современный человек не осознает и не понимает простой истины: чем негуманнее и пользовательнее он относится к окружающему миру, тем негуманнее и разрушительнее поступает по отношению к себе и будущим поколениям. Отсюда – неотвратимая необходимость перехода к новой идеациональной культуре в ходе продолжающегося кризиса. Но что и кто поможет облагородить и приблизить человека к Божественному Абсолюту, к новым ценностям?

Все мы надеялись на стремительное развитие информационно-технологической фазы общества. Однако, взяв в руки мобильные телефоны и компьютеры, тут же убедились, что они лишь отодвигают агонию чувственного порядка, дают дополнительные возможности закрепиться в его социокультурном пространстве. Остается одна, теперь уже зримая и хоть не совсем еще понятная и противоречивая надежда – наномир, новейшие нанотехнологии, способные оказать решающее значение на гармонизацию интересов человека, общества и природы.

Отправимся в его неведомые перспективы, где сделаем попытку вместе с другими авторами построить еще одну гипотезу развития человеческого общества. При этом убедительно просим не путать с абсурдно невозможным построением самого общества, за что неминуемо грозит неудовлетворительная оценка от любого добротного исследователя.

2. Наномир и основные контуры будущего социалистического общества

Ушедшему из жизни полвека назад П.А. Сорокину не суждено было встретиться с интернетом, увидеть плоды нанотехнологий и других достижений в науке и технике, но он остро чувствовал их приближение и конкретно предвосхитил воздействие на кризис чувственной культуры и на выход из него в своем динамическом анализе. Как и другие исследователи он, безусловно, учитывает роль технического прогресса в формировании нового человека, которому можно будет доверить все ценное из уходящей эпохи, и он «...сумел бы построить культуру и общество менее бедное и несчастное, не знающее ни личной, ни сословной ненависти, более благородное, справедливое, человечное и более благочестивое, чем наше чувственное общество в его нынешней фазе».⁶⁹

При этом ученый старался по вышеуказанным, а, возможно, и по другим ведомым только ему одному причинам избежать термина «социализм», остановившись на интегрализме, что в общих чертах соответствует модным в XX веке теориям конвергенции, трансформации и т.д. Однако он всячески подчеркивает и выделяет свою принципиальную позицию, отличающуюся от стародавних концепций жизненного цикла, согласно которым культура и общество проходят стадии детства, зрелости, старости и увядания. Не предрекая неизбежной смерти и упадка западной культуры и общества, он убедительно и аргументированно настаивает на сценарии вышеописанной динамики.

В связи с этим еще раз вынужден затронуть таинство зарождения, передачи и получения информации, примеры которой сопровождают текст монографии. В момент обдумывания выдающихся качеств П.А. Сорокина, его способностей выдавать такие диагностические и прогностические результаты мыслительной деятельности, которые кажутся возможными только при условии использования машины времени, взбудоражившей в XX веке как писателей-фантастов, так и прикладных ученых, вдруг по какому-то невероятному совпадению в мои руки попадает материал об уникальном и самобытном инженере, ученом, авиаконструкторе Советского Союза Роберте Бартини.

Будто чья-то невидимая воля ставила этих двух загадочно гениальных людей рядом, присоединяя к себе и меня общностью и схожестью эвристических смыслов. Р. Бартини, отличающийся странным, порой необъяснимым поведением, за что его даже считали пришельцем из другого мира, очень часто, не заботясь об авторском праве, дарил свои ошеломляющие проекты и идеи, которые вначале шокировали окружающих его ученых и конструкторов, но затем придавали резкое ускорение развитию различных отраслей науки и техники. Он

создал теорию шестимерности мира, по которой время и пространство имеют по три измерения, что позволило ему сконструировать и испытать в одной из лабораторий г. Дубны полвека назад Коллектор Рассеянной Информации. Это уникальное устройство дало возможность заглянуть как в прошлое нашей планеты, так и увидеть некоторые непостижимые в ту пору картины будущего, оказавшиеся сегодня реальностью. Взять тот же прообраз майдана в Киеве.

Теперь уже известно, что увиденное негативно повлияло на социально-политическое самочувствие многих людей, стоявших тогда у руля СССР. Особенно их насторожили возможные результаты применения методов приведения человеческого сознания в измененное состояние. Попахивало безнадежностью огромных идеологических усилий по мобилизации советского народа на построение коммунизма, которое пришлось постепенно свернуть. Моделирование будущего было переведено из запредельно фантастических вариантов в более рациональное русло. Даже попытались подрихтовать господствующие идеи номенклатурно-государственного капитализма, но, как отмечалось ранее, не рискнули довести дело до конца.

Действительно, мысли Р. Бартини о том, что не существует единственного для всех настоящего и будущего, их много, и каждый поступок любого человека творит какое-нибудь из них, материализовывались и не подчинялись даже железно задаваемой воле партий, правящих режимов и их вождей. Он утверждал, что каждая возможность выбора рождает параллельную стрелу времени, а мир – это бесконечное число параллельных стрел времени (жизней), с бесконечным количеством выборов в каждый конкретный момент.

Мы изменяем свою судьбу ежеминутно, ежесекундно. В каждый момент времени мы имеем возможность совершить бесконечное число выборов. Например, если человек сидит за столом, то может взять в руки ручку, может карандаш, может листок, может почесать ухо или поковыряться в носу. И так далее. Ничего случайного в мире нет.⁷⁰ То есть во всякой доле времени рождается новый процесс и обновляется жизнь. За тем же столом могут появиться новые музыкальные или литературные произведения, которые изменят, усовершенствуют их прежний стиль или же полностью заменят существующие их формы и содержание.

Кстати, недавно стало известно об описании альтернативной Вселенной, где прошлое и будущее поменялись местами. И здесь ключевым инструментом исследования явилась стрела времени, правда, в термодинамическом представлении. Не в этом ли направлении состоится поиск ответов на вечные вопросы – где мы, кто мы и что с нами происходит?

Далее обратимся к П.А. Сорокину и мысленно наложим на вышесказанное его социокультурную динамику. Любой социокультурный

процесс, – подчеркивает он, – в каждый момент является новым и в то же самое время старым. Эти два противоположных утверждения – система является вечно новой и вечно старой, вечно изменяющейся и вечно той же самой – взаимно дополняют друг друга.⁷¹ Далее ученый на конкретных примерах развивает свои суждения следующей характеристикой: данная система всегда является конечной индивидуальностью, ограниченной, определенной и детерминированной, описываемой с помощью категорий.

Такая конечная система не может быть наделена бесконечной или неограниченной способностью, она не может преобразовываться без конца. В противном случае конечное вмещало бы в себя бесконечное, что является логическим нонсенсом.⁷² Отсюда вывод: неисчерпаемо разнообразный и вечно новый социокультурный процесс состоит как из имманентно ограниченного изменения его систем, так и из непрерывной замены отживших систем вновь зарождающимися.

Монархия и республика, готический и классический стили, материализм и идеализм могут чередоваться в социокультурной системе, но каждое повторение республики или готического стиля отличается от предыдущего и от всех последующих и по числу направлений, и по своим чертам. Время – разное, детали – разные, система знаний, средств и проводников общества и окружающая среда – тоже разные и т.д. Каждый из нас изо дня в день обедает и спит, но каждый обед или процесс сна не тождествен предыдущему: изменяемся мы сами, безвозвратно уходит время, особенности обеда и сна также разнообразны,⁷³ – подтверждает свои доводы автор. Жаль, что их не читали те, кто громко ратует за возврат в СССР и в тамошний социализм – не получится, ребята, напрасны слова и старания.

Схожая ситуация наблюдается с бурным развитием современного наномира. С одной стороны, человечество владеет историческими фактами применения необъяснимых материалов, конструкций и технологий тысячелетней древности, непонятно кем и как стертими из реальной жизни того времени и заменёнными человеком на несравнимо более примитивные орудия труда и технологии, с другой – ежедневно возникают новейшие результаты научно-технической деятельности, которые превосходят самые фантастические восприятия окружающего нас мира и кардинально меняют социокультурный уклад современного общества. Человечество входит в четвертую нанотехнологическую революцию, не завершив третью, информационную или цифровую, начавшуюся полвека назад.

Ее перспективы одновременно вдохновляют и сеют панику. Заменить тяжелый и вредный труд человека автоматизированными системами – это одно, причем, очень крупное достижение. А вот заменить дорогие энергоносители и материалы на микроустройства, которые в

буквальном смысле перевернут все привычные и еще непривычные основы жизни каждого человека, – это совсем другое. В то же время сегодня в мире двести миллионов безработных, и эта резервная армия может начать стремительный рост. К тому же примерно половина работающих живут в среднем на два доллара в день, то есть в условиях вопиющей бедности. И это только первые видимые проблемы, которые сопровождают впечатляющее развитие науки и техники.

Основные беды начнутся, когда человечество из преддверия nanoобщества вступит в его бурное развитие. Собственно его уже описали и обобщили как зарубежные, так и отечественные ученые. Чтобы не производить традиционный анализ огромного количества литературы, воспользуемся облегченным вариантом и включим в наш текст компактное изложение в энциклопедии.ru следующих его основных особенностей и признаков:

- доминирующей сферой станет nanoотрасль, которая будет способна осуществить массовое производство товаров, nanoфабрики могут быть портативными настольного размера;

- в сельском хозяйстве комплексы нанороботов заменят естественные машины для производства пищи;

- деньги, земля и природные ресурсы потеряют свою ценность, так как каждый сможет иметь все, что пожелает, труд и капитал обесценятся;

- все будет делаться роботами, поэтому труд людей станет не нужен, при использовании нанотехнологий, будет массовая безработица и в особенности неполная занятость;

- произойдет сокращение доли городского населения, чему будет способствовать резкое сокращение промышленности, рабочих мест, отсутствие надобности центрального водо- и энергоснабжения, канализации и так далее;

- поведение людей будет регулироваться nanoэтикой (комбинация научной, технической и хозяйственной этики);

- нефть и другие природные ресурсы в промышленных масштабах можно будет производить на молекулярном уровне, а страны их добывающие окажутся в трудной ситуации;

- человек перестанет влиять на окружающую среду, так как традиционных видов массового производства не станет;

- в условиях наномедицины болезней нет будет, люди станут лечиться на молекулярном уровне путем изменения структуры ДНК, резко сократится потребность в медицинских специалистах;

- отпадет надобность в правительстве, парламенте, капитале, прибыли в обычном представлении, традиционная иерархическая модель власти будет заменена на системы уровней доступа к возможностям нанотехнологических продуктов;

- станет ненужным современное мировое разделение труда;
- с появлением nanoэкономики потребность в рабочей силе практически исчезнет;

- перестанут играть какую-либо роль традиционные параметры оценки могущества государства – размер населения, мощь экономики, состояние вооруженных сил, сырьевая, продовольственная независимость или превосходство, самыми значимыми станут параметры развития науки и энергетики.⁷⁴

Как видим, такой прогноз напоминает нам хорошо известные утопические теории общества будущего. Хочется воскликнуть: да здравствует коммунизм! И действительно, пожалуй, за всю известную и доступную нам историю человечества, мир впервые подошел к той осязаемой черте, когда сказка может стать былью, а тысячелетние мечты реальностью, и подводят к ней не надуманные идеологические и теоретические постулаты, а естественные результаты научной деятельности с ее открытыми и одновременно таинственными методами информационных взаимосвязей прошлого, настоящего и будущего. Да и сами сроки возникновения nanoобщества примерно к завершению третьей четверти или к концу XXI века мало походят на сумасбродный двадцатилетний рывок к коммунизму правящей КПСС вскоре после разрушительной войны.

Именно в этот период преддверия и развернутся основные события сорокинской социокультурной динамики. Кризис чувственно-меркантильного порядка достигнет своего апогея, и мы это уже сегодня видим в приближении решающих битв за глобальные энергоресурсы, которые закончатся внезапным и весьма эффективным объявлением результатов их нанотехнологического производства со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями. Откроются двери и в переустройство других сфер жизнедеятельности, кардинальным образом изменяющие практически всю совокупность интересов отдельного человека и общества. Возникнут условия для харизмы, когда процесс непрерывных изменений одних и тех же жизненно-чувственных ритмов, фаз и состояний будет заменяться идеациональной благодатью вслед за покаянием, всем тем, что ранее было доступно каждому человеку теоретически и недостижимым подавляющему большинству практически.

А в самом деле, почему люди не усваивали на протяжении тысяч лет благословенные духовные ценности и не следовали им в практической жизни? Почему это было уделом лишь единичных представителей христианских, мусульманских, буддистских, иудейских и других религий, которые напрочь отвергали чувственно-меркантильную культуру и полностью погружались в идеациональную жизнь? Ответов на эти вопросы много, но ни один из них не представляется ис-

черпывающим. Как-то в одной из дискуссий с участием светских и богословских ученых возникло суждение: если бы все люди отвергли чувственно-меркантильную систему и последовали, скажем, в монашеское служение, то это вызвало бы сильное торможение научно-технического прогресса вплоть до его остановки, и человечество надолго бы застряло в средневековье.

В ответ тут же последовало оппонирование: а разве христианские монахи занимались только разведением животных, земледелием и артельными промыслами, разве мало было среди них ученых, деятелей науки и культуры? Разве не беззаветным и самоотверженным было эвристическое подвижничество мусульманских или буддистских проповедников, раввинов, которые несли людям знания в области медицины, астрономии, математики, философии, различных сфер производства? Да, скорее всего они вряд ли бы приступили к изобретению атомной бомбы и тем более к созданию аналогичных апокалиптических технологий, но на современные и пока еще неоткрытые лекарственные препараты, спасающие людей от эпидемии страшных болезней, вышли бы непременно.

В таком случае, отчего же они, внедряя в сознание людей веру в Бога и высшие ценности нередко при поддержке официальных властей и государства, не сумели предотвратить расползание и неумолимое самоусовершенствование чувственной культуры, – оживляется и наш задумавшийся о вечном оппонент. И тут напрашивается один элементарный ответ: потому что у подавляющего большинства людей внутри их души не нашлось ресурсов сделать встречные движения, к тому же в ней верховодили и доминировали инстинкты самовывживания, порождающие и соответствующие ценности, модели сознания и поведения. Приплюсуем сюда немеркнущий опыт и традиции предшествующих поколений и получается непробиваемая железобетонная стена всяких материальных заинтересованностей и ценностей, которые нужно было постоянно добывать, находить и потреблять.

Преодолеть ее не было возможности ни в какие века, пока не наступил нынешний – век нанотехнологий, проникающий в мир мельчайших частиц размером миллиардной в девятой степени доли метра, изменяющий всё мировосприятие и мироощущение человека. Кстати, впервые термин нанометр ввел в 1905 году Альберт Эйнштейн, и только через 80 лет в США была создана технология, позволяющая сделать такое измерение.

Вхождение в наномир дает человеку невиданные доселе возможности и резервы сосредоточения и самовключённости в познание казалось бы ранее непознаваемого, то есть самого себя. Он постепенно освобождается от самодовлеющего меркантилизма чувственного мира, настраиваясь и сосредотачиваясь с помощью малоприметных, но весь-

ма эффективных нанотехнологических устройств на жизнь, стоящую выше навязываемого извне долга, правил и норм поведения, на жизнь, наполненную любовью к себе, другим людям и окружающему природному миру. Наконец-то он преодолет самого себя, его самовнушения и молитвы уже не будут напрасными, всюду его будут предостерегать, подстраховывать и помогать продукты нанотехнологий.

И это станет такой же нормой восприятия, как сегодня для нас является передвижение с помощью автомобиля и самолета, связь через мобильные телефоны и компьютеры, прививки от опаснейших заразных болезней и т.д. Особенно важным будет значительное сокращение пространства жадности, зла и лжи, против которых беспомощными оказались все материальные и духовные ценности чувственного порядка. Теперь же, после расшифровки генома человека, осталось только определить гены, ответственные за те или иные центры регуляции в человеческом мозге, и с помощью нанотехнологических приемов подстраховывать или подкорректировать их саморегулятивные функции.

Смогли же современные ученые смастерить уникальный детектор лжи и выявить нейроны, отвечающие за ее возбуждение у человека в той или иной ситуации, значит, смогут скоро сделать и наночип, нейтрализующий данную функцию. И так будет со всеми остальными завистями, воровством, мошенничеством и тому подобными девиантными отклонениями, которые нанотехнологи совместно с нанопсихологами и нанофизиологами ликвидируют подобно холере и чуме с помощью нанопрививок или наноприставок, – их каждому человеку сделают на стадии его взросления без каких-либо последующих ощущений и последствий для организма. Изменятся до неузнаваемости и возможности регуляции и саморегуляции. Это приведет к значительному очищению информационного поля от негатива и наполнению его позитивом, добром и любовью в широком смысле, от эроса и до добрососедства.

Тут, естественно, возникнут и сопровождающие этот процесс угрозы и опасности, которые могут превратиться в фатальные последствия для отдельного человека и общества в целом. К ним относятся эгоцентризм господствующих классов, которые будут стремиться использовать нанотехнологии для установления контроля за каждым человеком, превращения людей в послушных киборгов. Отсюда и возможности появления опаснейших видов оружия, киберпреступности и киберболезней, заражающих своими вирусами не только различные наноустройства, но и самих людей, особенно их сознание. Эра нанотехнологий уже на нашем пороге и только от нас зависит, будет ли это эпохой благоденствия или нашим концом. Третий вариант не просматривается.⁷⁵

Вызовов и проблем возникнет немало, и путь к таким научно-технологическим вершинам будет нелегким, полным драматических

противоречий, прорывов одних и отставанием других, столкновения и конфликтов интересов, отмирания старого, отжившего свой век, и мучительного зарождения нового. Ни у кого и никогда не было плана построения и развития информационного общества, нет такового и не может быть и по превращению его в нанообщество как в определённый тип биосоционанотехнологической системы, направленной на достижение гармонизации интересов человека с окружающей средой и развитие его идеациональной культуры. Оно просто вначале дополнит, затем постепенно вытеснит и заменит его другой, качественно новой социокультурной системой.

Как будет называться данный строй, на первый взгляд, не имеет особого значения. Одни его определяют как наноизм, другие – нанокоммунизм. А Д.Н. Беруба из университета Южной Каролины США назвал впервые его наносоциализмом,⁷⁶ что более полно и содержательно отражает основные сущностные характеристики понятия. Ибо из всех компонентов биосоционанотехнологической системы ключевым, фундаментальным был, есть и будет всегда социальный компонент, что означает приоритет человека и общества над техникой и технологиями. В предыдущих разделах нами обращалось внимание на парадигму: не человек служит машине, а машина служит человеку. Наносоциализм – это социальный строй для людей и во имя людей и без него не обойтись. Вряд ли другое название будет более убедительным и точным.

Именно нанотехнологии призваны раскрепостить и освободить человека как от государства, выступающего по образному выражению Ф. Энгельса в качестве совокупного капиталиста, всеобщего частного собственника (напомним СССР), так и от подлинного частного владельца средствами производства – предпринимателя, превратив производственные отношения в сплошную экономику физических лиц, в экономику одного человека. При этом кардинально изменится социально-классовая структура общества. Ее компоненты, обоснованные нами, постепенно исчезнут под напором процессов стирания их различий.

Высвободившиеся в результате массовой роботизации и бионанотехнологизации от производительного труда люди будут заполнять различные сферы обслуживания как самих себя, так и машин. Они значительно расширят свои функциональные и технологические возможности, коренным образом изменят образ и качество жизни людей. Не будет удивительным, если рабочий день сократится до одного часа, остальное время люди станут посвящать воспитанию детей, физическому и духовному саморазвитию, семье и активному отдыху, общению с родными, близкими и друзьями, заботе об окружающей природе, наслаждаясь любовью к ней и к обновленному образу веч-

ных небес. Весь спектр социальных процессов станет значительно многообразнее, богаче и глубже по форме и содержанию, они постепенно станут превращаться в наносоциальные по сути, что в свою очередь потребует кардинальных изменений в их исследовательско-инструментальном оснащении, о чем предстоит поразмышлять в моей следующей монографии, концепция которой уже сформулирована и продолжает уточняться.

Так или иначе человек будет совершенствовать основы своей деятельности, опираясь на значительные возможности увеличения продолжительности жизни и эффективные здоровьесберегающие технологии. При этом люди не станут похожими друг на друга и тем более не будут напоминать собой роботов. Просто их социально-технологическая культура достигнет такого совершенства, что войдет в синхронное взаимодействие с другими технологиями. Разные по характеру, способностям и компетенциям, они будут иметь равные возможности доступа к производству и распределению получаемых благ по их потребностям, зная, что все это учитывают, анализируют и обобщают открыто и гласно умные машины, а не алчный дядя из номенклатурной конторы, образ которого напоминает только одно – он всегда и любому делает одолжение. Смысл накопительства и тем более стяжательства исчезнет, а вместе с ним уйдет в небытие и то вопиющее социальное неравенство, которое человечество переживает тысячи лет.

Более рациональным и научным станет управление обществом, в основе которого возникнет моделирование конкретных процессов и учет включенности в них каждого человека и результатов его работы и потребления полученных благ. Вместо иерархического оно станет точечным. Место номенклатуре там не предусматривается, равно как и её методам управления. К тому времени она скомпрометирует себя по-крупному уже дважды. Первый раз, когда она взяла на себя историческую миссию насильно, принудительно построить социализм и объявила о его победе на огромной части планеты, причем, с неизбежностью всемирного охвата. Но социализм – это не войско, он не может и не должен ни с кем воевать, никого побеждать – он постепенно вызревает в соответствующих социально-технологических и экономических условиях, саморазвивается и утверждается в обществе.

Как уже отмечалось выше, победа действительно была, но только не социализма, а номенклатуризма. И не над капитализмом, а над собственным народом, ставшим трудновосполнимой жертвой лживого, бессмысленного эксперимента. Провалив одно, номенклатура взялась за другое – возродить и построить то, что старательно, под корень уничтожала – капитализм, который тоже не нуждается в таком навязчивом руководстве, постройтельстве и сопровождении, да еще все

теми же методами, в которых человеку отводится роль элементарной заклепки на броне государственной машины, постоянно его к тому же полирующей различными измами и мифологемами.

Теперь на божий свет вытащили идею великой России, великого народа, которая, к слову, быстро и удобно для политбюрократии расположилась на рубцах и защемлениях общественного сознания, униженного трансформациями, кризисами и неудачами последних десятилетий жизни страны. Как-то ненароком резко остановила один спор. Напористый не в меру полемист как раз убедительно загибал пальцы такой великости именами Петра I, Суворова, Пушкина, Толстого, Сталина, на что я ему сказал, а может сначала сконцентрируемся на меньшем – сделаем благоустроенные дороги и нужники, в целом нормальную жизнь, а потом, если нас другие не назовут великими, подумаем сами над этим. Хотя скорее всего надобности в такой задумчивости уже не будет. Не дожидаясь еще более разительного вопроса – сам-то что сделал из вышесказанного, спорщик по-тихому свернул дискуссию.

Видно, не одному ему надо аргументированно объяснять, что для этого нам вначале надо сделать все то, с чего начали тридцать лет назад похожие в то время на современную Россию Мексика и Южная Корея, шаг за шагом создавшие постиндустриальную экономику на основе комбинаций таких факторов, как: мир внутри общества и с другими странами, гарантии свободы, демократии и верховенства права, особенно в отношениях собственности, низкие налоги, развитый человеческий капитал и как можно меньше госсобственности и госрегулирования. При этом никакой измофрении, только усердная учеба и упорный труд каждого, кто управляет и кем управляют.

В христианской традиции утвердилось суждение: человек – подобие Бога. И в нем заключается глубочайший смысл. Вот только далеко не все люди и не всегда задумываются, а что, собственно говоря, кроме внешних признаков сходства так роднит его с Богом? Хотя и без напоминания ясно: Бог – творец и творить – его главная миссия и предназначение. Именно такое подобие предначертано и человеку, причем вместе со свободой выбора. Без этого – никуда. Наносоциализм благодаря вышеуказанным технологическим достижениям сможет обеспечить ему для этого не только массу свободного времени, не сравнимую по объемам ни с какой эпохой, но и широкие возможности для творения и созидания, одновременно перекрывая и делая недоступными всякого рода вытворения и разрушения.

Построение этой несколько схематичной гипотезы хочется закончить одним очень важным заветом П.А. Сорокина: «Что бы ни случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи навсегда останутся убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни тяжела

она была, – это самая высшая, самая прекрасная, самая чудесная ценность в этом мире. Превратить ее в служение долгу – вот еще одно чудо, способное сделать жизнь счастливой. В этом я также убежден и, наконец, я убежден, что ненависть, жестокость и несправедливость не могут и никогда не смогут построить на Земле Царство Божие. К нему ведет лишь один путь: путь самоотверженной творческой любви, которая заключается не в молитве только, а прежде всего – в действии».⁷⁷

Сегодня человечество пока еще мало приблизилось к такому пути и соответственно к покаянию, до которого остался ещё не один шаг. Сделаем их, и впереди – просветление благодати. Пока же его разнонаправленные, нередко бессмысленные и опасные действия больше всего определяют несправедливостью и жестокостью, а ненависть все еще отдаляет от самоотверженной и творческой любви, которая может и должна в конце концов воплотиться в действия каждого из нас. И тут без влияния и помощи нанотехнологий – никуда.

Глава XIX. Наносоциология: очередное семантическое упражнение или неотвратимый вызов времени

1. Кризис социологии и дифференциация современного социологического знания

Еще во время создания научно-исследовательского Центра нанотехнологий БелГУ я серьезно задумался о влиянии этого бесспорно решающего направления на социально-классовую структуру общества и изменение качества жизни людей. По мере ознакомления с материалами различных эвристических форумов у меня все больше и чаще возникали вопросы о состоянии современной социологии и ее возможностях улавливать, отслеживать и обобщать новые явления жизнедеятельности современного человека и общества.

К сожалению, в условиях перманентных кризисов и переходного периода наша наука оказалась в обозе тех, кого можно причислить к сегменту пропущенных возможностей, а попросту отстающей и не отвечающей на вызовы времени, о чем частично освещается в ранее написанном специальном параграфе и других разделах монографии. Тем не менее, считаю необходимым более детально, со ссылками на авторитетные точки зрения дополнить изложенное рассуждение о наболевшем наиболее актуальным контент-анализом. Буду делать как раз то, где не всегда можно распознать мою точку зрения и мой творческий почерк. Зачтем это как начальный этап моей будущей монографии.

Кризисные ощущения и предчувствие прорыва к новым горизонтам социологического знания присуще как отечественным, так и зарубежным социологам. Мы являемся свидетелями кризиса принципиальных парадигм знания и политического действия. «К кризису структурного функционализма и позитивистской философии ныне прибавился кризис либерализма, социал-демократии, коммунизма, революционного национализма и неолиберализма», – пишет профессор Независимого национального университета Мехико Пабло Гонзалес Касанова. Логично добавить: к сожалению, кризиса не наблюдается только в коррупции, терроризме и экстремизме. Эти явления на подъеме, чего нельзя сказать об их осмыслении.

О проблемах западной социологии и предсказанном А. Гоулднером⁷⁸ кризисе говорят и пишут сегодня многие исследователи. Есть мнение, что для определения того состояния, в котором находится современное обществоведение, больше подходит термин «мутация», нежели «кризис». ⁷⁹ Э. Гидденс считает более точным термин «упадок». ⁸⁰

Кризис социологии, считает Ж.Т. Тощенко,⁸¹ проявляется в том, что снова подвергнуты сомнению многие исходные ее положения. Высказываются предположения о новом этапе истории социологии: Д. Калекин-Фишман развернуто аргументирует тезис, что «иная социология» не просто возможна, но находится в процессе становления.⁸²

А.А. Давыдов полагает,⁸³ что в настоящее время наша наука находится в затяжном кризисе и уверяет, что проект, выдвинутый ее основоположником О. Контом, согласно которому социология – это наука об обществе в целом, которая обобщает теории и эмпирические данные различных социальных наук, не реализован.⁸⁴ В результате современная социология по сравнению с такими дисциплинами, как экономика и право, до сих пор выглядит аутсайдером. Для выхода из застойного теоретико-методологического, а возможно и эпистемологического (что еще страшнее) кризиса необходимо переходить к широкому использованию методов системного моделирования, интегрируя их с другими научными дисциплинами, в числе которых глобалистика, урбанистика, регионалистика, социальные технологии, опирающиеся на системный подход.

Современная социология испытывает «кризис представлений». ⁸⁵ Он выражается в неадекватности подходов применительно к исследованию эпохи перемен сегодня. Методология изучения, ведущая свое начало от классических подходов социальной теории, обнаруживает свою несостоятельность при анализе неравновесной и неустойчивой природы современных социальных структур. Возникают неудобные вопросы, ответы на которые предстоит найти на основе выработки новых представлений о характере «текущей современности». ⁸⁶

А В.С. Карпичев⁸⁷ считает, что современная социология переживает кризис мнений. «Основанная преимущественно на мнениях, в силу того, что мнения в значительной мере формируются СМИ и являются результатом манипулирования сознанием, социология становится поневоле «наукой о заблуждениях». Не вдохновляет и уровень социологической подготовки, и качество диссертаций, и прикладных исследований, некоторые из которых явно построены по принципу «чего изволите?». Социология как научная дисциплина переживает все перипетии современного кризисного социального знания. Это позволяет вынести на обсуждение идею о возможности социологии неравновесности (социологии неравновесных систем и процессов), адекватной угрозам и вызовам XXI века, новым реалиям, опирающейся на опережающее отражение социальной действительности». ⁸⁸

Выход из кризиса европейские социологи видят в новой предметности, отражающей социальные отношения новой, турбулентной эпохи. Об этом размышляет Дж. Урри в своей недавней книге. ⁸⁹ Он предлагает расширить предмет социологии, включив в него мир объектов,

технологий, машин и природных сред, в том числе климатические изменения, поскольку социальный и физический миры тесно переплетены, а их противопоставление – скорее идеологический конструкт, который необходимо отбросить.⁹⁰

Пораженный кризисом мир нуждается в обновленной социологии, возможно, даже больше, чем это требуют экономические или политические сферы. Чарльз Лемерт⁹¹ рассматривает социологию прежде всего как особый тип практической, моральной мудрости. Социология – это то, каким образом люди пытаются понять внутренние тайны социальной жизни вопреки охватывающим ее структурам современного мира. Все профессиональные социологи строят или должны строить теории, исходя из фундаментальной попытки измерить самого себя в этом структурированном мире. По нашему мнению, это главный методологический ключ нашей науки, которым, к сожалению, многие коллеги ещё не умеют пользоваться в должной мере.

Касаясь кризиса в социологии, Р. Вега⁹² утверждает, что в социологии это понятие играет важную роль при артикуляции ее исторического видения и идентичности. Настоящий смысл состоит в том, что кризис является лишь частью интеллектуальной истории социологии, но отнюдь не важным теоретическим понятием. Это особенно верно с момента прогрессивного подъема правого крыла модернизма и неолиберальной глобализации в период 1980-х годов и «пост-идеологического консенсуса» после 1989 г., когда аналитические возможности теории кризиса были заблокированы и кризис стал исчерпанным понятием. Особенно подробно Р. Вега обсуждает пределы теории глобального общества риска в качестве мейнстрима и программы исследований в современной социологии. Однако глобальные события последних лет показывают, что ряд учёных и целые институты явно поторопились с выводами и им не помешает обратиться к пророческим суждениям П.А. Сорокина.

Н.Н. Козлова полагает, что создается новый тип социальной теории, который можно назвать постклассическим либо постсовременным. «Произошло переосмысление самих представлений о социальном порядке, о способе, каким он может быть понят и объяснен». На первый план выступает изучение социальной повседневности – обыденного мира людей. «Сама природа объекта, который изучает социология повседневной жизни, как бы «изнутри» меняет отношение исследователя к тому, что он знает, к самой идее познания социального мира».⁹³ Позиция социолога «изнутри» изучаемой реальности с неизбежностью порождает специфическое видение самой реальности, которое неизбежно приводит к субъективации объекта исследования и объективации познающего субъекта. Как считает Ж.Т. Тощенко, «среди социологов XX века направленность на интеграцию объектив-

ного и субъективного компонентов стали разделять все больше представителей».⁹⁴ Не без удовлетворения отмечу, что практически стараюсь следовать советам своего научного наставника, в том числе и в данной монографии.

Социологическая теория, полагает А.Ф. Филиппов, это способ взглянуть на общество, не покидая его, как бы со стороны, взглядом наблюдателя, а не участника социальных событий. Социология, как свидетельствуют ее история и особенно современность, – это не монопарадигмальная, а полипарадигмальная наука. Полипарадигмальность обеспечивает разносторонность социологических исследований, создает возможность рассмотрения одного и того же явления в разных аспектах, обнаружения в нем многих граней.⁹⁵ И это достигается только через высочайший профессионализм социолога, способного прежде всего понять и полюбить одинокий человеческий голос, услышать и увидеть в нем всё многоцветие и многогранность жизни. Особенно важно это в отношении женщин, чей голос управляющие миром мужчины стараются не замечать или делать вид, что они ему внимают. Между тем, явление женской оппозиционности, когда на мужское «да» следует женское «нет», остается малоизученным даже на бытовом, не говоря уже о политическом и управленческом уровнях, куда женщин допускают строго по ограниченным квотам как дополнение к уже имеющейся массовке поддержки власти.

Мне в последнее время часто приходится общаться с тремя женщинами – Светланой Алексиевич, Ольгой Седоковой и Ириной Прохоровой. Конечно, через тексты их выступлений, интервью и статей. Невольно подумалось: какую пользу стране, народу могли бы принести они будучи включенными в специальный государственный совет женской экспертизы, где бы они в открытых телерадиорубриках выражали своё мнение по важнейшим общественным проблемам и способам их разрешения. Само собой разумеется, обязательная пропорциональность выборов женщин во все представительные органы власти. Только тогда мы бы смогли приблизиться к полноценной социологии общества.

Почему сегодня заявляется наносоциология, какое место она займет в социологической науке? Это вопросы того же ряда, какими в свое время задавался И. Кант: о возможностях познания и возможных априорных синтетических суждений? Ответы на них требуют вдумчивого, методологического анализа всей сущности социологического познания, рассмотрения места социологии и наносоциологии в системе научного знания, мировоззренческих сдвигов в современной науке, смены картины мира, формотворчества и возникновения новых отраслей социологии, изменения внутридисциплинарной матрицы её предмета, а значит критериев классификации социологического знания и причин появления новых социологических отраслей.

Современная социология подразделяется на множество исследовательских отраслей, отражающих как социальную реальность, так и интересы социологов. Отрасль – крупное тематическое направление, вбирающее в себя исторически сложившееся разделение труда в научном сообществе.⁹⁶ Одну из первых, если не самую первую, классификацию отраслей – в форме классификации публикаций в социологии – предложил в очередном томе «Социологического ежегодника» за 1902 г. Э. Дюркгейм. Им были выделены следующие подразделения общей социологии: социология религии, юридическая и моральная социология, криминальная социология и моральная статистика, экономическая социология, социальная морфология, эстетическая социология, технология, язык и война. Для сравнения Дюркгейм привел классификации, опубликованные в немецком и итальянском социологических журналах. Немцы выделяли массовую и индивидуальную психологию, медицину и гигиену, социальную историю и социальную юриспруденцию, эстетику, язык, образование, социальную философию и социальную этику. В отличие от них итальянцы предпочитали говорить в этом случае о политике, социальной психологии и демографии.

Особенно быстро росло количество отраслей в активно формирующейся американской социологии. Достаточно сказать, что типичная программа Американской социологической ассоциации (АСА) включала статьи по 40 областям. В конце 1990-х годов Международная Социологическая Ассоциация насчитывала около 50 исследовательских комитетов плюс рабочие группы (будущие исследовательские комитеты).⁹⁷ Национальный регистр перечислил 53 специальности внутри социологии. Если сегодня в нашей отечественной социологии насчитывается более 100 отраслей, то не меньше их, если не больше, в американской социологии.

Методологическое формотворчество – возникновение новых отраслей и тематических областей – продолжается и сегодня. Можно даже сказать, что в наши дни оно идет даже более активно, чем в любой другой период истории социологии. Под методологическим формотворчеством в данном случае надо понимать процесс оформления крупных тематических кластеров или теоретических ареалов социологического знания в самостоятельные отрасли и направления, т.е. придание этим кластерам самостоятельной организационно-предметной формы. Примеров формотворчества можно привести очень много.

В своей последней книге⁹⁸ Р. Коллинз «выстроил» новую дисциплину, название которой и вынес в титул книги: социология философии. Эта дисциплина является дочерней по отношению к социологии науки. Если последняя сосредоточена на современности и редко нисходит даже до XIX в., оставляя прошлое другой дисциплине – истории науки, то социология философии по Р. Коллинзу – это прежде всего

социология интеллектуального развития на протяжении большой исторической длительности. Главным предметом исследования являются не учения и не философы, а сети личных связей между ними, как вертикальные (учитель – ученик), так и горизонтальные (кружки единомышленников, соперничающие между собой). На основе изучения множества биографических источников учёный выстроил несколько десятков сетевых карт-схем личных знакомств между философами и учеными для всех рассмотренных им традиций. Этими картами охвачено 2 670 мыслителей. Громадность эмпирического материала не подавляет, поскольку он осмыслен в единой стройной теоретической схеме.⁹⁹

Как отмечают специалисты, возникновение новых отраслей в социологии далеко не всегда обусловлено потребностями самой науки. Гораздо чаще побудительным стимулом служат те или иные социальные проблемы. К примеру, в советское время господствующей темой официальной идеологии и общественного дискурса служила трудовая тематика – превращение труда в первую жизненную потребность, построение материально-технической базы коммунизма, социалистическое соревнование. Соответственно на первый план выдвинулась социология труда. А в 1990-е гг. страну поразил глобальный кризис, ВВП сократился во много раз, цены выросли, а жизненный уровень населения упал, усилилась бедность и безработица. Отечественные социологи начали активно изучать вопросы имущественного расслоения общества, проблемы социального неравенства, включаемые в тематическое направление социальной структуры, о которых при социализме никогда не говорили. Стали формироваться новые отрасли – экономическая социология, социология бедности, социология миграции и др.

Среди отраслей социологии сегодня можно назвать следующие: аграрная социология, индустриальная социология, политическая социология, социология труда, социология искусства, социология города, социология культуры, социология медицины, социология науки, социология образования, социология организаций, социология права, социология религии, социология семьи, этносоциология, социология профессий, социология спорта, социология молодежи, экономическая социология, социология знания, социология воспитания, социология пенсионеров, социология чтения, социология быта, конфессиональная социология, социология культуры и досуга, социология книги, пенитенциарная социология, социология международных отношений, юридическая социология, социология мира, институциональная социология, педагогическая социология и десятки других. Хорошо, что они еще поддаются дифференцированному учету.

К новым направлениям в мировой социологии ныне относятся следующие: гендерная социология, инвайронментальная социология, некросоциология, визуальная социология, социология коррупции, ки-

берсоциология, социология фирмы, социология компьютеризации и программирования, социология информатики, банковская социология, когнитивная социология, социология постмодерна (постмодернистская социология), социология риска, социология глобализации. Причиной дифференциации научных знаний и появления новых отраслей может явиться потребность более глубокого изучения какой-то конкретной темы, на которую раньше ученые не обращали внимание и которую прежде помещали в общий список научной тематики, без спецификации. Некоторые термины обозначают подотрасли науки, другие обозначают тематическое направление, теоретическое течение, небольшую, нередко совершенно крошечную, область знания, известную двум-трем специалистам, а некоторые и вовсе служат теоретической метафорой.

Дифференциация современного социологического знания, т.е. разделение, размножение отраслевых социологий, обусловлена естественным для любой области человеческой деятельности, в том числе научного труда. Процесс дифференциации и специализации научных знаний неизбежно оборачивается увеличением числа отраслей, суботраслей (субдисциплин), направлений и школ внутри социологии. Так, в рамках экономической социологии следует различать социологию труда, социологию занятости и безработицы, социологию рынка, социологию банков, социологию менеджмента, социологию организаций.

2. Закономерности возникновения новых отраслей социологии

Социология как наука об обществе должна отвечать на вызовы, которые ей оно бросает. Вызовом надо считать крупную социальную, экономическую, духовную или политическую проблему, потенциально или реально угрожающую существованию всего общества, способную вызывать дестабилизацию какой-либо его сферы или общественного института, послужить тормозом для дальнейшего прогресса общества, наконец, стать причиной глубокого кризиса в обществе. К примеру, последствия аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. вызвали к жизни две новые отрасли – социологию катастроф и социологию риска.

Углубление мирового финансового кризиса 2008-2012 гг. активизировало деятельность специалистов в сфере социологии кризисов и кризисологии. Рост молодежных субкультур в 1990-е годы и снятие идеологической цензуры позволили социологам сформировать самостоятельное направление, связанное с изучением социологии субкультур. Волна цветных революций конца XX – начала XXI веков, а затем цепь арабских революций 2010-2013 гг. обострили интерес мировой общественности к социологии революций, теоретико-

методологические основы которой в начале XX века заложил П.А. Сорокин.

Несколько десятилетий назад вызовом обществу стали информационные технологии, распространение которых неизменно изменило архитектуру социальных отношений, формы и модели социального взаимодействия людей, стимулировало развитие социальной инфраструктуры общества, революционно повлияло на дальнейший научно-технический прогресс и развитие технологий. При этом информационные технологии – исключительно техническое изобретение. Это не обострение бедности или социального неравенства. Тем не менее, они вызвали крупномасштабные социальные изменения и повлияли на образ жизни больших масс людей.

В разных странах возникновение новой отрасли социологии может происходить в разное время, часто с определенным запаздыванием. Проблемы рабочего класса, городской преступности, бедности и нищеты европейские социологи изучали в середине и конце XIX в., в США – в начале XX в. (Чикагская школа), в России – в середине XX в. (социология рабочего класса) и в конце XX в. (преступность, бедность и нищета). Если в СССР в 1970–80-е гг. активной отраслью являлась социология труда (индустриальная социология), то в США и Западной Европе эта отрасль уже ушла на второй план, так как эти страны перешли в постиндустриальную фазу развития.

В 1990-е гг. в России активно заявляет о себе экономическая социология и сегодня она является ведущей отраслью (одновременно популярна социология менеджмента). Но в США расцвет этих дисциплин приходился на 1950–60-е гг. XX в. Еще один пример: в России, в отличие от стран Запада, давно прошедших период модернизации, развивается именно этническая социология, а не социология рас. Таким образом, количество и список отраслей национальной социологии, уровень их развития и время появления отражают движение страны по пути технического и социального прогресса.¹⁰⁰

Зададимся вопросом: может ли служить критерием классификации социологических отраслей или выступать реальной причиной их появления метод исследования? В социологии, как известно, применяются такие методы исследования, как анкетирование, интервью, анализ документов, наблюдение и эксперимент. Что из этого списка является родным для социологии, т.е. присуще только ей? Анализом документов широко и раньше стали пользоваться историки. Эксперимент пришел в социологию из физики и психологии. В целом метод опроса пришел в социологию из социальной статистики. Напомним, что перепись населения, которая происходила со слов респондентов, применялась еще в античные времена. Статистическо-опросные исследования в Англии, Франции и Германии проводились еще до того, как О. Конт в 1838 г.

ввел в обиход термин «социология». Невключенные и включенные наблюдения давно применяют педагоги и антропологи.

Причиной возникновения новых отраслей могут послужить успехи естествознания, в первую очередь физики и биологии, которые открывают новые сегменты реальности и создают новые инструменты познания. Так, в последнее время стали говорить о таких отраслях знания, как квантовая психология, нанопсихология, наноэкономика, нанонаука и т.д. На возникновение новых тематических направлений и разделов науки может воздействовать изменение мировосприятия человеком окружающего мира, развитие человеческой личности и ее духовного мира.

В начале XXI века мы стали свидетелями появления нового кластера теорий и практик такого рода, в том числе психологических тренингов: психодрама, телесно-ориентированные тренинги, НЛП-тренинги, тренинги самосовершенствования, тренинги социальных взаимоотношений, гештальт-тренинги, Эрхардовские семинар-тренинги, тренинги личностного роста и бизнес-тренинги, ауто-тренинги и тренинги по развитию сверхспособностей и др.

Рождению самостоятельных отраслей знания могут послужить новые аппаратные средства исследования. Скажем, распространение телефона не привело к появлению телефонной социологии, однако употребление фотоаппарата и видеокамеры послужило причиной рождения новой области – визуальной социологии. То же самое можно сказать о формировании компьютерной социологии, киберсоциологии, онлайн-социологии.

Поводом к названию тематического направления отраслью социологии, как показывает проведенный нами анализ Интернет-источников, может быть практически все, что угодно, в том числе авторское желание и фантазия. Никаких обязательных правил, официальных стандартов или научно обоснованных требований не существует. Если кто-то считает, что должна существовать, скажем, социология любовного свидания или социология несостоявшихся встреч, он об этом прямо и сможет заявить. При этом не обязательно обосновывать необходимость или право существования новой отрасли. Новое имя пускают в оборот и ждут, приживется оно или нет. Если через некоторое время появляются другие исследования, авторы которых заносят их в реестр все с той же социологией любовного свидания, то это может означать, что рождение новой социологической отрасли состоялось. Научный рынок сам определяет, кому или чему жить, что будет востребовано обществом и что имеет право на существование.

Приведенный выше список отраслей социологии хоть и далеко не полный, но намеренно длинный потому, что он как раз подтверждает выдвинутый тезис: новое название может быть самым необычным, на

первый взгляд даже странным, но только время покажет, необходимо оно обществу или нет. Еще одной причиной возникновения новых отраслей знания может служить естественный для науки процесс расширения понятий, теорий и методов традиционных дисциплин. Родоначалниками и основателями новых областей знания могут стать выдающиеся мыслители, которые идут нетрадиционным путем и видят мир иначе, чем обычные ученые. Они способны пересмотреть сложившиеся подходы, развить и обновить существующие дисциплины, создать новые дисциплины. Примером может служить З. Фрейд, который создал новую отрасль в психологической науке, рассматривающую психические явления с точки зрения психоанализа. Или наш незабвенный П.А. Сорокин, обосновавший необходимость социокультурного анализа.

Поставленный выше вопрос – почему заявляется сегодня наносоциология, можно и даже необходимо переформулировать следующим образом: а как появляется любая другая наука в наше время? Приведем пример теоретико-методологического обоснования астросоциологии. В своей статье Е. Луценко, А. Трунева и В. Шашина¹⁰¹ так обосновывают претензии астросоциологии считаться новой областью в исследованиях науки: «По нашему мнению астросоциология является наукой, так как она:

- имеет свой специфический объект и предмет исследования: выявление и изучение взаимосвязей между астрономическими данными респондентов на момент рождения и их социальным, психологическим, психофизиологическим, физическим и медицинским статусом, а также использование знания этих взаимосвязей для прогнозирования и поддержки принятия решений;

- имеет свой метод и реализующий его программный инструментарий: в настоящее время это Автоматизированный системно-когнитивный анализ (АСК-анализ) и его инструментарий: Универсальная когнитивная аналитическая система «Эйдос», но в будущем, мы уверены, метод астросоциологии будет включать и другие математические методы и инструментальные системы искусственного интеллекта;

- позволяет открывать новые, ранее неизвестные знания непосредственно на основе анализа эмпирических данных и использовать эти знания для повышения эффективности достижения научных и прагматических целей».¹⁰²

Е. Луценко, А. Трунева и В. Шашина утверждают, что цели и задачи, объект и предмет исследования астросоциологии сходен с предметом астрологии, однако это уже не астрология, а наука, т.к. в отличие от астрологии, в ней используется современный естественнонаучный метод.

Таким образом, новые отрасли социологии возникают самыми разными путями и по самому разному поводу. Но всякий раз этот повод – не произвольное желание ученого, а объективная потребность самого общества. Если общество созрело до того, чтобы не замалчивать проблемы бедности, как это случилось в России в начале 1990-х годов, то появляется социология бедности. А до того, на протяжении 70 лет советской власти, ни общественность, ни компартия, ни социологи не были готовы разговаривать по этому вопросу. Появление новой отрасли знания, поскольку социализм и бедность теоретически несовместимы, попросту запрещалось, хотя в жизни таких явлений было предостаточно.

Возникновение нанотехнологий бросает вызов представителям всех наук, как естественных, так гуманитарных и социальных. Каждая из них по-своему отвечает на этот вызов: одни проводят новаторские исследования, изучая фундаментальные свойства материи, вторые конструируют невиданные приборы, материалы и технику, третьи исследуют воздействие новых видов техники на социальную структуру общества, восприятие и мнение людей, отношение к рискам и опасности. Наносоциология – это вполне назревший ответ социологов на технологические вызовы времени точно так же, как нанозтика – ответ философов на технологические угрозы и риски для менталитета, мировоззрения, понимания смысла жизни, на социальную ответственность изобретателей и политиков.

3. Предметное поле и статус наносоциологии

Вопрос возникновения наносоциологии переведём теперь в плоскость необходимости. Она нужна как самостоятельное тематическое направление – частная социологическая теория – наподобие социологии города или социологии молодежи, – имеющее собственный предмет исследования, круг вопросов, свод эмпирических находок и использующее традиционные методы социологического исследования. Пока традиционные. Только будущее покажет, какими приемами, техниками и методами эмпирического исследования она обогатится. Пополнят их и непосредственные продукты нанотехнологий.

Ряд специалистов полагает, что социолого-философская проблематика, связанная с анализом социокультурных последствий развития нанотехнологий, должна затрагивать следующие темы:

- трансформация информационного общества в общество знаний и нанотехнологий;
- общество нанотехнологий в контексте сетевой парадигмы;
- новая социология и экономика общества знаний, основанного на сетевых коммуникативных нанотехнологиях;

- становление новой реальности эпохи бифуркаций и нанотехнологий;
- проблема ценностей наномира как проблема трансгуманизма;
- интеграция знаний и технологий в контексте нанонауки;
- формирование рынка нанотехнологий как процесса создания новых уникальных ценностей.¹⁰³

Полагали бы целесообразным дополнить данный перечень следующими аспектами:

- освоение и развитие наномира в социально-технологическом измерении;
- проектирование и внедрение социальных и наносоциальных технологий.

Что предопределяет наноиндустрию, нанонауку, нанотехнику и нанотехнологическую революцию в качестве предмета и объекта социологического изучения? Они могут (либо должны) стать предметом исследования наносоциологии – отраслевого направления общей социологии – в том случае, если они: 1) влияют на социальную структуру современного общества, 2) связаны с фундаментальными социальными институтами общества, 3) определяют научно-технический и социальный прогресс общества (в прошлом, настоящем и, возможно, будущем), 4) решающим или существенным образом сказываются на состоянии социальных проблем современного общества, в том числе социально-экономическом неравенстве, и противоречиях современного общества, 5) улучшают или ухудшают качество жизни миллионов людей, воздействуют на условия жизни и образ жизни людей в разных странах; 6) связаны с формированием современной культуры или субкультуры общества, выступают их составной частью; 7) формируют общественное мнение и общественное сознание людей, определяя векторы их изменения и развития; 8) определяют модели массового поведения людей, воздействуя не только на верования, предрасположенности и стереотипы, но также на ценностную систему общества; 9) задают уровень социально-экономического развития той или иной страны.

Всем этим критериям в полной мере соответствуют наноиндустрия, нанонаука, нанотехника и нанотехнологическая революция, а потому они могут выступать в качестве предмета и объекта социологического изучения. В частности, нанонаука представляет собой фундаментальный социальный институт общества, а потому подлежит исследованию в рамках не только наносоциологии, но также в рамках социологии науки и социологии знаний. Они мобилизуют мощный потенциал своих наработок – понятийно-категориальную систему, совокупность данных эмпирических исследований и набор научных теорий для более всестороннего и глубокого изучения нанонауки как предмета и объекта социологии.¹⁰⁴

Помимо того, нанонаука, выступая сферой крупных государственных и частных инвестиций, одновременно служит сферой приложения труда, разновидностью рынка труда, источником доходов для самих ученых и членов их семей, а также явной и скрытой сферой привлечения мафиозных структур, приложения мошеннических схем, коррупционных механизмов, статусных амбиций, карьерных маршрутов и т.д. У других наиболее крупных объектов наносociологии – наноиндустрии, нанотехники и нанотехнологической революции – можно обнаружить не меньше аспектов и сторон, подлежащих обстоятельному социологическому анализу.¹⁰⁵ И не обязательно только с применением традиционных методов и технологий. Исследуя эти новые для себя области, социология наверняка откроет новые методы эмпирического исследования, теоретического анализа, создаст новые методологические основания.

Нанотехнологическая революция действительно произошла. В массовом масштабе и при небольших затратах сегодня изготавливаются такие продукты и технические устройства экстремально малых масштабов, которые по эффективности своего действия и позитивности результатов намного превосходят все то, что производилось при традиционных техниках и технологиях. А перспективы научных исследований еще более захватывающие.

Для социологов вопрос заключается не столько в осуществимости научных проектов и в позитивно-негативной оценке последствий внедрения нанотехнологий для бизнеса или науки. Вопрос заключается в их влиянии на образ и уровень жизни людей, т.е. на их материальное и духовное благополучие. И первый вопрос в повестке дня таков: насколько более дешевыми, а не только эффективными и доступными для широких слоев населения окажутся лекарства или бытовые приборы, созданные на основе нанотехнологий? Будут ли они дешевле традиционных? Если будут, то вслед за нанотехнологической наступит вторая революция. На этот раз социальная или наносociальная.

Нанотехнологическая революция, которая разворачивается не только в сфере материального бытия, но захватывает также духовное бытие людей, породила еще один важный объект социологии – нанокультуру. Если она касается нового стиля отношения между людьми и техникой, образа жизни и моделей поведения, то, несомненно, это нанокультура. Если же речь идет о научном сленге, порождаемых достижениями науки и техники надежд, ожиданий будущего, фобий и мифов, то мы вправе говорить о нано-субкультуре как выделенном фрагменте или сфере большой культуры. Хотя, разумеется, граница между ними трудно различима и четкую демаркацию могут провести разве что узкие специалисты. Возникшее в современном искусстве новое направление «наноарт» – явление большой культуры, а нано-

панк, как поджанр киберпанка, можно квалифицировать как проявление субкультуры.

Западные социологи выяснили, что «асимметрия власти» существует не только в обществе в целом, но также и в наноиндустрии. Она, в частности, выражается в лоббировании на правительственном уровне дружественных научно-исследовательских проектов, определении, какие учебные центры и в каких объемах станут осуществлять подготовку специалистов. Через СМИ властные субъекты и агентства навязывают выгодное им освещение социальных последствий нанопроизводства, направляют общественный дискурс в том или ином направлении.¹⁰⁶

А. Нордманн утверждает, что работа по поддержанию нанотехнологической «реальности» проводится не учеными, а «сторонниками, активистами, дальновидными политиками, специалистами, которые разговаривают с общественностью или приводят доводы в пользу будущих финансирований, – а также философами, специалистами по этике и социологами».¹⁰⁷ Исследование взаимодействия ученых, законодателей, политиков и общественности поможет социологам установить, как на самом деле формируется в развитых странах наносреда.¹⁰⁸

Разделение нового и старого также имеет важное значение для наносociологии. Если нано являются новой областью или дисциплиной, то они должны иметь новые практики, новые ценности, новые методы и так далее. Если это старое явление, то оно имеет историю, которая может быть открыта путем тщательных археологических работ. Не удивительно, что историки склонны защищать древний статус нанотехники. История, требующая дополнительных изучений, опирается на преемственность. Между тем, философы и специалисты по этике настаивают на том, что нано – это новый феномен, которому соответствует появление новой дисциплины, в рамках которой, следовательно, должна быть создана новая субдисциплина – «наноэтика», для развития которой необходимо выделение как интеллектуальных, так и материальных ресурсов. Примером служит биоэтика – область исследований, выросшая на пересечении биоинженерии и генетики. С тех пор она получила признание у политиков и в научных кругах как законная область знаний.¹⁰⁹

Каждый новый научный прорыв приносит с собой влияние на общество, поэтому социологические эффекты нанотехнологий неизбежны. Первый и самый естественный инстинкт общества состоит в превращении новых технологий в товарную продукцию. В этом смысле социологические эффекты нанотехнологий должны быть прежде всего экономическими.¹¹⁰ Самые новые технологии находят выход на рынок под множеством торговых марок. Изобретение компьюте-

ров привело к появлению широко известных ныне брендов Microsoft. Историческая социология учит нас, что побудителем номер один для человечества выступают деньги, они сопровождают и развитие нанотехнологии вплоть до возникновения nanoобщества, в котором скорее всего надобность в них исчезнет.

Пристальное внимание социологи должны уделить распространению продукции той отрасли нанотехнологий, которая непосредственно связана с милитаризацией и потребностями военного ведомства. Адаптация военной техники может по праву рассматриваться как барометр для общества в целом, поскольку то, как мы ведем себя на поле брани, часто служит главным показателем наших ценностей и верований. Общество – это эхо или ответ на военное поведение людей. Когда дело доходит до социологии, общественность предупреждает, что некоторые виды военных нанотехнологий могут представлять опасность для здоровья людей или способны привести к массовому загрязнению окружающей среды. Речь идёт о покрытии для военной техники, включая танки и самолеты-истребители, а также более мелкое оружие, разработанное с использованием наноматериалов, способных оказать вредное воздействие на людей.

В тематическое поле наносоциологии должны быть включены: НТР, глобальное общество, институционализация, нанодискурс, социальные технологии, трансгуманизм, нанокультура, нанэтика и др. Какое значение для общества может иметь нанотехнология? В чем состоит ее необходимость для людей? Как она влияет на изменение человека и общества в целом? Можно ли использовать потенциал нанотехнологии для решения «чисто социальных» проблем? Какие угрозы и опасности таит в своем развитии нанотехнология? На эти и подобные им вопросы, несомненно, должна ответить новая наука – наносоциология.

Наномир открывает новые горизонты познания: синергетика, энтропия, квантовые эффекты, междисциплинарное поле исследований, нанонаучная революция в терминах Т. Куна, nanoобщество и социальные последствия нанотехнологий для общества. Наносоциология возможна как новая отрасль общей социологии, входящая в кластер других отраслевых социологий, связанных с изучением науки, техники и технологии, но не как частная социологическая теория, которая предполагает существование единой системы теоретических представлений о предмете, изучаемом десятками, а порой и сотнями специалистов в данной области из разных стран.

Например, социология города в отечественной литературе нередко трактуется как частная теория. Но что общего между социологами города России, Великобритании и Индии? Ровным счетом ничего. Да и внутри страны между представителями разных поколений одной

специализации, скажем, между социологами города досоветского, советского и постсоветского периодов единства взглядов не существует. Нет единомыслия между представителями разных социологических школ и парадигм во взглядах на один и тот же предмет (объект) изучения. Да его в принципе не должно быть. Теоретическое единство хуже теоретического разнообразия и в большей мере тормозит развитие науки.

Таким образом, единственно возможный теоретико-методологический статус наносоциологии – отраслевой. Наносоциология – отрасль общей социологии, которая со временем, по мере расширения и углубления тематического поля, разделится на ряд суботраслей. Так происходит, по мере углубления научного разделения труда, со всеми социологическими отраслями.

Отрасль – это отросток от главного ствола дерева в свободное тематическое пространство. Таким вакантным местом пока еще являются нанотехнологии и их все возрастающее влияние на структуру общества и будущее всего человечества. Со временем, видимо, с каждым годом, молодой отросток станет утолщаться в стволе, т.е. будет расширяться количество эмпирических исследований и теоретических моделей. От него в разные стороны начнут отходить новые отростки. Ветвление – процесс, характеризующий все живое, начиная с деревьев и кончая наукой. Ветвление – математическое проявление фрактального принципа, а фрактал, как доказали современные ученые, есть универсальный алгоритм образования природы.

Какие отрасли социологии входят в общий тематический кластер с наносоциологией? Проблемами развития науки, техники и технологии занимаются – в большей или меньшей степени – следующие дисциплины: социология науки, социология техники, социология перспективной техники, социология риска, социальные технологии, социология инноватики, социальная инженерия, гуманитарные технологии, социальное управление, киберсоциология и социальная кибернетика, социология изменений, визуальная социология, нейросоциология и др. Общетеоретической платформой для развития наносоциологии служат: системный подход, синергетика, общая социология, менеджмент

Возможно, на втором этапе развития по мере обретения зрелости наносоциология будет отличаться не только своей тематикой, но и своими методами, которых нет или которые редко используются в традиционном наборе знаний общей социологии. Так происходит или уже произошло в нейросоциологии, где применяется электроэнцефалограмма (ЭЭГ).

Если провести параллели между наносоциологией и наноэкономикой, теоретико-методологическое и предметное обоснование ко-

торой в русскоязычной литературе дал член-корреспондент РАН Г.Б. Клейнер, то можно сформулировать следующее базовое утверждение: место наносociологии в системе научного знания, прежде всего среди разделов общей социологии, определяется положением и статусом ее объекта. Приведем полный фрагмент из статьи Г.Б. Клейнера: «... место нанoэкономикi в системе основных разделов экономической науки определяется естественным положением ее объекта – индивидуума – в системе экономических объектов.

Задача нанoэкономикi – объяснять и прогнозировать экономическое поведение человека, определять внутренние и внешние детерминанты и факторы его поведения в различных экономических ситуациях, в том числе – с точки зрения рациональности/иррациональности. Благодаря нанoэкономикe мы сможем выявить влияние деятельности отдельных физических лиц на поведение микроэкономических объектов – предприятий, домохозяйств, организаций, определить внутренние и внешние факторы поведения покупателей. В этом смысле нанoэкономикa естественным образом дополняет микроэкономикy и минoэкономикy. Соответственно, одна из органических тем нанoэкономикi – анализ возможностей мотивации и определение детерминант поведения работников и менеджеров предприятия (в духе, например, теории Х-фактора Х. Лейбенстайна)».¹¹¹

Изучение мотивации и особенностей поведения отдельных индивидов в рамках организации – это скорее предметное поле психологии организаций, индустриальной социологии, социологии организаций. Правда, сам Г.Б. Клейнер не только не отрицает близкой связи наносociологии с гуманитарными и социальными науками, но настаивает на этом как на базовом условии успешного развития нанoэкономикi: «Нанoэкономикa опирается на результаты психологии, социологии, истории, эргономик, аксиологии (науки о ценностях, т.е. значимости тех или иных объектов и условий для человека или социальной группы), менеджмента и других дисциплин, среди которых основную часть составляют гуманитарные».¹¹²

Думается, что российские и зарубежные ученые, в том числе К. Эрроу и Г.Б. Клейнер, по существу, определили методологически важный принцип, обозначающий место наносociологии в системе научного знания. Нанoэкономикa и наносociологiя – не просто близкие соседи, но даже родственные науки, занимающиеся социально-гуманитарными проблемами на самом низком из возможных для применения научного метода уровне, а именно на уровне отдельного индивида. Их взаимозависимость, взаимопроникновение и взаимодействие призваны всесторонне, вплоть до мельчайших деталей, высветить и изучить самые глубинные и тонкие механизмы созидательной деятельности человека. Достижения социальной психологии покоятся

на изучении малых групп, успехи современной экономики – на малом бизнесе, результаты же нанoэкономикi – на эффективности труда одного человека. Каким бы он не был и чем бы не занимался, он будет главным объектом исследования и управления.

Можно, конечно, до бесконечности дискутировать о том, существует наносociологiя или нет, и в каком статусе она существует. Обязательно найдутся ее сторонники и противники. Однако, судя по огромному числу социологических исследований в области нанотехнологий, в основном касающихся опросов общественного мнения, мы уже запоздали с ее признанием. Наносociологiя существует по факту. Причем не просто как еще одна отрасль общей социологии. Она формируется на пересечении многих других отраслей социологии, в том числе социологии науки, социологии технического прогресса, социологии информационного общества, киберсоциологии и т.д., а также на пересечении несоциологических областей знания – нанонауки, нейронауки, нейроэтики, нейросociологии, нейроантропологии, нанопсихологии, нанoэкономик, нанoфилософии и др.

Междисциплинарность – самая главная черта нанонауки. Об этом свидетельствуют все специалисты. Нанонаука – символ организации науки XXI века. Ее стандарты и идеалы распространяются и на другие сферы знаний. Междисциплинарность как отличительная черта современной социологии и обязательная характеристика наносociологии постепенно превращается в трансдисциплинарность и становится её новым исследовательским пространством.

Вместе с тем наносociологiя – совершенно необычное поле знания, поскольку она рождена новым типом научно-технических революций – нанотехнологической революцией. Специфика нанотехнологий состоит в том, что они нацелены не только на изменение технологического ландшафта, но также на конструирование социального мира, что выражается в спектре возможностей ее применения. Современные компьютерные технологии и интернет меняют не только характер производства (автоматизированные и гибкие системы), но и создают новые связи в отношениях людей через социальные сети. Наносociологiя должна рассказать о том, как нанотехнологии преобразуют общество, она призвана проследить последствия других технических изобретений.

Мы становимся свидетелями формирования нового типа мировоззрения – наномировоззрения. И мимо этого факта социология пройти не может, но, становясь наносociологией, сама превращается в результат действия нового типа мировоззрения. Действительно, научная революция, пришедшая к нам вместе с нанотехнологиями, связана с проникновением в такие глубинные слои строения вещества, которые прежде, например, в период индустриальной революции или инфор-

мационной революции, были недоступны. Нанотехнологии отличаются от традиционных способов изготовления материалов, созданных на макроуровне, возможностью использования свойств различных веществ на молекулярном и атомном уровне. Социология среди прочих проблем должна изучать то, как изменяется понимание реальности современным человеком под воздействием нанотехнологий.

Наномировоззрение – это взгляд на мир с точки зрения малых величин, понимания революционной роли малых значений в природе и в обществе, а вслед за этим и как следствие этого – понимание сложности и неравновесности социальных систем, самопорождения и самоорганизации, социальных превращений и т.д. Фокус зрения – бесконечно малая величина. Роль отдельной личности в истории нередко перевешивает роль народных масс или действия толпы, а мельчайшие эмоции во внутреннем мире личности часто становятся причиной глубоких трансформаций психики, масштабных изменений сознания и поведения, которые, как известно, нередко трансформируются в массовые.

Классическая рациональность и классическая наука покоятся на математической статистике и законе больших чисел, кривой Гаусса и т.п. Постнеклассическая и постмодерная философия – на философии малых дел и малых величин. Оказывается, именно они играют определяющую роль в организации мира. Чем крупнее объекты, тем в меньшем числе они представлены. Самый масштабный среди них – Вселенная. Она в единственном числе. Люди занимают середину шкалы-пирамиды величин. Ниже нас открывается все большее число и большее разнообразие малых объектов и малых величин: микробы, вирусы, молекулы, атомы, нанообъекты, элементарные частицы, бозон Хиггса и т.д. Большое состоит из малого и создается из них как из своих строительных блоков. Вот почему первых всегда будет меньше, чем вторых.

В последние годы взгляды научного мира на бесконечно малые величины сильно изменились. Живое существо способно умереть от малой дозы мышьяка или другого яда, испарения молекул ртути. Роль человеческого фактора представляет собой чаще всего грандиозные последствия от неправильно принятого за долю секунды управленческого решения или микродействия. Например, лётчик на секунду отвлекся от показателей прибора и проглядел важное предупреждение о грядущей катастрофе лайнера. Старея, наши тела разрушаются на микроуровне. На войне чаще гибнут от гангрены, вызываемой действием невидимых микробов, попадающих на раны во время удара меча, пули или осколка, несвоевременной врачебной помощи, грязных бинтов и т.д.

В своих трудах Дарвин показал силу бесконечно малых величин на том, как собаки берут след лисы или выслеживают человека по за-

паху. Чувствительность собаки на запахи в 40 раз превышает человеческие способности, поскольку она способна анализировать гораздо более мелкие частицы воздуха, чем мы. Бесконечно малые дозы лекарства используются в гомеопатии.¹¹³

Возьмем вышеприведенный в нашей монографии пример необычной мировой войны человечества с бактериями. Если сегодня она носит чисто истребительный характер по принципу «Кто кого быстрее уничтожит», то в условиях наномира ситуация кардинально поменяется. Она постепенно будет принимать правила взаимодействия и сотрудничества, основанные на технологиях регуляции и саморегуляции. Инструментальные же функции будут выполнять различные наноустройства, в том числе и помещенные внутрь человека.

Оппонент и читатель могут насторожиться – не превратится ли сам человек из живого, естественно-природного существа в призрак умной машины с заданным программированием, регулированием и т.д. Не получится ли из него как раз тот придаток машины, о чем предупреждал Норберт Винер? И это совсем не напрасное опасение. Здесь все будет зависеть от человека, собственно, так же, как зависит и сегодня, в информационно-технологическую эпоху, и точно так же, как вчера. Любой из нас мог стать рабом своего мотоцикла или автомобиля, а теперь влёткую, незаметно превращается в винтик, полностью зависимый от компьютера, с которым он работает, ест, спит, отдыхает и прочее.

Вся прелесть нанотехнологий заключается в том, что они же могут стать и надежными профилактическими инструментами, предупреждающими, предостерегающими и охраняющими человека на дальних подступах от таких опасных проявлений. И все это должно быть разложено на самых маленьких, бесчисленных полках его сознания, мировоззрения и поведения.

Наномировоззрение – это сверхзадача, требующая изучения со стороны социологии, и вместе с тем объективная основа развития современного человека. Тонкая структура определяет конструкцию Вселенной, синергетический эффект – нелинейность, сложность, саморазвитие, социальная энтропия – влияет на формирование человеческого общества. Нанотехнология позволяет осуществлять манипуляции с отдельными молекулами и атомами, но позволяют ли они манипулировать отдельным индивидом и его сознанием и поведением на молекулярном уровне? Наука пока не нашла инструментальной базы для ответа на этот вопрос, но мы приближаемся к пониманию того, что её создание невозможно без наносоциологии и других наук.

С помощью передовых достижений мы должны найти, выработать, испытать и внедрить совершенно новые наноиндикаторы социологического измерения жизнедеятельных процессов человека и

общества. Нет, они не придут к нам во сне, как таблица Менделеева. Их появление возможно только по ходу социально-технологического осмысления и освоения наномира каждым человеком, готовности к воплощению в свою жизнь его неотвратимо нарастающих реалий. Здесь важно, чтобы превращение социологии в наносоциологию сопровождалось перенацеливанием её традиционно-ведомой, пост-фактумной функциональности на опережающие алгоритмы.

Было бы наивным полагать, что кто-либо из современных специалистов, в том числе и автор данной работы, может четко себе и окружающим представить специфику наносоциологии. Это невозможно сделать хотя бы потому, что мы еще учимся различать только отдельные контуры самого наномира, осваивать его первые шаги по земле. Но то, что наносоциология впитает в себя совсем другие функции, инструменты, технологии, процедуры и методики, станет несомненным отличием её от того, на чем стоит современная наука.

Можно только предполагать невероятно многогранные свойства и признаки ее динамичности, синергетичности и междисциплинарности, оснащенных невиданными, фантастическими техническими устройствами. Наш привычный респондент – живой человек, минуя всякие выборки, анкетирования, опросы, интервью, окажется в буквальном смысле частью всеохватывающего наносоциологического процесса, который будет непрерывно сопровождать его жизнь. И это не будет подобием подопытному животному – такая интеграция науки и жизни человека станет свободной, добровольной, скажем, как то же страхование, элементом его культуры и одновременно здоровьесбережения, чему будут соподчиняться и основные функции управления общественными процессами. Наносоциология выйдет за пределы науки одного дня или момента жизни и превратится вместе с другими отраслями знаний в системное, непрерывно действующее средство всеохватывающей социокультурной динамики общества.

Нанотехнологии в широком смысле – это наука управления и перестановки атомов и молекул для создания полезных устройств. Нанометр – волшебная величина, при которой созданные человеком приборы могут управлять отдельными атомами и молекулами. В основе всего, начиная от прочности, сверхпроводимости и оптических свойств, лежит атомная структура, которую можно изменить. Сам человек, его продукты питания, одежда, средства по уходу за телом – все состоит из атомов. Зная как управлять атомами, мы можем изменить окружающий нас мир и самих себя, но только с одним, главным и решающим условием – не разрушая природу и её всеохватывающий баланс и гармонию во Вселенной. А изучить данный процесс поможет включённость в него человека и наносоциология. Вперёд, ребята!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о выводах по социально-классовой структуре современной России в пророческом зеркале всеобщей системы организационной солидарности П.А. Сорокина

Вот и настал черёд подвести итоги вышенаписанному. Напрашивается, прежде всего, ответ на недоумение читателя, почему в столь просторном тексте не нашлось места параграфу о характеристике социально-классовой структуры современного российского общества. Он очень прост. Во-первых, его построение идёт в определенно-историческом порядке возникновения и выхода на общественную арену каждого из тринадцати изученных классов с неизменным описанием их места и роли в происходивших и происходящих социально-экономических процессах, хотя выстроить строгую последовательность здесь невозможно. Во-вторых, мне хотелось постоянно что-то не досказывать, даже если всё уже было продумано, не развивать, оставляя резервы для молодых исследователей.

Кроме того, никто ведь не отменял возможностей читателя самому сделать обобщения и выводы в целом по исследуемой теме. И всё же несколько итоговых срезов хотелось бы показать в авторском исполнении. Прежде всего заметим непривычно расширенный характер современной социально-классовой структуры, но данная дифференциация не является избыточной, так как отражает реальность нынешнего состояния общества, весьма далекого от устойчивости, стабильности и рационального движения в сторону его гармоничности.

Его динамика по-прежнему выкрашена в регрессивно-негативные тона и полутона тех процессов, которые происходят в различных сферах жизни, причем, без сколько-нибудь заметных изменений в лучшую сторону. В условиях, когда на большинстве направлений развития страны многое ещё не доделано, не доструктурировано, не домодернизировано и не дореформировано, половинчатость и противоречивость, продвижение вперед и откаты назад не дают возможности обществу в целом стать на траекторию саморазвития и самосовершенствования.

Всё это побуждает как классы в целом, так и их отдельные составляющие маневрировать, менять свои позиции и активно переходить из одного состояния в другое, устанавливать специфические отношения друг с другом на корпоративном и межличностном уровне, игнорируя законы и нарушая различные официальные предписания. В результате получается, как говорят в народе, ни то, ни сё. Вроде бы

ушли от одного специализма, а тут же попали в другой, с еще более непредсказуемыми перспективами.

Такая теперь уже многолетняя, чрезмерно затянувшаяся маргинальность многочисленных слоёв населения не создает обнадеживающих предпосылок, способствует зарождению и утверждению весьма драматических и даже трагических парадоксов. Один из них уже выделен многими исследователями. Люди, никогда не жившие и не испытывавшие всех прелестей свободы и демократии, владения и совладения собственностью, независимых судов и прессы, самоуправления, выборности, подотчетности и сменяемости по их воле всех уровней власти, обязательно представляющих основные слои населения, приоритета прав личности и других достоинств гражданского общества, столкнувшись с их суррогатами и фарисейством, во всем обвиняют демократическое устройство, призывают к тираническому правлению, превратив его в символ порядка и справедливости.

Словом, социальное самочувствие общества сегодня находится на такой черте неблагополучия, когда любые, даже самые убедительные и аргументированные попытки доказать, что оно уже преодолело точку невозврата в самоубийственное состояние вековой давности, выглядят преждевременными. И, как и в далеком 1917 году, вся ответственность за это лежит на господствующих классах, на их реальном осознании своей незаменимости и успешности, способности где надо промывать мозги, закамуфлировать остроту противоречий, кого надо подкупить и запугать и, наконец, применить силу для защиты своей власти. Всё это уже было пройдено, испытано и выходит на новый круг явно бессмысленно.

Много размышлял об этом и П.А. Сорокин, который обосновал необходимость применения в обществе социальных докторов, то есть людей более знающих, подготовленных и вооружённых рациональными рецептами. Его открыто критиковал В.М. Чернов, упрекая в наивности. Мы же не будем столь строги и взыскательны к Учителю. Ведь в двадцать с небольшим лет, работая над своим первым фундаментальным трудом «Преступление и кара, подвиг и награда»,¹¹⁴ он сам был по сути ещё учеником и только делал первые шаги на пути к постижению таинства учительствования и пророчества, впоследствии так ярко осветивших социологический небосклон.

Не важно, кто и как стал применять на практике социальных докторов, главное – великий Ученый правильно уловил основной ход исторических событий. По привычке, перед взором сразу возникают социальные революции, но, Боже, сохрани нас от них! Пророк ведь исповедовал исключительно социокультурные смыслы жизни, в том числе и социально-культурную динамику и общественное устройство в виде интегрализма. Неслучайно в XX веке появилось очень много

социальных докторов, их число растёт и сегодня – востребованы. Кто их готовит и нанимает? – Собственники всего и вся. А для кого – для тех, у кого ничего не было, нет и скорее всего никогда не будет.

Собственники, а мы имеем в данном случае прежде всего классы принимателей, перепродавцов и номенклатуру, всегда боялись и будут бояться исторического вызова будущему их собственности, абсолютно точно зная и понимая, что оно висит на очень ненадёжном, порой очень истончающемся канате социальной несправедливости. Ради целей предотвращения краха сложившейся системы отношений собственности они поручают своим социальным докторам, в роли которых выступают чиновники, политики, учёные-философы, социологи, экономисты, юристы и другие, придумывать, разрабатывать различные рецепты социального примирения, партнёрства, оздоровления, солидарности и т.д. На выходе таковых – не сосчитать.

Но на одном из них, солидарном, уместно остановиться подробнее. Когда несколько лет назад по регионам России «загуляла» идея создания солидарного общества, повсеместно прошли семинары, совещания, конференции, начали разрабатываться специальные планы и программы, невольно подумалось: неужели нынешние социальные доктора читали раннего Учителя? Нет, конечно. О величественной перспективе охвата всего человечества одной системой организационной солидарности у П. А. Сорокина вычитали наши коллеги – социальные философы. Да и не только у него – схожие идеи будоражили умы лучших мыслителей с древнейших времён. Не сходят с уст они и поныне, только непонятно, почему чиновники выдают их за свою инновацию?

Хотя, наоборот, здесь все понятно – у них просто по мере развития номенклатурной карьеры исчезают и потом отсутствуют даже малейшие признаки стеснения, застенчивости или этических неудобств по поводу отстаивания своих классовых интересов. Они уверены, что можно с помощью различных манипуляций убедить людей, которые ничего не имеют и ничем из огромных пластов собственности не владеют, что они должны жить в согласии и быть во всем солидарными с теми, кто у них её отнял и теперь владеет всем. Ясно, на таком фундаменте ни одно построение не может рассчитывать на устойчивость и обречено на неудачу.

Однако не будем судить их за привычное, лучше снова обратимся к нашему Учителю, который ввёл в научный оборот даже целый исторический закон роста социально солидарных кругов, призванных стать главным критерием зрелости общества. Не вдаваясь в детали того, как данный закон работал ранее, взглянем на тех, кто живёт по нему сегодня в России. Проще говоря, представим наяву эти самые круги. Начнём, как и полагается, с ведущего класса – номенклатуры,

которая у нас по возрастному признаку рассматривается последней в перечне классов. В то же время она выдвигается на первую позицию по результатам создания самого мощного солидарного круга, даже, можно сказать, единственного в своем роде.

Кто в него входит? Только те, кого пригласили. Это прежде всего принимаемые, начиная от олигархов, и тех, кто находится на пути к достижению искомого статуса. На некоторой дистанции, больше и ближе к окраинам круга закрепился пока никем незаменимый класс перепродавцов. Частично в круге, а больше все же вблизи него обосновался криминал вперемешку с охранниками – куда же без них. Здесь же, неподалёку, находится и специально отобранный слой из класса специалистов. Это менеджеры, творческая богема и другие, кого нанимают для обслуживания разнообразных интересов круга. Все подступы к нему прикрывает почти семимиллионный межклассовый контингент силовых структур. Казалось бы, у такого господствующего круга есть всё: власть, деньги, собственность, сила и оружие. Живи и радуйся. Но есть у него и одна слабость – это ответственность за управление обществом. При любом промахе или неудаче, не говоря уже о системном провале, подвижность круга может принять такое центростремительное ускорение, что его прочность не выдержит, и он быстро развалится.

Двигаясь по нисходящей, рассмотрим следующую позицию – класса предпринимателей, который больше всего рекрутируется из специалистов. Несмотря на значительное численное превосходство над вышеупомянутыми категориями, для которых характерно рассредоточение по отдельным слоям или собирание в более мелкие круги по профессиональному признаку, и общечеловеческую надёжную репутацию в качестве среднего класса, предприниматели ещё очень далеки от своего солидарного круга. Их интересы разобщены. Одни находятся в услужении чиновников – забываемый зиц-председатель Фунт из «Золотого телёнка» никуда не исчез, более того, благополучно процветает и размножается в наши дни; другие – на службе у криминала и некоторых правоохранителей; третьи входят в принимаемый круг капитализма для своих со всеми вытекающими отсюда последствиями; четвертые – самые многочисленные и работоспособные – сами по себе организуются, пытаются самостоятельно выживать, развиваться и, естественно, неся издержки без поддержки, чаще и больше других угнетаются и пополняют ряды неудачников.

Приближая к себе своих и не подпуская даже на дальних подступах остальных, главный правящий круг номенклатуры, тем не менее умело и эффективно использует все группы предпринимателей. В политике – как союзников, в социальной и экономической сферах – как доноров. При этом всемерно не допускаются их сплочение, объединение

и консолидация для выражения и отстаивания своих интересов. Неслучайно, в 90-е годы почти каждый мало-мальски активный депутат Госдумы имел свой союз предпринимателей, регулярно их собирал, вовлекал в политические отношения. И сейчас такая практика продолжается с учётом видоизменяющейся обстановки и методов работы.

О рабочем классе. Беспощадно эксплуатируя на деле, а на словах произнося бесчисленные заклинания о его ведущей, направляющей и даже руководящей роли в правящей партии и в обществе, КПСС и её номенклатура хоть и менее одного процента, но допускала рядовых рабочих в состав своего Центрального Комитета. Заметно больше их входило в руководящие партийные и государственные органы на местах. Сейчас же таких представителей ни на одном уровне власти не сыскать днём с огнём. В связи с развалом экономики заметно поредели рабочие ряды, об их сплочённости, за исключением таких групп как шахтёры, металлурги и водители говорить пока не приходится. Всё ограничивается личными и корпоративными интересами сохранения рабочих мест и приемлемой зарплаты. Так что свой социально солидарный круг здесь не вырисовывается и тем более не соединяется с другими.

Наиболее сложное положение у крестьянства, остатки которого постепенно исчезают вместе с почти полным отчуждением сельских тружеников от средств производства. Если после коллективизации у крестьян была хотя бы гарантированная работа, а впоследствии даже зарплата, то в результате приватизации и последовавших затем холдинголизации и латифунтизации, что можно обобщить как очередное ограбление земледельцев, – многие совсем лишились права на труд в своих родных местах. Десятки тысяч сёл и миллионы людей оказались за гранью самовывживания. А ведь сельские поселения всегда были корневой системой государства российского, питая его соками жизни. Исчезни они и превратится страна в постепенно увядающее дерево без корней. Небольшим исключением в этом круге позиционирует фермерство, но по масштабам своего развития, без должной поддержки властей, за исключением тех, кто входит в систему капитализма для своих, оно не дотягивает даже до нижайших показателей других стран. И здесь больше проблем, чем успехов. Словом, на селе нынче не до жиру – быть бы живу, а уж о социальной солидарности даже думать зорно.

Ещё хуже насчёт солидарных отношений ситуация выглядит у отходников, охранников и люмпенизированной-порченных слоев населения, на которых власти всех уровней не обращают даже внимания. Не говоря о том, чтобы посчитать и учесть масштабы явления. Они забывают, что во всём мире главным критерием успешности управления любым регионом принято считать способность его руководителей не

допускать сокращения и создавать новые рабочие места. И только тогда число неблагополучных людей будет минимизироваться. Здесь не то что солидарный круг, а даже маленькие кружки в виде небольших временных коллективов являются редкими достижениями и к тому же далекими от стабильности.

Отсюда вытекает и социально-технологическая неизбежность в уточнении ключевого результата нашего анализа и ответа на главный сорокинский вопрос – на какой стадии формирования общества социальной солидарности находится сегодня Россия? Следуя методу Учителя, мысленно представим ее в виде крупного круга, на котором расположим небольшие круги, отражающие вышеназванные классы. Даже без специально начерченной схемы четко видно и понятно, что пометить солидарной краской можно только один господствующий круг во главе с номенклатурой. Остальные – белые пятна. Здесь даже внутренняя солидаризация находится почти на нулевой отметке. Складывается впечатление, и это видно невооруженным взглядом в повседневной жизни, что российское общество продолжает терять свои основные социальные ресурсы и пока не нашло точки опоры для их наращивания, а, следовательно, ещё не может войти в процесс формирования нового солидарного качества.

Нарисованная выше социально-классовая конфигурация вряд ли может вызвать положительное восприятие у любого думающего человека. А вот интересно, что бы о ней сказал П.А. Сорокин? В целом, он скорее бы одобрил поисково-дифференцированный подход к изучению классов современной России и сам бы пошёл таким же путём. Несомненно, одобрительно отозвался бы об авторской удаче сделать аналитическую ставку на коренной признак класса – собственность и её отношения, которые многие буржуазные социологи даже уровня известных мировых светил как-то задвинули на исследовательские задворки, лишь бы не быть похожими на марксистов.

А ведь по этому вопросу К. Маркс оказался прав, и это объективная реальность, данная нам в практике жизни. Другой подход, более оптимальный, просто сложно определить, хотя более молодые и пытливые исследователи, возможно, смогут опровергнуть данное суждение, доказав его наивность. Очевидно, Пророк скептически бы отнёсся к авторским обоснованиям наносоциализма как общества будущего, настаивая на приоритете духовных начал, но и не отвергая ключевой роли нанотехнологий в гармонизации интересов людей и социально-экономических процессов. Хотя его интегрализм – это явное преддверие наносоциализма, и доживи он до наших дней, наверняка смог бы поразить научную общественность ещё более неожиданными и дерзкими пророчествами, чем ранее сделанными и так необходимыми, актуальными для нас сегодня. Хочется верить, что его

непревзойденная по глубине проникновения и творческой многогранности научная школа социологии XX века будет еще не одно столетие служить надежным ключом, открывающим самые невероятные тайны общественности и человековедения. А пример его беззаветного служения науке явит миру много новых и ярких исследователей.

Что касается родной России, он бы непременно делегировал нас к опыту развития таких же сырьевых стран, где уже давно жёсткие грани социального угнетения и неравенства эффективно стираются законом о природной ренте, который с учётом особенностей вариативен в каждом отдельном государстве. Затем этот блестяще юридически образованный учёный посоветовал бы вместо запретительно-обременительного законодательства, которое неотвратимо ведёт общество на тропу революций и бунтов, разработать и внедрить систему устойчивых законов, обеспечивающих гарантированное развитие свободного предпринимательства, гармонизацию интересов государства, регионов, корпоративных объединений и отдельного человека и быстрейший выход страны на долгожданный путь опережающего развития. В них нашлось бы место для разнообразной деятельности и сорокинским социальным докторам по излечению людей от тяжелых социальных болезней.

Ну а что Пророк порекомендовал бы делать сегодня нам, современным социологам, как определить своё место в решении столь животрепещущих проблем? Уверен, его совет совпал бы с чеховским пожеланием жить медленной и внимательной жизнью. На наш взгляд, Антон Павлович был тончайшим социологом своего времени, только, в отличие от учёных, он свои исследования описывал на великолепном, литературном русском языке, и тем самым сумел передать нам надёжный социологический код, который мастерски инструментировал П.А. Сорокин.

Как же такое сделать возможным в век не космических, а кибернетических скоростей? Вот как раз сейчас это должно быть не просто возможностью, но и обязательным требованием к каждому социологу, высшим знаком качества его работы. Тогда и наше усердие будет всё заметнее смягчать неотвратимость одного из самых жестоких вызовов человечеству – социального неравенства и сопутствующих ему недугов, соответственно и выздоровление станет безальтернативной тенденцией развития всего общества. А народ наш начнет писать свою историю не кровью и чернилами страданий, а величием свободы и равноправия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение авторских размышлений и пожеланий	3
Глава I. Крестьянство: социологические размышления о потерянном рае	14
1. От социально-статусной третьестепенности до уничижительности в науке	14
2. Вначале о классах замолвим слово	20
3. В социологи б пошел, но кто меня научит	28
4. Наш путь – интеграция с зоосоциологией	33
5. Кто младший или старший – не самый главный вопрос взаимодействия людей и животных	41
6. Важнее в живой природе отношения собственности	49
7. Крестьянский класс как воплощение достоинств и ценностей земного рая	60
8. Беззащитность и уязвимость перед эксплуатацией и угнетением	92
9. Раскрестьянивание России – торжество марксистско-ленинской аграрной политики	99
Глава II. Класс артельщиков – крестьянская селекция социализма	124
1. Артель как феномен СССР – союза свободных саморазвивающихся работников	124
2. Артель как тысячелетний пример достигнутого народовравия, равноправия и справедливости	129
3. Артель как укор противникам реального социализма	133
Глава III. От торговцев до перепродавцов: селекция паразитирующего класса	139
1. Торговый класс – цивилизационный транзитёр и творец глобального мира	139
2. Перепродавцы – образец перерождения в паразитирующий класс общества	143
3. Перепродавцы всех стран, объединяйтесь!	148
4. Капитализм для своих – питательная среда развития посреднического класса	154
Глава IV. Предпринимательский класс – основа развития человеческого общества	162
1. Социально-технологическая сущность зарождения, возрождения и саморазвития	162
2. Старые и новые русские в отблесках сбывшейся американской мечты	168
3. Научные основы предпринимательства: возможности больших результатов малого бизнеса	192

4. Сущность национальной идеи не давать народу нормально жить – будет ли избавление?	212
Глава V. Приниматели – самый развивающийся и богатый класс, господствующий над обществом	229
1. Принимательство как социальное явление, порождающее олигархию	229
2. Основные признаки: принятие собственности, слияние с властью, господство и отдельная жизнь	234
Глава VI. Рабочий класс: созидательная миссия, исторические коллизии и ловушки эксплуатации	243
1. Истоки родительской колыбели и фарисейский замысел мирового господства через диктатуру над пролетариатом	243
2. Сознание определяет бытие, если оно революционное и классовое ..	248
3. Пафос борьбы и разочарований, тихий сон современного рабочего класса	253
Глава VII. Специалисты: особенности становления и развития российского класса	259
1. Отраслевые специалисты как решающий фактор развития производственных, обслуживающих и социально-духовных сфер общества	259
2. Творческая интеллигенция: тернии славы и зигзаги формирования духовных традиций народа	265
Глава VIII. Средний класс как интегральный фактор стабильности и процветания общества	274
1. Теория и практика среднего достатка в социальном самочувствии общества	274
2. Специфика развития среднего класса в современной России	279
Глава IX. Маргинальные классы в зеркальном отражении общественной трансформации	285
1. Отходники – социальные изгои трудовой псевдомобильности	285
2. Класс охранников как социальный отстойник общества	289
3. Криминал – особый класс и коррупционный признак власти и общественных отношений	292
4. Люмпенство как социальный показатель деградации общества	303
Глава X. Номенклатура – новый господствующий класс общества ..	308
1. Глобальный замысел мирового господства и план создания нового класса	308
2. Партийно-советская номенклатура: стратегия и тактика господства и угнетения	312

3. Озадачивание как утвердившийся стиль и ритуальный прием номенклатурного ухода от ответственности	327
4. Успехи и неудачи, герои и антигерои номенклатуры	344
5. Номенклатура как источник коррупции, морального разложения и социального неравенства в обществе	386
6. Из советского класса в российский: особенности и результаты исторического перевоплощения номенклатуры	398
7. Структурно-функциональный примитивизм номенклатурного управления в тупике коммунизма и в объятиях перманентных капиталистических кризисов	419
8. Историческая обреченность номенклатуры	435
Глава XI. Отношения собственности – запутанное таинство социального угнетения и неравенства	446
1. Собственность и ее отношения в жестких тисках социального угнетения и неравенства: троекратный кульбит	446
2. Трансформации отношений собственности: исторические подтасовки и обман общества	452
Глава XII. Общество и обществоведение на изломе: взгляд изнутри	485
1. От мировоззренческого раздвоения к выбору точки опоры	485
2. Так дальше было жить нельзя, а мы жили и радовались жизни	490
3. Мой незадачливый поход в политику	497
4. Прощаясь с прошлым, не прощаешься с собой, а лишь ждешь новых вызовов времени.....	503
5. Тернии и лавры на пути первой в СССР кафедры социальных технологий.....	509
6. Белгородский государственный национальный исследовательский университет – моя социальная технология и судьба.....	517
7. НБИКС-технологии как прорыв к новому методологическому инструментарию междисциплинарных исследований человека и общества	540
8. Внутренние опасности и резервы в современной российской социологии.....	545
Глава XIII. Робкий подход к переосмыслению основного вопроса философии.....	555
1. Не материя первична, а информация – в этом суть его новой редакции	555
2. Загадка Вселенной и попытки объяснить необъяснимое в таинстве вечности и материальности времени, информации, мысли и сознания	561
3. Человек как элемент Вселенского компьютера, передающего мысли на расстоянии	567

Глава XIV. Социальные болезни как проявление несовместимости сбережения и угасания социальных ресурсов народа	574
1. Мамонофилия как хроническая болезнь индивидуального и массового сознания.....	574
2. Парадоксия: социально-экономические истоки и особенности проявления.....	606
3. Измофрения как идеологическая эпидемия в обществе	617
Глава XV. Катастрофические трансформации истории: как это было... ..	622
1. Обрушение жизненных устоев и традиций общества	622
2. Пролетарская семья в условиях революционных трансформаций ...	628
3. Капитализация и социализация в моей конвергентной жизненной биографии	633
4. Достигнутый социализм для одних и неравенство, угнетение для других.....	639
Глава XVI. Цивилизационный разрыв и его последствия.....	645
1. Замкнутый круг социально-криминальных переворотов в России и распад Советского Союза	645
2. Возможности выхода из цивилизационного разрыва: предполагаемые сроки и условия.....	651
Глава XVII. Большевизм как доктрина власти и технология догоняющих реформаций	659
1. Исторический ракурс большевизма: его пионерами были не ленинцы	659
2. Из всех вариантов развития наш выбор – путь несвободы под тысячелетним большевистским конвоем	663
3. Государство и демократия: российские традиции, преломления и реальность.....	667
4. Общечеловеческие ценности как вечный двигатель развития цивилизации	674
Глава XVIII. Наносоциализм как общество будущего: попытка построения гипотезы	688
1. Гармонизация личных и общественных интересов – недостижимая цель человеческих возможностей	688
2. Наномир и основные контуры будущего социалистического общества.....	703
Глава XIX. Наносоциология: очередное семантическое упражнение или неотвратимый вызов времени	714
1. Кризис социологии и дифференциация современного социологического знания	714

2. Закономерности возникновения новых отраслей социологии	720
3. Предметное поле и статус наносоциологии	724
Заключение о выводах по социально-классовой структуре современной России в пророческом зеркале всеобщей системы организационной солидарности П.А. Сорокина	735
Оглавление	742
Список используемой литературы и источников	747

Сносok используемой литературы и источников

- ¹ Райзберг Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2012. 512 с.
- ² Тощенко Ж.Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 5-16.
- ³ Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 15.
- ⁴ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социол. этюд об основных формах общ. поведения и морали. М., 2006. С. 347-348.
- ⁵ Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. М., 2000-2015. URL: http://endic.ru/enc_sociology/Zoosociologiya-135.html.
- ⁶ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2010. С. 225.
- ⁷ Сильва Х., Миэле Ф. Управление разумом по методу Сильва. 2-е изд. Минск: Попурри, 1996. 254 с.
- ⁸ Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства: из работ Науч.-исслед. ин-та с.-х. экономии в Москве. М.: Кооп. изд-во, 1925. 215 с.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Мельченко В. Крепостные: интервью // Аргументы недели. 2014. 20 марта.
- ¹¹ Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М., 2010. С. 159.
- ¹² Слобожанин М. (Максимов Е.Д.) Историческое развитие идей артельного движения: из лекций, чит. в Петрогр. кооп. ин-те. Пг.: Кустаресоюз, 1919. 73 с.
- ¹³ Делягин М. Мы ждём перемен? // Аргументы и факты. 2015. 26 янв.
- ¹⁴ Мельниченко В. Посевная с петлей на шее: интервью // Аргументы недели. 2015. 22 янв.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Паникин А.С. Ельцин и Ницше – практика и философия. Новые известия, 1988.
- ¹⁷ Лапин А.А. Русский крест: роман. Воронеж: Свободная пресса, 2007. Кн. 1. 415 с.
- ¹⁸ Леонтьев К.Н. Письма отшельника // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: филос. и полит. публицистика. Духов. проза (1872-1891). М., 1996. С. 166-175.
- ¹⁹ Дятченко Л.Я., Социальные технологии в управлении общественными процессами. ЦСТ, Москва – Белгород, 1993. С. 33-52.
- ²⁰ Дятченко Л.Я., Шаптала В.Г. Математическая модель реализации проекта «Социальный конвейер» / Л. Я. Дятченко, В. Г. Шаптала // Современная социология: состояние и перспективы: материалы междунар. семинара-дискуссии, Белгород, 20 февр. 1992 г. Белгород, 1992. С. 44-47.

- ²¹ Кантарбаева А., Мустафин А. Теория предпринимательства и эволюционная экономика // Вопросы экономики. 1997. № 11. С. 106-120.
- ²² Вопрос Владимиру Путину. Тёзки президента ответили читателям «АиФ» // Аргументы и факты. 2014. 28 мая.
- ²³ См.: Словарь иностранных слов / отв. ред.: В.В. Бурцева, Н.М. Семёнова. М., 2004. С. 629.
- ²⁴ Силласте Г. Стратификация российского общества – вызов времени // Обозреватель-Observer. 2002. № 1. С. 100-108.
- ²⁵ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 6-253.
- ²⁶ См.: Горшков М.К. Российское общество как оно. М.: Новый хронограф, 2011. 671 с.; Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации / М.К. Горшков и др. М.: Новый хронограф, 2012. 518 с.
- ²⁷ См.: Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 35-71; Плюснин Ю. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5(50). С. 240-256; Отходники / Ю.М. Плюснин и др. М.: Новый хронограф, 2013. 372 с.
- ²⁸ То же.
- ²⁹ То же.
- ³⁰ Голодец О. Пленарное заседание 3 апреля 2013 г.: стеногр. выступлений // XIV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / НИУ ВШЭ; отв. ред. Е.Г. Ясин. М., 2014. Кн. 1. С. 55.
- ³¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда : социол. этюд об основных формах общ. поведения и морали. М., 2006. С. 212.
- ³² Кислинская Л. Пятая власть // Совершенно секретно. 2002. № 7. С. 19-22.
- ³³ Гуров А.И. Профессиональная преступность : прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
- ³⁴ Гуров А. Наша мафия уже построила развитой капитализм // Комсомольская правда. 2013. 5 февр.
- ³⁵ Овчинский В.С. Российская организованная преступность как форма социальной организации жизни // Российский криминологический взгляд. 2010. № 3. С. 58-75.
- ³⁶ Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Сов. Союза. М.: Октябрь: Сов. Россия, 1991. 622 с.
- ³⁷ Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002. 183 с.
- ³⁸ Гранин Д.А. Человек не отсюда. СПб.: Лениздат, 2014. 317 с.
- ³⁹ Костиков В.В. О чём молчат поэты? Россия опасно долго стоит на распутье // Аргументы и факты. 2016. 23 марта.
- ⁴⁰ Угланов А. «Двенадцать стульев» А. Дворковича // Аргументы недели. 2016. 26 февр.
- ⁴¹ Шульгин В. Три столицы. М. Современник, 1991. С. 495.
- ⁴² Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. С. 229.

- ⁴³ Лапыгин Ю.Н. Стратегический менеджмент. М., 2014. С. 126.
- ⁴⁴ Хизрич Р. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. М.: Прогресс, 1993. Вып. 5. 183 с.
- ⁴⁵ Друкер П.Ф. Новые реальности в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М.: Бук Чембэр Интернэшнл, 1994. 380 с.
- ⁴⁶ Бахтиярова Е.З. О судьбоносном значении НБИКС-технологий в развитии человечества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4, вып. 1 (20). С. 8-11.
- ⁴⁷ Там же. С. 8.
- ⁴⁸ Там же. С. 9.
- ⁴⁹ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т / Ин-т философии РАН; пред. ред. сов. В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. Т. 1.
- ⁵⁰ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.
- ⁵¹ Лаговский В. Господи! Так это Вы программист?! // Комсомольская правда. 2015. 23 янв.
- ⁵² Мэнкью Н.Г., Тейлор М. Экономикс. СПб.: Питер, 2014. 655 с.
- ⁵³ Юревич фактически разграбил Челябинскую область, а теперь избавляется от своих активов [Электронный ресурс] // UralDaily.ru: информ. агентство. 2014. 18 апр. URL: <http://uraldaily.ru/biznes/aprel/18/yurevich-fakticheski-razgrabil-chelyabinskuyu-oblast-teper-izbavlyetsya-ot-svoikh-a>.
- ⁵⁴ Миловидов К. Бахрушины: щедрее Морозовых, богаче Третьяковых [Электронный ресурс] // Нескучный сад. 2013. 15 мая. URL: <http://www.nsad.ru/articles/bahrushiny-shhedree-morozovyh-bogache-tretyakovyh>.
- ⁵⁵ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1985. 1600 с.
- ⁵⁶ Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл.: Рипол классик, 2006. 1455 с.
- ⁵⁷ Анатолий Зверев: Я чист как чекист, кристален как Сталин // Gala Биография. 2014. 6 июня.
- ⁵⁸ Тощенко Ж. Т.: «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина»: интервью д-ру философ. наук, проф. Б.З. Докторову // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149-170.
- ⁵⁹ Годы террора: кн. памяти жертв полит. репрессий / сост. А. Суслов, Н. Гашева. Пермь: Здравствуй, 1998. 316 с.
- ⁶⁰ См.: Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: Л.Ф. Ильичев и др. М., 1983. С. 620-621.
- ⁶¹ Там же. С. 395-396.
- ⁶² Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следств. комис. по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. London: Overseas publ. interchange, 1992. 432 с.
- ⁶³ Паникин А.С. Ельцин и Ницше – практика и философия. Новые известия. 1998.
- ⁶⁴ Костиков. В.В. Как обустроить народ. Аргументы и факты. 2014. 28 мая.

- ⁶⁵ Алексиевич С.А. Цинковые мальчики. Зачарованные смертью. Чернобыльская молитва. М.: Остожье, 1998. 607 с.
- ⁶⁶ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1054 с.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Бартини Р.О. Соотношения между физическими величинами // Проблемы теории гравитации и элементарных частиц. М., 1966. Вып. 1. С. 249-266.
- ⁷¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика...
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ См: Мир энциклопедий. М., 1998-2015. URL: ensiklopedia.ru/wiki/Нанообщество.
- ⁷⁵ Шкилев В.Д., Мартынюк Н. П., Фотенко В. Нанотехнология и классическое промышленное производство: философское осмысление возможных последствий применения нанотехнологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 1. С. 215.
- ⁷⁶ См.: Третьяков Ю.Д., Гудилин Е.А. Уроки зарубежного нанобума // Вестник Российской Академии Наук. 2009. Т. 79, № 1. С. 3-17.
- ⁷⁷ Sorokin P.A. The Ways and Power of Love. Chicago, 1967. P. 5
- ⁷⁸ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 575 с.
- ⁷⁹ Current Sociology. 2009. Vol. 24, № 2. P. 258.
- ⁸⁰ Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 4.
- ⁸¹ Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21-34.
- ⁸² Калекин-Фишман Д. Иная социология возможна – в зависимости от содержания понятия «иная» // Социологические исследования 2009. № 7. С. 16-25.
- ⁸³ Давыдов А.А. Системная социология – социология XXI века? // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 20-25.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Лапкин В.В. «Модернизация» и «капитализм»: переосмысляя современное развитие // Политические исследования. 2012. № 6. С. 41.
- ⁸⁶ Мирошниченко Г.Л. Парадигмальный сдвиг в современном обществе как теоретический вызов социологии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 90-94.
- ⁸⁷ Карпичев В.С. Идея неравновесности - возможности для социологии // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 23-29.
- ⁸⁸ Там же. С. 26.

- ⁸⁹ Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. 217 p.
- ⁹⁰ Ibid. P. 8.
- ⁹¹ Lemert C. Sociology after the Crisis. Boulder; Oxford: Westview Press Inc., 1995. 252 p.
- ⁹² Vega Rodrigo C. Give me a Break! Crisis Theories and Contemporary Narratives of World-building in Sociology / Paper presented at «Connected Histories»: Conference, 1st July, Institute of Advance Studies, University of Warwick, UK, 2008
- ⁹³ Козлова Н.Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 48.
- ⁹⁴ Тощенко Ж. Т. Парадигмы, структура и уровни социологического анализа // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 9.
- ⁹⁵ Добренъков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 томах. М., 2003. Т. 1. Теория и методология. С. 351.
- ⁹⁶ Кравченко А.И. Методология и методы социологических исследований. М., 2014. С. 39.
- ⁹⁷ Кулыгин В.П. Социальное знание и реальность; противоречия в познании и развитии современного мира // Социологические исследования 1999. № 12. С. 11
- ⁹⁸ Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
- ⁹⁹ Источник: Розов Н.С. Вступительная статья к книге: Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 7-31.
- ¹⁰⁰ Добренъков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология... С. 305-306.
- ¹⁰¹ Луценко Е., Трунев А., Шашин В. Типизация и идентификация респондентов в социологии по их астрономическим показателями на момент рождения [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2007. № 25 (1). URL: <http://ej.kubagro.ru/2007/01/pdf/14.pdf>.
- ¹⁰² Там же.
- ¹⁰³ Философские проблемы развития и применения нанотехнологий / Абрамян А. и др. // Наноиндустрия. 2008. № 1. С. 4-11.
- ¹⁰⁴ См.: Sismondo S. An introduction to science and technology studies. Malden, Mass.: Blackwell, 2004. 202 p.
- ¹⁰⁵ См.: Shaping technology / building society: studies in sociotechnical change / ed. by Wiebe E. Bijker. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1992. 341 p.
- ¹⁰⁶ Viseu A. Disciplining Nano // Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science. 2008. Vol. 2, № 1. P. 122-132.
- ¹⁰⁷ Nordmann A. Knots and Strands: An Argument for Productive Disillusionment // Journal of Medicine and Philosophy. 2007. Vol. 32, № 3. P. 223.
- ¹⁰⁸ Viseu A. Disciplining Nano // Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science. 2008. Vol. 2, № 1. P. 124.
- ¹⁰⁹ McCain L. Informing Technology Policy Decisions: The US Human Genome Project's Ethical, Legal, and Social Implications Programs as a Critical Case // Technology in Society. 2002. Vol. 24, № 1-2. P. 111-132.

¹¹⁰ Nanotechnology's sociological effects // <http://nanogloss.com>.

¹¹¹ Клейнер Г. Нанозкономика // Вопросы экономики. 2004. № 12. С. 70-73.

¹¹² Там же.

¹¹³ Баракин С.В. Большая сила малых доз. Что может гомеопатия. СПб.: ВЕСЬ, 2003. 96 с.

¹¹⁴ Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.